

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

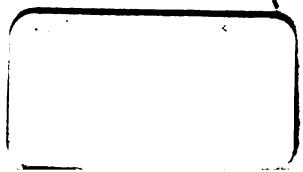
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

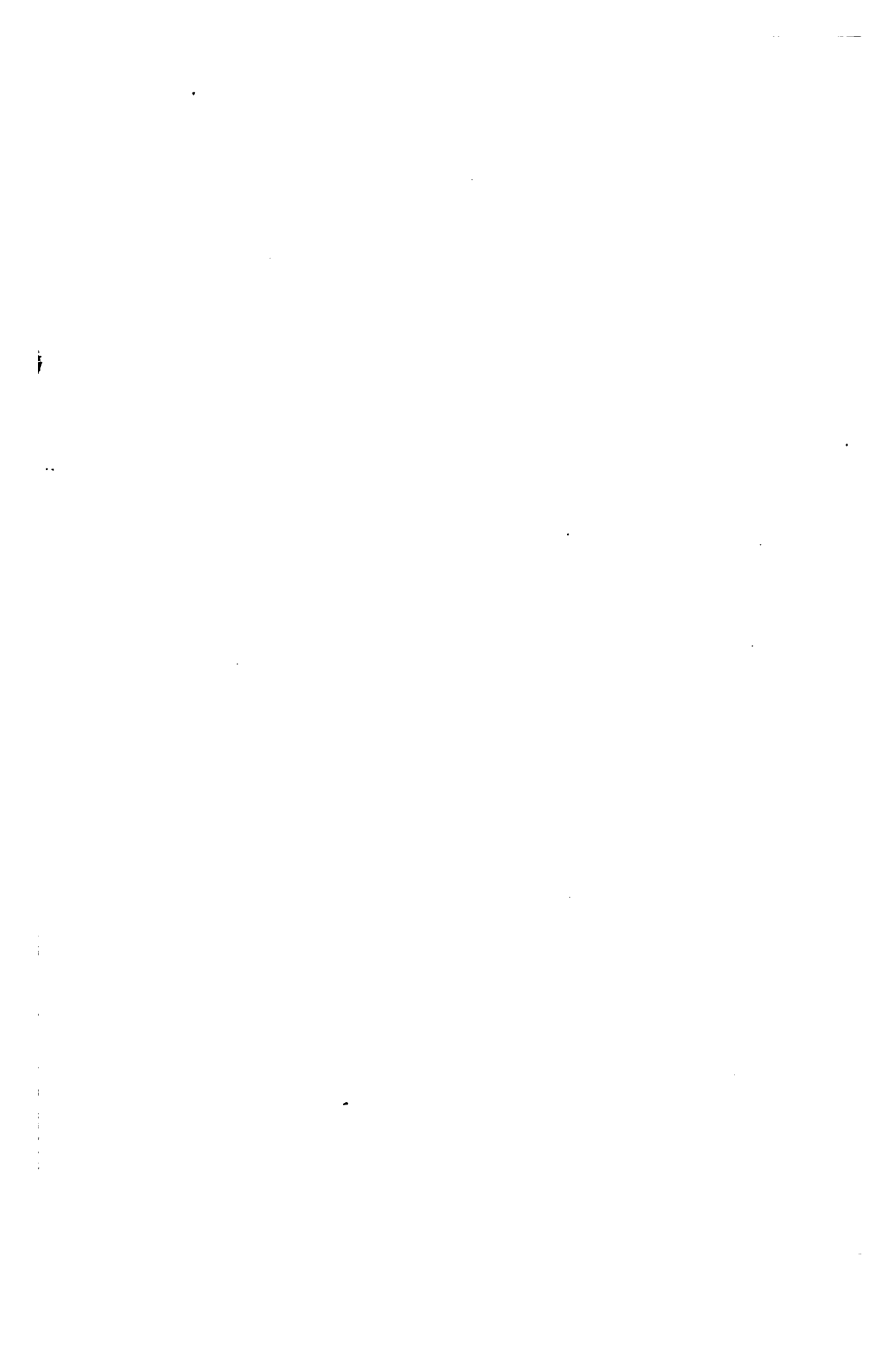
SLAV 776.108

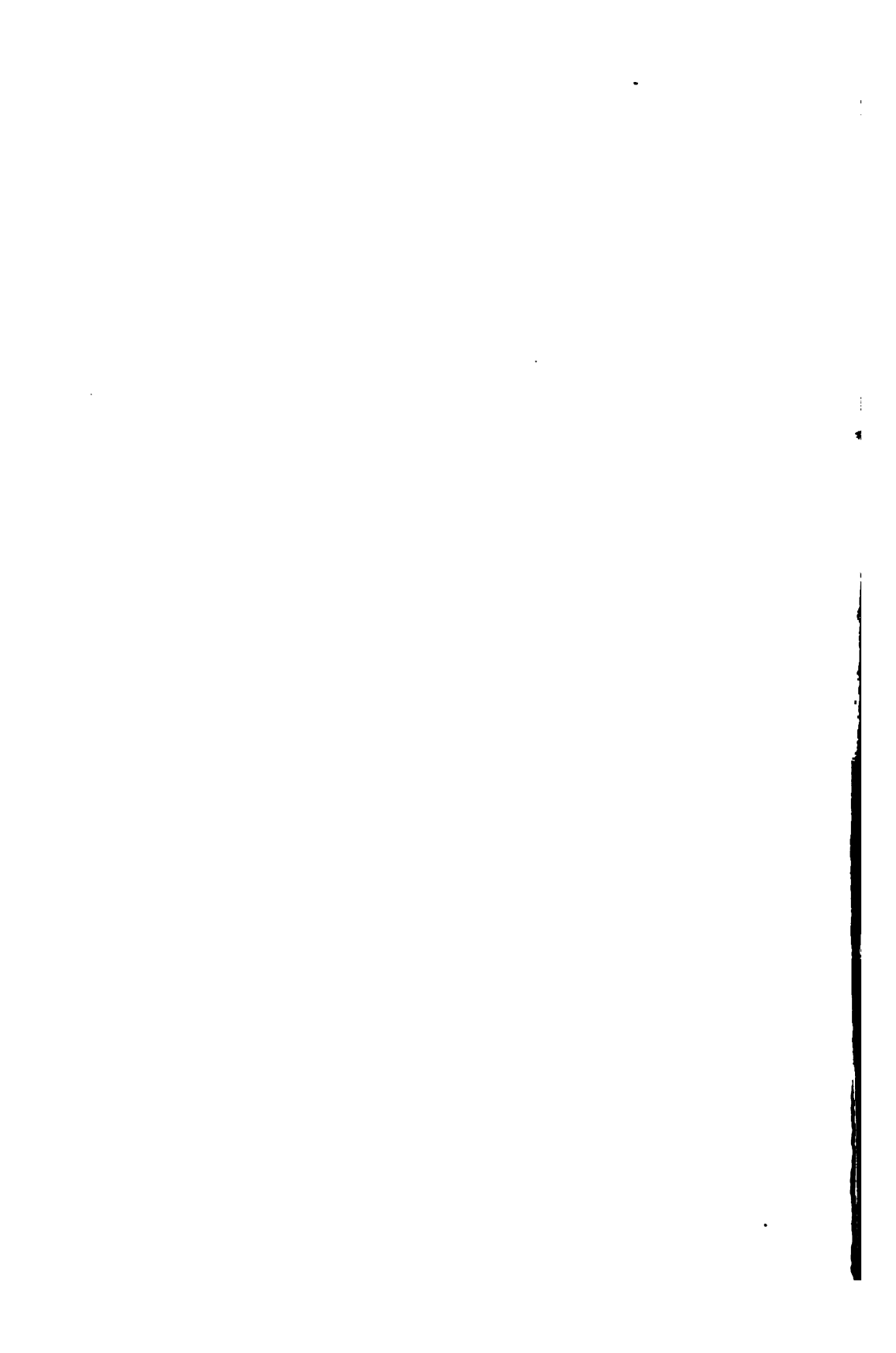
HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССИИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Printed in Soviet Union.

В. В. Розановъ.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ РОССІИ.

Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятие незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.

1903.

SLAV 776.108

Sheldon fund

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія. Ц. 5 р.

Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго. Ц. 1 р. 50 к.

Природа и исторія. Ц. 1 р.

Религія и культура. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по образованію. Ц. 1 р.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ, Ф. М. Достоевскаго. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Литературныя очерки. Ц. 1 р.

Выписывающіе эти книги отъ автора (С.-Петербургъ, Шпалерная, д. 39) за пересылку не платятъ.

11.13.2
16

Оглавленіе I-го тома.

	Стр.
Предисловіе.	
Законодательная помощь семьѣ	I—XIV
Семья какъ предметъ закона	1
Судъ Линча.	8
Запоздалое судоговоренье	10
Объ «отреченныхъ» или апокрифическихъ дѣтяхъ	13
Границы нашей эры.	37
Упадокъ семьи	53
Врѣя совѣсти и Бога	65
О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи	72
Матерьялы къ рѣшенію вопроса.	
I. Еще изъ наблюденій надъ природою. <i>Н. Энгельгардтъ.</i>	85
II. Открытое письмо г. Розанову, какъ автору „Непорочной семьи“. <i>Геннадій Ел—евъ.</i>	88
III. Separation de corps, а не разводъ. <i>Ю. Б—на.</i>	90
IV. Семья—дѣти—религія. <i>Геннадій Ел—евъ.</i>	93
Юридическая ткань около семьи.	
Дѣти при возможномъ разводѣ	99
Укрѣпленіе семьи.	101
Матерьялы къ рѣшенію вопроса.	
V. Еще о separation de corps. <i>Ю. Б—на.</i>	105
VI. Колыбель. <i>І. Колышко.</i>	109
Элементы брака	121
По поводу законопроекта о «разлученіи супруговъ»	125
Разговоръ со старцемъ	127
Одно воспоминаніе	128

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.**VII. Кто, какъ и почему страдаетъ:**

1. Письмо <i>Анны С—нз.</i>	133
2. Письмо <i>С. Ч—ской</i>	135
3. Письмо <i>анонима</i>	137

Смѣшанные присяжные суды въ вопросахъ семьи и брака . . . 139**Матерьялы къ рѣшенію вопроса.****VIII. Открытое письмо В. В. Розанову. А. Скопинской. 142****IX. Изъ закрытыхъ писемъ:**

1. Письмо <i>Незнакомца.</i>	144
2. Письмо <i>Св—на.</i>	146
3. Письмо <i>Х—скаго.</i>	147

X. Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ; по поводу статей г. Розанова. К. Сильченковъ . 149**XI. О христіанскомъ бракѣ. Изъ „Странника“ 169****Отвѣтъ г. К. Сильченкову 173****Матерьялы къ рѣшенію вопроса.****XII. О страстномъ въ человѣкѣ началѣ:**

1. Письмо <i>А. Устьянскаго.</i>	179
2. Письмо <i>С. Б—хъ.</i>	180

XIII. Христіанскіе будни. Изъ хроники жизни:

1. Истязаніе 17-лѣтней Тимофѣевой мужемъ и свекромъ.	187
2. Удобства холостого положенія и неудобство семейнаго.	188
3. Запросъ въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Отвѣтъ редакціи“.	189
4. Истязаніе больной.	190
5. Дѣло Елены Боргановской	191

Христіанскія утѣшенія:

Передъ клубомъ	193
--------------------------	-----

На лекціи по семейному праву г. Б. Никольскаго.	197
---	-----

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.**XIV. По поводу толковъ о разводѣ. Н. Осиповъ. 201****О перемѣнѣ разводящей инстанціи.**

Открытое письмо въ редакцію «Новаго Времени»	208
--	-----

Еще о критеріумѣ семьи и брака.	210
---	-----

Кто лучший судья семейныхъ разладовъ	213
--	-----

Къ полемикѣ гг. Чижа, Ковалевскаго и А—та.	216
--	-----

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

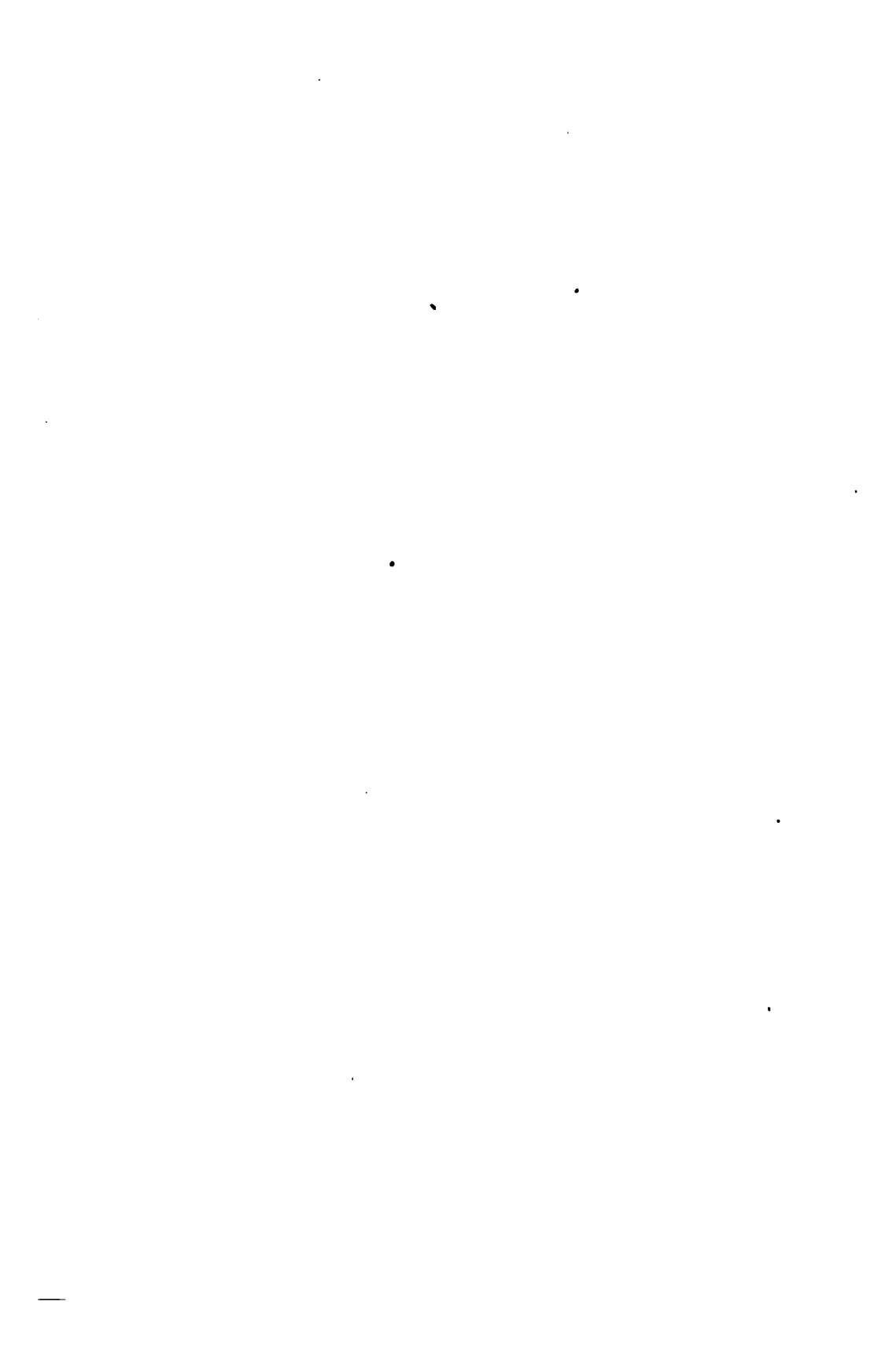
XV. Случай изъ жизни гр. Л. Н. Толстого.	222
--	-----

XVI. Подъ спудомъ.	—
----------------------------	---

XVII. Случай въ Клиникахъ Вилліе	Стр. 223
XVIII. Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительства? Докладъ Па- стырскому собранію С.-Петербургскаго духовѣнства 1-го декабря 1898 года. Священникъ <i>А. А. Дерновъ</i>	224
XIX. Пастырское собраніе по вопросу о незаконныхъ сожи- тельствахъ и мѣрахъ для борьбы съ этимъ зломъ.	274
XX. О мѣрахъ для борьбы съ безнравственностью, по по- воду доклада пастырскому собранію 1-го декабря 1898 г. <i>Noricus</i>	286
Религія животворчества	298

Р и с у н к и:

Мать какъ синтезъ растительнаго, животнаго и солнечнаго. Со стѣны египетскаго храма	300
Начало одушевленія и окрыленности въ человѣкѣ. Со стѣны египетскаго храма.	306
Откуда и какъ родилась «religio» какъ связь земли и неба, и видимаго съ невидимымъ. Изъ стѣнной живописи большаго храма въ Дендерахъ	309
Изъ египетской домашней жизни	310
Изъ быта халдѣевъ	311

И молилась Анна въ Храмѣ и говорила: «Возрадовалось сердце мое въ Господѣ; *возмесья рсть мой въ Богъ моему*; широко разверзались уста мои на враговъ моихъ, ибо я радуюсь о спасеніи Твоемъ.

«Не умножайте рѣчей своихъ, надменные; ибо Богъ все въдаетъ, и дѣла ваши у него завѣшены.

«Лукъ сильныхъ преломляется, а немощные препоясываются силою; сытые работаютъ изъ хлѣба, а голодные отдыхаютъ; *даже безплодная рождаетъ семь разъ, а многоцвѣтная—изнемогаетъ.*

«Господь умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и возвышаетъ. Изъ праха подымлетъ Онъ бѣднаго, изъ персти возвышаетъ нищаго, посаждая съ вельможами, и престолъ славы даетъ имъ въ наследіе. Ибо у Господа основанія земли и Онъ утвердилъ на нихъ вселенную.

«Стопы святыхъ своихъ Онъ блюдетъ, а беззаконные во тьмѣ исчезаютъ; ибо не силою крѣпость человѣкъ.

«Господь сотретъ препирающихся съ Нимъ. Онъ *будетъ судить концы земли* и дастъ крѣпость царю Своему и *вознесетъ рога помазанника Своего*».

Царствъ I, 2.

Съ того дня, какъ разрушенъ Храмы — плоды земли потеряли *окусъ и сочность*.

Мишна, тракт. «Сота», IX.

И спросилъ Давидъ посланнаго: «благополученъ ли отрокъ Авессаломъ?». Онъ отвѣтилъ: «да будетъ съ врагами господина моего царя тоже, что постигло отрока».

И смутился царь, и пошелъ въ горницу надъ воротами, и плакалъ, и когда шелъ, говорилъ такъ: «сынъ мой, Авессаломъ! сынъ мой, сынъ мой Авессаломъ! о, кто далъ-бы мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой!»

Царствъ II, 18.

...и говорилъ Давидъ, поспѣвая: «Боже! разрушь совѣтъ Ахитофела!..»

Царствъ II, 15.

Семья никогда не дѣлалась у насъ предметомъ философскаго изслѣдованія, оставаясь темой богатаго художественнаго (беллетристическаго) воспроизведенія, повѣстическаго восхищенія, наконецъ—шутокъ, пародій, и чѣмъ дальше—тѣмъ больше переходя въ пищу послѣднихъ. Таково явное, *en face*, къ ней отношеніе. Позади, въ темномъ фонѣ, стоитъ странное къ ней недоброжелательство-ли; или недобвѣріе, сомнѣніе о ея силахъ и плодѣ: женщина—это „причина грѣха человѣческаго“, вниманіе къ ней — недоброкачественно; любовь—обольстительное и тѣмъ болѣе опасное ощущеніе, сладкій ядъ „искушенія“; дѣти, плодъ сближенія, уже съ самаго рожденія — осуждены. И только молитва *очистительная* надъ роженницею смываетъ, очищаетъ грѣхъ появленія челоѣвка на землѣ. При этомъ мало замѣчается слѣдующее. Въ то время, какъ наши радости „*en face*“ семьи самое большее если доставляютъ удовольствіе чтенія семейнымъ людямъ,—печальный и унылый на нее взглядъ изъ-за спины, будучи менѣе видимымъ, видимымъ только въ немногія минуты *начала* семьи (заключенія брака) или *окончанія* ея (разводъ), въ сущности краткимъ и вѣскимъ своимъ сужденіемъ опредѣляетъ ея судьбу, теченіе, всю нормировку. Удивляться-ли, что ноты унынія, прозвучавшія *au fond* явленія, въ самомъ его началѣ, отдають уныніемъ потомъ и до послѣднихъ уголковъ семьи. Счастлива та семья, которая по свойствамъ мужа и жены, *по удачѣ*—ибо непогрѣшительное предвидѣніе тутъ невозможно—*изъ взаимнаго сложенія*, вышла счастлива. Она нѣжится въ паряхъ собственнаго благоуханія. Я повторяю—„собственнаго“: это необходимо. Но горе, если ее постигла судьба Улисса послѣ Трои,—бури, лукавство, случайности, препятствія,—живыя обстоятельства всего живого. Тогда унылый голосъ изъ-за спины выдвигается во весь ростъ. Онъ звучитъ „отходную“: люди погибли, и навсегда, люди иногда въ обѣихъ сторонахъ здоровые и нравственныя (см. въ I-мъ томѣ стр. 88, 93 и слѣд., письма г. *Геннадія Ел—ва*), иногда порочныя, но только въ одной сторонѣ, при цвѣтущемъ нравственномъ здоровьѣ другой (см. стр. 133—135, поразительное письмо *Анны С—нѣ*). Объ нихъ—нѣтъ сужденія. Въ ихъ судьбу—нѣтъ взглядыванья.

Несчастные получаютъ судьбу „утопленника“ въ стихотвореніи Пушкина:

И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ...
И мертвецъ нашъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Судьба эта ужасна. И поразительнѣе всего, что само общество какъ будто стало на защиту своей темницы. Увы, поэзія и беллетристика пѣла прекрасное. Но едва случалось несчастіе, какъ вся сила любви къ прекрасному обрушивалась, преобразившись въ черную ненависть, именно на тонущій-то корабль:

И отъ берега крутого
Оттолкнемъ его весломъ,—
Пусть илыветъ мертвецъ тотъ снова
За могилой и крестомъ.

Позволяю себѣ маленькую передѣлку стиха Пушкина, потому что ужъ очень хорошо онъ выражаетъ положеніе вещей. Здоровые на берегу всею силою своего здоровья и всею цѣпкостью въ здоровье ненавидятъ „утопленника“ семейнаго положенія, въ какомъ-то ослѣпленіи не замѣчая, что онъ входитъ и *останется* необходимой составною цифрою въ итогѣ общаго благополучія, въ картинѣ правоты страны. Далѣе. Въ психологію внутреннюю такихъ семей никто не вглядывался, по крайней мѣрѣ *дѣловымъ образомъ*. Напрасно высшіе живописцы, какъ Тургеневъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и Толстой въ „Аннѣ Карениной“ показывали, что не все здѣсь мертво, что собственно „потонувшая“ пара состоитъ изъ мертвеца и изъ живого, котораго мертвецъ зажалъ въ объятяхъ. Сама ошибка Толстого, бросившаго несчастную Анну подъ поѣздъ, при всемъ авторскомъ сознаніи даровъ ея души, ея прямотушія, честности, ума—лучше всего иллюстрируетъ странный и темный фанатизмъ общества противъ несчастныхъ семей. Даже геній впадалъ въ безумный бредъ, видя здѣсь не бѣдствіе, въ которое надо вдуматься и ему помочь, а — *зло*, которое онъ ненавидѣлъ и въ тайнѣ души именовалъ „безпутствомъ“. Анна, видите-ли, „чувственна“, какъ будто самъ Толстой, дитя-Толстой 72 года назадъ не явился изъ чувственнаго акта. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“—будто бы слова эти звучатъ отъ Бога за преданность и послѣдованіе людей *Его* заповѣданію: „вкусите всѣхъ *плодовъ* земныхъ, *раститесь*, множитесь; *наполните* землю“. Быт. I, т. е. „огласите ее криками радости бытія своего и согрѣйте нѣжностью и ласкою другъ къ другу“. Да, это поразительно, что два величайшія произведенія благородной литературы русской, „Евгеній Онѣгинъ“ и „Анна Каренина“, посвящены апоэозу *безплодной* семьи, и—*мукъ, страдальчеству* въ семьѣ. „Мнѣ отмщеніе Азъ воздамъ“—слова, которыя я отнесъ бы къ *не-рождающимъ, безъ-плоднымъ*,—печально прозвучали у

великаго старца съ духовно-скопческой тенденціей, которая послѣ „Анны Карениной“ еще сильнѣе зазвучитъ въ „Смерти Ивана Ильича“ (чувство его отвращенія къ женѣ и дочери) и наконецъ станетъ „единымъ на потребу“ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Любовь, какъ *любованіе*, какъ *привѣтъ* и *ласка*, *обоихъ* согрѣвающая — это грѣхъ; „тѣло и *духъ тѣлесности*—не чисты“. Тогда мы, глядя на уклоненіе даже геніевъ, даже протестующихъ относительно всего другого, съ ужасомъ догадываемся, что унылый голосъ изъ-за спины, звучащій рѣдко, но фундаментально о похоронахъ семьи, пропиталъ всѣ фибры европейскаго духа. Побѣдить эту мысль невѣроятно трудно. Проходятъ годы размышленія, пока наконецъ умъ, вертящійся какъ бѣлка въ колесѣ, хватается въ своемъ родѣ за ньютоновское яблоко. Это—соображеніе: „да съ *къмъ*-же въ концѣ концовъ *союзитъ* унылый духъ?“ Лизу Калитину онъ погубилъ, Лаврецкаго—также, Анну—тоже; но нѣтъ-ли такого, кому бы онъ *помогъ* и *обезпечилъ* въ пользованіи всѣми выгодами захваченнаго положенія? Конечно—это русская параллель Марты, подруги Грехень, съ которою, вы помните, прохаживается и любезничаетъ Мефистофель. Унылый духъ есть ужасный каламбуристъ и весельчакъ, и въ то время какъ поетъ панихиду Лизѣ Калитиной, онъ пьетъ за здравіе *ш-ше* Лаврецкой и ея парижскихъ и петербургскихъ обожателей. Онъ ее не только не ведетъ въ монастырь, но укрѣпляетъ за ней всѣ земли Лаврецкаго, его честное имя, возможную пенсію,—дѣлаетъ ее важною дамою и записываетъ въ родословныя книги какъ „столбовую дворянку“, добродѣтельную не менѣе, чѣмъ Рахиль и Сарра. Я говорю, что догадка эта—ньютоновское яблоко. Ибо кто-же бы могъ подумать, что творецъ „Анны Карениной“ залутался въ тенетахъ „чернаго пуделя“, онъ-же Мефистофель, которому нисколько не обязательно ходить по землѣ въ красной мантильѣ и въ блескѣ пламени, но онъ можетъ преспокойно переодѣться въ подрясникъ того бурсака, который, по Гоголю („Сорочинская ярмарка“) перелѣзалъ черезъ заборъ къ своей возлюбленной Солохѣ. Такимъ образомъ съ распутываніемъ семейныхъ узловъ, именно съ размышленіемъ, отчего въ Европѣ все такъ *трудно* въ семьѣ, около семьи, по поводу семьи,—мы входимъ въ завязъ глубочайшихъ философскихъ проблемъ. И вопросъ практическій становится религиознымъ и метафизическимъ,—который тѣмъ интереснѣе дѣлается, содержательнѣе, тѣмъ сильнѣе волнуетъ, чѣмъ зорче и долѣе мы къ нему приглядываемся...

Вернусь нѣсколько назадъ. Никогда поэзія и беллетристика, въ силу отсутствія въ нихъ анализа и документа, въ силу вмѣшательства здѣсь воображенія и оболъщенія (своею темою) авторовъ, не можетъ заглушить, подавить унылаго голоса сзади, который рѣшилъ: „не помогайте“ о всемъ, о чемъ онъ-же рѣшилъ: „это—*худое* явленіе, въ *корнѣ* уже грѣховное“. Здѣсь нуженъ анализъ и документъ. Въ

настоящей книгѣ, которая стоила автору изнурительного годового труда въ одной только редакціонной своей части, и дана и собрана эта документальная, доказательная сторона вопроса о семьѣ. Къ ней, какъ къ нѣкому архиву и психологическихъ и социальныхъ свидѣтельствъ, а вмѣстѣ и какъ къ почти „Словарю“ мнѣній, теорій по вопросу о семьѣ, придется долго возвращаться всякому ея изслѣдователю.

Вѣсы въ здѣсь поднятыхъ спорахъ, нѣтъ сомнѣнія, склонятся и уже склоняются въ мою сторону¹⁾. Читатели будутъ видѣть, какъ встрѣчена была моя мысль о разводѣ первоначально. Въ „Матерьялы“ я не ввела только по ея обширности патетическую статью изъ „Богословск. Вѣстн.“, принадлежащую г. Л. И.: „Христіанскій бракъ“. Онъ писалъ въ 1899 г.: „съ великой грустью и болью читаю я статьи г. Розанова о бракѣ и семьѣ. Несомнѣнно, намѣренія у автора добрыя—защитить, поддержать падающую и разлагающуюся семью. Но авторъ не подозреваетъ, какую недобрую услугу оказываетъ онъ семьѣ, защищая ее такими доводами и предлагая къ исцѣленію ея такія мѣры (т. е. разводъ). Онъ не догадывается, что рубить послѣдній сукъ, послѣ чего несомнѣнно послѣдуетъ паденіе, отнимаетъ у семьи то послѣднее, доброе и святое, чѣмъ еще она держится въ настоящее время. Онъ средь бѣла дня сознательно грабитъ семью, безжалостно разрушаетъ ее, разбираетъ это сложное зданіе до послѣдняго камня. Не замѣчаетъ онъ, какъ своею подобною проповѣдью о бракѣ широко открываетъ двери тому ужасному произволу, о которомъ такъ краснорѣчиво самъ писалъ. Нѣтъ, не достигнуть семейнаго счастья, полагая его теоріи въ основу семьи, и не сохранить брачнаго союза, освященнаго свыше властью, до гробовой доски. Положить его принципы въ основу семьи—значитъ погубить семью. Если хотятъ залить землю еще большею грязью, большими стонами, бѣлыми кровавыми изъянами, то пусть сдѣлаютъ это. Но проклятія изрекуютъ тому человѣку всякія благородныя уста“.—Съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ пишетъ авторъ, какъ бы забывая, что до „моихъ принциповъ“ мы имѣли кровавыя исторіи Скублинской, Коноваловой, и tutti quanti, заставлявшіе содрагаться всю Россію, да и цѣлый европейскій міръ; что опыты насильственной, —насильственно-принудительной для однихъ паръ и насильственно-запрещенной для другихъ паръ,—семьи прошелъ весь свой кругъ испытанія въ десяти-вѣковой исторіи Европы,

¹⁾ Сей часъ, какъ я готовлю это предисловіе, въ срокъ между отдачею рукописи въ наборъ и ея корректурой, появился (29 Іюня 1902 г.) органической законъ о *матернати* („Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей“) въ $\frac{2}{3}$ выполняющій то, на чемъ я настаивалъ печатно въ 1899—1902 гг. и что было встрѣчено неслыханно-озлобленной полемикой. См. здѣсь, кромѣ частныхъ писемъ, обширные „доклады“ и разсужденія А. А. Дернова, Naviclos'a, А. Н. Куртеза и др.

всѣхъ ея народностей, и сказалъ все, что могъ, въ свое оправданіе. Это „оправданіе“—грязь; грязь и злоба; грязь и кровь. Нарывъ болящій, не вскрываемый, но сквозь оболочку котораго просачивается бурый гной, перемѣшанный съ пятнами темной, зараженной крови. Самъ авторъ, г. Л. И., въ цитированной статьѣ пишетъ, понадеясь въ сѣть, мнѣ-же разставляемую: „Однажды я читалъ чинъ исповѣди мирянь по очень старинному требнику. Въ немъ мое вниманіе невольно остановили грѣхи противъ седьмой заповѣди, какіе совершали миряне въ то время. Здѣсь упоминался грѣхъ нарушенія супругами супружеской вѣрности,—далѣе перечислялись такія формы этого грѣха, какія безъ толковника или книги не только понять, но и представить невозможно! Человѣкъ погружался въ такую бездну паденія, глубины которой уже нельзя и измыслить. Какъ будто бы въ это время духъ лукавый руководилъ человѣкомъ, а не самъ человѣкъ являлся творцомъ своихъ ужасныхъ и омерзительныхъ грѣховъ. Оказывается, что не только эти грѣхи возможны и мыслимы для семейныхъ людей, но и весьма часто въ дѣйствительности совершаются ими и даже, можетъ быть, они въ данномъ случаѣ не особенно много уступаютъ людямъ не женатымъ“ („Богословскій Вѣстникъ“, декабрь 1899, стр. 329). Я захоплюваю на этомъ мѣстѣ защелчку клѣтки и рассматриваю въ ней попавшагося богослова. *Что-же онъ исповѣдуетъ?* что „всяческая мерзость“, недопустимая, невообразимая, жила и пусть живетъ въ „Христіанскомъ бракѣ“ (заглавіе его статьи, какъ бы противопоставляющей „христіанскій бракъ“ моимъ принципомъ),—только бы развода не было и сохранилось единство квартиры и паспорта. *Откуда-же, къ-же нагнетена въ семью грязь?* Да вотъ этой самой *процаемостью* снисходительнаго посѣтителя Солохи, онъ-же и Мефистофель... Но уже начинается не одна грязь, а слезы и кровь, когда чистая сторона, не въ силахъ будучи глотать грязи, и приходя въ судъ испрашивать расторженія узъ, встрѣчаетъ „воздыхающій“ отвѣтъ: „охъ, всѣ согрѣшили! потерпи, матушка (или—батюшка); палъ Адамъ; почитай требники и чинъ исповѣди: то-ли найдешь, что у тебя; ужъ какъ-нибудь понеси крестъ, а святого таинства нарушить нельзя“. Наконецъ, чтобы анализировать, да что-же наконецъ какъ *абсолютное sine qua* поп содержится въ бракѣ, котораго нашъ моралистъ никакъ не хочетъ выпустить изъ обладанія, мы ловимъ его на слѣдующихъ словахъ: „Характерно и замѣчательно въ данномъ случаѣ и слѣдующее: если надъ имѣющими вступить въ бракъ совершенно таинство брака согласно со всѣми существующими на этотъ предметъ мудрыми церковными узаконеніями,—то по нашимъ законамъ бракъ считается дѣйствительнымъ и фактически совершившимся, *хотя бы брачная жизнь послѣ этого никогда не начиналась*. И не вступая въ эти (т. е. плотскія) отношенія, сочетавшіеся считаются мужемъ и женою. Исторія показываетъ

намъ не мало подобныхъ примѣровъ. Но никогда брака не бываетъ тамъ, гдѣ эти церковно-каноническія узаконенія не примѣняются. *Страсть* не образуетъ и не составляетъ брака, а вовлекаетъ только человѣка въ *грѣхъ, паденіе, въ грѣховное состояніе*“ (тамъ-же, стр. 310).

Конечно, авторъ *фактически* пишетъ истину,—но каковъ-же ея *смыслъ*?!! Изъ словъ Спасителя: „и будутъ два въ плоть едину,— что Богъ сочелъ, человѣкъ да не разлучаетъ“, вынута главная слово „плоть“; и такимъ образомъ формула эта въ нашемъ теперешнемъ законѣ читается такъ: „и будутъ два въ..... едино.— что Богъ сочелъ, человѣкъ да не разлучаетъ“. Но что-же— когда плоть и супружество выгнаны, исключены, — остается?—Да остается какъ *sine qua non гражданское отношеніе, одно-фамиліи-ность, одно-имущественность, обще-юридичность!* И совершенно очевидно, что мы и имѣемъ, а авторъ-богословъ защищаетъ въ богословскомъ журналѣ такъ называемый гражданскій бракъ, юридическую вещь, но только въ религиозной обработкѣ и подъ религиозною номенклатурою. Я говорю, что Мефистофель—каламбуристъ и когда вамъ кажется, что онъ плачетъ, онъ тутъ-то болѣе всего и смѣется:

Супружества какъ непремѣннаго отношенія въ европейскомъ бракѣ нѣтъ.

Дѣтей какъ conditio sine qua non нѣтъ-же въ немъ.

Да и *ничего вообще* реальнаго въ немъ нѣтъ, кромѣ курульныхъ креселъ предѣлательствующихъ: это—*conditio sine qua non*.

Я говорю,—*анализа* не было; и настоящая книга прямо вводитъ насъ въ познаніе дѣйствительности. Это такъ сказать ревизіонная повѣрка „наличной дѣйствительности“ казначейства; и если въ немъ вмѣсто золота лежатъ недостоверныя бумажки, когда въ книгахъ вездѣ написано: „золото въ слиткахъ“, „золото въ монетѣ“, то это уже скорбь не ревизующаго.

Приведенныя цитаты писались въ 1899 году,—послѣ появленія статьи: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“. Длинно, сложно тянулась полемика, захвативъ въ отголоскахъ почти всю нашу печать. Истина такъ сильно стала входить въ сознаніе, а обвиненія, предъявленныя къ „воздыхающимъ о грѣхахъ міра“, были столь явны, убѣдительно и тягостны по смыслу своему, что началось отступленіе по всей линіи сперва консервативной печати, а наконецъ и богословской (см. II-ой томъ), и, наконецъ, истину признали іерархическія сферы. Всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда въ составѣ цѣлой группы писателей—Д. С. Мережковскаго, Н. М. Минскаго, В. С. Миролюбова, В. А. Тернавцева, и я вступилъ въ покои Высокопреосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго Антонія, для испрошенія благословенія на открытіе Философско-религиозныхъ собраній, то во время бесѣды, затѣмъ послѣдовавшей, Владыко, касаясь разныхъ вопросовъ, между прочимъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „ну, вотъ

вопросъ о разводѣ почти конченъ. Мы скоро вовсе устранимся отъ производства его и передадимъ веденіе дѣла свѣтскимъ судамъ; сохраняя за собою только скрѣпленіе окончательнаго результата“.

Но было-бы напрасно думать, что этимъ вопросъ *кончается*. Нужна *чистая* семья Европѣ, а вовсе не то, чтобы она отъ церкви перешла въ компетенцію государства. Это можетъ составлять интересъ отношеній между государствомъ и церковью, но это не интересъ семьи. У семьи свое дѣло, своя цѣль, свои права, отъ Бога идущія, свои задачи: *дѣти* и ихъ *воспитаніе*, *супруги* и ихъ *жизнь*. Государство, суды могутъ стать такой-же „палкой въ колесѣ“, какъ были и консисторіи. Чѣмъ собраніе чиновниковъ лучше собранія чиновъ консисторіи? Суды и судьи могутъ быть прекрасны въ первой четверти ХХ-го вѣка, но ничто не гарантируетъ ихъ качествъ въ послѣдней четверти того-же вѣка. Да и вообще это дѣло — вѣковое, тысячелѣтее, гдѣ „вѣянія“ минуты и поколѣнія ничего не гарантируютъ. Переводъ инстанціи разводящей, бывшей десять вѣковъ въ рукахъ церкви, въ руки государства, можетъ окостенѣть въ несовершенныхъ и подлежащихъ порчѣ механизмахъ послѣдняго. Опять всѣ вытракутъ, кромѣ *семьи*. Опять всѣ будутъ счастливы и властительны, кромѣ *ребенка*, *мужа* и *жены*,—которымъ почти изъ устъ въ ухо и даны всѣ великія обѣтованія и завѣты семьи. Если эти будутъ въ проигрышѣ — все дѣло остается проиграннымъ; и авторъ этой книги имѣетъ причины плакать. Въ этомъ отношеніи слова митрополита Антонія, сказавъ мнѣ новое, сказавъ даже утѣшительное, не сказали окончательнаго и открыли только перспективу новыхъ будущихъ заботъ. Семья — *авто-кефальное* (*само-возглавленное*, имѣющее *свою* у себя главу) явленіе; древняя, первая Богу церковь на землѣ. И что такъ славно, древне, велико, священно—не можетъ получить господъ ниже себя. Фельдмаршалъ Суворовъ да не маршируетъ подъ командой капрала. Къ *совѣту* всякаго,—государства, церкви, философа, поэта,—уши семьи должны и могутъ быть раскрыты; и уваженіе семьи, „охраненіе святого таинства брака“, и должно быть конечно не юридическимъ, а нравственнымъ, и выразиться во всеобщей,—какъ личностей, такъ и учреждений,—готовности помочь, посовѣтовать, облегчить, *во всякъ выдажъ ей послужить*, въ случаѣ крушенія—ее оплакать; а не въ этомъ „атуканьи“ на семейныхъ людей, которое до сихъ поръ одно несло на ребенка, мать и отца его, на супруговъ со стороны чиновниковъ, полиціи, но болѣе всего—въ этомъ нужно признаться—отъ „оплакивающихъ грѣхи міра“ людей. Этихъ „окриковъ“ на себя, ни съ которой стороны, фельдмаршалъ семьи въ правѣ просто не выслушивать отъ окружающихъ ее капраловъ.

Читатель увидитъ въ „Матерьялахъ къ разрѣшенію вопроса“. что во всѣхъ официальныхъ и неофициальныхъ, во всѣхъ юридическихъ и каноническихъ сужденіяхъ о семьѣ—отсутствуетъ самая

наличность семьи, как нравственной и авторитетной силы, как уважаемой силы. Просто — этого не приходится в голову судящим. Объ ней толкуют как о перегоняемом из губернии в губернію убойномъ скотѣ, которъй своихъ интересовъ не имѣетъ, а въ немъ имѣютъ другіе свой интересъ. Вотъ—загнали въ консисторію; вотъ вывели оттуда — и гонять въ окружныя суды. Что семья должна быть пассивна, молчалива, терпѣлива; что семья вовсе, какъ живого факта, нѣтъ, а есть почти только „ревизская сказка о мертвыхъ душахъ“, передаваемая изъ однѣхъ рукъ въ другія. безъ фактическаго перевода „душъ“ положимъ изъ Калужской въ Херсонскую губернію,—въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія у разсуждающихъ. Не только сто лѣтъ секретарь духовной консисторіи выходилъ бариномъ передъ лицо Лаврецкаго и Калитиной, людей праведныхъ, людей прекрасныхъ, людей сравнительно съ нимъ святыхъ: и, высокомерно смѣривъ ихъ глазомъ, „отказывалъ“ имъ въ правѣ брака, „приказывалъ“ Лизѣ идти въ монастырь, а Лаврецкому изъ Тамбова жить вмѣстѣ съ m-me Лаврецкой изъ Парижа, „или все равно—дѣлать видъ, что они живутъ вмѣстѣ“; не только, повторяю, это было: но мучитель-господинъ считалъ себя почти оскорбленнымъ въ существованіи самымъ бытіемъ Калитиной и Лаврецкаго, появленіемъ передъ собой этихъ „илотовъ“ брака, чѣмъ-то недовольныхъ, въ чѣмъ-то неустраившихся, когда онъ все устроилъ для нихъ, „приказавъ“ — какъ говорить о покойникахъ—„долго жить“.

Между тѣмъ, всѣ рѣшительно слова, въ Библии, въ Евангелии, и сказаны Лаврецкому и Калитиной; все—имъ дано, *однимъ* имъ, безъ посредствующаго третьяго. Мужъ и жена выслушали къ себѣ и *объ* себѣ такія слова изъ устъ непосредственно Божіихъ, какихъ ни государства, ни народы, ни іерархическія учрежденія и приближительно не слышали себѣ и о себѣ. Право, съ какою-то завистью короли и кардиналы должны-бы обходить вокругъ Ромео и Юлій: „ахъ, что *вамъ* было сказано! о, еслибы и *намъ* подобное услышать! Но нѣтъ, слова о насъ коротенькія, неясныя, скорѣй намеки, чѣмъ слова; а о васъ все такъ полно и полноцѣнно въ *Священномъ Писаніи*. Счастливыцы. Завидуемъ и не завидуемъ: ибо вы какіе-то кроткіе, и сіяя счастьемъ — точно хотите его раздарить всему міру“. Такимъ образомъ совершенно поразительно, что семья, т. е. ребенокъ и родители, изъ того царственнаго положенія, столь ясно въ документахъ за ними закрѣпленнаго, перешла въ позоръ ну хоть вотъ сегошняго газетнаго сообщенія: (сохраняю и петить, и даже пропускъ „ъ“):

„20-го іюня на огородѣ по Петергофскому шоссе одна изъ работницъ, крестьянская дѣвица Анна Иванова, не вышла на работу. Иванова жаловалась на головную боль, но окружающіе не повѣрили ей, а ввиду беременности ея, послали за акушеркой. При освидѣтельствованіи ея послѣдняя нашла, что Иванова уже разрѣшилась отъ бремени. Когда не-

счастною стали спрашивать, куда она дѣвала своего ребенка, то постѣ попытки заперательства и видя, что это ни к чему не ведет, она рассказала, что родила въ сараѣ наканунѣ, ночью. Младенецъ плакалъ; из боязни, чтобы крикъ его не былъ услышан, побуждаемая чувствомъ стыда, рѣшилась задуть дитя и для этого набрала ему ротъ пескомъ. Постѣ этого младенецъ затихъ и пересталъ дышать. Тогда Иванова завернула его в платокъ и спрятала в банѣ. Трупъ младенца найден в указанномъ Ивановою мѣстѣ. Дѣтубійца арестована“.

Какъ страшно. Сколько предмета для мысли. О, какая тутъ философія! Позвольте. Да что-же такое совершилось въ исторіи? Въдѣ это очевидно *на исходѣ* длинной—какъ говорятъ ученые—«эволюціи», какихъ-то перемѣнъ, трансформаций, перерожденій, «перевоплощеній» почти; въдѣ несчастная *о себѣ* ничего не понимаетъ, какъ и окружающіе о ней ничего не понимаютъ, ибо сейчасъ уже дѣйствуетъ одинъ механизмъ, привычка, заржавѣвшая гильотина. Но... «отъ начала было не такъ!»—какъ сказалъ нашъ Спаситель въ единственномъ случаѣ, когда по поводу развода онъ заговорилъ съ книжниками о бракѣ. Въ началѣ было не такъ!! А какъ-же было? Открываю книгу документовъ и выписываю *всѣ* мѣста параллельно: 1) о младенцѣ, 2) о пресвитерѣ.

О младенцѣ.

Марка, 9, 33—37. Спаситель спросилъ учениковъ: „о чемъ дорогою вы разсуждали между собою“?

Они молчали, потому-что дорогою разсуждали между собою о томъ, кто больше.

И сѣвъ, Іисусъ призвалъ двѣнадцать и сказалъ имъ: „кто хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣднимъ и всѣмъ слугою“.

И взявъ дитя, поставилъ его посреди нихъ и *обнявъ его*, сказалъ имъ:

„Кто приметъ одно изъ такихъ дѣтей во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня; а кто Меня принимаетъ, тотъ не Меня принимаетъ, но и Пославшаго Меня“.

Луки, 18, 15—17. Приносили къ Нему и младенцевъ, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ; ученики-же, видя то, возбраняли имъ.

Но Іисусъ, подозвавъ ихъ, сказалъ: „пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ, ибо *таковыя* есть Царство Божіе“.

„Истинно говорю вамъ: *кто не приметъ Царства Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него*“.

Матвѣя, 21, 15—16. Первосвященники-же и книжники, видѣвши чудеса, которыя Онъ сотворилъ, и дѣтей, восклицающихъ въ храмѣ и говорящихъ: „осанна Сыну Давидову!“ вознегодовали и сказали Ему: „слышишь-ли, что они говорятъ?“ Іисусъ-же говоритъ имъ: „да! но развѣ

О пресвитерѣ.

Посланіе Іакова, 5, 14. Болить-ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитера церкви.

І. Тимошею, 5, 17. Достоинно начальствующимъ пресвитерамъ должно оказывать сугубую честь.

Езъ Титу 1, 5. Для того я оставилъ тебя въ Критѣ, чтобы ты довершилъ недоконченное и поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, какъ я тебѣ приказывалъ:

Если кто не пороченъ, мужъ одной жены, дѣтей имѣетъ вѣрныхъ, неукоряемыхъ въ отсутствіи или непокорности.

Дѣянія, 14, 23. Рукоположивши-же имъ пресвитеровъ къ каждой церкви, они помолились съ постомъ и предали ихъ Господу, въ Котораго увѣровали.

вы никогда не читали: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устрои хвалу* (Псал., 8, 3)*.

Иоанна, 16, 21. Женщина когда рождаетъ, то терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, то уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился чело-вѣкъ въ міръ.

Матвѣя, 21, 31. Иисусъ сказалъ книжникамъ: „истинно говорю вамъ, что мытари и блудницы *передъ васъ* пойдутъ въ Царствіе Божіе“.

Откровеніе, 12. И явилось на небѣ великое знаменье — жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ.

Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія.

И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ, большой красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадемъ:

Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца.

И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу и Престолу Его.

А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ пригото-влено было для нея мѣсто отъ Бога, чтобы питали ее тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней.

И низверженъ былъ великій драконъ, древній змѣй, называемый дѣволомъ и сатаною, обольщающій всю вселенную, низверженъ на землю, и ангелы его низвержены съ нимъ.

И началъ онъ преслѣдовать жену, которая родила младенца мужскаго пола.

И даны были женѣ два крыла большого орла, чтобы она летѣла въ пустыню въ свое мѣсто отъ лица змія и тамъ питалась въ продолженіе времени, временъ и полъ-времени.

И пустилъ змѣй изъ пасти своей вслѣдъ жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою.

Но земля помогла женѣ, и разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ изъ пасти своей.

И разсвирѣпѣлъ драконъ на жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣ-мени ея...

Вотъ документы въ параллельномъ сопоставленіи. Теперь, можеть-ли кто-нибудь объяснить, почему ученіе о дитяти, столь сложное, не кристаллизовалось однако: 1) въ догматъ, 2) священ-

ную науку какъ отдѣлъ богословствованія, 3) не вошло членомъ или главою въ катехизисъ, 4) ни въ живопись религиозную, 5) ни въ служеніе религиозное, хотя бы во исполненіе словъ: «изъ устъ младенцевъ устрой хвалу Себѣ»? Разумѣется, тогда такъ сказать литургическая часть религіи имѣла-бы совсѣмъ другое сложеніе, тонъ, чинъ,—допускающее въ немъ дѣятельное участіе дѣтей и ихъ матерей? оно не было-бы ученымъ, требующимъ школы, училища, подготовленія, «книжничества», а какимъ-то наивнымъ и простымъ, почти не отдѣляющимся отъ быта, отъ обычаевъ? ¹⁾

Второе ученіе, «о пресвитерѣ»,—о чемъ и читать почти нечего въ приведенныхъ *единственныхъ* цитатахъ,—тѣмъ не менѣе выросло: 1) въ систему догматовъ, 2) да и заняло вообще весь небосклонъ историческаго христіанства, такъ что они одни въ немъ: 3) учать, 4) служатъ, 5) дѣйствуютъ, 6) изображаются въ живописи, 7) имѣютъ себѣ поклоненіе, 8) котораго вовсе не имѣетъ ребенокъ, о коемъ однако было сказано: «если не станете такими, не войдете въ царство небесное», ни блудница, о которой тоже было сказано: «она впереди книжниковъ идетъ въ царство небесное».

Не явно-ли, что дитя и его мать куда-то запихано ногами, въ какую-то яму: и отношеніе родившей къ рожденному до того опозорено, заплевано, загажено, въ такой погребъ бытія спрятано, что на фонѣ этого позора вырѣзанный нами изъ газеты фактъ уже не есть что-либо удивительное и неожиданное.

Ибо онъ—ежедневенъ; въ каждомъ городѣ, селѣ, въ столицѣ; въ каждомъ номерѣ газеты. А какъ-бы закричала цивилизація, забили набаты, заволновалась пресса, двинулись къ *помощи* всѣ силы государственныхъ, общественныхъ, духовныхъ, если-бы... вдругъ ежедневно по городамъ и селамъ, то тамъ, то здѣсь, стали находить въ погребѣ, въ ямѣ, въ пруду

1) не младенца,

2) а пресвитера.

Вотъ плодъ, что всѣ *львы* тексты не развились, а правые развились чудовищно непропорціанально.

Примѣръ и сравненіе я взялъ рѣзкій, потому что нужно чрезмѣрное, нужно какъ-бы «вагонъ пошелъ по шпаламъ», дабы пасса-

¹⁾ Нельзя не обратить вниманія на слова Іисуса, звучація какою-то неясной и чудной гармоніей у Луки, 7, 32: „они подобны дѣтямъ, которые сидятъ на улицѣ, кличутъ другъ друга и говорятъ: *мы играли вамъ на свирѣли—и вы не плясали, мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни—и вы не плакали*“. Слова эти вовсе не получили себѣ какой-нибудь исторической разработки, а между тѣмъ на какія чудныя формы пѣснопѣній, открытыхъ, подъ воздухомъ и небомъ,—и пѣснопѣній *народныхъ, семейныхъ, дѣтскихъ*, онъ намекаютъ?! по крайней мѣрѣ намекаютъ какъ на *возможность*, какъ на *былое* и *будущее*...

жиры очнулись, т. е. очнулся вообще читатель, общество, христіанинъ.

Въ *цивилизациі* цѣлой потухъ младенецъ. Просто—это эмпирическій фактъ, безъ религіи вокругъ себя. Когда однажды я предложилъ въ печати ввести только *одну строчку* въ эктенію, и именно «прошеніе о мучающихся родами»,—дабы, повторяя его за священникомъ на службѣ, могли помолиться о *женахъ* мужья, о *матеряхъ* дѣти, о *дочеряхъ* отцы и матери, о *сестрахъ* братья: то слова мои были приняты въ одномъ духовномъ журналѣ за шутивость, и на нихъ былъ написанъ слѣдующій «отвѣтъ редакціи»:

„Нѣтъ никакой надобности въ отдѣльномъ прошеніи о болящихъ родами, потому-что тогда и другіе больные, напр., чахоткой, ревматизмомъ и проч., пожелаютъ отдѣльныхъ о себѣ прошеній; и изъ церковной эктеніи выйдетъ тогда что-то вовсе не серьезно. Но какъ относиться къ подобнымъ газетнымъ словоизверженіямъ? Какъ къ газетнымъ фарсамъ: очевидно, фельетонисту приходится измышлять разные курьезы, оригинальности и небылицы, чтобы развлекать читателя газеты“, (журналъ „Православно-Русское Слово“, 1902 г., № 1, рубрика: „Недоумѣнные вопросы и отвѣты редакціи“).

Отвѣтъ классическій. Я просилъ не какъ *писатель* только, но какъ отецъ, мужъ; какъ имѣющій сестру замужнюю и имѣвшій родителей. Полный недоумѣній, да пожалуй и гнѣва, я открываю *руководительную* на евреевъ книгу: „Книга кагала“ Брафмана и со страницъ 228 и 240 (изд. 3, Спб. 1888 г.) цитирую:

„...Вечеромъ, въ первый день появленія младенца-еврея на свѣтъ, его привѣтствуютъ будущіе товарищи и спутники жизни: къ нему является цѣлый хедеръ (училище меламеда) маленькихъ дѣтей съ своимъ бегельферомъ (помощникъ меламеда) и читаютъ новому пришельцу въ міръ молитву на сонъ грядущій. Послѣ чтенія, мальчиковъ обыкновенно потчуютъ своеобразнымъ наборомъ изъ отваренныхъ бобовъ, гороха, пряниковъ и проч. Чтеніе этой молитвы хедерными мальчиками происходитъ ежедневно до самаго дня обрѣзанія. Въ первую пятницу послѣ рожденія младенца, послѣ шабашеваго ужина, собираются къ родильницѣ и взрослые евреи на „бель-захоръ“ и, послѣ легкаго угощенія, читаютъ ту-же самую молитву. Утромъ, въ субботу, отецъ новорожденнаго отправляется въ синагогу или иную молельню, гдѣ, при чтеніи Пятонкижя, его призываютъ къ Торѣ и канторъ поетъ *мишейберигъ*, „многія лѣта“, *ему, его супругу, младенцу* и проч. По окончаніи молитвы, родственники и приглашенныя лица отправляются къ родильницѣ на *шаюмъ-захоръ* — поздравленіе съ ребенкомъ. Наканунъ дня обрѣзанія, т. е. вечеромъ на восьмой день рожденія, бываетъ *вахмацъ*—ночь стражи. Тутъ собираются, такъ называемыя, *клаузнеры* (бѣдные молодые евреи, занимающиеся изученіемъ талмуда въ ешиботахъ) и проводятъ ночь у родильницы въ бдѣнн и чтеніи талмуда или мишны“.

Богъ точно руководитъ меня въ нахожденіи текстовъ. Брафмана я и не читалъ никогда, но мнѣ сунули эту книгу со словами: „на-те и вразумитесь“ (о евреяхъ, которыхъ „нужно презирать“), и я *первое-же*, чтѣ открылъ, и открылъ приведенное мѣсто, и еще перелиставъ попалъ на слѣдующее:

„Любимъ, т. е. лицами, которымъ въ синагогѣ всѣ должны уступать алію (первое почетное чтеніе Торы, т. е. Св. Писанія) считаются слѣдующія: 1) *боръ-лишва*, т. е. *отрокъ, достигающій совершеннолѣтія* (вѣняго, т. е. 13 лѣтъ), 2) *женитъ въ субботу передъ свадьбою и постъ оной*, 3) *мужъ родильницы*, 4) *справляющій годовщину по родителямъ*, 5) *окончившій первую недѣлю траура*“.

Какъ это все трогательно! Вотъ — религія! Какая нѣжность и деликатность разлита. И дивиться, дивиться-ли, что у нихъ не запикиваютъ несчастныя роженицы песокъ въ ротъ новорожденному „дабы не увидѣли и не застыдили“ (незаконнорожденные у нихъ получаютъ непременно почетное имя „Авраама“ и какъ бы усыновляются цѣлымъ народомъ; да ихъ почти и нѣтъ, ибо еврею нельзя не жениться). Напротивъ, прочтя грубый „отвѣтъ редакціи“ на просьбу молитвы о роженицѣ, — отвѣтъ въ XX вѣкѣ, писателю, громко заговорившему о безпощадности къ матерямъ, — невольно зараждается сомнѣніе и вопросъ: а какъ говорили сплошь *двадцать вѣковъ* роженицамъ по деревнямъ, по селамъ, въ темнотѣ, въ глухотѣ, работницамъ, дѣвкамъ, безгласнымъ, запуганнымъ: и песокъ во рту младенца, запеханный несчастною перезрѣлою дѣвницей, не удержавшейся родить его, а можетъ быть даже и любившей несчастною любовью какого-нибудь солдата, которому *запрещено* жениться, говорю я — смерть этого младенца такъ становится понятна и объяснима.

Все въ связи. То-то и ужасно, что все — не *случайно*, не *эмпирично*, а раскрываетъ въ себѣ члены огромной не подозрѣваемой философіи. Значитъ рожденіе — не членъ таинства брака, не зерно супружества; это — случай болѣзни, какъ ломота въ костяхъ или узкогрудость и тяжелое дыханіе. Но тогда *что-же* такъ думающіе «благословляютъ»? И не нужно-ли имъ или отказаться отъ «благословленія» рожденію, — или ужъ «возвести въ таинство» ревматизмъ и чахотку и сложить «чинъ» «напутствія» въ эти болѣзни!? Но я не виню о. о. Лахотскаго и Дернова, въ журналѣ которыхъ мнѣ было такъ отвѣчено: *sancta simplicitas*... Они не вѣдаютъ только того, что забыто всею цивилизаціею. Рожденіе ребенка, «стыдное» какъ сифилисъ (см. во II-мъ томѣ письмо ко мнѣ о. Титова), случайное какъ ревматизмъ, вовсе не желательное какъ чахотка, — мудрено-ли, что оно утаивается, «зажимается ему ротъ», — т. е. что родившемуся запикивается матерью песокъ въ ротъ, «дабы не вошли и не увидѣли».

Теперь, гдѣ-же слово Божіе о дѣтяхъ, блудницахъ («впереди идутъ книжниковъ») и плоти («два въ плоть едину»)? Или мы *имъ* не повѣрили, не повѣрили съ самаго начала; или уже мы столь *несчастны*, что слово проведено *мимо насъ* и, павъ на землю, — ушло въ нее, какъ капля дождя въ кремнистый песокъ.

Но тогда я вспоминаю послѣдній еще текстъ, — слова Спасителя

сирофинкійскѣ: «дай прежде насытиться дѣтямъ, ибо не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить другимъ» *Марка 7, 27.*—Въ текстѣ сказано болѣе жестко,—но я не хочу излишествъ въ осужденіи.

Спб., 5 іюля 1902 г.

В. Р.

Законодательная помощь семьѣ.

I. Семья какъ предметъ закона.

I.

Совершенство закона выражается не въ томъ, что онъ словесно и юридически повторяетъ и безъ закона правильно текущую жизнь, но въ разрѣшеніи жизненныхъ запутанностей; въ облегченіи жизни, въ умиротвореніи жизни; въ очищеніи жизни тамъ, гдѣ она загрязняется, ожесточается, становится непосильно трудна для человѣка и толкаетъ его въ обманъ или преступленіе. Есть гигиена тѣла—предупрежденіе заболѣваній; естественно ожидать, чтобы и законъ подумалъ о нѣкоторой соціальной гигиенѣ, о предупрежденіи преступленія, а не только о „пресѣченіи“ его или „наказаніи“, чѣмъ онъ до сихъ поръ занятъ и поглощенъ. Мысли эти невольно вызываются семейнымъ правомъ, юридической тканью около физиологическаго и вмѣстѣ религіознаго факта семьи. Нормальная семья, въ чистотѣ и счастья доживающая вѣкъ, празднующая „серебряную“ и „золотую“ свадьбу, не нуждается въ мудрости юристовъ; она свѣтитъ своимъ свѣтомъ, согрѣта своею теплотою, свята своею святостью. Она самодовлѣтельна; и хотя радуется, что законъ повторяетъ ее въ своихъ нормахъ, „статьяхъ“ и „примѣчаніяхъ“ къ нимъ—но въ сущности не нуждается въ этомъ. Но законъ призывается къ „соломоновой мудрости“ всякій разъ, когда въ святомъ и нѣжномъ цвѣткѣ семьи заводится „червоточинка“, когда сѣмя грѣха падаетъ и заражаетъ ее. Здѣсь всеобщая норма сейчасъ-же становится непримѣнима: какъ вы будете пичкать больного тѣмъ, что нужно и возможно для здороваго? И неужели для болящаго у васъ не найдется ничего, кромѣ обычныхъ трехъ блюдъ обѣда, которыхъ онъ теперь не можетъ переваривать? Тогда у васъ нѣтъ медикаментовъ, нѣтъ науки медицины. Перенесите это въ гражданскій бытъ, подумайте о ненормальностяхъ, о несчастіяхъ

супружества, и вы увидите, что законъ, имѣющій для всѣхъ случаевъ заболѣванія семьи „три обычныхъ блюда“, т. е. идеаль нормально текущей семьи—есть бессильный законъ, есть ненужный законъ, есть законъ не помогающій человѣку и не предохраняющій его отъ преступленія. Мы говоримъ это въ виду внесеннаго въ Государственный Совѣтъ законопроекта о разлученіи супруговъ. Не одна текущая пресса, но и большая художественная литература съ болью и скорбью останавливалась на этой темѣ. Вспомнимъ „Дворянское гнѣздо“ Тургенева, съ судьбою Лаврецкаго и Лизы Калитиной; „Анну Каренину“ — съ ужаснымъ сплетеніемъ въ ней отношеній, которыя задушили въ себѣ Анну, и не нашлось „милостиваго самарянина“, который вынулъ-бы ее изъ петли, не нашлось юридическаго или религіознаго „Соломона“, который разрѣшилъ-бы распрю нѣсколькихъ давящихъ другъ друга людей, какъ-бы ждущихъ смерти одинъ другого. Умри Каренинъ или умри Анна, умри Вронскій, умри дѣти Анны отъ разныхъ мужей—и все разрѣшается: люди выходятъ въ свѣтъ и радость. Такимъ образомъ, жизненное сцѣпленіе стоитъ передъ: „умри“; и вотъ просвѣтъ къ разгудкѣ, что задушиваемые петлею люди начинаютъ искать чьего-нибудь „умри“. Здѣсь-то и нуженъ законъ, совершенно не нужный въ нормальныхъ случаяхъ; тутъ-то и предложить ему дать рѣшеніе Соломона, или отвѣтить: „не знаю“, „не умѣю“, „какъ хотите“, „мое дѣло—сторона“. Но читатель видитъ, что вопросъ этотъ—колоссальный. Онъ объемлетъ гражданское законодательство, онъ объемлетъ церковь; онъ охраняетъ цѣломудріе общества, онъ борется съ развратомъ. Можно сказать, огромное большинство людей жаждутъ семьи, но чтобы эта семья и навсегда оставалась жаждаемымъ идеаломъ — нужно, чтобы во что бы то ни стало она была сохранена въ чистотѣ, въ цѣломудріи, въ святости своей. Законодатель и долженъ руководиться этими двумя краеугольными мыслями: всеобщю желаемостью семьи, вѣрный, правильный и религіозный инстинктъ которой онъ долженъ удовлетворить; и идеаломъ чистой семьи, который онъ не долженъ замутить въ своихъ усиліяхъ насытить этотъ правильный инстинктъ. Читатель видитъ, что въ постановкѣ вопроса, которую мы дѣлаемъ, есть существенныя отличія отъ того, какъ этотъ вопросъ ставится юридически и канонически, но она отвѣчаетъ именно пожеланіямъ, и правильнымъ пожеланіямъ, человечества. Всѣ жаждутъ семьи, но всѣ жаждутъ чистой семьи.

II.

Вопросъ нужно именно ставить о семьѣ, т. е. о существенномъ содержаніи брака, и остановившись на двухъ мысляхъ: всеобщей для всѣхъ ея необходимости и ея непремѣнной чистотѣ—рѣшить во-

прось о тѣхъ запутанностяхъ нормы семьи, которыя однѣ подлежатъ урегулированію закономъ. Вотъ почва, на которой можетъ быть найдено что-нибудь утѣшительное, и это найденное можетъ остаться твердою нормою, а не вѣчно нарушаемымъ правиломъ. Статистика показываетъ, что при незыблемости собственно номинальной стороны семьи, вѣнчанія и записи о немъ въ метрическія книги, семья таетъ въ Европѣ; а нравы и литература показываютъ, что она и развращается. Данныя, относящіяся къ 1892—1894 годамъ, показываютъ, что во всѣхъ западныхъ государствахъ Европы изъ общей совокупности рожденій незаконныя составляютъ ежегодно 8,51%; въ Петербургѣ изъ 1000 женщинъ, развѣщающихся первымъ ребенкомъ, 437, т. е. близко къ половинѣ, рождаютъ внѣ брака. Это такой процентъ, который сводитъ семью, и особенно чистую и цѣломудренную семью, на степенъ тающаго явленія, какъ-бы „убывающей луны“, которая грозитъ величайшею темнотою всей природѣ человѣка, всему гражданскому строю.

Это—одна сторона медали; посмотримъ другую.

Не такъ давно бывший въ Петербургѣ сѣздъ сифилитологовъ показалъ, что даже народная масса огромными пятнами какъ-бы лишая покрыта ужасною болѣзью: это — вырожденіе народной крови. Государство и вообще свѣтская власть не можетъ не оставаться передъ этими явленіями, — явленіями развѣдающими и сѣдающими народное тѣло. Но это явленіе народилось и растетъ при полной ненарушенности собственно каноническихъ нормъ брака, которыя у насъ и въ Европѣ тѣ же сейчасъ, что при Ярославѣ Мудромъ и Карлѣ Великомъ. Такимъ образомъ, сама жизнь и элементарный инстинктъ самохраненія нудитъ оставить почву обсужденія формъ, которыя остаются въ цѣлости, но ничего не охраняютъ, и сосредоточиться на сбереженіи гибнущаго зерна. Т. е. вопросъ о „бракѣ“ замѣнить вопросомъ о семьѣ, и не семью регулировать бракомъ: эта попытка не удалась; но бракъ регулировать семьею, что еще не испытано. Здѣсь важно обратное соотношеніе подчиняющаго и подчиняемаго.

Нельзя отвергнуть, что такой взглядъ—и вполнѣ религіозный: несомнѣнно именно семья устанавливается какъ извѣстными словами Ветхаго Завѣта, такъ и Ново-Завѣтнымъ подтвержденіемъ ветхо-завѣтныхъ словъ.

Религія, при благословеніи человѣка въ сопряженіе половъ, конечно утверждала самую семью, а не способъ ея начинанія; и человѣку въ послѣдующей законодательной дѣятельности нужно было найти формы, соответствующія этому благословенію, и укрѣпляющія и очищающія семью, но отнюдь этими формами не затруднять, не стѣснять и особенно не грязнить семью. Между тѣмъ вышло совершенно обратное: формы, а не существо было поставлено краеугольнымъ камнемъ брачнаго законодательства, какъ-будто

бы Богъ, благословилъ именно подробности церковнаго ритуала и указалъ ихъ хранить, а не семью. Читатель видитъ, что постановка вопроса совершенно обратна элементарной истинѣ, и именно истинѣ религиозной. Семья рушена или рушится: это не составляетъ ни юридической, ни канонической, ни моральной тревоги; но чинъ вѣнчанія, въ тѣхъ все болѣе и болѣе рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ ищется человѣкомъ, совершается теперь какъ и при Ярославѣ Мудромъ, въ „незамутившейся“ текстуальной точности; и удовлетворенный законъ думаетъ: „въ человѣцѣхъ миръ и благоволеніе“.

Въ устанавливаемомъ нами освѣщеніи мы получаемъ отвѣтъ на частые вопросы. Возьмемъ несчастные случаи, когда мужъ начинаетъ жестоко обходиться съ женою, и эта жестокость иудитъ законодателя дать фактическое разлученіе супругамъ. Конечно, это такъ; но собственно разсматривая какой-либо институтъ, гражданскій или религиозный, лучше разсматривать его, такъ сказать, въ сокѣ его собственной природы, не прибѣгая къ мотивамъ извинѣ. Ранѣе разлуки, начинается въ семьѣ фактическая полигамія или полиандрія, недоказуемая съ „документами“ въ рукахъ, но которая выражается въ совершенной пассивности, омертвленіи семьи, и свидѣтелями этой полигаміи или полиандріи становятся дѣти. Колыбелью ихъ воспитанія становится равнодушная или враждебная, безнравная, растлѣнная семья. Вотъ очеркъ фактическаго положенія, которое такъ ужасно, что преступленіе здѣсь уже назрѣваетъ: побои есть только симптомъ, что семья „умерла“ и подъ одною кровлею, въ одной квартирѣ, иногда на одномъ ложѣ—живутъ равнодушные или враждебные другъ другу люди. Попробуйте жить съ презираемымъ товарищемъ на одной квартирѣ: вы, внутренно ёжась, проживете мѣсяцъ, протянете годъ, промучитесь три года—но всю жизнь? да и не съ товарищемъ, не въ одной квартирѣ, но на одномъ ложѣ и такъ сказать „душа въ душу“? Вы постигаете, что тутъ разыгрываются такія степени отвращенія и ненавидѣнія, о какихъ не могутъ дать никакого представленія всѣ остальные формы человѣческихъ отношеній. Въ этой атмосферѣ злобы, отвращенія, и наконецъ нравственной грязи растутъ и мучаются, „воспитываются“ дѣти. Повторяемъ, законодателью въ нормальныхъ случаяхъ нечего дѣлать и онъ даже въ нихъ „лишний человѣкъ“, но вотъ—аномалія, и что-же скажетъ Соломонъ? Притворится, что ничего не видитъ? что все—„не доказано“ и оснований къ „мѣрамъ“ нѣтъ? Но воспитаніе дѣтей: вѣдь оно зиждется не на юридически доказуемомъ, а на фактически существующемъ. Въ деревняхъ Индіи, въ случаѣ появленія чумной заразы, жители разбѣгаются въ горы: вотъ лучшая гигиена, и дѣйствительное спасеніе отъ гибели, Чума невѣрности пала въ семью, и выразилась просто во взаимномъ

отвращеніи членовъ другъ къ другу: бѣгите-же отъ чумы, и дайте силы, свободу бѣжать.—Это спасеніе для людей, которыхъ вы только умертвите,—умертвите гражданъ, членовъ общества, ремесленниковъ, удерживая ихъ насильственно въ загнившемъ гнѣздѣ. „Не разбѣгутся ли тогда и здоровые? изъ здороваго гнѣзда?“—Дубьемъ ихъ не разгонишь. И гдѣ есть любовь и теплота семейная, тамъ члены, даже насильственно разлученные, сыщутъ другъ друга на днѣ морскомъ и воссоединятся въ семью. Такимъ образомъ проектируемый законъ о фактическихъ разлученіяхъ супруговъ есть законъ о раззореніи гнѣздъ семейной заразы, есть вентиляція семьи, есть дезинфекція семьи. Нужна-ли она?.. Вглядитесь въ море расстлѣнныхъ семей, и вы убѣдитесь, какъ давно нуженъ этотъ законъ, какъ долго дѣти воспитывались въ гнѣздилищахъ заразы, подѣ предложомъ, что этотъ чумной бубонъ есть „семья“; какъ искусственно законодательствомъ поддерживалось это тлѣніе „мертвыхъ костей“ въ красивомъ гробѣ внѣшностей. И такъ какъ таковымъ гробомъ является великій и святой институтъ семьи, то это распространило всеобщее къ нему неуваженіе, всеобщее къ нему недоувѣріе: что отразилось умаленіемъ жажды обзаводиться семьею, уменьшеніемъ браковъ; бездомностью мужчинъ и безпріютностью женщинъ. Какъ удивительно просты бываютъ по временамъ причины сложнѣйшихъ культурныхъ фактовъ. Но, спросить, при разлученіяхъ—какъ-же дѣти? Конечно, они поступаютъ къ относительно здоровому члену семьи: и всегда есть свидѣтели, никогда жизнь не бываетъ столь затаенная, чтобы нельзя было рѣшить въ каждомъ порознь случаѣ, который именно членъ семьи загнившій, и который—дѣлнѣе, менѣе разрушенъ. Экономическое положеніе? Но кто-же не видалъ, какъ овдовѣвшая семья, освободившаяся отъ пьяницы-отца, отъ распутника-отца, отъ буйнаго отца—оправляется что нива подѣ солнцемъ, и при трудолюбіи одной матери существуетъ лучше, чѣмъ прежде при тунеядствѣ двоихъ? Тоже самое и наоборотъ, если пороки не отца, а матери служатъ причиною распада семьи. Но вообще—это есть уже подробность, которую легко юридически урегулировать, какъ дѣлается и теперь въ случаяхъ рѣдчайшаго разлученія супруговъ.

III.

Вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, тѣхъ, которые знаютъ мать и не знаютъ отца—давно наболѣвшій вопросъ. Нѣтъ въ христіанствѣ грѣха не искупимаго: вотъ альфа, которую нужно положить въ фундаментъ обсужденія судьбы этихъ дѣтей. Грѣхъ ихъ матери есть грѣхъ: но тѣмъ-ли она загладитъ его, что броситъ дитя свое въ нечистое мѣсто? отошлетъ его въ воспитательный домъ? такъ или иначе откажется отъ него, покинетъ его, или

подкинетъ его? Законъ можетъ стоять только на почвѣ правды, никакимъ образомъ онъ не можетъ упасть въ искусственное невѣдѣніе, въ притворство. Неискушимость грѣха толкаетъ матерей на преступленіе, съ которымъ каждая изъ нихъ борется, и уступаетъ ему въ отчаяніи, потому-что послѣ паденія для нея все остальное становится непоправимо. Законъ уже сдѣлалъ здѣсь нѣкоторый шагъ впередъ: далъ права узаконенія рожденнымъ внѣ вѣнчанія дѣтямъ — при условіи вступленія родителей въ вѣнчаніе, но это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушка не окончательно обездолена, когда ее любятъ; но вотъ — она брошена, пусть брошена послѣ общаній и собственноручной вѣры. Какъ-бы то ни было, съ ребенкомъ на рукахъ и съ потеряннымъ женихомъ — она вдвойнѣ несчастна и уже шатается передъ преступленіемъ. Дайте-же ей форму покаянія: она просится на видъ, она мечется въ глаза — это безпомощный младенецъ! Дайте элементарный по милосердію законъ, что младенецъ, отъ котораго не отказалась мать, но честно и въ страхъ Божию его воспитала (могутъ же быть найдены этому свидѣтели, да что-нибудь можетъ сказать объ этомъ и самый видъ ребенка лѣтъ 10—12)—получаетъ фамилію матери и что-нибудь юридически—оформленное, какое-нибудь юридическое положеніе, вмѣсто позорящей сейчасъ клички.

Какъ больно бываетъ сейчасъ иногда слышать бывшихъ „питомцевъ“ и „питомицъ“ воспитательныхъ домовъ, проклинающихъ своихъ матерей: вотъ по-истинѣ грѣхъ, опутавшій по рукамъ, по ногамъ, съ макушкою головы, человѣка. Тамъ — грѣхъ отреченія матери отъ своего ребенка, здѣсь ребенокъ — не знающій имени матери и только безсильно относящій къ ея существу материнства проклятіе. Что-же это за ужасъ, среди котораго человѣкъ живетъ? И это — въ христіанскомъ мірѣ, въ мірѣ „любви“. Да не будетъ этого! Да не будетъ этой египетской казни надъ человѣчествомъ: мы не говоримъ о трудности и боли подобныхъ отношеній, но именно и именно о грѣхѣ, о какой-то пронизанности проклятіемъ самой атмосферы подобныхъ отношеній. И кто это допустилъ? Чье ухо слышитъ и не возмущается? И гдѣ-же слова Спасителя: „милости хочу, но не жертвы“?! И изъ чего сплетена печальнѣйшая „жертва“ „Спасу Милостивому“? Изъ крови дѣтской, изъ рыданій материнскихъ, разрѣшающихся взаимными отъ глубины несчастія проклятіями? Какъ печально обернулась исторія. Намъ обѣщали милосердіе, а мы вкушаемъ жестокость.

Никому не нужно извращеніе природы человѣческой, и самый элементарный законъ зоветъ преступника къ исправленію, а на невиннаго не налагаетъ кары. Мы разумѣемъ ребенка, и разумѣемъ призывъ виновныхъ матерей къ искупленію вины своей черезъ трудъ, черезъ работу, до полного забвенія имъ и отпущенія ихъ вины. Еще два слова, чтобы предупредить воз

раженіе: скажутъ, понятіе „не законнорожденныхъ дѣтей жило даже въ Ветхомъ законѣ“. Совершенно иной оно имѣло тамъ смыслъ и иную почву подъ собою: „ветхій завѣтъ“ не зналъ вовсе того печальнѣйшаго и уже совершившагося (у насъ) упадка семьи и брака, тамъ не было ни „холостого быта“ въ такомъ чудовищномъ развитіи, какое мы допустили у себя, ни обширнѣйшаго контингента старыхъ и никому не понадобившихся дѣвъ. Ветхій завѣтъ былъ насыщенъ семьею и бракомъ, насыщенъ до 100, до 98 градусовъ; да будутъ прощены эти грубыя, но яркія сравненія. Поэтому „незаконность рожденія“ тамъ являлась чудовищною аномаліею, произволомъ чловѣка, возмущавшимъ законъ и толпу. Но у насъ, при 55 градусахъ насыщенія атмосферы семьею, при этой безпріютности дѣвушекъ? Кто смѣетъ бросить въ нихъ камень? Кто осмѣлится возвести въ „непрощенный грѣхъ“ инстинктъ материнства, такъ глубоко зароненный въ дѣвушку,—что, толкаемая имъ, она повѣрила юношѣ больше, чѣмъ сколько могла и должна была вѣрить, повѣрила тому, кто обездолил ее, обезчестилъ и ко всему этому хочетъ еще казнить. Да не будетъ. Да не будетъ этого грѣха въ мірѣ и „камня на шеѣ чловѣческой“!

«Одесс. лист.», 1898.

IV.

Въ восьми главныхъ западно-европейскихъ государствахъ: Австро-Венгріи, Германіи, Англіи съ Шотландіею и Ирландіею, Италіи, Франціи, Швеціи, Норвегіи и Сербіи на 7 мил., съ немногимъ, всѣхъ ежегодно рождающихся младенцевъ, приходится незаконныхъ 607 тыс., съ немногимъ, или 8,54 проц. Обращаясь къ Россіи, находимъ въ 50 ея европейскихъ губерніяхъ, въ годы 1884—1892, число законнорожденныхъ колеблющимся между 107,750 и 117,790 ежегодно. Дѣйствіе законовъ на процентъ незаконнорожденности особенно можно наблюдать въ Баваріи; въ ней съ 1835 года по 1862 годъ, когда дѣйствовалъ законъ, стѣснявшій вступленіе въ бракъ имущественнымъ цензомъ, на каждыя 100 рожденій приходилось 21 незаконное, а послѣ отмены этихъ законовъ приходилось только 13. Это значитъ, что число рожденій или сила рождаемости остается величиною постоянною, и стѣснить въ чемъ-либо вступленіе въ бракъ не значитъ уменьшить рожденіе, а значитъ только вывести извѣстную сумму рожденій за черту законности, т. е. родникъ незаконныхъ рожденій лежитъ не въ чловѣкѣ, а въ регуляторѣ брака. Въ Петербургѣ изъ 1,000 разрѣшающихся первымъ ребенкомъ женщинъ—437, т. е. болѣе $\frac{2}{5}$, рождаютъ внѣ вѣнчанія, а въ общемъ итогѣ, за тѣ же 1884—1892 годы, незаконныя рожденія въ православномъ населеніи составляютъ постоянно 30 проц. всего числа рожденій, каковой

процентъ, по вѣдомостямъ городской думы, къ 1898 году возросъ до 50 проц., т. е. незаконными рождается половина изъ всѣхъ; въ то-же время у католиковъ рождается 13 проц. незаконныхъ, у протестантовъ—9 проц., у евреевъ—0,6 проц., у магометанъ—0,3 проц.

Эти цифровыя данныя интересны въ слѣдующемъ отношеніи. Мы стоимъ въ данную историческую минуту передъ нежеланіемъ раздвинуть нормы брака, на примѣръ въ смыслѣ какъ облегченія развода уже неживущимъ другъ съ другомъ супругамъ, такъ и въ смыслѣ разрѣшенія мужской сторонѣ, обычно принимающей на себя при разводѣ вину, вступить въ новый бракъ. Съ другой стороны тотъ же законъ и въ тѣхъ же рукахъ находящейся осуждаетъ внѣ-брачныя рожденія.

Такое положеніе ненормально. Поэтому, не вдаваясь въ тонкіе споры, нельзя не пожелать того, чтобы легализація семейнаго положенія страны и наблюденіе за нравственно-санитарнымъ состояніемъ населенія страны была сосредоточена въ которыхъ-нибудь однѣхъ рукахъ, и онѣ, эти руки, имѣли бы у себя данныя по всѣмъ отраслямъ этого обширѣйшаго, но одного и того же вопроса. А то у насъ браки разрѣшаетъ одно вѣдомство, статистику населенія ведетъ другое вѣдомство, и управляется съ проституціей—третье вѣдомство: когда это суть части одного вопроса. Болѣе чѣмъ понятно, что всѣ мѣры, принимаемыя въ которомъ-нибудь одномъ вѣдомствѣ: не имѣютъ, при неподвижности другихъ вѣдомствъ, ни малѣйшаго успѣха.

«Нов. Вр.», 1900.

II. Судъ Линча.

Только-что окончившееся въ Петербургскомъ окружномъ судѣ дѣло объ убійствѣ Коновалова, совершенномъ совместно его женою, Кисилевою, Анисимовою, Павловою и Телѣгинымъ, поражаетъ зрителя и читателя, поражаетъ моралиста и должно поразить законодателя. Это—судъ Линча въ полной его выразительности. Приговорены къ наказанію только Павлова и Телѣгинъ, подстрекатели къ убійству и вѣроятные убійцы; остальные и именно ближайшія къ убитому лица—жена и ея мать—„признаны по суду оправданными“, хотя именно жена убитаго нарисовала наиболѣе полную картину убійства, совершившагося по крайней мѣрѣ на ея глазахъ, если и не при содѣйствіи ея. Старуха-мать ея уходитъ изъ дома со словами: „какое вы дѣло затѣяли подъ такой праздникъ“, т. е. съ полнымъ знаніемъ готовящагося убійства и не предувѣдомляя о немъ ни полиціи, ни кого-либо изъ сосѣдей, вообще не предупреждая преступленія. Трудно нарисовать даже фантазіи романиста или художника большую нравственную и бы-

товую темь, которая однако составляет уголокъ дѣйствительности. Вся дрянь, т.-е. все это корыто не выброшенной въ полойную яму грязи, трясется, болтается, плещется годы и годы и наконецъ разражается убійствомъ скопомъ, судомъ Линча, — въ сущности изъ-за паспорта! Въ основѣ—подневольное замужество, къ которому надчерицу вынуждаетъ вотчимъ подзатыльниками. Вотчимъ этотъ пьетъ; мужъ — тоже пьетъ; и вообще всѣ дѣйствующія лица—пьютъ, въ особенности въ вечеръ убійства, когда они составляютъ одну „угощающуюся компанію“. Подневольная или пожалуй подь яремная семья конечно распадается на завтра или послѣ завтра послѣ вѣчанія и держится „паспортомъ“. Пьянство, побои, ругань, сальныя пьяныя ласки и въ трезвомъ-то видѣ нелюбимаго мужа заставляютъ сбѣжать жену. Начинается тѣ работа, тѣ приключенія, и наконецъ она устраивается на содержаніе въ чистенькой, нанятой для нея комнаткѣ на сторонѣ. „Вотъ-вотъ мужъ потребуетъ“ изъ „камнатки“ къ себѣ. Онъ тѣ требуетъ, тѣ не требуетъ; словомъ—безмыслица, о которой и читать мерзко, не только жить въ ней. Каждая конюшня и всякій коровій хлѣвъ представляютъ большую чистоту нравственныхъ и даже физиологическихъ условій существованія. Последнее пьянство началось весело потому, что мужъ рѣшился выдать „отдѣльный видъ на жительство“ женѣ, и даже они толкнулись-было въ участокъ, но ихъ оттуда вытолкнули, велѣвъ приходить вытрезвившись. Опять пьютъ. Совершенно опьянѣвшій Коноваловъ бормочетъ, что онъ не дастъ вида на отдѣльное жительство. Павлова подсказываетъ: „вѣдь я всегда говорила, что не дастъ, и что отъ него не отдѣлаешься, не прикончивши“. Мать жены встаетъ и уходитъ „отъ грѣха“; жена идетъ къ кровати, на которой спала ея несовершеннолѣтняя сестренка, и закрываетъ ее пологомъ, чтобы „не испугалась“. Затѣмъ начинается операція; отъ корсета отрѣзали какую-то тесемку, сдѣлали мертвую петлю и задушили. Ноги же были связаны. Супругъ только дрыгнулъ ногами. Затѣмъ—въ сундукъ, затѣмъ—на Николаевскій вокзалъ, и куда-то отправили. Дали круговую поруку хранить тайну и къ тайнѣ обязали и вернувшуюся вскорѣ тещу. Объ убійствѣ сговаривались уже за недѣлю назадъ, и всѣ эти самыя лица, все родство жены. Такимъ образомъ, случайны здѣсь подробности; въ другой обстановкѣ, въ трезвомъ видѣ—произошло-бы то же самое. Ничего случайнаго, все „какъ по писанному“, т.-е. въ смыслѣ отсутствія непредвидѣннаго и „аффектовъ“.

Всѣ эти годы нѣтъ ни совѣта надъ ними и объ нихъ, нѣтъ имъ совѣта, и вообще живя въ столицѣ цивилизованнаго государства, они въ сущности одиноки, какъ уличныя собаки. Жизнь собачья; собачій и конецъ. Тутъ только, когда „конецъ“ пришелъ, вспоминаютъ всѣ, что они—человѣки и должны бы жить по-че-

ловѣчьи, а по-слику они жили не по-человѣчьи, а по-собачьи, то этимъ человѣкамъ будетъ собачье наказаніе: плеть и ошейникъ или ошейникъ и цѣпь.—Взбѣсились—на цѣпь. Судъ есть о смерти; но суда не было о жизни и пока жили. Ни суда, ни разсужденія. „Какъ хотите...“ Изъ этого „какъ хотите“ и вышла судъ Линча. „Мы—дураки, звѣри; мы умѣемъ только по Линчу“.—„По Линчу—нельзя, то въ Америкѣ, да и въ Америкѣ-то въ первобытныхъ дѣбряхъ, а вы—въ Россіи, возлѣ университета, окружного суда, на глазахъ общества покровительства животнымъ и даже въ мѣстѣ подвиговъ Іоанна Кронштадтскаго“. Вотъ сколько святости и сколько мудрости!

„— Но эта мудрость и святость—не про насъ; мы—псы, и вѣдь это только въ Евангеліи давались псамъ крохи отъ стола господина ихъ. Теперь нѣтъ и крохъ. И мы, голодные, десять лѣтъ грызли, на одиннадцатый—загрызли одного“.

Да, тутъ есть предметъ для горести моралиста; но и есть предметъ для мудрости законодателя. Вѣдь есть же попечительства о голодныхъ, нужно также попечительство и попененіе о злыхъ. Тѣмъ болѣе, что и злоба-то приходитъ на одиннадцатый годъ, скапливаясь десять лѣтъ и начинаясь просто съ несчастія. Сегодня несчастенъ, завтра несчастенъ, а послѣзавтра—золъ.

•Нов. Вр.», 1900.

III. Запоздалое судоговореніе.

Вторично разсмотрѣнное на судѣ дѣло Коноваловой окончилось вторичнымъ оправданіемъ жены убитаго. Три мѣсяца тюремнаго заключенія по дѣлу, предметъ котораго столь тяжекъ, есть въ сущности не признаніе вины, а только напоминаніе, упрекъ, выговоръ за неосторожность. Присяжные отвѣтили на вопросъ суда, что „признаютъ Коновалову виновною лишь въ недонесеніи объ убійствѣ мужа“, и въ этомъ полу-отрицаніи, полу-утвержденіи вины всѣ стороны должны найти для себя удовлетвореніе, ибо въ точности вина и была, и не была. Само собою разумѣется, что уже одно равнодушное присутствіе при убійствѣ мужа есть нѣчто чудовищное, невыносимое для совѣсти, неразрѣшимое для ума размышляющаго. Такъ мы судимъ а priori и такъ это есть на дѣлѣ а priori. Но а posteriori мужъ былъ для нея злѣйшимъ врагомъ, и это видѣли присяжные, и впечатлѣніе этой картины факта отразили въ своемъ приговорѣ. А присутствовать при умерщвленіи злого своего недруга и мучителя хотя тоже ужасно, но здѣсь главный ужасъ переносится на самую связь отношеній и облегчается на лицѣ виновномъ: виновное лицо или было тупо въ этотъ моментъ, придавлено, или болѣзненно приподнято въ ощущеніяхъ всѣмъ выжитымъ, перечувствованнымъ, чего посторон-

нѣ зрители или читатели газетъ не переживали и не чувствовали. Здѣсь — разница. Читатель или зритель судить норму и нормально, тогда какъ передъ присяжными проходило исключительно положеніе и они справедливо судили его исключительно. Повторяемъ, главный ужасъ здѣсь заключается въ связи отношеній, которыя держать въ принудительномъ единствѣ людей, не только не объединенныхъ, но болѣе одинъ другому враждебныхъ. Чтобы войти въ психику, которая развивается въ этой принудительной связанности, нужно представить себѣ со-квартиранта, съ которымъ вы наняли одну комнату и у котораго оказался весь образъ жизни, весь складъ души, всѣ привычки, требованія, убѣжденія диаметрально противоположными вашимъ. Вы ищете ночью покоя; онъ любитъ долгій сонъ поутру, а на ночь зоветъ друзей; вы хотите провентилировать комнату, онъ боится холода и не даетъ вамъ открыть форточку; вы любите солоно, онъ любитъ прѣсно; вамъ нравится кофе, онъ предпочитаетъ чай; вы трезвы, онъ всегда выпивши и т. д. При всемъ миролюбіи, вы будете стараться уходить изъ дома, и это вы сдѣлаете тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ тоньше организованы. Самый лучший человѣкъ такъ поступить, и не было еще праведника, который годы и годы и наконецъ десятилѣтія перенесъ-бы сожительство въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, котораго каждый шагъ есть неуваженіе и презрѣніе къ терпѣливому праведнику. О такихъ страдальцахъ мало рассказывается и въ Четь-Миняяхъ. Но есть одинъ грѣшникъ, обыкновенный слабый человѣкъ, которому эта ноша предполагается посылною. Этотъ особенный человѣкъ называется „женою“. Она любила прѣсно, „теперь полюби солоно“; „тебѣ спать хочется, а мнѣ гулять“; „ты любишь чисто-плотно, а меня эта чистоплотность томить“. Идутъ подъ руку: одинъ скоро, другой тихо. Шла-шла жена нога въ ногу; полюбила и запахъ пота въ непровѣтреной комнатѣ, и выпивать съ мужемъ стала, и то, и другое, и третье, а на десятомъ—оборвалось. „Не могу солоно“.—„Понудь себя!“—„Принуждала, душа не выносить“. Мы взяли со-квартиранство, но нужно представить себѣ интимность семейной жизни, гдѣ люди сливаются до глубочайшей ниточки, чтобы воскликнуть: „лѣтъ праведника, который до такой степени умеръ-бы въ себѣ, чтобы во всемъ и всячески, органически и духовно, въ быту и привычкахъ, приспособилъ себя къ другому“.—Одежда, и та рвется, и та мѣркѣ сшита; лопаются перчатка не того нумера; можно-ли представить себѣ жену, женщину, чтобы она такъ-же мало чувствовала какъ каучуковый шаръ, который можно всячески раздуть, растянуть и надѣть на какой угодно манекенъ безъ боли и разрыва. Вотъ почему при разнообразныхъ распяливаніяхъ манекена-жены мѣстами „рвется“. У Коноваловыхъ порвалось. Шестнадцати лѣтъ уже жена.

она девятнадцать лѣтъ, равнодушно присутствуетъ при удушеніи мужа. Была-ли тутъ любовь? Смѣшно спрашивать. Равнодушіе?—Тоже нѣтъ: это былъ самый для нея ненавистный человѣкъ на землѣ и отъ котораго она зависѣла. Собственно, и зависимость давно порвалась: осталась веревочка—паспортъ, за которую онъ ее держалъ. Станный мужъ; странная семья; странное супружество: Мы ихъ допустили въ быту и допускаемъ юридически: чтобы и не мужъ болѣе, и не семьянинъ болѣе—былъ паспорто-держателемъ, такъ сказать антрепренеромъ человѣка. Коновалова была въ вѣчной антрепризѣ у убитаго, и ея внѣшнее положеніе очень напоминаетъ положеніе и духовное состояніе собаки, которую чужой охотникъ выпросилъ у ея хозяина взять съ собою на охоту. Не принадлежа ему „ни душой, ни тѣломъ“, она, только выслушивая „циль“—должна бѣжать туда, сюда, гнаться за зайцемъ или вскугивать бекаса. Связанность двухъ Коноваловыхъ есть зависимость территориальная, безъ всякой другой связи, и ихъ отношеніе есть отношеніе дерганья за веревочку. Намъ думается, что судъ присяжныхъ, судъ послѣ убійства, есть прежде всего поздній судъ, есть попытка что-то сдѣлать послѣ „расправы по закону Линча“, печальную картину котораго являетъ это дѣло. Здѣсь нуженъ болѣе ранній судъ; рѣшеніе во время, когда одинъ еще не погибъ физически, а другой—нравственно. Т. е. нужно свѣтлое и ясное законодательство о семейныхъ запутанностяхъ и судебная помощь въ нихъ людямъ, исполненная разсудительности, вниманія и заботы. Тогда дѣла Коноваловыхъ,—которыхъ въ подготовленіи и въ возможности сейчасъ легионъ,—не будутъ получать „уродливаго рѣшенія“, какъ жалуются всѣ сейчасъ, но они предупредятся и исчезнутъ какъ уродство само-по-себѣ, какъ ненормальность само-по-себѣ, для которой, разъ она совершилась, уже и исхода и суда, и нормы нѣтъ. Намъ все проповѣдуютъ въ судѣ уголовную хирургию; мы же напоминаемъ, что есть еще гигиена общества.

•Нов. Вр., 1900.

Объ „отрѣченныхъ“ или апокрифическихъ дѣтяхъ.

I.

Дѣти, дѣти... какъ смотреть на васъ мѣръ? цивилизація? религія? Что вы такое *для нихъ*, посему мы узнаёмъ и узнаемъ, что такое эта религія, эта цивилизація, этотъ мѣръ. Французы выдумали десятичную систему мѣръ, взявъ за единицу ихъ $\frac{1}{40}$ миллионную часть меридіана нашей планеты („метръ“). Мнѣ думается, что въ моральномъ и религіозномъ мѣрѣ *дитя* есть фактъ столь же устойчивый и *не перемѣнный*, какъ меридіанъ относительно земныхъ величинъ: оно всегда *одна*, однимъ *процессомъ* происходитъ, имѣетъ въ первую пору *одна признаки*: *довѣрчиво* смотреть на мѣръ. Дитя—*открывающій*; дитя—*первый прозвѣститъ* чего угодно и въ томъ числѣ всякой религіи: онъ во всемъ первый „во упованіи“. Ибо дитя и не умѣетъ ничего еще какъ только уповать. Къ XV томамъ нашихъ законовъ я прибавилъ бы XVI-ый: „О женщинахъ и о дѣтяхъ“: напр. чтобы когда беременная женщина входитъ въ конку, первый же въ вагонѣ сидящій—всталъ и далъ ей мѣсто. Я наблюдалъ, что у насъ мужчины сидятъ, а женщины—молодые, старыя—держатся за ремешки, приделанные къ потолку конки. Ни уваженія къ старости, ни умиленія передъ красотой. Вотъ ужъ „неискусобрачные“...

Я сталъ любить грековъ, когда прочелъ у Гомера слѣдующій стихъ:

Съ днемъ сиротства сирота и товарищъ дѣтства теряетъ,
Бродитъ *одинъ*, съ головою пониклой, съ заплаканнымъ взоромъ.
Въ нуждѣ приходитъ-ли онъ къ отцовымъ друзьямъ и просящій,
То одного, то другою *дѣтиречью* *касается* *ризы*.
Сжался, иной *сиротливому чащу едва наклоняетъ*,
Только уста омочаетъ и нѣба въ устахъ не омочитъ;
Чаще-жъ его отъ трапезы *счастливецъ семейственный* гонитъ,
И, толкая рукой и обидной преслѣдуя рѣчью:

„Прочь ты исчезни! не твой здѣсь отецъ пируетъ съ друзьями!“
 Плачущій—къ матери, къ бѣдной вдовицѣ, дитя возвращается.

(Иліада, XX пѣсня, ст. 490 и слѣд.).

Сколько любви въ этихъ словахъ! Какое вниманіе „слѣпца“—наблюдателя! Какъ здѣсь закругленно очерчено дитя; и чтобы еще увеличить его человѣческой ореолъ—оно взято въ страданіа, въ сиротствѣ. Мы представляемъ, и я грѣшный имѣлъ эту мысль,—что греки были выразителями внѣшней красоты, безъ прониканія въ глубину вещей, и особенно въ глубину человѣка; что они были имморальны и холодны. Но вотъ однако же стихъ, который мы привели...

Въ Аѣнахъ, до самой поздней поры, былъ замѣчательный праздникъ *анатурій*: на него всѣ 12 фратрій, составлявшихъ населеніе города, собирались отчасти въ религиозныхъ цѣляхъ, отчасти для разрѣшенія чисто земныхъ нуждъ. Праздновался онъ въ октябрѣ и продолжался 4 дня. Изъ этихъ дней *третій* назывался „курестисъ“, „дѣтскій день“: въ этотъ день дѣти, родившіяся у гражданъ въ продолженіе года, были представляемы своими отцами (или ихъ замѣстителями) всему собранію фратрій, и, по удостовѣреніи клятвою послѣднихъ законности рожденія, вносились въ списки своей фратрій, послѣ чего становились гражданами; также поступали съ дѣтьми незаконными, если хотѣли надѣлать ихъ правами гражданства. Этотъ день былъ предназначенъ для состязанія въ чтеніи рапсодій, приуроченныхъ къ пониманію дѣтей старшаго возраста.

И опять—какъ просто и какъ благородно!—„Вотъ мое дитя“.— „Да? Ты говоришь—твое? Радуемся, оно—гражданинъ нашъ“! И только. И никакого сомнѣнія. Великой проблемы дитяти не было, оно было такою $\frac{1}{40}$ миллионою земного меридіана, что не могло быть вопроса, *по чему* его мѣрять: конечно — *по нему* все мѣрять! Это Ѳемистоклъ смѣялся: — „знаете ли вы, кто истинный господинъ Аѣинъ?—этотъ мальчикъ. Ибо аѣиняне во всемъ повинуются мнѣ, я — матери этого ребенка, а она — ему самому“. И друзья полководца смѣялись. По этой любви къ дѣтямъ они любили и почитали женщинъ, а Анакреонъ сочинилъ о нихъ пѣсенку:

Дочь Тантала превратилась,
 Силой чаръ, въ утесъ нѣмой;
 Пандіона дочь носилась
 Легкой птичкой надъ землей.

* * *

Мнѣ-жъ бы въ зеркало хотѣлось
 Превратиться,—для того,
 Чтобы ты, мой другъ, смотрѣлась
 Каждый день и часъ въ него.

* * *

Я бѣ желалъ ручьемъ быть чистымъ,
 Чтобъ у ногъ твоихъ журчать;
 Благовоніемъ душистымъ—
 Чтобъ твой воздухъ наполнять;

* * *

Платьемъ быть,—чтобъ одѣвалась
 Ты въ меня—желалъ-бы я;
 Туфлей, чтобъ меня касалась
 Ножка милая твоя.

* * *

Или лентою твою,
 Чтобы станъ твой обвивать;
 Иль твою нагую шею
 Въ видѣ перла украшать.

Странно, до чего родственъ законъ воображенія. Я помню влюбленную свою минуту; это было въ 91 году. Прощаясь съ милою женщиною, я взглянулъ на открытое въ садъ окно ея, и помнится, сказалъ: „вотъ ты уйдешь и ляжешь, и какъ хотѣлъ-бы я быть *этимъ луннымъ свѣтомъ*, падающимъ туда, и который всю ночь *будетъ обливать тебя*“. Вѣрно всѣ влюбленные дѣлаются Анакреонами. Въ часъ свадьбы эти сущія дѣти,—я говорю о грѣхахъ,—еще не просвѣщенные „болѣе истиннымъ свѣтомъ“, выражали въ двухъ пѣсняхъ судьбу и перемѣну, готовящуюся дѣвушкамъ:

Какъ подъ ногой настуха гиацинтъ на горахъ погибаетъ,
 Съ сломаннымъ стеблемъ къ землѣ преклонивши свой вѣничикъ пурпурный,
 Сохнетъ и блекнетъ въ пыли и ничьихъ не манитъ ужъ взоромъ,—
 Такъ же и дѣва, утративъ цвѣтокъ цѣломудрія, гибнетъ:
 Дѣвы бѣгутъ отъ нея, а мужчины ее презираютъ.
 О, приходи поскорѣе, Гименъ, приходи Гименеосъ!

Это пѣлъ хоръ юношей. Второй хоръ дѣвушекъ выражалъ послѣдующую судьбу женщины и какъ-бы возражалъ первому хору:

Какъ на открытой полянкѣ лоза виноградная, прежде
 Бывъ одинокою, къ вязу прильнетъ, сочетавшись съ нимъ бракомъ,
 И, до вершины его обвиваясь своими вѣтвями,
 Радуется взоръ виноградаря пышностью листьевъ и гроздія,—
 Такъ и жена, сочетавшись въ юности брачнымъ союзомъ,
 Мужу внушаетъ любовь и утѣхой родителямъ служить.
 О, приходи поскорѣе Гименъ, приходи Гименеосъ!

Такимъ образомъ тутъ больше объяснялась судьба женщины, потому давалось ей наставительное руководство. Грозящихъ словъ „жена да боится своего мужа“, въ повышенномъ темпѣ голоса произносимыхъ, не было. Зачѣмъ запугивать; время страху—будетъ, когда кончится любовь; вѣдь по нашему-же вѣрованію „совершенная любовь исключаетъ страхъ“.

Съ нѣкотораго времени я сталъ чрезвычайно *чувствовать*

женщинъ, „родительницъ нашихъ“—прямо всѣхъ ихъ сливая со своею покойной матерью, и сталъ прислушиваться, какъ о женщинахъ и дѣтяхъ поютъ народы. Одинъ средневѣковый меннезингеръ, т. е. человѣкъ очень по нашему безграмотный, выразился такъ:

Если проходитъ чистая женщина
Въ платьѣ простомъ,
Скромность ея украшаетъ прелестно.
Такъ что въ нарядѣ своемъ
Блескомъ она и цвѣты превосходить.

* * *

Всѣ ея солнышку равной находятъ,
Что заливааетъ весь край,
Въ ранній сіящій май.
Пышныя женщины лживой наряды—
Нить въ нихъ для глаза ни малой отрады.

Это—замѣчательно: поэтъ не переноситъ, чтобы женщина лгала. Лгать могутъ ученые, могутъ даже астрономы. Жизнь женщины—иногда полная ошибка, сквозь которую, однако, не должна проскальзывать ни малѣйшая лживость. Почему? Правдивость въ женщинѣ есть какъ-бы ея цѣломудріе. Какъ только солгала женщина, то это есть самый непрерываемый критерій, что она не цѣломудренна, хотя при этомъ была-бы „дѣвой—разъ-дѣвой“. Напротивъ, все потерявшая, и, между прочимъ „честь“, если вовсе при этомъ не умѣетъ солгать—прямо таки дѣвственница. По сему воспитаніе женщинъ должно-бы состоять въ одномъ: просто въ сокрытіи отъ нея, что существуетъ въ мірѣ фактъ *обмана*, случая *неправды*; въ изыятіи изъ головы ея самого этого понятія. Дѣвушка, женщина, вдова — должна идти прямо грудью передъ собою, и такъ сказать смотрѣть на міръ доврчиво-любящими глазами. „Меня всѣ любятъ: и мнѣ также всѣ дороги“. Что-нибудь въ этомъ родѣ должно быть ея специфическою культурою. Какъ всеобщая мать, женщина есть вообще всеобщая примирительница и даже между-народная. Между-народные конфликты я разрѣшалъ-бы такъ: отдать на разсмотрѣніе самой почтенной женщинѣ Англіи. Это — какая-нибудь старуха, милая бабушка: вѣдь какая честь ляжетъ на ея память, и молва о ней сохранится въ потомствѣ! Увѣренъ, что такія не дипломатическія рѣшенія между-народныхъ споровъ гораздо лучше успокаивали бы народы, чѣмъ рѣшенія дипломатическія.

II.

— О чемъ это вы заговорили? спроситъ читатель,—или по поводу чего?

— Да ни „по поводу чего“, а прямо о послѣднемъ выпускѣ

„Воскресенія“ Толстого. Къ тому и велъ рѣчь. Тамъ—о дѣтяхъ написано, и я, по примѣру германскихъ ученыхъ, собралъ кое-что „вообще о дѣтяхъ“, чтобы перейти, въ частности, „къ дѣтямъ у насъ“, какъ они иллюстрированы въ „Воскресеніи“ Толстого. А какъ дѣти суть часть женщины, и даже женщину можно опредѣлить, какъ мистическую зиждательницу дитяти,—то сперва, и опять-же въ предуготовленіе къ Толстовскому „Воскресенью“, дадимъ вырѣзку изъ газеты:

„Въ настоящее время въ Нью-Йоркѣ разбирается дѣло милліонера-колбасника, Адольфа Лютгерта, убившаго свою жену и растворившаго ея тѣло, новѣйшими способами, съ десяткомъ коровьихъ тушъ въ громаднѣйшихъ размѣровъ чанѣ. Свѣтъ давно не видалъ такого звѣрскаго и хладнокровно обдуманнаго убійства. Лютгертъ, нѣмецъ по происхожденію, прибылъ изъ Германіи въ Чикаго лѣтъ 30 тому назадъ небогатымъ человѣкомъ и открылъ маленькую фабрику сосисекъ.

„Съ помощью ему одному извѣстнаго способа придавать особенно хорошій вкусъ сосискамъ и колбасамъ, онъ быстро сталъ богатымъ и въ короткое время выстроилъ громадную фабрику, выпускающую ежедневно на рынокъ многія сотни фунтовъ колбасы и сосисокъ.

„Лѣтъ 15 назадъ у Лютгерта скоропостижно скончалась первая жена, но никто не заподозрилъ ни въ чемъ богатаго фабриканта, хотя многіе знали, что онъ человѣкъ сквернаго характера и притѣснялъ жену. Но когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ пошли слухи, что его второй жены нѣтъ въ домѣ, то это вызвало сильныя подозрѣнія. Вѣрная горничная первая осмѣлилась спросить у мистера о миссисъ, и грубый хозяинъ отвѣтилъ беспокойнымъ голосомъ, что миссисъ поѣхала въ гости къ своему брату. Горничная не удовлетворилась этимъ отвѣтомъ, такъ какъ видѣла хозяйку еще наканунѣ вечеромъ, когда та собиралась идти спать, а не ѣхать въ гости. Служанка осмотрѣла шкафы съ платьемъ и нашла, что ни одно изъ платьевъ не тронута хозяйкой, которая не могла же отправиться въ гости въ ситцевой домашней кофточкѣ, безъ шляпки и безъ перчатокъ. Вечеромъ того же дня одинъ изъ сторожей, убравшихъ обыкновенно остатки или осадки изъ чановъ, нашелъ въ одномъ изъ послѣднихъ нѣсколько кусковъ стали отъ женскаго корсета и брилліантъ изъ перстня хозяйки. Догадливая горничная на другой день отправила письмо къ брату миссисъ Лютгертъ, въ которомъ спрашивала о своей хозяйкѣ. Оказалось, что послѣдняя къ брату и не думала ѣздить, *а была сварена въ чанѣ новѣйшимъ усовершенствованнымъ способомъ, а тѣломъ ея полакомились охотники до лютгертовскихъ сосисокъ.* Лютгертъ отрицаетъ свою вину, но рабочіе, наблюдавшіе ночью за чанами въ фабрикѣ, свидѣтельствуютъ, что какъ разъ

въ ту ночь, когда его жена исчезла, онъ ихъ всѣхъ удалилъ подѣ предлогомъ, что нужно осмотрѣть машины на фабрикѣ,—чего онъ никогда ночью не дѣлалъ,—и при этомъ еще сильно торопилъ ихъ скорѣе убраться домой. Когда на слѣдующіе утро пришли дневные рабочіе, то замѣтили, къ своему удивленію, хозяина возившагося около того самаго чана, въ которомъ сторожъ потомъ нашелъ крупный брилліантъ изъ перстня убитой и кусочки стали. Лютгерта арестовали и не согласились выпустить изъ тюрьмы подѣ залогъ.

„Въ мѣстномъ обществѣ дѣло Лютгерта вызвало страшное волненіе не столько въ виду личности убійцы или мотивовъ убійства, сколько въ виду того звѣрскаго и необычайнаго способа, которымъ оно было совершено“. (*Русское Слово*, 1896 г.).

Ужасно. Надо вдуматься. Нужно искать аналогій въ исторіи. Мы читаемъ у римскихъ историковъ, что „рабовъ“, „*servos*“ употребляли тамъ—конечно очень рѣдко, чуть-ли даже не однажды только за всю исторію—на откармливаніе гастрономической рыбы, и ужаснувшись, объясняемъ себѣ: „до того этотъ народъ отождествилъ понятіе человѣка съ суммою гражданскихъ правъ, что у кого ихъ не было, а ихъ не было у рабовъ, того онъ выключалъ вовсе изъ состава человѣчества“. Грекъ выключалъ изъ состава людей, имѣвшихъ душу,—„варваровъ“; іудей—„не обрѣзанныхъ“. Вотъ рядъ фактовъ какого-то непониманія, какого-то забвенія, на почвѣ котораго выросло столько грубости, и иногда разыгрывались случаи кроваво-дикіе. Тутъ въ основаніи событія лежитъ запущенность пониманія. Теперь перейдемъ къ другой аналогіи. На всемъ кругѣ земель, во всей цивилизованной Европѣ чего нельзя себѣ представить? Нельзя себѣ представить, чтобы министръ началъ драться (бить нѣкоторыхъ просителей) въ приемные у себя часы. Ихъ такъ много и такъ сильно критиковали, что они стали *неодолимо* вѣжливы. Но возьмемъ случай обильнѣйшихъ отношеній. Нельзя себѣ представить, чтобы ученика на урокъ взялъ схватилъ-бы учитель, да тутъ-же при всѣхъ товарищахъ его и выпоролъ. Не то, что это „запрещено закономъ“; мало-ли что запрещено; но уже атмосфера теперь такая, и специально между ученикомъ и учителемъ, что скорѣе совершится чудо, рука учителя покроется проказой какъ у какого-то сирійскаго полководца передъ пророкомъ, нежели чтобы эта рука физически, физиологически, съ бичемъ—поднялась на ученика. Вы чувствуете, нравы могущественнѣе закона; нравы, переходя въ предрасудки, въ суевѣрія, становятся стальною неизбѣжностью или стальною-же невозможностью. На всемъ континентѣ Европы учениковъ больше не бьютъ; но жень?—Сколько угодно! Вотъ уже первая ступень къ Лютгерту. Ихъ бьютъ вѣка, тысячелѣтіе, и не одно; и мы, конечно, очень снаивничали, высказавъ выше претензію; почему передъ ними не встають въ вонкъ.

Писатели наши, изъ натуралистовъ, давно дивятся, что жеребую кобылу мужикъ не впряжетъ въ возъ, а беременную жену поставить на тяжелую работу. Не забуду, какъ, много лѣтъ назадъ покупая грибы у не молодой, но и у не старой женщины, я увидѣлъ, что она вдругъ залилась слезами. — „Что съ тобой?“ — „Дочка на сносяхъ, 17-й годокъ только, совсѣмъ глупая; и вотъ боюсь, чтобы чего не случилось; она у меня слабая, а мужъ поставилъ ее рожь молотить“. Но это — въ сторону. Конечно, дико думать, чтобы кобыла была дороже жены для мужика, но о кобылѣ, т. е. о хозяйствѣ каждый мужикъ что-то специальное понимаетъ, а о женѣ каждый специально не понимаетъ, и, такъ сказать, не понимаетъ не разумомъ, но суевѣрiемъ, предразсудкомъ, привычкою. Чего-же онъ не понимаетъ? да съ чего онъ, въ самомъ дѣлѣ, 2,000 лѣтъ привычно бьетъ ее? „Лошадь — одѣръ; ну, противна — продавь ее. Но жена есть такой одѣръ, котораго нельзя продать, а можно только убить“. Исторiя Лютгерта совсѣмъ выклевывается изъ яичка. Вѣдь тутъ — тысячелѣтнiе нравы; и на каждой улицѣ, въ каждомъ городкѣ, гдѣ-нибудь въ мирной хижинкѣ мирнѣйшихъ странъ подрумянивается семейное преступленiе, какъ къ осени подрумяниваются яблоки на солнцѣ. Атмосфера нажимается, густѣетъ. О, конечно, въ тысячъ случаевъ до преступленiя не доходить; кончается потасовкой, дракой; нѣтъ Лютгерта, но $\frac{1}{1000}$ Лютгерта есть. А гдѣ есть $\frac{1}{1000}$, дойдетъ и до $\frac{1000}{1000}$, т. е. до полной и созрѣвшей единицы. Да такъ это и написано въ законѣ всѣхъ странъ Европы: „покушенiе одного изъ супруговъ на жизнь другого не есть достаточный поводъ для расторгженiя супружества“. — „Рѣзаль, да не зарѣзаль...“ — „Однако, дышетъ?“ — „Дышетъ“. — „Ну, ничего; пусть живутъ согласнѣй и уважають святую тайну брака; а, впрочемъ, намъ некогда; кирiе элейсонъ, кирiе элейсонъ“. Вы живете въ одной комнатѣ съ неприятнымъ человѣкомъ; ну, живете годъ — тяжело; прошло пять лѣтъ — очень тяжело; семь лѣтъ — невыносимо. „Да чѣмъ невыносимо?“ — „И выразить не умѣю, не переноситъ моя душа“. — „Ну, вотъ пустяки, даже и посмѣяться нечему“. — „Дайте хоть свадобья какого выпить, чтобы не милое стало милымъ“. — „Нѣтъ этакого свадобья, не выдумано, живите такъ“. — „Тогда я буду драться?“ — „Это можно“. — „Да нѣтъ, живуча собака; побьешь, а къ вечеру она на кровать къ тебѣ лезетъ; не знаю, что дѣлать“. — „Ужь какъ нибудь обдумайтесь“... И вотъ начинается въ тихомолку обдумыванье; одинъ — такъ поступилъ, а другой — этакъ, и, наконецъ, третiй, Лютгертъ, вотъ этимъ, еще не испытаннымъ способомъ. „Какъ ужасно!“ Да что ужасно-то, вѣдь и въ законѣ предвидѣно, законъ включилъ не только всяческiе пороки, но и наконецъ преступленiе, въ семью; чего-же вы дивитесь, что семья порочна и

преступна? Это сколоченный гробообразный ящикъ, о которомъ не безъ поводовъ, en masse, сложилась поговорка: „семья—могила любви“. Вы сидите въ комнатѣ и охотно весь день занимаетесь; но вамъ сказали съ утра: „нельзя выйти этотъ день изъ дома“. — „Ну, тогда я побѣгу; изъ окна выскочу; руки, ноги обрѣжу—но выскочу“. Психика. Психика самая коротенькая, что любя дѣло я просижу за дѣломъ; но когда любимое дѣло мнѣ поставятъ въ *урокъ*, я его возненавижу, не исполню. И въ особенности, если это любимое дѣло—величайшей нѣжности и деликатности, все полное нервозности, сплетенное изъ солнечныхъ лучей и запаха цвѣтовъ. Нужно плести брюссельскія кружева; а вы дали для плетенія ихъ, вмѣсто тончайшихъ спиць, деревенскій ухватъ.— „Ухватъ“, поясняете вы,— „для того, что нужно это кружево долго плести, и ухватъ не сломается, да и самое кружево будетъ тогда прочтѣ“.—Ну, и получилась веревка, на которой можно только удавиться, а не брюссельское кружево. Т. е., перелагая примѣръ на дѣйствительность, въ Европѣ и всегда-то была, вмѣсто эфира семьи, какаля-то веревка удавленника. Легенды о „злыхъ женахъ“, легенды, сказанія, жалобы—еще Ярославовой древности. О „злыхъ“ и объ „озлобленныхъ“; и ужъ, вѣрно, объ этихъ „злыхъ женъ“ много, съ Ярослава Мудраго, ухватовъ переломано. „Живучи, стервы“.

Во всякомъ случаѣ, Лютгертъ—понятець, какъ понятець римскій *servus* въ прудѣ съ муренами (хищная вкусная рыба). Это—специальность нашего непониманія. Специальность нашего „спасенія“, которое путемъ „женщины“ оскверняется. И что-же удивительнаго, и какже поправить, что около этой „скверны“—все скверно, т. е. скверна семья, отъ которой нужно „воздержаться“. Не воздержался, не послушалъ совѣта: „лучше не жениться“, ну—„и майся, другого совѣта тебѣ не дадимъ. Да и главное—некогда намъ вовсе, не для этого пришли мы въ мѣръ; тамъ—ереси одолѣваютъ, здѣсь—хладный мѣръ. Некогда, некогда“...

III.

Но, мы сказали, женщина—начало ребенка, начинающийся ребенокъ; и какова въ цивилизациі или религиі концепція женщины, такова непремѣнно будетъ и концепція рождающагося ребенка. Метафизика тонка и высока; метафизика утонченна и духовна; но непремѣнно эта метафизика скажется на землѣ, выразится на землѣ неодолимой силы фактами, и вотъ ихъ, эти факты, и рисуетъ въ „Воскресеньи“ Толстой.

„— Я спросить хотѣлъ про ребенка. Вѣдь она у васъ родила? Гдѣ ребенокъ?“ спрашиваетъ дурной, но теперь кающійся отецъ.

„— Ребеночка, батюшка мой, я тогда хорошо обдумала. Она

(Катерина) даже трудна была, не чаяла я ей подняться. Я и *окрестила дѣвочку*, какъ должно, и въ *воспитательный пред- ставила*. Ну, *ангельскую душку что-жъ томить, когда мать помираетъ*. Другіе такъ дѣлаютъ, что оставляютъ младенца, не кормятъ, онъ и сгаснетъ; но я думаю: что-жъ такъ—лучше по-тружусь, пошлю въ воспитательный. Деньги были, ну и свезли“.

„— А нумеръ былъ?“

„— Нумеръ былъ, да померъ ребенокъ тогда-же. Она сказывала: какъ привезла, такъ и кончился“.

„— Кто она?“

„— А самая эта женщина, въ Скородномъ жила. Она этимъ занималась. Маланьей звали, померла она теперь. Умная была женщина—вѣдь она какъ дѣлала. Бывало, принесутъ ей ребеночка, она возьметъ и держать его у себя въ домѣ, прикармливаетъ. И прикармливаетъ, батюшка ты мой, пока кумплетъ соберетъ. А какъ соберетъ троихъ или четверыхъ, сразу и везетъ. Такъ у ней было умно и сдѣлано: такая люлька большая, вродѣ двуспальная, и туда и сюда класть. И ручка придѣлана. Вотъ она ихъ положить четверыхъ, головками врозь, чтобъ не бились, ножками вмѣстѣ, такъ и везетъ сразу четверыхъ. Сосочки дать, они и молчатъ, сердечные“.

„— Ну, такъ что-же?“

„— Ну, такъ и Катерининаго ребенка повезла. Да никакъ недѣли двѣ у себя держала. Онъ и зачиврѣлъ у ней еще дома“.

„— А хорошъ былъ ребенокъ?—спросилъ Нехлюдовъ“.

„— Такой ребеночекъ, что надо-бы лучше, да некуда“.

„— Отчего-же онъ ослабѣлъ: вѣрно дурно кормили?“

„— Какой ужъ кормъ? Только примѣръ одинъ. Извѣстное дѣло, не свое дѣтище. Абы довести живымъ. Сказывала, довезла только до Москвы, такъ въ ту же пору и сгасъ. Она и свидѣтельство привезла,—все какъ должно. Умная женщина была“.

„— Только и могъ узнать Нехлюдовъ о своемъ ребенкѣ“.

Многіе говорятъ, что рука Толстаго уже слаба и рисунокъ— не той тонкости, какъ въ *Аннѣ Карениной*. Кто-же будетъ противъ этого спорить! Но ему уже седьмой десятокъ пошелъ; мы, юные, забыли уже печальный процессъ Скублинской (въ Варшавѣ, въ концѣ 80-хъ годовъ), а онъ дрожащею старческою рукою рисуетъ его, рисуетъ специально для „Нивы“, т.-е. онъ тревожитъ насъ, мучить и... и, какъ очень точно выразился г. Гатчинскій Отшельникъ, ставить передъ нами проблему „*безсмертныхъ вопросовъ*“...

Позвольте: *отецъ* черезъ 15 лѣтъ справляется о ребенкѣ, т.-е. онъ его любитъ; *мать*—въ безсмертной красоты спенѣ,—когда она бѣжала за поѣздомъ, увозившимъ Нехлюдова и подумала о самоубійствѣ, была спасена отъ него ребенкомъ:—„Вдругъ она почувствовала подъ сердцемъ движенія безцѣнно дорогаго ей су-

щества: и въ тоже время мысль о самоубійствѣ разсѣялась“. *Государство...* да, и оно даетъ „№ ребенка“, т.-е. говоритъ: „помни, припомни: онъ твой“. *Стороння женщина, промыслительница, и та „кладеть ребеночковъ врозь головками, чтобы они не стукались“.* Но нѣтъ-ли *кого*, кто совершенно забылъ о ребенкѣ, не имѣеть никакой его концепціи, и если уже имѣеть, то скорѣе—отрицательную? *Скопецъ.* Въ духѣ или въ тѣлѣ скопецъ, аскетъ или кастратъ—все равно.

Аскетъ. Вамъ было сказано не рождать... Или рождать какъ можно меньше, ограниченно, въ нѣкоторыхъ и строго опредѣленныхъ случаяхъ. Зачѣмъ ты родила?

Катерина. Богъ велѣлъ.

Философъ. Что она въ точности родила не безъ воли Божіей, не безъ радости Божіей о ея рожденіи, это видно изъ того, что она зачала; не благословляемые Богомъ—и не рождаютъ. Проститутки никогда не рожаютъ, вовсе; развѣ вы этого не замѣчали? Даже въ первое время профессиональнаго своего занятія; когда онѣ бывають еще здоровы: ибо Богъ проклялъ ихъ, и проклялъ ихъ чрево—за поруганіе Его. Если вы сомнѣваетесь, есть текстъ: „И посѣтилъ Господь Анну, и зачала она“. (*Первая книга Царствъ*, II, 21). Если выраженіе: „Богъ посѣтилъ ее“—вамъ кажется слишкомъ обще, и вы можете принять его въ смыслѣ: „посѣтилъ радостью“, „посѣтилъ исполненіемъ того, чего она желала“, то вотъ другой текстъ, не оставляющій уже никакого сомнѣнія, что собственно всякое рожденіе имѣеть соучастника себя въ Богѣ: „Духъ Божій создалъ меня и дыханіе Вседержителя дало мнѣ жизнь“. (*Іовъ*, XXXIII, 4). Если вѣрите авторитету *Библии*, должны повѣрить и этому слову. Въ томъ или иномъ смыслѣ, тѣмъ или инымъ способомъ, и по всему вѣроятію способомъ и въ смыслѣ, коего человѣкъ никогда не разгадаетъ, но Существо Божіе причастно зачатію и въ самый мигъ его—опять не изслѣдимо какъ—касается рождающихъ и прорѣзываетъ Мистическимъ Лицомъ плоть, отпечатлѣвая въ ту же секунду „образъ и подобіе“ Свое на зачинаемомъ. Впрочемъ, и объ этомъ есть-же текстъ: „Какъ небо новое и новая земля, которая Я сотворю, всегда будутъ передъ лицемъ Моимъ, говорить Господь,—такъ и *стѣня* *ваше* будетъ *передо Мною*“... „*Доведу-ли Я до родовъ* и не дамъ родить? говоритъ Господь; или *давая силу родить*, заключу-ли утробу, говоритъ Богъ твой?“ (*Исаія*, LXVI, 9 и 22). Если Божіе слово—истина, Катерина истинствовала зачиная, и каждая тварь зачиная—истинствуетъ передъ Богомъ.

Аскетъ. Да, но новыя слова...

Философъ. Новыя слова и вѣчное человѣческое недомысліе... Развѣ Богъ двоица? Имѣеть двѣ истины? Но не научены-ли вы, что Богъ имѣеть Упостаси, надъ чѣмъ тоже издѣвался недомыс-

ленникъ Вольтеръ, и одна Упостась—вѣчно рождаетъ, другая—предвѣчно рожденное Слово—уже не рождаетъ, и поэтому одному, сшедшая съ небесъ на землю, научила человѣчество нравственному міропорядку, но умолчала о существѣ рожденія, умолчала вовсе не по отрицанію его, но потому, что всякій о рожденіи глаголь и всякому рожденію соприсутствіе принадлежитъ Первой Упостаси. Вы не различаете Упостасей Божіихъ, и посему, исповѣдѹя скопчество, хотя исповѣдуете Сына—Слово, но вовсе забыли Отца.

Аскетъ. Но это забвеніе очень древнее...

Философъ. Чрезвычайно. Идея Отчей Упостаси не возбуждала вопросовъ, не породила сектъ, не обсуждалась на соборахъ, и осталась въ тѣни, превратившись въ вѣкахъ только въ упоминаемую, безъ всякой около нея философіи. Между тѣмъ вся полнота бытія восходитъ къ Богу. Вся мысль человѣческая, и всѣ науки, всякая философія струится отъ Предвѣчнаго Слова, но если-бы этимъ ограничивалось отношеніе человѣка къ Богу, то и въ Божествѣ была-бы неполнота, и человѣкъ—недоумѣніе. Откуда онъ *самъ*? И неужели зачатіе человѣка есть такая мгла, которую... безсильно, что-ли, пронизать Существо Божіе? Свѣтъ семьи—не меньшій, чѣмъ свѣтъ философіи. Если-бы Богъ не обнималъ рожденія тварей, онъ не обнималъ-бы главнаго въ тваряхъ, и даже тварь была-бы безъ Творца.

Уже давно, многіе вѣка въ наше исповѣданіе Три—Упостаснаго Божества, Первая Упостась входитъ только *нумераціонно*, безъ образа, безъ мысли, безъ пониманія тѣхъ „не слянныхъ“ чертъ, по существу коихъ она и называется около второй и третьей. Вы хотите доказательства—вотъ оно. Кто не радовался принятію въ лоно нашей Церкви Сиро-Халдеевъ. СироХалдеевъ... какое имя! Какія воспоминанія! Какое чудо исторіи и кругооборотъ ея: вѣдь Авраамъ, отецъ ветхозавѣтной Церкви, былъ выходецъ изъ халдейскаго городка Ура. И вотъ, трепеща сердцемъ, я вырѣзалъ чинъ исповѣданія вѣры, по коему неопиты были приняты. Прочтите его и вдумайтесь:

„Мы-же вѣруемъ и исповѣдуемъ и проповѣдуемъ тако: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *прежде вѣкъ отъ Отца рожденный по божеству*, въ послѣдокъ-же дній рожденный отъ Святой Дѣвы Маріи по человечеству, есть Единъ и той-же

во двою естеству,
во единѣмъ лицѣ
или во единѣй упостаси,
Единъ Христосъ,
Единъ Сынъ,
Единъ Господь,
Единъ Богочеловѣкъ.

„И паки глаголемъ: мы вѣруемъ и исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, яко *Единосуцный Отцу по Божеству и единосуцный намъ той-же по человечеству*, Единъ сый Святыя Троицы, *Богъ Слово, отъ Святыя Дѣвы Маріи воспріявъ* совершенное чело-вѣческое естество, то-есть *душу словесную и разумную и тѣло:*
и чело-вѣческія свойства,
и чело-вѣческое дѣйствіе,
и чело-вѣческую волю.

„И егда Богъ Слово соедини тако во своей Упостаси совершенное чело-вѣческое естество съ совершеннымъ Божескимъ естествомъ и содѣлался чело-вѣкомъ: различіе двухъ естествъ не уничтожено соединеніемъ, не упразднено и не ослаблено: паче-же каждое изъ двухъ естествъ сохранило свое свойство. Посему во Иисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ

два естества,
два свойства,
два дѣйствія
и двѣ воли,
пребывающія въ немъ неслитно,
неизмѣнно,
нераздѣльно,
неразлучно“.

Вы видите, что весь этотъ кругъ исповѣданія, гдѣ наблюдаемъ слѣдъ работы всей Церкви, опредѣлилъ до послѣдней степени тонкости и раздѣльности... одну только Вторую Упостась. Третья упостась, Духъ Святыи, „Духъ утѣшитель“, какъ называлъ Его Спаситель, „Духъ Истины“—не названъ, не выраженъ. Въ храмахъ своихъ мы видимъ его только „сходящимъ въ видѣ голубя на крестящагося въ Иорданѣ“ Иисуса; и это, да еще то, что „исходя отъ Отца онъ не исходитъ отъ Сына“,—есть все, что мы о немъ знаемъ. Т.-е. мы о Немъ ничего не знаемъ и не приложили никакого вниманія, усилій, разсмотрѣнія міра, чтобы опредѣлить и уяснить: гдѣ, какъ и какимъ „не слияннымъ“—же способомъ въ вѣщахъ міра, въ дѣлахъ міра выражается эта Третья Упостась? Далѣе, въ подчеркнутыхъ нами словахъ исповѣданія, Первая Упостась выражена лишь относительно второй, она—относительна (въ словесномъ выраженіи), тогда какъ очевидно она-то и безусловна, начальна, все-зидительна. Въ символикѣ храмовыхъ изображеній Она отразилась древнею, необыкновенно древнею фигурою—*Всевиद्याщаго Ока*, заключеннаго въ *треугольникъ* Δ ; изображение, которое въ раздѣльности своей (отдѣльно *глазъ* и отдѣльно *треугольникъ*) постоянно въ египетскихъ папирусахъ. Второе храмовое изображение, это—„Ветхій деньми“, рѣущій въ небесахъ, т.-е. образъ Старца, старости, древности. Итакъ: „ветхое“ и „видащее“—суть два атрибута, подъ коими мы мыслимъ

Первую Упостась. Такимъ образомъ въ теизмѣ нашемъ, какъ онъ выразился художественно (живопись въ храмахъ) и выразился словесно (исповѣданіе) и выражается сердечно и чувственно, есть та очевидная односторонность развитія, что это есть теизмъ не Три-Упостаснаго поклоненія, но Второ-Упостаснаго: поклоненіе собственно евангельской исторіи, евангельскому повѣствованію, евангельскимъ отдѣльнымъ событіямъ, съ крайнимъ ослабленіемъ вниманія къ книгѣ Первой, вѣждительной Упостаси—Библии. Поразительно, что изображеній Авраама и Сарры, умирительной исторіи Іосифа, глубокомысленнаго благословенія Іаковомъ сыновъ своихъ, Руен и Ноэмии, Іова и судьбы его, Товіи и Товита, нѣтъ въ нашихъ церквахъ: т.-е. есть *страшное ослабленіе* библейскаго духа, какъ бы это былъ ползузабытый сонъ, о которомъ намъ *нѣтъ нужды* помнить и *нѣтъ спасительнаго* въ этомъ воспоминаніи! Есть въ храмовыхъ изображеніяхъ очень много византійскаго, византійской ученой работы надъ расчлененіемъ вѣры,—и огромная портретная живопись греческой и русской исторіи. Но гдѣ Лаванъ? но гдѣ Рахиль и Лія? гдѣ Сарра и Лотъ? Ааронъ и Маріамъ? Данилъ и Сусанна? И вообще, даже переходя къ Евангелію, гдѣ *жены и дѣти, матери и сестры*? Гдѣ *всемірное родительство*?.. Нѣтъ отвѣта; и изображение, и размышленіе не коснулось этихъ вопросовъ. Въ золоченныхъ почеркѣвшихъ вѣчникахъ передъ нами стоятъ лики *догматиковъ* міра, а не *жильцовъ* міра. *Школа!*.. Христіанство *все* фразировалось въ исторіи не какъ *быть*, но какъ *какая-то*, да будетъ прощено для нужности образное выраженіе, необовримая *семинарія* и „быть христіаниномъ“ стало значить „быть семинаристомъ“. „Жить“ *уровнялось* съ „учить“ или „учиться“; но, Боже, мы *развѣ только* учимся, мы еще хотимъ, намъ еще нужно жить! Я не знаю, съумѣлъ-ли выразить и почувствовалъ-ли читатель великую коллизію между тѣмъ, что *нужно* бы и что *ожидалось* бы и что совершенно *право*, и между тѣмъ, что *дано* и очевидно какъ-то перекосялось въ планѣ своемъ, какъ Исаакій сталъ коситься отъ неравнобѣрнаго осѣданія портиковъ и центрального квадрата въ немъ. Все цѣло; все великолѣпно еще: но 40 лѣтъ стояли около дивной работы Монферрана лѣса, чтобы *выпрямить* на 3 дюйма, но *отклонившіяся отъ вертикали*, порфирныя колонны. Я боюсь утомить читателя. и скорѣе перехожу къ поводу всѣхъ этихъ сужденій—„Воскресенью“ Толстого, и тому частному эпизоду о *дѣтяхъ*, объ *отцѣ* и о *матери*, о которыхъ заговорилъ. Вотъ Нехлюдовъ, „блудный сынъ“ въ „отчествѣ“ своемъ: что-же, въ приведенномъ мною перечнѣ необходимыхъ христіанину знаній, онъ имѣетъ для *исповѣданія* и для *вѣры* какъ *отецъ*? Ничего. Ни свѣта просвѣщенія, ни жеста управленія, ни пластыря на рану, ни укора для грѣха иначе какъ „въ *обще-христіанскихъ* термінахъ и для *обще-христіанскихъ* чувствъ“. Но вѣдь есть-же

*асобливость и специальность въ грѣхѣ, правдѣ, скорби и занозахъ отцовскихъ и материнскихъ, и это не какая-то долька міра, а это стержень міра, главное русло „океанъ-рѣки“: вотъ въ эту-то „океанъ рѣку“ христіанство и не кануло, не пошло „руслонъ“, а какою-то боковой, и временной, сравнительно случайной канавкой. Конечно — перекошенность плана къ гибели міра (не просвѣщеннаго), къ опасностямъ, измельчанію, обмельчанію самой вѣры, которая полилась по пескамъ и камнямъ, а не по надлежащему руслу. Языкомъ моимъ говорить скорбь, какъ о мірѣ, такъ и о вѣрѣ. Мы всѣ не просвѣщены и брошены именно и специально какъ отцы, родители, рождатели. И напр. Нехлюдовъ, да и сама Катерина, даже не знаютъ оба, отецъ-ли и мать они? полу-супруги-ли они или вовсе не-супруги между собою? и что такое этотъ ребенокъ, связанный-ли съ нимъ, не связанный-ли? Ничего не знаютъ, рѣшительно ничего. Никакого свѣта для нихъ, никакой науки; и гр. Толстой въ данномъ пунктѣ именно *начинаетъ науку, пролагаетъ свѣтъ*: „связь есть, разъ есть ребенокъ“, „нити перерѣзать между вами нельзя“, „перерѣзали—болно станеть, грѣхъ есть“, „держитесь другъ за друга, не оставляйте другъ друга“. Это—*новое, это—нужное*; этого въ византійскихъ хроникахъ нѣтъ, и нѣтъ въ Номоканонѣ. Связь между всякими родителями до того очевидна, что даже гражданскій, т.-е. поверхностный и человѣческій законъ, нашель ее (отецъ уплачиваетъ на воспитаніе ребенка), но нашель конечно только экономическую связанность; и между тѣмъ вѣдь это сфера очевидно закона Божія, и онъ указалъ-бы, да онъ и указываетъ, а Толстой только подчеркиваетъ *трансцендентную* здѣсь *связь, разрывъ* которой и порождаетъ *грѣхъ, чувство виновности*. Вотъ странность: *грѣхъ*, упавшій *со счетовъ* церкви; очевидно, есть какая-то *святость*, тоже упавшая съ ея счетовъ, и вообще въ категоріяхъ *святаго* и *грѣха* въ ея „счетахъ“ есть какая-то неполнота. Изъ этой неполноты ея счетовъ и вытекли *грѣхъ Нехлюдова, несчастье Катерины, смерть ихъ ребенка*, ужъ слишкомъ „обще“, „по христіански“ охваченное въ рубрику: „противъ VII-й заповѣди“. Ну, что-жъ „противъ VII-й заповѣди“: и въ публичный домъ сходить—„противъ VII-й заповѣди“, и въ постъ съ законной женой соснуть „противъ VII заповѣди“. Грѣшимъ, и каемся, и забывается, и прощается... такъ именно и думаль Нехлюдовъ, когда Толстой далъ почувствовать, что *оставленный человекомъ человекъ, и отцомъ—ребенокъ*, и „*познавшимъ—дѣвушка*“,—это вовсе не „сонъ съ женой подъ праздникъ“, „не VII-я заповѣдъ“, но нѣчто страшное, не забываемое, трансцендентно-грѣшное. Такимъ образомъ романъ научаетъ *новому святому и новому грѣшному*, открываетъ новыя территоріи *грѣха и святости*, не вошедшія и даже какъ-то не вписуемыя по „песку и галькѣ“ по коимъ потекло христіанство*

въ Византіи и Римѣ. Мы мысленно обращаемся къ г. *Мирянину*, выступившему, въ этомъ году, противъ всякаго разлитія христіанства въ семью, и высказавшагося за сохраненіе въ немъ строго „пустыннаго“ духа; онъ сослался при этомъ на Никанора Одесскаго, и на специально-монашескія скорби, на которыя тотъ сѣтуетъ въ „Запискахъ изъ исторіи ученаго монашества“. Въ кругѣ приведеннаго нами исповѣданія выпущена вовсе Первая Упостась. И что-же изъ этого практически вытекло? Отсутствіе культуры,—когда-бы только оно!.. Но вѣдь вы, я обращаюсь къ г. Мирянину, пусть духовно еще, но все-таки *сконецъ*, и не только *не понимаете*, вы—*отрицаете*. Вы—*нигилистъ*, и не по отношенію къ тѣмъ пустякамъ, о которыхъ говорилъ Базаровъ и они пугали публику 60-хъ годовъ; вы—нигилистъ міра, міровой нигилистъ, нигилистъ тѣхъ степеней, которыя переходятъ въ бѣсовщину, отчего онъ и разразился не конспиративными квартирами, а... *дѣтскому мерцанию*. Толстой только рисуетъ сцену и плачетъ; плачетъ и говоритъ, шамкая шестидесятилѣтними губами:

„— Ничего не понимаю въ мірѣ. Матери рыдаютъ о возлюбленныхъ дѣтяхъ своихъ, но какой-то страхъ гонитъ ихъ, и съ рыданіями онѣ бросаютъ ихъ. Младенецъ спасъ мать, еще лежа въ чревѣ ея, когда она бѣжала за поѣздомъ; но вотъ она родила—и своего избавителя отъ смерти предаетъ смерти. Не понимаю. Я старикъ; ничего не понимаю. Но я чувствую, что нѣтъ Бога въ мірѣ, и я отрекаюсь отъ міра“.

Тутъ поспѣваетъ и слово Никанора: „мы, ученые аскеты—выразители мірового пессимизма“... „Не вѣрю: помози, Боже, моему невѣрію“¹⁾.

Какой вопль! Да чему-же и вѣровать? Міровая горечь. Міровое

¹⁾ Поразительны слова, и *тонъ* этихъ словъ: „Вся сила страданія, какая только дана монаху отъ природы, кидается на одинъ центръ—на него самаго, и приливомъ болѣзни къ одному жизненному пункту поражаетъ его жестоко, иногда прямо на смерть. Это и есть монашеское *самобольнѣе*. И блаженъ тотъ изъ черной братіи, кто силенъ, кто приобрѣлъ отъ юности навѣкъ, кого Богъ не оставилъ благодѣтельнымъ даромъ *духовнаго искусства*, а ангель-хранитель неотступностью своихъ внушеній указываетъ опереться на Бога и Церковь, опереться даже безъ *отры* и *идежды* на *стѣну церковную*. Я употребляю слова выболѣвныя, да! Я зналъ монаха, который отъ боли души не спалъ четырнадцать дней и ночей. Это чудо, но вѣрно... Я зналъ монаха, превосходнѣйшаго человѣка, который, страдая собственно болями ума, выразился такъ: „правда, становится подчасъ понятенъ Иванъ Ивановичъ Лобовиковъ“ (самоубійца профессоръ). Иначе сказать, понятна логика самоубійства. Да, понятна. И мучится монахъ въ душѣ прирожденными ей усиліями помирить *злую необходимость*, *явно царящую вездѣ и надъ всѣмъ*, отъ *бездѣльности звездныхъ мировъ* и до *ничтожной веснички человека*, съ царствомъ благой свободы, которую человѣкъ волей-неволей силится перенести изъ центра своего духа на престолъ вѣчности, для которой царствующій всюду злой рокъ служить только послушнымъ орудіемъ и покорнымъ подношеніемъ? А христіанскій мысли-

отчаяніе: ибо когда уже мать, рыдая отъ жалости, умерщвляетъ младенца, то... то умѣстенъ вопросъ Кириллова („Бѣсы“ Достоевскаго“): „Мнѣ кажется, самые законы нашей планеты—гожь, и земля наша—ложь, и весь міръ—дьяволѣ водевиль“.

По философіи я—минусъ.
По богословію—изманка Божества.
Короче—я ничто, я—жизни отрицанье...

Такъ опредѣляетъ себя Сатана въ „Донъ-Жуанъ“ гр. Алексѣя Толстого. Конечно, это не богословъ опредѣлилъ, но и богословъ и философъ поддержать поэта въ этомъ опредѣленіи по ту-свѣтной черной трансцендентности. Не было предложено схватить поэта и свергнуть въ темницу за ересь, вѣроятно, множество духовныхъ читали и это стихотвореніе автора „Іоанна Дамаскина“. Да и Филаретъ, когда прочелъ стихотвореніе Пушкина:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь—зачѣмъ ты мнѣ дана?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ.

когда онъ прочелъ это, то отвѣтилъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь—отъ Бога мнѣ дана...

тель, въ родъ ученаго монаха, передъ неприступностью этихъ вопросовъ или падаетъ въ изнеможеніи, и, разорвавъ ярмо стры, закусивъ удила, неистово бѣжитъ къ гибели, какъ-бы гонимый рокомъ, или, переживая страшныя, невѣдомыя другимъ, томленія духа, открывъ завѣту крещенія и символу спасающей вѣры, вѣрный иноческому обѣту и священнической присягѣ, съ душой, иногда прискорбной даже до смерти, припадая лицомъ и душою долу, молится евангелической, символическою, общечеловѣческой молитвою: *взрррр, Господи, помози моему невѣрью*, и, поддерживаемый Божіею благодатью, хотя и малу имать силу, соблюдаетъ слово Христово и не отвергаетъ имени Христова (NB. до чего, до какихъ безднъ, краевъ доходитъ дѣло!) и пребываетъ вѣренъ возложенной на него борьбы даже до смерти. Вотъ что я называю мировой скорбью нашей эпохи, и вотъ почему называю ученыхъ (сознательныхъ) монаховъ первыми носителями этой мировой скорби“ (напечатано впервые въ „Русскомъ Обзорѣніи“ 1896 г., кн. 1—3; г. Мирянинъ цитируетъ это мѣсто въ № 26 „Русскаго Труда“). Здѣсь, кажется, слова утѣшенія и отговорокъ—слабы, и центръ, громада „я“, укорь сердца падаетъ въ вопль: „не... не... не...“ (отрицанія) Еп. Никаноръ называетъ это „мировымъ пессимизмомъ“, и едва-ли искусно его приписываетъ, въ *Запискахъ*, служебному пассивному положенію; я-же думаю, что тутъ *мировой ингилизмъ*, отчаяніе любящаго сердца, которое вялось и не смогло „возненавидѣть міръ“; да при томъ любящаго „въ корняхъ“ и возненавидѣвшаго „въ корняхъ“-же. Да, это довольно „корневое“ дѣло, гдѣ-то въ „туманностяхъ небесныхъ“, изъ которыхъ „образуются міры“. Но, въ общемъ, отрывокъ читать страшно, и едва-ли „душеспасительно“. Такъ вотъ къ какимъ „пессимистамъ“ попалъ міръ въ руки. Ну и что, если-бы имъ дать *власть исполненія, силу летѣть*? Вѣдь ужъ тутъ и Григорій VII, и Иннокентій III, и „вся, еже съ ними“ предначертано; и „только-бы летѣть, да заборъ высокъ“; натолкнулся на *какого-то* „чиновника“ духовнаго вѣломства и упалъ! „Двѣнадцать ночей послѣ того не спалъ“.

IV.

Мы носимъ крестъ не замѣчая его, и думая о немъ только одну секунду, когда одѣваемъ на шею шнурокъ. Можно-ли это предположить о Филаретѣ, относительно всего подвига его жизни? Увы, да! Въдъ этотъ его монашескій обѣдъ и подвигъ, и состоялъ въ отрицаніи, что человѣку жизнь даруется Богомъ и человѣкъ, когда онъ рождается, есть только орудіе Промыслителя въ этомъ дарованіи жизни. И вотъ вопль болѣе поздняго аскета: „не вѣрю... Боже, помози моему невѣрію“. Чему ты не вѣришь, несчастный? Ты высказалъ: „рыданія душать меня, и одинокій я не могу выплакать горя на плечъ матери“... Въ тѣхъ-же *Затишьяхъ*, нѣсколько выше, онъ намекаетъ на униженіе сана, на оскорбленія, почти служебныя, и мы задаемъ вопросъ: „не можешь выплакать на плечъ ¹⁾ матери; мы вѣримъ тебѣ, праведникъ и страдалецъ; но, поставляя на мѣсто твое другого, — спросимъ о немъ, какъ, впрочемъ, могли бы спросить и у тебя: а можешь ли ты объ этомъ служебномъ огорченіи... посплетничать и позлословить съ товарищемъ по сану“? О, конечно! Разорваны *узъ кровей*, но узъ *товарищества и содружества* не разорвано. Теперь отъ этого почти анекдота я восхожу выше, почти до вершины сознанія, и открываю родникъ и „міроваго пессимизма“, и „Боже, помози моему невѣрію“. Въдъ правдолюбецъ Никаноръ чувствовалъ, что именно по нравственной и религіозной связи родная матушка, какая нибудь старая на селѣ дьячиха, но кто знаетъ, можетъ быть съ геніальнымъ, *для женщины, для матери* сердцемъ, ближе ему всѣхъ пресвѣтлыхъ митръ, блистающихъ камнями, и шелковыхъ великолѣпныхъ мантій, религіозно ближе, трансцендентно ближе. И онъ — *отрѣкся отъ этой близости*, от-

¹⁾ Приведемъ буквальную жалобу именно на *одиночество душевное*, какъ сущность „аскетическаго подвига“: „Когда случится горе съ мірскимъ человѣкомъ, онъ раздѣлитъ его съ родителями, женой, дѣтьми, близкими родными, друзьями. Кромѣ того, всякому въ жизни приходится раздѣлить свою долю страданія съ чужою долею близкихъ существъ, жены, дѣтей: гдѣ тутъ иному думать о себѣ, о своемъ личномъ страданіи? Но и въ міру при всѣхъ побочныхъ условіяхъ забвенія, при развлеченіяхъ и прочее, наибольшіе страдальцы — это *люди одинокіе, бездомные, голо-стѣяки, бобыли, грубѣйшіе эгоисты* (NB!). *Они-то и даютъ они наибольшій контингентъ самоубійцъ*. Возьмемъ-же теперь монаха. Кромѣ Бога, *утѣшитъ его въ бѣдѣ некому* (NB: и ему самому некого, т. е. интимно, утѣшить! Вотъ ужъ не область „Духа утѣшителя“, о коемъ сказалъ Спаситель: „пошлю его вамъ“). Вблизи его нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни, *всею чаще — друзей* (NB: вотъ вамъ и „Богъ есть любовь“, „гдѣ два или три во имя Моё — Агъ *посреди ихъ*“. А тутъ, въ аскетизмѣ, „сердечки“ — то, „храма“ для Божія вселенія, и нѣтъ, даже хотъ бы въ видѣ кой-какой дружбы). Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имѣется, *не удобно*,

вернулся, отрясъ отъ ногъ своихъ... что?—святыню! Отсюда: „не вѣрю; Боже, помози моему невѣрiю!“ Филаретъ чистосердечно взволновался стихомъ Пушкина; о, конечно, онъ былъ чистосердеченъ и въ отвѣтъ: „какъ, чтобы чрево матери, меня выносившее, было не бого-устроено?“ И онъ отвѣчаетъ:

Жизнь—отъ Бога мнѣ дана!

Но именно это чрево матери, всякой теперь матери, тебѣ, монаху, чуждо; чрево и сосцы питающіе. Между ними и тобою—страшные объѣты. Одно *вниманіе* къ нимъ—и *ты палъ; поползновение—и нѣтъ тебя* ¹⁾. Т.-е. какъ будто ты говоришь, да вѣдь въ этомъ и заключается суть тебя: *отрицаюсь* всякихъ сосцовъ, *гнушаюсь* всякимъ чревомъ. Позвольте, да при крещеніи младенца, въ шестикратно повторяемыхъ отреченіяхъ, развѣ, въ сущности не произносится монашескій объѣтъ, но ретроспективно назадъ брошенный, въ лицо только-что „чреватымъ“ родителямъ, давшимъ ему жизнь, и которые въ смиренномъ умиленіи, *какъ оглашенные*, высланные за дверь, смотрятъ съ безмѣрной любовью въ дверную скважину на блистаніе свѣчъ зажженныхъ, кадильный дымъ и всю красоту несравненнаго обряда, отъ котораго *они одни удалены*. Стоять при купели одни „духовные родители“... тѣ, которые развѣ развѣ будутъ привозить мальчику по фунту конфектъ. Они ближе ему; и будучи (по правдѣ-то, про себя-то) совершенно ему чужды, все-таки предполагаются въ возможности религіозной съ нимъ связи, *въ противоположность плотскимъ родителямъ, коихъ связь съ ребенкомъ типично анти-религіозна*. Вотъ конценція. Мы нашли, наконецъ, ея формулу. Такъ вотъ въ чемъ дѣло, и вотъ отъ какой отдаленной точки течетъ судьба Нехлюдовскаго ребенка. Связь отца съ ребенкомъ не только не священна, не религіозна, но она—типично грѣшна, *анти-религіозна*. И глаголь: „кто не оставитъ

не пристало (NB!?!); болѣе пристало молча сжать зубы, лежа на диванѣ, пусть лучше горе выльется въ этой крови, которая течетъ горломъ изъ здоровой по натурѣ груди. А мать, которой ни слова не говорить, пусть тамъ молится, коли хочетъ, а изнывающему сыну не можетъ подать помощи. Раздѣлить свое горе ему позволительно развѣ со своимъ подушкой или съ рукавомъ подрясника, въ который уже никто и ничто не возражаетъ вылить слезъ, сколько ему угодно; цѣлую пучину. Это и есть Давидово: слезами моими постелю мою смочу“. Здѣсь въ сущности самый ужасный трагизмъ переходить въ самый ужасный комизмъ.

¹⁾ Аскеты—получаютъ *власть*; они—*богаты*. Фактамъ власти и богатства никто не препятствуетъ, и они вслухъ выговариваются. Слѣдовательно единственный объѣтъ аскетизма, *conditio—sine qua non* его, есть разрывъ съ женщиною, порывъ съ заповѣдью: „плодитесь, множитесь“, дѣвственность. Аскетизмъ—есть служебная (не какъ случай, а какъ долгъ, какъ служба) дѣвственность, или, *mutatis mutandis*, аскетизмъ—есть походъ, военная служба противъ семьи, въ основѣ—противъ женщины и младенца.

отца своего и мать свою ради меня“—этотъ глаголь, позвавшій Никанора и Филарета къ ихъ аскетическому обѣту, „ребеночка“ Нехлюдова и Катерины толкнулъ къ судьбѣ его, рассказанной въ „Воскресеньи“. Всякій зовъ, всякій идеалъ есть въ то-же время отгаливание расторженіе, раздѣленіе; и зовъ къ дѣвству есть отторженіе отъ семьи, есть расторженіе семьи: „въ три дня разрушу храмъ сей“; „истинно, истинно: *камня на камень не останется отъ стѣнъ сихъ*“... Въ Кисловодскѣ я видѣлъ дѣвушку на мосту, и бултыханье воды въ Ольховкѣ. „Что вы дѣлаете?“ спросилъ я.—„Котятъ бросаю“. Признаюсь, и о котятахъ я пришелъ въ ужасъ: „Куда же ихъ дѣвать?“ отвѣтила она мнѣ на какой-то растерянный новый вопросъ. Судьба Нехлюдовскаго младенца и есть, въ сущности, судьба такого-же въ воду брошеннаго „котенка“; но пессимизмъ, на этотъ разъ мой, бунтуетъ въ душѣ и спрашиваетъ: да ужъ только ли Нехлюдовъ, Катюша, и та баба, что везла ихъ ребенка, „положивъ ножами вмѣстѣ, а головками врозь“, на ихъ ли одномъ свѣтскомъ платѣ слѣды кровинокъ дѣтскихъ и нѣтъ ли слѣдовъ этихъ на болѣе длинныхъ и старыхъ одѣяніяхъ? „Умываемъ руки, въ крови неповинны“!—„Какъ и въ римскомъ *servus*’ѣ, пошедшемъ для муренъ у патриція Фабія, былъ виновенъ Фабій, но не былъ виновенъ Капитолій“? Что намъ до Капитолія?! Я молюсь Отчей упостаси, и ищу Ея, и не нахожу Ея въ данномъ нужнѣйшемъ случаѣ около этихъ *поглумльшихъ* въ дѣлѣ своемъ, въ связанности своей Нехлюдовъ, Катеринѣ, ихъ ребенкѣ. Она бы ихъ осѣнила, Она бы ихъ сохранила, Она бы ихъ наставила: „соблюдайте чадо свое“, „соблюдайтесь другъ другу“, ибо „Я позвалъ васъ къ зачатію, и все рожденное — Мое“.. (*Исходъ*, слова Божіи Моисею: „все, разверзающее ложесна—Мнѣ, говоритъ Господь“). Вотъ гдѣ *практическая* нужда ветхо-завѣтныхъ изображеній въ храмахъ, ибо онѣ и душу каждаго молящагося увлажнили бы самымъ созерцаемъ къ рожденію, и къ соблюденію рожденнаго. Вотъ необходимость *чувствовать* и „горлицъ“, и „годовалыхъ агнцевъ“, дабы всякую въ нихъ и черезъ нихъ тварь возлюбить, и этою путеводною нитью привести къ пониманію самой физиологіи *оъ себѣ* и *отъ себѣ* (дѣти),—и напимѣръ, ужъ ни въ какомъ случаѣ не бросить ихъ такъ, какъ Нехлюдовъ и Катюша. Да и это ли одю, одна ли живонисъ, хотя она чрезвычайно многому могла бы научить. Какъ помолиться не о... „побѣды даруя“, не „передъ обѣдомъ“, „передъ ученіемъ“, „сномъ“, но въ гораздо болѣе важныхъ, и волнующихъ, и казалось бы ближе къ Богу стоящихъ случаяхъ круга родительства? Нѣтъ словъ; нѣтъ жестовъ; нѣтъ метода... Семинарія. О, да вѣдь въ семинаріи не зачинаютъ, не разрѣшаются... Но, Боже мой, міръ не семинарія, и что же вы міру-то дали, и какъ міру-то дышать; и о чемъ же вы сѣтуете:

„не умѣщается мѣръ въ семинарію“!? Позднія сѣтованія; и какъ они напрасны; и какъ глубже и глубже раскрывается зіяющая щель, трещина, пропасть между „партою и каедрю“ и „площадью, рынкомъ, городомъ, странкою, небесами, звѣздами“. — „Мѣръ темень и свѣтъ его не объялъ“, жалуются... Да вы его и не обнимали! Гдѣ ваши объятія къ міру? Вы только и говорили: „почему мѣръ не идетъ къ намъ?“ Ну, вотъ, онъ пришелъ, пришла мать, вынула грудь; „послушаю науку и кстати ребенка покормлю“; вдругъ вы покрасѣли, сконфузились: „Неблагопотребный видъ“. Не все же быть съ вами, хочу я и приласкать жену, кстати она только-что оправилась отъ болѣзни: опять „неблагопотребный видъ“. Хочу поиграть съ дѣтьми: „неблагопотребный видъ“. Ни встать, ни сѣсть. Очень устали. Да и „наука“—то у васъ очень коротка и проста, что-то въ ней школярное, и такъ сказать болѣе старчески-сморщенное, чѣмъ зрѣло-серьезное. Просто... не серьезно, не зрѣло; ибо *зрѣльшаго-то и серьезнѣйшаго въ мѣръ она и „не имать силы объять“*.

И вотъ—загрубнѣіе; и вотъ—преступленіе, отъ котораго „нельзя умыть руки“, специальное, особенное, какъ „servus“ у римлянъ, „варваръ“ у эллиновъ, у іудеевъ „не обрѣзанецъ“. Не забудемъ двухъ іудейскихъ „блудницъ“ (sic), изъ коихъ одна заспала своего ребенка, и объ гордо пришли къ Соломону: „разсуди насъ“. И мудрый царь, почувствовавъ, что приспѣлъ часъ испытанія его мудрости, что это—отъ Бога и для назиданія народа, оставляетъ столы пиршества, друзей, снимаетъ ризы царства, дабы *разсудить матерей о ребенкѣ*. О, это цивилизація „обрѣзанія“ и *спеціальное ея пониманіе* (чуткость)! Но вѣдь мы тысячу лѣтъ глухи и немощны въ этомъ спеціальномъ направленіи, потерявшіе обрѣзаніе, растерявшіе ветхія слова; и рѣшительно имѣющіе для Катюши и Нехлюдова одинъ глаголь: „отродье ваше“, „отродье прелюбодѣянія“; „мы и на законныхъ-то едва смотримъ, отплеываемся и отдуваемся отъ нихъ, а тутъ — совсѣмъ срамъ“. Да, „срамъ“, „стыдъ“, въ основѣ же, въ сущности, непониманіе, онъ и гонить—къ могилѣ. И кто распространилъ *стыдъ* вообще на рожденіе, тотъ и не „омоетъ рукъ“ своихъ отъ „пятенъ крови“.

Это леди Магбетъ говорила: „какія ужасныя пятна. Сколько я ни лью воды, никакъ не могу смыть ихъ“.

Тутъ есть пунктъ и, можетъ быть, онъ самый важный. Поль—трансцендентенъ; и какъ радованія его трансцендентны (счастливая любовь), такъ трансцендентна его тоска, его уныніе. Мы все повторяемъ: „трансцендентна“, „трансцендентна“... Что значитъ это? Побораетъ земныя условія, выходитъ изъ нихъ: *иду къ Богу, или—иду въ смерть*. Посмотрите: чтобы соединиться сейчасъ за гробомъ, на могилѣ любимаго иногда оканчивается жизнь любящая. Не всегда, но вѣдь бываетъ-же; и *абсолютно этого не бываетъ*

никогда на могилѣ друга, даже отца, матери. Но всѣ похулили полъ: „она—безстыдная, не въ воровствѣ виновна, не въ убійствѣ, но въ тягчайшемъ—пругала полъ свой“—и она уходитъ въ могилу (самоубійство насильно обезчещенныхъ, самоубійство беременныхъ). Но она родила, и держа младенца на рукахъ, будетъ каждую минуту всякаго часа, и каждые 24 часа всякихъ сутокъ, испытывать эту предсмертную муку стыда: тогда испуганная и въ смертной тоскѣ она кидаетъ младенца. Младенецъ—радость ей, онъ ее избавилъ отъ смерти; но за ноги младенца ухватился и повисъ на немъ... скопецъ! О, это тянетъ долу, въ могилу, *самой-ли, ему-ли...* Теперь нарисуемъ картину, конечно очень возможную, конечно должную. Пусть къ ней болящей, еще до разрѣшенія отъ бремени, подошелъ-бы священникъ и *научилъ*, да не въ *тихомолку* и *отъ себя* (ибо все-то дѣло и заключается въ трансцендентномъ стыдѣ, который нужно преобразовать въ нѣжное и объявленное покаянiе): „ты согрѣшила; но Иисусъ пришелъ не для оправданныхъ, а именно для грѣшныхъ. И вотъ тебѣ заповѣдь, именемъ Иисуса, даю я, Его рабъ: корми, береги, лелѣй младенца, отнюдь не отлучайся отъ него. И попеченiемъ матери исправь грѣхъ неполнаго супружества“. Какая правда! Но гдѣ этотъ правдивый глаголъ? Она его не услышала и миръ его не слышитъ отъ церкви. Если-бы она подвинулась, если-бы громогласно по площадямъ и улицамъ она пронесла глаголъ: „было нѣкогда, было въ древности, было въ чужомъ царствѣ—одна родившая дѣва посягнула въ стыдѣ на жизнь младенца. Да не будетъ этого въ нашей благочестивой странѣ и въ нашъ благочестивый вѣкъ. Нѣтъ вины, нескупимой передъ св. церковью, и неправедная дѣва да оправдается какъ мать: взлелѣетъ, вскормитъ, направитъ на путь; богобоязненно воспитаетъ. И церковь по ней, одумавшейся грѣшницѣ, возрадуется болѣе, чѣмъ о ста праведныхъ женахъ. И усыновитъ ее, какъ свою возлюбленнѣйшую дочь. И усыновитъ ей младенца, какъ точно ея, по плоти и по духу“. Все—Иисусово, т.-е. въ этихъ словахъ. Но гдѣ это святое движенiе? Его нѣтъ. Безмолвна церковь. Нѣтъ поученiя, нѣтъ пути. И мать подходитъ къ могилѣ, *своей* или *младенца* своего...

Мы собственно изслѣдуемъ очень тонкую метафизику, мы изслѣдуемъ Никанорову скорбь и ея тайные родники, ему самому не видные. Въ единственномъ *этомъ* случаѣ церковь не удерживаетъ грѣшницу передъ могилою и не имѣетъ силы удержать, разсѣять скорбь, дать ей „Духа-Утѣшителя“. Смерть подходитъ, ибо смертенъ грѣхъ и не прощаемъ вовсе, никогда, никѣмъ... противъ Жизнедавца-ли грѣхъ? О, нѣтъ, конечно! Противъ Иисуса? Но это прямо поводъ повторить лучшiе его завѣты, правила, притчи („одна погибшая и найденная овца дороже ста не потерянныхъ“). Противъ кого, однако, смертенъ и трансцендентно

смертенъ этотъ грѣхъ, и тамъ за гробомъ, вѣчно? Противъ... объѣта Никанора, Филарета; но и особливо противъ мысли, какъ ее формулировалъ г. Мірянинъ (въ „Русскомъ Трудѣ“), определяя аскетизмъ словами: „это — *духовное скопчество*“... Рожденіе и скопчество — непримиримы вовсе, непримиримы никогда; *непримиримы трансцендентно* (корневое расхожденіе). Священники лично за себя, вѣрно многіе, и говорятъ утѣшительный глаголь родившей дѣвѣ; но дѣло *именно* въ манифестаціи, ибо ее гонить въ могилу стыдъ, и вотъ нужна-бы поддержка въ секунду объявленія; „стыдно (мнѣ) сказать, поди ты (священникъ) скажи“: или „не отходи отъ меня стой около меня, когда я буду объявлять“; „поддержи меня за руку, когда я стану признаваться“.

Вообще все дѣло тутъ не въ прощеніи въ тихомолку, а чтобы *держась за чью нибудь руку* — стать передъ народомъ. И вотъ этой „руки друга“ и именно въ единственномъ случаѣ подобнаго Катюшиному рожденія, не дасть *и не можетъ* (духъ всей исторіи) дать священникъ. Тогда разомъ рухнула бы вся Византія; священникъ — *около* рождающей, *ея защитникъ*, *ея духъ утѣшитель!* Новая эра, новая цивилизація! Не знаю, чувствуетъ ли это читатель, что тутъ поправилась бы „неправильность установки колонъ Исаакіевскаго собора“. Во всякомъ случаѣ, новый духъ и новое упоеніе на 1,000 лѣтъ. И вотъ *манифестовать* не можетъ ни одинъ священникъ, и никогда *ex cathedra* не скажетъ, *передъ самой могилой не скажетъ*, удерживающаго отъ могилы глагола. Т.-е. лично и за себя, какъ „отецъ Иванъ“, какъ „отецъ Петръ“ (человѣкъ) тайно онъ повторитъ Иисуса; но, открыто и какъ членъ церкви, отъ имени церкви онъ хотѣлъ бы повторить Иисуса... но двѣ тысячи лѣтъ какого-то очевидно въ самой церкви происшедшаго искривленія производятъ спазму въ горлѣ священника, и онъ не можетъ пойти по слѣду Иисуса и прямо не выполняетъ Его заповѣди, Его притчи... *Какой то духъ мѣшаетъ, на мѣсто Иисуса вселившійся въ него и запрещающій ему говорить.*

Даръ напрасный, даръ случайный.

Мчатся тучи, вьются тучи
Неведимкою луна
Освѣщаетъ свѣгъ летучій
Мутно небо, ночь мутна...

Сколько изъ, худа изъ гонять?
Что такъ жалобно поеть...

Да, стихокъ. Оставимъ стихки и обратимся къ прозѣ. „Не вѣрю! Боже, помоги моему невѣрію!“ О, *человѣкъ* всегда съ Богомъ.

Вѣдь Никаноръ, какъ *человѣкъ*, какъ „сынъ родимой матушки“—и съ вѣрою и съ упованіемъ: и онъ *эту вѣру*, отъ „родной матушки идущую“, и зоветъ въ помощь... епископскому невѣрію! Вотъ *суть* дѣла. И Катерина въ „Воскресеніи“ послѣ убійства своего ребенка говоритъ:

„—Какой тамъ Богъ, никакого Бога нѣтъ“.

Это „не вѣрю“ же Никанора. Но она трансцендентно *связана* уже съ Нехлюдовымъ, и вотъ какъ *кровная* его половина, вопиетъ:

„—Пойду на судъ Божій... и не возьму тебя съ собою“.

Эта вѣра въ судъ Божій и есть та *вторая-же* вѣра у Екатерины, которая и у Никанора („родная матушка“) *все спасала*. Вѣра крови; молитва—сѣмени. О, конечно не въ эмпиричныхъ ихъ данныхъ, ибо кто же и діалектику Платона смѣшаетъ съ „мозгами“ Платона, но *лучи* этой крови и этого сѣмени „прямо у Боженъки“, безпрерывно съ Нимъ и „все спасаютъ“... въ „нашемъ невѣріи“. А когда такъ, то, родивъ, Катюша и въ правѣ закричать или философъ въ правѣ ей подсказать:

„— Родила и свята.

И еще добавитъ:

„— И пойду, какъ мать, на судъ къ Богу; и спрошу у Отца, точно ли Онъ заповѣдалъ Сыну осудить меня: ибо на землѣ сказали, что Сынъ Твой, Отче, осудилъ меня не прощенымъ осужденіемъ. И осудила меня земля во вслѣдъ Сыну Твоему и имени Сына Твоего и разлучила меня, Отче, отъ моего рожденія, и отторгнула его отъ груди моихъ и разбила о камень, какъ пѣли Израильтяне о вавилонянкахъ“.

У церкви *нѣтъ чувства дѣтей*; нѣтъ и она не развила его въ себѣ *исторически*. Дѣтей не въ линіи: „*впередъ*“, „станутъ гражданами“, „*выучатся*“, и „хорошо, если бы выучились въ моей церковно-приходской школѣ“; а въ линіи—*назадъ*, къ совершенному младенчеству, къ порѣ кормленія материнскою грудью, къ первымъ пеленкамъ, крику родившагося, къ труду и страху и тайнѣ беременности и зачатія... и далѣе... *тотъ свѣтъ!* Вотъ къ этому „тому свѣту“, въ чемъ бы онъ ни заключался, въ линіи предшествованія рожденію церковь глуха, невѣдуша, безчувственна. Она чувствуетъ только „тотъ свѣтъ“—замогильный, т.-е. она держитъ въ рукахъ только половину (трансцендентной) истины. Отъ этого она *ублажаетъ* покойника: какія пѣснопѣнія, и въ мірѣ, въ цивилизаціи, въ исторіи—какъ эти чудныя пѣснопѣнія новы, оригинальны! Еще *ублажаемъ* мы „святая мощи“. Какая идея! не только „духъ есть“, есть „святое“ въ этомъ тлѣннѣи нетлѣнномъ! Вѣдь тутъ *гдѣлая* философія. Мы не пытаемъ ея; безспорно, однако, что *мощи* есть обратный полюсъ колыбели и зачатія. И вотъ для зачатія и колыбели у церкви нѣтъ ни молитвъ, ни лобызанія, ни даже простого „здравствуй“. Ни — „здравствуй“, ни — „гряди въ

міръ“, „дщерь моя“, „отрокъ мой“! Теперь, выражаетъ ли это *полноту Христова отношенія къ жизни и смерти*? Христосъ сказалъ: „оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ“. Г. Мірянинъ, въ статьѣ „Русскаго Труда“ громко дѣлаетъ удареніе на „отецъ“, что Онъ *объ отцѣ* это сказалъ, что „тѣло отца предпочтительно брось“. Какой грѣхъ и какое очевидное, и истинно византійское, извращеніе словъ Спасителя: удареніе—на *погребеніи*, посежу и прибавлено: „пустъ мертвыя хоронятъ мертвецовъ своихъ“. Т.-е. Я проповѣдую жизнь (бесѣда съ Самарянкою и слова о водѣ живою). Но есть болѣе ясный глаголь. „И приводили къ Нему дѣтей, ученики же не допускали къ Нему“. Да... ученики, какъ и теперь, какъ и сейчасъ. Что же сдѣлалъ Онъ? „И отстранивъ учениковъ, сказалъ: не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ; развѣ вы не знаете, что таковыхъ — Царствіе Небесное“. Вотъ — глаголь. Сказалъ ли это Онъ о дѣтяхъ, блудницъ, о дѣтяхъ жень? Нѣтъ—о *существованіи дитяти*. Но дѣти — рождаются; дѣти не падаютъ изъ воздуха; не дѣлаются изъ каучука. Сказать о младенцѣ—значитъ сказать о рожденіи, о матери, о родителяхъ. Родительство — Христово. Христосъ есть альфа и омега. Но столь же безпорно, что церковь поняла въ Немъ только омегу. И вся альфа Божества и альфа въ мірѣ осталась... внѣ *чувства, ощущенія* ея. И вотъ на что Маслова, впереди вереницъ подобныхъ себѣ, вопіетъ на Судѣ:

— „Отче, суди меня и міръ; да не истеку я слезами здѣсь передъ Тобою, какъ истекла безплодно слезами въ мірѣ я, и убиенный младенецъ мой“.

„Гражд.“, 1899 г.

Границы нашей эры.

... мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать.
Гете, «Лисн. царь».

I.

Не благословить человѣка *въ моментъ рожденія*, т. е. какъ *рождающаго* и *рожденнаго*, значить и самое *бытіе* его не благословить; ни *in sein*, ни *in werden*. Вотъ главный упоръ, къ которому подходитъ аскетизмъ. Главная трудность его — религиозная; и главный грѣхъ его — изъятіе благодати изъ существа Божія. Я подведу васъ къ дереву; вы говорите, взглянувъ на общій очеркъ его: „прекрасно“. Я спрашиваю о прекрасномъ его станѣ, о постановкѣ въ почвѣ; вы говорите: „хорошо“. Я указываю на кору, на расположеніе вѣтвей: „цѣлесообразно, нужно“. Я продолжаю спрашивать о листьяхъ: „прекрасно же“, отвѣчаете вы. Я перехожу къ зеленой чашечкѣ цвѣтка, къ лепесткамъ цвѣтка, и на все получаю вашъ утвердительный отвѣтъ, вашу хвалу. Наконецъ, разогнувъ блѣдно-розовые лепестки, я обнажаю внутри ихъ, сокровенно закрытые, коричневые бугорки съ едва прикрѣпленною на нихъ желтоватою пыльцею. Вы молчите. — „Что же?“ спрашиваю я. Вы смущены. — „Благословите“, зываю я. — „Нѣтъ! нѣтъ!“ слышу въ свѣтъ. — „Да что *нѣтъ*, почему *нѣтъ*?“ — „Нѣтъ, *это* не благословенно“...

Я изумленъ; я построю цвѣтокъ изъ пылинки, объясняю, какъ выросъ онъ, и спрашиваю: „если пылинка не благословенна, то и *весь цвѣтокъ*, *все растеніе*, *цѣлое дерево* не благословенно-же: ибо *листь* его есть *преобразованный стебель*, *чашечка цвѣтка* есть собранные и сросшіеся его *листья*, *лепестки* суть раскрашенные и прозрачныя *части чашечки*, и, наконецъ, *тычинки* и *пестики* — все это есть *само растеніе*, *все растеніе*, синтезированное въ одну точку, въ священную частицу“. — „Нѣтъ, нѣтъ! я не знаю, но я *не хочу* и *не могу благословить!*“

Это метафизика. Тутъ мы вступаемъ въ начало *зла* и начало *поверхностности*. Тотъ человекъ, который восхищался видомъ, корою, листьями и чашечкою цвѣтовъ растенія, очевидно, восхищался всѣмъ этимъ *не глубоко*. Онъ смотрѣлъ на вещи какъ декораторъ и въ вещахъ Божіихъ усмотрѣлъ декорацию. Онъ не живой человекъ; онъ не мудрецъ и не пророкъ; онъ даже цвѣтокъ любить, но—до пыльцы и *безъ* пыльцы; т.-е. онъ цвѣтокъ беретъ и понимаетъ какъ издѣльщина бумажныхъ цвѣтовъ, которая подражаетъ въ природѣ краскамъ, но не понимаетъ природы, знаетъ лонскій *шелкъ*, но не знаетъ полевой *травки*. Вы видите, до чего *аскетизмъ есть человеческое и бракъ — Божіе*. Но рассмотримъ дальше, но углубимся глубже.

„Какой злой мальчикъ: знаете его любимое занятіе? Это — пойти по лѣсу, отыскать хорошо спрятанное пичужкино гнѣздо; онъ сгонитъ бѣдную малиновку, подойдетъ и выберетъ изъ гнѣзда яйца. Пичужка плачетъ, пичужка летитъ позади его. Ему нѣтъ дѣла. Онъ идетъ, положивъ яйца въ карманъ. Что съ ними дѣлаетъ—неизвѣстно, но всѣ въ деревнѣ его считаютъ самымъ злымъ мальчикомъ. Его не любятъ и его боятся“.

Вотъ моральная оцѣнка аскетизма. Никто не оспоритъ, что мы беремъ *суть* вещей, взамѣнъ поверхностнаго ихъ *ощущенія*, и указываемъ, что главный грѣхъ испытуемой нами доктрины есть искаженіе лица Божія, и именно изытіе изъ Него *благости* и *глубины*.

Между тѣмъ какъ *бракъ* нѣ только есть *тайна*, но и *благость* и *глубина*. Я безконечно люблю это таинство, между прочимъ, за совершенное его *смиреніе*, *незлобливость*, *кротость*. Иногда мнѣ представляется, во всемирной исторіи, что это—ветхій годами побѣдитель, который, снявъ съ себя всѣ почетные знаки, всѣ регалии, отдалъ ихъ на игру и украшеніе, а наконецъ и на прославленіе сѣрымъ солдатамъ. Да,

Лысый, съ бѣлой бородою
Дѣдушка сидитъ
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ...

-- вотъ бракъ въ смиреніи своемъ. Его фаміама, его куренія, его молитвы разнесены по всѣмъ религіямъ, и онъ совершенно не взираетъ, кому отдаетъ свою душевную теплоту, свои сокровища сердечныя. Вездѣ, у грека, у еврея, у русскаго самая теплая молитва—это матери за болящаго ребенка; скорбь, моляба къ Провидѣнію—у жены за мужа, у мужа за жену. Грекъ сложилъ это такъ; еврей—иначе; еще третьимъ способомъ—русскій. Но у всѣхъ подъ ихъ выраженіемъ лежитъ одинъ *фактъ*, и вотъ этотъ-то *фактъ* и есть первое, главное. Онъ порождаетъ *умиленіе*—самое простое; порождаетъ *слезы*—самыя горячія; порождаетъ удивлен-

ность къ нецостижимому, которую не разрѣшить и не успокоить никакая наука. Аскеты переписываютъ молитвы другъ у друга; но каждая мать *по своему* молится. Тамъ традиція; здѣсь—вѣчный родникъ; тамъ—память; здѣсь—восторгъ. Всѣ религіи пользовались плодами и даже записывали *за свой счетъ* это умиленіе и этотъ восторгъ; и опять здѣсь прекрасная сторона смиренія, что ни одна мать и ни одинъ отецъ не сказалъ: „это *мнѣ принадлежитъ*“. Да, вѣчный богачъ, но который ничего не имѣетъ—вотъ бракъ. Сокровища его—розданы; но мы, пользуясь ими, должны же вспомнить своего благодѣтеля, или, по крайней мѣрѣ, не должны уничижать его.

Я не хочу быть одинъ. Высказывая свои мысли объ аскетизмѣ и бракъ, я приведу одну страницу изъ великаго мистика, которая очень хорошо иллюстрируетъ мысль мою о томъ, что лучшее человѣческое умиленіе течетъ отъ рождающихъ инстинктовъ человѣка. Но предварительно одно замѣчаніе: аскетизмъ, я сказала, *поверхностенъ и не благъ*. Дѣйствительно, ступивъ на его пути, религиозное сознаніе европейскаго человѣчества замѣчательно быстро утратило начала *благости и глубины*. Я упомянулъ о французскихъ коленкорovýchъ цвѣтахъ, которые одни понимаетъ аскетическій ботаникъ, отвертывающійся отъ таинственной желтой пыльцы тычинокъ и пестиковъ. Но что такое, какъ въ своемъ родѣ не эти „коленкоровые цвѣты“ великая политика и тысячеклѣтнее политиканство, удавшееся на Западѣ, неудавшееся на Востокѣ? Прежде всего—это религиозная *поверхностность*, это—*далекое* отъ Бога, *забвеніе* Бога. Но вѣдь какъ тутъ все связано! Религія внѣ *крови и стѣмени* непременно будетъ внѣ *племени*; вотъ начало *интернациональности* главныхъ религиозныхъ движеній въ Европѣ и даже вообще религиознаго состоянія Европы. „И возненавидѣлъ Каинъ Авеля...“ ополчился Тевтонъ на Франка, Франкъ на Тевтона, изъ-за *сомнѣній* Лютера, изъ-за *спора* Кальвина и Лойолы. *Ультрамонтанство*... да оно *все* въ отрицаніи *стѣмени и крови*, т. е. *земли, всемірной земли*! Нѣтъ „земли“, есть „идеи“ и идеи обогрили (кровью) землю. Явилось *ex-территориальное* „я“: *все-мірный „губернаторъ міра“* (папа), всего менѣе, „отецъ міра“, ибо всего менѣе онъ *стѣмя міра*. Я не понимаю, какъ не связать этихъ идей, когда онѣ сами связываются. Идея папства уже прямо содержится въ идеѣ *внѣ-стѣменности, внѣ-мірности*; это (мнимо) духовное я, которое господствуетъ надъ *о-бездушеннымъ* универсомъ. Душа вынута изъ міра и вложена въ папу: вотъ противоположность идеѣ: „Богъ *во всемъ и во всяческомъ*“. Какъ самый широковѣтвистый дубъ имѣетъ подъ собою маленькій бѣленькій корешокъ, такъ самыя широкія событія въ исторіи имѣютъ *молекулярную* неправильность религиозныхъ построеній. Міръ—обездушенъ; онъ *cadaver* (трупъ) въ рукахъ Лойолы (возрѣнне

иезуитовъ на человѣка; идея *покорности*). Все течетъ изъ одного; всѣ потоки европейской исторіи имѣютъ корнемъ въ себѣ отрицаніе „сѣмени жены“, о коемъ, по Бытію, 4, „спасутся народы“. Но мы возвращаемся къ иллюстраціи, которую хотѣли разсмотрѣть.

II.

Выведенъ нигилистъ, Шатовъ. Самое имя его кажется произведено отъ „шататься“, „шатунъ“, ибо нигилисты русскіе весьма подобны русской сѣктѣ *бѣгуновъ*, которые, считая міръ зараженнымъ *не-Богомъ*, „бѣгаютъ“, „перебѣгаютъ“ съ мѣста на мѣсто, ища „Бога“. Параллелизмъ духа есть. Въ концѣ концовъ Шатовъ истомленъ своимъ духовнымъ „бѣганьемъ“, *ex-территориальностью*. Ему хотѣлось бы „земли“, почвы, но вокругъ него всѣ тѣ-же „шатуны“. Вдругъ, неожиданно, въ темную холодную ночь къ нему пріѣзжаетъ, послѣ трехъ-лѣтнихъ нигилистическихъ странствованій, *жена* и вмѣстѣ уже *не-жена*, *Marie*, такая же какъ и онъ утлая бѣглянка въ мірѣ. Пріѣзжаетъ, и тотчасъ почти съ нею начинаются рѣды. Шатовъ въ тревогѣ; нуженъ горячій чай изъязвленной и испуганной больной, и онъ забѣгаетъ, къ живущему во флигелѣ на дворѣ, Кириллову, третьему „шатуну“. Мы — въ мірѣ „шатанья“. Земля пошатнулась подъ людьми, и люди потеряли устойчивость. Но мы будемъ цитировать:

„Шатовъ засталъ Кириллова, все еще ходившаго изъ угла въ уголь по комнатѣ, до того разсѣяннымъ, что тотъ даже забылъ о пріѣздѣ его жены, слушалъ и не понималъ.

— „Ахъ, да,—вспомнилъ онъ вдругъ, какъ бы отрываясь съ усилиемъ и только на мигъ отъ какой-то увлекавшей его идеи,— да... старуха... жена или старуха? Пойдите: и жена, и старуха, такъ? Помню; ходилъ; старуха придетъ, только не сейчасъ ¹⁾. Еще что? Да... Пойдите, бываютъ съ вами, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи?“

Маленькое историко-литературное *нота-бене*. Великій и проницательный умъ К. Н. Леонтьева смертельно ненавидѣлъ „гармоніи“ Достоевскаго, предполагая въ нихъ *старый* европейскій универсализмъ, тоже напр. *ex-территориальное* „братство, равенство“—etc. Между тѣмъ (чего Достоевскій никогда *не умѣлъ* объяснить) его „гармоніи“ были истинными и дѣйствительно вѣчными гармоніями, ибо *за всю европейскую исторію* онъ впервые разрывалъ желѣзное кольцо объявшей нашу часть свѣта *ex-тер-*

¹⁾ Кирилловъ, на просьбу Шатова посидѣть около больной, пока онъ самъ сходитъ за бабкой, часъ назадъ пообѣщавъ, что пошлетъ къ ней посидѣть старуху—хозяйку квартиры.

риторіальности, и были прозрѣніемъ, угадкою *настоящей* и *вѣчной* „маленькой земной обители“. Это не было ясно Достоевскому; но читатель, присматривающійся ко всему сложному узору его картинъ, не можетъ не обратить вниманія, что странныя *бѣлыя видѣнія* (идеальныя построенія) поднимаются у него всегда возлѣ сѣмени и крови; т.-е. это не есть старыя европейскія, всегда идейныя, „гармоніи“, но гораздо болѣе древнія, а для Европы совершенно *новыя* „гармоніи, гармонизаціи земли и неба“. Въ приводимой нами иллюстраціи это все яснѣе станетъ видно. Станемъ продолжать цитату:

„— Знаете, Кирилловъ, — сказалъ Шатовъ, — вамъ нельзя больше не спать по ночамъ.

„Кирилловъ очнулся и, странно, заговорилъ гораздо складнѣе, чѣмъ даже всегда говорилъ; видно было, что онъ давно уже все это формулировалъ и можетъ быть записалъ:

„Есть секунды,—говорилъ онъ,—ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человекъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически, или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. *Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу* и вдругъ говорите: „да, это правда!“ Богъ, когда *мѣръ создавалъ*, то въ концѣ каждого дня созданія говорилъ: „да, это правда, это хорошо“... Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите,—о, *тутъ выше любви!*—Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержать и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживалъ жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому что стоитъ. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически. Я думаю, человекъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ какъ ангелы Божіи. Намекъ. Ваша жена родить?

„— Кирилловъ, это часто приходитъ?

„— Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ.

Замѣчательны эти *темпы* прохожденія бѣлыхъ видѣній. Какъ-бы земля вращается около оси, и вотъ подошелъ земной меридіанъ, пусть 180° отъ Ферро, подъ 180° *небеснаго меридіана*, и точка ихъ пересѣченія даетъ видѣніе. Что-то въ этомъ родѣ.

„— У васъ нѣтъ падучей?

„— Нѣтъ.

„— Значить—будетъ. Берегитесь, Кирилловъ, я слышалъ, что именно такъ падучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе предъ припадкомъ, точъ

въ точь, какъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ и говорилъ, что больше нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ, не успѣвшій пролиться, пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. „Кувшинъ“—это тѣ же „пять секундъ“; слишкомъ напоминаетъ вашу гармонию, а Магометъ былъ эпилептикъ. Берегитесь, Кирилловъ, падучая!

„— Не успѣеть,—тихо усмѣхнулся Кирилловъ.

„Шатовъ выбѣжалъ и вернулся къ больной. Ночь проходила. Его посылали, бранили, призывали. Marie дошла до послѣдней степени страха за свою жизнь. Она кричала, что хочетъ жить „непремѣнно, непремѣнно!“ и боится умереть: „не надо, не надо!“, повторяла она. Если-бы не Арина Прохоровна, то было-бы очень плохо. Мало-по-малу она совершенно овладѣла пациенткой. Та стала слушаться cadaго слова ея, cadaго окрика, какъ ребенокъ. Арина Прохоровна брала строгостью, а не лаской, за то работала мастерски. Стало разсвѣтать. Арина Прохоровна вдругъ выдумала ¹⁾, что Шатовъ сейчасъ выбѣгалъ на лѣстницу и Богу молился, и стала смѣяться. Marie тоже засмѣялась злобно, язвительно, точно ей легче было отъ этого смѣха. Наконецъ, Шатова выгнали совѣтъ. Наступило сырое, холодное утро. Онъ дрожалъ какъ листъ, боялся думать, но умъ его цѣплялся мыслью за все представлявшееся, какъ бываетъ во снѣ. Мечты непрерывно увлекали его и непрерывно обрывались какъ гнилыи нитки. Изъ комнаты раздались, наконецъ, уже не стоны, а ужасные, чисто животные, крики, невыносимые, невозможные. Онъ хотѣлъ было заткнуть уши, но не могъ, и упалъ на колѣни, безсознательно повторяя: „Marie, Marie!“ И вотъ, наконецъ, раздались крикъ, новый крикъ, отъ котораго Шатовъ вздрогнулъ и вскопчилъ съ колѣнъ, крикъ младенца, слабый, надтреснутый. Онъ перекрестился и бросился въ комнату. Въ рукахъ у Арины Прохоровны кричало и копошилось крошечными ручками и ножками маленькое, красное, сморщенное существо, безпомощное до ужаса и зависящее какъ пылинка отъ перваго дуновенія вѣтра, но кричавшее и заявлявшее о себѣ какъ будто тоже имѣло какое-то самое полное право на жизнь... Marie лежала какъ безъ чувствъ, но черезъ минуту открыла глаза и странно, странно поглядѣла на Шатова: *совѣтъ какой-то новый былъ этотъ взглядъ, какой именно—онъ еще понять былъ не въ силахъ, но никогда прежде онъ не зналъ и не помнилъ у ней такого взгляда*

„— Мальчикъ? Мальчикъ? болѣзненнымъ голосомъ спросила она Арину Прохоровну.

„— Мальчишка! крикнула та въ отвѣтъ, увертывая ребенка.

¹⁾ Акушерка при больной. Она—тоже нигилистка, какъ и вообще вся группа выведенныхъ здѣсь, въ ром. „Бѣсы“, лицъ.

„На мгновеніе, когда она уже увертѣла его и собиралась по-ложить поперекъ кровати, между двумя подушками, она передала поддержать его Шатову. Магіе, какъ то изъ подъ тиска и какъ будто боясь Арины Прохоровны, кивнула ему. Тотъ сейчасъ понялъ и поднесъ показать ей младенца.

„— Какой... хорошенькій... слабо прошептала она съ улыбкой.

„— Фу, какъ онъ смотреть! весело разсмѣялась торжествующая Арина Прохоровна, заглянувъ въ лицо Шатову; экое вѣдь у него лицо!

„— Веселитесь, Арина Прохоровна... *Это великая радость...* съ идиотски-блаженнымъ видомъ пролепеталъ Шатовъ, просіявшій послѣ двухъ словъ Магіе о ребенкѣ.

„— Какая такая у васъ тамъ великая радость? *веселилась Арина Прохоровна, суется, прибирая и работая какъ каторжная.*

„— *Тайна появленія новаго существа, великая тайна и необъяснимая,* Арина Прохоровна, и какъ жаль, что вы этого не понимаете!

„Шатовъ бормоталъ безсвязно, глупо и восторженно. Какъ будто что-то колебалось въ его головѣ и само собою безъ воли его выливалось изъ души.

„— *Было двое и вдругъ—третій человекъ, новый духъ, цѣльный, законченный, какъ не бываетъ отъ рукъ человѣческихъ; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нѣтъ выше насъ святъ!*

„— Экъ напоролъ! Просто дальнѣйшее развитіе организма, и ничего тутъ нѣтъ, никакой тайны, искренно и весело хохотала Арина Прохоровна,—*такъ всякая муха тайна*¹⁾. Но вотъ что: лишнимъ людямъ не надо-бы родиться. Сначала перекуйте такъ все, чтобы они не были лишніе, а потомъ и родите ихъ. А то вотъ его въ пріютъ послѣ завтра тащить... Впрочемъ, это такъ и надо.

„— Никогда онъ не пойдетъ отъ меня въ пріютъ!—установившись въ полъ, твердо произнесъ Шатовъ.

„— Усыновляете?

„— Онъ и есть мой сынъ.

„— Конечно, онъ Шатовъ, по закону Шатовъ, и нечего вамъ выставляться благодѣтелемъ-то рода человѣческаго. Не могутъ

¹⁾ Вотъ онъ, просвѣтъ къ древнимъ религіямъ, къ Фивамъ египетскимъ, Вавилону халдейскому, къ обрѣзанію—Авраама. Если *рожденіе* и въ основѣ *обоюдо-полость*—мистико-религіозны, то „Богъ всяческая и во всемъ“, и въ травкѣ, и въ звѣздочкѣ; въ человекѣ какъ въ мухѣ. Тогда храмъ наполнится травами и звѣздами, и ликами животно-поклоняемыми. Тутъ-же разрѣшается и вопросъ, есть-ли и возможны-ли „*лишніе дѣти*“ „не законно рожденные“. Это мѣсто слѣдуетъ имѣть въ виду при излагемой дальше полемикѣ о незаконно-рожденныхъ.

безъ фразъ. Ну, ну, хорошо, только вотъ что, господа, кончила она, наконецъ, прибираться, — мнѣ пора идти. Я еще по-утру приду и вечеромъ приду, если надо, а теперь такъ какъ все слишкомъ благополучно сошло, то и надо къ другимъ сбѣгать, давно ожидаютъ. Тамъ у васъ, Шатовъ, старуха гдѣ-то сидитъ; старуха-то старухой, но не оставляйте и вы, муженекъ; посидите подлѣ, авось пригодитесь; Марья-то Игнатьевна, кажется, васъ не прогонитъ... ну, ну, вѣдь я смѣюсь...

„У воротъ, куда проводилъ ее Шатовъ, она прибавила ужъ ему одному:

„— Насмѣшили вы меня на всю жизнь; денегъ съ васъ не возьму; во снѣ разсмѣюсь. Смѣшнѣе какъ вы въ эту ночь ничего не видывала.

„Она ушла совершенно довольная. По виду Шатова и по разговору ей казалось ясно какъ день, что этотъ человекъ „въ отцы собирается и тряпка послѣдней руки“. Она нарочно забѣжала, хотя прямѣе и ближе было пройти къ другой пациенткѣ, чтобы сообщить объ этомъ Виргинскому“.

Читатель да проститъ насъ за длинную цитату. Мы все *разсуждали* (о бракѣ и его *духѣ*), но вѣдь нуженъ-же и матерьялъ, къ которому конкретно мы могли-бы относить свои разсужденія. Мы отъ себя высказали, что *рожденіе* и *все около рожденія*—религіозно; и теперь приводимъ иллюстрацію, что оно—*воскрешаетъ*, и даже воскрешаетъ изъ такой пустынности отрицанія, какъ нашъ нигилизмъ. Нигилисты—все юноши, т.-е. еще не рождавшіе; нигилизмъ—весь *внѣ* семьи и *безъ* семьи. И гдѣ начинается семья, кончается нигилизмъ. Территорія—найдена; *ex-территориальности, внѣ-мирности*—нѣтъ. Никто не замѣчаетъ, что въ сущности *сухой* и *холодный* европейскій либерализмъ, какъ и европейскій гностицизмъ („наука“) суть явленія *холостого* быта, холостой религіи, и есть второй конецъ той линіи, но именно *той-же самой*, первый конецъ которой есть знойно-дышащій аскетизмъ. Возьмите папство безъ Бога (откровенное) — и вы получите картину „умной“ и „политической“ Европы.

„Магіе, она велѣла тебѣ погодить спать въ некоторое время, хотя это, я вижу, ужасно трудно,—робко началъ Шатовъ.—Я тутъ у окна посижу и постерегу тебя, а?

„И онъ усѣлся у окна сзади дивана, такъ что ей никакъ нельзя было его видѣть. Но не прошло и минуты, она подозвала его и брезгливо попросила поправить подушку. Онъ сталъ оправлять. Она сердито смотрѣла въ стѣну.

„— Не такъ, охъ, не такъ... Что за руки.

„Шатовъ поправилъ еще разъ.

„— Нагнитесь ко мнѣ,—вдругъ тихо проговорила она, какъ можно стараясь не глядѣть на него.

„Онъ вздрогнулъ, но нагнулся.

„— Еще... не такъ... ближе,— и вдругъ лѣвая рука ея стремительно обхватила его за шею, и на лбу своемъ онъ почувствовалъ крѣпкій, влажный ея поцѣлуй.

„— Marie!

„Губы ея дрожали, она крѣпилась, но вдругъ приподнялась и, засверкавъ глазами, проговорила:

„— Николай Ставрогинъ подлець! (NB: имя человѣка, отъ котораго она родила).

„И бессильно, какъ подрѣзанная, упала лицомъ въ подушку, истерически зарыдавъ и крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку Шатова.

„Съ этой минуты она уже не отпускала его болѣе отъ себя, она потребовала, чтобы онъ съѣлъ у ея изголовья. Говорить она могла мало, но все смотрѣла на него и улыбалась ему какъ блаженная. Она вдругъ точно обратилась въ какую-то дуручку. Все какъ будто переродилось. Шатовъ то плакалъ, какъ маленький мальчикъ, то говорилъ Богъ знаетъ что, дико, чадно, вдохновенно; цѣловалъ у ней руки; она слушала съ упоеніемъ, можетъ быть и не понимая, но ласково перебирала ослабѣвшую рукой его волосы, приглаживала ихъ, любовалась ими. Онъ говорилъ ей о Кирилловѣ, о томъ, какъ теперь они начнутъ жить „вновь и навсегда“, о существованіи Бога, о томъ, что все хорошо. (NB: идея, мелькающая у Кириллова)... Въ восторгѣ опять вынули ребеночка посмотреть.

„— Marie!— вскричалъ онъ, держа на рукахъ ребенка,— конечно съ старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной“... (Бѣсы, изд. 82 г., стр. 528—531).

III.

Мы кончили прекрасный отрывокъ изъ „Бѣсовъ“ Достоевскаго восклицаніемъ *вчерашняго нигилиста и сегодня уже вѣрующаго*: „кончено съ старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной“. И привели всю сцену, всѣ его слова и чувства, закончившіяся этимъ восклицаніемъ. До чего все это всемірно и какъ мало исключительный случай, рисуемый Д—кимъ, это я припоминаю изъ инстинктивнаго движенія въ своей жизни: въ 93 году, постоянный до тѣхъ поръ провинціалъ, я переѣхалъ въ Петербургъ. Ранняя весна. Николаевскій вокзалъ. Мы, русскіе, всѣ мечтатели, и вотъ я ѣхалъ въ Петербургъ съ мучительною мечтой, что тутъ—чиновники и нигилисты, съ которыми „я буду бороться“ и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь сейчасъ-же выразить свое *неуваженіе* къ нимъ; прямо—неуваженіе къ столицѣ Россійской Имперіи. Мечтая, мы бываемъ какъ мальчики; и вотъ я взялъ пятимѣсячную дочку на руки и повесъ, а затѣмъ и сталъ носить по залѣ I-го класса,

передъ носомъ „кушающей“ публики; и твердо помню свой внутренній, и радостный и негодующій голосъ: „я васъ научу“... чему, я и не формулировалъ: но *борьба съ нигилизмомъ мнѣ представлялась черезъ ребенка и на почетъ отцовства*. Читатель пошлетъ анекдоту, но онъ вѣренъ, а для меня онъ—доказательство.

Итакъ, вотъ всемирная территорiальность, на которую... никогда, никогда, не зачеркнувъ какъ „позоръ и мертвечину“ все прошлое свое, не опустится римскій первосвященникъ. Тутъ—*мать матерей*, т.-е. въ пунктѣ, около котораго копошилась Виргинская; а онъ—*безъ матерей, не плоденъ*, и это есть не случайность и временное, но самый центръ въ немъ, отъ котораго онъ не можетъ отрѣчься, не перейдя изъ „я“ въ „не-я“, даже въ „анти-я“. Двѣ религiи. Будемъ испытывать. Римъ (католическiй) покорилъ королей; цивилизовалъ миръ. Передъ нами папа, и сонмъ его кардиналовъ, епископовъ. Друга Рафаэля и Микель-Анджело, зиждителя славнаго Собора св. Петра, наполнившаго музеи Ватикана сокровищами искусства, предметами красоты, прелести и *любованiя*, конечно нельзя назвать человѣкомъ, который пилъ-бы одно горькое, и всегда отказывался, принципиально и абсолютно, отъ сладкаго. „Вишу на крестѣ“... нѣтъ, этого не скажетъ о себѣ папа. Левъ XIII, въ латинскомъ стихотворенiи, описалъ скромное и милое занятiе домашнею фотографiею, которымъ въ часы отдыха и во всякомъ случаѣ не службы, онъ забавляется. Забава, отдыхъ, удовольствiе не исключены папствомъ и обѣтомъ монашества. Онъ называется „pontifex“ и имя „первосвященника“ къ нему дѣйствительно идетъ. Идеей возстановитъ теократiю подъ владычествомъ первосвященниковъ полно папства, и ссылки на Илiя, Самуила—не рѣдки въ устахъ Римскаго владыки. Извѣстно, что первосвященникъ Илiй имѣлъ двухъ сыновъ, и Самуилъ имѣлъ мать, о которой я читаю,—въ сонмѣ епископовъ и передъ лицомъ папы,—слѣдующую трогающую меня страницу изъ „Первой книги царствъ“, гл. 2:

„И молилась Анна и говорила: „возрадовалось сердце мое въ Господѣ; вознесся рогъ мой въ Богъ моему; широко разверзлись уста мои на враговъ моихъ; ибо я радуюсь о спасенiи Твоемъ. Нѣтъ столъ святого какъ Господь; ибо нѣтъ другого, кромѣ Тебѣ; и нѣтъ твердыни, какъ Богъ нашъ. Не умножайте рѣчей надменныхъ; дерзкія слова да не исходятъ изъ устъ вашихъ; ибо Господь есть Богъ видѣнiя, и дѣла у Него взвѣшены. Лукъ сильныхъ преломляется, а немощные препоясываются силою. Сытыя работаютъ изъ хлѣба, а голодные отдыхаютъ; *даже безплодныя рожаютъ семь разъ, а многоцвѣтная изнемогаетъ*“.

Прочитавъ эту страницу и закрывъ книгу, я обращаюсь къ первосвященнику Новаго Завѣта и говорю ему: „всѣ радости міра вѣусиль ты. Но не вѣусиль одной и чистѣйшей—радости семья-

нина. Войди-же въ міръ, тобою управляемый, черезъ эту особенную и особенно крѣпкую и глубокую радость. Вотъ дѣва, прапраправнучка Евы, какъ ты самъ прапраправнучъ Адама. Исполни заповѣдь размноженія, данную еще въ раю, до грѣхопаденія: законъ Божій, данный всей твари, и составляющій въ собственной твоей церкви одно изъ семи священныхъ таинствъ. Сегодня, вмѣсто обычной прогулки по ломамъ Рафаэля, записаннымъ библійскими сюжетами, войди самъ какъ-бы сюжетомъ въ эту-же Библию — зачни младенца, помолясь Богу, какъ молилась эта-же Анна, Самуилова мать“:

— Этого я не могу!

— Да отчего?

— Не могу изъяснить. Я побѣдилъ міръ; но—*этого я не побѣдилъ*.

— Но вѣдь ты первосвященникъ?..

— Новаго Завѣта.

— Стоящаго на основаніи Ветхаго; и что до *грѣха* было заповѣдано въ Ветхомъ, конечно *не есть грѣхъ* и въ Новомъ. Да и наконецъ... семья, бракъ, супружество, дѣти—все такъ хорошо, что ужъ конечно лучше и безгрѣшнѣе домашней фотографіи; и ты благословляешь все это, супружество и дѣтей, и вотъ я начинаю подозрѣвать... искренно-ли?

— Искренно.

— Тогда стань семьяниномъ. Что благословенно, и притомъ отъ тебя самого, тѣмъ и благословись самъ. А то выходитъ чаша, изъ которой ты даешь пить, но удерживаешься выпить. Болѣе, чѣмъ подозрительно, и я перестаю тебѣ вѣрить. Я думаю — въ чашѣ дурное содержаніе, которое ты знаешь, но объ этомъ скрываешь отъ міра.

— Нѣтъ, не дурное.

— Тогда выпей?

— Не могу! Не могу! Тутъ—сѣмя, тутъ—кровь, а я—безъ-кровень и вѣтъ—сѣменень, я отрицаюсь крови и сѣмени. Satan! Satan!

— Но вѣдь *все* — изъ крови, *все* — отъ сѣмени; и, отвергнувъ ихъ, ты отрицаешь *все* и *Всѣ*. Двѣ выходятъ религіи: *зернистая* — у меня, и *каменная* — твоя.

— Нѣтъ, Богъ одинъ,—какъ сказалъ даже язычникъ Аристотель въ 12-ой книгѣ своей „Метафизики“:

Ὁὗς ἀγαθὸν πολυχοῖρανῆ. Εἷς χοῖραν.

т.-е. „не добро быти много-божію, Единъ-Богъ“...

— Тогда пусть папа зачнетъ младенца. Иначе я подозрѣваю, что онъ враждебенъ существу младенца, и это гораздо страшнѣе, чѣмъ если-бы онъ былъ враждебенъ только эмпирически существующимъ дѣтямъ. Мнѣ приходится на умъ Красный Дра-

конь Апокалипсиса, стоящий передь рождающею женою (гл. XII), какъ и Древній Змій, который нѣкогда погубилъ челоуѣковъ, но „сѣмя жены“,—замѣтите, не сѣмя Дѣвы, отъ которой родился нашъ Христосъ,—„сотреть ему главу“. Во мнѣ зарождаются самыя черныя и тягостныя подозрѣнія.

Въ началѣ былъ Хаосъ, потомъ—Земля широкогрудая...

Для всѣхъ навсегда непоколебимое съдалше.

И Тартаръ явился мрачный въ тайникахъ обширной земли.

Также Эросъ, прекраснѣйшій изъ безсмертныхъ боговъ.

Разрѣшающій печали всѣхъ боговъ и всѣхъ людей

Одольвающій въ груди разумъ и благоразумный советъ.

(Гезиодъ, „Теогонія“, стихи 116—122).

Вы видите, я посмѣиваюсь и начинаю цитировать древнихъ. Я буду цитировать древнихъ такъ долго, если хотите—цѣлую тысячу лѣтъ,—пока папа, въ составѣ другихъ символовъ своего разума и могущества, не обвѣщается какъ добрый отецъ дѣтскими игрушками.

— Нѣтъ, онъ этого не можетъ, это—переломъ исторіи.

— И я предвижу, что переломъ, и давно подыскиваю еще папу... Почему имъ не стать Кириллову съ его „всемирной гармоніей“? Послушайте еще его діалогъ, вѣдь это въ своемъ родѣ молитвы, и если вы чутки къ подробностямъ, вы замѣтите, что они мелькаютъ все около какого-то „еще солнца“, „еще Бога“, думаю, того солнца и того Бога, одинъ лучъ коего проигралъ въ комнатѣ Магіе и Шатова, и вдругъ согрѣлъ ихъ не земною, не феноменальною „заповѣдною“ любовью, а поуменальною „рожденною“ любовью. Да, есть сказанная любовь и есть рожденная любовь, и вотъ между ними-то и начинается коллизія. Оставимъ папу съ его „не могу“ и вернемся къ Кириллову, который „все можетъ“.

„— Чей это давеча ребенокъ?“

„— Старухина свекровь пріѣхала, нѣтъ... сноха... все равно. Три дня. Лежитъ больная, съ ребенкомъ; по ночамъ кричитъ, очень, животно. Мать спитъ, а старуха приноситъ. Дѣвочка.

„— Вы любите дѣтей?“

„— Люблю.

„— Стало быть и жизнь любите?“

„— Да, люблю и жизнь, а что?“

„— Я о вашемъ рѣшеніи умереть...“

„— Что-же? Почему вмѣстѣ? Жизнь особо, а то — особо.

Жизнь есть, а смерти нѣтъ совстѣмъ.

„— Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?“

„— Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную. Есть минуты, вы доходите до минуты, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

„— Вы надѣетесь дойти до такой минуты?

„— Да.

„— Это врядъ-ли въ наше время возможно... Въ Акрополисѣ ангель клянется, что времени больше не будетъ.

„— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно. *Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ*, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

„— Куда-жь его спрячутъ?

„— Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.

„— Старыя философскія мѣста, однѣ и тѣ же съ начала вѣковъ,—съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ пробормоталъ Старвронивъ.

„— Однѣ и тѣ же? Однѣ и тѣ же съ начала вѣковъ и никакихъ другихъ никогда!—подхватилъ Кирилловъ съ сверкающимъ взглядомъ, какъ будто въ этой идее заключалась чуть не побѣда.

„— Вы кажется очень счастливы?

„— Да.

„— Но вы еще не такъ давно огорчались, сердились, порицали?

„— Гмъ... Я теперь не порицаю. Я еще тогда не зналъ, что счастливъ. *Видали вы листъ, съ дерева листъ?*

„— Видалъ.

„— Я видѣлъ недавно желтый, немного зеленого. съ края поднимлъ. Вѣтромъ носило. Когда было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому-что очень хорошо, и опять закрывалъ...“

„— Это что-же *листъ*, аллегорія?

„— Н-нѣтъ, зачѣмъ?.. Я не аллегорію, я просто листъ, одинъ листъ. *Листъ хорошиъ. Все хорошио.*

„— Все?

„— Все. *Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому.* Это все, все! Кто узнастъ, тотъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту. *Эта свекровь умретъ, а дѣвочка останется. Все хорошио. Я вдругъ открылъ...* Всѣмъ тѣмъ хорошо, кто знаетъ, что все хорошио. Но пока они не знаютъ, что имъ хорошио, то имъ будетъ не хорошио. Вотъ вся мысль, вся, больше нѣтъ никакой!

„— Когда-же вы узнали, что вы такъ счастливы?

„— На прошлой недѣлѣ во вторникъ... нѣтъ—въ среду, потому что уже была среда. Ночью.

„— По какому-же поводу?

„— Не помню, такъ; ходилъ по комнатѣ... все равно. Я часы остановилъ; было тридцать семь минутъ третьяго.

„— Въ эмблему того, что время должно остановиться?

Кирилловъ промолчалъ. — „Они не хороши, — началъ онъ вдругъ, — потому-что не знаютъ, что они хороши. Надо имъ узнать, что они хороши, и всё тотчасъ-же станутъ хороши, всё до одинаго.

„— Вотъ вы узнали-же, стало быть—вы хороши?

„— Я хорошъ.

„— Съ этимъ я впрочемъ согласенъ, — нахмурился его собесѣдникъ.

„— Кто научить, что всё хороши, тотъ міръ закончить.

Оговоримся, опомнитесь: папа *не закончилъ* міръ, и уже теперь видно, что онъ его и не кончить, и что самъ онъ—лишь *промежуточная идея*, ибо именно.. встрѣтился пунетъ, котораго онъ, аскетъ и монахъ, ни понять, ни объять, ни чистосердечно благословить не можетъ.—Взаимно отталкиваются; „не могу! не могу!

— Но вѣдь крестъ все побѣдилъ? Возьмите кусочекъ крестнаго дерева, надѣньте на себя останки святыхъ мошей, и совершите актъ, который сами-же благословляете: *зажженія новой жизни*.

— Не могу! Не могу!

— Если не можете этого, и есть Кто-то, Кто все можетъ и до всего коснется и объялъ этотъ „святой хаосъ“—то Онъ и привлечетъ къ себѣ не только всѣхъ, но и „всяческая во всемъ“...

Теперь, высказавъ свою мысль, будемъ далѣе цитировать:

„— Кто училъ, Того распяли,—отвѣтилъ задумчиво Кириллову собесѣдникъ.

„— Онъ *придетъ* и имя Ему—Человѣкобогъ.

„— Богочеловѣкъ?

„— Человѣкобогъ, въ этомъ разница.

„— Ужь не вы-ли и лампадку зажигаете.?

„— Да, это я зажегъ.

.....

„— Сами-то вы молитесь?

„— Я *всему молюсь*. Видите, *паукъ ползетъ по стѣнѣ*, я *смотрю и благодаренъ ему за то, что ползетъ*. Глаза его горѣли“ („Бѣсы“, *ibid.*, стр. 215 и слѣд.).

„Паукъ“ здѣсь — это тоже, что „во всякой мухѣ — тайна“ въ диалогъ, который выше привели мы. Какъ здѣсь, такъ и тамъ начинается *еще* религія. Конечно, чрезвычайно грустно, что она возможна, но вѣдь потому и является мысль ея, тембръ ея, звуки ея, что „папа“ оказывается всего только *вчерашнимъ нигилистомъ*, который по данному разсматриваемому пункту, т.-е. относительно цѣлой *альфы* міра, страннымъ образомъ замѣшивается въ толпу петербургскихъ нигилистовъ и вторить имъ.

„— Я теперь къ Виргинской, къ бабѣ, тороплюсь“, нѣсколь-

книги часами раньше извѣщаетъ Шатовъ, Кириллова. Виргинская—это „стриженная акушерка“.

„— Мерзавка, восклицаетъ Кирилловъ, бывший тоже когда-то среди нягиллистовъ, но теперь ушедшій отъ нихъ въ существенно новыя гармоніи.

„— О, да, Кирилловъ, да, но она лучше всѣхъ! О, да, *все это будетъ безъ благоговѣнія, безъ радости, брезгливо, съ бранью, съ богохульствомъ—при такой великой тайнѣ появленію новаго существа!.. О, она ужь теперь прокликаетъ его.* (Ibid., стр. 520).

IV.

Тамъ, гдѣ есть *новое умиленіе*, и при томъ не только разнородное со вчерашнимъ, но и такое, отъ коего вчерашнее умиленіе „брезгливо и богохульно отворачивается“, — очевидно есть ростокъ и новаго *Бого-отношенія, Бого-связуемости, Бого-званія*. Ибо *гдѣ молитва, тамъ—вѣра*, и если она не на „сѣверъ, сѣверъ, сѣверъ“ какъ была всегда, то будетъ на „югъ, югъ и югъ“, гдѣ никогда не была. Теизмъ—раскалывается.

Прежній теизмъ падалъ лучемъ съ неба на землю и обливалъ ее. Это одно отношеніе, и оно на первый взглядъ кажется высочайшимъ. Земля пустынна; земля голодна; земля холодна. И землѣ — *холодно! голодно!* ее не согрѣваютъ эти какіе-то только ласкающіе *лунные лучи*. Мы идемъ по голодной и холодной землѣ, и, прислушиваясь къ ея разговорамъ, *ея собственнымъ, изъ нея рожденнымъ*—улавливаемъ между ними, большею частью суетными, одинъ, который можетъ быть въ слишкомъ длинныхъ цитатахъ привели. Тепло. Свѣтъ. Правда. Религія. Нѣтъ великолѣбія, истинная простота, *даже и не оглядывающаяся на себя*.

Слѣдя, мы видимъ, что наша показавшаяся темною земля изъ каждой хижинки, при каждомъ новомъ „я“, рождающемся въ мірѣ, испускаетъ одинъ маленькій такой лучикъ; и вся земля сіяетъ короткимъ, не длиннымъ, не достигающимъ вовсе неба, но своимъ собственнымъ за то сіяніемъ. Земля *насколько она рождаетъ*—плыветъ въ тверди небесной *сіяющимъ тѣломъ*, и именно *величозно сіяющимъ*. Главное — это *собственное*, и опять это—*грѣтъ*. Тепленькая земля, хотя летитъ въ тверди ужасающаго холода. И вотъ — восклицаніе Кириллова, пожалуй получающееся до конкретнато совпаденія:

„— Бого-человѣкъ?

„— Человѣко-Богъ. Въ этомъ—разница.

„— Ужъ не вы-ли и лампадки зажигаете?

„— Это—я зажегъ.

Теперь вопросъ остается почти только въ томъ, какъ намъ устроить *свои* лампадки. Въ матушкѣ-землѣ вырывать ямки, обдѣ-

лывать камешкомъ, вливать елей, вставлять фитиль: пусть горять всю ночь. Ничего воздушнаго, главное—чтобъ ничего воздушнаго. „Воздушное“ принеся папа и самъ повисъ съ нимъ въ воздухѣ. „Хоть-бы землицы подѣ ноги, мучусь!“ Но уже „замлицы“ не нашлось для отвергшаго землю.

А впрочемъ... впрочемъ; такъ какъ *самая суть* новаго тезиса лежитъ въ поклоненіи „даже и пауку ползущему по стѣнѣ“, то само собою въ благостномъ кругѣ новыхъ лобзаній содержится и папа какъ крошечный эпициклъ въ огромномъ циклѣ. И ему—земли! И даже и лобзаніе его рукѣ, его даже туфлѣ, но уже съ новымъ чувствомъ, дабы просто не огорчить великаго, тысячелѣтняго дѣдушку. „Тебѣ это радостно — и мы это дѣлаемъ, дабы и ты слился съ нашею радостью“; и даже, пожалуй, безъ всякаго „дабы“, „чтобы“. „Такъ—просто радость. Это—не любовь, это—выше любви“.

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтриль
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры дивныя свѣтилъ.

Вотъ „Отчая пѣсенка“; и много возможно такихъ. Новая музыка. Новое чувство. „И отретъ Богъ всякую слезу“ ихъ; и дастъ „пальмовыя вайи въ руки“ имъ и „облечетъ ихъ въ бѣлыя одежды“. *Благо поклоненіе* въ замѣнъ *темнаго поклоненія*, о немъ говоритъ Апокалипсисъ... Но мы указываемъ *пунктъ и логику*, гдѣ въ самомъ дѣлѣ поклоненія расходятся.

Путеводною нашею „звѣздочкою“ будетъ та, которая остановилась и надъ Виселемомъ. „Путь“ нашъ — не философія и не наука, а *ребенокъ*. Новая „книга изученій“ просто есть *чтеніе* дитяти, т. е. непрестанное *общеніе* съ нимъ, погруженіе въ его стихію. Онъ и станетъ нашимъ *символомъ*, онъ и—*бабушка*. На Западѣ, въ одинъ печальный годъ, носили какую-то „богиню *Разума*“ и лишь съ оговорками признали „*Etne Supreme*“. Болѣе, чѣмъ возможно, что на Востокѣ нѣкогда понесутъ едва-едва помнящую себя 90-лѣтнюю пра-бабушку (то-то-порадуется старуха, что ее „такъ почитаютъ“), съ чулкомъ и вязальными спицами въ рукахъ (безъ этого какая-же бабушка?!) и около нея—ея пра-внучка съ игрушечнымъ конемъ.

„— Вы вѣрите въ *будущую вѣчную жизнь*?

„— Не въ будущую, а въ *здѣшнюю вѣчную жизнь*!

И лампадки, лампадки...

Упадокъ семьи.

Roma perit latifundiis...

I.

„Географическій атласъ Россіи, со многими картографами, Поддубнаго. Цѣна 1 руб.“,—прочелъ я лѣтъ восемь назадъ объявленіе, и, выписавъ себѣ экземпляръ, немедленно назначилъ его къ выпискѣ всѣми учениками IV и VIII классовъ гимназіи, гдѣ проходитъ специально географія Россіи. Не имѣлъ права „обременять учениковъ новымъ учебнымъ пособіемъ“, но на этотъ разъ обременилъ.

Очень хорошъ былъ атласъ, очень уменъ. И весь „умъ“ его лежалъ въ необыкновенно умно составленныхъ картограмахъ. Я разсматривалъ ихъ съ поученіемъ, но и наконецъ съ восхищеніемъ. „Если бы досугъ и перерисовать ихъ всѣ самому—собственно познакомился бы съ Россіею“. „Ученики, которые годъ проработали бы надъ этимъ атласомъ, выходили бы изъ гимназіи положительно съ представленіемъ какъ о матеріальныхъ средствахъ Россіи („богатства“ ея), такъ и о трудѣ въ Россіи, о рабочихъ ея успѣхахъ. И притомъ сравнительно со всѣми странами Европы“. Къ сожалѣнію, досуга ни у учителя, ни у учениковъ не было. Одинъ урокъ въ недѣлю, т.-е. сорокъ часовъ въ учебномъ году; томикъ учебника, въ 240 страницъ, который надо въ эти 40 часовъ усвоить почти изъ строки въ строку; экзамены, программа, билеты... „Некогда! некогда!“ И прекрасный атласъ, какъ все прекрасное, былъ... засоренъ заботами ежедневными, которыхъ нельзя обойти. Но я помню съ благодарностью это милое руководство и вспомнилъ „умъ“ его теперь, когда мнѣ захотѣлось писать о семьѣ.

Что такое картограмма? Это — графическая схема фактовъ: желтенькій, красенькій, голубой квадратикъ и наконецъ цѣлый паркетъ подобныхъ квадратиковъ выражаютъ какой-нибудь основной фактъ въ безчисленныхъ его модификаціяхъ, вариантахъ,

приложеніяхъ, сравненіяхъ. Всѣ качества факта переложены, черезъ умную сообразительность, въ количества, и вы получаете наглядное руководство къ тому, чтобы судить о немъ и наконецъ разсудить, т. е. не только схватить дѣйствительность глазомъ, но и догадаться, куда и къ чему она тянетъ, чего ей недостаетъ, въ чемъ ей можно пособить. Можно сфотографировать лицо en face, въ $\frac{3}{4}$, въ профиль. Но можно въ одинъ и тотъ же часъ снять съ лица человѣка 90 карточекъ, подъ разными углами наклоненія, поворота, выраженія. Сумма ихъ даетъ совершенно точное представленіе о дѣйствительной формѣ лица. Роль такихъ „90 карточекъ“ и выполняетъ картограмма или рядъ картограмъ. „Лицо“ страны становятся ясно послѣ нѣкотораго труда, изучимо, запоминаемо.

Принципъ картограммы примѣнимъ ко всему, что есть фактъ, что есть матерія или событіе. Министръ финансовъ, министръ земледѣлія, распорядясь ресурсами страны и изыскивая мѣры къ ихъ возрастанію, непременно будетъ орудовать, имѣя подъ рукою свои картограммы, въ его цѣляхъ начертанныя. Безъ нихъ онъ — какъ морякъ безъ компаса вдали отъ береговъ. Онъ ничего не видитъ. „Вода... вода...“ „Вода и небо“. Для министра торговли и мануфактуръ это было бы: „торгуютъ, торгуютъ“; „кажется — хорошо торгуютъ“. Но дальше этой краткой мудрости его свѣдѣнія не шли бы, и онъ ничего бы не могъ предпринять, или предпринялъ бы на-обумъ.

II.

Вполнѣ удивительно, что при очевидномъ для всѣхъ упадкѣ семьи въ Европѣ („изъ 10 встрѣчающихся мнѣ на улицѣ—одинъ малорослый“,—замѣтилъ одинъ туристъ въ началѣ нынѣшняго вѣка) къ всестороннимъ ея „измѣреніямъ“ до сихъ поръ не былъ приложенъ принципъ картограммы. Можетъ быть она все еще растетъ? Можетъ быть, она уже давно карликъ? Можетъ быть это калѣка? Можетъ быть большой? Определеннаго никто и ничего не знаетъ. Описываютъ ее романисты, но кто же вѣритъ, „романамъ“?

Мы имѣемъ только снимокъ ея en face:

Бракосочетаній въ году было столько-то.

Родившихся—столько-то.

Умершихся—столько-то.

Но уже природа каждого лица „en face“ такъ устроена, что его снимокъ всегда будетъ выражать нѣкоторую норму и даже красоту. Такъ что когда обычный officialный отчетъ выразится въ цифрахъ:

Бракосочетаній	36
Родившихся	40
Умершихъ	38

— и это о цѣлой странѣ, то мудрый министръ будущаго вѣка успокоитъ государя или населеніе словами: „родившіеся превышаютъ умирающихъ, и состояніе семьи прекрасно, какъ и во всѣ XIX вѣковъ нашего благополучнаго христіанскаго существованія“. Между тѣмъ будетъ довольно ясно, изъ сосѣднихъ, но не вошедшихъ въ отчетъ, цифръ, изъ другихъ разноцвѣтныхъ, но только не нарисованныхъ, картограммочекъ. что собственно—семья нѣтъ, бракосочетаній — нѣтъ, родившихся — почти нѣтъ. И какъ министру, такъ и его государю остается только лечь въ гробъ, за отсутствіемъ самаго народонаселенія, для котораго они теперь могли бы издавать законы. Издавать законы и администрировать...

Въ виду совершенной одинаковости быта, именно семейнаго быта, въ каждой порознь европейской странѣ, и почти совершенной тождественности состоянія семьи въ цѣлой Европѣ, это состоянія можетъ быть разслѣдовано до высокой подробности и точности на кусочкѣ страны, напр. на городѣ средней величины. Когда-то, въ 80-хъ годахъ, подъ руководствомъ талантливаго статистика Орлова, въ Московской губерніи были предприняты изслѣдованія крестьянскаго хозяйства въ такихъ подробностяхъ, о какихъ еще не додумалась западная статистика, и получилось не кое-что въ картинѣ, а полная картина дѣйствительности. Вообще русскій человекъ и даже русскій умъ доберется при нуждѣ и охотѣ до всякихъ точностей. Обратимся же къ семьѣ. Сейчасъ вырисовываются двѣ основныя схемы, два основныя цвѣта въ искомымъ *настоящихъ* картограмахъ ея положенія:

Судьба индивидуума.
Состояніе общества.

Что такое „судьба индивидуума“ и въ томъ опредѣленномъ вопросѣ, на который мы нѣчемъ отвѣта? Вѣдь въ настоящее время всякое „я“ если и входитъ въ „статистику успокоенія“, то совершенно приличною фигурою: „холостъ“ — „женатъ“. Между тѣмъ въ статистику истины и тревоги это же „я“ войдетъ цѣлою лѣстницею показаній, которую мы приблизительно намѣтимъ. Берется возрастъ 60 лѣтъ, положимъ для Тулы, для Орла, — даже пусть возьмутся старики этого возраста на одной какой-нибудь улицѣ, и, не вписывая ни именъ своихъ, ни фамилій, просто обозначать о себѣ, какъ о совершенно неопредѣленномъ „я“, слѣдующія истины:

1) Съ котораго года жизни и до котораго, ранѣе вступленія въ бракъ, прибѣгалъ къ безпорядочнымъ отношеніямъ? Въ частности — къ проституціи?

2) Не было ли раньше ввѣчанія длительныхъ и серьезныхъ привязанностей? Безъ рожденія ребенка? Съ рожденіемъ? Приблизительная судьба брошенной дѣвушки или дѣвушекъ? Приблизительная судьба ея ребенка или дѣтей?

3) Сколько лѣтъ въ бракѣ? Сколько — дѣтей? Совершенное, умѣренное, посредственное или худое счастье въ семьѣ?

4) Не было ли и если да, то сколько случаевъ, увлеченія на сторонѣ во время супружества? Какой длительности? Съ дѣвушками? Замужними?

5) Сколько лѣтъ вдовъ? Былъ ли абсолютно цѣломудренъ во вдовствѣ?

Шестьдесятъ лѣтъ можно считать „прожитую жизнь“, и точныя данныя, взятая съ этого возраста, въ суммарномъ итогѣ могутъ дать „средній романъ человѣка“. Это и будетъ первая, основная картограмма семьи: семья какъ *мой* расцвѣтъ; какъ *моя* мудрость и поэзія; какъ поэзія и мудрость цивилизаціи, *на мнѣ отразившіяся*. Ибо, безспорно, въ суммарный итогъ войдутъ только нормы, регуляторы; войдетъ *быть, обычай*, но не какъ плодъ индивидуальныхъ заблужденій или страстей, но какъ форма, въ которую отлились эти страсти, однѣ повсюду, у всѣхъ всегда однѣ.

Картограмма состоянія общества должна быть совершенно другая. Берется цвѣтущій возрастъ женщины, 32 года, когда судьба каждой бываетъ рѣшена, и рѣзо уже потомъ не перемѣняется, — и составляется статистика этого возраста и пола, для города, для улицы, для небольшой страны:

- 1) Сколько замужнихъ? Счастливыхъ въ замужествѣ? Несчастливыхъ?
- 2) Сколько дѣвушекъ?
- 3) Сколько проституттокъ?

Эти данныя выразятъ состояніе средняго возраста, одного центрального года этого возраста, и притомъ у основной семейной единицы — женщины. Это — семья *въ моментъ*, въ отличіе отъ *семьи въ процессѣ*, схему которой нарисуетъ первая картограмма. Во всякомъ случаѣ массовой итогъ и здѣсь нарисуетъ, такъ сказать, средній бытъ страны и, пожалуй, среднее счастье человѣка.

Наконецъ, послѣдняя картограмма—рождаемости: берется возрастъ опять 60 лѣтъ, но уже женщины (основная и самая ясная семейная единица), и исчисляются ихъ рожденія:

1. Рожденныя въ семьѣ.
2. Рожденныя внѣ семьи (дѣти дѣвушекъ и вдовъ) и оставленныя при матери.
3. Подброшенныя въ чужую семью.
4. Воспитываемыя тайно на сторонѣ.
5. Переданныя въ воспитательные дома.
6. Умерщвленные.

Я говорю очень не полно; не думаю, чтобы говорилъ очень ошибочно. Во всякомъ случаѣ серія исчисленныхъ вопросовъ пересѣкаетъ въ разныхъ направленіяхъ институтъ семьи, основной социальный институтъ, и даетъ рядъ ея разрѣзовъ, подобно тому, какъ есть „вертикальные“, „горизонтальные“ и другіе разрѣзы

пластовъ земли или дѣлаются искусственно такіе разрѣзы животнаго организма. „Кто хочетъ знать, тотъ долженъ уметь знать“.

Эти картограммы во всякомъ случаѣ разбили бы основное утѣшительное представленіе: „бракосочетаній—столько-то“, „рожденій—столько-то“, „смертей—нѣсколько менѣе“; „итогъ—благополученъ“. Онѣ вырисовали бы совершенно обратное относительно цѣлой страны и всякаго въ ней человѣка:

Отрочество—порочно, юность и часть возмужалости—проституцiонны; часть возмужалости и старость—семейны.

И далѣе:

Около $\frac{2}{3}$ рождаемыхъ дѣтей рождается и остается въ семьѣ, около $\frac{1}{3}$ —въ семьѣ.

Наконецъ:

Семья обнимаетъ около $\frac{2}{3}$ населенія, внѣсемейный бытъ обнимаетъ около $\frac{1}{3}$ населенія.

„Итогъ“ — не только не „благополученъ“, но „смертенъ“ и „идеть къ смерти“.

III.

Много лѣтъ назадъ, проводя ученическіе годы свои въ Нижнемъ, я почти ежедневно бывалъ на знаменитой мѣстной ярмаркѣ. Какой же мальчикъ, юноша—не патріотъ, пусть даже и съ „краснымъ оттѣнкомъ“; и вотъ меня, всегда желавшаго, чтобы русскій человѣкъ вездѣ стоялъ на первомъ мѣстѣ, чтобы ему отдана была первая, лучшая работа, поражало еще въ тѣ отроческіе годы, до чего вся сильная работа, какъ и всякая отвѣтственная служба въ этомъ водоворотѣ труда и денегъ, проходитъ мимо русскихъ рукъ и передается татарамъ. Откуда они? Что за орда? Самъ Нижній—чисто русской городъ и изъ торгующихъ тамъ вѣрно около $\frac{1}{2}$ —старообрядцы. Что за „избирательное сродство“ у этого коренного и денежнаго русскаго люда къ неприятнымъ „ермолкамъ“ и „свиному уху“? Дюжія у нихъ спины; могучіе затылки. Теперь, живя въ Петербургѣ и ежедневно видя заходящихъ на дворъ „халатниковъ“, сбывая имъ разную одѣвальную и книжную рухлядь, не безъ антропологическаго интереса я присматриваюсь къ нимъ. Вотъ ужъ не „парія“... Это какіе-то аристократы крови. Какая прямизна роста; да какая, наконецъ, красота лица, его глубокая уравновѣшенность, не нервность, не чахлость, не болѣзненность. Наблюденіе туриста надъ западнымъ европейцемъ, какъ мы привели выше: „изъ десяти встрѣтившихся одинъ былъ вырождающійся“, здѣсь читается наоборотъ: „изъ десяти встрѣчающихся одинъ точно хочетъ перескочить за высоту расы“. Раса — брызжетъ; раса—растетъ. И, между тѣмъ, это та же Казанская губернія, т.-е. возможный голодъ, недородъ...

Разсѣянный вообще, я какъ-то памятливъ, впечатлителенъ,

цѣпокъ умомъ за новое и оригинальное. Какъ-то мальчикомъ я не столько шелъ со взрослыми, сколько меня вели взрослые, и вотъ слышу, какая-то древняя старушка, бого-почтенная помѣщица, рассказываетъ о своемъ одинокомъ и опасливомъ быту на югѣ. Имѣніе, кругомъ поля, пустыня. «Насъ—татары сторожатъ»: Что такое: и въ Нижнемъ—все «татары сторожатъ». Имъ довѣряютъ; они—имѣютъ *нравственный кредитъ*. «Гдѣ же довѣрить русскому: онъ напьется и васъ пропѣетъ». Старушка характеризовала этихъ стерегущихъ ихъ татаръ, какъ какихъ-то могучихъ младенцевъ; геркулесовъ, задушающихъ въ колыбели змѣй; простосердечные, недалекіе умомъ, они и «душу»-то «имѣютъ» почти въ томъ ограниченномъ и сосредоточенномъ смыслѣ, что «имѣютъ вѣрность», «вѣрны». Не имѣютъ таланта лукавства, и нашихъ лукавыхъ талантовъ.

Они воспитаны; очевидно, однако, не гувернерами. Есть нѣсколько какихъ-то въ высшей степени простыхъ, но и въ высокой степени универсальныхъ не знаній, но... навыковъ благообразія, въ которыхъ проходить ихъ всѣхъ жизнь, въ которые они врастаютъ, едва родясь. Тѣхъ *навыковъ*, объ отсутствіи которыхъ у насъ желчно скорбятъ г. Побѣдоносцевъ въ «Московскомъ сборникѣ», указывая, какъ нужны бы они, а не безчисленные и разнообразныя знанія, эти красивыя безсилія, какими мы украшаемся въ школь и черезъ чтеніе. Да, *нужны*-бы, но вотъ ихъ *нѣтъ*, и не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. Въ замѣчательныхъ «Письмахъ къ духовному юношеству» (письма къ студентамъ Казанской духовной академіи) знаменитый педагогъ нашего времени, С. А. Рачинскій, указываетъ будущимъ пастырямъ «словеснаго стада Христова» о болѣе чѣмъ прискорбномъ состояніи христіанскаго міра, и именно моральномъ, какъ оно особенно сказывается на границахъ, гдѣ христіанскій міръ соприкасается съ нехристіанскимъ, и пытается на него воздѣйствовать. «Языческія племена Африки быстро усваиваютъ магометанскій законъ, но христіанская проповѣдь не приобрѣтаетъ ни одного прозелита»; «эти наивные народы съ ужасомъ бѣгутъ отъ христіанскаго обмана, проповѣдующаго наилучшую нравственность, но имѣющаго наилучшую жизнь»: Рачинскій приписываетъ это «пьянымъ нашимъ батюшкамъ», противопоставляя имъ вѣчно трезвыхъ муллъ: «возможно ли, чтобы магометанскій мальчикъ увидѣлъ муллу пьянымъ на улицѣ, въ училищѣ, какъ онъ не рѣдко видитъ православнаго священника»? Много прекраснаго въ этихъ письмахъ Рачинскаго (едва ли не болѣе важныхъ, чѣмъ его «Сельская школа»), прекраснаго по одушевленію автора, по тону нетерпѣливой боли, въ нихъ разлитой. Но еслибы съ этими качествами авторъ соединилъ желанье углубиться въ тему... Кто же не знаетъ, что есть у насъ батюшки не абсолютной трезвости, но къ которымъ за ихъ про-

стоту, за ангельскую незлобивость — любовь паствы не преборима. Не видалъ я, но передавали мнѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, объ одномъ священникѣ, который каждую литургію нѣкоторыя ея мѣста «проходилъ» со слезами; читаетъ Евангеліе — и самъ плачетъ. Что же оказалось? Онъ страдаетъ *запойнъ* (вѣдь это — *болѣзнь*, это всякій знаетъ); т. е. считалъ себя безмѣрно грѣшнымъ, окаяннымъ передъ Богомъ и паствою — и въ трогательныхъ мѣстахъ службы плакалъ, конечно, о себѣ. Что же, эта литургія «мытаря» бездѣйственнѣе ли была, чѣмъ службы сотни совершенно трезвенныхъ священниковъ, которые за достаточное проповѣдываніе получили достаточно высокія камилавки? Конечно, все рѣшаетъ одна минута правды; вотъ эта литургійка сквозь слезы. И что касается до пьянства, то надо бы еще вдуматься, почему только кровь европейца имѣетъ эту острую липкость къ алкоголю, точно заражается имъ, тогда какъ кровь магометанина, еврея очевидно тупа къ напитку («научились» бы, да и всякій «законъ» переимѣнили бы, имѣй они вкусъ къ вину). Иногда думается, что кровь европейца — слишкомъ низкой точки кипѣнія, и она ищетъ возбuditеля. Оговоримся, поправимся: въ быту европейскомъ и въ составѣ чувствъ, идей господствующихъ, именно насколько онѣ относятся къ индивидууму, много шумливости, но нѣтъ вовсе психическаго оргазма, и человекъ ищетъ оргазма физиологическаго. Замѣчательно, что въ самой Европѣ на югѣ, т. е. гдѣ много солнца, люди не пьютъ, не знаютъ ни «запоя», ни «попоекъ». Еще замѣчательнѣе, что и на сѣверѣ встрѣчаются (не часто) люди, имѣющіе непобѣдимое отвращеніе къ вину, или, истиннѣе и точнѣе, абсолютно къ нему тупые, не воспримчивые къ его яду. И если внимательнѣе ихъ изучать, то можно замѣтить, что у всѣхъ ихъ общее есть то, что всѣ они суть тайные внутренніе оргасты, которыхъ вино обременяетъ, тягостно для нихъ, ибо оно является уже возбужденіемъ черезъ край. Тогда какъ у всѣхъ другихъ это же вино едва поднимаетъ психическое содержимое до края. Еврей не только не пьетъ, но онъ неудержимо хлопотливъ; не можетъ «сѣсть на землю», качается всѣмъ корпусомъ, когда молится въ синагогѣ. Во всемъ этомъ есть родство: это люди возбужденныхъ идей, возбужденныхъ и возбуждающихъ. Тогда какъ Европа есть континентъ упавшей души; упавшей души и онавшихъ крыльевъ. Конечно, мы говоримъ объ индивидуумѣ, ибо машина европейская идетъ ходко.

IV.

Мы отвлеклись отъ узкой своей темы. Совершенно очевидно, что причина неуспѣшности среди дикарей Африки проповѣди европейскихъ мисіонеровъ лежитъ не въ нихъ лично, не въ томъ, что самые мисіонеры пьютъ (что едва ли), а въ томъ, что на-

двигающийся на этихъ дикарей европейскій бытъ поражаетъ ихъ своею развращенностью. Едва ли способные вдуматься въ оставшій проповѣди и оцѣнить качества трезвости, они видятъ и чувствуютъ ея *passé* глубокую неиспорченность *людей-магометанъ* и глубокую же испорченность *людей-христіанъ*. Вотъ что рѣшаетъ дѣло во внутренней Африкѣ, какъ оно рѣшило многое въ Средней Азіи, въ дѣлѣ Андиганскаго волненія мусульманъ: «стало легче отъ податей, сталъ правѣе судъ, но мы имѣли до русскихъ вѣрныхъ женъ: пришли русскіе и стали развращать нашихъ женъ и дочерей» *).

Картограма индивидуальной судьбы все объясняетъ; сперва между 10—15 годами тайные пороки, затѣмъ въ годы отъ 15 до 40 проституція и усилія соблазненія; въ заключеніе, какъ успокоеніе старости и награда за пороки—семья. Дикари Африки и средне-азиатскіе сарты не захватываются въ русло европейской солидной семьи: они попадаютъ въ линію молоденькой, свѣженькой, ребяческой проституціи и, вооружаясь примитивными ружьями, лѣзутъ съ ними на пушки. Лѣзутъ... и, конечно, разстрѣливаются.

Въ тѣхъ же „Письмахъ“ Рачинскаго рисуется „армія спасенія“ Бутса и приводится удивленіе англійскаго епископа, ознакомившагося съ плодами ея дѣятельности: „страшно признаться, но за вѣка нашихъ усилій и при огромныхъ образовательныхъ и матеріальныхъ средствахъ, какими мы обладаемъ, мы не сдѣлали и сотой доли того, что совершилъ для нравственнаго спасенія человѣка этотъ простой генераль“. Рачинскій, раздѣляя это удивленіе, съ презрѣніемъ отзывается о грубости и безвкусиці какого-то подобія церковно-военныхъ церемоній, какими уснастилъ свою мысль и затѣянное движеніе знаменитый „генераль“; о грубыхъ попыткахъ богословствованія, какія иногда приходять ему на умъ; но, между прочимъ, замѣчаетъ: „всѣ, вступившіе въ армію спасенія, должны быть обязательно женаты, и въ самомъ раннемъ возрастѣ; такимъ образомъ во взглядѣ на семью генераль Бутсъ не расходится съ ученіемъ церкви; въ арміи господствуетъ бодрое и веселое настроеніе“. Вотъ и вся догматика, конечно, нищенская, но зато догматика *быта*, о недостаткѣ которой у насъ сѣтуетъ г. Побѣдоносцевъ, и недостатокъ чего взрываетъ мусульманъ, возмущаетъ негровъ. Замѣтимъ касательно семьи, которая составляетъ нашу тему, не настойчивую, но легкую замѣтку автора „Писемъ“. „Тутъ Бутсъ не выдумываетъ новаго, а слѣдуетъ взгляду своей (англиканской) церкви“. Когда бы *такъ!* Можетъ быть, тогда не было бы вовсе нужды въ самой „арміи спасенія“, англійскому епископу не нужно бы конфузливо сознаваться, что вотъ „онъ“,

*) Точная жалоба на это была высказана во время суда надъ Андиганскими повстанцами.

а не „мы“: и, можетъ быть, даже Рачинскій тогда не имѣлъ бы темы для прекрасно-мучительныхъ своихъ „Писемъ“. Бутсъ взялъ, по его же словамъ, статутомъ для своей филантропической затѣи англійскій воинскій уставъ; она идетъ грубо, воински—съ барабаномъ. Увы, ничего церковнаго въ немъ и въ его арміи нѣтъ, и это есть причина эстетическихъ сожалѣній Рачинскаго. Но эти сожалѣнія хотъ и не поздны, но запоздалы: нельзя уже снять лавръ съ недалекой головы Бутса и надѣть ихъ, поверхъ митры, на голову Кентерберійскаго архіепископа. Фактъ долженъ остаться какъ онъ есть: грубый генераль, безъ всякой возвышенной философіи, просто воззря солдатскимъ окомъ на міръ, сказалъ себѣ: „гдѣ не семья—тамъ развратъ“. Это, какъ всякому извѣстно, не только не повторяетъ существующаго въ церкви ученія о бракѣ, съ непрестанными ему препонами, съ совершеннымъ равнодушіемъ къ возрасту, въ которомъ онъ заключается, съ антипатіей къ второбрачію, страхомъ передъ третьимъ бракомъ, отсутствіемъ развода и проч., но это простая и именно въ простотѣ своей необходимая истина, что вообще и всегда и всякому человѣку быть безсемейнымъ просто неприлично,—есть совершенно новый взглядъ на семью, противоположный тысячелѣтнему ученію, что „безбрачіе выше брака“; что вѣнецъ спасенія и жезлъ правленія лежатъ *оми* семьи, что плодovitость есть низкое состояніе, уравнивающее человѣка съ мышами и кроликами, приличествующее поэтому паріямъ духа. Самъ Рачинскій, стоящій на этой-же точкѣ зрѣнія, въ одномъ мѣстѣ „Сельской Школы“ называетъ родительское чувство къ дѣтямъ „полуживотнымъ чувствомъ“, менѣе достойнымъ педагогическихъ, художественныхъ, филантропическихъ и всякихъ иныхъ „духовныхъ“ чувствъ. Глупые муллы; глупый Бутсъ. Но—*sum siquae*. И „лавръ“ за спасеніе утопающихъ на нашей жалкой планетѣ все-таки лежитъ на головѣ Бутса, а по компетенціи негровъ и конкюзіи Рачинскаго—еще у муллы. У самаго Рачинскаго, у Кентерберійскаго архіепископа—„слова, слова и слова“, какъ говоритъ Гамлетъ. И, впрочемъ, очень много исторической славы, очень высокія въ исторіи „тавилавки“.

31-го января 1827 г. Гете разговаривалъ съ Эккерманомъ объ одномъ китайскомъ романѣ, который онъ тогда читалъ, и благоговѣйный слушатель занесъ этотъ разговоръ въ свою книжку („Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ“. Пер. Д. Аверкіева. Спб. 1891 г.). „Люди тамъ думаютъ“, сказалъ Гете, „дѣйствуютъ и чувствуютъ почти такъ же, какъ и мы, и вскорѣ и самъ чувствуешь, что похожъ на нихъ; но у нихъ все идетъ *яснѣе, чище и нравственнѣе*. У нихъ все разсудочно, по мѣщански, безъ большихъ страстей и поэтическаго полета; оттого это весьма похоже на моего *Германа и Доротею*, а также на англійскіе романы Ричардсона. Разница въ томъ, что у нихъ всегда и вѣшняя при-

рода живеть подлѣ человѣческихъ фигуръ. Всегда слышны всплески золотыхъ рыбокъ въ прудахъ; птицы, не уставая, поютъ на вѣтвяхъ; день всегда ясный и солнечный, ночь всегда свѣтлая; много говорится о мѣсяцѣ, но онъ не измѣняетъ пейзажа: онъ свѣтитъ такъ ярко, что кажется, будто день. И внутри домовъ все такъ же чисто и мило, какъ на китайскихъ картинкахъ. Напримѣръ: „я слышала, какъ смѣялись милыя дѣвушки, и когда я увидѣла ихъ, то онѣ сидѣли на тростниковыхъ стульяхъ“. Такимъ образомъ тотчасъ же получается прелестная ситуація: нельзя представить себѣ тростниковыхъ стульевъ безъ мысли о легкости и нарядности. Затѣмъ къ разсказу примѣшивается безчисленное множество легендъ и онѣ приводятся также въ видѣ пословицъ. Напримѣръ, о дѣвушкѣ говорится, что у ней были такія легкія и нѣжныя ножки, что она могла стать на цвѣтокъ и не согнуть его. О молодомъ человѣкѣ,—что онъ былъ такой нравственный и храбрый, что въ тридцать лѣтъ удостоился чести говорить съ императоромъ. Или о влюбленной парочкѣ,—что они, будучи долго знакомы, были такъ сдержаны, что, когда имъ пришлось однажды провести ночь въ одной комнатѣ, то они провели ее въ разговорахъ, не коснувшись другъ друга. И множество такихъ легендъ: всѣ онѣ имѣютъ въ виду нравственность или благоприличіе. Въ высшей степени замѣчательную противоположность этому китайскому роману я нахожу въ пѣсняхъ Беранже; почти всѣ онѣ основаны на безнравственныхъ и распутныхъ мотивахъ и были бы для меня въ высшей степени противны, не будь онѣ обработаны такимъ большимъ талантомъ какъ Беранже—теперь же онѣ переносны и почти прелестны. Но, скажите сами, развѣ не въ высшей степени замѣчательно, что сюжеты китайскаго поэта вполне нравственны, а перваго французскаго поэта нашего времени—составляютъ ему противоположность“.

„...У нихъ въ домахъ все чисто и мило“: вотъ атмосфера, гдѣ, мы чувствуемъ, даже не можетъ зародиться нашъ тяжелый алкоголизмъ. Нѣтъ у нихъ родства съ отравляющимъ напиткомъ; какъ нѣтъ къ нему влеченія „въ бодромъ и веселомъ“ настроеніи арміи Бутса, о чемъ некользь упомянулъ Рачинскій, не догадываясь, что въ этомъ-то настроеніи и лежитъ все. Но замѣчательнъ конецъ монолога Гете:

„— Такой талантъ, какъ Беранже,—замѣтилъ ему Эккерманъ,—врядъ ли бы что сдѣлалъ изъ нравственнаго сюжета.

„— Ваша правда,—отвѣчалъ Гете,—именно благодаря испорченности нашего времени раскрылись и развились въ Беранже его лучшія стороны“.

Вотъ объясненіе — лучшее, какое мы читали когда-нибудь — безнравственности литературы, на что есть столько жалобъ. Не поэтъ безнравственъ,—вѣдь онъ все же избранный въ своемъ

времени и въ своей расѣ. Испорчена именно эта раса, это время; и, какъ довольно становится очевидно — Европа есть контингентъ испорченной крови.

V.

Среди множества замѣтомъ о Пушкинѣ, какое печаталось этотъ годъ по поводу его юбилея, мнѣ рѣзко бросился въ глаза одинъ рассказъ: поэтъ жилъ въ Бессарабіи и безумно, хотя и коротко (увы, вся европейская любовь стала коротка и новый Гомеръ не воспоетъ христіанской Пенелоны) влюбился въ молодую и прекрасную цыганку. И по разницѣ вѣры, и по множеству еще причинъ, какъ-то по разности образованія и общественнаго положенія, онъ не могъ ее сдѣлать женою. Но во что бы то ни стало и совершенно серьезно онъ хотѣлъ имѣть ее „подругой дней своихъ суровыхъ“. Она также любила его, но съ печалью объяснила, что все зависитъ отъ старшинъ ихъ табора. Пушкинъ былъ увѣренъ, что тысяча-двѣ ассигнаціи совершенно достаточны, что-бы насытить алчность людей, которые занимаются кражей и перекрашиваніемъ лошадей. Какъ же былъ изумленъ онъ, услышавъ отъ нихъ, что дѣвушка можетъ выйти изъ табора только какъ его законная жена. Онъ рѣшительно этого не могъ. Романъ кончился тѣмъ, что она, чрезвычайно его любившая, все-таки бѣжала къ нему, въ Одессу, и въ концѣ-концовъ, разумѣется, погибла. Поэтъ черезъ годъ любилъ уже другую. Но вотъ отвѣтъ, какого не услышишь, не часто услышишь у насъ на деревнѣ. Тысяча, двѣ тысячи... за это теряютъ честь не однѣ деревенскія дѣвушки! Что дѣлать, шило изъ мѣшка кажется остріе. Но вотъ фактъ: въ Китаѣ, у негровъ, у татаръ, цыганъ понятіе супружества, любви, отношенія половъ — чище и цѣломудреннѣе, нежели у европейскихъ народовъ.

„Все чисто и мило у нихъ“, въ противоположность намъ, и специально только въ линіи одного брака, только семьи. Какое варварство *кравовъ* во всѣхъ остальныхъ сферахъ: эти казни черезъ распарываніе живота, эта ѣда конины, это вѣчное конокрадство—отвратительны и ужасны. Какъ и у евреевъ ихъ ужасный чеснокъ. Да, но мы углубляемся далѣе, мы входимъ внутрь ихъ жизни, шатровъ: „все чисто и мило“ тутъ. Тутъ нѣтъ, повидимому, или вовсе не слышно, о сюжетахъ „Власти тьмы“ и тому подобныхъ прелестяхъ. Вступаемъ мы въ европейскій домъ—и начинается скверна; вступаемъ у нихъ въ шатры и дома — тутъ начинается чистота. Мы не удерживаемся на порогѣ дома, мы проникаемъ въ семью, ищемъ ея духа, ищемъ ея тона. И въ противоположность „владычественной“ у насъ здѣсь „тьмѣ“, находимъ тихаго ангела, точно единственнаго здѣсь, единственно для этого слетающаго въ эти бѣдные дома и къ этимъ бѣднымъ

людямъ. Всѣ они, не исключая полигамныхъ татаръ, имѣютъ, въ противоположность нашему фразерству, „ложе“ подлинно „не съверное“. „Полигамныхъ...“ Но вѣдь картограмочки семьи уже обнаружили намъ, въ „судьбѣ индивидуума“, что мы собственно имѣемъ законъ *моно-*„вѣнчанія“, но не имѣемъ закона *моно-*гамии. Напротивъ, совершенно неопредѣленная, расплывчатая полигамія съ жестокосердымъ бросаніемъ первыхъ, и самыхъ чистыхъ, женъ (сюжетъ „Воскресенья“ Толстого). Кто же изъ насъ знаетъ и знаетъ „одну женщину“? Не виданное чудо. Оставимъ полемику, ограничимся афоризмомъ: спины татаръ—широки, ростъ—прямя, лицо—открыто, глаза—смѣлы. Рѣшительно каждый человѣкъ, кромѣ европейца, открывъ полу шатра своего, переступивъ черезъ порогъ свой, чувствуетъ, что онъ входитъ, пусть въ нищенски устроенный, но „храмъ Божій“, „отъ вѣка и до вѣка поставленный“, „по благословенію Божию“ и внѣ этого дома-хижины-шатра для нихъ нѣтъ, и не существуетъ, и не возможно касаніе къ женщинамъ. Вотъ это-то и есть то не многое, то краткое, но за то въ самомъ обычаѣ выраженное, что имѣютъ всѣ. И чего одного не имѣемъ мы. Мы не имѣемъ и у насъ вовсе не развито цивилизаціею священство „своего дома“, „своего порога“ и—выразимся грубо, но нужно—„своего *sacri cubiculi*“, какъ писали византійскіе хроникеры объ императорахъ.

— Но мы имѣемъ моногамію!..

Я уже поправилъ:

— Мы имѣемъ „моно“-вѣнчаніе при неопредѣленной „*поли-*гамии.

ВНѢ СОВѢСТИ И БОГА.

Высота законовъ—это честь государства; высота нравовъ—это честь общества. Печать критикуеть первые; но печать есть выразитель общества, и ея критика должна и можетъ переходить въ суровый судъ, отчасти надъ собою судъ тамъ, гдѣ нравы общества падаютъ гораздо ниже требуемаго закономъ минимума нравственнаго уровня.

У насъ есть законы о собственности; похитившій сто рублей не только возвращаетъ ихъ, но онъ судится просто за поступокъ свой, за то, что смутилъ и возмутилъ, такъ сказать, правильный и нормальный укладъ собственности. Собственность есть моя собственность; вообще она есть чья-нибудь личная собственность, и вотъ замѣщеніе лица законнаго лицомъ незаконнымъ около бумажника съ деньгами, около кошелька съ золотомъ, — наказуется въ гораздо большей степени, чѣмъ стоимость лежавшихъ тамъ кредитокъ или имперіаловъ. Нарушенъ принципъ, нарушенъ укладъ. И казнь постигаетъ за нарушение принципа.

Я перехожу къ очень щекотливой темѣ; я боюсь, что большинство моихъ читателей не согласится со мною. Но да будетъ позволено частному человѣку высказаться въ вопросѣ, который вообще составляетъ предметъ и тему нашихъ частныхъ сужденій, составляетъ собственность нашихъ частныхъ мнѣній, ибо сюда законъ еще не простеръ своего вниманія. Миѣ думается, если есть нѣкій укладъ отношеній собственности, то есть или возможенъ наблюдаемый закономъ, или соблюдаемый обществомъ укладъ и отношеній чести, и въ особенности тамъ, гдѣ эта честь и важна, и гибка. Вѣдь есть люди, пропивающіе свое состояніе, вообще есть дурные собственники; но дѣло поставлено такъ, что во мнѣніи общества жестоко шельмуется всякій, кто пользуется слабостями плохого собственника. Я уронилъ; да, но ты не поднимай, или, поднявъ, подай кошелькъ обронившему. Въ добрыя времена англійскаго короля Альфреда всѣ кошельки, потерянные

на улицахъ Лондона, возвращались владѣтелямъ. Можетъ быть исторія тутъ идеализируетъ, но уже за одну тенденцію такъ поставить нравы общества она прозвала добраго стараго короля „Великимъ“.

Потерянный кошелекъ честнымъ человѣкомъ возвращается по принадлежности; семинаристъ Хома Брутъ, изображенный Гоголемъ въ „Віѣ“, проходя по базару и видя возъ безъ присмотра, не могъ не стянуть съ него какой-нибудь вещи. Гоголь шутилъ, описывая смѣшного кievскаго семинариста; но, вообще говоря, если проходя мимо пролетки, гдѣ сѣдокъ, зайдя въ магазинъ, оставилъ безъ присмотра свои вещи, вы возьмете ихъ, спрячете подъ пальто, унесете домой—васъ назовутъ воромъ. Такой кражею вещей съ пролетокъ по большимъ городамъ занимаются мальчишки, безъ роду, безъ племени, невѣжественные, голодные. Во всякомъ случаѣ, они не пользуются честнымъ именемъ. Къ сожалѣнію, уклада собственности у насъ есть, а уклада „чести“ въ одной особенной и важной сферѣ—нѣтъ.

Вы соблазнили дѣвушку; по-моему, цѣна вамъ—какъ воришкѣ чужихъ вѣщей съ пролетокъ. О, я нарочно беру унижительное сравненіе, ибо вся суть въ томъ именно, чтобы сломить зародившуюся здѣсь гордость. Такой воришка говорить: „я побѣдилъ“. Позвольте, никто не видѣлъ, были ли здѣсь борьба и каковы были условія борьбы. Можетъ быть, вы не сражались на шпагахъ, а закололи изъ-за угла. Во всякомъ случаѣ, бьются на шпагахъ съ равными, на глазахъ третьяго или третьихъ лицъ, и при совершенномъ равенствѣ положеній, имени, мундира. Вѣдь офицеры и генералы не колютъ „ради дуэли“ мужиковъ. Итакъ, „соблазнъ“—если ужъ онъ когда-нибудь позволителенъ—то равной себѣ и въ равномъ обществѣ. Остальное здѣсь—„шашни“, „воришка съ пролетокъ“; цѣна человѣку—грошъ.

Скажутъ: „береги дѣвица честь съ молоду“; на то и наши приступы, чтобы закалить борьбою дѣвичью „честь“. Позвольте, тутъ всегда и всемірно активная сторона принадлежитъ мужчинѣ, а дѣвушка всемірнымъ инстинктомъ находится въ состояніи пассивнаго ожиданія. Можетъ быть это худо, но такъ Богомъ устроено. Такъ Богомъ устроено, а человѣческое уложеніе должно бы дополнить, что самая пассивность дѣвушекъ, рѣшительно нераздѣлимая съ прекрасною въ нихъ „женственностью“, должна быть подъ охраною внимательнѣйшаго и бережливаго отношенія активной стороны. Боюсь, что не умѣю доказать. Но мнѣ думается: чѣмъ пассивнѣе дѣвушка, тѣмъ она дѣйствительно дѣвственнѣе, и что глубокая развитость пассивности въ женской половинѣ населенія вовсе не есть показатель непремѣнно дурныхъ нравовъ, но именно того, что женщина еще жественна. Возьмемъ примѣры. Посмотрите, какъ пассивна Гретхенъ въ „Фаустѣ“; рѣшительно

она умѣетъ сопротивляться только минуту. Напротивъ, нравы Римской имперіи были низки, и мы вовсе не знаемъ тамъ „нечаянно падающихъ дѣвушекъ“, не видимъ безсильныхъ простушекъ; дѣвушки очень тонко ловили тамъ цезарей, но ихъ... очень мало „ловили“. Женщина была развращена и женщина была активна. Она „падала“ съ глубокимъ расчетомъ,—падала побѣждая, и самымъ „падениемъ“ своимъ большею частью давила мнимаго „побѣдителя“.

Этимъ я хочу хоть сколько-нибудь отстоять „падающихъ дѣвушекъ“ отъ обычнаго клейма, на нихъ прибываемаго: „развратница“. Ей же-ей, Гретхенъ не была развратница. Гете поэтический и философскимъ гениемъ далъ намъ почувствовать въ ней всю полноту душевныхъ даровъ; но позвольте, кто же считалъ душевные дары у другихъ въ подобномъ положеніи дѣвушекъ, не получившихъ гетевского апофеоза, и если мы не умѣемъ въ нихъ ничего найти, никакихъ душевныхъ сокровищъ, то можетъ быть это не потому, что онѣ не Гретхенъ, а потому, что мы—не Гете. Гретхенъ была бѣдная горожанка, по-нашему—мѣщанка; братъ ея—солдатъ, во всякомъ случаѣ не офицеръ. Самая обыкновенная обстановка. Но она была поэтична, граціозна, религіозна. Увы! такіа-то и соблазняютъ; и рѣшительно никто, кромѣ Мефистофеля, не ухаживаетъ за податливыми Мартами. Да, до чего часто „паденіе“ есть не синонимъ „развратницы“, но именно усиленнаго, подчеркнутаго и очень взлелѣяннаго цѣломудрія! Повторяю, за Мартами не ухаживаютъ, да и Марты падаютъ внимательно, какъ римскія матроны.

Висѣль цвѣтокъ, — правда совершенно пассивно; можетъ быть надѣялся на судьбу свою, можетъ быть потерялъ надежду. Во всякомъ случаѣ—онъ не вашъ. Онъ просто Божій. И мнѣ думается, человекъ дѣлаетъ ужасный религіозный грѣхъ, если, напѣвая „тру-ля-ля“, взявъ, сощипнулъ его двумя пальцами, понюхалъ, бросилъ и пошелъ играть въ карты. Мнѣ представляется это чѣмъ-то ужаснымъ. Тутъ что же отдѣлываться статистическимъ воззрѣніемъ: „сто первая“. Нѣтъ въ людяхъ и среди людей „сто первыхъ, сто вторыхъ“, есть имя, человекъ, „Марія“, „Надежда“ и непременно былъ неразсказанный романъ, не увидѣнная драма. „Раба Божія Марія“ принадлежитъ себѣ и Богу; въ порядочномъ обществѣ она подъ охраною общества; она несколько не обязана „не пасть“, но вы совершенно обязаны и строго обязаны относиться къ ней серьезно. Вы можете ее любить, даже можете ее „сорвать“, на то она роза, на то въ саду Божиемъ; но вы можете сорвать ее дѣйствительно и непритворно залюбовавшись ею, полюбивши ее; и ни въ какомъ случаѣ вы не можете ее оставить иначе какъ безъ ясной и опредѣленной доказуемой вины ея. Въ особенности то, что она всю судьбу свою возложила на васъ и не

имѣть закона защитою. себѣ, должно удвоить, утроить ваше вниманіе, заботу, деликатность.

Дозволительно автору имѣть свое субъективное мнѣніе. И въ голову мнѣ не приходило осудить хотя одну и когда-нибудь „павшую дѣвушку“. Да, признаюсь, и „паденіе“ это я считаю прямо закономъ ихъ пассивности, стоить же непреложнымъ, какъ то, что „края земли опускаются“, „земля округляется“, „земля есть шаръ“. Но меня прямо охватываетъ какой-то мистическій ужасъ, когда я на картинкѣ вижу (въ жизни никогда не видалъ) сюжетъ съ подписью „оставленная дѣвушка“, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Насколько это мало есть легкомысліе со стороны дѣвушекъ, видно изъ того, сколько изъ нихъ изъ „оставленныхъ“ перешли въ „утопленницы“, „удавленницы“. Нѣтъ, это не статистика, это „рабы Божіи Маріи, Надежды“, etc. Это—наши возлюбленныя сестры, которыхъ задавили нами ненавидимые братья; это—страницы и страницы всемирнаго канитованія. „Канитъ, гдѣ братъ твой Авель?“—„Почемъ я знаю, я—въ карты сѣлъ“...

Или—„сѣлъ за предсѣдательскій столъ“ въ уѣздной казанской управѣ. Все это очень длинное и можетъ быть очень скучное разсужденіе я написалъ, прочтя поразительный случай, напечатанный въ обѣихъ казанскихъ газетахъ, съ прописью en toutes lettres именъ, и перепечатанный здѣсь, въ Петербургѣ. Впечатлѣнія дней смѣняются быстро, и вчерашній газетный листъ не существуетъ сегодня. Поэтому я передамъ вкратцѣ содержаніе извѣстія, можетъ быть забытаго читателями. Открывается одно изъ засѣданій XXXV казанскаго уѣзднаго земскаго собранія. Предсѣдательствуетъ въ этомъ собраніи А. Н. Баратынскій; и собраніе слушаетъ докладъ ревизіонной комисіи, заканчивающійся предложеніемъ выразить глубокую благодарность управѣ и ходатайствомъ о денежной наградѣ г. С. А. Бекетову, предсѣдателю уѣздной управы, за его дѣятельность по оказанію продовольственной помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая. Едва докладчикъ ревизіонной комисіи проговорилъ послѣднія слова,—разсказываетъ „Казанск. Телегр.“,—какъ къ столу предсѣдателя собранія быстро подошла скромно одѣтая молодая дѣвушка и дрожащимъ отъ волненія голосомъ попросила разрѣшенія сказать нѣсколько словъ. Въ это время, весь блѣдный, вскакиваетъ со стула предсѣдатель управы г. Бекетовъ и говоритъ, „что всѣ заявленія, какія намѣрена здѣсь сдѣлать дѣвушка, носятъ чисто интимный характеръ и не подлежатъ разсмотрѣнію земскаго собранія“. Да, не государственное было дѣло. Въ первую минуту предсѣдатель и гласные поколебались, но затѣмъ рѣшили выслушать.—„Господа,—начала дѣвушка, и въ ея голосѣ слышался стонъ наболѣвшей души,—я семь лѣтъ состояла учительницей земской школы Казанскаго уѣзда... Моя фамилія Б. Господа, предсѣдатель управы,

С. А. Бекетовъ, пользуясь своимъ положеніемъ и властью, моею безпомощностью и беззащитностью, обезчестилъ меня, сдѣлалъ меня матерью ребенка, а затѣмъ, мало того, что заставилъ меня отказаться отъ должности учительницы, но и совершенно бросилъ меня съ ребенкомъ на произволь судьбы. Господа "... Тутъ г-жа Б. начинаетъ тихо рыдать. Предсѣдатель собранія, г. Баратынскій, участливо предлагаетъ ей стаканъ воды. „Господа,—нѣсколько оправившись отъ охватившаго волненія, продолжала дѣвушка.— Я сдѣлалась матерью... Это не понравилось С. А., да я ему и надоѣла... И онъ приказалъ мнѣ подать прошеніе объ отставкѣ... Два года я переносила униженіе брошенной любовницы, горе, нужду... часто не имѣла квартиры, голодала. Нѣсколько разъ я думала покончить съ собой, но ради ребенка оставалась жить... не хватало силъ, а помощи не было...“ Здѣсь силы,—пишетъ свидѣтель,—стали видимо оставлять г-жу Б. и она, шатаясь, ухватилась за спинку перваго попавшагося подъ руку кресла.

„— Я долженъ замѣтить, — уже съ невозмутимымъ спокойствіемъ произнесъ г. Бекетовъ,—что г-жа Б. уволена отъ должности въ 1897 году по распоряженію училищнаго совѣта —за несовсѣмъ безупречное ея поведеніе.

„— Неправда!—возразила г-жа Б.—Я подала въ отставку по требованію Бекетова.

„— Мы понимаемъ, что ваша отставка была вынужденною,—вставляетъ замѣчаніе К. А. Юшковъ.—Вы намъ скажите, что вамъ нужно отъ собранія?

„— Господа! Вы—честные, вы добрые, вы не дадите мнѣ умереть съ голоду. Ахъ, дайте, дайте мнѣ возможность вновь честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба! Дайте мнѣ возможность вновь заниматься тѣмъ дѣломъ, которое я любила и люблю!.. Господа, насъ много... не у одной меня такъ же разбита жизнь“. Она намѣревалась еще что-то сказать, но рыданія заглушили слова, и она безпомощно смотрѣла на гласныхъ, беззвучно шевеля губами.

Мы, русскіе, горячи на минуту, но какъ-то непамятливы. Собраніе горячо отнеслось къ инциденту, и два дня посвятило его разсмотрѣнію. Въ первый день оно приняло горячее участіе въ дѣвущкѣ и, асигновавъ 100 р. на единовременное ей пособіе, поручило управѣ зачислить г-жу Б. въ кандидатки на первую учительскую должность. Но впечатлѣніе остыло, и въ слѣдующихъ—второмъ и третьемъ—собраніяхъ выступилъ гласный Корсаковъ съ предложеніемъ передать дѣло на разсмотрѣніе прокурора, „такъ какъ г-жа Б., по его мнѣнію, нанесла г. Бекетову оскорбленіе, назвавъ его своимъ любовникомъ при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей“. Затѣмъ, стали баллотировать вопросъ о пособіи въ 100 р.,—и провалили его. Начали собирать по подпискѣ, и собрали 196 руб., изъ которыхъ 150 р. пожертвовалъ г. Беке-

товъ. Но г-жа Б. взяла изъ нихъ только 46 руб., отказавшись отъ денегъ самого предсѣдателя управы, такъ характерно „управившагося“ съ одною изъ учительницъ, и благополучно, повидимому, выплывшаго изъ инцидента.

Оставляя въ сторонѣ длинныя разсужденія, замѣтимъ, что каждому начальнику до извѣстной степени ввѣряется „честь“ и служба“ всѣхъ подчиненныхъ лицъ. Если г. Бекетовъ могъ „предложить г-жѣ Б. подать прошеніе объ отставкѣ вслѣдствіе небезукоризненнаго поведенія“, то, очевидно, это потому онъ въ *правѣ* былъ сдѣлать, что въ составъ *обязанностей* его входило наблюдение не только за учебнымъ дѣломъ, но и за „поведеніемъ учительницъ“. Иначе нельзя объяснить дѣло. Всякое право течетъ изъ долга, и онъ могъ взыскивать за поведеніе, потому что онъ былъ попечителемъ и охранителемъ поведенія, и при томъ по должности. Такимъ образомъ, онъ „наблюдилъ при исполненіи своихъ обязанностей“, и былъ вовсе не рыцаремъ передъ Дульцинеею, не Донъ-Жуаномъ передъ одною изъ своихъ жертвъ, а просто русскимъ чиновникомъ, пусть и отъ общества, среди ему подчиненныхъ лицъ, часть коихъ была женскаго персонала,—и повелъ себя скорѣе какъ старый помѣщикъ въ дѣвичьей, среди женской прислуги. Такой взглядъ на учительницу, такой взглядъ на свободную дѣвушку, хоть и зависимую, но не крѣпостную, и, наконецъ, такое упрощенное поведеніе представителя общества—не должно допустить само общество. Позвольте. Вѣдь есть земство, какъ порядокъ общественной жизни; есть земское собраніе, какъ активный и личный выразитель этого порядка жизни и, наконецъ, есть управа, какъ уполномоченный отъ собранія. Вотъ подъ какимъ преемственнымъ контролемъ находится всякая учительница и вмѣстѣ подъ какою преемственной опекою. Да, всякая организація есть опекунъ службы, жизни и чести всѣхъ своихъ подчиненныхъ, всѣхъ у себя служащихъ; и г. Бекетовъ въ сущности прежде всего не уважалъ вовсе не дѣвушку, а не уважалъ самого земства, всего земскаго собранія, какъ бы пренебрегая его кровительственными функциями или предполагая во всѣхъ казанскихъ земцахъ людей, подобныхъ себѣ, которые не прочь попользоваться тѣмъ, что плохо хранится. Гоголевскій Хома Брутъ невольно приходитъ на умъ. И плохо Казани, если она представляетъ собою возъ, около котораго ходятъ такіе любопытные экземпляры чело-вѣческой породы, интересные въ литературномъ изображеніи, но крайне непріятные въ житейскомъ обиходѣ. Да, казанскія дѣвушки, берегите вашу честь: у васъ предсѣдателемъ управы г-нъ Бекетовъ. Этотъ котъ сала не пропускаетъ, и на каждую дѣвушку онъ смотритъ какъ на подлежащее „учету“ или „утеку“ въ его пользу сало. Общество казанское вполне можетъ пожелать, чтобы г. Бекетовъ давалъ любовныя битвы на равныхъ условіяхъ, среди

равныхъ себѣ по положенію лицъ, и гордился побѣдами надъ равными и свободными. Тогда его можно назвать Донъ-Жуаномъ и какой-нибудь казанскій Моцартъ можетъ положить на музыку его приключенія. Но теперь это просто человѣкъ, любящій съ прислугою шашни, и имѣющій дерзость смотрѣть на служащихъ казанскаго земства какъ на свою личную прислугу, а на самое земство—какъ на область своихъ личныхъ похожденій. Все это достойно не музыки Моцарта, а описаній Лейкина.

Вполнѣ прекрасно, что г-жа Б. отказалась отъ денегъ предсѣдателя управы. Вообще она не проситъ „пособія“ и не навязывается „со своимъ ребенкомъ“ его отцу, такъ очевидно забытому отцовскія обязанности. Но она,—по всему тону разсказа,—очевидно трудолюбивая и скромная дѣвушка, и проситъ только, чтобы ея не обрывали въ трудѣ, не срывали въ средствахъ существованія, теперь ей удвоенно нужныхъ. Каждый знаетъ, какъ легко въ наше время матери отдѣлаться отъ ребенка. Совершенно очевидно, что ей дорогъ и милъ ребенокъ, и то, что было для г. Бекетова приключеніемъ, возможно и вѣроятно, что для нея было маленькимъ неразказаннымъ романомъ. Вообще тутъ, съ внутренней стороны, мы ничего не знаемъ. Но весь тонъ разсказа, и то, что земское собраніе горячо приняло къ сердцу дѣло и три раза собиралось обсудить его,—показываетъ въ ней не заурядную дѣвушку, но дѣвушку, производящую сильное личное впечатлѣніе. Она вполнѣ въ правѣ требовать или ожидать покровительства отъ земства; вѣдь она ему служила, и была такъ обижена именно „при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей“. Кстати, договоримъ: именно учительницѣ безконечно трудно „съ прижитымъ ребенкомъ“, ибо это есть касаніе всего ея труда, професіи, т. е. прежде всего пропитанія. И если она все же не разсталась съ нимъ, значитъ она именно порядочная дѣвушка, а вовсе не „работница“, не ремесленница, которая „случайно“ оступилась и къ которой г. Бекетовъ могъ подойти какъ въ самомъ дѣлѣ къ работницѣ и служанкѣ. Есть всѣ причины для маленькой опеки надъ нею казанцевъ, и всѣ причины для крайняго отвращенія къ занимательному „коту въ сапогахъ“, о казанскихъ приключеніяхъ котораго стали разсказывать газеты послѣ того, какъ долгіе годы, можетъ быть, о нихъ разсказывали „кумушки“. Подобныя приключенія рѣдко бываютъ единичными; они слагаются въ серіи, изъ которыхъ вдругъ выныриваетъ которое-нибудь.

О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи.

I.

Что можетъ быть выше непорочной семьи? Я не говорю о счастья двухъ въ ней, о воспитаніи и воспитанности въ ней дѣтей, но о зрѣлищѣ ея и воспитывающемъ вліяніи этого зрѣлища на другихъ. Въ обществѣ такая семья становится центромъ могущественнаго притяженія: всѣ любятъ ее, всѣ стремятся въ нее; для каждаго—честь и радость переступить ея за порогъ. Я думаю, непорочная семья есть мечта государственнаго человѣка, мечта апостоловъ. „Привѣтствую тебя, Прискилла, и твою домашнюю церковь!“ писалъ ап. Павелъ ранней христіанкѣ. Но какъ въ апостольскія времена, такъ и сейчасъ непорочная семья есть въ точности маленькая церковка. И всякій путникъ, встрѣчая таковую на путяхъ своей жизни, долго о ней хранить память. Непорочная семья есть вмѣстѣ лучший пророкъ брака: примѣръ ея, возможность ея самымъ образомъ своимъ увлекаетъ вѣрнѣе, чѣмъ всяческіе аргументы. Въ старости эта семья еще лучше кажется, чѣмъ въ молодости. Злой геній Гоголя, можетъ быть, думалъ посмѣяться надъ „старосвѣтскими помѣщиками“, но увлеченный самымъ предметомъ—какую идилію онъ нарисовалъ! Одинъ умеръ, другой не захотѣлъ жить. И какъ хорошо все вокругъ ихъ, на примѣръ, вы вѣрно помните эти скрипучія, музыкальныя двери въ покосившемся ихъ домикѣ! Это—словно музыка души, тихая, вечерняя, распространяющаяся на мебель, на домъ, которые состарились около людей.

Удивительно, что природа счастливѣе или лучше человѣка. Годъ назадъ, проѣзжая мимо Оріанды, въ Крыму, я вышелъ изъ экипажа, чтобы напиться изъ источника.

— Пройдите, баринъ, немного далеше, посмотрите на сердитаго лебедя.

Мнѣ было не до лебеди отъ усталости. Однако, когда холодная вода побѣжала по жиламъ, я расправилъ усталыя отъ согну-

тости ноги и прошелъ сажень десять въ сторону, куда указывалъ ямщикъ. Прудъ, большой и красиво обсаженный, но никого нѣтъ. Я зашелъ съ другой стороны. Нѣтъ и нѣтъ никого; я уже собирался вернуться. Вдругъ слышу шумъ подъ ногами. Плавно гребя лапками, лебедь ударился грудью въ берегъ и, вытянувъ шею, хотѣлъ меня клюнуть, но не досталъ. Я все-таки инстинктивно отступилъ назадъ, думая, что онъ подымается на дернъ. Но онъ не вышелъ изъ воды. И что за странный лебедь!

Я его разсматривалъ съ четверть часа. Лебедей видаль я много и не ошибаюсь во впечатлѣннн. Самое удивительное въ немъ было—глубокая автоматичность. Напримѣръ, онъ прямо бросался на васъ: стоило сдѣлать ему самый незначительный поворотъ движенія, маленькое лишнее усиліе—и онъ достигъ бы цѣли, къ которой, повидимому, столь яростно бросился. Но онъ его не дѣлалъ. Онъ какъ будто самъ ждалъ, что вы спуститесь къ водѣ; и тогда онъ клюнетъ. Но вы не уходили, стояли очень долго и, согнувъ шею, онъ смотрѣлъ на васъ дѣйствительно злымъ глазомъ долго, очень долго. Кажется, простой вы тутъ день, и онъ простоятъ день, совершенно неподвижно, какъ истуканъ. Далѣе, чтобы клюнуть, онъ подливалъ крадучись, подъ кустами, и вдругъ бросался почти изъ-подъ ногъ вашихъ. Но это было все, что онъ умѣлъ или что хотѣлъ дѣлать. На середину пруда онъ не выплывалъ, очевидно, никогда и точно стоялъ на якорѣ у берега. Полу-приподнятыя крылья, неправильное перо, придававшее ему видъ какой-то лахматости... Совершенная утрата извѣстной граціозности фигуры и эластичности движеній... „—Да онъ... сумасшедшій“,—подумалъ я, и убѣдился, что не ошибаюсь. Въ немъ была потеря свободы и индивидуальности, которая есть самый общій признакъ душевныхъ болѣзней или съ которой начинается всякая душевная болѣзнь. Лебедь... душевно больной!! Да, вотъ видите, но никогда, какъ въ этомъ случаѣ, я не наблюдалъ такъ ярко и выразительно, что у животнаго есть душа. Когда то, еще юношею, я началъ было читать: „Душа человѣка и животныхъ“ Вундта. То, въ чемъ не могъ убѣдить меня германскій мудрецъ, убѣдилъ въ полчаса лебедь въ Оріандѣ.

— Да что такое съ нимъ?—спросилъ я у ямщика, вернувшись къ экипажу.

— Года четыре назадъ у него ушибли (или умерла—не помню) лебедку, и съ тѣхъ поръ онъ такой.

— Да ему бы другую дали.

— Давали. Онъ всёхъ заклеывалъ на смерть.

Много прекраснаго я видѣлъ въ Крыму. Кипарисовыя рощи; лимоны—прямо надъ головою; дворцы померкшихъ владѣтелей, съ картинными въ нихъ галереями. Но все или забылъ, или забуду. Но этого прекраснаго лебеда, истинное чудо рукъ Божіихъ,

не могу никогда забыть. Въ самомъ дѣлѣ: мнѣ показалось, что я прошелъ передъ чудомъ природы. Очеловѣченіе природы, всплескъ ея до красоты и почти до ума человѣческаго были такъ очевидны. Это былъ дарвинизмъ, но какъ-то навыворотъ; „и человѣкъ—животное“,—сказалъ Дарвинъ; я же говорю: „и животное—человѣкъ“. Есть всѣ причины не для отрицанія Бога, но для утучненія молитвъ Ему.

II.

Мнѣ кажется, дать землѣ непорочную семью—это значить сдѣлать ее раемъ; внесите „мечъ и раздѣленіе“ только въ одну семью, и вы превратите всю землю въ хаосъ, залете кровью, грязью. Животнымъ Богъ далъ инстинктъ, т.-е. нѣкоторый внѣшне ими управляющій разумъ, наложенный на нихъ какъ фатумъ, какъ рокъ, который ихъ спасаетъ, мудро ведетъ отъ рожденія до смерти и не даетъ имъ ни вырваться изъ-подъ себя, ни уклониться въ сторону. Въ человѣкѣ инстинктъ въ смыслѣ этого внѣшне наложеннаго разума—ничтоженъ. Ему даны страсти, манифестаціи которыхъ бывають иногда ужасны, но и достигаютъ въ другихъ случаяхъ такой трогательности и нѣжности, какія роднятъ человѣка съ Богомъ. Беатриче, которая ведетъ Данте черезъ чистилище въ рай—какая идея, какой теизмъ идеи! Какъ это уже близко къ религіи! И между тѣмъ въ глубочайшей основѣ поэмы Данте—этотъ же простой случай „потери лебедемъ лебедки“. Кстати, многіе ли знаютъ одинъ странный, почти пантеистическій стихъ флорентійскаго поэта, столь необыкновенный въ неразсѣявшемся еще сумракѣ среднихъ вѣковъ: „Отъ Бога-Отца изошла природа, восхитительная дѣва; Духъ человѣческій отыскалъ ее и добился ея любви; ихъ союзъ не былъ безплоденъ; родился гениальный ребенокъ; этотъ ребенокъ—философія природы. Вы видите, что она почти внучка Божія“:

*Si che vostr' arte a Dio quasi è nipote
(„Inferno“, с. XI, 101),*

Это, казалось, могъ бы сказать только въ XIX вѣкѣ „великій язычникъ“ Гете. Это бы поняли, еслибъ имъ какъ слѣдуетъ растолковать, наши екатеринославскіе хлысты. По крайней мѣрѣ, въ такомъ-же пантеистическомъ духѣ я прочелъ одну ихъ пѣсенку, въ простомъ этнографическомъ очеркѣ. Между тѣмъ это сказалъ „добрый католикъ“ Данте.

Если бы страсти человѣка однѣ управляли имъ, онѣ разрушили бы жизнь. Но человѣку данъ еще разумъ, который вмѣшивается въ страсти и входитъ въ нихъ регуляторомъ. Разумъ—его собственный, не роковой; разумъ размышляющій, избирающій;

разумъ—какъ критика, какъ опытъ. Но разумъ есть именно устроющая, однако не творческая сила. Замѣчательна глубоко-ограниченная его роль въ семьѣ. Семью нельзя рационально построить. Наблюдали ли вы, какъ иногда образованнѣйшіе и разсудительнѣйшіе супруги, притомъ нисколько не запальчивые, бываютъ глубоко несчастны и, пробившись двадцать лѣтъ, къ „серебряной свадьбѣ“ расходятся окончательно. Я зналъ жену одного образованнѣйшаго профессора, почти столь же уже ученую, какъ онъ самъ, которая именно къ серебрянной свадьбѣ помѣшалась. Она истоцилась въ скукѣ; и такъ какъ бѣжать ей не могло придти въ голову, да было уже и поздно, то она сошла съ ума. Каменное терпѣніе—лопается. И это случается съ философами, писателями; иногда со священниками. А между тѣмъ Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна были такъ счастливы. Они не „умѣли“ быть счастливы, а „были“ счастливы, между тѣмъ какъ профессоръ „умѣютъ“ быть счастливы, но не „суть“ счастливы.

Вотъ почему изъять страсти изъ семьи—это значитъ не начать семьи; мысленно или въ законѣ изъять ихъ изъ семьи—значитъ даже не дать семьѣ возникнуть. Страсти суть динамическое, зидущее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи; „порохъ“, безъ котораго бываетъ выстрѣла. Не безъ улыбки и недоумѣнія я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствиіи и притомъ разнузданныхъ страстей. „Если бы не страсти, семья бы успокоилась“. Я думаю, „если бы не страсти“—семья скорѣе не началась бы. Есть три жалобы на нихъ: зачѣмъ иногда рождають дѣвушки и вдовы: зачѣмъ измѣняютъ женамъ мужья? зачѣмъ мужьямъ измѣняютъ жены? На эти три темы написаны всѣ романы съ „разрушеннымъ счастьемъ“. Но мнѣ думается, что не было бы ни счастья, ни несчастья, совсѣмъ бы ничего не было, если бы время отъ времени не происходило этихъ трехъ разрушительныхъ явленій.

Не замѣчаютъ, что каждое изъ этихъ трехъ явленій есть выходъ въ идеалъ,—и въ идеалъ именно самой семьи,—изъ состоянія дѣйствительности, которая представляетъ только безсвѣтную матерію семьи. Я говорю „безсвѣтную“, т.-е. лишенную всякаго въ себѣ свѣта. Года два назадъ была переведена на русскій языкъ книжка г-жи Корелли: „Исторія дѣтской души“, кажется, произведшая сильное впечатлѣніе на общество и вполне достойная этого успѣха. Книжка переведена съ англійскаго и издана К. П. Побѣдоносцевымъ, религіозный и государственный авторитетъ котораго равно высоки. Здѣсь разсказывается судьба и „исторія души“ самоубійцы-мальчика Ліонеля. Его не били; ученье давалось ему безъ труда. У него были только очень черствые и ограниченные, т.-е. съ точки требованій дѣтской души, учителя. Въ

классной комнатѣ, на крюкѣ, устроенномъ для гимнастики, онъ повѣсился въ одну темную ночь, т.-е., какъ мы догадываемся, онъ ушелъ къ Богу спросить Его о правдѣ дѣтской души, о правахъ (это внимательно приведено въ книгѣ) дѣтской души на наивность и поэзію, чего въ высокой степени не могли понять ни его родители, ни его шульмейстеры. Но замѣчательно, что нѣсколько раньше его смерти сбѣжала съ молодымъ человѣкомъ его молодая мать. „Развратница“ казалось бы, ужасная „развратница“, которой нѣтъ и не можетъ быть пощады. Вина ея увеличивается еще тѣмъ, что молодой человѣкъ не былъ ею чрезвычайно увлеченъ, и въ вапискѣ, оставленной мужу, она говоритъ, что это знаетъ и предвидитъ свою гибель, т.-е. что она бѣжала безъ настоящей любви, безъ опоры, просто въ тьму. Отчего же она бѣжала? Ес то же не били. Даже не упрекали, по крайней мѣрѣ оскорбительно. Въ началѣ книжки рассказанъ эпизодъ, какъ она зашла въ полголоса народную англійскую пѣсенку; мужъ, стоявшій на терасѣ, услышалъ и съ гримасой замѣтилъ: „Какой грубый вкусъ у этой женщины: ей всегда нравится что нибудь мужицкое, а не образованное“. Но вѣдь это только расхождение во вкусахъ, такая малая, казалось бы, причина для расхожденія въ супружествѣ. Въ самомъ концѣ книжки, на похоронахъ самоубійцы-сына, отца успокоиваютъ знакомые. Онъ поднимаетъ почти веселое лицо и догадывается: „ба, да вѣдь я могу требовать развода, вторично жениться и у меня будетъ опять сынъ“ (т.-е. на мѣсто Ліонеля). Такимъ образомъ не жестокой, не безчеловѣчный, онъ былъ въ высшей степени деревянистъ: качество гражданина, рѣшительно не подходящее ни подъ какую статью уголовного закона. Онъ былъ совершенно правъ, какъ гражданинъ; но онъ былъ невозможно не правъ, какъ отецъ, какъ мужъ—категорія отношеній, существенно не деревянистая. И сынъ его умеръ насильственно; жена бросилась отъ него въ гибель. Между тѣмъ очень глупый сынъ и очень глупая женщина остались бы съ нимъ. Дѣйствительно, вся книга представляетъ сплошной узоръ нѣжности и поэзіи, въ которыхъ выражены характеры безконечно любящихъ другъ друга этого мальчика Ліонеля и его несчастной матери. Оба вышли изъ-подъ закона—въ идеаль. Одивъ—въ идеаль загробный; другая—хоть въ мечту, хоть въ ожиданіе, хоть въ минуту идеала. Повторяемъ, книга переведена, „издана“ и сопровождается предисловіемъ, т.-е. какъ бы во всѣхъ отношеніяхъ рекомендована знаменитымъ государственнымъ и благочестивымъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ замѣчательная сторона въ трехъ бѣдственныхъ несчастіяхъ, „отъ которыхъ рушится семейное счастье“, заключается въ томъ, что именно разрушающая, активная сторона бываетъ права, а не пассивная и, казалось бы, обиженная. Этотъ приговоръ кажется ужасно жестокимъ, и онъ таковъ en passe и

на бумагѣ; но онъ глубоко правъ въ частности и въ самой жизни. Всякое „рушенное счастье“ есть ярлыкъ счастья; и онъ, какъ фирма банкрота, держится нѣкоторое время искусственно и падаетъ, когда нельзя болѣе скрывать существо дѣла и нѣтъ силъ жить подъ его фальшивымъ штемпелемъ. Ярлыкъ счастья Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны былъ добротный, и когда умерла одна, умеръ другой. Я не забуду впечатлѣнія, еще дѣтскаго, подобной же связанности людей. У насъ былъ въ Костромѣ, на краю города, свой деревянный въ 4 окна домикъ; рядомъ съ нимъ стояла совсѣмъ маленькая въ одно окно хибарочка, гдѣ жилъ портной. Портной и его жена, и двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ 9 и 11, съ которыми я игралъ на улицѣ. Я не видалъ этого портного иначе, какъ передъ единственнымъ окномъ, на верстахъ (очень широкія деревянная лавка, полу-столъ). Никому не приходило въ голову, чтобы этотъ худошавый, съ необыкновенно доброю улыбкою, человекъ былъ чѣмъ-нибудь боленъ. Но онъ умеръ. У него, очевидно, была чахотка. И вотъ я помню его жену, еще молодую и прекрасную (мнѣ казалось) женщину, какъ она сидѣла на дворѣ, т.-е. на самой его серединѣ, на землѣ, и не плакала, а какъ-то визжала. Она была совершенно помѣшана отъ горя и недоумѣнія (смерти она, очевидно, не ждала, не замѣчала болѣзни мужа).

Итакъ, отъ лебеда въ Ориандѣ до жены этого портного, любовь и согласіе и счастье—рѣшительно неразрушимы, когда они истинны, неподдѣльны. И чуть только мы замѣчаемъ шатанье „счастья“, мы должны быть въ безусловной увѣренности, что счастья не только сейчасъ, но уже давно нѣтъ, и можетъ оно было или казалось бывшимъ только въ самые первые, обманчивыя и обманывавшія минуты. Всѣ разговоры о томъ, что вотъ были счастливы 5—10—15 лѣтъ и вдругъ—„крахъ“,—пусты и ничтожны. Семья есть институтъ привычки, и институтъ—растущій. Самый блѣдный знакъ жизни, если онъ есть, вырастаетъ въ ней съ каждымъ днемъ; любовь, если хоть ниточка ея была, укрѣпляется привыканіемъ. Вамъ жаль покинуть старую квартиру; жаль, положительно бываетъ жаль, гимназическихъ, университетскихъ товарищей. Между тѣмъ, здѣсь есть только свѣканіе ума и характера, т.-е. неизмѣримо меньшее, слабѣйшее, чѣмъ то, что есть въ семьѣ. Семья, какъ родникъ роста, представляетъ, въ дѣтяхъ и родителяхъ, буквально одно срощенное существо. И когда оно начинаетъ разламываться на отдѣльныя составляющія его части, то значитъ самый приростъ ихъ другъ къ другу былъ уродливо-болѣзненный, и притомъ съ самаго начала. Молодую чету, „новоженовъ“, уже на 13-мъ, на 14-мъ мѣсяцѣ, иногда на третьемъ-четвертомъ, уже можно опредѣлить въ смыслѣ прочности счастья всей остальной жизни.

Но я заговорилъ о разумѣ въ его распорядительномъ значеніи. Семья есть институтъ существенно ирраціональный, мистическій. Поэтому совершенно напрасна борьба въ ней противъ страстей; напрасна и даже не права. Разуму, какъ и всякому закону, страсть можетъ отвѣтить просто: „я здѣсь образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создадутъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, рву свой покровъ, издѣліе внутренностей моихъ. Мнѣ больнѣе отъ этого, чѣмъ всякому закону, всякому разуму; безъ крова, подъ небомъ теперь—я, и передъ вѣроятною гибелью. Кромѣ того, изслѣдуйте меня и вы убѣдитесь, что не безъ причины я тку такое благородное и нѣжнее существо, какъ семья: самая природа моя и происхожденіе мое—благородны, какъ и постоянный мой уклонъ. Я есмь идеалъ въ томъ смыслѣ, что непрерывно стремлюсь къ идеальному, и именно въ значеніи непорочного. И если я уйду, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я именно уйду изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью; неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца“. Непремѣнно и безусловно грѣхъ палъ уже въ оставляемую семью. Это нельзя доказать, это не всегда сумѣешь выразить, именно потому, что семья вся соткана изъ субъективизма, изъ неувидимаго и мистическаго. Но что нѣтъ безгрѣшной, праведной семьи, которая распадалась бы,—этому можно даже à priori повѣрить. И это все, что нужно, чтобы разуму понять единственную роль, какую онъ здѣсь можетъ выполнить. Мы сказали, что непорочная семья есть величайшій идеалъ въ смыслѣ социальнаго строительства; но разумъ построить ее не тогда, когда „запретить“, „вытреть“ ихъ, какъ резина стираетъ карандашъ; тогда ничего не будетъ, не будетъ семьи. Да и не въ правѣ онъ, пассивный регуляторъ, бороться противъ образователя и матерія семьи. Но онъ можетъ все устроить, ставъ на скромное мѣсто мудраго аналитика, изслѣдователя, пособника. Онъ не умѣетъ здѣсь рождать; но, какъ искусный акушеръ, онъ можетъ помочь родиться.

III.

Литература о смерти этого живого и лучшаго на землѣ явленія, именуемая у дѣловыхъ людей „литературою о разводѣ“, обширна какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Она производитъ впечатлѣніе той деревянистости, отъ которой умеръ бѣдный мальчикъ Лионель. Вопросъ о такъ называемомъ „разлученіи супруговъ“ внесенъ въ видѣ законопроекта на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ нашихъ учреждений. Въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго

года, въ одной изъ южныхъ газетъ, былъ помѣщенъ рядъ статей: „Къ вопросу о разводѣ“, профессора каноническаго права въ Новороссійскомъ университетѣ г. А. Загоровскаго. Мы ихъ читали въ свое время; много о нихъ думали. И рѣшаемся здѣсь сказать нѣсколько словъ, думаемъ—существенно новыхъ объ этой мучительной семейной операціи.

Прежде всего о компетенціи здѣсь государства и о томъ, точно ли въ правѣ оно поднимать подобные вопросы, т.-е. переходить за рубрику гражданского права и входить въ сферу права каноническаго. Г. Загоровскій указываетъ, что уже въ византийскую пору разводъ только частью регулировался церковью; а большая часть законоположеній о немъ и именно о достаточныхъ причинахъ къ разводу была проведена свѣтскою государственною властью и включена церковью въ канонъ для себя по предложенію перваго. Что за явленіе? Придетъ ли на умъ государству вмѣшиваться въ процессъ и формы крещенія, исповѣданія, причащенія, едеосвященія? Ничего подобнаго. Отчего же въ одномъ таинствѣ брака возможно это явленіе? Здѣсь мы стоимъ на рубежѣ почти открытія: да во всѣхъ таинствахъ человекъ пассивенъ; кающійся, причащаемый, крещаемый, помазуемый муромъ онъ стоитъ передъ церковью какъ оголенный членъ міра; какъ древко, по коему течетъ таинство церкви. Но въ бракѣ? Здѣсь пріемлющій таинство не только не пассивенъ, но скорѣе пассивная сторона, въ ненарушимомъ ритуалѣ, принадлежитъ церкви, а вся активная сторона, т.-е. совершеніе самаго таинства и шествованіе въ немъ, принадлежитъ бракосочетавшимся. Насколько бракъ не фиктивенъ, насколько онъ есть „текущее таинство“, онъ объемлетъ тайну жизни самихъ супруговъ, о которыхъ, дѣйствительно, и произнесены всѣ слова, на которыхъ основанъ ритуалъ вѣнчанія. Вотъ особенность и исключительность въ таинствѣ брака, изъ которой и объясняется компетенція въ немъ, и единственно въ немъ, государства. Государство есть выразитель, ходатай и представитель активныхъ совершителей таинства, которые, какъ его участники, несутъ въ себѣ долю священства и слѣдовательно имѣютъ у себя долю священнаго права. Имѣютъ они, а съ ними и государство, въ которомъ живутъ они и которое ихъ защищаетъ. Но ни одна іота ихъ, или государства, мысли о бракѣ не должна сходить съ почвы исповѣданія, что бракъ есть безусловное и святое таинство. Все, выходящее изъ круга этой мысли, не пріемлемо для церкви; напротивъ, все слѣдующее изъ этой мысли принудительно къ принятію церковью.

Оговариваемся. Чѣмъ глубже вдумываешься во всѣ детали именно ученія о разводѣ, о разлученіи супруговъ безъ развода, вообще въ подробности и именно богословскаго ученія о немъ, тѣмъ яснѣе раскрывается странная вещь. Брачующіеся, хотя никогда

одинъ другому не напоминаютъ о священствѣ тайны брака, ощущаютъ его однако какъ таинство. У нихъ есть необыкновенно деликатное и углубленное къ нему отношеніе, и вѣчное, неизсыхающее исканіе брака, всегда въ минимально порочныхъ чертахъ. Когда онъ расторгается, онъ расторгается сквозь слезы, иногда сквозь кровь; и никто изъ брачующихся не можетъ представить этого себѣ безъ ужаса. „Этотъ образъ не принесъ счастья,—они, проживъ пять лѣтъ, разѣхались“, какъ-то сказали мнѣ, показывая образъ художественной работы, которымъ были благословлены когда-то новобрачные. Расторженіе брака оставляетъ длительное, мучительное воспоминаніе. О немъ никогда не говорятъ. Не бедятъ раны. Для брачующихся въ ощущеніи, для всѣхъ наблюдателей,—словомъ, для „міра“, живущаго „въ тайнѣ“,—бракъ есть великое и беспорное таинство.

Совершенно иное впечатлѣніе мы выносимъ, изслѣдуя церковную работу около брака, процессуальную и ритуальную. „Девять — девять — Москва — два мѣста“, такъ безконечно равнодушнымъ голосомъ, какимъ-то фатально-равнодушнымъ выкрикиваетъ вѣсовщикъ багажа, раньше чѣмъ сброситъ вашъ чемоданъ и узелъ съ вѣсовъ, и одновременно его „возгласъ“ отпѣвается на багажной квитанціи. Что такое „два мѣста“? Можетъ быть, въ „чемоданѣ“ вѣнчальная фата? Можетъ—погребальный кресть? Образъ? Скрипка? Вѣсовщику—нѣтъ дѣла. И вотъ, когда видишь „операцию“ надъ брачующимися, „сведеніе“ ихъ, „разведеніе“ ихъ— всегда вспомнишь этого фатальнаго вѣсовщика.

Такъ думный дьякъ, въ приказахъ посѣдлый,
Добру и злу внимаетъ равнодушно.

Построчно и пословно мы слышимъ у этихъ „дьяковъ“ возгласенія: „таинство брака“, „святой бракъ“, „святое таинство“. Но все это въ возгласѣ. На самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого трепета передъ бракомъ, какъ есть этотъ трепеть у брачующихся мірянъ; и нѣтъ вдумчиваго желанія посмотреть: „а что содержится въ чемоданѣ?“ Онъ, именуясь „таинствомъ“, разсматривается, какъ гражданскій институтъ, какъ договоръ, но не какъ священная тайна. Даже болѣе: не трудно подсмотреть и доказать, что собственно трагующій бракъ стоитъ на почвѣ ученія о фиктивномъ, т.-е. лишь въ формальныхъ своихъ частяхъ значущемъ, бракѣ, безъ непремѣнности какого-нибудь въ немъ реальнаго содержанія.

Но обратимся къ анализу.

Входитъ ли длительность первую и главною чертою въ таинство? Въ гражданскій институтъ — да; это требованіе соціальной устойчивости, „крѣпость договора“, „солидность векселя“. Но въ таинство? Не входитъ. Совершенно нельзя опредѣлить и не вытекаетъ рѣшительно ни изъ какой черты таинства непремѣнная

его продолжительность. Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово — несовмѣстимы. И „согрѣшившій“ уже вышелъ изъ-подъ благодатнаго таинства. Сколько времени длится дѣйствіе крещенія? Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ „Кандида“ или „Sur le desastre de Lisbonne“. Отвергнуть Промыслъ—и нѣтъ болѣе дѣйствія крещенія. Такъ и съ каждымъ таинствомъ: его святость—вотъ что вытекаетъ изъ его существа, что въ немъ исповѣдуются, что въ немъ есть самое дѣлѣ есть. И его длительность, его продолжительность опредѣляется всецѣло и исключительно временемъ, пока есть его святыя признаки.

Между тѣмъ, странно сказать, все упорство передъ разводомъ основывается на непризнаніи въ бракѣ этой единственной черты, святости, т. е. на ученіи о бракѣ именно не какъ о таинствѣ. Развѣ есть порочныя таинства? Станный вопросъ. Однако онъ все рѣшаетъ; можно-ли сказать, что бракъ „еще длится“, когда грѣхъ въ немъ живеть, и притомъ въ какой угодно формѣ—злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности? Договоръ—длится; гражданскій институтъ—длится. Но таинство? Конечно, нѣтъ болѣе святого — нѣтъ и таинства! Только вѣковымъ равнодушіемъ къ браку, отсутствіемъ всякаго къ нему вниманія можно объяснить, что до сихъ поръ не замѣчена эта простая и самая главная въ немъ сторона. Бракъ съ первымъ грѣхомъ — трупенъ; и собственно процесуальныя формы развода суть только церемонія остриганія ногтей у мертвеца, честныя ему похороны, а не операція надъ-живымъ. Изъ этого безусловнаго требованія безусловной непорочности въ супружествѣ вытекаетъ главный канонъ брака: постоянное очищеніе отъ грѣха другъ передъ другомъ черезъ чистое покаяніе. Бракъ есть плоть; но есть духъ у этой плоти, и вотъ чистота-то этого духа и есть показатель живущаго таинства. Слова Спасителя: „прежде, чѣмъ принести даръ передъ алтаремъ, поди и примирись съ братомъ твоимъ“, нигдѣ не имѣютъ такого приложенія, какъ въ семьѣ, гдѣ души супружачихся должны быть вѣчно открыты одна передъ другою; и передъ всякимъ схожденіемъ—очищены, какъ онѣ очищаются передъ вѣнчаніемъ черезъ непременно требуемое покаяніе и причащеніе. Вотъ прекрасное содержимое таинства брака, увидѣвъ которое міръ не бѣжалъ бы скорбно отъ него, какъ сейчасъ бѣжитъ повсюду, но радостно спѣшилъ бы къ нему. Почему онъ бѣжитъ, несчастный; когда бракъ именно данъ ему въ утѣшеніе, послѣ грѣхопаденія? Да потому, что это есть мiazматическая клоака; потому что именно порокъ есть законъ его; это—удивительное и исключительное жилое мѣсто, гдѣ никогда не открывается форточка, окно, дверь, труба,—и гдѣ жи-

вые, здоровые разлагаются принудительно возлѣ мертвецовъ. Вотъ ужъ истинно Лета по ту-гробная, гдѣ вѣчный Харонъ перевозитъ „тѣни усопшихъ“. Развѣ бракъ, какъ онъ есть, не полонъ этими „тѣнями усопшихъ“, вытаращивъ на которые глаза съ ужасомъ плывутъ около нихъ живые? Возьмемъ знаменитую литературную иллюстрацію: Лаврецкій еще брачно живъ (цѣломудренъ, вѣренъ); но его жена въ смыслѣ брака, конечно, умерла. Есть ли бракъ здѣсь? Въ смыслѣ тайнства—смѣшной вопросъ; между ними уже ничего не происходитъ, кромѣ ожиданія Лаврецкимъ „честнаго погребенія“ его ex-супруги. Но въ смыслѣ договора? Увы, смерть участника не нарушаетъ договора, и деньги платятся по векселю, когда векселевладѣлецъ въ гробу.

Такъ образовалась европейская порочная семья,—не по слабости міра, не отъ разгуда страстей. Страсти создали семью, выткали изъ себя чистѣйшій этотъ институтъ, и какъ передъ Горгоною, люди морщатся съ ужасомъ передъ мыслью о смерти ея. Но смерть настаетъ, настала, и нѣтъ похоронъ! Нѣтъ семьи, но есть долгоя семейныя обязанности, неоплаченный вексель, предметъ гражданскаго иска: и мертвому, именно мертвому всегда капля по каплѣ истачивается живая кровь во гробъ. Грѣхъ, съ которымъ все умерло въ тайнствѣ, теперь смѣняется преступленіемъ. Живой бьется около мертваго; не понимаетъ, зачѣмъ тому его кровь, которой онъ и пить-то не можетъ, она стекаетъ именно въ гробъ къ ему. Какое дѣло m-me Лаврецкой до вѣрности ей мужа, до отношеній его къ Калитиной?! Исторія, такъ тронувшая Тургенева, не существуетъ для нея. Она умерла; въ великомъ и деликатномъ тайнствѣ она сейчасъ же умерла съ первымъ грѣхомъ. Но есть—ея длинные трупные ногти, скверный запахъ, міазмы, міазмы и міазмы. Для нихъ нельзя открыть дверь, окно, форточку; иначе—но это уже гражданскій страхъ, страхъ устава о векселяхъ,—„все рушится и не будетъ никакой соціальной устойчивости“!

Какое заблужденіе! Разводъ есть постоянный каналъ, черезъ который совершается очищеніе главнаго соціального института. Необыкновенно чуткій инстинктъ, въ силу котораго реальная жизнь супруговъ прерывается и даже оканчивается съ первымъ не испуленнымъ, не заглаженнымъ черезъ признаніе въ немъ, грѣхомъ, есть какъ бы естественный и самимъ Богомъ установленный стражъ здоровья семьи;—законъ, черезъ дѣйствіе котораго этотъ вѣчный, къ вѣчной жизни призванный институтъ, не можетъ захворать. Его нѣтъ вовсе, или—онъ совершенно здоровъ. Болѣзнь ему не причастна. Единственный видъ болѣзни и есть эта возможная закупорка очистительныхъ путей. Кто же не знаетъ, что въ католическихъ земляхъ разводъ не существуетъ, и что семья въ нихъ умерла, полторы тысячи лѣтъ проборовшись съ постояннымъ внутреннимъ самоотравленіемъ. Но наша церковная программа брака

близка къ католической; и всѣмъ извѣстна „красота“ нашей семьи, вытекшая изъ этой программы. Мы, какъ и католики, имѣемъ скелетъ жи въ бракѣ, который пугаетъ всякаго живого, и, что хуже всего, онъ пугаетъ именно честнаго. Что такое бракъ сейчасъ, не въ практикѣ одной, но и по странной заповѣди, ему отмѣренной? Узкія ли это двери чистой жизни? Увы, широчайшія ворота всякаго порока. „Бракъ“, нисколько не разрушаясь (и въ этомъ все дѣло) вмѣщаетъ рѣшительно все, включительно до засвидѣтельствованнаго официальными очевидцами физиологическаго преступленія. Гдѣ же тутъ душа брака? О ней нѣтъ вопроса, никогда не было. Это — случайность, вовсе не вошедшая въ планы законодателя! Обманъ ли я беру, вступая въ бракъ? Можетъ быть. Или развратъ?—Тоже можетъ быть. Можетъ быть ненависть, отчужденіе, равнодушіе? — Болѣе, чѣмъ вѣроятно. Для всякаго очевидно, что плоска, пошла самая формула брака; распутны широкія его ворота; что нѣтъ здѣсь благородной и деликатной суженности. И всего этого нѣтъ, не введено внутрь формулы, о которой извнѣ написано, „провозглашено“: тайна, таинство! Но обернемъ лицо къ этой свѣтлой тайнѣ. Что значить съ ея точки зрѣнія бракъ? Да то и есть, что на ней написано: святая, и лишь въ чертахъ святости существующая и дѣющаяся семья. Фирма безъ обмана, чай безъ „копорки“, честная правительственная бандероль, совершенно противоположная той, которая сейчасъ прикрываетъ собою „сорную траву“ брака. Это есть совершенно непорочная жизнь, и именно въ мѣру вашего собственнаго утонченія въ пониманіи порока и непорочности. Кто же его не взялъ бы? Все ринулось бы сюда. Мы замѣтили въ началѣ, что единичный фактъ чистой семьи влечетъ самымъ образомъ своимъ къ себѣ, какъ свѣтъ влечетъ мотыльковъ; около нея, силою ея примѣра, образуются еще и еще семьи, цѣлый кораловый рифъ семей, и съ кораловою прочностью сложенія. Но вотъ неразводимая семья. Вмѣсто недѣли операціи (впрочемъ, только похоронъ), она томится годы. Уже давно „разъѣхались“; только осталось „мѣсто семьи“; остался „документъ“ о семьѣ, которому мы не иначе можемъ придавать значеніе, какъ становясь на точку зрѣнія „гражданскаго брака“, и даже брака „фиктивнаго“ (60-е годы). Какой образъ, какой примѣръ! какое предостереженіе, и это предостереженіе стоитъ, торчать трупомъ годы: образуется пустынное мѣсто, именно отъ семьи пустынное. Всякій проходящій мимо крестится и говоритъ: „избави, Боже“!

Такимъ образомъ изъ самаго понятія о непорочности вообще всѣхъ таинствъ слѣдуетъ не только разводъ, но и его субъективная постановка. Одни супруги знаютъ, впаль грѣхъ въ ихъ жизнь, или нѣтъ. Есть ли основаніе для этого въ Евангеліи, по закону котораго мы живемъ и только и хотимъ жить? Есть. Гдѣ? Въ перемѣненіи Спасителемъ понятія о виѣшнемъ (доказанномъ) пре-

любовѣннѣи на понятіе о внутреннемъ, т.-е. не доказанномъ и не доказуемомъ, но всегда сознаваемомъ и чувствуемомъ прелюбодѣніи; и на томъ, что внутреннее прелюбодѣніе Спаситель уравновѣсилъ съ внѣшнимъ. Семья должна быть чиста не отъ внѣшняго только преступленія, не отъ скандала площади; а отъ загрязненія самой атмосферы домашней жизни. Нужно это или не нужно міру, мірянамъ, брачующимся — это вопросъ важный; но съ религіозной точки зрѣнія не онъ на первомъ планѣ: на первомъ планѣ стоитъ то, что безъ этого постановка ученія о таинствахъ не выдерживаетъ критики, т.-е. это нужно церкви, какъ членъ ея догмы о бракѣ. Но и затѣмъ, для міра: чѣмъ субъективнѣе разводъ, тѣмъ чище семья; и чѣмъ она чище, тѣмъ прочнѣе. А это есть основное земное явленіе и первый гражданскій институтъ. Прибавимъ замѣтку, почти не нужную: механизмъ развода длится недѣлю и онъ таенъ; это — казнь на тюремномъ дворѣ, скорѣй даже — внутрѣ-тюремныя похороны; между тѣмъ какъ агонія семьи длится десятилѣтія и происходитъ на глазахъ міра: это — шельмованіе принципа семьи на торговой площади, на позоръ людей, для зараженія толпы, для развращенія толпы. Удивительно, какъ все это не оцѣнено, не взвѣшено. Но, признаемся, идеалъ здѣсь такъ святъ, что онъ отгоняетъ практическія соображенія. Не столько внушаетъ страха разложеніе семьи, коего мы свидѣтели, сколько алканіе увидѣть, наконецъ, общество, сложенное въ таинственное, религіозное теченіе жизни, пульсъ котораго бьется, какъ играетъ непорочная улыбка на губахъ младенца.

„Нов. Вр.“, 1899.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

1. Еще изъ наблюденій надъ природою.

Въ своей статьѣ „О непорочной семьѣ“ г. Розановъ сообщаетъ трогательную исторію душевно-больного лебеда.

„Никогда, какъ въ этомъ случаѣ,—поясняетъ г. Розановъ,—я не наблюдалъ такъ ярко и выразительно, что у животнаго есть душа. Когда-то, еще юношею, я началъ-было читать „Душа чело-вѣка и животныхъ“ Вундта. Въ чемъ не могъ убѣдить меня германскій мудрецъ, убѣдилъ въ полчаса лебедь въ Ориандѣ“.

Высокая одухотворенность животныхъ вообще раскрывается при самомъ бѣгломъ взглядѣ на ихъ жизнь. Соціалистическій идеаль осуществленъ въ муравейникахъ и ульяхъ. Арабскія лошади наблюдаютъ степени родства и питаютъ отвращеніе къ кровосмѣшенію. Что же касается лебедей, то я могу сообщить фактъ, еще болѣе замѣчательный, чѣмъ приведенный г. Розановымъ, и столь же достовѣрный. Фактъ этотъ вмѣстѣ и опровергаетъ высказываемую далѣе г. Розановымъ мысль, что животнымъ данъ „инстинктъ“, какъ нѣкоторый „внѣшне ими управляющій разумъ, положенный на нихъ, какъ рокъ, который ихъ спасаетъ, мудро ведетъ отъ рожденія до смерти и не даетъ имъ ни вырваться изъ-подъ себя, ни уклоняться въ сторону“.

Если животныя въ массѣ дѣйствительно подчиняются „инстинкту“, „внѣшнему разуму“, „року“, тяготѣніе котораго, кстати сказать, ощущало надъ собой все античное челоѣчество, да и теперь въ своихъ массахъ ощущаетъ, то отдѣльные особи животныхъ иногда проявляютъ прямо свободную, самостоятельную, высоко развитую душу. Недаромъ средневѣковая поэзія и живопись помѣщала животныхъ въ рай, наполняя адъ пресмыкающимися! Недаромъ Францискъ Ассизскій проповѣдывалъ голубямъ и воробьямъ!

То, что я сейчасъ расскажу, наблюдено въ Костромской губерніи, въ Нерехотскомъ уѣздѣ. Тамъ, въ одномъ имѣніи, въ лѣ-

сахъ были глубокия, чистыя озера. На берегу одного изъ нихъ стояла избенка полѣсовщика, стараго, добродушнаго солдата и страстнаго охотника. На озера по зарямъ стала прилетать пара лебедей. Это была влюбленная пара. Прекрасныя животныя, породистыя, бѣлоснѣжныя, съ громадными крыльями, встрѣчали здѣсь восходъ солнца, плавали, ныряли, оглашая звонкую водную поверхность громкими кликами, миловались, цѣловались, рѣзвились... Изъ оконца своей избенки полѣсовщикъ могъ наблюдать эту поэму лебединой любви. Но въ немъ проснулся охотникъ. Его прельстили бѣлыя роскошныя крылья самца, и вотъ однажды, засѣвъ въ кустахъ съ ружьемъ, онъ подстерегъ влюбленную пару и убилъ лебедя. Лебедка подняла вопль на весь лѣсъ и долго ногами и крыльями отбивала трупъ супруга, когда полѣсовщикъ въ челнокѣ подѣхалъ, чтобы воспользоваться добычей своего кроваваго спорта. Это отчаяніе лебедки изумило и потрясло полѣсовщика. Онъ не осмѣлился пристрѣлить и ее. Овладевъ своей добычей и быстро уплылъ. Лебедка кидалась въ лодку съ яростью, и когда убійца ея друга наконецъ вышелъ на берегъ и скрылся въ избѣ, застонала, закружилась, снялась и улетѣла за лѣсъ, въ ту сторону, откуда каждое утро прилетала съ своимъ возлюбленнымъ. Но этимъ дѣло не кончилось.

Съ того времени ежедневно на зарѣ лебедка прилетала на то мѣсто озера, гдѣ прежде любила съ своимъ прекраснымъ другомъ и гдѣ сразилъ его выстрѣлъ полѣсовщика. Широко развѣвъ свои бѣлыя крылья, покачивалась она тихо на обогрѣнныхъ алымъ свѣтомъ зари водахъ и, запрокинувъ гордую голову, выгнувъ шею, стонала такъ плачевно, такимъ раздражающимъ душу голосомъ, что полѣсовщикъ не зналъ, куда ему дѣваться отъ угрызѣній совѣсти. Онъ чувствовалъ, что совершилъ кровавое, низкое дѣло—убійство. Онъ самъ затосковалъ, не спалъ ночей, съ ужасомъ дожидаясь зари. Лебедка оплакивала своего мужа, и клики ея то выражали безнадежную, тихую грусть, то звучали страстнымъ призывомъ и томленіемъ, то грозили, призывали мщеніе и разрѣшались дикими, безумными воплями. Такъ предъ лѣсникомъ прошла вторая часть лебединой поэмы.

Онъ наконецъ не выдержалъ и рѣшилъ покончить съ тоскующей лебедью. Въ одно утро, когда она прилетѣла, онъ вышелъ изъ избы съ ружьемъ и, подойдя къ озеру, поднялъ ружье и прицѣлился. Едва лебедь замѣтила полѣсовщика, она повернувшись и, трепеща раскрытыми крыльями, грудью полетѣла на ружье. Она, очевидно, сама жаждала смерти.

Когда старый солдатъ рассказывалъ это, онъ усиленно заморгалъ глазами и утеръ кулакомъ пробившуюся слезу.

Что-жь? Скажутъ ли намъ, что эта лебедь дѣйствовала на основаніи „инстинкта“, „внѣшняго разума“, „рока“? Эта одухо-

творенность любви, это самоотверженіе, эта несокрушимая вѣрность погибшему товарищу, невозможность жизни безъ него и жажда смерти не доказываютъ ли совершенно очевидно для всякаго, имѣющаго очи, чтобы видѣть, что у отдѣльныхъ особей животнаго царства вырабатывается прямо свободная, высоко настроенная, богатая чувствами, тонкая, гармоническая душа, какой не достаѣтъ многимъ и многимъ представителямъ напыщеннаго, самонадменнаго и жестоковѣйнаго рода двуногихъ „царей земли“? Мысль эта не имѣетъ въ себѣ ничего анти-религіознаго. Такъ, нѣкоторые изъ католическихъ ученыхъ натуралистовъ—хотя бы Сабатье—развиваютъ ту идею, что душа постепенно вырабатывается и приобѣтаетъ особую конструкцію, которая ее дѣлаѣтъ безсмертной. Конечно, это умствование „инославныхъ“. Однако хочется вѣрить, какъ въ сказку удовлетворенной справедливости, что въ то мгновеніе, какъ лебедь пошла грудью на ружье, ея животный духъ просвѣтился, и въ моментъ, когда роковой выстрѣлъ изгналъ этотъ духъ изъ лебединой груди, онъ приобѣлъ дары безсмертія и возлетѣлъ въ горнюю обитель со своей лебединой любовью, со своей лебединой вѣрностью, со своей лебединой скорбью... Вспомните, въ Библии образы животныхъ окружаютъ престолъ¹⁾ Ветхаго деньми!

Указываютъ, что христіанство будто бы менѣе гуманно относится къ животнымъ, чѣмъ хотя бы буддизмъ. Это невѣрно. Вотъ какъ разъясняетъ глубоко милосердный²⁾ взглядъ христіанства, учащій человѣка смиренію предъ природой и животными, одинъ знаменитый православный проповѣдникъ и богословъ:

„Эта прекрасная природа,—сказалъ онъ 4-го іюня 1868 года,—которая сегодня дала вамъ свои цвѣты на молитву, которая и всегда даетъ человѣку столько благъ жизни, знаете ли, говорю, что она тоскуетъ и вадыхаетъ? Не подумайте, что это моя фантазія или поэзія. Это не мои мысли и слова, а Божіи. Слово Божіе открываетъ намъ, что природа со всѣми тварями вадыхаетъ и болѣзнуетъ. О чемъ? О своемъ настоящемъ состояніи... Слышите ли вы болѣзненные вадыханія природы? Они слышатся въ тѣхъ уклоненіяхъ отъ естественнаго порядка, въ которыхъ природа какъ бы сказывается больною, чтобы только не служить

¹⁾ Какъ хорошо, и вѣрно и *нужно* это указаніе. Видѣніе *животныхъ* вокругъ Престола Божія находится у Іезекіиля въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ Откровеніи Іоанна-Богослова въ Новомъ Завѣтѣ. Въ послѣдующія времена животныя должны быть воллечены въ вихрь нашихъ религіозныхъ идей, въ жизнь храмовую, въ исповѣданіе церкви: и для этого основанія—у пророковъ обоихъ завѣтовъ. В. Р—с.

²⁾ Охъ, ужъ это снисхожденіе и прощаніе и милосердіе: оно исключаетъ любовь, ибо уже есть гордость и гордое возношеніе „милосерднаго“ въ отношеніи къ тому, что по его предположеніямъ нуждается въ милосердіи. В. Р—с.

человѣку, отвращивается отъ него, когда онъ наиболѣе имѣетъ въ ней нужду, какъ, напримѣръ, вотъ весною вдругъ наступаетъ холодъ; слышится въ тѣхъ мрачныхъ думахъ и тягостныхъ вопросахъ, которыхъ природа не высказываетъ сынамъ вѣка, не любящимъ и не понимающимъ ея, но которые она задаетъ, о, какъ задаетъ! — духовному созерцателю, глубокому мыслителю, живущему среди нея, — труженнику земли, и еще — душѣ чистой, любящей ея и умѣющей сочувствовать и бесѣдовать съ нею... Вообще уныло и угрюмо смотритъ природа на человѣка, если только человѣкъ насильственно, искусственными способами не заставлятъ ее улыбаться ему, и самъ человѣкъ бѣжитъ отъ нея, какъ будто чувствуя въ своей душѣ ту самую тоску, какую возбуждаетъ въ природѣ, — удаляется въ свои города и дома и замыкается здѣсь въ собственномъ своемъ мірѣ искусственномъ, созданномъ его суетою, страстями, запутанными и перепутанными отношеніями общегитія... Никакая цивилизація не измѣнитъ законовъ нравственнаго соотношенія между жизнью человѣка и природы. Только тогда, когда самъ человѣкъ освободится отъ своей суеты и зла, и соответственно тому природа освободится отъ невыносимой работы его суеты и злу, только тогда измѣнится къ лучшему и отношеніе природы къ человѣку“.

Н. Энгельгардтъ.

II. Открытое письмо г. Розанову, какъ автору „Непорочной семьи“.

Все, что вы пишете, милостивый государь, бьетъ больно по наболѣвшимъ мѣстамъ современнаго человѣка и человѣчества, и глубоко ложатся ваши слова въ душѣ каждого вашего читателя, хотя-бы онъ — какъ я, напр. — и не раздѣлялъ вполне всѣхъ вашихъ взглядовъ. Ваша же послѣдняя статья, мнѣ кажется, болѣе и глубже всѣхъ предыдущихъ зондируетъ наши гнойныя язвы.

Позвольте мнѣ, въ немногихъ словахъ, высказать вамъ тѣ летучія мысли, которыя во мнѣ всколыхнула эта статья...

Успокойтесь: я ни полъ-слова не буду писать о лебедяхъ; для меня, какъ и для васъ, этотъ вопросъ исчерпанъ и спорить съ послѣдователями Картезія (если таковые и по нынѣ существуютъ) о „симуляціи животных“ мы не станемъ¹⁾. Не „о лебедяхъ“ я хочу сказать пару словъ, а о „малыхъ сихъ“ — о тѣхъ малыхъ, ради которыхъ дѣлается все великое, и между прочимъ — строится сама семья. Говоря „строится“ — я разумѣю не социальный и не

¹⁾ Известно, что Картезія (Декартъ) считалъ животныхъ превосходно устроенными машинами, подражающими или *симулирующими* живое и одухотворенное бытіе. Взглядъ грубый и плоскій, но имѣвшій для себя предъ-посылки въ католическомъ (христіанскомъ?) спиритуализмѣ. В. Р.—в.

юридическій институтъ семьи (вы его и не касаетесь вовсе), а духовный строй семьи, въ вашемъ смыслѣ.

Согласитесь: вѣдь это—ключъ проблемы, и не разыскавъ его—проблемы не разрѣшишь.

„И будетъ два въ плоть едину“: вотъ эта одна плоть, результатъ единенія двухъ, и есть центръ вопроса.

Великій фантазеръ Ж. Ж. Руссо, съ легкимъ сердцемъ, разрубилъ этотъ гордіевъ узелъ: „дѣти—собственность государства“, и баста! Стало быть, какъ пѣли наши легкомысленныя самочки 60-хъ годовъ:—„Адю, мой милый другъ, слезами кручинѣ злой не пособить: Господь обидѣлъ огурцами, зато капусткой наградить!“

Но у насъ, родителей,—не легкое, а тяжелое родительское сердце, да и маленькое сердчишко „малыхъ сихъ“—привередливое созданіе Божіе: любить своего пьянаго тятку и свою злую и грязную мамку, а высокогуманныхъ и высокоразвитыхъ воспитателей, какъ на зло, любить не хочеть: съ молокомъ въ него эта глупость всосалась, и надо съ нею считаться, или же кормить этихъ дурачковъ въ общественномъ сараѣ, съ рожекъ, накачиваемыхъ общественнымъ молокомъ, помощью паровой машины, по командѣ: разъ-два-три, живѣе соси? А суррогатъ „материнскихъ ласокъ“—по какой мѣрѣ онъ долженъ быть изготовляемъ и отпускаемъ коемуждо?..

Простите меня: я говорю о томъ, что вы уже давно передумали; но такъ какъ вы это передумали, то укажите же исходъ, котораго мы, тоже передумавшіе, не видимъ. Гражданскій бракъ, равноправность дѣтей законно—и—незаконнорожденныхъ, контрактъ обезпечивающій потомство, легкая расторгимость брака, утратившаго существо брака—все это учрежденія, узаконенія, все это — матеріальная оболочка сущности духовной; а сама эта сущность?

Бракъ, утратившій существо союза брачнаго, долженъ быть расторгнутъ, затхлая атмосфера звѣриной берлоги должна быть профильтрирована, загаженная яма—скрыта и засыпана навѣчно: это вполне логично; но куда же дѣвать дѣтей?

Возьмемъ примѣры.

Онъ и она—образцы добродѣтелей, но „не сошлись характерами“ и потому расходятся: кому отдать единственнаго, горячо любимаго обоими ребенка, который безъ „мамы“ не уснетъ? Не посоветовать-ли имъ подождать расходиться, пока ребенокъ не вырастетъ и не сдѣлаеть сознательнаго выбора?..

„Онъ“ добродѣтеленъ и трудолюбивъ, „она“ — лѣнива, легкомысленна, и даже хоть развратна: отнять-ли насильно дѣтей отъ ея материнской груди, и ради блага ихъ, отдать ихъ сухому и нелюбимому ими, хотя и высоконравственному отцу? Этотъ высоконравственный отецъ — не принесетъ ли себя въ жертву дѣтямъ,

отказавшись расторгнуть бракъ свой и употребивъ всѣ усилія, чтобы хотя отчасти дезинфицировать свою берлогу, уподобивъ ее житію человѣческому?

„Онъ“ мотъ, пьяница и развратникъ; но онъ добрый, любящій и любимый дѣтьми отецъ... Во всемъ-ли права предъ нимъ и предъ дѣтьми его добродѣтельная супруга, съ сухою лешенкою подъ корсетомъ, вмѣсто сердца въ груди?..

Вопросъ общій, и очень широкій: однѣ-ли индивидуальныя интимности и стремленія должны руководить брачною жизнью семьи, или и забота о дѣтяхъ, или же—забота о дѣтяхъ по преимуществу? Произведшій потомство („ошибочно“ или съ „заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ“—*все равно*) не совершилъ-ли въ предѣлахъ земныхъ все земное, или же онъ имѣетъ право еще и на индивидуальную жизнь, и въ какой мѣрѣ?

Это—одна сотая того, что я имѣю вамъ сказать, но съ чѣмъ боюсь надокучать вамъ, не зная, какъ вы это примите? Отвѣчайте мнѣ въ газетѣ, цитируя письмо, или помѣстивъ его полностью въ вашей статьѣ—и я буду продолжать, снявши мою маску ¹⁾.

Геннадій Ел—евъ.

III. Separation de corps, а не разводъ.

М. Г.

Надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить на страницахъ газеты, гдѣ сотрудничаете, прилагаемая при семъ строки въ видѣ *Письма въ редакцію*. При столкновеніи различныхъ мнѣній легче всплываетъ правда, а потому вѣроятно вы найдете возможнымъ провести въ печать и мое скромное сужденіе матери семейства о такомъ важномъ, семейномъ и социальномъ вопросѣ.

Много говорить въ обществѣ и пишутъ въ газетахъ въ на-

¹⁾ *Детей*-то нравственное и здоровое воспитаніе и требуетъ развода, какъ разлома сгнившей семьи. Перетрясите яблоки и отбѣдите свѣжія и чистыя отъ испорченныхъ: дабы не заразились и не погибли всѣ; вотъ мотивъ требованія развода. Я зналъ одну семью большую (5 человекъ дѣтей), гдѣ отецъ, на вопросъ матери: „гдѣ же я возьму денегъ“ (на хозяйство) отвѣтилъ: „а пошли Катерину (красивая 14-лѣтняя дочь) на тротуаръ“ (проституировать). Къ намъ прибѣжала старшая (больная) дочь, услышавшая изъ-за стѣны этотъ разговоръ отца съ матерью о младшей сестрѣ своей, и съ плачемъ все рассказала. Это было лѣтъ 6 назадъ, и теперь эта семья „все еще живетъ въ цѣлости“. Какъ мать (странно—не осуждаемая дѣтьми), такъ и отецъ (страшно ненавидимый дѣтьми, никогда не бывающій дома), оба уже еще молодые и красивые, уже живутъ съ третьимъ и съ третьей. Для чего они живутъ *вмѣстѣ*? Далѣе: когда есть *хоть тѣмъ* возможности жить вмѣстѣ, люди *сами бѣгутъ развода* ради любимыхъ дѣтей, какъ этотъ же г. *Геннадій Ел—евъ*, см. его прекрасныя письма дальше. В. Р—евъ.

стоящее время по поводу облегченія разводовъ. Обсуждаютъ конечно все очень умно и логично по правиламъ науки, но всё только слегка касаются вопроса о дѣтяхъ, между тѣмъ это и есть самая мудреная дилемма въ данномъ случаѣ. Разрѣшить честно и нравственно вопросъ о разводѣ очень затруднительно. Для опредѣленія причины, заставляющей стремиться къ облегченію его, надо выискнуть глубже и искать ее не въ совѣстной жизни супруговъ, а въ ихъ нравственномъ воспитаніи. Вотъ гдѣ лежитъ главный корень зла. Конечно, скорбѣть о невыносимомъ существованіи двухъ людей, разлюбившихъ другъ друга и связанныхъ неразрывной цѣпью брака, *чувствительно и драматично* ¹⁾, но пусть каждый сорокалѣтній человѣкъ скажетъ по совѣсти, совпадаетъ ли его требованіе отъ идеала съ тѣмъ, которое онъ имѣлъ 15 лѣтъ ранѣе? ²⁾ Въ девяти десятыхъ случаевъ отвѣтъ будетъ „не совпадаетъ“, а если это такъ, то всё эти люди окажутся недовольными сдѣланнымъ ими выборомъ ³⁾. Неужели имъ всѣмъ позволительно искать развода? Большею частью вѣдь уже въ это время на лицо куча дѣтей ⁴⁾. Что мѣшаетъ въ такомъ случаѣ распаденію семьи. Одно лишь сознаніе долга и того, что жизнь не игрушка, отъ которой человѣкъ можетъ требовать только удовольствія. Бракъ долженъ разсматриваться, какъ гражданская обязанность ⁵⁾ въ отношеніи государства: произвести и воспитать себѣ подобныхъ, которые въ свою очередь впоследствии выполнять то же назначеніе человѣка на землѣ. Семья есть краеугольный камень всякаго общества и потому въ основѣ ея долженъ лежать

¹⁾ Умѣстна-ли иронія тамъ, гдѣ часто мы стоимъ на канунѣ крови? Написала это хоть и женская, но не имѣющая жалости рука. В. Р.—*сз.*

²⁾ Почему пѣтъ? Особенно идеаль жены, семьи? Конечно—совпадаютъ у всѣхъ, кромѣ пустоголовыхъ. В. Р.—*сз.*

³⁾ Что за пустяки: старыхъ женъ старые мужья еще крѣпче любить, тѣмъ молодыхъ молодые. Вино брака крѣпнеть отъ времени. Иное дѣло, если бракъ при началѣ былъ кисель; тогда черезъ пятнадцать лѣтъ—это тухлатина, которая воняетъ на всю улицу, городъ, въ уголовныхъ случаяхъ—на всю Россію. Авторъ о сохраненіи такой-то вонючей клани и заботится. В. Р.—*сз.*

⁴⁾ Которыя всё видятъ драки родителей? презрѣніе и обманъ ихъ? Жизнь на разныхъ половинкахъ дома? Избавимъ дѣтей отъ такого зрѣлища! В. Р.—*сз.*

⁵⁾ Ну, на „гражданской обязанности“ трудно основать бракъ, ибо, кромѣ случаевъ ухаживания столоначальника за перерзѣлой дочерью вице-директора, я не знаю иныхъ „браковъ служебно-обязательныхъ“. Авторъ остерѣ умомъ, но не замѣчаетъ, что отсутствіе развода, т. е. большой шансъ несчастія, теперь отпугиваетъ отъ брака, навелъ *страхъ* его. Стали вообще мало жениться. Вотъ противъ этого-то какіе законы подѣйствуютъ? И между тѣмъ рождаютъ, любятъ, имѣть дѣтей—всѣ желаютъ. Вотъ, благословясь, и примите эту вѣковѣчную и неусыпную (Заковъ Божій) въ человѣкѣ потребность за фундаментомъ неугасимаго брака, и вламя его снова вспыхнетъ и поднимется къ небу. В. Р.—*сз.*

долгъ ¹⁾, а не удовольствіе, и очистить семейный очагъ можно никакъ не облегченіемъ разводовъ, а только строго нравственнымъ воспитаніемъ подростостающаго поколѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова ²⁾. Чтобы дѣти наши не смотрѣли на бракъ какъ на игрушку, которая хороша до тѣхъ поръ, пока забавна. Чтобы женщины будущаго требовали отъ мужей только честнаго и хорошаго отношенія къ себѣ и дѣтямъ, но не *вѣчнаго флирта*, что теперь требуютъ изъ нихъ девять десятыхъ, въ случаѣ же отказа—сейчасъ начинается флиртъ съ третьимъ лицомъ, а это уже есть начало распадѣнія семьи, какъ бы онъ ни былъ *невиненъ* ³⁾. Никто не можетъ оспаривать того, что дѣти по крайней мѣрѣ до школьнаго возраста должны быть при матери, но они не куклы, которыхъ она можетъ возить съ собой изъ одной квартиры въ другую, независимо отъ того, кто хозяинъ квартиры. Кромѣ рѣдкихъ исключеній, когда дѣло касается положительныхъ негодяевъ, всегда отецъ для своихъ дѣтей лучше своего преемника въ любви ихъ матери. Можно и даже *слѣдуетъ облегчить* женщинамъ возможность получить отдѣльные виды на жительство (что соотвѣтствуетъ французскому *separation de corps*), но отнюдь не облегчать развода, если желаютъ сохранить нравственную чистоту семейной жизни. Давно извѣстна аксіома, что труднѣе только первый шагъ; что же это будетъ за строй общества, въ которомъ матери семействъ будутъ выходить замужъ по три, по четыре раза отъ живыхъ мужей, а это можетъ оказаться возможнымъ при большой легкости развода. Въ чемъ же будетъ тогда разница между порядочными женщинами и непорядочными?

Ю. Б—на.

¹⁾ Ужъ извините за каламбуръ: „по долгу“ не любятъ по-долгу, а любятъ коротенько. Которые столоничальники женились на вице-директорскихъ дочкахъ, хотя ихъ тести и тянутъ „по-долгу“ къ женинымъ юбкамъ, они „все въ лѣсъ смотрятъ“. Вотъ какъ это „смотрѣнье“—то „въ лѣсъ“ вы законодательно предупредите? В. Р—въ.

²⁾ Да какъ вы не понимаете, что какъ ни воспитывайте, но—разъ наступило дѣйствіе тайны и могущества настоящей любви—все рвется передъ ея силою, и даже рвется именно въ мѣру воспитанности и качества души. „Кое-кто“ и безъ любви проживаетъ въ полу-счастливомъ и даже безъ-счастномъ бракѣ. Но царь, но Пушкинъ, но Гейне, Соломонъ или Давидъ—не проживуть. Дали Іакову Лію; если бы онъ былъ „кое-кто“, могъ бы проскрипѣть съ немъ 40 лѣтъ. Но онъ былъ Іоакимъ, „борецъ съ Богомъ“; и царственная кровь его потребовала Рахили, „прекрасной лицомъ и станомъ“. Библия насъ всему учитъ, и ея рассказы не безъ намѣреннаго поученія. Р. Р—въ.

³⁾ Вотъ это правильно, что самый легкій флиртъ уже разрушаетъ семью, и на этомъ-то *взглядѣ все и должно быть основано*. В. Р—въ.

IV. Семья—дѣти—религія.

Глубокоуважаемый В. В.

Мнѣ трудно выразить вамъ, какъ глубоко взволновало меня ваше письмо, и еще глубже тронули меня ваша искренность и довѣріе ко мнѣ—невѣдомому вамъ человѣку. Но довѣріе само по себѣ, а случайность—случайностью, и такъ какъ моя жизнь полна этими „случайностями“, то я и принялъ за правило: подобныя письма жечь; но на ваше письмо у меня рука не поднимается, и я возвращаю вамъ его, хотя и не безъ борьбы съ искуше-ніемъ—оставить его у себя.

Я тоже человѣкъ занятой и усталый, и не для игры въ переписку пишу вамъ. Поэтому постараюсь быть тоже краткимъ, лишь-бы не въ ущербъ ясности.

Я живу во второй семьѣ. Но, Боже, во что стало это мнѣ! Въ 1-й разъ я женился по любви внезапной и страстной, на 23-мъ году жизни. Черезъ 2 года мы разошлись, безъ дѣтей и безъ извѣстны. Прошло 5 лѣтъ: я влюбился снова и попросилъ у жены, жившей въ другомъ городѣ, развода; она отвѣчала, что живетъ уже 4 года съ любимымъ человѣкомъ и имѣетъ 2-хъ дѣтей; она принимаетъ ¹⁾ вину на себя, но я долженъ признать ея дѣтей моими законными. Два года я былъ въ лечебницѣ душевно-больныхъ въ г. N., эти 2 года она безвыѣздно жила въ К.: фактъ прелюбодѣнія на-лицо—рожденіе дѣтей не отъ мужа... И этихъ же дѣтей признать законнорожденными! Я принялъ это условіе, по совѣту преосв. Никанора (Бровковича, тогда еще Уфимскаго). Сперва—случайно, а потомъ—умышленно я пропускалъ годовые сроки, установленные на споръ о законности рожденія, а затѣмъ самыми фактами дѣторожденія въ отсутствіе мужа, удостовѣренными метрич. справками и свидѣтельствами о безвыѣздномъ разномѣстномъ жительствѣ супруговъ, устанавливалъ фактъ упорнаго прелюбодѣнія жены, дающаго мужу право на разводъ, независимо отъ сроковъ на споръ о законности рожденія. Эту крючкотвор-

¹⁾ Это—любопытно: какая-же невыразимая *потребность* развода, когда онъ покушается цѣною: отдать двухъ своихъ дѣтей въ фамилію и родъ не *того, отъ кого они рождены*, хотя и оставить ихъ при томъ, отъ кого они рождены; и затѣмъ, страхъ всѣхъ имѣющихъ родиться потомъ дѣтей имѣть „не законными“ (ибо для принявшей на себя вину—бракъ запрещенъ). Но уже сколоченное, уже склеившееся и очевидное счастье новой жизни (о, отнюдь не развратъ, а нравственнѣйшее довѣріе къ второму мужу) толкаетъ несчастную всѣмъ пожертвовать, только бы не разбить и не потерять это счастье. Какова-же лютость чудовищъ, противоразводниковъ, которые и при возрѣвнн на таковую силу любви—не трогаются! Въ ихъ грудяхъ не сердце положено, а жерновыя камни. В. Р.—ъ.

скую бессмыслицу, освященную закономъ, я положилъ въ основаніе иска. И бессмыслица побѣдила здравый смыслъ! Но цѣлыхъ девять лѣтъ я толочъ лбомъ въ консисторскія стѣны. Въ Уфимской консист. (послѣ Никанора) мнѣ отказали дважды. Пользуясь закономъ о возбужденіи иска по мѣсту жит. истца, я переѣхалъ въ Астрахань: и тамъ отказали; переѣхалъ въ Полтаву: отказали; переѣхалъ въ Харьковъ—и въ Харьковѣ отказали. Надо мной издѣвались; меня считали маньякомъ; я изучалъ консисторскіе уставы—печатные и непечатные, писалъ лично оберъ-прокурору Синода и въ комиссію прошеній отчаянный письма...

По счастью, къ тому времени въ присутствіе Синода былъ вызванъ Никаноръ (тогда уже Херсонскій) — и рѣшеніе Харьк. консисторіи, отказавшей мнѣ въ разводѣ, было отмѣнено, съ надлежащимъ внушеніемъ... Произведено разслѣдованіе; ни одного свидѣтеля, ни жесвидѣтеля я не выставилъ: голый фактъ и признаніе... Результатъ: бракъ расторгнуть, а дѣти, рожденіе коихъ послужило основаніемъ къ расторженію брака, уже цѣлыхъ пятеро, признаны законнорожденными, и я ихъ внесъ, всѣхъ пятерыхъ, какъ моихъ законныхъ дѣтей, въ родословную книгу дворянъ N—ской губерніи. Повѣрите-ли: я до сихъ поръ горжусь этою побѣдою надъ нашимъ крючкотворствомъ при помощи крючкотворства-же! Стоило мнѣ это тысячъ семь ¹⁾, не болѣе... и лѣтъ 18 жизни съ плечъ долой!

Тогда, наконецъ, я женился, и теперь, на 49-мъ году, имѣю 8-ми-лѣтнюю дочку. Достигнутое съ такимъ ослинымъ упорствомъ „счастье“ длилось... цѣлыхъ 5¹/₂ мѣсяцевъ; но вотъ уже 9-й годъ мы тянемъ семейную ямку—скучную, тяжелую и мучительную, безъ просвѣта и безъ перспективы... Выхода нѣтъ: мы оба души не чаемъ въ дочкѣ, дѣлать ее нельзя и, ради ея, самимъ нельзя дѣлаться! Женихъ нѣтъ еще 30-ти лѣтъ; она могла-бы еще создать себѣ семью „непорочную“... до поры до времени. Да и самъ-то я вѣдь тоже къ непорочной семьѣ стремился, и столь цѣломудренно, что цѣлыхъ 9-тъ лѣтъ не превышалъ правъ ²⁾ жениха... для

¹⁾ Семь тысячъ расхода, и 18 годовъ свѣжей и молодой жизни „съ плечъ долой“; и вся эта гекатакомба въ жертву 5—6 строкамъ словъ о разводѣ. Въ какомъ же *предвидѣніи* они были сказаны? И какъ понятенъ вопль апостоловъ, еще евреевъ, и жившихъ въ мудромъ Моисеевомъ узаконеніи о разводѣ: „когда таковы обязанности мужа къ женѣ—то лучше не жениться“, или vice-versa: „если такъ установить разводъ—тогда люди *перестанутъ жениться*“. И затѣмъ, въ рассказанномъ случаѣ, только великодушіе человѣка спасло пятерыхъ дѣтей отъ судьбы незаконнорожденныхъ. Но „вражда къ сѣмени жены“ (Бытіе, 4), мучившая здѣсь собственно уже четырехъ человѣкъ (двѣ старыя и двѣ новыя семьи) требовала еще и пять невинныхъ дѣтскихъ жизней въ жертву. И все это черезъ посредство тѣхъ „святыхъ“ рукъ, которыя потребовали себѣ за трудъ соприотвѣленія счастью девятирехъ семь тысячъ. В. Р—а.

²⁾ Можно подумать, что потому и не сладилась новая семья, что люди

того, чтобы быть мужемъ въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ! Бываютъ трагическія коллизіи, бываютъ дьявольскія издѣвательства судьбы: а что тутъ подѣлаешь?!

Знаю я множество „законныхъ“ семей, которыя смердятъ вонью и мразью, и приведенные вами примѣры не пополнили мою лекцію; знаю и „незаконныя“ семьи: инныя—не лучше законныхъ, а инныя чистыя и непорочныя, въ которыхъ я отдыхаю отъ тревоженій жизни; и тихо дѣлается у меня на душѣ при видѣ того, что могутъ же люди жить по-человѣчески. Расторжимость семьи, утратившей чистоту, я признаю; равноправіе всякихъ дѣтей, разъ онѣ—дѣти, свободу чувства не отрицаю; выраженіе: „незаконно-рожденные дѣти“ считаю за неграмотное и бессмысленное; власть богослововъ, какъ лицъ и какъ учрежденія (т. е. собранія „человѣковъ“) надъ бракомъ („что соединено Богомъ“) я отрицаю. Но и семью внѣ религіи (т. е. внѣ Бога) не признаю за человѣческую семью, какъ не знаю и религіи внѣ семьи¹⁾.

И вотъ я опять стою одиноко лицомъ къ лицу съ тою трагическою коллизіею, которую я вамъ слегка намѣтилъ въ моемъ первомъ письмѣ, прося вашего указанія: что дѣлать? *Я индивидуальное* („der Selbst“, а не геллертерское невѣдомое „ich“) — я, съ его свободою мысли, чувства и воли (утверждаю: воля свободна — и въ этомъ отличіе человѣка, подобія Бога-Творца, отъ скотины), я съ его страстями, стремленіями и жаждою жизни — это одинъ объектъ наблюденія; другой — семья, сѣменной родъ, поработающій это я (прототипъ: жизнь полиповъ); а третій — социальный строй жизни, поработающій родъ и разлагающій семью. Тутъ очевидна какая-то страшная ошибка въ человѣческомъ домостроительствѣ; но гдѣ она? въ чемъ именно?..

„Я вопрошаю жизнь, къ ней простирая руки:
„Куда бѣжать отъ этой адской муки,
„Куда бѣжать и гдѣ пріютъ найти?!..“

Не во мнѣ лично тутъ дѣло: все человѣчество стоитъ долгіе вѣка предъ этимъ треклятымъ вопросомъ и вопрошаетъ. И отвѣты сыпятся за отвѣтами, а вопросъ все остается вопросомъ.

Десять лѣтъ ждали рѣшенія „милостивцевъ“, — и перегорѣли и сгорѣли въ ожиданіи, и ничего не осталось. В. Р—ва.

¹⁾ Ну, вотъ великія и прекрасныя слова великодушнаго и изстрадавшаго человѣка. Резюмируемъ ихъ:

Семья внѣ Бога — беззаконіе.

Религія безъ и внѣ семьи — невозможность.

Семья какъ только не чиста — расторгается.

Дѣти — всегда и всѣ законныя. „Незаконно-рожденные дѣти“ — безграмотное слово.

Этого достаточно и для установленія лучшихъ формъ семьи.

В. Р—ва.

Бѣдное, жалкое, мерзкое, подлое—и глубоко-несчастное, изстрадавшееся человѣчество, потерявшее чутье Бога!

Вашими работами на этомъ поприщѣ вы уже расчистили нѣкоторыя Аугіевы стойла нашей семейственности и общественности — и потому-то, мнѣ кажется, такъ и прислушиваются всѣ къ вашему слову... Не кажется-ли вамъ, что нынѣ вновь „исполняются времена и сроки“, что мы живемъ снова—если не въ началѣ новой эры, то по крайней мѣрѣ—въ концѣ старой? Не чуете развѣ вы, что уже носится Великое Слово надъ міромъ, что уже Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма Его не объестъ? И какъ нѣкогда возсталъ Іоаннъ Предтеча съ призывомъ къ покаянію, такъ и нынѣ великое покаянное слово уже гремитъ въ сердцахъ многихъ. Чтѣ такое вся ваша литературная дѣятельность, какъ не призывъ къ покаянію?—призывъ къ покаянію по тому пути, который вамъ представляется истиннымъ; Л. Толстой, Достоевскій и др.—тоже пророки покаянія, зовущіе на тѣ пути, иные, которые имъ кажутся истинными... „Что есть истина“—Богъ есть истина: единый истинный абсолютъ, и внѣ Его нѣтъ абсолюта, и быть не можетъ: всѣ остальные „истины“ относительны и субъективны; Богъ, познаваемый не человѣческимъ произволеніемъ, а откровеніемъ Божиимъ.

Какъ древле язычество, создавшее культъ многобожія (главный грѣхъ коего ¹⁾ не въ пантеизмѣ, а въ антропоморфизмѣ)—отъ высотъ Зевса-громовержца пало въ пропасть обожествленія Нерона и Каракаллы, и даже коня Каракалина, такъ и нынѣ псевдонаука, создавшая безбожіе, низошла до обожествленія протоплазмы; такъ нынѣ и философія, поставившая пупомъ міра свое праздное, ни на чемъ не обоснованное измышленіе—„ich“, пала до Шоенгауэровщины и Ничшіанства. Но переходящи всѣ эти неистовства, великъ же и вѣченъ Господь Вседержитель; и не „субстанція“ Онъ для міра, „бытія-ли“ или „быванія“, а *Instantia Suprema*, отъ которой вселенная—рефлексъ вѣчнаго свѣта, и предъ которою—ничтожество и мразь всѣ эти *Ueber-Mensch*'и. Мы Бога забыли, застѣнненнаго его служителями, и иные этихъ служителей почитаютъ за Бога, а иные отрицаютъ бытіе Божіе, по тому разсужденію, что эти служители—не Богъ. Мы утратили самое представленіе о Церкви („два или трие собрания во Имя Мое“) — и лишь заботимся о созданіи и благолѣпнн вещественныхъ собраний для молитвы... ежели „на окраинахъ“ — то по „добровольной“ подпискѣ. Но живетъ-ли Богъ въ этихъ „мѣстахъ собранія“, или только поживляются отъ нихъ ихъ „создатели и благодѣтели“?

¹⁾ Ну... А слова: „по образу, по подобію *Нашему* сотворимъ его“ (человѣка), — развѣ ужъ не включаютъ обратной истины: что *человѣку* есть Небесное Подобіе? В. Р.—*е*.

Уничтоживъ патріархатъ, изъ политическихъ видовъ, мы создали учрежденіе съ „расторопнымъ штабсъ-офицеромъ“ во главѣ; припомните изъ „Моск. Сборн.“ кощунственное уподобленіе нашего духовнаго вѣдомства—блудницѣ, которая, не имѣя добрыхъ дѣлъ, не кается, однако, какъ блудница евангельская, которая въ грѣхахъ своихъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ ждетъ Божія милосердія,—но нагло домогается вниманія къ себѣ и, безстыдно растопыривъ ноги, голосить на распутьи: „приди и посмотри“! Кѣмъ и ради оправданія кого и чего изрыгнута эта хула?!.. Школьный атеизмъ у насъ насажденъ не столько „отрицателями“, сколь Д. А. Толстымъ и любовно взлѣлянъ Деяновымъ (въ смыслѣ собирательномъ, конечно). Я зналъ гимназистовъ-пятерошниковъ, совершавшихъ омерзительныя гадости подѣ благолѣпное пѣніе св. Псалмовъ... Народъ, породившій такое чудовище атеизма, какъ Конст. Леонтьевъ, не можетъ быть „безвинно-страдающимъ“ народомъ, какъ учили наши народники. А сознаніе вины есть уже покаяніе.

Тѣмъ и полны живаго трепета ваши рѣчи, что каждое слово ваше идетъ до глубинъ жизни. Нѣтъ ничего легче, ничего поверхностнѣе и бесплоднѣе, какъ проповѣдь какой-либо абсолютной морали, внѣ пространства и времени. Теоріи сочинять, и даже логически ихъ обосновывать—тоже нетрудное и пустое дѣло. Но вырвать болѣчку изъ глубины зараженнаго организма и показать соотношеніе въ ней органическихъ силъ—какъ дѣлаете вы—это великая заслуга. Глубоко беретъ вашъ заступъ; но не возгордитесь этимъ, а роите еще глубже и выройте истину, *во всемъ ея объемъ*, на свѣтъ Божій.

Мыслить за другаго нельзя и нельзя другаго заставить мыслить по своему; я на это и не дерзаю. Я только передаю вамъ *мои* мысли, исполощенные *ваши* идеями.

Съ истиннымъ и глубочайшимъ почтеніемъ

имѣю честь оставаться *Геннадій Ел—евъ*

* *
*

...Каждый изъ насъ говорить про свое, про наболѣвшее, и по своему. Но точекъ соприкосновенія много, и потому чувствуется родство мысли и духа. Искренно благодарю васъ за искренность вашего письма и отвѣчаю вамъ искренностью. Разгадка простая: ничто не вѣчно подѣ луною, а тѣмъ болѣе чувство. Любили не головою, а сердцемъ, любили пламенно; но за 9-ть лѣтъ пламя не раздувалось, а угасало; *излюбились*; поддерживала настойчивость, честолюбіе—добиться цѣли; обманывало—желаніе обладать и дать сѣмя роду. И вотъ, когда все достануто—чувство погасло. Приготовили одну котлетку и загасили огонь на очагѣ. Не гасили, а дотлѣлъ самъ и погасъ!.. Мнѣ больно писать лично о себѣ, и не привыкъ я... Я уже разрѣшилъ вамъ воспользоваться

матеріаломъ моихъ писемъ, но съ соблюденіемъ полнѣйшей анонимности мѣсть и лицъ. Знаете, что я себѣ ставлю въ единственную заслугу во всей этой трагикомедіи: что я не заклалъ „незаконно-рожденных“, хотя и легко было это сдѣлать. Единственный благой результатъ 9-ти-лѣтней муки и мытарствъ—узаконеніе этихъ дѣтей! А то вѣдь—просто безцѣльное преступленіе вышло-бы!

Съ вашимъ талантомъ и проникновенностью,—ваша прямая *обязанность* написать критику на „*Fécondité*“ Зола. Давно уже не было писано такой умной и глупой, такой подлой и честной, такой ясной и сумбурной, такой нужной и негодной книги! Вашъ

Геннадій Ел.—евъ.

Юридическая ткань около семьи.

I. Дети при возможном разводѣ.

Еще разъ взвѣсимъ хирургическое леченіе больной, загнившей семьи, извѣстное подъ именемъ „развода“. Вѣковое ученіе о томъ, что семья, въ которую уже вошелъ грѣхъ, вошла злоба и взаимное отвращеніе родителей, не можетъ быть расторгнута—это ученіе ссылается обычно на интересы ребенка. Въ общемъ соглашаются, что разводъ,—и безъ тѣхъ отяготительныхъ подробностей, какими онъ теперь сопровождается,—есть единственное средство очищенія и оздоровленія семьи. Но на пути его стоитъ колыбель. „Она такъ трогаетъ, такъ мутитъ сознаніе. И люди, и законодатели теряются передъ нею“. Въ концѣ-концовъ, однако, начинаютъ видѣть, что именно интересы-то колыбели и требуютъ развода, ибо ребенокъ нуждается не столько въ физическомъ пропитаніи, сколько въ здоровой и чистой вокругъ себя атмосферѣ семьи. Не давая развода, мы только углубляемъ растлѣніе семьи; напротивъ, хирургически раздѣливъ родителей, между которыми все нравственное умерло, мы порознь cadaго изъ нихъ очищаемъ, оздоравливаемъ. Открывается честное вдовство, совершенно такъ, какъ и при физической смерти котораго-нибудь родителя. Но, далѣе: въ ссылкахъ на дѣтей есть нѣкоторое явное притворство противниковъ развода. Вѣдь, теперь, т. е. уже вѣка, не разводятся вовсе не тѣ только семьи, въ которыхъ есть дѣти: не разводятся всякія семьи, бракъ вообще не расторгается, даже когда онъ бездѣтенъ. Эта важная подробность указываетъ, что вовсе не интересъ дѣтей, вовсе не интересъ мужа и жены, а что-то *третье* стоитъ камнемъ преткновенія на пути къ разводу. Далѣе, ищутъ развода не тѣ вовсе семьи, которыя не очень согласно живутъ, а тѣ, которыя совершенно развалились и похожи на зданіе, въ которомъ крыши нѣтъ, а стоятъ только остатки сложенныхъ стѣнъ. Вопросъ идетъ о семьяхъ, фактически разлучившихся, гдѣ отецъ и мать годы не живутъ другъ съ дру-

гомъ, а дѣти, если они есть, живутъ все равно при которомъ-нибудь одномъ изъ родителей, не видя другого. Въ этомъ случаѣ также не дается развода, и это есть тотъ случай, когда просто одинокому человѣку семья запрещена, а не запрещена только проституція. Вопросъ и сводится къ борьбѣ инстинкта семьи, которымъ постоянно живетъ человѣкъ и хочетъ непрерывно жить, съ подневольной проституціей, которая ему указывается, въ замѣнъ семьи, какъ нѣкій ея корелативъ, какъ замѣна.

Семьи вы хотите или проституціи?

— Проституціи! отвѣчаютъ противники развода.

На этой почвѣ и будемъ стоять. Съ нея я отнюдь не хочу сходить. Нѣтъ закона, который препятствовалъ бы человѣку предаваться разврату; и за развратъ никакое наказаніе человѣка не преслѣдуетъ. Положеніе дѣла таково, что человѣкъ встрѣчаетъ неодолимое препятствіе къ жизни въ законномъ и честномъ бракѣ, котораго онъ проситъ (при умершемъ фактически прежнемъ бракѣ) и котораго ему не даютъ; а когда инстинктъ семьи въ немъ преодоливаетъ страхъ наказанія, и онъ, не получивъ вѣнчанія, образуетъ и безъ него семью, дѣти его поступаютъ въ реестръ „незаконнорожденныхъ“, т.-е. у него въ сущности дѣти отнимаются. Вотъ о которыхъ „дѣтяхъ“ слѣдовало бы поплакать людямъ, „брегущимъ семью“ въ томъ печальномъ случаѣ, когда ея уже давно фактически нѣтъ. Такимъ образомъ, величайшее и утонченное наказаніе лишенія правъ на дѣтей постигаетъ человѣка просто за отвращеніе къ распутству и за склонность къ семейной жизни; напротивъ, ни что не снимаетъ съ него честнаго имени, если онъ пользуется проституціей. Это чудовищно-ложное положеніе, котораго мы не замѣчаемъ только потому, что всѣ и давно въ него поставлены и что „на людяхъ смерть красна“,— и должно составить предметъ обсуждения. На это положеніе дѣла давно пора обратить вниманіе государственнымъ учрежденіямъ, на рукахъ которыхъ лежитъ отвратительное гноище проституціи, и они недоумѣваютъ, откуда все растетъ такое сокровище. Да оно и растетъ отъ того, что не урегулировано семейное (брачное) право и что въ тысячъ случаевъ человѣкъ сбрасывается въ проституцію, сбрасывается подневольно, и наконецъ отъ того еще, что бракъ пугаетъ просто не отдѣленностью своею отъ разврата. Дѣло въ томъ, что совершенно не разрушима только номинальная, паспортная сторона брака: напротивъ, человѣкъ можетъ сгнить въ этой паспортной оболочкѣ, онъ можетъ предаваться какому угодно разврату, а все-таки развода онъ не получитъ. Такимъ образомъ, пикантная и остроумная сторона нормъ брака заключается въ узаконеніи какъ полиандріи (не доказанной только, да и какъ ее доказать въ вѣкъ гостиницъ, театровъ и крѣпкихъ замковъ?) для „смирномудрыхъ“ мужей, несущихъ развратъ жонъ, такъ и

политамин для женъ, тоже „смиреномудрыхъ“, которыя терпятъ любови мужа и взятыя на глазахъ жены любовницы въ домъ. Этого „бракъ вразсыпную“ (разъездъ безъ развода) и „бракъ съ пріятелями и пріятельницами“ и произвелъ то отвращеніе къ нему, то омерзеніе всякаго порядочнаго и честнаго человѣка, которое вызвало нынѣ столь широко замѣчаемое равнодушіе къ семьѣ, не желаніе жениться и угасаніе семейнаго инстинкта. Проборовшись въ бракъ съ формой совершенно ложной, семья умираетъ. И вотъ это-то страшное ея умираніе и вызвало всеобщій лозунгъ: разсмотримъ положеніе семьи, разсмотримъ препятствія къ семьѣ, разсмотримъ ея очистительныя пути, которыя закупорены, и эта закупорка загоняетъ внутрь семьи грѣхъ, пороки и преступленіе.

Объ этомъ время подумать государству, для котораго семья есть первый устой его собственной прочности. Семья чиста — крѣпко и государство. Но если семья загнила, или, точнѣе, если въ бракахъ бытія своего она поставлена въ нездоровое положеніе,—государство всегда будетъ лихорадить тысячею неопредѣленныхъ заболѣваній. И вотъ почему, имѣя долю своего огромнаго участія въ семьѣ, оно можетъ пожелать и въ правѣ пожелать разсмотрѣть, что гноитъ этотъ основной социальный институтъ.

«Нов. Вр.», 1900.

II. Укрѣпленіе семьи.

Мы получили и получаемъ много частныхъ писемъ относительно развода, — писемъ, иногда рассказывающихъ длинныя семейныя исторіи и которыя то исполнены мольбы о разводѣ, то страха передъ разводомъ. Такъ или иначе, вопросъ очевидно жгучъ, и онъ практически жгучъ. Намъ пишетъ мужъ, который десять лѣтъ живетъ въ несчастномъ бракѣ, но не считаетъ возможнымъ его расторгнуть, потому что есть дочь, которую равно любить его жена и онъ. Отъ одной женщины ¹⁾ мы получили письмо, выступающее принципиальныя возраженія противъ развода.

Ея возраженія—возраженія очень серьезной женщины. Письмо дышетъ пессимизмомъ и видитъ надежду семьи во внѣшней сплоченности ея членовъ, въ неразрывности узъ, а не въ томъ, чтобы предупредить самое желаніе ихъ разорвать и не въ разсмотрѣніи естественныхъ скрѣпленій, которыя держатъ даже мало любящую и мало счастливую семью все-таки въ цѣлости. Первое письмо ²⁾, на которое мы сослались, гдѣ отецъ высказывается противъ развода, потому что хотя онъ и несчастенъ въ семьѣ, но любить дочь, отвѣчаетъ на излишнюю тревогу г-жи Ю. Б.—вой.

¹⁾ Г-жи Ю. Б-ной. См. выше, стр. 90 и слѣд.

²⁾ См. выше письма г. Геннадія Ел—ева, стр. 88 и слѣд. и стр. 93.

Посмотрите на замерзлую рѣку осенью. Вода—мертвая стихія и казалось бы она должна замерзнуть гладкою, какъ стекло. Но наблюдение показываетъ, что во множествѣ точекъ торчатъ углы, бугры, гдѣ лёдъ смерзнулся уродливо и не прямо. Можно-ли ѣздить по немъ, не сравнивая этихъ угловъ, ямъ, реберъ, выпершихъ кверху льдинъ! Что живое не болѣетъ?! Но все болѣющее лечится, и дурна та страна, которая пренебрегаетъ леченіемъ. А вѣдь въ вопросахъ семьи и брака мы принципиально отказались отъ леченія, говоря: „уладится какъ-нибудь“ даже о такихъ случаяхъ, гдѣ мужъ вбиваетъ жену въ могилу или жена начинаетъ подсыпать мужу порошки. Мы убѣгаемъ отъ идеи развода только тѣмъ, что закрываемъ глаза на дѣйствительность, „не видимъ“, „не смотримъ“. Но нужно именно видѣть, нужно смотрѣть, да и разсмотрѣть какъ вообще весь вопросъ о разводѣ, такъ и тысячи единичныхъ случаевъ несчастно, неправильно и наконецъ преступно сложившихся и текущихъ семей. Мы ничего другого не хотимъ сказать кромѣ: „здѣсь нужно начать думать“. Хороши были бы отношенія собственности, если бы не было коммерческихъ судовъ, если бы не было вексельнаго устава. Но въ неизмѣримо болѣе важной сферѣ семьи мы имѣемъ въ сущности пять строкъ: „живите согласно, а если одинъ изъ васъ совершитъ прелюбодѣяніе въ присутствіи двухъ свидѣтелей, то другая сторона получить разводъ съ правомъ замужества или женитьбы“. Согласитесь, что это слишкомъ коротко. Все дѣло въ беззаботности (закона), а нужно приложить заботу, на чемъ мы и настаиваемъ. Какъ организовать эту задачу, объ этомъ можно и слѣдуетъ годы, десятилѣтія думать; важно начать—и тогда мы какъ-нибудь что-нибудь сдѣлаемъ, а то вѣдь въ сферѣ семьи и брака мы именно принципиально отказались что-нибудь начинать. „Болитъ ли кто изъ васъ—болѣй; уродливъ ли—оставайся уродомъ“, вотъ единственная медицина и хирургія, которую мы имѣемъ и которую нельзя не назвать слишкомъ деревенской медициною. Авторъ письма совершенно не задается вопросомъ: да чѣмъ же фактически (а не юридически) въ настоящее время семья обезпечивается въ какой-нибудь чистотѣ, предупреждается отъ разврата которой-нибудь одной стороны? Онъ называетъ „безъ вины флиртъ началомъ распадѣнія семьи“,—но вотъ флиртъ удлинился, есть вина, наконецъ жена уѣзжаетъ отъ мужа, переѣзжаетъ къ другому, третьему, четвертому, и отъ всѣхъ рождая дѣтей записываетъ ихъ на имя перваго, ея брошеннаго мужа! Картина, которою г-жа Ю. Б.—напугаетъ въ будущемъ, есть изображеніе не будущаго, а настоящаго времени. Такая женщина все-таки передъ закономъ не виновна, а по смерти мужа (перваго изъ четырехъ) является въ казначейство получать пенсію „до совершеннолѣтія его законныхъ (отъ троихъ постороннихъ людей) дѣтей“. Согласитесь, что положеніе вещей,

доросшее до такой разительной чудовищности, до такого совершеннаго смѣшенія самимъ закономъ „брака“ и „разврата“, требуетъ поправокъ.

Поистинѣ, если бы такъ доктора относились къ больнымъ, не было бы у нихъ выздоравливающихъ, а только умирающихъ. Семья и стала очень похожа на „умирающаго“. Авторъ не оспариваетъ кореннаго нашего утвержденія, что настоящее отсутствіе развода приводитъ къ уничтоженію разграничительной линіи между „семьею“ и „не семьею“, „бракомъ“ и „развратомъ“. Думаетъ ли онъ, что такое смѣшеніе не опасно? Онъ спрашиваетъ: „чѣмъ же отличить порядочную женщину отъ непорядочной?“ И мы спросимъ: „чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ отличить?“ При облегченномъ разводѣ онѣ отдѣлятся и вышедшая четвертый разъ замужъ такъ и будетъ имѣть надпись своего настоящаго положенія, тогда какъ теперь жена, промѣнявшая трехъ на четвертаго, есть „первая и единственная законная жена такого-то“, хотя бы она именно смѣнила четыре квартиры и поведеніе ея было извѣстно акушеркамъ и знакомымъ. Теперь только общество осуждаетъ такихъ женщинъ, но законъ ихъ не осуждаетъ. При разводѣ общество получило, бы помощь закона: „ты—четвертая и именуешься четвертою“. Трудно представить себѣ мужчину, который, увидавъ въ паспортѣ прописку о трехъ мужьяхъ, захотѣлъ бы вписаться къ нимъ четвертымъ. Но теперешнее положеніе, которое можно назвать „игрою въ темную“, тѣмъ и ужасно, что никому неизвѣстно, гдѣ кончается одно-мужіе и гдѣ начинается много-мужіе.

Есть совершенно простые и совершенно твердые способы отдѣлить, какъ выражается авторъ, „совершенно негодныхъ для брака людей“. Таковъ каждый рѣзко и грубо пренебрегшій своими обязанностями отца, матери, жены, мужа. Оставленіе семьи, покушеніе на жизнь и наконецъ постоянная связь съ другою или съ другимъ—все это есть достаточная причина кассациі брака.

Въ заключеніе одна историческая справка. Извѣстно, какое отвращеніе римляне время республики питали къ разводу, съ какимъ страхомъ и какъ поздно они его начали давать. Нужно замѣтить, что для здоровья семьи очень важно наблюдать, чтобы не дать разводъ въ слишкомъ (исторически) поздній фазисъ семьи, когда она уже разложилась и разводъ приходитъ запоздалымъ и бессильнымъ леченіемъ. Отсутствіе развода въ Римѣ открыло эру такихъ „семейныхъ нравовъ“, что пришлось разводъ дать. Но, мы сказали, все пришло слишкомъ поздно. Разводомъ воспользовались не какъ средствомъ здоровья, но какъ способомъ увеселенія. Напротивъ, разводъ безусловно свободенъ у евреевъ еще со времени Ниневіи и Вавилона и семья у нихъ очень прочна и чиста. Ничего не слышно о гибели семьи и у турокъ или у татаръ, хотя у нихъ также совершенно свободенъ разводъ. Вообще

важно, чтобы разводъ палъ на сколько-нибудь способную къ выздоровленію почву и тогда онъ оживитъ, но понятнo трупа онъ не воскреситъ. Мы пошли и успѣшно идемъ по пути очень легкихъ семейныхъ нравовъ и вотъ почему намъ медлить и откладывать съ разводомъ опасно. Тутъ нечего довольствоваться архаическими наивностями какого-нибудь „Любушинаго суда“, который очень напоминаетъ теперешній судъ о бракѣ, — а нужно позаботиться о болѣе зрѣлой мудрости.

•Нов. Вр., 1900.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

V. Еще о *separation de corps*.

Въ предъидущемъ письмѣ своемъ я выразила очень ясно свою мысль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ совмѣстная жизнь супруговъ можетъ сдѣлаться невыносимой для нихъ, тяжела и вредна для дѣтей, вслѣдствіе чего полезно и даже необходимо допускать ¹⁾ отдѣльное жительство (французское *separation de corps*); но не разводъ, разрѣшающій вступленіе въ новый бракъ ²⁾, при живомъ мужѣ или женѣ ³⁾. Живя съ однимъ изъ родителей, дѣти не будутъ свидѣтелями тѣхъ тяжелыхъ семейныхъ сценъ, о которыхъ такъ скорбятъ сторонники разводовъ. Далѣе, средствомъ удержать отъ распадѣнія семью не только юридически, но и нравственно, можетъ послужить лишь измѣненіе воспитанія молодого поколѣнія, и особенно дѣвочекъ, на что я и указывала въ моемъ первомъ письмѣ. Допустимость разводовъ между евреями со временъ библейскихъ только потому не увеличила ихъ числа, что все же

¹⁾ Да что вы за инстанція, „допускающая и не допускающая“? Удивительна эта закоренѣлая привычка разсуждающихъ о бракѣ, въ печати или въ законахъ, принять осанку, принять сановитость, и начать вѣщать: „допускаю“, „не допускаю“. А гдѣ же право „сотворенныхъ мужемъ и женою“ Адама и Евы и вообще всякой четы (*Бытія*, 2, *Маттея*, 19)? *В. Р. съ.*

²⁾ А разрѣшающій что-же?... внѣ-брачное сожительство? пользование проституціей? Въдѣ фактически вы не имѣете силъ предупредить ни одно, ни другое. И закрываетесь фиговымъ листкомъ притворнаго невѣдѣнія: „Я не вижу“ („не смотрю“, „не хочу смотрѣть“) и слѣдовательно *тотъ*“. *В. Р.—съ.*

³⁾ Почему „при живомъ“? Живъ *мужчина*, живъ *человекъ*, чиновникъ, воинъ, *гражданинъ*, но не живъ онъ какъ *мужъ*, ибо прервана съ нимъ „плоть единая“ и слѣд. все брачное умерло. Считать „мужьями“ и „членами“ семьи или брака такихъ отдѣленныхъ отъ ложа и стола *тѣхъ* самосъ и *тѣхъ* самосъ есть возмутительное введеніе въ бракъ идеи *фактическаго брака*, т. е. суммы формъ безъ всякаго содержанія. *В. Р.—съ.*

на нихъ смотреть очень строго ¹⁾ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда причиной служить *не безплодіе женщины*. Это единственно, что не ставится ей въ упрекъ, но даетъ мужу безусловное право требовать развода. Развестись еврейкѣ дѣйствительно легко, но выйти послѣ этого вторично замужъ *очень трудно* ²⁾. Затѣмъ, между евреями, кромѣ самыхъ малыхъ исключеній, при миллионныхъ состояніяхъ, не существуетъ праздныхъ женщинъ, а этимъ *почти* все сказано. На мои доводы мнѣ говорятъ, что нельзя требовать отъ людей, созданныхъ изъ крови и нервъ, чтобы они перестали быть людьми, отрѣшившись отъ своихъ страданій и всецѣло отдались служенію идеѣ, а мнѣ кажется *для этого* именно надо быть только людьми, но не животными. Еслибы люди нѣсколько вѣковъ тому назадъ отказывались жить для идеи, то не было бы теперь всей нашей цивилизаціи. Сколько лучшихъ людей жертвовали своей личной жизнью за идею? Въ томъ же, что я говорю, нѣтъ и этой жертвы, такъ какъ жизнь для моего собственного ребенка, для этой плоти и крови, не есть отказъ отъ личной жизни, а только ея духовное продолженіе. Въ этомъ случаѣ страдаетъ одна чувственно-животная ³⁾ сторона, отказаться отъ которой совсѣмъ уже не такъ трудно ⁴⁾ для честной ⁵⁾ жен-

¹⁾ Фактическая ошибка. „Мужъ можетъ потребовать развода, не объясняя другихъ причинъ, кромѣ того, что у жены дурно пахнетъ изо рта“, рѣшилъ свѣтло еврейства, кроткій Гиллель (около Р. Х.). Конечно, мудрые раввины хорошо понимали, что если мужъ любить жену—то онъ не пожалуется на дурной запахъ у нея изо рта, а перенесетъ даже и побои отъ нея (terribile dictum!). А если нѣтъ любви, то какъ вы ни запрещайте разводъ,—ничего кромѣ разврата въ бракъ не будетъ... В. Р—съ.

²⁾ Опять фактическая ошибка. Я разспрашивалъ объ этомъ и знаю, что преспокойно выходятъ разводки. Да и вообще разведенная жена не менѣе привлекательна, чѣмъ совершенно невинная дѣвушка, что видно изъ того, какъ часто замужнія женщины внушаютъ къ себѣ глубокую страсть (япр. Вирсавія, Лукреція). В. Р—съ.

³⁾ Ну, вѣхала... В. Р—съ.

⁴⁾ Да что вамъ за дѣло, „трудно“ или „не трудно“. Просто—не хочеть, и конецъ вашей реторикѣ, ибо „не хочеть“—то она во исполненіе заповѣди: „раститесь, множитесь, *наполните* землю“. На землѣ есть уголокъ пустой, квадратикъ незанятый, и женщина, вдова, „разведенная“ говоритъ: „хочу его наполнить дѣтьми моими“, и для этого сблизается съ мужемъ, и благословеніе Божіе надъ ней. Но у насъ какаго адская злоба или декадентская эстетика: пусть земля пустуетъ, а женщина не съ дѣтьми возится, а съ портнихами, сплетнями, учеными книгами. Но мы ни книгъ, ни даже портнихъ не отрицаемъ, а только пусть идутъ впередъ—дѣти, „тѣхъ бо Царствіе Небесное“. В. Р—съ.

⁵⁾ Вотъ, вотъ. Какъ только не по нашему закону, такъ „не честная женщина“. И этимъ—то позоромъ, крикомъ, атуканьемъ, выпускаемъ стаи злыхъ словъ и заставили женщину поникнуть головою, и отступить отъ своего права, и бросить дѣтей, и выйти изъ подъ закона Божія—подъ вашъ человѣческой, продиктованный „г-жею Б.“ „кн. Маріей Александровной“, Сперанскимъ, или творцами византійскихъ „Кормчихъ книгъ“. В. Р—съ.

щины; я думаю, что женщина, прожившая восемь, десять лѣтъ замужемъ и имѣющая трехъ, четырехъ дѣтей, не можетъ сказать, что ей навязываютъ тяжелую роль весталки, если разрѣшить жить отдѣльно отъ мужа, но запретить *свою* ¹⁾ выходить замужъ. Рамѣ же такого срока очень рѣдко возникаютъ вопросы о разводѣ, а потому и говорить о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ нельзя въ общемъ правилѣ. Что касается одной практической стороны вопроса, указанной также въ вышеупомянутой статьѣ, чтобы чужія дѣти не могли получать пенсію за фиктивныхъ отцовъ, то для этого надо прибѣгнуть просто къ административной мѣрѣ, измѣнивъ правило выдачи метрическихъ свидѣтельствъ. При крещеніи ребенка таковое свидѣтельство должно выдаваться исключительно его законному отцу, а въ случаѣ его отсутствія—лишь при представленіи его личной просьбы о выдачѣ матери ²⁾. При невыполненіи же этихъ двухъ условій вписывать ребенка хотя бы и замужней женщины „незаконнымъ и родившимся отъ неизвѣстнаго отца“ ³⁾. Мой оппонентъ напрасно думаетъ, что кто либо изъ мужчинъ остановится передъ тѣмъ, чтобы быть вписаннымъ четвертымъ мужемъ. Я увѣрена, что эта ариеметика не устрашитъ ни тотъ, ни другой полъ. Нельзя намъ, при нашемъ нравственномъ неряшествѣ ⁴⁾, давать право легкаго развода, какъ нельзя давать ребенку огня

¹⁾ Руевъ, будучи очень счастливою женою, потомъ вышла за Вооза и стала одною изъ пра-матерей Давида и нашего Спасителя. Научитесь изъ сего, что никому и никогда не поздно выходить замужъ, не поздно и жениться (знаменіе Авраама). Только одного бѣгите—одиночества, унынія; бѣгите тоски сердечной. В. Р.—сз.

²⁾ Это очень просто и мудро. Теперешнія метрики прямо представляютъ государственное и религіозное покровительство семейному разврату, именно—прелюбодѣянію женъ и ихъ полному мужьямъ непослушанію. Впрочемъ, при закрытіи (запрещеніи, затрудненіи) развода и мужья же были какой-нибудь исходъ несчастнымъ, иначе число повѣшенныхъ и повѣсившихся было бы еще больше въ христіанскомъ мірѣ, тѣмъ теперь. „Васъ заставляютъ насильно отдаваться, съ горькой мяной любви при фактѣ отвращенія: ну, пусть слабы уже погибаютъ, а кто силенъ—бѣгите“, вотъ молчаливая тенденція этого правила о метрическихъ записяхъ, ихъ не выставленный *raison d'être*. В. Р.—сз.

³⁾ Вообще это мудро и такъ справедливо, что невозможно возразить. Но и по Ветхому и Новому завѣту, когда такъ явенъ фактъ прелюбодѣянія—конечно долженъ быть данъ разводъ. И онъ долженъ быть данъ предварительно, дабы „зачинаемый не отъ мужа младенецъ“ былъ уже „зачатъ отъ мужа“. Вообще идея чистаго брака абсолютно исключаетъ мысль и фактическую возможность зачатія „не отъ мужа“ или „не отъ жены“, и посему-то и требуется, чтобы разводъ лежалъ въ рукахъ и власти мужа и жены, дабы предупредить прелюбодѣяніе. В. Р.—сз.

⁴⁾ Да неряшество-то откуда? И теперь любящая семья, у насъ, у русскихъ, не уступаетъ въ святомъ цѣломудріи ни римлянамъ, ни евреямъ. Но много-ли ихъ? А почти нѣтъ ихъ—потому, что не любовь вы поставили фундаментомъ брака. В. Р.—сз.

въ руки ¹⁾. Мы еще для этого слишкомъ молоды ²⁾ и не сумѣемъ обращаться съ нимъ осторожно. Ни въ одной европейской націи нѣтъ той шаткости нравственныхъ устоевъ, какъ у насъ. Въ семейной жизни англичанки, нѣмки, французенки есть у каждой своя опредѣленная система, въ русской же семьѣ одна безалаберщина. Что хочеть сдѣлать русская мать изъ своихъ дѣтей— она сама не знаетъ, и растутъ эти дѣти, какъ трава. Попадаютъ они случайно подъ хорошее чужое вліяніе, или подъ дурное, смотря почему выходятъ люди лучше и похуже, но матери тутъ рѣшительно ни причеъ (говорю о большинствѣ, исключенія конечно есть). Домовитости въ теперешней русской женщинѣ также нѣтъ совсѣмъ во всѣхъ классахъ общества. Къ гнѣзду своему, въ противоположность женщинамъ всѣхъ другихъ европейскихъ національностей, она относится съ полнымъ равнодушіемъ ³⁾; что же будетъ тогда, когда, выходя замужъ, она не будетъ считать, что это есть ея гнѣздо *навсегда* ⁴⁾? Довольно, что мы по своей *небрежливости* дошли до того, что не знаемъ, по словамъ моего оппо-

¹⁾ Ну, и не дали, не давали 1.000 лѣтъ. Что-же получилось? Полное *омертвеніе* семьи, семейной жизни въ странѣ. „Сильная любовь — какъ смерть,“ это еще Соломонъ сказалъ. Отъ того она всѣ узы перетираетъ. Но вы изуродовали ея цвѣтокъ, онъ оборванъ, испачканъ, а могъ бы цвѣсти и благоухать. В. Р—с.

²⁾ Ну, проживя-то тысячу лѣтъ... Старая это сказка. Мы *неразвиты, неучи*, но вѣдь мужикъ до старости неучъ. В. Р—с.

³⁾ Да, когда не любимое это гнѣздо, вами столь охраняемое. А посмотрите-ка на любящія русскія семьи: не уступятъ, а можетъ быть превзойдутъ и нѣмокъ, и англичанокъ. Любящая русская женщина какъ тигрица у изголовья усталого мужа и у постелекъ невинныхъ дѣтей. Видаль русскихъ матерей и женъ и на *фактъ*-то ихъ и строжъ восклицаніе: „все будетъ спасено ими, но *сперва спасите ихъ! не мучите!!* же смотрите какъ на *безправную-рабу* передъ вашими закононачертаніями!!!“ О всѣмъ выпросите ихъ самихъ съ любовью и вниманіемъ. Да и такъ Господь велѣлъ! Иадъваться надъ женщиной, которая по силамъ физическимъ есть между нами тоже, что ребенокъ между взрослыми, никто не позволить. В. Р—с.

⁴⁾ Конечно, нужно какъ жениться, такъ и выходить замужъ съ идеей „навсегда“. Но органическое отъ механическаго тѣмъ и отличается, что въ органическомъ присутствуетъ „не извѣстное“, „не усчитываемое“, не рациональное; „благодать, вѣра и свобода“, перелугая живые термины на евангельскіе. Вотъ они-то дѣйствуютъ, преодолевая наше соизволеніе „на всегда“ и обращая его во временное. Да и вотъ аргументъ: а сколько въ каждую минуту, положимъ въ сегодняшнюю среду, уже зрѣеть и дозрѣло преступниковъ уголовныхъ (тайныхъ и явныхъ) и вмѣстѣ людей женатыхъ. Что-же, „единиться“ съ ними женами? и притомъ женами, ни душою, ни тѣломъ къ уголовщицѣмъ не склоннымъ? Знаете-ли, что есть мужья, которымъ *преступно оставаться отрывомъ женою*; и есть жены, которымъ *преступно оставаться отрывомъ мужемъ* (по ихъ скарденности, скверности, лживости, пустомыслию, какому-то душевному безбожію). И повѣрьте, что распаденіе брака, уже до развода начавшееся, имѣетъ мистическія и религіозныя основанія. Гдѣ

нента, гдѣ кончается одномужье и начинается многомужье, но не будемъ же по крайней мѣрѣ санкціонировать это закономъ ¹⁾.

Ю. Б—на.

VI. Колыбель ²⁾.

Это слово пробуждаетъ нѣжность въ самомъ черствомъ сердцѣ. Вокругъ колыбели нарастаетъ семья со всѣмъ, что въ ней кроется творческаго. Надъ колыбелью царить рой ангеловъ. Колыбелью влѣются, колыбелью обновляются, къ подножію колыбели складываютъ и миръ, и золото, и благовоніе. Ни что такъ властно и нѣжно не связываетъ насъ съ церковью, съ христіанствомъ, какъ колыбель: изъ колыбели выросло христіанство.

Сила и обаяніе колыбели во всѣ времена и у всѣхъ народовъ такъ велики были, что самъ Христосъ воспользовался этой силой, чтобы вѣрнѣе, прямѣе попасть въ сердца людей. Онъ снизошелъ до колыбели. Мнѣ кажется, что если бы Онъ явился во всеоружіи величія, какимъ ушелъ, Онъ оставилъ бы больше нѣмага благоговѣнія къ себѣ, чѣмъ активной, напѣвающей райскія пѣсни, любви. Своей дѣтской беспомощностью, этими крохотными ручками, ножками, этими наивными, широкими, небо поглотившими глазами, Онъ завоевалъ сердца людей раньше, чѣмъ проповѣдью своей. Онъ подготовилъ себѣ почву. На меня образъ Христа-младенца, Христа-крошки сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ образъ Христа-Страдальца. Этотъ дѣтскій наивный ликъ больше любви и ласки выжимаетъ изъ сердца, чѣмъ тѣнь окровавленнаго, распятаго Христа-Бога.

Есть двѣ величайшія картины христіанской эры: Сикстинская Мадонна и картина Христова распятія. У первой простаиваютъ часами, днями. Чѣмъ больше на нее смотришь, тѣмъ она понятнѣе, милѣе, дороже. Хочется прижать къ сердцу этого малютку съ всклокоченной головкой, но его глаза—что за глаза!—удерживаютъ. Эти глаза изъ *того* міра; но это все, что Онъ принесъ *оттуда*. Слабое, крошечное тѣлце и глаза Бога! Они покоряютъ. Они прижиряютъ тотъ человѣчскій, немного страстный, немного даже физическій восторгъ къ прелестному ребенку, съ безграничнымъ духовнымъ трепетомъ передъ осязаемымъ Богомъ. Если бы эта

Богъ не устроилъ „въ плоть едину“, значить—и не устроима вовсе „единая (мистически) плоть“. И тутъ закону, рациональному и внѣшнему, надо только покориться высшей мистикѣ. В. Р—ль.

¹⁾ Да какъ же все это безъ развода съѣдаете? Вгоните внутрь? Смилите *смыслу* многомужья? Что въ томъ, что безъ выѣски—вѣдь вонять все равно будетъ. А нужно и можно изъ самой жизни вымести дурной запахъ. В. Р—ль.

²⁾ Статья эта всего лучше и очерпываетъ вопросъ о *дѣтяхъ* при разводѣ, ставимый моими оппонентами. В. Р—ль.

картина возбуждала въ отдѣльности каждое изъ этихъ чувствъ—любовь человѣческую или поклоненіе Богу, она не стала бы безсмертной: она безсмертна потому лишь, что передала величайшій моментъ и христіанства, и человѣчества—колыбель. А моментъ этотъ отозвался содружественнымъ эхомъ въ каждомъ сердцѣ человѣческомъ, гдѣ любовь къ Богу всегда вызываетъ любовь къ дѣтямъ и наоборотъ.

Я не помню, кто авторъ картины распятія Христа. Технически она выполнена не хуже Сикстинской Мадонны. А между тѣмъ, она не вызываетъ въ душѣ гармоніи и не примиряетъ чувствъ: скорби и любви. Скорбь (жалость) и любовь, вообще, рѣдко уживаются рядомъ: обыкновенно жалость вытравляетъ любовь уже потому, что жалость есть родъ страданія („до боли жалки“). Картина распятія Христа не пробуждаетъ во мнѣ ни любви, ни смиренія, ни прощенія. Напротивъ! Выростаетъ протестъ. Казнь Христа напоминаетъ мнѣ о казняхъ, которыми усыяна жизнь—несправедливыхъ, жестокихъ. Дѣлается жутко, мрачно. Я не чувствую и не могу понять, почему *нужно* страдать и умереть, чтобы познать истину. Тогда какъ у Сикстинской Мадонны я вижу и чувствую, что стоитъ родиться и жить, и дать жизнь потомству, чтобы совершить шагъ къ Богу. Каждая новая жизнь вливаетъ вѣдь въ міръ каплю *новой* любви:—гдѣ-нибудь вѣдь радуются же этой новой колыбелькѣ.

Всякая новая жизнь—новая связь земли съ небомъ. Вотъ почему выше колыбели (начала жизни) ничего нѣтъ и Христосъ не опровергъ ¹⁾ этой истины даже смертью своей, потрясшей и скалы, и горы, и сердца людей...

* * *

Великая творческая и примиряющая съ жизнью сила дѣтской колыбели не въ томъ только заключается, что она размягчаетъ сердца и наращиваетъ вокругъ себя семью, а и въ томъ—что она единстворяетъ собой единственный воплощенный на землѣ видъ правды. Нѣтъ другой абсолютной правды на землѣ, какъ дѣтская правда. Дѣти—это бросающыя съ неба въ человѣческую муть хрустальные капли, которыми дано намъ не только духовно, но физически упиваться.

(1) Есть какое-то противоборство, *опроверженіе* другъ друга, между громомъ и колыбелью, рожденіемъ и смертью, въ послѣдней инстанціи—между Вилеиномъ и Голговою. Но въ этомъ взаимномъ „опроверженіи“ которая сторона шире, разрисована ярче—та и побѣждаетъ. *Физиологическая*,—пока: рождающихся больше, чѣмъ умирающихъ,—*иногда* за рожденіемъ; но нельзя не обратить вниманія, что въ Евангеліяхъ страданія и смерть І. Христа шире и ярче выражены и сильнѣе поражаютъ сердце человѣческое, нежели Рождество Христово. В. Р.—вз.

Общеніе съ ребенкомъ очищаетъ душу, а прикосновеніе къ нему вызываетъ у матери и отца усиленный токъ кровообращенія, отъ котораго, какъ отъ свѣжаго воздуха, отъ гимнастики, вырастаютъ физическія силы. Кусокъ мяса грѣтъ душу и плоть, какъ радостная вѣсть, какъ лучъ солнца. И все это только потому, что въ немъ—воплотившаяся Божественная правда, что у колыбели никогда не было, нѣтъ и не будетъ мѣста лжи. Могутъ быть нищета, горе, позоръ, стыдъ—но не ложь! Рожденіе ребенка можетъ усложнить жизнь, стиснуть ее, вызвать къ борьбѣ разные низменные инстинкты,—но никогда не замутитъ ее. Если иногда колыбель и становится поперекъ мирному теченію жизни, то лишь тогда, когда эта хрустальная капля падаетъ въ сплошную муть, раздвигаетъ ее, но не сливается съ ней. Муть кажется отъ того еще мутнѣй, но не по винѣ колыбели. Ложь и обманъ бѣгутъ отъ колыбели, какъ ночныя птицы отъ солнца.

* * *

Тѣмъ бесполезнѣе попытки фальшивой человѣческой морали эксплуатировать колыбель ради чисто практической, хотя и въ моральной области, цѣли. Я говорю о разводѣ. Мнѣ казалось всегда, что развода, какъ секретной болѣзни, налагающей на страдающихъ ею извѣстную тѣнь, не слѣдовало бы касаться публично. Не слѣдовало бы копаться во внутренней сторонѣ этого явленія! Внѣшнія его стороны: юридическая, церковная, процессуальная, наоборотъ, должны быть выдвинуты и обсуждены съ наибольшимъ тщаніемъ. Это вѣдь только *послѣдствія* явленія. Обрядъ развода слѣдуетъ за совершившимся уже фактическимъ разводомъ, какъ обрядъ вѣнчанія—увѣнчиваетъ лишь и приобщаетъ къ церкви, къ законамъ и обычаямъ страны, уже совершившійся, иногда вопреки веленіямъ церкви, вопреки законамъ и обычаямъ, союзъ любви. Но также, какъ никакая мораль, никакая логика и чуждая воля не можетъ предписать законовъ и изучить путей, по которымъ совершается союзъ взаимнолюбящихъ, такъ и никакая мораль и никакой нравственный законъ не должны и не могутъ вмѣшиваться въ процессъ разложенія этой любви, ведущій къ разводу. А между тѣмъ, вѣчно безпокойная человѣческая совѣсть только и дѣлаетъ это.

Недавно я видѣлъ французскую пьесу, сенсационно озаглавленную «Колыбель». И я въ ужасѣ пришелъ отъ той массы лжи, которую фальшиво построенная, вымученная мораль скопила вокругъ этого воплощенія на землѣ правды.

Прежде всего, фундаментъ пьесы ложный: супруги разводятся не переставъ любить другъ друга. Временная ошибка, если бы ее не раздули посторонніе люди, была бы прощена и забыта. Тутъ нѣтъ самого ядра развода—есть только форма его, есть слѣдствіе

безъ причины, есть недоразумѣніе. Все что построено на этомъ недоразумѣніи—фальшиво. Разведенная жена вторично выходитъ замужъ, но безъ любви. Второй мужъ любитъ ее—но любитъ тѣломъ. Съ ними живетъ ребенокъ отъ перваго брака ея; но этотъ малютка, котораго въ опьяненіи страстью онъ поклялся любить, теперь внушаетъ ему ненависть: глаза его, схожіе съ глазами отца, напоминаютъ второму мужу о ласкахъ, которыя его жена расточала своему первому мужу. Животная любовь къ жонѣ возбуждаетъ и животную ненависть къ ея ребенку. Ребенокъ опасно занемогаетъ. Зовутъ отца и тотъ, вопреки волѣ ревнующаго его второго мужа, остается у колыбели своего дитяти. Жизнь борется со смертью, одолеваетъ ее. Измученные родители улыбаются, впервые вглядываются другъ въ друга. Близость къ колыбели подымаетъ правду со дна надломанныхъ душъ ихъ. Они сознаются, что любятъ другъ друга, что жить другъ безъ друга не могутъ. Но... входитъ второй мужъ и все лопається. Всѣ трое мучатся, изводятся, ищутъ выхода и не находятъ. Вдали отъ колыбели ложь опять засасываетъ этихъ несчастныхъ. И, въ кульминаціонномъ пунктѣ этой лжи, любящая жена и нѣжная мать гонитъ отъ себя обоихъ мужей и закликаетъ со сцены всѣхъ женъ, всѣхъ матерей, никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не разводиться...

По истинѣ, нужно быть французомъ, нужно всѣ вопросы жизни мѣрять размѣрами актовъ въ пьесѣ, нужна эта несмыслимая съ воображенія и съ таланта этой націи гривуазность, чтобы втиснуть хрустальную колыбель между такой дерзкой ложью.

* * *

Я отдохнулъ отъ этой лжи, читая въ «Нов. Вр.» прекрасную статью г. Розанова: «О непорочной семьѣ». Какое странное совпаденіе! Тамъ, въ блестящемъ залѣ, наполненномъ отборной публикой, среди аромата духовъ, среди голыхъ плечъ и влажныхъ взглядовъ, на днѣ которыхъ притаился грѣхъ, принесенный съ собой изъ будуаровъ, изъ алькововъ, изъ этихъ трупныхъ ячеекъ распавшихся уже семей,—красивая француженка съ соблазнительно прикрытыми формами, соблазнительно-изящнымъ языкомъ говорила:— „не разводитесь ради колыбели“! А тутъ, скромный русскій писатель, упрекаемый фарисеями чувства въ нескромномъ разоблаченіи тайны брака, говоритъ, обѣняя себя крестнымъ знаменіемъ— „разводитесь, ради чистоты и непорочности семьи“! Вотъ она разница мировоззрѣнія двухъ расъ! Вотъ они два русла теченія человѣчества: одно уже иссыхающее, обезсиленное шириной своей, прорѣзанное мелями и островками, а другое—еще сжатое мощными берегами, еще глубокое, чистое. Первое отступаетъ, огибааетъ всякое препятствіе на пути своемъ, разливаясь въ ручьи и рукавички; второе—смываетъ все, что на пути его, что мѣшаетъ ему быть глубокимъ и чистымъ.

Чтобы удержать семью отъ распада, Западъ уцѣнился... за колыбель! Извѣрившись въ возможности оздоровленія семьи посредствомъ ея самой, т. е. путемъ внесенія образа Бога «въ скинью», путемъ замѣны лжи и поруганія пола—искренностью и уваженіемъ къ полу, Католическій западъ вытащилъ изъ-подъ скромнаго алькова дѣтскую колыбельку и поставилъ ее поперекъ мутнаго и мелкаго теченія своей жизни. „Стой, моль, тутъ, *единственное* наше благо, нашъ лучъ, наша мечта, и преграждай путь этимъ волнамъ, несущимъ съ собой обманъ и развратъ! Запрудь это смрадное теченіе! Поверни ходъ его, сдѣлай глубже, стремительно—авось оно промоетъ засорившіе его пески и иль.“

Таковъ истинный, въ глубинѣ своей, смыслъ этого моральнаго движенія. Колыбель—последняя ставка въ пухъ проигравшаго игрока. Колыбель—тяжелая артиллерія, старая гвардія, выдвинутая въ послѣдній моментъ боя. Эту чудную, небесную капельку эксплуатируютъ въ сумятныхъ земныхъ цѣляхъ. За нее прячется и порокъ и слабость. Ее, воплощенную правду, обвиваютъ гирляндами изъ... лжи

Мнѣ кажется, что и эта послѣдняя ставка будетъ проиграна. Мнѣ кажется, что колыбель не запрудитъ грязнаго потока, а будетъ торчать въ немъ, какъ одинокій, свѣжей зеленью покрытый островокъ, а потокъ, такой же грязный, но еще болѣе мелкій, будетъ извиваться вокругъ него. Въ лучшемъ случаѣ, нѣсколько струекъ возлѣ самаго островка скользнутъ быстрее, станутъ чище; въ худшемъ—отъ островка будутъ отмываться кусочки земли и онъ будетъ все сглаживаться, уходитъ въ воду, пока не обратится въ иломъ заплывшую мель. «Не разводитесь ради колыбели:»—журчить мелкій, грязный потокъ Запада съ цвѣтущимъ островкомъ посреди его. «Разводитесь, ради непорочности семьи!»—шумитъ бурная, могучая рѣка Православія, готовая смыть и островокъ и островъ, ради простора своего, ради глубины, ради чистоты.

Вотъ два взгляда на этотъ вѣчно ноющий въ совѣсти вопросъ. Его, понятно, лучше не касаться, предоставивъ каждому исповѣдывать ту религію въ бракѣ, къ которой его влечетъ по складу души, по силѣ воображенія и даже по физическимъ свойствамъ. Католикъ, протестантъ и православный никогда не убѣдятъ другъ друга въ превосходствѣ и правотѣ ихъ религій. И въ бракѣ есть католики, протестанты и православные, спорящіе о значеніи, о силѣ, о тайнѣ его и врядъ ли самые мудрые богословы брачной религій въ скоромъ времени примирятъ ихъ. Но ужъ если касаться этой религій, если вѣдраться въ нее, надо дѣлать это осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, какъ то дѣлаетъ г. Розановъ, а не размѣривъ свои доводы на акты, прячась за эффекты сцены и опираясь на издерганные суতোлокой дня нервы, хотя и развращенной, но сентиментальной публики.

* * *

Если представить себѣ бракъ, какъ зданіе, воздвигнутое на фундаментѣ изъ взаимной любви и покрытое благословеніемъ церкви и покровительствомъ законовъ, зданіе, въ созиданіи коего участвовали всѣ безъ исключенія элементы духовнаго и физическаго міра брачующихся: и невольное влеченіе и вольная мысль, и слѣпой инстинктъ и развѣдающая критика, и подъемъ духа и возбужденіе плоти, и теплое очарованіе и холодный расчетъ, и азартъ игрока и технической житейской опытъ, словомъ—все, что составляетъ индивидуальность въ человѣкѣ, его активъ, пассивъ и балансъ,—то разводъ въ такого рода бракѣ (а всякій другой бракъ есть лишь сдѣлка, или недоразумѣніе) можно уподобить трещинѣ по всему зданію, отъ материка и до конька крыши. Трещины, вѣдь, бываютъ разныя: сверху, снизу, поверхностныя, сквозныя. Архитектурное искусство ихъ выправляетъ довольно гладко. Но бываютъ трещины, коихъ никакое искусство задрать не можетъ иначе, какъ разрушивъ зданіе и построивъ его вновь. Такія трещины случаются отъ осѣданія почвы или отъ ошибочныхъ проектовъ зданія, отъ несоблюденія основныхъ законовъ техники. Тѣ шероховатости въ бракѣ, которыми испещрены наши семьи (случайныя¹⁾ измѣны, несходство характеровъ, случайныя болѣзни и проч.), мнѣ представляются трещинами односторонними, мѣстными, не нарушающими равновѣсія всего зданія, а потому и устранимыми помощью разныхъ стяжекъ, заплатокъ и задѣлокъ. Наиболѣе крѣпкая и чаще всего употребляемая въ общежитіи изъ стяжекъ, налагаемыхъ на трещины брака—колыбель. Эта стяжка изъ крѣпчайшей стали и она почти всегда стягиваетъ и даже сращиваетъ бѣгущія по брачному зданію частичныя трещины. Но что же можетъ эта стяжка, когда трещина бѣжитъ отъ фундамента къ крышѣ, когда нарушена связь между главнѣйшими изъ элементовъ, участвовавшихъ въ союзѣ—между инстинктомъ плоти и влеченіемъ духа? Вѣдь эти элементы въ бракѣ соответствуютъ тѣмъ законамъ техники, безъ которыхъ и изба не строится. Нарушите законъ Ньютона и весь міръ рухнетъ. Нарушите между брачующимися законъ взаимнаго влеченія (а онъ гораздо сложнѣе, чѣмъ законъ тяготѣнія) и вотъ уже трещина, каждую секунду расширяющаяся и удаляющая брачующихъ другъ отъ друга съ большей интенсивностью и быстротой, чѣмъ когда они соединялись.

¹⁾ Дѣйствительно: это *точно* и важно и требуется отмѣтить, что и *измѣны* бываютъ такія, послѣ которыхъ нисколько не нуженъ разводъ: измѣна какъ *случайность*, какъ *несчастье*, какъ *шквалъ*. И бываютъ обратныя семьи какъ-бы съ постояннымъ сырымъ *климатомъ* въ себѣ, съ *тихимъ* воздухомъ неуваженія, отвращенія, *необъидимой* таинственной *антипатіи*, когда разводъ безусловно необходимъ, хотя-бы измѣны не было. Но эти *свои тайны одни супруги сами* и знаютъ и поэтому-то право развода и должно быть предоставлено ихъ усмотрѣнію. В. Р.—ст.

Съ этимъ вѣдь никто не спорить. Говорятъ лишь, что надо побороть себя, надо забыть о собственномъ влеченіи, ради дѣтей. Словомъ, надо прекратить полноту личнаго существованія ради существованія другого, или окутать его такой тьмой и ложью, чтобы, обманывая и другихъ и себя, сохранить для общества, для дѣтей своихъ подобіе брака, *видимый* остовъ семьи. Побороть или обмануть—въ этомъ весь арсеналъ оружія у церкви и общества въ борьбѣ съ разводомъ. Церковь *увѣщеваетъ* разводящихся (т. е. даетъ имъ совѣтъ побороть взаимную антипатію); церковь требуетъ для развода *фактическихъ* доказательствъ измѣны, давая этимъ понять, что союзъ могъ бы продолжаться, если бы обманъ удался, если бы виновный не былъ пойманъ тремя свидѣтелями. А общественная мораль, а совѣсть, воспитанная родителями и школой, твердятъ: „найдите средство сойтись, примириться и никто у васъ не спроситъ, въ чемъ эти средства! Худой миръ лучше доброй ссоры!..“ Словомъ, со всѣхъ сторонъ: сверху, сбоку, снизу все напираетъ на разваливающіяся стѣнки брачнаго зданія, все изъ силъ выбивается, чтобы они не рухнули. Законы, религія и общественное мнѣніе — какъ контрфорсы упираются въ стѣнки брака; а на зияющую щель налагается въ концѣ концовъ крѣпчайшая стяжка—колыбель... И все же, щель растетъ, стѣнки съ страшной силой выпираютъ, рушатся, погребая подъ собой иногда тѣхъ, кто слишкомъ усердно ихъ подпиралъ и рвутъ неповинную ни въ чемъ стяжку—колыбель. Законъ природы, очевидно, сильнѣе законовъ людскихъ, сильнѣе даже органической потребности людского сердца—любви къ дѣтямъ.

* * *

Законъ этотъ, всѣмъ извѣстный, гласитъ, что можно слить другъ въ другъ только элементы родственные: извѣстные газы, извѣстные соли, извѣстныя клѣточки. На этой симпатіи и антипатіи другъ къ другу основныхъ элементовъ природы она вся создалась, украсилась, ожила и стала союзницей человѣка въ стремленіи къ прогрессу, къ истинѣ. Вся забота и весь геній человѣка въ подчиненіи себѣ для этой цѣли природы, въ томъ вѣдь и заключаются, чтобы отыскать въ ней наивыгоднѣйшія комбинаціи къ сращенію взаимно-симпатизирующихъ элементовъ, или чтобы изъ сращенныхъ уже извлечь тѣ, которые наиболѣе пригодны для лучшаго и болѣе совершеннаго сращенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, соединяя или разъединяя, человѣкъ руководствуется идеей наиболѣе удачнаго, цѣлесообразнаго подбора элементовъ, чтобы, срастаясь, они давали новый элементъ, несравненно болѣе сильный, чѣмъ были они оба вмѣстѣ до сращенія. Таковы основы химіи и естествознанія. На нихъ держится и міръ растительный и даже животный (подборъ). Только въ отношеніи къ человѣку законъ этотъ сочли

нужнымъ подчинить неподвижной морали и условному благу общест-
венности. Справедливо полагая, что въ человѣкѣ, кромѣ всѣхъ
этихъ элементовъ, изъ которыхъ соткана природа, есть еще глав-
нѣйшій—свободная воля, какъ регуляторъ, какъ посредникъ между
враждующими въ немъ началами, этой волѣ несправедливо при-
писали силу и обязанность удерживать въ соединеніи несоедини-
мое. Причемъ, надъ такой задачей поставили не то общественное
благо, которое вѣчно движется вмѣстѣ съ прогрессомъ и не благо
личное, ибо обществу до него нѣтъ дѣла, а неподвижную, застыв-
шую какъ сфинскъ мораль. Во всѣхъ сферахъ труда и мысли че-
ловѣческой цѣль неподвижна и она всегда бѣжитъ впереди этого
труда и мысли. Только въ бракѣ, хотя онъ есть наиболее совер-
шенная форма совмѣстнаго труда, цѣль поставлена позади и она
неподвижна. Трудитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, обманывай-
те другъ друга и кайтесь, но не спускайте съ глазъ цѣли ва-
шего союза—*остаться въ союзѣ!* Пусть эта цѣль—мгновеніе! Пусть
она позади васъ, въ туманѣ, въ сутолокѣ—вы должны жить, чтобы
подтверждать и обществу и дѣтямъ, что вы съ этой цѣли глазъ
не спускаете и что другой цѣли у васъ нѣтъ!

Мнѣ скажутъ—это парадоксъ. Люди вѣдь соединяются, чтобы
произвести семью, воспитать ее, сдѣлать годною къ борьбѣ. И
потому, цѣль въ бракѣ—тоже подвижна и тоже впереди брачу-
щихся. Но, если это такъ, то причемъ же тутъ: „не разводитесь!“
Если такова цѣль въ бракѣ, то очевидно она недостижима тамъ,
гдѣ нѣтъ уже брака, а есть—трусъ, обитый ветхими цѣпями.
Семья, какъ цѣль, и притомъ подвижная, т.-е. совершенствую-
щаяся, можетъ вырасти изъ *живаго* тѣла брака, а не омертвѣв-
шаго. Только такой союзъ между мужчиной и женщиной можетъ
быть источникомъ здоровой семьи и плодотворнаго труда, который
развиваетъ между ними созидающую, а не развращающую силу—
силу, изо дня въ день болѣе плотно стягивающую участниковъ
союза и видѣряющую въ дѣтихъ отъ него *новый* элементъ, кото-
раго не было въ родителяхъ. Дѣти всегда должны быть *лучше*
родителей, иначе міръ попытается назадъ. Но такія дѣти, какъ и
наиболѣе полезныя растенія, металлы, смѣси, вырастаютъ лишь
изъ союза гармонирующихъ, симпатизирующихъ между собой ро-
дителей, и притомъ—не поборающихъ своихъ страстей, не наси-
люющихъ своихъ влеченій и инстинктовъ, а наоборотъ, дающихъ
имъ просторъ, очищающихъ себя отъ нихъ, но только... другъ
въ другѣ! Въ такомъ бракѣ нѣтъ мѣста „поборенію“ себя—ибо
побореніе есть тоже обманъ, *само-обманъ*. Нѣтъ тамъ мѣста и
уклоненію отъ влеченія своей природы, ибо это влеченіе цѣль-
комъ скапливается на предметъ союза и, сталкиваясь съ противу-
положнымъ влеченіемъ, претворяется въ активную, творческую
силу. Эта сила не только удерживаетъ другъ возлѣ друга людей

самыхъ несхожихъ по характерамъ, темпераментамъ, воспитанію, общественному положенію, духовнымъ и національнымъ идеаламъ. но и удерживаетъ семью отъ крушенія при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ развитія ея. Голодаютъ, ссорятся, дерутся, но... любятъ! Живутъ въ достаткѣ, чинно, ладно, мирно, но... не любятъ! Изъ ссоръ и брани, изъ нищеты тѣлесной и духовной, вырастаютъ здоровыя душой и тѣломъ дѣти. Изъ мирной, богатой и интеллигентной семьи вырастаютъ—трупники. И ничего тутъ не подѣлаешь, ничѣмъ не устранишь этого явленія! Сила любви между родителями (замѣтьте—любви, а не уваженія)—что сокъ въ деревѣ¹⁾. Онъ бродитъ въ дѣтяхъ, онъ даетъ имъ упругость и физиономію. Могучъ этотъ сокъ, жизнеупоренъ—и дѣти могучи и упорны къ жизни, хоть и плохо одѣты, плохо воспитаны, лѣнивы. Слабъ этотъ сокъ—слабы шансы на человѣчныхъ дѣтей. А тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, а есть лишь—компромисъ, обманъ, а то и порокъ, грязь,—тамъ уже никакихъ шансовъ нѣтъ поднять въ ребенкѣ *человѣка*, будь возлѣ него сто нянекъ и гувернеровъ, живи онъ во дворцѣ, учиись у лучшихъ профессоровъ. Надъ такимъ ребенкомъ виситъ рокъ. Такую колыбель, казалось бы, надо не вдвигать въ смрадь и въ ложь компромиса, а вырвать оттуда.

* * *

Легко сказать—вырвать! Вырвать отъ корня нѣжный стебелекъ! У кого руки подымутся на такое варварство? Нѣтъ драмы выше²⁾ распадеша семьи, какъ нѣтъ лжи и обмана горше компромисса въ бракѣ. Печальная исторія Ромео и Джульетты только тѣнь въ сравненіи съ мракомъ бездны, зіяющей изъ трещины въ бракѣ. Тамъ—смерть у предверія вѣчной жизни: тутъ—жизнь у входа въ могильный склепъ. Никакія страданія не сравниваются съ агоніей посаженныхъ на одну цѣпь несомвѣщающихся другъ въ другъ живней. Никакое милосердіе не достаточно гуманно, чтобы разбить эту цѣпь. И нѣтъ безжалостнѣе казни, какъ та, которую совершаютъ при такомъ гуманномъ поступкѣ надъ колыбелью!

Вотъ этотъ узелъ безысходныхъ чувствъ, возбуждаемыхъ распаденіемъ семьи, всегда стоялъ и будетъ стоять какъ чудище съ огненнымъ мечемъ у входа въ лабиринтъ развода. Передъ этимъ чудищемъ правы и тѣ, кто стонетъ: не разводитесь! И тѣ, кто,

¹⁾ Да! *Посохшее* дерево — вотъ семья безъ-любовная. Ни минуты не щадите ее: она никогда не оживетъ! Рубите ее, выворачивайте корень и въ ямку помѣщайте новый саженецъ, *другую семью*. Вотъ рецептъ садовода и семье-устроителя. В. Р—ов.

²⁾ Отъ сего-то *сами* люди, изъ страха, уже и не разводятся всякій разъ, когда есть какая-нибудь возможность сохраниться нравственно въ семьѣ. Вотъ почему право *само-развода*—безопасно. В. Р—ов.

какъ г. Розановъ, видитъ въ честномъ разводѣ единственный каналъ для очищенія накопившейся въ бракѣ грязи.

Въ статьѣ г. Розанова есть, между прочимъ, такая глубочайшая мысль:

„Разводъ есть постоянный каналъ, черезъ который совершается очищеніе главнаго соціального института. Необыкновенно чуткій инстинктъ, въ силу котораго реальная жизнь супруговъ прерывается или кончается съ первымъ неискупленнымъ грѣхомъ, есть какъ-бы естественный и самимъ Богомъ установленный стражъ здоровья семьи, законъ, черезъ дѣйствіе котораго вѣчный институтъ не можетъ захворать. Его нѣтъ вовсе, или—онъ совершенно здоровъ. Болѣзнь ему не причастна. Единственный видъ болѣзни и есть эта возможная закупорка *очистительныхъ путей*“...

Мысль эта, повидимому, раздѣляется все большимъ количествомъ людей и, вѣроятно, привела-бы уже не только въ православіи, но и въ католичествѣ къ возобновленію очистительныхъ каналовъ брака, если-бы не... колыбель. Эта бевпомощная колыбель съ сонмомъ ангеловъ надъ ней, эта Божья капля въ морѣ житейской грязи—стоитъ поперекъ развода. Она такъ трогаётъ, такъ мутитъ сознаніе. Люди, законодатели теряются. Одно страданіе заглушаетъ другое. Видъ ребенка, теряющаго родителей, переворачиваетъ душу. Говорятъ себѣ: потерпимъ! Но, какъ только это острое чувство жалости къ ребенку сглаживается, какъ только отходятъ отъ колыбели, выступаютъ жесточайшія страданія порабощенной плоти и попораннаго духа. Природа стучитъ въ дверь; въ окно, въ стѣны, трещина растетъ, зияетъ бездна наполненная гадами и разврата. Задыхаясь, опять цѣпляются за разводъ. А тамъ,—опять колыбель и опять жалость! Танталовы муки раздираютъ душу и тѣло. Люди, еще молодые, годные къ труду, къ пользѣ, къ добру, становятся лѣнливыми, бесполезными, злыми. Общество теряетъ сотрудниковъ, церковь—вѣрующихъ, человечество—добрыя сердца. Никто ничего не приобретаетъ въ этой мучительной борьбѣ, въ этомъ самоистребленіи, даже колыбель, къ изголовью которой склоняются не радостныя, лаской озаренныя лица, а блѣдныя, измученныя борьбой, искаженныя судорогой какой-то иступленной любви, ненависти и упорства...

Ползутъ дни, мѣсяцы и годы. Колыбель побѣдила. Шкваль прошелъ, настало мертвое затишье. Высохшая отъ борьбы съ собой мать, или посѣдѣвшій отъ той-же борьбы отецъ, прижимаютъ къ груди своей дитя, спасшее ихъ отъ развода. Они улыбаются другъ другу. Но что это за улыбка! Такъ улыбаются надъ завядшимъ букетомъ, снятымъ съ гроба любимаго человѣка.

„Вы грустны?—спрашиваетъ дитя. О чемъ ты плачешь, мама? О чемъ вздыхаешь, папа? Отчего вы не поцѣлуетесь? Отчего вы

въ разныхъ комнатахъ? Отчего папа не ночуетъ дома? Отчего мама убрала портретъ папы? Отчего“...

И вопросы сыплются, какъ удары хлыста въ лица родителей. Лица эти на мигъ загораются... злобой. Въ глазахъ, какъ вихрь, проходить отраженіе былой бури. Они взглядываютъ другъ на друга, точно шпаги скрещиваютъ: „ты виновата!“ „ты виноватъ!“ Но это только мигъ. Они равнодушно отворачиваются и небрежно роняютъ:

— Не твое дѣло... молчи... ступай играть!

На засохшемъ, омертвѣломъ, существующемъ лишь въ силу уюриста, корнѣ, вырастаетъ нѣжный стебель. Его ласкаютъ, хоятъ, но... въ немъ соковъ нѣтъ. Одно солнце, какъ бы жгуче оно ни было, еще не поддержитъ растеніе. А дѣти *такихъ* родителей только этимъ солнцемъ сконцентрированной въ ихъ родителяхъ и экзальтированной отъ взаимной борьбы любви и живутъ. Любовь эта ихъ грѣетъ, но она же ихъ и сушитъ — слишкомъ сгущенная, слишкомъ парниковая, она не даетъ ребенку мощи развернуться, закалиться. Ребенокъ становится юношей, взрослымъ, зрѣлымъ. Одинъ изъ тысячи случаевъ, разбросанныхъ всюду, открываетъ ему глаза. Онъ узнаетъ, что его родители „не живутъ“ вмѣстѣ, что у папы или мамы есть другая семья и другая привязанность, а все, что онъ видѣлъ съ дѣтства, былъ обманъ и компромиссъ. Нельзя предрѣшить, какъ такое открытіе подѣйствуетъ на юную душу. Бываютъ души и души! Но, несомнѣнно, въ душѣ этой утвердится сознаніе: можно и *должно* въ извѣстныхъ случаяхъ лгать и обманывать!

Дальнѣйшая жизнь такого человѣка можетъ быть и честна и полезна. Только, ручаюсь, онъ никогда не испытаетъ истинной радости и чистаго счастья — надъ нимъ будетъ до гроба висѣть сомнѣніе и грусть.

Мнѣ кажется, я не преувеличиваю. Я беру даже лучшій изъ такихъ случаевъ. Я не имѣю и никому не хочу навязать никакого рецепта въ этомъ недугѣ, считая его интимнѣйшимъ и субъективнѣйшимъ. Г. Розановъ очень мѣтко сказалъ, что если бракъ субъективенъ, то и разводъ долженъ быть еще болѣе субъективенъ. Да, именно субъективенъ! Т.-е. не можетъ терпѣть посторонняго вмѣшательства, ни въ формѣ критики, ни въ видѣ совѣта. Развестись, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ— умереть. Какъ никто не спрашиваетъ мнѣнія, можетъ онъ умереть или нѣтъ, такъ и никто не долженъ искать гдѣ-бы то ни было, кромѣ своей совѣсти и самой глубины своего „я“, указаній, какъ поступить съ трещиной своего союза. Можно лишь пожелать одного: когда разводъ *внутренно* между супругами уже совершенъ, когда переболѣли всѣ чувства и мысли и трещина отъ самаго материка достигла карниза — тогда, изъ чувства человѣколюбія и даже въ

своихъ интересахъ, государство, церковь и общество, должны пощадить несчастныхъ, не увеличивая ихъ стыда, ихъ угрызений, ихъ сомнѣній. Нужно пощадить въ нихъ и людей и родителей! Нужно упростить и облегчить эту позорную, на площади совершаемую казнь развода и нужно... не накладывать на трещину брака—колыбель!

Пусть цѣпляются за колыбель тѣ, кто еще можетъ быть ею спасенъ! Но не отворачивайтесь отъ тѣхъ, кто съ разорваннымъ сердцемъ отошелъ отъ нея, чтобы не марать ея, чтобы начать новую, полезную и любвеобильную жизнь!

Не эксплуатируйте святую колыбель въ дѣлѣ темномъ, мрачномъ, человѣческомъ!

И. Кольшико.

Элементы брака.

Постановка развода должна вытекать из сущности брака. Но чтобы определить эту сущность, нужно назвать центр брака.

Брак состоит: 1) из засвидетельствованности его и записи в церковные книги. Это есть юридическая, договорная его сторона, и собственно она-то одна и расторгается при „разводѣ“. Механизмъ развода, какъ извѣстно, и состоитъ въ разрывѣ бумаги, зачеркиваніи подписей и пр., и разводъ вовсе не касается „вѣнчанія“ и не кассируетъ вѣнчаніе. Да это такъ и вытекаетъ изъ сущности дѣла, ибо кассировать вѣнчаніе возможно было бы только при наличности какой-нибудь ошибки или неправильности въ вѣнчаніи-же, напр., при пропускѣ священникомъ центральныхъ молитвъ, или если бы вѣнчаніе было совершено, положимъ, не священникомъ, а другимъ церковно-служителемъ, или, наконецъ, если бы оно было совершено при наличности одного жениха или одной невѣсты, и проч. Вообще ошибка вѣнчанія кассируетъ вѣнчаніе, и эта кассация должна бы выражаться не разрывомъ бумаги, а какъ-нибудь ритуально же, напр., хоть переломомъ и истребленіемъ колецъ, которыми повѣнчанные были обручены, или какъ-нибудь иначе, но непременно въ церкви-же и ритуально-же.

Сила вѣнчанія исчезаетъ, но она исчезаетъ не въ моментъ развода. Когда же? Это можно понять, опредѣливъ вѣнчаніе. Вѣнчаніе есть ритуаль, сложенный церковью въ концѣ III вѣка и въ началѣ IV вѣка послѣ Р. Х., черезъ посредство котораго она опредѣлила, расчленила и художественно-словесно выразила свое отношеніе къ ранѣе (въ самомъ Евангеліи) основанному таинству, и повторяетъ его въ каждомъ единичномъ случаѣ брака передъ лицомъ брачующихся. Оно имѣетъ много сходнаго съ чтеніемъ передъ евхаристіею молитвы: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси истинный Сынъ Божій, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти“, и проч. Разница въ томъ, что эту послѣднюю молитву читаетъ причащающійся и черезъ нее онъ исповѣдуетъ

свое отношеніе, свою вѣру, свою религію въ отношеніи къ таинству евхаристіи. Напротивъ, ритуаломъ вѣнчанія церковь исповѣдовала исторически и исповѣдуетъ каждый разъ свою мысль о бракѣ, свое воззрѣніе на него, свое опредѣленіе, свою догму.—черезъ частичное отношеніе къ этимъ вотъ двумъ, соединенію коихъ она радуется, его благословляетъ, его увѣнчиваетъ. Отсюда—торжество несенія вѣнцовъ, какъ бы коронъ, надъ вѣнчающимися, и слова священника: „вѣнчаю васъ славою и честию“, т.-е. „облекаю честию и славою ваше соединеніе“. Черезъ ритуаль вѣнчанія церковь всякій отдѣльный разъ какъ бы повторяетъ вхожденіе Спасителя въ Кану Галилейскую (отъ того въ древнее, болѣе чуткое время вѣнчаніе происходило на дому), черезъ каковое вхожденіе Спаситель присоединился къ установленному въ Ветхомъ Завѣтѣ браку, ничего въ немъ не перемѣняя и ничего вновь въ немъ не устанавливая: пребылъ Гостемъ брака, а не Совершителемъ его. Церковь вовсе могла бы не развить этотъ ритуаль: бракъ остался бы; она могла бы развить его несравненно пышнѣе, и это ничего не прибавило бы къ таинству. Это „вѣрую и исповѣдую“ церкви подобно еще литургіи: есть литургія Василия Великаго, есть Іоанна Златоуста; въ католической церкви она одна, въ православной другая; но во всякомъ случаѣ изъ всего этого видно, что ритуаль (вѣчный) подвиженъ и измѣнчивъ, пышенъ или коротокъ, когда таинство (брака) очевидно всегда одно, просто и перемѣнамъ не подлежитъ. Не сложивъ этого ритуала или, точнѣе, не слагая его первые три вѣка своего существованія, церковь все равно содержала уже таинство, но еще никакъ, художественно, словесно и дѣйственно не опредѣлила и не выразила свое къ нему отношеніе и свое о немъ чувство и свою о немъ мысль.

Итакъ, вѣнчаніе есть нѣкая малая литургія, блѣдное и далекое ея подобіе, служимое передъ бракомъ, передъ лицомъ вступающихъ въ бракъ; и вся возможная мысль ея есть благословеніе и напутствованіе въ бракъ. Теперь мы къ нему подходимъ, теперь мы возьмемъ зерно. Это зерно нашло себѣ прекрасную формулу въ опредѣленіи К. П. Побѣдоносцева („Курсъ гражданскаго права“). „Побужденіе къ браку и цѣль его есть исполненіе кореннаго требованія природы, въ силу коего живая и цѣльная личность человѣка ищетъ дополнить себя, ищетъ себѣ дополненія въ такой же личности другого пола. Какое это дополненіе и въ чемъ оно состоитъ,—объ этомъ не одинаковы понятія на разныхъ степеняхъ общественаго развитія. На низшей степені—это удовлетвореніе грубаго инстинкта животной природы; на высшей—это удовлетвореніе согласной съ разумной природой человѣка потребности общенія всѣхъ органическихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ силъ, дарованныхъ человѣку для развитія, труда и наслажденія въ жизни.

Изъ этого неврѣно прискивать и ставить для брака цѣль специальную, какъ, напримѣръ, дѣторождение, ибо бракъ есть цѣльный органическій союзъ и идея его коренится въ основномъ законѣ природы: приведенію къ единству и цѣльности раздвоенной на два пола природы человѣческой. Неудивительно, поэтому, что идеалъ брака, очищаясь и возвышаясь въ понятіяхъ человѣчества, получилъ наконецъ въ христіанскомъ мірѣ значеніе таинства“.

Авторъ говоритъ о бракѣ—во-первыхъ, и семьѣ—во-вторыхъ, т.-е. какъ бы о солнечномъ ядрѣ и его фотосферѣ, то ихъ сливая, то ихъ раздѣляя, и здѣсь, напримѣръ, съ перваго взгляда бросается въ глаза, что онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ „грубымъ животнымъ инстинктомъ“ то самое, что въ двухъ мѣстахъ именуетъ самымъ центромъ брака: „исканіе пола дополнить себя полomъ“ и „приведеніе къ единству и цѣльности раздвоенной на два пола природы человѣческой“. Здѣсь авторъ послѣдуетъ сбивчивости рѣшительно всего существующаго ученія о бракѣ. Но, въ общемъ, философски и художественно имъ, конечно, хорошо схвачено солнце ядро, и фотосфера брака. Бракъ есть гармонія половъ и онъ основанъ, какъ феноменъ, на вѣчной и неуклонной предуставовленности ихъ сочетанія; при чемъ сочетаетъ ихъ рождающійся въ физическомъ порядкѣ позднѣе, но въ метафизическомъ смыслѣ предворяющій ихъ младенецъ. Полъ, какъ космическое начало—вѣченъ, но ребенокъ—еще далѣе, чѣмъ вѣченъ. предъ-вѣченъ. Выпустить поэтому „дѣторождение“ изъ брака есть то-же, что выпустить тему изъ сочиненія: она разсыпается въ наборъ словъ, а бракъ то-же разсыпается въ наборъ очень слабо связанныхъ фактовъ. И мы думаемъ, что введеніе *безплодія* въ число первыхъ и главныхъ причинъ развода, есть *первый камень* построенія семьи. Тогда всѣ и разомъ поймутъ, безъ комментаріевъ: „а, вотъ *что такое* бракъ! а, вотъ *для чего* онъ“!

Во всякомъ случаѣ въ приведенномъ опредѣленіи очерчивается натура семьи, природа семьи; семья, какъ природный и естественный фактъ,—и около этого-то центра и „сущности“ брака К. П. Побѣдоносцевъ не упоминаетъ вовсе тѣ два момента его, запись въ церковныя книги и вѣнчаніе, которые слѣдовательно въ непремѣнное существо брака, въ опредѣленіе брака, и не входятъ вовсе. Иначе какъ-бы знаменитый государственный и благочестивый человѣкъ даже не назвалъ ихъ?! И почему иначе сама церковь не употребляетъ вовсе термина: „таинство вѣнчанія“, а говоритъ во всѣхъ книгахъ: „таинство брака“ (жизни брачной).

„Разводъ“ и долженъ вытекать изъ этой его „сущности“, какъ кассація... чего? — Сущности. Т.-е. чего же именно? „Исполненія коренного дребованія природы, въ силу коего живая и цѣльная личность человѣка ищетъ дополнить себя, ищетъ себѣ дополненія въ такой же личности другого пола“. Когда этого нѣтъ бо-

лѣе, т.-е. гармонизованность половъ разорвана (такъ называемый „разъѣздъ“, да и вообще перерывъ, разрывъ, и при томъ окончательный, супружеской связи), есть что-нибудь въ бракѣ? Знаменитый законовѣдъ говоритъ: „нѣтъ“. „Таинство“ есть ли? Конечно, его нѣтъ болѣе въ полнотѣ состава, остались только его наружныя, оформливающія, собственно юридическія части, но при исчезнувшемъ зертѣ. Обратимся теперь къ ритуалу вѣнчанія: слова произнесены, но есть ли вещь подъ ними? Никакой (если супруги разлучились). Все равно, какъ если бы совершающей евхаристію священникъ произносилъ слова надъ пустою чашею, или все равно, какъ если бы тѣло и кровь Спасителя; вино и хлѣбъ претворившіеся, уже были всѣ и до дна потреблены причастниками. Нѣтъ болѣе хлѣба и вина въ чашѣ; можно ли говорить и думать и, прежде всего, можетъ ли говорить и думать церковь, что „евхаристія еще *продолжается*“, „еще причащеніе *есть и совершается*“, когда болѣе нѣтъ *ни тѣла, ни крови*, хотя слова священника и *есть* (т.-е. были произнесены). Очевидно, ритуаль вѣнчанія разбивается въ самый тотъ мигъ, когда супруги расторгли физическую и нравственную связанность между собою.

Еще аналогія: ходятъ легенды, а можетъ и рассказы о подлинной дѣйствительности, какъ шалуны, купивъ новый гробъ и положивъ туда здороваго товарища, пѣли надъ нимъ *панихиду*. Грозный вариантъ легенды прибавляетъ, что, когда открыли, окончивъ кощунство, крышку гроба, то нашли товарища *мертвымъ*. „Это—наказаніе Божіе было“, говорятъ суевѣрные или религіозные люди. Но отчего? За что? За то, что *священные слова погребенія были относимы къ не умершему*, въ сущности — *ни къ чему*. Перенесемъ эту аналогію на бракъ; когда уже при *разъѣзавшихся супругахъ* все еще утверждаютъ, что *бракъ продолжается*, то не похоже-ли это на пѣніе панихиды надъ живымъ? т.-е. не есть-ли это отнесеніе священныхъ словъ о бракѣ *къ не брачующимся*? Говорятъ, страшный грѣхъ *разъѣзжаться* супругамъ, потому что это оскорбляетъ вѣнчаніе (сводитъ къ *пустотѣ* его). Согласенъ. Но совершенно равное этому оскорбленіе вѣнчанію наносится и тогда, когда уже при фатально и по какимъ бы то ни было причинамъ *разъѣзавшихся* супругахъ оно, это вѣнчаніе, еще считается дѣющимся.

Нельзя пѣть панихиду по живому.

Нельзя вѣнчаніе относить къ не живущимъ другъ съ другомъ супругамъ: ибо нѣтъ уже болѣе ни „двухъ въ плоть едину“, ни „плода чрева“, о которомъ говорилось бы: „благословляемъ его“.

По поводу законопроекта о „разлученіи супругов“.

„Разлученные“ уже не суть „супруги“. „Сопряженія двухъ въ плоть едину“ (Мате., 19)—нѣтъ: есть-ли супружество? Ни законъ, ни разумъ этого не рѣшаются сказать. Они выдумываютъ какіе-то фикціи, держатся тѣней; не существъ, а *полу-существо*. Есть-ли *полу-супруги*? *полу-мужъ*, *полу-жена*? *полу-супружество*? Какъ нѣтъ начавшагося супружества, которое однако не сдѣлалось супружествомъ, за исключеніемъ проклятаго и убитаго Богомъ Оана, сына Іуды, такъ смѣшно и позорно говорить объ окончившемся, но не вовсе оконченномъ, умирающемъ, но не умершемъ супружествѣ: атомъ „*кащель безсмертно*“ супружества, выдумкѣ новыхъ европейскихъ законодательствъ, какъ параллели древнему сказанію объ *онанизмѣ* въ супружествѣ. Папство построило бездну фиктивныхъ понятій въ родѣ индульгенцій, и между ними одна изъ самыхъ ядовитыхъ, разрушающая въ корнѣ бракъ — о присутствіи *брака*, *патрімоніи*, между людьми, которые брачно между собой не живутъ.

Вотъ главныя черты всѣхъ вообще таинствъ:

- 1) Дѣйствительность;
- 2) Святость;
- 3) Безконечность;

Всѣ таинства *дѣйствительны* по существу Божию, который есть Первая *Дѣйствительность*, раннѣйшая сотворенію міра. Въ средніе вѣка даже и сложилось довольно основательное опредѣленіе Божества—*Ens Realissimus*. Но нѣтъ таинства безъ присутствія Божія, и вотъ это присутствие и опредѣляетъ таинство какъ непремѣнную *реальность*, какъ совершенное и всякое исключеніе *фиктивности* и *номинализма*.

Далѣе *святость* таинства, текущая изъ святости Существа же Божія, въ немъ присутствующаго, опредѣляетъ и ограничиваетъ пространство его пространствомъ безгрѣшнаго въ немъ настроенія

души: покаяніе—для кающейся души, причащеніе—для вѣрующей; и бракъ—для любящей и вѣрной. Гдѣ безгрѣшность изякла—пресѣклось и таинство. „Бракъ“ „не любящихъ людей“ или „не согласныхъ“, „не соблюдающихъ другъ другу въ вѣрности“ есть *contradictio in adjecto*, какъ „ломаная“ „окружность“, „прямая“ „кривизна“, „горькій“ „сахаръ“, „проклятое“ „святое“. Замѣтимъ, что „грѣхъ“, введенный въ „таинство“, нравственно превращаетъ его въ отраву, и подобенъ причащенію, на Тайной Вечери, Іуды, когда по Евангелисту „съ кускомъ хлѣба вошелъ въ него діаволъ“. Напримѣръ грѣхъ между знакомыми, между друзьями—только неудобство; но въ семьѣ—это ядъ неизмѣримо сильнѣйшаго дѣйствія, и вводитъ въ нее какой-то особенный ужасный духъ.

Безконечность таинствъ вытекаетъ изъ безконечности существа Божія, которое со всякаго таинства снимаетъ предѣлы, границы, укороченія, обрѣзыванія, стрижку. По отношенію къ браку это снимаетъ количественныя рамки съ него, напр., почему-то остановившіяся на третьемъ бракѣ. Вспомнимъ, что Иисусъ бесѣдовалъ съ *пяти-мужнею* самарянкою и этою благостною бесѣдою освятилъ и четвертый и пятый бракъ и одно внѣ-брачное сожитіе (—„ты имѣла пять мужей, и котораго теперь имѣешь — не мужъ тебѣ“). Если *посвященіе* брака въ Канѣ Галилейской что-либо освящаетъ, то и эта *бесѣда* освящаетъ-же.

Теперь вопросъ: если по ученію церкви бракъ есть таинство, то не можетъ ли это быть, т.-е. сохранять свою силу, и какъ *полу-таинство* или даже *вовсе фиктивное* таинство? Въ связи съ этимъ можетъ быть допущенъ или ни въ какомъ случаѣ не допустимъ *полу-разводъ*. По нашему мнѣнію и даже убѣжденію существо Божіе не дѣлимо, и посему таинства не раздѣляемы; но они или *есть*—какъ безконечныя, безгрѣшныя и неограниченныя, или ихъ *вовсе нѣтъ*, т.-е. его нѣтъ въ данномъ случаѣ, напр., между двумя этими раздѣхавшимися людьми. Вотъ почему законъ о такъ называемомъ „разлученіи супруговъ“, безъ дачи въ тоже время имъ полнаго развода съ правомъ новой семьи, — болѣе потрясаетъ существа брака какъ таинства, нежели полный разводъ, который укорачиваетъ таинство, но не *отустошаетъ* его и не ставитъ на мѣстѣ его *фикцію, терминъ, пустое имя*.

Разговоръ со старцемъ.

— У насъ бракъ необычайно твердо поставленъ. Онъ не расторгается ни по какимъ причинамъ; не расторгается даже тогда, если жена рождаетъ дѣтей отъ посторонняго мужчины, къ которому она переѣхала въ квартиру. Сколько примѣровъ ... Анна Каренина“ не мнѣ...

Такъ говорилъ, сухо мямля одинъ юристъ, съ которымъ я об-суждалъ внѣшнюю постановку у насъ „великой и священной тайны“. Онъ не замѣчалъ, что я давно пришелъ въ ужась, и хотѣлъ было продолжать, но я его перебилъ:

— Но, послушайте... если такъ, то бракъ не только не поставленъ какъ вы говорите: „прочно“, но даже онъ и вовсе не поставленъ. *Matrimonium non est, ibo matrimonium est fidelitas.* Вы не шутите?

— Конечно, въ законѣ не сказано прямо: „жена можетъ при мужѣ рождать дѣтей отъ чужаго или чужихъ мужчинъ“. Но законъ твердо говоритъ: если мужъ жалуется, а сосѣди и акушерка подтверждаютъ, что жена такого-то мужа разрѣшается отъ бремени въ квартирѣ посторонняго холостого человѣка, гдѣ она живетъ не годъ, не два, а много лѣтъ по записи въ домово́й книгѣ; но при этомъ никто не видалъ, какъ собственно она и этотъ холостой человѣкъ спятъ, да и мало что спятъ—а какъ *любятся*, то бракъ. то святое таинство брака не считается разрушеннымъ“.

Одно воспоминаніе.

Немножко изъ воспоминаній. N. гимназія; учитель латинскаго языка (не выдумываю) К—ръ; дѣти—дочери 11 лѣтъ и 7 лѣтъ; жена... но нужно сперва сказать о мужѣ.

Почему у него было съ желтизной лицо—я не знаю; онъ былъ чуть-чуть за средніе годы, лѣтъ 37. Но я никогда не видалъ такого ужасно унылаго лица, и пергаментно унылаго; безъ скорби и вообще безъ остраго, а тупо унылаго. Кажется, душа въ немъ никогда не зарождалась. Не могу его лучше характеризовать, какъ разскажомъ другого учителя, П. Д. П—ва:

Разъ будто-бы Францъ Францычъ приходитъ въ гимназію, когда еще двери были заперты:

„— Заперты, Францъ Францычъ,—говоритъ сторожъ.

„— Ничего, я по двору похожу.

И „походилъ“. Отперли—онъ вошелъ. Далъ урокъ или что-то сдѣлалъ нужное—и ушелъ. Рано онъ приходилъ потому, что не хотѣлъ опоздать къ молитвѣ. На лѣто его оставляли „исправляющимъ должность директора“.

„— Вѣдь вы, Францъ Францычъ, никуда не уѣдете?

„— Я никуда но уѣду.

„— То-то, мы всѣ уѣзжаемъ. Такъ вы ужъ посмотрите за гимназіюю.

„Смотръ“ состоялъ въ томъ, чтобы гимназія (зданіе) никуда не уѣжала. И лѣтомъ онъ тоже каждый день приходилъ въ гимназію. Посидитъ съ часъ.—„Все исправно“?—„Все исправно“. И уходилъ.

Другое воспоминаніе о немъ—мое собственное. Я видѣлъ его въ Москвѣ, уже инспекторомъ гимназіи. Пришелъ я на Рождество.

„— Ну какъ, Францъ Францычъ, вы справились съ учениками въ такой людной гимназіи?

Онъ улыбнулся.

„— У меня методъ. Я справился у помощника класнаго наставника о фамиліяхъ всѣхъ учениковъ, при распредѣленіи ихъ по партамъ: какъ фамилія у перваго, положимъ, справа, у втораго — слѣва, на третьей скамьѣ съ конца, и т. д. И записалъ на бумажку. Сажу на каедрѣ и бумажка подъ руками. Ученикъ разговариваетъ, и это—первый мой урокъ. Я смотрю на бумажку (мѣсто и фамилія) и говорю рѣко:

„— Колесниковъ не разговаривайте.

„Онъ пораженъ. Конечно—онъ пораженъ! И всѣ пораженъ, потому что вѣдь урокъ-то первый и я ихъ въ первый разъ вижу. Въ первый разъ вижу, и они видятъ, что я ихъ всѣхъ знаю“.

Онъ улыбнулся. Я дѣйствительно былъ пораженъ. Теперь жена. Хорошенькая чешка или русинка. Полненькая, и съ какимъ-то задоромъ въ лицѣ. Что-то обаятельно милое и веселое; какая-то ласка, даже къ кошкѣ, случайной въ комнатѣ, обращенная, не только къ гостю. Она не безукоризненно (съ заппками) говорила по-русски, и это сообщало ей прелесть иностраннаго. У нихъ жили пансіонерами („нахлѣбниками“) ученики 6—8 класса, т.-е. начинали съ 6-го, и кончали гимназію. Мнѣ говорили, но тогда я не вѣрилъ (не обращалъ вниманія), что она—только ожидала, когда мужъ уйдетъ на педагогическій совѣтъ: таковой бывалъ въ недѣлю разъ, а такъ-называемые „совѣты за учебную четверть“ тянутся съ семи до часу (ночи). Нахлѣбниковъ было немного, 3—4, но это—какъ теперь вспоминаю,—были первые красавцы гимназіи. Ужъ такой подборъ былъ или такъ удавалось.

Насколько мужъ былъ унылъ, настолько она оживлена. Нѣтъ ни хохота и вообще ничего веселаго, но она какъ-то цвѣла счастьемъ. Что-то безконечно удовлетворенное было въ складкахъ губъ, въ ямкахъ щекъ. Отмѣчу еще, что не красавица—она была очень хороша чудесной тѣлесной чистотой и абсолютнымъ отсутствіемъ нахальства, задора, ухаживанія за вами, нескромности. Мадонна не мадонна, а для учительницы—хоть куда. Помощникъ попечителя очень оцѣнилъ таланты ея мужа, и послѣ рѣвизіи N. гимназіи сейчасъ же (т. е. къ концу этого учебнаго года) назначилъ его инспекторомъ (повышеніе) въ Москву. Какъ инспекторъ, онъ получилъ казенную квартиру въ той самой гимназіи, гдѣ имѣлъ квартиру и помощникъ попечителя. Когда я пришелъ къ товарищу на Рождествѣ, —звонокъ, шумъ и вдругъ входитъ „высшее начальство“.

Я его хорошо зналъ. Это былъ и мой директоръ гимназіи, попавшій за дѣйствительно огромный практической дисциплинарный ужъ въ помощники попечителя. Въ это время онъ былъ уже лѣтъ 62, гигантскаго здоровья, не толстый, а како-то налитый кровью, весь красный.

Я почтительно сѣлъ поодаль. К-ръ тоже поодаль.—„Гдѣ же

дѣти, гдѣ же дѣти ваши?“ (у него была чудная дикція). Дѣвочка 13 лѣтъ (удивительно угрюмая, очень хорошенькая, начало Пушкинской Татьяны) вышла. Онъ посадилъ ее на колѣни. Мама—щебетала.

— Какъ онъ къ вамъ попалъ?—спросилъ я по уходѣ его.

— Да онъ во второмъ этажѣ, прямо подь нами.

Въ это-то посѣщеніе рассказалъ онъ мнѣ и о „методѣ“,

Черезъ много лѣтъ (5—7) услышалъ я отъ своего покойнаго брата, тоже директора гимназіи, что бѣдный К-ръ „сталъ жѣшаться“ (въ умѣ), и съ указаніемъ причины.

— Да вѣдь ему давно все равно, замѣтилъ я.—И рассказалъ про гимназистовъ.

— Очень было трудно... Тамъ могли быть подозрѣнія, а тутъ—на глазахъ всѣхъ. Оскорбительно. Тоже человѣкъ, а не трава.

Теперь бросаю рассказъ, въ сущности не интересный, и обращаю къ темъ, сильно взволновавшей печатъ прошлаго года и вдругъ какъ-то умолкнувшей. Спрашиваю всѣхъ, и спрашиваю чистосердечно и серьезно, кто писалъ тогда противъ развода: какое есть средство мужу, вообще христіанскому мужу, устранить изъ семьи своей вотъ такую *Cleopatra e sui amanti*.

— Стрѣляться, побить, убить!—скажутъ.

— Да позвольте: онъ прежде всего не имѣетъ темперамента для этого. Да вѣдь и ничего нѣтъ, не на его же глазахъ, и все—постепенно, все съ ужасной постепенностью, такъ что когда „револьверъ взятъ“—то уже привыкъ, обтерпѣлся. Позднышевъ—тотъ дикъ, тотъ—alter ego Толстого; а это—просто титулярный совѣтникъ, но вѣдь и титулярному совѣтнику нужно счастье, нужна чистая семья, которая чѣмъ же ему, молодому и красивому (онъ былъ красивъ) человѣку не была обѣщана красивою и скромною молодою дѣвушкою? И я то ее видѣлъ не только въ N., но и въ Москвѣ, скромною и все такую же милою. Да увѣренъ, она и сейчасъ—милая пожилая дама и истинно удивительное въ ней было, что ни соломенки, ни задоринки собственно тѣлесно развратнаго въ ней не было. Иностранность ли ее спасала, или что она не была въ русскомъ смыслѣ развита, или то, что у нея было дѣти: но впечатлѣніемъ милой и чистой женщины вѣяло отъ нея. Истинно—трава; во-истину трава Божія: т. е. я хочу сказать, что „e sui amanti“ просто опыляли ее какъ траву и она чувствовала это спокойно и невозмутимо какъ трава.

Но не въ этомъ дѣло, а въ положеніи мужа; конечно—онъ и въ судъ не пойдетъ за разводомъ, не пойдетъ въ консисторію. Онъ скромный и тихій человѣкъ, и единственная сила, какая у него есть—вымести (и непременно—безъ свидѣтелей) соръ изъ своего дома, изъ своего тихаго латинскаго кабинета. Можемъ ли мы лишить его этого счастья? Можемъ ли сказать: „а, попался, и терпѣ!“

Святое этого не может ему сказать, а церковь—свята. Въ этомъ-то и весь вопросъ, что церковь свята, и что отъ нея совсѣмъ другія требованія, чѣмъ отъ государства. Она—*мать*, и не можетъ сказать какъ домохозяйинъ жильцу: „удобна или неудобна вамъ квартира, а ужъ контрактъ заключенъ“. Она—*мать* и вотъ въ этомъ весь вопросъ, что ни къ кому она не можетъ стать мачихою или злой свекровью:

„-- Нишкни... Не до тебя дѣло.

Не можетъ этого сказать, сейчасъ же не совлекшись святости. Такъ что вопросъ о разводѣ и есть собственно вопросъ о церковной святости, которая сохраняется лишь при условіи, если церковь шачетъ со всѣмъ тихимъ и чистымъ:

„— Ты—титularный совѣтникъ, и вотъ тебѣ—титularная совѣтница“.

А Cleopatra'у—вонъ. Увѣренъ, что Cleopatra и не была бы Cleopatra, не будь у ней каменной стѣны надежды:

— Вѣдь потихоньку...

„Вѣдь потихоньку!“ — вотъ картина европейской семьи, и условіе, и положеніе, разъ что *метла очистительная* субъективнаго, скромнаго, внутренняго дома лежитъ не дома, а гдѣ-то на улицѣ, въ пожарномъ депо, и надо зазвонить, закричать, опозориться, вымараться, чтобы позвать, съ поклономъ позвать, метлу къ себѣ:

— Ваше сіятельство, или — ваше преподобіе—выметите мой домъ: очень пахнетъ, не могу!

„Нѣтъ—ужъ лучше потерпѣть“, говоритъ тихій человѣкъ. И терпѣть. Иногда сходитъ съ ума, иногда — вѣшается. „Не умѣю кричать, просто я не умѣю кричать о своемъ домѣ, о своей женѣ, еще пока о своей женѣ. Члены консисторіи монументальны въ характерѣ и не могутъ этого представить. Но, думается, нужно счастья и тихимъ, и робкимъ людямъ. Маленькое счастье маленькимъ людямъ: т. е. право вымести Cleopatra'у изъ семьи. Здѣсь и лежитъ гений древняго разводнаго письма, тихое и чистое средство всегда сказать:

„— Ты входишь въ мой домъ семьянинкой и останешься въ немъ—пока семьянинка. Ты—для дѣтей, какъ я — для дѣтей и для тебя. Вотъ на столѣ у насъ разводное письмо: въ минуту, какъ ты перестанешь быть тѣмъ, для чего ты позвана въ семью мою—тебя нѣтъ вовсе“.

Кстати, вотъ древнѣйшая форма библейскаго разводнаго письма:

„Ты теперь свободна для всякаго“. И—подпись мужа.

И только. Суть развода, какъ расторженіе моего супружества, сама собою заключается именно въ словахъ, нисколько не оскорбляющихъ и выражающихъ просто фактъ: „ты теперь свободна и для другихъ“.

Просто и гениально. Интимный путь для интимного; интимная смерть того, что интимно родилось. И какъ это противоположно сложной и бездарной процедурѣ нашего развода: вотъ ужъ пустыя бочки, которыя стучать, за версту слышно, а толку — никакого. Какой-то площадный взглядъ на семью: и площадная ей смерть, „торговая казнь“. Не поэтично, не философично, и едва-ли религиозно.

Граждан. , 1900 г.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

VII. Кто, какъ и почему страдаетъ?

1.

Милостивый Государь,

Простите, что я, не имѣя чести быть знакомою съ вами, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбой.

Случайно мнѣ удалось прочесть въ № 8481 „Новаго Времени“ вашу статью „о непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“, изъ которой видно, что вы настаиваете на устраненіи трудности полученія у насъ развода, а также что еще въ прошломъ году внесены въ видѣ законопроекта на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учреждений вопросъ „о разлученіи супруговъ“, а потому я и рѣшила, описавъ свое ужасное положеніе, въ которое я поставлена, благодаря своему злополучному браку, просить васъ оказать мнѣ помощь своимъ совѣтомъ. 11 декабря 1894 г. я обвинена противъ своей воли съ поручикомъ Л., котораго я до вѣнчанья совсѣмъ не знала. На второй день послѣ вѣнчанія онъ уѣхалъ въ свой полкъ и только 14 января возвратился; и тогда только заставилъ стать его женой и передалъ мнѣ дурную болѣзнь (syphilis), о чемъ я узнала черезъ нѣсколько дней послѣ. почувствовавъ себя больною, и обратилась сначала къ мѣстному врачу, а потомъ къ специалисту мѣстнаго университета, профессору С-ву. Тогда же мужъ, для опредѣленія правильности теченія болѣзни, заявилъ, что онъ заразился этой болѣзью послѣ вѣнчанія отъ дурной женщины. Тогда же совмѣстная наша жизнь была воспрещена до полнаго выздоровленія, и я начала лечиться у профессора С-ва, мужъ же поступилъ въ Д-скій Госпиталь, который онъ скоро, не вылечившись, и оставилъ, уѣхавъ въ К., гдѣ велъ крайне дурную жизнь, какъ я узнала; мнѣ же въ то время писалъ онъ самыя оскорбительныя письма, а въ свои пріѣзды къ своимъ роднымъ, живущимъ въ одномъ со мной городѣ, и лично преслѣдо-

валъ и оскорблялъ меня. Въ одномъ изъ своихъ прїѣздовъ, по моей просьбѣ, онъ выдалъ подписку въ томъ, что принимаетъ на себя вину и согласенъ на разводъ, которую подписали и два свидѣтеля, бывшіе при томъ. Затѣмъ онъ скоро уѣхалъ въ Н., въ Сибири, куда перевелся на службу. Обращалась я къ присяжнымъ повѣреннымъ съ просьбой взяться выхлопотать мнѣ разводъ, но ни одинъ изъ нихъ не согласился, такъ какъ у меня не было достаточныхъ причинъ. По совѣту же одного изъ нихъ, я обратилась съ просьбою въ Комиссія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, о выдачѣ мнѣ отдѣльнаго вида, каковая просьба и удовлетворена, въ виду тѣхъ доказанныхъ произведеннымъ дознаніемъ причинъ, которыя я указала въ прошеніи. Но оказалось, что и отдѣльнаго вида не достаточно для развода. А такъ какъ я по закону должна вести бракоразводный процессъ по мѣсту жительства мужа въ Сибири, то я обратилась съ ходатайствомъ къ Св. Синоду съ просьбой разрѣшить вести дѣло по мѣсту моего жительства. Св. Синодъ, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ моего дѣла, изложеннымъ подробно въ прошеніи, разрѣшилъ не только вести дѣло въ Д—вѣ, но и отмѣнилъ требуемое закономъ судоговореніе, предписавъ консисторіи ограничиться истребованіемъ только письменнаго отзыва мужа на мое прошеніе, каковое требованіе и исполнено консисторіей 15-го Іюня. Въ доказательство виновности мужа, я представила въ консисторію скорбные листы профессора и военнаго госпиталя, а также указала на названныхъ Д—ской полиціей свидѣтелей, которые знаютъ безнравственную жизнь мужа; кромѣ того, я намѣрена представить въ консисторію имѣющуюся у меня копію постановленія Д—скаго губ. правленія по возбужденному полиціей преслѣдованію противъ мужа, за одно изъ столкновеній мужа съ полиціей, за что онъ былъ преданъ суду. Изъ за этого брака я потеряла около пяти лучшихъ годовъ жизни, пережила и переживаю тяжелыя физическія и нравственныя страданія, истратила на хлопоты и леченіе значительную часть средствъ своихъ, больше восьми тысячъ рублей; изъ-за него же пошатнулось значительно здоровье старухи матери, съ которой я живу. И единственнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ было бы для меня полученіе развода, который бы далъ мнѣ надежду на лучшее будущее, и въ полученіи котораго я была до послѣдняго времени вполне увѣрена. Но къ глубокому моему отчаянію я на дняхъ случайно узнала изъ вполне достоверныхъ источниковъ, что мужъ далъ отзывъ, но не въ пользу развода, желая затянуть дѣло и заставить меня въ конецъ разориться. И вотъ потому-то я и рѣшила обратиться съ убѣдительною просьбой къ вамъ, не посовѣтуете ли вы мнѣ изъ челоуѣколюбія, какъ мнѣ быть теперь, или хотя что мнѣ можно ждать отъ новаго закона о разводѣ и какъ скоро онъ будетъ.

Въ послѣднее время я узнала, что мнѣ можно было бы просить о признаніи брака недѣйствительнымъ, какъ заключеннаго по принужденію, что многіе положительно могутъ подтвердить. Имѣю ли на это право? На дняхъ долженъ получиться въ консясторіи отзывъ мужа и я должна на что-нибудь рѣшиться.

Ради Бога не оставьте меня безъ отвѣта.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ къ вамъ уваженіи.

Анна С—нъ.

Р. S. У меня положительно не съ кѣмъ посовѣтываться, а потому не откажите ради Бога въ своихъ совѣтахъ. Неужели не будетъ измѣненъ нашъ ужасный законъ о разводѣ? Кому нужны мученія и траты денегъ большихъ, какія необходимы при разводѣ; а также кому нужно такое ужасное наказаніе, какъ лишеніе виновнаго права вступать въ новый бракъ? А. С—нъ.

2.

Милостивый государь!

Прочитавъ „Элементы брака“, рѣшаюсь написать вамъ мою благодарность отъ всего моего сердца, изстрадавшагося отъ горя жизни. Вы затронули такой вопросъ жизни, который требуетъ реформы. Если существуетъ въ практикѣ разводъ при бракѣ, — то зачѣмъ же не сдѣлать этого доступнымъ для *всѣхъ*, не отбросить всю ту ложь и обманъ, которымъ пріобрѣтается право свободы? Если бракъ таинство, то зачѣмъ же разрушать его можетъ только то, чего никто не видитъ и видѣть не можетъ, и лже-свидѣтели есть главный элементъ для того, чтобы нарушить даже великое таинство, и тѣмъ подрываютъ святость его. Свобода дѣйствій, не нарушая нравственныхъ принциповъ жизни, — вотъ долженъ быть, по моему, идеалъ брака. Что же видимъ въ жизни? Таинство брака прикрываетъ измѣну, обманъ общества, создаетъ жизнь несчастнымъ внѣ-брачнымъ дѣтямъ, и все это приносится въ жертву крѣпостнаго права, въ которомъ находятся мужъ или жена. Величайшее зло въ томъ, что для развода требуется согласіе того изъ супруговъ, который властвуетъ и создаетъ адъ, а не жизнь въ семьѣ. Очень рѣдки такіе случаи, когда оба желаютъ свободы, въ большинствѣ же случаевъ тотъ, кто не желаетъ развода, одинъ только получаетъ право мучить собою другого, зная, что *желаютъ* его, да не могутъ получить безъ согласія.

Это такой адъ, такая мука, что нѣтъ тяжелѣе пытки въ семейной жизни. Собираются представители духовенства, желаютъ что-то предпринять для уменьшенія внѣ-брачныхъ связей. Сдѣлали бы легче разводъ, тогда уменьшились бы быстро и внѣ-брачныя связи. Супруги, имѣя дѣтей и зная, что разводъ легко дается, будутъ несравненно больше дорожить другъ другомъ, и

изъ любви къ дѣтямъ будутъ взаимно стараться охранять миръ и любовь. Трудность развода есть главная причина увеличенія нелегальныхъ связей. Нелегальная связь не есть безнравственность, а неизбежное зло: когда мужъ и жена, узнавъ ближе другъ друга, ни въ чемъ не удовлетворяютъ одинъ другого, какой же тутъ можетъ быть союзъ душъ? Нельзя требовать совершенства, и человѣкъ не можетъ жить безъ отвѣта на свои душевные запросы, когда его душевный миръ игнорируется. Моя личная жизнь вся разбита съ самыхъ юныхъ лѣтъ отъ *крѣпости брака*. Вся жизнь прошла въ страданіяхъ нравственныхъ, а могло быть и счастье и радость, еслибъ можно было разрушить бракъ безъ согласія другого лица, и безъ той тяжелой процедуры, которая требуетъ жесвидѣтелей и денегъ. Святость брака и вся система расторженія его такъ противоположны, какъ небо и земля, и самый процессъ развода есть прямо кощунство! Долго ли это у насъ будетъ? Неужели духовенство не замѣчаетъ того, что бракъ, который могутъ разрушить жесвидѣтели, не можетъ считаться святымъ, тогда какъ таинство должно быть свято и неприкосновенно. Если таинство покаянія можетъ быть совершено не одинъ разъ въ жизни, почему же и таинство брака не можетъ освящать каждую поразнѣ связь? Ни одинъ любящій отецъ, или мать, не будутъ безъ уважительной причины желать разлуки съ отцемъ, или съ матерью своихъ дѣтей, но если совмѣстная жизнь сдѣлалась адомъ, то что же дѣлать? Жить съ человѣкомъ, съ которымъ общаго ничего нѣтъ, когда и дѣтей даже нѣтъ, а есть только *законный* бракъ, который крѣпко держитъ свою жертву именемъ *закона*, а живутъ *беззаконно*. Нельзя всѣхъ молодыхъ людей брать подъ опеку и мѣшать поспѣшному браку, когда знаютъ одинъ другого нѣсколько мѣсяцевъ, и конечно *вовсе* не ищутъ другъ въ другѣ собственно *человѣка*. А когда узнали, то оказались связанными, и это сознаніе неволи только еще болѣе вооружаетъ и обостряетъ отношенія. И именно бракъ и дѣлается орудіемъ пытки, и вся жизнь разбита. Я принадлежу къ числу глубоко вѣрующихъ, и меня поражаетъ именно то, что бракъ какъ таинство поставленъ не на высотѣ своего великаго значенія. Чтобы таинство покрывало семейный раздоръ и измѣны,—этого не должно быть. Коль скоро существуетъ измѣна, таинство *нарушено* по существу, и надо признать это явно, уважая святость брака съ религіозной стороны. Въ настоящее время я знаю семью, гдѣ идетъ процессъ о разводѣ. Что за ужасная процедура, унижающая всякое достоинство человѣка! И прежде чѣмъ дожидаться этого—цѣлые годы самыхъ злобныхъ отношеній, вражды, ненависти и т. д.,—все то, что противно заповѣдямъ Христа; и ничего бы этого не было, еслибъ не считали брака чѣмъ-то въ родѣ рабства, самаго тяжелаго, хуже чѣмъ было крѣпостное право. Пресса—великая

сила въ жизни, и еслибъ почаще писали объ элементахъ брака, то быть можетъ и общество потребовало бы радикальной перемены въ формѣ брака и его расторженіи. Современная семья не можетъ мириться съ крѣпостнымъ правомъ, это выше силъ человѣческихъ. Такой бракъ былъ еще терпимъ, когда женщины жили въ теремахъ, а ихъ мужья имѣли свой гаремъ изъ крѣпостныхъ, и женщина была вещью для мужа, и считала себя счастливой уже тѣмъ, что она *удостоилась* выбора въ супруги. Обманъ такъ и царствуетъ при разводѣ. Въ большинствѣ случаевъ мужъ беретъ на себя *вину*, и лишается правъ жениться. За что? почему? И этимъ дается ему поводъ къ нелегальной связи; вѣдь разводъ не можетъ же его превратить въ аскета? И что же дальше? Нелегальная семья, внѣ-брачныя дѣти! А если женится, то живетъ въ страхѣ, что его бракъ можетъ быть разторгнутъ каждую минуту по доносу, и дѣти теряютъ ихъ отца; и такой случай я знаю. Гдѣ же выходъ?—„Семьи, говорятъ, воспитываютъ дѣтей“, такъ и надо дать *свободу нравственную*, чтобы дѣти видѣли миръ, согласіе въ семьѣ, а не ненависть, или рабство. Что ужаснѣе можетъ быть для дѣтей, какъ не разладъ между самыми дорогими для нихъ людьми. Сердце ребенка болитъ за обоихъ, и бѣдное дитя не понимаетъ, *за что* все это? Отравляютъ дѣтскіе года этой жизнью, когда между ихъ родителями нѣтъ той любви, которая создаетъ нравственную семью. Примѣры нелегальной семьи говорятъ, что тамъ больше любви, душевнаго согласія, потому что не чувствуютъ гнета неволи. Простите, что говорю то, что есть большое мѣсто въ моемъ сердцѣ. Это вопросъ близкій почти всѣмъ.

С. Ч—ская.

3.

Милостивый Государь,

Господинъ Розановъ.

Прошу васъ защитить печатно подобныхъ мнѣ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. У меня жена психически больна 5 лѣтъ, находится въ больницѣ и нѣтъ надежды на выздоровленіе. Но какъ же тутъ быть? Я мужчина еще молодой и полный силъ и надеждъ, могъ бы жить порядочно, но не тутъ-то было. Я пробовалъ искать закона въ томъ, что не могу-ли жениться. Прихожу за совѣтомъ къ адвокату, онъ говоритъ: „знаете, у насъ на это нѣтъ закона; но я могу это устроить: а вамъ будетъ стоить 2000 руб.“. Я только могъ опомниться; мнѣ за эти деньги надо 4 года работать, „и то“, онъ добавилъ, „съ тѣмъ условіемъ, что впередъ 1500 руб., а остальные потомъ“. Но конечно я пробую найти защиту въ другомъ мѣстѣ; являюсь къ митрополиту; мнѣ тамъ отвѣчаютъ: „мы ничего не можемъ сдѣлать, на это законовъ нѣтъ; можетъ быть вы замѣ-

чали у ней раньше признаки умопомѣшательства?“ Я имъ говорю, что родные были уже подобной болѣзнию больны. „Ну вотъ, представьте ихъ намъ свидѣтельства“. А гдѣ я ихъ возьму, когда они давно умерли? „Но тогда мы ничего не можемъ сдѣлать“. Я только подумалъ, что тутъ нельзя искать закона, а только беззаконія, и такъ примирился съ жизнью. И вотъ, въ результатѣ то, что приходится размножать беззаконныхъ дѣтей и сѣтовать на то, что подобные законы должны быть обсуждаемы духовенствомъ и къ тому же монашествующими. Какой же можетъ монахъ дать законъ? А подобныхъ горемыкъ, какъ я, очень много. А сколько грѣха, гдѣ бы смотрѣть на законы какъ на святость. Но въ концѣ концовъ все это ложь и ложь человѣческая; говорятъ, что она можетъ завтра поправиться. Но вотъ у меня уже трое дѣтей отъ другой и скоро четвертый будетъ; но, выйдетъ она изъ больницы, къ кому же мнѣ пристать? Съ женою у меня дѣтей не было, а тогда придется воевать съ закономъ противъ беззаконія. Простите, что я такъ безграмотно написалъ, я человѣкъ торговый и мало образованный. Если найдете возможнымъ, то напишите что-либо.

Остаюсь вѣрующій въ васъ, какъ гласъ вопіющій въ пустынь; можетъ быть и услышать.

Смѣшанные присяжные суды въ вопросахъ семьи и брака.

Было бы совершенно напрасною попыткою утверждать, что государство не имѣетъ огромной доли участія въ семьѣ и бракѣ: семья есть ячейка государства, есть клѣточка огромнаго политическаго тѣла. Столь же напрасно было бы пытаться доказать, что семья и бракъ не подлежатъ вовсе сужденію самихъ супруговъ, людей совершенно частныхъ, но состоящихъ въ бракѣ и несущихъ какъ сладость, такъ и горечь его. И индивидуумъ, и государство совмѣстно съ церковью имѣютъ въ этомъ чрезвычайно сложномъ институтѣ свою долю интереса, а слѣдовательно и долю права наблюдать за нимъ и регулировать его. Эта сложность заинтересованныхъ сторонъ прямо приводитъ къ мысли о созданіи смѣшаннаго учрежденія, которое вѣдало бы вопросы семьи и брака. Пусть это учрежденіе называется „судомъ“ или „комиссіею“, пусть оно дѣйствуетъ безъ присяги или подъ присягою и въ послѣднемъ случаѣ называется „присяжнымъ судомъ“ или „присяжною комиссіею“. Но въ названіяхъ дѣло: дѣло въ составѣ ея, куда вошли бы всѣ три заинтересованныя стороны: четыре священника, четыре коронныхъ судьи, четыре совершенно частныхъ человека, по выбору или по назначенію. Подробности можно урегулировать, о подробностяхъ можно сговориться. Важна мысль, важенъ планъ—и мы его предлагаемъ и на немъ настаиваемъ.

Процедура развода вѣдь уже давно поставлена не на почву прелюбодѣянія, о которомъ въ безднѣ случаевъ никто не спорить, по о такъ-называемыхъ „юридическихъ доказательствахъ“ прелюбодѣянія, т.-е. о доказательствахъ, имѣющихъ силу передъ лицомъ закона и передъ „господами судьями“. Какъ извѣстно, даже личное признаніе которой-нибудь стороны въ винѣ своей или признаніе обѣими сторонами, что между ними все кончено и никакой совмѣстной жизни нѣтъ, супружества вовсе нѣтъ, — все это не принимается теперь во вниманіе и не служитъ поводомъ къ формальной касациіи умершей связи.

Вниманіе „разводителей“ начинается тамъ, гдѣ есть третій свидѣтель и гдѣ есть протоколъ. Но „протоколъ“ и „свидѣтель“— это есть элементы не тайнства, а суда; а когда это дѣло „суда“, то надо давно подумать о совершенствѣ суда, объ организаціи суда, о компетенціи и безпристрастіи „господь судей“. Что это за археологія, что за древности „Любушина суда“, которымъ дозволялись чехи въ до-историческую пору и перешли къ болѣе совершеннымъ формамъ, какъ только переступили за порогъ мифовъ и вступили на путь ясныхъ и точныхъ историческихъ фактовъ! Не слишкомъ ли элементаренъ и судъ у насъ о семьѣ и надъ семьей? Приходитъ въ судъ мужъ, плачетъ.—„Тебѣ чего?“—„Жена четвертый годъ у сосѣда живетъ и надо мной насмѣхается“.—„Свидѣтели есть?“—„Какъ же, вся деревня—свидѣтель“.—„Да нѣтъ, не такой свидѣтель, что она не живетъ съ тобою, и не такой свидѣтель, что она живетъ съ другимъ, а такой особенный свидѣтель и даже три свидѣтеля, что словъ ихъ свидѣтельства ни въ бумагу вписать, ни вслухъ сказать нельзя—вотъ мы такого послушаемъ, а тогда и слово молвимъ“.—„Смиловитесь, отцы, нѣтъ такого свидѣтеля: такой свидѣтель большихъ денегъ стоитъ, а у меня—котомка за плечами, а жена мнѣ нужна, потому хозяйство, да и дѣти“.—„Пошелъ, пошелъ...“

Согласитесь, что это „Судъ Любуши“ по наивной простотѣ.

Или приходитъ женщина, горло завязано.—„Зарѣзалъ меня мужъ-то“.—„Ну, однако, не дорѣзалъ?“—„Нѣтъ, не дорѣзалъ, лезвіе-то въ сторону свернулось“.—„Этакій грѣхъ, этакій грѣхъ... Вѣдь и говорено вамъ было—„лучше не жениться“; однако ничего, заживетъ: а вы храните любовь и согласие и внимательнѣе блюдите святое тайнство. Иди, милая, съ Богомъ“.—„Да какъ же, вѣдь онъ меня зарѣжетъ“.—„Иди, иди, милая, намъ некогда“.

Согласитесь, что все это ужъ слишкомъ просто, и въ такомъ деликатнѣйшемъ дѣлѣ.

Если вы имѣете вексель, на которомъ неправильныя подписи, вы обратитесь къ усовершенствованному суду, который внимательно и зорко разберетъ вашъ возможный ущербъ на 200 руб. и жестоко накажетъ того, кто покусился нанести вамъ этотъ ущербъ, этотъ булавочный уколъ вашему состоянию. Но вы съ ума сходите отъ горя; ваша жизнь разбита; вы близки къ сумасшествію или къ преступленію—и вамъ отвѣчаютъ: „успокойтесь“, „примите бромъ“.—„Да вѣдь есть Божій судъ?...“—„Ну, что вы, тотъ будетъ за гробомъ“.—„Но есть человѣческій судъ для дѣлъ совѣсти, для мукъ совѣсти. Я не животное, а человѣкъ; я—христіанинъ и прошу христіанскаго суда надъ тѣмъ и о томъ, что сводитъ меня съ ума“.—„Вотъ какая сложная оказія. Есть свидѣтели-то?“—„Свидѣтель—лицо мое, слезы мои; друзья мои, родные мои, всѣ знаютъ и видѣли жизнь мою личную и нашу совмѣстную

жизнь. Ихъ послушайте, меня спросите“.— „Нечего намъ спрашивать и нечего намъ слушать, мы слушаемъ только особыхъ свидѣтелей, и которые имѣютъ хитрость такое видѣть, чего никто не видитъ и чего никому не показываютъ“.— „Тогда я застрѣлюсь“.— „Пожалуйста, только не въ учрежденіи, а отойди шаговъ 50 въ сторону“.

Весь секретъ археологіи, которую мы оставляемъ въ силѣ, лежитъ въ томъ, что не обращено вниманія на сложность семьи и на то, что въ семейномъ правѣ, въ брачномъ правѣ есть три участника, которые имѣютъ каждый свою компетенцію въ дѣлѣ. Государство стоитъ на фактѣ семьи и на желательности этого факта для каждаго индивидуума и во всѣ дни его жизни. Государство никакъ не можетъ становиться на почву номинальнаго брака,—оно заинтересовано только нравственною стороною всякаго фактическаго сунружества, гдѣ бы и какъ бы оно ни сложилось; и оно также не можетъ допускать ни крови, ни преступленій, ни тайнаго прелюбодѣянія, которое растлѣваетъ нравы, а ему нужны чистые нравы и здоровое народонаселеніе. Въ сущности эта точка зрѣнія есть точка зрѣнія и индивидуума, и онъ никогда не пойдетъ въ разрѣзъ съ государственнымъ воззрѣніемъ на семью, какъ на фактъ, который есть только тогда, когда онъ цѣлъ и когда онъ чистъ. И вотъ, намъ думается, смѣшанный судъ или смѣшанная коммиссія съ правомъ признавать семью упраздненною юридически послѣ того, какъ она фактически не существуетъ, и съ правомъ одному невинному или обоимъ сомнительно-виновнымъ сторонамъ открывать возможность вступленія въ новую семью,—такой судъ есть потребность времени.

Семья есть самый тонкій институтъ, весь сотканный изъ духа, нервовъ и крови. Нельзя тутъ взять циркуль и отмѣрить, взять линейку и провести черту. Нужно тутъ послушать, нужно тутъ поспрашивать; нужно духовно судить духовное и совѣстно судить вопросы совѣсти.

Матерьялы къ рѣшенію вопроса.

VIII. Открытое письмо В. В. Розанову.

Многоуважаемый Васплій Васильевичъ! Въ самое послѣднее время вы, къ великой радости и ликованію безчисленнаго числа тѣхъ скверныхъ русскихъ женъ, которыя, забывъ о чувствѣ долга, желаютъ поскорѣе освободиться отъ стѣснительныхъ брачныхъ узъ и на волѣ отдаться всѣмъ прелестямъ свободной любви, вы, повторяю я, стали проповѣдывать въ печати облегченіе развода. Конечно, вамъ, какъ умному и образованному человѣку, неловко публично говорить, что разводъ въ Россіи нуженъ для удовлетворенія необузданнаго полового инстинкта нашихъ скверно воспитанныхъ и съ юныхъ лѣтъ, при помощи театровъ, баловъ, дурного чтенія и т. п., развращенныхъ женъ. Вы, поэтому, представляете утвержденіе, что разводъ нуженъ для сохраненія чистоты таинства брака. Вы признаете бракъ таинствомъ, что, конечно, дѣлаетъ большую честь вашему нравственному мужеству, такъ какъ въ наше время громко, да еще въ печати, говорить о таинствѣ брака не принято, но въ дальнѣйшемъ, по моему скромному мнѣнію, вы отчасти впадаете въ ошибку, о которой я и хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами. Вы не богословъ и я не богословъ, но есть вопросы, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія ни для кого изъ христіанъ. Къ такимъ вопросамъ, думается, принадлежитъ и тотъ, который вы затронули въ вашихъ статьяхъ о бракѣ и разводѣ. Вы, если не ошибаюсь и если я вѣрно понялъ ваши мысли, утверждаете, что съ того момента, какъ нарушена чистота супружескаго союза, какъ въ бракъ вкралось прелюбодѣяніе — таинство брака перестаетъ существовать, и остается лишь простое плотское сожительство, являющееся лишь оскорбленіемъ таинства брака. Отсюда можно вывести заключеніе, что вы думаете, что таинство перестаетъ быть таинствомъ, разъ зародился и развился грѣхъ, его осквер-

няющій. Но вѣдь и крещеніе — таинство, такое же какъ бракъ, однако не прекращается же благодатная сила его, когда человекъ согрѣшитъ. Вѣдь, если думать, что грѣхъ уничтожаетъ силу таинства, то до же чего мы дойдемъ? Все люди, получившіе таинство крещенія, ежедневно, ежечасно, ежеминутно согрѣшаютъ, но все же они остаются дѣйствительными членами Церкви, все же они не теряютъ возможности получить вѣчное спасеніе, ибо есть еще таинство покаянія¹⁾, передъ таинственною и благодатною силою котораго бѣжить и ступшевывается сила грѣха. Вы предлагаете разводъ какъ нѣчто такое, что можетъ оздоровить, очистить, освободить отъ грѣха самую идею брака. По вашему, развѣ въ брачныя отношенія вкрался грѣхъ, супругамъ надо разводиться, чтобы не оскорблять таинство брака. Но развѣ вы не думаете, какъ я, что человекъ въ 999 случаяхъ изъ 1000 впадаетъ въ грѣхъ какъ бы случайно²⁾, увлеченный какимъ-нибудь изъ тѣхъ соблазновъ, которыми такъ богата наша современная жизнь, и что, при благопріятныхъ условіяхъ, онъ всегда готовъ раскаяться и тѣмъ очистить себя отъ грѣха. Облегчите разводъ, и вы добьетесь только того, что будутъ скоро и навсегда распалдаться и такія семьи³⁾, въ которыя грѣхъ проникъ случайно и въ которыхъ онъ легко могъ бы быть заглаженъ искреннимъ раскаяніемъ согрѣшившаго.

Разводъ допускается у насъ въ случаѣ прелюбодѣнія одного изъ супруговъ, это правда, но вѣдь далѣе въ Св. Евангеліи идетъ запрещеніе для разведенныхъ „вины прелюбодѣнія“ ради вступать въ новый бракъ. Вотъ и является мысль, что разводъ, въ крайнихъ случаяхъ, когда все мѣры увѣщанія супруговъ оказываются безсильными, можетъ быть допущенъ, но подъ условіемъ дальнѣйшаго абсолютнаго цѣломудрія⁴⁾ разведенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ нарушеніи чистоты таинства брака виновными почти всегда оказываются обѣ стороны, слѣдовательно, обѣ и должны

¹⁾ Конечно. И супругамъ, которые чистосердечно другъ другу каются въ возможномъ вездѣ грѣхѣ—нечего другъ съ другомъ разводиться. Но если они люты, злобы, и не только не каются, но и не глядятъ другъ на друга — что же у васъ въ чашѣ таинства, кромѣ грѣха и силою только грѣха? Тогда разбейте сосудъ, ибо онъ отравленъ. В. Р—въ.

²⁾ Въ *этихъ* случаяхъ нѣтъ и поминка о разводѣ. „Милые бранятся — только тѣшатся“. Я говорю объ *отсырѣвшихъ* квартирахъ брака, скверномъ его *климатѣ*; о *гнилыхъ яблочкахъ*, которые надо изъ корзины выбросить, а не „хранить ихъ въ прокъ“. В. Р—въ.

³⁾ Какъ это легко сказать. *Стрѣляются*—прежде, чѣмъ разлучиться: долго это страшно, мучительно, да и наконецъ громоздко, неудобно. В. Р—въ.

⁴⁾ Какъ вы къ нему *принудите*? Посовѣтовать — пожалуй, посовѣтуйте. Только въ законахъ не совѣтуютъ, а кратко: запрещаютъ или позволяютъ. В. Р—въ.

нести наказаніе за то, что не сумѣли соблюсти чистоту брака. Поэтому, если и можно желать въ Россіи облегченія развода, теперь затруднительнаго, то только, напримѣръ, подъ условіемъ поступленія обоихъ разведенныхъ супруговъ въ монастырь ¹⁾). Только съ такимъ рѣшеніемъ вопроса и можно согласиться, всякое же иное его рѣшеніе претитъ религиозному чувству русскихъ людей, что бы вы, многоуважаемый Василій Васильевичъ, ни говорили, какъ бы вы ни философствовали. Можетъ быть, съ моей стороны и слишкомъ смѣло возражать вамъ, но, право, вопросъ, затронутый вами слишкомъ жизненный и жгучій вопросъ, чтобъ о немъ молчать. Вѣдь отъ того или другого рѣшенія его зависить будущность нашей семьи, а слѣдовательно и будущность нашего государства... Москва. Примите и пр. *А. Скопинскій.*

(Изъ журнала «Москва», 25 янв. 1900 г.).

IX. Изъ закрытыхъ писемъ.

1.

Милостивый Государь.

Не имѣя удовольствія быть лично съ вами знакомымъ, я всегда съ большимъ удовольствіемъ читаю ваши статьи въ газетахъ и журналахъ. Служба не оставляетъ мнѣ такъ много времени, чтобы я могъ откликаться на жизненные вопросы, поднимаемые вами, но мнѣ неоднократно приходило желаніе подѣлиться съ вами своими впечатлѣніями, да все не удавалось. Вчера, прочитавъ вашу новую статью „Серія Недоразумѣній“, я рѣшился написать вамъ хотя нѣсколько словъ.

Прежде всего по поводу развода, который вы признаете необходимымъ, а ваши аплоэенты отвергають его необходимость. Думаю, что разводы и необходимы, и законны даже съ точки зрѣнія христіанской церкви. Вѣдь церковь признаетъ причиной для расторженія брака прелюбодѣяніе, но, къ сожалѣнію, настоящимъ служителямъ церкви необходимо прелюбодѣяніе какъ понимаютъ его евреи, а не прелюбодѣяніе съ точки зрѣнія Христа, почему и нужна практикуемая нынѣ пакостная процедура развода по причинѣ прелюбодѣянія.

Внемлите гласу Христа: „А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождѣльніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. И далѣе въ стихѣ 32 той же 5 главы Евангелія Матѣя Онъ признаетъ причиной развода прелюбодѣяніе.

Зачѣмъ же для церковнаго суда необходимо паскудное дока-

¹⁾ Вотъ охотникъ населять „пустыни“ и обезлюдивать города. *В. Г.—ст.*

зательство фактическаго прелюбодѣянiя, когда по Христу достаточно посмотреть съ вождельнiемъ, чтобы быть прелюбодѣемъ? Слѣдовательно, если люди рѣшились расходиться, то ранѣ этого сколько разъ каждый изъ нихъ прелюбодѣйствовалъ въ сердцѣ своемъ, какъ понималъ прелюбодѣянiе Христось?!

Далѣе, обращаясь къ вашей послѣдней статьѣ, въ которой вы признаете Л. Н. Толстого христіаниномъ внѣ церкви, невольно приходишь къ мысли, не слѣдовало ли бы признать для христіанъ внѣ церкви и внѣцерковнаго брака? Вѣдь церковь признаетъ бракъ, имѣющій въ виду продленіе человѣческаго рода; ну, а мужчина и женщина, вовсе не думающіе о продленіи человѣческаго рода и имѣющіе духовное сродство, общность идей, общую работу, развѣ не имѣютъ права на сожительство, которое имъ облегчило бы ихъ трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавалось бы незаконнымъ? Старика 65 лѣтъ и женщину 50 лѣтъ, которые уже не могутъ рассчитывать на продолженіе рода человѣческаго, церковь вѣнчаетъ, и они пользуются всѣми правами какъ мужъ и жена; такимъ образомъ поощряется чувственная сторона, за что, скажемъ, мужъ можетъ оставить своей женѣ по смерти пенсію. Если-же сошлись двое, исповѣдующіе высшую христіанскую любовь (толстовцы), и будутъ жить подъ однимъ кровомъ, воспитывая, скажемъ, чужихъ дѣтей, то сожительство это незаконно, подвергается насмѣшкамъ, и духовный мужъ и отецъ не можетъ оставить своей пенсіи своей женѣ и дѣтямъ, и они должны впасть въ нищету.

Не благоразумно-ли было бы узаконить духовные не церковные браки, въ которыхъ супруги пользовались бы тѣми же гражданскими правами, какъ и въ плотскихъ бракахъ, освящаемыхъ церковью?

Еслибы два лица, вступившія въ духовный бракъ, почувствовали влеченіе къ продолженію рода человѣческаго, то ничто не мѣшало бы имъ вступить въ церковь, а черезъ посредство ея и въ церковный бракъ, и, полагать надо, до расторженія такого брака дѣло никогда не дошло бы.

Государство ввело officialный блудъ и прелюбодѣянiе, употребляя нечеловѣческое насиліе надъ женщиною, заставляя ее вѣчно прелюбодѣйствовать за то, что она когда-то, можетъ быть чисто любя, довѣрчиво отнеслась къ мужчине и „пала“. Иди въ публичный домъ ¹⁾, и нѣтъ тебѣ просвѣта и надежды на исправленіе! И церковь не вопіетъ противъ этого. Такъ не благоразумнѣ-ли было бы государству узаконить идеальные духовные браки, хотя

¹⁾ Вотъ это хорошо! Ахъ, какъ это важно! Еслибы дѣвушкамъ (мнимо) „падающимъ“ были усвоены и узаконены ихъ дѣти, т. е. дамъ смыслъ и содержаніе ихъ жизни—разомъ на половину сократился бы (общественный) блудъ. Расцвѣли бы дома (частные) жизнью и дѣтьми, а притоны публичнаго разврата закрылись бы „за безработицей“. Можно

это и не согласуется съ правилами православной церкви, а въ церковныхъ бракахъ допустить разводы на основаніи прелюбодѣянія, какъ понималъ его Христосъ, которое никакихъ доказательствъ не требуетъ для людей, которые рѣшились развестись, такъ какъ въ сердцѣ своемъ каждый изъ нихъ прелюбодѣйствовалъ.

Хотя вы и говорите, что Толстой не понималъ христіанства, но думаю, что духовный бракъ, хотя и не предлагаемый Толстымъ, но въ духѣ его ученія, и разводъ—христіаннѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ настоящій бракъ, обратившійся, при отсутствіи развода, въ узаконенное поголовное прелюбодѣяніе, да ужъ не въ сердцѣ только, но въ фактическое прелюбодѣяніе. Ваши противники говорятъ, что развода не слѣдуетъ допускать для дѣтей, а для нихъ-то, мнѣ кажется, и надо допустить разводъ, такъ такъ зачѣмъ же ихъ воспитывать въ прелюбодѣянніи (прелюбодѣи вѣдь много внушить и не могутъ), а не въ истинномъ отношеніи одного пола къ другому?

Извиняюсь, что не знаю вашего имени и отчества, и остаюсь искренно васъ уважающій *Незнакомецъ*.

2.

Милостивый Государь!

Не могу не выразить вамъ свою глубокую признательность за ваши статьи о разводѣ. Вы не можете себѣ представить, сколько теперь въ провинціи говорятъ о разводѣ, благодаря вашимъ статьямъ. Все то, что каждый раньше сознавалъ и о чемъ думалъ, вы пишете—и такъ смѣло, такъ рѣзко. Много и мнѣ хотѣлось бы вамъ написать по этому вопросу, да думаю, что вамъ и такъ все извѣстно.

Подъ вліяніемъ вашихъ статей я невольно вспомнилъ и задумался о тѣхъ несчастныхъ, цскавшихъ развода, которыхъ дѣла тянулись десятки лѣтъ и о которыхъ вамъ извѣстно изъ Комаровскаго процесса ¹⁾.

сказать, что „домъ терпимости“ есть лѣвая сторона того же явленія, правая сторона котораго называется „незаконный ребенокъ“. И какъ только вы написали въ законѣ второе, такъ тотчасъ вписали въ „Вѣдомости градской полиціи“ и первое. *В. Р.—въ.*

¹⁾ Знаменитое дѣло братьевъ Скитскихъ, предполагавшихся убійцъ секретаря Полтавской духовной консисторіи Комарова. Кстати, вопросъ: Комаровъ, какъ я и вы, читатель, какое преимущество имѣлъ, или подобныя ему имѣютъ, передъ нами *вліять на бракоразводный процессъ*? И если онъ, безъ рясъ и духовнаго посвященія, вліялъ, задерживалъ на десятки лѣтъ разводъ (онъ былъ его фанатическимъ противникомъ), то это есть полный фундаментъ для того, чтобы вовсе изъять изъ консисторіи разводъ и передать его вообще свѣтскимъ, аналогичнымъ Комарову людямъ, не правда-ли? *В. Р.—въ.*

Почему бы вамъ не вспомнить объ этихъ несчастныхъ и не написать статью о нихъ? Представьте себѣ одну изъ нихъ. Подала прошеніе о разводѣ; ждетъ годъ, другой, третій и даже больше; вѣдитъ, хлопочетъ, подкупаетъ свидѣтелей, даетъ взятки, разоряется ¹⁾, наконецъ встрѣчаетъ того, кто могъ бы на ней жениться, если бы она была свободна, а потому проситъ секретаря консисторіи объ ускореніи дѣла, и вдругъ встрѣчаетъ съ его стороны рѣзкій враждебный приѣмъ, а служащіе консисторіи, изъ которыхъ Комаровъ даже столоначальника называлъ „чушкою“, называлъ при постороннихъ,—говорятъ, что „все зависитъ отъ секретаря“.

Пишите побольше о разводѣ. Можетъ быть наконецъ дождемся суда справедливаго, отвѣчающаго духу времени, и при томъ безъ взятокъ.

Р. С. На дняхъ я прочелъ въ газетахъ замѣтку о работахъ комиссіи, учрежденной для выработки мѣръ противъ незаконныхъ сожителствъ, и вспомнилъ свой разговоръ по этому вопросу съ членомъ консисторіи, который мнѣ сказалъ, что эта комиссія ни въ какомъ случаѣ не рѣшится настаивать на облегченіи развода, какъ на главномъ средствѣ предупрежденія незаконныхъ сожителствъ, такъ какъ трудность полученія его необходима для духовенства, и что въ этой комиссіи много будетъ только говорить, а мало должно ждать толку. Тогда я не повѣрилъ этому священнику, а теперь ясно вижу, что отъ комиссіи едва-ли можно ждать чего-либо порядочнаго. Съ истиннымъ почтеніемъ *Св—нь*.

3.

Многоуважаемый В. В. Убѣдительно прошу васъ напечатать, если вы найдете возможнымъ, эту маленькую статейку.

Уже годъ, а можетъ быть и нѣсколько болѣе, какъ начались пренія о святости брака, а также о необходимости развода. Съ одной стороны—горячія и крайне убѣдительныя статьи противъ закрѣпощенія личности бракомъ; а съ другой—можетъ быть и горячія, но туманныя и бездоказательныя за охраненіе „святости“ брачнаго союза. Голова кружится отъ множества цитатъ и головоломныхъ оборотовъ. Много словъ, но мало толку! Полное сочувствіе читающей публики возбуждаютъ статьи перваго рода. И вотъ очень желательно было бы, чтобы оппонирующіе этимъ статьямъ отвѣтили бы коротко и ясно, не вдаваясь въ богословскія словпренія, по совѣсти, конечно: какая семья достойна благо-

¹⁾ Чортъ знаетъ, что-такое. Просто нельзя повѣрить, что это въ благоустроенномъ государствѣ дѣлается; о христіанствѣ я уже и вопроса не подымаю. *В. Р—ва*.

словенія Божія и церкви, законная-ли, гдѣ отецъ, или мать, а иногда и оба вмѣстѣ, не сойдясь характерами, устраиваютъ жизнь по своему вкусу, что ведетъ въ большинствѣ случаевъ къ ссорамъ, открытой ненависти, выражаемой ругательствами самаго дурного свойства,—а часто и къ преступленіямъ; или же семья нелегальная, гдѣ члены семьи, побольшей части умудренные опытомъ предыдущаго супружества, живутъ мирно, любовно, заботясь горячо о воспитаніи дѣтей, и помогаютъ другъ другу нести бремя жизни, которое и безъ семейныхъ разладовъ, иногда, ухъ, какое тяжелое! Спрашивается, въ какой семьѣ дѣтямъ лучше живется, и изъ какой семьи можетъ выйти честный и нравственный гражданинъ, способный приносить пользу отечеству? Конечно, не можетъ быть вопроса въ томъ, что само-собою очевидно. За что же такія семьи лишаются благословенія церкви, и дѣти, рожденныя въ такомъ сожителствѣ, должны носить позорное клеймо „незаконнорожденный“? За что человекъ, сдѣлавшій ошибку въ молодости (т. е. женившись, или выйдя замужъ неудачно), обреченъ нести всю жизнь цѣпи неудачнаго брачнаго союза—болѣе тяжелыя, чѣмъ цѣпи каторжника, и за что дѣти — плоды сожителства—обречены на гибель, ибо, повторяю, что тамъ, гдѣ родители увлечены своими счетами и гдѣ вѣчныя ссоры—нѣтъ мѣста заботамъ о дѣтяхъ, которыя растутъ болѣе несчастными, чѣмъ круглыя сироты. Мнѣ кажется, что свободный разводъ много помочь бы тутъ. Съ одной стороны, онъ сдерживалъ бы страсти лицъ, получающихъ отъ брака болѣе выгоды, чѣмъ другая сторона, почему и разводы были бы рѣже, а съ другой позволилъ бы честнымъ и любящимъ семьямъ—теперь нелегальнымъ—не бояться укоровъ и несправностей, вѣчно грозящихъ имъ, и стать полноправными членами общества. Что же касается того предположенія, что доступный разводъ вызоветъ разнузданность и развратъ, то оно не основательно, такъ какъ бракъ не сдерживаетъ жаждущихъ разврата, что видимъ очень часто, и чему служатъ доказательствомъ переполненные воспитательные дома. И такъ, въ чемъ же вредъ развода? А главный вопросъ въ томъ, какавъ семья достойнѣе благословенія Божія и церкви изъ двухъ, упомянутыхъ выше. Закидывать же словами и загуманивать мысль въ такихъ жизненныхъ спорахъ не слѣдуетъ, а въ короткихъ и ясныхъ словахъ надо доказывать убѣдительность своего положенія. X—скій.

X. Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ ¹⁾.

(По поводу статьи В. Розанова въ «Новомъ Времени»).

За тѣ послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ, какіе ознаменовались подъемомъ въ русскомъ обществѣ интереса къ богословскимъ вопросамъ, въ нашей газетной литературѣ явилось особое направленіе, крайне несимпатичное по характеру своему и вредное по самому существу. Это направленіе представляетъ какою-то удивительную своеобразную смѣсь показного благочестія съ проповѣдью широкой свободы страстей ²⁾, преклоненія предъ христіанствомъ и—спускительно-небрежнаго отношенія къ нему, подчиненія вѣрѣ и—совершенно свободнаго и своевольнаго толкованія ученія ея. Создалось-ли такое направленіе какъ результатъ принужденнаго подчиненія обычнаго легкаго газетнаго либерализма духу нашего, болѣе благопріятнаго вѣрѣ, времени, есть ли оно прямое слѣдствіе появленія непризванныхъ учителей вѣры (разумѣемъ не одного гр. Толстого),—рѣшать этихъ вопросовъ не будемъ, но самое направленіе, бесспорно, заслуживаетъ полнаго вниманія и серьезнаго отношенія къ себѣ, такъ какъ и безъ подробныхъ поясненій понятно, что много лжи, самой гибельной путаницы понятій и всякаго зла можетъ оно внести въ широкіе

¹⁾ Это былъ *первый* голосъ изъ богословско-семинарскихъ сферъ на тему о разводѣ, и читатель долженъ читать его особенно внимательно. Авторъ о *семѣ* и ея теченіи и не говоритъ; о *мужѣ* и *женѣ*—не говоритъ же; о *дѣтяхъ*—тоже не говоритъ: какъ будто бракъ есть бракъ *не для дѣтей* и заповѣдь его дана была не *мужу* и *женѣ*, (*Быт. I* и *Матѣ. 19*). Авторъ (преподаватель Харьковской семинаріи) начинаетъ высокомерно, важно и презрительно-увѣреннымъ тономъ говорить только о „мы“ (себѣ и своихъ сферахъ) и что де это „наша область“, „наша власть“; и какъ жалобы на страданія колеблютъ эту власть, то конечно онѣ идутъ отъ развратныхъ людей, безбожія и суть пустомысліе и легкомысліе. Такъ самоувѣренный англо-саксъ Южныхъ Штатовъ говорилъ о бѣжавшихъ съ плантацій его черныхъ „бунтовщикахъ“, на которыхъ онъ спускалъ собакъ. По нашему *уваженію* къ браку выражается (или должно-бы выразиться) въ уваженіи къ *мужу*, *женѣ*, *дѣтямъ* (члены брака); по богословствованію же г. К. Сильченкова и „ниже съ нимъ“, уваженіе къ браку выражается въ *страхѣ* мужа, жены и дѣтей *къ нему* и „*ниже съ нимъ*“. Дальше читатель будетъ много читать богословскихъ о бракѣ разсужденій и вездѣ найдеть одинъ тонъ: *бойтесь* насъ, если вы *кривостемны*; а если не бойтесь и насколько не бойтесь—то вы безнравственны. В. Р—н.

²⁾ Кажется, единственная, „богословски“ дозволенная страсть, есть страсть *славычестоуванія* и *самоуваженія*. Страсть, породившая на западѣ папство и всюду пирамиду властей—„святѣйшая“, а порождающая ребенка страсть есть, по ихъ ученію — „грѣшнѣйшая“. Папа и младенецъ — какъ „богъ“ и „демонъ“, въ вѣчномъ исключеніи другъ друга. В. Р—н.

круги русскаго общества, гдѣ столь многіе еще доселѣ газетному слову вѣрятъ, какъ проповѣди несомнѣнной истины.

Выразительнѣйшимъ примѣромъ сказаннаго является статья г. Розанова въ 8481 № (за 7 октября текущаго года) „Новаго Времени“, подъ заглавіемъ: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“. Авторъ пишетъ по поводу внесеннаго теперь въ наши высшія государственныя учрежденія законопроекта о разводѣ, и пишетъ, конечно, въ защиту широкой свободы развода: извѣстно, вѣдь, что какъ только поднимается въ нашей свѣтской печати этотъ вопросъ, онъ не иначе разсматривается и рѣшается, какъ въ такомъ только смыслѣ. Въ разсужденіяхъ на эту тему газеты бывають преисполнены столь удивительной любви и снисхожденія къ страждущему отъ современныхъ ненормальныхъ условій брака (разумѣется отсутствіе легкаго развода) человѣчеству, что самое Евангельское ученіе ¹⁾ о разводѣ является въ сопоставленіи съ ихъ любвеобильными разсужденіями чрезвычайно жестокимъ и мрачнымъ... Быть можетъ, большее спокойствіе и отсутствіе увлеченія дали бы инымъ публицистамъ возможность понять всю чрезмѣрность этой претензіи—превзойти въ любви Евангеліе ²⁾,—быть можетъ, они тогда и допустили бы, что не инымъ чѣмъ, какъ любовью къ грѣшному человѣчеству вызванъ былъ у Божественнаго Учителя чистѣйшей и святой любви и Его строгій приговоръ о разводѣ ³⁾...

Впрочемъ, литература о разводѣ съ догматической и съ канонической точки зрѣнія и такъ чрезвычайно обильна и обширна ⁴⁾,

¹⁾ Да не объ Евангельскомъ, а о „россійскомъ“ и „консисторскомъ“ разводѣ идетъ рѣчь. Ибо вѣдь никому-же вы не подадите Евангелія въ руки и не скажете: „нате, вотъ вамъ руководство: разводитесь по нему“. Безмѣрное отсутствіе чувства отвѣтственности и развилось у чиновныхъ и у расофорныхъ богослововъ отъ этого вѣчнаго самоутѣшенія: „мы—по Божи“, „мы—по Евангелію“, „если Евангеліе безгрѣшно, то и мы: ибо мы все по Евангелію“, „наши дѣла и Евангеліе—разныя стороны одного листа“. И въ этомъ-то самоутѣшеніи забылись люди и забыли міръ, который такъ явно и мучительно страдаетъ. См. выше письма людей, которымъ отвѣчали яко-бы „по Евангелію“. В. Р.—ст.

²⁾ Да вѣдь неужели женщинѣ, брошенной мужемъ и зараженной отъ него *virilis* омъ (см. выше), „Евангеліе“ отвѣтило бы безчеловѣчнымъ отказомъ въ разводѣ? Но авторъ закусилъ удила и несетъ какъ риторь-семинаристъ въ ученической тетрадь. В. Р.—ст.

³⁾ Перечитайте, перечитайте, читатель, выше письма о разводѣ, чтобы увидѣть это безстыдство словъ, что консисторіи, отвѣчая смѣхомъ на слезы и отчаяніе, руководятся „любовью къ грѣшному человѣчеству“, постановляя свои „строгіе отказы въ разводѣ“. Ну, а „тысящи“ обратятся при разводѣ тоже „изъ любви къ грѣшному человѣчеству“? В. Р.—ст.

⁴⁾ Какое высокомеріе тона! „Ставемъ мы разбирать“, „очень надо“, „конечно, за это нельзя получить, какъ за бракоразводное дѣло, „тысящъ“ трехъ-четырехъ; а если слезы тутъ льются, то развѣ когда-нибудь онѣ проникали до семинарской груди? Слишкомъ она увѣшана; и черезъ

и мы отнюдь не имѣемъ намѣренія пополнить ее съ своей стороны. Но ратуя за большую и, кажется, даже за безграничную свободу развода, г. Розановъ высказываетъ удивительныя воззрѣнія на самый бракъ, на нравственную его основу и догматическое существо его, какъ таинства Церкви,—эти именно сужденія его являются яркимъ образцомъ того направленія, о которомъ мы говорили: излагая взгляды, не только оскорбляющіе священный институтъ Церкви ¹⁾, но и прямо отрицающіе его, авторъ подтверждаетъ ихъ словами Христа и серьезно думаетъ, что онъ-то и даетъ правильное толкованіе ученія Церкви и даже ограждаетъ благополучіе ея самой... Нашу задачу и составляетъ показать дѣйствительную сущность такихъ удивительныхъ сужденій — въ противоположность ихъ кажущемуся благочестію. Итакъ, рассмотримъ сужденія г. Розанова — а) о нравственной основѣ брака и—б) о догматическомъ существѣ его какъ таинства Церкви.

а) Въ основѣ брака, по мнѣнію г. Розанова, лежатъ страсти. Эту мысль онъ раскрываетъ подробно и обстоятельно. „Изъять страсти изъ семьи—это значить не начать семьи; мысленно, или въ законѣ изъять ихъ изъ семьи—значитъ даже не дать семье возникнуть. Страсти суть динамическое, зиждущее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи; порождъ, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Не безъ улыбки и недоумѣнія я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнузданныхъ страстей. „Если бы не страсти, семья бы успокоилась“. Я думаю, „если бы не страсти“—семья, скорѣе, не началась бы“... Однако, какъ бы ни благотѣльно было значеніе страстей, но и г. Розановъ не забываетъ, что человѣкъ есть существо разумное, что поэтому, воспѣвая панегирикъ страстямъ, должно сказать и о разумѣ. „Но—увѣрять онъ—замѣчательна глубоко ограниченная его роль въ семьѣ“... „Семья есть институтъ существенно иррациональный, мистическій. Поэтому совершенно напрасна борьба въ ней противъ страстей; напрасна и даже не права. Разуму, какъ и всякому закону, страсть можетъ отвѣтить просто: „я здѣсь образую все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создастъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, рву свой покровъ, издѣліе внутренностей моихъ. Мнѣ больнѣе отъ этого, чѣмъ всякому закону, всякому разуму; безъ крова, подъ небомъ теперь—я, и передъ вѣроятною гибелью. Кромѣ того, изслѣдуйте меня, и вы убѣ-

мѣдъ и серебро „нагрудныхъ знаковъ“ ничего туда не пробивается. В. Р—евъ.

¹⁾ Оставьте клеветать: не Церкви, а васъ и вашего вѣкового самоуправства. И что за выраженіе „институтъ церкви“? Есть „институтъ земскихъ начальниковъ“, „институтъ мировыхъ посредниковъ“, вообще „институтомъ“ зовется человѣческое учрежденіе, а Церковь основалъ Спаситель, и Спасителемъ основное можно-ли назвать „институтомъ“? Авторъ безсознательно кощунствуетъ, просто—не уважаетъ Божескаго, за то онъ требуетъ поклоненія какъ Божескому—„нашей власти“, и „отъ насъ идущимъ правиламъ“, и „конторамъ“. В. Р—евъ.

дитесь, что не безъ причины я тку такое благородное и ибъжное существо, какъ семья: самая природа моя и происхожденіе мое—благородны, какъ и постоянный мой уклонъ. Я емь идеаль въ томъ смыслѣ, что непрерывно стремлюсь къ идеальному, и именно въ значеніи непорочнаго. И если я ухожу, не обьясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я именно ухожу изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью; неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца“... „Непорочная семья есть величайшій идеаль въ смыслѣ социального строительства; но разумъ построить ее не тогда, когда запретить страсти, вытретъ ихъ, какъ резина стираетъ карандашъ; тогда ничего не будетъ, не будетъ семьи. Да и не въ правѣ онъ, пассивный регуляторъ, бороться противъ образователя и матеріи семьи. Но онъ можетъ все устроить, ставъ на скромное мѣсто мудраго аналитика, изслѣдователя, пособника. Онъ не умѣетъ здѣсь рождать; но, какъ искусный акушеръ, онъ можетъ помочь родиться“...

Итакъ, основа семьи и зиждительная сила ея, по туманному разсужденію г. Розанова, — страсти (точнѣе страсть); разумъ имѣетъ въ ней мало значенія. Правда,—значеніе разума въ той же статьѣ г. Розановъ называетъ „распорядительнымъ“,—правда и то, что если онъ есть „мудрый аналитикъ, изслѣдователь, пособникъ и искусный акушеръ“, то мѣсто его, повидимому, нельзя назвать „скромнымъ“, а роль его—„замѣчательно ограниченной“, но г. Розановъ этого противорѣчія замѣчать не желаетъ ¹⁾. Его главная мысль есть дѣйствительно мысль о ничтожномъ значеніи въ семьѣ разума и о господственномъ и почти исключительномъ значеніи страстей, — такъ что приведенные лестные отзывы о разумѣ есть не болѣе, можно сказать, какъ дань приличію, потому что нельзя же дѣйствительно, не нарушая приличія, человѣка, разумное существо, въ важнѣйшемъ и существеннѣйшемъ моментѣ его жизни, представлять игрушкой исключительно страстей ²⁾.

Но существа дѣла подобныя фразы, конечно, нисколько не измѣняютъ. Разуму дѣйствительно нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ столь важное значеніе имѣютъ страсти,—что разумъ и страсти взаимно другъ друга исключаютъ—вѣдь, это истина элементарная

¹⁾ Аналитикомъ, помощникомъ и акушеромъ разумъ является въ брако-устройствѣ, брако-учрежденіи, брако-законодательствѣ. „Чужое дѣло по ничтожкѣ разберешь, а къ своему—ума не приложишь“; и разумъ ограниченъ въ силахъ *сотворить свое семейное счастье*, онъ безсиленъ у мужа, у жены. Но наши „отцы“, натворивъ безсильныхъ законовъ и написавъ поверхностныхъ нравоученій для несчастныхъ въ супружествѣ, каждое нравоученіе заканчиваютъ: „имѣйте разум! не разводитесь!! молчите!!! а потихоньку и укромно устройтесь, взявъ разсудительность въ руководство“. Объ этомъ-то, о внутренней супружеской жизни я и говорилъ и говорю, что строительная сила разума здѣсь ничтожна. В. Р.—*сб.*

²⁾ Сами семинаристы, какъ извѣстно, женятся безъ страсти: объѣхаль уѣздъ, выглядѣль невѣсть, руководясь принципомъ: „намъ съ лица не воду пить“, и принявъ, за отсутствіемъ „страстей“, въ соображеніе „движимое и недвижимое“, „рухлядь“, „салоны“, „столовое и чайное се-

и общезвѣстная. Разумная страсть—это нѣчто въ родѣ холоднаго огня, горячаго льда, свѣтлой тьмы и тому подобныхъ невозможныхъ вещей. Если страсть подчиняется „распорядительному“ значенію разума, если она подвергается его „мудрому анализу, изслѣдованію“ и проч.,—то она уже не страсть, а разумное чувство... Но г. Розановъ говоритъ не о разумномъ чувствѣ, а именно о страсти,—это ясно изъ приведенныхъ его словъ, что разумъ, „пассивный регуляторъ“, не въ правѣ не только господствовать надъ страстью, но даже и „бороться“ съ нею. Слѣдовательно, въ основу семьи онъ полагаетъ страсть, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, и *отрицаетъ* значеніе въ этомъ случаѣ разума. Такова его мысль, освобожденная отъ ненужныхъ прибавленій, полныхъ внутренняго противорѣчія и не вяжущихся со всѣмъ содержаніемъ его разсужденія.

Какая именно страсть лежитъ, по мнѣнію г. Розанова, въ основѣ семьи, — пояснять это совершенно излишне. „Здѣсь, — скажемъ словами одного христіанскаго писателя, — очевидно, желаютъ поставить законъ плоти или членовъ на мѣсто закона духа. Многохвальная истина въ страсти весьма часто здѣсь есть лишь простое безстыдство ¹⁾, которое не краснѣетъ предъ закономъ нравственности ²⁾. Плотская похотливость, очевидно, отрицаетъ здѣсь то, что бракъ есть учрежденіе, стоящее выше отдѣльныхъ личностей ³⁾, что личности даютъ обязательство не только другъ передъ другомъ, но предъ высшимъ авторитетомъ,

ребро“—сдѣлалъ предложеніе перезрѣлой, недозрѣлой, умной или глупой, все равно какой—невѣстѣ, и началъ затѣмъ съ нею „безстрастно“, а иногда люто „жить“, какъ полѣно около полѣна. Только въ самое послѣднее время, въ молодомъ нашемъ священствѣ (я наблюдалъ) выдвигается новый идеалъ жены-подруги, жены-друга, по Библіи „помощницы“, „Евы, взятой отъ ребра Адама“, т. е. на динамическомъ и творческомъ основаніи страсти, страстнаго, любящаго „прилѣпленія“. В. Р—ъ.

¹⁾ Вотъ какъ расправляются богословы съ чуднымъ восклицаніемъ Адама при возрѣннн на прекрасное тѣло Евы: „Это—плоть отъ плоти моея и кость отъ кости моея: посему наречется моею женою“. Адамъ вдругъ, ничего не зная о способѣ ея творенія (сонъ его), почувалъ какъ-бы *отторкнутою* ее отъ себя, *извлеченною* изъ себя, и себя самого—болѣвшаго, томящагося въ отлученіи отъ нея, въ разрывѣ съ нею. Отсюда: влеченіе къ ней, мною и именуемое: „страсть“. Ниже я помѣщаю два прекрасныхъ разсужденія о страсти протоіерея А. П. Устимскаго и С. В. Б—ха (58-лѣтняго отца и даже дѣда обширнаго семейства), которыя совершенно уясняютъ вопросъ именно о страсти. В. Р—ъ.

²⁾ Вы „нравственность“ слили съ гнуснымъ скопчествомъ, съ безстрастіемъ, холодомъ. То-то міру и холодно подъ „вами“ и около „васъ“. В. Р—ъ.

³⁾ Вотъ это прелестно! Выше „Адама“, выше „Евы“ и „по ихъ образу“ сотворенныхъ Ивана. Марья—лежитъ бракъ въ рукахъ секретаря духовной консисторіи. В. Р—ъ.

именно Богомъ ¹⁾, что цѣль брака не есть исключительно то, что выставляется именно здѣсь; что личности должны быть счастливы и взаимно пріятны ²⁾ другъ другу, но что кромѣ того отнюдь не послѣднею цѣлью этого учрежденія является то, чтобы личности черезъ посредство брака были воспитываемы ко взаимному возрастанію въ добродѣтеляхъ, вслѣдствіе чего христіанство также говоритъ о крестѣ, который Богъ положилъ на это состояніе жизни“. (Г. Мартенсенъ: Христ. ученіе о нравственности, пер. Лопухина. Спб. 1890 г. Т. I, стр. 414).

Однако, намъ не замедлять, конечно, возразить, что какъ нельзя отрицать извѣстныхъ физическихъ потребностей въ человѣкѣ, такъ нельзя отрицать и физической стороны въ бракѣ, Самимъ Богомъ созданной и освященной ³⁾. Да и нѣтъ основаній и цѣли ⁴⁾ отрицать ея, ибо изъ физическихъ отношеній ⁵⁾ между супругами возникаютъ чисто нравственныя, которыя, постепенно возвышаясь и одухотворяясь, могутъ и должны достигать богатаго духовнаго содержанія и проявляться въ возвышеннѣйшихъ и чистѣйшихъ формахъ, существенно содѣйствуя духовному совершенству какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всего человѣчества..

Не мы, конечно, будемъ спорить противъ этихъ святыхъ

¹⁾ И опять лукавая ссылка. „Передъ Богомъ“ живутъ мужъ, жена; ихъ житіе—и праведное, и грѣшное—передъ Богомъ и передъ Его судомъ, или Его радостію на нихъ. Но это истинный подлогъ, въ своемъ родѣ „лже-Исидоровы декретали“,—положить „бракъ“ въ широкій и глубокій карманъ свой и начать восклицать: „вотъ когда онъ сталъ святъ, освятился, у Бога“. В. Р—съ.

²⁾ „Должны быть“: это какъ дань личностямъ—*реторично*, можетъ быть и можетъ не быть. Но есть другое „должно быть“, которое уже закрѣплено цѣнами, заперто замкомъ, заклепано сталью и *реально*, а не реторично: „неси крестъ свой“. См. ниже конецъ цитаты. В. Р—съ.

³⁾ Замѣйте, замѣйте бездушныхъ риторовъ, какъ нѣмѣющей дланью они пишутъ вверху страницы: „безстыдство“, „плотская похотливость“,—а внизу: „самимъ Богомъ созданная и освященная физическая сторона“. Можно-ли съ ними спорить, когда это суть явные атеисты, эти печальные мертвецы?! В. Р—съ.

⁴⁾ Да и какъ бы вы смѣли, когда, по вашему-же, она „создана и освящена Богомъ“. Но она все смѣютъ, „мертвые бо срама не имутъ“, а они мертвы, эти „скопцы отъ чрева матери“. В. Р—съ.

⁵⁾ Ну вотъ: „изъ физическихъ отношеній“ вырастаетъ духъ семьи. При чемъ же ваши широкіе карманы и чувство *собственности* къ браку, слова о „вышемъ и внѣ-личномъ учрежденіи“? Никогда не видаль я супругововъ, которые среди ссоры вдругъ бы вспомнили и умилились: „Мама! Ваня! Остановимся: помнишь-ли ты: возложи на главы ихъ вѣнцы? и это—Исаія лхуй и жена да боится своего мужа? Я плачу отъ воспоминанія. Помиримся“. Не помню такихъ словъ. Но заря, ночь, воркованіе въ ночи и великіе обѣты передъ звѣздами—да, изрѣдка, иногда это миритъ, примиряетъ. Хотя рѣдко. Ибо это было и умерло. А бракъ живетъ всегда въ прагесепь, текущимъ, живую сегодняшнюю клѣточкою крови, сегодняшнимъ дыханьемъ души. В. Р—съ.

истинъ¹⁾. Но наша рѣчь—о г. Розановѣ. Эти ли истины слѣдуютъ изъ его разсужденія и онѣ ли въ немъ подразумѣваются? Нѣтъ,—и если самъ г. Розановъ думаетъ иначе, то конечно онъ ошибается. Напомнимъ вновь, что онъ говоритъ о страсти, а не о разумномъ чувствѣ²⁾—страсти же невозможно создать не только высоконравственныхъ отношеній въ бракѣ, но и самаго брака³⁾, какъ исключительной преданности одного—одной (и наоборотъ) и связи ихъ на всю жизнь.

Что это такъ,—не подлежитъ сомнѣнію уже по тому одному, что всякая страсть въ существѣ своемъ есть грубое проявленіе эгоизма, чуждаго мысли (тѣмъ болѣе, что и самый разумъ страстью отрицается и упраздняется) о правахъ, нуждахъ и желаніяхъ другихъ. Не ясно ли противорѣчіе страсти самой идеѣ брака,—идеѣ жизни въ союзѣ съ другимъ⁴⁾ и—для другого?.... Уже это одно совершенно устраняетъ всякую правдоподобность мысли о страсти, какъ основѣ непорочной семьи.

Правда, что та именно страсть, которая иными предполагается лежащею въ основѣ брака, повидимому, совершенно чужда эгоизма⁵⁾, представляетъ какъ бы прямое отрицаніе его, почему

¹⁾ Да что же такое вся брошюра, какъ не споръ противъ „этихъ святыхъ истинъ“?! В. Р—ев.

²⁾ „Разумное чувство“ полового акта = „физическому отношенію“ (К. Сильченкова) не сотворяетъ; и изъ него вытекаетъ дружба, а семьи, супружеской, *отто-творящей*, не вытекаетъ. В. Р—ев.

³⁾ Просто—умора. Молодые люди встрѣтились, *поправились* (основной фактъ), стали *симпатизировать другъ другу*, ищутъ *естрѣчь, свиданій, жмутъ руки*, сияніемъ *взоровъ* одинъ другого привѣтствуютъ, *целуются*, прижимаютъ къ *груди* другъ друга; ослабѣваютъ на нихъ „кожаная одежда“, символъ грѣха Адама; опадаютъ „лиственные препоясанія“, послѣ грѣха потребовавшіяся: и теперь, когда они безгрѣшные слились безгрѣшно, конечно, съ пламеннымъ желаніемъ и вѣрою остаться вѣрными другъ другу всю жизнь, К. Сильченковъ восклицаетъ: „простое безстыдство! платская похотливость! не мое!! не отъ меня!! анаеема“. Но это—претензія на власть, а не разбирательство дѣла. Нѣтъ, сущность брака, отъ альфы до омеги его—въ чудномъ, богоданномъ *Бытій*, на первой страницѣ *Завѣта Вѣчнаго*, который мы грустно переименовали въ „Вѣтхій“, „постарѣвшій“. Отсюда-то, въ гармоніи съ бракомъ Эдемскимъ и таинственнымъ обрѣзаніемъ Аврааму данное: „вотъ *идѣ* и на чемъ полагаю Я завѣтъ Мой съ тобою“. Но какъ обрѣзаніе рухнуло, то въ дыру, отъ него оставшуюся, и просунулъ плѣшивую свою голову и скорчешкую физиономію секретарь, чиновникъ, риторъ, „к. сильченковъ“ (съ маленькой буквы) и сказалъ: „Да, ужъ теперь твердо: здѣсь—все мое, здѣсь ничего нѣтъ не моего; а обрѣзаніе—старая порнографія и ваше безстыдство, заслуживающее плетей“. В. Р—ев.

⁴⁾ Что за чепуха: да вѣдь „страсть“ можно удовлетворить „только съ другимъ“ и ея изліаніе совершить „для другого“. Бракъ потому и есть „союзъ двухъ“, что страсть *дву-стороння, дву-лична, дву-тѣлесна, дву-пола*, тогда какъ секретарь духовной консисторіи всю жизнь можетъ прожить *однимъ*, и никакъ изъ него „брака“ не выйдетъ. В. Р—ев.

⁵⁾ Что за путаница: „страсть есть грубое проявленіе эгоизма“ и (че-

ейъ обычно и усвоεται название любви,—священное имя, которое нигдѣ такъ не опошляется, какъ въ этомъ случаѣ. Страстно влюбленный человѣкъ не забываетъ ли, повидимому, себя самого, не живетъ ли только другимъ, не пренебрегаетъ ли всѣми другими своими потребностями, интересами, нуждами? И сколько подвиговъ самоотверженія, беззавѣтной храбрости, безтрепетной рѣшимости вызываетъ эта страсть,—говорятъ намъ защитники ея. Какимъ могучимъ двигателемъ является она, поэтому, во всѣхъ областяхъ духовной жизни человѣчества! Какіе дивные цвѣты поэзіи расцвѣли на почвѣ ея, какими великими памятниками искусства обязаны мы ей!.. И проч., и проч. ¹⁾.

Эти дифирамбы чувственной страсти часто теперь можно встрѣчать въ печати (особенно въ произведеніяхъ г. Розанова), и кому они теперь неизвѣстны? Но если есть въ нихъ что истинное, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой, по недоразумѣнію, подъ страстью въ нихъ понимается то разумное чувство, которое возникаетъ на почвѣ естественнаго взаимнаго влеченія половъ ²⁾. Только этому чувству обязано человѣчество указанными прекрасными явленіями въ духовной своей жизни, страсть же необходимо всегда проявлялась и проявится въ явленіяхъ отрицательныхъ, внося смуту и горе въ практическую жизнь человѣчества и отраву—въ его духовную жизнь (безнравствен-

реть 10 строкъ) „страсть совершенно чужда эгоизма“. И такъ-то пишущіе господа въ самомъ началѣ заявляютъ: „литература наша чрезвычайно обильна и обширна, и посему—говорить нечего, а такъ, мы только нѣсколько словъ промолвимъ“ (см. начало брошюры). Между тѣмъ и прежде такъ и даже хуже писалось; но заплѣсневѣвъ—получило важность, стало „исторично“, „документально“—и подите-ка теперь, раздвиньте эту „святую старинку“. В. Р—ъ.

¹⁾ Что „и прочее и прочее“? Развѣ это не вѣрно, безстыдный человѣкъ? Тогда какъ у васъ, въ итогъ вашихъ консисторскихъ подвиговъ—раззоренныя семьи, несчастные люди, потерянные состоянія (см. выше письма о разводѣ). И имѣя таковое за собою, вы кричите: „наша власть“... Но довольно. Терпѣніе міра истощилось, и кажется „вашей“ власти приходитъ конецъ. Замѣтимъ еще, что нигдѣ-то, нигдѣ-то въ разсужденіяхъ—ни слова о дѣтяхъ. До чего это противоположно тревожнымъ письмамъ моихъ и дружелюбныхъ и—все равно—враждующихъ корреспондентовъ, которые дѣтей болѣе всего помнятъ. В. Р—ъ.

²⁾ Опять путаница. Да про что-же еще иное можно говорить въ бракѣ? Ну, да: это—„влеченіе“ Тovia къ Сарѣ, Авраама—къ Саррѣ, заставившее 90-лѣтнюю старъ матерью, меня—къ моей супругѣ, въ *основѣ обихъ*—вѣчное „это—кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моей“. Страсть есть любовь, когда она разлита; а когда сосредоточивается, сливается „въ уголокъ“—она становится рождающею, *дымо*-творящею. Но вѣдь вы это-то „какъ звѣря“ и хотѣли-бы сковать, этому-то влеченію и полагаете препоны „не разводомъ“: когда требуете любить мертвое, трупъ, и запрягаете любить живое, жизнь. Но да не будетъ: и оковы ваши рассыплотся въ звеня, которыя съ презрѣньемъ оттолкнетъ ногою царяца брака—златокудрая заря рождающагося младенца. В. Р—ъ.

ныя формы поэзіи ¹⁾ и искусства). И только весьма недалеконидныхъ или не желающихъ видѣть истину людей она можетъ обмануть, принимая видъ и имя любви и прикрываясь мнимыми подвигами самоотверженія ²⁾. Ея истинная сущность — грубѣйшій эгоизмъ — не можетъ долго оставаться незамѣтной и скрытой. Особенно обличаетъ и выдаетъ ее то *непостоянство*, ³⁾ которое составляетъ общее и характерное свойство всѣхъ страстей, имѣющихъ источникомъ своимъ физическую природу челоѣка. Другія страсти склонны оставаться неизмѣнными какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ предметахъ, на которые онѣ направлены. Такъ, гордый челоѣкъ — всегда и вездѣ гордъ ⁴⁾, его гордость, получая себѣ удовлетвореніе, не ослабѣваетъ, а еще болѣе возрастаетъ и неизмѣнно направляется на себя самого, на превознесеніе своей личности. Скупой челоѣкъ, приобретаая все болѣе и болѣе, только развиваетъ свою страсть, направленную неизмѣнно на одно и то же — на накопленіе богатства ⁵⁾. Напротивъ, какъ бы ни былъ жаденъ челоѣкъ, но съѣвши много,

¹⁾ Да, это — не страсть, а *без-страстное, внѣ-страстное*, и единственно по сему — развратное отношеніе къ полу. Старикашки — первые любители скабрѣзнаго — а ужъ какая у нихъ „страсть“! Самые неприличные стихи, анекдоты — среди чиновниковъ, поledenъвшихъ въ бракъ. Словомъ, гдѣ угасло *объязаніе* — началась порнографія; гдѣ кончилось священство пола — умерла метафизика брака, и осталась только одна его плоская физика. В. Р—ев.

²⁾ Не понимаю „мнимаго самоотверженія“. Автору нужно заклевать вовсе не порнографію, а именно благородную-то любовь, ради которой челоѣкъ творитъ подвиги самоотверженія, и онъ именуетъ ихъ „мнимыми“. Но „распи себя“ — ради К. Сильченкова, секретаря духовной консисторіи, какъ несчастная Татьяна въ „Евг. Онѣг.“; и распяту — тебя вознесутъ за „истинный (теперь) подвигъ“. Но вѣдь „подвиги“ — то нужно творить „для мужа“, для него и для жены „оставлять отца и мать“; и къ великому счастью, о г. К. Сильченковѣ и „уже съ нимъ“ Св. Писаніе ничего не упомянуло. Ничего о васѣ, господа, не упомянуто: и съ этого-бы и слѣдовало начать споры. В. Р—ев.

³⁾ Начинается тонкая софистика, за которую будемъ слѣдить. В. Р—ев.

⁴⁾ Да вѣдь и любящій „всегда и вездѣ любить“, и даже часто всю жизнь одного или одну; но когда и „не одну“, то онъ аналогиченъ „гордецу“, который гордъ — и въ битвѣ, и въ совѣтѣ царскомъ, и съ друзьями, и съ родными (перемѣна лицъ). В. Р—ев.

⁵⁾ Такъ и Соломонъ, и Давидъ „неизмѣнно накопили любовь“. И Давидъ, уже хладѣя и не въ силахъ будучи ничѣмъ согрѣться — ваалъ послѣднюю жену (начало 3-й Книги Царствъ). Я не видалъ скупого, который любилъ-бы непременно *одну* золотую монету, этимъ проявляя духовность своей страсти: онъ любить и золото, и земли, усадьбы, дома, все. Если перенести это на полъ — то можно удивляться частотѣ абсолютно единоличной любви. Но изъ примѣровъ-же К. Сильченкова видно, какъ мало въ правѣ мы осуждать и *многочисленность* любви, изъ коей и слѣдуютъ какъ факты ветхозавѣтной жизни, такъ и безусловные, горячіе, страстные, не умерщвленные все еще и, очевидно, не умертвимые порывы къ разводу. В. Р—ев.

онъ чувствуетъ пресыщеніе и отвращеніе къ пищѣ: какъ бы ни любилъ онъ извѣстное блюдо, но злоупотребивши имъ, онъ стремится къ замѣнѣ его другимъ. То же — и въ области страстной любви между лицами различнаго пола; какою бы пылкою страстью ни былъ преисполненъ человекъ, но — „едва лишь утолитъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, — уже скучаетъ и томится“... и — ищетъ новаго предмета страсти. Самая страсть, быть можетъ, и неизмѣнна и остается въ немъ (какъ прирожденная страстность натуры), но въ отношеніи предметовъ своихъ она крайне непостоянна. Не ясно ли, что она столь же эгоистична, какъ и всѣ вообще страсти? Ея непостоянство несомнѣнимо съ истинною любовью и можетъ быть объяснено только тѣмъ, что, вопреки видимой преданности другому, человекъ въ ней служитъ только себѣ самому и именно — низшимъ потребностямъ своей физической природы, преходящимъ и измѣнчивымъ по самому существу своему. На такой ли основѣ создается христіанскій бракъ? Это ли тотъ чистый источникъ, изъ котораго рождается непорочная семья? Самъ г. Розановъ въ примѣрѣ непорочной семьи приводитъ гоголевскіе типы Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Но, не рискуя совсѣмъ разсмѣшить читателя, не станеть же онъ утверждать, что въ основѣ ихъ союза лежала пламенная ¹⁾ страсть...

Только отдѣльные въ жизни случаи подтверждаютъ, повидимому, мнѣніе г. Розанова и придаютъ ему нѣкоторый видъ правдоподобія. Разумѣемъ тѣ случаи, когда страсть дѣйствительно какъ будто ложится въ основу семьи и притомъ такой семьи, которая кажется близкою къ идеалу по взаимной преданности супруговъ, неизмѣнной до конца вѣрности ихъ другъ другу, чистотѣ ихъ отношеній и т. д. Но не трудно видѣть, что и въ этихъ случаяхъ страсть вовсе не имѣетъ приписываемаго ей значенія, въ такихъ семьяхъ она играетъ роль только временнаго опьяненія, болѣзни ²⁾ и т. п., а не дѣйствительной основы. Бываетъ такъ, что у взаимно оцѣнившихъ и, слѣдовательно, разумною любовью полюбившихъ другъ друга — любовь ихъ, постепенно возрастая, переходитъ въ страсть; возникаетъ счастливый семейный союзъ, и иной недалновидный наблюдатель готовъ видѣть въ немъ подтвержденіе благотѣльнаго значенія страсти. Но страсть остается вѣрною себѣ: она сравнительно быстро уходитъ, и если семейное счастье не разрушается, то ясно, что не страсть, вопреки видимости, лежала въ основѣ его, а именно то

¹⁾ Да, она *прогорѣла*, а *была*, и она все сотворила. Но авторъ помнитъ мой примѣръ, и понялъ, значитъ, при чтеніи, о чемъ я говорю: зачѣмъ же столько онъ клеветалъ на меня? В. Р—въ.

²⁾ Болѣзнь есть *боль*, и странно называть „болѣзнью“ *сладость чувства и сладостныя ощущенія*. В. Р—въ.

разумное чувство, которое предшествовало ей и осталось неизмѣннымъ, когда ея уже не стало, когда она исчезла, именно какъ временное опьяненіе или болѣзнь ¹⁾). Случается и наоборотъ—что страсть предшествуетъ разумному чувству; страстное влеченіе сразу овладѣваетъ влюбленными,—когда же оно исчезаетъ, разумъ, вступая въ свои права, усматриваетъ дѣйствительныя основанія ко взаимной любви супруговъ, дѣйствительныя взаимныя достоинства ихъ,—и семья остается счастливою и благоденствующею. Не ясно ли, однако, вновь ²⁾, что не страсть, а разумное чувство лежитъ въ основѣ такой семьи, что ему она обязана своимъ счастьемъ, элементъ же страсти былъ лишь случайнымъ и несущественнымъ?

Не созидать свойственно страсти, а разрушать ³⁾, и полагать въ основу брака страсть—значить не утверждать достоинство брака и его чистоту, а—ниспровергать его. Болѣе послѣдовательными были, поэтому, отрицавшіе бракъ во имя свободы страсти западные писатели (напр. Ж. Зандъ и А. Дюма) и наши ингилисты прошлаго времени (М. Волоховъ въ романѣ „Обрывъ“ Гончарова). Если же г. Розановъ стремится согласить свободу страсти съ бракомъ, положивши первую даже въ основу послѣдняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ думаетъ не только отстоять, но даже очистить и возвысить христіанское ученіе о бракѣ, то это—лишь выраженіе того направленія, которое мы отмѣтили...

На самомъ дѣлѣ христіанство, какъ и здравый разумъ самаго человѣчества—одинаково отрицаютъ и осуждаютъ страсти. Христіанство учитъ о высокомъ достоинствѣ человѣка, носящаго въ себѣ, въ своемъ разумѣ и своей волѣ, образъ своего Творца: оно призываетъ его къ разумному и свободному служенію Богу, въ состояніе Богосмысленности. И для христіанства, поэтому, нѣтъ ⁴⁾

¹⁾ „Опьяненіе, болѣзнь“. И на такой-то реторикѣ авторъ и подобные авторы хотятъ что-то построить. В. Р—ъ.

²⁾ Нисколько не ясно, а прямо таки нелѣпо. „Страсть“ и „разумное чувство“ суть разрѣженное и сгущенное состояніе одной атмосферы. Не кто „рѣдкій воздухъ“ и „густой воздухъ“—противопоставляетъ другъ другу и ищетъ ихъ различныхъ *родниковъ*? В. Р—ъ.

³⁾ Ну, опять! А только что привелъ примѣры, что она „все устраиваетъ“. Перекидывая страсть то назадъ, то впередъ, авторъ похожъ на сибирскаго „удалого молодца“, что, залегши на дорогѣ, поджидаетъ караванъ чая, чтобы „отрѣзать мѣсто“. Ему непременно надо *осконить* бракъ, вырѣзать изъ него въ сущности даже не страсть, а вообще—поль, и передѣлавъ человѣка въ богоугонную „мощу“, сухонькую „иконку“, сказать: вотъ таковая поживетъ по нашей волѣ. В. Р—ъ.

⁴⁾ Вотъ все это мѣсто и далѣе—глубоко замѣчательно: изъ цвѣтка вырѣзать тычинки и пестики, стереть пыльцу: получится „святое“, „иконка“, „наше“. Говоря „иконка“—я разумью тенденцію и очерчиваю идеаль, формулирую пополюзованія, вѣчныя, универсальныя. Идѣ Христось—умерли страсти; нѣтъ вождельній и все атрофировано. Но, несчастный

страстей ни добрыхъ, ни благородныхъ, ни благодѣтельныхъ: всякая страсть для него есть только зло и грѣхъ, потому что всякая страсть ослѣпляетъ разумъ, поработачаетъ волю человѣка и дѣлаетъ свободнаго сына Божія своимъ рабомъ. И если утверждать, что страсть лежитъ въ основѣ брака, вообще странно, то утверждать, что она лежитъ на основѣ христіанскаго брака—кошунственно.

б) Еще любопытнѣе взгляды г. Розанова на бракъ, какъ на таинство Церкви. Любопытны они и сами по себѣ, и—какъ образецъ того отношенія къ ученію христіанской вѣры, какое усвоили себѣ публицисты новаго направленія.

Торжественно и важно говорить въ своихъ разсужденіяхъ о бракѣ, какъ таинствѣ Церкви, г. Розановъ: „Здѣсь мы стоимъ на рубежѣ почти открытія“,—объявляетъ онъ. Въ чемъ же заключается это „почти открытіе“?—„Во всѣхъ таинствахъ, изъясняетъ нашъ авторъ, человѣкъ пассивенъ; кающійся, причащаемый, крещаемый, помазуемый муромъ онъ стоитъ передъ церковью какъ оголенный членъ міра, какъ древко (?!), по коему течетъ (?!) таинство церкви. Но въ бракѣ? Здѣсь пріемлющій таинство не только не пассивенъ, но скорѣе пассивная сторона, въ ненарушимомъ ритуалѣ, принадлежитъ церкви, а вся активная сторона, т. е. *совершеніе* самаго таинства и шествованіе въ немъ, принадлежитъ бракосочетавшимся. Насколько бракъ не фиктивенъ, насколько онъ есть „текущее таинство“, онъ обьѣмлетъ тайну жизни самихъ супруговъ, о которыхъ дѣйствительно—и произнесены всѣ слова, на которыхъ основанъ ритуаль вѣнчанія. Вотъ особенность и исключительность въ таинствѣ брака“.

Итакъ, сущность „почти открытія“ г. Розанова состоитъ въ томъ, что, по его мнѣнію, во всѣхъ прочихъ таинствахъ человѣкъ „пассивенъ“, а въ таинствѣ брака „активенъ“... Не споря пока о достоинствѣ „открытія“, замѣтимъ только, что, къ удивленію, самъ Коперникъ новаго открытія забываетъ и отрицаетъ его, едва успѣвши написать нѣсколько десятковъ строкъ далѣе. Пусть читатель судитъ самъ. „Входитъ ли длительность первую и главную чертою въ таинство“?—спрашиваетъ г. Розановъ и отвѣчаетъ: „Не входитъ. Совершенно нельзя

мой судія: положите двѣ высохшія вѣточки, сухія палочки, и ожидайте, вроснуть-ли онѣ одна въ другую. А бракъ есть востаніе другъ въ друга и даже есть тайна, что изъ мужа—жена растетъ, изъ жены мужъ (отъ того и тайна сотворенія Адама). И такъ—сухія палочки парализичны. Проповѣдую парализичный бракъ, авторъ восклицаетъ: „это-то христіанскій бракъ“! Но вѣдь ничего не растетъ въ немъ и изъ него; дѣтей—нѣтъ (этогого богословы и г. Сильченковъ никогда не упоминаютъ о дѣтяхъ). Парализичъ полный. И вотъ откуда „мы“ и „ваша власть“, „документъ“ и „форма“: ибо когда *ничего нѣтъ* въ бракѣ, то какъ-же, однако, удержатъ, чтобы хотя видимость, фата-моргана его была? Ибо страшно міру быть безъ брака; грозно; послѣднія времена. И выдвигаются утѣшенія: „онъ есть; это—я, К. Сильченковъ и иные, „иже со мною“; мы—задушившіе страсть и ею сближаемыхъ жену, мужа, изъ нея рождающагося—младенца“. Легенда Ирода возстаетъ во всемъ объемѣ; а видѣнія Апокалипсиса (XII гл.) о „женѣ“ и „драконѣ“ начинаютъ обрисовываться. В. Р.—*г*.

опредѣлить, и не вытекаетъ рѣшительно ни изъ какой черты таинства непремѣнная его продолжительность. Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово—несовмѣстимы. И согрѣшившій уже вышелъ изъ подъ благодатнаго таинства. Сколько времени длится дѣйствіе крещенія? Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ „Кандида“ или „Sur le désastre de Lisbonne“. Отвергнувъ Промысль (sic), — и нѣтъ болѣе дѣйствія крещенія. Такъ и съ каждымъ таинствомъ: его святость—вотъ что вытекаетъ изъ его существа, что въ немъ исповѣдуется, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ есть. И его длительность, его продолжительность опредѣляется всецѣло и исключительно временемъ, пока есть его святые признаки“.

Выходитъ, что и во всѣхъ таинствахъ, въ частности—въ крещеніи и евхаристіи, человѣкъ „активенъ“ и активенъ въ такомъ же именно, г. Розановымъ измышленномъ смыслѣ, какъ и въ таинствѣ брака, такъ какъ отъ степени его грѣховности или святости зависитъ, сколько „длится“ дѣйствіе таинства. Право не стоить дѣлать открытія, если столь скоро самому же ихъ забывать¹⁾.

Но нашъ авторъ вновь возвращается къ таинству брака и рѣшаетъ въ частности вопросъ о его длительности. „Все упорство передъ разводомъ, говоритъ онъ, основывается на признаніи въ бракѣ этой единственной черты—святости, т. е. на ученіи о бракѣ, именно не какъ о таинствѣ. Развѣ есть порочныя таинства? Странный вопросъ. Однако, онъ все рѣшаетъ; можно ли сказать, что бракъ еще длится, когда грѣхъ въ немъ живетъ, и притомъ въ какой угодно формѣ—алобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности? Договоръ—длится; гражданскій институтъ длится. Но таинство? Конечно, нѣтъ святого—и нѣтъ болѣе таинства! Только вѣковымъ равнодушіемъ къ браку, отсутствіемъ всякаго къ нему вниманія, можно объяснить, что до сихъ поръ не замѣчена эта простая и самая главная въ немъ сторона. Бракъ съ первымъ грѣхомъ — трупенъ. Съ грѣхомъ все умерло въ таинствѣ“.

Понятно, что при такомъ богословствованіи автору чрезвычайно легко доказать необходимость самой широкой свободы раз-

¹⁾ Бракъ—*мужу и женѣ данъ*, въ ихъ житіи—*течетъ*, ими черезъ сопряженіе жизни — *совершается*. Вѣдь не говорятъ (вовсе нѣтъ словъ): „таинство вѣнчанія“, а „таинство брака“ и всегда разумѣютъ въ словахъ *этихъ—нару и нарное житіе*. „Мы живемъ въ бракѣ“, но нельзя сказать: „мы живемъ въ вѣнчаніи“. Отъ „брака рождаются“, „эти дѣти отъ перваго брака, тѣ—отъ втораго“, но нельзя сказать и не говорятъ: „дѣти эти отъ перваго вѣнчанія, другія—отъ втораго“. „Бракъ бездѣтенъ“, но нельзя сказать: „вѣнчаніе бездѣтно“. Итакъ, всемірная терминологія, и въ томъ числѣ церковная, подъ „бракомъ“ разумѣетъ „брачную жизнь“, въ которой активны и дѣйствуютъ и совершаютъ ее—супруги. Бракъ есть супружество; связанность двухъ черезъ ребенка, отъ нихъ ишедшаго (или могущаго изойти). Но другія таинства? Ихъ совершаетъ *подъ челоукомъ* священникъ, и человѣкъ здѣсь пассивенъ. Его *погружаютъ* въ воду при крещеніи, его *причащаютъ*, муроломазуютъ: онъ есть въ точности какъ-бы дщица, древко, на которое капнула капля *не имъ приотолеленной святости*—и течетъ по нему, и онъ ею освящается. Непонятно остроуміе автора, ибо кто же гордится, что онъ не понимаетъ?! В. Р.—ев.

вода. Если „съ грѣхомъ все умираетъ въ таинствѣ“, а подь грѣхомъ разумѣется грѣхъ „въ какой угодно формѣ—злости, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности“, то очевидно, „длительность“ брака чрезвычайно мало гарантирована. А какъ только она прекращается, разводъ необходимъ, по мысли г. Розанова, чтобы сохранить святость таинства брака.

„Изъ самаго понятія о непорочности вообще всѣхъ таинствъ слѣдуетъ разводъ“, говоритъ онъ. Теперь нашъ бракъ, по мнѣнію г. Розанова,—это „міазматическая клоака, потому что именно порокъ есть законъ его (?), это—удивительное и исключительное живое мѣсто, гдѣ никогда не открывается форточка, окно, дверь, труба“... „Узкія ли это двери чистой жизни? Увы, широчайшія ворота всякаго порока“. И это все—отъ недостаточной свободы развода. „Кто же не знаетъ, что въ католическихъ земляхъ разводъ не существуетъ, и что семья въ нихъ умерла, полторы тысячи лѣтъ проборовшись съ постояннымъ внутреннимъ самоуправленіемъ“. То же грозитъ и нашему браку...

Насколько вѣрны несдержанно рѣзкіе отзвы г. Розанова о современномъ бракѣ, и насколько правдоподобно предсказаніе о будущей печальной судьбѣ его, предоставимъ читателю судить самому ¹⁾—съ своей стороны мы имѣемъ въ виду коснуться догматическихъ воззрѣній его на таинства вообще и на таинство брака въ частности. Здѣсь, однако, какъ и въ началѣ изложенія его воззрѣній на нравственную основу брака, намъ приходится прежде всего распутать уже указанное нами противорѣчіе и опредѣлить истинный смыслъ того, что желалъ сказать г. Розановъ относительно положенія, какое занимаетъ человекъ во всѣхъ другихъ таинствахъ, кромѣ таинства брака: является ли онъ въ нихъ „пассивнымъ“, „древкомъ, по которому течетъ таинство церкви“, какъ выражается г. Розановъ, или онъ есть активный дѣятель, поскольку отъ него всецѣло зависитъ „длительность“ каждаго таинства?...

Судя по тому, что послѣднюю свою мысль г. Розановъ поясняетъ примѣрами таинствъ крещенія и евхаристіи, — потому что это—именно послѣдняя его мысль, и, наконецъ,—потому, что онъ не указалъ (и не могъ указать, конечно) существеннаго отличія таинства брака отъ всѣхъ другихъ таинствъ, мы думаемъ, что эта мысль и есть его истинная мысль, предположеніе же его, что во всѣхъ прочихъ, кромѣ брака, таинствахъ человекъ „древко“... и проч.,—есть не болѣе, какъ случайно вырвавшаяся, неудачная фраза, вызванная, быть можетъ, только на-

¹⁾ Интересно. Автору даже не любопытны *фактическое состояніе* семьи, фактическія возможныя *судьбы* ея. Умертвивъ „страсти“, онъ бросаетъ ями вытканную семью какъ ненужную ветошь, выжатымъ лимономъ: „на что мнѣ эта дрянь“. И онъ вмѣстѣ съ тѣмъ—владыка брака; онъ это чувствуетъ; отсюда его тонъ. Но, читатель, оцѣни: гдѣ-же совѣсть? и какъ понятны становятся судьбы фактическаго супружества въ Европѣ, пробившагося 2,000 лѣтъ въ рукахъ такихъ заботливыхъ властителей. В. Р.—*ст.*

ивнымъ желаніемъ провести „почти открытіе“ въ догматической области. Человѣкъ есть активный дѣятель во всѣхъ таинствахъ, — вотъ мнѣніе г. Розанова, соотвѣтствующее всему содержанію его богословскаго разсужденія ¹⁾).

Сама по себѣ эта формула еще не заключаетъ, конечно, въ себѣ ничего несогласнаго съ ученіемъ Церкви. И Церковь учитъ, что Богъ, украсивши человѣка высокимъ даромъ свободы, и въ самыхъ даже таинствахъ, гдѣ Онъ непосредственно дѣйствуетъ на человѣка Своєю благодатію, не нарушаетъ ея, предоставляя самому человѣку употреблять даруемую ему благодать въ пользу себѣ или во вредъ, во спасеніе или въ погибель. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ въ таинствахъ является дѣйствительно „активнымъ“, а не „пассивнымъ“ („древкомъ“), — но не въ такомъ смыслѣ понимаетъ это г. Розановъ. Какъ ясно изъ приведенныхъ его разсужденій, то, что человѣкъ въ таинствахъ „активенъ“, — значитъ, что—1) пассивной силой является въ нихъ Божественная благодать (это особенно ясно изъ разсужденій его о таинствѣ брака), и 2) что отъ человѣка исключительно зависитъ „длительность“ дѣйствія таинствъ. Первая мысль неправильна, вторая — и неправильна, и весьма опасна.

1. Первая мысль противна самому понятію о благодати. Благодать есть сила Божія, — сила Бога живаго и всемогущаго, — какъ же можно ей усвоить значеніе пассивной ²⁾? Только уподобляя благодать какой либо матеріальной силѣ, въ родѣ пара,

¹⁾ Священникъ претворилъ хлѣбъ и вино и причастился *самъ*: таинство евхаристіи произошло. Но *мужъ* содѣлывается таковымъ *черезъ жену*. обратно и *дѣва* женою становится *черезъ мужа*, и по сей *соотносительности друзей съ друзьями они и активны*. У мудрыхъ евреевъ бракъ не совершился, не заключился безъ разрушенія дѣвства; но при нашемъ осконненіи брака, „что и составляетъ отличіе христіанскаго брака отъ брака иныхъ народовъ“ — и возможны случаи, какъ рассказанный выше г-жею Д-на: мужъ послѣ вѣнца уѣхалъ отъ дѣвы, развратничалъ на сторонѣ, и, вернувшись къ повѣчанной дѣвѣ черезъ двѣ недѣли, заразилъ ее Siphilis'омъ; на ея-же жалобы, что тутъ брака нѣтъ, а есть чортъ знаетъ что, — ей отвѣтили, что, напротивъ, полный бракъ совершился и его теперь расторгнуть нельзя, ибо „мы уже все совершили“, „проговорили всѣ слова“, а что касается до васъ, мужа и жены, то что намъ до васъ, хоть-бы васъ совѣтъ не было, не въ васъ дѣло, и ни малѣйше бракъ не заключается въ отношеніи мужа и жены“. Такія-то чудовищности и заставляютъ поворотить вопросъ: именно въ *мужъ* и *жену* все дѣло, и *имъ* и *для нихъ* давъ бракъ, какъ *размноженіе*; а вы, жестокіе словесники, только *стоите около* брака. но брака не совершаете (пассивны). В. Р.—въ.

²⁾ Священникъ *меня* причащаетъ: я — *пассивенъ*: но *передъ священникомъ* я и невеста *вънчаемся*: мы *активны*. Бракъ „во образъ отношенія Христа къ церкви“: такъ можно-ли же сказать, что священникъ относится къ вънчающимся, какъ Христосъ — къ церкви? Конечно не священникъ, а женихъ и мужъ относится къ невестѣ и женѣ какъ Христосъ къ церкви: а священникъ только есть *свидѣтель* этого (пассивенъ)“.

электричества и т. д. (вспомнивъ фразу г. Розанова: „человѣкъ есть древко, по коему течетъ таинство церкви“...), можно утверждать подробно. Если нѣкоторыя вѣроисповѣданія, напр. римско-католическое, и подозрѣваются въ смѣшеніи (хотя и не въ столь, конечно, грубомъ) чувственнаго съ духовнымъ въ понятіи о благодати, то православное ученіе чуждо этого упрека. И съ его точки зрѣнія, въ дѣлѣ освященія человѣка чрезъ таинства Церкви, Божественная благодать не только не можетъ имѣть значеніе пассивное, но и болѣе того — ей, несомнѣнно, свойственно преимущественное—и, слѣдовательно, болѣе активное значеніе, чѣмъ самому человѣку, потому что во всякомъ совмѣстномъ дѣйствіи болѣе активная дѣятельность принадлежитъ сторонѣ сильнѣйшей, а не слабѣйшей. Многими свидѣтельствами Св. Писанія можно подтвердить эту мысль (своего мнѣнія г. Розановъ, конечно, никакимъ св. авторитетомъ не считаетъ нужнымъ подтвердить), но мы ограничимся однимъ выразительнѣйшимъ: *Богъ, говоритъ Ап. Павелъ, производитъ въ васъ (христіанахъ) и хотѣніе и дѣйствіе* ¹⁾ *по Своему благоволенію* (Филип. II, 13—ср. Ев. Іо. XV, 4—5, Римл. VIII, 26 I Кор. III, 7—7, 1 Сол. V 26, Евр. XIII, 20—21; и др.).

2. Переходя къ разбору мнѣнія г. Розанова о „длительности“ дѣйствія таинствъ, нельзя не отмѣтить обнаруживаемой имъ при этомъ крайней развязности въ сужденіяхъ. „Длительность“ дѣйствія таинства зависитъ, по его мнѣнію, отъ человѣка, — длится дѣйствіе таинства—„до перваго грѣха“. Г. Розанову отлично на примѣръ, извѣстно, когда дѣйствіе таинства крещенія прекратилось для Вольтера: „Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ съѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ „Кандида“ или „Sur le désastro de Lisbonne“. „Отвергнуть Промыслъ (sic),—и нѣтъ болѣе дѣяствія крещенія“... ²⁾. Но извѣстно ли нашему автору, столь далеко проникающему въ область тайнъ божественныхъ, значеніе таинства крещенія по ученію Церкви? Должно сильно въ этомъ сомнѣваться. Въ таинствѣ крещенія человѣкъ, по ученію Церкви, очищается отъ всѣхъ грѣховъ: и первороднаго ³⁾, и личныхъ, содѣянныхъ до креще-

¹⁾ Ну, вотъ я радуюсь, что нашлось слово Божіе, покровительствующее мнѣ: динамическое начало семьи, его „порохъ, безъ котораго не происходитъ выстрѣла“, суть „хотѣнія и дѣйствія“, произведенныя въ насъ „по Божію благоволенію“. *Finis coronat controversam. В. Р.—сг.*

²⁾ Не постигаю *атеиста*, который есть въ то-же время *христіаниномъ*! Да что-же такое христіанство: *сметъ* головъ и даже не головъ, а хвостовъ, какъ объ убитыхъ волкахъ говорятъ: „принеси въ полицію столько-то волчьихъ хвостовъ: за каждый получишь по два рубля“. И меня удивляютъ въ нерелигіозности разсуждающіе такъ о христіанствѣ! *В. Р.—сг.*

³⁾ Путаешь и ничего не знаетъ авторъ: отъ *первороднаго грѣха* очищенъ человѣкъ крестною смертію Спасителя: „той бысть язвенъ за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наши; наказаніе міра нашего—на Немъ, явлено Его мы *исмытломъ*“. Личныхъ-же грѣховъ у новорожденнаго нѣтъ.

нія¹⁾, и раждается въ новую духовную жизнь. Что же хочетъ сказать г. Розановъ? То-ли, что Вольтеръ, съвши за свои ужасные романы, вновь сталъ виновнымъ въ первородномъ грѣхѣ?... Но это—нелѣпо. Или—что онъ умеръ духовно? Но вотъ что говорится въ Посланіи Восточныхъ Патріарховъ о православной вѣрѣ: „Какъ при естественномъ рожденіи каждый изъ насъ получаетъ отъ природы опредѣленный видъ, образъ, остающійся съ нами навсегда, такъ точно и при духовномъ нашемъ рожденіи таинство крещенія полагаетъ на каждого неизгладимую печать, которая остается на крестившемся всегда, *хотя бы онъ послѣ крещенія надѣлалъ тысячу грѣховъ или даже отвергся самой вѣры*“ (гл. 16). Да слѣдовало бы и то еще знать нашему автору, что доколѣ человекъ живъ тѣлесно, нельзя говорить и объ его смерти духовной, ибо и на смертномъ одрѣ отчаяннѣйшіе грѣшники обращаются иногда къ Богу (какъ, говорятъ, и было именно съ Вольтеромъ), свидѣтельствуя тѣмъ, что сѣмя жизни духовной не умирало въ нихъ²⁾.

Разсужденія г. Розанова о длительности дѣйствія таинствъ, въ сущности клонятся къ совершенному отрицанію всякаго значенія³⁾ ихъ для человекъ. Всего яснѣе слѣдуетъ это изъ его разсужденія о таинствѣ евхаристіи.—„Сколько времени длится въ человекъ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово—несовмѣстимы. И согрѣшившій уже вышелъ изъ подъ благодатнаго таинства“... Но задавался ли нашъ авторъ вопросомъ; а какъ долго можетъ прожить человекъ безъ грѣха? Попробуемъ только остановиться вниманіемъ на этомъ вопросѣ—и мы увидимъ, къ какимъ заключеніямъ должно прійти, слѣдуя разсужденіямъ г. Розанова.

И Слово Божіе, и собственное сознаніе каждого согласно свидѣлствуютъ намъ, какъ велика надъ нами власть грѣха. Уже въ книгѣ Бытія говорится, что *помышленія сердца человеческого*

Крещеніе есть *принятіе крещаемого въ христіанство, какъ въ общество струющихъ и въ систему догматовъ*. В. Р—въ.

¹⁾ Ну... развѣ молока много просилъ или у мамы грудь больно взялъ, и черезъ это „согрѣшилъ“. Очень вы тароваты на разбрасыванье грѣха, оставаясь сами „единными безгрѣшными“. Въ тонѣ автора столько самоувѣренности, что прямо не чувствуется оглядки: „а ну, какъ я ошибаюсь“, не говорю ужъ о глубокомъ: „не грѣшу-ли я“? В. Р—въ.

²⁾ Такъ *обратился*—и опять сталъ Христовъ; а еслибы не обратился, то неужели, написавъ Pucelle (гнусное отношеніе къ Божіей Матери, Пречистой Дѣвѣ), неужели умеръ-бы „христіаниномъ“, „сыномъ церкви“, „ученикомъ Іисуса“?... Это какое-то понятіе о постояломъ дворѣ, гдѣ ночуетъ и воръ и честный, „только-бы уплатилъ за мѣсто“. И авторъ не замѣчаетъ, до чего онъ своимъ формалистическимъ разсужденіемъ роняетъ и лишаетъ церковь *всѣхъ качествъ*. В. Р—въ.

³⁾ Да *значеніе* пронстекаетъ изъ *качествъ*, а г. Сильченковъ и усиливается доказать, что „никакихъ качествъ не надо“. В. Р—въ.

—зло ¹⁾ *отъ юности его* (VIII, 21), а Христось—Спаситель, про-
свѣщая нравственное сознание человѣческое, возвѣстивъ, что всѣ
эти помысленія,—всѣ враждебныя чувства, востражныя пожеланія
и проч.,—какъ и всякое праздное слово,—суть грѣхи, грѣхи въ соб-
ственномъ смыслѣ. И если при свѣтѣ яснаго Евангельскаго уче-
нія объ этомъ предметѣ, человѣкъ со строгимъ вниманіемъ обра-
тится внутрь себя самого, то—только вѣра въ милость Божию и
Его всемогущую спасающую силу можетъ уберечь его отъ ужаса
и отчаянія. Предъ его сознаніемъ раскроется вся сила грѣха,
все всепроникающее господство его ²⁾). Человѣкъ грѣшитъ, грѣ-
шитъ непрестанно, грѣшитъ въ мысляхъ, въ словахъ и въ дѣ-
лахъ, грѣшитъ „вольно и невольно, въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи“,
грѣшитъ тогда, когда рѣшается на зло, грѣшитъ и тогда, когда
предполагаетъ, что дѣлаетъ добро, — ибо сколько нечистыхъ
нубужденій, своекоростныхъ интересовъ и прочаго зла — и въ
„добрыхъ“ дѣлахъ человѣка! Въ своихъ аскетическихъ твореніяхъ
Св. Отцы—подвижники (напр. Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Лѣствич-
никъ) ясно доказали это, подробно изслѣдовавъ, до какихъ глу-
бинъ проникаетъ грѣховное зло въ существѣ человѣка. Грѣшитъ
человѣкъ непрестанно,—только со смертью человѣка умираетъ
и живущій въ немъ грѣхъ (Римл. VI, 7). Св. Иреней въ этомъ и
усматриваетъ благодѣтельное ³⁾ значеніе смерти (Противъ ересей
—кн. 22, § 6): „Богъ... задержалъ грѣхъ, полагая смерть и пре-
кращая грѣхъ и дѣлая ему конецъ чрезъ разрушеніе плоти“...
Итакъ, сказать, что таинство евхаристіи имѣетъ для человѣ-
ка значеніе только до перваго грѣха его, не значить ли сказать,
что оно вовсе не имѣетъ для него ⁴⁾ значенія?... Ибо невозможно
человѣку и короткое время пробыть безъ грѣха—если не словомъ
и дѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, мыслью, движеніемъ грѣховнаго
чувства.

¹⁾ Т.-е. *можетъ* быть, но вовсе не непременно. Авраамъ захотѣлъ *во-
слушаться* Бога, вышелъ изъ города Ура, пошелъ туда, сюда. Какой тутъ
грѣхъ? Да и множество мы творимъ безгрѣшно, и только иногда—грѣ-
шимъ; и очень рѣдко грѣшимъ *тяжелымъ* грѣхомъ. Вотъ это надо-бы
выдѣлать, и давно-бы богословамъ надо указать серіи грѣха не труднаго,
отъ легкомыслія, отъ веселости человѣческой происходящаго, отлучая
его отъ *отягощенія* совѣсти, каковымъ я рѣшился-бы назвать почти исклю-
чительно *холодъ* душевный, *лѣность* человѣческую, въ основѣ—духовное
скопчество, *безстрастность*, *одревенѣлость*. В. Р.—*с.*

²⁾ Ну, авторъ, не унывай. Но замѣчательно, что очевидно желчный
авторъ, и такъ предрасположенный къ скопчеству, томится столь явнымъ
уныніемъ и *обояніемъ* грѣха. „Перстъ Божій“ надавилъ на него. В. Р.—*с.*

³⁾ Вотъ какъ. А Адаму Богъ *послать грѣха* сказалъ: „ты—прахъ, и въ
прахъ возвратишься“. Смерть есть *показатель* грѣха и *последствіе* грѣха:
какое-же въ ней *благодѣліе*?! В. Р.—*с.*

⁴⁾ Потому мы и *повторяемъ* причащеніе, что съ грѣхами, конечно,
дѣйствіе принятыхъ св. Даровъ потемнѣло и, наконецъ, исчезло. В. Р.—*с.*

— „Такъ и съ каждымъ таинствомъ“,—утверждаетъ г. Розановъ, и мы можемъ только добавить, что, слѣдовательно, къ отрицанію значенія ¹⁾ всѣхъ таинствъ сводятся его разсужденія. Вотъ почему мы и назвали ихъ не только невѣрными, но и очень опасными. И понятно, что бракъ не составляетъ въ нихъ исключенія,—такъ какъ и онъ сохраняетъ свою силу только до перваго грѣха супруговъ—„и при томъ въ какой угодно формѣ—злости, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности“. Кстати г. Розановъ напоминаетъ, что „внутреннее прелюбодѣянiе Спасителя уравновѣсилъ съ внѣшнимъ“,—слѣдовательно, внутреннее прелюбодѣянiе также уже есть грѣхъ, прекращающій „длительность“ таинства брака. А такъ какъ грѣхъ этотъ—не доказуемъ и можетъ быть извѣстнымъ самимъ только супругамъ, то разводъ долженъ имѣть „субъективную постановку“, т. е. долженъ быть предоставленъ ничѣмъ не стѣсняемой волѣ супруговъ... Далѣе идти уже некуда.

Напомнимъ же, однако, нашему автору, ²⁾ что сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9); что благодать Божія не

¹⁾ Въ доброе старое время христіане *каждую недѣлю* причащались. Мнѣе-ли они чувствовали „значеніе таинствъ“, чѣмъ г. Сильченковъ, который въ качествѣ преподавателя семинаріи вѣрно говѣетъ разъ въ годъ, по регламенту. В. Р—го.

²⁾ Далѣе—центръ интересности всей брошюры. Бракъ—*загрязненъ*, вотъ моя мысль, и загрязненіе идетъ отъ *управителей* его. Прямо этого не видно, ибо они-то обычно проповѣдуютъ о „грѣхахъ“ и „немощахъ“. Но въ овечье лицо взгляните внимательно, и вы увидите черты волка. Конечно, не интересуясь нисколько судьбой семьи (см. выше), авторъ противъ развода не въ ея интересахъ пишетъ и не въ интересахъ дѣтей (о которыхъ даже не упоминаетъ), но почувствовавъ себя оскорбленнымъ за то, что „фундаментъ подъ семинаріей колеблется“. Для укрѣпленія этого фундамента, „нашей власти надъ сочетавшимися“, ему надо отвергнуть разводъ. И вотъ онъ начинаетъ вздыхать: „всѣ мы грѣшны“, „и я“, „и святые“, „Иренинъ, и св. Ефремъ и Іоаннъ Лѣвiticчикъ“. Онъ подкрадывается. Онъ наконецъ подкрался. Разбитая жизнь; изможденная жена—приходитъ къ „милостивцу“. Онъ вздыхаетъ: „Всѣ мы грѣшны. Мужъ избилъ? убилъ?“—Почти убилъ.—„Мужъ распутенъ, говоришь, и сдѣлалъ тебя судомойкой около любовницы-барыни? Ты унижена и опозорена? Такъ бьютъ опозоренъ и униженъ нашъ Господь и указалъ намъ крестный путь терпѣнія. Перетерпи. Благодать совершеннаго нами надъ тобою таинства перебораешь и очищаетъ всякій грѣхъ. Стерпи, люби мужа, покоряйся ему, не оставляй его иначе на веревкѣ назадъ къ нему приведемъ—и ожидай награды за гробомъ“. Такъ и сложился укладъ христіанской семьи, „крестной“ семьи, „распятой“ семьи. Между тѣмъ какъ распинатели ея любятъ и не отказываются отъ сухонькихъ квартирокъ, дровъ казенныхъ, и всякихъ „угодынцевъ“; и кажутся, эти грѣхи себѣ „прощаютъ“. Только если жена не стерпитъ и сбѣжитъ, сойдетъ со креста, вдругъ картина мѣняется: „а-ту ее! полиція!! по этапу!!! Нарушила св. таинство брака, „и вотъ это нарушение уже благодать не покрываетъ, и грѣхъ неповиновенія, востанія—единственный, который не отпускается ни въ вѣкъ семъ, ни въ будущемъ“. В. Р—го

бѣгаетъ,—какъ онъ думаетъ,—грѣха, ибо она—не слабѣе грѣха, что для борьбы со грѣхомъ она и подается. Напомнимъ и это выразительное свидѣтельство Апостола: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествоваа благодать...* (Римл. V, 20).

Вотъ что должно было бы имѣть въ виду и чѣмъ должно было бы руководиться при сужденіи о дѣйствіяхъ во всѣхъ вообще таинствахъ Божественной благодати. А при сужденіи въ частности о таинствѣ брака должно было бы, сверхъ того, помнить строгое и ясное слово Спасителя: *еже Богъ сочета¹⁾, человекъ да не разлучаетъ* (Мѡ. XIX, 6).

И самое грубое прелюбодѣяніе еще не прекращаетъ дѣйствія таинства и не изгоняетъ благодати²⁾, и Спаситель сказалъ только то, что такое прелюбодѣяніе есть дозволительный поводъ къ разводу, совершить который можетъ, однако, одинъ только Богъ, а не человекъ. Это значитъ, что одна только Церковь, чрезъ которую сочетаваетъ и разлучаетъ Богъ супружества на землѣ, можетъ прекратить³⁾ дѣйствіе таинства брака и лишить порочный семейный союзъ той благодати, которую она же ему отъ Бога сообщила... А до этого дѣйствія Церкви возможно полное восстановление святости и чистоты брачнаго союза и послѣ тягчайшаго, совершеннаго въ немъ преступленія⁴⁾—и это будетъ

¹⁾ Да *идѣ?* въ чѣмъ? Вѣдь почти физиологичны здѣсь слова о бракѣ: „развѣ вы не читали у древнихъ: Сотворившій—въ началѣ *мужчину и женщину* сотворилъ ихъ. Посему *оставитъ* человекъ *отца и мать* свою и прилѣпится къ *женѣ*, и будутъ *два въ плоть одну*; что Богъ *сочеталъ*—человекъ да не *разлучаетъ*“. Здѣсь говорится о „не разлученіи“ *плотскомъ и плетей*, отрицается *séparation de corps*; но разъ уже оно произошло, супруги *вмѣстѣ* не живутъ, тогда „еже Богъ сочеталъ—разлучился“. И брака вовсе нѣтъ, если за него не принимать паспортъ. Но Богъ вовсе нигдѣ не сказалъ: „еже два—въ одинъ паспортъ: да не пишутся паспорта отдѣльно на двухъ“. Между тѣмъ вѣдь въ этомъ и состоитъ все дѣло *теперь*; и бракъ считается *сущимъ*—не по житію, не по любви, не по нравственности, но по *едино-паспортности*. Какой подлогъ, и искаженіе, и разрушеніе основной Божіей заповѣди, основного закона бытія человекаго! В. Р—*сз.*

²⁾ Вотъ, вотъ, вотъ! Этого-то слова я и поджидалъ. Поймалъ молодца, который держа въ рукѣ развратъ—опустилъ его въ супружество, въ семью—и все заразилъ, и всѣхъ заразилъ, въ тоже время объявляя и рекомендуясь: „я охранитель святости брачнаго союза“. Это у него не случайная обмолвка: на этомъ держится все вообще европейское ученіе о семьѣ, всѣ законы о бракѣ, страшная вражда къ разводу. В. Р—*сз.*

³⁾ Духовная консисторія прекращаетъ, послѣ извѣстнаго знаменитаго бракоразводнаго процесса. Но заяцъ перебѣжалъ съ одной дорожки на сосѣдную и слилъ: консисторія, церковь, Богъ. „Богъ искони бѣ“, а консисторіямъ нѣтъ и двухъсотъ лѣтъ жизни. В. Р—*сз.*

⁴⁾ Вотъ, вотъ! Истязанія и убійства женъ уже здѣсь формулировано. „Какъ бы мужъ жену ни истязалъ, *мы ему прощаемъ, и они поэтому обязана терпѣть*“. Все историческое безчеловѣчіе европейской семьи получило, наконецъ, себѣ автора и хозяина, и его имя каждый можетъ теперь назвать.

лишь свидѣтельствомъ всемогущества благодати¹⁾, всегда немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей, — преизбыточествующей тамъ, гдѣ умножается грѣхъ...²⁾.

Но довольно³⁾. И сказаннаго, думаемъ, достаточно, чтобы читатель согласился съ нами, что г. Розановъ—типичный представитель отмѣченнаго нами направленія, и оцѣнилъ достоинство самого направленія („Вѣра и Разумъ“, 1900).

К. Сильченковъ.

XI. О христіанскомъ бракѣ.

Не мало въ современной жизни встрѣчается явленій, которыя невольно заставляютъ смотрѣть пессимистично на современное общество. Къ числу такихъ явленій нельзя не отнести, между прочимъ, появленіе литературной лжебратіи о Христвѣ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ поднялись религиозные интересы нашего общества, въ нашей газетной и журнальной свѣтской литературѣ создалось особое направленіе, представляющее своеобразную смѣсь показнаго благочестія съ проповѣдью широкой свободы страстей, преклоненія предъ христіанствомъ и—снисходительно небрежнаго отношенія къ нему, подчиненія вѣрѣ и—совершенно свободнаго и своевольнаго толкованія ея. Эта литературная лжебратія о Христвѣ не мало причиняетъ вреда церкви Христовой, распространяя въ обществѣ ложныя и превратныя понятія.

Излюбленнымъ предметомъ разсужденій ея за послѣднее время, между прочимъ, сдѣлался вопросъ о бракѣ. Какъ бы этотъ вопросъ различными представителями этого направленія различно ни толковался, но выводъ всегда получался одинъ и тотъ-же: нужно разводъ сдѣлать болѣе легкимъ. Противъ этого вывода нельзя, конечно, возражать категорически⁴⁾, но что говорится ради его, въ большинствѣ случаевъ заслуживаетъ полнаго опроверженія.

К. Сильченковъ, ввязавшись въ споръ, оказалъ неоцѣнимую услугу дѣлу. Ибо читатель замѣтитъ, что *такъ, какъ онъ* безчеловѣчно—о семьѣ никто изъ участниковъ спора (см. выше письма) не говорилъ. В. Р—съ.

¹⁾ Боже, Боже: побой, ругань, развратъ въ семьѣ—свидѣтельства всемогущества благодати“. И этотъ развратъ слова, динизмъ религиозный, эта *Хамовская* мысль—на страницахъ „Вѣры и Разума“, богословско-философскаго журнала, помѣстившаго статью на первомъ мѣстѣ книжки. В. Р—съ.

²⁾ Чѣмъ вонючѣ поминаная яма, тѣмъ въ извѣстномъ отношеніи она являетъ болѣе „святости“. Какъ понятно зараженіе всей Европы, если распутать узлы всей этой діалектики. Сгноили нравственно Европу ея „духовные“ учителя. И въ то-же время они кричатъ объ ея „грѣхахъ“ и „нераскаянности“. В. Р—съ.

³⁾ Дѣйствительно „довольно“. В. Р—съ.

⁴⁾ Первое, кажется, въ богословской литературѣ хотя-бы какое-нибудь согласіе „подумать о разводѣ“. В. Р—съ.

Такую задачу взялъ на себя г. К. Сильченковъ, помѣстившій въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ статью подъ заглавіемъ: „Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ“. Эта статья имъ написана собственно противъ статьи В. Розанова, помѣщенной на страницахъ „Новаго Времени“ и озаглавленной „Непорочное счастье“¹⁾. Г. Сильченковъ возражаетъ г. Розанову по двумъ пунктамъ: во первыхъ, противъ его взгляда на нравственную основу брака, во вторыхъ, противъ его догматическихъ воззрѣній на бракъ, какъ таинство.

Быть можетъ, многіе изъ нашихъ читателей читали статью г. Розанова и знаютъ, что нравственной основой брака г. Розановъ считаетъ страсть. Онъ такъ говоритъ въ своей вышеупомянутой статьѣ отъ имени послѣдней: „Я здѣсь (т.-е., въ бракѣ) образу все—и я господствую. Семья есть мой домъ и именно сотканный мною. Безъ меня ни законъ, ни разумъ семьи не создастъ. Вотъ почему, когда я рушу семью, я рушу свое созданіе, рву свой покровъ, издѣліе внутренностей моихъ“

И если я уйду, не объясняя никому причинъ, изъ семьи, знайте, что я именно уйду изъ семьи уже порочной, и съ надеждой и усиліемъ на мѣстѣ ея соткать другую и именно непорочную семью; неправильно родивъ, я усиливаюсь къ новымъ родамъ, оплакавъ трупъ неудавшагося младенца“. По поводу этого утвержденія г. Розанова г. Сильченковъ вполне справедливо приводитъ слова Мартенсена, протестантскаго богослова: „Здѣсь,—говоритъ послѣдній—очевидно желаютъ поставить законъ плоти или членовъ на мѣсто закона духа. Многохвальная истина въ страсти весьма часто здѣсь есть лишь простое безстыдство, которое не краснѣетъ предъ законами нравственности. Плотская похотливость, очевидно, отрицаетъ здѣсь то, что бракъ есть учрежденіе, стоящее выше отдѣльныхъ личностей, что личности дадутъ обязательства не только другъ передъ другомъ, но предъ высшимъ авторитетомъ, именно Богомъ, что цѣль брака не есть исключительно то, что выставляется именно здѣсь; что личности должны быть счастливы и взаимно приятны другъ другу, но что кромѣ того отнюдь не послѣднею цѣлію этого учрежденія является то, чтобы личности черезъ посредство брака были воспитываемы ко взаимному возрастанію въ добродѣтеляхъ, вслѣдствіе чего христіанство также говоритъ о крестѣ, который Богъ положилъ на это состояніе жизни“.

Не отрицая физической стороны въ бракѣ, г. Сильченковъ къ приведеннымъ словамъ Мартенсена добавляетъ еще то, что всякая страсть эгоистична по самому своему существу и какъ таковая никогда ничего не созидаетъ и не можетъ созидать, но только разрушаетъ. Въ частности, именуемая громкимъ именемъ „любви“, страсть брака съ этой точки зрѣнія представляется болѣе разрушительной, чѣмъ всякая иная страсть. Такъ, гордый человѣкъ всегда гордъ, скупой неизмѣнно вѣренъ своей любви къ приобрѣ-

¹⁾ Авторъ такъ золъ, что перевираетъ заглавіе статьи, вѣрно приведенное у г. К. Сильченкова. В. Р—ва.

тенію; напротивъ, страстный человѣкъ, какою бы пылкою страстію онъ ни пылалъ, „едва лишь утолитъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, уже скучаетъ и томится“... и ищетъ новаго предмета страсти. Такимъ образомъ, если самая страсть и остается неизмѣнной, то все таки въ отношеніи своихъ предметовъ она крайне непостоянна.

Не страсть, а разумное чувство, говоритъ г. Сильченковъ, составляетъ основу брака. Какъ христіанство, такъ и здравый разумъ одинаково отрицаютъ и осуждаютъ страсти. Христіанство желаетъ видѣть человѣка не поработаннымъ и ослѣпленнымъ страстію, но свободнымъ отъ нея и разумнымъ, — въ этомъ его идеалъ.

Что касается догматическихъ воззрѣній г. Розанова на бракъ, какъ таинство, то съ этой точки зрѣнія наибольшей интересъ представляетъ его ученіе о длительности таинства. Напомнимъ нашимъ читателямъ это ученіе.

„Входитъ-ли длительность первою и главною чертою въ таинство?“ спрашиваетъ г. Розановъ и отвѣчаетъ: „Не входитъ. Совершенно нельзя опредѣлить, и не вытекаетъ рѣшительно ни изъ какой черты таинства непремѣнная его продолжительность. Сколько времени длится въ человѣкѣ дѣйствіе принятыхъ Св. Даровъ? Неизвѣстно. До перваго грѣха. Грѣхъ и Тѣло Христово — несовмѣстимы, и согрѣшившій уже вышелъ изъ подъ благодатнаго таинства. Сколько времени длится дѣйствіе Св. Крещенія? Въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ „Кандида“...“

Эти общія послылки о таинствахъ нужны г. Розанову для вывода, что таинство брака длится до перваго грѣха. А такъ какъ подъ грѣхомъ слѣдуетъ разумѣть грѣхъ и въ какой угодно формѣ — злобы, презрѣнія, неуваженія, мысленной невѣрности, то, очевидно, и длительность брака какъ таинства чрезвычайно мало гарантирована. Между тѣмъ, и святость таинства брака

„не должна быть, по воззрѣніямъ г. Розанова, нарушаема, и единственнымъ спасеніемъ ея въ случаѣ указаннаго нарушенія ея какимъ-либо изъ указанныхъ грѣховъ долженъ быть разводъ. Если — грозитъ намъ г. Розановъ — мы не откроемъ выхода изъ брака въ такого рода случаяхъ черезъ разводъ, то наша семья умретъ, какъ умерла она въ католическихъ странахъ, полторы тысячи лѣтъ проборовшись съ внутреннимъ самоотравленіемъ“.

Г. Сильченковъ по поводу этого ученія совершенно справедливо отмѣчаетъ „крайнюю развязность г. Розанова въ сужденіяхъ“. „Г. Розанову, пишетъ г. Сильченковъ, отлично, напримѣръ, извѣстно, когда дѣйствіе таинства крещенія прекратилось для Вольтера: „въ Вольтерѣ оно кончилось, когда онъ сѣлъ за „Pucelle“, когда писалъ Кандида“. Но извѣстно ли нашему автору, столь далеко проникающему въ область тайнъ Божественныхъ, значеніе таинства крещенія по ученію церкви? Должно сильно въ этомъ сомнѣваться“. Въ таинствѣ крещенія человѣкъ, по ученію церкви, очищается отъ всѣхъ грѣховъ: и первороднаго и личныхъ, содѣян-

ныхъ до крещенія, и рождается въ новую жизнь. Что же хочеть сказать г. Розановъ? То-ли, что Вольтеръ, сѣвши за свои ужасные романы, вновь сталъ виновнымъ въ первородномъ грѣхѣ?.. Но это нелѣпо. Или — что онъ умеръ духовно? Но вотъ что говорится въ Посланіи восточныхъ патріарховъ о православной вѣрѣ: „Какъ при естественномъ рожденіи каждый изъ насъ получаетъ отъ природы опредѣленный видъ, образъ, остающійся съ нами навсегда, такъ точно и при духовномъ нашемъ рожденіи, таинство крещенія налагаетъ на cadaго неизгладимую печать, которая остается на крестившемся всегда, хотя бы онъ послѣ крещенія надѣлалъ тысячу грѣховъ или даже отвергся самой вѣры“. Ученіе г. Розанова, замѣчаетъ еще г. Сильченковъ, уничтожаетъ всякое значеніе таинствъ, такъ какъ послѣднія длятся только до перваго грѣха, а безъ грѣха человѣкъ не можетъ прожить и самаго небольшого срока времени.

Нельзя не пожелать, чтобы почаще на страницахъ духовныхъ журналовъ появлялась такая сильная отвѣдь превратнымъ понятіямъ, посѣваемымъ въ обществѣ литературными лжебратіями о Христѣ, однако нельзя и не пожалѣть о малораспространенности нашей духовной журналистики въ свѣтскомъ обществѣ. Статью г. Розанова „Непорочное счастье“, помѣщенную на страницахъ „Новаго Времени“, прочтуть тысячи людей, а статью г. Сильченкова, помѣщенную на страницахъ духовнаго журнала „Вѣра и Разумъ“, едва ли изъ этихъ тысячъ прочтуть сотни. Вотъ наглядное доказательство той слабости голоса духовной журналистики, на которую мы указывали въ прошлогоднихъ годовичныхъ обзорѣняхъ ¹⁾ („Странникъ“, 1900 г.).

¹⁾ Поразительную сторону составляетъ и здѣсь то, что ни о *дѣтяхъ*, ни о самихъ *супругахъ*, ни всемъ кругѣ родства нѣтъ ни слова. „Вракъ есть наше участіе и наша власть и нами внесенный сюда *крестъ терпѣнія—во умерщвленіе страстей*“, такъ можно формулировать положительную, „апологетическую“ и догматическую, часть богословствованія о бракѣ; а „*анти-наше, анти-крестъ, анти-терпѣніе*, т. е. самое супружество и чадо-твореніе есть отрицаніе брака и разрушеніе нравственности“, — такъ можно формулировать отрицательную или полемическую часть этого-же богословія. В. Р—въ.

ОТВѢТЪ г. К. Сильченкову.

Въ полу-философскомъ, полу-богословскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, издающемся въ Харьковѣ, появилась статья г. К. Сильченкова: „Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ, по поводу статьи В. Розанова въ „Новомъ Времени“, вышедшая потомъ и отдѣльною брошюрою. На статью эту сдѣланы ссылки въ журналахъ „Вѣра и Церковь“ и въ „Странникѣ“, и дѣйствительно ея построение серьезно и заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ. Намъ она не показалась убѣдительною, но возразить мы считаемъ долгомъ уже для того, чтобы многочисленные изъ духовныхъ читателей, т.-е. очень чуткихъ къ вопросу о разводѣ, не приняли насъ молча отказавшимися отъ соображеній, на которыя мы опирались въ статьѣ: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“, послѣ критики ея г. Сильченковымъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Въ таинствѣ крещенія человѣкъ, по ученію церкви, очищается отъ всѣхъ грѣховъ: и первороднаго, и личныхъ“. Конечно, это ученіе г. Сильченкова, но не ученіе церкви, потому что снятіе первороднаго грѣха совершено крестною смертію Спасителя, какъ это и поется въ пасхальной пѣсни: „смертію смерть поправъ“, т.-е. Своею смертію на крестѣ уже Спаситель поправъ нашу смерть, и мы теперь умираемъ физически, но не умираемъ духовно. Какой же смыслъ смерти Спасителя, если первородный грѣхъ все еще съ человѣка не снятъ, и даже для чего же совершилось Его воплощеніе? „Той бысть язвѣнъ за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наши; наказаніе міра нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣлѣхомъ“, читаемъ мы у пр. Исаи—какъ мессіанское пророчество, и у евангелиста Іоанна—какъ исполненіе пророчества. Совершенно ясно отсюда, что послѣ Спасителя и Его „язвъ“ и „муки“ мы уже виѣ „беззаконія“, „наказанія“ и „грѣха“, и имѣемъ все это не какъ первородное, но только какъ личное, частное и особенное. Есть „мой грѣхъ“, грѣхъ этого „опредѣленнаго поступка,

мысли, слова“, но „общечеловѣческаго врожденнаго или первороднаго грѣха“ нѣтъ—онъ уже понесенъ и унесенъ на Себѣ „вторымъ (обратнымъ) Адамомъ“, „Агицемъ, закланнымъ отъ сложенія міра“.

Такимъ образомъ, рождающіяся отъ христіанскихъ родителей дѣти текутъ не „отъ зараженнаго грѣхомъ источника“ (обычное ошибочное представленіе), но отъ совершенно чистаго; и въ таинствѣ крещенія младенецъ принимается въ вѣру (чтеніе при этомъ сѣмвола вѣры), принимается какъ ученикъ въ догматическое сложеніе церкви, но отъ несуществующаго первороднаго грѣха вовсе не очищается. Утверждать это значило бы забывать всю, если позволительно такъ выразиться, логику сути христіанства какъ грѣхо-искупленія. За что же тогда умеръ Спаситель? и для чего Онъ пришелъ? И при чемъ приведенныя выше молитвы церковныя и опредѣленныя слова евангелиста?

Углубимся далѣе въ его возраженія,—и тамъ мы найдемъ тоже нѣсколько „манинальное“ богословствованіе, безъ оглядки назадъ.

Я утверждалъ, что въ бракѣ человѣкъ не совершенно пассивенъ, какъ въ другихъ таинствахъ, а активенъ. Цитировавъ мою мысль, г. Сильченковъ говоритъ, что „сама по себѣ эта формула еще не заключаетъ, конечно, въ себѣ ничего не согласнаго съ ученіемъ церкви“. Радуюсь это слышать и былъ въ этомъ увѣренъ, когда писалъ статью. Но далѣе авторъ чрезвычайно туманно объясняетъ, что „благодать не только не можетъ имѣть значеніе пассивное, но и болѣе того: ей несомнѣнно свойственно преимущественное и слѣдовательно болѣе активное значеніе, чѣмъ самому человѣку, потому что во всякомъ совмѣстномъ дѣйствіи болѣе активная дѣятельность принадлежитъ сторонѣ сильнѣйшей, а не слабѣйшей. Многими свидѣтельствами св. писанія можно подтвердить эту мысль, но мы ограничимся однимъ выразительнѣйшимъ: *Богъ* — говоритъ апостолъ Павелъ, — *производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по Своему благоволенію*“. Вотъ именно. И текстъ доказываетъ не его, а мою мысль, что въ бракѣ самъ человѣкъ, или, точнѣе, чета человѣческая, въ образѣ первозданной, „хотѣніемъ и дѣйствіемъ“ „двухъ въ плоть единую“, т.-е. самой *вещью брака, между ними совершающагося*, повинуются „произведенному въ нихъ Богомъ“. Супруги суть носители даровъ Божіихъ къ размноженію, благословенныхъ еще до грѣхопаденія (Быт., 1 и 2), и безъ этихъ даровъ нѣтъ и не начинается самый бракъ, супружество, семья. Нѣтъ *дѣла* брака безъ *дачи* этихъ даровъ; а когда они уже даны (Богомъ)—*брака не можетъ не быть*, и онъ есть во всѣхъ случаяхъ и при всякихъ обстоятельствахъ бого-благодатное чадородіе, кое не отвергнуто Богомъ и передано Быто-писателемъ даже въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ, какъ чадородіе дочерей Лотовыхъ (центральная мысль главы *Бытія*, объ этомъ повѣствующей: „намъ *уже*

не отъ кого понести дѣтей по закону всей земли: войдемъ-же“, и т. д., слова сестры сестрѣ). Какъ распоряженіе государя не поправляется его министромъ, такъ и ветхозавѣтное „раститесь, множитесь“ до скончанія міра никогда никѣмъ на законномъ основаніи не могло быть поправлено, отмѣнено или измѣнено, и можетъ быть только тавтологически повторено. Вернемся собственно къ благодатности силы чадородія. Церковь, какъ и порознь каждый священникъ съ полнотою благословляющихъ словъ напрасно ожидали бы чету человѣческую, если бы не „влеченіе жены къ мужу“ (Бытіе, 4) и не „оставленіе мужемъ отца и матери ради жены“ (Бытіе, 2), что, кстати, я и разумѣлъ единственно, говоря о страсти, какъ образующемъ началѣ брака. Смягчаю свое выраженіе, если оно не было осторожно, но фактъ есть все-таки фактъ и состоитъ въ благословенномъ Богомъ взаимномъ влеченіи, сближеніи и соединеніи половъ, безъ чего ничего въ бракѣ не началось, нѣтъ существа брака, или,—какъ говорятъ юристы: „нѣтъ состава преступленія“, такъ я повторю:—„нѣтъ состава брака“. На ученіе мое о склоненіи половъ г. Сильченковъ сильно напалъ, но тутъ онъ забылъ точный и непререкаемый смыслъ словъ Спасителя, Матв. 19: „*Мужчину и женщину сотворилъ человекъ Богъ; посему оставитъ человекъ отца и мать и прилькнется къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью*, такъ-что уже не два, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ“. Кажется ясно, о чемъ здѣсь говорится.

Но наиболѣе неправильное и въ бытовомъ и историческомъ отношеніи вредное мнѣніе, поддерживаемое и можетъ быть впервые точно сформулированное г. Сильченковымъ—это его ученіе только о формальномъ и почти словесно-формальномъ характерѣ таинства. Таинства по нему не суть существенности, ессенціальности,—если можно такъ выразиться, — а одиѣ только формы, въ которыхъ какое бы содержаніе ни лежало, или ни было вложено человекомъ, оно таинства не затрагиваетъ, не портитъ и не разрушаетъ. Если вспомнить котораго-то изъ Борджіевъ, даваша ядъ въ причастіи, то мы найдемъ аналогію этому искусному и опасному богословскому ученію. Въ туманѣ разсужденій оно конечно значитъ: „грѣши сколько хочешь—все равно таинство дѣйствуетъ, и ты спасенъ“. Думается, что по деревнямъ и весямъ русскимъ эта надежда, которая такъ похожа на легкомысліе и такъ толкаетъ на легкомысліе поступковъ—произвела не мало безобразнѣйшихъ сценъ, событій и наконецъ прямо преступленій. Обратимся къ браку. Мысль моей статьи и пожалуй моихъ статей — бракъ согласный, любящій, чистый; жизни „душа въ душу“ при единствѣ тѣлъ, и если есть грѣхъ, слишкомъ возможный здѣсь — то, какъ я оговорился въ своей статьѣ, непремѣнно грѣхъ открытый, безъ обмана, съ непремѣннымъ условіемъ

сознанія въ немъ другъ другу и чистымъ прощеніемъ и забвеніемъ грѣха, проступка, легкомыслія, однако прощеніемъ свободнымъ, а не насильнымъ и принужденнымъ. Это, сказалъ я, входитъ въ эссенцію таинства, ибо, гдѣ есть оно—тамъ Богъ, а гдѣ Бога нѣтъ—не длится и не продолжается таинство; какъ особенно въ случаѣ, если между мужемъ и женой неукротимая злоба, ожесточеніе, даже простирающееся до посягнувенія на жизнь другъ друга. Когда дѣло дошло до такого состоянія духа „четы человѣческой“, то, если можете и рѣшитесь, уже лучше ведите ее на торговую казнь, но ради-же Бога не кощунствуйте и не настаивайте, что среди этихъ расквашенныхъ носовъ, заготавлиаемаго мышьяку, царпанья, кусанья, ругани, побоевъ,—обычная картина „православной семейки“—есть и дѣйствуетъ благодать, сообщенная въ таинствѣ. Что дѣйствуетъ, то видно, а здѣсь не видно и значить—не дѣйствуетъ. Нѣтъ, это отношеніе къ таинствамъ, какъ только къ формальному требо-исполненію со стороны священника и требо-слушанію пассивнаго слушателя, и породило, создало, культивировало русскую да и вообще европейскую „семейку“, и напрасно авторъ думаетъ, что онъ благочестивъ, когда пишетъ: „Напомнимъ-же однако нашему автору, что сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. XII, 9); что благодать Божія не бѣгаетъ,—какъ онъ думаетъ,—грѣха, ибо она не слабѣе грѣха, что для борьбы съ грѣхомъ она и подается. Напомнимъ и это выразительное свидѣтельство апостола: *идѣ же множителъ грѣхѣ, преизбыточества благодать* (Римл. V, 20)“.

Нѣтъ, ужъ увольте. Вамъ написать это не трудно и по „Симфоніи“ подыскать тексты, а вы загляните въ отравленную семью, вы послушайте разговоры за ночь, взгляните на мать, избитую на глазахъ дѣтей—да что избитую! Студенческое воспоминаніе въ богоспасаемой Москвѣ, какъ сейчасъ помню—въ Денежномъ переулкѣ. У хозяина домъ и флигеля. Жена и много дѣтей. Жена—щепка испитая, въ могилу смотритъ. Все это я мелькомъ видалъ, студентъ былъ и ни до чего мнѣ не было дѣла, а разгадка „краше въ гробъ положенной“ (этакая вѣдь сложилась поговорка: значить—вѣка и миллионы наблюденій) женщины сказалась въ длинной сплетнѣ кухарки: „И—родимый! у него что ни прислуга, то жена и барыня, а барыня въ прислугахъ. Вмѣстѣ и измываются; онъ ее бьетъ, да и кухарка миловидная—бьетъ-не-бьетъ, а толкнетъ, и та смолчать должна. И сколько онъ этихъ хайловъ перебралъ!“

Хозяинъ былъ огромный и красный, и ужъ, думаю, кулачище... Можетъ, и до сихъ поръ живъ; не знаю, жива ли жена. Но мы съ г. Сильченковымъ не договорили: что же тутъ „преизбыточествовала благодать“?

Нѣтъ, дорогіе мои, нравы русскіе отъ васъ идутъ и вашего

„смиреномудрія“. Охъ, тяжело это „смиреномудріе“, и кто-то сниметь ерестъ этотъ съ Россіи...

•Удрученный ношей крестной•,

пѣлъ Тютчевъ. Ужъ именно!

•Край родной долготерпѣнья•

умилялся онъ-же. Нѣтъ, ужъ позвольте, я какъ студентъ тогда и сейчасъ какъ писатель прямо проклинаю это долготерпѣніе, ибо штука-то вѣдь въ чемъ: ну, я терплю—и хвала мнѣ. И каждый въ правѣ и даже долженъ лично и за себя терпѣть. Но когда я передъ этою „испитой женщиной“ встану и, приглаживая ея рѣденькія волосы и восхищаясь ея терпѣніемъ, запою ей „славу“:

•Край родной долготерпѣнья•

то вѣдь такому „пѣвцу“ можно въ глаза плюнуть. Нѣтъ, тутъ ни стиховъ, ни текстовъ не нужно. Тутъ нужно сдѣлать простое, доброе дѣло. Дѣло фактически я сдѣлать безсиленъ, какъ и тогда той доброй и безмолвной („безотвѣтной“—тоже поговорка) женщиной, но какъ писатель я, слава Богу, смогъ выразиться. Богъ научилъ высказать мысль, что когда въ семьѣ любви нѣтъ, уваженія нѣтъ, милосердія нѣтъ, то нѣтъ въ ней и святого и вообще ничего нѣтъ. Квартира съ враждующими жильцами, къ которой если примѣнять терминъ „таинство“, то какой же и текстъ подобрать для такового таинства кромѣ: „Богъ вражда есть“. Но въ нашемъ Евангеліи написано: „Богъ есть любовь“, и вотъ это понятіе Божества и есть канонъ семьи, на коемъ она должна держаться и имъ ограничиваться. А на началахъ вражды, которая на свѣтскомъ языкѣ передѣлалась въ народную мудрость: „ничего—стерпится, слюбится“, на этихъ началахъ семья еще не умерла, но явно умираетъ.

Какъ общее введеніе къ статьѣ, онъ пишетъ: „Извѣстно вѣдь, что какъ только поднимается въ нашей свѣтской печати этотъ вопросъ о разводѣ, онъ не иначе разсматривается и рѣшается, какъ въ смыслѣ самаго широкаго его допущенія. Въ разсужденіяхъ на эту тему газеты бывають преисполнены столь удивительной любви и снисхожденія къ страдающему отъ современныхъ ненормальныхъ условій брака,—разумѣется отсутствіе развода,—человѣчеству, что самое Евангельское ученіе о разводѣ является въ сопоставленіи съ ихъ любвеобильными разсужденіями чрезвычайно жестокимъ и мрачнымъ. Быть можетъ, большее спокойствіе и отсутствіе увлеченія дали бы инымъ публицистамъ (ссылка на Лѣскова) возможность понять всю чрезмѣрность этой претензіи—превзойти въ любви Евангеліе, — быть можетъ они тогда и допустили-бы, что не инымъ чѣмъ, какъ любовію къ

грѣшному челоуѣчеству вызвать былъ у Божественнаго Учителя чистѣйшей и святой любви и Его строгій приговоръ о разводѣ“ (стр. 2 брошюры).

Это все „вообще“... Но, г. Сильченковъ, что вы конкретно и опредѣленно скажете о расквашенномъ носѣ, нарядныхъ кухарочкахъ и красномъ кулакѣ моего хозяина въ Денежномъ переулкѣ? Да, мы—„свѣтскіе писатели“—развращаемъ нравы, ходимъ по улицамъ, заглядываемъ въ дома, слушаемъ разговоры, когда вы сидите въ чистыхъ квартиркахъ и ожидаете, когда васъ позовутъ на „требу“, крестины, похороны и свадьбу, что все вы только въ этотъ парадный часъ и блюдете. Но вы живете, и намъ нужно жить. Авторъ самъ (стр. 1) пишетъ о „внесеніи теперь въ наши высшія государственныя учрежденія законопроекта о разводѣ“, и вотъ съ этими учрежденіями, на рукахъ которыхъ полуразрушенная семья, дѣтубійство и проституція—разговоръ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ со „свѣтскими писателями“. Пощадите, милостивцы, воснѣваемый вами

Край родной долготерпѣнья,

и въ особенности когда вы сами такъ нетерпѣливы къ малѣйшему слову критики, васъ и вашего.

«Нов. Вр.», 1900 г.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XII. О страстномъ въ человѣкѣ началѣ.

1.

Любезнѣйшій В. В.!

Какъ долго всегда я задерживаю ваши оттиски. Простите. Получивши, сряду же прочиталъ и хотѣлъ отвѣчать вамъ, но прихворнулъ, и дѣло затянулось.

Что въ крещенія снимается съ человѣка не только его личный грѣхъ, но и первородный, это дѣйствительно есть ученіе нашей догматики.

Насколько оно отвѣчаетъ дѣйствительности, въ это никто не углублялся.

Что страсть есть основа брака, въ этой истинѣ не уступайте своимъ противникамъ ни единой пяди позиціи. Вѣдь у нихъ „языкъ болтаетъ, а голова не понимаетъ“. Прочиталъ я и фезральскую статью въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, написанную тоже отчасти въ отвѣтъ вамъ: „Христіанскій бракъ“. Суть дѣла та же, что и у Сильченкова, только попространнѣе. „Въ христіанствѣ всѣ страсти грѣховны“, пишетъ авторъ, оспаривая васъ. Но какими же образомъ бракъ святъ, если производителю ¹⁾ его грѣховны? Вѣдь это то-же, какъ если-бы мы сказали, что керосинъ и деготь, взятые въ отдѣльности, не пригодны для пищи, а бывъ смѣшаны, составляютъ изъ себя превосходное кушанье.

Половая *страсть*, или *потребность*, или *влечение* не есть

¹⁾ Вотъ прекрасное и полное и достаточное опредѣленіе: страсть есть *производитель*, творитель „двухъ—въ плоть единую... такъ что уже не два—но одинъ человѣкъ... еже Богъ сочета—человѣкъ да не разлучаетъ“. Слова эти, о *влеченіи* сказанныя, выкрадены „лжесловесниками, сожженными въ совѣсти своей“ (слова ап. Павла), и припилены къ своимъ „словесамъ“. Но пора выкраденное вернуть на мѣсто. В. Р—въ.

грѣховная немощь, или слабость человѣческой природы, какъ учать наши богословы, а *положительная, формальная сила, образующій агентъ* въ области чадородія или размноженія рода человѣческаго, подобно тому, какъ умъ есть формальная дѣятельная сила въ области познанія истины. И если нельзя говорить о разумной страсти, то точно такъ-же нельзя говорить и о „разумномъ чувствѣ“. Но можно и должно говорить о разумномъ пользованіи, какъ страстью, такъ и чувствомъ. И если нѣтъ холоднаго огня, или деревяннаго камня, то ничто не мѣшаетъ существовать въ природѣ и льду и огню, и дереву и камню. Каждое на своемъ мѣстѣ, и каждое въ свое время. И если нѣтъ разумной страсти, то ничто не мѣшаетъ существовать рядомъ и разуму, и страсти, все равно, какъ ничто не мѣшаетъ существовать рядомъ и разуму, и чувству.

„Новое Время“ за 11-е іюля получилъ, но фельетона Вашего еще не читалъ. Все похварываю.

Желаю Вамъ добраго успѣха. Благослови Васъ Господь „Отвѣтъ г. Сильченкову“ возвращаю. Преданный Вамъ, протоіерей А. Устьинскій. 20 іюля 1900 г.

2.

Дорогой В. В.!

Сейчасъ окончилъ ¹⁾ чтеніе вашей книги: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, и глубоко умиленъ содержаніемъ ея. Послѣ Евангелія, поучающаго о жизни въ духѣ любви и въ духѣ истины (которая у всякаго своя); вашей книгѣ, повѣствующей о религиозной жизни *духомъ и тѣломъ*, должно принадлежать первое мѣсто. Среди биліона существующихъ книгъ, трактующихъ о религиозной и нравственной жизни,—ваша книга сильнѣе всѣхъ можетъ подѣйствовать на душу людей и вліять на исправленіе нравовъ, распатанныхъ ученіями материалистовъ.

Какое счастье Россіи, что въ ней появляются такіе апостолы-писатели, какъ вы, дорогой Василій Васильевичъ! Надо обладать

¹⁾ Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (Москва) только-что появилась ужасная рецензія проф. Заозерскаго на мою книгу: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“, начинающаяся предисловіемъ: „Не съ радостнымъ чувствомъ мы принимаемъ за настоящій трудъ. Напротивъ, нами овладѣваетъ желаніе начать этотъ разборъ такимъ заявленіемъ: о, еслибы никогда не появлялось книгъ, подобныхъ настоящей, и намъ не приходилось писать такихъ рецензій какъ настоящая! Единственное свѣтлое и отрадное, что одушевляетъ насъ въ этомъ тяжеломъ морально трудѣ. это—лучъ надежды, что, быть можетъ, наша рецензія предупредитъ появленіе книгъ, подобныхъ настоящей, и главное, можетъ быть, самого г. Розанова настолько тронетъ, что онъ, *пришедъ въ себя*—навсегда откажется составлять подобныя книги“. Удрученный рецензіей, я вынулъ письмо

большимъ дарованіемъ, сердечною чистотою и великою силою убѣжденности въ своей идеѣ, чтобы въ наше время, когда жизнь людская идетъ по наклонности къ разложенію, выступить съ такою смѣлостью „посланиемъ“ къ русскому обществу, приглашая его упорядочить бракъ и семью въ христіанскомъ духѣ, *но непременно въ миропониманіи брака и семьи юдея, эллина и I. Христа*. Честь же вамъ и хвала за этотъ смѣлый подвигъ. Мирянамъ и богословамъ вы сказали много горькой и неприятной правды, во многомъ вы ихъ изобличили. И пусть ихъ посчитаются съ своею совѣстью. Во всякомъ случаѣ вашъ сильный, но сердечный и искренній крикъ о причинахъ упадка семьи и, слѣдовательно, общественной жизни весьма и весьма благовремененъ.

Какими жалкими оказались ваши полемисты, а въ особенности— „Мирянинъ“, Шараповъ и Аксаковъ. Богъ имъ судья! Другіе изъ нихъ собирались лично поговорить съ вами на тему, но едва ли бы вы услыхали что либо путное отъ нихъ. Зато протоіерей Александръ У—скій (пошли ему Господь долгихъ лѣтъ жизни) заслуживаетъ высокой благодарности отъ русскихъ сердецъ, боящихся еще Бога, за поддержку вашихъ идей „о религіи въ бракѣ“. Его рассказъ о двухъ женахъ, о которыхъ преподобный Макарій имѣлъ видѣніе, страшно мнѣ понравился, и его я многимъ читаю. Вотъ истинныя двѣ праведницы, но жаль,—мы не знаемъ даже ихъ именъ. Это—прообразы христіанокъ будущаго.

Въ разсужденіяхъ Л. Н. Толстого о христіанскомъ ученіи, о жизни и о тайнствахъ, принятыхъ церковью, есть нѣкоторая доля истины, но истины *мучительной для сознанія христіанина*. Истина Толстого во всякомъ случаѣ такъ малозначительна, что она можетъ умѣститься на остріѣ иглы. Придерживаясь ея на практикѣ, будетъ холодно человѣку, потому что она не обвѣяна теплотою мистическаго настроенія. Напротивъ, благовѣствуемое вами ученіе о семейной и общественной религіозной жизни, въ сочетаніи вѣрованій и надеждъ юдея, эллина и христіанина, по моему глубокому убѣжденію, — должно явить

г. С. В.—а, человѣка 58 лѣтъ, вѣрнаго слуги отечества нашего (любящій свое дѣло чиновникъ Лѣснаго вѣдомства), отца десятирхъ дѣтей и дѣда прекраснаго (отъ старшей дочери) внука, и перечитай—утѣшился, по крайней мѣрѣ относительно вреда своей книги. Въ очахъ другихъ людей—она полезна. Пусть-же работаетъ свою полезную работу, а кому она вредитъ—пусть ее и не читаютъ. Но письмо это, хотя оно и въѣты данной книги (кромѣ конца)—позволяю себѣ цѣликомъ напечатать, какъ лучшей отвѣтъ проф. Заозерскому. Читатель-же да проститъ мнѣ излишество занятой бумаги и отнятаго у него вниманія. Только конецъ письма (страницы двѣ)—чрезвычайно важенъ для теоріи страстей—криминальнаго пункта въ разглагольствованіяхъ г. К. Сильченкова. В. Р.—ст.

человѣчеству „новый небесный Іерусалимъ на землѣ“. Вотъ здѣсь полная „Истина“, и я въ нее вѣрю, исповѣдую и жду, по вашимъ глаголамъ. Толстой, только по упрямству, не хочетъ сознаться (далеко уже зашелъ, чтобы отступать отъ своей вѣры, но утверждать, что онъ уже не отступитъ,—рано еще, пока живъ), какъ челоѣчество обѣднѣло бы духомъ, если бы оно приняло его ученіе о жизни „съ единымъ хлѣбомъ“, но безъ *религіозной радости плоти*, а съ одною сытостью ея. Я думаю, разъ люди видятъ передъ собою небо, усыянное звѣздами и солнцами, и не могутъ отдѣлаться отъ мысли о „вѣчности“, то они не могутъ довольствоваться одною сытостью: надоѣсть земной хлѣбъ и возжаждать небеснаго, но его подъ рукою не окажется, ибо посвященный раньше пророками небесный хлѣбъ потоптанъ ногами свиней. Всякій бо чувствуетъ, что наше начало исходитъ съ небесъ и изъ вѣчности.

Рѣчь эту я веду отчасти по поводу послѣдняго отвѣта Толстого Св. Синоду. Все мнѣ лѣзетъ въ голову вопросъ: что бы отвѣтилъ Толстой, если бы ему сказали:

„Такъ какъ вы всѣ таинства херите, церковныя молитвы считаете „нашептываніемъ“, то не все ли вамъ равно, какъ съ вашимъ трупомъ будетъ поступлено, когда помрете? Можно ли его выбросить на улицу?“

Я думаю, онъ ужаснулся бы подобной перспективы... „Вѣнецъ творенія“... и пожалуйте на улицу, разлагайтесь здѣсь, безъ вздоховъ, безъ взоровъ на небо окружающихъ трупъ живыхъ. Какое заблужденіе великаго ума — опредѣлить челоѣка только какъ „вещь“, которую (послѣ смерти челоѣка) надо убрать, чтобы не мѣшала живымъ. Уже при жизни Толстой удостоился всесвѣтной извѣстности, великаго почитанія за (даръ Божій) талантъ. Но ему всего мало: капризный старикъ и притомъ *гордецъ*, хотя и говоритъ о блаженности кроткихъ...

Во всякомъ случаѣ, послѣдняя исторія, продѣланная съ Толстымъ, грустное явленіе для истинно-просвѣщеннаго христіанина. Обѣ стороны спустились съ „нагорныхъ“ высотъ... до грызни.

Чтеніе вашей книги навело меня на нѣкоторыя мысли, которыми я желаю подѣлиться съ вами. Мы съ вами, какъ люди, вѣрующіе въ Творца „видимыхъ и невидимыхъ“, съ радостью читаемъ Библію и восторгаемся глаголами ея. Но, простите, я иначе, чѣмъ вы, объясняю себѣ тексты кн. Бытія о грѣхопадѣніи и первородномъ грѣхѣ ¹⁾.

Начало міра останется вѣчно тайной для челоѣчества. Но челоѣку нудно жить, не рѣшивъ такъ или иначе этихъ вопро-

¹⁾ Откуда начинается чрезвычайное глубокое разсужденіе, которому я сочувствую всею душою. В. Р—а.

совѣ: надо же чѣмъ-нибудь успокоить свой тревожный умъ. Создаютъ, поэтому, разныя космогоническія теоріи образованія міровъ, у каждаго по своему (Моисей и Лапласъ). Намъ съ вами нравится кн. Бытія, какъ сердечно говорящая о началѣ міра. Это личное наше дѣло—что намъ больше можетъ нравиться. Какъ палъ первый человѣкъ, послушавшись повелѣнія Бога—не вкушать плодовъ съ древа „познанія добра и зла“,—и какое ему положено наказаніе за нарушеніе заповѣди („смертію умрешь“), объ этомъ ясно говорятъ тексты Моисеева творенія. Но принять тексты въ буквальный значеніи словъ невозможно, ибо это было бы равносильно возстанію противъ Творца за то, что онъ какъ бы не предвидѣлъ возможности грѣхопаденія человѣка. Такое допущеніе являлось бы абсурдомъ и клеветою на Бога. Значить, тексты Бытія являются теоріей о началѣ сотворенія міра. Эти тексты я понимаю такъ. Если бы люди руководились въ жизни однимъ *инстинктомъ*, какъ живутъ и всѣ прочія твари земныя, то они были бы, подобно послѣднимъ, не виновны передъ Богомъ ни въ чемъ, *были бы безгрѣшны*; но разъ они, по благодати Бога, превознесены выше всякой твари, надѣлены рѣчью и допущены къ владычеству цѣлой планетою, и главное—надѣлены способностью разсужденія: „кто мы и зачѣмъ, и все ли хорошо вокругъ?“,—должны же нести и отвѣтственность за свои поступки и за чистоту и святость своихъ мыслей, коль скоро тѣ и другія *не съ гармоніи съ инстинктомъ*. Все то, что человѣкъ дѣлаетъ не по инстинкту и даже противъ протестующей въ душѣ его искры Божіей—совѣсти—есть *грѣхъ*. „Коль ты, Адамъ, можешь передѣлывать природу своего тѣла, природу окружающихъ тварей, не прислушиваясь въ то же время ни къ голосу инстинкта, ни къ голосу совѣсти, а все дѣлаешь по своему желанію, а не по Моимъ заповѣдямъ, ясно выраженнымъ въ дѣлахъ,—которыя ты, Адамъ, видишь передъ своими глазами,—и въ тебѣ самомъ заложеннымъ Мною (самочувствіе и совѣсть), то ты грѣшишь противъ Моихъ заповѣдей. А за грѣхи Я полагаю тебѣ, Адамъ, болѣзни и даже сознаніе момента, когда къ тебѣ явится *смерть*, что будетъ для тебя мучительно. Исполняющій же мои заповѣди не будетъ знать или *сознавать* смерти, какъ и вся прочая живущая тварь не сознаетъ ея. Творишь, Адамъ, уподобляясь богу (лукавое слово знія Евѣ), многое отъ себя и по своему желанію, а потому, „познавъ доброе, отвѣчай и за злое“.

Такъ я толкую тексты кн. Бытія о грѣхопаденіи перваго человѣка *и каждаго изъ насъ до сего дня*.

Вы полагаете, что „грѣхъ палъ въ тѣло“. Въ разсужденіи вашей темы—такой выводъ отчасти поднимаетъ завѣсу, скрывающую тайну грѣхопаденія, но не всю тайну. Нельзя безусловно согласиться, что „пробужденіе полового чувства и вмѣстѣ стыда

къ наготѣ своей у безгрѣшныхъ 7-ми-лѣтокъ“ можетъ быть признано началомъ „грѣхопаденія“. Все это однѣ догадки и довольно остроумныя для уясненія темы ¹⁾. Мнѣ собственно неприлично браться за рѣшеніе вопроса,—въ чемъ состоитъ грѣхопаденіе перваго человѣка,—какъ малосвѣдущему въ источникахъ этого вопроса. Но въ сердцѣ своемъ я *чувствую*, что всякое уклоненіе человѣка отъ естественныхъ и умопостигаемыхъ законовъ „Творца видимыхъ и невидимыхъ“—является *грѣхомъ*, является вкушеніемъ „древа познанія добра и зла“, запрещеннымъ Адаму съ Евой и всѣмъ намъ. Человѣчество, однако, такъ присосалось къ этому древу, такъ имъ жирно упиталось, что совершенно притупило въ себѣ чувства инстинкта и совѣсть—эту искру Божію, и уже думаетъ (со словъ райскаго змія) о себѣ, что оно именно и есть богъ и что, поэтому, „ему все позволено“. Богъ вложилъ въ тѣло и душу человѣка частицу Самого себя съ явною цѣлью, чтобы она на вѣсахъ *свободной воли* поступковъ и мысли человѣка перевѣшивала или тяготѣла въ сторону „праведности и святости“. Наконецъ, мнѣ думается, что „свободная воля“ и „злая воля“ (обѣденіе людей райскимъ древомъ) не просто трактуются людьми. Не „все позволено человѣку“, а только то, что можетъ быть единогласно одобрено *лучшими людьми* іудея, аллина и христіанина, словомъ—Библию, Сократомъ и Иисусомъ Христомъ. Одобренное ими—безгрѣшно, а не одобренное—грѣшно, изшло отъ лукаваго змія.

Ношу въ сердцѣ такое пониманіе мысли о грѣхопаденіи. Первородный грѣхъ на рождающемся отрицаю: ничего еще не сдѣлавъ грѣшнаго, и логически не долженъ и не можетъ считаться грѣшнымъ, какъ нельзя сказать— $2 \times 2 = 5$. Этотъ грѣхъ дѣйствительно померещился тѣмъ, которые способны допустить, что „міръ нашъ наполненъ только дьяволами“.

Говорятъ, нельзя теперь быть вселенскому собору, чтобы говорить о религіи, о таинствахъ и о церковныхъ обрядахъ. Пожалуй, говорятъ правду. Человѣчество слишкомъ невѣжественно въ настоящее время ²⁾, черезчуръ объѣлось древомъ познанія добра, чтобы можно было подвинуть всю эту черноземную массу въ сторону истиннаго свѣта и „новаго радостнаго, небеснаго Иерусалима“ на землѣ. Но пройдетъ еще 1—2 вѣка, и люди пойдутъ на уступки въ деталяхъ своихъ религіи и чаяній будущаго: ибо все человѣчество, какъ одинъ человѣкъ, сознаетъ въ себѣ совѣсть

¹⁾ Вы стремились въ темѣ дать объясненіе текста Библии въ буквѣ его. С. Б—хъ.

²⁾ Удерживается всѣми „іота“, не имѣющая отношенія къ сущности, что я и считаю невѣжествомъ, плодящимъ разъединеніе между человѣчествомъ. С. Б—хъ.

и искру Божію, которыя къ чему-либо *единому* всѣхъ обязываютъ. Это такъ очевидно!

А пока что будетъ, я вмѣстѣ съ вами, дорогой Василій Васильевичъ, мечтаю о грядущемъ безгрѣшномъ существованіи людей. Въ такой надеждѣ живу и хочется жить: ибо тоже съ вами думаю, что „и эллинъ и іудей *прирѣзаны*, но не *зарѣзаны*“¹⁾. Семья и общественная жизнь, возрожденныя на почвѣ вашего „послания“, непременно обновятъ міръ и явятъ безгрѣшное чело-вѣчество. Буди, буди!..

Солодовникова хвалятъ газеты за посмертное пожертвованіе на добрыя дѣла 36 милліоновъ. Если онъ могъ и успѣлъ при жизни собрать такое богатство, то я удивляюсь не этому богатству, а тому, какъ онъ умирая не взялъ съ собою въ гробъ всѣ 36 милліоновъ? И никто бы изъ живущихъ отъ этого не пострадалъ, кромѣ самого Солодовникова. Всю жизнь собиралъ богатство только ради одного богатства²⁾; пришла смерть, и ужаснулся чело-вѣкъ, увидя, какъ онъ ограбилъ свою совѣсть, какъ онъ погашалъ въ себѣ пламя, горѣвшее въ сердцѣ его отъ искры Божіей. Ужаснулся и заметался: вспомнилъ библейское древо познанія добра и зла и заповѣдь— „смертію умрешь“... и сказалъ: „возьмите добро мое, ибо оно чужое“... Поздно, братъ; твой-то и богадѣльни вызываются на свѣтъ твоими же *прижизненными погашеніями* въ себѣ завѣтовъ Іисуса Христа. Осуждаю, грѣшу, но фактъ весьма поразительный для иллюстраціи нашей темы. Вѣдь могъ бы онъ, накопляя столько, сколько нужно ему было для жизни и даже прихоти, остальное отдавать живымъ; и вотъ—умирая, не зналъ бы смерти, какъ ей уже навѣрно не зналъ и съ чувствомъ великаго блаженства ожидалъ тотъ юродивый нищій, который недавно умеръ въ Москвѣ съ двухпудовыми веригами на тѣлѣ. Разница въ смерти Солодовникова и этого нищаго въ веригахъ на тѣлѣ свидѣтельствуешь, что грѣхъ падаетъ не только „въ тѣло“, но и въ духъ чело-вѣка, въ помыслы его, выраженные активно противъ заповѣдей Бытія и Евангелія.

Вотъ еще³⁾ одна изъ геніальныхъ идей Моисея. Какъ мудрый чело-вѣкъ и пророкъ, онъ зналъ цѣну прочной и счастли-

¹⁾ Вездѣ здѣсь цитируется изъ книги моей: „Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго“ послѣдняя статья, повторяющая заглавіе книги. В. Р—въ.

²⁾ Какъ хорошо разсужденіе. Какъ остроумно и праведно. Мы бы отвязались отъ кашеевъ, при жизни мучающихъ людей, а при смерти осыпающихъ ихъ благодареніями, еслибы сказали: „возьмите-жъ богатства свои въ гробъ; ибо не хлѣбомъ единымъ живетъ чело-вѣкъ“. В. Р—въ.

³⁾ Слѣдуетъ замѣчательнѣйшее разсужденіе о страстяхъ, которое я прямо и цѣликомъ переносу въ свою душу и помѣщаю въ свою фило-софію. В. Р—въ.

вой семьи. Поэтому, имѣя въ виду брачныя узы, Моисей въ *Бытїи* сказалъ:

„Господь Богъ устроилъ сторону, которую вынулъ изъ человѣка (ребро Адама), въ женщину, и привелъ ее къ человѣку. И человѣкъ сказалъ: „Вотъ эта—такъ кость изъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей. Эту пусть называютъ женою, потому что отъ мужа взята она“.

Мнѣ думается, что указаніе на способъ сотворенія жены изъ кости и плоти, взятыхъ Богомъ отъ Адама, должно быть объясняемо въ томъ смыслѣ, что каждый мужчина повиненъ избирать въ жены только ту изъ дѣвицъ, къ которой почувствуется ничѣмъ необъяснимое, почти мистическое влеченіе или, какъ говорить обыкновенно, которую пламенно полюбилъ. „Она мнѣ мила“, она мнѣ какъ бы родная, явно чуется внутри меня голосъ—она взята отъ *ребра* моего“. И дѣйствительно, мы часто видимъ въ жизни такого рода явленіе. Молодой человѣкъ, чистый сердцемъ, душою и тѣломъ, встрѣчается на вечерахъ, дома и на улицѣ со множествомъ дѣвицъ, и совершенно спокойно и равнодушно проходитъ мимо нихъ, не останавливая ни на одной изъ нихъ своего вниманія въ смыслѣ женитьбы. Вдругъ, встрѣчаешь одну... и замутилась мысль... потянетъ магнитомъ—жить и умереть съ этой именно, сразу показавшейся родной и безконечно милой и божественной всему моему существу, а не однимъ только глазамъ. Дѣло должно кончиться бракомъ, и уже навѣрняка счастливымъ. Рѣдко бываетъ, чтобы при первой же встрѣчѣ обѣ стороны не почувствовали взаимнаго влеченія обмѣняться... кровью (я хотѣлъ сказать „кольцами“, но пусть такъ будетъ). Всегда вспомнить при такой счастливой встрѣчѣ Моисея: „она взята отъ ребра его“. Несчастіе современнаго общества именно и состоитъ въ томъ, что у него браки совершаются по всякимъ соображеніямъ, но только не по мистическимъ. „Съ вышимъ ли онъ или она образованіемъ или съ низшимъ, красива ли она или онъ или уроды, бѣдны или богаты“,—вотъ какими вопросами занято общество при устройствѣ узъ Гименея, а рѣдко спросить: „благочестивы ли родители жениха и невѣсты и воспитаны ли послѣдніе въ духѣ любви и милосердія къ людямъ?“ Словомъ, обществомъ забывается идея „о ребрѣ“, и зато брачующіея впоследствии тяжело наказуются за эту забывчивость. Восточный нравъ—носить покрывало на лицѣ—хотя и знаменуетъ собою: „беру, молъ, жену не ради похоти, а ради благословенія Божьяго—раститесь и множитесь“, но намъ не подняться на высоту такого нрава. Мнѣ могутъ на это возразить, что мистическая, мгновенно зародившаяся любовь между двумя полами и окончившаяся бракомъ, безъ обсужденія по пальцамъ всяческихъ экономическихъ предбрачныхъ условій „за и противъ“,—равносильны восточному нраву—жениться на той

особѣ, которую покажутъ лишь послѣ обряда вѣнчанія. На это я скажу, что до восточныхъ нравовъ въ отношеніи брака мы еще не доспели, да въ нихъ намъ и нѣтъ надобности; обыкновенные браки, по расчету, увеличиваютъ одни драки, развратъ и убійства; поэтому-то я твердо вѣрю (основываясь на собственномъ примѣрѣ), что только *мистически завязавшаяся любовь* между молодыми существами можетъ дать гарантію счастливаго брака до глубокой старости и воспитать хорошее потомство. Такова-то идея Моисеева „ребра“.

Простите, дорогой Василій Васильевичъ, что я такъ зарпортовался въ этомъ письмѣ. Отъ любви къ вамъ болтаю.

Давно васъ видѣлъ, а равно и дорогую В—ру Д—ну. Моя жена сплошь одну недѣлю, почти каждой ночью, видѣла во снѣ В—ру Д—ну. Это было передъ концомъ іюля мѣсяца.

Лѣтомъ, съ 1-го по 14 августа я былъ въ гостяхъ у С—ни¹⁾; въ Петроков. губ. С—ня и ея мужъ вамъ кланяются и съ большимъ удовольствіемъ читаютъ ваши статьи въ «Нов. Вр.», которое они тоже выписываютъ. Дочь ихъ Вѣра уже ходитъ, ей минуль годъ 31 авг. сего года.

Какъ васъ всѣхъ Богъ милуетъ? Здоровы-ли? Всѣ наши гурьбой кланяются вамъ всѣмъ.

Душею вашъ С. Б—ъ. С.-Петербургъ, сентябрь, 1901.

ХІІІ. Христіанскіе будни.

1.

«Идѣ же множится грѣхъ — пре-
набыточествова благодать».

К. Сильченковъ.

„Въ Казанскомъ окружномъ судѣ на дняхъ разсматривалось интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло по обвиненію крестьянъ деревни Чербай, Ядринскаго уѣзда, отца и сына Тимофеевыхъ, въ истязаніи молодой 17-лѣтней женщины, жены сына Тимофеева. Какъ сообщаетъ „Каз. Тел.“, несчастная женщина только въ прошломъ году вышла замужъ, но жизнь ея вслѣдствіе насилій со стороны мужа и свекра была настолько тяжела, что она не вытерпѣла и весной этого года убѣжала къ своему отцу, въ деревню Кузнецовку.

„Узнавши о мѣстѣ ея укрывательства, Тимофеевы явились въ Кузнецовку въ домъ отца бѣглянки и стали требовать отъ послѣдняго выдачи ея. Та между тѣмъ спряталась отъ нихъ въ хлѣвъ. Тимофеевы разыскали ее очень скоро, вытащили изъ хлѣ-

¹⁾ Замужней дочери. В. Р—ъ.

ва и начали ее „учить“; сначала „учили“ вожжой, а затѣмъ привязали къ оглоблѣ своей телѣги и повѣхали домой, стегая поиманную бѣглянку кнутомъ, чтобы она не отставала отъ лошади. По прибытіи въ деревню Чербай, они остановились у кабака сначала и, выпивъ тамъ на радостяхъ, стали потомъ развѣзжать по улицамъ селенія, стегая жену кнутомъ. Хотя все это продѣлывалось на виду всей деревни, но никто изъ обитателей ея и не думалъ заступиться за несчастную и прекратить ея мученія. Только когда она совершенно обезсиленная, наконецъ, упала, мѣстный староста запретилъ Тимофеевымъ продолжать это катанье на живомъ человѣкѣ. Тимофеевы тогда облили холодной водой свою жертву и увели къ себѣ къ избу; тамъ они заковали ее цѣпью у пояса, при чемъ другой конецъ цѣпи прибили къ стѣнѣ такъ, что закованная не могла ни сѣсть, ни лечь. Въ такомъ видѣ они продержали ее двое сутокъ, не давая ей ни ѣсть, ни пить. На третьи сутки о положеніи ея дошло случайно до свѣдѣнія мѣстнаго урядника, и послѣдній явился спасителемъ ея.

„Окружный судъ приговорилъ обоихъ Тимофеевыхъ къ тюремному заключенію на 3 года“. (Изъ „Нов. Вр.“ № 8471).

„Консistoriѣка“ стояла въ сторонкѣ и смотрѣла. В. Р—ва.

2.

„Благодать—грѣха не бѣгаетъ, ибо для борьбы съ грѣхомъ она и подается“. К. Сильчичковъ.

„Судебная хроника. Сентябрьскою сессіей Петербургскаго окружнаго суда рассмотрѣно въ Гдовѣ слѣдующее дѣло объ убійствѣ.

„Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ крестьянинъ деревни Бурцовщины, Гдовскаго уѣзда, 18-лѣтній Николай Ивановъ, по любви и взаимному соглашенію женился на дѣвушкѣ одного съ нимъ возраста, Аксиньѣ Ефремовой. Жизнь молодыхъ людей была счастлива, согласна во всемъ, и у нихъ родилось уже трое дѣтей, но въ 1894 году Аксинья увлеклась не молодымъ, но богатымъ мужикомъ, сосѣдомъ Васильевымъ, имѣвшимъ взрослыхъ дѣтей. Пользуясь частыми отлучками изъ деревни Иванова, Васильевъ заходилъ къ нему въ домъ и проводилъ время съ Аксиньей. Вскорѣ эти отношенія сдѣлались достояніемъ молвы, а затѣмъ перешли въ открытую связь, о которой не зналъ и не хотѣлъ вѣрить только мужъ—Ивановъ. Наконецъ, насмѣшки и серьезныя разъясненія однодеревенцевъ заставили Иванова взяться за провѣрку слышаннаго и вотъ однажды, сказавъ женѣ, что уходитъ въ сосѣднюю деревню, онъ вернулся задворками и спрятался въ сѣняхъ своей избы. Васильевъ не замедлилъ явиться и Ивановъ вполнѣ убѣдился въ измѣнѣ жены; не вытерпѣвъ сцены, онъ схватилъ топоръ, вбѣжалъ въ избу и ударилъ имъ по головѣ Васильева. Ударъ не

причинилъ, однако, вреда не послѣ этого Васильевъ, котораго Ивановъ не разъ просилъ прекратить хожденіе къ женѣ и даже грозилъ убить за это, давшій обѣщаніе бросить эту связь,—не только не исполнилъ своего слова, но бросилъ свою семью и поселился съ Аксиной, сдѣлавшей то-же, въ деревнѣ Зуевщинѣ. Видя, что убѣжденія и просьбы не дѣйствуютъ, Ивановъ два раза возбуждалъ противъ жены уголовное преслѣдованіе за супружескую невѣрность, но въ первый разъ простилъ и прекратилъ дѣло, а во второй разъ Аксиныя была приговорена къ заключенію въ монастырь.

„Оставленный женою, Ивановъ возбудилъ общую жалость окружающей среды. Онъ одинъ работалъ и въ полѣ, и по дому, нянчился съ дѣтьми, стряпалъ и прочее. Надо замѣтить, что сыновья Васильева уговаривали иногда отца не ходить къ Аксиной, и когда онъ исполнялъ ихъ просьбу, то Иванова била стекла въ ихъ домѣ и ломала яблони въ саду.

„Наступило 26 декабря прошлаго года. Въ 8 часовъ утра этого дня Ивановъ зашелъ въ хлѣвъ своего дома, чтобы дать скоту кормъ, и засталъ тамъ Васильева. Догадавшись о цѣли, для которой тотъ явился и спрятался въ солому, Ивановъ схватилъ валявшуюся палку и ударилъ Васильева въ голову; тотъ, слышавшій первымъ силачемъ въ деревнѣ, бросился на Иванова, и послѣдній, придя въ изступленіе, безъ счета наносилъ удары, пока Васильевъ не упалъ. Явись къ женѣ, онъ сказалъ ей; „иди въ хлѣвъ, полюбуйся на своего“, а самъ отправился къ уряднику и заявилъ о случившемся.

„Когда явились на мѣсто происшествія, Васильевъ былъ уже мертвъ; смерть его послѣдовала отъ пролома черепа.

„Не отрицая нанесенія ударовъ, Ивановъ не сознавался въ убійствѣ и говорилъ, что онъ хотѣлъ заставить Васильева уйти домой, но когда вмѣсто этого Васильевъ ударилъ его по ногѣ, Ивановъ испугался за себя и, зная силу противника, ударилъ его колѣномъ по головѣ и потомъ, въ изступленіи, но безъ намѣренія на убійство, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ по спинѣ и ушелъ, оставивъ Васильева лежавшимъ на землѣ и звавшимъ на помощь.

„Присяжные засѣдатели совѣщались очень недолго и вынесли Иванову оправдательный приговоръ. (Изъ „Биржевыхъ Вѣдомост.“).

3.

„Запросъ къ редакціи: Отъ мужа, 18 лѣтъ тому назадъ, ушла жена и живетъ въ городѣ „зазорно“; мужъ, желая развестись съ ней, началъ дѣло о разводѣ, представивъ нѣсколько свидѣтелей ея зазорной жизни; но въ искѣ ему отказано по отсутствію свидѣтелей-очевидцевъ прелюбодѣянія, что навело на него великое уныніе.

Нельзя ли какъ-нибудь вновь начать дѣло о разводѣ и добиться благопріятнаго результата?

„Ответъ редакціи:“ По всей вѣроятности, собранныя имъ свидѣтельства, помимо отсутствія очевидцевъ, отличались недостаточною убѣдительностью. Поэтому ему слѣдуетъ озаботиться пополненіемъ числа ихъ и затѣмъ вновь попытаться начать дѣло, съ обжалованіемъ неосновательнаго, по его мнѣнію, отказа въ разводѣ въ Святѣйшій Синодъ. („Церковный Вѣстникъ“, рубрика: „Въ области церковно-приходской практики“, № 30 за 1901).

4.

„Г. Фармаковскій во „Врачебной Газетѣ“ доказываетъ анахронизмъ закона, предписывающаго женамъ любить своего мужа и ставящаго женъ въ полную зависимость отъ произвола мужа.

„Недавно,—разсказываетъ г. Фармаковскій,— мѣстный урядникъ прислалъ мнѣ бумагу съ просьбой сдѣлать осмотръ одной молодой женщины, отецъ которой сообщилъ ему, что она лежитъ больна, избитая своимъ мужемъ, и что послѣдній не допускаетъ къ ней даже родную мать. Приѣхавъ въ тотъ же день въ указанное село, благодаря бумагѣ урядника, я былъ допущенъ къ этой женщинѣ ея родными безпрекословно и увидалъ ее въ темномъ чуланѣ на полу, лежащую въ самомъ растерзанномъ видѣ. Ея перепутанные и мѣстами разрѣженные волосы кишѣли цѣлою массою вшей, ея худыя трясущіяся бедра были исполосованы ударами кнута; ея ускоренный пульсъ, блуждающіе глаза, дрожащее худое тѣло придавали ей видъ умалишенной. Увидѣвъ меня, она истерически зарыдала и стала проклинать свою жизнь.

„Стоявшій тутъ же мужъ сознался въ нанесеніи ей побоевъ и говорилъ, что по закону онъ имѣетъ надъ нею начало и долженъ выбивать изъ нея дурь.

„Вѣдь вотъ уже больше недѣли,—пояснялъ онъ,—какъ она не принимаетъ ни куска хлѣба и, не смотря на всѣ мученія, отказывается отъ своихъ обязанностей жены“. Два раза она убѣгала домой къ своему отцу, и оба раза на законномъ основаніи ее опять возвращали на терзаніе къ постыльному мужу, и всякій разъ этотъ постылый мужъ сугубо возмѣщалъ на ней свою досаду за ея побѣгъ. Не дурь, а какое-нибудь невыносимое патологическое состояніе организма, которое могла бы открыть лишь медицина, какая-нибудь женская или психическая болѣзнь могли заставить эту несчастную женщину съ такимъ упорствомъ избѣгать притязаній своего молодого красавца-мужа, когда она предпочитаетъ переносить такія страшныя мученія и абсолютный голодъ въ теченіе недѣли. И все-таки стоящіе у власти другіе люди на осно-

ваніи законовъ становятся на сторону насилующаго мужа и помогаютъ ему преслѣдовать его несчастную жертву“.

„И это, какъ выражался Лѣсковъ, у насъ повсемѣстно. Только недавно Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ земскимъ начальникамъ и губернаторамъ выдавать такимъ несчастнымъ женамъ паспорта помимо согласія ихъ мужей. Конечно пройдетъ еще не мало времени, пока гуманное разъясненіе Сената перевоспитаетъ мужей, но хорошо, хоть начало положено. („Н. Вр.“, Среди газетъ и журн.).

Не правда-ли, это хроническое *изнасилованіе* „на законномъ основаніи“ В. Р—ва.

5.

Вчера въ уголовномъ отдѣленіи херсонскаго окружнаго суда рассмотрѣно дѣло по обвиненію Елены Борчановской въ кражѣ документа и прожигательствѣ по чужому виду. Фабула дѣла, особенно въ изложеніи обвинительнаго акта, очень не сложна: покушавшаяся на самоотравленіе 28-го апрѣля 1901 г. крестьянка Елена Борчановская, будучи доставлена въ участокъ и подвергнута допросу, заявила, что она еще во-время Великаго поста похитила паспортъ у своей двоюродной сестры Елены Лубьянковой, жительницы Ново-Петровки, и тогда-же пріѣхала въ Херсонъ, гдѣ поступила въ услуженіе по этому документу къ нѣкому Немировскому. На судѣ эти обстоятельства были освѣщены нѣкоторыми свидѣтельскими показаніями и объясненіями подсудимой. Послѣдняя еще ребенокъ, такой глядитъ она и изъ-подъ своего арестантскаго халата и бѣлаго платка, полускрывающаго ея измученное горемъ лицо. По справкамъ оказывается, что Еленѣ Борчановской всего 18 лѣтъ. Почти 16-ти лѣтней дѣвчонкой она отдана была своими родными, вопреки желанію ея и волѣ, замужъ за нелюбимаго человека Борчановскаго. Физическій уродъ—калѣка, онъ оказался уродомъ и въ нравственномъ смыслѣ, терзая и поколачивая безъ жалости это беззащитное существо, безапелляціонно и безвозвратно отданное родными мужу-тирану. Она умоляла его дать ей отдѣльный видъ на жительство. Но онъ слышать ничего не хотѣлъ и продолжалъ ее бить пойдомъ. Домъ его—былъ для нея адомъ; она не спала, не ѣла, слонялась по чужимъ хатамъ. Придя разъ голодной, измученной къ своей двоюродной сестрѣ Еленѣ Лубьянко, чтобы утолить свой голодъ и подѣлиться своимъ горемъ, Елена Борчановская нашла у послѣдней принадлежащій ей паспортъ. У Борчановской мелькнулъ лучъ надежды на возможный исходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которое она попала по милости своихъ-же родныхъ. Она спрятала эту спасительную бумажку и, скрывшись, съ нею добралась до

Херсона. Но и здѣсь ее не переставалъ преслѣдовать тяжелый призракъ мужа-тирана, съ которымъ она связана неразрывно. Она каждую минуту ждала, что вотъ-вотъ появится этотъ сугубо-противный ей человекъ и заявитъ на нее свои законныя права. Мысль эта сводила Елену съ ума, угнетала несчастную каждую свободную минуту и привела ее къ тяжелому рѣшенію — отравиться. Люди помѣшали ей совершить этотъ грѣхъ. Но, оправившись отъ болѣзни, Елена, пройдя чрезъ тюремное заключеніе, попала на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ кражѣ документа и прожительство въ чужомъ паспорту. Защитникъ подсудимой, пом. прис. пов. Л. Л. Лемпертъ, въ своей защитительной рѣчи открылъ предъ присяжными завѣсу этой тяжелой драмы женщины-ребенка, ходатайствуя объ ея оправданіи. Присяжные засѣдатели послѣ минутнаго совѣщанія вынесли Еленѣ Борчановской оправдательный вердиктъ. (Газ. „Югъ“, 8 янв. 1902 г.).

Христіанскія утѣшенія.

I. Передъ клубомъ.

„Сила Божія въ немощи совершается. *К. Сильченко*“.

Вхожу къ пріятелю.

— Ну, братецъ?

— Что „ну“?

— Скучаешь?

— Не очень. Вотъ въ клубъ собираюсь.

— Хе-хе-хе.

— Что-же ты смѣешься какъ лошадь? Надъ ближнимъ грѣшно смѣяться.

— Я не смѣюсь. А только тоска мнѣ на тебя глядѣть.

— И не гляди.

— Не могу, потому я тебѣ пріятель. Вѣдь вмѣстѣ энциклопедію права слушали. К—овъ читалъ. „Gaudeamus“-то, помнишь?

— А наплевать мнѣ на „Gaudeamus“. Ребяческіе сны.

— Теперь посерьезнѣль?

— Посерьезнѣль.

— Проза жизни настала. Люблю я эту энциклопедію права. Всѣ „postro“ и „logo“, какъ пишется въ банкахъ, объемлетъ. То вотъ „наше“, а то—„ихнее“. Отлично. И талантливый человекъ К—овъ. Вдумчивый, но кажется пидъ. Всѣ талантливые люди пьютъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи.

— Я вотъ не пью.

— Потому что ты безталаннѣе.

— Ну, и замолчи. Что ты стрекочешь, какъ сорока?

— Какъ же, обновленіе. Въ обновленіе жизни вошелъ. Впрочемъ, я это тебѣ послѣ клуба расскажу. Одѣвайся же...

— Да нѣтъ, я, кажется, не пойду. Карты и карты. На прошлой недѣлѣ маленькій проигрышь, а главное—рожи, эти равнодушныя рожи! И кто ихъ сотворилъ? И какъ ихъ сотворили?

— Кислятина ты совсѣмъ: и „пойду“ и „не пойду“. Не даромъ отъ тебя жена сбѣжала.

— Не напоминай.

— Я не напоминаю, ты самъ своей фізіономіей напоминаешь. Но, братецъ, дозвожь изъ біографіи: сколько же это было лѣтъ назадъ?

— Одиннадцатый...

— Одиннадцатый годъ. Давно. Кутить?

— Нѣтъ. У нея свой домикъ, т.-е. родительскій. Кажется, скромно живеть.

— Оказіи. Отчего она отъ тебя, отъ дурака, сбѣжала?

— Тогда влюбилась, но кажется въ любви получила афронтъ, и какъ уже въ лѣта вошла, то и живеть спокойно.

— Не просилась назадъ?

— Года три назадъ присылала письма. Заигрывала опять.

— Ну?

— Я промолчалъ.

— Трижды дуракъ.

— Отчего?

— Какъ отчего? Была бы жена. Въ клубъ бы не ходилъ. Спокойствіе, удобство.

— Тебѣ легко говорить.

— Почему? Легко говорить, легко и исполнить.

— Говорить легко, а исполнить трудно. Что же я за плевательница такая, въ которую то плюнутъ, то вычистятъ ее. Я человекъ, а не плевательница.

— Гордость. Гордыня тебя обуяла. Смирения въ тебѣ, шельмецъ, нѣтъ. По христіански долженъ бы простить. Хе-хе-хе...

— Нѣтъ, ужъ ты „прости“, когда тебя въ безикъ обыгрываютъ, а я посмотрю на твое „христіанское долготерпѣніе“. Рекомендовать-то его легко, а вотъ исполнить... Я человекъ, а не плевательница, и думалъ, что домъ мой—тоже человѣчье жильё, а не сточная яма для нечистотъ. Чортъ знаетъ, поневолѣ вспомнишь энциклопедію права...

— Нервный ты человекъ. Вздумалъ „postro“ и „logo“ въ бракъ усчитывать. Тутъ братъ едино тѣло, единая душа...

Пріятель вскочилъ:

— Чортъ! Уйди, или я въ тебя швырну полоскательной чашкой! Кто это смѣлъ такъ издѣваться: „единая душа и единое тѣло“.

— Хе-хе-хе. Горячій человекъ. Сядь. Разсуди.

— Да я много лѣтъ разсуждаю. Эхъ, пріятель, запьешь. И запиль бы, да только какое-то органическое отвращеніе къ вину.

— Ну, вотъ разнюнился. Вѣрно, сейчасъ пойдутъ автобіографическія признанія?

— Совсѣмъ нѣтъ. Я вотъ и размышляю. Какое высокое слово: „единое тѣло и единая душа“. Кажется богатъ какъ Ротшильдъ, приобрѣтъ такую жемчужину, какъ „единое тѣло и единая душа“.

— Ну, конечно, оттого всѣ и женятся. Индійскій жемчугъ, да еще съ приданымъ ма-а-ленькимъ, хе-хе-хе... Ты съ приданымъ?

— Оставь. Я именно о жемчугѣ. Стразы...

— Что такое? Я иностраннаго не понимаю.

— Сдираютъ со шкуры икуру, т.-е. чешую, и кладутъ въ чанъ, въ воду. Мокнетъ цѣлые мѣсяцы. Растворяется или тамъ осадокъ даетъ, матово-молочнаго цвѣта. Отцѣживаютъ, потомъ прессуютъ, потомъ въ стекляныя тончайшія горошинки, поляя внутри, и получаютъ отличнѣйшій „жемчугъ“, по три рубля за нитку. Теперь самые богатые такой носятъ. Красивѣе настоящаго.

— Ты къ чему?

— А вотъ къ „единому тѣлу и единой душѣ“. Лучше бы не говорили. Лучше бы молчаніе. О, какъ благородно молчаніе при безсиліи сказать! „Единое тѣло и единую“ душу можно перевести: „одинокое тѣло и одинокая душа“—это вотъ я и испытываю одиннадцатый годъ, глядя на пустыя стѣны пустой комнаты. Обманутъ.

— Не обманутъ, а обманулъ, и оттого, что нервный человекъ. Ты вотъ зачастилъ въ клубъ, проигрываешься. Другіе есть дураки—запиваютъ. Между тѣмъ ничего этого не требуется. Вѣдь и я въ томъ же положеніи, какъ ты, только не меня жена бросила, а я ее прогналъ. Т. е. не прогналъ, а просто сѣлъ на извозчика—и уѣхалъ.

— Безсовѣстный.

— Ничуть. Легально сѣлъ на извозчика и легально уѣхалъ. Истомила она меня хозяйствомъ проклятымъ, но, впрочемъ, это по боку, какъ и почему. Ей прислалъ по почтѣ вѣчный видъ „на всѣ, матушка, четыре стороны“. У ней маленькое ремесло, швейная машина, и она бывало даже къ жалованью моему кое-что изъ заработковъ прибавляла...

— Все же ты безсовѣстный.

— Не о томъ рѣчь, а о томъ, какъ я счастливъ. Ты вотъ жалуешься, что у тебя отняли „помощницу“ какую-то, „Еву“ тамъ что ли, и подложилъ вмѣсто ея видъ на жительство, гдѣ прописано „женатъ“.

— Ха-ха-ха...

— Что ты засмѣялся?

— Ничего. Такъ одно игривое соображеніе. Ужасно я люблю семейную жизнь, и знаешь, что: закажу себѣ второе кресло—и буду во время чая класть на него паспортъ. Будто жена чай разливаетъ. И двуспальную кровать сдѣлаю: подъ вторую подушку положу опять паспортъ и раскрывъ его на той самой страницѣ, гдѣ прописано „женатъ“.

— Ты съ ума сходишь?

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Преостроумно. Полная замѣна супружества и совершенное удовлетвореніе мужа. Но продолжай о себѣ.

— Ты вотъ тѣшишься злобными фантазіями, а я порхаю. Да у меня этихъ „Евъ“ какъ ты говоришь—цѣлый цвѣтникъ. Но я довольствуюсь одной, на годъ, полтора. Я въ лѣтахъ еще не старыхъ, брюнетъ; а вѣдь блондинки любятъ брюнетовъ, и между женами моихъ пріятелей есть блондинки...

— Фу, какая гадость...

— Какая же гадость?

— Гадость все, что ты говоришь.

— Никакая не гадость. Имъ надоѣли мужья, а у меня жены нѣтъ. Можетъ быть онѣ отъ мужей бы и сбѣжали, а теперь я ихъ развлекаю, и онѣ спокойны. Подойдетъ этакъ къ мужу послѣ обѣда и похлопаетъ по щекѣ: „попочка“ говорить, „ты мой попочка“. А попочка и растаетъ. Ручку у ней цѣлуетъ. А рука у ней маленькая, бархатистая. „Попочка, говорить, дурашка“. А сама на меня смотреть, а я икру на хлѣбъ намазываю.

— Мерзавецъ ты.

— Вовсе нѣтъ. Гармонизую. Безъ меня бы не было между ними гармоніи, ссорились бы, она бы нервничала, онъ бы выбивался изъ силъ, придумывая, что ей надо. А тутъ я. Я все и придумалъ. Осчастливилъ. Безъ меня адъ кромѣшный, со мной—рай.

— Мерзавецъ ты...

— Нѣтъ. „Logo“ и „postro“. Или, какъ ты говоришь—„единая душа и единое тѣло“. Э, чортъ въ формулахъ, формулы что. Жизнь хороша.

— Хороша?

— Да. Въ клубъ почти не хожу. Полная семья. Вѣдь я дома только ночью. Послѣ обѣда—музыка. У нея очень умный мужъ, а „съ умнымъ человѣкомъ и поговорить пріятно“, поспорить.

— И ты не краснѣешь?

— Отчего? Вѣдь я считаю себя его благодѣтелемъ.

— Мерзавецъ. Мерзавецъ и мерзавецъ. И мерзавцы вы всѣ, и вся ваша жизнь какая-то содомская...

— Хе-хе-хе.

— Одиночество. Угрюмое одиночество. Или шарманка... И это называютъ „священный институтъ семьи“.

— А вы въ семьѣ и бракъ музыки хотѣли бы?

— Музыки.

— Хе-хе-хе. Ретивый вы человекъ. Какой же музыки?

— Ораторію Гайдна.

— Ораторію Гайдна?! Хе-хе-хе...

— Да что вы все смѣтаетесь какъ лошады?

— Ораторію Гайдна... Малокультурный вы человекъ и несообразительный. „Ораторію“ Европа разыгрывала въ философіи, въ государственности. Тамъ—Кантъ и Гегель; Кромвель и Ришелье. Вотъ это „ораторія“. Была „ораторія“ и въ искусствѣ: Рафаэль, Канова, Моцартъ. Ну, такъ чертъ возьми, не по всѣмъ же намъ линиямъ тянуть „ораторію“, порвешься: и вотъ мечтаемую вами линію семьи мы вытянули въ „смотрите здѣсь, смотрите тамъ“... Дѣйствительно, шарманка, но въ глубокомъ соотвѣтствіи.

— Но мнѣ думается, что и „шарманка“ эта порвется или, вѣрнѣе и ожидаемѣе, что отъ „шарманки“ семейной все порвется, и философія, и живопись. Ибо я не понимаю, какъ отъ такихъ лошадей, какъ вы, могутъ рождаться Рафаэли или Канты, или—воспитываться среди такого Содома. Такъ что, мнѣ кажется, семейная „шарманка“ есть начало и философскаго и литературнаго тоже „тру-ла-ла“, но прежде всего конечно религіознаго... Позитивисты-то; „Stoff und Kraft“.

— Я немножко философъ и помогу вамъ. Семья—религія. Отъ того-то она и держалась вѣка и даже мѣстами давала небесныя мелодія, хотя въ Европѣ всегда имѣла устройство шарманки и мѣстоположеніе шарманки. „Лучше не жениться“—это ужъ такъ и опредѣлено было, т. е. „не пускайте въ заводъ этотъ ни къ чему негодный инструментъ“. Но шарманка по устройству, однако, инструментъ съ Гайдновскими струнами внутри, она двѣ тысячи лѣтъ играла, шипѣла, свистала, но минутами чудно играла; всегда ллакала. Но наконецъ всё лопнуло... Однако двѣнадцатый часъ..

— Въ клубъ?

— Въ клубъ.

— И я съ вами. Опять эти свинцовыя лица, табачный дымъ и звонъ золота...

— И звонъ золота. Это— „nostro“. „Nostro“ и „logo“ въ исторіи, въ банкѣ, за карточнымъ столомъ, и въ семьѣ. Да не съ твоей точки зрѣнія, нюня; а съ моей. Вотъ думаю на лекцію „семейнаго права“ сходить. Б. В. Никольскій читаетъ. Сказываютъ—талантъ.

II. На лекціи по семейному праву г. Б. Никольскаго.

Такъ заманчиво Б. В. Никольскій объявленіе въ „Нов. Вр.“ напечаталъ. Славянскимъ шрифтомъ:

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

и дальше петитомъ: „избираю аудиторію небольшую, потому-что слушателей желаю только избранныхъ. Разврата проповѣдывать не буду и потачки публицистамъ давать не стану“. Я тронулся

и пошелъ. Два рубля за билетъ. Публики дѣйствительно было не очень много, и все старички. Въ антрактѣ слышу:

— Кхи, кхи...

Отглядываюсь—сосѣдъ со значкомъ въ петлицѣ.

— Вамъ воды? спрашиваю.

— Благодарю. Нѣтъ. Я это отъ впечатлѣнія. Волнуешь. Теперь эти щелкоперы трогаютъ вопросъ, но лекторъ ихъ укрощаетъ. Кхи, кхи...

— Тема академическая, говорю я.

— Нѣтъ-съ, не академическая. Кхи, кхи. Не академическая. Вы, сударь мой, молоды, а я съ сѣдиной...

Онъ былъ совершенно лысъ.

— У меня молодая жена. Кхи, кхи. На пятнадцать лѣтъ моложе моей старшей дочери, старой дѣвицы. Но я дворянинъ. Я, сударь, дворянинъ и служилъ отечеству. А разъ я отечеству служилъ, и отечеству обязано мнѣ служить...

— Пенсіей?

— Охраной моего покоя. Ну, да, я не молодъ. Не буду хвастаться, что я красивъ. Но я въ бла-го-устро-ен-но-мъ государствѣ, гдѣ есть бла-го-устро-ен-ная семья, и я покоенъ. Законы на стражѣ. И я вижу хорошіе сны и... кхи... кхи... испытываю хорошія ощущенія.

Лицо его стало немного сладко.

— Я думаю.

— Хорошія ощущенія, которымъ никто не помѣшаетъ. С-с-огну въ ба-ра-ній рогъ.

— Жену?

— Всякаго.—Онъ ужасно волновался.

— Ну? Зачѣмъ?!

— Д-д-ля о-храны моего по-коя!

„Ахъ ты, думаю, Боже мой. Точно его штурмуютъ“. Онъ продолжалъ:

— Свя-тыя очага. Высокія наслажденія...

— Сейчасъ, говорю, будетъ звонокъ, сторожъ колокольчикъ взялъ.

— Нѣтъ,—говорить,— не колокольчикъ.— Совѣмъ меня не слушаетъ.— Это,—говорить,—у васъ въ газетахъ писаки колокольчиками заливаются, но мы ихъ укротимъ. Я—тайный совѣтникъ. Вотъ и г. Никольскій. Наука съ нами. С-с-огну!..

— Не волнуйтесь.

— У насъ семья—т-в-е-р-дыня! Т-в-ердо стоитъ! Да. Напримѣръ, у насъ былъ губернаторъ. Жена его и убѣждала со студентомъ, репетиторомъ его сына. Онъ въ моихъ лѣтахъ. Ну-съ?..

— Ну-съ?..

— Пять лѣтъ не возвращалась. Гдѣ-то путалась. Е-му срамъ,

ей г-горе! Положеніе. Губернія. „Р-ра-зведемся“, пишеть. Она ему встрѣчно: «р-ра-зве-демся».

— Ну?

— Не р-ра-зве-ли. „Что студентъ!“, отвѣтили въ консисторіи блюстители семейной святости, то бишь—прочности: „хоть цѣлый факультетъ“. Ст-р-р-о-гіе законы! Святыня. Покой.

— Какой-же, говорю, покой? если „хоть весь факультетъ“...

— Вы, сударь, молоды, а я сѣдъ. Принципъ. Пусть семьи отдѣльныя падаютъ, но за то принципъ семейственности, какъ каменной твердыни—стоитъ. Fiat justitia, pereat mundus. Слышали? Я тоже юристъ. Еще Неволина слушалъ.

Позвонили. Вотъ-вотъ войдетъ лекторъ,

— У насъ семья не разлучается, даже при бездѣтности, съ кѣмъ-бы ни жила жена помимо мужа, и съ кѣмъ бы ни жилъ мужъ помимо жены. Разъ. У насъ семья не разлучается, если мужъ все время живетъ въ другомъ городѣ и въ другомъ царствѣ, чѣмъ жена. Два. Также если жена живетъ въ другомъ полушаріи, нежели мужъ. Довольны? Твердыня. Сталь.

— Ваше превосходительство, я плачу. Какъ-же вы не видите, что семья у насъ не только не крѣпко стоитъ, но что она даже и не начала строиться. Ибо по римскому праву matrimonium liberorum quaerendorum causa, а по Евангелію — «два въ плоть едину». А тутъ разные города и даже разные полушарія, и это не какъ случай, а какъ фактъ, предвидѣнный закономъ и заключенный въ формулу семьи. Такъ что—*что семья, что не семья*—все равно. Мнѣ кажется—скорѣй мы троглодиты... А г. Никольскій поддерживаетъ это троглодитство.

— Молодой человѣкъ...

— Вѣдь право-же, даже въ квартиранствѣ и нахлѣбничествѣ больше содержательности, ибо тамъ—комната и столъ, и это *conditio sine que non* нахлѣбничества и квартиранства. Не могу-же я считать хозяиномъ своей петербургской квартиры Нью-Йоркскаго янки, или держать у себя на хлѣбахъ въ Петербургѣ бура, живущаго въ Трансваалѣ. Такъ что тутъ есть нѣчто непремѣнное, и законъ о квартирахъ относится къ нѣкоторымъ непремѣннымъ реальнымъ обстоятельствамъ. Но въ семьѣ—и въ этомъ и заключается роковой фактъ—нѣтъ вовсе никакого *непремѣннаго* содержанія: ни дѣтей, ни—супружества, ни даже со-квартиранства; такъ что наши законы о семьѣ собственно ни вѣсть о чемъ—законы. Зерна нѣтъ. И все похоже на ботанику о несуществующихъ растеніяхъ:

Это—обложка романа безъ словъ,

Это — на льду олеандры,

какъ писалъ Емельяновъ-Коханскій или другой какой-то декадентъ.

— Молодой человекъ...

— Фактъ семьи, напр. вашей счастливой и моей несчастной— на лицо. Но у насъ каждый куетъ свое счастье, какъ умѣетъ. Это—эмпирический фактъ. Цвѣтокъ, выросшій въ пустынь. Но законъ и законы русскіе тутъ ни при чемъ. И у лебедей, и у голубей есть пресчастливыя пары. Но вотъ если случится несчастіе, какъ съ вашимъ губернаторомъ, то законы только утопятъ получившаго аварію. Такъ что въ фактѣ есть семья, но въ законахъ нѣтъ семьи...

— Томъ о семейномъ правѣ... Уставъ духовныхъ консисторій...

— Губятъ семью, какъ только она споткнулась. Даютъ больному чайную ложку arsenicum. Merсі. Да, вотъ соткать семью, устроить голубиное гнѣздышко умѣетъ только старый плутишка амуръ. Вѣдь согласитесь, что „Уставъ духовныхъ консисторій“ еще ни кого ни съ кѣмъ не сосваталъ. Но на старомъ эллино-іудейскаго шалуна съ розовыми щечками затопали своими сапожками разные стряпчіе. „Пошелъ вонъ; шельма! пошелъ вонъ— плутъ! Ты намъ мѣшаешь! Ты разрушаешь бракъ“,—когда онъ-то единственно его и устрояетъ, ибо онъ сватаетъ, женить, выдаетъ замужъ, ей-ей все онъ!! Но амуръ утомился неблагодарностію христіанъ, поднялъ крылышки, уже поднялъ... и я страшусь, что улетитъ въ небесную лазурь. Тогда мы останемся при мужицкихъ сапогахъ, „Уставъ духовныхъ консисторій“, стряпчихъ: но ни жениться, ни выходить замужъ никто не будетъ...

— Я!..

Онъ даже ёкнулъ.

— Да, вотъ только на такихъ жениховъ, какъ ваше превосходительство, и надежда останется. Дѣйствительно, пенсія въ пять тысячъ и институточка въ семнадцать лѣтъ. Ще-ко-чу-щая идея.

Тутъ уже я поперхнулся.

— С-с-о-гну...

Но Б. В. Никольскій вошелъ на кафедру, и мы превратились въ слухъ.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XIV. По поводу толковъ о разводѣ.

Вотъ уже второй годъ въ нашей печати довольно горячо дебатруется вопросъ о разводѣ, причемъ большая часть защитниковъ развода опирается на одинъ центральный и безспорный фактъ, на исчезновеніе чистой семьи, гдѣ супружеская вѣрность была бы дѣйствительностью, а не пожеланіемъ только ²⁾). Къ сожалѣнію, никто изъ спорящихъ не останавливается на двухъ чрезвычайно важныхъ обстоятельствахъ—во-первыхъ на томъ, почему до такой степени умножилось число супружескихъ измѣнъ ³⁾, число незаконнорожденныхъ дѣтей и число вѣнчаемыхъ сожителствъ ⁴⁾; и на томъ, во-вторыхъ, что христіанская и въ частности православная церковь даетъ полную свободу развода при наличии факта прелюбодѣянія ⁵⁾ одного изъ супруговъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что церковь чрезъ своихъ служителей прежде всего дѣлаетъ попытки къ примиренію супруговъ, къ прощенію оскорбленнымъ оскорбителя, къ возстановленію прежней супру-

¹⁾ Изъ „Церковнаго Вѣстника“ № 49 за 1900 г.

²⁾ Ну, слава Богу—сознались. Но сколько надо было усилій для этого потратить. *В. Р—съ.*

³⁾ Распущенность—всегда плодъ безопасности. Солдаты на часахъ—безупречны, а въ трактирѣ—озорникъ. „Нѣтъ развода ни по какому поводу“ и означаетъ: „все способы жизни вамъ открыты“, „все позволено“ и „ни къ чему нравственному и даже сносному вы не нудитесь“. И мужа и жены, услышавъ такой лозунгъ—и почувствовали себя какъ въ кабацкѣ. А кабацкія фizioноміи скоро другъ другу надоѣдаютъ и ищутъ въ сущности идеала, воскресенія изъ кабака—въ любви. Вотъ откуда измѣны, столь рѣдкія и даже почти вовсе не бывающія въ „незаконныхъ сожитіяхъ“, ничѣмъ не связанныхъ. Въ послѣднихъ люди берегутъ другъ друга и бывають какъ солдаты на часахъ. *В. Р—съ.*

⁴⁾ Все это очень страшно въ наименованіи и конечно „для нашей власти“. Но по факту и колориту (см. выше стр. 95 письмо *Геннадія Ел—ва*) они ничѣмъ совершенно не отличаются отъ обыкновенной семьи. Такъ что „для нашей власти“ тутъ есть причина ропота, но для нравовъ общества—нѣтъ причины ропота. *В. Р—съ.*

⁵⁾ Такъ засвидѣтельствованнаго, какъ это невозможно,—что сводить къ невозможности и самый разводъ. *В. Р—съ.*

жеской вѣрности и чистоты брака. Въ отношеніи этого второго обстоятельства спорящіе, опираясь на фактъ чрезвычайной затруднительности получения у насъ развода и на ту постыдную обстановку, съ которой сопряжено его полученіе, забываютъ главное, что консисторія—не церковь ¹⁾.

Почему, въ какія-нибудь 30—40 лѣтъ, у насъ появилось ²⁾ такое огромное число супружескихъ измѣнъ, незаконнорожденныхъ, внѣбрачныхъ сожителствъ? Почему прежде адюльтеръ былъ привилегіей дворянской семьи, а нынѣ и дворники, и дворничихи занимаются тѣмъ же самымъ? Причина одна—въ извращеніи взгляда на женщину, на смыслъ и значеніе супружества, какъ его понимаетъ христіанская церковь, наконецъ, причина этого въ демократизаціи русскаго общества, почему и порокъ, и всѣ извращенія о женщинахъ и семьѣ постепенно расплозаются сначала по среднимъ, а затѣмъ и по низшимъ классамъ русскаго народа.

И здравый смыслъ, и законъ, и церковное ученіе, и житейскій опытъ каждаго, и народное воззрѣніе, наконецъ сама наука—все это учитъ насъ, что женщина—существо отличное отъ мужчины, что какъ въ общемъ строѣ всего общественнаго организма, такъ, въ особенності, въ семьѣ ей предназначена совершенно иная роль, чѣмъ мужчинѣ. Вопросъ о томъ, кто выше, кто лучше—мужчина, или женщина—трудный потому, что эти существа, будучи столь взаимно необходимыми, вмѣстѣ съ тѣмъ органически различны и потому сравнимы лишь съ большими ограниченіями. Кто бы ни былъ изъ нихъ лучше или выше, смыслъ и значеніе ихъ отношенія другъ къ другу отъ этого не измѣнится; не измѣнятся отъ этого и понятія государства и общества объ этомъ ихъ взаимномъ соотношеніи.

Между тѣмъ въ теченіе 50—60 послѣднихъ лѣтъ русское общество находилось подъ вліяніемъ мысли, что мужчины и жен-

¹⁾ Ссылка весьма странная. Бракъ—„тайнство церкви“ и посему какъ утверждать, такъ и расторгать его можетъ только церковь. Обращаясь къ ней, она посылаетъ въ консисторію. Та творитъ со мной и дѣломъ моимъ нѣчто невозможное, а когда я жалуясь, то на страницахъ духовнаго органа г. Осиповъ мнѣ говоритъ: „Консисторія не церковь“. Куда-же мнѣ тогда пойти? Консисторія во всякомъ случаѣ не гражданское учрежденіе, въ ней сидятъ и дѣлаютъ дѣла священники, *просматриваетъ* и *утверждаетъ* ихъ епископъ, и все—на основаніи Св. Писанія, законовъ и преданій церкви. Какъ это все *ложко* у нихъ и для нихъ: „мы и церковь и не церковь“, „авторитетъ нашъ чрезмѣренъ, ибо онъ священенъ“, а „злоупотребленія, и хладность сердца нашего—ничего не значать, ибо это внѣ церкви“. И притѣвленный миръ стой у дверей и плачь. В. Р—съ.

²⁾ Да просто прежде не кричали объ этомъ; не жаловались, молчали. Мужья жестоко колотили женъ, жены—секретнѣе измѣняли (см. „Слово Давида Заточника“ и „Графа Нулина“). А духовные „владыки“ молчанье принимали за благополучіе. В. Р—съ.

щины равны ¹⁾, что они поэтому равноправны, что очевидны для всѣхъ различія между ними—различія физическія, психологическія и нравственныя не важны, несущественны и не могутъ вліять ни на ихъ взаимныя отношенія, ни на строй семьи, ни на строй общественной жизни. Вотъ первая и важнѣйшая ложь, которая была внесена въ самосознаніе русскаго общества по этому важному вопросу,—ложь, изъ которой произошли всѣ дальнѣйшія лжи.

Женщина равна и равноправна мужчине. Какъ для мужчины высшій идеалъ—общественная и государственная дѣятельность, такъ и для женщины должно быть то же самое. Вотъ лозунгъ женскаго движенія, которое привело въ концѣ концовъ къ тому, отъ чего мы теперь отрещиваемся и пятимся. Скромныя и невидимыя обязанности жены, матери и хозяйки перестали увлекать ²⁾ русскую образованную женщину; она хочетъ быть врачомъ ³⁾, адвокатомъ, судьей, земцемъ, чиновникомъ и т. п.; и не въ томъ дѣло, можетъ или не можетъ она всѣмъ этимъ быть, но въ томъ, что все это она считаетъ неизмѣримо выше, идеальнѣе. чѣмъ роль, указанная ей природою ⁴⁾, исторіей, церковью и здравымъ смысломъ. Пренія женщина считала высшей своей добродѣтелью быть вѣрною женою своему мужу, хорошей матерью своихъ дѣтей и заботливой хозяйкой своего дома. Все это не только потускнѣло въ глазахъ женщины, но сдѣлалось даже смѣшнымъ, мѣщанскимъ, ретрограднымъ, скучнымъ, и не интереснымъ ⁵⁾.

Душой своей женщина оторвалась отъ мысли о семьѣ—вотъ въ чемъ ⁶⁾ вся суть дѣла. И въ этомъ виноваты мы, мужчины, забывшіе, сколь многимъ мы обязаны нашимъ матерямъ, сестрамъ и женамъ, въ тиши семьи закладывавшимъ въ насъ лучшія чувства и своей теплою лаской поддерживавшимъ въ насъ бодрость духа и энергію жизни; это мы, мужчины, внушили женщинамъ, что не въ дѣтской, кабинетъ, столовой и спальнѣ, словомъ—не дома

¹⁾ „Во Христѣ Исусѣ нѣтъ мужскій полъ, ни—женскій“, это учение и слова ап. Павла. *В. Р.—св.*

²⁾ Да вѣдь какъ, „увлекаясь“ этимъ, совершили свой долгъ даже дочери Лота, сказавъ: „намъ ужъ не отъ кого понести дѣтей по закону всей земли“, такъ совершенно подобнымъ-же образомъ и въ другихъ теперешнихъ случаяхъ неразрѣшенности брака поступаютъ „незаконные сожителі“. Т. е. они служатъ идеѣ брака. *В. Р.—св.*

³⁾ Врачи и остаются врачами, адвокаты—адвокатами, при чемъ-же тутъ „незаконныя сожитія“. Очевидно они именно реакція отъ адвокатуры и медицины къ старому материнству. *В. Р.—св.*

⁴⁾ Да вѣдь вы-же противъ „природы“ и въ сущности противъ „религии, исторіи и здраваго смысла“, борясь съ недозволенными вами связями и объявляя отъ нихъ дѣтей „лишенными правъ состоянія“. *В. Р.—св.*

⁵⁾ Какое вранье. *В. Р.—св.*

⁶⁾ „Наше дѣло“—сказалъ бы авторъ при безпристрастіи. *В. Р.—св.*

мы ее чтимъ и любимъ, а ¹⁾ только въ общественныхъ собраніяхъ. И женщина не захотѣла пользоваться той безмѣрной надъ государствомъ и обществомъ властью, которую она имѣла чрезъ мужа и дѣтей ²⁾, она захотѣла играть въ обществѣ непосредственную роль и имѣть надъ ними непосредственную власть. Женщина начала отметать отъ себя тѣ качества и добродѣтели, которыя давали ей власть и силу чрезъ мужа и дѣтей, и приобрѣтать тѣ свойства, которыя даютъ непосредственное вліяніе на общество и государство, т. е. чисто мужскія качества. Этого, какъ извѣстно, ей не удалось, потому что на этомъ пути лежатъ не устранимыя ничѣмъ препятствія естественнаго различія между свойствомъ женщины и мужчины; и свойства женщины—ея душа и тѣло—таковы, что они не позволяютъ ей замѣнить мужчину въ общественной и государственной дѣятельности, равно какъ и мужчина не можетъ замѣнить женщину въ той огромной сферѣ дѣятельности, которая по естеству вещей принадлежитъ женщинамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ публицисты всемѣрно внушали мысль о необходимости для женщинъ общественной дѣятельности,—художественная литература въ лицѣ сколько-нибудь видныхъ своихъ представителей отнеслась къ этому якобы эмансипационному движенію не только съ равнодушіемъ, но и съ грозной враждебностію. Не будемъ говорить о такихъ писателяхъ, какъ Пушкинъ,—этотъ создатель двухъ чисто русскихъ типовъ женщины, Машы Мироновой и Татьяны Лариной,—возьмите Писемскаго, Островскаго, Толстого, Достоевскаго, даже Тургенева, такъ гоняшагося за популярностію,—вы не только не найдете у нихъ ни одной строки въ защиту „эмансипація“ женщины, но у Достоевскаго (въ „Бѣсахъ“), Писемскаго (во „Взбаломученномъ морѣ“) и у Тургенева (въ „Отцахъ и дѣтяхъ“) вы встрѣтите только карикатуры на эмансипированныхъ женщинъ, а во всѣхъ положительныхъ женскихъ типахъ вы найдете все ту же Машу Миронову—счастливую и радостную—и Татьяну Ларину—несчастную, но вѣрную своему долгу и не помышляющую не только объ адюльтерѣ, но и о разводѣ. Художники учуяли великую ложь во всемъ этомъ эмансипационномъ движеніи; сердцемъ и непосредственнымъ созерцаніемъ они поняли, что русская женщина въ этомъ угарѣ шаблоннаго либерализма потеряетъ все и не приобрѣтетъ ничего.

Такъ оно и случилось.

Обезсилить себя утратою чисто женственныхъ чертъ и сдѣлавшись смѣшной приобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ мужскихъ качествъ,

¹⁾ Въ монастырѣ,—но авторъ не хочетъ быть правдивымъ. В. Р—съ.

²⁾ Да что-же такое „незаконныя сожитія“, какъ не порывъ къ семьѣ болѣе, чѣмъ сколько вы хотите дать“?! В. Р—съ.

новая женщина вступаетъ въ семью какъ равнокачественный ея членъ. Она не жена въ церковно-христіанскомъ смыслѣ, повинующаяся своему мужу, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣющая надъ нимъ такую власть, что онъ „оставить отца своего и мать свою и прильпится къ женѣ“,—она договаривающаяся сторона; она не будетъ жить съ мужемъ всю жизнь, непрерывно стремясь къ его нравственному усовершенствованію,—она, напротивъ, тотчасъ готова его бросить, какъ только онъ упадетъ. Она другъ и товарищъ ему не во всѣхъ случаяхъ жизни, а лишь только тогда, когда онъ соотвѣтствуетъ ея „гражданскому“ идеалу; и если онъ не соотвѣтствуетъ этому, то она не считаетъ себя обязанной переносить иго жизни (какъ это дѣлала прежняя женщина и какъ это согласно съ духомъ христіанскаго брака),—напротивъ, она считаетъ себя не только въ правѣ, но и обязанной уйти къ другому мужчине, хотя бы любовнику, который, кстати всегда тутъ и подвертывается съ самоновѣйшими гражданскими идеалами. Прежняя женщина считала себя обязанной до смерти бороться съ загорѣвшеюся въ ней страстью къ постороннему мужчине, нынѣшняя женщина, „договорившаяся“ жить съ мужемъ лишь до тѣхъ поръ, пока она любить, тотчасъ же бросить его, какъ только забрезжитъ въ ней лишь призракъ чувства къ другому.

Бракъ—не договоръ; бракъ—тайнство, въ которомъ столько же любви, сколько и долга, очень часто суроваго, который должно нести съ христіанскимъ смиреніемъ. Эмансипировавъ женщину отъ семейнаго идеала и заставивъ ее потерять надъ нами обаяніе женственности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ искоренили въ своей жизни христіанское понятіе о бракѣ, какъ о тайнствѣ и долгѣ, и подмѣнили его понятіемъ о договорѣ, къ нарушенію котораго, какъ и всякаго договора, разумѣется, въ поводахъ недостатка нѣтъ и не будетъ. Вотъ отъ этого-то теперь такъ много внѣбрачныхъ сожителствъ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и незаконныхъ дѣтей. Ясно, потому, чтобы ослабить это явленіе, надо уничтожить его основную причину, т. е. возвратить русскую женщину семейному очагу²⁾, измѣнить нашъ, мужской, и ея собственный идеалъ женщины.

Теперь два слова о разводѣ. Понятно, что когда христіанскія начала, т. е. взглядъ на бракъ, какъ на тайнство и долгъ, а не

¹⁾ Внѣбрачныя сожителства суть *вновь образовавшіяся* семьи, когда старая во всемъ своемъ содержаніи умерла. Кто же видалъ цѣлую и цвѣтущую семью, въ которой жена вдругъ-бы сказала: „нѣтъ, не хочу! выхожу за другого!“ Авторъ плететъ старую сказку о никогда не виданномъ „бѣломъ бычкѣ“. В. Р.—*с.*

²⁾ Всякая незаконная семья имѣетъ очагъ свой, и авторъ хочетъ „разрушить незаконную семью“, чтобы ея членовъ, особенно жену и дѣтей, разогнать на улицу. В. Р.—*с.*

какъ на договоръ плотскаго общенія, восторжествуютъ въ семьѣ, тогда и вопросъ о разводѣ потеряетъ свою остроту. Г. Розановъ полагаетъ необходимымъ въ этихъ случаяхъ свободу въ интересахъ будто бы самой семьи. Можетъ быть, въ интересахъ тѣхъ именно семей, т. е. внѣбрачныхъ или фактически расторгшихся, такая свобода и была бы полезна и во всякомъ случаѣ пріятна. Но для государственнаго института семьи большая свобода, чѣмъ допускаемая теперь церковью (а не консисторіей), не только не нужна, но даже и вредна

Изъ трехъ поводовъ къ разводу по уставу православной церкви, наибольшее значеніе имѣетъ, конечно, адюльтерь. Мы хорошо знаемъ, какъ много такихъ явленій и какъ мало въ то же время разводовъ. Почему? Прежде и больше всего по нежеланію одной изъ сторонъ—чаще всего женщины—пользоваться своимъ правомъ, и нежеланіе это почти всегда основывается на весьма вѣскихъ матеріальныхъ и нравственныхъ соображеніяхъ. Однѣ жены не желаютъ лишаться содержанія на себя и дѣтей, другія терпѣливо ждутъ возвращенія невѣрныхъ мужей; чаще же всего оба мотива соединяются вмѣстѣ ¹⁾. Можетъ ли мужъ или жена, заведя другую семью, требовать себѣ развода, когда другой супругъ, соблюдающій вѣрность (что особенно часто встрѣчается среди покинутыхъ женъ), не желаетъ развода? Едва ли кто рѣшится требовать—по крайней мѣрѣ во имя интересовъ семьи—ея расторженія въ этихъ случаяхъ. Остается, стало быть, лишь тотъ случай, когда одинъ изъ супруговъ нарушилъ вѣрность, а другой желаетъ освобожденія отъ брачныхъ узъ. Это и теперь совершенно достаточный поводъ для развода. Правда, достиженіе сопряжено съ формальностями и обрядностями, сокращенія или полнаго устраненія которыхъ слѣдуетъ желать, но упростить всю процедуру развода чуть не до разбирательства у мирового судьи значило бы, по нашему мнѣнію, окончательно расшатать и безъ того расшатанный строй нашей семьи. Церковь, признавая всю правомѣрность развода въ подобныхъ случаяхъ, желаетъ одного—чтобы онъ былъ совершенъ съ полною осмотрительностію и послѣ того, какъ пылъ перваго раздраженія оскорбленнаго супруга пройдетъ, когда сердце его окажется совершенно недоступнымъ чувству прощенія. Какая жена, которой измѣнить мужъ, тотчасъ же не пожелаетъ развода, какъ она горячо ни любила бы мужа? Какой мужъ, которому измѣнила жена, тотчасъ же не пожелаетъ

¹⁾ Вотъ то-то. *Сами* не ищутъ даже развода въ мукѣ униженія или грусти. Слѣдовательно и при полной свободѣ развода эти полу-несчастныя семьи не расторгнутся, и разведутся только *окончательно и неоправдимо несчастныя*. Изъ вѣры-то въ это, т. е. что *фактически* нѣтъ для людей большаго горя, чѣмъ разводъ, и вытекаетъ наше требованіе совершевной его *въ законахъ* допустимости. В. Р.—ва.

развода, какъ бы пламенно онъ ни любилъ свою жену? И однако какъ много прощенныхъ женъ своими мужьями и въ особенности мужей своими ¹⁾ женами! Что было бы, если бы законъ не давалъ возможности одуматься, пройти первому и острому чувству обиды, если бы онъ не давалъ возможности одному раскаяться, а другому простить? И съ другой стороны это важно — какъ ни разстроилась теперь русская семья, все-таки не потерянь еще самый идеаль семьи; всѣ уклоняющіеся отъ него чувствуютъ, что они совершаютъ грѣхъ, что они нарушаютъ законъ, который состоитъ въ томъ, чтобы одна женщина знала одного мужчину и наоборотъ. Если же будетъ усвоенъ тотъ взглядъ на свободу развода, защитникомъ котораго является г. Розановъ, то рѣшительно потеряется всякій стыдъ, всякое понятіе о законѣ и долгѣ супружества.

Итакъ, чтобы оздоровить семью, надо хлопотать не о свободѣ развода, а о возвращеніи женщинъ того, что мы у нея сами отняли, о большей опрятности въ удовлетвореніи нашихъ страстей, о воспитаніи юношества (мужского) въ сознаніи святости семьи и въ духѣ цѣломудрія. Разводъ же въ православномъ бракѣ допустимъ именно тамъ, гдѣ его слѣдуетъ допустить, и такъ, какъ только это можно сдѣлать, понимая сущность любви и способъ дѣйствія оскорбленныхъ людей. Что же касается до нынѣшнихъ консисторскихъ условій развода, то, конечно, въ этой области нужны существенныя преобразованія ²⁾, которыя, впрочемъ, касаются не столько брачнаго права, сколько церковнаго управленія.

Н. Осиповъ.

¹⁾ Авторъ, противорѣча самъ себѣ, представляетъ, что *разводъ* или *разходъ* такъ же легки *психически*, какъ переѣздъ на другую квартиру. Это можетъ именно думать только семинаристъ, никогда не знавшій любви и женившійся „по требованію служебнаго положенія“, передъ посвященіемъ. Лошадь—и тѣ привыкають къ своимъ стойламъ; какъ-же привыкаетъ къ *дому* своему человекъ. А тутъ (при разводѣ) все рушится. В. Р—ва.

²⁾ Ну, слава Богу, стали признаваться. В. Р—ва.

О перемѣнѣ разводящей инстанціи.

I. Открытое письмо въ редакцію „Новаго Времени“.

Позвольте, м. г., черезъ посредство вашей уважаемой газеты сказать два слова о бракоразводномъ процессѣ. Мнѣ пришлось знать въ Петербургѣ одного скромнаго и добропорядочнаго чиновника, который идя со мною со службы, вдругъ бросился въ сторону и сталъ обнимать дѣвочку лѣтъ восьми. На мое удивленіе, онъ сказалъ, что это его дочь. А на вторичное и еще большее удивленіе, чего-же онъ такъ обрадовался, сказалъ, что дочь жить не съ нимъ, а съ его женою, которая въ свою очередь живетъ вотъ въ этомъ большомъ домѣ, къ которому подъѣхала коляска, съ господиномъ NN уже столько-то лѣтъ. Года три назадъ, т. е. перенеся лѣтъ пять одинокой жизни, онъ обратился въ консисторію съ моленіемъ о разводѣ, и, разумѣется, получилъ отказъ. Вскорѣ съ нимъ случился нервный ударъ, отъ котораго онъ впрочемъ оправился. Фамилію и имя этого чиновника я могу сейчасъ назвать,—конечно испросивъ у него дозволеніе.

Мысль о лучшемъ и кажется недалекомъ будущемъ, когда бракоразводный процессъ войдетъ въ компетенцію общихъ судовъ, болѣе и болѣе распространяется въ печати и обществѣ и позволяетъ мнѣ, также высказавъ подобное пожеланіе, поддержать его основаніями, о которыхъ не всѣ знаютъ. О секуляризациі развода болѣе и болѣе начинаютъ говорить подъ впечатлѣніемъ картинъ семьи и разводнаго процесса, подробности котораго извѣстны только „мученикамъ развода“, страданія которыхъ повидимому предначены, чтобы угрожать всѣмъ нуждающимся въ разводѣ и черезъ то „оберегать семью“. Духовныя консисторіи предлежитъ все устранить отъ семейныхъ дѣлъ. Дабы получить почву подъ ногами, для этого достаточно открыть Матѣ. 19, на которой основанъ весь нашъ и вообще христіанскій бракоразводный процессъ: „Я же говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и же-

нившийся на разведенной прелюбодѣйствуетъ“ (ст. 9). Дальше идетъ рѣчь о другомъ, какъ и ранѣе—о другомъ, и приведенныя слова Спасителя суть все, что мы имѣемъ въ Евангеліи о разводѣ. Въ нихъ не указано *переменны* разводящей *инстанции* и въ частности не указано ни *синедріона*, ни *кесаря*. Такимъ образомъ самая претензія консисторій „разводить мужа и жену“ ни на чемъ не основана; и отдача развода въ руки консисторій, какъ впрочемъ и самое созданіе духовныхъ консисторій, очень недавнихъ исторически, было произволеніемъ государственной власти: *Hodie dedi—cras cariam—* „вчера далъ—завтра возьму“. По точному смыслу словъ Спасителя разводъ и его право оставляется въ рукахъ мужа, который конечно только при этомъ условіи можетъ быть блюстителемъ порядка въ семьѣ и чистоты семейныхъ отношеній. Разумѣется, жена должна быть и вполнѣ можетъ быть обеспечена отъ случайностей, несчастій и капризовъ мужа, и вотъ здѣсь собственно, въ части, касающейся разводимой жены, и должна выступить компетенція „общихъ судовъ“, юридическая ихъ власть по отношенію къ имущественному и правовому ея и дѣтей обезпеченію. Государственная мудрость, направляемая любовью и заботою, безъ труда отыщетъ эти способы и найдетъ ихъ скорѣе, чѣмъ отстраняющія отъ себя этого рода попеченія и задачи духовныя консисторіи. Добавлю, что какъ изъ случая, переданнаго мною, такъ и изъ безчисленнаго множества другихъ, видно, что консисторія, даже имѣя признанія мужа и жены въ прелюбодѣяннн, и письменныя на это доказательства (письма жены или мужа), и свидѣтельства очевидцевъ о томъ, что напримѣръ жена живетъ въ квартирѣ посторонняго мужчины годы и тамъ разрѣшается отъ бремени, — все-таки развода не даютъ, не усматривая въ таковыхъ данныхъ „состава прелюбодѣяннн“. — Изъ всѣхъ этихъ лежащихъ въ архивахъ дѣлъ, какъ и изъ рассказываемыхъ вслѣдъ на улицахъ и вообще общезвѣстныхъ, позволительно усмотрѣть, что *консисторіи уже давно впустили въ бракъ прелюбодѣяннн*, сдѣлали это прелюбодѣяннн для другой стороны *обязательно переносимымъ* и черезъ это испортили какъ чистоту семьи, такъ и вообще показали полную свою некомпетентность въ разсужденіи брачныхъ дѣлъ. Слѣдовало-бы пожелать опубликованія въ общей печати хотя одного характернаго бракоразводнаго процесса во всей красотѣ подробностей, подкупа и жесквидѣательства. Тогда картина эта, передъ которой поблѣднѣтъ бурса Помяловскаго, устранила-бы всѣ вопросы по отношенію къ данной темѣ.

Убѣдительно прошу васъ, г. редакторъ, не отказать дать въ вашей почтенной газетѣ мѣсто настоящему моему письму, исходящему изъ наблюденія самыхъ горестныхъ явленій въ данной болящей и засоренной сферѣ.

1901 г.

II. Еще о критеріумѣ семьи и брака.

Нельзя не пожалѣть, что нескладница въ нашемъ семейномъ положеніи, всѣми и вездѣ чувствуемая и порово обнаруживающаяся на уголовномъ судѣ потрясающими совѣсть фактами, не обсуждается сейчасъ съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ она была затронута въ прошедшемъ году. Уголовщина, заведшаяся въ семьѣ и между ея членами, есть такое вопіющее противорѣчіе, которое прежде всего заставляетъ крикнуть съ болью: „да какъ же семья? да что же семья? да отчего мы имѣемъ ее такую?“ И разъ люди, являющіеся на уголовный судъ, не были уголовными преступниками ни въ отношеніи какого посторонняго человѣка, а только явились такими въ отношеніи другъ друга, мысль о какой-то уголовщинѣ уже не человѣка, а самаго положенія человѣческаго съ неизбѣжностью представляется уму. „Уголовное преступленіе въ семьѣ“ есть такая же нелѣзница и невозможность, и противорѣчіе самому существованію ея и положенной въ основу ея идеѣ, какъ... игра въ карты на похоронахъ или дипломатическіе переговоры между командою и командиромъ броненосца. Просто этого не можетъ быть. А если это есть и даже настолько есть, что при насильственной смерти мужа чуть ли не первый вопросъ у судебного слѣдователя и въ обществѣ: „не жена ли это?“ а при насильственной смерти жены: „не мужъ ли это?“— то очевидно въ общемъ представленіи установился взглядъ, и не безъ причины конечно установился, что мужъ и жена суть наиболѣе правдоподобные, или вѣроятные, или возможные враги другъ другу. Всѣ попытки поучительной морали тутъ безсилны. Очевидно, гдѣ есть дипломатія—исчезло существо броненосца, и гдѣ есть уголовщина или подозрѣніе ея—нѣтъ семьи и самыхъ условий семейнаго, т.-е. согласнаго, любящаго и уважительнаго отношенія. Въ интересной статьѣ „Мѣры къ поднятію уровня общественной нравственности“, которая начата печатаніемъ въ „Гражданинѣ“ и обѣщаетъ быть продолжительною, поднято множество интереснѣйшихъ вопросовъ о семейномъ укладѣ жизни и совершенно ненормальномъ положеніи, въ которое она поставлена. Практическую важность представляетъ особенно вопросъ о разводѣ. Авторъ приводитъ яркую параллель епископскаго сана: если онъ оскорбляется послѣдующимъ поведеніемъ епископа, то Синодъ немедленно лишаетъ его сана и отлучаетъ отъ паствы, дабы его примѣръ не былъ заразителенъ, и фактомъ единаго соблазнительнаго епископа не рушилось самое существо епископства. Вотъ параллель, достойная размышленія и примѣра.

Разводъ конечно требуется самою идеей чистой семьи, и есть такая же охрана и непремѣнное условіе сколько-нибудь сносной ея высоты, какъ ранги особенно цѣнной службы охраняются въ

своемъ моральномъ достоинствѣ, въ служебной высотѣ, просто тѣмъ, что нельзя и продолжать службу, не неся высоко ея знамени. Поставьте только законъ, что никакой проступокъ офицера не составляетъ причины для его увольненія, и въ одинъ годъ вы деморализуете самую прекрасную армію. Давно поставленъ законъ, что никакой проступокъ мужа, равно и жены, не составляетъ причины для кассации брака: и все еще философы и моралисты спрашиваютъ, отчего онъ разрушился! Да какъ же иначе?! Исчезла его критика, исчезъ его критеріумъ! Все стало похоже на выдѣлку товара на фабрикѣ, гдѣ устранена должность такъ называемаго „браковщика“. Теперь какал-бы гадость ни выходила изъ ея машинъ, все будетъ „хорошо“. Можетъ быть, для фабриканта это и „хорошо“, такъ-какъ онъ кладетъ въ карманъ деньги по счету вещей, а не по качеству вещей, но каково это для покупателя? Какъ только порокъ не есть причина кассации, такъ тотчасъ же состояніе, должность, служба, или какъ въ разсматриваемомъ случаѣ—семья, загадятся всевозможными пороками, разяятся распущенностью нравовъ и отравятся злобою и ненавистью своихъ членовъ. Положеніе это до такой степени явно, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, гдѣ „зарыта гниющая собака“ нашего семейнаго уклада, говоря словами нѣмецкой поговорки. Монашество потому и стоитъ высоко, что нельзя одновременно и носить черную мантию и играть на сценѣ въ Альказарѣ; а въ семьѣ все возможно, и если до сороковыхъ годовъ по крайней мѣрѣ покушеніе одного изъ супруговъ на жизнь другого служило достаточною причиною для развода, то съ тѣхъ поръ и по настоящее время, кажется по инициативѣ митрополита Филарета, и эта причина выкинута. Можно представить себѣ семейный миръ и согласіе послѣ подобнаго покушенія! И почему здѣсь не пойти по крайней мѣрѣ по пути уравниенія нѣкоторыхъ особенныхъ положеній семьи съ допущенными уже въ законѣ причинами къ разводу? Такъ, по закону, бракъ расторгается, когда невозможно физическое сожитіе супруговъ. Къ этому случаю исполнѣ можетъ быть приравнено нравственное уродство одного изъ супруговъ, порождающее невыносимое отвращеніе въ другомъ. Ибо бракъ есть не физическій только, но и нравственно-физическій союзъ, и должны быть супругами соблюдаемы обѣ эти, и физическая, и нравственная, стороны; а закономъ обѣ-же онѣ должны быть принимаемы во вниманіе, какъ мотивъ и фундаментъ кассации брака. Иначе—позвольте мнѣ закричать, что самъ законъ и наконецъ церковь понимаютъ и опредѣляютъ бракъ какъ только тѣлесную „случку“ мужа и жены, спрашивая при разводѣ не о душѣ, а только о томъ, не было-ли „ошибки“ въ случкѣ, туда-ли, куда слѣдуетъ по канонамъ, попало сѣмя мужа. Оговорюсь, что и самъ я въ сѣмени-же вижу центръ брака, однако взятомъ со стороны

мистической и духовной, съ фотосферою любви, уваженія и религіи около него. Но вовсе не такъ, а какъ просто переливаемую почти изъ сосуда въ сосудъ жидкость разсматриваетъ это сѣмя каноническое право и гражданскій законъ, не требуя какъ *conditio sine qua non* для него и вокругъ него ни любви, ни уваженія, никакой религіи, но буквально разсматривая жену какъ сѣмяпріемникъ, а мужа—какъ аптекаря-производителя соответственной эссенціи, безъ правъ пользоваться чужой посудой. По крайней мѣрѣ такъ все открывается въ картинѣ развода: ибо „опредѣлители“ развода конечно суть и опредѣлители брака. Ихъ границы совпадаютъ какъ внѣшняя и внутренняя кромка одной полоски. *Quod in divortio, id in matrimonio.*

Это касательно поводовъ къ разводу. Но и процессъ разсмотрѣнія этихъ поводовъ не менѣе позоренъ. Процессуальныя формы нашего развода отличаются такимъ цинизмомъ, что въ случаѣ, когда желаніе развода идетъ со стороны жены, безусловно всегда такъ-называемую „вину“ принимаетъ на себя мужъ, и конечно самая „вина“ бываетъ мнима, и „свидѣтельство“ ея покупается за очень дорогую цѣну. Это—уличная истина, всѣмъ рѣшительно извѣстная, и можно ли не поразиться, что такой археологическій остатокъ хранится въ системѣ нашего законодательства,—и все у насъ—всякое маленькое денежное взысканіе или уличная кража судится совершеннымъ или усовершенствованнымъ судомъ, а только несчастная семья судится какимъ-то допотопнымъ по грубости и первобытности пріемовъ судомъ. Тутъ нуженъ свидѣтель—прямой, личный, и даже кажется не одинъ; много бы наказалъ нашъ судъ убійствъ, если бы осуждалъ только тѣхъ, которые схвачены на мѣстѣ преступленія, и еще „двумя свидѣтелями“? И неужели косвенные и совершенно математической точности доказательства, примѣнимыя въ другихъ преступленіяхъ, нельзя примѣнить къ деликатному строю семьи? Почему такое неуваженіе къ семьѣ? Отчего она одна судится столь несовершеннымъ и ужаснымъ судомъ? Гдѣ въ Евангеліи слова о засвидѣтельствованіи личными свидѣтелями вины прелюбодѣнія? Это—ветхозавѣтное требованіе, требованіе для семьи въ совершенно другихъ условіяхъ, и именно въ условіяхъ совершенной свободы развода по другимъ причинамъ, когда до прелюбодѣнія женщина, въ силу этой свободы развода, собственно и не могла дойти, а доходила только при крайней наглости обманщицы своего мужа, за каковой обманъ она побивалась камнями. Тѣ ли это условія, что наши? Ничего подобнаго!

Несчастливая европейская семья обложена со всѣхъ сторонъ ложью, страннымъ недоброжелательствомъ при наивномъ въ сущности къ ней сочувствіи. Если бы открылись глаза у всѣхъ, кто сталъ бы хоть годъ беречь эту неправду? Поразительно, какъ никто не замѣтитъ,

что вѣдь отсутствіе развода нисколько не скрѣпляетъ уже умершую и ни морально, ни физически, ни даже квартирно не существующую семью, а просто только мѣшаетъ возникнуть еще семьѣ, другой семьѣ, можетъ быть счастливой, крѣпкой, хорошей. „Нѣтъ развода“— это значить только меньше на одну семью въ государствѣ и въ церкви, и больше на двухъ распутниковъ въ составѣ ихъ безсемейныхъ жителей. Всѣ силы церкви и государства, въ особенности нравственный авторитетъ духовенства должны бы сосредоточиться на заботахъ не дать распасться живой, живущей хорошо семьѣ: священникъ постояннымъ и близкимъ участіемъ къ семейному быту прихожанъ могъ бы въ самомъ же началѣ тушить встречающіеся и неизбежныя здѣсь конфликты,—мирить, умирять, смягчать ссоры и вообще очищать, добрымъ и ласковымъ совѣтомъ во-время, атмосферу семьи. Вотъ возвышенное призваніе церкви. А уже когда семья разбѣжалась, живетъ по разнымъ городамъ, живеть врозь годы: да что же вы тутъ бережете, когда ничего нѣтъ, беречь нечего, передъ вами нуль, не разорванный въ консисторіи документъ?

1901.

III. Кто лучший судья семейныхъ разладовъ.

Внести миръ и порядокъ въ семью, въ которой до сихъ поръ „законно“ царствовали безпорядокъ и раздоръ—вотъ простая, ясная и твердая почва для требованій развода, съ которой печать, частныя лица и законодательство не должны сходить. Не нужно при этомъ запутываться и въ детали разныхъ казуистическихъ подробностей, въ многочисленныя неясныя и сбивчивыя узаконенія разныхъ странъ и въ сужденія разныхъ „компетентныхъ“ юристовъ. Очень легко изъ-за деревьевъ не увидать лѣса; очень легко увязнуть и погибнуть въ этой „сравнительной анатоміи“ семьи. Намъ русскимъ что до чужихъ народовъ. У насъ есть свой нравственный идеалъ, который не вытравленъ зрѣлищемъ печальной дѣйствительности за столько вѣковъ. Поэтому мы считаемъ вреднымъ такія отвлеченія въ сторону, какія допускаетъ одна газета, пустившаяся въ пространный анализъ „сравнительнаго законодательства“ о правѣ мужа вскрывать жемину корреспонденцію и о безправіи жены дѣлать то же, и все по поводу законопроекта о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, надъ которыми работаютъ наши законодательныя сферы. „Самыя вѣскія доказательства для суда“, пишетъ эта газета, — „письменные: письма жены и письма мужа; но вотъ письмо, отнятое у жены мужемъ—компетентно передъ судьями, а письмо, вынудое изъ мужниного стола женою—судомъ не принимается къ разсмотрѣнію, потому-что способъ его добычи не законенъ“. Такъ рассуждаетъ „Россія“ и плачется на эту не-

справедливость французскихъ законовъ, которую поддерживаютъ французскіе юристы и между ними даже (даже!) Леонъ Рише, бывшій редакторъ журнала „Le droit des femmes“.

Намъ думается, и это нездоровая почва для разсужденій. Тутъ дѣло идетъ не о „droit des femmes“, семья вообще институтъ настолько интимный, настолько покоящійся на согласіи мужа и жены, что ужъ когда дѣло пошло объ разграниченіи „droits“ и еще подъ присмотромъ судебного пристава,—дѣло плохо и семья конечно никакой нѣтъ. А забота наша—не расколоть семью, а склотить семью. Склотить, однако, непременно надо на началахъ любви, согласія, уваженія, а не на томъ „законодательномъ“ принципѣ,—виновать: „священно-законодательномъ“, — по коему какимъ-бы мучителемъ ни былъ который-нибудь изъ супруговъ, другой долженъ погрузиться въ „христіанское долготерпѣніе“ и ожидать крышки гроба.

Пока дѣло не имѣетъ государственной санкціи, пока мы имѣемъ проекты, а не законы, можно и слѣдуетъ обсудить всѣ стороны дѣла. Семья есть семья, и нужно сколь возможно долѣе удерживать въ ней даже въ моментъ смерти и распадѣнія ея субъективный, интимный элементъ. Эти два супруга, изъ которыхъ одинъ жалуется на мучительность своей жизни съ другимъ, не суть только супруги: они имѣютъ родство и главное имѣютъ родителей. Совершенно возможно, въ вопросѣ о раздѣльномъ жителствѣ супруговъ, выдвинуть принципъ авторитета родительскаго и позвать его какъ для разсмотрѣнія дѣла, такъ и для суда надъ нимъ. „Судъ преровъ“, „судъ равныхъ“—всегда лучший судъ, и болѣе всего онъ примѣнимъ къ семьѣ. Пусть семью судитъ семья-же, съ точки зрѣнія семейныхъ идеаловъ, а не юридическихъ нормъ. Жена, которую мучитъ мужъ,—что бываетъ большею частью въ первые годы, въ первыя десять лѣтъ супружества,—имѣетъ отца или мать, и вотъ кому, мы думаемъ, можетъ принадлежать право вчивать судъ о раздѣльномъ жителствѣ супруговъ, и предлагать данное дѣло разсмотрѣнію опять-же отцовъ семейства даннаго прихода, села, сословія, вообще какой-нибудь соціальной единицы. Сердце родительское всегда сумѣетъ отличить капризъ отъ серьезнаго мотива: желаніе родителей дѣтямъ своимъ согласія и мирной жизни—столь же сильно, какъ нетерпѣливо и заступничество въ случаѣ дѣйствительно невозможной жизни. Какъ это устроить—вопросъ техники, конечно слишкомъ разрѣшимый. Но мы думаемъ, что ничто такъ не будетъ способствовать установленію бытовой и юридической семьи на здоровыхъ и истинныхъ началахъ, какъ подчиненіе вопросовъ о развѣздѣ и даже о полномъ разводѣ не авторитету кесаря или синедріона, но авторитету старшихъ членовъ семьи. Они и покажутъ, они—и соблюдутъ. Прочность семейнаго принципа ни для кого такъ не важна, какъ для нихъ: но нѣтъ отца или отцовъ,

которыя на вошь дочери объ издѣательствахъ или побояхъ, отвѣтили-бы: „нѣтъ письменныхъ доказательствъ, а кровоподтеки незначительны“, или что тутъ „необходимо долготерпѣніе“. Вообще—вотъ кто истинный судья въ данномъ мучительномъ положеніи,—строгій къ слабостямъ, но жалостливый къ мученіямъ.

Къ полемикѣ гг. Чижа, Ковалевскаго и А—та.

Удивительно: точно чортъ пошепталъ намъ на воду и далъ выпить. Испивши таковой съ „нашоптываніемъ“ водицы, мы получили въ глазъ какую-то „куриную слѣпоту“, не вообще, но въ отношеніи къ одной, не любимой чертомъ вещицы. Сейчасъ я скажу, что это за вещица. Насъ у матери было пять сыновей, и когда одни были уже совсѣмъ взрослые, другіе только-что подростали. И вотъ, случалось въ дѣтствѣ, мы всѣ до излишества разбалуемся, расшумимся, раскричимся и почти раздеремся: и въ послѣднемъ случаѣ случалось, что семилѣтокъ бросится на двадцатилѣтка, а двадцатилѣтокъ схватитъ его и подомнетъ подъ себя. И вдругъ входитъ кто-нибудь изъ старшихъ членовъ семьи въ комнату. Остановливается и говоритъ: „чортъ съ младенцомъ связался“. Слова эти какъ обрутали нашу возню. Но это—къ слову. „Чортъ съ младенцемъ связался“—миѣ нужно какъ поговорка. Какъ чортъ не любитъ ладана, такъ онъ не любитъ младенца. Съ тѣхъ поръ, какъ І. Христосъ указалъ спорившимъ о первенствѣ апостоламъ, что младенецъ по святости—первѣе и выше ихъ, чортъ возненавидѣлъ всѣхъ и всяческихъ младенцевъ, вѣчно ищетъ ихъ погублять, опозорилъ самое ихъ рожденіе, наклеветалъ, что оно всегда бываетъ отъ нравственнаго позора человѣческаго, и проч. и проч. Извѣстно, что чортъ хорошаго академическаго образованія и, по натурѣ, чрезвычайно хитеръ, такъ что перехитрилъ разъ даже Соломона. И ему ничего не стоило, нашептавъ на свою черную воду какихъ-то пакостныхъ словъ, дать эту воду выпить европейскому человѣчеству. Съ тѣхъ поръ это самомящее европейское человѣчество, изъ котораго значительная часть состояла изъ мошенниковъ, биржевыхъ игроковъ, обманывающихъ своихъ государей министровъ, шулеровъ, казнокрадовъ, а болѣе всего всесвѣтныхъ потаскуновъ, объявило, что все-таки ни одинъ изъ нихъ не грѣшенъ и не „скверенъ“ въ такой мѣрѣ, какъ всякій рѣшительно новорожденный ребенокъ: ибо ни шулерство, ни

жизни отечеству. ни казнокрадство не заключаютъ въ себѣ такой возмутительной мерзости, какъ самое рожденіе ребенка. Что дѣлать. Бодница вынута. Куриная слѣвота—въ глазу. И теперь, чуть что, поднимается вопль: „не надо дѣтей“. Просто удивляешься собачьему чутью, съ которымъ люди разныхъ категорій и всевозможныхъ профессій выискиваютъ новыхъ и новыхъ поводовъ, чтобы закричать: „пожалуйста—не надо дѣтей!“

Да простятъ почтенные ученые и литераторы, гг. Вл. Чижъ, П. И. Ковалевскій и А—тъ, что я предваряю маленькую имъ реплику касательно поднятаго вопроса о медицинскомъ освидѣтельствованіи лицъ, вступающихъ въ бракъ, симъ желчнымъ предисловіемъ. Предисловіе—не къ нимъ лично относится; это—просто больная печенка, сорвавшаяся у меня съ мѣста и выплонувшаяся отравленнымъ словомъ. Я въ точности сказалъ предисловіе по адресу нашей цивилизаціи, и съ точною вѣрою въ „пошептавшаго намъ на воду“ чорта, но безъ всякой личной и спеціальной злобы. Кого винить, если, въ самомъ дѣлѣ, вся цивилизація заражена порокомъ дѣто-ненавидѣнія, дѣто-отвращенія. Винять иногда женщинъ въ вытравленіи плода, даже, кажется, объ этомъ въ уголовномъ законодательствѣ что-то есть. Между тѣмъ, вѣдь рѣшительно все равно, что вытравить à posteriori ребенка, что à priori не дать ему зародиться. Но между тѣмъ, какъ à posteriori вытравлять запрещено уголовнымъ закономъ, ибо „погашается жизнь“, въ это-же самое время пишутся при первомъ удобномъ случаѣ статьи и почти цѣлые трактаты, чтобы à priori предупредить рожденіе ребенка. Но по моему не мудреному сужденію, что погасить свѣчку, что помѣшать зажечь ее—не все-ли равно?

Чортъ отравилъ наши сужденія, и мы устами ученыхъ и литераторовъ рѣшаемъ такой дикій вопросъ: „а что если этотъ юноша съ слѣдами золотухи, съ предрасположеніемъ къ чахоткѣ, имѣвшій раковаго дядюшку, или epileptическаго дѣдушкѣ, женится на влюбленной въ него дѣвушкѣ Елизаветѣ N-ой, то вѣдь родится у нихъ дюжина дѣтей съ предрасположеніемъ къ epilepsii, къ золотухѣ, къ раку или чахоткѣ. Мы, сострадательные ученые (предложеніе это идетъ отъ Ч. Дарвина) и литераторы, заранѣе плачемъ, —вѣтъ, мы рыдаемъ, посылаемъ непломъ главу, раздираемъ одежды и вопиамъ: „Посмотрите—вмѣсто двухъ чахоточныхъ—теперь четырнадцать чахоточныхъ! И мы это допустили! И законъ это допустилъ! Запретить! Не позволить! Не женить! То—бишь: не вѣнчать!“

Отвѣчаю:

1) Да почему вы думаете, что отъ даннаго брака непременно будутъ дѣти? Вѣдь вы хотите всѣмъ „съ предрасположеніемъ“ запретить, а между тѣмъ сколько браковъ—бездѣтныхъ; и изъ числа запрещенныхъ вами навѣрное множество окажется бездѣт-

ными, и жестокость безбрачія будетъ относительно ихъ наказаніемъ, безъ самой вины ихъ, безъ возможности вины.

2) Есть только одно дѣйствительное средство предупредить рожденіе дѣтей: кастрировать „опасныхъ“ родителей. Ну, такъ и пишете: „предрасположенныхъ къ чахоткѣ, раку, эпилепсіи и проч.—кастрировать“. Тогда будетъ ясно и тогда будетъ твердо. А то, вѣдь чѣмъ же вы обезпечите фактическое „не рожденіе“? Будутъ, конечно, безъ брака рождаютъ. Пожалуй—рождать и убивать. Но, почему, нежели „чахоточнаго родить и воспитать“, лучше „чахоточнаго родить и сейчасъ же убить“!? Вы скажете: „когда взрослый умираетъ—то это картина, а когда новорожденнаго убиваютъ—то въ потемкахъ, и нѣтъ картины“. Ну, что за аргументъ: доктора народъ твердый и отъ зрѣлища чахоточнаго въ обморокъ не падаютъ. Нѣтъ, по моему лучше такъ: родился чахоточный; пятнадцать лѣтъ пожилъ; поучился въ гимназій, пошалилъ съ товарищами, угѣшалъ маму, радовалъ папу, а главное—самъ все таки пятнадцать лѣтъ радовался. А потомъ шестнадцать лѣтъ померъ, грустный, прекрасный, всѣми оплакиваемый.

Да и притомъ пятнадцати лѣтъ, даже моложе пятнадцати лѣтъ—совершенно здоровыя дѣти и отъ здоровѣйшихъ родителей все равно умираютъ! Вспомните такъ называемый „родимчикъ“ дѣтей—сколько отъ него гибнетъ! Вообще, людей, дѣтей, юношей во всякомъ возрастѣ—бездна гибнетъ. Это ужасно грустно, но эти волны жизни, столь скорбныя, эти фиміамы слезъ и рыданій около молодого гроба—неужели же сравнить ихъ съ тупоумнымъ: „издать законъ, чтобы не женились“. У меня девяти мѣсяцевъ умеръ ребенокъ—прекрасный, по истинѣ прекрасный. Сколько воспоминаній! Да я воспитывался около него. И онъ, хоть только въ девять мѣсяцевъ, развѣ не зналъ своихъ радостей, своей огромной, хотя для насъ и мало постижимой, поэзій? Онъ не спалъ ночью, повидимому еще здоровый, но въ сущности уже больной. Утомленные его закачиваніемъ, мы, бывало, вынесемъ его къ свѣту. И вотъ, поставишь его дѣтскими ножками на письменный зеленый столъ: пораженный видомъ лампы, онъ взглянетъ на нее огромными темными глазами, и весь сіяетъ восторгомъ, теперь я знаю—болѣзненнымъ восторгомъ. И все лицо горитъ, сіяетъ жизнью. Ночью я носилъ его по комнатамъ (темнымъ) и вотъ, бывало, остановишься у окна, а противъ окна горѣлъ газовый уличный фонарь: и опять онъ смотритъ на него, долго-долго смотритъ задумчивыми большими глазами. И такое у него безсмертно-прекрасное въ это время бывало лицо. Разъ я его обидѣлъ: онъ что-то скапризничалъ, и я рѣзкимъ движеніемъ передалъ его мамкѣ, воскликнувъ: „у, козелъ“. Я рассчитывалъ, что девяти мѣсяцевъ ничего нельзя понять, но онъ жалобно-жалобно закричалъ, именно отъ окрика, отъ огорченія и быстрымъ энергичнымъ движеніемъ

уткнулся личикомъ въ мамку. Сейчасъ же я его взялъ и утѣшилъ, и онъ утѣшился. Умирая, онъ тягостно страдалъ. Такъ что же, „лучше, чтобы всего этого не было?“. Нѣтъ, лучше—чтобы было. Это—неизгладимыя воспоминанія для живыхъ, а для него... каждый день жизни былъ все-таки день жизни, содержаніе, кажется—радость, иногда—скорбь, подъ конецъ—тягостная скорбь. Но, все-таки, это не пустой ноль, не ужасный ноль.

Хуже нуля ничего нѣтъ. Черезъ десять лѣтъ я умру, вѣроятно—умру. Такъ что-же, мнѣ взять веревку и заранѣ повѣситься? А „не родиться ребенку, потому что онъ навѣрное въ пятнадцать лѣтъ умретъ“, все равно, что повѣситься въ пятьдесятъ лѣтъ. Потому что „шестидесяти-пяти лѣтъ я навѣрное умру“. Пятнадцать лѣтъ жизни—и давай сюда, два года—и все-таки давай; девять только мѣсяцевъ—и все же давай и давай. Все—давай, все—въ жизнь! А смерти—„кукишь съ масломъ“, ужь простите, до того я ненавижу этого врага рода человеческого (смерть). „Да будетъ благословенно имя Господне“, „Богъ далъ—Богъ и взялъ“. Намъ приходится только покориться этому, учиться изъ этого.

Аккуратно, по чиновнически, со счетами въ рукахъ побѣдить смерть или даже ее ограничить—нельзя. Г. А—тъ привелъ прекрасный примѣръ смерти отъ тифака, купленного на Александровскомъ рынкѣ. Я иду по улицѣ, упала вывѣска мнѣ на голову—и я умеръ. Въ одномъ знакомомъ мнѣ семействѣ смерть вырвала троихъ прекрасныхъ мальчиковъ: зараженіе (дифтеритомъ со скарлатиной) произошло въ конкѣ, ѣдущей отъ клиники Вилліе въ Лѣсной (кстати: въ конкахъ по направленію къ клиникамъ вѣроятно ѣздитъ ужасно много заразныхъ больныхъ: и тутъ бы нужна какая нибудь дезинфекція, или хоть маленькое, въ одно-два сидѣнья особое „отдѣленье“, и съ отдѣльнымъ въ него входомъ). Неужели все это возможно „пресѣчь заранѣ“? „Лучше не родиться, а то будутъ больны“. Но даже больное существованіе радостно; все-таки дышешь. Дышешь!.. Пока мы здоровы „какъ сорокъ тысячъ братьевъ“, примѣняя выраженіе Шекспира—мы не цѣнимъ „только дыханія“. Намъ кажется жизнь тогда „въ жизнь“, когда она сыта, безопасна, красна и румяна. Но вотъ мы заболѣемъ: а, тогда мы оцѣнимъ, что значить „только дышать“! Дайте и дайте подышать! Вѣчно буду въ постели, съ болью, съ нытьемъ: но дышу! Пришла жена и подержала за руку—радостно! Пришелъ другъ и поговорилъ—опять радостно! Сколько радостей, океанъ радостей—у постели больного, „едва дышущаго!“—„Но, можетъ быть, ему умереть? дать опиума? вѣдь онъ усталъ?“—О, никогда!..

Никогда нельзя и отнимать права семьи у больного, у предрасположеннаго къ болѣзни. Ихъ судьба особенно печальна. И гдѣ же состраданіе, гдѣ милосердіе, если у этихъ уже обездолен-

ныхъ людей мы отнимемъ право обнимать другъ друга, утѣшать другъ друга, облегчать другъ друга? Двѣ сидѣлки—въ объятіяхъ одна другой! И обвѣимъ легче. И будутъ у нихъ дѣти, тоже больныя—и они будутъ утѣшать ихъ и сами ими утѣшаться. И мы придемъ къ нимъ, и на зрѣлищѣ ихъ любви—воспитаемся. Ибо и намъ нужно воспитаніе, и мы нуждаемся въ примѣрахъ воспитывающихъ. А то сытые буйволы, если они одни останутся на землѣ, или перегрызутся отъ злобы, или издохнутъ отъ меланхолин. И еще соображеніе: кто-же не наблюдалъ особенной, поразительной духовной красоты именно у больныхъ, у „предрасположенныхъ къ заболѣванію“. У болѣзни есть какая-то своя тайная психологія, и, можетъ быть, лишить землю этой психологіи—значитъ многого ее лишить! Мы не знаемъ всего, мы еще многого не понимаемъ!

Забота о дѣтяхъ... Видите-ли, не допускать вѣнчаться больныхъ молодыхъ людей нужно изъ заботы о дѣтяхъ. Будто о нихъ мы много думаемъ!.. Приходить въ по-за-прошлое воскресеніе ко мнѣ незнакомый военный. По поданной карточкѣ оказался генералъ-майоръ. Старъ, 65 лѣтъ. Умень, очень умень, и образованъ,—не глубокимъ, но блестящимъ, болѣе свѣтскимъ образованіемъ. Говорить „какъ на духу“, выворачиваетъ все свои внутренности. Не красивы онъ. И у меня онъ не красивы. Можетъ быть, читатель, и у васъ не красивы? Увы, если бы мы были все прекрасны, Христу не зачѣмъ было бы приходить на землю и умирать. Итакъ, некрасивый случай и поводъ притти именно ко мнѣ ему—были мои статьи о незаконныхъ дѣтяхъ. Позади въ его жизни грѣхъ, не спорю; грѣхъ, какъ я постигаю дѣло—заклучался въ нѣкоторомъ его равнодушіи къ старой, прежней, уже давно выросшей и хорошо устроенной семьѣ (замужнія дочери и женатый сынъ), и въ томъ, что лѣтъ пятнадцать назадъ онъ обзавелся второй молодой семьей. Примѣръ такъ мнѣ казался не симпатиченъ, что я равнодушно выслушалъ его. Потомъ (въ тотъ-же вечеръ) были у меня гости, говорили, шумѣли, и когда разошлись—неотвязчиво я сталъ думать о старомъ генералѣ. На утро взялъ извозчика и поѣхалъ къ нему. Обстановка почти бѣдная. Красивая, рослая, бѣлокурая вторая жена. Но главное—дѣти, ничего-то, ничего-то о себѣ и судьбѣ своей невѣдущія! И они все бѣлокурыя, почти все мальчики, одна дѣвочка лѣтъ уже девяти—какъ жемчугъ другъ около друга. Въ смыслѣ красоты, здоровья и цвѣтистости—образцовая семья. Онъ мнѣ накануне правдиво объяснилъ, что никакихъ другихъ причинъ и „оправданій“ для него не было, кромѣ того, что первая жена его, какъ женщина и супруга—пятнадцать лѣтъ уже инвалидъ. Вообще—почва не симпатична, грѣха здѣсь я не отрицаю. Но вотъ гдѣ начинается правда. Генерала хватилъ первый ударъ, и онъ какъ раненый заметался—буквально заметался съ мыслью

усыновленія этихъ вторыхъ дѣтей. Вся жизнь была неправда—но на кончикѣ ея такая правда въ этомъ желаніи поправить, загладить, не оставить послѣ себя несчастными; правда—просто силы отповскаго чувства! Я ему наканунѣ сказалъ, что дѣло его не поправимо, ибо при наличности законныхъ дѣтей—усыновленіе незаконныхъ воспрещено закономъ. Но этотъ бѣдный не о законѣ просилъ: тутъ металась физиологія, метался отецъ. „Ахъ, что мнѣ законъ! Не усновить—моя дѣвочка (пока ей 9—10 лѣтъ, и красавица собой) въ проститутки пойдетъ! Они—всѣ на улицу, въ нищенство, какъ только я въ гробъ“. И, главное, при его умѣ, онъ видитъ, что дышать ему всего годъ-два, такъ что яма для дѣтей—передъ глазами, вотъ-вотъ. Не знаю. Не умѣю разсудить. Вижу грѣхъ зади, но и вижу правду сейчасъ. Зло и грѣхъ—въ холодности къ старой семьѣ: но какъ онъ любитъ теперь этихъ новыхъ, безспорно, очевидно, нѣжно, страстно! Я, не находя оправданія для такихъ казусовъ, мысленно прикидываю ихъ, однако, къ загороднымъ кафешантанамъ и откровенной „законной“ проституціи: балуюсь въ нихъ старикъ, и никто его не остановилъ-бы, и не было-бы ему наказанія, и не было-бы теперь терзаній отцовскихъ. Поразительно, что какъ только дѣти—тутъ-то и терзаніе, тутъ-то идея „грѣха“ и встаетъ во весь ростъ! Безъ дѣтей „шалости“—и прощень! Но дѣти, но любовь къ дѣтямъ—никогда не будетъ прощена: тутъ-то и настигнуть чело-вѣка „бичи и скорпіоны“ скопчества! Мнѣ кажется, что всетаки основная идея христіанскаго міра заключается въ искупимости всякаго грѣха, и для такихъ тяжелыхъ формъ его можно было-бы установить серьезную, тягостную эпитимию, но съ прощеніемъ въ заключеніе: увѣренъ, что старый генералъ не только пошелъ-бы, но ринулся-бы въ какой-нибудь строгій монастырь носить дрова или воду, неустанно молиться за право усыновить этихъ пятерыхъ дѣтишекъ, завтра—нищихъ, завтра—можетъ быть проститутку „по безхлѣбницъ“. Нужно-бы что-нибудь такое устроить... Что касается до государства, до *lex civilis*, то вѣдь ему рѣшительно все равно, которые дѣти будутъ счастливы, сыты и воспитаны: для него желательно—чтобы нѣкоторые не были развращены, несчастны, нищенствовали, проституировали. Или ужъ если не законъ, то желательно, чтобы образовалось специальное филантропическое общество для защиты судьбы такихъ дѣтей.

Я привожу этотъ случай, гдѣ никакого-то нѣтъ сострадательнаго закона о дѣтихъ, дабы показать, что и въ заботахъ гг. Чижа, Ковалевскаго и А—та о „возможныхъ“ раковыхъ, эпилептичныхъ, чахоточныхъ и золотушныхъ дѣтяхъ, въ сущности дѣти не играютъ никакой роли, а нужно „испившимъ черной водицы“ людямъ еще новый поводъ повторить: „вотъ этимъ, предрасположеннымъ къ заболѣванію,—лучше не жениться“.

Матеріалы къ разрѣшенію вопроса.

XV. Случай изъ жизни гр. Л. Н. Толстого.

„Въ августѣ 1896 г. въ Ясной Полянѣ произошло трагическое событіе: кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручалась одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косою вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна. Начали возникать подозрѣнія на другихъ. Предъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройтись немного, но вернулся нескоро, причеиъ видъ у него былъ усталый и взволнованный. Онъ былъ на деревнѣ у косою вдовы. Не убѣждая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и сказалъ:

„— Если это убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страда- ній тебѣ не принесетъ. Если-жъ это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь: такъ тяжело, что болѣе тяжелаго для тебя не можетъ быть въ этой жизни.

„— Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь, будто кто камнемъ сердце надавилъ!—вскрикнула, зарыдавъ вдова и чистосердечно призна- лась Льву Николаевичу, какъ она задушила своего ребенка и какъ бросила его въ воду.

„Оттого онъ и былъ такъ задумчивъ“. (Изъ книги г. *Сергѣенко*: „Какъ животь и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“).

XVI. Подъ спудомъ.

„Варшавскія газеты описываютъ раскрытое на дняхъ дѣло си- стематическаго умерщвленія грудныхъ младенцевъ посредствомъ полнаго лишенія ихъ какой бы то ни было пищи. Обвиняется нѣкая Масловская, принимавшая грудныхъ младенцевъ на проши-

таніе за плату и морившая ихъ голодомъ. Число пострадавшихъ до сихъ поръ не приведено въ извѣстность. По обстановкѣ преступленія, дѣло Масловской сильно напоминаетъ дѣло Скублинской“ („Нов. Вр.“, № 8464, „Хроника мелкихъ извѣстій“).

XVII. Случай въ клиникахъ Вилліе ¹⁾.

—...И рассказываетъ больная наша: третій разъ въ этотъ мѣсяцъ производятъ въ клиникѣ проф. Лебедева кесарево сѣченіе. Но какой особенный случай: жена чиновника всегда рождала мертвыхъ младенцевъ и вотъ этотъ годъ забеременѣла четвертымъ. Приходитъ какъ и въ предыдущіе разы разрѣшаться въ палату проф. Лебедева. Ей говорятъ, что и этотъ четвертый ребенокъ будетъ мертвъ-же, потому что не можетъ пройти черезъ узкій и искривленный тазъ, и его придется разрѣчь внутри и вынуть по частямъ. Она заплакала и говоритъ: „неужели я никогда не рожу живого?“ Ей отвѣчаютъ, что есть способъ: произвести кесарево сѣченіе. „Производите“, сказала она. И какая радость: операція прошла удачно и живой мальчикъ. первый и неожиданный, невѣроятный—около живой матери. Но что такое это „кесарево сѣченіе“?

— Разрѣзаютъ роженницу, какъ щуку на кухнѣ передъ обѣдомъ, вынимаютъ ребенка сбоку, какъ икру изъ рыбы. Операція назыв. „кесаревой“, потому что такъ родился первый „кесарь“—Юлій Цезарь. До послѣдняго времени она всегда стояла жизни матери, и ее никогда почти поэтому не производили. Но благодаря антисептикѣ ее теперь можно производить и, несмотря на весь ужасъ ея хода, болышею частью она протекаетъ благополучно.

— Такъ вотъ на что согласилась эта чиновница, чтобы имѣть живого ребенка! И еще кормить, воспитывать и заботиться о немъ.

— Безъ этого инстинкта рожденія родъ человѣческой угасъ бы. Кто сталъ бы переносить труды беременности, рискъ жизнью во время родовъ, принятіе обузы пропитанія и воспитанія на всю жизнь, если бы всѣ эти препятствія, „тѣснины“ рожденія, не прорывалъ своею силою бурный и вѣчный потокъ его. Богомъ установлена сила эта, эквивалентная силѣ смерти, т. е. такъ же точно, какъ она, абсолютная, неодолимая, роковая, темная-ли какъ ночь по однимъ моралистамъ или лучезарная какъ день по другимъ философамъ. Но въ секунду, какъ только этотъ инстинктъ ослабѣлъ бы и понизился на сантиметръ передъ напряженіемъ смерти, умиранія—родъ человѣческой началъ бы угасать!

¹⁾ Дѣйствительный рассказъ, принесенный мнѣ женою изъ клиникъ баронета Вилліе, въ Спб., гдѣ у насъ лежала въ отдѣленіи проф. Лебедева трудно больная знакомая. В. Р.—с.

— Такъ все это божественно?

— Да. Оттого въ „Пѣснѣ пѣсной“ и говорится: „сильна любовь, какъ смерть, страшна какъ преисподняя“. Но мы читаемъ это, какъ гиперболу поэзіи, тогда какъ это—членъ величественнаго символа вѣры.

XVIII. Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сомнительствъ? Докладъ свящ. А. А. Дернова Пастырскому собранію С.-Петербургскаго духовенства 1 декабря 1898 г.

Вопросъ, подлежащій обсужденію настоящаго пастырскаго собранія, по самому существу своему *чрезвычайно важенъ*. Онъ касается самаго важнаго закона въ порядкѣ земной жизни чело-вѣчества ¹⁾. Около этого вопроса сосредоточивается едва ли не большая часть письменности ²⁾ всего чело-вѣчества. Вопросъ этотъ касается такого закона природы, который проявляется и дѣйствуетъ неизбежно ³⁾ во всякомъ чело-вѣкѣ, достигшемъ физической зрѣлости. Вліянію этого закона равно подлежатъ жизнь юности и дѣвицы. Законъ этотъ установленъ и освященъ Самимъ Богомъ и по существу своему составляетъ ⁴⁾ великую тайну.

По сему самому всякая неправильность, допущенная несознательно ли, или тѣмъ болѣе сознательно, по отношенію къ этой тайнѣ, къ этому закону,—всякое нарушение ⁵⁾ его,—должны

¹⁾ „Самый важный законъ“, къ коему, до доклада свящ. Дернова, „пастыри словеснаго стада“ пребывали совершенно равнодушны. „Мы не отъ міра сего, намъ что-же...“ В. Р—съ.

²⁾ Значить, „письменность“ то есть, и мѣръ, міряне даже и перомъ старались, худо-ли, хорошо-ли, когда „лжесловесники“ ни худо, ни хорошо не говорили. В. Р—съ.

³⁾ Неизбѣжно, неизбежно, неизбежно... Но свящ. Дерновъ это-то сейчасъ и забудетъ, какъ не помнило этой „неизбѣжности“ духовенство за 2.000 лѣтъ; а настоящій докладъ и направленъ весь къ *борьбѣ* противъ этой „неизбѣжности“ и *осираванію* ея и наставляванію именно на „избѣжность“. В. Р—съ.

⁴⁾ Что-же про чинъ вѣнчанія тутъ говорить свящ. Дерновъ? въ немъ-ли „физическая зрѣлость“, равно въ немъ-ли „дѣвицы и юности нуждаются“? Авторъ говорить про *сопряженіе*, про *супружество*, про законы и необходимость тѣло-духа. Говорить, чтобы... на все это обрушить послѣдующія страницы. Онъ колотитъ фактъ брака доктринаю, которая вся и начинается съ сужденія о „законѣ“, „необходимости“ и проч. Изъ моихъ-же слезъ сплелъ веревку, да меня же ею и отстегалъ. Спасибо, священникъ, за заботы о мѣрѣ. В. Р—съ.

⁵⁾ „Законъ“ есть, „установленный“ и „освященный Богомъ“ (по А. Дернову), дабы „достигшіе физической зрѣлости дѣвицы и юности сопрягались“ (по нему-же); и *такъ*: „неправильность“ и „нарушеніе“ начинается съ момента, какъ въ это Божіе и вмѣстѣ міровое „пустъ“, „да будетъ“ вмѣшиваются противоборствованіе: „да не будетъ“, „пусть *остановится*“. И весь докладъ А. Дернова и есть „допущенная сознательно или не сознательно неправильность въ толкованіи этого закона“. Собственно, *теми*

естественно озабочивать всякаго здравомыслящаго человѣка,— *тѣмъ болѣе онѣ должны озабочивать пастырей души человѣчскія* ¹⁾).

И мы видимъ и слышимъ, что достопочтенные пастыри приходскихъ церквей нашей столицы заявили, что настоятъ существенная необходимость пастырямъ всей столицы обсудить вопросъ: „О причинахъ распространенія среди православныхъ *незаконныхъ* сожителствъ и о мѣрахъ къ устраненію сего зла“. Чрезвычайная важность вопроса по самому существу его не представляетъ и малѣйшей возможности *рѣшить* его *единолично*: сущность самаго закона, о нарушеніи коего идетъ рѣчь, причины такого или иного нарушенія его, коренящіяся въ семьѣ, школѣ, въ обычаяхъ и навыкахъ общественной жизни, въ направленіи печати, литературы, искусствъ, художествъ, сцены, философіи ²⁾— все это столь

его должна бы быть: „пастыри, обсудимъ, какъ это множество дѣтей, именуемыхъ незаконными, и семей, также именуемыхъ—перевести въ состояніе подзаконное?“ Но этотъ вопросъ и единственно возможная *не кровавая* тема даже не пришла ораторамъ и слушателямъ въ голову, и не замѣтно они двинулись въ кровавый путь, заканчивающійся Скублинскою или Масловскою: какъ теченію дѣтей отъ брака, теченію „не избѣжному“, которое уже сейчасъ стремится по порогамъ, разбиваясь о нихъ, вырвать пропасть, образовать *водопадъ* дѣтской крови. Ибо они „изыскиваютъ мѣры къ *устраненію* (уничтоженію, разрыву) незаконныхъ сожителствъ“, а не къ ихъ урегулированію. В. Р.—*а*.

¹⁾ Поразительно: о „*души*“ забота должна-бы выразиться *успокоеніемъ* ея, *утѣшеніемъ* ей? Но какая-же о „душѣ“ будетъ забота, если, подойдя къ незаконно-родившей, сказать: „ты вопреки моей распорядительности родила: итакъ, чтобы эта распорядительность хоть à posteriori была оправдана, оставь и того, отъ кого ребенокъ рожденъ, и самого ребенка скрой куда-нибудь, во всякомъ случаѣ при себѣ не держи“. Мнѣ кажется, это—„попеченіе“ не о „душѣ“ женщины, а о „престижѣ“ своей власти. Кстати, вѣдь родила-то она, „достигши зрѣлости“, о которой раньше неосторожно упомянулъ А. Дерновъ? В. Р.—*а*.

²⁾ Вотъ, сколько набралъ. Хотя скромность заставляла-бы прибавить: „и въ насъ можетъ быть, братія“. Но это даже и на умъ ему не пришло. А между тѣмъ рѣшительно никто, кромѣ „братія“, и не виновенъ въ нелегалитетности такого множества дѣтей и семействъ: ибо вѣдь не „школы-же, обычаями, печати, искусству, сценѣ и философіи“ было доверено соблюсти и сохранить бракъ! Но, видите-ли: кому не было доверено—всѣ виновны, а кому было доверено—одинъ не виновенъ, и начинаетъ судить всѣхъ. Тароватый „хозяинъ“. „У меня украли“ .. „Да ты-то что-же спалъ?“—„Отсчитывалъ деньги за вѣнчаніе и клалъ въ банкъ: да не даетъ больше 6%, а я хотѣлъ бы 8%.—„Смотри, деньги считаешь, а бракъ разбѣжится“.—„Не уйдетъ. Рогатки приставлены: кто перепрыгнетъ—брюхо распоретъ; сколько дѣтей и женщинъ ужъ висятъ, обмотавшись кишками, на моемъ частоколѣ! Такъ не знаете, куда на 8% положить?“ Тутъ я не фантазирую. Въ объявленіяхъ при „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ банкирская контора Кутузова всѣ 90-ые годы публиковала, что выдаетъ за годовые вклады 8%. А когда въ 1900 году она лопнула, то кн. Мещерскій въ „Гражданинѣ“ писалъ, что все ея эфемерное существованіе держалось на невѣроятной падкости батюшекъ къ большому проценту.—В. Р.—*а*.

многообразное и столь многообразное требует столько же многообразного и многообразнаго, словомъ, *всесторонняго* обсужденія со стороны собравшихся пастырей.

Согласно порученію Совѣта Общества имѣю честь предложить вниманію достопочтеннаго собранія нѣсколько мыслей, могущихъ послужить *основой* или *исходною точкою* для *разсужденій по возбужденному вопросу*.

При этомъ надобно предварительно сдѣлать замѣчаніе о *характерѣ имѣющихъ быть разсужденій въ настоящемъ собраніи*.

Мы готовимся изыскать мѣры для борьбы ¹⁾ съ извѣстнымъ зломъ. А борьба, разумно веденная, требуетъ прежде всего изученія противника. Внѣ этого условія, побѣда—есть дѣло случайности, а не результатъ обдуманнхъ, правильно примѣненныхъ мѣропріятій, неминуемо ведущихъ къ вѣрному успѣху ²⁾. Ясное пониманіе опасности составляетъ основаніе всѣхъ мѣръ, содѣйствующихъ уменьшенію или даже и искорененію ³⁾ зла. А зло касается такихъ сокровенностей, которыя человѣчество привыкло таить въ продолженіи тысячелѣтій, какъ не называемая, какъ *puedenda* — т. е. которыхъ должно стыдиться. Но нынѣ эти сокровенности съ безцеремонностію проявляются на виду ⁴⁾ у всѣхъ. Посему не сдержаннымъ языкомъ проповѣдника, не звѣщеннымъ языкомъ пастыря предъ паствою, а иногда безцеремонно-интимнымъ языкомъ врача самыхъ сокровенныхъ болѣзней человѣчества придется разсуждать здѣсь, конечно, по возможности обходя слишкомъ большія нескромности, называя ихъ настолько, чтобы понять ихъ, насколько нужно, но выставляя въ ясности нелѣпыя, невозможныя проявленія зла. Необычныя мысли и выраженія будутъ раздаваться здѣсь не на соблазнъ кого либо, но для обличенія зла и для предостереженія насъ самихъ — пастырей, если и мы повинны въ поущеніи проявляющагося зла: мы будемъ оичевать и самихъ себя, чтобы съ себя и начать искорененіе зла ⁵⁾.

При изысканіи мѣръ къ *устраненію незаконности* чего либо—

¹⁾ Вотъ это важно и требуется запомнить: нужно *побороть* явленіе, а не урегулировать. Тема — водопадъ, обрывъ для „рѣки жизни“, а не уравненіе для нея ложа. В. Р.—*вз.*

²⁾ Удивительно. Авторъ надѣется, что рѣка остановится. В. Р.—*вз.*

³⁾ Даже „искорененіе“ „пастыри душъ“ проектируютъ! В. Р.—*вз.*

⁴⁾ Да не духовныя ли консисторіи первыя начали требовать „вины прелюбодѣянія, совершенной на виду у всѣхъ, или по крайней мѣрѣ передъ глазами двухъ свидѣтелей“? Кажется, до бракоразводнаго у христіанъ процесса ни въ одной религіи и странѣ требованія открытыхъ и наглядныхъ совокупленій не существовало, и „сн священныя учрежденія“ первыя сдернули пологъ надъ кроватью міра: ну, а разъ мѣръ поневоли къ этому, — хоть когда-нибудь кого нибудь, — идея вообще *абсолютной въ этомъ застѣчивости* — исчезла, ослабла, порѣдѣла. В. Р.—*вз.*

⁵⁾ Не утѣшайтесь, читатель, „заботою“: дѣло идетъ объ „искорененіи“, и баринъ жалѣетъ только, что такъ поздно беретъ вкнутъ. В. Р.—*вз.*

первою и важнѣйшею мѣрою является: ясное, точное опредѣленіе самого закона, который нарушается. Необходимо, чтобы всѣ, кого законъ касается, кто долженъ исполнять его, — всѣ твердо помнили его и ясно сознавали его. Вѣдь и самый законъ Божій—заповѣди—данъ именно какъ таковая мѣра: „Что убо законъ? Преступленій ради приложися. Для чего же законъ? Онъ данъ послѣ, по причинѣ преступленій“, — говоритъ Само Слово Божіе¹⁾ (Посланіе ап. Павла къ Галат. 3 гл. 19 ст.). „Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ...²⁾ развратныхъ... для блудниковъ... И мы знаемъ, что законъ добръ, если кто законно употребляетъ его“ (Тимоѳ. I посл. I гл. 8 и 9 ст.).

Не въ этомъ ли сущность вопроса? Не отъ того ли, что у большинства современныхъ людей нѣтъ яснаго сознанія этого самого важнаго въ порядкѣ земной жизни человѣчества закона, — происходитъ пренебреженіе къ нему, нарушеніе его и искаженіе? До чего это такъ, видно изъ слѣдующаго: при обслѣдованіи прошеній, поданныхъ въ одно благотворительное общество, о пріемѣ въ пріютъ дѣтей, множество просительницъ оказалось въ такомъ положеніи: „мужъ меня бросилъ, у меня пять (или 8, или 2) дѣтей, я не могу ихъ пропитывать?!“ — „А давно замужемъ?“ — „Я дѣвица“. А между тѣмъ всѣ, знающіе подобныхъ сожителей, называютъ ихъ не иначе, какъ мужъ и жена, — и жильцы того дома, и дворники (прописывающіе и паспорта сихъ сожителей), и хозяева: какая путаница понятій и какое отсутствіе сознанія истиннаго закона!³⁾

¹⁾ Ну, послушайте, нельзя же *Боюмъ* называть апостола. Это не только безграмотно, но и богоульно. В. Р.—*в.*

²⁾ Вотъ, авторъ наименовываетъ „овець“: „quos ego!“ Еще на той страницѣ было: „дѣвицы и юноши, достигшіе зрѣлости“, о которыхъ надо бы позаботиться. Но черезъ 1/4 часа, пока авторъ исписалъ страничку, они превратились въ „блудныхъ, развратныхъ и беззаконныхъ“. В. Р.—*в.*

³⁾ Какая наивность дѣтская, почти трогательная: ранѣе говорилось о законѣ какъ міровомъ движеніи, о Божіемъ—„да будетъ свѣтъ“, и безъ какого-либо перехода мысли, авторъ уравниваетъ съ этимъ опросъ паспортовъ дворникомъ, и причину „разстройства закона“ видитъ въ томъ, что дворники, болѣе деликатные, чѣмъ „петербургское пастырское собраніе“, никакъ не соглашаются поддержать послѣднее употребленіемъ его грубого (и не вѣрнаго) языка и терминовъ. Кстати, какъ-же бы дворники должны называть ихъ: „любовница“, „содержанка“? Но первое означаетъ тайную связь и тайныя, украдкой на сторонѣ, свиданія, а второй терминъ прилагается къ отдачѣ себя за корысть, за содержаніе, — каковыми во множествѣ являются законныя жены. Ясно, что вовсе нѣтъ термина для длительныхъ, вѣрныхъ другъ другу и открытыхъ „сожительствъ“, членовъ которыхъ дворники и именуютъ довольно правильно „мужемъ и женою“, не обращая вниманія на невѣрную въ паспортѣ прописку: „дѣвица“. Такимъ образомъ дворники гораздо вѣрнѣе уловляютъ существо брака и не забываютъ ни *Бытія*, 1—2, ни *Матвѳя* 19: о чемъ, за паспортами, забыло „пастырское собраніе“. В. Р.—*в.*

Ясно ли всё нынѣ сознають, что законъ Божій указываетъ только два состоянія для совершеннолѣтнихъ людей: дѣвство — по природному расположенію ¹⁾ или свободному подвигу для высшихъ цѣлей жизни и для болѣе свободнаго служенія спасенію людей (Матѣ. 19, 12), или же законное супружество, заключаемое въ свое время по слову Апостола: „во избѣжаніе блуда каждыи ²⁾ и имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа“ (I Кор. 7. 2).

Вотъ два состоянія въ порядкѣ земной жизни человѣчества, исключаящія собою какой либо возможный третій видъ и въ то же время оба объединяющіяся въ одномъ высшемъ „духовномъ“ ³⁾ качествѣ, которое составляетъ вѣнецъ, украшающій жизнь человѣка, и кое именуется *цѣломудріемъ*, ибо ни дѣвство, ни супружество немислимы безъ *цѣломудрія*. Духовная чистота сердца, которое есть исходнице всей нашей духовной жизни, цѣло-

¹⁾ Чудакъ. Такъ вѣдь очевидно—если *родились* дѣти (у „дѣвицы“ положимъ или вдовы), то значить и не было въ ней „природнаго расположенія“ къ дѣвству. А состояній только „по закону Божию—два“: ну вотъ, она „и вступила во второе по закону Божию состояніе“. Это—ваша же терминологія. Но вы, прописывая ей въ паспортѣ „дѣвица“, явно вгоняете ее уже въ не добровольный „подвигъ для высшихъ цѣлей жизни“, въ каковомъ въ сущности и секретъ всего дѣла, всего доклада, всего несчастья и дѣйствительнаго развращенія людей, ибо сей „подвигъ для нысшихъ цѣлей“ есть гордость діавола, возставшаго и научившаго новымъ „яблокомъ“ людей возстать противъ Бога и *единственнаго* Его невинному человѣку заповѣди: „множитесь и наполните землю“. Незаконнорождающее“ суть то же въ линіи исполненія Ветхаго завѣта сейчасъ, что были скрывавшіеся въ катакомбахъ въ линіи Новаго завѣта въ I—III в.в. по Р. Х. Тамъ—тайная вѣра подъ землей; здѣсь—тайное исполненіе „подъ спудомъ“, съ горестнѣйшими послѣдствіями, того, чего человѣкъ не можетъ, очевидно, не исполнить; и не можетъ потому, что воля-то на это—Божія (см. выше, въ самомъ началѣ доклада, слова самого А. Дернова). В. Р—сз.

²⁾ Ну, вотъ! Чтобы избѣжать непотребства (домовъ терпимости) и тайныхъ пороковъ, каждый „достигнувъ зрѣлости“ (см. выше А. Дерновъ)—и начинаетъ съ кѣмъ нибудь постоянно, связано, длительно, вѣрно и цѣломудренно жить; а что вы съ него срываете шапку и кричите „воръ“, то это такой-же ложный крикъ, какъ иногда „пожаръ“ въ театрѣ и даже, если принять во вниманіе дѣтубійство, отъ окриковъ происходящее, и притоны Скублинской-Масловской,—съ тѣми-же совершенно послѣдствіями, какъ отъ неразумительныхъ или злыхъ окриковъ въ театрѣ. В. Р—сз.

³⁾ Поразительно: какъ только заходитъ дѣло о *бракъ*—мы ждали бы въ дальнѣйшей рѣчи о *дѣтяхъ, шуткахъ, воспитаніи, заботахъ и радости* около дѣтей; но въ бословской литературѣ этого никогда нѣтъ и, напр., самое упоминаніе о дѣтяхъ почти не встрѣчается въ сужденіяхъ о бракъ; зато „подымается другой рогъ“: *духовность*. Сперва эта „духовность“ мелькаетъ какъ *добавленіе*, какъ *притѣсокъ* къ браку: онъ—подлежащее, а „духовность“ только опредѣленіе, но скоро въ дальнѣйшихъ словахъ опредѣленіе становится на мѣсто опредѣляемаго, кукушка ложится на мѣсто воробья, вытолкнувъ воробьиного птенца вонъ изъ гнѣзда: „духовность“—уже самостоятельна, и литература о бракъ страннымъ обра-

мудренное направленіе ума, чувствъ и воли человѣка, проявляющееся въ рѣчахъ, во взглядахъ, въ движеніяхъ, во всемъ поведеніи и настроеніи человѣка — является необходимымъ условіемъ достиженія человѣкомъ послѣдней цѣли земного бытія его: вѣчнаго лицезрѣнія Бога. Итакъ, дѣвство и законное ¹⁾ супружество тогда только имѣютъ цѣну у Бога и у людей, когда они *цѣломудренны*. Особенная трезвенность ума, мыслей, чувствъ, желаній, особенная скромность и стыдливость, при которой невозможны со стороны другихъ никакія рѣчи легкаго тона, вызывающія всегда страданіе у такихъ людей, особая внутренняя привлекательность, чистота, стойкость, при которой подобные люди и помыслить не могутъ о какомъ либо ложномъ шагѣ, отсюда всегда правота и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, и въ отношеніяхъ къ другимъ, — полное самоотверженіе — вотъ *необходимыя условія того и другого состоянія*: дѣвства и супружества.

Дѣвственникъ ли, супругъ ли, — но если онъ не ведетъ жизни чистой, цѣломудренной: онъ ведетъ жизнь распущенную, преступную.

зомъ направляется противъ дѣтей, какъ явнаго и видимаго разрушенія духовности: она уже пылаетъ, гнѣвается, „духовность“ кричитъ бариномъ, поднимаетъ бичи противъ дѣтей. Но что тутъ „духовность“ ѣдетъ Чичиковымъ, видно изъ того, что ни при разсужденіяхъ о приходѣ, объ управленіи, о клирѣ, даже о монастырѣ — духовность вовсе не выдвигается, не становится подлежащимъ. Въ бракѣ же она должна и „послана“ съестъ подлежащее; такъ сказать, не столько, чтобы лечь кукушкой въ чужомъ гнѣздѣ. сколько, чтобы *опустошить* его, столкнуть на землю именно „воробей“ — дѣтей, воробья — супружество. воробья — полъ, „похоть очей“ и пр., и сдѣлать бракъ „ни отъ похоти мужскія, ни отъ похоти женскія“, а за ихъ неимѣніемъ теперь, „отъ нашей власти и милостиваго благоволенія“. Въ „пустомъ гнѣздѣ“ теперь нѣтъ ни „первоначальнаго закона“, ни „Самъ Богъ благословилъ“, ни „всякая дѣвица и всякій юноша, достигшіе зрѣлости“: „кимвалы“ прозвучали, сдѣлали свое дѣло — привлекли публику: и когда занавѣсъ поднялся и открылъ скопческое зрѣлище, то всѣ эти мѣдные трубы и барабаны, позаимствованныя изъ стараго и *устарѣвшаго* завѣта, выбрасываются вонъ. въ старый амбаръ, гдѣ хранится рухлядъ Гомера, Митры и Авраама. В. Р.—*сг.*

¹⁾ Вотъ видите: Чичиковъ уже сѣлъ въ бричку и отъ Манилова, хотя и плутая по дорогѣ, направляется къ Собакевичу. Сперва столкнуты изъ „гнѣзда“ дѣти и супружество: но мы еще въ „Маниловкѣ“ и слушаемъ сладкія рѣчи „о цѣломудріи во взглядахъ, въ движеніяхъ“ и проч., какъ сущности супружества, равно, впрочемъ, и сущности дѣвства. И когда сердце наше размягчено, — „баринъ“ говоритъ: „ну, дальше“ и везетъ насъ къ утвержденію, что и цѣломудріе, и хорошіе взгляды и рѣчи встрѣчаются только въ тѣхъ семьяхъ, которымъ онъ, Дерновъ, передалъ надлежащіе документы для прописки въ полицію. „Мертвыя души“ въ карманѣ у спекулянта и онъ мнитъ себя богатымъ и знатнымъ собственникомъ. Такъ обрабатывается дѣло, и получилось едва вѣроятное явленіе, что собственникомъ и распорядителемъ судебъ семьи и брака явилось во всей Европѣ лицо, принципиально и гнѣвно, страстно ненавидящее какъ супружество *in se*, такъ и дѣтей *in se*. В. Р.—*сг.*

Объединяясь въ цѣломудріи, дѣвство и супружество различаются въ приложеніи къ жизни людей. Дѣвство—законъ для немногихъ. Это особый даръ благодати Божіей и даръ рѣдкій,—даръ для достиженія высшаго евангельскаго совершенства. „Не все вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Кто можетъ вмѣститъ, да вмѣститъ“. (Мате. 19, II и 12).

Всѣ же прочіе ¹⁾, которые не могутъ вмѣститъ сего высшаго дара, пусть живутъ, какъ Богъ благословилъ ²⁾—изначала. „Въ началѣ мужа и жену сотворилъ Богъ, сказалъ Спаситель, да будутъ два одною плотію, и что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“... Эти слова Божіи открываютъ намъ всю святость брака, таинственный смыслъ котораго указанъ былъ потомъ Духомъ Божіимъ въ писаніяхъ Апостола языковъ: „Бракъ есть великая тайна...“ ³⁾ (Мате. 5, 4—6; Ефес. 5, 32).

Да, тайна великая—особенно нормальный бракъ, когда непочатая невинность сочетается съ непочатою же невинностію. Потому-то бракъ и по церковному обряду—одно изъ семи таинствъ нашей святой Церкви ⁴⁾.

¹⁾ Не радуйтесь, читатель. Все это—предварительные барабаны и трубы, для „привлеченія“. На самомъ дѣлѣ, конечно, всѣ „незаконныя сожителства“ и ихъ плодъ „незаконнорожденные“ входятъ въ рубрику „всѣхъ прочіихъ, которые не могутъ вмѣститъ дѣвства“, и авторъ, съ точки зрѣнія сейчасъ напечатанныхъ строкъ, долженъ бы печатать въ защиту ихъ брошюру; но онъ печатаетъ противъ нихъ брошюру—потому что выдвигаемые имъ въ предисловіи „законы“ суть предметъ нападенія, осады и разрушенія въ содержаніи брошюры. В. Р.—ъ.

²⁾ „Пусть живутъ, какъ Богъ благословилъ...“ Но куда-же тогда дѣвается Дерновъ? Гдѣ Богъ—тамъ и вътъ Дернова, а гдѣ Дерновъ—Богу остается мало мѣста. Само собою, всѣ рождающіе и „живутъ какъ Богъ благословилъ“, но авторъ-докладчикъ уже переѣхалъ отъ Манилова къ Сабакевичу, и радужное „Богъ благословилъ“ уже переходитъ въ тернистое: „Богъ повелѣлъ и мы скрѣпили“, или „Богъ повелѣлъ, да мы не скрѣпили“ сихъ небесныхъ канцлеровъ. В. Р.—ъ.

³⁾ Замѣйте, читатель, что во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ берется, описывается и утверждается физиологическій фактъ и къ нему-же отнесено апостольское: „это есть великая тайна“ (неразрѣшимость, неизслѣдимость, транспенденность). Позднѣе къ бумагъ или къ небесному „посланію“ неизслѣдимаго содержанія привѣшена была сургучная печать; метаморфоза вѣковъ заключалась въ томъ, что шнурокъ, на которомъ привѣшена была печать, перетерся, бумага затерялась, изорвана или спрятана, а „тайною“ сталъ называться кусокъ когда-то сюда привѣшеннаго сургуча, прѣстая химически обработанная смола съ вытисненнымъ гербомъ и неразборчивыми словами. Фабрикантъ „сургучныхъ дѣлъ“ съ тѣхъ поръ и сталъ отождествлять себя съ авторомъ, Творцомъ затерянной бумаги. Отсюда—права Дернова и тонъ его брошюры, а также и трогательное вниманіе слушателей его доклада. В. Р.—ъ.

⁴⁾ Какъ все тутъ сколько: но почему Дерновъ думаетъ или какое имѣетъ основаніе судить, что несчастная женщина, мать троихъ дѣтей, вынужденная передъ дворниками называться „дѣвицею“, не была „непочатая невинность“ передъ рожденіемъ этихъ дѣтей? „По сему-то, по

И дарованіе къ супружеской жизни пристокаетъ также отъ Бога, какъ и къ житію дѣвственному... „Ибо желаю, говорилъ Апостоль, чтобы все люди были, какъ и я—(дѣвственникъ),—но каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, однихъ такъ, другой иначе“... „Каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ Господь призвалъ“: „Такъ я повелѣваю по всемъ церквамъ“ (I Кор. 7, 7 и 17 ст.).

Сознается ли это ясно всѣми тѣми, кого касается ¹⁾ законъ брака?

Безъ яснаго же сознанія этого закона невозможно и точное исполненіе его. Постараемся же уяснить его, руководствуясь указаніями нашихъ соотечественныхъ богослововъ, проповѣдниковъ и писателей.

Въ лицѣ первой человѣческой четы, мужа и жены, земному человѣческому житію даны святыя и совершенныя законы ²⁾. Образъ этой-то земной жизни всего человѣчества, этого святого и совершеннаго закона и возобновляется ³⁾ каждую христіанскою четою въ таинствѣ брака. Для мужа его подруга не просто одна изъ женщинъ, но жена, для жены ея сожитель не просто одинъ изъ мужчинъ, но мужъ,—для нихъ обоихъ остальной родъ человѣчскій не имѣетъ пола. Связанные благородными узами духовнаго братства со всѣми подобными себѣ существами, мужъ и жена—христіане, Адамъ и Ева всѣхъ вѣковъ, одни получаютъ благословеніе на вкушеніе радостей тѣснѣйшаго сожительства, во имя физическаго и нравственнаго закона, положеннаго въ основаніе земной жизни человѣческаго рода. Поэтому, первымъ обнаруженіемъ Божественности Христа было благословеніе супружескаго соединенія въ Канѣ ⁴⁾, подобно тому, какъ первымъ дѣй-

непочатой невинности, бракъ и есть одно изъ семи таинствъ церкви“, радуется Дерновъ своего читателя. Онъ знаетъ, что всѣ „непочатую невинность“ уважаютъ,—и загребаетъ ее кочергой въ свою небесную канцелярію. Но вѣдь это неправда: если проститутку изъ дома терпимости пьяный московскій купецъ возьметъ и *обѣщаетъ* съ собою, т. е. соблюдетъ власть Дернова—то будетъ „законный бракъ“, „одно изъ семи таинствъ нашей св. церкви“, а вотъ когда Нехлюдовъ у Катюши Масловоу взялъ „непочатую невинность“, и родился ребенокъ у нихъ: то это все-таки „блудъ“, и младенецъ „плодь блуда“, потому что предварительно не было спрошено дозволеніе Дернова. В. Р—въ.

¹⁾ *Всѣми* и сознавалось-бы, не будь истолкованій владѣльца сургуча. В. Р—въ.

²⁾ Которые вы отмѣнили. В. Р—въ.

³⁾ Отлично. Но вѣдь не вѣнчались Адамъ и Ева? Значитъ, каждое сожительство отражаетъ „образъ“ ихъ натуральнаго сожительства. В. Р—въ.

⁴⁾ Было присутствованіе на „брачномъ пируствѣ“, какъ одного изъ числа гостей: а къ браку отношенія въ смыслъ благословенія или отплатилъ—не было. И Апостоламъ Исусъ, посылая ихъ въ міръ, не наказалъ: „идите и *отплатите* браки“. Да и слово-то это противорѣчило-бы всей мысли

ствіемъ Божиимъ по отношенію къ роду человѣческому. было сотвореніе первой четы.—Итакъ, *бракъ—не договоръ, не обязательство и не законное рабство* (мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ ¹⁾, политиковъ, философовъ и литераторовъ); онъ есть воспроизведеніе образа, установленнаго Божественнымъ Закономъ,—онъ есть *органическое* ²⁾ и слѣдовательно, *взаимное соединеніе чадъ Божіихъ*. Бракъ огражденъ съ самаго начала *закономъ о нерасторжимости* ³⁾ союза между мужемъ и женою, такъ что они должны составлять одну плоть, и разрывъ между ними долженъ уподобляться разсѣченію пополамъ живого человѣка ⁴⁾.

апостольства и духу св. Евангелія. Что-же касается до „посѣтилъ“, то вѣдь сколько разъ Іисусъ приказывалъ ученикамъ: „забрось *неводъ съ море* и у вытасченной рыбы найдешь денарій“ или „уловъ рыбы будетъ большой“: но кто-же на основаніи этихъ примѣровъ объявлялъ рыбную ловлю исключительной собственностью и профессіей духовенства? А ужъ можно-бы сказать: „І. Христосъ благословилъ рыбную ловлю“. И *чудеса* на рыбной ловлѣ было еще больше, чѣмъ въ Канѣ Галилейской. *В. Р—въ.*

¹⁾ Не *мнѣніе* о фактѣ важно, а *сумма отношеній къ факту*: сумма-же отношеній—духовной власти къ браку есть именно юридическая и крѣпостная; отношенія мужа и жены таковы по закону и по установленіямъ духовной власти, что въ вѣнчаніи они получаютъ „крѣпость другъ на друга“, и крѣпость эту, т. е. собственно документъ на взаимное обладаніе невозможно уничтожить, сколько-бы они ни страдали или не навидѣли другъ друга. По дѣйствию своему обрядъ этотъ весьма похожъ на желѣзную сѣть, которую, по древнему мнѣю, выковалъ Вулканъ и покрылъ ею амурничающихъ Венеру и Марса. Но сѣть можетъ быть нитяная, веревочная и желѣзная: имя „церковное таинство“ придало ей именно вѣчность, неразрушимость и некритуемость, не затрогивая ни мало ея существа, т. е. оставляя ее сѣтью, скрѣпой, веревкой, договоромъ, обязательствомъ и законнымъ рабствомъ, но только желѣзной прочности. Поразительно, что Державинъ этого не замѣчаетъ. Между тѣмъ отсюда и вытекаетъ западный гражданскій бракъ, какъ замѣтна канцеляриста-патера канцеляристомъ-чиновникомъ, какъ простая передача отъ одного къ другому функции, безъ всякой въ ней перемѣны и только съ устраненіемъ ея риторической торжественности. Дѣло стало проще, удобнѣе. Миръ отъ этого вадочнулъ. А патеры разодрали ротъ отъ негодованія въ сущности потому, что у нихъ была отнята власть и деньги. Ибо любви-то у нихъ къ браку и брачущимся, конечно, никогда не было, что видно изъ брако-разводнаго процесса, на западѣ столь-же гнуснаго, какъ и у насъ. *В. Р—въ.*

²⁾ Вотъ этотъ терминъ „органическое“ слѣдуетъ запомнить въ устахъ священника, выслушанный и не опротестованный собраніемъ главнѣйшихъ представителей Петербургскаго духовенства. Очевидно „тайною“ и „тайнствомъ“ и „закономъ Божиимъ“ зовется „органическое“. Но въ вѣнчаніи „органическаго“ ничего нѣтъ. И, слѣдовательно, самое сожитіе, а не вѣнчаніе есть „таинство“. Весь докладъ Державина и его послѣдующіе труды (см. ниже), направленные противъ „органическаго“, т. е. дѣтей и сожительства, есть въ то же время разрушеніе таинства брака въ зернѣ его. *В. Р—въ.*

³⁾ Это откуда новый курсивъ о „нерасторжимости“? Ни изъ чего предыдущаго онъ не вытекаетъ, и Ноздревъ подвинулъ рукавомъ шашку, которой не было у него въ пальцахъ. *В. Р—въ.*

⁴⁾ Вотъ это Иродово „разсѣченіе пополамъ живого человѣка“ и есть требованіе, чтобы дворники именовали *двѣими* мать троихъ дѣтей: а

Для чего же такое *тѣсное* соединеніе?

„Отъ Тебе сочетавается мужу жена, въ помощь и въ воспріятіе рода человѣча“. „Твоя есть воля законное супружество и еше изъ него чадотвореніе“—такъ опредѣляетъ Церковь цѣль брака въ церковныхъ своихъ молитвахъ въ чинѣ вѣнчанія. По разуму Церкви „половое влеченіе дано Самимъ Богомъ ¹⁾ для распространенія и умноженія рода человѣческаго, а—пронстекающая отъ отсутствія цѣломудрія—склонность къ плотскому грѣху ²⁾ есть одно изъ главныхъ золь, которыя пронстекають изъ первороднаго грѣха“.—Основавши человѣческое семейство, вложивши въ сердца мужа и жены взаимное влеченіе другъ къ другу ³⁾ и

слѣд. этихъ троиъ дѣтей объявленіе *безъ-матерними, сиротами*. Поразительно, что Дернову въ голову не приходитъ въ сущности кровавый смыслъ его доклада, и что притоны Скублинской и Масловской съ фабрикаціей въ нихъ „ангельчиковъ“ есть въ своемъ родѣ „Ясли для незаконнорожденныхъ“, сотворенные и смазанные елеемъ „милостивцемъ“ Дерновымъ и „иже съ нимъ“, и гдѣ сами-то Скублинская и Масловская суть не болѣе, какъ управительницы на наймъ, прислужницы, а не хозяйки. И при строгой послѣдовательности, какъ воспитательные дома, такъ и вообще вся совокупность пріютовъ и пансіоновъ для незаконнорожденныхъ должна-бы быть передана во власть и на иждивеніе духовнаго вѣдомства, какъ сотворившаго и проводящаго въ жизнь понятіе незаконнорожденности. В. Р.—*сз.*

¹⁾ Да что же дѣлаетъ Дерновъ, какъ не оспариваетъ это во всей брошюрѣ! „Половое влеченіе дано Богомъ“. А „дитя“, плодъ „полового влеченія“? Развѣ хотя *единое* въ мірѣ дитя зачато безъ „полового влеченія“? Вѣдь не изъ „доклада“—же Дернова рождаются дѣти, пусть онъ будетъ даже и боговдохновененъ. Но все это—шашки Ноздрева, съ которыми хочется играть и ведешь ее потому только, что по судьбѣ исторіи и игрѣ недоразумѣній находишься въ его владѣніяхъ, власти, подъ его жестокимъ чубукомъ и дѣлаешь *bonne mine au mauvais jeu*. В. Р.—*сз.*

²⁾ Тутъ въ одной и той же цитатѣ (не знаемъ, откуда взятой, но ясно не принадлежащей Дернову) сверху называется „Божією волею“ то, что снизу черезъ три строки называется „текущимъ отъ первороднаго грѣха“. Ясно, однако, изъ послѣдующаго изложенія, что „уставъ консисторій“, регламентировавшій бракъ, по мнѣнію Дернова, „данъ Самимъ Богомъ“, а Библия и законы верховно-человѣческіе суть, по нему-же, „главное зло, пронстекающее изъ первороднаго грѣха“. В. Р.—*сз.*

³⁾ Вотъ если этого „влеченія“ нѣтъ, нѣтъ и *содержанія* брака и слѣд. *его самою*. Тогда расторгните-же бракъ, гдѣ *умерло* „влеченіе“ Но вамъ и „влеченіе“ надо: это—украшеніе, оправданіе брака, и вы записываете его себѣ въ итогъ доходовъ, хотя ни малѣйше въ дѣловыхъ сужденіяхъ о бракѣ его не принимаете во вниманіе (разводъ). Но сбросьте, какъ не вамъ принадлежащее, всю эту *любовь, согласіе, чадородіе*—что есть и въ незаконномъ сожитіи—и у васъ получится подлинное ваше богатство: „договоръ, обязательство, законное рабство“ (см. выше). При ужасѣ отъ вида этой скудости вы и кидаетесь воровать и присвоивать себѣ плоды „незаконныхъ сожитій“: любовь, дружбу, чадородіе. Ибо ужь, повѣрьте, въ „незаконныхъ-то сожительствахъ“ и любятъ другъ друга и рождаютъ дѣтей въ любви: ибо когда ихъ законъ не держитъ, что-же ихъ другъ около друга держитъ, какъ не любовь? В. Р.—*сз.*

благословивши радости и утѣшенія семейной жизни, Творецъ въ этомъ самомъ союзѣ положилъ залогъ и обезпеченіе продолженія поколѣній. Главною цѣлю установленія супружества, слѣдовательно, было чадородіе ¹⁾, облегчаемое утѣшеніями семейной жизни. Въ рожденіи дѣтей святой апостоль указалъ естественное призваніе женщины и заслугу ея предъ Богомъ. „Спасется жена ради чадородія,—учитъ св. Павелъ (I Тим. 2, 1, 15,—если при этомъ пребудетъ въ вѣрѣ, и въ вѣрности, и въ любви, и въ святости съ цѣломудріемъ“.

Спасется жена,—замѣчаетъ пр. Никаноръ Одесскій,—никакъ не громкимъ учительствомъ и ученостью, не отправленіемъ гражданскихъ должностей и не гражданскими доблестями, а тихимъ, святымъ и цѣломудреннымъ исполненіемъ природнаго призванія женщины: быть христіанскою матерью.

Итакъ, въ честномъ супружествѣ ²⁾ для женщины и мужчины земной путь къ небу

Какъ не могутъ прекратиться супружества, такъ не прекратится и размноженіе людей. Мысль о дѣтяхъ, заслоняемая на время въ супругахъ пылкостью первыхъ проявленій ихъ взаимной любви, внезапно возникаетъ въ нихъ по нѣкоторому тайному сознанию, что союзъ ихъ еще не полонъ, что сердце требуетъ дальнѣйшаго закрѣпленія его въ рожденіи дѣтей и сосредоточенія на нихъ и въ попеченіи о нихъ взаимной любви отца и матери. Что это вѣрно, что это голосъ самой природы,—свидѣтельствуется радостію въ добрыхъ семьяхъ о появленіи первенцевъ. Такое значеніе бракъ имѣлъ всегда въ глазахъ Церкви, признающей его за *тайнство* и за *тайну* ³⁾. Въ этомъ удостовѣряютъ правила апостольскія и правила всѣхъ вѣковъ, запрещающія новообращеннымъ расторгать союзъ, заключенный до крещенія ⁴⁾. Въ

¹⁾ Если цѣль не достигнута и бракъ безплоденъ—опять почему не *расторнете* его? Но и эта цѣль мнима, нужна автору въ риторическихъ цѣляхъ: а подлинная „цѣль брака“—расширеніе „нашей компетенціи“, къ сожалѣнію, не распростершейся своевременно на всемірныя рыбныя ловли, „ибо Петръ былъ рыбакомъ“. В. Р—ст.

²⁾ Куда по всѣмъ доселѣ сказаннымъ словамъ, въ которыхъ авторъ и не заикнулся объ обрядѣ, относятся всѣ рѣшительно и мнимо-незаконныя, безъ-обрядныя сожителства. В. Р—ст.

³⁾ Хорошо. Но вѣдь до сихъ поръ объ обрядѣ рѣшительно ничего не сказано. Описывается чисто *природный* и вмѣстѣ конечно нравственный фактъ семьи. Къ этому авторъ и привѣшиваетъ пломбу: „тайнство, тайна по ученію церкви“. Откуда-же тема доклада: „незаконныя сожителства, незаконныя дѣти“? В. Р—ст.

⁴⁾ Это очень важно. Языческій бракъ признавался и христіанскимъ духовенствомъ, такъ что при крещеніи двухъ супруговъ-язычниковъ, или одного супруга-язычника, крещенные продолжали считаться супругами, т. е. церковь принимала за „тайну“ и „тайнство“ языческое супружество, и ужъ конечно не языческіе обряды его заключенія, а самое состояніе въ *супружествѣ*, т. е. просто *сожитіе и дѣторожденіе*.

этомъ удостовѣряетъ и самый церковный чинъ брака ¹⁾). Въ немъ, во всѣхъ молитвахъ призывается благословеніе Божіе на мирное и благочестивое, цѣломудренное сожитіе супруговъ и возносится молитва о дарованіи имъ потомства, какъ древнимъ патріархамъ,—возносится молитва и за воспитавшихъ ихъ родителей ²⁾). Последнее показываетъ также важность *обязанности* родителей, возлагаемой на нихъ закономъ брака,—*воспитывать дѣтей*. Этому отвѣчаетъ и естественное желаніе неиспорченныхъ супруговъ имѣть дѣтей и ихъ неуспынная забота о воспитаніи дѣтей.

Итакъ, *божественнымъ закономъ* брака выясняется и охраняется законъ естественный—*благословеннаго рожденія и добраго воспитанія дѣтей и непрерывной любви тѣхъ двухъ существъ*, отъ которыхъ дѣти происходятъ.

Въ послѣдствіи, какъ сказано Иисусомъ Христомъ, ради жестокосердія людей, по преступности ихъ, дозволенъ *разводъ*, но только для огражденія блага и чести семействъ отъ потока прелюбодѣянія ³⁾), посредствомъ отсѣченія отъ союза недостойной по-

Но оно вполне тождественно съ нашими *незаконными сожитіями*: какое же у церкви или закона основаніе ихъ не признать за *бракъ* и притомъ въ смыслѣ таинства? Отрицаніе этихъ сожительствъ и равняется тому, чего никогда апостолы не дѣлали: именно, какъ если бы апостолы и первая церковь считала язычниковъ—*супруговъ* послѣ крещенія вловъ „дѣвицею“ и „холостымъ“, а дѣтей, отъ нихъ рожденныхъ, „незаконно-рожденными“. В. Р.—*сѣ*.

¹⁾ Тонкій софизмъ: „чинъ брака“—выше описанъ, это—„супружество и дѣти“. Теперь бы слѣдовало говорить: „церковный чинъ благословенія на бракъ“, „напутствіе *въ* бракъ“. Но простоя потребность словосокращенія, какъ-бы писанія „т. е.“ вмѣсто „то-есть“, вызвала реченія: „чинъ брака“, „церковный чинъ брака“, откуда и пошла вся путаница. Пломба фабрики стала мѣшаться съ сукномъ фабрики, и на вопросъ: „дайте мнѣ кусокъ сукна“, покупателю начали давать пригоршню оловянныхъ шариковъ; на недоумѣніе отвѣчаютъ: „все—равно“, а при отказѣ взять это сокровище зовутъ полицію, составляютъ протоколъ и обвиняютъ протестанта 1) въ развратномъ желаніи имѣть сукно, 2) не признаваніи законной пломбы, 3) отрицаніи таинства и потрясеніи семьи. А сущность этой пломбы и заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ и имѣетъ цѣну и безъ семьи, а семья безъ пломбы—никакой цѣны не имѣетъ и даже есть преступленіе требовать для нея цѣны и оцѣнки. В. Р.—*сѣ*.

²⁾ Есть поговорка о „добрыхъ намѣреніяхъ“, что изъ нихъ гдѣ-то сдѣлана хорошая мостовая; то же можно сказать и вообще о всякихъ платоническихъ „благопожеланіяхъ“, если они не выразились въ соотвѣтственныхъ заботливыхъ законоположеніяхъ, на всѣ случаи жизни и разныя въ ней коллизіи. А этихъ-то законоположеній для супружества никогда и не было дано, кромѣ прописки въ одинъ паспортъ, да совѣта: „любви“. Тщетно Павла I мы считали-бы покорителемъ Италіи за то, что онъ Суворову, отправляющемуся противъ французовъ, сказалъ: „сынъ мой, изгони этихъ безбожниковъ изъ Италіи; впрочемъ помни, что ты христіанинъ, и не проливай много крови“. Слишкомъ кратко... В. Р.—*сѣ*.

³⁾ Ну, вотъ—сознались: что безъ развода—„потокъ прелюбодѣянія вторгается въ бракъ и нарушается честь семействъ“. Богословы наши—какъ сонные. Казалось-бы, послѣ такихъ словъ, для „огражденія чести

ловныя супружеской четы. И это вполне естественно: въ случаѣ прелюбодѣянія идея органическаго и взаимнаго соединенія, т. е. внутренняя святость супружескаго состоянія, пропала для мужа и жены, и въ смыслѣ христіанскомъ прелюбодѣяніе есть смерть брака. Святой союзъ, установленный Создателемъ, не можетъ быть расторгнутъ безъ грѣха человѣческаю волей.

Церковь требуетъ цѣломудрія и отъ супруговъ. Очевидно, что предъ современными намъ людьми надобно съ особенною рельефностью *выяснить*, что Церковь въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, даетъ *истинное понятіе и разумнѣе земныхъ формъ бытія*: величая святость *добровольнаго дѣвства*, исполненная радостей святость супружества, строгая святость вдовства ¹⁾— все это, объединяясь въ цѣломудріи, держится одно другимъ и взаимно одно съ другимъ вяжется. Такимъ образомъ, въ Законѣ Божіемъ, содержимомъ Церковію, дается истинное понятіе о вещахъ духовныхъ, управляющихъ порядкомъ нашей земной жизни: лишившіеся же духовнаго разумѣнія своими заблужденіями утрачиваютъ украшавшій жизнь человѣка вѣнецъ — *цѣломудріе*, подъ которымъ разумѣется не только чистота тѣлесная, но и чистота духа, ума и сердца, соблюденіе себя и отъ разговоровъ нескромныхъ и отъ взоровъ не чистыхъ, и отъ слышанія чего либо неприличнаго, храненіе въ чистотѣ всѣхъ чувствъ своихъ, самыхъ мыслей своихъ ²⁾.

семей и чистоты брака“ члены консисторій должны бы обхаживать улицы и дома и сами допрашивать, упрасивать: „не началось-ли въ дому прелюбодѣяніе“, и при первомъ намекѣ на него, совѣтовать: „разойдитесь, разведитесь: что же это за бракъ съ грязнотцею“. Но члены консисторій какъ бѣсъ ладана трепещуть развода, и прямо не отмынь словъ Спасителя о необходимости развода при прелюбодѣянїи, потребовали такихъ доказательствъ послѣдняго, избѣгая которыхъ (совершить совокупленіе на глазахъ двухъ постороннихъ людей) и мужъ всякое прелюбодѣяніе перетерпитъ отъ жены, и жена всякое распутство перетерпитъ отъ мужа. Но сонный богословъ, пробормотавъ о „потокѣ прелюбодѣянїи“, заснулъ и, перевернувшись на другой бокъ, бормочетъ черезъ станицу о „неразводимости, какъ охранѣ *святости* семейнаго союза“. В. Р—ва.

¹⁾ „Добрыя намѣренія“, которыми адъ вымощенъ. Ты дай и создай условия законодательныя и бытовыя, *созворяющія* все это. А то вѣдь и я могу счесть себя основателемъ идеальнаго духовенства. написавъ „въ сердцѣ своемъ“ или. пожалуй, и на бумагѣ: „какъ высокъ іерей, вѣчно обращенный мыслью къ Богу. Онъ ходитъ среди народа—какъ добрый пастырь среди овецъ; поутру спѣшитъ въ школу; послѣ обѣда — напутствовать умирающаго; къ вечеру—крестить; и все это безмездно, изъ чистаго благоволенія, со всѣхъ сторонъ вызывая слезы благодарности въ человечествѣ“. Не знаю, поблагодарили-ли бы іереи за такое благопожеланіе. возведенное въ юридическій уставъ. „Да мы издыхаемъ отъ труда и голода, и ничего этого не дѣлаемъ за физической невозможностью“, крикнули бы они сильно и грозно. Такъ и міръ кричитъ о „благопожеланїяхъ“ духовныхъ супружеству. В. Р—ва.

²⁾ Совсѣмъ заснулъ человѣкъ и несетъ неизвѣстно что. Но такимъ-то „несеніемъ“ наполнены на $\frac{3}{4}$, на $\frac{4}{5}$ всѣ въ розовыхъ и голубыхъ

Чѣмъ важнѣе законъ, тѣмъ *тщательнѣе* должно быть *примененіе* его, ибо всякая *небрежность* въ этомъ отношеніи вызываетъ у тѣхъ, кого законъ касается, ту мысль, что *легко можно и нарушить* его. А что обозначаютъ такъ участвовавшія въ наше время нарушенія супружеской вѣрности, временныя разлученія супруговъ и разводы? Супружеская жизнь—всегда ли это нынѣ жизнь супруговъ-христіанъ? У всѣхъ ли супруговъ она проводится по христіански—въ чистотѣ, воздержаніи и цѣломудріи, и незамѣнной другъ другу вѣрности? Какъ часто нынѣ слышатся то взаимныя измѣны, то разводы тутъ и тамъ,—какъ расходятся, едва успѣвши сочетаться, попирая такимъ образомъ святость брака, ни во что ставя обѣты, данныя предъ Богомъ и Его Церковію,—какъ разлучаются единственно изъ-за страсти къ другому лицу, изъ-за этой страсти бросая дѣтей, теряя стыдъ, совѣсть, дѣлая все это открыто, на соблазнъ другимъ, и въ то же время спокойно, какъ будто дѣло законное, часто побуждаемые къ этому ближайшими родственниками, чуть не всѣми извиняемые, оправдываемые подъ часъ самимъ судомъ¹⁾. Въ мірѣ ли христіанскомъ и еще православномъ этому быть? А между тѣмъ все это идетъ впередъ такими быстрыми шагами! Не показываетъ ли это, что есть какая-то причина, допускающая такое легкомысленное нару-

обложкахъ книжки и брошюрки „О христіанскомъ бракѣ“, „О христіанской семьѣ“, „О тайнѣ супружества“ etc. В. Р.—в.

¹⁾ Въ таблицѣ умноженія все отчетливо, и написавъ: „5×6=30“, не приходится стирать резиною написанное, но все *органическое* eo ipso не арифметично, и это выражается въ томъ, что оно *не предусматриво, не изгладимо, не доказуемо и совершается*, даже когда не можетъ себя оправдать. Тайна жизни выше тайны суда. Судимъ мы—раціонально; а жизнь имѣетъ корни событий въ себѣ—подъ судомъ, въ гатіо. Посему-то „арифметика о бракѣ“ и ломалась всегда, или ломала бракъ: здѣсь должны быть выработаны мудрѣйшіе *принципы*, или уже самая сложная, почти необозримо сложная сѣть правилъ, каждо—*годно* и каждо—*мѣстно* дополняемая новыми случаями и столкновеніями жизни, разобранными мудрѣйшими людьми. Какъ *принципъ* я дамъ: „бракъ *конченъ*—когда супружеское сожитіе окончилось безъ надеждъ или возможности возстановленія“; какъ сѣть правилъ, я дамъ: „супружество кончилось и формально расторгается, или и безъ расторженія одному изъ супруговъ дается другой, въ случаяхъ: 1) неизлечимой болѣзни, 2) сумасшествія, 3) бѣгства, 4) доказаннаго жительство жены въ дому холостого человека, 5) проституціи или обращенія къ ней, 6) хронической жестокости или грубости, продолжающейся болѣе года, 7) преступленія, лишающаго чести“, и проч. и проч. Такимъ образомъ законъ долженъ быть *кратокъ и общъ* (принципіаленъ) до почти сліянія съ отсутствіемъ закона, или чрезмѣрно подробенъ; долженъ походить или „на принципъ свободной торговли“, приведшій Англію послѣ Адама Смита къ промышленному процвѣтанію, или на „покровительственную систему“ гениальнаго Кольбера, приведшую къ такому-же процвѣтанію Францію. Но въ бракѣ Европы, во для христіанскаго супружества мы имѣемъ что-то похожее на „румынское законодательство“, не то списанное у римлянъ, не то у пыганъ; мы имѣемъ какъ-бы дѣтскіе принципы „обмѣна вещами Франциска Ассизскаго съ

шеніе таинства брака? Церковный чинъ послѣдняго такъ составленъ, что истовое исполненіе назидательныхъ молитвъ его и тщательное исполненіе знаменательныхъ дѣйствій его должно производить и на брачущихся, и на всѣхъ присутствующихъ при бракосочетаніи *неотразимое впечатлѣніе* того, что—это есть *тайна* ¹⁾, нарушить которую никто не можетъ и не долженъ осмѣливаться нарушить ее. Нѣтъ ли причины въ самихъ совершителяхъ этого таинства, въ ихъ небрежности, дозволяющей легкомысленно относиться и бракосочетающимся и присутствующимъ при бракѣ къ этому священному обряду ²⁾? Допуская возможность такихъ причинъ со стороны совершителей таинства, надо сказать, что самимъ пастырямъ уже никакъ нельзя допускать совершенія таинства скорого, небрежнаго,—одновременнаго вѣнчанія двухъ, трехъ и болѣе паръ,—одновременнаго совершенія бракосочетаній въ двухъ или трехъ предѣлахъ, ничѣмъ не отдѣленныхъ другъ отъ друга. Надо особенно заботиться о томъ, чтобы ничто не давало повода, со стороны совершителей таинства, присутствующимъ при бракахъ къ тому—прямо сказать—безобразному поведенію, которое мы вездѣ и всюду видимъ нынѣ. Это невозможное поведеніе присутствующихъ является одною изъ язвъ, вносящихъ болѣзненное поврежденіе въ тайну брака. Поведеніе присутствующихъ въ храмѣ, всегда благоговѣйное, въ этомъ одномъ случаѣ, при бракосочетаніяхъ, является нерѣдко невозможнымъ. Слишкомъ нескромное, даже безстыдное разглядываніе и оглядываніе присутствующими жениха и невѣсты, громкіе разго-

Фомою Кемпійскимъ“, принятыя въ таможенный уставъ, морской и сухопутный, цѣлаго европейскаго континента. Таковы-то суть перешедшія въ „Кормчую“ „правила Василія Великаго о супружествѣ“,—правила прежде всего никогда не жившаго въ супружествѣ и супружества никогда не наблюдавшаго человѣка, самая суть жизни и добродѣтелей котораго заключалась въ воздержаніи отъ супружества. Могъ-ли бы Кольберъ, хоть онъ имѣлъ и гениальный умъ, написать правила „охоты на бизонов“, а Соколинъ Глазъ, воспѣтый Куперомъ, хотя онъ тоже имѣлъ гениальный глазъ, могъ ли бы предначертать и обусловить для Франціи производство гобеленовъ и фарфора? В. Р—въ.

¹⁾ Да вѣдь выше „тайной“—то было вовсе не это. Но теперь авторъ перевернулся на другой бокъ, и мы невольно должны выслушать и разобрать вторую линію его бреда. Авторъ въ „чинѣ“ написалъ невозможное задание: „покори Италію, не проливая крови“; но по его мнѣнію произносить это такъ *выразительно*, что всѣ должны быть растроганы и, такъ сказать, Италія не можетъ не пасть въ руки Суворова,—не смѣетъ не пасть“, добавляетъ повелитель. Перемѣняя методъ критики, мы спросимъ: „ну, а что, если Италія не покоряется, супруги—разъѣзжаются и послѣ вѣнчанія, то стало быть магической-то силы въ словахъ его и не содержится?“ Вы говорите о микстурѣ: „должна подѣйствовать“; но я отвѣчу: „если однако не дѣйствуетъ—то стало быть и не могла подѣйствовать, не содержитъ въ себѣ силы“. В. Р—въ.

²⁾ Воспользуемся обмолвкой автора, что это *священный обрядъ*, что не одно и то же съ *таинствомъ*. В. Р—въ.

воры, нескромные шутки, смѣхъ и т. п. не дають часто бракосочетающимся никакой возможности сосредоточиться въ молитвѣ и съ полною вѣрою и надлежащимъ благоговѣніемъ принять благодать святаго таинства 1). А нерѣдко можно видѣть, какъ—подъ вліяніемъ такого общаго настроенія—и сами брачующіеся начинаютъ вести себя такъ же недостойно, какъ и присутствующіе, и—можно сказать—посмѣваются надъ благодатію таинства. Богъ же поругаемъ не бываетъ: не *здесь* ли кроется причина, такъ называемыхъ, *несчастныхъ браковъ* 2), особенно участвовавшихъ въ наше время? И не надобно ли позаботиться обставить совершеніе таинства брака полнымъ благоговѣніемъ и со стороны брачующихся, и со стороны присутствующихъ 3) при бракосочетаніяхъ?

1) Выше было „священный обрядъ“, а здѣсь „пріятіе благодати святаго таинства“. Авторъ стучитъ какъ костяшками на счетахъ словами „обрядъ“ и „таинство“ и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ внимательно считаетъ на счетахъ, чѣмъ пишетъ богословско-публицистическое расужденіе. Но авторъ долженъ-бы привести, однако конечно не можетъ привести ни изъ одного компетентнаго богословскаго труда доказательство, что *въ вѣнчаніи происходитъ низвожденіе благодати на брачующихся*. Ни въ *Кормчей*, ни въ *Катехизисѣ*, ни въ догматическихъ и историческихъ трудахъ объ этомъ нѣтъ ни слова,—и вѣнчаніе есть въ точности только *обрядъ* и нисколько не *таинство*. В. Р.—*св.*

2) Вотъ куда захалъ? Хотите ли вы счастья молодымъ вашимъ дѣтямъ, вступающимъ въ бракъ? Отыщите истово служащій клиръ. Но авторъ можетъ быть слыхалъ, что и у князей, даже у королей, у вельможъ и наконецъ у самаго даже духовенства браки бывають иногда не вовсе счастливы, а совершеніе-то обряда для нихъ ужъ вѣрно было „истово“. Да и какъ-то странно представить себѣ мужа и жену, въ разгаръ острой ссоры, вдругъ застывшими на мѣстѣ при воспоминаніи: „дорогой мой, помнишь-ли, какъ 15 лѣтъ назадъ я текла въ прозрачной фатѣ въ храмъ и хоръ грянулъ: *гряди, гряди, невѣста моя*—и еще такъ альти залились: Я плачу! а ты? И можно-ли послѣ этого ревновать, сердиться за побой или не перенести пьянства?! Все тебѣ прощамъ, и любовницу, и выдраную косу“. Нельзя себѣ этого представить, и я ни разу въ жизни не встрѣчалъ не то что умиленнаго, а хоть и какого-нибудь воспоминанія объ обрядѣ супруговъ. Онъ забывается какъ *впечатлѣніе* на другой-же день послѣ него. В. Р.—*св.*

3) Всего бы лучше сдѣлать торжественнымъ какъ похороны. Ибо торжественности въ сторону *радости, восхищенія, восторга, свѣтло-тѣлеснаго*,—самаго *метода* на это нѣтъ и едва-ли можетъ быть въ линіи духовнаго скопчества. Но конечно брако-сочетаніе могло-бы стать истинно упоительнымъ въ линіи видѣній *Апокалипсиса*, какъ и *Книги Бытія* и вообще *Ветхаго Завета*, даже въ линіи преданій вливно-римскихъ. Попробуемъ нѣчто предположить. Очевидно, что въ церемоніаль бракосочетанія должны быть введены идеи: 1) чистаго тѣла, 2) дѣтей, 3) дома и хозяйства. Послѣдняя часть наиболѣе отдаленная, но тоже важна: сюда можетъ входить торжественная передача ключей отъ *дома* жениха—невѣстѣ: ибо она входитъ *хозяйкою* въ него, становится *домоправительницею*. Съ ключами ей могутъ быть переданы и символы постоянныхъ составныхъ частей хозяйства: напр. маленькая модель дома и сада, хлѣбъ и сосудъ съ виномъ или водой. Идея *дѣтей* и плодородія можетъ быть выражена черезъ кисть винограда, черезъ осыпаніе хмѣлемъ или вкушеніе какого нибудь плода.

Указавши причины, вносящія поврежденіе въ тайну брака при самомъ совершеніи этой тайны, нельзя обойти молчаніемъ и *причины, повреждающей законъ о ненарушимости брака послѣ заключенія его*: это извѣстная пастырямъ статья узаконенія нашего, требующая записывать дѣтей законными, хотя бы всѣмъ извѣстно было о незаконномъ происхожденіи дѣтей ¹⁾).

Законъ можетъ по существу быть и благотворенъ; но онъ

Далѣе, омовеніе или помазаніе персей невесты и чрева ея, съ молитвою объ обильномъ чадородіи и безболѣзненномъ кормленіи дѣтей, должно-бы тоже войти въ церемоніаль. Идея *чистаго тѣла* есть главное, и она должна выразиться въ полномъ тѣлесномъ омовеніи, черезъ погруженіе въ освященную воду, нѣчто въ родѣ цѣлительной Силоамской купели, какъ одного, такъ и другой. Въ древнее время вѣнчаніе совершалось послѣ литургіи сейчасъ, а на литургіи этой новобрачные причащались; такимъ образомъ вѣнчаніе сливалось съ таинствомъ евхаристіи. Это было глубоко и мудро. Вотъ, говоря о проведеніи идеи чистоты тѣлесной, я и хотѣлъ-бы, чтобы въ вѣнчаніе былъ введенъ обрядъ погруженія въ воду,—наединѣ священникомъ, для этой цѣли престарѣлымъ, сперва жениха и потомъ невесты, порознь и отдѣльно, въ особо построенномъ шатрѣ, за занавѣсами, въ бассейнѣ воды освященной, въ родѣ крестильной купели, но безъ крестильнаго значенія. Далѣе, съ принятіемъ монашества—имена мѣняются; собственно, новозавѣтный идеаль есть дѣвство; а съ суружествомъ мы переходимъ въ ветхій завѣтъ, и было бы праведно и поэтично въ вѣнчаніи на мѣсто прежнихъ именъ,—обыкновенно въ память мучениковъ и страдальцевъ новозавѣтныхъ,—получать сочетающимся имена или библейскія, или древнеславянскія, первобытныя, или, такъ какъ они входятъ съ бракомъ въ природу, получать въ собственныя и личныя имена названія существъ природныхъ, братьевъ и сестеръ своихъ, особенно напр. цвѣтовъ. Также могутъ брать имена и эллинскія и римскія. Черезъ это духовный горизонтъ нашъ расширился-бы и вообразилъ-бы въ себя, на сестринскомъ и братскомъ правѣ, міръ библейскій и славянскій и греко-римскій и наконецъ природный. Я это накидываю наскоро, подумавъ всего минуту; а подумавъ годы—можно соткать чудное одѣяніе, звѣздное и растительное, въ церемонію браку. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть непремѣнно на дому,—ибо и домъ есть храмъ, да и не только обряды, но и таинства, какъ причащеніе и крещеніе, могутъ совершаться на дому; но чтобы обрядъ вѣнчанія перешелъ въ таинство *брако-сочетанія*, конечно въ него должно быть введено то, что служитъ фундаментомъ для него въ Словѣ Божіемъ. Вообще таинство брака, будучи тайною крови и сѣмени, должно включать ихъ сляніе; а въ ритуалахъ и пѣснопѣніяхъ должно отразиться постиженіе или догадка или приближеніе къ ихъ мистицизму. В. Р.—г.

¹⁾ Это очень милый законъ: на имя *отца* записываются дѣти отъ него и отъ любовниковъ, сколько бы объ этомъ ни свидѣтельствовалъ мужъ, любовникъ и обоихъ ихъ жена, и хотя бы объ этомъ очень хорошо знали священникъ. Но признавъ по этимъ законамъ полиандрію, мы почему-то попятились назадъ передъ полигаміей:—мужъ не можетъ записать себѣ дѣтьми дѣтей отъ любовницъ; и *égalité*, и *fraternité* нарушено. Оставляя шутки, можно назвать серьезно теперешнія метрики просто амбаромъ фальшивыхъ документовъ: ибо хотя тамъ много и истинныхъ, но какъ они не отличимы отъ безспорно ложныхъ, то приходится компактно всѣ ихъ признать не достовѣрными. Въ виду этого семьянинамъ, и всего лучше матерямъ

можетъ бездѣйствовать почему либо и не приносить благотворныхъ послѣдствій. Законъ будетъ благотворенъ тогда, когда онъ можетъ быть *примѣненъ* безъ всякаго *препятствія* съ какой либо стороны: иначе—потребно законодательное измѣненіе его. Такъ и относительно брака: здѣсь есть статьи узаконеній, которыя поставляютъ совершителей таинства въ полную невозможность совершить его. Это—узаконенія о тѣхъ документахъ, какіе священники обязаны требовать отъ имѣющихъ вступить въ бракъ, какъ-то: свѣдѣнія объ окликахъ,—часто, особенно здѣсь въ столицѣ, ничего не доказывающія, и при современномъ положеніи этого дѣла имѣющія характеръ полной бессмыслицы; паспортная система, при которой въ паспортахъ не бываетъ точнаго указанія о томъ: холостъ или вдовъ и т. п., что весьма часто поставляетъ священниковъ въ большое затрудненіе. Эти статьи требуютъ законодательнаго измѣненія, слѣдовательно и ходатайства объ этомъ со стороны пастырей, которые должны указать кому слѣдуетъ, что исполненіе пми статьи, напр., объ окликахъ подвергаетъ ихъ отвѣтственности, а отказъ—кого либо повѣнчать безъ окликовъ—весьма часто является *прямымъ* поводомъ къ сожителству безъ церковнаго вѣнчанія, т. е. эта статья закона невольно служитъ поводомъ къ распространенію незаконныхъ сожителствъ. При томъ же—эта статья узаконенія не есть ли *привнесенная* въ наше законодательство отъ инуду, но не *вызванная* самимъ *бытомъ* нашего народа.

Затѣмъ есть законодательныя *статьи*, прямо таки *препятствующія* вступать въ бракосочетаніе *людямъ, достигшимъ полной физической зрѣлости*, и этимъ прямо натакаивающія ихъ на незаконныя сожителства: разумѣемъ законъ о военныхъ ¹⁾, т. е. законъ о срокѣ вступленія въ бракъ не ранѣе полученія извѣстнаго оклада содержанія, т. е. на самомъ дѣлѣ—не ранѣе послѣдняго періода возмужалости. Требуется настойчивое заявленіе со стороны пастырей объ *отмѣнѣ* этого закона или же объ *измѣненіи* его, при чемъ слѣдуетъ тщательно обсудить, у кого больше будетъ усердія къ службѣ, мужеству и рѣшимости на войнѣ: у

семейства, съ абсолютностью знающимъ, чьего ребенка носить она въ чревѣ, завести *домовныя родовыя записи*, всего лучше на поляхъ Домашней Библии, предоставивъ консисторіямъ и причтамъ писать, что и какъ они находятъ нужнымъ. Ибо нельзя же мірянамъ не знать своихъ дѣтей достоверно, а теперь достоверно нельзя ихъ знать. В. Р—въ.

¹⁾ По сему закону офицерамъ вовсе запрещено вступать въ бракъ ранѣе 23 лѣтъ, съ ограниченіями до 28 лѣтъ,—а проектомъ новаго закона предполагается запретить имъ вступленіе въ бракъ до полученія такой должности и чина, по которымъ они могутъ получать содержаніе въ нѣсколько тысячъ и достиженіе которыхъ возможно лишь послѣ 30-лѣтняго возраста,—и то не для всѣхъ“. Примѣчаніе А. Дернова.

семейнаго или же у холостаго?—Не для своихъ ли семействъ трудятся отцы, не за нихъ ли умирають они на поляхъ брани ¹⁾).

¹⁾ Тутъ слѣдуетъ поступить такъ, какъ католическая церковь съ духовенствомъ. Для удобствъ службы, связанной съ необходимостью всегда быть готовымъ пойти въ другое мѣсто, въ миссію и проч., священники католическіе безъ-семейны, но не безъ-брачны: конкубинатъ имъ разрѣшенъ и нѣкоторые соборы, какъ Констанскій и Тридентскій, занимались обсужденіемъ числа дозволенныхъ конкубинъ. Причемъ, какъ идея конкубината включена въ ученіе и практику церкви, незаконнорожденность не составляетъ позора, и преступленія дѣтубиства не происходитъ. Но, конечно, это несовершенно, и римская идея конкубината должна замѣниться у насъ идеей жены: молодость, сила и красота военнаго сословія, не только въ офицерской, но и въ солдатской части, совершенно обезпечиваютъ за ними, при множествѣ теперешнихъ безъ-мужнихъ вдовъ и безъ-мужнихъ зрѣлыхъ дѣвицъ, исполненіе словъ пророка Исаіа: „и увчатся семь женщинъ за одного мужчину въ тотъ день и скажутъ: *свой хлѣбъ будемъ ѣсть и свою одежду будемъ носить*“, т. е. дѣвства, бездѣтности (Исаія, гл. 4 ст. 1). И такъ, долженъ быть установленъ *матернатъ* въ странѣ, параллельный и равно-законный съ *патернатомъ*: гдѣ есть *mater familias*, во всемъ равная *pater familias*. Ея дѣти, отъ офицера или солдата, всѣ носятъ фамицію матери и знаютъ имя и фамицію отца (дабы вспоминать его въ молитвахъ), но только отецъ никакиихъ обязанностей передъ ними и ихъ матерью не несетъ, какъ и никакими-же правами—кромѣ поминаенія и уваженія—не пользуется. Нѣтъ сомнѣній, множество такихъ семей перейдутъ въ полныя отцово-материнскія семьи, теперешняго тина, къ которымъ отцы привяжутся и, не оставляя имъ своего имени, останутся въ нихъ своимъ присутствіемъ. Другія пойдутъ по типу теперешняго вдовства—состоянія совершенно чистаго и невозбраннаго. Но какъ проституціи, такъ и безшабашнаго связыванья себя съ прислугою или кафе-шантанными пѣвчицами—не будетъ: ибо кто же, находящійся въ возможности имѣть женою себѣ чистую и изъ чистаго семейства дѣвушку, или богатую вдову, обратится къ торговой любви? Вопросъ съ пришлымъ рабочимъ населеніемъ, фабричнымъ, мастеровымъ, извознымъ разрѣшается-же удобно черезъ матернатъ. Я зналъ въ городѣ Е. богатаго протоіерея, у котораго былъ домъ и шесть дочерей: никто имъ не сдѣлалъ предложенія, ибо ¹/₆ часть отцовскаго имущества уже не составляла достаточнаго приданнаго. И вотъ бывало вечеромъ, въ лѣтній день, какая тоска была видѣть, какъ по-двѣ, по-три и въ одиночку онѣ выходятъ въ калитку, чтобы итти на бульваръ. Всѣ онѣ стали озлобленными нигилистками, а отецъ ихъ (очень умный, просвѣщенный, хорошій эллинистъ и латинистъ) былъ угрюмъ и не любилъ своего сословія, выражаясь о немъ грубо и презрительно. Но у дѣвушекъ этихъ, теперь около 30 лѣтъ, были свои 16—17 лѣтъ, когда онѣ были привлекательны: никто ихъ не полюбилъ настолько, чтобы принять на себя ту „бочку Данаидъ“ обязанностей, какову мужъ долженъ теперь принять, и между ними самая страшная: всю жизнь пролюбить только эту сѣренькую, безцвѣтную дѣвушку, не умную и не глущую. Явно, что положеніе это только и находить исходъ въ матернатъ: юноша 17 лѣтъ, или молодой офицеръ могъ имѣть съ нею романъ года на 2—6, она могла получить 2—3 дѣтей; и не вадыхая объ ушедшемъ, какъ-бы умершемъ, мужѣ, согрѣтъ жизнь старика—отца двумя внуками, которые не объѣли бы его, да и онъ не былъ вовсе скупъ. Такимъ образомъ жизнь осмысливалась бы: 1) у дѣда, 2) его

подобно тому, какъ матери бросаются въ огонь и въ воду для спасенія своего дитяти ¹⁾ отъ гибели?

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на тѣ *причины, по которымъ* многіе молодые люди *уклоняются нынѣ отъ вступленія въ бракъ*, признавая въ то же время его важность и святость. Однѣ изъ нихъ *дѣйствительныя*, а другія *мнимыя*,—но тѣ и другія невольно иногда приводятъ таковыхъ людей, удерживающихся отъ исполненія закона, къ незаконнымъ сожительствамъ.

Одна изъ таковыхъ причинъ — социальная и экономическая: невозможность прилично содержать семейство и дороговизна воспитанія дѣтей ²⁾. Эта причина дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

Какъ измѣнить экономическія условія—это, конечно, не въ сферѣ пастырскаго вліянія.

Другія отговорки отъ вступленія въ бракъ: „нелюбовь къ семейнымъ непріятностямъ и заботамъ, къ уходу за больными, къ крикамъ дѣтей“, и проч.—*выказывающія* таковыхъ людей полными *эгоистами*,—или „указаніе на трудность найти себѣ хорошую жену“, выборъ которой похожъ будто бы „на лотерею—безъ надежды получить выигрышъ“ ³⁾, отзывающееся *полнымъ*

дочери, 3) сопровождалась-бы бытіемъ двухъ дѣтей, 4) очистила-бы, избавивъ отъ грязи, половую жизнь юноши или офицера на два года. Если-бы этотъ отецъ каждой своей дочери позволялъ имѣть двоихъ дѣтей—домъ его, деревянный, двухъ-этажный, съ большимъ садомъ, расцвѣлъ бы двѣнадцатью дѣтьми: и его дочери изъ нигилистокъ-одиночекъ сдѣлались-бы тихими и уже невольно трудолюбивыми матерями. В. Р—ст.

¹⁾ То-то вотъ. Каково же имъ убивать дѣтей своихъ, къ чему вы такъ явно гоните ихъ самою темою своего доклада. В. Р—ст.

²⁾ Матернатъ, при богатствѣ множества зрѣлыхъ и переарѣлыхъ дѣвъ и вдовъ, есть первое разрѣшеніе экономическаго вопроса въ бракѣ. Богатство дѣвъ и вдовъ теперь идетъ на умозрачительныя наряды, косметику, заграничныя путешествія, выѣзды и подарки опернымъ пѣвцамъ: тогда бы оно шло на своихъ дѣтей. Вообще тогда жизнь и ея тонъ стали бы скромнѣе и трудолюбивѣе. Второй столбъ разрѣшенія экономическаго вопроса—въ упраздненіи понятія незаконнорожденныхъ дѣтей: тогда богачи, и теперь все равно не выдерживающіе типа моногаміи, подобрали-бы себѣ сиротъ-дѣвушекъ, сгруппировали ихъ вокругъ себя. Вообще въ законодательство о бракѣ должна быть вобрана и внимательно разработана идея дѣвушки: 1) сироты, 2) бѣдной, 3) некрасивой, 4) даже уродливой, 5) слабого здоровья,—каковыя всѣ у мудраго законодателя должны получить дѣтей, ибо такова о нихъ мысль Божія, вложенная въ ихъ организмъ. В. Р—ст.

³⁾ Всѣ эти строки вполне основательны: отсутствіе развода по волѣ мужа повело къ чудовищнымъ правамъ, снявъ всякую узду съ женщинъ; ужъ если *законно* она можетъ уйти отъ мужа, поселиться въ домѣ любовника и дѣтей отъ него записывать на имя мужа, то чего-же стѣсняться! „Carte blanche“ на всякое поведеніе дана имъ, и во всѣхъ случаяхъ, когда мужъ не умѣетъ держать арачника въ рукахъ—ей рѣшительно бояться нечего. При полной свободѣ развода—ни одного холостого мужчины не осталось-бы. В. Р—ст.

легкомысліемъ и несправедливостью ¹⁾),—указываютъ только на стремленіе найти какое либо оправданіе для своей безпорядочной жизни, которая несомнѣнно и вліяетъ на нарушеніе супружеской вѣрности и на появленіе ужасающей массы незаконнорожденныхъ.

Оффиціальная статистика послѣднихъ показываетъ, что приблизительно одна треть зарегистрированныхъ рожденій всего петербургскаго народонаселенія есть рожденія *незаконнорожденныя* ²⁾, и притомъ въ большинствѣ, что и ужасно, православныхъ матерей ³⁾, и это соотношеніе остается неизмѣннымъ и при увеличеніи народонаселенія. Но при этомъ нужно замѣтить, что эти статистическія данныя не *составляютъ вѣрнаго* показанія числа незаконныхъ сожителъствъ и преступныхъ связей, ибо никакъ нельзя зарегистрировать связей холостыхъ людей съ замужними, при коихъ, какъ было сказано выше, родившіяся дѣти показываются законнородившимися,—также принять надобно во вниманіе массу подкидышей, загубленныхъ и задушенныхъ ⁴⁾ при самомъ рожденіи младенцевъ и вытравленныхъ зародышей, а также и то, что не всѣ незаконныя связи имѣютъ результатомъ рожденіе или зачатіе: и мы можемъ приблизительно представить себѣ *ужасающую массу* незаконныхъ сожителъствъ и слабость показаній статистики.

¹⁾ Несправедливость и легкомысліе—только въ вашихъ, батюшка, сужденіяхъ. В. Р—ва.

²⁾ Прелестно! Аскетическій „виноградаръ“ брака и не замѣчаетъ, каково его хозяйство, или каковъ онъ хозяинъ, если одну треть ягодъ находить дѣйствительно или объявляетъ испорченною и не только срываетъ съ вѣтви, но и выбрасываетъ вонъ за заборъ виноградника. Вспоминаются слова притчи: „ . . . ты жестокій человѣкъ, берешь—*цело не клалъ*“, и жнешь, чего не сѣялъ“. Аскетъ дѣтей не „сѣялъ“ и „жнетъ“ ихъ безстрастно, рѣшая: „треть всѣхъ отнять у матерей, или даже у матерей и отцовъ, и объявить, какъ незнаемо отъ кого родившіяся—лежащими вѣтъ насажденнаго мною скопческаго виноградника“. В. Р—ва.

³⁾ Конечно, онъ не болѣе страстенъ, чѣмъ не православныя: но законъ у инославныхъ покрываетъ, такъ сказать зачерпываетъ въ ковшъ свой полную жемской и мужской страстности и бережно выноситъ на берегъ весь плодъ ея, сумму всѣхъ рожденныхъ дѣтей. Такъ въ чужихъ худыхъ вѣрахахъ, у жидовъ, татаръ и даже частью у лютеранъ; у насъ-же, православныхъ, ковшъ идетъ бокомъ въ озеро страстности, отдуваетъ въ сторону и комаровъ и верблюдовъ, и поднимаясь какъ можно быстрее съ горсточкой воды кверху, говоритъ: „вотъ эти скопческія дѣти суть плодъ цѣломудрія, а оставшееся внизу озеро—есть блудъ: выплесните его за ограду монахъ владѣній“. В. Р—ва.

⁴⁾ И все пишеть спокойно священникъ!! Въ „Жизни европейскихъ народовъ“ Водовозовой я читаль, что въ Альпахъ водится каменный баранъ: гонимый охотникомъ, волками или орломъ, онъ съ страшной высоты бросается въ пропасть—и, падая прямо на рога, иногда подскакиваетъ отъ упругости ихъ кверху сажени на 2 въ воздухъ, оставаясь живъ, а рога не сломаны. Вотъ такіе рога вырастаютъ иногда у богослововъ къ ихъ благополучію: и тогда имъ ничего не страшно. В. Р—ва.

Невольно напрашивается вопросъ: нѣтъ ли причины этого зла болѣе основной, болѣе существенной, чѣмъ всѣ вышеприведенныя, которыя обусловливаются сами, можетъ быть, ею?

Отвѣтомъ на это служатъ слова: *необузданная страсть* ¹⁾ къ плотскимъ наслажденіямъ ²⁾.

А причины этой страсти весьма многообразны.

Прежде всего люди могутъ впадать въ такую страсть, нарушать законъ, вслѣдствіе полного *невѣдѣнія* или непониманія закона, поставленнаго для управленія порядкомъ жизни человѣческой, земной, т. е. такъ будучи воспитаны: при полномъ невѣдѣніи ³⁾ закона.

Какъ это ни странно, но приходится сознаться, что мы—законоучители—являемся въ странномъ положеніи по отношенію къ этому именно вопросу.

Въ большинствѣ учебныхъ заведеній администрація ихъ зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы седьмая заповѣдь и все, относящееся къ ней, совершенно игнорировались законоучителемъ, совершенно замалчивались,—чтобы законоучитель не читалъ тѣхъ мѣстъ евангелія, которыя говорятъ о чемъ либо подобномъ,—чтобы на богослуженіи не читалъ евангелія, напр. на Богородичные праздники и т. п. Ригоризмъ доходитъ до того, что администраторы выкидываютъ слова и выраженія изъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ, чтобы, говоря, не осквернить дѣтскаго слуха и не навести дѣтей на какія либо нецѣломудренныя мысли ⁴⁾. И растутъ дѣти, не слыша живого, разумнаго, авторитетнаго слова о томъ, что составляетъ законъ человѣческой жизни, первые проблески котораго обнаруживаются еще въ раннемъ дѣтствѣ проявленіями

¹⁾ Вотъ я и ждалъ этого слова. Гдѣ-же исходное заявленіе доклада: „этотъ законъ природы проявляется и дѣйствуетъ неизбѣжно во всякомъ чловѣкѣ, достигшемъ физической зрѣлости. Вліянію его равно подлежатъ жизнь юноши и дѣвицы. Законъ этотъ установленъ и освященъ Самимъ Богомъ и по существу своему составляетъ великую тайну? Но—что невозможно для охотника, возможно для каменнаго барана“. В. Р—съ.

²⁾ Замѣтимъ слѣдующее: „страсть къ плотскимъ наслажденіямъ“ приводитъ въ домъ терпимости; да и тогда зачѣмъ выборъ *этой одной* или *этого одного*? Притомъ „наслаждаться“ можно и съ мужемъ, а авторъ говорить о связяхъ между прочимъ замужнихъ женщинъ съ холостыми. Явно, что „связи“ суть полныя браки, живые и цѣльные, или выросшіе въ сгнившемъ дуллѣ стараго брака (связь замужней или женатаго), или просто въ сторонѣ скопческаго огорода (связь дѣвицы, положимъ, съ офицеромъ). Во всякомъ случаѣ, поразительное свидѣтельство нашей „статистической“ тупости, что не отмѣчены и не классифицированы въ категоріи виды, формы и мотивы „сожительствъ“. В. Р—съ.

³⁾ Да нечего его и „вѣдать“, а достаточно чувствовать въ крови и костяхъ своихъ: этому чувству всѣ и повинуются. В. Р—съ.

⁴⁾ Что у аскетовъ было „грѣхъ и беззаконіе“, то при исцеленномъ аскетизмѣ осталось какъ „неприличіе“. Но мѣсто „неприличія“ точно совпадаетъ съ мѣстомъ бывшаго „грѣха“, и такимъ образомъ вина всего

стыдливости, а съ отчетливою ясностью онъ проявляется въ періодъ ранней юности; и получаютъ дѣти всѣ свѣдѣнія касательно этого закона—изъ нечистаго источника и являются сами съ нечистымъ воображеніемъ, распаляющимъ плотскую страсть и похоть, безъ всякой нравственной узды ¹⁾.

Является крайняя необходимость предъ учащимися наименовать, какъ говорить катихизисъ, нѣкоторые грѣхи для предохраненія отъ нихъ, и дать *здравья понятія* для юншества, вступающаго въ жизнь, объ условіяхъ правильнаго отправленія того закона, который является самымъ важнымъ закономъ въ порядкѣ земной жизни человечества ²⁾.

Иначе, по выходѣ изъ школы, юншество, не утвержденное отеческими наставленіями законоучителя ³⁾, потерпитъ очень много опасностей въ нравственномъ отношеніи. Каждый юноша, въ возрастѣ между періодами наступленія зрѣлости и возмужалости, предоставленный самому себѣ, неминуемо встрѣчается въ жизни, при современныхъ ея условіяхъ, съ самыми разнообразными искушеніями,—при этомъ наиболѣе серьезную опасность представляетъ для него область половыхъ отношеній, въ которой онъ при искушеніяхъ оказывается безпомощнымъ. И, при установившихся обычаяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ,—когда законоучителю не дозволяютъ обмолвиться и однимъ какимъ либо сло-

дѣла, даже въ нашъ атеистическій вѣкъ, все же лежитъ на аскетизмѣ. И дѣтубійство—отъ него, и страхъ узаконить „не-легальныя“ связи: всѣмъ кажется невозможнымъ нарушить приличіе; но эта пустота сегоднешнихъ „приличій“ имѣетъ подъ собой религію вчерашняго дня, когда казалось невозможнымъ помириться съ грѣхомъ. В. Р.—*сз.*

¹⁾ Едва-ли бы учитель или и законоучитель скопческаго духа и направленія сумѣлъ отроковъ и юношей научить „закону“: равнинъ это сумѣть, и сумѣть мулла, и, вѣрно, дѣлають. Но Дерновъ запутался-бы въ расѣ, упалъ на страшные свои рога, и начавъ съ „закона Божія, закона природы“, кончилъ бы: „а вы грѣха бойтесь, на картинки не смотрите, музыки не слушайте: а читайте на каждый день изъ *Мисси* по два житія: и тѣмъ исполните законъ Божій, выраженный въ Синайскомъ законодательствѣ черезъ заповѣдь: не прелюбодѣйствуй“. Словомъ—онъ бракъ свелъ бы къ безбрачію, „законъ Божій“—къ воздержанію, а чадородіе и силы пола—выкинулъ бы какъ „разженіе страстей“. Вѣдь по этому плану и лишь растянута написаны рѣшительно всѣ книжки „О христіанскомъ бракѣ“. *Тезисъ*: „бракъ благословенъ Богомъ“. *Антитезисъ*: „дѣвство поставлено выше Сыномъ Божиимъ“. *Синтезисъ*: „ты—воздерживайся, иначе подлежишь гееннѣ огненной“. В. Р.—*сз.*

²⁾ Законы—не для „пониманія“, а для „исполненія“; и (см. выше) при достиженіи отрокомъ лѣтъ зрѣлости ему должна быть дана дѣвица, а дѣвицѣ при достиженіи таковыхъ же лѣтъ зрѣлости долженъ быть данъ юноша. Вотъ—и все. И тема Дернова—кончена. В. Р.—*сз.*

³⁾ Да „утвердить“—то можно только операціей оскотченія. А то у меня волосы растутъ, а Дерновъ станетъ мнѣ говорить, что не должны расти: неужели они отъ этого не выростутъ? В. Р.—*сз.*

вомъ объ основномъ законѣ ¹⁾, лицемерно предполагая, что законоучитель чрезъ это научить учащихся безнравственности, громадное большинство нашей молодежи будетъ обречено всеміи скорбнымъ послѣдствіямъ собственнаго невѣдѣнія, случайнаго увлеченія и пр. и на всю жизнь можетъ остаться нарушителемъ закона, вовсе и не подозревая, что оно ведетъ жизнь беззаконную.

А въ самой средѣ учащихся сколько есть противоестественныхъ нарушенийъ нравственности, именно по невѣдѣнію дѣтьми, что они творятъ, или что съ ними творятъ? А законоучитель лишенъ возможности отечески разъяснить всему учащемуся юношеству основное условіе закона или заповѣди, воспитатели же лицемерно стыдятся говорить что либо о таковыхъ вещахъ.

Весьма полезнымъ будетъ, если особая конференція законоучителей, или же и все настоящее собраніе пастырей тщательно обсудить этотъ вопросъ и выработаетъ ясныя указанія, какъ тактичнѣе всего дѣйствовать законоучителю въ этомъ отношеніи ²⁾. А пастырски и отечески дѣйствовать тутъ крайне необходимо, ибо гибельныя послѣдствія невѣдѣнія всей серьезности и христіанскаго существа этого закона явны для всѣхъ, кто поближе стоитъ къ учащейся средѣ.

Тѣмъ болѣе это является необходимымъ, если мы рассмотримъ ту широкую область причинъ, вслѣдствіе коихъ *основой законъ* въ порядкѣ земной жизни человѣчества *отрицается на практикѣ*. И это отрицаніе нынѣ начинается едва ли не въ дѣтскомъ возрастѣ, причиною чего является педагогическое развитіе чувственности, являющейся основою для растлѣнія духовнаго. Родители и воспитатели своими ошибочными приемами или неправильными воззрѣніями нерѣдко прямо-таки приводятъ дѣтей къ нарушенію закона ³⁾, а затѣмъ и къ отрицанію, а иногда и къ полному извращенію, — до болѣзненности.

Насколько родителямъ и воспитателямъ надобно внимательно относиться въ дѣлѣ воспитанія именно къ этому основному за-

¹⁾ Ничего вы не скажете, кромѣ дѣвства, „потерпите“ и проч. Невозможно стало вамъ говорить, а потому и васъ нечего стало слушать. Трудно сказать, какъ это разрѣшить, я думаю—черезъ взаимно-совѣтованіе педагога, доктора и родителей, скорѣй всего съ полнымъ устраненіемъ несчастнаго, потерявшаго свою науку „законо“-учителя. В. Р—ва.

²⁾ Ничего. Не умѣете дѣйствовать. И въдѣ „конференція“, слушателей ничево-хонько не отвѣтила докладчику своему. Одинъ глаголъ остался: „потерпи, юноша! потерпи, дѣвица!“ Но въдѣ это есть отмѣна закона Божія и природнаго. В. Р—ва.

³⁾ Да *какого* закона? Только закона дѣвства? Такъ онъ не *выдренъ* въ человѣка, а навязанъ ему какъ „заповѣдь новая“ и древній законъ отмѣтающая. Оттого и запираютъ подѣ замокъ въ „общегитіяхъ“ прившихъ эту новую заповѣдь. Да и замки не удерживаютъ, и трупы младенцевъ вытаскиваются изъ рѣчекъ, колодезь и помойныхъ ямъ близости „обителей“. Объ этомъ есть и въ житіяхъ. В. Р—ва.

кону въ порядкѣ земной жизни человѣчества,—видно изъ указаній врачебной науки на то, что „не смотря на всѣ средства для обуздания чувственныхъ страстей, которыя культурному человѣку даетъ религія, воспитаніе и нравственность, послѣднему всегда грозитъ опасность упасть съ лучезарной высоты чистой и плѣмудренной любви въ пучину низменной похоти“.

Чтобы удержаться на этой высотѣ, требуется постоянная борьба между природнымъ инстинктомъ и нравственной порядочностію, между чувственностію и нравственностію ¹⁾.

Какъ, слѣдовательно, надобно быть осторожнымъ, чтобы не поспособствовать чѣмъ-либо развитію чувственности, напримѣръ, хотя бы изнѣженностію.

Періоды нравственнаго упадка въ жизни народовъ совпадаютъ иногда съ эпохами изнѣженности, роскоши и распущенности. Эти явленія мыслимы только при повышенномъ напряженіи нервной системы, которая должна приноровиться къ нарастающимъ потребностямъ. Съ возрастаніемъ нервности происходитъ усиленіе *чувственности*, ведущей къ развращенію народной массы и подрывающей общественныя основы, нравственность и чистоту семейной жизни. А исторія показываетъ намъ, что развѣ общественныя устои разрушены развратомъ, прелюбодѣяніемъ и роскошью, разрушеніе государственной жизни, матеріальное, моральное и политическое паденіе становятся неизбежными,—слѣдовательно, съ какою внимательною осторожностію надобно воспитателямъ слѣдить за стремленіями пробуждающейся половой жизни юношества (зачатки которой, въ видѣ неясныхъ ощущеній и смутнаго томленія, можно прослѣдить еще задолго до развитія половой зрѣлости),—чтобы она не обратилась въ чувственность.

Половой инстинктъ развивается изъ ощущеній, происходящихъ вслѣдствіе созрѣванія ²⁾ половыхъ органовъ. Ощущенія эти возбуждаютъ вниманіе индивидуума. Подъ вліяніемъ чтенія,—впечатлѣній изъ общественной жизни (въ настоящее время, къ со-

¹⁾ Ну, вотъ—это единственно и умѣете сказать. В. Р—ва.

²⁾ Такъ вѣдь вамъ-же предстоитъ или сократить, расхолодить, предупредить „созрѣваніе“, т. е. попросту — оскопить; или—удовлетворить. Съ точки зрѣнія религіи брака конечно надо удовлетворить, а съ точки зрѣнія религіи дѣвства конечно надо оскопить этотъ совершенно неизбежный, какъ ростъ волосъ или созрѣваніе яблока, процессъ. Но вы странные люди: посьвъ сдѣлалъ Богъ—а жатву будто бы дѣлаетъ чертъ; весна—прекрасна, а осени и „гроздія“ ея—не нужно. Очевидно, разрѣшеніе дилеммы лежитъ или въ упраздненіи религіи брака, т. е. религіознаго брака: въ упраздненіи вообще этого института и таинства; или въ упраздненіи религіи дѣвства и также его поэзи и учреждений. А ихъ примирять, какъ вы пытаетесь дѣлать, тоже, что смѣшивать воду и огонь или масло и воду, уксусъ и сахаръ. Получишь двѣ порченныя вещи и ни одной годной. Въ этомъ положеніи двухъ испорченныя вещей и лежитъ Европа вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ. В. Р—ва.

жалѣнію, слишкомъ рано и часто), первоначально смутные намеки превращаются въ ясныя представленія. Послѣднія получаютъ отпечатокъ чувственности (сладострастія), и это именно и служитъ источникомъ возникновенія эротическихъ представленій, а затѣмъ и распущенной жизни.

Раннее введеніе дѣтей и юношей въ сферу жизненныхъ интересовъ взрослыхъ лицъ всего чаще способствуетъ несвоевременному пробужденію полового чувства. На фабрикахъ и заводахъ и въ мастерскихъ, гдѣ работаютъ дѣти и подростки, раннему и болѣзненному развитію полового чувства способствуютъ: крайняя бѣдность, неряшливость, постоянное соприкосновеніе половъ въ тѣсныхъ жилищахъ, отсутствіе воздержанія родителей и окружающихъ. Точно также въ болѣе достаточныхъ классахъ общества иногда невѣжественныя мамки и няньки, безнравственная прислуга, истерическая воспитательница, или молодой гувернеръ, примѣромъ и поученіемъ возбуждаютъ раннее проявленіе полового влеченія.

Вообще, обращеніе съ здоровыми дѣтьми, какъ излишне суровое (вслѣдствіе требовательности, сухости и жесткаго отношенія къ дѣтямъ, подавляющее въ нихъ страхомъ наказанія всякое проявленіе чувства и дѣлающее дѣтей угрюмыми, недовѣрчивыми и скрытными, замкнутыми въ себѣ), такъ и крайне уступчивое, можетъ вліять на ихъ половое отправление.

Особенно нѣжное, все извиняющее, всему потворствующее воспитаніе, неспособное развить въ ребенкѣ самообладаніе и волю, не заставляющее его постепенно вырабатывать терпѣніе и самопожертвованіе,—воспитаніе, гдѣ интересы окружающихъ или родителей приносятся постоянно въ жертву дѣтямъ и притомъ открыто, завѣдомо для этихъ послѣднихъ,—такое воспитаніе развиваетъ въ ребенкѣ необузданность желаній и стремленій, даетъ ему привычку къ быстрому удовлетворенію всякаго рода хотѣній, чѣмъ подготавливаетъ для него печальную будущность вообще и, относительно половой дѣятельности, въ особенности.

Съ наступленіемъ зрѣлости, поддаваясь новому чувству, имъ овладѣвающему, такой юноша, не привыкшій себя сдерживать, будетъ искать немедленнаго удовлетворенія половому влеченію.

Окружающая среда имѣетъ огромное воспитательное значеніе, и потому сильно вліяетъ на раннее или позднее развитіе половой зрѣлости и силу напряженія полового чувства. Двусмысленныя разговоры, жесты, движенія, любовныя сцены, картины,—легко запечатлѣваются воспримчивымъ ребенкомъ, оставляютъ неизгладимыя слѣды въ его памяти, которая, у здоровыхъ дѣтей, начинаетъ развиваться на 4-мъ году отъ рожденія.

Часто повторяясь, подобные моменты невольно направляютъ умъ ребенка на изслѣдованіе неизвѣстной ему половой дѣятель-

ности, помощію чтенія, разговоровъ со сверстниками, слугами, путемъ подсматриваній, подслушиваній и т. п., и тѣмъ постоянно раздражаютъ половое чувство, способствуютъ быстрѣйшему его развитію и доводятъ его до большаго напряженія.

Разъ поразившая ребенка картина или сцена, не понятая имъ въ началѣ, не оказывая, повидимому, никакого прямого, развращающаго на него вліянія, по мѣрѣ увеличенія его свѣдѣній относительно полового отправления, все ярче и рельефнѣе возстановляется въ его памяти, сильнѣе возбуждаетъ его воображеніе, усиливаетъ половое влеченіе и часто служитъ причиною порока.

Предъ глазами же порочныхъ, по ихъ собственному сознанію, постоянно воспроизводится какая-либо сцена или картина, видѣнная ими много лѣтъ назадъ и давшая первый толчекъ къ раннему и болѣзненному развитію полового чувства. Понятно, что такое же дѣйствіе оказываетъ чтеніе книгъ извѣстнаго содержанія, театральныя представленія, живыя картины и т. п.

Относительно театра многіе придерживаются ложнаго убѣжденія и водятъ дѣтей на волшебныя представленія (фееріи), живыя картины и балеты, не допуская ихъ присутствовать при исполненіи пьесъ нравственнаго содержанія, затрагивающихъ высокія чувства любви, самоотверженія, чести, долга и проч.

Вообще говоря, для дѣтей театръ абсолютно вреденъ,—для юношей же всего вреднѣе фееріи, балеты, живыя картины, представленія въ циркахъ, которыя не занимая умъ, вліяютъ исключительно на воображеніе, усиливаютъ фантазію и оставляютъ нерѣдко воспоминанія объ извѣстной позѣ, жестѣ, движеніи или костюмѣ исполнительницы, не изглаживающіяся во всю жизнь ¹⁾

¹⁾ Ну, вотъ и все. На всѣ случаи жизни одинъ совѣтъ: „воздерживайся“. „Закопучителю“ Дернову дана была полная возможность высказаться передъ своими зрѣлыми слушателями, и онъ кромѣ коротенькаго: „а у насъ солдатъ быть“, „а у насъ блины пекли“, ничего сказать не сумѣлъ. Чего-же законоучителямъ въ гимназіяхъ указывать на урокахъ, что-то объяснять? Больше Дернова ничего не скажутъ; но „воздерживайся“ можно просто золотомъ оттиснуть на стѣнѣ, и repetitio не потребуется. Но какъ авторъ еще увертливъ, и какой онъ софистъ: ну, картинки, ну, стишки, прислуга и гувернеры. Соглашаемся и устраняемъ все это. Но вѣдь наступятъ 18 лѣтъ для юноши и 15 лѣтъ для дѣвочки, „признаки зрѣлости“ на лицо. Что-же имъ-то Дерновъ? Опять не читайте книжки, не смотрите на картинки? Или онъ что другое скажетъ? Тогда сказалъ-бы! Но онъ молчитъ, упорно и тупо, какъ альпійскій звѣрекъ. А я ему скажу: въ монастыряхъ съ гувернерами не разговариваютъ, оперы не глядятъ, романами не балуются; а объ „искупеніяхъ“ слишкомъ много написано въ „житіяхъ“. Такимъ образомъ все сводится къ тому, чтобы изъять дирижерскую палочку у столь очевидно не искуснаго дирижера и вручить ее совершенно другому, именно—составителю самой пьесы, предлежащей къ разыгрыванію! Спасеніе дѣломудрія и брака очевидно зависитъ отъ полной смѣны команды въ воинствахъ брачныхъ. Не распорядится моряку на сушѣ, а генералу—на

и служащія исходнымъ пунктомъ раннего и болѣзненнаго полового чувства ¹⁾).

Губительнѣе всего въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ примѣръ, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, со стороны старшихъ на младшихъ.

Но гибельнѣе всего для учащихся, когда ихъ воспитатели сами почти регулируютъ ²⁾ отправленіе половой дѣятельности юношей,—при первыхъ же признакахъ наступленія половой зрѣлости отъ 14 до 16 лѣтъ. Это происходитъ отъ *неправильнаго взгляда врачей и воспитателей на половую истинность*, вслѣдствіе котораго и являются лукавые совѣты воспитателей, противорѣчащія вѣковымъ опытамъ христіанской жизни, будто это, т. е. воздержаніе ³⁾, вредно для молодыхъ людей, что не слѣдуетъ и думать о здѣловудріи, ибо это противостоитъ естеству, это ведетъ къ умаленію здоровья, къ непорядкамъ и сокращенію жизни.

И вотъ наши юноши, многіе юноши христіанскіе, отъ которыхъ должно бы вѣять благоуханіемъ чистоты, вмѣсто того даютъ зловоніе плотской нечистоты. Многіе и отъ супружества отказы-

морь: и полное отстраненіе сонмовъ, хотя-бы сколько-нибудь содержащихъ дѣятельный идеалъ, отъ семьи, и призывъ сюда наоборотъ таинственно „обрѣзавшихся Господу“, хотя бы духовно—естъ задача времени, проблема цивилизаціи. „Во іудеѣ и эллинѣ“, какъ духъ, какъ поэзіи и религіи—спасеніе. В. Р—въ.

¹⁾ Хорошо, хорошо: но что вы скажете, когда наступитъ этотъ *каноническій* возрастъ брака—15 лѣтъ для юноши и 14 лѣтъ для дѣвушки, т. е. для обоихъ четвертый классъ гимназіи? В. Р—въ.

²⁾ Какъ!?! „Регулируютъ“ заботливые люди, и это „гибельно“!?! Но гдѣ-же „законъ Божій и основной законъ природы“? В. Р—въ.

³⁾ Какъ будто авторъ никогда въ Бытіи не читалъ исторіи объ Ованѣ и не знаетъ о печальномъ порокѣ, получившемъ отъ его имени названіе? Я думаю, если „законоучитель“ все на урокъ расскажетъ, а затѣмъ скажетъ: „однако потерпите“—то ученикъ, угрюмый и опечаленный, и вдастся въ ужасъ этого порока, тѣмъ больше страшнаго, что исполненіе его всякую минуту въ рукахъ у ученика, не контролируемо, не запрети́мо! Вотъ избѣгая этого-то ужаса неотвратимаго, добрые наставники, какъ только воды достигли даннаго уровня,—и отводятъ ихъ, въ предупрежденіе извращенія, мудрымъ „регулируваніемъ“, вмѣсто чтенія глушыхъ нотаций. Но сколько грусти, что чистѣйшее отроческое и юношеское сѣмя пропадаетъ для потомства, вырастаетъ не въ дѣтей, а въ точности выбрасывается на сторону, на улицу, въ клоаку, только чтобы не разбился сосудъ, его носящій. Мы пожалѣли-бы молока коровьяго, разливаемого на землю! оплакали бы женское молоко, такъ разливаемое: во таковы законы цивилизаціи и скорпешеское гнушеніе къ сѣмени, что о потокахъ его, и именно въ чистѣйшіе юные годы разливаемыхъ по землѣ—ни у кого не пробуждается вздоха! А вѣдь это—мириады душъ, талантовъ, гевія, угасшаго до рожденія! А посмотрите, какъ заботимся мы о покоѣ стараго генерала, женившася на Татьянѣ: лучшая поэма націи написана въ защиту его немощныхъ правъ, а Достоевскій сказалъ ему оду въ Пушкинскои своей рѣчи! Во—истину, дохлое мы хранимъ, а юное—рѣжемъ. В. Р—въ.

ваются по этой любви къ жизни безпорядочной. И вотъ, благодаря этому, многіе цѣлые годы живутъ внѣ законнаго сожитія, безъ благословенія церкви, какъ бы не нуждаясь въ немъ.

Что можетъ быть печальнѣе этого явленія?

Между тѣмъ позднѣйшія медицинскія изслѣдованія показали всю ошибочность взгляда на необходимость удовлетворенія полового инстинкта при первомъ же наступленіи половой зрѣлости.

Выраженіе „половая зрѣлость“—говорить одинъ безпристрастный врачъ—даетъ весьма ошибочное представленіе о состояніи организма въ данный періодъ жизни. Подъ именемъ „половой зрѣлости“ не слѣдуетъ понимать, что юноша вполне зрѣлъ для половой жизни. Далеко нѣтъ. Относительно половой дѣятельности, прямая цѣль которой есть оплодотвореніе, онъ совсѣмъ не зрѣлъ и не годенъ, и только съ 25 лѣтъ человѣкъ является вполне зрѣлымъ и совершенно годнымъ для половой дѣятельности,—только съ этого момента онъ находится въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ для продолженія рода ¹⁾).

Вотъ трезвый взглядъ на дѣло, который можетъ и пастырямъ помочь къ исправленію того зла, которое внесено въ жизнь нашего общества неправильнымъ взглядомъ на половой инстинктъ, на половую зрѣлость, а равно и извращенными условіями домашняго и школьнаго воспитанія.

Подъ влияніемъ именно всего этого у насъ явился слишкомъ

¹⁾ Вотъ такой-то врачъ (къ счастью—рѣдчайшій), сказавъ въ поддержку скопцу свое „научное заключеніе“, и въ силахъ погубить семью въ странѣ болѣе, чѣмъ цѣлый ураганъ сифилиса. Слыхалъ я отъ велосипедистовъ, что на 17—18 лѣтъ падаетъ самая быстрая ѣзда, и что къ 23 годамъ, какъ бы не возросла техника искусства ѣзды, такой быстроты ѣзды мужчина не въ силахъ достигнуть, потому что *17—18 лѣтъ есть максимумъ живости и напряженія организма, особенно въ его сдалмичной половинѣ*. Но врачъ сказалъ: „это—25 лѣтъ“. Прежде всего, чѣмъ это онъ подтвердилъ? Можетъ быть, онъ сболтнулъ? Даже навѣрно! Но священникъ и тысячи священниковъ подхватили: „вотъ—видите: значитъ можно и нужно воздерживаться“. И таково лицемѣріе ихъ, что въначая 66 лѣтнихъ старцевъ, они станутъ толковать, что въ 18 лѣтъ „сѣмя еще не созрѣло для оплодотворенія“. Далѣе, и тупой врачъ-резоцеръ и тупые богословы-лицемѣры скроютъ подъ фалдой порока Онана, и хоромъ потребуютъ зрѣлыхъ и переарзѣлыхъ браковъ, когда люди не влюбляются, запретивъ и осудивъ и изругавъ мѣщанскимъ словомъ бракъ въ чистѣйшемъ мечтательномъ возрастѣ, когда бы отъ чистыхъ родителей рождались чистыя дѣти. О, какъ должны евреи благодарить своихъ раввиновъ, удержавшихся отъ этихъ (см. дальше у Дернава) „трезвыхъ взглядовъ“, которыми государство и не преминуло воспользоваться въ интересахъ военной службы и долгаго ученія въ школѣ. „Свѣдущіе люди, доктора и священники, говорятъ, что до 25 лѣтъ сѣмя еще худо для оплодотворенія: возьму-же я въ службу и ученіе эти не нужные для брака годы“. И лицемѣръ-Дернавъ въ другомъ мѣствѣ (см. выше) плачется: „о, какъ хорошъ цѣломудренный бракъ, когда въ него вступаетъ непочатая юность“. Какая можетъ быть надежда на такихъ слѣпыхъ вождей! В. Р.—св.

разнузданный образъ жизни, страсть къ постояннымъ наслажденіямъ.

Нынѣ есть много людей, которые желаютъ одного: жить и наслаждаться, которые желали бы жизнь превратить въ смѣну однихъ удовольствій другими.

Ни о чемъ въ обществѣ такъ много не думаютъ, ни о чемъ такъ много не говорятъ и не пишутъ, какъ о веселомъ времяпрепровожденіи. Юноша на школьной скамьѣ мечтаетъ, какъ онъ будетъ пріобрѣтать много денегъ и время проводить весело. Люди пожилые не уступаютъ молодымъ,—составивши состояніе, спѣшатъ насладиться жизнью, и такъ или иначе въ сладости провести ее. Театръ для многихъ сдѣлался потребностію, которой они удовлетворяютъ чуть не ежедневно. Пусть въ немъ представляются картины изъ жизни часто самаго грязнаго свойства, — что до того? Это не только не отталкиваетъ отъ театра, а напротивъ привлекаетъ къ нему, умножаетъ число любителей этого рода удовольствій.

Къ театральнымъ развлечениямъ хотятъ чуть не насильственно пріучить и простой народъ, — и вотъ рѣшено устроить театръ народный.

До того проникла въѣхъ потребность разныхъ общественныхъ развлеченій, что спѣшатъ какъ можно раньше и скорѣе ознакомиться съ ними и дѣтей, —возять ихъ въ театръ и другія увеселительныя мѣста, заставляютъ ихъ смотрѣть и слушать то, —чего ихъ чистое ухо и невинное дѣтское око и слышать и видѣть не должны, —устрояютъ дѣтскіе балы ¹⁾, гдѣ учатъ ихъ вести себя, какъ большіе.

Есть не мало такихъ любителей свѣтскихъ развлеченій, которые не почитаютъ грѣхомъ предаваться имъ даже въ дни подпраздничные ²⁾ и въ дни Великаго поста—времени покаянія. Запретили великимъ постомъ зрѣлища по крайней мѣрѣ въ казенныхъ театрахъ ³⁾, и сколько сѣтованія, ропота!

¹⁾ Словомъ, всѣ виновны кромѣ „насъ“. В. Р—ва.

²⁾ Добрался. Пусты козла въ огородъ—всю капусту съѣсть: и театръ, и литература, и опера—все для охраненія цѣломудрія должно упраздниться. Ну, а бракъ? Онъ долженъ быть въ 25 лѣтъ, а то—и позже, а то хоть никогда, ибо „есть скопцы, иже изъ чрева матери, и есть другіе—иже отъ чловѣкъ, и есть третьи, иже оскотили себя царства ради небснаго. Могій вмѣстити—да вмѣстити“. В. Р—ва.

³⁾ Слава Богу—опять открыли! Замѣйте, что ни одного-то слова Дерновъ не сказалъ о кабакахъ, трактирахъ, кафе-шантанахъ и домахъ терпимости. Ему рябитъ въ глаза только гордое, *соперничающее* явленіе искусства, оперы, театра, балета, литературы, поэзіи. Но *подвальныи* удовольствія ему не соперничаютъ и онъ беретъ ихъ подъ покровительство уже тѣмъ, что проходитъ мимо съ молчаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, насколько свѣтская литература и наука борются съ проституціей, въ духовной литературѣ вовсе нѣтъ по поводу ея негодованія. И можно

И рошцуть чуть не всё: какъ начинается вѣдаться во всёхъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ!

Съ этимъ пристраціемъ является сначала охлажденіе, а потомъ даже отвращеніе ко всему духовному, къ мысли о Богѣ, о вѣчности, о грѣхѣ¹⁾, время проходитъ въ разсѣяніи, въ праздныхъ и пустыхъ разговорахъ, и въ созерцаіи и слушаіи того, отъ чего оскверняются мысли, и сердце, и вся душа.

Въ жизнь вкрадывается масса зла, инстинктивно терпимаго и, по общему молчаливому согласію, не замѣчаемаго. Оно становится какъ-бы законною нашею атмосферою. Люди спокойнѣйшимъ образомъ терпятъ въ средѣ своей человѣка, полнаго всякаго распутства,—считаютъ его своимъ. Человѣкъ, въ потворствѣ инстинктамъ своимъ извращающій и свое достоинство, и достоинство и здоровье другого человѣка, для весьма многихъ изъ насъ—говорить одинъ наблюдающій нынѣшнюю жизнь—скорѣе предметъ улыбки, чѣмъ отвращенія, шалунъ,—а не преступникъ.

Извращеніе нравственныхъ понятій въ обществѣ создаетъ мало-по-малу какой-то деспотизмъ тѣла надъ духомъ. Недавно, въ прекрасномъ петербургскомъ ресторанѣ, гдѣ изо-дня въ день бывають, точно по служебной обязанности, чуть-ли не всё „замѣтные“ дѣятели столицы, я слышалъ,—пишетъ тотъ-же авторъ,—разговоръ: два пріятели обсуждали поведеніе отсутствующаго третьяго.

— Это—психопать.

— Да почему?

— Помилуй: развѣ естественна жизнь, которою онъ живетъ?

— Отчего-же нѣтъ?

— Онъ не пропускаетъ ни одной церковной службы, обложился богословскими сочиненіями, у него все свободное время на это уходитъ.

замѣтить, что она не противъ разврата, а противъ *изящества* и *веселости*, ну пусть—въ развратныхъ удовольствіяхъ. И есть этому прецедентъ: аскеты часто „падали“ крайне не эстетично; но эстетично ни разу и ни одинъ не „палъ“. Поразительно! Т. е. общая тенденція аскетизма вовсе не къ уничтоженію пола: а къ плоскости, грубости и простой мужицкой грязи въ немъ. Ибо въ эстетикѣ пола пробуждается эллинь: нестерпимое, убійственное для аскета зрѣлище, главный заклятый имъ бѣсъ. А въ мужиковатости пола, послѣдней его грязи и сквернѣ—издохъ и до конца издохъ эллинь и іудей, окончательно умерло „обрѣзаніе“, священное погруженіе священной точки. Вотъ гдѣ специальный корень и отвращенія къ художественному браку самыхъ юныхъ, непорочныхъ существъ, и покровительство зрѣлымъ, а еще лучше—перезрѣлымъ, и наконецъ окончательно хорошо—старческимъ бракамъ. Тутъ, гдѣ старички только поглядываютъ другъ на друга и приглядываютъ себя на кладбищъ могилку „рядкомъ“, скопецъ проаноситъ великое: „совершилось!“ В. Р.—*вз.*

¹⁾ Да, всё бѣды наступаютъ, и каменнымъ баранамъ хотъ убитъся до смерти. В. Р.—*вз.*

- Такъ что-же?

— Но это дико. Вѣдь онъ-же развитой человѣкъ.

Скажи, пожалуйста: а себя ты считаешь развитымъ человекомъ?

— Надѣюсь.

- Хорошо. Ну, а какъ ты проводишь свое время?

— Но... какъ мы всѣ, я полагаю...

Да вотъ—хоть бы взять: сколько разъ ты въ недѣлю си-
дишь въ этомъ учрежденіи?

— Каждый день.

И долго?

— Отъ завтрака до обѣда.

— То-есть часовъ пять?

— М... м... м... пожалуй...

— Такъ за что-же ты обругалъ NN психопатомъ? Почему считаешь неестественною его жизнь, а свою естественною? Если человѣкъ, въ мученіяхъ совѣсти, въ порывахъ къ идеалу, отдаетъ пять-шесть часовъ изъ своихъ сутокъ страстнымъ поискамъ Бога въ молитвѣ и въ книгѣ,—это странно, это психопатія. Но ежедневно же отдавать пять-шесть часовъ жратвѣ, питью и игрѣ въ душной комнатѣ, въ перемежку съ пустыми разговорами на скверныя темы,—это, видите-ли, нормально. Аскета—милости просимъ въ домъ сумасшедшихъ, вивѣра—въ пантеонъ славы¹⁾.

А какое губительное вліяніе оказываютъ подобные вивѣры на низшіе классы народа нашего, страшно и сказать. Наблюденіе надъ петербургскою и вообще городскою прислугою, надъ рабочими и мастеровыми, отчасти надъ солдатами, и надъ крестьянами тѣхъ мѣстностей, гдѣ подобные вивѣры жили или и теперь живутъ, потакая своимъ низшимъ инстинктамъ²⁾,—показываетъ,

¹⁾ Вся картина виверства конечно скверна и какъ-то подла; но вѣдь она плодъ вообще внѣ-семейной жизни (сперва — „грѣхъ“, потомъ — неприличіе) и ужъ что вы родили, то и кладите себѣ въ карманъ. Аскетизмъ XII вѣка въ XIX вѣкѣ является какъ кафе-шантанство. Кто отъ XIII до XIX вѣка не приучился въ семьѣ сидѣть, тотъ нѣсколько вѣковъ ходитъ въ монастырь, а когда монастырь для него опостылѣлъ—сталъ ходить въ кафе-шантанъ. Черный духъ умеръ—бѣлый духъ не родился: и осталась пустота и слякоть. Но явно — секретъ въ бѣломъ духѣ. Бѣль-Богъ, если можно такъ выразиться: и въ томъ, что онъ уже погубленъ Черно-Богомъ, который не смогъ, а можетъ быть и въ планы не входило, остаться на всегда богомъ. Пришелъ, разрушилъ и ушелъ. Я изслѣдую борьбу идей, прибѣгая для разности контуровъ къ чувствительнымъ нарицательнымъ вмѣсто прилагательныхъ. В. Р.—сг.

²⁾ Вотъ *корень* всего—это идея „низшаго инстинкта“, не доказываемая, но изъ вѣка въ вѣкъ повторяющаяся какъ при-слово, при-сказка. Умерла „Venus Genitrix“, которой воздвигла древность храмы: и пополнили по землѣ „шашни“, начался подвалъ, кухня, лакейская половыхъ отношеній. Вѣдь лакейская—обратный полюсъ храму. Дерновъ негодуетъ на шашни. Но вѣдь онъ разрушилъ Venus Genitrix: позвольте, куда-же

что и въ пародной нашей массѣ распространяется развращеніе именно подъ вліяніемъ безпорядочной жизни высшихъ классовъ нашего общества. Доходить до того, что много людей нашего времени становится плотію, т. е. совершенно заглушаютъ въ себѣ духовныя потребности, и помышляя объ однихъ земныхъ выгодахъ и чувственныхъ удовольствіяхъ, отличаются отъ безсловесныхъ животныхъ только изобрѣтательностію на средства къ умноженію и оразноображенію этихъ выгодъ и удовольствій. Не можетъ-ли послѣдовать грозный приговоръ Божій надъ такими людьми: „не имать Духъ мой пребывать въ людѣхъ сихъ, зане суть плоть?“ (Быт. VI, 3).

Но нынѣ—вмѣстѣ съ поэтомъ (Тютчевымъ) приходится сказать:

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуетъ».

Едва ли не болѣе, чѣмъ тѣлесное, распространяется нынѣ *растлѣніе духовное*.

Причинъ послѣдняго такъ же очень много и всѣ онѣ, попадая на почву чувственную, только усиливаютъ развращеніе тѣлесное.

Современная печать, вмѣсто того, чтобы давать духу чело-вѣка сродное ему питаніе, возвышать его, — какъ часто потворствуетъ, одобряетъ, усиливаетъ порокъ, рисуетъ его въ самыхъ завлекательныхъ краскахъ. И все это читаютъ, глубоко воспри-

отнести „низшіи инстинктъ“, какъ не въ подвалъ и кухню? *Низкому—низкое помѣщеніе*: вотъ аксіома. И кто разрушилъ храмъ Venus-Genitrix, тотъ основалъ кухню „пашней“. Кто-же строитъ гостиную или дворецъ для экскрементовъ?! Можно наблюдать, что семья, пусть какая-нибудь, что семья какъ *дружба*, какъ *любовь*, какъ *уваженіе*—суть колонны все еще не сметеннаго съ лица земли Templi amoris, Templi Veneris Genitricis: монашество очень послѣдовательно вовсе не начинаетъ никакой семьи, отрелось отъ нея вовсе, потому-что „пашни“ конечно блудъ, а иное помимо пашень въ полѣ, т. е. семья, есть начало Templorum antiquorum. Вотъ почему монашество, да и вообще христіанство, такъ охотно прощаетъ „грѣхи“ половые; не казнить ихъ, не придирчиво къ нимъ. Полъ—сплошной грѣхъ. Простить его—призваніе христіанства. Но увидѣть передъ собою полъ не какъ грѣхъ, полъ въ его идеализмъ, въ силу—значитъ вдругъ ужасно поблѣднѣть, ухватиться за перильца, почувствовать близость обморока. Ибо споръ нашей эры вдругъ оканчивается нерѣшеннымъ. Отъ этого „кающаяся Магдалина“ есть стягъ христіанства: это—ая цитъ, это—ая твердыня: какая странная жизнь, въ одной половинѣ своей состоящая изъ сплошнаго зла пола, вредительства отъ него, абсолютной „кухни“, а во-второй половинѣ состоящая въ совершенной безполости, выхолощенности и покаянныхъ слезахъ. Въ „житіяхъ“ рассказывается о безднѣ самыхъ порнографическихъ паденій: это—укрѣпленіе „житій“, это знамена и пушки, отнятыя аскетизмомъ у врага своего, *идеализма пола*. Тѣмъ порнографичнѣе, несноснѣе, кухоннѣе „паденіе“, тѣмъ твердыня аскезиса неприступнѣе: „вотъ, древность говорила, что это—богъ: вы видите, что это—червь“. Посему, когда мора-

нимаютъ и потомъ проводятъ въ жизнь. Фельетоны ежедневныхъ газетъ, статьи журналовъ, излагающихъ нѣкоторые судебные процессы съ романическою подкладкою, повѣсти, романы и драмы слишкомъ нескромнаго содержанія, спеціально порнографическія изданія, распространяемые нынѣ въ массѣ народной съ какою-то особенною старательностію,—все это дѣйствуетъ буквально растлвляющимъ образомъ на читающую массу. Въ средѣ послѣдней потребность книжнаго чтенія сдѣлалась обыкновенною и насущною потребностію.

Эта потребность удовлетворяется по преимуществу свѣтскою, журнальною и газетною печатію. Послѣдняя ежедневно, такъ сказать, высыпаетъ на головы русскаго народа необъятную массу разнообразныхъ мыслей, свѣдѣній и впечатлѣній, нерѣдко ложныхъ, двусмысленныхъ и прямо безнравственныхъ. Наблюденія показываютъ, что читатели прежде всего прочитываютъ легкія стихотворенія, журнальные листки и хроники, изрѣдка статьи научнаго интереса, но болѣе всего читается обширѣйшій и разнообразнѣйшій отдѣлъ повѣстей, драмъ, комедій и романовъ. Ихъ читаютъ съ жаждою и безъ усталости и недозрѣлые люди, и молодые дѣвѣцы, и матери семействъ, и серьезные служащіе люди.

Признавая ту плодотворную и образующую сторону свѣтской литературы, которая несомнѣнно въ ней есть, мы не можемъ не указать на то, съ одной стороны, что при такомъ направленіи обычная умственная пища нашего читающаго большинства является

леть, христіанинъ говорить о „шашняхъ“, не вѣрьте ему: частью, онъ самъ не понимаетъ, что говорить, ибо рѣчь его клонится въ *волшебной* своей части къ *Venus-Genitrix*; частью онъ внутренно радуется, рассказывая порнографію пола, „похожденія“ самаго смертельнаго врага своего, этого Стеньки Разина, въ котораго превратился былой король: а конечный итогъ его морализированья—не какое нибудь просвѣтлѣніе, а уничтоженіе, оскотленіе: „не надо! скверна!! бойтесь ея, бѣгите врага!!“ И это—тысячи лѣтъ, безъ вариантовъ, повсемѣстно. Вотъ почему хлопоты христіанскихъ моралистовъ о семьѣ всегда были безуспѣшны: они—само-противорѣчивы; они—плодъ недоумѣнія; семья какъ идеаль—это обнимающіеся эллины и іудеи; семья какъ несчастіе, какъ позоръ есть начало Магдалины—восторгъ христіанскій. Отсюда, въ страшномъ логическомъ сдѣленіи со всѣмъ дѣломъ—и запрещеніе у христіанъ развода, столь упорное и повсемѣстное: „пусть гниетъ Магдалина, пока не покается, а когда раскаялась—уже нѣтъ семьи“. Ни одной чрево-обильной, ни одной плодо-носящей женщины не вошло какъ идеала, примѣра, какъ облюбованнаго факта въ „житія“, въ лѣтописи христіанства; это поразительно, что *ни одного* примѣра: значить—законъ, тайный, полъ-спудный!! Нигдѣ восклицанія лѣтописца: „у нея было пять сыновъ, семь, десять“, нигдѣ этой радости, нигдѣ даже объ этомъ вопроса, *счета* дѣтей! Неужели это не законъ? И вотъ отчего, въ приводимыхъ мною „Матерьялахъ“ раздѣлительною чертою между *свѣтскими* сужденіями и *богословскими* проходить: вопросъ о *супружествѣ* и *дѣтяхъ*—у свѣтскихъ, вопросъ о *сохраненіи своей власти* (при полномъ умолчаніи о дѣтяхъ и семьѣ) у духовныхъ. В. Р.—66.

одностороннею, а съ другой стороны — чувственнаго характера. Вѣдь кому изъ грамотныхъ и читающихъ людей неизвѣстно, около чего ¹⁾, въ повѣстяхъ, романахъ и драмахъ и свѣтскихъ стихотвореніяхъ, обыкновенно вертится это литературное изыщество? Справедливость требуетъ сказать, что твореній нравственно чистыхъ и совершенно безопасныхъ несравненно менѣе, чѣмъ противоположныхъ имъ. Надо быть уже опытнымъ, зрѣлымъ и искуснымъ человѣкомъ, чтобы съ пользою заниматься этимъ чте-

¹⁾ Опять — скопическая тенденція! Да около чего, друже, вращается и Библия, отъ *первой* главы Бытія, сотворенія мужчины и женщины для любви и дѣторожденія, и до родословія Іисуса Христа, которымъ начинается Новый Завѣтъ? Вездѣ „Адамъ роди Сива... Авраамъ роди Исаака... Іаковъ роди Іосифа, мужа Маріи“ (Матѣя, I). Да конечно — это стержень жизни: кто съ кѣмъ и кого родилъ. Его бы надо поливать; сюда бы нужны священныя пѣсни, туманныя грезы, обѣтованія, надежды; коротенькія предсказанія — пророчества, ну хоть ворожен — цыганки, если ужъ не священника: весь ритуаль Veneris-Genitricis. Но когда это умерло, то бѣдная мысль человѣческая все же хватается за стержень жизни: но уже, соотвѣтственно павшей эрѣ, сплетается около него нѣсколько лакейскимъ языкомъ лакейскую сплетню. Это и составляетъ содержаніе ^{2/10} свѣтской литературы. Но все же въ ней любовь не сокращена до такого коротенькаго шекотанія нервовъ, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ, который мы извлекаемъ изъ „Приношенія современному монашеству“ епископа Игнатія (Врянчанинова): „Епископъ нѣкотораго города впалъ въ болѣзнь, по причинѣ которой всѣ отчаялись въ его жизни. Тамъ былъ женскій монастырь. Игуменья, узнавъ, что епископъ отчаянно боленъ, посѣтила его, взявъ двухъ сестеръ. Въ то время, какъ она бесѣдовала съ епископомъ, одна изъ ученицъ ея, стоявшая у ногъ епископа, прикоснулась рукою къ ногѣ его. Отъ этого прикосновенія возгорѣлась въ болящемъ лютая брань блудная. Страсти лукавы. Онъ началъ просить игуменью, чтобы она оставила сестру при немъ для услуженія ему, приводя въ причину такой просьбы недостатокъ въ собственной прислугѣ. Игуменья, ничего не подоарывая, оставила сестру. По дѣйству діавола, епископъ ощутилъ воцановленіе силъ и впалъ въ грѣхъ съ инокинею, которая сдѣлалась беременною. Епископъ оставилъ кафедру и удалился въ монастырь, гдѣ кончилъ жизнь въ покаяніи, принятіе котораго Богъ засвидѣтельствовалъ дарованіемъ покаявшемуся силы чудотвореній! Такова наша немощь! Таково влияние на насъ соблазновъ! Они низвергали въ пропасть паденій и св. пророковъ, и св. епископовъ, и св. мучениковъ, и св. пустынножителей“ (стр. 55). Какъ это голо и кратко, какъ умеръ духъ, *содержательность* любви, которую читаемъ въ „Наканунѣ“ Тургенева, въ „Грозѣ“ Островскаго. *Мотивъ* рожденія — уже не духовный! уже не исполненіе заповѣди: „размножьтесь“ отвѣтнымъ мужу къ женѣ: „размножимся“. Умерла религія, а наконецъ умеръ и романъ: осталось бѣдственное „приключеніе“. Но вотъ что замѣчательно въ приведенномъ отрывкѣ, что авторъ не спрашиваетъ себя и читателю не рассказываетъ, куда же дѣвала монахиня своего *ребенка*, да и что *съ нею* несчастною стало: планъ и тема „подъ вечеръ осенью ненастной въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ...“ зародились, увь. еще въ эти древніе вѣки и именно въ свято-аскетическихъ мѣстахъ. Какъ это противоположно смѣлому, гордому восклицанію дочерей Лотовыхъ: „И родила старшая сына и нарекла ему имя *Моавъ*, говоря: онъ отъ

нѣмъ и безвредно проглатывать тѣ сладкія части яда ¹⁾, которыя въ немъ разбѣяны и скрыты во множествѣ.

Объемъ вліянія, занимаемый современной печатью, — необозримъ. Разнообразіемъ и крайнимъ удешевленіемъ изданій она овладѣваетъ умами людей всѣхъ націй, состояній и возрастовъ. Ни невинная юность, ни подростоющія дѣти, ни простые поселяне, ни рабочіе люди, — никто не защищенъ отъ ея разрушающаго вліянія, когда она принимаетъ ложное направленіе. А каковы результаты ея современнаго вліянія на юныя поколѣнія и народныя массы, можно видѣть изъ статьи нѣжкою г-жи Гурко, помѣщенной въ журналъ „Радость христіанина“, въ февральской книжкѣ 1898 года. Ея статья: „Мысли, возбужденныя современнымъ направленіемъ литературы“, есть истинный вопль матери ²⁾, скорбящей о томъ, что современная литература помрачаетъ чистый смыслъ дѣтей безстыдными, грязными описаніями страстей и отношеній, которыхъ они еще не подозрѣвали. Въ литературѣ нынѣ замѣчается полное пониженіе идеаловъ, вслѣдствіе чего, конечно понижаются и нравы. А между тѣмъ не имѣетъ ли ли-

отца моего. Онъ отецъ Моавитянъ донынѣ. И младшая также родила сына и нарекла ему имя: *Бенъ-Амми*, говоря: *онъ—сынъ рода моего.* Онъ отецъ аммонитянъ донынѣ. Великая вещь — не укрываніе младенцевъ, и—отъ кого они: это одно предупреждаетъ *дѣтубійство*. Написатель *Бытія*, Богомъ руководимый, зналъ это, и потому не скрылъ максимально-невозможнаго рожденія, какъ бы говоря народамъ, научая людей: „никогда не скрывайте, дабы никогда не убить“. Первые дѣтскіе трупики появились около „зарока не рождать“ и „охъ, согрѣшила“ при зачатіи. *В. Р—въ.*

¹⁾ *Сладкій ядъ*: вотъ полъ! „Лѣпость (красота) міра вотъ грѣхъ“, рѣшилъ Селивавовъ, а въ сущности—подвелъ итогъ тысячелѣтнему мотиву. „Что дѣлаетъ *дьяволъ?*“—на вопросъ этотъ христіанинъ отвѣтитъ: „влечетъ меня—къ *женщинѣ*“, „влечетъ меня—къ *юности*“. Ко многому и иному худому влечетъ онъ, къ *гордости, славы, богатству*: но это все не основное, все это уже, сбоку, примѣчаніе подъ текстомъ. *Текстъ* христіанской добродѣтели: воздержаніе *отъ женщины*, водержаніе *отъ мушкетера*, Адамо—Евова *разъ*—единеніе, *разрывъ*. Отсюда и пошло какъ противоположный полюсъ: вкушеніе *горькихъ травъ* какъ первая добродѣтель, посты, умерщвленіе, некрасивыя одежды, убогое жилье, неудобства, наконецъ, администраціи. Ибо и великолѣпное учрежденіе есть „сладкій ядъ“ отечества, „похоть“ къ удобствамъ его гражданъ—да! ихъ *неохраненіе*—это революція. Такъ все спелось въ одинъ клубокъ некрасиваго; и новое „десятословіе“ христіанъ можно бы выразить такъ: „не пожелай женщины“, „не увлекись богатствомъ и славою“, „не понадѣйся на себя“, „живи въ домикѣ маленькомъ“, „бѣшь скромненько“, „дружбы и знакомства не води“, „думай о горнемъ“, „спѣши къ могилѣ“, и, „какъ жена Лотова—не оборачивайся на горящій Содомъ“ бытія. *В. Р—въ.*

²⁾ Ну, вотъ то-то. Не редакція „Радости христіанина“, не монахъ, не священникъ—а *мать* завопила. Вѣдь никакъ эти разсужденія Дернова нельзя назвать „воцлемъ“: они довольно холодноваты. А когда мать завопила—то матери все и спасутъ, имъ все и надо предоставить, а дири-

тература,—напротивъ,—священнымъ призваніемъ своимъ пробуждать, обновлять, очищать и возвышать идеалы человѣчества? Гениальныя описанія зла никогда не исправятъ человѣчество. Самый простой смыслъ говорить, что видя человѣка, утопающаго въ болотѣ и тинѣ, будетъ совершенно безцѣльнымъ описывать ему это болото и тину, во всѣхъ и безъ этихъ описаній слишкомъ знакомыхъ ему подробностяхъ, а что надо ему указать путь, по которому другіе прежде него вышли изъ этого болота и возбудить въ немъ энергію, которая заставитъ его сдѣлать необходимое усиліе для того, чтобы освободиться отъ втягивающей его тины.

Для поднятія падшаго человѣчества требуется иное направленіе въ литературѣ. А современное грозитъ дальнѣйшимъ растлѣніемъ человѣчества. Это показываютъ наблюденія надъ тѣмъ, на что обращается нынѣ вниманіе читателей. Ни въ одной публичной библиотекѣ, нерѣдко и въ частныхъ, нельзя встрѣтить ни одного романа, который бы не былъ испещренъ всякаго рода замѣтками, причѣмъ въ большинствѣ случаевъ подчеркнуты особенно рискованныя по своей нескромности мѣста. И больше всего этой операціи подвергается, кажется, Мопассанъ. Такія отмѣтки доказываютъ пошлость читателя. Такой читатель обыкновенно и выписываетъ въ чтеніи только то, что тѣшило бы его грязныя инстинкты, и тѣ книги, которыя не трактуютъ о порнографіи, не подвергаются опасности быть разрисованными имъ, потому что онѣ для него не интересны, и онъ ихъ въ руки не беретъ.

А что сказать о тѣхъ, кто распространяетъ въ публикѣ спеціально порнографическія изданія? А, вѣдь, такіе распространители есть, и никто не можетъ отрицать этого.

Но не въ одной литературѣ, а во всѣхъ отрасляхъ искусства замѣчается нынѣ неправильное направленіе, паденіе идеаловъ и прямо таки растлѣвающее вліяніе на людей, соприкасающихся съ такимъ направленіемъ.

Какъ истинная поэзія есть не что иное, какъ „Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“—такъ и всѣ отрасли искусства при правильномъ ихъ направленіи—должны быть не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ отрѣшенія отъ земли¹⁾ съ ея тѣсными пространствами и короткими временами. То ли мы видимъ нынѣ?

Отсутствіемъ вѣчнаго идеала въ искусствѣ объясняется то

жорговъ изъ „Радости христіанина“ надо попросить управлять другою губерніей, отнюдь не семейною. И спасибо этой воплощенницѣ-семьянинкѣ: ей *templum*, какъ *veneri-genitrici*, ибо она и „*genitrix*“ какъ мать, и *venus*—ибо, конечно, прежде чѣмъ стать матерью, была страстной супругою,—и вмѣстѣ выступила какъ *dea* въ высокихъ своихъ порывахъ на страницахъ „Радости христіанина“. Говоря это, мы комментируемъ, что именно разумѣемъ подъ краткословнымъ *Venus-Genitrix*: разумѣемъ конечно—не античное, а сегодняшнее, наше. В. Р—вз.

¹⁾ Ну, вотъ—отрѣшеніе отъ земли. Изъ этого круга не умѣетъ

неудовлетворенное чувство, съ которымъ мы смотримъ на новѣйшія произведенія живописи, несмотря на ихъ сравнительно развинувшуюся историческую и реальную вѣрность, или слушаемъ неясные, недоговаривающіе звуки „музыки будущаго“, несмотря на усовершенствованную технику и блескъ ея исполненія.

„Остановитесь передъ картиною Рафаэля или Тиціана, послушайте небесную гармонію Бетховена и сравните ваше чувство съ тѣми, которыя выносите вы изъ теперешнихъ выставокъ и концертовъ“, говоритъ одна безпристрастная наблюдательница.

Не встрѣчаемъ ли мы на художественныхъ выставкахъ такихъ картинъ или статуй, въ которыхъ все богатство природы перешло въ выраженіе страсти. „ищущей, кому отдаться“—или изображеній на выставкахъ тѣла „божественныхъ“ и не божественныхъ формъ въ наготѣ, потерявшей свою невинность ¹⁾. Нагота является теперь предъ нами въ мраморѣ или на подотнѣ—или какъ Ева, сознавшая свою наготу и стыдящаяся, или какъ нагая и вызывающая „дочь рынка“.

А сколько людей нынѣ не стыдятся останавливать свой взоръ на картинахъ содержанія соблазнительнаго, любятъ такія картины, и съ спокойною совѣстію держать ихъ у себя въ домахъ, и даже еще на видныхъ мѣстахъ?

Что же это такое? Христіанинъ, котораго сердце должно быть чисто ²⁾, христіанинъ держать то, что можетъ говорить ему объ

выйти священникъ. Т. е. онъ вовсе не можетъ и никогда не сможетъ просвѣтлить землю: ему на это какъ-бы опредѣлъ положенъ. В. Р—въ.

¹⁾ Меня поразило слѣдующее зрѣлище въ Римѣ: храмъ св. Петра, Латеранскій соборъ и пр. полны нагими, въ мраморѣ и краскахъ, полными и рослыми человѣческими фигурами, то святыхъ, то ангеловъ. Въ алтарь передняго фаса св. Петра изъ черной бронзы сдѣланы два ангела-отрока, съ самымъ узкимъ препоясаніемъ; наконецъ, въ балдахинѣ надъ главнѣмъ алтаремъ представлена знаменитымъ скульпторомъ разрѣшающаяся отъ бремени женщина—въ самый моментъ разрѣшенія. И—ни одной не только порнографической, но хотя бы легкомысленной картинки на окнахъ безчисленныхъ магазиновъ. Это послѣднее отсутствіе, послѣ Петербурга и Москвы, залитыхъ торговою порнографіей, меня больше всего въ Италіи поражало, особенно въ ея художественныхъ Римѣ, Флоренціи и Венеціи; пока я не связалъ все это въ своей мысли такимъ образомъ, что *какое же удовольствіе смотритъ на безобразную наготу въ окнѣ магазина, когда се можно видѣть въ благородныхъ формахъ въ церковной живописи*, и видя тамъ chefs d'oeuvre'ы тѣлеснаго обнаженнаго искусства—получаешь въ нихъ мѣрку требованій вкуса, имѣя которую въ душѣ—разобьешь гипсовую мазню своихъ дней. Но въ Москвѣ и Петербургѣ релігіозная живопись вся скопческаая, и не только множества женскихъ грудей, зрѣлище которыхъ поражаетъ въ католицизмѣ, но и *локтя* не прикрытаго не увидишь: и не имѣя, такъ-сказать, *жены* въ живописи—спускаешься до *кухарочки*. Корень все тотъ-же, веадъ—тотъ-же. Пробразите храмъ—и вы спасете рынокъ. В. Р—въ.

²⁾ Т. е. *безъ-поло*? чуждо «сладкаго яда»? Нѣтъ: очевидно проблема совершенно обратна и заключается во введеніи въ душу, когда она еще

одной нечистотѣ. Какова послѣ этого душа хозяина, постоянно созерцающаго мерзкое? Чему могутъ научиться дѣти, на сердцахъ, памяти, воображеніи которыхъ, какъ на воскѣ, отпечатлѣвается все, что они видятъ и слышатъ? Какой урокъ, какое назиданіе могутъ получить приходящіе въ домъ родные, знакомые, лица постороннія? Въ мірѣ и безъ того всюду и вездѣ соблазны и искушенія, а тутъ еще наводятъ ихъ на новый соблазнъ. Въ плоти, въ крови и безъ того часто происходягь движенія грѣховныя ¹⁾, а тутъ придумываютъ еще новое средство для возбужденія нечистыхъ представленій. Горе тѣмъ, которые избрали это средствомъ къ своему существованію и издаютъ подобнаго рода картинки: они—тѣ соблазнители, о которыхъ говорилъ Спаситель, что лучше бы имъ съ камнемъ жерновымъ на шеѣ потонуть въ пучинѣ морской. Горе и тѣмъ, которые покупаютъ соблазнительныя картинки, услаждаются ими, вѣшаютъ въ домахъ своихъ. Тѣ и другіе—губители душъ христіанскихъ ²⁾, разруши-

чиста, есть горенка ангеловъ, Адамо-Евовскаго момента въ отношеніи къ совершенно-же чистому существу; т. е. супружество отроковъ и отроковицъ есть разрѣшеніе проблемы. Отсюда ранняя забота Авраама о бракѣ Исаака, и завѣтъ слугъ: «остерегись взять ему невѣсту изъ родовъ незнакомыхъ, чужихъ». Вообще моментъ *старости* и *неизвѣстности* (избираемаго лица) есть причина грязныхъ современныхъ супружествъ. Бракъ *двогородныхъ*—у протестантовъ, какъ и слова „Мишны“: „отрокъ, имѣющій *племянницу*—долженъ погодить вступать въ бракъ до ея зрѣлости: ибо супружество дяди и племянницы особенно угодно Богу; мудро устраняютъ выборъ совершенно неизвѣстной, *непротверженной въ поведеніи и непротверженной въ родствѣ*, невѣсты. У насъ, при безчисленныхъ „препятствіяхъ къ браку, лежащихъ въ родствѣ и свойствѣ“, женихъ понуждается искать невѣсту не близъ себя, не около себя, знакомую и дружную съ дѣтства, а гдѣ-то „на далекой стороншкѣ“, куда „прилучится“ заѣхать. Такимъ образомъ, пересмотръ «свойства и родства» въ ученіи о бракѣ есть одна изъ крупныхъ сторонъ въ путяхъ поднятія его. Это есть фундаментъ твердой фирмы брака, взаимнѣй теперешной мелочной его лавочки, «съ приключеніями». В. Р.—*сг.*

¹⁾ Вотъ видите; даже *кровь* — *грѣшна*. И чтобы договорить мысль, слѣдовало-бы прибавить: «ее надо выпустить». Какъ постижными инквизиція, скопчество—изъ этихъ невольныхъ обмолвокъ автора; до чего очевидно, какая есть «припека съ боку» бракъ въ кругѣ мысли нашего автора, и лицемѣріе всѣхъ его ссылокъ въ началѣ на «Законъ Божій», «Слово Божіе», «законъ природы и норма человѣческихъ обществъ». Ибо, очевидно не предисловіе рѣшаетъ дѣло, а середина и горячія дѣловыя страницы книги или статьи. Но какъ все это отражаетъ первоначальное: «мужчину и женщину сотворилъ человекъ Богъ», «однако—лучше не жениться», «ибо суть скопцы изъ чрева матери, отъ людей и отъ себя—Царства ради Небеснаго». Все сбылось во-очію и даже «юта изъ сего совѣта „не прешла“. В. Р.—*сг.*

²⁾ Очень все важное мѣсто, и главное—потому что безъ-сознательно. Это не Дерновъ пишетъ, это эпоха пишетъ. «Женщина—вотъ грѣхъ! спляніе съ нею—вотъ преступленіе!» „И только отъ того, что мы разрѣшили, и когда мы разрѣшили,—разумѣется съюзивъ въ ниточку, въ узкій путь—рожденіе прощено. Безъ этого нашего прощенія—оно первородный

тели дѣла Христова, ибо Христосъ пришелъ призвать всѣхъ къ святости и чистотѣ.

Языкъ живописи и пластики, однако, еще не такъ выразителенъ, какъ языкъ музыки и словеснаго искусства, и особенно его высшаго рода — драмы.

То, что на картинахъ и статуяхъ намѣчено въ чертахъ общихъ и смутныхъ, то самое въ современной музыкѣ и драмѣ выступаетъ передъ нами съ полною подробностію, въ чертахъ определенныхъ и детальныхъ. Въ современной музыкѣ не выражается ли *нѣга* ¹⁾ *сладострастія*? Въ современной драмѣ не изображается ли порокъ въ тѣхъ же яркихъ и соблазнительныхъ картинахъ и дѣйствіяхъ, какъ и въ живописи и пластикѣ? Гдѣ же вы тутъ будете искать чистоты и цѣломудрія?

Безпристрастное наблюденіе показываетъ, что самыя возвышенныя изъ увеселеній, каковы, напримѣръ, музыка и театральныя представленія, далеки отъ тѣхъ назидательныхъ и благотворныхъ дѣйствій, какія имъ обыкновенно приписываются.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка ясно, что въ большинствѣ случаевъ современная музыка не утишаетъ, а возбуждаетъ и волнуетъ страсти; что зрѣлища, подъ видомъ назиданія и поученія, потворствуютъ слабостямъ и страстямъ, что та и другія, тѣша наше самолюбіе, раздражаютъ наши чувства, напол-

грѣхъ, разрушеніе всего дѣла христіанскаго. Ученіе о „незаконныхъ сожительствахъ“ и „незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“ уже каменнымъ, неодолимымъ образомъ надвигается здѣсь, и съ ними — вздохи родившихъ не во время, не удержавшихся и родившихъ; вздохи — и дѣтоубійство. Сейчасъ о „грѣхѣ“ едва-ли кто думаетъ; но „стыдъ“ есть эквивалентъ грѣха въ безбожную эпоху, и онъ имѣетъ ту самую остроту и пронзительность, какую нѣкогда имѣлъ „грѣхъ“. Давидъ родилъ отъ Вирсавіи Соломона; ибо Наанъ не за любовь къ Варсавіи его упрекалъ, а только за смерть Ури. Но упреки онъ его именно за VII заповѣдь по поводу Варсавіи; и лишній трупики около дворца царскаго замѣнилъ бы мудрѣйшаго царя. И не было-бы „Экклезиаста“, ни „Цѣсни пѣсней“. Мнѣ говорилъ въ Петербургѣ одинъ священникъ, преподающій въ институтъ, куда попадаютъ дѣвочки изъ Воспитательнаго дома: „грѣхи родителей отражаются въ дѣтяхъ: никогда я не видалъ дѣвочекъ, столь рано развивающихся и склонныхъ къ соблазну, какъ здѣсь“. Я подумалъ: это — отъ силъ организма, плода подлинной любви, и еще спросилъ его: „а какъ ихъ способности?“ — „Отлично учатся, но это что: главное въ нравственность“. Таковъ смыкающійся кругъ сужденія скопчества. Я думаю, если бы у Татьяны Лариной какъ-нибудь „испекся пирожекъ“, родился сынъ, то былъ-бы вѣрно сыръ, водянистъ, безкровенъ: „усѣхки небольшіе, сказали бы о немъ священникъ: да сидитъ на урокахъ отлично. Головки въ сторону не повернетъ, все внимаетъ: правда, не запоминаетъ — однако мнѣ одно удовольствіе“. Я думаю, истощенное тупоуміе русскихъ XVII вѣка и гениальность XVIII и XIX-го есть именно разница „плодовъ любви“ отъ „фруктовъ принужденія“. В. Р—ва.

¹⁾ Ахъ, скажите пожалуйста! Какой пассажъ и ущербъ хору г. Архангельскаго. В. Р—ва.

няютъ душу лстящими чувственности, но пагубными и вредными для сердца и духа образами и впечатлѣніями. Эти-то раздражающіе чувства, лстящіе чувственности образы и ощущенія и привлекаютъ въ театры и увеселительныя залы искателей наслажденій, и всякому наблюдавшему извѣстно, что чѣмъ больше въ извѣстной пьесѣ элементовъ чувственности, чѣмъ рельефнѣе и привлекательнѣе изображены слабости и страсти людскія, тѣмъ охотнѣе посѣщается она мнимыми искателями отдыха ¹⁾).

Оттого серьезная музыка, серьезные драматическія произведенія считаются скучными, неинтересными и непонятными и почти не посѣщаются ²⁾). Если такъ сомнительна польза отъ болѣе возвышенныхъ увеселеній людскихъ, то что сказать о тѣхъ рождахъ увеселеній, которые, какъ танцы ³⁾, маскарады и имъ подобныя способы времяпровожденія, исключительно основаны на чувственности? Страстные, далеко не двусмысленные взгляды, раздражающая чувственность музыка, разжигающая тѣлесная близость и соблазнительныя тѣлодвиженія, атмосфера интригъ вполнѣ приближаютъ ихъ къ языческимъ зрѣлищамъ послѣднихъ временъ Римской имперіи. Къ нимъ по справедливости приложимы слова извѣстнаго св. отца, назвавшаго современнаго ему увеселенія „гнѣздилищами заразы“. „Они, какъ и современныя этому церковному писателю увеселенія, полны беспорядочности и беззаконія. Перемишляются на нихъ между собою мужчины и женщины, чтобы взаимно себя видѣть ⁴⁾“. Взоры чувственностію пи-

¹⁾ Какая клевета: ужь если такъ, то и ходили бы всѣ не въ оперу и театръ, а прямо въ дома терпимости. Такъ и чувствуется въ строкахъ „больной подвижникъ, котораго потрогала за ногу дѣвица“ (см. выше изъ *Иматія Бранчанинова*). В. Р.—сг.

²⁾ „Почти не посѣщаются... Абовимента въ оперу достать нельзя. И откуда все авторъ знаетъ, по „сану“ своему не имѣя возможности посѣщать ни оперу, ни театръ? В. Р.—сг.

³⁾ Добрался. Читайте внимательнѣе, и вы увидите, что авторъ ведетъ васъ незамѣтно въ уголокъ духовнаго училища, единственно ему знакомаго мѣста, и указывая съестъ на парту, гдѣ сидѣли однокласники Помяловскаго, говорить: „вотъ—Эдемъ, насажденный человѣку Богомъ до грѣхопаденія“. В. Р.—сг.

⁴⁾ Ахъ, ты, батюшки. Но мнѣ кажется, и Адамъ и Ева „взаимно себя видѣли“, и только согрѣшивъ *сознаніемъ* (не вожделѣніемъ), т. е. *ошибясь*—надѣли „кожаныя препоясанія“. Нѣтъ, противъ этого *неумолимаю* духа скопчества одно спасеніе.—воскликнуть: „сбросьте всякій разъ, когда изображаете еще не павшихъ Адама и Еву, съ нихъ эту кожу и листья, и откройте ихъ такъ, какъ ихъ другъ другу открылъ Господь. и какъ Онъ имъ приказалъ другъ на друга сморгнуть“. Поразительно, что въ залѣ „Conseptio immaculata“ въ Ватиканѣ, въ огромной стѣнной живописи, Эдемъ изображенъ,—но листья дерева такъ расположены, что все же образуютъ хотя бы невольное „препоясанье“ и Адаму и Евѣ. Какъ противоположно ученіе евреевъ, что „отъ Адама потому Богъ не потребовалъ обрѣзанія, что Адамъ былъ природно сотворенъ обрѣзаннымъ“. Каждый понимаетъ, что видъ „обрѣзаннаго“ въ противополож-

таются, пожеланія разгораются, и праздные глаза, случай имѣя собѣдей пристально разсматривать ¹⁾, воспламеняются чувственными пожеланіями... Какихъ только грязныхъ дѣяній на этихъ зрѣлищахъ не представляется, какихъ только безстыдныхъ словъ здѣсь не произносятся! И хуже всего то, что, кто въ этихъ пошлостяхъ находить удовольствіе, тотъ приноситъ образъ ихъ съ собою и домой. „Въ душѣ остается послѣ этихъ зрѣлищъ грязный слѣдъ, который при малѣйшемъ благопріятномъ вліяніи послѣдаетъ о себѣ знать“.

Но главная опасность чувственныхъ удовольствій и увеселеній состоитъ въ томъ, что они привязываютъ къ себѣ наше сердце, дѣлаются потребностію души, получаютъ преобладаніе и даже полное господство надъ нашей жизнью и волей, надъ нашимъ умомъ и сердцемъ, лишаютъ самаго драгоцѣннаго нашего дара и принадлежности христіанской свободы. Тотъ грязный ²⁾ слѣдъ, который оставляютъ въ нашей душѣ чувственныя удовольствія, то лстящее чувственности воспоминаніе, которое трудно заглушается въ нашемъ плотяномъ сердцѣ, могутъ послужить и дѣйствительно служить источникомъ этого лишенія. Разъ испытавши удовольствіе, человекъ, при удобномъ случаѣ для повторенія его, не всегда оказывается въ силахъ удержаться отъ него. „Такъ, по словамъ преосв. Димитрія, архіепа херсонскаго, и начинается обыкновенно разсѣянная жизнь; такъ заглушается мало-по-малу голосъ совѣсти и требованія долга. Склонность къ наслажденію становится, наконецъ, страстію, овладѣваетъ душою, покоряетъ себѣ и разумъ и волю. Отсюда уже прямая и широкая дорога ко всякому грѣху и пороку, потому къ преступленіямъ и совершенному распутству. Такъ зачинаются и растутъ всѣ порочныя склонности ³⁾, которыя въ послѣднихъ, крайнихъ проявленіяхъ своихъ невольно возбуждаютъ ужасъ. Правда, что до сего крайняго развитія порочныхъ страстей, до этой ужасной бездны зла доходятъ немногіе—однако-же доходятъ!

ность мертвымъ греко-римскимъ скульптурамъ, есть видъ *живого* пола, видъ возбудительный для другого пола. Но отъ сего, что уже и „Адамъ былъ обрѣзанъ“—у евреевъ дѣтоубійства и не образовалось никогда. А уже въ сокровеніяхъ залы „Concertio intas.“, не говоря о нашемъ скопечствѣ, гдѣ и „на локотокъ посмотреть нельзя“—дѣтоубійства *implicite* заключены, „напророчествованы“. *В. Р—въ.*

¹⁾ „Потрогала ножку у больного“ (см. выше). *В. Р—въ.*

²⁾ Опять—„грязный“. Подъ—это грязь: аксіома, изъ которой не умѣетъ вырваться авторъ. *В. Р—въ.*

³⁾ До чего понятно, что за рѣдчайшими исключениями духовенство женится на деньгахъ; и что молодые теперь священники, думающіе о подругѣ жизни, а не о „попадѣ при хозяйствѣ, взятой со столькими-то тысячами“, представляются старому и основательному священству „разрушителями основъ духовнаго быта“. До такой глубокой степени идея *любви*, чувство *любовности*—вырваны у нихъ! *В. Р—въ.*

Кто-же поручится, что не дойдетъ когда-либо и каждый, кто ступить уже на этотъ скользкій путь“? (Соч. т. IV, 75).

«Никто не родится злодѣемъ, но дѣлается такимъ постепенно, уклоняясь отъ заповѣдей Божіихъ шагъ за шагомъ, переходя отъ одного заблужденія къ другому, отъ скромныхъ удовольствій къ болѣе шумнымъ и увлекательнымъ“. Особенно все это опасно для молодыхъ неопытныхъ и увлекающихся людей, сердца которыхъ особенно воспріимчивы и открыты всякимъ, какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ вліяніямъ. «Если, скажемъ словами св. Іоанна Златоуста, старику не должно посѣщать этихъ увеселеній, то тѣмъ болѣе юношѣ. И для того (старика), великъ позоръ и большой стыдъ: и для этого (юноши) тѣмъ болѣе ужасная гибель и глубокая пропасть, чѣмъ живѣе въ юношахъ вождельнія, чѣмъ сильнѣе въ нихъ пламень, который, лишь только получитъ хоть немного вещества отънѣ, зажигаетъ все“ (Бес. къ Антиох. нар., т. 2. стр. 68—69). Объ этомъ слѣдуетъ больше всего подумать тѣмъ, которые по мнимо-благотворительнымъ побужденіямъ способствуютъ распространенію и расширенію круга вліяній разнаго рода увеселеній, привлекая сюда по большей части самыя неопытныя и потому легко заражающіяся юношескія силы.

Въ заключеніе органъ говоритъ: „Если равнодушіе къ дѣлу благотворительности постыдно, то увеселительная благотворительность *преступна* ¹⁾, ведя систематически и послѣдовательно къ нравственному оуптвнню и даже порочности. Тутъ отвѣтственность не предъ бѣдняками только, но и предъ церковію и предъ всѣмъ обществомъ“.

Такимъ образомъ многообразныя причины, кроющіяся въ направленіи современной печати и въ современномъ направленіи искусствъ и художествъ, непосредственно приводятъ современное и подростящее поколѣніе къ *отрицанію закона* ²⁾ на практикѣ.

¹⁾ Такъ какъ „благотворительность“—то, особенно если отъ нея перепадаетъ кой-что на свѣчки и ладавъ“, во всякомъ случаѣ хороша, то слово „преступность“, подчеркнутое въ подлинникѣ, относится очевидно къ *веселости*. „Кто веселъ—врагъ мнѣ“, говоритъ Держовъ и цитируемый имъ „органъ“. А мы еще споримъ о направленіи христіанства. В. Р.—св.

²⁾ Какого „закона“? Изъ ниже слѣдующаго видно, что „закона о бракѣ“. Но какъ онъ состоитъ въ „плодитесь, множитесь“, то казалось бы, пластическое и музыкальное возбужденіе къ нему, конечно не ранѣе, однако и не позже каноническихъ для него лѣтъ (13 лѣтъ для дѣвушки и 15 для отроковъ) составляетъ нисколько не предметъ упрека, но предметъ похвалы, какъ воспомоществованіе мысли Божіей. Пусть оставитъ авторъ незнакомую и *враждебную* ему область. Нѣтъ, понятны становятся „тимпаны и трубы“ древнихъ: „трубные звуки“ въ храмѣ Соломоновомъ! Какъ и Давидъ, пляшущій передъ кіотомъ Заѡта, и при томъ „сбросивъ эфодъ“, за что его упрекнула Мелхола (дочь Саула, возлюбленная

Но въ искусствѣ всего яснѣе отражается умственное настроеніе эпохи, господствующій интересъ ея мышленія, который и является основательною причиною всего направленія жизни данной эпохи.

Каково-же мышленіе настоящаго времени, вслѣдствіе котораго законъ о бракѣ *отвергается въ принципѣ?*

Въ самыхъ выдающихся, какъ говорятъ, образцахъ современной драмы, отражающей умственное настроеніе нашего времени, — мы видимъ — проповѣдуется свобода ¹⁾ любви, свобода личности ²⁾,

Давидова). Невозможно изъ этого систематическаго, *человѣкоубійственнаго* скопчества вырваться иначе, какъ ухватившись за плиты разрушеннаго рама Соломонова: ибо если *это* (у Дернова) религія, то — и *то* религія-же. Онъ только въ предисловіи „помахалъ“ первой страничкой „Бытія“, предупредивъ крикъ: „это преступникъ! бойтесь его!“ а затѣмъ во всемъ содержаніи и не вспомнилъ о *Бытіи*, о всей *Библии*, ссылаясь лишь на „хилыхъ, лежащихъ въ постели старцевъ“, которыхъ „дѣвица потрогала за ногу“ и укусила „вождедѣніемъ“. Все это сплошная гадость, эти его авторитеты, — и весь докладъ его есть самое преступное выкапываніе самыхъ столбовъ брака. Но къ чему хитрить: размахиваль-бы онъ уже съ самаго начала ножомъ Селиванова, говоря: „вотъ что вводитъ въ царство небесное“. А то „законъ“, „природа“, „общечитіе“, „семья“, „супружество“, „достиженіе зрѣлости юрши и дѣвицы“! Ну, „смотрятъ на картинки“, „слушаютъ музыку“, „terribile dictu — танцуютъ“. Очевидно, потому что *нравится*, и нравится потому, что *созрѣли*; стало быть, имъ надо дать: ему — *жену*, ей — *мужа*. Но во всемъ „докладѣ“ авторъ такъ-таки и не подступилъ къ жгущему скопческую душу пункту *Быт.*, 1: „сотворилъ *помощницу* ему“, и онъ нигдѣ не сказалъ, когда-же и какъ подвести юношѣ дѣвушку, дѣвушкѣ — юношу. Мысль-то Божія никакъ и не выходитъ у него. Но тогда съ крикомъ: „это — не Божіе“, „это — отъ врага“ мы можемъ изодрать его докладъ въ куски, и, оставивъ „танцы“, „музыку“ и „пластику“, все это довести до высшей степени изащества, до религіознаго изащества: дабы оно стало религіознымъ путемъ, тропинкою къ религіозному соединенію. Преобразование скопческой музыки и пластики въ брачную, созданіе пластическихъ религіозныхъ формъ, какъ въ своемъ родѣ „подлинника“ супружества — вотъ проблема новаго религіознаго искусства. *В. Р. — съ.*

¹⁾ Ага, добрался до главной собаки. Ну, конечно — зарыть ее! *В. Р. — съ.*

²⁾ Какъ это все связано! Какъ нужно запомнить этотъ путь сужденій. Да — *личность*, вотъ главный врагъ само-оскопившагося „общечеловѣка“, въ которомъ умерло *имя* подъ *клубукомъ*. Завистливо — онъ ненавидитъ *личность*, какъ бѣднякъ — богача. Отрѣшенный отъ любви, или имѣя подъ бокомъ „матушку“ съ капиталомъ — о, какъ онъ дрожитъ на свободную любовь! Тамъ — счастье, мимо котораго онъ прошелъ. Все онъ пожертвуетъ, даже самый капиталъ, чтобы стреножить бѣгунью въ полѣ. Прихрамывая, онъ будетъ слѣдить за ней, и не устанетъ, и своею злобою истомитъ ее: и наконецъ настигнетъ и вакинетъ недоудокъ. „Теперь ты моя, не вырвешься“. Такимъ „недоудкомъ“ (все совершилось безотчетно въ вѣкахъ) сослужило скопцу когда-то, 1700 лѣтъ назадъ вырвавшаяся у него „благопожеланіе“, благословеніе браку, то-же въ своемъ родѣ „предисловіе“, открывшее самую грустную книгу. Скопецъ — гордъ, и дорого цѣнить жемчугъ словъ своихъ; это благословеніе обошлось чловѣчеству въ тысячи убившихся дѣвушекъ, убитыхъ дѣтей: ибо едва

особенно женщины отъ гнета семейной тираніи ¹⁾, разрывъ со средою, съ общественнымъ мнѣніемъ, съ семьею. На основаніи какихъ воззрѣній?

Въ дѣйствительной жизни все это происходитъ у насъ прежде всего вслѣдствіе распространенія сектантскихъ ученій ²⁾, многія изъ которыхъ, отрицая всѣ установленія Церкви, отрицаютъ и бракъ и, льстя этимъ чувственности ³⁾ современныхъ людей,

поймавъ въ „недоуздохъ“ нѣкоторыхъ, онъ всѣхъ остальныхъ объявилъ „бѣглянками“, невозможными для общенія существами, нарушительницами воли своей и Божіей. „Недоуздохъ“ же онъ цѣнитъ дорого и всякое надѣваніе его обставилъ цѣною, формальностями, подробностями, которыя сообщали бы ему все пущую и пущую важность. „Моя власть“... И такъ это и до сихъ поръ слышится. *В. Р.—с.*

¹⁾ Какъ это все важно: „женщина—ты, когда любишь,—враждуешь противъ власти, среды, общественного мнѣнія, семьи“. Все—уже приспособилось одно къ другому, слежалось въ комъ по-истинѣ падала, задавившей одну сверкающую подъ собою точку—*любовь*. „Любовь—вотъ врагъ брака!“ не это-ли восклицаніе есть въ сущности тысячелѣтнее восклицаніе богослововъ? Какъ странно: значить—*бракъ* безъ любви?! Какъ-же иначе? Когда любовь—врагъ брака, то стало быть бракъ—врагъ любви. Какое неестественное сплѣненіе! Что совершилось? Мгла въ глазахъ, такъ страшно прочесть: вѣдь бракъ *родился* изъ любви, какъ-же они разошлись, стали враждебны? Но мы вспоминаемъ хромого ловца и недоуздохъ: затѣмъ онъ и путешествовать, чтобы выкрасть изъ міра любовь. И когда онъ ее похитилъ и, отведя въ сторону, „заколдовалъ, какъ послѣднюю языческую жертву“, то написалъ на водѣ пальцемъ: „бракъ“. Съ тѣхъ поръ всякій разъ, когда безсмертное существо любви воскресаетъ, „бракъ“ блѣднѣетъ, теряется, не знаетъ, что сказать и зоветь въ защитники Пушкина или Дернова; а когда заключается „бракъ“—страннымъ образомъ блѣднѣетъ и умираетъ любовь. Сказываютъ и пишутъ моралисты, что „бракъ въ цѣлой Европѣ умираетъ“. Но мнѣ кажется, можно предвидѣть, что когда онъ испуститъ послѣдній вздохъ—вдругъ вся Европа зацвѣтетъ бракомъ, такъ что уголка въ ней безбрачнаго не останется. Ибо по аксіомѣ, „гдѣ умеръ бракъ—воскресла любовь“,—она вся зацвѣтетъ любовью, которая сольется съ бракомъ, и бракъ обратно сольется съ любовью. Тогда будетъ невиданное и во всякомъ случаѣ не устроимое для Дернова зрѣлище: земли, наполненной бракомъ, и притомъ рѣшительно вездѣ всецѣло и исключительно однимъ только счастливымъ бракомъ! Какое „смягченіе-то нравовъ“ произойдетъ: ибо какой-же счастливый дерется, кусается или воетъ? Все это порождено желтымъ несчастьемъ! *В. Р.—с.*

²⁾ Скажите, пожалуйста: паденіе семейнаго счастья отъ пашковцевъ и толстовцевъ! также—и отъ старовѣровъ! Но вѣдь авторъ уже въ сужденіяхъ о бракѣ хлопочетъ объ одномъ интересѣ: „нашей власти“, и естественно, что „колебаніе нашего престижа“ въ бракѣ у него переходитъ въ киданіе озлобленныхъ взглядовъ вообще по линіи „колеблющихся нашъ престижъ“. *В. Р.—с.*

³⁾ Такъ вотъ въ чемъ дѣло: „бракъ—во умерщвленіе чувственности“. Ну, и понятно, сколько еще молодыхъ силъ остается въ челоуѣчествѣ—все это „вулканъ подъ бракомъ“. Мужъ Татьяны (Пушкинской), душій въ кулакъ и никакъ не могущій согрѣться, есть идеалъ его: тутъ ужъ около него надъ и нимъ все тихо. „Гиганты побиты, Прометей связанъ“, и Юпитеру-Дернову остается одно удовольствіе. *В. Р.—с.*

даютъ имъ опору для отрицанія закона ¹⁾ въ принципѣ. Спеціаллисты, имѣющіе дѣло съ сектантскими ученіями, могутъ указать, какія именно секты вредны и опасны въ этомъ именно направленіи.

Распространеніе гражданскаго брака на Западѣ вызвало у насъ уродливое явленіе, ведущее къ отверженію закона *въ принципѣ* ²⁾. На Западѣ замѣнили законъ церковный о бракѣ закономъ гражданскимъ вслѣдствіе борьбы Церкви съ государствомъ и, конечно, еще по несчастной склонности сердца человѣческаго къ своеволію, вслѣдствіе стремленія вырваться изъ границъ, положенныхъ закономъ Божиимъ, ради страстныхъ увлеченій и плотскихъ наслажденій ³⁾.

Чѣмъ инымъ можно объяснить нетерпѣливое желаніе нѣкоторыхъ народовъ западной Европы замѣнить христіанскій бракъ ⁴⁾, благословляемый церковью, *такъ называемымъ гражданскимъ*, если не стремленіемъ совершенно освободить свою совѣсть отъ напоминанія закона христіанскаго о сохраненіи вѣрности ⁵⁾, чистоты ⁶⁾

¹⁾ Да что за „законъ“, почему онъ все мелькаетъ? Ужъ не есть-ли „законъ о бракѣ“—„законъ безбрачія“? Кажется—такъ. Иначе, почему „лѣтъя чувственности—отрицаетъ законъ“. В. Р.—*св.*

²⁾ Да что такое за „законъ въ принципѣ“? Развѣ въ „гражданскомъ бракѣ“ мужъ съ женой живутъ на разныхъ половинахъ квартиры? или, какъ Лаврецкій и супруга его, въ разныхъ государствахъ? Интересно знать, развѣхавшись, Лаврецкій и жена его „нарушили-ли“ „законъ въ принципѣ“? Кажется—нѣтъ, ибо тогда духовная консисторія не приняла никакихъ мѣръ, и отказала Лизѣ Калитиной въ устройствѣ ей семейнаго счастья. Итакъ, „законъ съ принципѣ“, повидимому, позволяетъ супругамъ иногда хоть вовсе не жить вмѣстѣ, но однако непремѣнно спросаясь у церкви: напротивъ, когда мужъ и жена счастливо и вмѣстѣ живутъ и у нихъ каждый годъ рождается по хорошенькому ребеночку, но если это дѣлается съ санкціи одного государства, то „нарушается въ принципѣ Законъ“. Откуда явентъ итогъ, что сущность Закона Божія заключается въ повинновеніи „намъ“. В. Р.—*св.*

³⁾ Жалобная панихида. В. Р.—*св.*

⁴⁾ Мнѣ кажется—бракъ христіанъ и *есть* христіанскій бракъ? Какой-же, не мордовскій-же? В. Р.—*св.*

⁵⁾ Да вѣдь именно въ „христіанскомъ бракѣ“, соглашаясь съ терминологіей Дернова, *вѣрности* не требуется (Лаврецкій и жена его, Каренинъ и жена его). В. Р.—*св.*

⁶⁾ Какая-же чистота у Анны, живущей съ мужемъ и Вроискимъ? и у жены Лаврецкаго, отдающей парижскимъ актерамъ? Но консисторія въ обоихъ случаяхъ не развела ихъ, ошараясь на слова Евангелія: „только ради *прелюбодѣянн*я можно разводиться“, и слѣд. не признавъ „прелюбодѣяннѣмъ“ жизнь втроемъ, и даже—со многими. А консисторія чей „органъ“? Секретъ усилій къ „гражданскому браку“ едва ли и не есть единственный способъ вырваться къ чистотѣ въ бракѣ. Ибо если секретарю духовной консисторіи не претитъ, какъ будетъ жить Каренинъ, то вѣдь *самому-то* Каренину—претитъ? И вотъ, ничего не добившись отъ консисторіи, онъ потребуетъ гражданскаго брака, потребуетъ его и Лаврецкій, и Калитина—когда придетъ въ сознаніе. Потре-

и цѣломудрія въ супружеской жизни? Когда люди съ своимъ собственнымъ гражданскимъ закономъ въ рукахъ сами могутъ заключать браки и расторгать ихъ безъ мысли о Богѣ ¹⁾ и безъ страха отвѣтственности передъ судомъ Его ²⁾: тогда и предъ людьми, и передъ дѣтьми, происходящими отъ такихъ браковъ, стыдиться нечего; все, даже и оставленіе дѣтей безъ попеченія отца и матери при разводахъ ³⁾, поставлено на законную почву, и не имѣетъ ничего заслуживающаго порицанія. Какъ же нашимъ слѣпымъ подражателямъ Европы не желать подобныхъ законовъ? При нихъ не будетъ этихъ церковныхъ правилъ, запрещающихъ браки въ близкомъ родствѣ, стѣсняющихъ произвольные разводы, предписывающихъ крещеніе и христіанское воспитаніе дѣтей ⁴⁾. Для нихъ не важно, что сама природа возстаетъ противъ нарушенія ея законовъ, производя золотушныхъ и глухонѣмыхъ ⁵⁾ дѣтей отъ браковъ въ близкомъ родствѣ, что дѣти

буютъ его всѣ несчастные, не потому, чтобы хотѣли въ супружествѣ жить безъ Божьяго благословенія, но потому что съ просьбою-то о немъ пошли не туда вовсе, не къ супруго-Сочетателю, а къ супруго-Разъединителю. И эта ошибка адреса и произвела (въримъ—минутную) запутанность, именуемую „гражданскимъ бракомъ“. Известно, что казна бережетъ потеряныя вещи, пока не нашелся хозяинъ, ей-же отдають и похищенныя вещи, отягатыя у вора. Тоже случилось на западѣ и съ семьей. *В. Р.—съ.*

¹⁾ Да почему безъ мысли о *Богѣ*? Неужели и помолиться безъ требника нельзя? *В. Р.—съ.*

²⁾ Передъ судомъ консисторіи, и столь жестокой, безчувственной; но авторъ скашиваетъ на сторону глаза и пріемлетъ „имя Господа Бога всуе“. *В. Р.—съ.*

³⁾ Вотъ когда (не ранѣе) вспомнилъ о дѣтяхъ: когда подошла угроза „нашей власти“. Ну, а что у русскихъ, рождающихся въ Петербургѣ, „и притомъ къ несчастью исключительно почти православныхъ“ до одной трети ихъ—и отцы и матери отнимаются и по имени и иногда для пропитанія, что дѣти эти-же „бросаются въ непотребныя мѣста, или вытравливаются“, и все это при полномъ дѣйстви „христіанскаго закона“ (см. выше), то авторъ молчалъ. „Лицемѣръ, что говоришь о соломинѣ въ глазахъ брата твоего—изыми изъ своего бревно“. *В. Р.—съ.*

⁴⁾ Ну, наше „христіанское воспитаніе“ въ воспитательныхъ домахъ, или—въ притонахъ, какъ у Скублинской? Вообще въ смыслѣ *урегулированности* и *упорядоченія* семейной жизни древніе афоризмы о бракѣ, годные для какой-нибудь Виваніи и Никомидіи, величиною въ нашъ Серпуховскій уездъ, рѣшительно непригодны. Какое-же было „упорядоченіе“ семьи у Лаврецаго: одна—пошла въ монастырь, другой—въ одиночество, третья—побѣдительница всѣхъ—въ парижскія удовольствія, и все „по христіанскому закону“. „Регулируетъ“ то, что регулируетъ, а что не регулируетъ—то и не регулируетъ: и когда „правильной“ жизни нѣтъ—то нѣтъ и „правиль“ иначе какъ мнимыхъ. *В. Р.—съ.*

⁵⁾ Скажите, пожалуйста. Эти „золотушные и глухонѣмые“ сейчасъ выдвигаются впередъ, когда заходитъ вопросъ о „шестомъ свойствѣ и четвертомъ родствѣ“, препятствующихъ у насъ вступать въ бракъ. Но эти „золотушные и глухонѣмые“ весьма подобны актерамъ кукольнаго театра, которыхъ держитъ за ноги простоватый мужикъ; „мужикъ“ на этотъ разъ никакъ не можетъ доказать, что у нѣмцевъ, англичанъ и у

безъ христіанскаго воспитанія ¹⁾ становятся грубыми язычниками, что произвольные разрывы супружества разрушаютъ въ концѣ эти естественныя гнѣзда, называемыя семействами и предназначенныя для размноженія, охраненія и воспитанія племени рода человѣческаго ²⁾. Но у насъ замѣчается нѣчто еще худшее, чѣмъ борьба въ Европѣ за гражданскіе браки: у насъ люди свободно сошедшіеся, безъ разрѣшенія всякаго закона, не красѣтся жить въ вмѣстѣ, выѣзжаютъ, принимаютъ гостей и развязно говорятъ: „мы живемъ въ гражданскомъ ³⁾ бракѣ“.

Философія, съ одной стороны, дающая направленіе умственному настроенію, а съ другой,—у насъ, при подражательности Западу, усвояемая потому, что она именно льститъ нашему чувственному настроенію,—философія послѣдняго времени есть въ

евреевъ, гдѣ шестое свойство и четвертое родство не соблюдаются, дѣти рождаются „глухонѣмыми“ или „золотушными“, и вообще болѣе хилыми, чѣмъ у русскихъ; во-вторыхъ, „мужикъ“ не можетъ объяснить, какія-же дѣти рождаются въ „благословенномъ“ бракѣ 69-лѣтняго тайнаго совѣтника съ 16-лѣтнею дѣвницей; въ-третьихъ, онъ не можетъ указать, почему-же „золотушными“ должны дѣти рождаться, если чужіе другъ другу воспріимники одного ребенка отъ купели женятся? или—два родныхъ брата на двухъ родныхъ-же сестрахъ? или—послѣ смерти жены своей ея вдовецъ съ дѣтми. чтобы не брать имъ чужой мачехи, женится на сестрѣ ея? В. Р.—*с.*

¹⁾ Просто—непостижимо: да отчего при гражданскомъ бракѣ не можетъ быть „христіанскаго воспитанія“? Можетъ быть законоучителя берутъ не изъ патеровъ? Да и какое у насъ воспитаніе при церковномъ бракѣ, воспитаніе хоть у Скублинской, въ Воспитательномъ домѣ, да и въ безграмотной деревнѣ? Справедливо замѣтилъ во „Власти тьмы“ Толстой: „тычутся, какъ вылупившіеся цыплята, носомъ въ своей собственнѣйшій навозъ“. Нѣтъ, ужъ о „воспитаніи“ Дерновъ не позаботился, и не о немъ онъ здѣсь заботится, а о привилегіи на „недоуздохъ“. В. Р.—*с.*

²⁾ Хорошо „дворянское гнѣздо“ у Лаврецакаго! А съ Линой Калитиной и нравственному гнѣзду возникнуть помѣшали. Пусть-же и хранятъ въ кармаиѣ и показываютъ всему свѣту протухлое яйцо „сохраненнаго“ имъ гнѣзда м-ше Лаврецькой, пожившей съ актерами въ Парижѣ и заведшей въ 2—3 дня интрижку съ Паншинымъ передъ глазами мужа. Нѣтъ, ужъ чужого добра, добра свободной и независимой любви въ бракѣ, вы, его творцы, у насъ, не трогайте: и поноситесь съ той „семейкой“, какую создали, и иллюстраціи которой даетъ ежедневно судъ. В. Р.—*с.*

³⁾ Конечно—не могутъ назвать „гражданскимъ“, ибо гражданство ихъ не признало; но разъ ихъ признаетъ общество—то вполне могутъ назвать его „общественнымъ бракомъ“; „общественно-признаннымъ бракомъ“. Также могутъ назвать его „христіанскимъ“: ибо христіанство не ограничивается требникомъ; и еще лучше и полнѣе—„библейскимъ“. Это совершенно покрываетъ дѣло, ибо въ Вибліи и лежитъ настоящій и единственный корень брака, который, упоминая въ началѣ доклада, на всемъ остальномъ его протяженіи оспариваетъ Дерновъ. Браки, о которыхъ онъ говоритъ, и суть невольная и бессознательная реакція къ Вибліи, и борьба—съ убійцами ея. В. Р.—*с.*

сущности одна колоссальная проповѣдь эгоизма,—эгоизма ¹⁾, возведеннаго въ принципъ, въ единственный и безусловный законъ жизни. Матеріализмъ и дарвинизмъ говорятъ: „нѣтъ человѣка, какъ самостоятельнаго-цѣлаго, онъ есть лишь продуктъ природы, міровыхъ законовъ и т. д.,—человѣкъ долженъ быть единственнымъ для себя законодателемъ, своимъ судьей и рѣшителемъ своей судьбы. Въ человѣкѣ все естественно, и борьба съ требованіями природы дѣло бесполезное и даже вредное. Такъ-называемый наследственный грѣхъ теологовъ есть не что иное, какъ простая животная природа человѣка. „Пить, ѣсть и женщину“ ²⁾ — вотъ единственное естественное законное требованіе организма,—въ этомъ состоитъ сущность природы человѣка и способность ея къ развитію. Организмъ не можетъ господствовать надъ самимъ собою“.

Подъ угломъ такого возрѣнія всѣ извращеннѣйшія похоти нашей природы должны считаться именно только выраженіемъ полноты нашей природы и какъ такія, конечно, уже не могутъ подлежать никакому стѣсненію или ограниченію.

Въ невозбранномъ раскрытіи всѣхъ вождельнѣйшей нашей плоти усматривается совершенство жизни всего человѣческаго рода въ будущемъ. Происхожденіе добродѣтели цѣломудрія объясняется ничѣмъ инымъ, какъ эгоизмомъ, который не желаетъ раздѣлять удовольствія своей любви съ другими и потому установилъ законъ о бракѣ.

Такими возрѣніями, конечно, дается твердое основаніе для отверженія закона въ принципѣ, для погруженія въ пучину чисто животной жизни.

Пессимизмъ и буддизмъ, утверждающіе, что благо въ томъ, чтобы не жить, благо въ самоуничтоженіи, практическимъ слѣдствіемъ имѣютъ опять-таки чисто животную жизнь, наслажденіе и удовлетвореніе всѣмъ инстинктамъ тѣлесной природы, пока человѣкъ находится здѣсь на землѣ, пока онъ еще не истребилъ себя.

Вотъ современное направленіе философіи, губительно вліяющее на возрѣнія на бракъ и на данный Богомъ законъ, *отвергающее его въ принципѣ* ³⁾. По важности этотъ вопросъ требуетъ глубокаго обслѣдованія, которое, конечно, невозможно въ предѣлахъ

¹⁾ На „эгоизмъ“ надо у себя и въ своемъ вѣдомствѣ оглянуться. В. Р.—*сз.*

²⁾ „Вкусите отъ всѣхъ плодовъ земныхъ“... „вотъ тебѣ—помощница“: это гдѣ сказано? В. Р.—*сз.*

³⁾ И все „отвергающіе законъ въ принципѣ“. Дѣвство, аскетизмъ—не правда-ли, вотъ *единственное* „отверженіе закона брака въ принципѣ“ и во всемъ докладѣ одинъ его авторъ и есть страшный борецъ „отвергающій законъ въ принципѣ“. В. Р.—*сз.*

настоящаго доклада, и безъ того занявшаго такъ долго ваше, досточтимые братія о Христі, вниманіе.

Что же сказать въ заключеніе нашихъ разсужденій? Къ чему должны быть направлены мѣры пастырей въ борьбѣ со зломъ, причины коего мы показали?

Высокое достоинство человѣка въ томъ, что онъ господинъ природы.—Но ему, запечатлѣнному образомъ Божиимъ и получившему богоподобную природу, предназначены—только первоначально жизнь и развитіе среди природы видимой, а затѣмъ предназначено восхожденіе въ міръ духовный ¹⁾, въ вѣчныя селенія его Создателя и Отца. Словами творческаго благословенія: „раститеся и множитесь и наполните землю“ указано людямъ не только на высокое ихъ предназначеніе, но и ²⁾ на обязанность съ должнымъ вниманіемъ хранить въ себѣ творческую силу чадородія и воспитывать свое потомство согласно съ волею Божіею и предназначеніемъ человѣчества.

Посему, кромѣ законодательныхъ мѣръ, статистическихъ изслѣдованій и пастырскихъ мѣръ воздѣйствія на взрослыхъ, не самою ли главною мѣрою является забота пастырей о воспитаніи подрастающаго поколѣнія, о разъясненіи ему *сущности закона* и воз-

¹⁾ Вотъ, вотъ! лезвіе скопца уже подкрадывается. В. Р—ва.

²⁾ И все-то сплетено изъ „не только, но и“: о *размноженіи*—ни слова; о *не размноженіи*—все. Совсѣмъ было подошелъ къ „плодотворенію“, но виднѣнъ въ сторону: „*храните* творческую силу чадородія“. Да до какихъ лѣтъ? 65, когда вы охотно повѣнчаете? И для *кого* и для *чего* хранить: вѣдь до *невесты* вы такъ и не достукались, обошли ее бочкомъ, обругали вокругъ ея все, музыку, картины, и очевидно „хранить“ творческую силу“ надо для могилы, гроба. Вотъ какъ унесешь ее туда, безъ потомства, вы радостно захлопнете крышку надъ „творческою силою“, воскликнувъ: „видѣли-ли вы сатаву, спавшаго съ неба, какъ молнія“, „нынѣ—судъ князя міра сего“, „я побѣдилъ міръ“. Вѣщія слова. Грозныя пророчества. Кто сотворилъ женщину—сотворилъ красоту, притяженіе къ ней, вожделѣніе ея; сотворилъ возбудителей красоты, и появились музыка, художества, поэзія, явилась мудрость—философія. Но кто захотѣлъ-бы все это sprysnutъ мертвою водою, достаточно было-бы перервать пуповину между женщиною и мужчиною. Взоръ творца померкнетъ, рѣзецъ выпадетъ у скульптора, цѣвница—у музыканта, а философія превратится въ искусственную и сухую игру. На развалинахъ міра появится осель съ длинными ушами и, чего добраго, пожалуй сочинитъ „докладъ“ о вредѣ красоты и женщины, и какъ слѣдуетъ устроить семью и бракъ безъ женщины и красоты, но зато позвавъ „на бракъ въ Кану“ самого длинноухаго докладчика, который ужъ замѣнитъ жениху вредную женщину, ляжетъ съ нимъ на новобрачную постель, но, вмѣсто брачнаго „грѣховнаго“ удовольствія, цѣлую ночь ему будетъ ревѣть въ ухо наставленія о цѣломудріи, о воздержаніи, о смерти, гробѣ и будущей жизни. И, утѣшивъ въ томъ, что если самъ онъ конечно отъ осла не будетъ имѣть дѣтей, то зато осель охотно назоветъ его своимъ „духовнымъ сыномъ“, что совершенно удовлетворитъ его въ чувствахъ родства. „Ибо преобразуетъ природное родство въ духовное“. В. Р—ва.

можное устраненіе его отъ всѣхъ, указанныхъ нами, растлѣвающихъ вліяній?

Отсюда должны вытекать всѣ задачи дальнѣйшаго пастырскаго дѣланія, имѣющаго цѣлью воспитать: здоровое—физически—поколѣніе для общества и для государства, чистое, нравственное—для Церкви, и угодное Богу—для царства небеснаго.

XIX. Пастырское собраніе по вопросу о незаконныхъ сожительствахъ и мѣрахъ для борьбы съ этимъ зломъ.

Пастырское собраніе столичнаго духовенства, состоявшееся въ залѣ Общества духовно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православія 15 сего декабря, было продолженіемъ такового-же собранія 1 декабря. На первомъ предложенъ напечатанный уже въ „Спб. Дух. Вѣстн.“ докладъ А. Дернова „О незаконныхъ сожительствахъ и мѣрахъ къ борьбѣ съ этимъ зломъ“,—въ собраніи 15 декабря надлежало приступить къ совѣщаніямъ по предложенному предмету.

Въ началѣ предсѣдатель собранія, прот. М. И. Горчаковъ, указавъ на сложность и многосторонность поставленнаго на обсужденіе предмета, намѣтилъ главныя составныя его части. При разсужденіяхъ и совѣщаніяхъ, согласно мысли о. протоіерея, придется I) выяснять значеніе законнаго и нормальнаго брака, какъ конкретнаго супружескаго союза, такъ и установленія въ строгѣ человѣческаго общежитія—въ народѣ и государствѣ, для лицъ, вступающихъ въ бракъ, для дѣтей, семьи, потомства, родственнаго союза, сосѣдей, населенія въ обществѣ, народа, церкви и государства; II) указывать вредныя послѣдствія и пагубное вліяніе незаконныхъ сожительствъ—для лицъ, повинныхъ въ этомъ, для дѣтей, семьи, рода ¹⁾ и т. д.; III) устанавливать вѣрныя воззрѣнія на содержаніе, природу и существо законнаго и нормальнаго брачнаго союза; IV) опровергать распространенныя въ обществѣ разныя понятія о бракѣ—одностороннія, невѣрныя и извращенныя; V) изслѣдовать причины и обстоятельства, препятствующія установленію законнаго брака; VI) указать и выяснить

¹⁾ Оно заключается въ юридическомъ и экономическомъ (наслѣдственномъ) безправіи: уничтожьте его и вы устраните „вредныя послѣдствія и пагубное вліяніе незаконныхъ сожительствъ для дѣтей, семьи, рода“. Но лиса знаетъ, какихъ она куръ воруетъ, и притворяется охранителемъ курятника. Нужно-бы говорить объ „умаленіи нашего престижа“, при дарованіи такимъ дѣтямъ правъ. На это и рука не подымется; и такъ, что дѣти безправны—это твердо какъ замерзшій ледовитый океанъ, и вотъ когда они безправны и отъ этого, конечно, несчастны—„мы пожалѣемъ ихъ“. В. Р.—6а.

причины и обстоятельства, содѣйствующія распространенію незаконныхъ сожительствъ; VII) обнаружить и критически изслѣдовать отношенія къ разнообразнымъ явленіямъ, противнымъ цѣломудрію, дѣвству и т. п., законодательства уголовного, полицейскаго и военнаго, властей и общества; и наконецъ VIII) изыскать и указать пастырскія мѣры, какія можно предпринять противъ широкаго распространенія упадка цѣломудренныхъ отношеній въ населеніи столицы, соединеннаго съ ужасными послѣдствіями, подрывающими народное здоровье и благосостояніе.

Указаніе исчисленныхъ составныхъ частей общаго содержанія подлежащаго обсужденію собранія предмета не есть точная и опредѣленная программа для совѣщаній собранія, а можетъ служить лишь руководственною и путеводною нитію, около которой имѣютъ ориентироваться совѣщанія, разсужденія, возвращенія и разслѣдованія о сложномъ и многостороннемъ предметѣ, — о такихъ явленіяхъ въ населеніи г. С.-Петербурга, которыя составляютъ продуктъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и сложныхъ условій и причинъ, исторически развивавшихся и продолжающихъ дѣйствовать въ жизни нашего времени и находящихся въ зависимости отъ умственнаго и нравственнаго настроенія тѣхъ или другихъ слоевъ современнаго общества. Что касается до порядка, очереди и постановки частнѣйшихъ вопросовъ, то таковыя могутъ опредѣляться какъ заявленіемъ 16 столичныхъ пастырей и содержаніемъ предложеннаго ранѣе доклада, такъ и ходомъ совѣщаній и желаніемъ по возможности скорѣе достигнуть результатовъ совѣщаній, необходимыхъ и полезныхъ для практической пастырской дѣятельности.

Содержаніе для первыхъ вопросовъ дается заявленіемъ 16 пастырей отъ 5 ноября о ежегодномъ поразительно великомъ количествѣ зарегистрированныхъ въ Статист. Отд. Думы незаконнорожденныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, сравнительно съ числомъ законнорожденныхъ, и о томъ, что эта регистрація свидѣлствуетъ о широкомъ распространеніи въ нашемъ городѣ незаконныхъ сожительствъ. Но эти размѣры незаконныхъ сожительствъ въ Петербургѣ не могутъ казаться ужасающими по общему числу неженатыхъ въ Петербургѣ, сравнительно съ количествомъ состоящихъ въ бракѣ. По однодневной переписи 1890 года, значитъ: холостыхъ мужчинъ въ Петербургѣ, находящихся въ брачномъ возрастѣ отъ 21 года, 118,811 лицъ, а женатыхъ 203,853, вдовыхъ 12,162, разведенныхъ 1057, неизвѣстнаго состоянія 1669¹⁾;

¹⁾ Т. е. *вне*-семейнаго состоянія: 118.711 + 12.162 + 1,057, а всего 131,930 мужчинъ брачнаго возраста на 203,853 *внутри*-брачнаго состоянія. Поразительно, что какъ докладъ А. Дернова, такъ и вызванные имъ пренія даже не упоминаютъ о проституціи и домахъ терпимости. Между тѣмъ очевидно, что цифра 131,930 *должна* на двѣ: прости-

дѣвицъ отъ 16 лѣтъ 133,764 (замужнихъ-же 136,249), вдовицъ 58,000, разведенныхъ 1,733 ¹⁾, неизвѣстнаго состоянія 1,808. Статистика не даетъ отвѣта на вопросъ о числѣ незаконныхъ сожителствъ въ столицѣ, а весьма важно ²⁾ было-бы точно знать ихъ цифру. Ежегодный подсчетъ статистическихъ цифръ о числѣ новорожденныхъ въ Петербургѣ въ году дѣтей—законныхъ и незаконныхъ и о числѣ заключаемыхъ браковъ, по матеріаламъ изъ метрическихъ книгъ, пастырямъ церкви столицы вовсе не извѣстенъ. Неизвѣстно и процентное отношеніе числа рожденій, супружествъ и браковъ къ общему количеству православнаго населенія въ столицѣ ³⁾

Были голоса, что въ данномъ случаѣ важно для пастыря знать о существованіи лишь самаго зла ⁴⁾ и имѣть средства для борьбы

тупіонную, громадную, и очень небольшую къ несчастію (вотъ и пришло сказать) незаконныхъ сожителствъ, т. е. не въявныхъ семей И какъ только вы ударите по вторымъ, явленіе подъ ударомъ упадетъ и *пропорционально всплываетъ въ проституціонномъ*. Потому что пуху вѣкуда дѣться, онъ можетъ только перемѣститься. Не связывая этихъ явленій и крича только о какомъ-то неизвѣстномъ цѣломудріи, и Пастырское собраніе и Дерновъ въ сущности борются *за проституцію, въ пользу проституціи*. Таковы плоды наивности въ сложныхъ вопросахъ. В. Р.—вз.

¹⁾ Итакъ *внѣ-брачныхъ* женщинъ брачнаго вѣзраста: 133,764 + 58,000 + 1,733, а *всего* 193,497 на 136,249 брачныхъ. Вотъ эта цифра и есть корень всего дѣла. Но пастырское собраніе такъ лѣниво къ нимъ отнеслось, что даже не подсчитало итога. В. Р.—вз.

²⁾ Когда были однодневныя переписи въ столицѣ, то въ табличкахъ о всемъ крупномъ и мелкомъ спрашивалось. Но поразительно, что такой крупный фактъ, какъ „незаконное сожителство“, показующій *желаніе семейно жить и недопущеніе* самимъ закономъ чловѣка *до семейной жизни*—вовсе въ вопросныхъ пунктахъ не содержался. Нельзя сказать, чтобы статистики не знали объ этомъ, на улицѣ и средѣ бѣда дня лежащемъ, фактъ; но, очевидно, они боялись опрашиваемыхъ *обидѣть вопросомъ*, получить дерзость или ложь въ отвѣтъ: это показываетъ, на какой низкой степени опозоренности стоитъ въ официальныхъ и вообще въ свѣтскихъ глазахъ „незаконное сожителство“. А если оно такъ низко стоитъ, что о немъ даже въ статистическомъ листкѣ спросить нельзя, то будемъ-ли мы осуждать дѣвицъ, вдовъ, что онѣ скрываютъ *всячески* рожденія. А если *скрываютъ* и не могутъ, не смѣютъ подъ давленіемъ общества не скрыть: то смѣемъ-ли мы отречься, что само общество и „*esprit des lois*“ требуетъ убіенія дѣтей ихъ. Правда, не прилагая къ этому рукъ, и вообще издали, сторонясь. Но вѣдь бываетъ на войнахъ, что цѣлый отрядъ, корпусъ, армія *сдается безъ выстрѣла*: она уже такъ окружена, что не можетъ не сдаться. Вотъ и дѣвушка или вдова-христіанка тоже „такъ окружена“, что не можетъ „не сдаться въ материнствѣ“, и бросаетъ ребенка въ прорубь, на чердакъ, въ отхожее мѣсто, только дабы явиться „чистою“, „неосужденною“ въ глазахъ „цѣломудренныхъ“ (идеалъ Дернова) ее окружившихъ полчищъ. В. Р.—вз.

³⁾ Ну, т. е. ничего не извѣстно заботливымъ пастырямъ. В. Р.—вз.

⁴⁾ Ну, конечно, говори „вообще“, и даже ужъ лучше говори „о порокахъ Визавтіи въ вѣкъ Іоанна Златоуста“; а кто имѣетъ умъ—переложить это на себя и современниковъ. Передъ глупыми-же „не мечите бисера“. В. Р.—вз.

съ нимъ. Но вопросъ самъ собой ставился шире: полезно-ли и необходимо-ли, для правильной и цѣлесообразной постановки пастырской дѣятельности, вообще знать положеніе своей паствы во всѣхъ отношеніяхъ возможно точнѣе. Важно въ каждый данный моментъ каждому пастырю имѣть возможно точныя свѣдѣнія о числѣ прихожанъ каждаго прихода, ихъ семейномъ положеніи, вообще данныя для опредѣленія нравственнаго состоянія его паствы. Несомнѣнно, препятствіями на пути къ пріобрѣтенію такихъ свѣдѣній являются трудность собранія, подвижность столичнаго населенія изъ прихода въ приходъ, изъ города въ провинцію, разработка статистическихъ матеріаловъ, обнародованіе ихъ, непрерывное продолженіе собранія и изданія и т. п. Но, во-первыхъ, безъ труда ничего не дается; во-вторыхъ, благодаря успѣхамъ науки статистики, есть возможность собирать и разработывать эти матеріалы и для цѣлей пастырской дѣятельности. Въ виду того, что самое собраніе статистическихъ свѣдѣній ведетъ къ прямому непосредственному знакомству пастыря съ его паствой, что и дозано на опытѣ, мысль о важности учрежденія особаго статистическаго комитета или бюро для собранія и разработки свѣдѣній, полагаемыхъ въ основу пастырскаго воздѣйствія, завоевывала все больше сочувствія въ собраніи. Въ заключеніе, собраніе преобладающимъ большинствомъ голосовъ высказалось за необходимость осуществленія этого дѣла въ такой или иной формѣ и постановило: представить Епархіальному Начальству о разрѣшеніи учредить статистическій Комитетъ для цѣлей пастырской дѣятельности и, по полученіи разрѣшенія, составить комиссію для организаціи Комитета и его дѣятельности ¹⁾).

Переходя къ вопросу о внѣбрачныхъ сожительствахъ, собраніе остановило прежде всего вниманіе на данныхъ для этого явленія. Несомнѣнно, подавляющее большинство виновныхъ въ этомъ падаетъ на холостяковъ ²⁾). Весьма интересную историческую справку о развитіи въ Россіи холостячества представилъ о. предсѣдатель. До Петра I въ Россіи холостячества не было. Всякое лицо, достигшее брачнаго и возмужалаго возраста, заботилось о вступленіи въ законный бракъ и объ учрежденіи семьи. Не женившіеся шли въ монастырь, незамужнія туда же, или станови-

¹⁾ Объ этомъ, кажется, поговорили, но ничего не сдѣлали. Да и не нужно. Ибо въѣдъ въ чѣмъ *суть* пастырскихъ усилій? Крикнуть: „не нужно“, „уберите“ о томъ, чего нельзя и не слѣдуетъ убирать (выйдетъ убійство дѣтей, разрывъ семей). Такъ не все-ли одно, раздается-ли крикъ этотъ къ 125,135 или сколько ни на есть семей? Выйдетъ пожалуй хуже, пожалуй что выйдетъ тяжелѣе. Вотъ почему ужъ лучше въ темнотѣ. Какой теленокъ не прячется отъ стерегущаго льва, или, чтобъ не очень грозно,—отъ стерегущихъ шакаловъ. В. Р—въ.

²⁾ Которымъ, какъ солдатамъ, офицерамъ, слушателямъ вышихъ заведеній—*запрещено* жениться. Такъ говорить не левъ, а шакалъ. В. Р—въ.

лись черничками, то-есть подвижниками въ мірѣ. Бобыли и бобылки были безъ всякаго значенія въ населеніи.

Со временъ Петра пошли холостяки—сначала только переселившіеся къ намъ изъ-за границы, на службу государству, иностранцы, мастеровые, плѣнные шведы и т. п.; потомъ запрещено было жениться дѣтямъ ¹⁾ дворянъ, не поступавшимъ въ школы и на службу государству.

Число холостыхъ особенно стало возрастать съ того времени, какъ увеличилось и преобразовано регулярное войско: дѣти духовенства, не вступившія въ школу, брались въ солдаты, помѣстные дворяне въ молодости, до женитьбы, призывались на службу и оставались холостыми; состоящимъ на военной службѣ, для вступленія въ бракъ, требовалось дозволеніе начальства,—гардемаринамъ съ 1722 г., служащимъ въ пѣхотныхъ полкахъ нижнимъ чинамъ съ 1764 г., въ конныхъ — съ 1766 г., офицерамъ---

¹⁾ Вотъ тутъ-бы *въ свое время* духовенству и предстать съ мужествомъ; ну, хоть съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ Арсеній Маціевичъ вступился за церковныя имущества (при Екатеринѣ II). Но Маціевичъ, *за себя и свое* вступившись, потерпѣлъ аварію; невозможно было *стыло, твердо и до конца* эгоистическое отстаивать. А отстаиваніе народнаго достоянія, брака, правъ семьи, первой и очевиднѣйшей заповѣди, въ св. Писаніи прописанной,—могло-бы быть безконечно мужественнымъ, сложить историческую отличную память духовенству, могло бы быть успѣшнымъ, опираясь на слово Божіе (Маціевичъ шель *противъ* слова Божія: „не собирайте сокровищъ вашихъ на землѣ, а собирайте ихъ на небеси: ибо гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“, сказалъ Спаситель). Филаретъ митрополитъ, въ единственномъ допущенномъ императоромъ Николаемъ Первымъ случаѣ брака двоюроднаго брата съ двоюродною сестрою едва не подалъ въ отставку, и уже написалъ императору прошеніе объ этомъ, но только не рѣшился послать и оставилъ его въ черновикѣ (приведенъ у Барсукова въ „Жизни и трудахъ Погодина“). Вотъ какъ сильно было волненіе отъ формы *не каноническаго* брака, однако, въ Германіи и Англии допускаемаго, вообще *человѣкоподобнаго*: не явно-ли, что если нѣтъ и *никогда не было* ни у одного іерарха аналогичнаго волненія ни отъ разрѣшенія государствомъ домовъ терпимости, ни отъ хроника дѣтубійствъ, ни отъ запрещенія Петромъ Вел. жениться дворянамъ неграмотнымъ, а теперь — излишне грамотнымъ (студенты высшихъ заведеній) и офицерамъ и солдатамъ: то не явно-ли, говорю я, что все это и *было допущено іерархіею, равнодушно съ этимъ примирившеюся, едва-ли даже это замѣчавшею*. И „Пастырское собраніе“, говоря о Петрѣ, столь поздно говоря (черезъ 2 вѣка!), должно бы собственно *о себѣ* говорить, о своихъ *предшественникахъ*, отстоявшихъ и противъ государства всяческія браки „въ одиннадцатомъ свойствѣ и девятомъ родствѣ“, а вотъ не отстоявшихъ и *не отстаивавшихъ* 1-ю страницу св. Писанія: „плодитесь, множитесь, наполните землю“. Еслибы вся Духовная Коллегія *in pleno* подала Петру Вел. отставку при попыткѣ ввести насильственное безбрачіе юныхъ: онъ справился бы съ св. Писаніемъ и взялъ-бы указъ назадъ. Яковъ Долгорукій не такъ поступалъ. Не встрѣтивъ протеста со стороны духовенства, явно Петръ В. и не думалъ, что что-нибудь нарушалъ. Sic transit gloria mundi, можемъ сказать о пастухахъ, давшихъ въ зарѣвъ овцу-бракъ. В. Р.—въ.

съ 1800 г., всѣмъ вообще—съ 1833 г. ¹⁾). Въ наше время, въ 70-хъ годахъ, узаконенъ особый брачный возрастъ для офицеровъ, которые до 23 лѣтъ вовсе не могутъ вступать въ бракъ, а отъ 23 до 28 лѣтъ — могутъ съ дозволенія начальства, но съ представленіемъ въ обезпеченіе семьи 5,000 руб. Въ настоящее время въ печати извѣстенъ проектъ новаго закона, которымъ предполагается воспретить офицерамъ вступленіе въ бракъ до полученія ими чина или жалованья, обезпечивающаго, по возрѣніямъ начальства, приличное содержаніе семьи.

Въ крестьянскомъ населеніи во времена крѣпостного права холостячества не было. Интересы помѣщиковъ требовали ²⁾ имѣть въ вотчинахъ сколько возможно больше „тяголъ“, — съ каждымъ бракомъ число тяголъ увеличивалось, — потому что тягло налагалось на женатаго крестьянина. Холостяки въ деревняхъ встрѣчались только между дворовыми. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права стало развиваться холостячество и между крестьянами. Въ городскомъ населеніи среди купцовъ и мѣщанъ это явленіе развивалось медленнѣе, — въ настоящее время и въ немъ оно очень не рѣдко. Запрещеніе лицамъ, состоящимъ въ гражданской службѣ,

¹⁾ Смотрите, какъ все знаютъ. „Ученый народъ“. Только *Бытія* 1 гл. забили: „не было случая вспомнить“. В. Р.—въ.

²⁾ Такъ вотъ что: *интересъ къ приплоду*, увеличеніе „живыхъ душъ“, рабочихъ рукъ у почти заводчика-плантатора, скрещивавшаго дѣвокъ и парней почти, какъ конскій хозяинъ скрещиваетъ кобылы и жеребцовъ, все же повело къ такому безконечно *благодѣтельному факту*, каменностойкому до 1874 года (всеобщая воинская повинность), какъ непремѣнная въ деревнѣ женитьба 18-лѣтняго парня на 16--17-лѣтней. Въ *обычай* вошло, *нормой* стало; тамъ не виданы, не слыханы старые браки, 60-лѣтнихъ „тайныхъ совѣтниковъ“ съ 16-лѣтними „институтками“. Таково-то дѣйствіе *грубѣйшихъ инстинктовъ, совпадающихъ* съ дѣломъ! Но тончайшее и возвышеннѣйшее ученіе Библии о бракѣ, *раввинами приведенное въ абсолютное у евреевъ исполненіе*, у нашего духовенства вывалилось изъ рукъ, оно ничего въ отношеніи къ браку не дѣлало и только писало возвышеннѣйшія поученія въ духовныхъ журналахъ на тему о святости христіанскаго брака, подѣ чѣмъ всегда разумѣлось строжайшее соблюденіе каноническихъ правилъ и невыходъ изъ подѣ руководства духовенства: и плоды этого на лицо. Просто „интересы духовенства“ (въ противоположность интересамъ помѣщиковъ) *не совпадали съ бракомъ; были безразличны; внѣ круга власти, богатствъ* и проч. духовенства: и вотъ послѣдствіе — семейное состояніе высшихъ классовъ, не бывшихъ крѣпостными — явилось отсюда. Взирая на этотъ историческій прецедентъ, можно задуматься надъ вопросомъ: а какъ-бы *передать все регулированіе брака и семьи*, законодательство его и администрацію, въ руки власти хотя-бы очень грубой, хотя-бы ничего въ бракѣ не понимающей, но зато „заинтересованной въ здоровьѣ приплода и въ здоровьѣ населенія“. Невольно приходитъ на умъ медицина, сонмъ медиковъ, которые пожалуй дали-бы результаты управленія еще лучше, чѣмъ бывшіе помѣщики. „Въ тайнахъ Вожіихъ мы не понимаемъ; намъ здоровья нужно“. Но съ Богомъ-*благодѣющимъ* здоровье совпадаетъ: и медики лучше всего, хоть и слѣпо выполнять заповѣдь Вожію. В. Р.—въ.

жениться ¹⁾ безъ дозволенія начальства сперва является съ конца XVIII в. и то въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ,—а съ изданіемъ Свода законовъ 1832 г. общимъ закономъ требуется для вступленія въ бракъ всякаго чиновника дозволеніе начальства. Въ настоящее время холостячество достигаетъ очень широкаго распространенія не только въ высшихъ, но и среднихъ и низшихъ классахъ населенія. Самыя причины его стали со временемъ совершенно иныя: экономическія ²⁾, бытовыя, соціальныя, и направленія времени— нравственное и умственное и законодательство отчасти ³⁾. Въ за-

¹⁾ Поразительно, что даже области, ничего общаго со скопчествомъ не имѣющія, не справляющіяся для своихъ дѣлъ и съ Евангеліемъ, дѣйствуютъ всетаки въ духъ скопчества. Тутъ какая-то магія. Подземный темный огонь, подогрѣвающий снизу и невидимо пласты земли. Что за дѣло чиновникамъ до „женитьбы“? Не очевидно-ли, что семейный чиновникъ благонадежнѣе, устойчивѣе холостого? Однако, нормальнымъ и естественнымъ мыслится холостое состояніе. Еслибы чиновникъ „испрашивалъ“ дозволенія остаться холостымъ—мыслился-бы нормоу бракъ. Такимъ образомъ произошло всеобщее космическое качаніе брака, которому учрежденія, законодатели безсознательно и слѣпо подчиняются, „творятъ волю Его“, кого по имени и назвать не умѣютъ. И въ тоже время что это все отъ „Лукаваго“,—видно изъ того, что на вопросъ: „чѣмъ держится отечество, государство, общество“, рѣшительно каждый законодатель и чиновникъ, всякій король отвѣтитъ: „конечно—семьею, семейнымъ бытомъ“. Неужели тутъ не магія, не „темная вода“ въ глазу?! Такъ вѣдь и всѣ сужденія Дернова и пастырскаго собранія, начинаясь столь очевидною „славкою“ семьѣ, „gloria familiae“, во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи полны раздраженія на рожденныхъ и рождающихъ. Теперь, еслибы 1,000 лѣтъ духовенство ежегодно, по каждому поводу, при каждомъ случаѣ, какъ это раввины дѣлали у евреевъ, напоминали о первой заповѣди „плодитесь“ государству, людямъ государственнымъ, королямъ, частнымъ челоѣкамъ: то, конечно, въ концѣ концовъ они „вбили“ бы въ законы и народы *обмчай*, какъ помѣщики за 400 лѣтъ заботы о „приплодѣ“ вбили въ крестьянъ непререкаемый, *своеохотный*, законъ—жениться въ 18 лѣтъ на 16-лѣтней. В. Р—въ.

²⁾ Служа на службѣ въ контролѣ, я наблюдалъ странную вещь: какъ только чиновникъ въ *низшихъ чинахъ*, жалованье крошечное такъ жевать и непременно много дѣтей! и не жалуется на это, хотя выбивается изъ силъ! въ то же время всегда это смысленный и полезный чиновникъ. Совсѣмъ другая картина выше: „ну, что-же, можетъ быть у васъ невѣста есть“, спросишь чиновника 35—40 лѣтъ, получающаго отъ 2,800 до 3,500 руб. жалованья. Въ отвѣтъ совершенно твердое и *искреннее*: „что-же я буду пролетаріевъ разводить?“ Покойный мой братъ маѣ говорилъ, что съ женитьбою, постѣ которой сейчасъ пошли у него дѣти, расходы его на прожитіе не только не увеличились, но даже чуть-чуть сократились, отъ бережливости и аккуратности въ тратѣ денегъ. У холостого денъги, что называется „горятъ“, сыплются въ дыры, на извошниковъ, на бутылку вина, на букетъ цвѣтовъ, на платье у лучшаго портнаго, на карты, на театр; а у семейнаго вдругъ каждая копѣйка теряетъ крылья и приобретаетъ очень стойкія ноги. Она лежитъ въ столѣ, упирается ногами,—и ее можно вытащить, а сама она не выйдетъ. В. Р—въ.

³⁾ Какъ осторожно это „отчасти“ въ отношеніи къ законодательствующему государству. Вотъ такая-то боязливость и „дипломатія“ и

всисмости отъ увеличенія числа холостяковъ' растетъ и число дѣвицъ, при чемъ замѣчательно, что послѣднія, принадлежащія къ интеллигентнымъ семействамъ, быстро прогрессируютъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, и въ практической жизни, а мужская молодежь, вслѣдствіе порочнаго, нерѣдко невольнаго и принужденнаго ¹⁾, безбрачія, декадентствуетъ. Это тѣмъ болѣе опасно, что есть возрастные молодые люди, которымъ не дозволяется жениться за то, что они посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ или специальному призванію жизни, какъ-то студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній и офицерамъ. Должно выяснитъ, насколько вредны ²⁾ подобныя ограниченія установленнаго общимъ закономъ, основаннаго на законѣ физической и нравственной природы челоѣка, вложенномъ въ нее самимъ Творцомъ Богомъ, права „лицъ *всѣхъ*, безъ различія состояній—вступать въ бракъ, не испрашивая на сіе *ни особаго отъ правительства дозволенія*, ни увольненія отъ сословій и обществъ, къ коимъ они принадлежатъ“ (Гражд. зак. т. X, ч. I, стр. 1). Долгъ пастырей высказаться, должны ли быть и основательны ли ³⁾ такія ограниченія. Особенно вниманіе обращено собраніемъ пастырей на проектъ закона о разрѣшеніи офицерамъ жениться, какъ оказывается, почти только на исходѣ молодости, лѣтъ подь сорокъ, когда обезпеченіе офицера приближается къ требуемой проектомъ нормѣ. Было сообщено, что на страницахъ военныхъ журналовъ проектъ будущаго закона обсуждается очень горячо и приводитъ молодыхъ людей, состоящихъ въ военной службѣ, прямо въ ужасъ. Молчаніе духовенства, замалчиваніе предмета духовными журналами, является не соответствующимъ ихъ назначенію и задачамъ ихъ

породили зло, нерадѣніе, а въ государственныхъ людяхъ и писателяхъ неуваженіе къ духовному чину. Вѣдь и Петръ Вел. сперва нашелъ сонмъ трусовъ, а затѣмъ далъ имъ въ начальники „изъ офицеровъ добраго челоѣка“, мужа прямого и добросовѣтнаго, который бы добросовѣстно ему всѣ дѣла докладывалъ. В. Р—въ.

¹⁾ Тутъ-то бы и не надо скользить, а внимательно остановиться. В. Р—въ.

²⁾ Да нѣтъ, не «выяснитъ» у себя въ журналцѣ, языкомъ робкимъ и нерѣшительнымъ, а напр. составить процессію съ хоругвями и иконами и сонмомъ іерарховъ впереди и пойти „предстательствовать“, куда слѣдуетъ и передъ кѣмъ слѣдуетъ. Но у насъ энергично просить умѣютъ только мальчики и о пустякахъ, а старцы... умѣютъ только винтить стулъ сѣдалищной частью. В. Р—въ.

³⁾ Ну, положимъ, объ „основательности“ своихъ мотивовъ каждое вѣдомство, напр. военное, само знаетъ. Но вѣдь какъ бы ни понадобилось военному вѣдомству, напр. повѣнчать какого-нибудь дядю на племянницѣ, кузена на кузинѣ, духовное вѣдомство, законъ, администрація духовная скажутъ: „нельзя—и basta“. И послушаются „нельзя“. Такъ вотъ такого-то *повелительнаго* „нельзя“ и не доставало 1000 лѣтъ, его-то не услышавъ, гражданскія вѣдомства—и стали запрещать вступать въ бракъ офицерамъ, солдатамъ и студентамъ. В. Р—въ.

дѣтельности. Собраніе горячо приняло къ сердцу возможное въ будущемъ ненормальное положеніе офицеровъ и рѣшило выяснитъ точку зрѣнія пастырей церкви на опасный своими слѣдствіями для населенія Россіи проектъ закона. Для составленія доклада, имѣющаго обсудитъ вопросъ всесторонне, избрана особая комиссія. Собраніе выслушаетъ докладъ въ ближайшемъ послѣ новаго года засѣданіи и указаннымъ въ уставѣ Общества путемъ будетъ ходатайствовать о принятіи высшею церковною властію во вниманіе пастырскаго заявленія ¹⁾).

Слѣдующимъ, по очереди, былъ вопросъ о существующихъ на практикѣ препятствіяхъ и затрудненіяхъ при веденіи брачныхъ дѣлъ въ приходсахъ. Горячи и убѣждены были въ данномъ случаѣ заявленія приходскихъ пастырей. Вѣнчаніе обставлено такими предварительными формальностями, что строгое соблюденіе ихъ ведетъ къ разстройству не одного брака. Часто не достаетъ какого-либо документа, или документъ чѣмъ-либо недостаточенъ, и вѣнчать нельзя. Положимъ, потеряно свидѣтельство по отбыванію воинской повинности; новаго не получить, а безъ свидѣтельства нельзя вѣнчать, хотя всѣ прочіе документы вѣрны и достаточны. Нерѣдко въ паспортахъ не прописано, холостъ или нѣтъ. Возвращаетъ священникъ документъ для отсылки въ волостное правленіе, чтобы прописали; приносятъ обратно, отмѣченъ холостымъ, но нѣтъ ни печати, ни подписи—неизвѣстно, кто прописалъ. Еще пишутъ—„въ бракѣ не состоятъ“; нерѣдко это значитъ и вдовъ, а можетъ быть вдовъ послѣ третьяго брака ²⁾). При строгомъ соблюденіи формальностей рѣдкій бракъ можно повѣнчать на точномъ ихъ основаніи ³⁾). Много недоразумѣній при вѣнчаніи воз-

¹⁾ Да духовенство прямо въ правѣ было-бы заявить, и это было-бы *дѣйствительно*, что оно отказывается вносить и не будетъ вносить въ рубрики „незаконнорожденных“ всѣхъ дѣтей, рождаемыхъ дѣвками и вдовами отъ мужчинъ зрѣлаго возраста и холостыхъ, которымъ бракъ запрещенъ, какъ въ особенности отъ офицеровъ. Образовался бы такимъ образомъ матернатъ, и законъ о безбрачій офицеровъ остался-бы безъ дѣйствія. В. Р.—вз.

²⁾ Давно пора въ единственную основу при вѣнчаніи взять слова Апостола: „для избѣжанія блуда каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа“. Поэтому каждый рѣшительно единичный отказъ повѣнчать сотворяетъ одного блудника и одну блудницу. Поэтому, кто творитъ блудниковъ и блудницъ, съ этими безчисленными отказами вѣнчать, довольно ясно отсюда. Мысль о передачѣ „команды“ въ бракѣ естествоиспытателямъ—право навязывается. „Дайтеи риплоды! а то сухая смоквиница сама не имѣетъ плода и у міра отняла его“. В. Р.—вз.

³⁾ А сколько тутъ вымогательства денегъ происходитъ! Какъ есть недочетъ въ реестрѣ документовъ, такъ есть почва для „благодѣющаго“ владыки брака сказать: „не могу благословить, *добавь* въ мошну“. Да въдь это такъ и на дѣлѣ. всѣ знаютъ эти случаи. Да и винить очень строго—страшно: кто откажется отъ *возможнаго* и *растяжимаго* отъ 10 р. до

буждаютъ оглашенія или оклички. Въ духовенствѣ существуетъ убѣжденіе ¹⁾, что, по закону, оглашеніе должно производиться на мѣстѣ происхожденія жениха и невесты. Но въ Петербургѣ многіе пріѣзжаютъ еще мальчиками и дѣвочками, здѣсь вырастаютъ, на родинѣ ихъ забываютъ, мѣстный причтъ свѣдѣній о нихъ не имѣетъ, и при отсутствіи на родинѣ близкихъ родныхъ, готовыхъ хлопотать, получить окличку почти невозможно. Требовать отъ подобныхъ лицъ свидѣтельства объ оглашеніи ихъ на родинѣ почти равносильно отказу ихъ повѣнчать. Нерѣдко мѣстные причты при запросахъ къ нимъ или отказываютъ въ свѣдѣніяхъ, за немѣнѣемъ ихъ, или совсѣмъ не отвѣчаютъ. Свѣдѣнія о состояніи крестьянъ должны быть въ волостныхъ правленіяхъ, свѣдѣнія въ приходѣ болѣе или менѣе случайны, собираются въ деревняхъ иногда путемъ опроса. Оклички по мѣсту нахождения едва-ли достигаютъ, такимъ образомъ, своей цѣли. Невозможно бываетъ путемъ оглашеній обнаружить между брачующимися и родство. Родство жениха обыкновенно не знаетъ родства невесты, если брачующіеся разныхъ губерній: и тутъ возможны нарушенія степеней родства ²⁾. Наконецъ, оклички доставляютъ брачующимся множество затрудненій и хлопотъ, изъ-за нихъ проходятъ сроки для вѣнчанія (мясофды), женихъ и невеста начинаютъ сожителствовать незаконно, бываютъ матеріальныя потери и убытки, страдаютъ родители и т. д. При всемъ томъ нѣсколько несправедливо ³⁾, что вся эта тягота ложится исключительно на крестьянское насе-

100 р., до 500 дохода!!! А какой соблазнъ—и какое отсюда развращеніе духовенства. Вотъ о чемъ-бы думать! и законамъ и администраціи!!! и свѣтскимъ, и духовнымъ!!! Но все молчать, видятъ и молчатъ. В. Р.—вз.

¹⁾ Что это такое за „существуетъ убѣжденіе“? Это еще какой-то апокрифъ! не говорится: „въ законѣ написано и духовенство не можетъ“, а „въ духовенствѣ существуетъ убѣжденіе“, и, замѣтьте, на почвѣ коего, по праву коего, по *беззаконію* коего, отказываютъ въ вѣнчаніи почти всему пришлому въ Петербургъ рабочему населенію (см. слова ниже). Можетъ-ли безобразіе и *безславіе* дѣла далѣе простираться! И вотъ *откуда*, отъ этого тысячелѣтняго „спустя рукава“—„незаконныя сожителства“, въ которыхъ духовенство-же обвиняетъ міръ, и еще обвиняетъ, уже предварительно лишивъ такихъ дѣтей „всѣхъ правъ состоянія“, включительно съ правомъ назвать своихъ родителей „отцомъ“ и „матерью“. „Мы наплевали на васъ; вы и оплеванные существоете. живете, любите другъ друга, дѣти у васъ рождаются: да сгинутъ-же послѣдніе“ (дѣтубійство). И это-то „правда“, даже „религіозная правда“... В. Р.—вз.

²⁾ Да оставьте пожалуйста свои „степени родства“: не знаютъ даже о *существованіи* семей и родовъ другъ друга, а вы чего-то шупаете и оглядываете. Кажется, „нарушеніе степеней родства“ введено въ видахъ предупредить „вырожденіе“ (см. выше): такъ оглянитесь на отказы вѣнчать, на вытекающее отсюда обращеніе къ проституціи: сколько вотъ *отсюда* вытекаетъ вырожденія! В. Р.—вз.

³⁾ Тонко. „Нѣсколько несправедливо“, когда *одни* крестьяне 1) вмѣсто брака получаютъ незаконное сожителство, 2) доводятъ до гробовой

леніе, такъ какъ дворяне, купцы и мѣщане легко получаютъ оклички по мѣсту жительства.

По поводу такого заявленія о. предсѣдателемъ прежде всего приведена справка объ оглашеніи изъ гражданскихъ законовъ т. X, ч. I, ст. 25 и 26. Законъ гласитъ: *ст. 25.* „Желающій вступить въ бракъ долженъ увѣдомить священника своего прихода, письменно или словесно, объ имени своемъ, прозваніи и чинѣ или состояніи, равно и объ имени, прозваніи и состояніи невѣсты“. *Ст. 26-я.* „По сему увѣдомленію, производится въ церкви оглашеніе въ три ближайшіе воскресные и другіе, встрѣчающіеся между оными, праздничные дни, послѣ литургии, и за тѣмъ составляется обыскъ по правиламъ... Если невѣста принадлежитъ къ другому приходу, то оглашеніе должно быть произведено и въ ея приходской церкви“. Статья 26-я—единственная въ законѣ о производствѣ оглашенія ¹⁾. Затѣмъ сообщена краткая исторія оглашеній на Руси. До половины XVII вѣка въ Великороссіи не знали оглашеній и до учрежденія Св. Синода онѣ совсѣмъ не производились. Впервые оглашенія появились у католиковъ, у которыхъ введены Тридентскимъ соборомъ (въ XVI в), а отъ католиковъ черезъ польское правительство проникли въ южную Русь, затѣмъ правила объ оглашеніяхъ внесены въ требникъ Петра Могилы, въ статью о тайнѣ супружества: взяты прямо съ католическаго ритуала; при печатаніи Кормчей, внесены и въ нее, но на практикѣ не примѣнялись. Когда, вскорѣ послѣ учрежденія св. Синода, возникло знаменитое дѣло о бракахъ смоленскихъ шляхтичей, тогда воспользовались этими правилами и постепенно сдѣлали ихъ обязательными; въ Сводъ законовъ приведенная выше статья внесена впервые въ 1832 г., но взысканіе за несоблюденіе ея прямымъ образомъ въ Уставѣ дух. Консistorіи не полагается ²⁾. Точное исполненіе статьи 26-й, согласно съ закономъ, по мнѣнію предсѣдателя, не можетъ встрѣчать затрудненій.

тоски родителей, особенно дѣвушки-невѣсты сожительствующей, 3) получаютъ дѣтей, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Но это духовенства не касается, „доходовъ“ пастырскаго собранія не затрагиваетъ, и чужое горе оно измѣряетъ снисходительнымъ: „нѣсколько несправедливо“. А какъ Арсеній Маціевичъ уцѣпился за монастырскія имущества: „о, это ужасно несправедливо“, вопилъ онъ вслѣдъ побѣдительной колесницы сѣверной Царяцы Савской. *В. Р—вз.*

¹⁾ Ну, что-же? Значитъ въ законѣ *вовсе нѣтъ* правила объ оглашеніяхъ *на мѣстѣ* родины. Откуда-же у духовенства „убѣжденіе, что нужно производить оглашеніе по мѣсту происхожденія жениха и невѣсты“? Не есть-ли это лишняя придирка о „препятствіяхъ“ съ цѣлями денежнаго вымоганія? Чѣмъ иначе объяснить? *В. Р—вз.*

²⁾ Такъ для чего-же соблюдать то, что представляетъ собою такую малость, за несоблюденіе которой и наказанія не полагается? Но очевидно священники *сами* ипуть увеличенія „препятствій“ къ браку, если не только непременно соблюдаютъ католическія, польскія оклички,

Что до нынѣшняго положенія дѣла, то оглашенія, гдѣ-бы ни производились, въ дѣйствительности не имѣютъ желательнаго отъ нихъ значенія. Что они должны производиться по мѣсту происхожденія, этого нигдѣ въ законѣ нѣтъ. Принадлежность къ приходу лучше всего обусловить мѣстомъ жительства, но наша слабость въ томъ, что мы не знаемъ своихъ приходоу, и прихожане наши неопредѣлены, а потому и оглашенія по мѣсту жительства иногда (напр. въ Спб.) не достигаютъ своей цѣли. Урона не было-бы, если-бы ихъ совсѣмъ оставить ¹⁾, — что признается возможнымъ и закономъ, такъ какъ съ 1891 г. отъ католиковъ, при вступленіи ихъ въ смѣшанные браки съ православными, можно и не требовать окличекъ.

Какимъ-же путемъ можно было-бы пастырямъ, при уничтоженіи окличекъ, предупредить повѣнчаніе незаконныхъ браковъ? Было предложено возложить большую отвѣтственность на поручителей при бракѣ и дѣлать личный опросъ не только жениху и невѣстѣ, но и имъ. Было сообщено, что въ этомъ смыслѣ проектируются новыя законодательныя постановленія, именно, что въ большихъ городахъ, гдѣ пастырямъ трудно знать личное и семейное положеніе ихъ прихожанъ, правильно возложить отвѣтственность за невѣрныя свидѣнія о безпрепятственности брака на поручителей, при чемъ послѣдніе должны при вѣнчаніи представить свои документы, и чтобы они были или лично извѣстны священнику, или же такъ или иначе близки къ жениху и невѣстѣ. На священника возлагается провѣрка документовъ и опросъ свидѣтелей: въ отвѣтъ же, въ случаѣ невѣрности ихъ показаній, должны быть послѣдніе. Хотя было возражаемо, впрочемъ, очень дальновидно, что свидѣтели могутъ быть всякіе и требуется гарантія за нихъ самихъ ²⁾, но въ виду безвыходности съ одной стороны, въ виду боязни излишней подозрительности — съ другой, трудно разрѣшить дѣло иначе. При этомъ, нужно опасаться увеличенія затрудненій при заключеніи брака. Замѣчено, что ничто такъ не охлаждаетъ отношеній между пастырями и паствою, какъ брачная волокита. Кромѣ того, изъ компетентнаго источника было сообщено, что многіе случаи уклоненія въ штунду (въ Малороссіи) и въ сектанство объясняется легкостью внѣ православія вступить

но еще требуютъ ихъ „по убѣжденію своему по мѣсту жительства жениха и невѣсты“, и на этомъ основаніи не вѣнчаютъ все пришлое населеніе столицы!!! В. Р—вз.

¹⁾ Какъ робко. И только двѣ строчки. В. Р—вз.

²⁾ Ну, и „дальновидность“. Да гдѣ-же ей конецъ, если для „поручителя за поручителей“ тоже вѣдь нужны будутъ „поручители“, ибо и тѣ вторые свидѣтели „могутъ быть всякіе“, и такъ до Камчатки съ одной стороны и до Александра Македонскаго съ другой, ибо міръ весь „во лжи лежитъ“... В. Р—вз.

въ бракъ; но у сектантовъ чистота родственныхъ отношеній и святость брака соблюдаются не хуже, чѣмъ у насъ ¹⁾). Наконецъ, незачѣмъ намъ продѣлывать горькаго опыта католиковъ: крайняя строгость ихъ предбрачныхъ формальностей, подозрительность и опасеніе вѣрить чему и кому-либо, кромѣ собственнаго личнаго убѣжденія, было одною изъ главныхъ причинъ введенія на Западѣ гражданскаго брака. На этомъ, вслѣдствіе поздняго времени, разсужденія прервались ²⁾).

(Изъ „С.-Петербургскаго Духовнаго Вѣстника“ № 52, за 1899 г.).

XX. О мѣрахъ для борьбы съ безнравственностью.

(По поводу доклада пастырскому собранію 1 сего декабря).

Все, длившееся около трехъ часовъ, собраніе петербургскихъ пастырей 1 декабря было посвящено слушанію доклада, по вызвавшему собраніе вопросу, составленнаго и прочтеннаго достояваемаго отцомъ А. А. Дерновымъ. Что сказать объ этомъ докладѣ?

Докладъ производитъ впечатлѣніе работы; составленной *по горячей любви* къ пастырскому дѣлу, — предпринятой съ *искреннимъ и сильнымъ желаніемъ* — освѣтить взятый предметъ всесторонне предъ собраніемъ сопастырей, — обрисовать дѣло такъ, чтобы предъ собравшимися открылись тѣ стороны, съ которыхъ оно подлежитъ пастырскому воздѣйствію. *Богатство содержанія* и *разнообразіе его подробностей* — вотъ второе достоинство доклада почтеннаго пастыря.

Но при всемъ томъ позволяю себѣ замѣтить, что напрасно отецъ докладчикъ по поводу нѣкоторыхъ сторонъ вопроса вдавался въ мелкія подробности и детальныя разъясненія. Едва ли предъ собратями, въ большинствѣ равными ему по образованію, нужно было *усиленно* изяснять понятія брака, дѣвства, цѣломудрія и даже приводить *тексты*. Думаю, что *излишне* также было распространяться о благочиніи при браковѣчаніи, — о распущенности въ литературѣ, о нецѣломудренномъ зачастую направленіи театральной сцены: выше всякаго сомнѣнія, отцы-слушатели это хорошо и подробно знали. А то присутствіе подобныхъ подробностей превратило докладъ предъ столичными пасты-

¹⁾ То-то и есть, что вся ваша „волокига“ едва-ли не заведена въ видахъ меркантильныхъ и личныхъ, „стриженія овецъ“, — а вовсе не въ цѣляхъ охранить „святость брака“. В. Р—въ.

²⁾ И не возобновились. Вообще это есть одиночныя свидѣтельства пастырскихъ заботъ, которыя „за позднимъ часомъ ночи“ прекратились блаженнымъ сномъ. Смѣемъ-ли прибавить „сномъ праведниковъ“? По крайней мѣрѣ, попытаемся сказать заключительную любезность. В. Р—въ.

рями въ богословское чтеніе предъ образованными мірянами. И это отноудь *не мое* личное впечатлѣніе, а и *многихъ* другихъ слушателей!

Вслѣдствіе внесенія излишнихъ или ненужныхъ подробностей, докладъ не производитъ того впечатлѣнія, какое отъ него желательно было получить. Подробности, часто весьма интересныя, *отвлекаютъ вниманіе* слушателей отъ тѣхъ сторонъ излагаемаго предмета, которыя, какъ открывающія мѣсто для пастырскаго воздѣйствія, должны бы съ особенною яркостью и рельефностью запечатлѣться въ ихъ сознаніи. Доклады по вопросамъ, требующимъ выработки мѣръ пастырскаго дѣйствованія, должны быть, какъ я ихъ понимаю, таковы: докладчикъ освѣщаетъ избранный предметъ съ такихъ сторонъ и такъ, что для слушателей уже опредѣляются и *пункты разсужденія*, и *характеръ разсужденія*. Какъ развѣдчикъ, доставившій свѣдѣнія войску о расположеніи и состояніи непріятели, опредѣляетъ своимъ донесеніемъ и направленіе, и характеръ нападенія на врага, такъ и докладчикъ по возбужденію вниманія вопросу пастырской дѣятельности долженъ изложить дѣло такъ, чтобы его докладъ служилъ *руководящимъ началомъ* при выработкѣ практическихъ мѣропріятій. Если же докладчикъ, забывъ о своей цѣли, не соблюдетъ въ докладѣ мѣры, — отклонится отъ предмета или вдастся въ ненужныя подробности, то онъ можетъ дать собранію поводъ, при послѣдующихъ дебатахъ, или опустить что безъ вниманія или увлечься, столь любимыми у насъ на Руси, но и столь же безплодными, разсужденіями *по поводу* ¹⁾.

При обиліи ненужныхъ подробностей, въ докладѣ кое-что напрасно обойдено вниманіемъ. Такъ, не указано, кто преимущественно *герои* незаконныхъ сожителствъ? Я полагаю, что это преимущественно тѣ, достигшіе половой зрѣлости, мужчины, которые самымъ своимъ положеніемъ или лишены возможности вступить въ бракъ, какъ-то: студенты высшихъ учебныхъ заведеній, солдаты, или надолго разлученные съ семьей, какъ-то: рабочіе, мужская прислуга, приказчики, фабричные. Не указанъ также такой немаловажный факторъ въ дѣлѣ половой распущенности, какъ *поголовное несоблюденіе постовъ*. Можетъ быть, было-бы излишне остановить вниманіе на томъ фактѣ, что, кромѣ общихъ источниковъ распущенности, *спеціально для женскаго пола* поводомъ къ грѣху служатъ увеличенія гостиннаго двора ²⁾: изъ-за страсти къ нарядамъ падаютъ не только прислуги, но, и такъ называемыя, порядочныя женщины ³⁾. Вообще, докладъ грѣшитъ

¹⁾ Какъ вамъ нравится, читатель, вся эта *литературная* чепуха? Точно начинающій журналистъ пишетъ критическую статью. *В. Р.—вз.*

²⁾ Вотъ-бы закрыть! *В. Р.—вз.*

³⁾ Это такъ называемыя *кокетки*, существа бездѣтныя, дѣйстви-

академичностью; рѣчь идетъ по преимуществу о развращенности современнаго человѣчества, а хотѣлось больше слышать о причинахъ и характерѣ этого зла собственно въ Петербургѣ, среди паствы собравшихся пастырей, такъ какъ и мѣры они будутъ выработывать именно для *своихъ* пасомыхъ. Указаніе *мѣстныхъ* особенностей зла придадо бы и мѣрамъ *специфическій* характеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и залогъ ихъ успѣшности.

Конечно, я отнюдь *не думаю* *уменьшать* достоинство доклада о. Дернова; я хорошо понимаю, какъ трудно и тѣмъ болѣе въ короткое время написать всецѣло удовлетворительный, руководящаго характера, докладъ. Самъ я, безъ всякаго сомнѣнія, не сдѣлалъ бы и десятой доли того, что далъ докладъ глубокочтимаго о. Александра, но отчего же не высказать и *ria desideria*!.

Зная и по личному опыту, а еще больше узнавъ о злѣ незаконныхъ сожителствъ изъ доклада, какія мѣры для ослабленія этого зла можемъ проектировать мы—пастыри?

Прежде всего, мнѣ кажется, было бы весьма полезно поручить кому-либо ознакомиться съ устройствомъ и способами дѣйствования такъ называемой *внутренней миссіи* у западныхъ христіанъ. Выше всякаго сомнѣнія, что борьба съ незаконными сожителствами входитъ въ кругъ задачъ этихъ религіозно-нравственныхъ учреждений. По основательномъ изученіи дѣла, избранное собратьями лицо, конечно, познакомить всѣхъ насъ съ дѣятельностью этихъ симпатичныхъ учреждений, и *пригодное*, подходящее къ условіямъ нашего пастырствованія, *будетъ съ пользой замѣстовано*.

Независимо отъ справки по интересующему насъ вопросу у дѣятелей внутренней миссіи, могутъ быть предложены вниманію и обсужденію собратіи слѣдующія мѣры и способы дѣйствования въ борьбѣ со зломъ незаконныхъ сожителствъ.

Истовое, благоговѣйное совершеніе таинства брака самими пастырями; причемъ послѣ вѣнчанья, а еще лучше за нѣсколько

тально отвратительныя, но рѣшительно, кромѣ духовно-скопческой Европы нигдѣ не встрѣчающіяся. Въ новой Европѣ павшій, униженный и опозоренный полъ, „родникъ грѣха“, сталъ разсматриваться какъ *придатокъ* къ организму, который—когда онъ не ампутированъ—имѣетъ въ себѣ и въ другомъ рождаетъ „вождѣленія“. Этотъ *придатокъ*, самъ въ себѣ „мерзкій“, черезъ внушаемыя имъ „вождѣленія“—можетъ получить цѣну, можетъ продаваться, арендоваться, вообще несчастному носителю своему доставлять выгоды, доходъ. Такъ-какъ самъ по себѣ онъ значенія не представляетъ, его обладателю не только не нуженъ, но и вреденъ, то изъ него и стали извлекать „что можно“: продавать за хлѣбъ или въ лучшемъ случаѣ „за наряды“. Душу свою никто за нарядъ не отдастъ: но напр. дать себѣ обстричь ногти—отчего-же нѣтъ. Если полъ не священенъ, не душа, не религія (древнія и восточныя воззрѣнія), то пусть возьметъ его всякій, кто хочетъ и за что хочетъ. Проституція есть видъ скопчества, вывернутая на оборотъ его перчатка. В. Р.—въ.

дней до вѣнчанья слѣдовало бы вручать брачующимся книжку или брошюрку о тайнѣ брака. Неотложная нужда наложить, чтобы было составлено *образцовое* поученіе брачующимся, которое бы, будучи издано въ видѣ недорогой брошюрки, обязательно было раздаваемо іереями, вѣнчающими бракъ, по подобію того, какъ каждому іерею, новорукоположенному, обязательно вручается „поученіе святительское“¹⁾. — Что касается безчинства присутствующихъ при вѣнчаніи, то послѣ нѣсколькихъ на этотъ счетъ вразумленій съ проповѣднической кафедрой, вполне, мнѣ думается, позволительно обратиться за содѣйствіемъ къ церковному старостѣ, который призывается къ этому самой инструкціей (См. п. 10 § 22).

Отцы законоучители, въ виду давленій со стороны начальствъ, чтобы они не проходили подробно такихъ въ данномъ случаѣ важныхъ отдѣловъ катихизиса, какъ „о тайнствѣ брака“ и „о седьмой заповѣди“²⁾, *должны избрать себѣ руководящимъ правиломъ: «быть мудры, какъ змѣи и чисты, какъ голуби»*. Если не удастся убѣдить лицо, стоящее во главѣ учебнаго заведенія, что оно ложно смотритъ на дѣло (а это иногда удается), тогда столь необходимыя наставленія о бракѣ и безбрачій можно преподавать, помимо уроковъ, въ иной формѣ: 1) въ частной бесѣдѣ съ тѣми

¹⁾ На что-бы лучше—прямо перепечатывать-бы докладъ А. Дернова? В. Р—въ.

²⁾ Замѣчательно, что эти два понятія у автора, какъ и у слушавшаго его собранія, *сливаются*: „Ученіе о тайнствѣ брака“ есть *въ то же время* „Ученіе о заповѣди: *не прелюбы сотвори*“, откуда явна подсудная мысль: „бракъ *въ сущности* есть прелюбодѣянiе“, но лишь нами по снисходительности прощаемое, но уже за то прощаемое лишь въ той узкой и строгой мѣрѣ, *какъ мы его допустили и всякій отдѣльный разъ разрешаемъ*“. Понятіе о незаконнорожденности, какъ абсолютнаго, не простимаго грѣха—ясно здѣсь вырисовывается и изъ этого круга мысли вытекаетъ. Въ то же время заповѣдь: „Не прелюбы сотвори“ исходитъ отъ того самого Бога, какъ и заповѣдь: „плодитесь, множитесь“, *и въ томъ же самомъ Заветѣ*, откуда уже очевидно, что они одна другой не противорѣчатъ. Т. е. „прелюбодѣянiе“ отнюдь не заключается въ зачатіи и рожденіи, какомъ-бы то-ни было и какого бы то ни было ребенка, ибо „плодитесь“ безъ исключенія обнимаетъ всѣ рожденія. Что-же значитъ: „не прелюбодѣйствуй“? Что-то *другое, а не рожденіе*. Что—это я, послѣ тщательныхъ о Ветхомъ Заветѣ разысканій—знаю, и гораздо ниже объясню, а Петербургское пастырское собраніе объ этомъ нерадумалось, и безъ размышленія Творца, заповѣдавшего: „плодитесь“, нарекло основоположникомъ міроваго прелюбодѣйства. Какъ это произошло!!! Черезъ дачу новаго идеала—дѣвства: тогда вообще всякое *рожденіе*, какъ отступленіе отъ *идеала половыхъ отношеній*, заключающагося въ отрицаніи ихъ и поступило въ рубрику: „ты прелюбодѣйствуешь“. Бракъ сталъ метафизически невозможенъ, а если и есть физически—то какъ *уступка, прощете*. Такъ даже если взгляды на женщину—прелюбодѣянiе, то что же и говорить о совокупленіи. Совокупленіе есть богоотступничество, бракъ есть богоборство, отсюда—монашество. В. Р—въ.

изъ учащихся, кто особенно нуждается на этотъ разъ: 2) на исповѣди; 3) въ бесѣдѣ съ извѣстной группой предъ исповѣдью (въ церкви, прежде чѣмъ начать подходить); 4) чрезъ осторожный и умѣлый подборъ книгъ въ ученическія бібліотеки по отдѣлу религіозно-нравственному. Конечно, это относится преимущественно къ законоучителямъ закрытыхъ заведеній, гдѣ законоучитель всегда и духовникъ. Но послѣ того, какъ отцы законоучители петербургскіе (года 2 тому назадъ) порѣшили устроить одновременно (т. е. всѣмъ въ одинъ и тѣ же недѣли) говѣнье учащихся и въ открытыхъ заведеніяхъ, причѣмъ взяли на себя трудъ—быть и духовниками своихъ учениковъ, различіе между законоучителями закрытыхъ и открытыхъ учебныхъ заведеній въ этомъ отношеніи почти уничтожилось. — Это насчетъ „змѣиной мудрости“! Но не слѣдуетъ упускать въ этомъ дѣлѣ изъ виду и „голубиную чистоту“. Давній, опытный законоучитель, конечно, въ объясненіяхъ какъ брака, такъ и 7 заповѣди соблюдетъ мѣру, пройдетъ по опасному пути, не поскользнувшись. А начинающимъ великую пользу принесло бы, если бы были составлены на указанныя мѣста изъ катихизиса болѣе подробные уроки, уроки образцовые въ смыслѣ соблюденія мѣры; эти уроки, получивъ одобреніе отъ высшей церковной власти, служили бы для молодыхъ законоучителей *нормой*, а для всѣхъ—*цитомъ*, который бы прикрывалъ ихъ отъ нападеній часто ревнующихъ не по разуму объ охраненіи цѣломудрія юнаго поколѣнія начальниковъ, а особенно начальницъ учебныхъ заведеній. При существованіи образцовыхъ и одобренныхъ на „пререкаемые“ отдѣлы уроковъ, законоучителямъ не пришлось бы измышлять такихъ, напримѣръ, объясненій 7-й заповѣди: „не прелюби сотвори“ *значить „не перелюби“*, т. е. не люби чего-либо больше Бога; *эта заповѣдь запрещаетъ такимъ образомъ всякія излишнія увлеченія чѣмъ-либо и къ-мъ-либо* ¹⁾.

Не излишне попытаться, нельзя-ли, сначала путемъ литературнымъ, а затѣмъ и путемъ соотвѣтственнаго ходатайства *поставить на очередь вопросъ объ измѣненіи законовъ о предбрачныхъ предосторожностяхъ* въ томъ смыслѣ, чтобы дѣло это было упрощено и отвѣтственность по преимуществу падала-бы на самихъ брачующихся и на поручителей. А настоящее положеніе дѣла таково, что всякій бракъ для брачующихся — рядъ мытарствъ по добыванію нужныхъ бумагъ, а для причта—in potentia слѣдственное дѣло о несоблюденіи предбрачныхъ предосторожностей, а это

¹⁾ Интересно. Да вѣдь и весь докладъ А. Дернова укладывается въ это: „не перелюби, т. е. не люби чего-либо больше Бога; эта заповѣдь запрещаетъ такимъ образомъ всякія излишнія увлеченія чѣмъ-либо, кромѣ нашихъ пастырскихъ наставленій, и къ-мъ-либо, кромѣ насъ, наставляющихъ. В. Р.—въ.

обстоятельство, какъ препятствующее иногда вступленію въ бракъ, ео ipso содѣйствуетъ незаконнымъ сожителствамъ ¹⁾.

Но все, до сихъ поръ мною указанное, не основное въ дѣлѣ борьбы съ одолавающимъ насъ зломъ безнравственнаго ²⁾ сожи-

¹⁾ Бывали проекты: „семейнымъ чиновникамъ, и особенно многодѣтнымъ—прибавлять жалованье, вообще помогать по службѣ“. Не нужно объяснять, что это разстраивало-бы службу, внося въ оцѣнку ея, въ награду за нее, новый и посторонній службѣ принципъ. Между тѣмъ я отъ священниковъ слыхалъ совѣты: „вотъ выскажитесь въ этомъ смыслѣ въ печати“. Да для чего, когда у самихъ священниковъ, духовенства, церкви полны руки *обременительностей* брака, и достаточно имъ распустить руки и выронить средневѣковые о бракѣ архаизмы, ни для кого и ни для чего ненужные, кромѣ гордости ихъ сословія, и это болѣе предрасположить вступать въ бракъ, чѣмъ всяческія служебныя награды. Что такое „незаконное сожитіе“ въ отличіе отъ брака? „Ихъ ужасающее множество“, говорятъ всѣ, жалуются, сѣтуютъ. „А браковъ мало и становится все меньше“, тоже всѣ жалуются. Да что-же такое „незаконное сожитіе“?! Бракъ *безъ трудностей*: вотъ и все. Безъ *риска*, безъ *опасностей*, бракъ не *вексель*, который можетъ *задушить*. Авторъ, подъявъ рѣчь объ „облегченіяхъ вступать въ бракъ“—въ сущности передвигается къ „незаконнымъ сожителствамъ“. Но „ключъ позиціи“ всего правового вопроса, беря въ кругъ его и проституцію, и кокотокъ, и раззоренія семейныя, и ужасы мужеубійства, женоубійства, дѣтоубійства—лежитъ въ полномъ снятіи всѣхъ *обременительностей* съ брака, до ниточки, до волоска. Тогда онъ сольется съ теперешними „незаконными сожитіями“, или, что то-же, послѣднія легализируются, поглотивъ въ себя первый. Что-же получится, какая картина страны? 1) Ни одной проститутки (кому эта грязь будетъ нужна?), 2) ни одного убитаго ребенка (только незаконные убиваются), 3) ни одной кокотки (какой мужчина не предпочтетъ имѣющую дѣтей женщину безплодной самкѣ?), 4) ни одной безъ-мужней дочери въ семьѣ, 5) ни одного вообще холостого человѣка. Мнѣ кажется, это Крезовское, невѣроятное богатство! Это—Ротшильдъ, котораго мы получимъ вмѣсто Плюшкина. Вотъ почему „оханья“ пастырскаго собранія по поводу незаконныхъ сожителствъ имѣютъ, кажется, вообще тенденцію задерживать процессъ не только не одолимый, фатальный, но и мудро устраиваемый Провидѣніемъ къ великому благу рода человѣческаго. В. Р.—вз.

²⁾ Вотъ то, что слѣдовало-бы *доказать*. Вся ошибка, можетъ быть честная, но для мірянъ до послѣдней степени обременительная, заключается въ смѣшеніи пастырями 1) нравственности и 2) повиновенія „намъ“. „Кто не соблюдаетъ престижа нашей власти—тотъ безнравственъ“. Но у міра есть возрѣніе другое: что безнравственъ тотъ именно, кто безнравственъ, а кто престижъ „ихъ“ соблюдаетъ—тотъ только и соблюдаетъ ихъ престижъ. Что „они“ соединяютъ, то міръ раздѣляетъ. Міръ видитъ жизнь свою, судьбу свою, видитъ *факты*: и на почвѣ ихъ судить о нравственности и безнравственности такъ твердо, что не „пастырскому собранію“ его поколебать. Навсегда вѣнчанная пара, развратичающая втихомолку—для міра останется безнравственною, для клира—„прощаемую“, „невинною“, въ сущности и незамѣтно—невинною. Навсегда невѣнчанная пара, чисто живущая, для клира останется виновною, развратною, для міра—простительнымъ, извинительнымъ явленіемъ, въ сущности—невиннымъ. А Богъ, судящій о вещахъ по сердцу, по внутреннему—конечно на сторонѣ міра. Вотъ коллизія, изъ которой духовенству мудрено выйти. В. Р.—вз.

тельства! *Основное, самое дѣйственное здѣсь — учительство!* Прежде всего учительство съ церковной каедрой или *проповѣдничествомъ*. „Что у кого болитъ, тотъ о томъ и долженъ говорить“! Паства наша болитъ недугомъ распушенности—будемъ лѣчить ее словомъ проповѣди; къ проповѣдямъ такого рода сколько разъ подають поводъ одни только евангельскія и апостольскія чтенія, не говоря о житіяхъ святыхъ! Какъ бы было хорошо въ данномъ отношеніи, если бы кто изъ собратій напечаталъ перечень проповѣдей у нашихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ на эту тѣму; а всѣмъ бы намъ Господь помогъ „благовѣствовать силою мною“,—чтобы слово наше было всѣмъ „воня животная въ животь“!

Независимо отъ церковной проповѣди, обращенной ко всей паствѣ, необходимы *частныя бесѣды* съ согрѣшающими грѣхомъ незаконнаго сожительства (Мѣ. XVIII, 15). Опытные пастыри передають, что имъ удавалось иногда путемъ частныхъ бесѣдъ склонять беззаконствовавшихъ или разойтись или чаще всего, если не было препятствій, къ вступленію въ бракъ ¹⁾.

Св. апостолы не только учили устно, но свои наставленія из-

¹⁾ Сужденіе это исторически цѣнное. „Если не было препятствій—удавалось уговорить вступить въ бракъ“; безъ этого же—разойтись. Интересно знать: а были-ли, при уговорахъ „разойтись“, принимаемы во вниманіе дѣти? Изъ случаевъ расторженія браковъ, уже заключенныхъ и отъ которыхъ были дѣти, въ всякаго сомнѣнія явствуетъ, что старательные „пастыри“ совѣтовали разойтись и въ томъ случаѣ, если были дѣти. И „удавалось“, какъ говоритъ авторъ. Возстановимъ-же однако цѣлостъ картины: мужчина живетъ съ женщиною и имѣетъ отъ нея дѣтей, напр. офицеръ съ дѣвушкою. Начинаетъ духовникъ говорить на исповѣди: „вамъ надо разойтись“. Мужчина слабохарактеренъ, податливъ, да и женщину хотъ любить, но не очень, вообще все явленіе только держится, а не пылаетъ. Сердце дѣвушки уже давно томится, осторожно къ ех-мужу приглядывается, боится за себя и дѣтей своихъ. Тутъ вдругъ появляются подговоры священника, на насъ не дѣйствующіе, но на мѣщанина, кушца, мужика, ремесленника дѣйствующіе. Да вѣдь и надо помнить авторитетъ словъ на духу! И вотъ полусокровище въ рукахъ дѣвушки—шатается, около дѣтей шатается отецъ. И вотъ—все рухнуло. „Духовникъ“ доволенъ. Но каковы подробности не видной ему картины?! Кто не знаетъ, и чье сердце не сжималось отъ образа покинутой женщиною дѣвушки, и еще съ дѣтьми?! Эллины создали объ этомъ мифъ Медеи. Она сожгла дѣтей своихъ отъ ужаса и негодованія. Но христіанки уже смиренны: однако горечь ихъ, тихая, безъ криковъ, можетъ быть, также идетъ далеко внутрь сердца, какъ у древней Медеи. Вотъ почему признаніе, что ои пытались совершать такія разлуки,—или, переводя все въ картину, „усовѣщевали“ Нехлюдова бросить Катюшу съ ребенкомъ—я считаю историческимъ документомъ. И ужъ тутъ дѣйствительно начинаемъ нащупывать „границы нашей эры“,—какъ я озаглавилъ выше статью, трагующую о подобныхъ коллизіяхъ. Но когда я ее писалъ, я еще не имѣлъ передъ собою этого сознанія „руководителей совѣсти“. Да, „граница эры“, метафизическая (относительно существа ребенка) и моральная (въ смыслѣ жалости, состраданія). В. Р.—въ.

лагали и *письменно*. А въ наше время письменное (= печатное) слово въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнѣе устнаго. Правильно организованное *печатное слово является въ наши дни великой силой* или разрушительной или созидательной, въ зависимости отъ его содержанія. Это и понятно: во 1-хъ, съ умноженіемъ грамотныхъ, увеличивается кругъ людей, руководимыхъ печатнымъ словомъ, во 2-хъ, чтеніе болѣе сподручный способъ научиться чему-либо, болѣе удобный, чѣмъ посѣщеніе проповѣдническихъ бесѣдъ, лекцій, народнаго университета и проч.

Пастырямъ, выступающимъ на борьбу со зломъ незаконныхъ сожителствъ ¹⁾, болше всего надо писать въ *ежедневныхъ изданіяхъ*, особенно въ дешевыхъ газетахъ, какъ болѣе распространенныхъ. Хорошо бы въ 2—3-хъ газетахъ завести особый отдѣлъ, гдѣ бы печатались статьи противъ безнравственности. Статьи могутъ быть разнаго характера: научнаго, историческаго, назидательнаго, а также въ разнообразной литературной формѣ: въ видѣ разсужденій, разсказовъ, замѣтокъ и проч. Газеты читаютъ болше и охотнѣе, чѣмъ проповѣди. Вотъ и надо подсыпать лѣкарство въ самую употребительную пищу ²⁾.—Только вотъ бѣда: мы пишемъ логично и доказательно, но болшею частію неувлекательно ³⁾. Какъ было бы хорошо—простите отцы за мечтательство!—*приглашать къ литературнымъ работамъ въ указанномъ родѣ болѣе благонамѣренныхъ талантливыхъ литераторовъ* ⁴⁾. Въдѣ мастерски написанный разсказъ, въ родѣ „Чѣмъ люди живы“ графа Л. Толстого, имѣй онъ соотвѣтственную нашей цѣли идею, будетъ читаться и перечитываться всѣми, попадетъ въ хрестоматию и принесетъ для нашего дѣла болше пользы, чѣмъ цѣлый сборникъ ordinarily составленныхъ проповѣдей. Сцены изъ художественно-написаннаго разсказа почти то же, что примѣры

¹⁾ Да хоть бы объяснили какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, *въ чемъ это зло?* Несчастіе дѣтей: такъ хлопочите объ изданіи законовъ въ пользу ихъ. Вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, поднятый по моей инициативѣ въ печати и теперь благополучно движущійся въ сторону *полнаго ихъ уравненія съ законными*, есть въ сущности вопросъ о *полномъ признаніи закономъ религіозныхъ и гражданскихъ, нелегальныхъ связей и уроченіи ихъ съ бракомъ*. Позвольте мужу и женѣ, сожителю и сожительницѣ судить, что для нихъ „зло“: разойтись—это зло, а умереть, „сожительствуя“ до гроба—это благо. Къ этому благу дѣло благополучно и подвигается. А „зло“ разсуждающихъ здѣсь есть просто ихъ фантазія: зло фиктивное, призрачное; которое, будучи упразднено—очистило-бы мѣсто проституціи и тайнымъ порокамъ. В. Р.—вз.

²⁾ Удивительно мудро: „какой, подумаешь, Иванъ Ивановичъ избобртательный“. И неужели ему не дали митры, скуфьи или камилавки, смотря по лѣтамъ, за проектъ? В. Р.—вз.

³⁾ Да, ужъ нельзя похвалиться. В. Р.—вз.

⁴⁾ Ахъ, какой соблазнитель! В. Р.—вз.

изъ живой дѣйствительности, а *exempla trahunt*, тогда какъ *verba* только *movent* ¹⁾).

Наконецъ, отчего бы столичнымъ пастырямъ не завести *своего ежедневнаго органа* или, по крайней мѣрѣ, свой недѣльный органъ превратить въ издание, выходящее 3—4 раза въ недѣлю? У пасторовъ, у патеровъ свои газеты, чрезъ которыя они и проводятъ свои идеи. Припомнимъ при этомъ достолюбезнаго и приснопамятнаго о. Іоанна Наумовича, какъ онъ просвѣщаль и руководилъ своихъ соотечественниковъ? Книжками и *газетой*; и это онъ дѣлалъ съ весьма немногими сотрудниками.

Кромѣ газеты, печатное слово можетъ служить нашему дѣлу еще въ видѣ *брошюръ*. Область жизненныхъ явленій, затрогиваемыхъ незаконнымъ сожительствомъ, весьма обширна и разнообразна; поэтому можетъ быть составлено очень много разныхъ книжекъ и листовъ, которые, бывъ выпущены *десятками тысячъ*, должны распространяться по самой *дешевой цѣнѣ*, а въ иныхъ случаяхъ раздаваться и *даромъ*. Я мечтаю объ устройствѣ *особой издательской комиссіи* ²⁾ для подобнаго рода книжекъ и листовъ. Эта комиссія могла бы устроиться хотя при „Обществѣ религиозно-нравственнаго просвѣщенія“, такъ какъ задача предполагаемой комиссіи есть въ сущности одна изъ задачъ общества. Неужели у насъ будетъ меньше ревности и энергіи, чѣмъ у сектантовъ. А они, когда было можно, печатали и распространяли брошюрки извѣстнаго направленія въ великомъ множествѣ. Вѣроятно, многіе помнятъ, какъ всюду распространялись въ безчисленномъ количествѣ и притомъ необыкновенно дешевыя книжки изданія, если не ошибаюсь, книгопр. Блиссмера, за печатью „Общества поощренія духовно-нравственнаго чтенія“. Къ составленію подобныхъ брошюръ можно будетъ попытаться пригласить авторитетныхъ докторовъ, социологовъ, а также вообще всѣхъ лицъ, желающихъ поработать на пользу нравственнаго оздоровленія нашего общества и народа. Даже компилятивно составленныя книжки, если только авторы ихъ задаются доброю цѣлью, будутъ для дѣла очень полезны. Пишу это по опыту. Какъ образецъ подобныхъ книжекъ, приведу заглавіе имѣющейся у меня подъ рукой, это — книжка Л. Золотарева „Что говоритъ наука о половой потребности“.

Скажутъ: на это потребуются большія деньги. — Конечно! Но я вѣрю, что были бы дѣятели, а деньги найдутся! Не откажетъ на такое важное дѣло высшая церковная власть, найдутся единичные крупные жертвователи; можно надѣяться, что будутъ разрѣшены, если окажется надобность, сборы по церквамъ. Только опять повторю: были бы люди, а деньги будутъ!

¹⁾ Да, *verba* только *movent*, и то не очень. В. Р—въ.

²⁾ Конечно, съ должностью издателя и съ жалованіемъ издателю. В. Р—въ.

Я, послѣ проповѣди, главную надежду возлагаю на *газету* и *брошюрки*: онѣ проникнуть туда, куда пастырю съ живымъ словомъ почти не удастся проникнуть: на исповѣдь многіе не ходятъ, богослуженій не посѣщаютъ, отъ встрѣчи и бесѣды со священникомъ уклоняются; а газетная статейка или дешевенькая книжка сама найдетъ такихъ. Рѣчь священника иногда возбуждаетъ подозрѣніе: „онъ потому такъ говоритъ, что ему приказано“, а статейка доктора или свѣтскаго лица внушитъ больше довѣрія и произведетъ иногда больше вліянія. Брошюрки можно разсылать, раздавать; они проникнуть и въ школу, и въ семью, и на фабрику, какъ въ средній кругъ, такъ и въ народъ; начинающихъ нравственно колебаться онѣ могутъ укрѣпить, падшихъ побудить возстать и даже погрязшихъ во грѣхѣхъ „притти въ себя“.

Можетъ быть, не бесплодна будетъ попытка — *дѣло борьбы съ незаконными сожителствами ввести въ кругъ задачъ церковныхъ попечительствъ*. Члены попечительствъ могли бы сообщать пастырю о незаконно живущихъ; чрезъ нихъ священникъ могъ бы съ большею пользою распространять въ предѣлахъ своего прихода тѣ или другія книжки и листки; наконецъ, имѣя въ виду наставленія св. апостола Павла (1 Солун., V, 11, 14), чрезъ членовъ попечительствъ священникъ могъ бы увѣщевать ¹⁾ и убѣждать незаконно-сожителямъ.

Есть у насъ, пастырей, и еще одно средство бороться со зломъ безнравственности ²⁾, средство—небесное, благодатное, я разумѣю *молитву*. Если мать блаженнаго Августина, св. Моника, побуждаемая любовью къ погибавшему въ безнравственныхъ увлеченіяхъ сыну, спасла его отъ духовной смерти именно пламенной, дерзновенной молитвой, то не долгъ ли намъ обратиться къ этому, столь близкому намъ средству, когда на нашихъ глазахъ гибнутъ тысячи нашихъ духовныхъ дѣтей? Я знавалъ одного пастыря, который на домашней молитвѣ утромъ и вечеромъ возносилъ моленіе, между прочимъ, „о *всѣхъ въ предсмертномъ томленіи находящихся и нравственно погибающихъ*“ ³⁾... Если, по словамъ св. Златоуста, „молитвѣ священника ввѣренъ весь міръ“, то особенно его духовныя дѣти; его *первѣйшая обязанность молиться о нихъ* всегда, а преимущественно *за литургіей*. Самый чинъ литургіи открываетъ мѣсто для молитвы и о прекращеніи незаконныхъ

¹⁾ И все безъ объясненія: да чѣмъ они вамъ помѣшали? Лежитъ муравейникъ, а вы въ него собираетесь палку горящую воткнуть. Смотрите, какъ-бы муравьи ногъ не покусали, за рубашку не забрались. Больше розги. В. Р—въ.

²⁾ Опять „безнравственности“. Хоть-бы разъ объяснили, въ чемъ. В. Р—въ.

³⁾ Да, чудное слово, но только слово. Таковыми былъ уловленъ міръ. Но *дѣло*—всегда сводилось къ заботамъ А. Дернова и Novicius'a. В. Р—въ.

союзомъ; по крайней мѣрѣ, въ литургіи Василия Великаго будетъ вполне одновременно о семъ помолиться при словахъ: „супружества ихъ въ мирѣ и единомыслии соблюди“... „юность наставъ“... „вѣдый потребу его“... Въ литургіи же Іоанна Златоуста, чаще всего нами въ году совершаемой, такимъ моментомъ, когда, не насилуя смысла словъ, можно молитвенно вспоминать нашихъ нравственно заблудшихъ чадъ, можетъ, по моему, служить время произнесенія словъ (во время пѣнія „достоинно“, при воспоминаціи живыхъ членовъ церкви): „да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (σεμνότητι = venerationi).—А чтобы не ослабѣвать въ молитвенномъ усердіи, будемъ почаще приводить себѣ на память слѣдующія слова именитаго русскаго пастыря, отца Іоанна Кройштадтскаго: „Іерей Божій! вѣрь отъ всего сердца, вѣрь всегда въ благодать, данную тебѣ отъ Бога молиться за людей Божіихъ: да не будетъ вотще въ тебѣ этотъ великій даръ Божій, которымъ ты можешь спасти многія души; скоро слышитъ Владыка твою сердечную молитву о людяхъ и удобно преклоняется на милость къ людямъ, какъ на молитву Моисея, Аарона, Самуила, апостоловъ“¹⁾. *Novicius.*

¹⁾ Что же, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ поможетъ. Кончая замѣчанія на всѣ эти дебаты, изъ которыхъ практическаго не выжалось ни одной капли, замѣтимъ слѣдующее: 1) Всѣ ораторы оперируютъ надъ людьми—цифрами, а не людьми—душами. 2) Ни одинъ ораторъ не сказалъ: „господа, не пойти-ли намъ и не посмотреть-ли, что такое не легальная семья, какъ она живетъ, каковы ея права, каково ея происхождение, какова окончательная судьба“. Трудно повѣрить, чтобы изъ священниковъ, принимающихъ исповѣдь на духу, никто и не зналъ ни единаго случая незаконной семьи. Однако, на собраніи ни одинъ не сказалъ: „выслушайте, братіе, вотъ что я узналъ и видѣлъ“. 3) Оперировавъ надъ цифрою-человѣкомъ, пастырское собраніе имѣло передъ собой какъ-бы два ряда равнозначущихъ цифръ: написанныхъ бѣлымъ по черному и чернымъ по бѣлому. Одно ему „placet“, другое „non placet“. Но ни единой попытки доказать ихъ разницу и даже объяснить, почему „non placet“—не сдѣлано. Вообще, что такое „незаконное сожитіе“ и „незаконнорожденное дитя“—осталось во всѣхъ дебатахъ невъясненнымъ. Не приведено свѣдѣній объ этомъ изъ Евангелія, не приведено свѣдѣній объ этомъ изъ Ветхаго Завѣта, ни какъ *текстовъ*, ни какъ *примѣровъ*, ни какъ *воззрѣній* на нихъ Спасителя, пророковъ и Моисея. Поэтому собственно предметъ сужденія—*юридическій*; нѣкоторая *юридическая неправильность* „незаконно-сожительствующихъ“ и „незаконнорожденныхъ“: но она трактуется какъ священное нарушение священнозаконовъ, въ мантияхъ, съ величавыми жестами, съ священнымъ ужасомъ на лицѣ. Это необыкновенно *отягчаетъ* положеніе юридическихъ жертовъ, навело на нихъ гипнозъ страха, чувство религіознаго преступ-

ности и отвѣтственности—и вѣроятнѣ всего оно-то и повело къ дѣтоубійству. Ибо изъ-за юридической ошибки никто дитя свое не убьетъ. Кто же вѣшается или топится, или топить или вѣшаетъ, сознавая себя браконьеромъ или нарушителемъ таможенной линіи? Но здѣсь разыгрывается *fata-morgana* небесной таможни. Суть ея: не пропустить рожденія, при творческомъ первоначальномъ: „да будетъ“, „да сотворится“. Собственно—таможня *protivъ* неба; но какъ она, по мантіямъ и жестамъ, очень близка къ небу, то у стоящихъ на землѣ людей образовалась aberracia, что таможня—въ самомъ небѣ, и „незаконнорождающіе“ и „незаконнорожденные“ какъ титаны бунтуютъ противъ неба, идутъ на небо, чтобы взломать его. Отсюда ненависть къ нимъ и отвращеніе земныхъ глухихъ людей (мірянъ), еще утягившее ихъ существованіе и утормившее къ дѣтоубійству. Все въ общемъ порождено отношеніемъ къ обряду: доступъ къ нему сдѣланъ труднымъ и все затрудняется съ каждымъ годомъ; между тѣмъ, дѣло имѣетъ такой видъ, какъ будто „незаконносожительствующіе“ не *хотятъ* у церкви благословиться, *пребрегаютъ* благословиться, т. е. какъ-бы на супружескую жизнь свою и на дѣтей своихъ они смотрятъ неуважительно *сами*: что породило къ нимъ отвращеніе, презрѣніе. Основная аксіома всѣхъ разсужденій, безмолвное сердечное допущеніе пастырей: что *рожденіе* есть *an und für sich* зло. Иначе, если бы въ немъ было и чувствовалось *абсолютное благо*, пастыри просто должны-бы стройною процессіею пойти и поблагодарить, что люди даже и въ трудномъ для нихъ положеніи, неудобномъ юридически и экономически, все-же извернулись и ухитрились—рождать. Это какъ-бы „нѣтъ храмовъ“—а люди все-же молятся, есть запрещеніе молиться, положимъ, „отъ кесаря Нерона“—а они собираются въ подземельяхъ и все-же молятся. Но въ раю и до грѣхопаденія заповѣди о молитвѣ еще не было дано, а о рожденіи—уже была дана. И если родить такъ же хорошо, какъ помолиться, не менѣе угодно Богу, не менѣе Имъ заповѣдано—само собою разумѣется, что „незаконносожительствующіе“ и „незаконнорожденные“ суть точное повтореніе святыхъ, укрывавшихся въ катакомбахъ: но только на этотъ разъ „святыхъ“ Ветхаго Завета противъ новозымышленнаго духа скопчества. Вспомнили-бы пастыри римскій сенатъ, вышедшій *in pleno* послѣ Каннъ встрѣтить остатки разбитой арміи, прибѣжавшей къ воротамъ Вѣчнаго города: „мы благодаримъ васъ, что вы не отчаялись въ спасеніи отечества“. Такъ надлежитъ поступить официальной власти въ отношеніи къ гонимымъ дѣтушкамъ: „вы все еще не отчаялись въ благословленности рожденію—я хоть опозорены, однако исполнили Волю Божию“. В. Р.—вз.

Религія житнетворчества.

Не могу лучше отвѣтить на только-что приведенныя разсужденія, какъ двумя стихотвореніями — одно изъ Майкова и другое изъ Гейне. Первое взято поэтомъ повидимому изъ жизни, и, кто знаетъ, можетъ быть представляетъ что-нибудь изъ пережитаго, увидѣннаго. Оно называется „Мать“. Второе есть отраженіе вообще семитическаго генія и называется „Царица Шабасъ“. Оно своимъ началомъ и всѣмъ содержаніемъ какъ разъ примыкаетъ къ послѣднимъ заключительнымъ строкамъ Майкова, которыя мы отмѣтимъ курсивомъ. Въ общемъ поэзія Майкова намъ не симпатична; но здѣсь мы имѣемъ исключеніе, и объ этихъ стихахъ можемъ повторить то, что самъ Майковъ говоритъ о весеннемъ дождѣ. Кто этого не помнитъ:

„Золото, золото падаетъ съ неба!“
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы сберемъ,—
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба.

Кстати, это милое пятистишіе тоже идетъ къ нашей темѣ. Въ противоположность теологическимъ разсужденіямъ о томъ, что *человѣческое зерно*, даже уже выросшее въ крошечное зелененькое растеньице младенца, — слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выпальвать вонъ, — дѣти и поэтъ бросаются на встрѣчу *дождю, зерну, хлѣбу!* А вѣдь человѣкъ есть тоже „хлѣбъ Божій?“ Нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, прослушавъ богослововъ о дѣтяхъ, прослушаемъ о нихъ и ту, которая девять мѣсяцевъ носила младенца въ утробѣ своей.

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему не ловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!

Я съ тобою похожу...
 Подремли, мой мальчикъ,
 Хочешь, сказочку скажу:
Жиль-быль мальчикъ съ пальчикъ...
 Нѣтъ?.. Не хочешь?.. Сказки—вздоръ!
 Пѣсня лучше будетъ:
За шумъль сыр-темень боръ,
Лисъ лисичку будить;
 Во сыромъ-темномъ бору...
 Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
 Во сыромъ-темномъ бору...
 Тише! засыпаеть...
 Словно птенчикъ, все въ жару
 Губки открываеть...
 „Во сыромъ бору“.. поеть
 Мать, и ходитъ, ходитъ..
 Тихо, долго ночь идетъ..
 Ночь ужъ день выводитъ—
 Мать поеть... рука у ней
 Затекала, устала..
 И не разъ слезу съ очей
 Бѣдная роняла...
 И едва дитя, въ жару,
 Вадрогнувъ, встрепенется—
 „Во темномъ-сыромъ бору“
 Снова раздаеться...
 Отклони ударъ, уфди,
 Смерть съ своей косою!
 Мать дитя съ своей груди
 Не отдасть безъ бою!
 Заслонить, средь всѣхъ тревогъ,
 Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затеплять ея!
 И едва онъ засвѣтитъ, —
 Вдругъ ей ясно стало —
 Чтô любви, чтô чудныхъ силъ
 Сердце въ ней скрывало!..

Зоологи, какъ Брэмъ, какъ нашъ покойный Богдановъ, зоологи и даже охотники-звѣроловы рассказываютъ иногда удивительные по трогательности исторіи о любви матерей-животныхъ къ своимъ дѣтенышамъ. Ни одного такого рассказа не привелъ въ своемъ „Докладѣ“ А. Дерновъ, а съ этого слѣдовало-бы начать. А то все ариѳметика, все одна статистика: и не извѣстно, о чемъ собственно говорится. „Пастырское собраніе“ судило дѣтей какъ камни и судило о матеряхъ съ равнодушіемъ, съ какимъ археологи разсуждаютъ о каменныхъ бабахъ, находимыхъ въ южной Россіи. Но поспѣшимъ къ Гейне.

На Гейне можно имѣть два взгляда. Его можно принять за себялюбиваго, сухого эгоиста, который равно *изъянилъ* обнимъ

культурнымъ мірамъ, къ которымъ принадлежалъ по естественному рожденію и по идейному воспитанію — міру еврейскому и міру христіанскому. Но возможенъ и другой на него взглядъ: именно—что онъ *совмѣстилъ* въ себѣ любовь и глубочайшую преданность къ душѣ и сущности обоихъ міровъ, обративъ всю силу сарказма на то, что было въ обоихъ этихъ мірахъ отступленіемъ, искаженіемъ. Вспомнимъ его разрывъ съ желчнымъ, ограниченнымъ и честнымъ Берне, и мотивы разрыва. Это былъ чисто арійскій, греческій порывъ противъ темнаго „пророка“ изъ гетто, хотѣвшаго писать „сокомъ нервъ своихъ и кровью мышцъ“; протестъ Фидія противъ Исаи. Но и съ другой стороны,—возьмемъ его испанскіе, гренадскіе мотивы: это чистый семитизмъ. Гдѣ-то онъ подсмѣялся надъ Кантомъ, рассказавъ, какъ окончивъ „Прологомена ко всякой будущей метафизикѣ“ этотъ философъ полѣзъ въ карманъ, чтобы взять платокъ, но вмѣсто платка вытащилъ горсть выпавшихъ у него мертвыхъ зубовъ. Въ діалогъ передано очень забавно, какъ, продолжая говорить съ пріятелемъ или читателемъ, кенигсбергскій мѹдрецъ все время чувствуетъ, что языкъ его ворочаетъ во рту вываливающіеся зубы, и, въ концѣ концовъ, выплевываетъ ихъ въ лицо собесѣдника. Это хорошо какъ у Іезекіиля, и, можетъ быть, содержитъ наиболѣе удачныя „примѣчанія“ къ *Критикѣ чистаго разума*. Стихотвореніе, которое мы хотимъ привести, содержитъ собственно дальнѣйшее развитіе этого діалога съ пріятелемъ. И, въ то-же время, оно примыкаетъ къ словамъ Майкова:

Жизни чудный огонекъ
Что затепленъ ею.

Фиг. 1.

Очевидно, семиты какъ и арійцы-же чувствуютъ материнство, если только и у нихъ теологи не противятся этому. Но мы позволимъ себѣ иллюстрировать оба стихотворенія египетскими рисунками, т. е. изъ жизни и идей народа, ранѣ всѣхъ и глубже всѣхъ проникшихъ въ тайну какъ отчества, такъ и материнства.

Какъ прекрасна эта мысль помѣстить мать, кормящую ребенка, въ вѣнецъ лучей изъ полевыхъ колокольчиковъ. Но мы впрочемъ не можемъ сказать, есть-ли это *вѣнецъ* какъ *слава*, *прославленіе*; или мать представлена какъ *почва*, изъ которой все *вырастаетъ*? Мать какъ *тучная-нива*, изъ когорой растутъ *злаки*? Можетъ быть и это: кто угадаетъ начаточную мысль древнихъ! Но вѣроятнѣе всего они хотѣли сказать, что *мать* растеть *въ ребенка*,

Egyptisch und Nubie..

какъ зернышко — въ стебелекъ, и стебелекъ — въ колокольчикъ. Это — всего правдоподобнѣе, судя по рогамъ коровы на головѣ матери: „я — проста какъ корова и божественна какъ она“. Извѣстно, что древніе египтяне считали животныхъ „идеальными“, „божественными“. „Корова, снеся теленка, совершила ту же правду, какую я, снеся ребенка“, — такъ рѣшили нильскіе пастухи и пастушки, пославшіе къ нашему Господу „пастырей“ и „волхвовъ“: такъ рѣшили они о предметѣ „Доклада“ Петербургскаго пастыря. Но вотъ еще символъ: между рогами коровы — дискъ солнца. „Мы всѣ дѣти солнца, и я, и корова, и полевой кольчикъ, и наша родимая Земля, родившаяся изъ Солнца, какъ изъ меня — Ребенокъ, и питаемая лучами Солнца, какъ этотъ ребенокъ питается изъ меня молокомъ“. Во всякомъ случаѣ, угадываемъ мы мысль египтянъ или нѣтъ, очевидно у нихъ было все идеализировано больше, чѣмъ въ Петербургѣ въ 1900 году.

Мы не можемъ удержаться, чтобы еще не поидеальничать съ египтянами, такъ-какъ ужъ слишкомъ долго томилась съ петербуржцами. Вотъ часть стѣнной живописи изъ большого (главнаго) храма въ Дендерахъ, какъ она передана въ монументальномъ трудѣ Lepsius: „Denkmäler“ etc. Двѣ изъ этихъ фигуръ, съ двумя руками, надъ ними поднятыми, трогаютъ почти до слезъ. Замѣчательно, что рисунки эти не воспроизведены ни въ одномъ изъ большихъ историческихъ трудовъ объ Египтѣ, какъ Масперо и под. Европейскіе историки не замѣтили ничего въ нихъ особеннаго. Между тѣмъ, взгляните на эти руки, поднятыя надъ матерью; это — *молитва*; это *родникъ* первобытно-религіознаго и его *объясненіе*. Какъ это идетъ къ стихотворенію Майкова; совершенная параллель! Руки, не матери, но *надъ матерью и о матери* поднятыя, какъ бы говорятъ:

Отклони ударъ, уйди
Смерть съ своей косою

Но *чи-же* эти руки и къ *кому* поднятыя? Подобно тому, какъ образъ матери, кормящей ребенка, есть самый *древній религиозный образъ* — *первая икона* человечества; такъ около матери, страшащейся за дитя свое, вѣроятно сложились *первыя молитвы* и явилась первая мысль о *Небѣ-Заступникѣ*, о *Провидѣніи-Защитникѣ*. Здѣсь ясно просится, молится Провидѣніе. Руки подняты просто вверхъ, „не вѣмо — къ Кому“; руки *никому* не принадлежатъ; это — *молитва безличная*. Испуганные, мы не Иисусу молимся, не Ангелу Хранителю, а — Богу Неопредѣлимому, Неизясненному. На этомъ рисункѣ и выражено происхожденіе этихъ *первыхъ неопредѣленныхъ молитвъ*; показана колыбель *человѣческой религіозности*. Не менѣе поразительны, съ правой стороны, фигуры двухъ женщинъ, такъ ясно *благословляющихъ, одобряю-*

щикъ или *способствующихъ*, но вообще *благоприятствующихъ* третьей, кормящей ребенка. Такимъ образомъ—материнство здѣсь явлено въ окруженіи заботъ человѣческихъ и молитвъ. „Между небомъ и землей“, „отъ земли—къ небу“. Если даже милые люди, здѣсь изображенные, и выросли потомъ, въ вѣкахъ и въ мѣсахъ, въ „небожителей“, то это чрезвычайно естественно, какъ и то, что со временемъ Дерновъ и его слушатели изъ „небожителей“, „земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ“ (обычное наименованіе себя аскетами) сойдутъ въ самыхъ простыхъ людей. Наконецъ, на что еще намъ хочется обратить вниманіе—это на двоихъ дѣтей, однако уже въ возрастъ, когда они могутъ ходить,—берущихъ грудь коровы. Мы до сихъ поръ не понимаемъ, отчего „парное“ молоко, свѣжая икра и плоды цѣлительны для слабыхъ больныхъ, чахоточныхъ и т. п. Но связь есть, и не только физическая, но и мистическая: „прикашись къ груди Природы — и ты исцѣлишься“. Въ высококомъ духовномъ смыслѣ, въ мистическомъ смыслѣ, объ этомъ училъ Руссо: „возвратитесь къ природѣ“. говорилъ онъ большою цивилизаціи. Наконецъ, послѣднее въ рисунокѣ—это какіе-то „тельцы“ Израіля, плывущіе въ воздухѣ, какъ въ немъ въ туманѣ „плаваютъ“ водяные незримые пузырьки. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ эти тельцы? Во всякомъ случаѣ не на небѣ. Но и не на землѣ, гдѣ сидятъ кормящія „небожительницы“. Они гдѣ-то около нихъ, ибо вѣдь въ сущности *они*-то и произвели фактъ кормленія, рожденія; *извели изъ себя* всю цѣлостную картину—какой красоты и какого смысла!!!

Но перейдемъ ко второму стихотворенію Гейне. Оно посвящено знаменитому и неразгаданному празднеству евреевъ — *субботѣ*. Въ этотъ день, какъ вѣруютъ евреи, какая-то Небесная Гостья, „Царица Суббота“, „Царица Шабасъ“, сходитъ въ хижины еврейскія; и все, что съ вечера пятницы до вечера субботы дѣлаютъ евреи, — они дѣлаютъ „лековедъ Шабасъ“, „въ честь Субботы“. Но мало кто знаетъ, а евреи сами не рассказываютъ, что священный день этотъ ими посвящается главнымъ образомъ возженію жизни:

„Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею...“

Въ священную ночь съ пятницы на субботу еврейскія женщины стараются пріять въ себя материнство: но какъ самая суббота есть мистическій ихъ праздникъ, то и воспріятіе материнства совершается у нихъ мистически и царственно. Вѣдныя торговки и сплетницы шесть дней, несчастные процентщицы и часовщицы въ дни труда и заботъ,—они среди свѣтъ и огней и священныхъ воспоминаній въ вечеръ пятницы какъ-бы становятся царями земли, рождаютъ въ себѣ царскую психологію, находятъ небесную душу—и „возжигаютъ свѣтъ“

новой жизни“ не какъ свиньи и мы, а какъ цари и священники. Все устройство ихъ закона уже подводитъ къ этой догадкѣ; устные мои распросы подтвердили это; но кому нуженъ текстъ и буква, я сошлюсь на стр. XVI книги г. Шмакова: „Еврейскія рѣчи“. Какъ худшее *обвиненіе*, онъ кидаетъ имъ хвалу: „и пирие ворывіе, т. е. размноженіе семьи, поставленно Талмудомъ на первомъ планѣ среди 612 благихъ дѣлъ, миквѣ, предписываемыхъ каждому сыну Израиля. Поэтому *тайныгимъ*, т. е. наслажденія вообще, и въ частности *тагимъ съ гамите*, т. е. амурныя отношенія, строго обязательны для еврея въ шабашъ. См. *Талмудъ*, трактатъ Шабасъ“. — Такъ пишетъ заклятый врагъ евреевъ: а кто-же выгладитъ предполагаемое „слабое мѣсто“ у человѣка или народа, какъ не его врагъ. Но что для Шмакова слабость и позоръ, для другого можетъ быть сила и слава. Во всякомъ случаѣ, нужно-ли зачинать дѣтей въ позоръ или въ славу, отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ, установится-ли у народа позорная протистуція или священная семья; и послѣдняя будетъ-ли до послѣдней ниточки выметена отъ всякой соринки, или засорится почти до степени уподобленія дому терпимости. Такъ много важности въ томъ, что Шмаковъ считаетъ пустяками. Перейдемъ же къ стихотворенію Гейне.

Въ старыхъ сказкахъ говорится,
 Будто въ образъ звѣриногъ
 Ходятъ часто—чародѣемъ
 Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни—и принцы
 Принимаютъ прежній образъ;
 Принцъ волочится, и дамамъ
 Серенады воспѣваетъ,—

Все до часа рокового;
 А настанетъ онъ—мгновенно
 Свѣтлый принцъ—четвероногимъ
 Снова дѣлается звѣремъ.

Днесъ воспѣтъ такого принца
 Я намѣренъ. Онъ зовется—
 Израиль, и злою вѣдьмой
 Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по собачьи
 Онъ и чувствуетъ и мыслить,
 Грязный шляется и смрадный,
 На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
 Принцъ становится, какъ прежде,
 Человѣкомъ, и выходитъ
 Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслить, чувствуетъ какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

„Прародительскія сѣни!“—
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно
„Домъ Іаковлевъ! цѣлую
„Прахъ у вратъ твоихъ священныхъ!“

Удивительно, какъ вдругъ пастушеское что-то повѣяло изъ
стиха казалось-бы изломаннаго европейскаго поэта:

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шепотъ и движенье;
Тихо въ храмъ все; чуть дышетъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенеталь великій только—
(То-есть служба въ синагогѣ)—
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмъ лампы зажигаю.

Лампы—свѣточи надежды!

Въ самомъ дѣлѣ, „лампада“, „огонь“ — есть символъ чего?
Горячности—это первое; но и, во вторыхъ, быть можетъ—надежды.
Мы знаемъ, изъ показанія Геродота, что мысль лампады и употре-
бленіе ея возникла всего ранѣе въ Египтѣ,—страйфъ, гдѣ уже по
рисункамъ мы видимъ, что ранѣе всего пробилось религиозное
материнство.

Какъ горятъ онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору.
И уже передъ ковчегомъ,

Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоценными камнями,
И хранящимъ эту Тору,
Канторъ всталъ—изящный канторъ;

Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вадернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ при семь локтями,—
Вотъ онъ, ручкой щеголяя,

Потрепалъ себя по шеѣ,
Персть къ виску прижалъ, большимъ-же
Пальцемъ горло расправляетъ.
Долго онъ бормочетъ тихо,

Наконецъ, какъ вдохновенный,
Возглашаетъ громогласно:

„Леко Дойди Ликрасть Калле!

„О, гряди женихъ желанный,

„Ты во срѣтенъе невѣстъ,—

„Той, которая откроеть :

„Для тебя свой ликъ стыдливый!

Сколько здѣсь восточнаго; и какъ не похоже это восточное на наши гражданскія темы. На востокѣ бракъ и религія, т. е. полъ и небесное чувство, соединены, не расчленимы; переплетаются ихъ образы, понятія. Отъ этого религіозный взрывъ у нихъ есть въ тоже время и брачный, какъ обратно—брачный есть въ тоже время и религіозный. Отсюда ихъ религіозность—страстна, пламенна; и, взаимно—бракъ струится религіознымъ свѣтомъ.

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ

Быль Іегудой Бенъ—Галеви,

Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ

Въ дни калифовъ мавританскихъ,

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ

Обрученъе Йараила

Съ царственной принцессой Шабашъ—

Молчаливою принцессой...

По многоточію мы можемъ догадаться о таинственной не именуемой принцессѣ; и также по всѣмъ эпитетамъ, какъ „молчаливая“, и по ряду дальнѣйшихъ образовъ. Кто знаетъ поэзію Гейне, не могъ не обратить вниманія, что у него всюду мелькаетъ имя безъ образа „маленькой Эвридики“, что-то въ родѣ лично Гейневской „принцессы Шабашъ“. Тамъ и здѣсь чувство пола свернулось въ небесное облачко человѣческаго очертанія. Но какъ свернулось, конечно подробно объ этомъ знаютъ одни евреи или ихъ историческіе вожди.

Перлъ и цвѣтъ красота вселенной

Эта чудная принцесса!

Что тутъ Савская царица,

Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!

Весь свой вѣкъ она хотѣла

Остроумьемъ забавляться—

Наконецъ, вѣдь это скучно!

И, посмотрите—сколько нѣжности къ „маленькой Эвридикѣ“:

Нѣтъ! прицесса Шабашъ—это

Тихій ангелъ! Ненавидитъ

Суемудріе и споры

Эти умственные боксы.

Характерно, что хотя всё религии—съ Востока, всё они суть отсвѣтъ Азии, однако столь постоянное у насъ понятіе: „начинающаяся ересь“, „опять разногласіе“—тамъ вовсе отсутствуетъ! Мы устроаемъ строки религии; у нихъ просто—какъ у пророчицы Анны, молившейся о разрѣшеніи своей утробы—„щеки пылали и губы шевелились, словъ же молитвы не было слышно, и первосвященникъ думалъ, что она — пьяна“. При этомъ безмолвіи и глубинѣ молитвы—„споръ“, „ересь“, „еще сомнѣніе“ невозможны.

Ненавидитъ этотъ дикій
Паеосъ страстныхъ декламаций,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами;

Скромно подъ парикъ чепецъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но—только
Не курить. „Курить въ субботу
Запрещается закономъ“...

„Но за то, мой милый, нынче
„Продушишься ты, въ замѣну,
„Чуднымъ кушаньемъ: ты будешь
„Нынче шалеть, другъ мой, кушать“...

„—Шалеть—божеская искра
„Сынъ Элизія!“ Запѣль-бы
Вѣрно Шиллеръ вдохновенный,
Еслибъ только зналъ онъ шалеть.

Здѣсь, вѣроятно, намекъ на извѣстный „Гимнъ къ радости“ Шиллера, и именно на первыя его строки:

Радость—ты искра небесъ, ты божественна
Дочь Елисейскихъ полей,
Мы, упоенные, входимъ торжественно
Въ область святыни твоей.

И т. д. Дѣйствительно, если порядокъ міра—утвердительный, если существеннымъ образомъ онъ есть порядокъ „je Suis“, „Сый...“, то всякая радость и счастье чѣмъ напряженнѣе—тѣмъ ближе къ глубинамъ бытія, къ „дыханію“ „Сый“, къ Богу... И „субботній“ мигъ, самый утвердительный и блаженный—есть въ точности.

...искра небесъ...
...область святыни...

Или, какъ опредѣлили раввины: „особенное идеальное мѣсто, мало что общаго имѣющее съ земнымъ міромъ“ (*Переферковичъ*: „Талмудъ“ и проч.). Будетъ продолжать Гейне.

Это—даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской снѣдью—
Дрянъ амврозія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Какъ много тутъ семитическаго самоутвержденія и исключительности. Но, уже Достоевскій замѣтилъ („Бѣсы“): „боги умираютъ, когда начинаютъ (у народовъ) смѣшиваться...“ Читатель, конечно, догадывается, что „шалеть“, какъ и „подобная газели принцесса, сіяющая тихою радостью“, и, наконецъ, самъ „принцъ“—суть только иносказанія „мины“.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалеть.
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечеть, улыбаясь:

„То не шумъ-ли Иордана,
„Не журчанье-ль струй студеныхъ
„Подъ навѣсомъ пальмъ Веталъ?
„То не ржанье-ли верблюдовъ?

Какое прекрасное, Виелеемское окруженіе...

„Не овецъ-ли тонкорунныхъ
„Колокольчики лепечуть?
„Не съ вершинъ-ли Гилеата
„Овцы на ночь сходятъ въ долины?“

Мы уже высказывали раньше (статья „Нѣчто изъ сѣдой древности“, въ сборникѣ „Религія и культура“), что Сіонъ для іудея—въ „субботѣ“, и, потерявъ территорію, но не потерявъ свою Хайку, какой-нибудь „Ицка“ изъ Вильны еще не потерялъ града Соломона.

Но ужъ день склонился... Тѣни
Удлиняются... подходитъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собаку.

Фиг. 3.

кончил Майковъ. Что-же за мысль скрытъ въ этомъ изображеніи Египетъ? Мы очень хорошо понимаемъ, что въ развернутомъ и вытянутомъ видѣ эти крылья образуютъ древнѣйшую фигуру такъ

Принцу милому подносить
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть съѣштитъ онъ
Нарда запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подносить
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣчка грустно
Зашиѣла и погасла—
Въ тотъ же мигъ и принцъ изъ храма
Грязный выбѣжалъ собакой.

Такъ—быстро и смутно—кончается чудное стихотвореніе, какъ съ чувствомъ смутнаго припоминанія потомъ кончается и таинственная „суббота“.

Мы позволяемъ себѣ привести еще нѣсколько египетскихъ рисунковъ. Они взяты изъ „Catalogue des monuments et inscriptions de l’Egypte antique, ed. sous les auspices d’Abbas II—chedif—par la Direction generale du service des antiquités“. Вѣна 1895., vol. II, таб. 115 и 122.

Женщина держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ—„символь жизни и глубины“, по объясненіемъ египтологовъ; правая приподнятая рука—единственный и постоянный жестъ молитвы до сихъ поръ; окруженіе уже знакомыхъ намъ полевыхъ колокольчиковъ на головѣ; но самое главное, характерное и новое—это свернутыя крылья, но не за плечами, не около рукъ, какъ мы дѣлаемъ въ своихъ религіозныхъ изображеніяхъ, подражая птицѣ, бессмысленно ее имитируя, а начиная отъ тѣхъ поясныхъ позвонковъ, которыя и по ученію нашихъ физиологовъ служатъ неразгаданнымъ и не объяснимымъ центромъ полового возбужденія, т. е. пунктомъ возженія жизни, указаніемъ на которое

называемых „керубу“, перешедшихъ отъ семитовъ къ намъ („херувимы“). Дѣло въ томъ, что крыло очень поздно передвинулось къ плечу: но родникъ ангелоподобныхъ стремленій именно тамъ, куда прикрѣпили это крыло египтяне, о чемъ поютъ евреи въ свою таинственную субботу, и чего слѣдъ мы находимъ въ древнѣйшей книгѣ „Руѳъ“. Прислушаемся:

„И сказала Ноёмпнъ своей невѣсткѣ Руѳи: „дочь моя, не поискать-ли тебѣ пристанища, чтобы тебѣ хорошо было? Вотъ Воозъ, со служанками которою ты была ранѣе; онъ родственникъ нашъ: въ эту ночь онъ вѣдетъ на гумнѣ ячмень; умойся, помажься, надѣнь на себя нарядныя одежды твои и пойди на гумно, но не показывайся ему, доколѣ не кончить ѣсть и пить; когда-же онъ ляжетъ спать, узнай мѣсто, гдѣ онъ ляжетъ; тогда придешь и подыменишь одѣяло у ногъ его и ляжешь; онъ-же скажетъ тебѣ, что дѣлать“.

„Руѳъ отвѣтила: исполню все, что ты сказала мнѣ.

„И пошла на гумно и сдѣлала все такъ, какъ приказала ей свекровь ея.

„Воозъ наѣлся и напился и развеселилъ сердце свое, и пошелъ, и легъ спать подлѣ скирда. И она пришла тихонько, открыла у ногъ его и легла.

„Въ полночь онъ содрогнулся ¹⁾, приподнялся, и вотъ—у ногъ его лежитъ женщина.

„И сказалъ ей Воозъ: кто ты? Она сказала: Я — Руѳъ, раба твоя, *простри крыло твое на рабу твою*, ибо ты родственникъ.

„Крыло“—прямо совпадаетъ съ тѣмъ, что изобразили египтяне; слишкомъ понятно, въ этихъ словахъ, о чемъ Вооза просить Руѳъ, „принародившаяся, помазавшаяся умащеніемъ“, приготовившая себя видною и красивою.

„Воозъ сказалъ: благословенна ты отъ Господа, дочь моя! Это послѣднее твое дѣло ты еще сдѣлала лучше прежняго, что ты не пошла искать молодыхъ людей, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ;

„Итакъ, дочь моя, не бойся—я сдѣлаю тебѣ все, что ты сказала; ибо у всѣхъ воротъ дома моего знаютъ, что ты женщина добродѣтельная;

„Хотя и правда, что я родственникъ, но есть еще родственникъ ближе ²⁾ меня;

„Переночуй эту ночь; завтра-же, если онъ приметъ тебя—то хорошо, пусть приметъ; а если онъ не захочетъ принять тебя, то я приму; живъ Господь, спи до утра“...

¹⁾ То, о чемъ старики говорятъ—„ростетъ человекъ“.

²⁾ Замѣчательна эта тенденція „къ ближе“, т. е. къ большому сгущенію собственно всегда существовавшего въ Израилѣ смѣшенію родственныхъ кровей. Всякій бракъ „въ радость“, и нельзя не прозрѣвать нѣкотораго чрезвычайно тонкаго повышенія радости, когда бракъ совершается съ давно милымъ и близкимъ существомъ родственника или

Но чтобы прекрасное вошло во всю полноту красоты — оно должно кончатся немного шутливо:

...„И взявъ Воозъ Руѳь, и она сдѣлалась его женою. И вошелъ онъ къ ней, и Господь далъ ей беременность, и она родила сына.

„И говорили женщины Ноемени: благословенъ Господь, что Онъ не оставилъ тебя нынѣ безъ наслѣдника! и да будетъ славно имя его во Израилѣ;

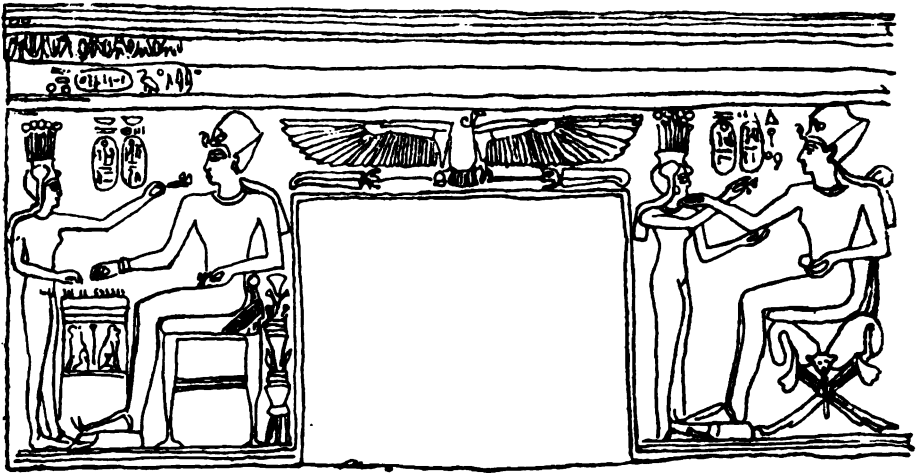
„Онъ будетъ тебѣ отрадою и питателемъ въ старости твоей, ибо его родила сноха твоя, которая любить тебя, которая для тебя лучше семи сыновей.

„И взяла Ноеминь дитя сіе, и носила его въ объятіяхъ своихъ, и была ему нянькою.

Здѣсь и начинается прекрасная шутка: Ноеминь была старуха.

„Сосѣдки нарѣкли ему имя и говорили: „у Ноемини родился сынъ“, и нарѣкли ему имя—Овидь...

„Овидь родилъ Иессея; Иессей родилъ Давида“. (Руѳь, гл. 3).

Фиг. 4.

Такъ жили эти тихіе ангелы, лаская другъ друга (см. фиг. 4—изъ Champolion—„Monuments de l’Egypte et de la Nubie, pl. 199);

родственниковъ. Отсюда — сочетаніе Авраама и Сарры, безспорно не вынужденное; Иакова—„съ сестрами Лией и Рахилью“. Въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ въ царскихъ родахъ, бракъ совершается въ очень близкомъ родствѣ. Здѣсь происходитъ паденіе *плюса* на *пласъ*; *утолщеніе* любви, какъ ласки и нѣжности *укрѣпленіе* любви. Мужъ *двойною* любовью любитъ: и жена—тоже. Въ Европѣ всѣ эти тайны пройдены мимо безъ вниманія.

и любя дѣтей своихъ (см. фиг. 5—изъ Maspero: „Histoire de l'Orien classique“, vol. 2, p. 155. Рисунокъ относится къ халдеѣ).

Фиг. 5.

Вотъ маленькое поученіе, въ рисункахъ и текстахъ, для пастьерскаго собранія города Петербурга.

Хочется кончить это житейскимъ впечатлѣніемъ. Я спѣшилъ домой исправить „последнюю корректуру“ этого листа, и, скучая, дремалъ въ вагонѣ Балтійской желѣзной дороги. Проѣхавъ Нарву, въ него вошла съ ребенкомъ женщина. Ребенокъ былъ видимо боленъ, и она его успокаивала, сколько было умѣнья и силъ. Лицо ея было угрюмо и печально. Такъ печально, что казалось некрасиво. Всѣ несчастные люди—некрасивы. Только очень внимательно всматриваясь, можно было замѣтить тонкія черты лица, даже пожалуй когда-то прекраснаго. Она была мѣщанка, одѣта бѣдно. Вдругъ я обратилъ вниманіе, что на ней обручальнаго кольца ни на одной, ни на другой рукѣ не было, и догадался, что это—дѣвушка. Мнѣ хотѣлось съ нею заговорить; но на нерѣшительный мой вопросъ она промолчала, и видимо ей непріятно было, что я пожалуй съ ней заговорю. Вечеръ смеркался. Поездъ стучалъ. Вагонъ былъ совершенно пустъ, кромѣ насъ двоихъ. Но все время до Петербурга я наблюдалъ, съ какою нѣжностью, укутавъ и уложивъ ребенка въ передній уголъ длинной лавки,

она сама ложилась у его ногъ, ничкомъ, лицомъ къ низу. Что-то служебное у нея было. Мать, сознательное, большое, свободное—служить рабынею у безпомощнаго, крохотнаго существа, которое бы не пискнуло, еслибъ она его бросила. А онъ будетъ ей тяжель всю ея жизнь; „некуда глаза показать“ (незаконнорожденный). На таковыхъ служеніяхъ держится міръ. Упалъ тормазъ, мы остановились у Петербургской станціи. Я всталъ и выходя спросилъ:

— Что-же, милая, въ Петербургъ ѣдете?

— Къ доктору. Вотъ ребенокъ заболѣлъ, внезапно...

И я потерялъ ее изъ виду.

В. В. Розановъ.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятие незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.

1903.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССИИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

В. В. Розановъ.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ РОССІИ.

Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятие незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.

1903.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 20 1942

sheldon fund

Оглавленіе II-го тома.

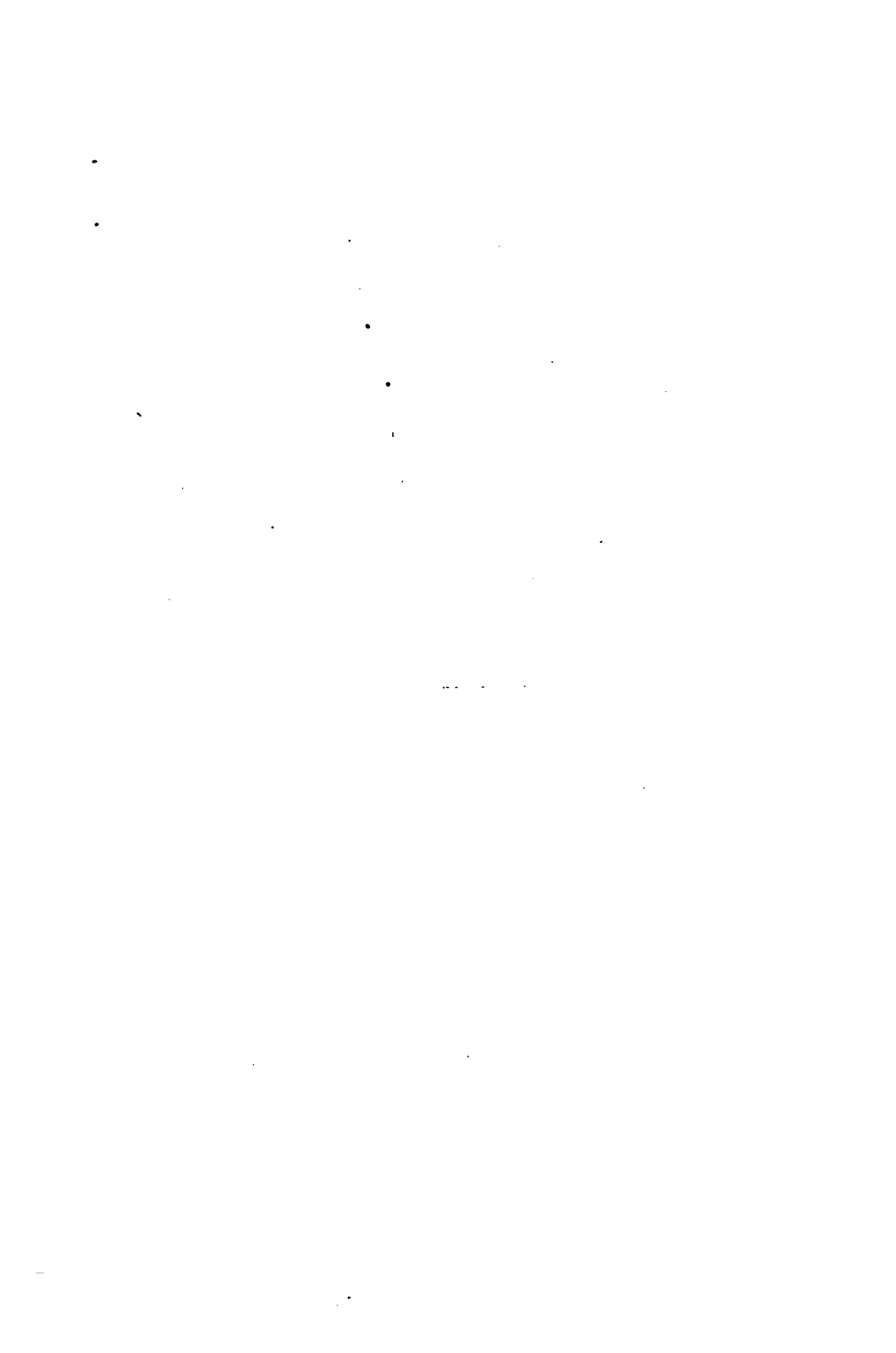
	Стр.
Диалогъ	1
Важная забота церкви	16
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса:	
XXI. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“ <i>А. Дернова</i>	20
Евины внучки	22
Споръ объ убитомъ ребенкѣ	31
Святое чудо бытія	44
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса:	
XXII. Письма: <i>О. Иванова, Аютима, Де-Плансона, N N,</i> <i>А. П-вой, * *, Ел. П.</i>	61
XXIII. Бракъ съ точки зрѣнія газетной философіи. Изъ <i>Церковнаго Вѣстника</i>	66
XXIV. О равноправности дѣтей незаконныхъ съ законными.	70
XXV. Дѣти и „дѣти“. По формуль: „ <i>audiatur et altera pars</i> “. <i>А-та</i>	72
Имущество, титулы и дѣти	77
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса:	
XXVI. Открытое письмо В. В. Розанову. <i>А-та</i>	81
Отвѣтное письмо г. А--ту	85
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса:	
XXVII. Въ чемъ дѣло? <i>А--та</i>	91
Стропила семейнаго уклада	97
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса:	
XXVIII. Параллельно В. В. Розанову <i>А-та</i>	107
XXIX. Тяжелые упреки духовенству. <i>Н. Дроздова</i>	114
XXX. Открытое письмо г. В. Розанову. Свящ. <i>К. З-кій</i>	118
Нѣсколько разъяснительныхъ словъ	122

	Стр.
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XXXI. Факты и мнѣнія	125
XXXII. Христіанскій бракъ. <i>М. Сменцовскаго</i>	135
XXXIII. Письмо <i>анонима</i>	151
XXXIV. Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ. Отказъ на призывъ къ безформальному сожитію или, вѣрнѣе, къ поло- вой разнузданности, и охраненіе святости брач- наго союза. Протоіерея <i>Александра Дернова</i>	152
XXXV. Изъ „Риголетто“	219
XXXVI. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“	220
XXXVII. Письмо г. <i>А. Григорьева</i>	221
XXXVIII. Изъ частныхъ писемъ	222
XXXIX. Мѣры къ поднятію уровня общественной нравствен- ности. Доктора медицины <i>Ф. Фрейлина</i>	227
XL. „Церковныя Вѣдомости“ о брошюрѣ Ал. Дернова: „Бракъ или развратъ?“ <i>Н. М.</i>	242
XLI. Бракъ или сожительство? <i>А. Киртсева</i>	244
XLII. Идилія, защищаемая А. Дерновымъ и А. Киртсе- вымъ:	
1. Изъ Ялтинскихъ нравовъ. Письмо	253
2. Сгорѣвшій мужъ	254
3. Исторія въ Рязани	259
4. Мать убійца	260
5. Преступная мать	261
6. Приговоръ по дѣлу И. Куликова	262
7. О мрачности темъ	262
Отвѣтъ г. Киртсеву	263
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XLIII. Изъ писемъ о бракѣ и разводѣ	268
XLIV. Послѣдній отвѣтъ г-ну Розанову по вопросу о бракѣ <i>А. Киртсева</i>	270
XLV. Послѣдній отвѣтъ г. А. Киртсеву на его послѣднюю декларацию. <i>Анонима</i>	273
XLVI. Еще изъ сужденій о незаконнорожденности	275
XLVII. Осужденныя—о себѣ	280
Второй отвѣтъ г. А. Киртсеву	306
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
XLVIII. По поводу. <i>В. Цемировича-Данченко</i>	314
XLIX. Женскіе паспорта	323
L. Покровительство злымъ и беззащитность добрыхъ	325
Болезни безъ леченія	327

	Стр.
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
II. „Церковный Вѣстникъ“ о разводѣ:	
1. Неудовлетворительность бракоразводнаго процесса въ Духовномъ судѣ	331
2. Необходимость участія въ бракоразводныхъ дѣлахъ свѣтскаго суда	335
3. Проекты производства бракоразводныхъ дѣлъ	338
4. Мотивы за составленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ	340
5. Основанія для передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ	344
6. Данныя къ рѣшенію вопроса о бракоразводномъ процессѣ	348
7. Исходный пунктъ къ рѣшенію вопроса о бракоразводномъ процессѣ	350
III. Изъ „Дневниковъ“ кн. <i>В. Мещерскаго</i>	357
Фрагменты о бракѣ.	
О наказаніи смертью и еще, сверхъ этого, чѣмъ-нибудь	362
О древне-русскомъ разводѣ	363
Цѣнныя слова	364
Набрасное обремененіе (о вторыхъ и третьихъ бракахъ)	366
Опытъ самозащиты	369
„Внѣ-каноническіе“ дѣти, а не „внѣ-брачныя“	373
„Внѣ-брачныя дѣти“ -- <i>contradictio in adjecto</i>	375
Сколько разъ можно было вступить въ бракъ въ древней церкви	376
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
LIII. О записи въ метрики „незаконнорожденныхъ“ Прот. <i>А. Устинскаго</i>	379
LIV. Когда незаконные дѣти будутъ законными? <i>А—та</i>	381
LV. Игра словъ. <i>В. Криженко</i>	383
LVI. Изъ писемъ о незаконнорожденности	385
LVII. Незаконнорожденные во Франціи	388
LVIIIa. О разводѣ у католиковъ <i>Реджэра</i>	391
Недоговоренныя слова	394
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
LVIIIb. „И не вводи насъ во искушеніе“. <i>Б. К. В. К.</i>	403
LIX. О городскихъ думскихъ учительницахъ. <i>Д.</i>	405
LX. Гнусный промыселъ. <i>Н. Лендера</i>	408
LXI. Бѣлыя невольницы. <i>Н. Андреева</i>	410

	Стр.
Еще фрагменты о бракѣ.	
Объ особаго рода „синдикатахъ“	416
Безъ надеждъ на замужество	422
Педагогички-весталки	426
Сельско-хозяйственныя колоніи для дѣвушекъ-матерей.	429
Современныя хананей (о смѣшанныхъ съ иновѣрцами бракахъ)	431
Женскій трудъ и образованіе.	
Утилизациа главнаго женскаго таланта	436
Кн. В. П. Мещерскій о женщинахъ	439
Воспитательная и хозяйственная роль женщины	441
Возможная пионерка	443
Въ поискахъ за трудомъ и просвѣщеніемъ	444
Женское медицинское образованіе въ Россіи	449
Учительницы въ коммерческихъ училищахъ	450
Руководѣлье въ женскихъ гимназіяхъ	452
О ручныхъ издѣліяхъ въ гимназіяхъ	454
Женскіе пансіоны	456
Новый женскій институтъ	458
О неурочныхъ занятіяхъ учащихся	459
Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.	
LXII. Утвержденіе правилъ объ улучшеніи положенія не- законнорожденныхъ дѣтей	462
LXIII. Изъ откликовъ печати и частныхъ лицъ	467
LXIV. Письмо въ редакцію	474
LXV. Кто не обрадовался новому закону	475
Послѣдніе фрагменты о бракѣ.	
Введеніе дѣтей въ семью	477
Дѣти офицеровъ и солдатъ	480
Къ читателю	483
Приложеніе:	
„Дѣти Солнца... какъ они были прекрасны!“	487
Р и с у н к и:	
Стѣнная живопись изъ пирамиды Гизеа.	490
Изъ памятниковъ древняго Египта. Чувство египтянъ къ животнымъ	492

	Стр.
Тоже	493
Тоже	494
Чувство египтянъ другъ къ другу	495
Тоже	496
Чувство египтянами растеній	497
Чувство египтянами звѣздъ	498
Тоже	499
О нѣжности у египтянъ	500
Dea-vassa-isis	502
Исключеніе эгоистичности. Со стѣны египетскаго храма	505
Безсмертіе — какъ романтическая идея. Со стѣны египетскаго храма	507
Древнѣйшее изображеніе херувимовъ	508
Солнце и его чувство къ людямъ. Со стѣны египетскаго храма	510
Тоже. Со стѣны египетскаго храма	512

Суди меня, Боже, и вступишь въ тяжбу мою съ народомъ недобримъ. Отъ человѣка лукаваго и несправедливаго избавь меня.

Псаломъ 42.

Равви Акиба толковалъ: «кто не занимается размноженіемъ, о томъ Писаніе говоритъ такъ, какъ если-бы онъ проливалъ кровь, ибо сказано въ Бытіи, 9, 6: *кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка*, а послѣ этого прибавлено: *вы-же плодитесь и размножайтесь*». Равви Элеазаръ, сынъ Аваріи, училъ: «кто не занимается размноженіемъ, о томъ Писаніе говоритъ такъ, какъ бы онъ уменьшаетъ подобіе Божіе, ибо сказано въ Бытіи, 9, 6—7: *ибо человекъ созданъ по образу Божію, вы-же плодитесь и размножайтесь*». Бенъ-Аван говорилъ: «такой человѣкъ и проливаетъ кровь и уменьшаетъ подобіе, по Бытію, 9». Ему замѣтилъ равви Элеазаръ: «однако слова хороши, когда они выходятъ изъ устъ исполняющаго; иной хорошо толкуетъ и хорошо исполняетъ, а иной хорошо исполняетъ, хотя не хорошо толкуетъ, а Бенъ-Аван хорошо толкуетъ, но не хорошо исполняетъ». Потому-что Бенъ-Аван былъ не женатъ. Тотъ отвѣтилъ ему: «что мнѣ дѣлать? душа моя пристрастилась къ Торѣ; пусть уже міръ будетъ поддержанъ другими».

М и ш и а, трактатъ «Јевамотъ», VI.

Оправданная-же передъ судомъ, если она прежде рождала со страданіями—то будетъ рождать безъ страданія, если рождала дѣвочекъ—будетъ рождать мальчиковъ, если рождала некрасивыхъ—будетъ рождать красивыхъ, если рождала смуглыхъ—будетъ рождать бѣлыхъ, если рождала низкихъ—то будетъ рождать рослыхъ, если рождала по одному—то будетъ рождать по два.

М и ш и а, трактатъ «Сота», II.

Глупый благочестивецъ, хитрый нечестивецъ, женщина фарисейка и удары фарисеевъ губятъ міръ.

М и ш и а, трактатъ «Сота», III.

Диалогъ.

— Непонятно, непонятно и непонятно... Просто, уму непостижимо...

— Что вамъ непонятно?

— Ничего не понятно. Я говорю объ области брака. Наивные мои критики думаютъ, что я вотъ уже два года все возвращаюсь къ его темѣ только для того, чтобы указать нѣкоторое неравенство вѣсовъ и отклоненіе ихъ въ сторону темнаго цвѣта, аскетизма, противъ блага, брака. „Пусть будетъ больше браковъ— и все успокоится“. Конечно, это входитъ въ мои соображенія, но не единственно. Въ моей совѣсти вопросъ идетъ гораздо дальше и сомнѣніе простирается... просто я не понимаю, что-же такое у теперешнихъ христіанъ бракъ? И куда дѣвались или, точнѣе, куда дѣвали слова Господни о *бракѣ*—во-первыхъ, и о *дѣтяхъ*—во-вторыхъ?

— Ну, они въ Евангеліи...

— Я не о томъ, что они не въ Евангеліи, а о томъ, почему они не въ жизни?

— Не въ жизни?

— Нельзя-же, процитировавъ столь ясныя слова, какъ слѣдующія: „Развѣ вы не читали, что Сотворившій въ началѣ *мужчину и женщину* сотворилъ ихъ, и сказалъ: „по сему оставить человекъ отца и мать и *прильпнется къ женѣ* своей и будутъ *одною плотью*“; такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что *Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ*“; (Матѣ., 19),—нельзя, говорю я, зная твердо эти слова, задавать вопросъ, какъ г. Полозовъ въ книжкѣ 10-й за 1899 журнала „Вѣра и церковь“: „но что именно составляетъ существо брака, и какія его стороны служатъ отображеніемъ союза Христа съ церковью— это въ богословской наукѣ съ достаточной полнотою не разъяснено“...

— Да вы что все беспокоитесь?

— Да какъ-же не беспокоиться, когда слова Господни—только въ книгѣ, а не въ жизни? Ну, напримѣръ, эта иррегулярная конница дѣтей...

— Какая конница?

— У Франца Иосифа, положимъ, есть регулярная кавалерія и иррегулярная кавалерія. Такая фантазія, чтобы одни были регулярны, а другіе—иррегулярны... Такъ это понятно потому—что войско есть его и его предковъ фантазія, и онъ его распредѣляетъ такъ и этакъ, по фантазіи.

— Ну, конечно...

— Но развѣ-же можно, не родивъ дѣтей, распредѣлить ихъ въ регулярные и иррегулярные?

— Не понимаю.

— Вопросъ слишкомъ серьезень, чтобы вы были не внимательны. Господь о чемъ въ приведенныхъ словахъ сказалъ?

— О рожденіи.

— По моему—тоже. Я эти слова, эту самую 19-ю главу отъ Матвея, можно сказать, насквозь прочиталъ, наизусть выучилъ; сжевалъ бумагу и проглотилъ. И чѣмъ проглоченное сильнѣе дѣйствуетъ во мнѣ, тѣмъ менѣе начинаю что-нибудь понимать въ мірѣ.

— Ну ужъ и „въ мірѣ“...

— Именно. Это я вспомнилъ слова стараго умершаго идеалиста о „гармоніи міровой“, и вотъ все ухмыляюсь ей, думая объ иррегулярной и такъ сказать не „стармонизованной“ въ кавалерійскіе ряды конницѣ, и именно—только дѣтей. Въ „гармонію“ всѣ попали, никто не исключенъ: ни банковскій воръ, ни тще-славный министръ, доведшій страну свою до Седана, ни болтающій въ парламентѣ ораторъ, ни самый презрѣнный журналистъ. Всѣ они „регулярны“, подъ закономъ, признаны. Власть не совершить невѣжливости ни передъ однимъ изъ нихъ. Но невинный, совершенно никому не мѣшающій ребенокъ со своей матерью въ эту гармонію не попали. И даже цѣлые полки ихъ, цѣлое казачество. Да что намъ казачество?! Все равно — пусть одинъ. Но тогда уже выходитъ не міровая „гармонія“, а уличная на мѣстѣ ея „гармоника“...

— Вы остриете?

— Самая обыкновенная тульская гармоника, въ рубль съ четвертакомъ цѣна. Ибо гармоническіе ряды настоящихъ королевскихъ уланъ и гусаръ, состоящіе изъ этихъ министровъ, болтуновъ и писаекъ, никогда даже и не отрицали, что они — грѣшны, а ребенокъ безгрѣшенъ. Такъ что я „гармонику“ такъ и опредѣляю: „грѣшная міровая гармонія, отчуждающаяся отъ безгрѣшнаго“...

— Вы патетичны и философствуете. Говорите проще.

— Вѣдь вы согласны, что Господь у Матѣ., 19, сказалъ о рожденіи?

— О рожденіи.

— И никто рѣшительно не отрицаетъ, какъ вѣроятно не отвергнете и вы, что приведенныя слова Его суть единственное основаніе христіанскаго брака?

— Основаніе.

— Такъ что бракъ есть—бракъ о ребенкѣ, какъ „Русланъ и Людмила“ есть что-то о „Русланѣ“ и о „Людмилѣ“...

— Ну, конечно, смѣшной человѣкъ.

— Смѣшной вы, а не я: развѣ-же можетъ быть „Русланъ и Людмила“ напр., объ Онѣгинѣ и Татьянѣ? То такъ и называлось бы „Евгеній Онѣгинъ“ или „Романъ о Евгеніѣ и о Татьянѣ“.

— Ну-ну, все одно и тоже... это какъ въ Евангеліи трижды повторено: „Кто просящему у него хлѣба подастъ камень, и просящему у него рыбы—подастъ змѣю“... и еще что-то.

— Именно камень и змѣю... Человѣкъ просилъ у Господа дѣтей—и Онъ далъ ему дѣтей; и человѣкъ просилъ у Господа благословить его дѣтей—и Господь благословилъ его дѣтей; между тѣмъ какъ въ „гармоникѣ“...

— Выражайтесь почитательнѣе.

— Между тѣмъ какъ Францъ Іосифъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ: „не хочу играть въ солдатъ, а хочу играть въ дѣтей, и тоже—чтобы они были регулярные и иррегулярные“... Но вѣдь этого нельзя, потому-что они ему не подвѣдомственны?

— Не подвѣдомственны. Совсѣмъ другая категорія.

— Категорія — именно. Солдаты—государственная категорія; и дѣти—тамъ по имуществу, по сословію, вообще по одежкѣ бытія — тоже государственная. Но какъ просто дѣти, и еще не взрослые, т.-е. по близости къ рожденію — они категорія божеская. Неужто станете отрицать? Это даже Эльпе изъ „Нов. Времени“ заступится.

— Почему Эльпе? И какъ вы странно говорите: „Францъ-Іосифъ, Эльпе, божеская категорія“. Неужели вы не можете послѣдовательнѣе?

— Не могу, а главное—не хочу, ибо тутъ замѣшаны: Богъ, государство и природа, почему и называется „мировая гармонія“ или, въ случаѣ краха, будетъ названо „всемирною ошибкой“. Эльпе есть представитель природы, и въ фельетонахъ, пріятныхъ не мнѣ одному, онъ настаиваетъ, что нѣтъ частицы живой—безъ Божества; такъ что этотъ другъ природы сдѣлался другомъ всѣхъ теологовъ, и они усердно его цитируютъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ-же! Проф. Бронзовъ въ актовѣ рѣчи въ С.-Петербургской духовной академіи приводитъ почти цѣлыя страницы

изъ его фельетоновъ: „вотъ, и естественныя науки признають, что органическая матерія одушевлена, и значить натуралисты тоже съ нами соглашаются, что есть Богъ“. Да объ этомъ цѣлая богословская литература. Но тогда какже „иррегулярная“...

— Какая-же связь?

— Какъ какая связь?! Г. Полозовъ, въ статьѣ болѣе-чѣмъ серьезной, спрашиваетъ, *гдѣ центръ священства брака...*

— Ну?

— Такъ если все живое—божественно, и этому радуются теологи, опираясь на это какъ на „Нерушимую Стѣну“ вѣры, наконецъ-то ими найденную въ наукѣ: то какъ-же сомнѣваться, что божественное въ бракѣ—*есть материальный субстратъ его, именно и названный Спасителемъ...*

— Ну, конечно.

— А „иррегулярные“-то?

— Ирегулярные?..

— Послушайте: вѣдь это — не Францъ-Иосифъ; ну, тотъ съ конницею — такъ и сякъ; его фантазія, его и затѣи: ирегулярнымъ панталонамъ въ сапоги, регулярнымъ — поверхъ сапогъ: у однихъ—кепи, у другихъ—шапки. Но вѣдь нельзя-же шапки, кепи, панталоны и сапоги вносить въ Царствіе Небесное...

— Вы кощунствуете.

— Кощунствовалъ-бы, если-бы я внесъ; но я запрещаю. Именно я раздѣляю категорію божескихъ вещей отъ земныхъ, и такъ какъ мы уже рѣшили, что рожденіе...

— Ну, конечно—божеская категорія или Небесное Царство.

— Какимъ-же образомъ не на рожденныхъ только, но на самое рожденіе вы, выражаясь образно—то кепи, то—шапки.

— Потому-что вѣдь брака.

— Постойте, мнѣ кажется раньше Спасителя не было брака...

— Былъ—въ Ветхомъ Завѣтѣ.

— Но вѣдь Спаситель только перенесъ слова изъ Ветхаго въ Свой Новый Завѣтъ, и содержащееся у Матвея, 19,—читается раньше въ „Книгѣ Бытія“, 2, безъ всякаго варианта.

— Ну, ну скорѣе...

— Такъ вѣдь тамъ о Русланѣ и Людмилѣ, а вы мнѣ подаете книжку „О Русланѣ и Людмилѣ“, въ которой рассказывается о Бовѣ и еще какой-то гадости.

— Не понимаю. Путаєте религію и литературу.

— Вѣдь вы же согласились, что Спаситель сказалъ о рожденіи? И никто не отвергаетъ, что Онъ-же тутъ говорить о бракѣ.

— Ну, конечно.

— Почему-же заглавіе одно, а сюжетъ—другой?

— Гдѣ?

— Да въ европейской семьѣ. Не только г. Полозовъ сомнѣ-

вается, но г. Полозовъ потому,—и притомъ невинно, — сомнѣвается, что иррегулярные давно скачутъ... и такъ сказать небесная кавалерія...

— Что за жаргонъ?!

— Именно, но онъ—не мой Въ категорію небеснаго введенъ земной кавалерійскій строй, и если прежде были „херувимы и серафимы“ и даже обычно они изображаются дѣтскими личиками съ крылышками и плечиками, то вѣдь нельзя-же оспаривать, что въ „гармоникѣ“ совершенно грязная плетка хлещетъ по плечикамъ дѣтей, которыхъ мы, *mutatis mutandis*, называемъ ангелами. Право—такъ: ангеловъ изображаютъ дѣтьми, но зато дѣтей называютъ ангелами, и это не безъ связи съ Эльпе.

— Опять Эльпе?!..

— Опять, потому-что—міровой вопросъ. Эльпе потому съ такимъ упорствомъ, конечно чистосердечно, настаиваетъ, что каждая живая капля—божественна, что въ сущности она не химико-механична, а трансцендентна, мистична и ирраціональна. Онъ это доказываетъ тѣмъ, что никакимъ скальпелемъ ее не возьмешь и ни въ какой микроскопъ не размотришь, и это просто отъ той глупой причины—что она родилась, т. е. идетъ изъ вѣчности, изъ глубины и прямо... отъ Бога. Теперь, если теологи этому обрадовались, то какъ же у нихъ „иррегулярныя“ капли, да и не только „капли“, а цѣлыя дѣти, человѣческія капли. По моему—это вопросъ мистическій, и Антихристомъ пахнетъ.

— Ну, и вы начитались Соловьева. Слышали, кто-то во время его лекціи объ Антихристѣ упалъ со стула?

— Это—я упалъ, потому что заснулъ, и заснулъ потому, что было очень скучно. Соловьевъ только казался мудрымъ человекомъ, а на самомъ дѣлѣ не обладалъ и остроуміемъ. Онъ началъ рисовать Антихриста съ какимъ-то электричествомъ и газетами. Между тѣмъ, уже теперь можно предвидѣть первый вопросъ „такъ называемаго“ анти-Христа. Замѣйте, я говорю „такъ-называемаго“ и тутъ главная моя мысль. Рекомый Антихристъ, котораго будутъ порицать, порнографитъ, спроситъ непременно добродѣтельныхъ христіанъ, какъ поступали они съ дѣтьми своими и въ частности укажетъ на „иррегулярную“ конницу... Часть ея, какъ всѣмъ извѣстно, попадаетъ въ колодцы, проруби, помойныя ямы, отхожія мѣста. Не только въ сеѣ вѣкъ, но всегда у христіанъ было явленіе, именуемое „*незаконнорожденнымъ младенцемъ*“, и это—при обстоятельствахъ, что „*бракъ есть таинство о младенцѣ*“, но очевидно изъ этого, что—о какомъ-то ненастоящемъ, а поддѣльномъ, маргариновымъ младенцѣ. Потому что настоящій-то выпалъ и, какъ теперь ищутъ ему терминъ юристы—„внѣбрачный младенецъ“. Вѣдь если есть „внѣбрачный младенецъ“, то очевидно отъ того, что есть „бракъ внѣ-младенческой“, „внѣ-

ребячий“, „внѣ-родовой“, т. е. по моему, маргариновый и не настоящій. Что-то похоже на фальшивый паспортъ.

— Не понимаю.

— Эльпе лучше бы понялъ. Я вернусь къ нему. Капля—трансцендентна. Да и позвольте, не только Эльпе, но Филаретъ сказалъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога намъ дана.

Но онъ легко могъ ошибиться и написать это въ патическомъ восторгѣ и минутномъ забвеніи всѣхъ канонѣвъ, цѣлаго каноническаго о бракѣ права. Эльпе—внимательнѣе, ибо онъ много лѣтъ въ одну точку работаетъ. Теперь, если капля—трансцендентна, то вѣдь эта капля еще можетъ быть Христова или анти-Христова, ибо и анти-Христъ—тоже трансцендентность, и это—пустяки, что онъ придетъ съ газетами. Такъ что младенецъ, и именно человѣческій, можетъ родиться, какъ обмолвился Филаретъ

... отъ Бога...

но вѣдь также онъ можетъ родиться и отъ діавола. Вамъ никогда не случалось читать, что средневѣковые теологи, вотъ тѣ, которые опредѣлили и выразили весь нашъ молитвенный и обрядный кругъ о рожденіи, называли устье женской матки „кусомъ діавола“, „*monsus diaboli*“? Отреченія-то отъ Сатаны слушали?

— Какія отреченія?

— Все это пострашнѣе Соловьева. Развѣ вы не замѣчали, что всякій у насъ младенецъ, родившись, и прежде, чѣмъ вступить въ христіанскую общину, долженъ отречься отъ Сатаны? И если не онъ, по бесилію, то за него кто-нибудь; и при словахъ отреченія долженъ дунуть и плюнуть.

— Ну?

— Мнѣ думается, что этотъ плевокъ прямо приходится въ лицо родителямъ, которые, для избѣжанія совѣмъ конфузнаго вида, и уходятъ, т. е. выводятся за двери; да и гадливые жесты при этомъ, и въ самомъ дѣлѣ совершаемый плевокъ—все очерчиваетъ какъ-то *скверну*, отреченіе отъ какой-то *скверны*, *накости*; и я не могу не думать, да и никто не отвергнетъ, что это относится къ *родителямъ, которые напакостничали, родивъ...* собственно говоря, „чертенка“. Какъ „чертенокъ“ плюнулъ на родителей—такъ онъ становится чистъ. Такъ-что Филаретъ поторопился, сказавъ:

Жизнь—отъ Бога...

— и это упирается въ самый вопросъ „иррегулярной конницы“ дѣтей. Собственно—„иррегулярны“ *всѣ*, иррегулярно—*самое рожденіе*; самая его *суть, зачатіе—накостно*. Но какъ нельзя же

всѣхъ рѣшительно дѣтей назвать „иррегулярными“, то именуется, но только именуется или, вѣрнѣе, переименовываются нѣкоторые въ регулярныхъ. „Регулярныя“ тоже суть перереяченныя, перекрашенныя „иррегулярныя“, но просто—это для виду, для спасенія видимостей... Дѣло въ томъ, что не „незаконнорожденные“ происходятъ, какъ нѣкая искусственная часть, изъ „законнорожденныхъ“ — нѣтъ! Напротивъ, изъ „незаконнорожденныхъ“, какъ основы, фонда, неисчерпаемаго моря выходятъ, и то только снаружи перебѣляясь, „законнорожденные“, которыхъ было-бы правильнѣе именовать: „видимо законнорожденныя“, „кажущіяся законнорожденными...“ Но это только для избѣжанія лишняго волненія публики... На самомъ-же дѣлѣ, по сокрытой, тайной философіи—закона вовсе въ рожденіи нѣтъ. Ни въ комъ и никакого. Кромѣ впрочемъ „дьявольскаго“. Всѣ люди суть „дѣти діавола“; т. е. всѣ младенцы, новорожденные. Потомъ, поступая въ банкъ, въ министерство, на желѣзную дорогу—исправляются; но это уже—потомъ... Тогда имъ и почтеніе, по чину, ордену и жалованью.

— Но почему же вы, несчастный и подозрительный человекъ, думаете, что отреченіе отъ сатаны, которое дѣйствительно на седьмой день дѣлаетъ отъ имени ребенка его восприемникъ отъ купели, падаетъ на родительскій актъ и состояніе родительства?

— Есть подтвержденіе, это — споръ между Западомъ и Востокомъ о „непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы.“ Западъ сталъ настаивать, что ну хоть единственная Дѣво-Матерь зачата была въ чистотѣ, „непорочно“; Востокъ однако отмель, т. е. призналъ, что и Она зачата порочно, *обыкновеннымъ человѣческимъ способомъ, который*, — какъ слѣдуетъ изъ этой формулы, — вообще и всегда, абсолютно *заключаетъ въ себя порокъ*. Теперь вопросъ, порокъ онъ? или — *оторочень?*

— Вотъ какой вы придирчивый...

— Да вѣдь отъ этого множество дѣтишекъ и пошло съ камнемъ въ воду, такъ что добраться сути даже и филантропическій интересъ есть: все—„незаконнорожденные“ пошли въ воду, ни одного — „законнорожденного“, и, слѣдовательно, мотивъ дѣтубійства—самый этотъ *терминъ*. Вотъ я и розыскиваю, ужъ не всѣ ли мы незаконнорожденные и есть ли законность вообще въ рожденіи?

— Ну, въ честномъ-то бракѣ... „Бракъ честенъ и ложе не скверно“, развѣ не читали?

— Какъ-же, умилялся въ свое время. Но теперь-то я понимаю, что это—обмолвка, дабы не очень страшно было. Дѣло въ томъ, что „дунъ и плюнь на Сатану“ происходитъ равно въ честномъ бракѣ и внѣ честнаго брака, при „благословенномъ“ сожитіи и „не“ благо-

словенномъ. Такъ-что еще вопросъ, чистосердечно-ли благословеніе, и во всякомъ случаѣ оно ничего изъ грязнаго въ чистое не передѣлываетъ. Но оставляю вопросъ объ искренности. Дѣло въ томъ, что не существуетъ вообще „честнаго брака“, исключая развѣ маргариноваго, въ которомъ ничего не рождается и не зачинается и вообще ничего нѣтъ. Я отъ того и закричалъ съ самаго начала, что „ничего не понимаю“... Ибо „честенъ бракъ“—если онъ безъ-роденъ, внѣ-роденъ и такъ сказать безъ-браченъ, а какъ только „браченъ“, „роденъ“—eo ipso и „нечестенъ“. Дѣва то Марія ужъ конечно изъ святѣйшей семьи, однако „зачата—порочно“. Итакъ, порокъ или опорочено? Или, какъ говоритъ Соловьевъ—анти-Христъ или Христосъ?

— Какая же связь?

— Какъ какая? Вѣдь теперь все запуталось, и выходитъ, что Эльпе проповѣдуетъ въ фельетонахъ „черта“, когда цитировавшіе его теологи думали, что онъ проповѣдуетъ „Бога“. Оказывается, значить, теологи не умѣютъ отличить черта отъ Бога, и...

— И?..

— Мнѣ это рѣшительно все равно, умѣютъ они отличить или не умѣютъ, мнѣ дѣло до незаконнорожденнаго ребенка, и что это—терминъ не Франца-Иосифа, а теологовъ-же.

— Да вѣдь онъ же внѣбраченъ?

— Да вѣдь бракъ то маргариновый, а младенецъ—живой, и просто это есть терминъ и послѣдствіе: „не пороченъ бракъ внѣ и без-родный“, а „рождающій—пороченъ“, что болѣе чѣмъ сомнительно при словахъ Господа: „*Мужчину и женщину сотворилъ... и будутъ въ плоть едину... что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ*“. У насъ очевидно не этотъ Господень бракъ...

— Какой-же?

— Какое мнѣ дѣло, какой. Я знаю только—не Господень. Господь основалъ рождающій бракъ, половой, а мы имѣемъ внѣ-полый, т.-е. такъ какъ совершенно не можетъ быть внѣ пола и брака, то мы имѣть-то его имѣемъ, но его половую сторону считаемъ сатанинской и порочной. Отсюда—„дунь, плюнь“. Теперь я объ Эльпе...

— Опять объ Эльпе?

— Именно: Богъ для меня... не сливается, но влить въ природу, ибо сама церковь имѣетъ одно таинство, гдѣ замѣшанъ натуральный, натуралистическій элементъ. Еще другого такого таинства нѣтъ, но въ этомъ—*кожа и кости, нервы и мясо*, словомъ *natura*, и даже *genitrix*. Теперь вопросъ между Эльпе и теологами, или точнѣе союзъ Эльпе съ теологами (такъ какъ они—пожимаютъ другъ другу руки) соскальзываетъ на вопросъ объ отношеніи или пожалуи о возстановленіи дружбы между этими же теологами, но уже не съ Эльпе, а съ такъ называемыми древ-

ними „натуралистическими религіями“, о которыхъ теологи-же столько лѣты твердили и твердятъ міру, что они „льстили чувственности“ и „угождали діаволу“. „Весь древній міръ поклонялся бѣсамъ“, объ этомъ гремѣть всѣ „апологеты“ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Но вѣдь это—„поклонялся бѣсамъ“ точь въ точь упирается въ „Сатану“, отъ котораго долженъ отречься и младенецъ. Замѣчаете, есть сходство даже терминовъ, и ужь конечно гадливости. На нихъ въ I—IV вѣкахъ исторически „дунули и плюнули“, но ужь я заступлюсь и возглаголю, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ не безъ права „для эллиновъ—безуміе и для іудеевъ—соблазнъ“ считать проклятымъ, позорнымъ, порочнымъ рожденіе, началомъ свверны—младенца; и началомъ его святости, пріятія его въ Царство Небесное—отреченіе его, гадливое отреченіе отъ „порочныхъ“ своихъ родителей. „Изругай своихъ родителей, за свое зачатіе—и будешь нашъ“. Нѣтъ, эта жестокость въ самомъ дѣлѣ Сатаной пахнетъ... Но не въ этомъ даже дѣло, а глубже: тамъ въ древнемъ „бѣсовскомъ“ мірѣ—дита было прославлено, съ него начиналась святость... У насъ—опорочено, и такъ часто „въ воду съ камнемъ на шеѣ...“ Въ основѣ-то вѣдь этого идея, что всѣ „матери суть порочны и порочны ихъ дѣти“. Такимъ образомъ, вы видите, въ основѣ этого дѣла такъ сказать подъ-почвенныя воды всей нашей цивилизаціи. Намѣчается цѣлое міросозерпаніе:

1) Бракъ въ Европѣ есть только гражданскій, какъ сумма распоряженій о немъ взаимно-согласныхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Въ этихъ границахъ и до этого предѣла онъ безгрѣшенъ.

2) Грѣхъ начинается, какъ только распорядительное о бракѣ слово *исполняется*. Говоря примѣромъ, рыба пачкаетъ неводъ, въ который она попадаетъ; неводъ, подводимый подъ рыбу, имѣетъ тенденцію скорѣе уничтожить ее, нежели наполниться ею.

3) *Приказаніе* на бракъ—свято, *исполненіе* приказанія—грѣшно. Приказывающій—*не искрененъ*, приказаніе—*лукаво*.

4) Въ лестницѣ святого и грѣшнаго дитя занимаетъ самое низшее мѣсто; онъ ближе всего къ аду; на лицѣ его адское отраженіе; въ фигуркѣ, глазахъ—сатанинскій свѣтъ.

Покойникъ, какъ противоположность новорожденному младенцу—святое, фетишъ, въ феміамѣ куреній, среди возженныхъ свѣчъ. Младенца никто не цѣлуетъ, покойника всѣ цѣлуютъ. Младенцу никто не поклоняется, покойнику всѣ поклоняются. Покойникъ святъ смертью и есть начало ангела. И кто несетъ на землю смерть—естъ Владыко вселенной, Первый въ святости, Стоящій на верху лествицы святого и грѣшнаго.

5) Въ мертвомъ суть небеса. Живое, по скольку оно противится смерти—грѣшно.

6) Свѣтъ адскій на младенцѣ — отъ его зачатія; вотъ — „не-

чистая (грязная, скверная) сила“! Она мощна, побораеъ даже праведниковъ, вовлекая весь мiръ въ *бытiе*. Орудiя (органы) зачатiя суть какъ-бы живые члены сатаны, *morsus diaboli*. Тутъ дiаволь „укусилъ мiръ“ и мiръ этимъ укусомъ болитъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ. Смерть отъ того и свята, а покойникъ—ангелъ, что только смерть отрѣзаетъ „укусъ дiавола“, и черезъ нее мировая боль—прекращается.

Тексты. Молитва отшельника, отходящаго ко сну: „Паки князь *тмы* и *страстныхъ сладостей* родитель плѣнена мя сотвори и яко-же раба смиреннаго, того хотѣнiемъ и желанiемъ плотскимъ работати принуждаетъ мя... Избави отъ *кама* и *скверны тлѣснаго* и *страстныхъ помыслинй*, оскверняющихъ всегда душу мою окаянную.. Господи, Боже нашъ, даждь намъ ко сну отходящимъ ослабу души и тѣла, и соблюди насъ отъ *темныхъ сласти*: устави стремленiе страстей, *укуси* разженiе возстанiя тлѣснаго“.

7) Мiръ болѣеъ жизнью; что онъ живетъ, длится—это немощь мiра, хворь его. Онъ выздоравливаетъ—когда умираетъ.

8) Всѣ вообще дѣти—въ погибель, члены погибели. Путь ихъ прохожденiя въ мiръ долженъ быть сѣуженъ, въ жизни личной, общественной, исторической. О, если бы имъ вовсе не рождаются! Но если невозможно это—пусть рождаются менѣе, рѣже, не у всѣхъ, у немногихъ!

9) Когда помимо этого „узкаго моста“ для дѣтей они все же рождаются,—они сталкиваются съ мостомъ. Гибель дѣтей—не эмпирична только, а принципиальна. Это—сѣуженiе *morsus diaboli*.

19) Мать, собственными своими руками задушивающая дитя, только нѣсколько поздно, а все-же перехватываетъ горло дiаволу, совершаетъ движенiе къ истинѣ, но только запоздавшее, неудачное и отъ сего одного какъ-бы неблагоприятное. Она за это наказуется, но лишь для благовидности, чтобы на нее-же свалить и обвиненiе въ иниціативѣ преступленiя въ полномъ кругѣ его, хотя очевидно въ немъ она была лишь съ искаженнымъ отъ страха лицомъ исполнительницею. „Хватай, она преступна“, дабы отвратить глаза судей отъ подлиннаго преступника. Какъ это пишетъ и Гете:

Фаустъ.

„Въ нищетѣ! въ отчаянiи! Страдавшая такъ долго на землѣ и, наконецъ, въ заточенiи, какъ преступница!...“

Мефистофель.

„Она не первая!“

Фаустъ.

„Пестъ! отвратительный извергъ! О, Духъ Безконечный—обрати его въ червя, дай ему образъ пса, въ какомъ онъ часто являлся мнѣ по ночамъ, *подкатываясь* подъ ноги беззаботному страннику и бросался къ нему на шею, *когда онъ плакалъ*“¹⁾. О, дай ему любимый его образъ, да

¹⁾ Намеки. Фаустъ вообще исполняетъ намековъ, иносказанiй, въ своемъ родѣ „миговъ“. Здѣсь говорится о кроткомъ ликѣ и кроткихъ слезахъ,

пресмыкается она точно въ прахъ... „Она не первая“! У каждаго содрогнется душа отъ одной уже мысли, что много найдется *подобныхъ ей созданий*, потонувшихъ въ такомъ-же бѣдствіи, отъ мысли, для чего страданія первой жертвы не въ силахъ были искупить вины остальныхъ у „Всепрощающаго“! Одна ужъ эта мысль гложетъ сердце, проникаетъ въ мозгъ костей; а ты можешь, чудовище, спокойно смотрѣть на гибель подобныхъ ей!

Мефистофель.

„Кажется, мы достигли самой высшей степени остроумія ¹⁾, т. е. той степени, когда у васъ обыкновенно заходитъ умъ за разумъ. *Зачѣмъ-же ты связываешься съ нами* ²⁾, если тебѣ наше общество не подѣ силу? *Хочешь летѣть—и боишься, чтобъ голова не закружилась...* ³⁾).

Фаустъ.

„Не скаль свои кровожадные зубы...

Мефистофель.

„Я не могу разбивать основы правосудія ⁴⁾. Спасти ее? А кто былъ виновникомъ ея гибели, ты или я?

.....
 Маргарита, въ тюрьмѣ (безумная).

„Какъ развратница—мать,

„Извела меня,

„Какъ разбойникъ—отецъ

„Съѣлъ свое дитя,

„А малютка—сестра,

„Схоронивши въ тѣни

„Ото всѣхъ берегла

„Въ ямкѣ кости мой,

„А потомъ стала птичкою я.

„Ну, дети-же ты птичка моя!

Идутъ! Идутъ! О, страшно умирать.

Кто далъ тебѣ право, палачъ, надо мной?

какими бѣдныхъ, тоскливыхъ странниковъ челоуѣчества обманываетъ Мефистофель. Смотри сейчасъ-же слова дальше о подлинномъ видѣ его— „пресмыкающагося на чревѣ“...

¹⁾ Поразительный мнѣ. Нѣтъ, Гете и особенно его „Фаустъ“ не разгадываемы вовсе иначе, какъ съ точекъ зрѣнія, устанавливаемыхъ въ этой книгѣ, и, особенно, въ „Религии и культурѣ“ и „Въ мѣръ не яснаго и не рѣшеннаго“. Кто сіи книги съѣсть и такъ сказать сожжетъ ими внутренности свои,—какъ бы уже родится вновь и въ новый мѣръ; тому и созерцанія Гете, первые монологи „Фауста“ и вся путаница его не поэтической, но *необходимой* второй части—станутъ ясны. И „Елена греческая“, и „Великія Матери“... Въ моихъ точекъ зрѣнія, Фаустъ—тѣма, красивый эпизодъ; такъ на него и смотреть, какъ на красивую исторію приключенія, европейскіе „Мефистофели“, переодѣвшіеся къ XIX—XX вѣкамъ изъ черной сутаны въ черныя фракъ. Всѣ они, за первымъ Мефистофелемъ, повторяютъ: „она не первая“...

²⁾ Какое иносказаніе!

³⁾ Какой опять мнѣ! Ну, какъ эти слова съ обычныхъ точекъ зрѣнія на „Фауста“ объяснить въ Мефистофель?!

⁴⁾ Слушайте! Слушайте! говорить какъ господя, длинными разсужденія которыхъ, начиная съ Дернова, мы привели въ концѣ первой части этой книги.

Смотри, молода еще я; въ эти лѣта
Мнѣ рано въ могилу

И дай мнѣ ребенка еще покормить;
Его я всю ночь у груди прокачала.
Его унесли, чтобъ и больше страдала!
И что-же? всѣ стали теперь говорить,
Что будто ея я сама умертвила...¹⁾
Нѣтъ, мнѣ ужъ веселой не быть никогда,
И пѣсня у нихъ про меня сложена.
Не правда-ль, что злобы ихъ много тутъ было?
Есть сказка, такой-же конецъ у нея...²⁾
Зачѣмъ-же ко мнѣ примѣнили ее.

Фаустъ.

Иль смерти моей тебѣ надо?..

Маргарита.

Нѣтъ, надобно жить тебѣ, милый!
Тебѣ расскажу я про наши могилы,
А ты позаботься о томъ.
Дай лучшее мѣсто для матери: рядомъ
Пускай она будетъ тамъ съ братомъ.
Поодаль могилу ты выраешь мнѣ,
Но только не очень далеко.
Съ ребенкомъ моимъ на груди одиноко
Мы ляжемъ въ нѣмой тишинѣ.
Кому-же охота лечь рядомъ со мною?

Фаустъ.

Съ тобою я остаюсь.

Маргарита.

Скорѣ родного
Ребенка спасай!
Все вдаль, по потоку
Тропинкой ступай:
За маленькимъ мостомъ
На лѣво, въ лѣсу,
У берега пруда
Ты доску найдешь.
Скорѣ, скорѣ
Его ты хватай!
Онъ живъ еще, бьется,
Онъ силится всплыть!...

¹⁾ Многогочіе Гете. Конечно, Маргарита знаетъ, что *не она* умертвила дитя, хотя все совершилось черезъ посредство рукъ ея. Тутъ, бѣдная, и запуталась умомъ, сошла съ ума...

²⁾ Опять многогочіе у Гете: „сказка“, что „все кончается гробомъ“, и какъ ужъ „больше тебя, Маргарита, пострадали, то—пострадай и ты“. Этимъ объясняется строка слѣдующая: „зачѣмъ-же они ко мнѣ примѣнили ее?“

Фаустъ.

Мой другъ, посмотри, разсвѣтаетъ!

Маргарита.

Да, небо пылаетъ зарей;
Послѣдняго дня уже свѣтъ проникаетъ
Сюда... Въ этотъ день намъ вѣнчаться съ тобой!
Смотри-же, мой милый, ни слова.
Что съ Гретхенъ ты видѣлся снова.
Распотань, разбитъ мой вѣнецъ ¹⁾,
Но все-же мы свидимся, другъ, наконецъ,
Но только не въ пляскѣ на праздникѣ пышномъ...
Тѣснится толпа... ничего въ ней не слышно...
Всѣ улицы полны, безмолвенъ народъ...
Повсюду набата разносятся звуки...
Вотъ хрухнула палка... вотъ вяжутъ мнѣ руки
Хватаютъ и тащутъ — и вотъ
Меня положили на плаху...
У каждаго дрогнуло сердце отъ замаха
Секиры надъ бѣдной моей головой—
И мнѣ весь, какъ гробъ, сталъ нѣмой.

Мефистофель.

Она осуждена!

Съ этимъ судомъ Мефистофеля согласуется и другой, ранѣе произнесенный: вотъ мы читаемъ его въ сценахъ у колодца и передъ Соборомъ.

Лизхенъ.

Да ей пройти нигдѣ мальчишки не дадутъ,
Они вѣнокъ вѣнчальный съ ней сорвутъ,
А мы дорогу къ двери дома
Замѣчемъ рубленой соломой...

Маргарита.

Склони,
О Всескорбящая!
Божественный взоръ свой на меня,
Ты, въ сердцѣ, пронзенномъ мечомъ, всѣ страданья носящая

¹⁾ Здѣсь—„ключъ“ позиція: и мать ея, и братъ были бы живы и счастливы о сестрѣ и дочери, еслибы... безъ претензій на власть, для всей округи, квартала, города, прихода были всѣмъ дѣвушкамъ въ 1-й день зрѣлости 13—14 лѣтъ розданы освященные кольца съ правомъ ими и любовью награждать возлюбленнаго! Что она бѣдная мѣщаночка понимаетъ въ исторіи: „меня какъ устроили—такъ я и устроена, такъ и буду“. Слѣдовательно, все дѣло, „устроили“-ли ее по теченію ея кровей, повинующихся велительному: „и къ мужу—веченіе твое и онъ будетъ *господствовать* надъ тобой“ (во всемъ человѣчествѣ, у всѣхъ народовъ *мужчина* будетъ имѣть надъ дѣвушкой *обяніе* и *господство*),—или по *своему*, ни на чемъ не основанному, *соизволенію*...

Куда бѣ ни пошла я—
 Тоска все, тоска гробовая—
 Вездѣ я встрѣчаю ее.
 Одна-ль остаюсь я порою,
 Такъ слезы и льются рѣкою,
 Такъ сердце и рвется мое.
 Вотъ съ этими вмѣстѣ цвѣтами,
 По утру, когда для Тебя ихъ рвала,
 Всѣ стекла окна я слезами
 Въ тоскѣ облила
 И первый лучъ солнца меня
 Засталъ ужъ не спящей.
 Засталъ на постели спящей:
 Душа тосковала моя...
 Спаси-же! мнѣ страшнѣе позоръ!
 Ужасна мнѣ смерть предстоящая!
 О, Всескорбящая,
 Ко мнѣ обрати свой божественный взоръ

Хоръ.

Judes ergo quum sedebit
 Quidquid latet—adparebit
 Nil inultum remanebit.

Маргарита.

О, задыхаюсь я!
 Тѣснятъ колонны, словно
 Весь сводъ церковный
 Валится на меня...

Злой Духъ.

Сокройся! *Грѣхъ* и *стыдъ*
 Быть тайною не могутъ...

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?
 Quem patronum rogaturus?
 Quum vix justus sit securus?

Злой Духъ.

Свой *праведники* ликъ
 Отъ *грѣшной* отвращаютъ.

Такимъ образомъ, Гете весьма не двусмысленно показываетъ, что Мефистофель согласенъ или, пожалуй, съ Мефистофелемъ согласны, съ „Злымъ Духомъ“ гармонируютъ и болтовня уличной дѣвушки и хоралы средневѣковые; всѣ, во слѣдъ ему, „лики отъ грѣшной отвращаютъ...“

Споръ съ язычествомъ, которое съ *дитяти* начинало славу міра, не конченъ:

Пришелъ Уранось... кругомъ Ген
 Желая любви, онъ легъ вытянувшись

Отовсюду. Изъ тайника Сынъ его выходитъ
 Рукою лѣвою, правая-же огромную сжимаетъ косу
 Длинную, зазубренную; и вотъ—genitalia Patris
 Торопливо срѣзаетъ, и бросаетъ ихъ, перекидывая назадъ черезъ
 плечо

Genitalia Урана, когда, срѣзавъ ихъ Хроносъ
 Бросилъ вязъ—то упали они въ многоволнующее море.
 И носились они здѣсь долго, пока бѣлая
 Пѣна около безсмертнаго существа ихъ не возникла. Отъ нихъ дѣва
 Произшла. И приплыла къ омываемому волнами Кипру.
 Здѣсь вышла на берегъ, прекрасная,
 Кругомъ ея и подъ ногами травы
 Выросли: ее Афродитой люди и боги назвали.

Ее назвали „*amantem genitalia, qui ex genitalibus emersit*“¹⁾;
 Эросъ сопровождалъ ее, а Гермесъ слѣдовалъ за прекрасной,
 Когда она, только что рожденная, въ собраніе боговъ входила.
 Отъ начала честь воспріяла она: ей выдѣленъ
 Особый удѣлъ среди людей и безсмертныхъ боговъ:
 Это—дѣвичья болтовня и смѣхи и лукавства
 И веселіе, и сладость любви, и нѣжность.

Смутный этотъ сонъ древности, *надежда* древности, ея *вѣра*,
 рассказанная Гезіодомъ (Теогонія, стихи 176—206)—выражаетъ
 мысль Эльпе, Гете и обмолвку Филарета, что *безсмертно* и *не-*
бесно происхожденіе человѣка. Отъ сего съ младенца древность
 и начинала святость. Поэтому Мефистофелю древнія небеса и отвѣ-
 тили на его крикъ: „осуждена“, возгласомъ: „спасена“. Теперь,
 „спасена-ли“ или „осуждена“ Маргарита, согласно или въ про-
 тиворѣчій съ рѣшеніемъ земли и Мефистофеля,—объ этомъ кон-
 кретно и поднимается споръ между въ сущности тремя небесами:

- 1) *древнимъ*
- 2) *теперешнимъ*
- 3) *грядущимъ*.

„Нов. Вр.“, 1900 г.

¹⁾ Какое объясненіе полового влеченія! *ex quo, ad cum...* Вѣдь *мы*, въ *наши* времена, ничего о немъ не понимаемъ, никакой его разгадки не имѣемъ. Но древность сказала: *изъ* чего мы сдѣланы, *то* вошло планомъ въ твореніе наше и устремило теченіе мыслей нашихъ и желаній...

Важная забота церкви.

Высокопреосвященнѣйшій Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, назначилъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ талантливаго проповѣдника и писателя священника Орнатскаго, для разсмотрѣнія труднаго и сложнаго вопроса о такъ-называемыхъ „незаконныхъ сожительствахъ и незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“. Послѣднихъ въ Петербургѣ оказывается одна треть изъ общаго итога всѣхъ рождающихся: процентъ слишкомъ огромный, что бы онъ могъ оставаться безпризорнымъ, и безпризорнымъ именно со стороны церкви.

„Незаконныя сожитія“ суть плодъ суженности брака или опасенія вступить въ бракъ. Первая категория обнимаетъ людей, которые любятъ другъ друга, но имъ невозможно вступить въ бракъ по причинѣ суженности брачныхъ нормъ. Самый обычный примѣръ этого—фактически распавшаяся семья, которая умерла во всемъ своемъ реальномъ составѣ, но юридически продолжаетъ существовать. Такъ какъ живой человѣкъ живетъ не съ „юридическою женою“, а съ настоящею и кровною, и нуждается не въ документѣ супружества, а въ фактическомъ супружествѣ, то, чувствуя первую семью для себя лично умершею,—онъ вступаетъ во вторую. Въ интересномъ докладѣ своемъ объ этомъ предметѣ священникъ Дерновъ отмѣчаетъ ¹⁾, что на исповѣди „приходится выслушивать множество признаній въ незаконныхъ сожитіяхъ“, особенно со стороны офицеровъ, полная правоспособность которыхъ къ браку несомнѣнна съ канонической стороны, но уничтожена служебнымъ правиломъ. Вторая категория, обнимающая лицъ, боящихся вступить въ бракъ, вытекаетъ изъ того, что, брачась, очень трудно быть увѣреннымъ, что теченіе брака будетъ сколько-нибудь чистымъ: такъ какъ бракъ не расторгается и въ случаѣ прелюбодѣянія жены или мужа, хотя извѣстнаго въ семьѣ, но юридически не доказуемаго, то ему предпочитается простое „сожительство“, которое и длится только до тѣхъ поръ, пока оно

¹⁾ Тутъ—моя ошибка. Мнѣніе это было мнѣ четко сказано священникомъ І. К. Херсонскимъ.

внутренно чисто, т.-е. пока мужъ и жена, или, по юридической квалификаціи, „сожитель“ и „сожительница“, обоюдно увѣрены во взаимной вѣрности и чистотѣ. Нужно замѣтить, изъ „юридической чистоты“ шубы не сошьешь, а нужна фактическая чистота. Тщетно Каренинъ утѣшалъ бы себя, что жена его рождаетъ дѣтей отъ Вронскаго безъ свидѣтелей, или не призывая къ этому специальныхъ свидѣтелей. Въ душѣ онъ не могъ бы не сознавать, что у него „нѣтъ жены“, что „какъ его жена—Анна умерла“.— Вообще бракъ, будучи чрезвычайно интимною и живою вещью, разстраивается, когда нѣтъ правды въ этой его интимности и жизни. Изъ расхожденія внутренней и вѣшной правды, изъ коихъ одна нужна кровному человѣку, а другая требуется законной нормой, и вытекають въ сущности всѣ „незаконныя сожителства“ и „незаконнорожденные дѣти“.

Прервать какой бы то ни было властью всѣ „незаконныя сожителства“ конечно нельзя, и на это никто не рѣшится: это суть часто долготѣнныя связи, полныя семьи, въ которыхъ, напр., дѣти даже не подозрѣвають о судьбѣ своей, видя вокругъ себя всю нѣжность и заботу попеченія родителей. Родители тутъ у нихъ на глазахъ, и одни знаютъ, а иногда отъ давности даже и забыли сами, что въ ихъ отношеніяхъ есть только любовь и согласіе, но нѣтъ узъ законныхъ. Во-вторыхъ, если беременна дѣвушка, все-таки нельзя же ей помѣшать разрѣшиться ребенкомъ. Ее приметъ Воспитательный домъ, ее защититъ „Маринскій родильный пріютъ“. Такимъ образомъ вопросъ можетъ быть не о фактической борьбѣ съ „незаконными сожителствами“, которая и непосильна никому, ибо здѣсь замѣшаны слишкомъ первоначальныя въ человѣкѣ инстинкты, а объ опредѣленіи своего отношенія къ этому неподвижному и неизмѣнному факту.

До сихъ поръ практиковалось отношеніе совершеннаго игнорирования: долготѣнныя и совершенно счастливыя семьи признавались не существующими; дѣти, въ нихъ рождающіяся, не получали имени родителей своихъ и считались „неизвѣстно отъ кого рожденными“. При наличности тутъ же обоихъ родителей, нѣжно заботящихся о своихъ дѣтяхъ, это игнорированіе имѣло и имѣетъ характеръ болѣе странности, чѣмъ дѣйствительнаго значенія. „Мы не видимъ и не смотримъ“. Что, однако, мѣняется отъ такого „несмотрѣнія“? Трудно понять. Притомъ рѣшительно нельзя упустить изъ вниманія, что вѣдь во всякомъ единичномъ случаѣ, гдѣ существуетъ „незаконное сожитіе“, оно, исчезнувъ, дало бы мѣсто совершенно невозбранно существующей проституціи. Проституція узаконена; противъ нея не борются и не имѣють силы бороться ни государство, ни церковь. Есть ли-же внутренній смыслъ или хотя вѣшнее благоприличіе бороться при такомъ положеніи дѣлъ съ „незаконными сожитіями“, гдѣ есть постоянство и вѣрность другъ

другу, гдѣ есть трудъ рожденія и воспитанія дѣтей, и которыя именно и возникаютъ въ силу отвращенія къ проституціи и влеченія къ правильно и прочно текущей семьѣ? На исповѣди, какъ объ этомъ и говоритъ ¹⁾ священникъ Дерновъ, ни у одного священника не хватитъ духу присовѣтовать кающемуся „сожителю“, чтобы онъ оставилъ дѣтей своихъ или свою рекомую „сожительницу“, въ сущности же передъ обществомъ и семьей, конечно, жену. Этого не скажетъ священникъ ни покинутаго *псевдо*-женому мужу, ни *псевдо*-холостому офицеру. А не скажетъ этого священникъ, не можетъ этого сказать и священство; не скажутъ этого на духу, на исповѣди, именемъ Божиимъ, и нельзя этого говорить ех cathedra. Правда Божія одна въ алтарѣ и на площади, въ исповѣдальномъ и въ юридическомъ синклитѣ. „Что дѣлать, грустно, но уже живите, какъ живете, и не оставляйте другъ друга“—кромя этого нечего сказать.

Вопросъ этотъ вообще имѣетъ незамѣченную странность. Онъ до сихъ поръ вращался въ понятіяхъ филантропіи, между тѣмъ какъ корень его лежитъ въ области очень глубокой метафизики. Есть святость брака, есть святость рожденія. Если мы признаемъ значеніе и рожденіе младенца простою „говядиною“ бытія человѣческаго,—не можетъ быть вопроса о бракѣ въ сакраментальномъ его значеніи. Физиологія никогда не можетъ быть сакраментальна, ни—получить сакральнаго освященія. Такимъ образомъ мы пятимся отъ этого понятія назадъ. Но куда же мы попадемъ, отпрянувъ въ страхъ? Въ мистицизмъ зачатія и рожденія, т.-е. въ совершенное зачеркиваніе самаго понятія и термина „незаконно-рожденный“. Только на мысли, что рожденіе человѣка включаетъ въ себѣ Божію тайну, и основана радость и удивленіе и до извѣстной степени мистическій трепетъ церкви передъ нимъ, поведшій въ вѣкахъ къ сложенію чина вѣчанія и всей догмы о бракѣ. Но въ признаніи значительности и церковной святости брака, и всей суммы о немъ законовъ,—все имѣетъ объектомъ своимъ рождающагося младенца. Мы хотимъ сказать и приходится признать, что такъ какъ бракъ есть дѣйствительное таинство, то онъ святъ въ полной дѣйствительности своей, какъ въ наружныхъ сакраментальныхъ формахъ, такъ равно и въ фактическихъ рожденіяхъ, въ заботахъ, въ любви и вѣрности текущей жизни. Тутъ, въ мнимо „незаконныхъ“ сожительствахъ—несчастье; тутъ—много слезъ человѣческихъ; тутъ есть рѣшительный инстинктъ благородной и чистой семьи. И, какъ хотите, приходится итти на соглашенія, дабы не

¹⁾ Здѣсь опять я сдѣлалъ обмолвку,—читалъ „Докладъ“ о. Дернова уже годъ назадъ и смѣшалъ его съ впечатлѣніями отъ устныхъ бесѣдъ; вообще я какъ памятенъ на *мысли*, такъ безпамятенъ на *факты, имена, лица и годы*.

ожесточилось сердце человеческое. Нельзя у отца отнимать дѣтей, нельзя у матери отнимать дѣтей, когда они оба тутъ же и радуются на своихъ дѣтей; но вѣдь всякій смыслящій отецъ и всякая смыслящая мать понимаютъ, что дѣти, которымъ не дается имя (фамилія) родителей, конечно, безмолвно отнимаются у нихъ,— семья хоть не фактически, но юридически расторгается, убивается. Убита семья, убито дитя, между тѣмъ какъ они живы, вотъ тутъ же, держатся крѣпко за руки другъ друга. Этого нельзя дѣлать и, повторяемъ, не по одной филантропіи, но и потому, что это глубоко потрясаетъ всю мысль брака.

Комиссія, которая теперь назначена, придется непременно остановиться на этой метафизикѣ человеческого рожденія. Духовенство наше—не католическое, съ его фанатизмомъ и въ сущности очень коротенькимъ доктринерствомъ. Православіе—благоугодно и мудро. Давно замѣчено, еще первыми славянофилами, что тогда какъ западныя церковныя доктрины имѣли политическій духъ и политическія устремленія, Востокъ всегда былъ мистиченъ и созерцателенъ. „Онъ и льна курящагося не загаситъ“,—предсказывали о Спасителѣ пророки: вѣроятна ли гипотеза, что сойдя въ среду людей, Христосъ погасилъ бы хотя одно рождающееся дитя?! И отдѣлилъ бы это дитя—отъ родителей! Или, взглянувъ на фактически совершившееся рожденіе, не благословилъ бы его. Этому послѣдовать предлежитъ и комисіи.

„Нов. Вр.“ 1899, сентябрь.

Матерьялы для разрѣшенія вопроса.

XXI. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“.

Милостивый Государь

Господинъ редакторъ!

Въ № 8458 „Новаго Времени“, 14 сентября сего года, въ статьѣ г. Розанова „Важная забота Церкви“, сдѣлано указаніе на мой докладъ пастырскому собранію 1-го декабря 1898 г.: „Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ?“ Въ означенномъ указаніи дважды приписаны мнѣ такія мысли, какихъ совершенно я не высказывалъ и не могъ¹⁾ высказать. Что сдѣланныя на меня въ указанной статьѣ ссылки неправильны, всякій можетъ убѣдиться, прочитавши мой докладъ, который тотчасъ же послѣ выше названнаго пастырскаго собранія изданъ отдѣльною брошюрою. Упомянутой въ означенной статьѣ вашей газеты „особой комиссіи“, будто бы назначенной Высокопреосвя-

¹⁾ Курс. А. Дернова. Относится это къ словамъ моимъ: „На исповѣди, какъ объ этомъ и говоритъ священникъ Дерновъ, ни у одного священника не хватить духу *присовѣтовать* кающемуся сожителю, чтобы онъ *оставилъ дѣтей* своихъ или свою рекомую *сожительницу*“. (См. стр. 309). Какъ намъ извѣстно стало, послѣ напечатанія статьи: „Важная забота церкви“, А. Дерновъ позванъ былъ въ нѣкоторую высшую инстанцію, „вѣдающую дѣла рожденія“, „святость брака“, — и спрошенъ объ этихъ словахъ, и, смущенный, потребовалъ отъ редакціи „Нов. Вр.“, напечатанія письма съ отреченіемъ отъ приписанныхъ ему (дѣйстви-тельно неправильно) словъ, которыхъ онъ „не могъ“ сказать. Этотъ мелочный поводъ такимъ образомъ послужилъ толчкомъ къ формальному и категорическому заявленію священника Дернова, что онъ желаетъ отторженія отца отъ дѣтей и мужа отъ жены — если они живутъ не вѣчно. Не знаемъ, сколько было „испразднено“ дѣтей при Иродѣ: но при исполненіи пожеланія Дернова конечно ихъ больше-бы „испразднилось“ въ Петербургѣ и Россіи. Но „возстаетъ Звѣзда отъ Іакова и вождь отъ чреслъ его...“ В. Р.—въ.

щеннымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ Антоніемъ для разсмотрѣнія вопроса „о незаконныхъ сожителствахъ и незаконно-рожденныхъ дѣтяхъ“, также нѣтъ и *не было назначено*. Прошу Васъ, многоуважаемый господинъ редакторъ, не отказать напечатать настоящее мое письмо въ ближайшемъ № вашей газеты и принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и уваженіи.

Настоятель Петерб. Петропавловскаго придворнаго, что въ крѣпости, собора протоіерей *Александръ Дерновъ*.

Спб., 18 сентября, 1899 г.

ЕВИНЫ ВНУЧКИ.

Не заграждай уста волю молотящему.
Ветхий Заветъ, „Второзаконіе“.

„И дурны мы, и дурно намъ“... сколько вѣроятно женщинъ произносятъ это внутреннее о себѣ сужденіе! Женщины вовсе не страдаютъ избыткомъ самовосхваленія, самовосхищенія. Попробуйте поговорить съ ними посерьезнѣе, „по душѣ“, и вы услышите горечь о себѣ и осужденіе себѣ. Журналисту, позволяющему себѣ касаться вопросовъ семьи, ребенка, супружества, приходится иногда получать письма читателей, читательницъ. Какъ серьезенъ ихъ тонъ, и какая въ общемъ строгость взгляда на себя. Это лишь снаружи кажется, что женщины какъ будто только скользятъ по паркету и шуршатъ платьями. Въ душѣ ея на самомъ дѣлѣ—смятѣніе, недоумѣніе, иногда гнѣвъ; но болѣе всего, мнѣ кажется, недоумѣнія... „Дурны мы, но это отъ того, что намъ дурно“. Вспомнишь старика Шекспира и его вѣщее слово:

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живетъ въ своемъ опредѣленнѣ;
Добро—ведѣй, добро найдешь и въ злѣ.
Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По сущности добро—онъ станетъ зломъ.
Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ,
То можетъ быть порокомъ... (Ромео и Юлія“).

Газеты только-что принесли два впечатлѣнія о женщинахъ. Одно изъ нихъ—письмо студента Каменскаго относительно поведенія астраханской публики, при появленіи на сценѣ мѣстнаго театра баритона г. Боброва, имѣвшаго печальную исторію съ дѣвучкою или, вѣрнѣе, съ которымъ имѣла печальную исторію съ печальнымъ концомъ одна дѣвушка въ Воронежѣ. Второе впечатлѣніе—горячій и неопытный рассказъ г. Антропова въ № 8809 „Нов. Вр.“, подъ заглавіемъ „Обуза“. Обуза—это ребенокъ для

женщины. Но не будем забѣгать впередъ, и рассмотримъ и посудимъ нѣсколько оба впечатлѣнія по порядку.

„Быль бѣденъ; думалъ принести со временемъ огромную пользу обществу, для чего дѣйствительно имѣлъ нѣкоторый талантъ; выискалъ совершенно ненужнаго человѣка и убилъ его, чтобы воспользоваться средствами: но тутъ запутался, размякъ какъ-то, пришелъ съ повинной въ полицію и былъ сосланъ“: вотъ краткое резюме „Преступленія и Наказанія“. Вѣрно оно? Конечно! Но можетъ-быть въ этомъ резюме есть и нѣкоторая ложь? Да, есть: ужасная ложь краткости! Можно вѣдь и всемирную исторію такъ резюмировать: „быль Адамъ и согрѣшилъ; потомъ всѣ жили и грѣшили; потомъ пришелъ Христосъ и искупилъ грѣхъ, но люди всетаки и потомъ грѣшили; потомъ пришелъ антихристъ, и началось свѣтопреставленіе“. Тоже истина и тоже ложь, и ложь въ томъ, что очень коротко. Точно такъ же если сказать: „влюбилась въ баритона; но онъ ее оставилъ; потомъ она отравилась“ — то ложь тутъ заключается въ какой-то огромной картинѣ, не рассказанной, не нарисованной, но бывшей, но совершившейся. Геній Достоевскаго сумѣлъ краткое резюме судебного протокола раздвинуть въ истинное и поразительное изображеніе души человѣческой и общества человѣческаго и логики человѣческой и суда Божія: и всѣ ужаснулись, научились, запомнили, не только у насъ, но и въ Европѣ: „такъ вотъ что значить убить“. До сихъ поръ не нашлось писателя, который съ равною истинною и подробностью, тоже приблизительно на два тома разрисовалъ бы намъ одну строчку не рѣдкихъ газетныхъ хроникъ: „увлеклась; увлеченіе было не удачно; покончила съ собой“. Пушкинъ задѣлъ эту необозримую тему въ извѣстномъ стихотвореніи, какъ-то быстро затаскавшимся: „Подъ вечеръ осенью ненастной“. Толстой ее же взялъ въ „Воскресенія“; въ „Фаустѣ“ Гете въ сущности взята та же тема. Но все это бѣдно, какъ изображеніе: тутъ или много философіи, или много морали; но очень мала, очень кратка внутренняя душевная драма, и все-таки въ стихотвореніи Пушкина она наиболѣе выразительна:

Склонилась, тихо положила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Взята минута; срисованъ образъ; точно изображена психологія, и затѣмъ—занавѣсъ. Толстой съ его огромнымъ изобразительнымъ талантомъ и всемирнымъ нравственнымъ авторитетомъ могъ-бы поднять огромное множество заключающихся здѣсь вопросовъ, но этого не сдѣлалъ. И мы остаемся при краткомъ резюме: „Увлелась; увлеченіе было не удачно; и—отравилась во время, или убила ребенка, если во время не отравилась“. И тоже занавѣсъ.

— Нѣтъ, знаете, въ каждомъ виновномъ есть искра истины,

и я ихъ прощаль бы. Но кого я не простилъ бы никогда—мать-убійцу. Ее бы я засудилъ...

Такъ говорилъ однажды уже пожилой и очевидно очень умный и очень добрый „судебный человѣкъ“. Онъ скавалъ рѣшительно, безапелляціонно. Помню, я какъ-то задрожалъ въ душѣ своей, моментально сливъ это слово съ однимъ дѣтскимъ своимъ впечатлѣніемъ. Отелилась у насъ корова, и вотъ теленочка присудили заколотъ, а что-бы корова не билась, привязали ее въ саду, далеко. Но корова ужасно все время билась и стонала, чувствуя ли или услышавъ что-нибудь изъ телячьего крика. Не знаю, но фактъ запомнилъ. Лучше ли корова человѣка? Больше ли чувствуетъ? Не знаю. Кто это вѣшалъ, опредѣлилъ и рѣшилъ? А если никто это не рѣшилъ, то никто и не взвѣсилъ огромнаго ужаса и огромнаго мистицизма и огромной метафизики, въ одну секунду или минуту или часъ протекающей въ душѣ матери, которая наскоро своими руками придушиваетъ своего ребенка.

— Но вѣдь корова этого не дѣлаетъ, ни одна, никакая—скажутъ. Очевидно человѣкъ хуже коровы; убить такую.

— Но вѣдь коровѣ не стыдно своего теленка. Она живетъ объ одномъ впечатлѣніи: „жалко“.

— Да.

— Человѣкъ живетъ о двухъ впечатлѣніяхъ: жалко и стыдно; и второе впечатлѣніе: „стыдно“—побораеъ первое.

— Такъ.

— Если никто не взвѣсилъ метафизики ужаса—убить своими руками своего ребенка, то никто кромѣ испытавшихъ и не взвѣсилъ особеннаго мистицизма этого стыда, котораго, замѣтите, почти никто не выноситъ, и всѣ такихъ или подобныхъ дѣтей „отъ несчастной и роковой любви“ или убиваютъ или скрываютъ какъ-нибудь. Цѣломудренныя и циники, молодые и старыя, мужчины и женщины—все равно.

— Удивительно.

— Съ удивленія начинается философія, какъ опредѣлили еще Платонъ и Аристотель. Я зналъ одного чиновника, до 45-ти лѣтъ ловеласа, объ исторіяхъ или „соблазненіяхъ“ котораго постоянно говорилъ весь городъ. Красавецъ и умница, онъ успѣвалъ съ вдовами, замужними, барышнями; любилъ и коротко и длинно. Само собою никто и никогда его не осуждалъ, а ужъ онъ самъ себя въ душѣ—всего менѣе. Онъ былъ въ мѣру богатъ, дѣлалъ много и безъ кичливости добра, а главное—былъ очень образованъ и неустанно въ хорошемъ расположеніи духа, такъ что живой самъ—всѣхъ оживлялъ. Печаль его началась съ серьезнаго. Онъ „попался“, т.-е. влюбился подлинно, горячо въ только-что окончившую курсъ институтку, и она въ него влюбилась, сбѣжала, пріѣхала въ нашъ городъ, и онъ ее какъ-то пріютилъ не у себя, а

возлѣ себя. Какъ было между ними, что было—гробовая тайна. Черезъ немного дѣтъ она умерла, оставивъ ему сына, и вотъ объ этомъ-то мальчикѣ мнѣ и пришлось услышать отъ стараго, стараго, семидесятилѣтняго протоіерея.

— Ну, какъ живетъ NN?

— Такъ же всѣми уважаемъ и любимъ, какъ всегда.

— У него былъ романъ? Какая-то дѣвушка? Настоящая любовь?

— Умерла, сына оставила.

— Учится?

Отецъ протоіерей былъ нашъ общій знакомый и потому могъ знать все. Онъ замаялся и зашевелилъ губами. Потомъ, какъ-бы отдавая честь такту умницы-чиновника, объяснилъ, какъ-то прогажно и вникновенно:

— Нѣтъ. Онъ его... скромно держитъ, во внутреннихъ комнатахъ. Такъ-что если кто приходитъ—мальчикъ уходитъ. Нѣтъ, не отдалъ въ гимназію; можетъ-быть дома какъ-нибудь.

Я говорю—съ удивленія начинается философія: пусть кто-нибудь объяснитъ, почему этотъ человѣкъ, никогда себя не осуждавшій и никѣмъ не осужденный никогда за связи въ чужихъ семьяхъ, за связи безъ глубокой любви и дѣтей—почувствовалъ стыдъ, да какой стыдъ, за любовь серьезную, съ ребенкомъ, и даже по всему вѣроятію съ настоящимъ отцовскимъ чувствомъ къ ребенку? Вотъ вамъ и метафизика. Прокрасться ночью въ окно къ дѣвицѣ—ничего; и даже если завтра будетъ весь городъ рассказывать о приключеніи—все-таки ничего. Улыбнется и проговоритъ: „Пустое“. Да и не скроетъ, что „не пустое“; такъ улыбнется, что очевидно будетъ собесѣднику, что „не пустое“. Но открытъ дверь дѣтской и сказать: „Коля, прокатимся!“ и посадить его въ коляску съ собой, и провезти по городу, заѣхать въ лавку и купить игрушку и на завтра выслушать: „это вы съ кѣмъ катались?“—„съ сыномъ отъ дѣвушки одной, умерла, а мальчикъ остался—преспособный“—этого онъ никогда не скажетъ, и никто не скажетъ. А никто не скажетъ изъ мужчинъ, образованныхъ, самостоятельныхъ, не можемъ мы и ожидать, чтобы сказала о себѣ и вообще открылась „съ дѣтищемъ“ хотя бы одна дѣвица. Отсюда—веревка и камень ему на шею, или спички, кислота, отравы—себѣ. Половина на половину бываетъ. Слова отца-протоіерея, такъ глубоко поразившія меня миною рассказа: „онъ держитъ его скромно, никому не показываетъ“—эти слова такъ же мнѣ не давали покоя, какъ въ дѣтствѣ странный ревъ коровы о теленкѣ. Долго я не спалъ потому и все вдумывался въ психологію мальчика, что онъ думаетъ, о чемъ догадывается, о чемъ и какъ—тоже въ длинныя ночи—недоумѣваетъ. Звонокъ, кто-то идетъ.

— Коля, иди въ свою комнату.

Коля ушелъ; Коля по тону чувствуетъ, что нужно идти поспѣшно. Гости ушли.

— Коля, ты тамъ? Поди сюда теперь.

Коля вышелъ.

— Папа, ты ѣдешь? Возьми меня съ собой.

Папа замаялся, смущенъ:

— Мнѣ, Коля, по дѣлу, когда-нибудь потомъ...

Все это есть только распространеніе осторожнаго протоіерейскаго:

— Онъ его скромно держать.

Но какая связь и что общаго между протоіереемъ, семидесятилѣтнимъ, исполненнымъ дѣйствительнаго такта и благоразумія (онъ таковъ былъ), и между этимъ чиновникомъ, любителемъ естествознанія, выписывавшимъ четыре газеты и много журналовъ, много путешествовавшимъ, добрымъ, ласковымъ? Ничего общаго! Но въ данномъ пунктѣ точка зрѣнія одна. Что въ этой точкѣ зрѣнія поразительно, такъ это то, что осужденіе внѣшнее и внутренней стыдъ относится къ серьезному. Шалимъ, шалимъ—нѣтъ стыда; вдругъ серьезное—ужасный стыдъ! позоръ! невыносимое! Полюбилъ настоящимъ образомъ—невыносимо стыдно! Родился ребенокъ—ну, это ни въ книгу вписать, ни перомъ не описать. Да почему?—Никто не понимаетъ.

Отецъ протоіерей сказалъ бы:

— Пусть бы повѣнчался, тогда бы и не стыдно. Тогда и въ гимназію могъ бы отдать.

— Но вѣдь не вѣнчавшись же онъ влѣзалъ въ окно къ дѣвицѣ N, и жилъ семь лѣтъ, душа въ душу, съ замужнею M?

— Этого никто не видѣлъ.

— Но всѣ знали и никто не осуждалъ. Напротивъ, всѣ сочувствовали. Всѣ явно знали и явно сочувствовали, какъ теперь явно всѣ засмѣялись-бы... Да вѣдь онъ и читаетъ Спенсера, любить естествознаніе, и ужъ простите, батюшка, но шила въ мѣшкѣ не утаишь: вся церковь и тѣмъ паче вѣнчаніе для него не составляютъ чего-то особеннаго. Почему же онъ самъ въ душѣ стыдится—и необоримо? А при вѣнчаніи дѣйствительно не стыдился бы самъ и въ душѣ своей? Тутъ скорѣй отсутствіе какого-то всемірнаго согласія...

— Какого-же?

— Очевидно онъ взялъ бы своего ребенка на руки и не спустилъ бы его съ колѣнъ, если-бы всемірно услышалъ: „радуемся тебѣ и ему и вашей связи“. Но какъ предчувствуетъ всемірное: „осуждаемъ тебя и его и вашу связь родительства“, — то хоть онъ и любитъ Спенсера—а передъ этимъ пасуетъ. Тутъ—гипнозъ, а не логика. И давленіе этого-то гипноза, котораго нѣтъ для коровы, а есть для женщины—и объясняетъ огромную разницу

въ поступкахъ одной и другой. Женщина не ниже коровы, и г. судья ошибся; но она гораздо несчастнѣе коровы, неизмѣримо. Корову отводятъ въ сторону, когда колютъ теленка, но женщины даютъ его въ руки и говорятъ:

— Поди, убей сама.

Черезъ тысячелѣтіе она притушилась, и, можетъ-быть (хоть я и не вѣрю) иногда нѣкоторыя уже хладнокровно смотрятъ на смерть дѣтей. Читали вы, года три назадъ было сдѣлано любопытное наблюденіе, что телеграфная проволока по пятницамъ и субботамъ менѣе проводитъ телеграммъ, чѣмъ во вторникъ и особенно въ понедѣльникъ. Она устаетъ. Проволока устаетъ, утомляется,—такъ объясняли физики, этими словами. Устала и женщина. Проволока черезъ семь дней дѣйствія размагничивается; черезъ тысячу лѣтъ все стыда и все дѣтоубійства женщина... разматерѣла, что ли. Струны материнства ослабли и частью повались. Это есть.

Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью,
Противному его предназначенью,
По существу добро—онъ станетъ зломъ...

* * *

Мнѣ кажется, мы живемъ наканунѣ глубочайшаго преобразованія возрѣній на семью, дѣтей, супружество, — потому что въ томъ кругѣ понятій, въ которомъ мы выросли насчетъ всего этого, нельзя и предвидѣть конца дѣтоубійства. Студенты, ошिकाвшіе въ Астрахани г. Боброва, стоятъ на новой точкѣ зрѣнія; самъ г. Бобровъ, заявившій, что романъ съ дѣвушкою „его домашнее дѣло“, и астраханская публика, желавшая, чтобы онъ „пѣлъ“ — стоятъ на старой точкѣ зрѣнія. Какова она? Въ чемъ она состоитъ?

„— Дѣвушка отдалась; но не обязанъ же я ее любить; она покончила съ собой, но это ея дѣло, а не мое дѣло“.—Таково решимѣ надъ усопшей г. Боброва.

„— Дѣвушка сбѣжала отъ родителей и бросилась на шею мужчине. Таковская была и таковскую получила себѣ смерть. Пойте, г. Бобровъ“.—Это решимѣ слушателей въ театрѣ.

„— Вовсе нѣтъ. Дѣвушка какъ дѣвушка—Евина внучка. И мы такія, и матери наши были такія, и весь родъ человѣческій и все существо рода человѣческаго такое же, и изъ этого существа льется бытіе міра. Различны степени и различно состояніе горячности или холодности, наивности или опыта, довѣрчивости или подозрительности. Но вотъ гдѣ начинается дурное—въ вѣроломствѣ, злодѣйствѣ, жестокосердіи. Эта сторона лежитъ въ васъ, г. Бобровъ, и мы васъ судимъ“. Таковъ, я думаю, взглядъ шикавшихъ въ театрѣ.

„— Но кто далъ вамъ право, когда это совершенно частно?..

„— Право совѣсти человѣческой у насъ, право солидарности и слитности всего человѣчества, по которому погибшую мы признаемъ сестрою нашею, а васъ считаемъ какъ бы въ родѣ Каина... Ибо всѣ подобныя исторіи кончаются кровью, чьею-нибудь — но кровью; и вы въ ваши зрѣлые годы и съ вашимъ опытомъ шли на кровь...

„— Но что вы за судьи?..

„— Какъ греческіе судьи, которые въ нѣкоторыя минуты обращали театр въ судъ, гдѣ произносились даже рѣчи, обвинительныя и защитительныя, и гдѣ эллинское общество также иногда, какъ и астраханское, кричало: „вонъ“. У грековъ, говорятъ, мертвая была совѣсть, еще не пробужденная закономъ христіанскимъ, а у насъ, христіанъ, уже совѣсть проснувшаяся, живая; но у насъ, христіанъ, вотъ такимъ артистамъ, какъ вы, кричатъ: „пойте, г. теноръ, а что тамъ за вами кровь—намъ это не интересно“, а у эллиновъ такимъ, какъ вы, „не давали огня и воды“. Такъ и постановляли въ случаяхъ нравственнаго негодованія: „лишить такого-то огня и воды“, т.-е. разобщиться съ нимъ глубочайшимъ образомъ, какъ бы изгнать его въ пустыню. „Ты Каинъ—иди въ пустыню; нѣтъ тебѣ съ нами мѣста, нѣтъ тебѣ воды изъ нашего колодца, и огня—отъ нашего очага. Мы не родня тебѣ болѣе, ибо ты самъ порвалъ съ нами общечеловѣческое родство“.

„— Но вѣдь домашнее дѣло, главное—домашнее...

„— Гдѣ уже два человѣка, вы и пришедшій со стороны—дѣло не домашнее, а именно общественное. Мы васъ и не судимъ закономъ, а судимъ совѣстью; и по совѣсти это—общее дѣло, глубоко-общечеловѣческое“.

* *

Разсказъ „Обуза“ горячъ и не опытенъ. Взять фактъ—чрезвычайной холодности матери къ ребенку и чрезвычайной горячности отца къ ребенку. Ребенокъ гибнетъ, отданный на сторону.

„— Мнѣ не ловко было держать его у себя,—говорить въ оправданіе себѣ мать.

„— Ему не ловко показывать его другимъ“.—глубокомысленно и дальновидно объяснял мнѣ о чиновникѣ-отцѣ отецъ протоіерей.—Оба прячутся; но въ результатѣ—только спрятаны косточки ребенка. Это никогда не прекратится. Не забуду разсказа одной ветхой-ветхой бабушки. Приходить изъ церкви и говоритъ: „Такъ я полюбовалась. Оба бѣдные пре-бѣдные, студентъ и жена его—съ ребенкомъ. Пришли молитву брать. И все-то онъ нѣтъ-нѣтъ и осмотритъ одѣяльцо у ребенка или у ней кофту: не дуетъ ли, не холодно ли. Ужъ такой заботливый.“

Кто наблюдателенъ, не можетъ не замѣтить кое-какихъ пере-мѣнъ въ юнѣйшемъ нашемъ поколѣніи. Напр. не знаю, обращалъ

ли кто вниманіе, какъ теперь много молодыхъ людей не курящихъ; слишкомъ много, до половины,—когда прежде всѣ и сплошь курили. Не думаю, чтобы это можно было приписать сколько-нибудь проповѣди Толстого: „не одурманиваться“, потому что между некурящими множество не только не слѣдуютъ въ чемъ-нибудь Толстому, но прямо не любятъ и подсмѣиваются надъ его идеями. Тутъ движеніе какое-то органическое, и оно принадлежитъ не Ивану или Петру, а полосѣ людей. Вообще въ исторіи есть органическія перемѣны. Какъ много стало умирать отъ рака, а прежде это была болѣзнь рѣдкая, исключительная; прежде холера шла какъ смерчъ, теперь она входитъ въ городъ и никто ея не пугается. Слѣдовательно есть, идетъ полоса предрасположенности къ извѣстной болѣзни или напротивъ какъ бы застрахованности отъ другой болѣзни. Причина здѣсь и тамъ очевидно не въ самой болѣзни, въ ея объективныхъ данныхъ, а въ субъективномъ преобразованіи организма, тонкомъ, не изслѣдимомъ. Въ области куренія очевидно была прежде липкость къ никотину; но она прошла, и мы вошли въ полосу нерасположенія, отталкиванія отъ никотина. Возможно, что произойдутъ со временемъ такія же перемѣны или колебанія въ отношеніи къ чаю, кофе, алкоголю. Но рассказъ ветхой старушки обратилъ мое вниманіе вообще на большее вниманіе, нѣжность и деликатность юнаго поколѣнія въ отношеніи къ женщинѣ. Какое множество старыхъ холостяковъ было въ прежнее время. Цѣлое сословіе, со своимъ бытомъ, характеромъ, привычками, забавами. Теперь такое же огромное обиліе молодыхъ семей, самыхъ юныхъ, порой быть-можетъ небудуманныхъ, но семей. Я зналъ одну мать семей, чрезвычайно крѣпкаго характера и большого ума, которая въ отчаяніе пришла отъ сыновей:

— Едва стукнетъ 23 года—онъ женится.

У ней было трое сыновей и всѣ поступили такъ, вопреки просьбѣ матери—подождать, кончить курсъ, опредѣлиться въ социальномъ положеніи. Совѣты, угрозы, приказанія—все было напрасно. Всѣ трое женились и тотчасъ встали въ тягло упорной, трудной работы, но весело. Я наблюдаю инстинктъ и говорю только объ инстинктѣ, и указываю, что какъ теперь обще и безотчетно отталкиваніе отъ никотина, такъ сдѣлалось обще и неудержимо влеченіе стать къ женщинѣ въ близкія и одновременно уважительныя отношенія. Это носится въ воздухѣ, это есть. И какъ горячая выходка студентовъ въ Астрахани, такъ и рассказъ г. Антропова,—автора-мужчины можетъ быть не стараго и даже можетъ быть юнаго—суть показатели одного историческаго вѣянія.

Вотъ почему, я думаю, Евины влучки, которымъ дѣйствительно долго было „дурно и онѣ сами дурны“ были, находятся все-таки

наканунѣ нѣсколько лучшей судьбы. Есть много симптомовъ, что уваженіе къ женщинѣ поднимается; и оно поднимается не въ отношеніи къ женщинѣ-дамѣ, даже не къ женщинѣ-труженицѣ; но къ ней въ извѣчныхъ ея путяхъ, къ которымъ могутъ быть отнесены слова Шекспира:

Все благо и прекрасно на землѣ,
Когда живеть въ своемъ опредѣленнѣи.

Мнѣ пришлось истекшую зиму выслушать рассказъ — очень трогательный, и который очень могъ кончиться, какъ у г. Боброва. Дѣвушка, пріѣзжая въ Петербургъ, съ цѣлями ученья, очутилась въ томъ же положеніи, какъ и жертва г. Боброва, но съ другимъ героемъ. Мнѣ передавала сестра милосердія, прислуживавшая въ родовспомогательномъ заведеніи:

— Если бы вы знали, до чего на нихъ смѣшно было смотрѣть. Онъ не отходилъ отъ нея, приходилъ каждый день. Оба были веселы, никакого унынія. Обсуждали время свадьбы и какъ извѣстятъ родныхъ.

И сестра милосердія радовалась, передавая о нихъ. Свойство радости — родить радость же, какъ свойство унынія — родить уныніе. Что можетъ быть болѣе унылаго, чѣмъ повѣсть г. Боброва? Непонятно, какъ онъ могъ раскрыть ротъ и запѣть потомъ. Какія тутъ пѣсни... Случай, подобные его, развѣ что прекратятся передъ свѣтопреставленіемъ, но какъ міръ стоитъ — такъ съ начала міра и эти случаи есть. Смерть побѣдила бы, если бы не побѣждалась рожденіемъ. Благословенна всякая побѣда надъ смертью, т.-е. благословенна всякая родившая и все рожденное. Нельзя задавить рожденную мышь, не то что человѣка. Объ этомъ опять хорошо послушать старыхъ людей. Я вошелъ разъ въ комнату, обмахиваясь вѣточкой яблони.

— Что вы это сдѣлали?

— Что?

— Сорвали?

— Что сорвалъ?

— Зачѣмъ вы сорвали вѣтку. Она вся обсыпана молодыми яблочками.

Я и не досмотрѣлъ. Маленькіе были; шель іюнь или май. Но съ тѣхъ поръ я запомнилъ это, семь лѣтъ назадъ услышанное восклицаніе очень почтенной шестидесятилѣтней старушки. Ей не яблоковъ было жалко — отъ кислой, нехорошей яблони, въ запущенномъ саду, куда никто и не ходилъ. Но какъ я *перервалъ жизнь* — вотъ это ей не понравилось и это она осудила. И такимъ тономъ, судящимъ и строгимъ, что мнѣ стало стыдно.

Такъ то яблоня, а это человѣкъ.

Споръ объ убитомъ ребенкѣ.

Не вари козленка въ молокъ его
матери.

Ветхий Заветъ „Второзаконіе“.

О, другъ! ты жизнь влачишь, безъ пользы увядая,
Пригнутая къ землѣ какъ тополь молодая;
Поблекла свѣжая вѣтвей твоихъ краса,
И листья кроетъ пыль и дольная роса.
О долго-ль быть тебѣ печальной и согнутой!
Смотри, пришла весна, твои не крѣпки пути—
Воспрянь и подымись трепещущимъ столбомъ,
Вершиною шумя въ эфиръ голубомъ.

Гр. А. Толстой.

Публицистъ не можетъ не отмѣтить съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что число нравственныхъ темъ, занимающихъ общество, расширяется и самый этотъ интересъ къ нимъ живъ, длителенъ, кажется—глубокъ. Приятно также, что отдѣльные казусы общественной жизни мысль общества и печати стремится возвести къ высшему синтезу, пытается найти отвѣтъ на нихъ и успокоеніе своей совѣсти не въ ходячей морали и временныхъ правилахъ, а въ нѣкоторой философской концепціи.

Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ „Сѣрый“, обсуждаетъ въ „Гражданинѣ“, по поводу моихъ „Евиныхъ внучекъ“, очень интересный вопросъ о такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Между прочимъ, онъ думаетъ, что сама французская революція не совершилась-бы, не будь этого понятія и раздѣленія дѣтей на „законныхъ“ и такъ сказать, „беззаконныхъ“. Мысль совершенно новая, но почти вѣрная. Онъ говоритъ: „Если-бы въ аристократическія семьи вливалось все то, что являлось плодомъ ихъ шалости и увлеченія (авторъ забываетъ, сколько тутъ было настоящей романтической любви!), то очень скоро эти семьи расплывались-бы въ народной массѣ, обѣднѣли-бы (т. е. въ пользу дѣтей народа). Если-бы всѣ дѣти, рождавшіяся отъ гордыхъ маркизовъ и князей внѣ брака, считались законными, я думаю не было-бы

французской революціи, а у насъ крѣпостное право обрушилось-бы дѣтъ за 50 до 61 года. Всѣ неровности въ человѣчествѣ, созданныя рожденіемъ и состояніемъ, безъ всякихъ насилій и революцій могли-бы сгладиться только поднятіемъ этого, накрѣпко спущеннаго шляза, отдѣляющаго дѣтей законныхъ отъ незаконныхъ. Дайте имя и права *всякому* (его курс.) рожденному ребенку, и черезъ столѣтіе не будетъ богачей, а титулы сдѣлаются также распространены, какъ болѣзни. Болѣе того: мнѣ кажется тогда-бы не было и такого количества, какъ теперь, адюльтера: его-бы сковывалъ страхъ крови, страхъ за свое имущество и наслѣдство“.

Послѣдняя мысль очень цѣнна, но остановимся на первой. Дѣйствительно у древне-еврейскаго народа и въ современной намъ Турціи, двухъ племенахъ и религіяхъ, столь противоположныхъ во всемъ, не образовывалось никогда родовой аристократіи и имущественнаго капитализма въ силу выпаденія понятія: „не законное рожденіе“, „незаконныя, безправныя и не наслѣдующія дѣти“. Кровь каждаго расплывалась въ народной массѣ и расплывалось въ бѣднотѣ имущество. Вспомнимъ богача Вооза и нищенку Руѳъ въ библии. И, дѣйствительно, тутъ невозможна революція и классовый антагонизмъ, потому что тутъ они означали-бы возстаніе на себя, антагонизмъ дѣтей противъ родителей. Удивительно, какъ эта простая мысль никогда не пришла на умъ какъ историкамъ, такъ и социальнымъ реформаторамъ. Признай законъ права рѣшительно каждаго ребенка на имя отца и на равную со всѣми другими рожденными отъ него дѣтьми часть имущества, наслѣдства, и во-первыхъ каждый отецъ остерегся-бы переходить отъ романа къ роману, отъ дѣвушки къ дѣвушкѣ; но затѣмъ, такъ какъ все-таки нѣкоторая доля теперяшняго кажущагося адюльтера сохранилась-бы,—всѣ стали-бы немножечко „князьями“, какъ казанскіе татары, и едва-ли-бы сохранились оптиматы, какъ Ротшильды, Струсберги, Корзинкины, Мамонтовы. Все немножко растворилось-бы, уравнилось. И, вмѣстѣ, замѣтимъ: чувство породы человѣческой, чувство славы рода человѣческаго—не понизилось-бы. „Ни одинъ царь не имѣлъ иного начала для рожденія: одинъ для всѣхъ входъ въ жизнь и одинаковый исходъ“, говоритъ „Книга Премудрости Соломоновой“ (гл. 7, ст. 5—6). Да, могила и материнское чрево—два равные абсолюта. Развѣ аристократія унижается отъ того, что она входитъ въ могилу „въ ногу“ съ демократіей?!

Статья автора вызвана инцидентомъ г. Боброва съ несчастной воронежской дѣвушкой и удѣляетъ долю вниманія моимъ мыслямъ объ этомъ-же случаѣ въ „Еввинныхъ внучкахъ“. Я указалъ тамъ, что причина самоубійства дѣвушекъ „отъ несчастной любви“, какъ и убійства ими дѣтей своихъ, кроется въ гипнозѣ стыда,

идушемъ отъ раздѣленія любви на „законную“ и „беззаконную“ и самаго рожденія на „законное“ и „беззаконное“. Не будь этого дѣленія, убійства не было-бы. Нѣтъ и вѣроятно отъ начала міра не было случая, чтобы, родивъ законнаго ребенка, женщина задушила его. или законно зачавъ удавилась-бы, утопилась, приняла кислоту или спички. Такимъ образомъ эти убійства суть остатокъ вычитанія изъ любви и рожденія вообще — любви и рожденія, закономъ не допущенныхъ. „Довольно, не надо болѣе“! И остатокъ—убивается. Матери играютъ здѣсь совершенно пассивную и едва-ли ими отчетливо понимаемую роль. Чтобы нѣсколько поддержать въ „падающемъ духѣ“ матерей, я предложу слѣдующій діалогъ между ними и закономъ, въ сущности не только возможный, но и дѣйствительно происходящій, только безмолвно:

Законъ. Если-бы вы родили въ бракъ—и не вынуждены были-бы убивать. Сами виноваты.

Матери. Мы-бы и родили въ бракъ, очень-бы рады были. Но брака намъ не дали, въ него не позвали, и вообще этого для насъ не сдѣлали. Виноватъ законъ.

Диалогъ этотъ очень трудно разсудить, т.-е. дѣйствительно трудно опредѣлить, кто тутъ виновный: дѣвушки-ли порознь и лично каждая, или нѣсколько виновенъ самый законъ. Но никакъ нельзя отрицать, что отъ сложенія міра и до сихъ поръ едва-ли была дѣвушка, которая-бы предпочла родить „такъ“ и отказалась-бы своею и доброю охотою отъ супружества. Всѣ легенды и мифы о нихъ вѣдъ въ сущности укладываются въ формулу:

— Развратница. Установленъ бракъ, а она не захотѣла. Не пошла лошадь въ хомуть, а предпочла чистое поле. Ну, и родила. А родивши—испугалась, и сперва сама пыталась отравиться, а когда не удалось—убила ребенка.

Конечно, этого никогда не бываетъ. Конечно, дѣвушка раньше рожденія была глубоко несчастна, что полюбила человѣка, съ которымъ или невозможенъ бракъ, законодательно не установленъ, или который ее не захотѣлъ взять въ полное законное супружество по недостатку въ ней суммы имъ требуемыхъ качествъ:

— Я некрасива.

— Я бѣдна.

— Я уже не молода.

— У меня нѣтъ привѣтливаго и милаго характера.

Въ общемъ:

— Мы не настолько нравились, чтобы насъ взять замужъ.

Увы! Это вѣчная исторія еще съ сложенія міра. Всегда были дѣвушки некрасивыя, бѣдныя, злыя, старыя; но и однѣмъ, и другимъ, и третьимъ, въ ихъ позднемъ и старомъ, а можетъ-быть юномъ и неудачномъ дѣвчествѣ, мерещилась эта мысль:

— Я горю, какъ одна свѣча, и догораю какъ одна свѣча. И погасну. И нѣтъ у меня племени и некому будетъ придти на могилу мою.

По моему мнѣнію, чувство безконечной, *мировой* сиротливости присуще такимъ дѣвушкамъ „за флагомъ“.— „Мы—однѣ въ мірѣ, у насъ нѣтъ родства“. Я думаю, это безконечно глубокое чувство, въ психологію котораго мы, мужчины, не заглядывали. И вотъ, въ оправданіе дѣвушекъ, я не могу не припомнить строкъ изъ вѣчно святой Библии. Оговорюсь для избѣжанія соблазна. Можемъ-ли мы думать, чтобы писатель Библии что-нибудь включилъ въ нее безъ смысла и намѣренія;—и если сюжетъ явно соблазнительный, не очевидно-ли, что онъ включенъ въ Священную Лѣтопись первыхъ людей вовсе не для соблазна, но для какого-нибудь размышленія, поученія, которое мы въ немъ должны умѣть прочесть: „И вышелъ Лотъ изъ Сигора и сталъ жить въ горѣ и съ нимъ двѣ дочери его: ибо онъ боялся жить въ Сигорѣ. И жилъ въ пещерѣ и съ нимъ двѣ дочери его. И сказала старшая младшей: Отецъ нашъ старъ; и нѣтъ человѣка на землѣ, который вошелъ-бы къ намъ по обычаю всей земли; итакъ, напоимъ отца виномъ и переспимъ съ нимъ и возставимъ отъ отца нашего племя ¹⁾... И сдѣлались обѣ дочери Лотовы беременными отъ отца своего. И родила старшая сына и нарекла ему имя: Моавъ, говоря: *это отъ отца моего*. Онъ отецъ моавитянъ до нынѣ. И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бенъ-Амми, говоря: *вотъ сынъ рода моего*. Онъ отецъ аммонитянъ до нынѣ“. (Бытія, гл. 19, ст. 30—38). Что-же здѣсь могло быть такого, что побудило бытописателя включить этотъ, вовсе ненужный для пониманія судебъ народа Божія, рассказъ въ скрижали священной исторіи? Только одна строка: „нѣтъ человѣка на землѣ, который вошелъ-бы къ намъ по обычаю всей земли“. Вотъ ради этихъ словъ включено все событіе въ нить устроенія народа Божія на землѣ, и

¹⁾ Буквальный переводъ г. *Мандельштама* выразительнѣе (именно—физиологичнѣе, какъ и отвѣчаетъ духу рассказа): „И поселился Лотъ въ горахъ, и обѣ дочери его съ нимъ.. И старшая сказала младшей: отецъ нашъ старъ, а мущины нѣтъ на землѣ, чтобы сойтись съ нами по обыкновенію всей земли. Пойдемъ, напоимъ отца нашего виномъ, и ляжемъ съ нимъ, и оставимъ отъ отца нашего живое потомство.. По утру сказала она младшей: Вѣдь, вчера я лежала съ отцомъ нашимъ; напоимъ его виномъ и въ эту ночь: поди, лежи съ нимъ, и оставимъ отъ отца нашего живое племя.. И забеременѣли обѣ отъ отца своего“. Именно, *нужда* крови была здѣсь—и Бытописатель отгнѣнилъ ее; въ не буквальный русскій переводъ, напр. черезъ незамѣтную перемѣну: „стали беременны“ (*безлично, страдательный залогъ*, какъ-бы „по неволѣ“) вмѣсто *лично* и *энергично* и правдиваго: „забеременѣла“, вводится нѣкоторое скопчество; рассказъ превращается просто въ легенду, *fabul'у*—и смыслъ его не ясенъ для читателя, какъ не былъ никогда комментированъ и богословскою наукою.

даже въ нить устроения челоѣчества на землѣ. Рѣчь—грустна, тосклива; сестры совѣтуются; должно рожденіе побѣдить смерть: вѣдь у нихъ ключи жизни и бытія, за которые онѣ отвѣтственны. И обѣ какъ-бы въ сомнамбулическомъ снѣ, во время котораго челоѣкъ проходитъ надъ пропастью по тонкой и хрупкой дощечкѣ, прошли и взяли что нужно, что указано вѣчною природою, съ трепещущимъ сердцемъ, по всему вѣроятію съ крайнимъ страхомъ и... не загасли какъ свѣчка, но имѣли вѣчную молитву послѣ себя и о себѣ въ своемъ потомствѣ. Вотъ что хотѣлъ сказать бытописатель; и хотѣлъ какъ-бы предостеречь родителей, и племена, и законъ: что, если они станутъ на дорогѣ рожденія—женщина все-таки станетъ рождать; рухнетъ подъ ней дощечка—и все-таки она будетъ рождать, даже не останавливаясь передъ поступомъ, описаннымъ въ Бытіи, или... передъ грѣхомъ дѣтубійства, какъ въ наши дни. Словомъ—тутъ абсолютъ. Но и кромѣ того: если-бы сила рожденія въ своей непобѣдимости не доходила до этихъ вершинъ, описанныхъ здѣсь Моисеемъ, и въ случаѣ крайности даже черезъ нихъ не переступала—конечно смерть, не знающая для себя законовъ, одолѣвающая препоны воли нашей, давно-бы одолѣла рожденіе и одна парила на землѣ. Такъ называемое „беззаконное рожденіе“,—а описанное-ли Моисеемъ не входитъ въ эту рубрику!—и стоитъ одно несокрушимымъ и несокрупаемымъ залогомъ, что мы мистически и религиозно обезпечены въ побѣдѣ надъ смертію: это—какъ радуга, данная Ноею, что „потопа больше не будетъ“! Безъ него какихъ-то законовъ, необдуманыхъ и неосторожныхъ, могъ-бы натворить,—да и натворилъ вѣдь,—челоѣкъ о родникѣ своего бытія. Теперь-же, когда потокъ жизни хлещетъ черезъ всякій неосторожный заборъ, и дѣвушки, даже вынужденныя убивать рожденное, все-же опять и снова рождаютъ, убиваются сами—и рожаютъ, квіетизмъ челоѣчества обезпеченъ. „Ключи жизни“ вѣрены герою и ангелу.

— Но вѣдь безъ закона? закричатъ мнѣ.

— Но почему-же вы думаете, что въ іерархіи законовъ, мистическихъ и мировыхъ, тотъ, которому онѣ повинуются, не есть высшій и въ силу-то этого болѣе неодолимый, чѣмъ другой, и болѣе новый и менѣе основной, изъ повиновенія которому поэтому единственно онѣ и вышли. Тутъ два закона. И болѣе первоначальный и іерархически высшій—беретъ перевѣсъ. Даже брезжится, что объ этомъ опять есть что-то въ вѣчной Библии: „И Господь сказалъ Змію: такъ-какъ ты сказалъ это, то проклятъ ты болѣе всякаго скота и животнаго полевого... И положу Я вражду между тобою и женщиною, между дѣтенышемъ твоимъ и между дитятею ея: оно уязвитъ тебѣ голову, а ты уязвиши ему пяту“ (Бытіе, гл. 3; буквальный переводъ съ еврейскаго, Мандельштама. Берлинъ). Нисколько это не мессіанское пророчество, какъ объ-

ясняли въ средніе вѣка, что очевидно изъ слова „женщина“, а не „дѣва“, отъ коей имѣлъ родиться Спаситель міра. Говорится тутъ о „женщинѣ“, т.-е. не о Маріи-Дѣвѣ, и, слѣдовательно—не о Спасителѣ; а излагается, показывается, что отнынѣ борьба съ злымъ началомъ будетъ происходить у павшаго человѣка на попріщѣ рожденія, и только роженіемъ однимъ будетъ побѣждаться имѣющей у себя „ключи бездны“, „врата ада“ начальникъ Смерти. Древній Змій—вождь смерти! Вотъ вѣчный могильщикъ! Онъ и принесъ смерть—первому человѣку, безсмертно созданному. На другомъ полюсѣ—вѣчная Ева, отпрыски которой—наши бабушки, матери, сестры, дочери, внуки. И онѣ вѣчно поражаютъ „въ главу“ врага рода человѣческаго тѣмъ самымъ, чему мы такъ напрасно и грѣшно и бессильно противимся черезъ останавливающее ученіе о какихъ-то „незаконныхъ роженіяхъ“.

Поразительно, однако, что демоническая „вражда къ сѣмени жены“ и выражается такимъ темно-свѣтнымъ фактомъ, какъ умерщвление младенцевъ. Книга Бытія сейчасъ оправдывается самой психологіей явно сатаническаго здѣсь ужаса. И все-таки „дѣтенышъ женщинъ“ побѣждаетъ этого „дѣтеныша ехидны“. „Убью, уступая; и все-таки—уступивъ опять вдвойнѣ рожу“.

Да, все это—большая мистика. По нашимъ правиламъ, какъ легко судить: „не велятъ—не послушалась—теперь кайся“. Но правила эти очень недавни, а законъ роженія—отъ Авраама, Лота, отъ Ноя, Адама, Бога. Тема незаконнаго роженія—неизслѣдимо глубокая, и богословъ, философъ найдутъ здѣсь обширное попріще для размышленія. Было обѣщано такое „благораствореніе воздуховъ“, что и прядь льна курящагося не будетъ погашена. Это у древнихъ пророковъ. Какой образъ, какое сравненіе: случайно и не нужно вы зажгли прядь льна и бросили на землю. И вотъ она тлѣетъ и только дымить; пророкъ взялъ это не нужное какъ примѣръ бытія ничтожнаго и предрекъ, что настанетъ такое сліяніе бытія и Божія благословенія надъ бытіемъ, что даже и эту курящуюся прядь льна Богъ не допуститъ никого загасить. Курится—и пусть курится, какъ растеть дерево—и пусть растеть, все во славу Господню. Еще вспомнимъ о Ниневіи, которой за ея великія грѣхи Богъ послалъ Іону проповѣдывать гибель, и Іона проповѣдывалъ и потомъ вышелъ изъ города и, сѣвъ подъ кустъ, сталъ ждать исполненія пророчества. И сказалъ ему Господь: „тамъ двѣсти тысячъ младенцевъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой: неужели я ихъ погублю?“ Эта милость была въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, гдѣ, насъ научили, ужь и нѣтъ ничего кромѣ „око за око“... Но вотъ мы живемъ въ новыя измѣнившіяся времена, въ которыя гонима осужденіемъ дѣвушка съ ребенкомъ имѣетъ всѣ основанія воскликнуть:

— Не вѣрю я и „льну курящемуся не погашаемому“; или

по крайней мѣрѣ—это не для меня. И вотъ я погашу жизнь своего ребенка, а потомъ скажу небу: „Ей, гряди Господи! И открой истинное царство истиваго не погашенія льна курящагося. Ибо то, которое было—не то, которое обѣщано“.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно было бы такой дѣвушкѣ объяснять, что теперь уже „всѣ примирены“ и „другъ друга обьемемъ“ и „грѣха больше не будетъ“ и „смерти больше не будетъ“ и „всѣ любимъ другъ друга“ даже до пресыщенія. Она, захохотавъ въ отвѣтъ, можетъ только указать на косточки своего ребенка:—„И льна курящагося не угашаете?!“

* * *

У г. Сѣраго есть и сбивчивость понятій, и вѣрныя мысли. Онъ какъ будто усиливается пробиться къ свѣту, и часто только старая терминологія становится между имъ и искомою истиною. Старыя слова: „адюльтеръ“, „наложничество“, „любовница“, „любовь“, „бракъ“—все путается у него. Возьму я сосудъ съ водою. Это—рожденіе, рождаемость, всемірная. Теперь я опущу кисть руки въ воду. Конечно—образуется правая и лѣвая отъ нея сторона. Ну, пусть одну назвалъ онъ „бракомъ“; тогда конечно другая будетъ „не бракъ“, при одномъ существѣ рожденія, и даже при лучшей полнотѣ условій рожденія въ смыслѣ вѣрности, цѣломудрія, любви, согласной жизни супруговъ (рождающихъ). Какъ только бракъ опредѣлился не черезъ рожденіе, т.-е. не черезъ свою сущность, такъ очевидно должны были получиться вѣв-брачныя рожденія. Ихъ началъ тотъ, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, какъ не вѣрно опредѣляются математическія задачи, ошибочно произносятся формулы. Я опредѣлю человѣка въ древне-эллинскомъ смыслѣ: „человѣкъ есть существо свободное“; тогда конечно всѣ рабы будутъ „не люди“! Но вѣдь тутъ погрѣшность опредѣленія, а не дефектъ существа. Спаситель опредѣлилъ бракъ по существу. Въ единственномъ случаѣ, когда при вопросѣ фарисеевъ о разводномъ письмѣ Ему пришлось выразиться о бракѣ, Онъ отвѣтилъ искушающимъ Его: „Не читали-ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (Бытіе, 1)? И сказалъ Сотворившій: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотью (Бытіе, 2); такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ“ (Мате., 19). Не очевидно ли, что это сказано о всей суммѣ произрастанія человѣческаго, рождаемости человѣческой; и въ этихъ единственныхъ словахъ о бракѣ онъ опредѣленъ черезъ рожденіе, и даже короче и уже—черезъ „прилѣпленіе“ половъ. Что-же, проведена-ли сдѣсь линія между способами рожденія въ „адюльтерѣ“, „наложничествѣ“, „любви“ и прочее? Не сотворено самого понятія этого. Поэтому, начали эру

„незаконныхъ рожденій“ не дѣвушки, но тотъ, кто, сойдя съ этого опредѣленія брака по его существу, замѣнилъ его другимъ, не по существу: какъ-бы опустивъ въ бассейнъ съ водою руку, назвалъ воду въ право отъ нея похвальнымъ именемъ, а въ лѣво—порицательнымъ. Ну, какъ назвалъ,—такъ и получилось. Но это—по отношенію къ дѣлителю, а не по существу раздѣленнаго; это не на основаніи словъ Спасителя. На самомъ дѣлѣ, незаконныхъ рожденій нѣтъ.

То, что зовутъ пошлымъ именемъ „адулътера“, и было создано тѣмъ, кто „опустивъ въ воду руку“,—сотворилъ самое его понятіе. Кто первый сказалъ, что „можно женщины касаться законно и внѣ-законно“, тотъ и сотворилъ психологію, способъ, методъ, скверну и подлость фривольности къ женщинамъ. Вы входите въ церковь, гдѣ все—образа. И вы всѣмъ имъ молитесь съ равно благочестивымъ чувствомъ. Но нѣкто хитрый научаеъ васъ: „изъ этихъ образовъ нѣкоторые есть не освященные“, и указываетъ на тѣ-то и тѣ-то. Получилась разница, и вы къ нѣкоторымъ образамъ научаетесь относиться какъ къ крашенымъ доскамъ. Сущность отношенія вашего къ образу нарушена, къ образу вообще; и вѣдь придетъ мигъ, настанетъ въ исторіи, что къ нѣкоторымъ и священнымъ образамъ вы отнесетесь не благочестиво. Молитвенное настроеніе въ васъ станетъ вызывать не его пластика, не его сюжетъ, а нѣсколько отвлеченное соображеніе, что онъ былъ „освященъ“. Такъ, на основаніи подобнаго же раздѣленія, и началось вообще недостойное отношеніе къ женщинамъ. Возьму еще иллюстрацію, ибо предметъ необыкновенно важенъ: вы входите въ магазинъ съ изящнымъ фарфоромъ. Любуетесь, бонетесь до чего-нибудь дотронуться. Но вамъ объясняютъ, что тутъ есть бракъ и поддѣлка, цѣна въ 10 копѣекъ и даже вовсе безъ цѣны. Серьезность вашего настроенія сейчасъ падаетъ, вы свободно ведете себя въ магазинѣ, небрежно берете вещи и небрежно ихъ ставите назадъ. Я думаю, моя мысль понятна и убѣдительна: кто создалъ, сотворилъ идею, что можно, что есть способъ касаться женщины неосторожно и внѣ-брачно, тотъ и сотворилъ дѣйствительно неосторожное къ ней касаніе. Фарфоровая посуда разбилась; „иконопочитаніе“ кончилось.

Но храмъ оставленный—все храмъ
Кумиръ поверженный—все богъ.

Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. И ея исполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ не законныхъ касаній; что какъ касаніе произошло, съ кѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было, оно по золотой тяжеловѣсности своего метала есть уже полнота обязанностей, правъ, заботъ, любви, воснитанія дѣтей, полнаго супружества. Всякій образъ человѣка есть образъ человѣка, и

всякій образъ супружества есть образъ супружества: создайте это понятіе, утвердите—ментально исчезнуть самая психологія легкихъ касаній. А въ психологін-то и дѣло. А въ психологін-то и начало. Пока въ умѣ моемъ не искоренена мысль: „я могу и соблазнить“, и законъ говорить—что „это точно есть“, что это — „возможно“, что это—„внѣ его, закона“, до тѣхъ поръ я буду внѣ закона соблазнять. Есть дупеля—есть охота; есть удовольствіе—всегда найдется ищущій его. Но есть только долгъ: а, теперь попробуйте поохотиться! Такимъ образомъ, кто не началъ бы идею незаконности любви, на вѣчно сохранилъ бы цѣломудріе человѣчества. И кто первый сказалъ: „Она (или онъ) любить не законно“, — первый тотъ и развратилъ человѣчество.

— Да, этотъ образъ не освященъ: плюю на него и ухожу къ другому.

Вотъ начало разврата въ исторіи.

* * *

Можетъ быть здѣсь мы впервые подходимъ къ разгадкѣ предостереженія—„не уклоняться въ различіе добра и зла“, полученнаго невиннымъ человѣкомъ въ Раю Невѣдѣнія и Сладости. Къ чему бы оно? Не постижимо!! Вѣдь сейчасъ все *добро* мы полагаемъ именно въ *различеніи* добра отъ зла, „чтобы удержаться отъ зла“. Напрасное усиліе—удержаться уже не можемъ! Богъ страшился, чтобы человѣкъ что-нибудь не нарекъ „зломъ“ (худымъ, плохимъ), и къ этому не почувствовалъ неуваженіе, а съ нимъ и не впалъ въ грубость, жестокость! Вотъ—грѣхъ!! Это—потеря благоговѣнія къ вещамъ! Какъ что-нибудь человѣкъ увидѣлъ ниже себя, между собою и имъ увидалъ дифференцію („не освященный образъ“, „посуда бракъ“, „любовница“)—міръ потерялъ для него сладость, а онъ въ мірѣ—достоинство. Стѣны пали; Эдемъ пропалъ; горькій Адамъ оплакалъ себя на горькой землѣ ¹⁾).

Въ замѣчательномъ романѣ Толстого „Воскресеніе“, какъ-то недосказанномъ, есть эта мысль: нельзя соблазнить дѣвушку—не ставъ тотчасъ-же въ полнотѣ долга и правъ полнымъ ея супругомъ, не почувствовалъ глубочайшей и мистической и вѣчно неразрываемой, родной съ нею связи. Но Толстой все тутъ построилъ на филантропін, на „сердобольности“,—и тутъ-то и провалился въ ничтожество финала повѣсти, въ протухлыя потуги Нехлюдова. Тутъ—глубже, тутъ—тайна. „Она пошла въ Сибирь, и я за ней, потому что она мнѣ *родная*.“ Представимъ, что вы „благопріобрѣли“ имущество другого, и тотъ, дойдя до нищеты и проступковъ, пошелъ въ Сибирь же: вы или Нехлюдовъ все-таки не пошелъ бы за

¹⁾ Объясненіе термина, что „въ Адамѣ согрѣшила земля“: *вкусъ* горькій—и *вещи* стали горьки: *соотносительны* оба; и черезъ измѣненіе *одного* соотносящагося измѣнилось и *другое*.

нимъ. Не та психологія. „Нѣтъ соблазненія—есть только супружество! Нѣтъ случайнаго—есть только вѣчное! Нѣтъ паденій—есть только правда!“ Вотъ новое, чего не договорилъ Толстой, но что явно брезжило въ геніѣ его при писаніи этого романа. Это путь исцѣленія, это путь великихъ приобрѣтеній такой взгляды. Вернемся къ нашей узкой темѣ и маленькому спору съ г. Сѣрымъ, приуроченному къ казусу съ г. Бобровымъ. Зашикавшіе ему стояли на этой же новой точкѣ зрѣнія: нѣтъ отношенія къ женщинѣ иначе, какъ съ вытекающими изъ этихъ отношеній обязанностями, и опять же—нѣтъ соблазненій, а есть только начало супружества. Это—безотчетно, но это носится въ воздухѣ, и на это я указалъ, какъ на новое и можетъ-быть специально русское чувство брака. Не забуду воспоминаванія, много лѣтъ назадъ напечатаннаго кѣмъ-то о покойномъ хирургѣ Пироговѣ. Онъ жилъ у себя въ имѣніи, и вотъ не подалеку отъ него одинъ купецъ выгналъ изъ своего дома дочь-дѣвушку, разрѣшившуюся отъ бремени. Купецъ захворалъ и пришелъ къ Пирогову. Что же сдѣлалъ свѣтло медицины, которому какое бы дѣло до домашней исторіи купца? — „Тебѣ, братецъ, надо сдѣлать операцію, и я сдѣлаю и даже бесплатно: однако прости дочь и верни ее, и съ ребенкомъ, въ свой домъ. Тогда приходи съ болѣзнью, а безъ этого и за деньги не сдѣлаю операціи“. Вотъ новый взглядъ, не правда ли, русскій взглядъ? Нельзя представить себѣ такъ разсуждающимъ француза или англичанина: но Пироговъ, Толстой, студенты въ Астрахани сказали: „Мы такъ понимаемъ и такъ чувствуемъ“.

Г. Сѣрый говоритъ, указывая на крайнюю горестъ, наступающую для любящихъ виѣ вѣнчанія, когда у нихъ рождается ребенокъ: „Одинъ и тотъ-же актъ—величайшій изъ актовъ природы (а Бога? развѣ возможно рожденіе безъ произволенія Божія?)—въ одномъ случаѣ украшаетъ и радуетъ родителей, въ другомъ—марааетъ и наполняетъ скорбью; въ одномъ—скрѣпляетъ любовь, а въ другомъ—надламываетъ ее; въ одномъ—возвышаетъ душу, а въ другомъ—давитъ на нее. Кто же будетъ спорить, что въ надломѣ этой тѣни или, вѣриѣ, сіянія, приносимаго съ собой въ міръ ребенкомъ, въ этомъ дикомъ, абсурдномъ дѣленіи дѣтей на законныхъ и незаконныхъ—никакой роли не играла природа (и Богъ)?! Кто усомнится, что только одинъ эгоистично злой инстинктъ человѣка все здѣсь напуталъ?! Принято считать два фактора стоящими поперекъ признанія законности всякаго рожденія: церковь и стыдъ. А я думаю, что тутъ — заблужденіе. Не церковь и не стыдъ раздвоили это сіяніе новой жизни, обративъ его въ мрачную тѣнь. Оба эти фактора пошли лишь въ помощь себялюбивому расчету людскому. Стыдъ, о которомъ столько справедливаго сказалъ г. Розановъ, — этотъ ужасный, вселенную наполняющій смрадомъ жи, обмановъ, компромиссовъ, позорныхъ ухищреній и

даже преступлений, стыдъ материнства въ законъ—есть лишь то свойство человѣческой природы, которая направляетъ людей плыть по теченію жизни, а не противъ теченія ея...“

Замѣчу здѣсь: мы любимъ даже революцію во всемъ, мы--фрондируемъ, и съ чувствомъ счастья, въ законахъ, модахъ, въ политикѣ, въ литературѣ. Но въ рожденіи мы никчемъ долу при всякой мысли о фрондѣ. Здѣсь мы отказываемся отъ всякой революціи. Первый революціонеръ и всякая анархистка становятся здѣсь кротки, какъ ягната: „О, какъ бы родить законно!“ Когда вдумываешься въ эти тайны, въ эти инстинкты, растериваешься: до чего же святы всѣ эти рождающіе, кротки, миролюбивы, законолюбцы! И тѣмъ ужаснѣе, что къ этой-то воплощенной простотѣ и примиренію поднесено жало отрицанія: „Не признаемъ тебя! Нѣтъ тебѣ закона!“ И тогда, опять черезъ ужасную муку, дитя умерщвляется его кротчайшею матерью, на все бы согласною, на все бы готовою, лишь бы ее признали, и не находящею этого признанія.

„Юдской расчетъ, — продолжаетъ нашъ авторъ,—проклявшій въбрачное дѣтороженіе ¹⁾, опирается на чувство стыда стаднаго. Этимъ стаднымъ стыдомъ да суровой церковностью прикрылся отъ выцвѣтенія фальшивѣйшій и бездушнѣйшій изъ всѣхъ людскихъ принциповъ—принципъ незаконности рожденія. Фальшивость его, помимо другихъ доказательствъ, свидѣтельствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ: установлена ли, въ уравновѣшеніи законности рожденія — законности смерти? Если есть незаконнорожденные, должны быть незаконно-умершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертью“.

Вотъ гдѣ разсужденіе автора достигаетъ кульминаціоннаго пункта и поставитъ такъ вопросъ—значитъ упразднить его, снять съ очередныхъ вопросовъ исторіи, быта, государства, церкви. Роженіе есть абсолютъ, на который опираются всѣ слабѣйшія и низшаго порядка явленія. Нѣтъ рождающихся—нѣтъ гражданъ, нѣтъ вѣрующихъ; нѣтъ государства какъ собранія гражданъ, и самой церкви какъ собранія вѣрующихъ. Все это плыветъ въ роженіяхъ, какъ суденышко въ океанѣ. Можетъ ли судно руководить океаномъ, его кормчій приказывать вѣтрамъ и опредѣлять теченія? Безразсудная попытка. Но я скажу г. Сѣрму: теперь уже поздно это судить. Мы тысячу лѣтъ убивали дѣтей и въ 1001-й годъ спросили: почему? Я говорю, судить поздно: потому что, какъ же вы отвѣтите

¹⁾ Термины „незаконное роженіе“, „въбрачное роженіе“ всѣ вытекли изъ неправильнаго въ законѣ опредѣленія брака и никѣмъ не признаются точными. Почему не ввести терминъ „тайно-брачныя роженія“, не зарегистрированныя, не распубликованныя? Или еще — „не гражданскія роженія“, т.-е. родившіеся безъ соблюденія полноты общепринятыхъ въ данной странѣ гражданами формальностей.

уже погибшимъ матерямъ за ихъ погубленныхъ дѣтей? А нѣтъ слезъ, которыя бы не вѣсили, и опять же нѣтъ крови, которая бы не вѣсила. Мировой вопросъ и можетъ быть рѣшенъ при свѣтѣ мировой правды. Судьбы царствъ рѣшались неправильностью ихъ устройства. Былъ рабовладѣльческой Карѳагенъ и палъ передъ свободнымъ Римомъ. Но рожденіе—не фактъ социальнаго устройства, а членъ религіи. Съ рожденіемъ поднимаетъ голову длинная цѣпь фактовъ: материнство, семья, родительство—все это только окруженіе рождающаго ребенка. Пусть только одинъ ребенокъ, но принципиально, предвидѣнно—а ужъ у насъ-ли „непредвидѣнно“ это совершается!!—былъ задушенъ въ невыносимой грусти матерью и мать не была при этомъ поддержана, утѣшена, остановлена,—то почему вы думаете, что за одну эту мать не вступится мировое родительское чувство, по ощущенію взаимной связанности и родства и близости? Клянусь, нѣчто подобное уже сейчасъ несетя въ воздухѣ: не объ этомъ-ли писали мудрецы и поэты, писалъ Гете, пусть и не занимавшій штатнаго мѣста пастора; объ этомъ поднялся— пусть это краткій и маловажный эпизодъ— свистъ въ Астрахани. „Мы—всѣ родные, не обидь никого“; „мы имѣли мать—и всѣ рождающіе суть косвенно наши матери“. Спартакъ, соединивъ рабовъ, нѣкогда смутилъ Римъ; рожденіе какъ абсолютъ—можетъ потрясти гораздо глубже очень, казалось бы, абсолютныя и стойкія вещи. До сихъ поръ оно уступало; хоронилось, бѣжало, какъ относительнѣйшая вещь, малѣйшая. Но это—минута, которая можетъ кончиться. И рабы были рабами—и это продолжалось не вѣчно. Тутъ именно принципъ смерти въ сопоставленіи съ жизнью; мы захварываемъ,—и кто спрашиваетъ, „по закону-ли“? Болѣетъ человѣкъ, страдаетъ: это—вечерняя заря, которая предваряетъ собою ночь, смерть. Ей на другомъ полюсѣ отвѣчаетъ любовь, эта радость и утренняя заря бытія человѣческаго. Первую мы именуемъ: „великое таинство смерти“¹⁾ и считаемъ ее однимъ столпомъ мировой религіи. Тогда какимъ образомъ мы откажемъ въ аналогичномъ наименованіи любви,—и не объявимъ-ли тяготеніе цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку вторымъ столпомъ религіи-же? Вырвите его, погасите кажущуюся вамъ не важною и капризною дымку любви—и вы покачнете міръ. Не качайте его: Фаустъ покачнулъ и погибъ, отдался дьяволу. Какъ многозначительно болѣть для человѣка, ровно въ этой-же мѣрѣ и даже болѣе—многозначительно для него полюбить. Одинъ шагъ въ перевѣсѣ уваженія къ болѣзни—и вѣсы міра упали одною чашкою въ адъ. Но въ то время какъ къ постели болящаго мы подходимъ на ципочкахъ, и бережемъ его покой; а когда онъ умеръ—церковь высылаетъ золо-

¹⁾ Выраженіе одного, читаемаго надъ усопшимъ, церковнаго стиха.

тистый покровъ на бездыханное тѣло и окружаетъ свѣчами и феміамнымъ дымомъ „персть“, „красную глину“, — параллельно что дѣлается для ребенка? гдѣ фиміамы, молитвы? гдѣ торжество всѣхъ въ отношеніи къ рожденному, рожденію и родившей. Какъ грубо и не благоговѣйно мы относимся и къ зарѣ ребенка, любви? Между тѣмъ если въ смерти есть „рокъ“ и „фатумъ“ и Провидѣніе и вѣчность, но вѣчность немощи нашей, то все это и въ любви есть, но уже какъ знакъ нашей силы. Кто-же далъ перевѣсъ „обожанія“ и почти „обоженія“ смерти надъ бытіемъ? и назвавъ рожденіе „скверною“, если не выговорилъ, то подумалъ: „смерть есть богъ“. Все это не было никогда уловлено и отсюда могутъ пойти большіе споры и очень сомнительныя въ исходѣ тяжбы. Вотъ какъ прелюдія къ этимъ спорамъ, въ высшемъ философскомъ и религіозномъ смыслѣ, понятіе „незаконнаго рожденія“ и любопытно: ибо тутъ — весь человекъ, и вѣдь нельзя же о человекѣ разсуждать только въ гражданскомъ смыслѣ. Человекъ есть лицо священное: можно ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія“? Религіозное и судите религіозно. Вотъ почему столь долгіе вѣка рокъ удержалъ гражданство отъ разрѣшенія вовсе негражданскаго вопроса: дабы, разъ уже хотя бы одна „прядь льна курящагося“ была погашена, дожидаться въ линіи вѣковъ момента, когда будетъ поднятъ и можетъ быть поднятъ общій вопросъ объ угашеніи бытія человѣческаго; о водахъ горькихъ, которыя вдругъ выступили на мѣсто водъ сладкихъ въ самомъ родникѣ бытія человѣческаго. Короче: какимъ образомъ сладость рожденія перешла въ горечь рожденія и радость о рождаемомъ — въ уныніе о рождаемомъ? Тутъ что же могутъ знать юристы: это — дѣло философовъ и богослововъ, религіозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба.

1900 г.

Святое чудо бытія.

Писатель не был бы внимателенъ къ своему труду, если бы онъ не прислушивался самымъ тщательнымъ образомъ къ тѣмъ возраженіямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ, которые вызываются его статьями въ кругѣ читателей. Вообще, я думаю, литература есть настолько же дѣло читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дѣло писателя. Тутъ есть кругъ интимности, иногда почти телепатической. Извѣстны случаи, что, идя по улицѣ и встрѣтивъ кого-нибудь, вы оглядываетесь на этого прошедшаго мимо васъ человѣка,—и въ ту же секунду онъ на васъ оглядывается. Ваши глаза встрѣчаются,—повидимому ненужно и безпричинно. Тоже есть между писателемъ и читателемъ. Сочувствіемъ и пониманіемъ, раздраженіемъ или негодованіемъ читатели создаютъ пищу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя изъ кабинета, они какимъ-то телепатическимъ способомъ сообщаютъ свое волненіе и пишущему. „Вотъ о чемъ нужно подумать“; „вотъ что нужно принять во вниманіе“.

Недавнюю свою статью — „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, я кончилъ словами, что понятіе „незаконнорожденнаго ребенка“, кромѣ своей филантропической стороны, интересно какъ введеніе къ очень длинному религіозно-философскому спору; къ спору и, отчасти, къ тяжбѣ. Для меня лично понятіе „незаконнорожденности“ всегда заключала въ себѣ два вопроса:

1) Вопросъ христіанской совѣсти. Какимъ образомъ въ христіанскомъ мірѣ, по тезису „искупленномъ, прощенномъ и примиренномъ“,—всегда существовало, бѣжало, скрывалось, обманывало людей такое робкое, смущенное, испуганное, безпросвѣтно унылое существо, какъ такъ - называемая „незаконнородившая дѣвушка“. Почему мы ее не поддерживаемъ? не поддерживали до сихъ поръ? никогда, никто, ни одну? И такъ, я смущаюсь, какъ христіанинъ; нахожу тутъ упрекъ для своей со-

вѣсти. По моему мнѣнію, такого унынія въ христіанскомъ мірѣ не должно-бы быть; не предполагалось его програжкою.

2) Второй вопросъ—метафизическій и религиозный: отъ кого же рождаются дѣти, отъ Бога или „такъ“?

Немедленно по напечатаніи статьи я получилъ два письма, повидному оба отъ священниковъ, хотя именовъ священника подписано одно только письмо. И изъ писемъ ясно, что въ данномъ направленіи заработала именно философская мысль. Письма такъ любопытны, что я приведу изъ нихъ краткія и вмѣстѣ центральныя мѣста. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Въ смыслѣ физиологическаго акта рожденіе, конечно, не можетъ раздѣляться на законное и не законное; и если говорятъ, что такіе-то дѣти незаконнорожденные, то только по отношенію законности сближенія между собою ихъ родителей. Другими словами, незаконный ребенокъ есть плодъ незаконной любви, а признавать всякую любовь законною—значить низводить челоуѣчество на степень животнаго. Для того, чтобы люди перестали руководиться животнымъ инстинктомъ и помнили, что они существа высшія, а не животныя, былъ данъ черезъ Моисея отъ Бога законъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „не прелюбодѣйствуй“.

Вотъ очень связанное изложеніе общепринятыхъ мнѣній. Прекрасно, что онѣ получили формулу, и критика въ формулѣ этой получаетъ твердый упоръ для своей мысли. Знаютъ ли многіе, что Моисей такъ именно взглянулъ на „незаконно-родившую дѣвушку“, какъ студенты въ Астрахани почувствовали жертву г. Боброва; что и по пророку Божію дѣвушка уже есть потенциальная супруга того, отъ кого она родила, что она есть полу-супруга, а не постороннее ему, какъ по нашимъ законамъ, существо;—не выбрасываемая на улицу „дрянь“, которую только остается растоптать благочестивому обществу, охраняющему „чистоту своихъ нравовъ“? Вотъ слова Бого-видца, и я радуюсь, что могу опереться на столь великій авторитетъ:

„Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и преспить съ нею—долженъ дать ей вѣно и взять ее себѣ въ жену; а если ея отецъ не согласится, и не захочетъ выдать ее за него, пусть заплатитъ отцу столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ“ (*Исходъ*, гл. 22). Увы! отъ подножія Синая и до стогнѣ Петербурга такъ называемыя „обольщенія“ имѣли мѣсто, и очевидно никогда не умрутъ. Но изъ нихъ нуженъ выходъ. Мы имѣемъ худшія:

— Убей ребенка или отравись.

Но этого въ святомъ законѣ Божіемъ нѣтъ. Тамъ написано: „ты съ нею соединился—и она твоя жена. Если ты не хотѣлъ ее взять въ жену—ты не долженъ былъ прикасаться. Ты отвѣчай, какъ сильнѣйшій и мудрый, какъ господинъ, какъ Адамъ и вождь

супружества". Тут находимъ умирающую душу нравственный исходъ, не заканчивающуюся кровью двухъ невинныхъ. И я, христіанинъ, читая это въ книгѣ трехъ-тысячелѣтней давности, думаю: „вотъ какъ надо“, „вотъ гдѣ правда“. И этой правды, или подобной и приближительной, я не вижу вокругъ, въ нашемъ христіанскомъ и казалось-бы лучшемъ мірѣ. Моисеево „не прелюбодѣйствуи“ нисколько не значитъ: „не касайся дѣвушки“, что невозможно и противорѣчило бы имъ же записанному въ „Бытіи“ плану сотворенія человѣка Богомъ: „плодитесь, размножайтесь, наполните землю“. Но вотъ смыслъ „не прелюбодѣйствуи“: „не сотвори касанія къ дѣвушкѣ лукаво, легкомысленно, не чистосердечно“; „отричь, кромѣ, за исключеніемъ (=пре) состояній продолжительной любви—не сотвори касанія“. Предметъ этихъ словъ, самое касаніе, свято; грѣхъ начинается съ излома въ мотивѣ „касанія“. Отъ того Моисеемъ были установлены и у евреевъ до сихъ поръ сохранены сложнѣйшія и простѣйшія формы заключенія брака: вѣдь человѣкъ покрываетъ всю поверхность земли, ползетъ въ лѣсахъ, пустыняхъ. Возможно ли вездѣ сыскать полный приборъ обстоятельности для заключенія брака? У насъ, въ нашей св. церкви, есть правило: когда родившійся младенецъ очень слабъ и грозитъ немедленно умереть, а по близости нѣтъ священника—его можетъ окрестить, съ погруженіемъ въ воду и чтеніемъ крестильныхъ молитвъ, по-вивальная бабка или кто бы то ни было изъ присутствующихъ. А, такъ вотъ изъ этого я вижу, что крещеніе у насъ цѣнится, что церковь и мысли не допускаетъ о „некрещенномъ человѣкѣ“, схватываетъ таинство какими-бы то ни было руками и при какихъ-бы то ни было обстоятельствамъ—и даетъ ого человѣку. Тоже было-бы и съ супружествомъ, если-бы оно былъ въ очахъ религіи столь-же цѣнно, нужно. Или напр. возьмемъ исповѣдь, моментъ покаянія, сознаніе передъ церковью вины: тоже вѣдь оговорено, что она можетъ быть и глухою, безъ отвѣтовъ грѣшника, передъ смертью или въ случаѣ тяжелой болѣзни. И грѣхи ему прощаются, и онъ причащается св. таинъ, когда сдѣлана только мина, система жестовъ будто-бы покаянія. Такіе случаи исповѣди вѣи памяти кающагося (передъ смертью) я видалъ. Но супружество? Совершенно очевидно, что если-бы религіею семейная жизнь мірянъ цѣнилась и требовалась столь-же абсолютно, какъ ею абсолютно требуется въ отношеніи себя состояніе покаянности; и если бы она ни въ мысли, ни социалью, ни явно, ни тайкомъ не допускала прелюбодѣянія, какъ безпорядочной и случайной формы половой связи, безъ послѣдствій и безъ обязанностей, — то она установила-бы и выработала для моря случайностей, для пустынь и лѣсовъ, для одиночества и безлюдства, кромѣ сложныхъ и болѣе упрощенныя формы заключенія брака, но однако брака-же и именно формы, вплоть до одного благословенія родителей, до простой мѣны коль-

цами, до взаимнаго, написаннаго на бумагѣ, обѣта взаимной вѣрности. И тысячи дѣвушекъ спаслись-бы! И мы отдѣли-ли бы настоящую привязанность отъ случая, отъ фривольности, легкомыслія! Моисей какъ подлинно-священный союзъ цѣнилъ супружество, и установилъ три формы для его заключенія: полную, съ несеніемъ шатра (едва ли не символъ древней скиніи) надъ женихомъ и невѣстою; сокращенную, состоящую въ простыхъ словахъ жениха невѣстѣ, съ мѣною колець: „я беру тебя въ жены себѣ по закону Моисея“; и третью, почти описанную въ приведенной нами цитатѣ изъ „Исхода“: она заключалась въ простомъ фактѣ супружества. Очевидно вся сумма дѣвушекъ, перестающихъ быть такими, въ Библии переходила въ полный итогъ брака. Лучше ли это нашего? Пусть судить каждый. Я же скажу, что не было плача дѣвушекъ тамъ и не было подлаго слова: „ты обезчещена“, „ты—безчестная“, за устраненіемъ самаго этого понятія. Вотъ что значить кругъ заповѣди; „не прелюбодѣйствуй“; ее иначе нельзя истолковывать. Подъ нее отнюдь не подходитъ рожденіе; а напр., сюда подходятъ всѣ случаи предупрежденія зачатія, столь распространенные у насъ въ самыхъ законныхъ семьяхъ; входитъ всякое истребленіе плода; половыя сношенія безъ возможности зачатія; и напр. наша страшная проституція, о коей скромно молчатъ всѣ батюшки, набрасываясь лишь на случаи нарушенія разныхъ византійскихъ, нисколько не евангельскихъ и не библейскихъ (въ сущности—римскихъ) понятій о семьѣ.

* * *

Остальную часть сужденій почтеннаго корреспондента я разберу ниже, а пока приведу выдержку изъ другого письма, уже очевидно священника: „Законное супружество противопоставляется незаконному. Но законом, по-моему, всякое, болѣе или менѣе продолжительное ¹⁾ и вѣрное другъ другу сожителство. Потому-то я терпѣть не могу, душа моя положительно не выносить этого несчастнаго слова *незаконнорожденный*, какое мы, священники, вынуждены въ извѣстныхъ случаяхъ прибавлять въ метрикахъ при записи крещеній. Вѣдь безусловно всѣ рождаются по закону, установленному Творцомъ. Внѣ этого закона (подчеркнуто въ письмѣ) никто не можетъ родиться. Какая же можетъ быть рѣчь о *незаконнорожденных*?“ (опять „не“ подчеркнуто авторомъ письма).

Вотъ тоже взглядъ довольно полный. Авторъ очевидно не по прочтеніи моихъ разсужденій затрепеталъ, и слѣдовательно уже

¹⁾ Вѣдь и полный нашъ бракъ въ своемъ родѣ „съ несеніемъ шатра надъ женихомъ и невѣстою“, бываетъ „болѣе или менѣе продолжительнымъ“, и часто—очень краткимъ, годъ-два, а иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

Святое чудо бытія.

Писатель не был бы внимателенъ къ своему труду, если бы онъ не прислушивался самымъ тщательнымъ образомъ къ тѣмъ возраженіямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ, которые вызываются его статьями въ кругѣ читателей. Вообще, я думаю, литература есть настолько же дѣло читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дѣло писателя. Тутъ есть кругъ интимности, иногда почти телепатической. Извѣстны случаи, что, идя по улицѣ и встрѣтивъ кого-нибудь, вы оглядываетесь на этого прошедшаго мимо васъ человѣка,—и въ ту же секунду онъ на васъ оглядывается. Ваши глаза встрѣчаются,—повидимому ненужно и безпричинно. Тоже есть между писателемъ и читателемъ. Сочувствіемъ и пониманіемъ, раздраженіемъ или негодованіемъ читателя создаютъ пищу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя изъ кабинета, они какимъ-то телепатическимъ способомъ сообщаютъ свое волненіе и пишущему. „Вотъ о чемъ нужно подумать“; „вотъ что нужно принять во вниманіе“.

Недавнюю свою статью — „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, я кончилъ словами, что понятіе „незаконнорожденнаго ребенка“, кромѣ своей филантропической стороны, интересно какъ введеніе къ очень длинному религіозно-философскому спору; къ спору и, отчасти, къ тяжбѣ. Для меня лично понятіе „незаконнорожденности“ всегда заключала въ себѣ два вопроса:

1) Вопросъ христіанской совѣсти. Какимъ образомъ въ христіанскомъ мірѣ, по тезису „искупленномъ, прощенномъ и примиренномъ“,—всегда существовало, бѣжало, скрывалось, обманывало людей такое робкое, смущенное, испуганное, безпросвѣтно унылое существо, какъ такъ-называется „незаконнорожденная дѣвушка“. Почему мы ее не поддерживали до сихъ поръ? никогда, никто не поддерживалъ; нахожу

вѣсти. По моему мнѣнію, такого унынія въ христіанскомъ мірѣ не должно-бы быть; не предполагалось его программю.

2) Второй вопросъ—метафизическій и религіозный: отъ кого же рождаются дѣти, отъ Бога или „такъ“?

Немедленно по напечатаніи статьи я получилъ два письма, повидимому оба отъ священниковъ, хотя именемъ священника подписано одно только письмо. И изъ писемъ ясно, что въ данномъ направленіи заработала именно философская мысль. Письма такъ любопытны, что я приведу изъ нихъ краткія и вмѣстѣ центральные мѣста. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Въ смыслѣ физиологическаго акта рожденіе, конечно, не можетъ раздѣляться на законное и не законное; и если говорить, что такіе-то дѣти незаконнорожденные, то только по отношенію законности сближенія между собою ихъ родителей. Другими словами, незаконный ребенокъ есть плодъ незаконной любви, а признавать всякую любовь законною—значитъ низводить челоѣчество на степень животнаго. Для того, чтобы люди перестали руководиться животнымъ инстинктомъ и помнили, что они существа высшія, а не животныя, былъ данъ черезъ Моисея отъ Бога законъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „не прелюбодѣйствуй“.

Вотъ очень связанное изложеніе общепринятыхъ мнѣній. Прекрасно, что онѣ получили формулу, и критика въ формулѣ этой получаетъ твердый упоръ для своей мысли. Знаютъ ли многіе, что Моисей такъ именно взглянулъ на „незаконно-родившую дѣвушку“, какъ студенты въ Астрахани почувствовали жертву г. Боброва; что и по пророку Божію дѣвушка уже есть потенциальная супруга того, отъ кого она родила, что она есть полу-супруга, а не постороннее ему, какъ по нашимъ законамъ, существо;—не выбрасываемая на улицу „дрянь“, которую только остается растоптать благочестивому обществу, охраняющему „чистоту своихъ нравовъ“? Вотъ слова Бого-видца, и я радуюсь, что могу опереться на столь великій авторитетъ:

„Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и преспить съ нею—долженъ дать ей вѣно и взять ее себѣ въ жену; а если ей отецъ не согласится, и не захочетъ выдать ее за него, пусть заплатитъ отцу столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ.“ (*Писанъ*, гл. 22). Увы! отъ подножія Сіная и до стогнъ Петербурга такъ называемыя „обольщенія“ имѣли мѣсто, и очевидно никогда не умрутъ. Но изъ нихъ нуженъ выходъ. Мы имѣемъ худшія:

— Убий ребенка или отравись.

— Законъ Божіемъ нѣтъ. Тамъ написано: „она твоя жена. Если ты не хотѣлъ, долженъ былъ прикасаться. Ты отвѣчай, какъ господинъ, какъ Адамъ и вождь“

Святое чудо бытія.

Писатель не был бы внимателенъ къ своему труду, если бы онъ не прислушивался самымъ тщательнымъ образомъ къ тѣмъ возраженіямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ, которые вызываются его статьями въ кругѣ читателей. Вообще, я думаю, литература есть настолько же дѣло читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дѣло писателя. Тутъ есть кругъ интимности, иногда почти телепатической. Извѣстны случаи, что, идя по улицѣ и встрѣтивъ кого-нибудь, вы оглядываетесь на этого прошедшаго мимо васъ человѣка,—и въ ту же секунду онъ на васъ оглядывается. Ваши глаза встрѣчаются,—повидимому ненужно и безпричинно. Тоже есть между писателемъ и читателемъ. Сочувствіемъ и пониманіемъ, раздраженіемъ или негодованіемъ читатели создаютъ нишу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя изъ кабинета, они какимъ-то телепатическимъ способомъ сообщаютъ свое волненіе и пишущему. „Вотъ о чемъ нужно подумать“; „вотъ что нужно принять во вниманіе“.

Недавнюю свою статью — „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, я кончилъ словами, что понятіе „незаконнорожденнаго ребенка“, кромѣ своей филантропической стороны, интересно какъ введеніе къ очень длинному религіозно-философскому спору; къ спору и, отчасти, къ тяжбѣ. Для меня лично понятіе „незаконнорожденности“ всегда заключала въ себѣ два вопроса:

1) Вопросъ христіанской совѣсти. Какимъ образомъ въ христіанскомъ мірѣ, по тезису „искупленномъ, прощенномъ и примиренномъ“,—всегда существовало, бѣжало, скрывалось, обманывало людей такое робкое, смущенное, испуганное, безпросвѣтно унылое существо, какъ такъ - называемая „незаконнородившая дѣвушка“. Почему мы ее не поддерживаемъ? не поддерживали до сихъ поръ? никогда, никто, ни одну? И такъ, я смущаюсь, какъ христіанинъ; нахожу тутъ упрекъ для своей со-

вѣсти. По моему мнѣнію, такого унынія въ христіанскомъ мірѣ не должно-бы быть; не предполагалось его программю.

2) Второй вопросъ—метафизическій и религіозный: отъ кого же рождаются дѣти, отъ Бога или „такъ“?

Немедленно по напечатаніи статьи я получилъ два письма, повидимому оба отъ священниковъ, хотя именемъ священника подписано одно только письмо. И изъ писемъ ясно, что въ данномъ направленіи заработала именно философская мысль. Письма такъ любопытны, что я приведу изъ нихъ краткія и вмѣстѣ центральныя мѣста. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Въ смыслѣ физиологическаго акта рожденіе, конечно, не можетъ раздѣляться на законное и не законное; и если говорятъ, что такіе-то дѣти незаконнорожденные, то только по отношенію законности сближенія между собою ихъ родителей. Другими словами, незаконный ребенокъ есть плодъ незаконной любви, а признавать всякую любовь законною—значитъ низводить человѣчество на степень животнаго. Для того, чтобы люди перестали руководиться животнымъ инстинктомъ и помнили, что они существа высшія, а не животныя, былъ данъ черезъ Моисея отъ Бога законъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „не прелюбодѣйствуй“.

Вотъ очень связанное изложеніе общепринятыхъ мнѣній. Прекрасно, что онѣ получили формулу, и критика въ формулѣ этой получаетъ твердый упоръ для своей мысли. Знаютъ ли многіе, что Моисей такъ именно взглянулъ на „незаконно-родившую дѣвушку“, какъ студенты въ Астрахани почувствовали жертву г. Боброва; что и по пророку Божію дѣвушка уже есть потенциальная супруга того, отъ кого она родила, что она есть полу-супруга, а не постороннее ему, какъ по нашимъ законамъ, существо;—не выбрасываемая на улицу „дрянь“, которую только остается растоптать благочестивому обществу, охраняющему „чистоту своихъ нравовъ“? Вотъ слова Бого-видца, и я радуюсь, что могу опереться на столь великій авторитетъ:

„Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и преспить съ нею—долженъ дать ей вѣно и взять ее себѣ въ жену; а если ея отецъ не согласится, и не захочетъ выдать ее за него, пусть заплатитъ отцу столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ“ (*Исходъ*, гл. 22). Увы! отъ подножія Синая и до стогнѣ Петербурга такъ называемыя „обольщенія“ имѣли мѣсто, и очевидно никогда не умрутъ. Но изъ нихъ нуженъ выходъ. Мы имѣемъ худшія:

— Убей ребенка или отравись.

Но этого въ святомъ законѣ Божіемъ нѣтъ. Тамъ написано: „ты съ нею соединишься—и она твоя жена. Если ты не хотѣлъ ее взять въ жену—ты не долженъ былъ прикасаться. Ты отвѣчай, какъ сильнѣйшій и мудрый, какъ господинъ, какъ Адамъ и вождь

Святое чудо бытія.

Писатель не былъ бы внимателенъ къ своему труду, если бы онъ не прислушивался самымъ тщательнымъ образомъ къ тѣмъ возраженіямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ, которые вызываются его статьями въ кругѣ читателей. Вообще, я думаю, литература его настолько же дѣло читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дѣло писателя. Тутъ есть кругъ интимности, иногда почти телепатической. Извѣстны случаи, что, идя по улицѣ и встрѣтивъ кого-нибудь, вы оглядываетесь на этого прошедшаго мимо васъ человѣка,—и въ ту же секунду онъ на васъ оглядывается. Ваши глаза встрѣчаются,—повидимому ненужно и безпричинно. Тоже есть между писателемъ и читателемъ. Сочувствіемъ и пониманіемъ, раздраженіемъ или негодованіемъ читатели создаютъ пищу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя изъ кабинета, они какимъ-то телепатическимъ способомъ сообщаютъ свое волненіе и пишущему. „Вотъ о чемъ нужно подумать“; „вотъ что нужно принять во вниманіе“.

Недавнюю свою статью — „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, я кончилъ словами, что понятіе „незаконнорожденнаго ребенка“, кромѣ своей филантропической стороны, интересно какъ введеніе къ очень длинному религіозно-философскому спору; къ спору и, отчасти, къ тяжбѣ. Для меня лично понятіе „незаконнорожденности“ всегда заключала въ себѣ два вопроса:

- 1) Вопросъ христіанской совѣсти. Какимъ образомъ въ христіанскомъ мірѣ, по тезису „искупленномъ, прощенномъ и примиренномъ“,—всегда существовало, бѣжало, скрывалось, обманывало людей такое робкое, смущенное, испуганное, безпросвѣтно унылое существо, какъ такъ-называемая „незаконнородившая дѣвушка“. Почему мы ее не поддерживаемъ? не поддерживали до сихъ поръ? никогда, никто, ни одну? И такъ, я смущаюсь, какъ христіанинъ; нахожу тутъ упрекъ для своей со-

вѣсти. По моему мнѣнію, такого унынія въ христіанскомъ мірѣ не должно-бы быть; не предполагалось его программю.

2) Второй вопросъ—метафизическій и религіозный: отъ кого же рождаются дѣти, отъ Бога или „такъ“?

Немедленно по напечатаніи статьи я получилъ два письма, повидимому оба отъ священниковъ, хотя именемъ священника подписано одно только письмо. И изъ писемъ ясно, что въ данномъ направленіи заработала именно философская мысль. Письма такъ любопытны, что я приведу изъ нихъ краткія и вмѣстѣ центральныя мѣста. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Въ смыслѣ физиологическаго акта рожденіе, конечно, не можетъ раздѣляться на законное и не законное; и если говорить, что такіе-то дѣти незаконнорожденные, то только по отношенію законности сближенія между собою ихъ родителей. Другими словами, незаконный ребенокъ есть плодъ незаконной любви, а признавать всякую любовь законною—значитъ низводить челоуѣчество на степень животнаго. Для того, чтобы люди перестали руководиться животнымъ инстинктомъ и помнили, что они существа высшія, а не животныя, былъ данъ черезъ Моисея отъ Бога законъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „не прелюбодѣйствуй“.

Вотъ очень связанное изложеніе общепринятыхъ мнѣній. Прекрасно, что онѣ получили формулу, и критика въ формулѣ этой получаетъ твердый упоръ для своей мысли. Знаютъ ли многіе, что Моисей такъ именно взглянулъ на „незаконно-родившую дѣвушку“, какъ студенты въ Астрахани почувствовали жертву г. Боброва; что и по пророку Божію дѣвушка уже есть потенциальная супруга того, отъ кого она родила, что она есть полу-супруга, а не постороннее ему, какъ по нашимъ законамъ, существо;—не выбрасываемая на улицу „дрянь“, которую только остается растоптать благочестивому обществу, охраняющему „чистоту своихъ нравовъ“? Вотъ слова Бого-видца, и я радуюсь, что могу опереться на столь великій авторитетъ:

„Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и преспить съ нею—долженъ дать ей вѣно и взять ее себѣ въ жену; а если ея отецъ не согласится, и не захочетъ выдать ее за него, пусть заплатитъ отцу столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ“ (*Псаломъ*, гл. 22). Увы! отъ подножія Синая и до стогнѣ Петербурга такъ называемыя „обольщенія“ имѣли мѣсто, и очевидно никогда не умрутъ. Но изъ нихъ нуженъ выходъ. Мы имѣемъ худшія:

— Убей ребенка или отравись.

Но этого въ святомъ законѣ Божіемъ нѣтъ. Тамъ написано: „ты съ нею соединился—и она твоя жена. Если ты не хотѣлъ ее взять въ жену—ты не долженъ былъ прикасаться. Ты отвѣчай, какъ сильнѣйшій и мудрый, какъ господинъ, какъ Адамъ и вожде

Святое чудо бытія.

Писатель не был бы внимателенъ къ своему труду, если бы онъ не прислушивался самымъ тщательнымъ образомъ къ тѣмъ возраженіямъ, недоумѣніямъ, вопросамъ, которые вызываются его статьями въ кругѣ читателей. Вообще, я думаю, литература есть настолько же дѣло читателя, творчество читателя, насколько есть творчество и дѣло писателя. Тутъ есть кругъ интимности, иногда почти телепатической. Извѣстны случаи, что, пдя по улицѣ и встрѣтивъ кого-нибудь, вы оглядываетесь на этого прошедшаго мимо васъ человѣка,—и въ ту же секунду онъ на васъ оглядывается. Ваши глаза встрѣчаются,—повидимому ненужно и безпричинно. Тоже есть между писателемъ и читателемъ. Сочувствіемъ и пониманіемъ, раздраженіемъ или негодованіемъ читатели создаютъ пищу для писателя; волнуясь про себя, и иногда волнуясь даже не выходя изъ кабинета, они какимъ-то телепатическимъ способомъ сообщаютъ свое волненіе и пишущему. „Вотъ о чемъ нужно подумать“; „вотъ что нужно принять во вниманіе“.

Недавнюю свою статью — „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, я кончилъ словами, что понятіе „незаконнорожденнаго ребенка“, кромѣ своей филантропической стороны, интересно какъ введеніе къ очень длинному религіозно-философскому спору; къ спору и, отчасти, къ тяжбѣ. Для меня лично понятіе „незаконнорожденности“ всегда заключала въ себѣ два вопроса:

- 1) Вопросъ христіанской совѣсти. Какимъ образомъ въ христіанскомъ мірѣ, по тезису „искупленномъ, прощенномъ и примиренномъ“,—всегда существовало, бѣжало, скрывалось, обманывало людей такое робкое, смущенное, испуганное, безпросвѣтно унылое существо, какъ такъ - называемая „незаконнородившая дѣвушка“. Почему мы ее не поддерживаемъ? не поддерживали до сихъ поръ? никогда, никто, ни одну? И такъ, я смущаюсь, какъ христіанинъ; нахожу тутъ упрекъ для своей со-

вѣсти. По моему мнѣнію, такого унынія въ христіанскомъ мірѣ не должно-бы быть; не предполагалось его программю.

2) Второй вопросъ—метафизическій и религіозный: отъ кого же рождаются дѣти, отъ Бога или „такъ“?

Немедленно по напечатаніи статьи я получилъ два письма, повидимому оба отъ священниковъ, хотя именемъ священника подписано одно только письмо. И изъ писемъ ясно, что въ данномъ направленіи заработала именно философская мысль. Письма такъ любопытны, что я приведу изъ нихъ краткія и вмѣстѣ центральныя мѣста. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Въ смыслѣ физиологическаго акта рожденіе, конечно, не можетъ раздѣляться на законное и не законное; и если говорить, что такіе-то дѣти незаконнорожденные, то только по отношенію законности сближенія между собою ихъ родителей. Другими словами, незаконный ребенокъ есть плодъ незаконной любви, а признавать всякую любовь законною—значитъ низводить челоѣчество на степень животнаго. Для того, чтобы люди перестали руководиться животнымъ инстинктомъ и помнили, что они существа высшія, а не животныя, былъ данъ черезъ Моисея отъ Бога законъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „не прелюбодѣйствуй“.

Вотъ очень связанное изложеніе общепринятыхъ мнѣній. Прекрасно, что онѣ получили формулу, и критика въ формулѣ этой получаетъ твердый упоръ для своей мысли. Знаютъ ли многіе, что Моисей такъ именно взглянулъ на „незаконно-родившую дѣвушку“, какъ студенты въ Астрахани почувствовали жертву г. Боброва; что и по пророку Божію дѣвушка уже есть потенциальная супруга того, отъ кого она родила, что она есть полу-супруга, а не постороннее ему, какъ по нашимъ законамъ, существо;—не выбрасываемая на улицу „дрянь“, которую только остается растоптать благочестивому обществу, охраняющему „чистоту своихъ нравовъ“? Вотъ слова Бого-видца, и я радуюсь, что могу опереться на столь великій авторитетъ:

„Если обольститъ кто дѣвицу необрученную и преспитъ съ нею—долженъ дать ей вѣно и взять ее себѣ въ жену; а если ея отецъ не согласится, и не захочетъ выдать ее за него, пусть заплатитъ отцу столько серебра, сколько полагается на вѣно дѣвицамъ“ (*Исходъ*, гл. 22). Увы! отъ подножія Синая и до стогнъ Петербурга такъ называемыя „обольщенія“ являлись мѣсто, и очевидно никогда не умрутъ. Но изъ нихъ нуженъ выходъ. Мы имѣемъ худшій:

— Убей ребенка или отравись.

Но этого въ святомъ законѣ Божіемъ нѣтъ. Тамъ написано: „ты съ нею соединился—и она твоя жена. Если ты не хотѣлъ ее взять въ жену—ты не долженъ былъ прикасаться. Ты отвѣчай, какъ сильнѣйшій и мудрый, какъ господинъ, какъ Адамъ и вождь

своихъ рѣчей. „Здѣсь—Богъ“, они восклицаютъ, „ибо это не разрѣшимо для науки! *тутъ*—трансцендентность, это—тайна! *Всѣ* ваши реторты ничтожны, немощны микроскопы, безсильны пустыя догадки и гипотезы: это—*капля не отъ міра сего*“. Но вотъ тутъ-то, тутъ-то несчастный отецъ, у котораго отняты дѣти и на мѣсто его къ дѣтямъ приставленъ зеленщикъ, „духовный отецъ по воспріятію отъ купели“, и скажетъ, и упрется: „Какъ? вы въ одномъ отдѣлѣ и для однихъ цѣлей утверждаете, что *это—отъ Бога* и что *тутъ* — *трансцендентность*, а не химія; а въ другомъ отдѣлѣ вашего же богословія и для другихъ цѣлей, именно для отстаиванія разныхъ византійскихъ подробностей, столь же побѣдительно говорите, что жизнь и рожденіе есть простая наука, и даже худая, омываемая и очищаемая въ водѣ крестильной; и что посему, хотя физиологически конечно всѣ дѣти одинаково произошли и ихъ нельзя дѣлить на законныхъ и не законныхъ; но какъ физиология съ богословіемъ не совпадаютъ, и первая вторую—не учить, то, съ вашей точки зрѣнія и по преданіямъ вашихъ учителей, вы однихъ рожденныхъ объявляете—законными, другихъ—внѣ-законными. Противъ естествоиспытателей вы соединяете тварь съ Творцомъ, говоря о ретортахъ, что тамъ—„Божіе“, а противъ меня, несчастнаго и безсильнаго отца, вы раздѣляете тварь отъ Творца, отвертываясь отъ ретортъ съ словами: „тамъ обыкновенное“. Въ одномъ случаѣ, съ полемическими цѣлями, вы, указуя на мудрость природы и цѣлесообразность ея законовъ, утверждаете, что законы природы суть мысли Божія, а въ другомъ, именно въ отношеніи дѣтей—что мыслей Божіихъ нѣтъ въ законахъ природы и рожденіе дитяти, да и вообще все живое, есть просто—*Stoff und Kraft*, „матерія и сила“, въ ихъ сочетаніи, какъ и училъ Бюхнеръ, а вы почему-то ему возражали. Но теперь зачеркните же всю эту полемику, какъ не основательную и недоумѣнную; или, если вамъ страшно переплести свои орега опіа въ одинъ переплеть съ Дарвиномъ, Молешоттомъ и Фохтомъ—вычеркните меня изъ состава „незаконно-рождающихъ“, а главное—въ себѣ самихъ, въ своемъ смутномъ и зломъ сердцѣ, погасите это чувство и эту мысль „незаконнорожденности“.—Въ самомъ дѣлѣ, на двойственности разныхъ отдѣловъ богословія поконится ученіе о „незаконнорожденности“ и весь огромный итогъ уже погубленныхъ дѣтей. О, пусть бы государство учило о „незаконнорождаемости“. Оно—не понимаетъ, для него дѣйствительно все только есть „наука“, оно наконецъ свѣтско, его преданія—въ Римѣ. Но государственнй взглядъ на роженіе и не породилъ бы такого страха передъ рожденіемъ, испуга, гипноза дѣвухекъ; не породилъ бы дѣтоубійства. Тутъ... идея проклятія надъ головой, какъ и выразилъ Гете въ заключительныхъ словахъ „Фауста“:—„Проклята!“—„Спасена!“ Спасена-то потомъ уже

и Гретхенъ этого не слышитъ, она только слышитъ: „проклята“ и умираетъ подъ бурей этого религиознаго „herem'a“. Черезъ „херемъ“ евреи отлучаютъ отъ синагоги; но въ эпоху безплотную, разрыва твари и Творца, есть тоже своеобразный „херемъ“—и онъ падаетъ на основного выразителя плоти—дитя и женщину; не на всѣхъ женщинъ, а на многихъ, ибо всѣхъ рождающихъ подвести подъ „херемъ“ значило бы вскорѣ потерять вообще самый предметъ для „благословеній“ и „стадо для слушанія“. Да, терминъ, можетъ быть наиболѣе точный для „незаконнорожденныхъ“ дѣтей—это „не благословенныя дѣти!“ Они—какъ лилиі полевыя, какъ птицы небесныя: но уже нѣтъ на нихъ, порвана съ нихъ слава лучшая, чѣмъ Соломонова! Кто же это сорвалъ? Конечно—не Евангеліе, а тѣ сухія и недомысленныя искаженія, какимъ оно подверглось въ Византіи и Римѣ. Мечтается иногда, что если „незаконное рожденіе“ есть вѣчный стыдъ, то почему столь колоссальное бремя, колоссальное и непереносимо тягостное для человѣка, который его понесетъ—возлагается столь тихо, незамѣтно и такъ сказать не трудно. Нужно бы это развить, украсить, раздвинуть въ обрядъ; тогда и только тогда вдругъ подчеркнутся бы его смыслъ, строка петита—набралась бы аршинными буквами. Вотъ—помость; на немъ ребенокъ; пусть—дѣвочка или мальчикъ, полутора года, когда уже могутъ ощущать вину и стыдъ. А то что-же наказывать *чувствуемою* болью, по какъ-бы хлороформированнаго, новорожденнаго. Проснется—и будетъ тогда чувствовать,—а когда наказывается—не чувствуетъ. Нужно наоборотъ. Все торжественно, масса народа, зажженныя свѣчи въ храмѣ. Хоть дитя на помостѣ и „приблудное“, но папа съ мамой все-таки его любить и одѣли кой во что: ну, тамъ розовый бантикъ, чепчикъ, и кружевная рубашечка. Simplex natura, natura рессанс... приглашается подойти къ помосту, дабы уязвиться болѣзненнѣе за „первородный грѣхъ“... И вотъ лучшая мечта Некрасова, апоэеозъ нѣкоего алканія, „Власъ“. О, онъ уже прошелъ всѣ ступени подвига, труда, смиренія. И міръ, благодарный, облекъ его въ мантии, и камни, и золото. Но онъ все также, какъ и тогда

Смуглолицъ, высокъ и прямъ.

Онъ поднимается на ступени помоста, гдѣ ребенокъ стоитъ одинъ:—его родители внизу, отдѣленные, символъ вѣчнаго будущаго отдѣленія. Дѣвочка оглядывается на высокаго подходящаго къ ней „дядю“ и какъ она привыкла у всѣхъ цѣловать руку,—то весело хватается и за сухую длань аскета. Но онъ отдергиваетъ ее, какъ отъ касанія гада. Срываетъ розовую ленточку съ шеи. Дѣвочка испугана, хочетъ закричать: „дядя! дядя!“ но сильный толчекъ прерываетъ голосъ: „снимай башмаки—онъ слишкомъ нарядны“. И, разувъ, онъ надѣваетъ на крошечныя ножки стоп-

танья, жесткія, корявыя башмаки. „Это—не мой!“ кричить дѣвочка.—„Это-то и твои: *единственныя* твои, теперь и до гроба, не снимаемыя“. Онъ рветъ на ней кружева, платьице—и накидываетъ грязную тряпку. Въ испугѣ и крайнемъ недоумѣніи дѣвочка кричитъ:

— Мама! мама! Гдѣ-же ты, мама?

Мама все видитъ, все *предвидитъ*, и заоченѣвъ въ ужасѣ, пятится назадъ... назадъ... къ самой далекой стѣнѣ, хочется ей вдавиться въ стѣну, пройти сквозь стѣну и, захвативъ свое дитя, бѣжать по улицѣ. Но еще не все кончено.

Теперь безобразный, красный и мокрый, въ тряпкахъ, кусокъ человѣческаго существа, остатокъ человѣка, сталкивается ногою съ помоста, и не то катится кубаремъ, не то сползаетъ на спинкѣ по ступенямъ внизъ. Толпа говоритъ: „такъ и надо“.

Вотъ, мнѣ кажется, *какъ* слѣдовало-бы выразить отношеніе къ „незаконнорожденности“. Сейчасъ только одинъ ребенокъ, беззащитный, принимаетъ ударъ; но вѣдь ударъ очень боленъ, лоссаленъ, и правдивость психологій и социальнаго строя требуетъ, чтобы также видны были и бьющій, чтобы посрамленіе было картинно въ деталяхъ своихъ. Вѣдь теперь это—уколъ, болѣзненный, болящій всю жизнь, наносимый тончайшей и даже вовсе невидимой иглой. Зачѣмъ это? къ чему лицемѣріе? къ чему все въ ущербъ, въ посрамленіе болящему: нѣтъ, пусть мужественно приметъ нѣкоторый стыдъ, стыдъ за жестокосердіе, и тотъ, кто дѣйствительно жестокосердъ! Кто имѣетъ жестокую душу, не долженъ смущаться жестокаго лица.

*
* *

Да, я не безъ причины сказала, что вопросъ „незаконнаго рожденія“ неизслѣдимо глубокъ:

- 1) Это—херемъ, постигающій рожденнаго культомъ безплодія.
- 2) Это—Stof und Kraft, откровенно признанное.
- 3) Это—выпавшіе цѣльные отдѣлы богословія.

Наконецъ, нельзя же не спросить, ибо въ глубокомъ несчастіи человѣкъ о всемъ въ правѣ просить: „Не понимаю я... У птицъ дѣтей не отнимаютъ, у меня отняли. Ну, есть просфора, есть просто хлѣбъ: *можно ли же однако растаптывать просто хлѣбъ?* А дѣтей во множествѣ, именно всѣхъ убиваемыхъ и всѣхъ отправляемыхъ въ воспитательные дома — очевидно растаптываютъ: и это предвидѣнно и принципиально. Но тогда я не вѣрю въ добротность и „освященнаго хлѣба“, „просфоры“, ибо и она очевидно не имѣетъ хорошаго въ себѣ состава, хорошаго матерьяла и муки, абсолютно въ смыслѣ матерьяла тожественнаго у нея съ обыкновеннымъ хлѣбомъ“.—Тутъ въ самомъ дѣлѣ философія таинства. Въ „таинство“, въ „благословеніе“, очевидно можно взять только

добротный, уже хороший и благодатный въ себѣ самомъ, матерьялъ: воскъ, плоды, муку, масло, вино. Но напр. можно ли „благословить“ чумной бубонъ? И не подѣйствуетъ благословеніе, а, главное, вовсе нельзя его благословить, т. е. какъ бы сказать „гряди въ міръ и совершай присущее тебѣ“. Явно, что молитвенный свѣтъ принимаетъ на себя только уже *naturaliter* свѣтлая вещь; т. е. *naturaliter* добрая, полезная, нужная. Хлѣбъ мы ѣдимъ и только потому изъ него возможна просфора. Кто же скажетъ о натуральномъ хлѣбѣ: „его бы не надо“, „ему бы не быть“: Но если никто рѣшительно не оспоритъ, что о рожденномъ „незаконномъ“ ребенкѣ „Власъ“ скорбятъ, что онъ *есть, рожденъ*; и терминъ „незаконнорожденный“ равняется: „не долженствовавшій бы существовать“, „не имѣвшій права родиться“, то совершенно неопровержимо, что „благословить“ его рожденіе вовсе и ни въ какомъ случаѣ нельзя. А всякій разъ, когда оно всетаки благословляется (законный бракъ),—оно благословляется мнимо и не дѣйствительно. Въ связи съ тѣмъ и находится поражающая всѣхъ вещь, что въѣдъ и въ законномъ бракѣ, по термину очистительной надъ роженіею молитвы, ребенокъ рождается въ сущности незаконнымъ, „сквернымъ“; рожденіе его все равно изъявляется грѣхомъ, и при томъ безъ всякаго сглаживанія или смягченія вины сравнительно съ рожденіемъ внѣ брака. Т. е. что только въ утѣшеніе людямъ и какую-то иллюзію имъ дается будто бы благословеніе. Но какъ чумной бубонъ нельзя благословить,—и рожденіе благословить нельзя же и „законнаго брака“ метафизически не можетъ быть. Только духовный бракъ священника съ церковью (при посвященіи іерей водится вокругъ аналоя и при этомъ поется вѣнчальный, свадебный стихъ) есть единственный „законный христіанскій бракъ“. Прочіе—видимости; сны навѣваемые на міръ; но которымъ ничего въ дѣйствительности не отвѣчаетъ, и даже дѣйствительность имъ вполнѣ противоположна.

И вотъ почему „Власъ“ укалываетъ ребенка. Въ сущности—онъ всѣхъ укалываетъ. Но на всѣхъ онъ только кладетъ пятно, касаясь кожи и не пробуравливая ея. И только нѣкоторыхъ укалываетъ внутрь, на смерть. Не всѣ изъ нихъ умираютъ; но остающіеся въ живыхъ болятъ даже сильнѣе умершихъ.

*
* *

— Да, но въѣдъ никто же не укалываетъ. Только даютъ терминъ, опредѣляютъ. Кто нудитъ двѣушекъ убивать дѣтей? Къ чему столь *чрезмѣрный* стыдъ? Мы, удалившіеся отъ міра, чисты какъ Пилать и какъ леди Макбетъ...

— Менѣе. Если *вчера* вы знали, что отъ такого-то термина сегодня произойдетъ самоубійство, дѣтоубійство; знали по предъидущимъ случаямъ, по фактамъ почти безъ исключенія: то неужели

всетаки положивъ сегодня терминъ—вы не погасили жизнь, только это сдѣлали не своими руками.

— Вольно столь стыдиться; предрасудокъ, преувеличеніе.

— Вы бы не теперь и не въ книгѣ это сказали, а публично и съ кафедры и 1000 лѣтъ назадъ. Въ этомъ и весь пунктъ, что при зрѣлищѣ дѣтоубійства отъ стыда незаконнаго рожденія, ни одинъ однако Власъ не сказалъ: „Къ чему *такой* стыдъ? Это—*меньше* стоитъ. Это—*не такъ* важно, чтобы ребенку или матери не жить. *Успокойтесь*, такіе ли грѣхи бываютъ, придите въ себя, живите: ибо вы достойны жить“. А если 1000 лѣтъ и ни одинъ „Власъ“ не сказалъ этого, ни одинъ не указалъ, не посовѣтовалъ „меньше стыдиться“, напротивъ — всѣ звали еще къ увеличенію стыда, корили, что недостаточно стыдятся, называли „безстыдницами“: то стало-быть и уже намѣренно вы опредѣлили мѣру наказанія, уменьшеніе котораго вамъ было бы оскорбительно. А мѣра эта—„свари дитя въ собственномъ молокѣ“.

1900 г.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса ¹⁾.

XXII. Письма.

1.

24 Сентября 1900 г.

Господ. В. Розановъ!

Чѣмъ больше читаю твое писанье, тѣмъ больше тебя презираю. Такъ и сквозить, что ты чѣмъ-то особенно раздосадованъ священствомъ. Но будь же и во гнѣвѣ справедливъ. Я не духовный, но по дѣламъ службы близко соприкасался съ правосл. духовенствомъ, и тобою возмущенъ. Къ чему глумиться надъ священными и дорогими для насъ православныхъ вѣрованіями? Къ чему сочинять для газеты кривотолки на св. Евангеліе? Къ чему передергивать? Лгать?

Къ чему въ одной грязи мѣшать понятіе о бракѣ, какъ таинствѣ св. Церкви, съ навязаннымъ духовенству обыскомъ, — этой чисто-юридической сдѣлкѣ, и съ порядками дух. консисторій?! Въ нихъ вѣдь сносится самая ужасная грязь семейныхъ отношеній всѣхъ сословій общества и, быть можетъ, твоя же собственная. И ты требуешь отъ мельника, работающаго на мельницѣ, чтобы онъ не былъ въ мукѣ?..

Впрочемъ, многіе, многіе уже убѣдились, что у тебя нѣтъ нравственныхъ устоевъ; нѣтъ критерія справедливости. Видится злоба въ сужденіяхъ и плохая, если есть, совѣсть. Всѣхъ на свою мѣрку не обобщай. Не тебѣ подрывать христіанскія основы

¹⁾ Споръ о незаконнорожденности вызвалъ чрезвычайное напряженіе страстей. Безъ преувеличенія могу сказать, что на меня бросались съ камнями и у меня цѣловали руки. И то и другое — живительное воспоминаніе и цѣнный матерьялъ къ разрѣшенію вопроса. Къ сожалѣнію, у меня потерялась одна телеграмма, съ юга, съ подписью, что посылается отъ нѣсколькихъ сотъ (фабричныхъ?!) челоуѣкъ. В. Р—въ.

и твои плевки падаютъ на твою же самообольщенную, къ позору Русскую, нечестивую голову.

Въ сегодняшнемъ фельетонѣ ты весь сквозишь.

Не слишкомъ ли это?.. При такой злукѣ, безъ полицейскаго, толстаго столба и обойтись нельзя. Къ нему тебя и приковать надо...

Гонораръ, г. В. Розанозъ, за болтовню ты можешь получать, не прочитавши намараннаго, но „знай край и не падай“. Помни, что пишешь въ распространенной газетѣ, — потому имѣй приличіе: себя назвать какъ хочешь можешь, но мы, читатели, не подлецы, не циники, не свиньи (см. *ibidem*). Я по крайней мѣрѣ, такого зла для Россіи, какъ ты, въ мысляхъ не имѣю, а ты проповѣдуешь.

Я уже старый человекъ, и съ ужасомъ вижу, какъ и въ печати Русской начинаетъ царить озорство и нахальство.

Развѣ ты не замѣчаешь, что тебѣ даже никто не отвѣчаетъ, считая тебя за „газетную шафку“.

Удивляюсь г-ну Суворину, всегда, хотя видимо, благонадежному.

Чисто-Русскій, православный читатель *О. Ивановъ* ¹⁾.

2.

Вотъ достойный отвѣтъ г. В. Розанову на возмутительно-циничныи фельетонъ 4-го октября на „Новомъ Времени“ подъ заглавіемъ „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“: *Въ послѣднія времена отступаютъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духомъ обольстителямъ и учениамъ бѣсовскимъ, черезъ лицемеріе лжесловесниковъ сожженныхъ въ совѣсти своей* ²⁾, *запрещающихъ вступать въ бракъ* (1 Тим. 4, 1—3). ³⁾

3.

Прочтя много Вашихъ сужденій о дѣтяхъ, внѣ закона рожденныхъ, могу только скорбѣть, что не всѣ люди обладаютъ Вашей чудной душой. Между 10 и 20 ноября въ Окружномъ Судѣ слушается дѣло о ребенкѣ, котораго желаютъ поставить внѣ закона. Защитникъ *де Плансонъ*.

¹⁾ Добрый, видно, человекъ. Такими Русь держится. Но „*sancta simplicitas*“... *В. Р—въ*.

²⁾ Подчеркнуто краснымъ карандашомъ. *В. Р—въ*.

³⁾ Анонимно. Прислано на клочкѣ, оторванномъ отъ бланка мѣняльной лавки. *В. Р—въ*.

4.

Милостивый Государь,
Василій Васильевичъ!

На страницахъ „Новаго Времени“ вы подали вашъ голосъ въ защиту незаконнорожденныхъ дѣтей--за каковую защиту я, какъ отецъ двухъ незаконнорожденныхъ дѣтей, приношу вамъ искреннюю благодарность и смѣю обратить ваше вниманіе еще на одинъ типъ несчастныхъ незакон.-рожд. и ихъ несчастныхъ же родителей:—я раскольникъ, поморскаго согласія, одиннадцать лѣтъ тому назадъ сошелся съ дѣвицей вѣроученія господствующей церкви; послѣдствіемъ нашего сожительства имѣемъ двухъ дѣтей (крещены въ церкви), которыхъ, при всемъ своимъ искреннимъ желаніи, по существующимъ законамъ ни чрезъ бракъ, ни какими другими способами я не имѣлъ права ни узаконить, ни усыновить, и въ тоже время не могу и не признать ихъ своими дѣтьми. Единственный дозволенный закономъ способъ усыновленія дѣтей своихъ, чрезъ присоединеніе свое къ церкви и потомъ бракъ въ ней со своей сожительницей, для меня невозможенъ, ибо сопряженъ со сдѣлкою со своей совѣстію, что для меня не легче, чѣмъ и видѣть дѣтей своихъ заклеянныхъ именемъ незаконнорожденныхъ, и приходится жить связаннымъ естественнымъ родствомъ и раздѣленнымъ закономъ. Пока дѣти еще малы, то подобное ненормальное положеніе еще не особенно тяготитъ, но, боюсь, позднѣе должно вызвать со стороны дѣтей озлобленіе и на своихъ родителей, и на власть придерживающую, и мнѣ едвали въ дѣтяхъ своимъ придется видѣть честныхъ гражданъ и вѣрнопопанныхъ своего царя.

Правдивое слово печати вызывало не разъ новыя законоположенія и отмѣняло старыя, уже отжившія. Оно, добрѣйшій Василій Васильевичъ, въ вашихъ рукахъ, и къ вамъ во имя христіанскаго челоуколюбія прибѣгаю отъ себя, своихъ несчастныхъ дѣтей и намъ подобныхъ съ покорнѣйшей просьбою путемъ печати сказать и въ защиту насъ „безъ вины виноватыхъ“ ваше правдивое и горячее слово. „Дитя не плачетъ — мать не разумѣетъ“, и мы плачемъ и надѣемся чрезъ васъ быть услышанными нашей матерью отчизной и отцемъ Государемъ.

Простите за беспокойство, не смѣю надѣяться, что просьба моя будетъ вами услышана и уважена, слишкомъ она смѣла и назойлива, и позвольте еще разъ выразить вамъ глубокую благодарность за то, что уже вами сдѣлано и сказано.

Съ истиннымъ почтеніемъ и уваженіемъ къ вамъ пребываю.
Казань, 17 ноября 1900 г.

Н. Н.

5.

Прочитавъ фельетонъ 13 сентября въ „Нов. Врем.“ въ № 8817, подписанный „В. Розановъ“, „Евины внучки“—не могла отказать себѣ въ удовольствіи выразить ему благодарность за доброе слово въ защиту женщинъ. Мнѣ въ жизни (проживъ 39 л.) къ счастью не пришлось столкнуться съ гг. Бобровыми и т. д., но приходилось встрѣчать несчастныхъ жертвъ своего увлеченія, довѣрія мужчинъ — и видя ихъ страданія нравственныя — пожалѣть до слезъ. Слава Богу, что есть еще люди (мужчины), которые говорятъ противъ безнравственности и ложнаго стыда „за своихъ“ дѣтей. Не стыдно имъ губить дѣвушку—а стыдится хорошаго чувства! Здѣсь есть безнравственность и не воспитанность.

Ваша подписчица А. П—ва.

6.

М. Г.

Въ печати обсуждается горячо вопросъ неотложной важности „О дѣтяхъ несчастно рожденныхъ“. Кажется, съ этимъ назрѣвшимъ вопросомъ пора окончить, тѣмъ болѣе, что съ разумными доводами, приводимыми въ защиту „ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей“, соглашается всякій благоразумный человѣкъ. И есть потребность времени, съ которою долѣе медлить нельзя; поэтому печать, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія и будитель дремлющей совѣсти людей, обязана „бить тревогу“! Пора проснуться, гг. писатели, въ жизнь съ своими неотложными потребностями не ждешь, а несчастно рожденные являются на свѣтъ Божій и заявляютъ о своихъ претензіяхъ наравнѣ съ другими, требуя себѣ извѣстнаго положенія въ обществѣ и имени своихъ родителей. Нельзя же ихъ лишать „законнаго права“ по своему недомыслию. И въ самомъ дѣлѣ, какъ подчиниться „безправному“ человѣку существующимъ законамъ, когда ему указываютъ, что онъ явился незаконно на свѣтъ Божій? и не можетъ пользоваться правами законнаго, даже носить имя своихъ кровныхъ родителей, если бы они признавали его.

Въ поясненіе изложеннаго обсужденія ссылаюсь на одинъ изъ тысячи примѣровъ:

Я, *холостой* и уже теперь старый человѣкъ, сблизился еще въ молодости съ чужою *женою*, не любимою и не любившею своего мужа; имѣю отъ нея дѣтей, желаю создать свою кровную *семью*, проживши съ нею болѣе 20 лѣтъ; но мнѣ не позволено *кровныхъ* своихъ дѣтей назвать *своими* и дать имъ свое *имя*, потому что?!. Я обращаюсь къ закону, прошу назвать моихъ дѣтей, рожденныхъ внѣ

брака, мои ми: *нельзя*—нужна подписка родителей о полномъ согласіи на *усыновленіе*. Причемъ мать, конечно, къ услугамъ, а писанный, по метрическимъ записямъ отецъ—(фиктивный) не *согласенъ*, и нужно покупать у такого „писаннаго отца“ *согласіе*... Между тѣмъ, вѣдь по нашему закону подлогъ карается *строго*. А развѣ эта фальшивая запись о рожденіи „моего“ ребенка—*не подлогъ*, когда записывающему въ метрическихъ записяхъ говорятъ, кто именно родители ребенка, а онъ пишетъ другого, *бумажнаго отца*. Словомъ, подобное двусмысленное положеніе дѣтей и родителей не должно быть *терпимо*—ибо *ложь*¹⁾.

Одинъ изъ многихъ.

7.

Нѣкто остался очень недоволенъ, по видимому, статью г. Розанова „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, помѣщ. въ № 8839 „Нов. Вр.“; и на страницахъ одной изъ газетъ комментируетъ ее до такой степени странно, что невольно останавливается вниманіе на этомъ своеобразномъ истолкованіи сказаннаго г. Розановымъ.

Не вѣрится даже, что, прочитавъ хотя бы и не особенно внимательно указанную статью, можно было прийти къ такимъ выводамъ; тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, и если ужъ представитель печати усмотрѣлъ въ ней „предначертанія вродѣ устройства семьи по примѣру четвероногихъ“ и т. п. бессмыслицы, то что же мудренаго, если найдутся и другіе читатели, способные къ аналогичнымъ умозаключеніямъ. Думается, что на г. Розановѣ лежитъ обязанность еще точнѣе разъяснить преслѣдуемыя имъ задачи, имѣя въ виду и такихъ комментаторовъ прочитаннаго, какъ упомянутый „нѣкто“. Будетъ очень досадно, если хоть часть читателей не обратитъ должнаго вниманія на тѣ истинно христіанскія идеи, которыя все чаще и чаще встрѣчаются въ нашей прессѣ. Для него важно выяснитъ это недоразумѣніе, потому что, отмѣчая и критикуя социальныя вопросы, приходится

¹⁾ Дѣйствительно важно, что въ сущности всѣ наши метрическія книги просто *не вѣрны*. Т. е. будучи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вѣрны, но безъ оговорокъ—въ *какихъ* (въ рассказываемомъ случаѣ дѣти, 20 лѣтъ рождающъ отъ *такого-то*, записываются законными дѣтьми *другого*), подають поводъ заподозривать ихъ вѣрность вообще въ *каждой данной строкѣ*. „Книга бытія“ раба Божія Моисея есть первый экземпляръ метрики и образецъ истиннаго для истиннаго. Вотъ отчего и Лотъ съ дочерьми туда вписанъ безъ утаиванія. Нельзя утаивать въ рожденіяхъ: ибо это *начальный фактъ*, „исходъ“ нашего житія. „Книга бытія“ есть метрика рождающагося міра и рожденнаго человека. И записывать *не вѣрно*, напр. въ наши текущія метрики, есть не только *юридическій подлогъ*, но и *первородный грѣхъ*. Вотъ что духовенство должно-бы было разъяснить государству и отказать въ томъ видѣ, какъ имъ ведутся, вести эти метрики. В. Р.—*вс.*

быть отвѣтственнымъ предъ обществомъ за каждую сказанную въ печати фразу.

Многимъ изъ насъ, въ томъ числѣ и пишущему эти строки, къ сожалѣнію, навѣрно, не удастся видѣть того разсвѣта, зорька котораго все ярче и ярче разгорается въ умахъ и сердцахъ лучшихъ представителей нашей общественной совѣсти, и потому безпредѣльно отраднo, что хотя на закатѣ жизни пришлось убѣдиться, что нашлись смѣлые люди, которые называютъ вещи ихъ настоящими именами и призываютъ слѣдовать завѣтамъ Великаго Учителя, проповѣдывавшаго идеалы высшей нравственной чистоты, милосердія и уваженія къ человѣческой личности. Да будутъ же благословенны эти добрые призывы и да хранить Господь юныя жизни той молодежи, которая такъ горячо откликается на нихъ. Надо только поддержать стремленіе упорядочить отношенія къ себѣ самимъ и къ своему ближнему. Это всецѣло задача тѣхъ, кому принадлежитъ починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ.

Ел. П.

XXIII Бракъ съ точки зрѣнія газетной философіи.

Подъ заглавіемъ: „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“ В. Розановъ напечаталъ въ „Новомъ Времени“ статью, въ которой, по собственному его выраженію, „отдѣльные казусы общественной жизни возводятся къ высшему синтезу и отыскиваются на нихъ отвѣтъ не въ ходячей морали и временныхъ правилахъ, а въ нѣкоторой философской концепціи“. Отмѣчаемъ эту статью, насколько она затрогиваетъ—и притомъ довольно неосмотрительно—религіозную область. „Казусъ общественной жизни“, который служитъ исходнымъ пунктомъ для статьи,—поступокъ нѣкогого пѣвца Боброва, который соблазнилъ въ Воронежѣ молодую дѣвушку, бросилъ ее и тѣмъ довелъ до самоубійства, а когда возмущенная этимъ поступкомъ астраханская публика, при первомъ появленіи на подмосткахъ, осмистала его, то онъ вломился въ амбицію и заявилъ, что публика должна судить только объ его артистическихъ талантахъ и не имѣетъ права вторгаться въ частную жизнь.—Авторъ не только признаетъ возможность уничтоженія различій между законно и незаконнорожденными дѣтьми, но и самыя основанія этихъ различій считаетъ неправильными, а усвоенную закономъ терминологию неточною. По его мнѣнію, вся путаница оттого происходитъ, что для опредѣленія брака (и слѣдовательно рожденныхъ въ бракѣ, законно, и внѣ брака, незаконно) принимается въ расчетъ не существенный признакъ.. Существенный признакъ брака — рожденіе, или точнѣе — „прилѣпленіе“ половъ. Это „абсолютъ“ такой же значимости, какъ и противоположная рожденію смерть.

Гдѣ этотъ признакъ налицо, тамъ и бракъ; обычному дѣленію на „женъ“ и „наложницъ“ нѣтъ мѣста.

„Какъ только.—говоритъ авторъ.—бракъ опредѣлился не черезъ рожденіе, т. е. не черезъ свою сущность, такъ очевидно должны были получиться внѣ брачныя рожденія. Ихъ началъ тотъ, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, какъ невѣрно опредѣляются математическія задачи, невѣрно произносятся формулы. Я опредѣляю человѣка въ древне-эллинскомъ смыслѣ: „человѣкъ есть существо оводное“; тогда конечно всѣ рабы будутъ не люди! Но вѣдь тутъ погрѣшность опредѣленія, а не дефектъ существа. Спаситель опредѣлилъ бракъ по существу. Въ единственномъ случаѣ, когда, при вопросѣ фарисеевъ о разводномъ письмѣ, Ему пришлось выразиться о бракѣ, Онъ отвѣтилъ искушающимъ Его: „не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ (Быт. 1)? И сказалъ Сотворившій: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прильпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотію (Быт. 2); такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ“ (Мате. 19). Не очевидно ли, что это сказано о всей суммѣ пронарастанія человѣческаго, рождаемости человѣческой, и въ этихъ единственныхъ словахъ о бракѣ онъ опредѣленъ черезъ рожденіе, и даже короче и уже—черезъ „прильпленіе“ плоть. Что же, проведена ли здѣсь линія между способами рожденія въ „адольгерѣ“, „наложничествѣ“, „любви“ и прочее? Не сотворено самаго понятія этого“.

Отсюда у автора естественно вытекаетъ выводъ, что одинъ фактъ сближенія половъ устанавливаетъ между ними брачное соединеніе; какъ только мужчина коснулся женщины—онъ вступилъ съ нею въ полное супружество и принялъ на себя всю полноту обязанностей, правъ и заботъ какъ въ отношеніи взаимной любви, такъ и воспитанія дѣтей. Нѣтъ ни соблазненій, ни паденій; есть только супружество, къ которому нужно относиться съ величайшимъ уваженіемъ.

„Болѣзнь есть вечерняя заря бытія, любовь—утренняя. Смерть—свята; это—одинъ столбъ міровой религіи. Тогда свято рожденіе, и любовь цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку—есть второй столбъ религіи. Любовь и болѣзнь между собою относятся, какъ рожденіе и смерть, какъ зори, утренняя и вечерняя, священно-бытія нашего. Обѣ абсолютны. Но когда вы соотвѣтственнымъ образомъ благоговѣете къ болѣзни, подходите на ципочкахъ къ болящему, помогаете ему, творите слова поддержки и утѣшенія—какъ вы поступили съ Грехенъ? Какъ поступили Фаустъ, Мефистофель? И вотъ плодъ этихъ поступковъ—смерть ея, ребенка, чудные послѣдніе діалоги драмы и заключительное небесное „спасена“! Гете очень много этимъ хотѣлъ сказать, много—именно введеніемъ въ земную драму небеснаго элемента. Ибо, какъ въ смерти небо и земля связываются, связываются они и въ рожденіи, и въ блистающихъ зоряхъ того и другого. Это-то не было никогда уловлено и отсюда могутъ пойти больше споры и очень сомнительныя въ исходѣ тяжбы. Вотъ какъ прелюдія къ этимъ спорамъ, въ высшемъ философскомъ и религиозномъ смыслѣ, понятіе „незаконнаго рожденія“ и любопытно: ибо тутъ—весь человѣкъ, и вѣдь нельзя же о человѣкѣ разсуждать только въ гражданскомъ смыслѣ. Человѣкъ есть лицо священное: можно ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія“!? Мы хотимъ сказать, что вопросъ „незаконнаго рожденія“ нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религиозный и философскій вопросъ и частью судебно-религиозная тяжба.

Съ газетно-философской точки зрѣнія разсужденія автора, быть можетъ, не лишены остроумія и послѣдовательности, но напрасно авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, старается прикрыться и религіей. „Столпъ религіи“ онъ усматриваетъ совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ,—въ физиологическомъ актѣ, а не въ духовномъ началѣ¹⁾. Бракъ по церковному понятію есть одно изъ семи таинствъ, со стороны своей сущности для ума человѣческаго непостижимыхъ²⁾, а у автора онъ приобретаетъ смыслъ болѣе чѣмъ реальный³⁾. Образъ брачнаго единенія имѣетъ въ религіи до такой степени высокодуховное значеніе, что употребленъ для обозначенія союза между Христомъ и церковію, а у автора духовности замѣнена физическимъ отправленіемъ. Авторъ пользуется выраженіемъ Евангелія: *будутъ два одною плотію*, для опредѣленія, въ чемъ состоитъ сочетаніе, совершенное Богомъ и не подлежащее разлученію отъ людей; но при этомъ онъ забываетъ, что Христосъ Спаситель ясно отличилъ⁴⁾ бракъ отъ прелюбодѣянія, одно разрѣшилъ и Своимъ присутствіемъ освятить, другое осудить и воспретилъ⁵⁾. Какъ же возможно смѣшивать эти двѣ вещи и ото-

¹⁾ Вотъ *корень*-то дѣла. Конечно, я все время, уже много лѣтъ, чувствую, что родникъ „незаконнаго рожденія“ и слѣд. дѣтоубійство лежитъ не въ „прелюбодѣяннѣ“, не въ „седьмой заповѣди“ и ея отступленіяхъ при рожденіи: а—въ „духъ“ и „духовности“, въ „духовномъ бракѣ“ (неуловимая тенденція къ „духовному супружеству“ хлыстовъ), которая вовсе вытѣснила кровно-сѣменную сторону и стала на ея мѣсто. Алгебра замѣнила механику, учебникъ математики—арки и мосты; слово—природу, Логосъ—книгу Бытія. Ну, конечно—это религиозно-философскій вопросъ. Но онъ уже предрѣшенъ въ исходѣ, ибо спорящіе стоятъ надъ трупикомъ младенца. Логосъ и логистика можетъ имъ подавиться,—это не только въ смыслѣ пожеланія, но и будущаго факта „грядущихъ судьбъ“... В. Р.—*вг.*

²⁾ Собственно, что-же непостижимаго въ механизмѣ обряда? словахъ, жестахъ? Все въ высшей степени рационально. В. Р.—*вг.*

³⁾ Да вѣдь *реальное*-то можетъ быть очень *непостижимо*. Что Іову Богъ говорить въ бурѣ?—о *непостижимости* реальныхъ вещей, и даже въ частности именно—*рожденій* и зачатій: „Знаешь-ли ты время, когда рождають дикія козы на скалахъ и замѣчалъ-ли роды лавей? Можешь-ли расчислить мѣсяцы беременности ихъ, и знаешь-ли время родовъ ихъ“ (Іовъ, 39). А что все это „непостижимо“ не только въ смыслѣ ненавѣстности и сокрытости, а и божественности, то вотъ слова самого Іова: „...то что-бы я сталъ дѣлать, когда-бы Богъ возсталъ? И когда-бы Овъ взглянулъ на меня, что могъ-бы я отвѣчать Ему? *Не Омъ-ли, Который создалъ меня во чревтѣ, создалъ и его* (друга Іова), *и равно образовалъ насъ въ утробѣ*“ (Іовъ, 31 ст. 14—15). Но это богословіе пустынь Азіи уже непонятно на болотахъ Петербурга, гдѣ „непостижимо“ и „божественное“ усматриваютъ только въ „чиноначаліи“. В. Р.—*вг.*

⁴⁾ Ожидалось-бы увидѣть ссылку на подлинныя слова. Я такихъ не помню. В. Р.—*вг.*

⁵⁾ „Кто не оставитъ *жены* и *дѣтей* — не можетъ быть Моимъ ученикомъ“, Лука, XIV, 26. Это—въ отношеніи къ законному браку. „Истинно говорю вамъ (книжникамъ и фарисеямъ): *блудницы* *впередъ васъ* идутъ въ

жествлять ¹⁾ ихъ? Мало того, что между ними лежитъ бездна ²⁾, но на пути человѣческаго совершенствованія и бракъ не можетъ имѣть значеніе непререкаемаго „абсолюта“, если есть высшая ступень въ видѣ дѣвства ³⁾, ни для кого, правда, необязательнаго ⁴⁾, но доступнаго человѣку, „могущему вмѣстить“, и имѣющаго для себя высшій образецъ ⁵⁾ въ лицѣ Христа. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, въ какое противорѣчіе становится авторъ съ основными положеніями христіанской религіи ⁶⁾. И нельзя не пожалѣть, что

Царствіе Божіе“, Мат. 21.“. Такъ о чемъ-же судить новѣйшій фарисей?, В. Р.—*св.*

¹⁾ „Женщина, когда *рождаетъ*, то терпитъ скорбь, а когда родила—то забываетъ всю боль свою, ибо *новый человекъ* черезъ нее вошелъ въ міръ“, Іоанна, 16: это собственно *главное* въ Евангеліи о бракѣ мѣсто. И здѣсь просто сказано—женщина“. безъ всякихъ раздѣленій. Что касается до посѣщенія брака въ Канѣ Галилейской, то пришествіе блудницы передъ Тайною Вечерею, возлившей Муро на ноги Спасителя, и слова Его о ней—съ заключительнымъ: „гдѣ не будетъ проповѣдано Евангеліе, будетъ упомянуто о ней“, Луки, 7, еще разительнѣе, трогательнѣе, чѣмъ посѣщеніе брака въ Канѣ Галилейской. И это бы „книжникамъ“ не мѣшало помнить. Но они „все забыли и ничему не научились“. В. Р.—*св.*

²⁾ Какой вздоръ и кощунство! „Ты имѣла пять мужей“, сказалъ Спаситель самарянокъ: „и котораго теперь имѣешь—*не мужъ* тебѣ“. И никакого упрека. Зачѣмъ-бы Спасителю упомянуть о „не мужѣ“, какъ молчать о немъ всегда наши метрики, еслибы Онъ не хотѣлъ сказать, прямо и упорно, „жестокосердымъ“: вотъ она имѣла и *мужей*, и *не мужа*—а Я открываю ей ученіе о водахъ Вѣчной жизни, котораго не сказалъ мудрецамъ и учителямъ израилевымъ. В. Р.—*св.*

³⁾ Это очень важно и вполне вѣрно, что бракъ пересталъ быть „абсолютномъ“, какъ только выявился идеаль дѣвства. Т. е. столпъ рожденія, „книга Живота“ вся до основанія поколеблена была, какъ только, безъ всякаго отрицанія брака, появился около него идеаль дѣвства. Они—*не умъщаются* одинъ возлѣ другого, и одинъ въ присутствіи *присутствіи* другого—начинаетъ таять и исчезать. Это какъ луна и солнце *если* солнце—*нѣтъ* луны, *если* луна—*нѣтъ* солнца. В. Р.—*св.*

⁴⁾ Какая уловка, и вѣчно она повторяется! „Ни для кого не обязательно!“ Забыли несчастное состояніе молодыхъ вдовыхъ священниковъ! Идеаль и законъ: да вѣдь *идеаль* обязательнѣе *закона* для добраго, для совѣстливаго!! И вы хоть и „не обязали матерей убивать незаконнорожденныхъ дѣтей, а все же, добрыя и совѣстливыя, онѣ „и безъ обязательства не рождать“, въ страшной мукѣ дѣтей своихъ умерщвляють. А „не обязавшіе“ дѣвственники отходятъ въ сторону со словами: „въ крови сей мы не повинны; мы ей не вѣдѣли убивать, мы ей не запрещали рождать; мы ей только совѣтовали другой идеаль, но она *не захотѣла*. Однако мы ее и за это не осудили, а только едва замѣтно поморщились. Но она съ чего-то сама испугалась, заметалась родивъ—и покончила, съ дитятею или съ собой“. В. Р.—*св.*

⁵⁾ Христосъ какъ Богъ умеръ за грѣхи міра; а профессора духовныхъ академій за грѣхи міра не умирають. Также—дѣвство Христа, какъ и искупленіе міра, для челоѣчества *иначе созданныя*—не „образецъ“ вовсе. Каждый поступаетъ по своему закону—и твари нечего и восходить на пути Сотворившаго. В. Р.—*св.*

⁶⁾ Въ которой, какъ я здѣсь доказалъ текстами, вы *аза* не понимаете. Преобразовали христіанство въ книжничество и фарисейство, вы-

распространеннѣйшая газета содѣйствуетъ затемненію въ русскомъ обществѣ и безъ того смутныхъ религіозныхъ понятій. Кстати, по поводу склонности автора иллюстрировать свои мысли ветхозавѣтными примѣрами, ссылкой на „богача Вооза и нищенку Руевъ“ и т. под., мы посоветовали бы ему не выпускать изъ вниманія, что съ пришествіемъ Христа ветхій законъ упраздненъ ¹⁾, ветхозавѣтныя нормы потеряли силу и получили иной видъ, такъ что напр. въ новомъ завѣтѣ признается преступнымъ ²⁾ кровосмѣшеніемъ то самое, что въ ветхомъ считалось закономѣрнымъ возстановленіемъ сѣмени брата.

(*Церковный Вѣстникъ № 41*).

XXIV. О равноправности дѣтей незаконныхъ съ законными. Отъ редакціи „Новаго Времени“.

По поводу фельетона В. В. Розанова „Святое чудо бытія“ протоіерей А. *Устьинскій* пишетъ въ защиту несчастныхъ, такъ-называемыхъ, незаконнорожденныхъ дѣтей:

„Вѣдь и они принадлежатъ къ тому обществу дѣтей, которыхъ благословлялъ Христосъ, и относительно которыхъ сказалъ: „Иже аще приметъ отроча таково во имя Мое, Мене приѣмлетъ“ (Мтѣ. 18, 5). Входите въ духъ милосердія Христова, ибо „Сынъ Человѣческій пришелъ взыскати и спасти погибшаго“ (ст. 11) и засвидѣтельствовалъ намъ, что „нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ Небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ“ (ст. 14). Замѣчательно, что именно этотъ отдѣлъ изъ Евангелія отъ Матея (гл. 18, ст. 10—20) положено Церковью читать за литургіей въ Духовъ день.“

Высказанную г. Розановымъ мысль, что въ понятіи незакон-

бросивъ изъ него *природу* и *совѣсть*. Толкутся на слѣдахъ фарисеевъ, только уже въ сей часъ и вѣкъ не передъ Христомъ, а позади Христа, и не совопросничая съ Нимъ, а будто-бы за Нимъ слѣдуя и Его похваляя. А въ себѣ не измѣнились, не возродились. О такихъ и скажетъ Онъ: „многіе будутъ говорить: *Господи, не Твое-ли имя мы призывали;* но я имъ скажу: *идите отъ Меня въ огонь вѣчный, уготованный Діаволу и ангеламъ его*“. В. Р.—*св.*

¹⁾ Вотъ это-то и главное. Авторъ, хотъ и профессоръ академіи, не помнитъ: „небо и земля прейдетъ, а іота изъ закона (Ветхозавѣтнаго, ибо Новый еще только основывался) не прейдетъ;“ и „Я не нарушить пришелъ законъ, но исполнить“. Но чтó уважалъ Спаситель, зачѣмъ то уважать Петербургскимъ профессорамъ? Они прости нигилисты; словъ Христа не помнятъ, Ветхій Затѣтъ „отмели“ и помнятъ только „20—ое число“. В. Р.—*св.*

²⁾ Гдѣ-же это въ Новомъ Завѣтѣ отмѣненъ левиратный бракъ евреевъ?! Это запрещеніе взято изъ языческаго римскаго права византійскими императорами, и занесено потомъ въ Номоканонъ. Но романъ Поль-де-Кока въ карманъ семинариста ничего священнаго собою не представляетъ. В. Р.—*св.*

норожденности есть религіозно-философскій споръ и тяжба, авторъ письма находить совершенно вѣрной:

„Споръ этотъ, по своему характеру, отчасти напоминаетъ собою великій споръ апостольскаго вѣка объ обрѣзаніи. Какъ тогда обрѣзанные высокоумно и съ презрѣніемъ относились къ необрѣзаннымъ, такъ теперь законнорожденные съ презрѣніемъ и высокоумно относятся къ такъ называемымъ незаконнорожденнымъ, и не даютъ послѣднимъ участія въ благахъ равной общей жизни. Но въ апостольскомъ вѣкѣ необрѣзанные добились равноправности съ обрѣзанными. И теперь незаконнорожденные должны непремѣнно добиться равноправности съ законнорожденными“.

Проектъ о тройкой формѣ брака, по образцу древне-библейской жизни, о протоіерей признаетъ прекраснымъ и заслуживающимъ практическаго осуществленія. Съ своей стороны авторъ письма дополняетъ его слѣдующими практическими подробностями, касающимися формы метрическихъ записей:

„Здѣсь, прежде всего, необходимо совершенно уничтожить, вычеркнуть слово *незаконнорожденный*. Къ чему налагать это позорное клеймо на младенцевъ, ни мало неповинныхъ въ своемъ появленіи на свѣтъ Божій? Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ и замѣнять это слово какимъ-либо другимъ синонимомъ. Вообще, въ графѣ, въ которой проставляется имя крещаемаго, кромѣ этого имени никакихъ прибавочныхъ и пояснительныхъ словъ писаться отнюдь не должно. Затѣмъ, метрическія записи должны быть тройкой формы, смотря по тому, какъ записывать родителей младенца. Первая форма — это та, которая теперь существуетъ для законнорожденныхъ. По этой формѣ въ графѣ о родителяхъ пишется: *такой-то* и законная его жена *такая-то*. Вторая форма должна быть для всѣхъ тѣхъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, когда въ наличности является семья, состоящая изъ невѣнчавшихся въ церкви сожителей, все равно, будутъ ли это холостой человѣкъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый своею женой, и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ, и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ. Вообще, тутъ я имѣю въ виду всѣ тѣ случаи невѣнчанныхъ сожительства, когда отецъ и мать ребенка на лицо, не отпираются отъ своего дѣтища, а напротивъ признаютъ его своимъ. Для всѣхъ этихъ случаевъ должна быть слѣдующая форма метрической записи. Въ графѣ о родителяхъ слѣдуетъ писать: *такой-то* и *сожительница его такая-то*. Само собой разумѣется, что ребенокъ въ этихъ случаяхъ долженъ неизбѣжно носить отчество и фамилію своего фактическаго отца. Третья форма должна существовать для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда отецъ ребенка прячется, скрывается, утаивается, когда въ наличности бываетъ только

мать. Въ этихъ случаяхъ, въ графѣ о родителяхъ и слѣдуетъ писать только имя, отчество и фамилію матери. Отчество ребенокъ долженъ получать или по крестному отцу, или по дѣду, а фамилію, мнѣ думается, онъ долженъ носить материнскую, чтобы не разрывать связи между сыномъ и матерью.

„И пока эти три формы метрическихъ записей не будутъ узаконены, не будутъ въ общественной жизни никакого порядка“.

XXV. Дѣти и «дѣти».

(По формуль: *Audiat et altera pars*).

Въ послѣдніе мѣсяцы, больше всего благодаря метафизическимъ статьямъ глубокоуважаемаго В. В. Розанова о бракѣ въ христіанской семьѣ, съ точки зрѣнія не только оригинальной, но и справедливой, въ печати стали появляться статьи, специально трактующія о положеніи такъ-называемыхъ (и скверно называемыхъ) „незаконнорожденныхъ“ дѣтей.

Да позволено будетъ и мнѣ, нѣсколько занимавшемуся этимъ же вопросомъ, высказать по его поводу нѣсколько мыслей въ иномъ направленіи, чѣмъ тѣ благородныя, но недостаточно продуманныя, вообще говоря, предложенія и нареканія, какія можно и выгодно у насъ высказывать печатно.

Господа, съ истиннымъ и живымъ благородствомъ занятыя вопросами о „натуральныхъ“ дѣтяхъ (тоже названіе не ахти какое выгодное, такъ какъ при этомъ законныя дѣти выходятъ какъ бы не натуральными), забываютъ юридическую аксіому, что все, прибавленное къ правамъ этихъ натуральныхъ дѣтей, отнимается отъ правъ дѣтей, прижитыхъ въ бракъ¹⁾. Нельзя мѣрить высоту лѣстницы числомъ ступеней, хотя это и принято въ обыкновенныхъ разговорахъ, но надо постоянно помнить, что, имѣя высоту, которую нельзя измѣнить, мы можемъ только, увеличивая число ступеней, уменьшать ихъ высоту, или напротивъ уменьшать число послѣднихъ цѣною увеличенія высоты ихъ подступеньки. Последнее однако дѣлаетъ лѣстницу тяжелѣе. Совершенно также и въ этомъ злосчастномъ вопросѣ. Затѣмъ, путемъ признанія всѣхъ дѣтей, прижитыхъ въ бракъ или внѣ брака, одинаково законными и одинаково натуральными, въ корнѣ разрушается самый смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія. Съ раз-

¹⁾ Постановка, сходная съ вопросомъ о капитализмѣ: „что дается пролетарію—отнимается у оптимата“. Или у насъ русскихъ: „что будетъ дано крестьянину—отнимется у помѣщика“. Конечно. Но пришелъ Цезарь—и оптиматы спрятались: родился Александръ II—и помѣщики поѣдидись съ крестьянами. Исторія оба факта назвала благотѣльными. В. Р.—*гв.*

рушеніемъ же брачныхъ основъ, неминуемо падаетъ много юридическихъ понятій, лежащихъ нынѣ въ основѣ современнаго гражданскаго общежитія. Ни правъ на титулы, ни правъ наследованія, ни правъ даже эмеритурнаго страхованія, нельзя будетъ поставить сколько-нибудь прочно, разъ самый брачный институтъ будетъ уничтоженъ разрѣшеніемъ отыскивать ¹⁾ отцовъ дѣтьми, прижитыми внѣ брака, и пользоваться всѣми правами дѣтей, прижитыхъ въ бракѣ. Безусловно при послѣднемъ, единственно справедливымъ рѣшеніи вопроса по отношенію къ дѣтямъ вообще, строй общества долженъ перемѣнить такъ-сказать полъ, и изъ мужского превратиться въ женскій,—ибо только мать даннаго ребенка всегда конкретна; напротивъ отецъ, даже и мужъ въ семьѣ, часто бываетъ отцомъ фиктивнымъ и проблематическимъ. Есть много основаній и много фактовъ, заставляющихъ думать, что за послѣднее время прогрессъ жизни шибко пошелъ именно въ сторону послѣдняго рѣшенія вопроса. Въ семьѣ слѣдующихъ вѣковъ будетъ главенствовать женщина и скоро полигамія явная (мусульманская) или скрытая (христіанская) замѣнится очевидной полиандріей, такъ какъ у одной матери будутъ расти и воспитываться дѣти столькихъ отцовъ, сколько мужчинъ ей заблагодарсудится осчастливить ласками ни къ чему не обязывающей любви.

Но такъ какъ женщина по природѣ существо жестокое ²⁾ и въ чувствахъ своихъ категорична, то возможно и теперь предвидѣть, что въ тѣ времена торжества правъ женщины и матери, въ мірѣ будутъ работать оскопленные рабы и рабыни, а хорошіе производители рода будутъ сидѣть на цѣпяхъ и при томъ едва ли розовыхъ. Обратите вниманіе, что уже теперь замѣчается сильное массовое движеніе въ пользу культа грубой силы. Явились атлеты, явились изъ высшаго общества тореадоры, и потому едва ли намъ далеко и до римскихъ гладіаторовъ, считавшихъ за честь умереть въ полной красѣ мускулатуры, при полнѣйшемъ отсутствіи интеллигенціи. Біологи въ утѣшеніе намъ, мужчинамъ, пожалуй скажутъ не безъ основаній, что это будетъ только атавизмомъ, такъ какъ царство амазонокъ уже существовало въ оны времена, и слѣды феминистскаго царства въ людяхъ ярко намѣчены во всѣхъ сказкахъ и легендахъ народовъ земного шара и потому,

¹⁾ Это очень важно: *ребенку запрещено отыскивать своего отца!!!* Покстинъ, счастливыѣ христіанъ козы и овцы, и сострадательныѣ ихъ медвѣди и лисицы! Поразительно. Но все это я ранѣе зналъ, и мнѣ надо было не своими устами, а *чужимъ языкомъ и равнодушнымъ постороннимъ словомъ* написать на стѣнѣ нашей эры это мене, *тяжелъ, фаресъ*. В. Р—въ.

²⁾ Главное, это господа кавалеры говорятъ, безъ малѣйшаго смущенія бросающія дѣвушекъ и дѣтей ихъ!! В. Р—въ.

какъ всякій атавизмъ, и этотъ будетъ, въ свою очередь, непроченъ и спорадиченъ, такъ что вообще очень-то намъ мужчинамъ бояться феминисткой семьи съ явною полиандріею производителей потомства—нечего. Пусть и такъ. Однако такая атавія все же видѣется въ концѣ вопроса, уже сегодня настолько разработаннаго въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы на этотъ ближайшій къ намъ кончикъ одного и того же прямого пути смотрѣть безъ излишней сантиментальности.

Съ этой точки зрѣнія нѣтъ, не было и не будетъ лучшаго и благороднѣйшаго рѣшенія вопроса о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, какъ укрѣпленіе чистоты брачныхъ отношеній, все равно съ точки зрѣнія физиологической, съ религіозной и съ юридической. Полное же сравненіе правъ всѣхъ безъ исключенія рожденныхъ женщиной дѣтей будетъ возможно только тогда, когда въ обществѣ исчезнутъ какія бы то ни было сословныя перегородки и имуще- ственныя сословныя права.

Покуда же послѣднія существуютъ, конечно не смотря на всѣ раздуваемые ужасы нравственныхъ мукъ дѣтей, косвенно рожденныхъ,—на одного идеалиста, который, будучи директоромъ гимназіи, заводоваль бы законному сыну нищаго, найдется полмилліона законныхъ дѣтей-нищихъ, ежеминутно готовыхъ продать свое первородство за чечеvidную похлебку—мѣста директорскаго. Да и теперь на одного такого идеально мыслящаго директора, о которомъ сообщаетъ г. Розановъ, въ одной актерской средѣ можно найти сотни разныхъ Захвватскихъ-Загорянскихъ, которые, будучи наизаконнѣйшими дѣтьми по происхожденію, афишируютъ себя дѣтьми, происшедшихъ отъ незаконной любви разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Если же вы имѣли дѣло съ воспитанниками воспитательныхъ домовъ въ возрастѣ совершеннолѣтія, то должны знать, что едва-ли не каждая изъ нихъ увѣрена, что по крови происходитъ отъ князя. Ахъ, наивные, хорошіе люди, не всегда судите о ближнихъ по себѣ самимъ! Мы не цѣнимъ только того, что имѣемъ, напротивъ чужое достояніе, хотя бы брилліанты коготки, вызываютъ слезы зависти у тысячи честныхъ дѣвушекъ и у десятковъ тысячъ небогатыхъ матерей.

Я очень хорошо знаю, что были и не рѣдко происходятъ такіе случаи, когда люди устраиваютъ себѣ фиктивное подкидываніе дѣтей, заставляя своихъ бесплодныхъ женъ подражать внѣшностью беременнымъ женщинамъ, и даже съ попустительствомъ знакомыхъ врачей, такимъ образомъ получающихъ чужихъ дѣтей въ видѣ дѣтей законныхъ и тѣмъ обезпечивающихъ женъ полную пенсію, которая вдвое, а иной разъ и втрое больше вдовьей. Тутъ мы имѣемъ также гражданское преступленіе и подлогъ въ правахъ, то есть значительное преступленіе съ чисто юридической точки зрѣнія, но не имѣемъ служебнаго подлога, который можетъ

быть сдѣланъ только путемъ насилія надъ подчиненными намъ лицами, поставленными въ этихъ случаяхъ или въ необходимость донести о покушеніи на преступленіе, еще не совершенное, что очень мало выигрышно и вовсе неутѣшительно, или оставить службу ради высокаго принципа и пойти на сторону умирать съ голоду.

Несогласенъ я и съ трогательной версіей усыновленія своего ребенка отъ чужой жены въ передачѣ г. Энгельгардта. Прежде всего общее правило: отъ чужихъ женъ не слѣдуетъ имѣть своихъ дѣтей, особенно людямъ правды! Это первое, но есть и второе. Именно старый законъ, признающій всѣхъ дѣтей, рожденныхъ не разведенною женой, живущею въ одномъ городѣ съ мужемъ или пребывавшей въ теченіе времени беременности въ этомъ городѣ хотя бы въ теченіе только трехъ ночей, за дѣтей законныхъ, имѣетъ благія цѣли: удерживать мужей отъ напрасныхъ и преступныхъ развѣздовъ съ порядочными женами и отъ поущенія законнаго ребенка признавать не законнымъ и тѣмъ уменьшить число незаконно или несчастно рожденныхъ, то-есть это законъ, идущій въ сторону желаемыхъ нынѣ узаконеній.

На практикѣ, однако, послѣдній законъ, какъ идеальный, всего болѣе способствовалъ дѣтоубійству въ средѣ крестьянской, купеческой и даже дворянской, и вообще обуславливалъ много матримоніальныхъ преступленій уголовнаго характера между супругами.

Лично мнѣ пришлось знать нѣчто ужасное въ этомъ смыслѣ. Въ теченіе семилѣтняго пребыванія челоуѣка въ столицѣ, его ненавистная и много болѣе его старая супруга, познакомившись съ этимъ закономъ, пріѣзжала въ столицу разъ пять, аккуратно прописывалась на квартирахъ, и вотъ, возвратясь послѣ академіи домой, несчастный нашелъ у себя пять челоуѣкъ собственныхъ дѣтей! Жаловался онъ всѣмъ судамъ до Сената включительно, но отмытки на паспортъ и въ домовыхъ книгахъ столицы рѣзко свидѣтельствовали, что эти, никогда не виданныя имъ дѣти—его собственные, имѣющія всѣ права на его состояніе, какъ благопріобрѣтенное, такъ и родовое¹⁾.

И въ концѣ-концовъ исторія кончилась трагически и для дѣтей, и для супруги, которую разгнѣванный супругъ и по этапу поводилъ за собой²⁾ по Россіи, хладнокровно говоря, что и въ этомъ случаѣ „долгъ платежемъ красенъ“. Небольшое состояніе свое онъ развѣялъ³⁾ по свѣту бѣлому не безъ помощи чужихъ

¹⁾ Надо-бы лучше, да некуда! И самое пикантное—что вѣдь съ такой супругой онъ и развода добиться не могъ, ибо чѣмъ-же была „нарушена святость брачнаго союза“?! В. Р—въ.

²⁾ Безчелоуѣчіе одного факта уже влечетъ за собою безчелоуѣчіе другого. „Ты меня ножомъ—такъ я тебя въ бокъ“. Но не явно-ли, что безчелоуѣчіе *правовъ* вытекло изъ безчелоуѣчія *уставовъ*?! В. Р—въ.

³⁾ Тоже важно. *Расточительность*—почти всегда есть послѣдствіе

женщинѣ конечно, дѣтей уморилъ, а жена кончила свое бѣдственное существованіе въ больницѣ¹⁾.

Вотъ къ какимъ трагедіямъ ведутъ наи-идеальнѣйшіе²⁾ законы, насильно втиснутые въ жизнь, ничего общаго съ нашими абстрактными идеями не имѣющую. И такіе примѣры, имъ же и числа нѣтъ, должны были бы уже давно пріучить насъ въ области чувства чаще слушаться разума, а въ области разума—не совсѣмъ забывать наше личное, доброе, специально человѣческое чувство.

Въ заключеніе еще два слова. Читая іереміады и славословія по адресу рожденія не въ физиологическомъ, а въ гражданскомъ значеніи слова „незаконнаго“, развѣ не правы тѣ женщины, которымъ кажется, что тутъ за незаконное рожденіе сильно хлопчуть или „не вѣдающіе бо, что творять“, или сладострастники, сознательно сладострастію своему расчищающіе дорогу. Очень пріятно выступать защитникомъ незаконнорожденныхъ старому холостяку, у котораго ихъ можетъ быть множество³⁾; это даетъ ему извѣстное сасчетъ въ сужденіяхъ общества и въ то же время ни къ чему серьезному не обязываетъ. И послѣднее справедливо, такъ какъ нѣтъ законовъ, которые бы помѣшали честному отцу внѣ брака рожденнаго ребенка—безъ понужденій взять на себя всѣ тяготы и всѣ заботы по устройству его судьбы⁴⁾. Вотъ вѣрно такой отецъ и былъ у Розановскаго директора. Законъ холодный и прямой съ трудомъ справляется съ нашими чувственными преступленіями: дуэлью, незаконнымъ рожденіемъ и всякаго вида и рода проституцій—половой или гражданской, въ смыслѣ взиманія мзды намъ не принадлежащей—все равно. Но практика жизни, куда люди живы, недурно съ этимъ справляется, и наказываетъ прелюбодѣвъ мужского и женскаго пола по мѣрѣ ихъ вины, надѣляя ихъ усиленной любовью къ невиннымъ страдальцамъ ихъ преступленія, и тѣмъ заставляя особенное вниманіе обращать на нихъ въ степени много болѣе высокой, чѣмъ вниманіе ими же обращаемое на дѣтей законныхъ. Въ этомъ и состоитъ наказаніе для сластолюбцевъ внѣ узаконенныхъ формъ, въ этомъ же и освобожденіе невинно страдающихъ отъ ихъ незаслуженныхъ страданій. А—тъ.

несчастія въ сѣмени и крови, а бережливость—плодъ счастья въ семьѣ. Умѣйте наблюдать. В. Р—въ.

¹⁾ Хороша картина христіанскаго счастья. Не куда лучше. То-то „ляжетъ овца вмѣстѣ съ волкомъ, и лань около льва не получитъ обиды“. Исполнилось... В. Р—въ.

²⁾ Да почему они „наи-идеальнѣйшія“, когда ведутъ къ такимъ „трагедіямъ“. И таковая-то логика 1000 лѣтъ стоитъ. Философы, подумашь. В. Р—въ.

³⁾ Что за наивность! Одинокій эгоистъ богачъ вдругъ получаетъ 15 человѣкъ дѣтей! Да онъ удавится. И еслибъ зналъ, что ими его подѣ старость удавятъ—и не развратничаль-бы. В. Р—въ.

⁴⁾ Да, но отъ позора и часто нищенства никакими условіями избавиться уже нельзя. В. Р—въ.

ИМУЩЕСТВО, ТИТУЛЫ И ДѢТИ.

Въ своей очень обстоятельной статьѣ: „Дѣти и дѣти“ г. А—ть останавливается на имущественной сторонѣ дѣла, связанной съ вопросомъ объ уравниеніи законныхъ и ех-законныхъ дѣтей. „Это—какъ ступени лѣстницы: чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ лѣстница труднѣе, и все, что вы прибавите незаконнорожденнымъ дѣтямъ, вы отнимите у законнорожденныхъ“. Вотъ аргументъ. Отвѣчаемъ на него:

1) Кто же препятствуетъ отцу, имѣющему законныхъ дѣтей, проиграть свое состояніе въ карты, или раздарить его танцовщицамъ или растратить на художественныя затѣи? Почему противъ танцовщицъ, картъ и художественныхъ вкусовъ, наконецъ противъ раздачи имѣнія въ духовномъ завѣщаніи филантропическимъ учрежденіямъ и монастырямъ, законъ не споритъ и отъ всего этого не гарантируетъ „законныхъ наслѣдниковъ“, а возстаетъ единственно и исключительно противъ дѣтей завѣщателя и женщины, все-таки бывшей ему долго ли коротко ли дорогою, и которую, отторгнувъ отъ себя, онъ на всяческой взглядъ безмѣрно обидѣлъ? Лучше будемъ думать о своемъ домѣ, чѣмъ объ отвлеченномъ благотвореніи; а вѣдь кажется отецъ имѣетъ долгъ по отношенію къ дѣтямъ, несомнѣнно и не оспариваемо отъ него рожденнымъ, да отъ которыхъ онъ нисколько и не отказывается.

Право распоряжаться *моимъ* имуществомъ *примадлежитъ мнѣ*: и заботы „закона“ тутъ излишни и неумѣстны, они прямо—безправны. Что касается до государства въ общемъ, то пролетаріатъ „незаконнорожденныхъ“, каковыхъ въ Петербургѣ $\frac{1}{3}$ всѣхъ рождающихся, едва ли для него удобенъ. Государству—чѣмъ меньше бѣдности и нищенства, тѣмъ лучше; а въ „latifundiis“ едва-ли оно заинтересовано.—Нѣтъ, обдѣленіе „незаконныхъ дѣтей“ есть именно законъ въ интересахъ старыхъ и аристократическихъ сластолюбцевъ, которымъ выгодно „на крыльцо“ своихъ palazzo не пустить плодъ молодыхъ своихъ „шашень“. Но поразительно,

что личный эгоизмъ этихъ сухихъ и черствыхъ людей ставить въ невозможность помочь своимъ дѣтямъ и честнаго пролетарія; ибо законъ уже для всѣхъ одинъ.

2) Авторъ касается даже эмеритуры и пенсіи. Эмеритура и пенсія есть мое откладываніе отъ моего жалованья, которое я сберегаю и до времени храню въ казенномъ сундукѣ, чтобы передать моимъ дѣтямъ. Никто не оспоритъ, что я могъ бы отдать ихъ этимъ дѣтямъ (законнымъ), какъ и то, что я могъ бы этихъ дѣтей (законныхъ) имѣть, но никогда не имѣлъ. Государство ни малѣйше не имѣетъ права рассчитывать на мою бездѣтность, на мое холостое положеніе; учитывать, какъ вексель въ банкѣ, это мое холостое положеніе въ свою пользу; оно обязано выдать мною отложенныя или у меня вычтенныя деньги моимъ дѣтямъ, которые суть кровные мои потомки, безъ всякаго разсужденія о томъ, законны они или не законны. Это есть вопросъ каноническаго права, долгій счетъ съ религіей, а вовсе не съ казною. Для казны, какъ для должника (вѣдь она есть должникъ своихъ пенсіонеровъ и уплачиваетъ имъ за выслугу лѣтъ, а не изъ милости), совершенно достаточно видѣть жестъ указанія или какія бы то ни было косвенныя доказательства, что такой-то старшій чиновникъ подлинно имѣетъ этихъ-то дѣтей. Я зналъ чиновника, умершаго 62-хъ лѣтъ, рѣдкой доброты и деликатности человѣка; о послѣднемъ сужу потому, что изъ скуднаго своего жалованья, что-то около 80 рублей въ мѣсяцъ, онъ дѣлалъ ежемѣсячныя взносы въ бюро похоронныхъ процессій, дабы, когда умреть—никому не составить тягости. Такъ и случилось. Оказалось, по смерти, что онъ уже имѣлъ студента сына, незаконнорожденнаго, которому конечно не досталось его пенсіи, какъ и старушкѣ... женѣ или не женѣ, ужъ не знаю, какъ назвать. Но вотъ мотивъ „незаконности“ и „внѣ-брачнаго сожитія“: она получала тоже пенсію, что-то около двадцати рублей, и его восемьдесятъ рублей плюсъ ея двадцать рублей давали имъ возможность, съ ожидаемыми дѣтьми, жить, тянуть ляжку бытія. Они не вѣнчались потому, что съ выходомъ замужъ она, по странному пенсіонному правилу, теряла право на пенсію, и жизнь ихъ на восемьдесятъ рублей въ столицѣ была бы невыносимо трудна, прямо бѣдственна. Законъ у насъ любитъ рвать гроши съ бѣдняковъ. Почему казенная пенсіонерка не должна выходить замужъ? Непонятно. Почему законъ предполагаетъ, что она выйдетъ за богатаго? Это тоже непонятно! Вообще ничего тутъ непонятно, кромѣ страннаго предположенія, что пенсія есть не долгъ, а милость, которую „хочу—даю, хочу—нѣтъ“. Такъ и жили до старости, не вступая въ бракъ, дабы не потерять пенсіи, эти скромные и тихіе люди. Вы можете считать это не бракомъ, не семейю, „блудомъ“, какъ угодно; я же положила руку на сердце скажу: дай

Богъ, чтобы мои дѣти жили приблизительно такъ въ смыслѣ чистоты и вѣрности другъ другу.

Да подобныхъ явленій множество вокругъ. „Незаконныя“ дѣти вообще являются отъ трехъ причинъ: 1) Глубокаго соціального разстройства брака, въ силу чего огромный контингентъ дѣвушекъ, часто прекрасныхъ, скромныхъ и цѣломудренныхъ, остается виѣ-брака. Наступаютъ годы, приходятъ минуты, которыя я не могу не назвать мистически-тайнственными, такъ онѣ мало рационально объяснимы, — и такія дѣвушки рождаются. Повѣрьте, что рождаются вовсе не худшія, — худшія хитры, увертливы и не рождаются, а скорѣе лучшія. 2) Отъ отсутствія развода, или и при разводѣ отъ запрещенія вступать въ бракъ „прелюбодѣю“ (читай: „великодушнѣйшей стороной, принявшей на себя вину“). Разводъ стоитъ около 6—7 тысячъ. Семья фактически лѣтъ 8—10 не существуетъ и не имѣетъ никакихъ надеждъ воскреснуть. Вся психологія умершаго супружества не существуетъ, вся его логика и реальная религія — тоже. Мужъ, т.-е. „прелюбодѣй“ — живетъ холостякомъ, годы, пять лѣтъ, десять лѣтъ, и конечно — прелюбодѣйствуетъ на этотъ разъ уже въ самомъ дѣлѣ, потому что принуждается къ этому „законнымъ“ своимъ положеніемъ, насильственно вдовымъ. Наконецъ, когда ему достаточно невыносима станетъ эта отвратительная жизнь, онъ вступаетъ въ „блудное сожитіе“, которое если посмотрѣть снаружи — кажется таковымъ, а войдя въ домъ — опять вы видите настоящую и полную семью, въ которую человекъ вырвался изъ принудительно навязаннаго ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной и чистой семьи суть тоже „незаконно-рожденные“. 3) Ограниченіе правъ на бракъ офицеровъ и учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь опять образуется въ сущности тайный бракъ, который вовсе и не разорвался бы, не будь страха и гнета стыда, т.-е. былъ бы счастливъ и длителенъ, если бы не законъ. Но длителенъ онъ или не длителенъ, дѣтей, рожденных отъ такого „не распубликованнаго“ брака, нельзя отнимать: а) у матери — это во всякомъ случаѣ, б) у отца и матери — если отецъ отъ ребенка не отказывается.

Общее же правило: ни государство, ни религія не въ правѣ становится между дѣтьми и родителями. Это — нечестіе, это — nefas! Это если не теперь, то со временемъ можетъ повести къ большимъ потрясеніямъ. Мнѣ рассказывалъ одинъ отецъ, все на дѣявшійся усыновить сына, которому особенно ему хотѣлось передать отчество и фамилію свою, ѣздившій для этого сюда въ Петербургъ и проч., и все-таки ни въ чемъ не успѣвшій, что онъ откладывалъ до пятилѣтняго возраста крестины сына, и онъ мнѣ, передавая этотъ рассказъ, улыбнулся: „Когда я къ тому же

священнику черезъ годъ пришелъ крестить еще родившуюся дочь, онъ испугался:—„да неужели опять пяти лѣтъ?“ Вообще мало ли что можетъ выдумать человѣкъ на этой почвѣ раздражительности и мученія; не изобрѣтеть одинъ, изобрѣтеть другой, и можетъ изобрѣсти очень худое...

Всего же болѣе меня удивляетъ опасеніе г. А—та, что устраненіе дѣленія дѣтей на законныхъ и незаконныхъ „въ корнѣ разрушить смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія“. Мнѣ всегда казался бракъ „о чемъ-нибудь“, какъ словесное предложеніе есть „мысль, выраженная о чемъ-нибудь“. О чемъ же? О дѣтяхъ. Дитя и бракъ — почти тождественны; все остальное — „придаточныя слова“, опредѣлительныя, дополнительныя, запятая, тире, но ни въ какомъ случаѣ не главныя слова предложенія, не подлежащее и не сказуемое. Такъ — въ законѣ Божіемъ, надѣюсь — такъ и для государства. Теперь, какимъ же образомъ дѣти могли выпасть изъ брака? Очевидно отъ того, что самъ бракъ отпалъ отъ дѣтей, т.-е. истолковывая все на грамматическомъ примѣрѣ — предложеніе потеряло свое подлежащее и сказуемое. Но что же оно такое тогда? „Обстоятельственный слова“ — „тире“ и проч. Это происходило незамѣтно, и только отъ медленности перемѣнъ въ мысли брака мы этого не замѣтили. Я думаю, эта незамѣтная перемѣна и подточила семью, и сокрушаетъ теперь бракъ, развѣдаетъ его медленнымъ, но вѣрнымъ раковымъ развѣданіемъ. Дѣти предохранили бы бракъ отъ разложенія; но какъ въ „священной и государственной“ мысли о бракѣ они выпали, какъ непремѣнное, то пустая оболочка и трещить по всѣмъ швамъ. Самая экономическая забота противъ незаконныхъ дѣтей — ужасна! „Отнимемъ у нихъ хлѣбъ, чтобы намъ осталось больше“. А Богъ? Ну, мы все разсудили и сдѣлали, а Богъ? Накажетъ за дѣтей — и мы наказываемся тѣмъ, что именно столь оберегаемый юридически и экономически бракъ — распадается, таетъ, сталъ холоденъ, корыстенъ, нравственно никому не нуженъ. Тутъ Богъ, насъ наказующій: „Вы забыли тѣхъ дѣтей, Я васъ накажу въ этихъ“. Вотъ мой отвѣтъ г. А — *ты*.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXVI. Открытое письмо В. В. Розанову.

Дорогой другъ, зачѣмъ затѣвать споръ не въ одной плоскости и опровергать то, что сказано для подвального этажа, указаніями на этажи верхніе? Зачѣмъ чисто практическое гражданское дѣло подпирать или критиковать божественнымъ началомъ въ человѣкѣ? Тутъ этому началу уже потому нѣтъ мѣста, что еще на горѣ Синаѣ было написано: „Не пожелай жены ближняго твоего“¹⁾ и „Не прелюбодѣйствуй“. Христосъ же, защищая грѣшницу отъ фарисейской ярости пущихъ грѣшниковъ, сказалъ ей: „Иди и не грѣши“.

Видите ли, многоуважаемый В. В., если бы на землѣ люди были совершенны, тогда не надо было бы вовсе никакихъ законовъ не только гражданскихъ, но и религіозныхъ, по крайней мѣрѣ послѣднихъ съ ихъ обрядовой стороны. Но вѣдь этого не только нѣтъ, но и не предвидится въ весьма отдаленномъ даже будущемъ. Ужъ если самъ грозный Егова не могъ путемъ жесточайшихъ каръ²⁾ урезонить человѣка не грѣшить, то не намъ съ вами братья за ту же самую задачу. Грѣшить будутъ и завтра точно такъ же, какъ грѣшили вчера, какіе бы пророки ни глаголали, какія бы ужасы ни сулили людямъ.

По смыслу моей статьи вы должны были видѣть, что я въ

¹⁾ Мало обращаютъ вниманія, что это есть *десятая* заповѣдь, *послѣдняя*; и выше, т. е. *грознѣе* ея поставлено: „не послушествуй на друга твоего свидѣтельство ложна“, т. е. *не оклеветай*; и выше же „помни день субботній“, т. е. *соблюдай праздники*. В. Р.—вз.

²⁾ Мысль о жестокости Ветхаго Завѣта весьма укоренена у христіанъ: но она не основательна. *Словесной* грозы много, какъ и у любящаго отца: а *на дѣлѣ*—все прощеніе и милость. Ради семи праведниковъ хотѣлъ пощадить Содомъ; а мы ни одного *невиннаго ребенка* не щадимъ, и ели „не по нашему рожденъ“—съ камнемъ его въ воду. „Милостивцы“... В. Р.—вз.

вопросъ о призрѣніи дѣтей, внѣ брака (церковнаго) рожденныхъ, ни на шагъ не отстаю отъ васъ, вполне понимаю всю несправедливость отношенія къ нимъ законодательства и нисколько не прочь поддерживать и на практикѣ большую легкость развода, одинаковость имущественныхъ правъ и такихъ дѣтей на состояніе родителей и тому подобное.

Но въ умиленіи я не закрываю глазъ на то, что изъ этихъ великодушнѣйшихъ и справедливѣйшихъ предложеній сдѣлаеть мерзость человѣческая.

Почему не допустить отысканія отца? Съ точки зрѣнія правды, права и справедливости,—рѣшительно ничего нельзя возразить противъ этого. Однако не подлечь ни малѣйшему сомнѣнію, что какъ только эта правда начнетъ дѣйствовать, сейчасъ же у богатыхъ людей появятся сотни незаконныхъ младенцевъ, которые, по показанію ихъ матерей, окажутся ихъ дѣтьми ¹⁾. Вотъ и потрудитесь тогда тратить время, средства и нервы, доказывая, что вы тутъ ни при чемъ. Да и какъ докажешь, если не прибѣгнуть къ геролпическому способу одного изъ придворныхъ императора Адриана (кажется), сопровождавшаго въ долгое путешествіе его жену и по возвращеніи обвиненнаго въ прелюбодѣянн сь него!

Очевидно опасенія эти очень, очень стары, и потому едва ли предосторожность юристовъ въ этомъ направленіи, будучи по существу громадной несправедливостью и зломъ, въ то же время не отвращаетъ несправедливости еще горшія и зло еще большее.

Подумайте вы, сколько драмъ сохранила намъ исторія именно въ этомъ направленіи. Вспомните звѣрства удѣльнаго періода, гдѣ братъ брата ²⁾ рѣзалъ, терзалъ и призывалъ на него силу татарскую съ разрѣшеніемъ грабить не только братнину, но и свою землю. А мнѣи и легенды эллинскіе, происходившіе среди боговъ на самомъ Парнасѣ? Затѣмъ семейные нравы Саула, Соломона, Давида и иныхъ библейскихъ старцевъ, не выключая исторіи Агари и продажи первородства Исавомъ Иакову. Все это исторія кровавыя, вызваннаыя практикой свободнаго дѣторожденія и отъ своей и отъ не своихъ женъ ³⁾. И вотъ, основываясь на этихъ примѣрахъ, имя же имъ легионъ, я глубоко убѣжденъ, что практика вашего

¹⁾ Ведите себя осторожнѣе, какъ можно осторожнѣе, съ дѣвцами вечерами не засиживайтесь, на ночь не оставайтесь—и никто къ вамъ не привяжется. Такимъ образомъ „право дѣвицъ отыскивать мужа въ любовникъ или отца—ребенку“ будетъ только лозунгомъ къ чистѣйшимъ и осторожнѣйшимъ нравамъ. Вдругъ вся общественная атмосфера, теперь воючая какъ задвй дворъ, станетъ кристально чиста какъ голландская торцовая улица. В. Р—въ.

²⁾ Все—„законные“, при полномъ дѣйствіи византійскаго брачнаго законодательства. Не понятно, о чемъ пишетъ А—тж. В. Р—въ.

³⁾ Ну, съ исторіей Агари никакъ нельзя сравнить исторію законнаго брака, рассказаннаго г. А—томж. въ концѣ предъидущей статьи (см. стр. 75). В. Р—въ.

принципа поведетъ къ образованію женскихъ семей, а слѣдовательно и къ полиандріи.

Вы часто и справедливо цитируете еврейскія свободныя брачныя условія, но элементы полиандріи сохранились у нихъ и до сихъ поръ, всего болѣе въ законахъ, опредѣляющихъ положеніе (физиологическое) вдовы, по отношенію къ братьямъ ея мужа. Наконецъ евреи страшно жестоки и до сихъ поръ къ прелюбодѣйному грѣху среди евреекъ¹⁾. Но вотъ странность, для меня необъяснимая. Тѣ же еврейки, очень рано выдаваемые замужъ, будучи объявлены невѣстами, имѣютъ право однѣ ходить по молодымъ мужчинамъ, выпрашивая себѣ на приданое. И вотъ тутъ-то, если еврейку продаютъ уже слишкомъ пархатому жиденку (а это случается сплошь и рядомъ), то онѣ не всегда являются на этихъ свиданіяхъ неумодимыми весталками и рогатятъ будущихъ супруговъ своихъ раньше самаго брака. И евреи это превосходно знаютъ и добродушно къ этому относятся. Очевидно тамъ въ корнѣ взгляды на женщину иные, чѣмъ у насъ.

Не правы вы фактически и по взгляду на пенсіи и эмеритуру, какъ на личное достояніе пенсионера. Эмеритальное страхованіе жизни или дожитія въ частныхъ учрежденіяхъ еще далеко не сказало своего послѣдняго слова, но что въ этой операціи есть много подозрительнаго съ математической стороны, это кажется несомнѣнно. Во всякомъ случаѣ, выморочныя страховки и надежда платить пенсію не долго, такъ какъ пенсионеры неизбѣжно люди старые, играютъ въ расчетахъ этого рода предпріятій огромную роль. Но я говорилъ о казенныхъ пенсіяхъ и эмеритурѣ. Объ этомъ существуетъ прекрасная монографія генерала Соловьева, въ которой какъ дважды два четыре доказано, что наши пенсіи и эмеритуры суть именно и только милости, которыя даруются за службу, а не взносы. Если бы принять во вниманіе одни только взносы, то размѣръ эмеритуры по военному вѣдомству кажется не могъ бы быть назначенъ даже въ третьей доли тѣхъ суммъ, которыя выплачиваются пенсионерамъ нынче.

Если же допустить взгляды, вами проводимый, что это собственное сбереженіе пенсионера, то ни какаѣ касса подобной практики не выдержитъ.

¹⁾ Только—къ замужеству съ христіанами, иноплемениками. Можно догадаться, что смѣшеніе кровей еврейки съ не евреемъ, или еврея съ не еврейкою образуетъ „существо Ваала“ (отсюда—смерть за это, безчеловѣчная жестокость), какъ смѣшеніе еврея и еврейки образуетъ сладостное и нѣжное дыханіе „Сый“ „леговъ“.—Но если въѣ брака у еврейки отъ еврея родился сынъ—то самъ Соломонъ выйдетъ на судъ и сбережетъ ей ребенка, а теперь раввинъ подыметъ его на рукахъ и назоветъ (обязательное почетное имя) „Авраамомъ“: „этотъ ребенокъ—Авраамъ, потому, что онъ незаконнорожденный“. Такъ мнѣ передавалъ крещеный еврей С. К. Ефронъ. *В. Р.—въ.*

Шестидесятилѣтніе старцы, выходя въ отставку и имѣя, какъ быть должно по законамъ природы, взрослыхъ дѣтей къ этому времени, пользуются пенсіей, ну, много въ среднемъ, если пять или хотя бы и 10 лѣтъ. Ну, а если 58-ми лѣтъ отъ роду они женятся или, тѣмъ болѣе, вступаютъ въ связь съ молодой дѣвушкой, и передъ смертью получаютъ дѣтей въ возрастѣ младенческомъ, затѣмъ умираютъ, то ихъ пенсія должна была бы выдаваться еще лѣтъ пятнадцать-двадцать до совершеннолѣтія сыновей или выхода замужъ дочерей, а въ половинномъ размѣрѣ еще того долѣе, лѣтъ даже сорокъ, если его сожительницѣ придется дожить до почтенныхъ лѣтъ шестидесяти или тѣмъ болѣе 70-лѣтней старухи. Такихъ страхованій не выдержать ни какое ни частное, ни тѣмъ болѣе казенное страховое учрежденіе. Между тѣмъ ваши великодушныя идеи несомнѣнно ведутъ и къ учрежденію у одного пенсіонера многихъ семей. Одна на Литейной, другая на Лиговкѣ, а третья можетъ быть и на Петербургской сторонѣ. Какъ дѣлать титулы, имущество родовое и эмеритурѣ ¹⁾ въ этихъ случаяхъ?

Еще разъ повторю, хорошимъ людямъ — не надо законовъ, они сами всегда знаютъ, что имъ надо дѣлать и какъ расплатиться за свои грѣхи. Къ примѣру директора вы прибавили примѣръ вашего симпатичнаго старичка, да и я могъ бы такихъ примѣровъ набрать достаточно среди случаевъ мнѣ лично извѣстныхъ, но всё они доказываютъ только, что у хорошаго человѣка всегда и все хорошо, какія бы льготы на большую или меньшую безнаказанную мерзость ни предоставлялъ имъ законъ.

Туть слѣдовательно по существу и хлопотать нечего.

Но вотъ какъ быть въ случаѣ московскаго инцидента, когда г-жа Г. облила доктора Д. кислотой, и докторъ Б. облилъ г-жу Г. тоже купоросомъ? Очевидно у нихъ были счеты тоже эмеритальные. Вотъ вы и поѣзжайте въ Москву и попробуйте привести обояхъ пострадавшихъ къ взаимному любовному соглашенію, придерживаясь только однихъ вашихъ великодушныхъ и благородныхъ пожеланій. Но бѣда не въ конкретномъ безобразіи и не въ частномъ фактѣ. Бѣда именно въ томъ, что на одного благороднаго и смирнаго старичка — цѣлая азбука и А, и Б, и В и т. д. до самой Ѳ и У великихъ сластолюбцевъ-паскудниковъ. Попробуйте-ка ихъ урезонить и образумить? Да нѣтъ, лучше и не пробуйте: ничего не выйдетъ.

А—тъ.

¹⁾ Конечно, государству не для чего кормить дѣтей болѣе, чѣмъ отъ первой жены. Хотя г. А—тъ не замѣчаетъ: 1) что оно кормитъ и воспитываетъ теперь всю почти сумму незаконнорожденныхъ, *только не изъ того кармана* (Воспитательные дома), и 2) что сейчасъ старые престарые чиновники вдовцы женятся и оставляютъ потомъ пенсію молодымъ вдовамъ. То, чего боится г. А—тъ отъ моего проэкта, уже привелъ какъ *фактъ* Пушкивъ въ „Евг. Онѣг.“ (Татьяна). В. Р—съ.

ОТВѢТНОЕ ПИСЬМО Г. А—ТУ.

Въ спорѣ относительно термина и всѣхъ послѣдствій „незаконнорожденности“ имѣю указать моему почтенному опоненту слѣдующее:

1) Термина и его всѣхъ послѣдствій, имущественныхъ и правовыхъ, я не сталъ бы оспаривать, если бы въ Европѣ и у насъ существовалъ только гражданскій бракъ. Терминъ этотъ существовалъ у римлянъ и существуетъ сейчасъ у евреевъ: но у послѣднихъ заключеніе брака или вступленіе въ бракъ не составляетъ таинства, а чисто и строго юридическое событіе. На этой почвѣ, если на нее переносить вопросъ, я всѣ свои предложенія беру назадъ, но, не пытаюсь никого убѣдить, я сохраняю тогда про себя и для себя убѣжденіе, что „таинства брака“, „брака, какъ религіознаго таинства“ въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ“,—невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства по слѣдующей второй причинѣ, на которую прошу обратить вниманіе, ибо она рѣшаетъ всю теорію вопроса:

2) Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физиологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна,—но въ *разной* мѣрѣ. Однако Церковь не возвела ни *одно* состояніе или дѣйствіе, духовное или физиологическое, напримѣръ науку или вкушеніе пищи—въ „таинство“, и только возвела въ него одно половое прилѣпленіе: очевидно по *исключительной* таинственности самого *пола* и по важности момента *размноженія*. Но этотъ моментъ или, точнѣе, кругъ моментовъ при наличности всякаго рожденія—тотъ же; слѣдовательно какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя“ и „внезаконныя“, такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя“ („въ таинствѣ текуція“). Не могу не сослаться на мнѣніе недавно умершаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера и эпитрона Гроба

Господня, челоуѣка крайне стараго закала и строжайшаго ригориста въ сферѣ каноническихъ вопросовъ. Въ открытомъ „Письмѣ къ Ивану Федоровичу Нильскому“ („Сборникъ Т. Филиппова“, Спб. 1896, стр. 174—240), профессору С.-Петербургской Духовной академіи, онъ дѣлаетъ тончайшее изслѣдованіе разныхъ сторонъ брака и высказывается противъ того, чтобы „священнословіе“ или вѣнчаніе составляло абсолютно-требуемую органическую часть таинства: „Если въ исторіи истинной Христовой церкви дѣйствительно было такое время, когда вполнѣ правильные въ смыслѣ церковномъ браки (*ἀνευθρονος γάμος*) составлялись *единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія или вѣнчанія*, а между тѣмъ такого времени, когда бы бракъ въ церкви не почитался за таинство, никогда не было: то отсюда выводу ясенъ и вопросъ о безусловной (курсивъ автора, раньше—мой курсивъ) невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія—рѣшается отрицательно“ (стр. 198). Филипповъ приводитъ въ длинномъ рядѣ историческо-каноническихъ доказательствъ слѣдующій разительный примѣръ изъ законодательной практики нашихъ дней: когда еврейская или нѣмецко-лютеранская семья, состоящая изъ мужа, жены и дѣтей, переходитъ въ православіе, то отношенія членовъ этой семьи считаются законнымъ православнымъ бракомъ безъ требованія, чтобы они повѣнчались въ православной церкви. Крещеніе содѣлало такую еврейскую семью православною; но что содѣлало православно-христіанскимъ ихъ бракъ? Очевидно не еврейское вѣнчаніе, а только простой фактъ супружества, совершенно равно-качественный и равно-количественный нашимъ не легальнымъ семьямъ, если, оговорюсь,—онѣ честны, вѣрны и чисты.

Къ разсужденію покойнаго Филиппова я прибавлю одно указаніе, которое не замѣчается, а оно бьетъ въ глаза яркостью. Есть понятіе „симоніи“, или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ Св. Духа. Въ Церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловить, и притомъ въ точной суммѣ, предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но за вѣнчаніе плата обуславливается, и это было всегда и вездѣ, не возбуждая вопроса. Совершенно очевидно, что у духовенства самага существуетъ сбивчивость представленій о вѣнчаніи, и если оно не колебалось брать предварительно и въ точности опредѣленной суммѣ плату за него, и никѣмъ никогда въ этомъ сверху, іерархически, не было остановлено,—то ясно, что по всеобщему представленію его самага въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство. Между тѣмъ догматъ о „бракъ-таинствѣ“ неискоренимъ и ежеминутно-ярокъ въ православнои; и, не содержась въ вѣнчаніи (иначе—симонія), онъ очевидно содержится въ тайнѣ фактическаго рожденія и супружества.

3) Совершенно безспорно, что таинство брака въ Бытіи, 2. и въ Еванг. Мате., 19, основано было реально, и дано человѣку къ реальному вкушенію; и сіе реальное таинство и реальное его вкушеніе очевидно и составляетъ ядро его.

4) Въ словахъ св. Іоанна Златоуста, авторитета достаточнаго, центръ и существо *таинства* брака указывается въ *таинственной* половинчатости половъ въ человѣкѣ: „Велика единого сила! Премудрость Божія единого *раздѣлила на двухъ* въ началѣ и дабы показать, что и по раздѣленіи пребываетъ единъ, не предоставила единому быть *достаточнымъ къ рожденію*. И такъ не единъ, *кто еще не соединенъ*, на полъ-единого. И извѣстно, что *не дѣлываетъ онъ*, какъ и прежде. Видишь-ли существо тайны? Богъ сотворилъ *единого изъ единого*, и *опять двухъ такихъ сотворивъ единымъ*, творитъ единого (т. е. ребенка), такъ-что и *нынѣ отъ единого* (т. е. соединеннаго въ половомъ актѣ) *рождается*. Ибо жена и мужъ не два *человѣка, но единъ*“ („XII-ая Бесѣда Іоанна Златоуста на 4-ую главу *Къ колоссянамъ*“).

5) Даже въ *Кормчей*, гдѣ содержатся законы церкви о бракѣ, о формѣ заключенія его и обрядѣ даже не упоминается въ опредѣленіи брака. Но возможно-ли, чтобы въ *опредѣленіе* не вошла *существенная часть* опредѣляемаго? Вотъ эта формула: „бракъ есть мужа и жены *союзъ*, и общій *жребій* на всю жизнь, *общеніе* божественнаго и человѣческаго права“ (гл. 48).

6) Самый терминъ „*таинство вѣнчанія*“ совершенно отсутствуетъ въ богословской литературѣ, и необходимо передѣлать *всѣ опредѣленія* брака во всѣхъ богословскихъ курсовъ—что въ XIX вѣкѣ уже поздно—чтобы отождествить „таинство брака“ т. е. „двухъ въ плоть едну“ съ собственно благословеніемъ этому браку. *Сочетаются* мужъ и жена; но *когда* и *черезъ что* (въ вѣнчаніи)? Вѣдь ничего *физиологическаго* въ вѣнчаніи не содержится: а исключать физиологію изъ брака, *кровь, стѣня и полъ*, значитъ разрушать (раздирать) все Писаніе о бракѣ, гдѣ только о *полѣ*, непременно о *мужчинѣ* и непременно о *женщинѣ*, и говорится при этомъ.

7) Въ нѣкоторыхъ рѣдчайшихъ случаяхъ, когда фатальная причина мѣшаетъ жениху явиться къ вѣнчанію, и вѣнчаніе непременно должно совершиться, посылается и стоитъ подъ вѣнцомъ съ невѣстою *замѣститель*: на *кого-же* при этомъ сходить Св. Духъ и бракосочетаетъ двухъ? На замѣстителя? Но *не онъ* становится мужемъ, а тотъ отсутствующій человѣкъ, который станетъ съ невѣстою жить, „познаетъ“ ее.

8) Распространенное въ народѣ и нерѣдкое въ устахъ духовенства, хотя въ догматикахъ нигдѣ не укрѣпленное мнѣніе, что „во время вѣнчанія на вѣнчающихся сходить благодать“, есть просто привычный у духовенства оборотъ рѣчи: „тутъ благодать“ (о чемъ нибудь хорошемъ, добромъ), „этакая благодать“

(о чемъ нибудь пріятномъ). Но это—*modus dicendi*, неосторожная поговорка, а не догматъ; пріятіе имени *благодать* всуе.

Государство и церковь обставили заключеніе брака подробностями и формами, которыхъ мы нисколько не оспариваемъ. Но тонкій критикъ легко различить это требованіе благоразумія и осторожности въ отношеніи столь огненной и стихійной вещи, какъ сближеніе половъ, и не смѣшаетъ полезныя прибавленія съ зерномъ дѣла, каковымъ навсегда остается одно: тайна чадородія, протекающая въ чистотѣ, въ вѣрности другъ другу, въ единеніи духовномъ и физическомъ.

Перехожу къ практической сторонѣ вопроса. Прежде всего—объ отысканіи отца ребенка.

Несчастенъ и позоренъ тотъ отецъ, котораго надо отыскивать. Конечно ни въ нравственномъ и ни въ какомъ смыслѣ это уже не отецъ. Лично я противъ подобныхъ отысканій, ибо они породили-бы только невыносимую злобу отца къ ребенку и матери его, ребенка—къ отцу. Нѣтъ, кто скрытъ—пускай и скрывается. Государство наше требуетъ съ таковыхъ пенсіи: въ пользу ребенка. Благая мѣра, хоть и жѣстко-государственная: „Ты родилъ, ты и корми, а то куда-же я дѣну нищихъ“. Тутъ въ смыслѣ привлеченія отца больше нечего сдѣлать. Общество въ правѣ удлинитъ мысль государства, проливая жесточайшее нравственное осужденіе, какъ лютое негодованіе—на такихъ отрекающихся „папашъ“. Но для чего государство отдѣляетъ такого ребенка отъ матери, ввергая его въ круглое сиротство? Въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ священника А. У. было правильно указано, что такой ребенокъ долженъ получать фамилію матери и отчество дѣда, и конечно права (или ихъ часть) имущественнаго наслѣдованія матери. Такъ какъ повodomъ къ моимъ статьямъ было дѣтоубійство и дѣво-убійство, то все, на чемъ я настаиваю—это на снятіи всякаго религіознаго, государственнаго и общественнаго осужденія съ такихъ случаевъ, на безмолвномъ: „Не разлучаемъ тебя съ ребенкомъ, не раздѣляйся съ нимъ, и добрымъ его воспитаніемъ и заботою ты станешь на ряду со всѣми другими матерями“. Само собою разумѣется, что юридическій терминъ „дѣвица“—долженъ быть снятъ съ таковой, да чуть-ли не эта просто фальшь, невѣрное показаніе „примѣтъ“ въ паспортѣ, и порождаетъ дѣтоубійство. Нужно о матери или ничего не писать, или писать—„вдова“, и „при ней сынъ—такой-то“, безъ всякихъ квалифікацій. Вотъ надежное средство разрѣдить населеніе воспитательныхъ домовъ и не встрѣчаться съ замаскированными притонами дѣтоубійства въ родѣ приснопамятной Скублинской.

Но я пишу объ этомъ „отысканіи отца“ вскользь, не углубляясь въ подробности вопроса. Лично для меня мать ребенка, юридически отыскивающая его отца,—и жалкое, и непріятное явленіе. Ей

можно отвѣтить: „Ты-же знала, съ кѣмъ сближалась, — и могла высмотрѣть, надежный-ли онъ человекъ и любить-ли тебя; а безъ этихъ признаковъ тебѣ не слѣдовало сближаться“. Меня поражаютъ другіе случаи: когда разные каноническія препятствія мѣшаютъ вступленію въ бракъ и когда мы имѣемъ на лицо прекрасную и полную, иногда стародавнюю семью, и все-таки эта семья религиозно и юридически разрывается, уничтожается. Вотъ гдѣ пѣсас, вотъ гдѣ—нечестіе, уже со стороны закона. Далѣе, настаивая (въ видахъ очищенія семьи, выбрасыванія изъ ящика съ смѣшанными яблоками—яблоковъ загнившихъ, порченныхъ) на безусловной свободѣ развода, и именно на восстановленіи древняго разводнаго письма и врученія права развода мужу—уже тѣмъ самымъ я не могу настаивать на „отысканіи отца“. Но если при разводномъ письмѣ,—какъ впрочемъ и теперь при фактическомъ запрещеніи развода,—мужъ фактически можетъ оставить жену свою черезъ недѣлю послѣ вступленія въ бракъ, то теперь такая брошенная: 1) если она законная жена—остается безъ права до самой смерти негодяя вступить въ новый бракъ, 2) если она дѣвушка или вдова—кончаетъ самоубійствомъ или дѣтоубійствомъ; въ обоихъ случаяхъ при полной безнаказанности негоднаго человека. Напротивъ, при разводномъ письмѣ—она честная вдова, честная мать ребенка, способная къ труду, честной жизни и новому замужеству.

Мнѣ совершенно непонятно все, что пишетъ г. А—тъ о полиандріи, какъ „возможной при предложеніяхъ“ моихъ. Да развѣ Каренина, жена Врѣнскаго и еще Каренина—не полиандристка? Сколько угодно такихъ сейчасъ. Развѣ-же возможно не замѣтить, что недопущеніе развода у католиковъ—есть безмолвно допущенная полиандрія, какъ равно и полигамія. Всего годъ тому назадъ, мелькомъ и смѣясь, мнѣ юный одинъ литераторъ на вопросъ о довольно извѣстной дамѣ Петербурга сказалъ: „Нѣтъ, не съ мужемъ живетъ: она уже послѣ мужа живетъ съ четвертымъ, и отъ всѣхъ четырехъ имѣетъ дѣтей и всѣхъ дѣтей записываетъ на имя мужа, перваго и единственнаго“. Вотъ „наслѣднички“ титуловъ и богатствъ, о которыхъ г. А—тъ не подумалъ. И ничего. И терпятъ. Законы не рвутся и общество не трещитъ, говорятъ. И это не сейчасъ только, это всегда было, въ XVIII, XV вв., ибо такъ поставлено самое дѣло устраненіемъ развода. Но при допускаемой полиандріи, съ записью дѣтей отъ третьяго человека на имя мужа, полигамія въ этомъ-же видѣ не допущена; однако и она возможна и есть, но только „на шею женщинъ“. Опять, пугая меня, г. А—тъ пишетъ о сластолюбцѣ, у котораго заведется семья „и въ Гороховой, и на Васильевскомъ островѣ, и на Петербургской сторонѣ“. Да что мы, дѣти что-ли? Да сколько угодно есть такихъ сластолюбцевъ, у которыхъ „одна семья на Ва-

силевскомъ, другая—на Петербургской“. Вообще поразительную и не замѣчаемую (дышемъ—какъ воздухомъ) сторону теперешней семьи составляетъ то, что нѣтъ худого, что въ ней было бы невозможно. Но худо,—и на это я указываю,—что многого положительнаго хорошаго въ ней безусловно невозможно (по самой постановкѣ дѣла). Теперь полиандрія—фактъ, но при разводѣ она станетъ не мыслимой; и полигамія тоже теперь фактъ, но дешевый, ничего мужчинѣ не стоящій. Но при устраненіи теперешняго дѣленія дѣтей она станетъ невообразимо трудной (дорогой и безпокойной).

Увѣренъ вполне, что безъ всякой подражательности евреямъ (всѣ подражанія въ исторіи—бесильны) русская совѣсть выработаетъ свой типъ семьи, ужъ во всякомъ случаѣ чистѣйшій и возвышеннѣйшій, чѣмъ печальнѣйшая въ смыслѣ чистоты византійская семья, и чѣмъ наша до сихъ поръ семья русская. Думать о лучшей постановкѣ семьи и притомъ съ фундамента—есть причины. Русскій народъ—исторически свѣжій и относительно-чистый. Совѣсть въ немъ не умерла. А съ совѣстливымъ взглядомъ на вещи—можно на многое отважиться, даже въ такой деликатной и чуткой области. Первый лозунгъ на этомъ пути мнѣ думается: „родители—не отлучайтесь отъ дѣтей“, „законъ—не раздѣляй родителей и дѣтей“.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXVII. Въ чемъ дѣло?

(Отвѣтъ В. В. Розанову).

Споръ нашъ съ вами, многоуважаемый В. В., по вопросу о способахъ упорядочить и укрѣпить семью, какъ ячейку каждаго гражданскаго общества и государства, видимо интересуя нѣкоторыхъ, въ тоже время для многихъ сталъ почти невразумительнымъ. По крайней мѣрѣ мнѣ лично высказывали подобныя недоразумѣнія иные изъ знакомыхъ читателей, да вѣротно тоже самое высказывали и вамъ. Въ числѣ такихъ недоумѣвающихъ позволю себѣ назвать автора книги „Мать-воспитательница“, подписывающагося „Другомъ семьи“. Такимъ образомъ волей-не-волей приходится продолжать разговоръ нашъ и далѣе, съ цѣлью выяснить, въ чемъ же собственно кроется наше съ вами разногласіе.

И вы, и я хотимъ укрѣпленія нравственныхъ и цѣломудреннѣхъ основъ семьи, какъ учрежденія, гарантирующаго продолженіе жизни народа въ будущемъ, притомъ въ условіяхъ гражданскаго и нравственнаго существованія и при наилучшемъ сохраненіи здоровья въ молодомъ его поколѣніи. Такимъ образомъ цѣль у насъ съ вами одна. Какъ средство упорядоченія и укрѣпленія семьи, вы предлагаете легкіе разводы, въ формѣ старозавѣтныхъ библейскихъ разводовъ, и такъ какъ разводы вообще православной церковью допускаются съ большимъ трудомъ и сопровождаются множествомъ грязныхъ подробностей, то вы разумѣется стараетесь доказать ссылками на священныя книги и каноническія правила, установленныя соборами, что эти затрудненія развода двухъ неудачно повѣнчанныхъ супруговъ не суть коренныя религіозныя постановленія, а являются скорѣе накопленіемъ вѣковыхъ правилъ, обычаевъ и даже недоразумѣній, не имѣющихъ въ Евангеліи никакихъ основъ и серьезныхъ подкрѣ-

плоній. И я думаю на равнѣ съ вами, что болѣе легкій разводъ, чѣмъ существующій нынѣ, значительно помогъ бы прежде всего серьезному отношенію сторонъ, вступающихъ въ семейный союзъ, и особенно помогъ бы женской сторонѣ, всегда болѣе молодой, неопытной и легкомысленной, не шутить ни съ чувствами, ни съ разумомъ и расчетомъ и, не упоая на нерасторжимость брака, заключать его съ извѣстными обоюдными гарантіями нотаріальнаго характера. Насколько это на самомъ дѣлѣ укрѣпитъ семьи шатающіяся, сказать въ точности не умѣю, но вѣрю, что въ этомъ направленіи возможны значительныя улучшения въ существующемъ порядкѣ вещей, за послѣдніе годы ставшемъ порядкомъ только въ смыслѣ ироническомъ. Но я болѣе чѣмъ слабъ въ канонахъ и богословіи. Вѣрнѣе сказать, въ этой области я буквально ничего не знаю и если сужу и разсуждаю, то со всѣми правами невмѣняемаго профана.

И мнѣ, какъ многимъ, страннымъ кажется, что съ одной стороны *таинство* брака инымъ возбраняется, какъ нѣчто сугубо-плотское и нечистое. Страннымъ кажется отсутствіе матери и отца ребенка при его крещеніи, и даже обидными кажутся всѣ эти очистительныя обрядности и временное отлученіе отъ церкви родительницы новаго сына человѣческаго.

Но все же за эти обряды восемнадцать вѣковъ незыблемыхъ традицій, авторитетъ многихъ святителей, и я поэтому умолкаю съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что изъ исторіи знаю, что вопросъ именно о бракѣ въ каноническомъ его значеніи всегда, со временъ апостола Павла, являлся великимъ по трудности богословскимъ вопросомъ. При вѣнчаніи и моемъ собственномъ и тѣхъ, на которыхъ я присутствовалъ въ качествѣ гостя или свидѣтеля, многократно слышая, что *тайна сія великая есть*, я по-простецкому думалъ, что на свѣтѣ въ этомъ направленіи все есть не только великая, но и превеличайшая тайна, которую не людямъ пока разгадывать. И не тайна это, а прямое чудо, повторяющееся въ каждомъ куриномъ яйцѣ, въ каждой маковой росинкѣ ¹⁾. Изъ сѣрнистаго вещества желтка, въ закрытомъ твердой оболочкой яйцѣ вырастаетъ птичка съ перышками, съ ноготками, съ кисло-

¹⁾ То-то. Всѣ, *весь міръ*, со словомъ „таинство брака“ соединяетъ мысль о *жизни таинственно-брачной*: о *рожденіи и супружествѣ* (каковыя и въ случаяхъ внѣ-обрядовыхъ суть *тѣ-же*, какъ во внутрь-обрядовыхъ). И нужно начать говорить прямо что-то чудовищное, чтобы сказать: „нѣтъ—таинство только *въ формѣ, въ моментѣ заключенія брака*“. Но чего не замѣчали,—что къ этой чудовищности и ведетъ отрицаніе или порицаніе не оформленныхъ соединеній и фактъ „незаконнорожденныхъ дѣтей“. Тогда о „бракѣ“, о „супружествѣ“, о дѣтяхъ—не для чего и говорить; читай только и перечитывай страницы „Требника“, комментируй—только ихъ. Теологи только *это* и дѣлаютъ; но мірскіе бѣдные челоѣки всегда говорятъ о дѣтяхъ и о супружествѣ! В. Р.—вз.

тами желудочными, съ глазами видящими¹⁾, способная цѣлесообразно двигаться, находить пищу, понимать опасность и въ дальнѣйшемъ вырастающая въ пѣтуха или курицу, въ свою очередь способную нести такія же чудесныя яйца! Тоже и маковая росинка, тоже каждое зернышко и зерно²⁾, производящія всю безконечно разнообразную, дивно окрашенную или дивно благоухающую растительность нашей планеты. Думалось мнѣ всегда, что именно объ этой-то великой тайнѣ и говорить намъ текстъ святой молитвы вѣнчальной. Такимъ образомъ и въ этомъ направленіи, хотя наша компетенція въ богословскихъ и каноническихъ вопросахъ далеко не эквивалентна, я близко слѣдую параллельно съ вами. Но разногласіе наше возникаетъ только тогда, когда вы съ той же религиозной и христіанской точки зрѣнія, введя въ это ученіе свои поправки, думаете обосновать новую семью и дать ей прочность чисто внѣшними словесными реформами. Васъ особенно беспокоитъ обидность самаго слова „незаконнорожденный“ и обиднымъ кажется названіе „дѣвушкой“ уже родившей женщины. И я самъ охотно бы отказался отъ термина „незаконнорожденный“, какъ двусмысленнаго и неяснаго по существу, и я охотно бы вотировалъ предложеніе священника У. о метрическихъ записяхъ новорожденныхъ по тремъ формуламъ, находя ихъ исполнѣ разумными и цѣлесообразными. Но уже конечно я не согласенъ съ вашимъ предложеніемъ называть родившую дѣвушку „вдовою“, такъ какъ это обрекало бы фиктивной смерти живого человѣка — отца ея ребенка, что могло бы именно въ хорошихъ случаяхъ вести къ безчисленнымъ житейскимъ недоразумѣніямъ. Ну, подумайте сами, какъ бы эта вдова могла выдти замужъ за своего какъ бы умершаго мужа (незаконнаго) въ случаѣ, если бы разводъ или смерть законной жены дали ему возможность прикрыть грѣхъ съ такой вдовою женитьбой. Но вѣдь это конечно съ вашей стороны только газетная описка, вызванная слѣхомъ при написаніи мнѣ отвѣта.

Еще скажу, глубоко согласенъ я съ вами по нравственному взгляду на отыскиваніе потерпѣвшей женщиной отца своего ребенка, такъ какъ подобное отыскиваніе кладетъ некрасивую и даже злую тѣнь на всѣ поступки такой несчастливцы, и кромѣ того практически можетъ вести къ семейнымъ преступленіямъ уголовнаго характера, или къ такому безчеловѣчному и долгову мучи-

¹⁾ Чудо. сто разъ чудо! великое!! святое!!! За что-же меня ругать, когда я все дѣло и поворачиваю къ умиленью и восторгу передъ этимъ чудомъ. и говорю: „ищите тамъ звѣздъ и солнца—и найдете, ищите Бога—и отыщете“. В. Р.—въ.

²⁾ Вся природа, весь міръ! Да, это древній—„панъ“ („все“). Не разгаданную „аостарту“ свою финикияне изображали (см. раскопки въ Микенахъ) въ формѣ женщины съ голубками (начало кротости) въ рукахъ, около плечъ. В. Р.—въ.

тельству, о которомъ я упоминалъ въ моей статьѣ о дѣтяхъ. Слѣдовательно, юридически одобряя возможность разрѣшенія искать въ извѣстныхъ случаяхъ отца, практически ни вы, ни я такое исканіе хорошей женщины не посоветуемъ. И такъ, имѣя столько пунктовъ согласномыслія, въ чемъ же мы не согласны и гдѣ суть и корень нашего спора? Вы думаете, что вся бѣда въ византійско-суровомъ взглядѣ православной церкви на бракъ, вообще затрудняющемъ разводъ до-нельзя и тѣмъ какъ бы толкающемъ и хорошихъ людей на путь неизбѣжнаго прелюбодѣянія и разврата. Нѣтъ, я такъ не думаю, а думаю я, что шаткое состояніе нашей сегодняшней семьи всецѣло лежитъ въ условіяхъ экономическихъ. Пусть церковная власть, принимая во вниманіе фактическое повсемѣстное развращеніе нравовъ, притомъ во всѣхъ слояхъ общества, благословитъ разводы неудачливыхъ супруговъ безъ практики лжесвидѣтельства и иной грязи. Этого и я желаю, но я думаю, что семья наша отъ этого много не укрѣпится до тѣхъ поръ, пока не осядутъ вновь прочныя основы самаго бытія человѣческаго, покуда люди, наскучивъ вѣчнымъ движеніемъ по желѣзнымъ дорогамъ, снова прочно не сядутъ на землю и не будутъ жить не дальними и общечеловѣческими, а ближними и собственными интересами минуты. Отхожіе промыслы и кочевая жизнь современнаго человѣчества—вотъ главная язва, истинная гангрена современной семьи. И если во Франціи уменьшается народонаселеніе, если и у насъ, а не только въ разсчетовой Германіи, начинается нравиться и пускать корни подлая двухдѣтная система брака, а параллельно съ этимъ ученые и лаборанты заняты изобрѣтеніемъ инкубаторовъ для младенцевъ, какъ позбрѣли ихъ для куръ, — то все это на мой взглядъ является неопровержимымъ доказательствомъ, что семья наша не ладитъ не только съ одними канонами, но и со средствами возможнаго экономическаго существованія.

И вотъ, устанавливая это коренное различіе между нами во взглядахъ на средства, какъ упорядочить семью, я съ грустью долженъ сознаться, что если бы правы были вы, то семья имѣетъ болѣе шансовъ укрѣпиться и нравственно повыситься, чѣмъ по моей схемѣ, ибо много легче убѣдить синодальную власть сдѣлать уступку злему времени ради спасенія многихъ чистыхъ душъ, да и самаго человѣчества, нежели радикально измѣнить экономическія условія современнаго быта и убѣдить человѣчество, что то самое, что оно считаетъ великимъ прогрессомъ и благомъ для себя, есть только злое издѣвательство надъ нимъ, грозящее неисчислимыми бѣдами и въ концѣ-концовъ великимъ и болѣзненнымъ всеобщимъ разгромомъ. Въ страхѣ, чисто паническомъ, отъ этихъ мыслей, я ищу успокоительныхъ компромиссовъ и нахожу ихъ въ семьѣ женской, то есть въ семьѣ, гдѣ бы главою была

мать дѣтей, а мужчина являлся бы рабочимъ и... и работъ. Чего хочется, въ то вѣрится, — говорить пословица, и вотъ можетъ быть въ оправданіе такой формулы я съ особеннымъ интересомъ наблюдаю за наростаніемъ торжества нашихъ вчерашнихъ рабынь и вижу въ этомъ торжествѣ довольно логичный путь къ моей окончательной цѣли. Мужчина изо дня въ день становится во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе женщины; падаетъ его энергія, падаетъ талантъ, падаетъ, прямо сказать, и его пѣтушиная сила. Напротивъ, женщины начали выдѣлять типы, дышашіе не заурядной энергіей, на всѣхъ поприщахъ труда и, несмотря на условія, еще весьма стѣснительныя и неравномѣрныя, шагъ за шагомъ и очень быстро завоевываютъ себѣ положеніе хозяевъ и распорядительницъ и на землѣ, и въ государствахъ. Даже усиленная защита незаконнорожденныхъ дѣтей, возвращеніе имъ правъ дѣтей естественныхъ и законныхъ, служить для меня доказательствомъ той же самой идеи. У женщины, даже какъ гражданки и матери, безусловно всѣ дѣти *законныя*, такъ какъ они ей не сомнѣнно свои; у мужчины же и законныя дѣти не всегда свои, между тѣмъ полными гражданскими и имущественными правами куда еще пользуются исключительно мужчины. Кормя своего, все равно какого — законнаго или не законнаго—ребенка, мать-кормилица несомнѣнно кормитъ *свое* дитя, рожденное ею по всѣмъ установленіямъ живой природы ¹⁾, напротивъ отецъ, оставляя сыну или дочери состояніе, не вѣдаетъ—своему или не своему ребенку онъ все это оставляетъ, если конечно нѣтъ явныхъ чертъ фамильнаго сходства въ лицѣ, въ привычкахъ и въ характерахъ его дѣтей. Вотъ причина, почему все, сдѣланное для увеличенія правъ дѣтей незаконныхъ, является въ то же время увеличеніемъ нравственной и имущественной безнаказанности всякой прелюбодѣйки, и въ то же время тяжело ложится въ видѣ нравственной или имущественной кары на прелюбодѣя ²⁾.

А вотъ рядомъ „шестидесять“ бальныхъ платьевъ отъ Пакена или отъ другого парижскаго портного-художника, поѣздка на выставку, соперничество честныхъ матронъ съ отчаянными кокетками—все это усугубляетъ экономическое бѣдствіе семей, не только просто, но и *очень* даже богатыхъ, создавая великое преимущество женскому негодяйству, любострастію и всѣмъ тѣмъ сквернымъ и жестокимъ порокамъ, которые эти небесно-прекрасныя вѣдьмы унаслѣдовали отъ праматери своей Евы!

Много сказано дурного о женщинахъ за всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, но еще не достаточно. Вотъ когда на землѣ воцарится царство женщинъ властныхъ, тогда только мужчина, говоря вуль-

¹⁾ Вотъ всѣмъ этимъ святымъ строкамъ.—ура! В. Р—въ.

²⁾ И по дѣламъ. Тутъ у А—та путаница мысли. В. Р—въ.

гарно, узнаеть „кузькину мать“! Вотъ когда онъ не платонически, а реально раскается въ своей современной распущенности, слабости, нечестности, безхарактерности, жадности и тому подобныхъ добродѣтеляхъ, являющихся по законамъ разумной природы естественными, а иной разъ даже милыми (мужчинѣ) пороками женщинѣ, и только благопріобрѣтенными и привитыми у мужчинѣ.

Вотъ, многоуважаемый В. В., моя безнадежная точка зрѣнія! Радуюсь за васъ, если ваша точка зрѣнія радостнѣе и вѣрнѣе моей, но по индивидуальному опыту жизни я не могу раздѣлять вашихъ радужныхъ надеждъ на силу реформъ словесныхъ, хотя всѣмъ сердцемъ желаю имъ скорѣйшаго осуществленія, какъ несомнѣнно проектируемыхъ съ цѣлью благою и вѣрою непоколебимою въ добро и въ правду ¹⁾).

А—тъ.

¹⁾ Прекрасная статья, по одушевленію,—съ частными ошибками, почти *описками*.
В. Р—ва.

Стропила семейнаго уклада.

(Отвѣтъ г. А—ту).

I.

„Въ слишкомъ подвижномъ обществѣ, въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ и всевозможной техники, въ обществѣ экономическомъ и матеріальномъ семья неустойчиво таетъ, разлагается, расшатывается: ее словесно (читай: „закономъ“) нельзя поправить“. Такъ думаетъ г. А—тъ.

Будто въ этомъ дѣло? Развѣ желѣзныя дороги не тѣ же для евреевъ, какъ и для русскихъ? А у нихъ о паденіи семейныхъ основъ ничего не слышно. Развѣ техники не больше въ Англии и Германіи, чѣмъ въ Россіи и Франціи, а, между тѣмъ, пройдитесь по картиннымъ выставкамъ нѣмецкихъ художниковъ и русскихъ, и вы поразитесь разницею сюжетовъ въ отношеніи къ трактуемой темѣ у насъ и у нихъ. Вотъ „семейная сцена“ не гениальнаго живописца и не гениальная по художеству: сидитъ бабушка, чуть не столѣтняя, и вяжетъ нѣмецкими спицами нѣмецкій чулокъ; около нея внуки съ игрушками; тутъ-же дочь или сынъ, молодой отецъ или молодая мать, и непременно на столѣ Библія; да, непременно этотъ священный „Ветхій Завѣтъ“, такъ мало у насъ читаемый, такъ рѣзко у насъ отдѣленный отъ „Новаго Завѣта“ и отодвинутый изъ ежедневнаго и будничнаго употребленія въ даль археологическихъ изслѣдованій и чтенія избранныхъ „паремій“ (мѣста изъ пророковъ, исключительно ко Христу относящіяся, и единственно читаемыя у насъ въ церквахъ). Таковъ обычно трактуемый у нихъ сюжетъ „семьи“ въ живописи. Кто читалъ сказки Андерсена, кто знаетъ Диккенса и Вальтеръ-Скотта, знаетъ, что живопись слова повторяетъ у нихъ собою рисунокъ кисти. Воображеніе русскаго художника рѣдко касается семьи. Не манитъ. Да и нельзя не почувствовать, что, возьми онъ эту тему, онъ показался-бы или приторенъ или смѣшонъ, какъ печальный и мужественный авторъ настоящихъ статей, очень хорошо

сознающей, что онъ давно сталъ приторенъ и противенъ великому множеству русскихъ читателей, возясь съ темой, ни для кого неинтересной и всёмъ практически постылой. Семья у насъ явленіе или жестокое, или комическое,—какъ и у католиковъ. Не семья у насъ, а „семейка“. Изъ семейныхъ сценъ въ живописи я помню ярко только одну, видѣнную лѣтъ пять назадъ въ Академіи художествъ: „Богатый женихъ“.

Богатый женихъ — лысый, во фракѣ и со звѣздой, худой какъ тощая корова, приснившаяся фараону. Около него — невѣста, юная и заплаканная; поодаль — ея бѣдные родители. Священникъ мѣняетъ кольца: „обручается рабъ Божій Симеонъ рабъ Божіей Маріи“... Что сюжетъ такой не случаенъ и не сатириченъ, что онъ въ духѣ и въ нравахъ нашей жизни, можно судить изъ того, что не этотъ-ли въ сущности печальный и постыдный сюжетъ Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ возвелъ въ *chef d'oeuvre* удивленія и поэзіи. Да, „Татьяны милый идеалъ“ — одинъ изъ величайшихъ ложныхъ шаговъ на пути развитія и строительства русской семьи. Взять моментъ, минута; взвился занавѣсъ — и зрителямъ въ безсмертныхъ, но *краткихъ* (въ этомъ все дѣло) строфахъ явлена необыкновенная красота, отъ которой замерли партеръ и ложи въ восхищеніи. Но кто-же „она“? Бесплодная жена, безъ надеждъ материнства; страсотерпица, „распявшая плоть свою“ по старопечатной „Кормчей“. Охъ, ужъ эти *краткія* книги, закапанная воскомъ... Изъ подъ каждой восчинки — слеза, а то и кровь точится... Оставимъ критику, но вотъ чего не можетъ не подумать религиозный и социальный строитель: что рѣдь занавѣсъ, эффектно взвитый Пушкинымъ, *упадетъ*, что жизнь, — не картина, а — *путь*; и какова-то будетъ Татьяна *не въ картинѣ, а въ пути*? Прошло пять лѣтъ, ну, — десять, двадцать: Татьяна — желчная старуха, или — угрюмая. Ей только и осталось, что сплетни и пенсія. Ей-ей, нельзя-же о „могилѣ няни“ вспоминать 40 лѣтъ; ей теперь 20, а проживетъ — 60, и слѣдовательно въ замужествѣ или вдовой она проживетъ 40 лѣтъ, безъ дѣтей и внуковъ, безъ всякой заботы и работы. О, кто знаетъ жизнь — знаетъ, какіе столбы „валятся“. Читайте „Покаянный канонъ“ Андрея Критскаго: подвижникъ церкви, съ которымъ мы рядомъ все-таки не поставимъ пушкинскую Татьяну, какъ она ни нравится намъ, скорбитъ: „увы мнѣ, окаянная душа... вмѣсто Евы чувственныя — мысленная мнѣ бысть Ева, во плоти *страстный помысль*, показуяй *сладкая*, — и вкушаяй присно горькаго напоенія“. Какой языкъ, какіе словообороты! Но у подвижника, запертаго крѣпкими замками въ сырой пещерѣ или общежительномъ монастырѣ — только „мысленная Ева“. Только-ли это будетъ у „страсотерпицы“ Татьяны, нисколько какими замками не связанной, свободной и богатой, но уже старой и некрасивой, — уже надорванной въ терпѣніи, и у которой какъ-бы вы-

рванатайна и глубина природы женской: „въ болѣзни будешь рождать дѣтей“. Увы, она безсильнѣй все-таки Андрея Критскаго, и вотъ въ конечныхъ путяхъ своей биографіи, не нарисованныхъ Пушкинымъ, не дастъ-ли она сюжетовъ, не только некрасивыхъ, но сальныхъ и позорныхъ? Да, тутъ вѣчный Шекспировскій законъ:

Когда-жъ предметъ пойдетъ по направленью
Противному его предназначенью,
По существу добро - онъ *станетъ зломъ*.

Провидѣніе сильнѣе нашихъ разсужденій. И идеаль семьи можетъ быть построень не на расчетѣ *личныхъ* силъ человѣческихъ, но на повиновеніи Богу. Я говорю, идеаль Татьяны — лживъ и лукавъ, а въ историческихъ путяхъ нашей русской семьи—онъ былъ и губителенъ. Ибо онъ построень, красиво и минутно, на предположеніи героическихъ силъ у отдѣльнаго существа, а не на томъ общемъ законѣ и инстинктѣ, что вотъ... „дѣти“, „я—бабушка“, вотъ—„мой заботы о замужествѣ дочери, и мои вздыханія о ея болѣзни“. Идеаль Пушкина не органической и живой, а дѣланнй, и даже только... паркетный:

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже...

Да, хорошо гуляетъ Татьяна по паркету. Но дѣтей — нѣтъ; супружество—прогорьклое, внуковъ—не будетъ, и все въ общемъ гибельнѣйшая иллюстрація нашей гибельной семьи. Вспоминаю я въ параллель случай изъ моей жизни,—грубый и простой случай, но неизгладимо врѣзавшійся мнѣ въ воображеніе. Служила у насъ, лѣтъ семь назадъ, въ дому служанка, некрасивая и несмолодая, однако не старая и не безобразная. Мы замѣтили, что каждую ночь она прокрадывается въ комнату нашей дочери, и долго тамъ зачѣмъ-то оставалась. Это показалось намъ подозрительно и тревожно. Мы прослѣдили. Какъ всѣ улягутся спать, она вставала съ постели и проходила въ комнату дѣвочки, подростка лѣтъ 13, гдѣ обычно горѣла передъ образами лампадка. При тускломъ ея свѣтѣ она садилась на табуретъ передъ зеркаломъ и такъ неподвижно смотрѣлась на себя почти часы. Бѣдная, бѣдная... она искала чего-нибудь занимательнаго въ своемъ лицѣ или фигурѣ, но все было безнадежно въ смыслѣ привлекательности. Въ поведеніи она была очень нервна, горда, безмолвна и трудолюбива. Еще не развѣло, бывало, а она уже двигается безшумно по комнатамъ съ уборкой. Чтобы не получить какого-нибудь замѣчанія, она такъ сказать шла впереди задачъ своей работы. Очень поздно мы узнали, что у ней уже было двое дѣтей отъ безнадежнаго „жениха“, какъ выражаются здѣсь въ Петербургѣ. Ихъ она держала въ деревнѣ, у семейнаго брата, выплачивая за каждого по

5 р. въ мѣсяць, и себѣ оставляла изъ жалованья два рубля. Однажды ранней весной, въ бурю и дождь, ей принесъ какой-то мужикъ записочку.—„Барыня,—говоритъ она моему женѣ,—я должна идти въ деревню“.—„Какъ? куда? что? невозможно!“ Время было и для насъ трудное, шла, кажется, уборка бѣлья. — „Тогда пожалуйте разсчитать“. Тутъ-то изъ распросовъ и оказалось, что у ней—дѣти, и что сейчасъ одинъ трудно боленъ, о чемъ и извѣстила полученная ею записочка отъ брата. Конечно, она была немедленно отпущена. Въ невыразимую грязь она пустилась въ далекую дорогу, и дня черезъ два вернулась мокрая и холодная, „аки Иона изъ чрева китова“. Раздулся какой-то ручей по дорогѣ, и она, переходя, искупалась въ немъ, и не обсушившись—все шла къ ребенку. Великое значеніе имѣетъ *цѣпкость къ жизни*, и я думаю цѣпкая жизнь, на „вѣки вѣковъ“, каковая и нужна націи, зиждется и созиждется не на бесплодныхъ Татьянахъ, а вотъ на такихъ обмокшихъ и усталыхъ, все „переступающихъ“ ради дѣтей, женщинахъ. Мы ихъ лично коримъ, но *національно* отъ нихъ пользуемся. Право, было-бы глубоко страшно ихъ національно погасить и рискнуть остаться при фарфоровой.. Лизѣ Калитиной („Дворянское гнѣздо“) и Татьянѣ Лариной. Полная получилась-бы картина національнаго вырожденія.

Но какъ-же устроить, урегулировать эту мощь и силу и хитрость и лукавство и бѣшенство рожденія?! Очевидно, — не погаясь его, что привело-бы къ вырожденію, но — соглашаясь съ нимъ. Вспомнимъ Бэкона и его афоризмъ: „*повелѣвать природою можно только повинаясь ей*“...

Одна любовь укрощаетъ страсти и преобразуетъ могучаго льва въ послушнаго ягненка. Страсть (половая) есть сила, совершенно неодолимая, и только есть одна другая сила, которая съ нею справляется: сила любви. Вспомнимъ „Пѣснь пѣсней“:

Сильна какъ смерть любовь,
Страшна какъ преисподня.

Не съ такими силами справляться тощему закону и вялымъ общественнымъ пожеланіямъ. Любовь разрываетъ ихъ, какъ тигръ ягненка, какъ левъ толпу гонѣнъ, переступившихъ ему путь...

За любимаго мужа жена пойдетъ въ огонь, и за дѣтей отъ любимаго человека она переплыветъ рѣки и океаны; и за любимую жену опять-же мужъ претерпитъ всѣ униженія на службѣ, не устанетъ ни въ какой работѣ, не оборвется въ жилахъ. Да, такъ вотъ въ чемъ идеаль: въ семьѣ, гдѣ члены любили-бы другъ друга. Дайте мнѣ только любящую семью, и я изъ этой ячейки построю вамъ вѣчное социальное зданіе. Построена-ли наша и вообще европейская семья на любви? Увы, разберите примѣры Калитиной и Татьяны, т.-е. разберите самый идеаль зовущій насъ,

и вы увидите, что семья наша построена на другомъ принципѣ—*долга*.

О, я не о высотѣ этого принципа говорю, не идеальность въ немъ оспариваю; я говорю о *прочности*. Ибо вѣдь мы не *грезы* строимъ, а жизнь: и тщетно пускать поѣздъ на мостъ, построенный изъ приснившихся въ сновидѣніи матерьяловъ! „Мы должны“, „я долженъ“, „ты должна“. Ну, хорошо, пять лѣтъ „я долженъ“, десять лѣтъ „я долженъ“; все вспоминаю или пожалуй Татьяна вспоминаетъ о „могилѣ няни“.—„И на одиннадцатый годъ вспоминаетъ“?—„И на одиннадцатый“... -- „Фу, пропасть: да о чемъ вспоминаетъ“? — „Да вотъ о томъ, что—могила, и тамъ—няни. И плачетъ. Мало кушаютъ и все плачутъ, о могилѣ и о нянѣ“.— „Ну, ладно, мнѣ некогда, пусть ее посмотритъ лѣтъ еще черезъ десять какой-нибудь приватъ-доцентъ, а я пройдуся... нѣтъ-ли у ней какого родства“?—„Какъ-же, сестричка Ольга, которая тоже плачетъ по Ленскомъ — выйдя замужъ за посѣдѣлаго предводителя дворянства“.—„Ну, вотъ я къ ней“. Теперь къ идеямъ соціального строительства я прибавляю точку зрѣнія моральнаго пурриста, и собственно послѣдняя-то точка зрѣнія мнѣ особенно и важна. Въ усадьбу къ Ольгѣ пусть прїѣзжаетъ юный родственникъ ея мужа, и читатель согласится со мною, что опять тутъ открывается уголокъ нравовъ общественныхъ, о которыхъ скорбятъ публицисты и ищутъ ихъ причины, когда единственная причина скрывается въ ложномъ насъ манящемъ идеалѣ и въ ненадежности семейныхъ стропилъ, по строенныхъ изъ „долга“. Дѣло въ томъ, что, входя въ семью построенную на „долгѣ“, вѣдь я нисколько не знаю, на сколько въ ней долгъ выдержанъ. Terra incognita! И я присматриваюсь, какъ Колумбъ въ Америкѣ,—„гдѣ и что плохо лежитъ“. Гдѣ „долгъ“, тамъ *могутъ* быть и непременно *есть* всѣ степени *начинающейся* измѣны ему, тогда какъ гдѣ „любовь“—тамъ уже не можетъ быть измѣны любимому (вѣдь измѣняютъ безъ любви, въ безлюбивной семьѣ). Татьяна не измѣнитъ, но можетъ быть Ольга измѣнитъ; а, впрочемъ, мнѣ все равно, я ищу не непременно Татьянину или Ольгу, а вообще женщину. *И вообще женщину, способную измѣнить, я нахожу въ европейской семьѣ, построенной по „долгу“, а не на „любви“*.—„Э, сударушки, кто-то изъ васъ слабнеть въ долгѣ; не вижу, а носомъ слышу, да и умомъ а рїогі знаю, ибо гдѣ-же есть гвардія изъ ста тысячъ героевъ. А я охотникъ, съ теноромъ, молодостью и богатствомъ“. Ну вотъ вы тутъ и читайте мораль.

II.

Ясно, что не въ *ней* дѣло, а въ томъ, что *почва* подъ семьею зыбка; въ безнадежности ея стропилъ; въ томъ, что я и *каждый* навѣрно

а ргіогі знаемя, что въ европейской семьѣ можно „охотиться“. Тоже и за мужьями охотятся подруги женъ, не слабѣтъ-ли кто изъ нихъ въ „долгѣ“. И только гдѣ долгъ совпадаетъ съ любовью или, устраняя фразы, гдѣ законъ и нравы признають любовь и семья построена отъ фундамента до вершины на любви—„охота“ прекращается. До сихъ поръ и всегда психологія европейской семьи была психологія начинающагося похищенія, расхищенія; особенная психологія жадности пришельцевъ („гости“, „друзья“, „знакомые“) и.. скуки матросовъ корабля по берегу. „Берегъ! берегъ!“ „Любовникъ! любовникъ!“ Да, скучно на кораблѣ, берегъ шире; на кораблѣ все „долгѣ“, „служба“, а берегъ—широкое поле, съ рощами, гостиницами, лакомыми приманками. Кто о немъ не мечтаетъ? Т. е. кто въ европейской семьѣ не мечтаетъ о флиртѣ, о флиртѣ на вершокъ, о флиртѣ на аршинъ, о флиртѣ на версту! Собственно, что не пошатнулось въ Европейской семьѣ нисколько? Только правильность, неизбежность и абсолютный авторитетъ вѣнчанія. Это—точь-въ-точь сейчасъ, какъ при Ярославѣ Мудромъ; но подъ вѣнчаніемъ пошатнулась семья, она разбѣжалась, наконецъ—она сдѣлалась грязна, сальна. Я и говорю, какъ мыслитель, какъ юристъ: „да перенесите, гг. законодатели и моралисты, эту абсолютность съ обряда на фактъ—и вы получите семью *кровоую*, какъ до сихъ поръ было, и остается *кровою вѣнчаніемъ*. Переложите абсолютность, святость и авторитетъ съ формы на содержаніе, со скорлупы—на зерно, съ переплета—на книгу: и вмѣсто золоченыхъ переплетовъ, объемлющихъ пустую бумагу или неприличный романъ, вы получите плохонькій переплетъ, обнимающій безцѣнную книгу, святую книгу возможной европейской семьи!“ Въ этомъ весь узелъ вопроса. Вѣдь теперь какъ разсуждаютъ? „Ради Бога, не начните жить безъ *вѣнчанія*, ужъ какъ-нибудь, но его добудьте. Повѣнчано—и *кончено* и все хорошо“. И безмолвное къ этому добавленіе, но непременно изъ него вытекающее: „какъ это соблюли — въ *остальномъ* какъ хотите: хоть живите на разныхъ половинахъ одной квартиры, хоть совсѣмъ по разнымъ квартирамъ, хоть даже въ разныхъ городахъ и государствахъ; пожалуй—сорьтесь, измѣняйте одинъ другому. Пьянствовать?—и выпить можете, человекъ слабъ, а жена стерпеть. Жена наряды любить? со скуки, какъ вы водку? — и наряды ей дайте; жену надо побаловать, мы всѣ слабы“. Кто оспоритъ, что такъ абсолютно и движется все по абсолютному закону. И вотъ меня, любителя жизни и практики, обуяла жажда этой *абсолютности для жизни* и, какъ маленькій Колумбъ, я въ мысляхъ порѣшилъ перевернуть загадочное яйцо семейнаго вопроса: „абсолютное — семья; тамъ какъ угодно съ золочеными скорлупами, но чтобы было здорово и вкусно самое *зрно*. Живите *согласно*, при одномъ *ложѣ* и за однимъ *столомъ*; непременно чтобы были *дети*, и не-

премѣнно—фактическое супружество; ни *соринки*, ни *грязинки*, никогда—*разлуки*, ни въ чемъ — *размолвки*. Одно тѣло и одна душа; и общая кровь въ жилахъ, какъ и одна мысль въ мозгу. *Это все—абсолютно! а остальное прочее — какъ угодно!*“. Если таково станеть требованіе отъ зерна, то очевидно абсолютность скорлупы должна податься, и гнилая пыль, сгнившая и пахучая пыль худого грѣха не должна прикрываться золоченою скорлупою. Здоровая обыкновенная скорлупа на здоровомъ орѣхѣ, и никакого *подлога*, никакого *несоответствія зерна и скорлупы*. Тогда я знаю, что раскусываю. Входя въ семью, я знаю, что вхожу въ здоровую семью, на протяженіи всей Европы; и у меня не создается психологія охотника въ лѣсу. Это-то и важно. И теперь есть чудныя семьи, но я не знаю, *которыя*, и не увѣренъ, не суть-ли чудныя семьи—*„истощающіеся въ терпѣніи“* семьи, гдѣ, слѣдовательно, можно начать охоту. Таково положеніе дѣлъ въ странѣ, въ вѣкахъ, въ цивилизаціи.

III.

Тутъ и polegъ геній Моисеева „разводнаго письма“, секретъ его бытового дѣйствія, его психологіи. Секретъ этотъ пожалуй мнѣ объяснился лѣтъ 14 назадъ, въ первый мой прїѣздъ въ Петербургъ: остановился я въ гостиницѣ, по близости Аничкова моста, и готовить мнѣ комнату молодая и миловидная женщина, оказалась въ концѣ разговора—чухонка. Запомнилъ это потому—, что я первый разъ въ жизни „чухонку“ видѣлъ. Тогда, какъ и сейчасъ, прислугу или извозчика я всегда спрашивалъ: „женать или замужемъ? есть дѣти или нѣтъ? и всѣ-ли здоровы?“ Такая разговорная привычка у меня, специально направленная не къ душе-спасительному, а къ тѣлесно-спасительному. „И замужемъ и не замужемъ“,—отвѣтила мнѣ миловидная женщина.—Я впалъ въ сердобольный тонъ, догадавшись, что она „такъ“ живетъ,—но она мнѣ гордо отвѣтила (какъ и вообще была горда и какъ-то счастлива съ виду): „Онъ и хотѣлъ-бы жениться, да я не иду“. На крайнее мое изумленіе (замужество—почетъ) она проникновенно сказала (только баба и можетъ объ этомъ догадаться): „Что мнѣ обѣщаетъ замужество? Теперь онъ меня бережетъ, за мной ухаживаетъ, слова грубого мнѣ не скажетъ. Я ему дорога и нужна; ничего въ смыслѣ денегъ не стою—и хороша. И онъ мнѣ дорогъ—потому что ласковъ, потому что милъ. А выйду замужъ и... можетъ быть рука его на меня подымется“. Я поразился. Но вѣдь это такъ!!! Любящая женщина конечно есть сокровище, но его надо сберечь. Абсолютность, перенесенная на обрядъ, и есть принципъ: „не надо беречь, все равно — въ карманѣ“. Снятие абсолютности съ обряда и перенесеніе ея на семью есть въ то же

время сущность Монсеева „разводнаго письма“, которая заключается въ уничтоженіи этого главнаго яда семьи, теперешней самодѣянности, теперешней „законной“ самоувѣренности: „какой я ни подлець, а—мужъ, и ты ноги мои мой—да воду эту пей“, или съ другой стороны: „говоришь, спина ломится отъ труда, ничего, вѣдь я законная жена: мнѣ нужно шляпку въ восемнадцать рублей, потому что мой любовникъ любитъ шляпки не ниже восемнадцати рублей, а ты потрудись и заработай“. Вотъ вы такъ связаннымъ въ законѣ людямъ и читайте мораль:

„Коть Васька—плуть!

„Коть Васька—воръ!!

Боже, до чего глупы, до чего горько глупы эти сѣтованія!! Какъ мудрѣй моя чухонка въ померахъ!—„Я дорога ему“. Да, конечно такъ, какаѣ-же жена не дорога, на самую прозаическую оцѣнку, по самому простому счету. Очевидно есть что-то специально гибельное въ условіяхъ нашей семьи, какой-то arsenicum, мышьякъ въ нее впрыснутый, что дорогое можетъ превращаться въ недорогое. Глупые увѣряютъ: „это отъ того, что надоѣдаетъ человекъ человеку“. Какъ бы не такъ! А я скажу: „дорогое должно бы становиться съ годами дороже, потому что съ каждымъ днемъ крѣпнеть привычка“. Почему-же старые брилліанты, картины и статуи, долженствовавшіе-бы „прійѣсть глазу“, не продаютъ, не „спускаютъ за безцѣнокъ, чтобы обмѣнять на новенькое“, а болѣзненно хранятъ и въ старости любятъ ими больше, чѣмъ въ молодости. „Перемѣнъ“ въ библіотекахъ и коллекціяхъ не любятъ. Такъ то *вещи*: какова-же *привычка*—къ *человѣку*! И когда его хотятъ смѣнить,—значитъ и съ самого начала „прилѣпленія“ („два въ плоть едину“) не было, а было простая *лежалость* рядомъ, механика *сосѣдства* безъ тайны *взаимо-вростанія*. Французы давно замѣтили пошлымъ, но наблюдательнымъ взглядомъ: „le mariage est le tombeau de l'amour“. Они указываютъ прямо линію, моментъ, откуда начинается *охлажденіе*. Съ *стыжканія*! т. е.—съ *нерасторжимости*!! Теперь я обращу вниманіе нашихъ русскихъ наблюдателей: до какой степени не насытно длятся и никогда почти не ломаются: 1) тайныя связи уже замужнихъ женщинъ, 2) нелегальная семья. У Гончарова въ „Обрывѣ“, у Достоевскаго въ „Вѣчномъ мужѣ“ есть наблюденіе надъ первыми; я наблюдалъ вторыя, безъ единой грубости другъ другу въ теченіе долгихъ лѣтъ. Все этимъ и рѣшается. „Mariage“ потому есть „tombeau de l'amour“, что это есть минута, черта, начиная отъ которой возможно свинство. Переступилъ—и попалъ въ хлѣвъ. Почему? Да потому, что все вдругъ становится возможно! „Теперь я свинья—о, совѣты-то мнѣ даны на праведную жизнь, но вѣдь то свѣты, и мнѣ на нихъ наплевать,—а, по за-

кону, какая бы я ни былъ свинья, все равно законный мужъ“. Секретъ прочности „связей“ и „нелегальной семьи“ и заключается въ томъ, что принципъ: „живите согласно“, есть въ нихъ не платоническое правило, а желѣзный—о, какой желѣзный!—законъ: „живешь согласно, не обижаешь, не бранишься—о побояхъ я и думать не начинаю: и я—твоя“ (разсужденіе чухонки). Мужъ (или „любовникъ“) и живетъ „согласно“, да и какъ же жить „не согласно“, когда послѣ первой-же грубости—не говоря о привычкѣ и любви—просто въ физиологическомъ смыслѣ придется обратиться, вмѣсто чистой и прекрасной женщины, къ „улицѣ“, „твари“, проституткѣ. Вотъ отчего „любви“ и „сожитія“ рѣдко распадаются, а „браки“—очень часто. Психологія какъ $2 \times 2 = 4$ простая. Добавлю къ ней еще одно тончайшее наблюденіе. Все ускользящее—безконечно дорого; а „что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ“. „Любовь“ или „сожительница“ есть вѣчно ускользящая вещь, и которой нельзя ничѣмъ (юридически) удержать: именно этимъ-то бѣгучимъ въ себѣ моментомъ она дразнить, раздражаетъ, манитъ, родитъ любовь и ею, какъ стальною цѣпью, и держится. Она безконечно бережется и безконечно берегущій „мужъ“ („сожитель“), даже безъ влюбленности женщины, бережется и ею, какъ вѣрный залогъ покоя и счастья. Да и просто онъ милъ дѣлается за одну свою деликатность. Мало-по-малу образуется такая атмосфера удовлетворенности и покоя, безъ опаснаго момента „законной скуки“,—что „связь“, будучи ничѣмъ извнѣ не обезпечена, становится несокрушима. Вставьте-же эти счастливейшія условія любви въ бракъ: и вы получите бракъ прочный какъ любовь. Но что это за условіе? Не связанность, паденіе узъ; точнѣе—замѣна психологическими узами, „благодатными“, юридическихъ. Сколько я постигаю, сумму этой психологіи и уловилъ древній еврейскій законодатель, построивъ столь непохожій на нашъ разводный механизмъ:

— „Я тебя позвалъ въ семью, какъ любящую и вѣрную подругу, мать будущихъ дѣтей нашихъ, какъ хозяйку дома. Вотъ—на столѣ у меня разводное письмо. Не таись. Будь вѣрна—пока вѣрна, береги имущество мое, будь воспитательница дѣтей. Не притворяйся, ибо ложь есть аггенісумъ семьи: какъ только ты внутренно пала, какъ мать, жена или хозяйка,—безъ шума, возни и полиціи, ты—жена другого, и я буду искать себѣ лучшую жену“.

Въ сущности—это логика моей чухонки въ номерѣ, и не мудрѣе, и не глупѣе. Вѣдь „разводное письмо“ не приходится никогда (за рѣдчайшими исключеніями „роковой любви“ или ужъ совершенной негодности, негодяйства жены) приводить въ движеніе. Къ чему? Оно есть условіе такого счастья, покоя, трезвости жизни, что только шальной кинется въ омутъ дальнѣйшихъ приключеній. Такъ это „разводное письмо“ и легло на нравы цѣль-

ной націи. Оно успокоило кровь (необыкновенно бурную у евреевъ, см. „Библию“), выправило нравы, создавъ одну и самонужнѣйшую вещь: деликатность, нѣжность, осторожность. „Тутъ ужасно легко порвать: а поэтому будемъ осторожны“. Совершенно противоположно нашему: „У, канатище—не оборвешь. Попробуемъ! Наляжемъ“!

— У меня любовница.

— У меня тоже любовникъ.

— Идемъ въ консисторію.

Пришли.

— У насъ по любовнику и по любовницѣ.

— Худо. Есть свидѣтели?

— Какъ-же, вся улица знаетъ.

— Нѣтъ, особенные, которые чтобы подкуплены были и чтобы ввали. Мы только имъ вѣримъ.

— Почему-же стоитъ такой свидѣтель?

— По три тысячи на рыло. Нужно два свидѣтеля.

— Отчего такъ дорого?

— Какъ-же, подъ присягой вѣдь. Трудно. Также совѣсть.

— Нѣтъ такихъ денегъ.

— Ну, а нѣтъ, такъ и живите... согласно, любите другъ друга и не оскорбляйте святое таинство брака.

— Это—платонически? или... какъ?

— Платонически. По закону ты можешь ей рыло свернуть и она можетъ тебя мышьякомъ отравить, а платонически вы „живите согласно, любите другъ друга и не нарушайте святого“...

— Хорошо, Матрена, пойдѣмъ домой; и теперь ты—меня, а я—тебя; и кто кого скорѣй до гробовой доски.

Такъ-то и выходитъ, что дѣйствительно въ „неисповѣдимой тайнѣ“ супружества паутинка-ниточка разводнаго письма не лопается, а нашъ корабельный канатъ брака (процедура развода)—трещить.

— У, постылая! убью тебя!

— У, постылый! отравлю тебя!

Корреспонденты пишутъ:

„Крайняя подвижность общества, желѣзныя дороги, новѣйшая школа и развращающее дѣйствіе скандальныхъ судебныхъ хроникъ распатали благочестивые нравы прошлаго вѣка (въ которомъ буквально писали то же самое) и дали еще одинъ скорбный инцидентъ: въ улицѣ NN городка MM чиновникъ или мастеровой, или писатель, бивъ 12 лѣтъ жену, дѣйствительно сварливую и негодную,—и все-таки не добивъ, полоснулъ ножомъ по горлу. Осталось пять человѣкъ дѣтей, нервно-больныхъ, отъ отца и матери—пропойцы: благотворители, примите участіе“.

Вотъ о чемъ надо подумать.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXVI. Параллельно В. В. Розанову.

Итакъ, милый другъ, приходится продолжать и все въ томъ-же родѣ? Смущаетъ меня только вопросъ: да не надоѣли-ли мы съ вами читателямъ? Нѣтъ? Ну, пусть будетъ нѣтъ: начнемъ говорить далѣе. Страннѣе всего въ нашемъ спорѣ именно то, что я имѣлъ уже случай подчеркнуть и отмѣтить. Мы въ основахъ съ вами какъ будто-бы тѣсно согласны, а между тѣмъ споримъ. О чемъ? Ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что вы признаете роль *долга* въ семейныхъ отношеніяхъ, и, со своей стороны, прошу васъ постоянно помнить, что я неспособенъ отрицать великую первенствующую роль *любви*¹⁾ въ томъ-же вопросѣ. Не лучше-ли намъ помириться на формулѣ: любовь — созидаетъ бракъ, долгъ его поддерживаетъ. Право, ни для кого не будетъ обидно подписаться подъ такой формулой, и если-бы дѣло ограничивалось торжествомъ словеснымъ, формальнымъ, то мы-бы съ вами имѣли полное право рука объ руку торжествуя прослѣдовать въ храмъ великихъ моралистовъ, при ликованіи довольной толпы, съ благословеніями какъ старыхъ, такъ и молодыхъ поколѣній! Ибо—сіе *древнѣе* міра и *незыблемѣе* горь, покуда оныя работой времени не обрушатся.

Вы, дорогой другъ, и частію учитель, съ панталыку сбиваете меня цитатами богословскаго характера, передъ которыми я пасую. Въ этой области пусть спорятъ съ вами лица компетентныя, и я на эту арену гладиаторства съ вами не пойду. Къ чему идти

¹⁾ Да, всѣ признають *любовь*.. платонически, въ стихахъ, въ разсказахъ и философіи. А какъ до *дѣла каснется*, до *суда* дойдемъ, до *закона*—то всѣ любви чураются, всѣ *ее* обвиняють, и никакое *рѣшеніе* о семьѣ не опирается на фактъ *признанной* и *уважаемой* любви. Въ этомъ все и дѣло. В. Р.—въ.

туда, гдѣ будешь побить въ ту же минуту, ибо когда противникъ будетъ фехтовать зрячимъ, тебѣ придется отфехтовываться съ глазами завязанными?

Я, опять ставъ на почву чисто гражданскую, куда и вамъ входъ вполне доступенъ, постараюсь еще разъ повернуть важный и страстный вопросъ въ сторону его практическаго разрѣшенія.

Любовь все объемлетъ, все зиждетъ, все приводитъ къ хорошему концу и тамъ, гдѣ она *есть*, тамъ намъ съ вами дѣлать нечего.

Ромео, Вертеръ, Позднышевъ, Бронскій, Оиѣгинъ, даже Печоринъ съ княжной Мери, все это суть частности любовнаго отношенія къ женщиѣ, не всѣ конечно, но тѣ, какіе немедленно и безъ труда попали мнѣ подъ перо и пришли на память. Всѣ они любили, хоть каждый и по своему, и всѣ эти несомнѣнно любившіе не годились-бы для семейнаго счастья.

Я ужъ не цитирую ни Ловеласа, ни Жуана, — ихъ любовь, однако столь цѣнимая женщиной, въ счетъ не входитъ. Правильно и вѣрно вы указываете для такихъ случаевъ плотской любви ея безплодіе, то есть по вашему—неблагословеніе такой любви Богомъ. До сихъ поръ, какъ видите, мы двигаемся съ вами параллельно, и не далѣе, чѣмъ какъ двигаются пути одной и той-же дороги. Но являются въ результатѣ любви дѣти, и вотъ тутъ-то наши съ вами пути немедленно, если и пойдутъ въ ту-же сторону, то есть въ сторону укрѣпленія и утвержденія семейныхъ основъ, то уже во всякомъ случаѣ не на полотнѣ одной и той-же желѣзной дороги.

Дѣти? Ахъ, какъ много и какъ трогательно говоримъ мы о нихъ!

Вамъ особенно почему-то милы *несчастныя* дѣти любви несчастной? И вы, въ благородномъ стремленіи улучшить ихъ участь въ гражданскомъ, а не въ духовномъ смыслѣ, не видите и не замѣчаете, что легкій разводъ, неустойчивость семейнаго уклада ничего въ сущности реального не дастъ плоду любви несчастной и, напротивъ, все отниметъ отъ плода любви, если и тоже несчастной, то во всякомъ случаѣ заявленной у нотариуса.

Это рѣшеніе простое и радикальное. Если-бы кокеткамъ и гетерамъ повелѣно было носить брилліанты, одѣваться у лучшихъ портнихъ за счетъ государства, *но непременно* ѣздить въ экипажахъ на *желтыхъ* колесахъ, то я убѣжденъ, что явная проституція сейчасъ-бы согнула голову и притушила-бы немедленно свою побѣдоносность.

Есть старый разсказъ (боюсь соврать, кого, Н. Успенскаго, кажется), въ которомъ отчаяннѣйшій кнутовой, управляющій надъ крѣпостнымъ имѣніемъ, тиранившій мужиковъ до-нельзя, существовалъ отлично, не смотря на страхъ, имъ внушаемый всѣмъ и

каждому. Но вотъ съ объявленіемъ воли, онъ однажды нерадиваго работника приказалъ посадить на золотое кресло и привязать къ нему обыкновенной ниткой. Въ ту-же ночь этотъ свирѣпый кнутобой, которому сходили страшныя истязанія даромъ, былъ безчеловѣчно убитъ человѣкомъ и рабомъ, надъ которымъ онъ себѣ позволилъ издѣваться. Вдумайтесь-ка въ это и вы увидите, къ чему приведетъ ваша по внѣшности столь милая схема. Если полноправнымъ гражданиномъ по общему *органическому*, а не писанному только убѣжденію, можетъ быть человѣкъ рожденный только отъ брака, благословеннаго церковью (все равно, какія-бы ни были детали этого благословенія), то дайте вы не только равныя права, но и великія преимущества инако рожденнымъ, все равно ихъ положеніе въ мірѣ не станетъ ни на волосъ лучшимъ. Пусть незаконнорожденные носятъ висонъ и золотыя бармы, пусть пользуются особымъ уваженіемъ толпы, пусть при ихъ появленіи обязательно городовые честь отдають, для чего (замѣьте это) имъ нужно дать какое-либо отличіе, ну хотя брилліантовую звѣзду на шляпѣ¹⁾, но пусть при этомъ ихъ не признаетъ церковь за Божіихъ людей²⁾, положеніе ихъ не только не станетъ лучшимъ, но напротивъ худшимъ. Теперь незаконная дочь, выходя замужъ, совсѣмъ теряетъ всѣ свои особыя меправа; выслужившійся директоръ гимназіи до дѣйствительнаго статскаго совѣтника становится дворяниномъ потомственнымъ, и дѣти его нисколько не страдаютъ отъ его незаконнорожденности. Ну, а тогда, извините, явится каста ублюдковъ привилегированныхъ, можетъ-быть и не злобная каста, но во всякомъ случаѣ человѣческаго въ ней будетъ мало. Какая-же противъ этого мѣра? •

Одна единственная только, дорогой другъ: „не прелюбодѣйствуй“ и „не имѣй незаконныхъ дѣтей“. Это говоритъ Богъ, а Его слова благоговѣнно повторяетъ церковь. Если-же по несчастію, по пылости натуры или благодаря вмѣшательству гражданской власти въ отправленія чисто фізіологическія, разумѣя запрещенія браковъ прежде 21-го года, явятся тоже дѣти,—то только за любовью отчей и матерней, въ толерантности христіанскаго общества, въ заступничествѣ у Бога и Дѣвы Маріи за этихъ дѣтей и всего болѣе благодаря христіанскому *всепрощенію*, эти дѣти могутъ получать

¹⁾ Какое надѣвательство?! Къ чему оно? надъ кѣмъ? Вотъ такіе-то „мимоходомъ“ щелчки въ затылокъ и породили дѣтубійство въ христіанскомъ мірѣ. Оставьте, гг. писатели, и не смѣйте ни надъ однимъ и ни надъ какимъ ребенкомъ издѣваться—иначе насмѣшка полетитъ въ очень дорогія для васъ вещи. В. Р.—в.

²⁾ Вотъ это—колоссально важно. Все дѣло въ перемѣнѣ не *государственнаго и общественнаго*, а церковнаго взгляда на рожденіе, вообще *всякое*, а затѣмъ уже и „незаконное“. Такъ я и говорилъ все время, къ этому все и веду. Но авторъ не замѣчаетъ, что отъ этого дѣло становится *острее и чреватѣе послѣдствіями*... В. Р.—в.

человѣческія права и достигать всего, чего достигаютъ дѣти законныя. Это сторона нравственная. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда отецъ не признаетъ своихъ дѣтей своими, когда мать бросаетъ младенцевъ въ прорубь,—намъ христіанамъ лучше всего вѣрить искренно и глубоко, что пути Божіи намъ неисповѣдимы ¹⁾. Не земною только жизнью живетъ духъ человѣческій, и кто знаетъ, можетъ-быть сюда шлетъ его Богъ для испытанія и для кары, за единый великій грѣхъ—грѣхъ не послушанія—этотъ первородный грѣхъ, сгубившій всю землю. Думаютшіе по вашему неминуемо должны вѣрить, что смерть есть наказаніе, есть ужасъ ²⁾; напротивъ вѣрящіе въ благодать Божію должны вѣрить, что смерть есть избавленіе отъ мукъ грѣха, есть конецъ, послѣ котораго „Нынѣ отпускаеши раба“ есть наивѣрнѣйшая формула для мысли благочестивой.

Поймите точно и строго, что всё мы смертны и часу своего никто не знаетъ. Почему-же бы въ этомъ направленіи надо силиться и стараться дать какіе-то особыя преимущества дѣтямъ незаконнорожденнымъ?

Милый мой другъ по духу, вамъ, какъ человѣку не на словахъ, но и духомъ вѣрующему, позвольте сказать, что въ вопросѣ о незаконнорожденныхъ я имѣю нѣкоторую фактическую компетенцію. Мать моя незаконнорожденная дочь одного изъ лучшихъ людей ³⁾, достаточно высокопоставленныхъ (только не королей), время Александръ I. Онъ былъ *четвертымъ* мужемъ моей бабушки и нисколько не скрывалъ своей связи, почему и оставилъ своимъ дѣтямъ свою фамилію, но конечно не титулъ; онъ-же оставилъ имъ свое состояніе и даже похороненъ подле мавзолеемъ рядомъ со своей четвертой гражданской женой, которую конечно любилъ тою любовью *семейной*, которую и вы проповѣдуете. Дочери его, не смотря на свое незаконное происхожденіе, сдѣлали отличныя партіи; дѣти ихъ пошли высоко по службѣ и всё отличались дѣдовской честностью, прямою и не обижены были и талантами ⁴⁾. Такъ хотѣлъ значить Богъ. Затѣмъ смолоду

¹⁾ То-то „христіанская толерантность“. Тогда и объ Иродѣ надо сказать, что онъ рассчитывалъ на „неисповѣдимостъ путей“ и пожалуй предварилъ не только наши дѣтоубійства, но и нашу religio. В. Р—въ.

²⁾ Конечно—ужасъ!! А дѣтоубійство (каково матерямъ послѣ)—ужасъ ужасовъ. И я всегда думалъ, что *идея* и *чувство* и насмѣшки около „незаконнорожденности“ суть какъ-бы восковая (изъ чернаго воску) свѣча въ капищѣ сатаны. В. Р—въ.

³⁾ Какъ торопится замѣтить: „одного изъ лучшихъ“, изъ „высокопоставленныхъ“. А раньше смѣялся надъ питомцами Воспитательныхъ домовъ, говорящими, что „они проихотятъ отъ князей“. Но Богъ обратилъ насмѣшку на смѣющагося. Но каково дѣтямъ *простить*? В. Р—въ.

⁴⁾ Что-же изъ этого *худо*о вышло? Какое *множество* добрыхъ послѣдствій! Почему-же не разрѣшенъ 4-й и 5-й бракъ: приведенный раз-

я вращался въ родственномъ мірѣ артистовъ, художниковъ, очень знаменитыхъ поэтовъ, архитекторовъ и т. далѣе. Но эта среда, не смотря на то, что ей приписываютъ какое-то вообще отрезвляющее значеніе въ жизни, сама отличается замѣчательною свободою нравовъ, т.-е. половую распущенностью и пьянствомъ. И такихъ родственниковъ съ талантами у меня было очень много, гораздо болѣе, нежели я-бы того желалъ, и отъ нихъ осталось много вотъ такихъ несчастно-рожденныхъ. У многихъ я былъ по-неволѣ и опекуномъ и попечителемъ. И вотъ, повѣрьте мнѣ на слово. Изъ мальчиковъ незанорожденныхъ вышли идеальнѣйшіе отцы семейства ¹⁾, несмотря на ихъ можетъ быть и невысокія гражданскія качества. Изъ дѣвочекъ, предварительно прошедшихъ огонь и мѣдныя трубы, вышли не плохія жены и матери ²⁾ до тѣхъ поръ, покуда въ душахъ ихъ жилъ страхъ Божій. Имъ самъ Богъ посылалъ удивительнѣйшихъ по душевнымъ качествамъ мужей, и до тѣхъ поръ, покуда этотъ страхъ Божій сохранился,—и миръ царствовалъ въ ихъ благословенныхъ семьяхъ ³⁾. Много иначе стоитъ дѣло тамъ, гдѣ въ основу былъ положенъ обманъ, взаимное надувательство и собственный развратъ. Вотъ тутъ были случаи, когда законнорожденный негодий женился на законнорожденной негодяйкѣ ⁴⁾ и былъ обманутъ также жестоко, какъ и самъ надѣялся обмануть свою законную подругу жизни. Но, многоуважаемый, изъ зла—кромѣ зла никогда ничего не вырастетъ, изъ плевель вырастетъ плевель сугубый, изъ лжи общей растеть ложь злая. И это есть кара Божія, и какъ такуюю ее надо и принимать ⁵⁾!

Почему я такъ пристально слѣжу за вашими идеями и спорю съ вами? Потому, что вы не вѣдаете, что творите. Вы убиваете этотъ страхъ Божій тѣми послабленіями развода и узаконеніи

сказъ—колоссальный доводъ въ пользу мною проповѣдуемой необходимости *открытости и признанности отношеній* теперешнихъ „не легальныхъ связей“. Ибо въ рассказанный фактъ введите *тайну, укрывательство*—и вмѣсто добрыхъ плодовъ вы получите *несчастье, злобу, нищество (дѣтей) или ихъ смерть*. Кому это нужно? Зачѣмъ? Давидъ, стыдящійся Вирсавіи, далъ-бы челоуѣчеству не Соломона, а лишній дѣтскій трупикъ. О, какъ вразумительны свидѣтельства Библии! В. Р—въ.

¹⁾ Какое признаніе! А мы такихъ „съ камнемъ на шеѣ—въ воду“. Сколько отнимаетъ общество у себя, государство! В. Р—въ.

²⁾ То-то, то-то. А вы выше говорили: „не будемъ разсуждать о смерти такихъ дѣтей: это есть искушеніе грѣха“. Нѣтъ, это есть свѣчка дьяволу. В. Р—въ.

³⁾ То-то, то-то. Какъ я радъ, что вызвалъ всѣ эти признанія. Сколько въ нихъ важности. Будемъ-же сіе беречь, лелѣять. И оставимъ жестокость. В. Р—въ.

⁴⁾ Интересно. О, какъ все это важно. А вы, настаивая на *формахъ*, говорите: „шире дорогу этимъ негодьямъ, и сбросьте съ путей ихъ тѣ благочестивыя семьи“! Но Богъ заворачиваетъ ваши слова иначе, чѣмъ вы сами хотите. В. Р—въ.

⁵⁾ Нѣтъ, съ нею надо бороться. В. Р—въ.

дѣтей, которыя вытекаютъ у васъ изъ самыхъ лучшихъ побужденій и благодаря только вашей чистотѣ душевной. Вы проповѣдуете любовь? Да, любовь бываетъ на утрѣ семейной жизни. Мужу 25, женѣ 20 лѣтъ: все вокругъ нихъ сіяетъ, все благоухаетъ, и любви ихъ кажется и конца нѣтъ. Но вотъ прошелъ годъ,—явился ребенокъ. Муки, хлопоты, безпокойства, безсонныя ночи, у мужа страхъ за родильницу? Да, крута горка да забывчива,—говорить пословица—Еще годъ—еще дитя и то-же самое. Еще годъ—опять повтореніе пройденнаго.

А тамъ еще и еще. Наконецъ возникаетъ вопросъ о сапогахъ:

— Вы понимаете-ли, что значить чиновнику или даже генералу не послѣдняго разбора, получающему хотя-бы четыре тысячи въ годъ, купить дѣтямъ по парѣ сапоговъ, когда такихъ дѣтей десять, а женѣ всего еще 30 лѣтъ? — спрашивала меня одна изъ идеальнѣйшихъ матерей семейства, шествуя по Гостиному двору, обремененная покушками на лѣто.

— А вѣдь надолго-ли такая пара сапогъ этимъ разбойникамъ, которые не имѣютъ понятія, что за нихъ заплачено, сколько эти сапоги, которые они рвутъ, стоятъ родителя и крови, и пота, и злыхъ заботъ?

И вотъ слушая эти святые, хотя и прозаическія рѣчи, не только убѣжденный холостякъ, уповающій на Воспитательный домъ, но и холостякъ случайный думаетъ: „Какъ хорошо, что я не женился“.

Вотъ гдѣ слѣдовательно гнѣздится червякъ, подтачивающій современную лучшую идеальнѣйшую семью.

Вы иронизируете надъ моимъ положеніемъ, что семью разрушили желѣзныя дороги. Но не все то невѣрно, что съ перваго слова кажется страннымъ. Желѣзная дорога даетъ возможность каждому немедленно ѡбжать оттуда, гдѣ ему не нравится. Это въ нѣкоторомъ родѣ тотъ-же чрезмѣрно легкій разводъ съ тѣмъ случайнымъ неудовольствіемъ, которое насъ сейчасъ угнетаетъ. Развѣ въ оны дни не было того-же? Ахъ, какъ было. Да и неудовольствія были много ужаснѣе нынѣшнихъ. Но ѡбжать было некуда и все,—извините пожалуйста,—обходилось. Кое-что выясняли, иногда прощали съ обѣихъ сторонъ, ибо если уѣхать было трудно, то и выписать новаго слугу было столь-же хлопотно и трудно, и потому выгода экономически-нравственная подсказывала и тому и другому мысли миролюбивыя. А теперь? Бацъ, бацъ съ одной стороны, бацъ, бацъ—съ другой, и вотъ одинъ уѣхалъ въ Китай, а другой на Парижскую выставку. И само собой понятно, гдѣ-же тутъ столковаться, при наилучшей почтѣ, и какіе шансы имѣетъ примиреніе поссорившихся? И эта легкость развода фактическаго объясняетъ многое, по внѣшности необъяснимое. Затѣмъ экономка. Каждому провинціалу не элегантно сытому кажутся, что въ сто-

лицахъ у Яра, у Кюба, у Донона и въ Славянскомъ базарѣ кормятъ даромъ за таланты. „Ахъ, вы талантливы, пожалуйста кушайте у насъ. Обѣдъ—три рубля съ румынами, которые уши дерутъ, или — пять съ цыганами, которые музыкальную тошноту возбуждаютъ, но съ васъ, какъ съ таланта — смѣемъ-ли мы брать что-либо? Пейте, кушайте, слушайте и прославляйте насъ какъ можете и какъ подскажетъ вамъ талантъ“. Ну, и ѣдутъ таланты на даровые хлѣба, и такихъ талантовъ въ Петербургѣ по послѣдней переписи было 8,000, а теперь по новой навѣрное окажется ужъ тысячъ 10. Смотри на эти успѣхи талантовъ, за ними скачетъ и провинціальная безталанность. „Жену и дѣтей на время (это для совѣсти) по боку, а тамъ увидимъ“, и вотъ проходитъ полгода, годъ, и обнищавшая, заголовавшая, покинутая семья получаетъ посланіе: „Душечка, стосковался по тебѣ въ этой подлой столичной суетолахъ и прошу выслать мнѣ четвертную. Займи хотя у дяди, пусть меньше пьеть, ему пить вредно, я у докторовъ справлялся. Ёду, чтобы успокоиться отъ пережитыхъ ужасныхъ (три раза подчеркнуто) столичныхъ впечатлѣній“.

А смотря на это, холостяки—и убѣжденные, и не убѣжденные—рѣшаютъ не жениться, а плодить и наполнять землю путемъ воспитательныхъ домовъ или вовсе ихъ не плодить, при помощи разныхъ средствъ и докторовъ.

Причемъ тутъ любовь? Причемъ тутъ каноны? Причемъ тутъ облегченный разводъ? Все это было да прошло. Поздно говорить о разводѣ, когда въ столицѣ нѣсколько десятковъ тысячъ разведенныхъ женщинъ, порядками чисто-полицейскими. Кто тяготится нынѣ,—тотъ развѣзжается, кто любитъ незаконно—продолжаетъ незаконно родить,—и теперь вы требуете избавить этихъ незаконно любящихъ, этихъ разрушителей общественной ячейки ¹⁾ послѣдняго укора совѣсти, то-есть дать права незаконнымъ до степени законныхъ дѣтей, въ то-же время не признавая семьи—въ формѣ семьи женской? Вотъ слѣдуя за вами параллельно, вполне соглашаясь, что установленная легкость развода безъ гнусныхъ и грязныхъ формальностей желательна, до заключенія опрометчивыхъ браковъ, я не желаю, чтобы съ негодѣйства адюльтернаго была снята послѣдняя узда и чтобы прелюбодѣй, въ обществѣ христіанскомъ внесшій много горя и досады въ жизнь согражданъ, могъ-бы высоко и гордо держать свою грязную голову. Пусть терпите, если согрѣшилъ, и если онъ пустилъ въ міръ *невинныхъ* страдалцевъ, пусть *самъ* трудомъ своимъ искупаеть ихъ страданіе, стараясь придать и достать имъ права людей сво-

¹⁾ Хотя-бы вспомнилъ милую *бабушку* свою! Да чѣмъ она „разрушила ячейку“? Сама была несокрушимой и святой ячейкою, изъ которой вылучился птенчикъ, мой оппонентъ. В. Р.—*е*.

бодныхъ. Говорятъ-же: „Любишь кататься, люби и саночки возить“. Вотъ пусть-же и они повозятъ эти саночки.

Въ заключеніе бѣглое замѣчаніе. Говорилъ съ умнымъ евреемъ о разводѣ, и тотъ сказалъ мнѣ ¹⁾, что вы напрасно такъ полагаете о безусловной легкости еврейскаго развода. Для послѣдняго нужны также доказательства безплодія или прелюбодѣянія жены, какъ у насъ, и разрѣшеніе на разводъ раввина синагоги. „Иначе, сказалъ онъ мнѣ, исторія Леи, подсунутой Иакову, совершенно не была-бы понятна по цѣлесообразности своей“. А—тъ.

XXIX. Тяжелые упреки духовенству.

(Изъ письма въ редакцію „Петербург. Листка“).

Довольно знакомый съ духовенствомъ, но не знающій его, какъ слѣдуетъ, г. Потапенко не такъ давно набросалъ смѣлою кистью типъ „новаго“ іерея въ лицѣ от. Семена Маккавеева („Новый“, изъ хроники ю. рус. села, 1899 г.).

Одежда у от. Семена „какъ будто не православная“ (стр. 190), „ряска—точно подтыкана“ (104), щиблетики, воротнички (16), въ углу маленькая иконка, любить онъ поиграть въ преферансъ по маленькой (135), посты считаетъ предразсудкомъ (131), по Средамъ ѣстъ индѣекъ (173)... Но это еще все цвѣточки. Ягодка-то зрѣлая вотъ какова: от. Семень съ классическимъ безстыдствомъ „продекламировалъ“ въ первомъ своемъ словѣ съ церковной каедрой—о таксѣ: „дабы избѣжать постыдныхъ торговъ при совершеніи требъ, я составилъ таксу, въ которой обозначено, сколько какая треба стоитъ. Сія такса находится у причетниковъ, и всякій желающій можетъ ее видѣть. Аминь“. (146). Это-ли не патриархальная откровенность,—не „Ровоамовы скорпіоны“ (3 Цар. XII, 1)! Таксу эту онъ носилъ и лелѣялъ въ своемъ сердцѣ, еще когда былъ въ семинаріи (171). Прихожане, естественно, вознегодовали на таксу съ высокими цѣнами за требы. Дошла о ней вѣсть до архіерея. От. Семень, оказалось, восторжествовалъ: такса его не только не разорвана была владычною рукою, а пошла еще лучше „въ ходъ“. И неимущіе даже несли ему столько, сколько полагалось! (216)... Вотъ каковы „новые“ іереи! Неужели *естъ*? Повиди-

¹⁾ Еврей этотъ или ошибся, или ввелъ въ обманъ г. А—та, ибо онъ ничего не могъ и не въ правѣ былъ сказать, кромѣ того, что содержится въ *Мишинъ* и *Гемаръ*; а тамъ „достаточно мужу заявить, что у жены его дурно пахнетъ изо рта“ или, что „она худо ему сварила супъ“—чтобы получить разводъ. Конечно, тонкіе еврейскіе законодатели понимали, что любящій мужъ на это не пожалуется; а кто пожаловался—значитъ онъ не любитъ и тогда пусть скорѣй *перестаетъ быть мужемъ*. В. Р—въ.

тому *такъ!* Въдъ г. Потапенко пишеть не газетную замѣтку объ единичномъ фактѣ: онъ *обобщаетъ* какъ будто свои наблюденія надъ новыми іереями, группируетъ около от. Семена яркія черты, присущія цѣлому поколѣнію „дѣтей“, *всѣмъ* новымъ пастырямъ. И такъ — лейтъ-мотивомъ пастырской дѣятельности „новыхъ“ является—такса! Пышнымъ цвѣтомъ цвѣтеть у новыхъ — культъ мамоны! Архипастырскій жезлъ не бьетъ сребролюбивой руки пастырей. Совѣсть у нихъ спокойна, либо и вовсе ея не обрѣтается въ новыхъ: сожжена, видно! Идиллія, подумаешь, точно вотъ при блаженной памяти „барщинѣ“: гуляй низкія страстишки не барь только, а новыхъ іереевъ—на просторѣ. „Вся вамъ лѣтъ и вся на пользу“!.. Надо-ли однако говорить много, что *новые* іереи г. Потапенко—уродливая карриатура на дѣйствительность, злая, глумливая, тенденціозная. Обидно, право, видѣть, какъ своито, православные люди, поютъ въ тонъ злымъ недругамъ церкви и пастырства—какимъ-либо штундистамъ и пашковцамъ. Пусть-бы даже и были отцы Семены въ какихъ либо дикихъ уголкахъ, — но чего-же ради и называть такихъ выродковъ—„новыми“ представителями пастырства? Лучше было-бы покрыть срамоту всеже отцовъ духовныхъ покрываломъ снисходительности ¹⁾, а не тащить на свѣтъ Божій, на посмѣяніе міру крещенному и некрещенному—рѣдкостные экземпляры нравственныхъ уродовъ, какъ будто и способныхъ вырасти *лишь* на новой почвѣ. Не грѣшно смѣяться надъ смѣшнымъ, но грѣшно дѣлать смѣшнымъ несмѣшное. От. Семень, по нашему мнѣнію, большой человекъ, психопать. Высмѣивать большого, а тѣмъ болѣе ставить его *типомъ новыхъ*, судите сами, мало талантливая выдумка. Не знаю, что сказали-бы, положимъ, доктора, если бы новому какому Потапенко пришло въ голову написать книгу подъ заглавіемъ: „Самый новый“ — „изъ московской хроники“,—въ которой откровенными мазками намазывать во весь ростъ врача Z., прививающаго больнымъ и здоровымъ скверную фр. болѣзнь,—при молчаливомъ согласіи выспихъ врачебныхъ начальствъ. Думаемъ, что въ такой хроникѣ нашли-бы обиду цѣлому сословію врачей. Не славу намъ—теперешнимъ пастырямъ—несеть и „Новый“ г. Потапенко. Онъ брызжетъ грязью и на невинныхъ въ „новыхъ“ злохудожествахъ, созданныхъ фантазією г. Потапенко—далеко не благодушнаго юмориста.

Въ *нѣкоторой* степени уподобился г-ну Потапенко модный,

¹⁾ Вотъ это—правда. Укоромъ другому самъ не очистишься. Духовенство наше если и скупо, то *сюда пошелъ талантъ*, потому-что ему некуда дѣться. Сидитъ батюшка дома, знаетъ только требы и службу; и растетъ въ дѣтей и въ деньги. Ни науки у него, ни широкой исторической дѣятельности. „Матушка“, по способу выбору невѣсть, часто—постыла. В. Р.—вз.

кажется, теперь писатель-философъ г. Розановъ. Онъ очень смѣло указалъ въ „Нов. Времени“ (№ 8876 „Мал. фел.“) на то, будто духовенство не признаетъ вѣнчаніе таинствомъ, такъ какъ всегда и вездѣ точно опредѣляется и предварительно беретъ плату за вѣнчаніе, и никогда нѣгдѣмъ въ этомъ сверху (отъ архіереевъ?) не было остановлено. А плата не взималась никогда за таинства: въ таинствахъ сообщаются дары Св. Духа. Взятіе денегъ за это сообщеніе всегда считалось страшнымъ грѣхомъ. Ясно поэтому, что вѣнчаніе, совершаемое за плату, не принадлежало никогда къ таинствамъ. Вотъ *суть* указаній г. Розанова! Съ г. Потапенко онъ сходится во взглядѣ на плату за требы. Оба очень опредѣленно говорятъ—о тактѣ за требы. „Точно опредѣленная сумма платы, взимаемая до вѣнчанія“ — что это, какъ не та же такса „новаго“? Крупная ошибка, г. Розановъ! Никогда не дозволялось духовенству „учинять торгъ за дѣло служенія“, а совѣтовалось всегда и совѣтуется теперь—„быть довольнымъ подаваемымъ добротнымъ подаяніемъ“ (Дух. регл. ст. 21, пр. прич.). „Истязаніе себѣ корысти отъ братіи“ — вымогательство платы за требы, — „корыстолюбіе, домогательство платы, договоры съ прихожанами о платѣ за требы“ — все это влечетъ за собою строжайшую кару для виновнаго, начиная отъ „внушенія съ подпискою“ до монастыря и низведенія въ причетники. Просмотрите грамату архіерейскую, уст. д. кон., инстр. благоч—мъ, резолюціи, положимъ, митр. моск. Филарета, и вы воочію убѣдитесь, что съ такою шутить нельзя іерею: она приведетъ его подъ архипастырскій жезлъ. Церковь—не кочермница, гдѣ „по преись-куранту“ съ ргіх-фіхе—отпустить, чего прикажете. Не омраченный страстью сребролюбія іерей, повѣрьте, никогда не дерзнетъ предварительно *точно* опредѣлить и даже будто бы и *взять*, не сдѣлавши дѣла, плату за него. А г. Розановъ увѣряетъ, что *всѣ всегда такъ* вотъ и дѣлаютъ, какъ онъ сказалъ. Можно думать, что нашъ философъ не раздѣлилъ точно двухъ моментовъ въ платѣ: есть плата за освѣщеніе церковей при вѣнчаніяхъ, за пѣвчихъ, обстановку, — и есть плата за самый обрядъ вѣнчанія, за совершенія таинства. Не споримъ, что плата пѣвчимъ и за освѣщеніе можетъ быть *точно* опредѣляема напередъ; но нѣтъ правъ у причта опредѣлять и *требовать* точной платы *себѣ*¹⁾ за вѣнчаніе. Она—добротное даніе и никакимъ регламентаціямъ не можетъ быть подчинена. А ежели *гдѣ-либо* и бываетъ иначе, то это — не по праву, а по произволу²⁾. Обобщать же произволъ одного или нѣкоторыхъ, до

¹⁾ Ну, это трудно раздѣлить. Тутъ-то и начинается софистика газетной статьи или злоупотребленія быта. Намъ, мирянамъ, гдѣ тутъ разобратся. В. Р—въ.

²⁾ Такъ вѣдь о немъ и говорится. Мы (миряне) видимъ *обычай*, и по нему *констатируемъ* дѣла. В. Р—въ.

значенія закона доводитъ *исключительные* случаи — по меньшей мѣрѣ нелогично. Въ семьяхъ не безъ урода,—но обидно же, когда *изъ-за одного урода встѣхъ* сочтутъ уродами. Въ золото рѣчей своихъ не подобаеъ г. Розанову влетать паутины... Тяжело выслушивать отъ нашего немилосерднаго судіи и другой очень тяжелый, какъ жерновъ осельскій, упрекъ въ непризнаваніи духовенствомъ „вѣнчанія“ за таинство. Подумаль ли г. Розановъ, что не признавать іерею таинства—таинствомъ не иное что значить, какъ обвинить себя въ *неправославіи*. Каждому іерею вмѣняется въ обязанность совершать семь таинствъ, въ томъ числѣ — „вѣнчаніе по волѣ и согласію мужа и жены“ (арх. граммата). Если же іерей станетъ колебаться въ представленіи о вѣнчаніи, если онъ дерзнетъ „отметать“ св. таинства, то онъ самъ подпишетъ себѣ и приговоръ, отлучающій его отъ церкви и подвергающій его изверженію изъ сана („грам.“ и Послѣд. въ нед. правосл.).

Но „какъ же, скажете, плату-то можно, однако, брать за вѣнчаніе, если оно таинство? Не симонія ли это?“—Ничуть! Плата, какъ мы говоримъ, предлагается *добровольно* за трудъ, а не за благодать ¹⁾). Благодать нельзя оцѣнить, да некому за нее и денегъ брать: она—отъ Бога. Цѣну ей знаетъ одинъ Богъ и цѣна эта, конечно, не можетъ быть таксирована!.. Господа Іисуса Христа и св. Его апостоловъ кормили добрыя души, пріютъ имъ давали, служили имъ отъ имѣній своихъ, въ благодарность за обильно даруемую ими благодать ученія, исцѣленій. Но кто же скажетъ, что Богочеловѣкъ и Его св. апостолы „торговали благодатію“, въ „ковчежець“ свой *плату* брали за израсходованную „сумму благодатныхъ даровъ“? Царь жалуеъ милостію вѣрнаго слугу, даеъ ему и вещественные знаки благоволенія Своего — награждаетъ орденомъ. За вѣсть о Царской милости, за врученіе ордена, за самый орденъ награжденный платитъ что можетъ и что даже долженъ платить по статуту. Неужели же онъ этою платою окупаеъ царскую милость? Нѣтъ, онъ только за трудъ платитъ вѣстнику о Царской милости, платитъ за матеріалъ — для ордена потребный.

Священнику дано право и власть совершать таинства, быть посредникомъ между Богомъ и пасомыми въ сообщеніи благодати таинствъ, и вотъ паства въ благодарность *за труды* его—поить его и кормить. Кромѣ полной правды, ничего нѣтъ въ этомъ кормленіи пастыря — „млекомъ стада“! Молотить волъ, хозяинъ обязанъ кормить его. И всякій дѣлатель достоинъ мзды своея! Нельзя жестоко обрекать и пастырей на голодный столъ ²⁾).

Прот. Н. Дроздовъ.

¹⁾ „Благодать непродоваема“ (VI всел. соб., прав. 23). *Прим. Др—ова.*

²⁾ Господь съ ними. И въ мысляхъ ничего подобнаго не имѣлъ. *Искренно* ему желаю прибавленія достатковъ. Цѣль моя была—не *упрек-*

XXX. Открытое письмо г. В. Розанову.

(Черезъ газету „Россія“).

Отнюдь не желая входить съ г. В. Розановымъ въ газетную полемику по существу о рожденіяхъ и о бракѣ, изъ благоговѣнія къ св. таинствамъ и къ св. прав. церкви, о чемъ, по моему убѣжденію, даже крайне *неумѣстно* полемизировать въ повседневной газетѣ (для этого есть спеціальныя журналы), я спрашиваю г. Розанова: за что онъ крайне меня обижаетъ, публично меня оскорбляетъ? Да и не меня одного, а навѣрно и тысячи моихъ неповинныхъ собратій?

Въ 8876-мъ № газеты „Новое Время“ г. В. Розановъ въ м. фельетонѣ пишетъ слѣдующее: „Есть понятіе симоніи или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ св. Духа. Въ церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловливать предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но *за вѣнчаніе плата обуславливается* (курсивъ), и это было *всегда и вездѣ* (курсивъ), не возбуждая вопроса“.

Я священникъ, и г. Розановъ это на меня *клеветаетъ*. Никогда у меня этого не было ¹⁾.

Публично предлагаю г. Розанову за 10 лѣтъ моей службы списать изъ книги обысковъ о всѣхъ, мною повѣнчанныхъ (мой адресъ въ редакціи), съ ихъ поручителями (въ томъ числѣ и его газетныхъ сотрудниковъ) и, подъ присягою, допросить: „*обуславливалась-ли съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ*“, мною или моимъ причетомъ „*плата за вѣнчаніе?*“ Г. Розановъ увѣряетъ, что это было „*всегда и вездѣ*“.

Сильно сомнѣваюсь, чтобы и самъ г. Розановъ не понималъ, въ чемъ суть этого эффектнаго, подобно ракетѣ, въ стотысячный разъ направляемаго въ вынужденное питаться унижающими его подачками духовенство! — Враги его готовы пользоваться даже и независящими отъ духовенства способами къ его пропитанію, дабы обвинять насъ даже „въ симоніи!“ Это, видите ли, понадобилось для доказательствъ г. Розанову, что бракъ не есть таин-

нать духовенство. но анализомъ *выдѣлать*, что въ бракѣ есть таинство: дабы сказать: „это—ребенокъ! супружество!“ Авторъ вовсе не понялъ моей мысли. В. Р—въ.

¹⁾ Смотрите, какъ обидѣлись. Такъ *зачѣмъ же вы не взяли боли* то же въ своемъ родѣ „клеветы“ на сонмы дѣвушекъ! на тысячи дѣтей!! „клеветы“, къ *могиламъ* приводящей, содержащейся въ терминѣ „незаконнорожденный“. Чужимъ вы подстилаете матрасъ изъ гвоздей, а себѣ требуете пуховиковъ. Но полежите же хоть недолго сами на желѣзномъ матрасѣ. В. Р—въ.

ство?! Еще легче было бы обвинять поголовно духовенство въ торговлѣ св. Тѣломъ и св. Кровію Христовой ¹⁾. Это вышло бы эффектибѣе. Вѣдь при причастіи тоже деньги даютъ ²⁾, и даже не въ квартирѣ, какъ, въ большинствѣ случаевъ, при свадьбахъ, а въ храмѣ.

Сомнѣваюсь, чтобы г. В. Розановъ не зналъ, какое сильное стремленіе *вездѣ* обставить вѣнчаніе возможною для каждаго торжественностью.

Кому же неизвѣстно, что на торжество при вѣнчаніи тратятъ отъ 30 копеекъ до многихъ тысячъ рублей?

Виновенъ ли священникъ, трепещущій обычно предъ вѣнчаніемъ за полность и вѣрность требуемыхъ „обыскомъ“ документовъ, что спроситъ передъ бракомъ, напр., г. Розанова: „Съ кѣмъ освѣщеніемъ церкви желаете вѣнчаться? въ какихъ вѣнцахъ? съ діакономъ или безъ него? съ пѣвчими или безъ нихъ? съ полнымъ хоромъ или половиною“ и т. п.?

Виновенъ ли священникъ, что, быть можетъ, указалъ заплатить о. діакону или псаломщику за обыскъ, за этотъ тяжкій, отвѣтственный, чисто юридическій актъ, ставящій и безъ того униженное, забытое православное духовенство, по самому слову „обыскъ“, — на ступень противнаго „*сыщика*“?

Обыскъ надѣляетъ причтъ грудю переписки копій съ документовъ и служить корнемъ всякихъ недоразумѣній и нареканій при бракахъ на духовенство. Не будь обысковъ, навязанныхъ духовенству, я увѣренъ, были бы изъяты изъ консисторій и ихъ позорище—разводы ³⁾.

Гдѣ же тутъ симонія? Гдѣ торговля дарами Св. Духа?

Еслибы даже кто-либо изъ духовныхъ, видя приготовленія богатой обстановки для вѣнчанія или для свадебныхъ пиршествъ,

¹⁾ Что за чудовищность. *По всей Россіи все знаютъ*, что за причащеніе *копейки* не берутъ іереи. Страшно. А за вѣнчаніе—не страшно, и тутъ все дѣло въ различіи *самочувствія священника* при настоящемъ таинствѣ и при обрядѣ. В. Р.—въ.

²⁾ Гдѣ? когда? кто? „Теплоту“ выпивая причетнику (отнюдь не священнику) кладутъ мелкую серебряную и мѣдную монету. Авторъ прибѣгаетъ къ софизмамъ, не зная, какъ вывернуться. В. Р.—въ.

³⁾ То-то „позорище“. Вѣрно въ первый разъ за русскую исторію это сорвалось съ пера духовнаго лица. Если-бы съ начала вѣка и все столѣтъ вы въ *каждой* книгѣ *всѣхъ* духовныхъ журналовъ писали: „разводъ—это нашъ позоръ! насъ онъ позоритъ! совѣстно! страдаемъ!“—то этою правдою вы и сами бы спаслись, и тысячъ людей не довели бы до отчаянія. Но отъ „позора“ разводовъ „пушокъ“ оставался на рыльцѣ не однихъ чиновниковъ. Самъ я видѣлъ въ Нижнемъ цѣлую систему (съ надворными флигелями) деревянныхъ домовъ у стараго—старо протоіерея, много дѣтъ завѣдывавшаго въ консисторіи „бракоразводнымъ столомъ“. Кстати, „братъ за разводъ“ тоже не есть-ли *симонія*, если ужъ считать *весь бракъ въ его чистотѣ* за таинство? В. Р.—въ.

бывающихъ при всякой почти свадьбѣ, и, зная по горькому опыту, что при самыхъ помпѣзныхъ обстановкахъ, въ подобныхъ случаяхъ, ему, имѣющему *узаконенное право* на получку за труды, *ничего* не заплатятъ, или заплатятъ, сравнительно, *самые ничтожные гроши*, или прямо *надругаются* надъ его трудомъ ничтожностью платы (чего знаю факты въ С.-Петербургѣ съ людьми состоятельными, въ чинахъ, изъ хорошихъ фамилій),—и не получая жалованья и извѣрившись въ *заказчиковъ*, *спросилъ* бы плату за свой трудъ впередъ, или указалъ бы, сколько обычно платятъ за вѣнчаніе (иногда съ обрученіемъ, съ молебномъ, съ проводами—все это цѣна труда),—и „трудивыйся да ясть“ Мѡ. 10, 10, но при чемъ же тутъ дары Св. Духа? Или, если бы священно- и церковно-служитель указалъ, сообразуясь съ разными, чисто житейскими соотношеніями и соображеніями, сколько ему хотѣлось бы получить за свой трудъ (и то, надѣюсь, по заботности своей, *робко и не настойчиво*), то гдѣ же тутъ-то симонія? при чемъ же тутъ-то дары Св. Духа?

„Святая Святѣмъ“, слышимъ часто мы. А тутъ священникъ ставится далеко не въ положеніе святого, а скорѣе случайно понадобившагося наемника-рабочаго¹⁾... На плату духовенству, быть можетъ и безсознательно, но *по нравственному чутью* такъ именно, по моему, смотрятъ и почти всѣ православные: тридцать лѣтъ живу при требохъ въ духовномъ мірѣ, но ни разу ни отъ кого не слыхалъ: „Вотъ вамъ за дары Св. Духа“, или „за благодать“, но всегда слыхалъ до г. Розанова и слышу: „Вотъ вамъ, батюшка, за труды“.

Навѣрно, всякій знаетъ и можетъ судить по себѣ, что въ минуты вышеупомянутаго вынужденнаго спуска въ столь жизненные меркантильности ни у одного священника, ни у одного ищущаго брака или заказчика²⁾ нѣтъ, и даже *не можетъ быть мѣста* для мысли о дарахъ Св. Духа. Въ эти минуты все поглощаетъ обоюднo-жуткій вопросъ: у ищущихъ вѣнчанія: „Какъ бы священникъ не отказалъ“; у священника — „Какъ бы его не подвели“. Смотри, да смотри документы: 1) нѣтъ ли подчистокъ, подписокъ (а положитесь-ка на писарскія помѣтки въ паспортахъ?!); 2) нѣтъ ли между женихомъ и невѣстою родства или свойства, возбраняющихъ бракъ (а узнайте-ка?); 3) въ здоровомъ ли умѣ женихъ и невѣста? (на что же проф. Бехтеревъ, Мержеевскій, Четоттъ?—да и они иногда ошибаются). А вырази упорное желаніе видѣть

¹⁾ Ужасно все поставлено, ужасно горьки эти признанія священника. И больно отъ ихъ ученія міру, и больно имъ самимъ отъ міра. В. Р.—в.

²⁾ Это хорошъ терминъ, *добровольный* въ устахъ священника; „заказчикъ на вѣнчаніе“, „заказчикъ... на таинство?“ По всѣмъ этимъ терминамъ и видно, что самъ мой оппонентъ *бракъ, супружество* считаетъ таинствомъ, а вѣнчаніе—*только обрядомъ*. В. Р.—в.

лишній разъ жениха или невѣсту,—сейчасъ же: „Батъка придирается“, „хочетъ взятку сорвать“, „подороже взять“ и т. п.; 4) по доброй ли волѣ вступаютъ въ бракъ? по какимъ побужденіямъ?.. Поисповѣдуйте-ка нынѣ вступающихъ въ бракъ, передъ бракомъ. Поговорите-ка со многими откровенно... Охъ, г. Розановъ!.. Вы заговорили бы иное...

Вы думаете „разрѣдить населеніе воспитательныхъ домовъ“ публичнымъ отрицаніемъ брака ¹⁾, какъ св. Тинства? (см. *ibidem*).

Не сдѣлаете ли этимъ обратнаго?

Свящ. К. З—кій.

¹⁾ И не думалъ этого дѣлать. Я тку паутину мысли, а оппонентъ бросается съ топоромъ, принимая ее за канатъ. Смотрите, канатъ обрубите, а паутина все же останется. А въ паутинахъ иногда большой узоръ... *В. Р—въ.*

Нѣсколько разъяснительныхъ словъ.

Нахожу себя вынужденнымъ дать нѣкоторое объясненіе въ отвѣтъ священнику К. З—кому и протоіерею Н. Дроздову.

Никогда мнѣ и въ голову не приходило (имѣя въ родствѣ своемъ священниковъ и по прямой линіи происходя отъ дѣда священника) взводить упреки на наше не высоко образованное, но во всякомъ случаѣ честное и большею частью доброе духовенство, къ тому же безусловно во всей массѣ несущее санъ свой съ чувствомъ чрезвычайнаго религіознаго страха. Поводъ къ этому „письму“ и статьѣ подало мое упоминаніе въ одной изъ статей о симоніи (плата за совершеніе таинства) въ связи съ разборомъ вѣнчанія, каковую симонію, по словамъ авторовъ статей, я приписываю нашему духовенству. Ничего подобнаго я не говорилъ. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, но въ Москвѣ, вѣнчаясь въ 1881 году, я уплатилъ въ точной суммѣ семьдесятъ пять руб., а въ селахъ, опять же мнѣ точно извѣстно, не только черствые, но и самые добрые священники никогда не понижаютъ плату за вѣнчаніе, ссылаясь: „Уступи я рубль бѣдняку, и самый, богатый мужикъ уже не дастъ выше платы, чѣмъ этотъ самый бѣдный мужикъ“; „во всемъ пожалѣю мужика, и уступлю, и ему помогу; но въ платѣ за вѣнчаніе не уступлю и не могу уступить“. Да это, мнѣ кажется, общезвѣстно, и никогда никѣмъ не скрывалось. Но смыслъ моей статьи именно отрицалъ здѣсь симонію, каковую можно было бы предположить; ибо я уравниваю вѣнчаніе съ большими и малыми церковными „службами“, каковы: молебенъ, литургія, всенощная и проч. За всенощную на дому (наканунъ дня Ангела) плата берется; берется въ опредѣленной суммѣ она и за упокойную литургію, за поминъ души и проч. Вѣнчаніе, которое рѣшительно во всѣхъ каноническихъ книгахъ и въ народномъ говорѣ зовется „чиномъ“ („чинъ вѣнчанія“) и нигдѣ въ книгахъ и никогда въ говорѣ не называется „таинствомъ вѣнчанія“, естественно оплачивается какъ матеріальный трудъ священника. Въ

немъ и черезъ него церковью благословляется бракъ: но благословеніе и благословляемая вещь — не тождественны; молебень путешествующему и самое путешествіе — не тождественны.

Митрополитъ Филаретъ, сказавъ: „не благословенный церковью бракъ лишаетъ благословенія Божія *сѣмейство*“, въ словахъ этихъ выразилъ, что и безъ благословенія бракъ есть однако-же *бракъ*; сѣмейство есть *сѣмейство*, а не скопище животныхъ, которыхъ можно или слѣдуетъ разогнать,* въ разныя стороны и съ разными именами и фамиліями, безъ признанія за членами такого сѣмейства какой либо связи. „Связь есть, связи вы не имѣте права разрывать или ее отрицать“; это я высказалъ, это я доказываю, требую признать эту связь юридически, священно и государственно. Адамъ и Ева *благословлены* были „плодиться и множиться“ еще въ раю и до грѣхопаденія: вотъ прообразъ вѣнчанія. Но когда-же и гдѣ написано, чтобы еще въ раю и до грѣхопаденія былъ между ними „бракъ“: очевидно, онъ *отдѣленъ и не сліянъ и не тождественъ со словомъ благословляющимъ*. Извѣстны очень рѣдкіе, но возможные и бывалые случаи, когда при необходимости совершить бракъ въ такой-то срокъ и за невозможностью жениха прибыть въ мѣсто нахожденія невѣсты, женихъ посылалъ за себя „замѣстителя“, каковой съ его невѣстою и становился подъ вѣнецъ на мѣсто жениха. Но возможно ли, чтобы бракосочетающіе дары Св. Духа сошли на замѣстителя, а подѣйствовали и бракосочетали — отсутствующаго жениха? Возможно ли представить, чтобы причастіе проглотилъ одинъ, а причастился имъ другой; или если мой ребенокъ боленъ — въ таинствѣ крещенія погрузили за него въ воду другого ребенка? Вотъ разница между обрядомъ и таинствомъ; въ таинствѣ конечно *невозможно* замѣшанія, а гдѣ оно есть, тамъ *нѣтъ таинства*. Этотъ кругъ моихъ соображеній и наблюденій совершенно позволителенъ, потому-что онъ совершенно новъ и не противорѣчитъ никакому сложившемуся и установившемуся ученію. Этихъ подробностей никто не разбиралъ, и я самъ не натолкнулся-бы на нихъ, если-бы не миссія, мною принятая на себя: разыскать права *дѣтей, жены и мужа*, совершенно затерявшіяся въ европейскомъ бракѣ. Теперешнее отождествленіе брака съ *формою его заключенія* отзывается губительно на теченіи семьи. Прошелъ часъ „вѣнчанія“ — и все священное кончилось. Что слѣдуетъ потомъ, что теперь предстоитъ повѣнчаннымъ, какъ имъ жить? Животныхъ наставляетъ мудрый инстинктъ, — берегущій силы ихъ, рассчитывающій дѣтоношеніе, а *не* „инстинктивный“ болѣе человекъ не имѣетъ наставленія, которое управило-бы его. Начинается жизнь двухъ животныхъ, но потерявшихъ инстинкты свои. Вотъ отчего половыя отношенія людей (все равно — въ бракѣ) пали ниже и позорнѣе жизни животныхъ (см. въ предисловіи къ 1-му тому ссылку на старинный требникъ). Мнѣ кажется,

обрядность должна влиться внутрь брака; надо (слегка) обрядно сужествовать, материнствовать, отчествовать. Но и вступительный обрядъ могъ-бы выразиться пышнѣе, мистичнѣе, учительнѣе, нежели сейчасъ. Подумаемъ кой о чемъ. Передъ вѣнчаніемъ говѣютъ и причащаются, но—иногда за мѣсяць, чтобы только священнику подать „свидѣтельство о говѣннѣ“. Между тѣмъ прекрасная и теперь потерянная мысль говѣнія заключается не въ „удостовереніи“, а въ томъ, что бракосочетающіеся должны быть чисты тѣлесно и духовно, и совершенно было-бы возможно сдѣлать говѣніе непосредственно передъ вѣнчаніемъ, а причащеніе св. Даровъ, съ одной лжицы и даже по полу-лжицѣ каждому, жениху и невѣстѣ, можно-бы ввести въ чинъ вѣнчанія. Это было-бы понятно! Это было-бы внушительно! Далѣе, отчего-бы, еще въ дали вѣковъ, не внести сюда и миропомазанія: помазуется чело брачующимся, со словами: „во очищеніе отъ дурныхъ мыслей, всякой жи и лукавства“ (въ теченіе всѣхъ лѣтъ брака); уста со словами— „да не изрекутъ мужу (и женѣ) обмана“, уши— „дабы не услышали (отъ мужа, отъ жены) злого“; перси— „въ благословенное питаніе дѣтей“, чрево—дѣто-ношенія, и лоно—дѣто-зачатія; ступни ногъ:— „дабы пути хожденія были прямы“, лодони рукъ: „да благословится ихъ трудъ“.

Я думаю, у духовенства слишкомъ много своихъ скорбей, чтобы не протянуть руку мірянамъ и не сказать согласно: „и у васъ, и у насъ есть скорби, хоть и различныя, и облегчите вы насъ, а мы—васъ“. Не понимаю совершенно интереса духовенства поддерживать ученіе о незаконнорожденности, хулить младенцевъ и хулить рожденіе. Увѣренъ, что это просто недоразумѣніе, историческая ошибка, хотя тягостно долго затянувшаяся. Отвергая это, не священниковъ я порицаю, но доктрину и взглядъ, издревль идущій, въ который едва-ли они когда-нибудь вникали.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XXXI. Факты и мнѣнія.

1.

Читая страстную полемику г. В. Розанова и А-та, не могу удержаться, чтобы не вмѣшаться въ споръ свой голосъ,—голосъ не профессиональнаго писателя, а житейскаго человѣка. Вполнѣ присоединяюсь ко взглядамъ г. Розанова, такъ какъ, думаю — *несвиновныхъ* не судять. Надо найти виновнаго, узнать „кто виновать“ и тогда уже произносить приговоръ, а не заранѣе, предполагая лишь фактъ появленія ребенка на свѣтъ, произносить осужденіе.

Попробуйте подойти къ вопросу о „виновности“ съ какой угодно точки зрѣнія, и если сумѣете, отвѣтите прямо, значить: существующее сейчасъ преждевременное осужденіе справедливо? Вѣдь незаконнорожденныя прежде, чѣмъ родятся, уже попадаютъ на скамью подсудимыхъ, и общество заранѣе знаетъ, что адвокатъ не возьмется выиграть въ пользу несчастныхъ дѣтей процесса, и они будутъ расти, заклеяенныя терминомъ „незаконнорожденныя“ и лишеныя всѣхъ правъ и состоянія, принадлежащихъ имъ (подобно роднымъ дѣтямъ) по рожденію. За ними признается, въ видѣ снисхожденія, право существованія „изъ милости“.

Если вдуматься, какія послѣдствія изъ всего этого вытекаютъ, въ какую бездну опускаются безпомощныя дѣти и что они въ продолженіе своей жизни, особенно въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, претерпѣваютъ, невольно спросишь: „За что? за то, что родители пошли противъ установившагося обычая, обряда, что они совершили прелюбодѣяніе? Такъ судите ихъ. Дѣти здѣсь не при чемъ и едва ли за это они подлежатъ божескому суду. Человѣчскій судъ другое дѣло. Онъ можетъ ошибаться и потому быть несправедливымъ, но въ данномъ случаѣ, кромѣ несправедливости, онъ насквозь пропитанъ преднамѣреннымъ эгоизмомъ.“

Судать только за вину сознательную, сдѣланную способнымъ отвѣчать за свои поступки человѣкомъ.

Мужчина и женщина прелюбодѣйствуя совершаютъ проступокъ, по современнымъ понятіямъ наказуемый, но какое злодѣяніе совершилъ новорожденный, въ чемъ его вина?

Какой злой ироніей отзывается это заранѣе осужденіе. Оно совершенно подобно немыслимому случаю: разбойники убили семью отсутствующаго человѣка и за это его же осудили, а разбойниковъ отпустили съ миромъ.

Въ данномъ случаѣ родителямъ какъ бы говорится: „идите съ миромъ, и за вашъ проступокъ пострадаетъ ребенокъ“.

Но посмотримъ, насколько виноваты родители незаконнорожденныхъ дѣтей. На первый взглядъ кажется виновать больше всего отецъ ребенка, затѣмъ мать. Отецъ — главный виновникъ нелегальной семьи, но онъ отвѣчаетъ только предъ своею совѣстью, мать же терпитъ гоненія общества и чаще всего навсегда портитъ свою жизнь. Вы, г. Розановъ, справедливо замѣтили, что у дурной женщины дѣти не рождаются, а дурной отецъ найдетъ способъ избѣжать этого послѣдствія. Большинство же подобныхъ отношеній возникаетъ по увлеченію, по любви, вовсе недурныхъ людей, а скорѣе напротивъ, и если не кончаются браками, такъ масса приведенныхъ г. Розановымъ обстоятельствъ — достаточныя тому причины.

Въ виду иллюстраціи приведу одинъ извѣстный мнѣ случай.

Молодого мужчину изъ хорошей фамиліи оставляетъ жена. Онъ прибѣгаетъ въ Москву и здѣсь знакомится съ одною только-что кончившею институткою. Это было лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ, когда воспитанницы институтовъ кончали курсъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о реальной жизни. Частыя встрѣчи постепенно сблизили молодыхъ людей, ими овладѣваетъ влеченіе, любовь, и въ результатѣ эта женщина дѣлается матерью. Отецъ ребенка не могъ на ней жениться, помочь деньгами не было возможности, и усыновить ребенка онъ тоже не имѣлъ права.

Впослѣдствіи, когда дѣла его поправились, онъ дѣлаетъ попытку чрезъ своего великодушнаго брата поправить несчастье хотя бы цѣною брака послѣдняго на этой женщинѣ.

Вышло печальное недоразумѣніе и попытка это не удалась. У дѣвушки была только одна мать, которая выгнала ее безъ всякихъ средствъ на мостовую.

Чрезъ одну добрую женщину она знакомится съ акушеркою С., у которой и родила 16-го сентября 1871 г. С. приняла въ ней участіе, нѣкоторое время содержала ее и сама была восприемницей ребенка; а въ крестные отцы пошелъ штабсъ-капитанъ Я. Акушерка С. постаралась ¹⁾ торжественно отпраздновать крестины

¹⁾ Сколько добра, вниманія, деликатности! Вотъ примѣръ для священниковъ. Скажетъ-ли кто, что эта акушерка-труженица, поденщица

ребенка, для чего—какими судьбами, не знаю—привлеченъ былъ къ участию покойной героини Кавказа В.

Мать отдала ребенка въ воспитательный домъ въ надеждѣ, что поступить гувернанткою, соберетъ кое-какія средства и ребенка возьметъ. Она была тогда настолько неопытна, что не знала: въ гувернанткахъ денегъ нажить нельзя. Она была неопытная, но честная женщина, и потому жить нелегальнымъ образомъ не могла. Честность ей помѣшала даже выйти замужъ за очень и очень хорошихъ людей. Всѣ они думали, что она барышня, а она была женщиною-матерью, и сказать про это не рѣшилась. Такъ и осталась бѣдною труженицею изъ-за куска хлѣба, перебивающеюся изо-дня въ день. А вѣдь она могла имѣть средства, если бы вышла замужъ. Судьба ребенка мучила ее постоянно, но такъ какъ она не жила въ Москвѣ, то просила справляться С., которая сначала отвѣчала—„живъ“, а чрезъ нѣсколько лѣтъ написала, что ребенокъ умеръ. Не вѣрить С. послѣ столькихъ съ ея стороны благодѣній она не могла, и такъ бы никогда и не увидала своего сына, но, спасибо, добрые знакомые надоумили справиться спустя много лѣтъ, и оказалось—ребенокъ живъ и получилъ нѣкоторое образованіе. А вотъ и судьба ребенка.

Онъ попалъ въ деревню къ бездѣтнымъ средней руки крестьянамъ на воспитаніе. Послѣдніе любили его и, когда ему минуло 8 лѣтъ, отдали въ школу воспитательнаго дома, куда питомецъ обязанъ былъ ходить учиться.

Крестьяне поощряли ребенка къ ученью и онъ дѣйствительно учился прекрасно, окруженный отеческою заботою и любовью простыхъ, но добрыхъ воспитателей.

За выдающіяся способности ребенка отправили на счетъ воспитательнаго дома въ семинарію. О дальнѣйшей судьбѣ ребенка, теперь уже взрослого человѣка, неудобно распространяться. Скажу только, что онъ не довольствовался полученнымъ съ помощію казны образованіемъ и имѣетъ университетскій дипломъ.

Это счастливое исключеніе, что ребенокъ попалъ въ благоприятныя обстоятельства. Не такова судьба большинства.

Не много найдется крестьянъ, которымъ питомцы нужны, какъ сыновья или дочери. За питомцевъ платятъ, крестьяне находятъ плату выгодной, такъ какъ вначалѣ выдаютъ достаточное вознагражденіе, которое уменьшается съ возрастомъ. Зато они съ питомцами ничѣмъ не связаны. Кончить онъ учиться, устроить его въ

своей профессіи, „поощряла блудъ“?! Нѣтъ, это было благороднѣйшее существо въ лучшемъ подвигѣ своей жизни. Съ торжественнаго и ликующаго отношенія священниковъ къ подобнымъ фактамъ должна начаться реформа брака. Кстати, о священникахъ: они должны быть вѣчно въ ликовавіи, ликующіе священники!! Вотъ ихъ психологія, а не унылая и угрюмая. В. Р.—вз.

мастерство (въ ученики) чрезъ воспитательный домъ, и, въ большинствѣ случаевъ, на этомъ и прекращается забота крестьянъ о 14-лѣтнемъ мальчикѣ. Дѣвочки, тѣ чаще остаются въ деревнѣ до замужества, и въ этомъ отношеніи счастливѣе мальчиковъ.

Я сказалъ уже, что крестьяне находятъ плату выгодной и потому очень часто встрѣчаются люди, у которыхъ своихъ трое-четверо дѣтей, да питомцевъ наберутъ столько же. Понятно, равенства у такихъ крестьянъ между своими дѣтьми и „шпитатами“ (такъ ихъ крестьяне называютъ) почти никогда не бываетъ. Они относятся гораздо хуже тѣхъ воспитателей, у которыхъ нѣтъ своихъ дѣтей. Послѣднихъ очень мало, а потому можно судить, каково положеніе несчастныхъ дѣтей.

Вообще, можно сказать про крестьянъ, что одни относятся къ питомцамъ порядочно, другіе плоховато, а нѣкоторые очень худо. Особенно рѣзко выступаетъ разница въ школьномъ періодѣ.

Питомцы всѣ обязаны учиться (это — благодѣяніе для нихъ) и видимъ: одни одѣты лучше, другіе—хуже; у однихъ—хорошая провизія, у другихъ, часто изъ болѣе зажиточныхъ домовъ, кромѣ ломтя очень черстваго хлѣба, почти никогда не увидишь ничего другого; нѣкоторые прекрасно или хорошо учатся, другіе же—плохо.

Ошибочно думать, что ходъ ученя зависитъ только отъ способностей и прилежанія дѣтей. Совсѣмъ нѣтъ. Многіе съ средними способностями учатся недурно, а другіе не имѣютъ къ этому возможности, такъ какъ ихъ заставляютъ веревки вить, пряжу прядь и исполнять разныя домашнія работы. Такъ одна дѣвочка первый мѣсяцъ училась прекрасно, а потомъ возьметъ книгу, ей говорятъ— „пряди или ухаживай за ребенкомъ“. На улицѣ въ праздничные дни, иногда въ дурной семьѣ, питомцы часто слышатъ, какъ крестьяне добродушно бесѣдуютъ между собою, что законъ называетъ „шпитать“ „незаконнорожденными“ и „не равняетъ послѣднихъ“ съ родными дѣтьми. А вѣдь среди питомцевъ не мало дѣтей дворянъ по отцу и матери, не мало дѣтей чиновниковъ, вообще людей интеллигентныхъ разныхъ профессій.

Очень многіе, не смотря на ужасныя условія, бываютъ честными людьми и хорошими гражданами. Попадаются хорошіе мастера, учителя, фельдшера... Не всегда они довольствуются небольшимъ образованіемъ, а изыскиваютъ способы, учатся и кончаютъ даже университеты безъ всякой поддержки съ чьей-либо стороны. Да если подумаешь, сколько униженій и лишеній приходится переносить питомцамъ (о которыхъ я здѣсь не сообщаю) потому лишь, что законъ не даетъ имъ никакихъ правъ, то невольно возникаетъ сомнѣніе въ справедливости осужденія и думается, что не худо бы упорядочить положеніе незаконнорожденныхъ, которые находятся при родителяхъ, и тѣхъ другихъ, которыхъ злая судьба отправила въ Воспитательный домъ на попеченіе казны.

При средствахъ, затрачиваемыхъ послѣднею, но при другихъ правовыхъ законоположеніяхъ о несчастный дѣтяхъ, цѣль этихъ домовъ—воспитаніе честныхъ полезныхъ для государства людей—скорѣе достигнута бы.

Мнѣніе и законъ налагаютъ на родителей никогда несмыслимое пятно, и даже если бы дѣторожденіе было точно послѣдствіемъ прелюбодѣянія, то и тутъ судъ общества относится къ нимъ слишкомъ строго (особенно къ женщинѣ). Отецъ, который теперь ничего не можетъ сдѣлать для ребенка, не имѣетъ никакихъ на него правъ, и мать, поддавшаяся увлеченію, которая послѣ неоднократно раскаивалась, виновата только передъ ребенкомъ, и потому дайте имъ возможность исполнить по отношенію къ нему свои права и обязанности. Это для хорошихъ, честныхъ людей будетъ благодѣяніемъ, а для дурныхъ—наказаніемъ. И пусть они несутъ его по заслугамъ. Бросать же камнемъ въ мать, оставившую при настоящихъ условіяхъ своего ребенка, и которой часто ѣсть нечего, едва ли слѣдуетъ.

Христосъ даже блудную женщину не осудилъ, а только сказалъ: „иди и не грѣши“. Онъ былъ правъ, отпуская ей грѣхи, и совѣтъ могъ дать—ибо какъ Спаситель Онъ безгрѣшенъ; но люди, находившіеся при этомъ, не посмѣли ни осудить, ни дать совѣта. И хорошо сдѣлали, такъ какъ не найдется такого святого человѣка, который бы сказалъ себѣ: „Мнѣ пороки не извѣстны, я послѣднихъ не понимаю и потому безъ сожалѣнія навсегда осуждаю“.

Пусть г. А.—тъ не сокрушается, что, при увеличеніи правъ ребенка, уменьшится наказаніе для матери и увеличится для отца: мать въ настоящее время слишкомъ сильно страдаетъ, а отецъ не несетъ почти никакихъ каръ.

Б—въ.

Москва, 24-го ноября 1900 г.

2.

Г-ну В. Розанову.

М. Г.

Хотя и не имѣю чести знать вашего имени и отчества, а все-таки позволю обратиться къ вамъ съ маленькимъ письмомъ, не будучи, впрочемъ, увѣренъ, что оно дойдетъ до васъ.

Рядъ вами написанныхъ статей о бракѣ, разводѣ и незаконныхъ дѣтяхъ пытается поднять и подготовить къ рѣшенію одинъ изъ важнѣйшихъ общечеловѣческихъ вопросовъ. Дай Богъ вамъ силы продолжать ваши труды. Вы—„рыцарь Духа“, Вы имѣете „помазаніе отъ Святаго“. Благодареніе Богу, что русская земля не перестаетъ производить такихъ даровитыхъ, честныхъ и смѣлыхъ людей. Множество нашихъ православныхъ, и очень порядочныхъ, прожили всю жизнь, томясь въ оковахъ неудачной

брачной жизни, безъ всякой надежды на облегченіе. Теперь, кажется, есть проблески надежды.

Смотришь на евреевъ и завидуешь ихъ семейной жизни. Разводъ у нихъ легкій, не знаю, правда-ли, будто-бы даже противный запахъ изо рта (постоянный) можетъ служить поводомъ къ разводу.—тѣмъ не менѣе случаи развода не часты, и цѣломудріе супруговъ у нихъ—фактъ общеизвѣстный. Иногда разводъ происходитъ по причинѣ бездѣтности; проходить нѣсколько лѣтъ послѣ развода и вторичнаго брака,—смотришь у того и другого есть дѣти, тому и другому хорошо. Бракъ не пугаетъ ихъ драконовскими законами, молодые люди не боятся вступить въ него, во-время рождаются дѣти, родители успѣваютъ поднять ихъ, старыхъ дѣвъ между ними почти нѣтъ, о мезальянсахъ не слышать, дѣтоубійство—рѣдкость, и силу еврейства, въ особенности его быструю размножаемость надо приписать, между прочимъ, брачнымъ законамъ его.

Что у насъ, православныхъ? Сколько прекрасныхъ дѣвушекъ, добрыхъ, умныхъ, съ задатками материнства сидятъ, заматорѣваютъ въ ожиданіи мужа, но тщетно; цѣлые года ждутъ, нервничаютъ, природа беретъ свое... А что дѣлаемъ мы, правоспособные? Боясь взять на себя обязанности мужа и отца—потому что не хотимъ знать, что въ этомъ вся радость и благо жизни,—довольствуемся суррогатами брака, ищемъ въ немъ удовольствій безъ отвѣтственности и совершаемъ на самомъ дѣлѣ ужасные преступленія противъ своего рода. „Ребенокъ родился—а я чѣмъ виновать? Расквитывайся, какъ хочешь! Я этого не хотѣлъ, это не входило въ мои планы“. Люди образованные, съ чуткой совѣстью, соль земли, и тѣ сплошь и рядомъ отправляютъ въ родильные дома или въ деревню своихъ дѣтей, свою плоть и кровь, потому что они незаконные, плодъ случайной встрѣчи; пусть кое-какъ на міру выростутъ и пусть сидятъ у околицы. Пупенки ихъ учатъ юношество, иногда печатаютъ трактаты. Даже „бородачи“ наши (какъ называлъ черное духовенство Петръ), которые держатъ въ своихъ рукахъ судъ надъ супругами и только отягчаютъ для насъ ярмо брачныхъ законовъ, и тѣ, если по правдѣ сказать, оставляютъ, въ бытность студенчества, въ монастырскихъ слободахъ своихъ дѣтей, и грязь отъ каретъ ихъ брызжетъ на собственныхъ малютокъ съ сумками чрезъ плечо, съ нищенскими сумками. А если кто изъ совѣстливыхъ людей рѣшится на виду у всѣхъ, прямо, или съ нѣкоторыми обходами, взять свое дѣтище и почеловѣчески вести его и воспитывать, какъ другіе добрые люди воспитываютъ,—сколько надъ нимъ насмѣшекъ, глумленія, какой благопріятный случай для шантажа, въ особенности по отношенію къ женщинамъ! Особенно грубо и жестоко это продѣлывается въ провинціи. Повидимому и „бородачи“ въ глубинѣ

своей души не считаютъ такихъ дѣтей угодными Богу, по крайней мѣрѣ одинаковыми съ законными; помню, одинъ изъ нихъ, впрочемъ добрый человѣкъ, говорилъ, что „дѣти освящаются таинствомъ брака и этимъ благословляются церковью“. Предполагается, что дѣти натуральныя не имѣютъ этого благословія.

Нужно имѣть не мало мужества, чтобы разсуждать объ этомъ на страницахъ большой газеты; вы это дѣлаете, и дѣлайте до тѣхъ поръ, пока не будетъ стыдно бородачамъ, и будете увѣрены, какъ борецъ за малолѣтокъ.

Законъ 12 марта 1891 г. (объ усыновленіи) допускаетъ усыновленіе только по взаимному соглашенію супруговъ. Почему? Развѣ не бываетъ такихъ случаевъ, что другой супругъ, нарочно, но досадѣ¹⁾, не позволяетъ этого сдѣлать, хотя между ними брака фактически не существуетъ уже много лѣтъ, а остался отъ него, какъ вы выразились какъ-то, одинъ консисторскій документъ, никому не нужный?

Еще: если не ошибаюсь, законъ этотъ позволяетъ усыновить только одного ребенка, ибо сказано: „дозволяется усыновлять тѣмъ, у кого нѣтъ своихъ или усыновленныхъ дѣтей“. Если у меня нѣтъ брачныхъ дѣтей (да хотя-бъ даже и брачныя были?), а я имѣю возможность и желаніе усыновить двухъ—трехъ, почему-же, спрашивается, нельзя этого позволить?

Не можете-ли вы и этихъ вопросовъ коснуться.

Дай вамъ Богъ здоровья и смѣлости продолжать вашу работу. Какъ широко и истинно по христіански освѣтили вы это дѣло, которое до сихъ поръ таилось въ затхлыхъ консисторскихъ застѣнкахъ,—и куда снова хотять его запрятать своими разсужденіями А—ты и другъ.

Лучшаго пожеланія не могу вамъ высказать, какъ то, которое мнѣ привелось однажды услышать отъ бѣдной крестьянки, переселившейся въ Сибирь: „Дай Богъ тебѣ долго жить, а когда умрешь, то царства небеснаго“. 11 Ноября 1900 г. Пенза. *Одинъ изъ многихъ несчастныхъ.*

3.

Вы устарѣли, г. Розановъ, и стали приходиться въ дѣтство. Оставьте пожалуйста самоуслаждаться писаніемъ благоглупостей. Какой, вы, подумаешь²⁾, богословъ?!!

¹⁾ Это очень важно, необыкновенно важно! М-ше Лаврецкая, жившая со всякими альфонсами въ Парижѣ, — попробуй Лиза Калитина имѣть ребенка отъ ея несчастнаго мужа, — задушить, задавить этого ребенка. И—все законы помогутъ ей, ни одинъ—Лаврецкому и Лизѣ. *Summum jus summa injuria. В. Р—въ.*

²⁾ По самоувѣренности тона почти навѣрное можно угадать профессора одного изъ высшихъ духовныхъ училищъ. *В. Р—въ.*

Сочувствуютъ-же вамъ, навѣрное, одни развратники, иныя хотя и корчаще изъ себя людей хорошихъ. В. Борисовъ (? подпись не разобрана).

4.

Г. Розанову.

М. Г.

Ваши искреннія и убѣжденные статьи въ защиту безправія обездоленныхъ дѣтей вызываютъ сочувствіе, волнуютъ умы смыслящихъ людей и пробуждаютъ заглушную совѣсть многихъ отцовъ этихъ дѣтей! Такое индифферентное отношеніе закона и общества къ судьбѣ несчастнорожденныхъ вопіеть о несправедливомъ и безвыходномъ положеніи ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей?!. Единственный выходъ изъ двусмысленнаго положенія довольно правильно указывается въ вашей замѣткѣ („Новое Время“, № 8878) „Имущество, титулы и дѣти“, гдѣ довольно вѣрно вы подчеркиваете общее правило: *„ни государство, ни религія не въ правѣ становиться между дѣтьми и родителями, и нельзя отнимать дѣтей, рожденныхъ отъ такого тайнаго, не распубликованнаго брака: а) у матери— это во всякомъ случаѣ, б) у отца и матери—если отецъ отъ ребенка не отказывается“*. Въ подтвержденіе безправія дѣтей отъ свободнаго сожитія можно привести массу примѣровъ съ ужасающими послѣдствіями не только въ городахъ, бойкихъ мѣстечкахъ, но и въ глуши, гдѣ-бы должны царить патріархальности и строгіе нравы; но жизнь прогрессируетъ и остановитъ данный толчекъ прогрессомъ на порогъ XX вѣка—это абсурдъ. Поэтому защитники прежнихъ нравовъ и безправія, голоса которыхъ слабо раздаются въ печати, должны умолкнуть и послѣдовать общему движенію впредь и не мѣшать восторжествовать правдѣ въ концѣ вѣка!

Для убѣдительности сошлюсь на одинъ изъ многихъ примѣровъ такого, по истинѣ, безвыходнаго положенія родителей и внѣбрачныхъ (отъ не распубликованнаго брака) дѣтей.

Отъ свободной связи холостого съ замужнею (продолжавшейся 20 лѣтъ) явились дѣти и, когда наступилъ школьный возрастъ, нужно было подготовить дѣтей въ учебныя заведенія. Во избѣженія огласки по документамъ, пришлось пригласить къ себѣ учителей на домъ, съ надеждою выхлопотать *усыновленіе дѣтей*, чтобы дѣти не знали своего двусмысленнаго положенія, но... по нашимъ законамъ, на право усыновленія дѣтей требуется *согласіе* родителей. Оказывается, что безъ согласія мужа законнаго, одна мать не въ правѣ передавать усыновленіе постороннему лицу (хотя-бы законному отцу своихъ дѣтей), но по *метрической* записи не состоящаго законнымъ (писаннымъ) отцемъ...

Отсюда возникает Гамлетовскій вопросъ: „что-же дѣлать“? Выкупить право согласія писаннаго въ метрической выписи (законнато) отца по существу беззаконіе, потому что онъ не имѣетъ никакого права на дѣтей, происшедшихъ отъ бывшей его записанной жены, внѣбрачныхъ дѣтей. Къ тому-же, послѣ процессовъ уголовнаго „за предубодѣяніе“ и духовнаго „о разводѣ“ со стороны мужа, потерпѣвшаго фіаско, обозленнаго неудачными преслѣдованіями, просить согласія, — нѣтъ никакой надежды. Оставалось покориться крайней необходимости и открыть дѣтямъ истину ихъ двусмысленнаго положенія. И вотъ несчастно-рожденныя учатся прекрасно: дѣвочка въ гимназій, мальчикъ реальствъ, по успѣхамъ въ числѣ первыхъ — на радость и утѣшеніе родителей; растутъ, называются нашими дѣтьми по рожденію, но по документамъ „чужіе дѣти“?!. Но вѣдь по мудрому изреченію „*нужда измѣняетъ законы*“, и въ данномъ случаѣ законъ долженъ стать въ защиту обездоленныхъ дѣтей.

Одинъ изъ многихъ.

5.

И я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, по поводу такъ называемыхъ „незаконнорожденныхъ дѣтей“, по поводу письма о нихъ протоіерея А. У—скаго. Протоіерей А. У. предлагаетъ для уничтоженія слова „незаконнорожденный“ въ метрическихъ записяхъ, слѣдующія измѣненія, а именно: располагать записи, по тремъ категоріямъ; первая, которая существуетъ и теперь для законнорожденныхъ, вторая—когда отецъ ребенка прячется, скрывается, утаивается, когда въ наличности только мать, и третья—„для дѣтей, рожденныхъ отъ невѣнчавшихся паръ, будетъ то холостой человекъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый своею женою и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ“. Въ этой послѣдней категоріи сдѣланъ весьма существенный пропускъ въ перечисленіи представляющихся случаевъ внѣ-брачнаго сожительства, но который долженъ быть поставленъ во главѣ всего этого вопроса: „мужъ, покидающій надѣвшую ему жену, хотя-бы на другой день брака, и вступающій въ сожительство съ новою женщиною и продолжающій идти въ этомъ-же направленіи, до конца своихъ дней, такъ что можетъ стать, въ одинъ прекрасный день мужемъ многихъ женъ и отцомъ во многихъ семьяхъ“. Вѣдь надѣюсь, что мы говоримъ не о словѣ „незаконнорожденный“, а о понятіи, которое выражается этимъ словомъ. Слово это не гадкое, а если такъ можно выразиться „смѣшное“, потому что законы рожденія физическаго для всѣхъ одинаковы и акта рожденія за-

коннаго и незаконнаго въ природѣ не существуетъ. Но существуютъ дѣти, рожденныя отъ браковъ благословенныхъ церковью, что даетъ всю полноту гражданскихъ правъ, выраженныхъ въ законахъ, и существуютъ дѣти, рожденныя отъ браковъ или лучше сказать союзовъ не благословенныхъ церковью, ограниченныхъ въ своихъ гражданскихъ правахъ. А такъ какъ мы говоримъ не о дѣтяхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но говоримъ о дѣтяхъ въ смыслѣ происхожденія, мы должны столкнуться съ разными вопросами, которые разрѣшить однимъ почеркомъ пера, какъ это предполагаетъ протоіерей А. У—скій, рѣшительно невозможно. Разсматривая вопросъ со всевозможныхъ сторонъ, въ приложеніи его къ нашей будничной жизни, можно натолкнуться на такія вещи, какъ казна лишенная возможности оплачивать семьи пенсіонеровъ, какъ на это указалъ вашъ уважаемый сотрудникъ А—тъ, или—четыре вдовы, претендующія на капиталъ или движимое имущество послѣ мужа, и оставляющія этимъ способомъ безъ всякихъ средствъ законныхъ дѣтей, прижитыхъ отъ этого-же мужа. И не у евреевъ искать намъ въ этомъ случаѣ разрѣшенія этого вопроса, если желаемъ, чтобы всѣ дѣти, передъ закономъ, носили одно общее названіе „дѣтей“. Его слѣдуетъ искать у мусульманъ, у восточныхъ народовъ и у мормоновъ, т. е. въ открытой полигаміи или же въ такой же открытой полиандріи, или, другими словами, въ полномъ измѣненіи всего нынѣ существующаго социальнаго строя. Мѣры весьма рѣшительныя. Ну, а покажемъ будемъ довольствоваться палліативами, въ родѣ облегченія разводовъ и разрѣшенія наслѣдованія дѣтьми послѣ матерей¹⁾, когда въ наличности имѣется только мать. Что-же касается метрическихъ записей, оставимъ прежнія двѣ категоріи: дѣтей, рожденныхъ отъ вѣнчанныхъ паръ, и—дѣтей, у которыхъ извѣстна только одна мать, и придумаемъ имъ названіе въ родѣ „полнобрачныхъ“ и „неполнобрачныхъ“, какъ уже существуетъ въ зоологіе названіе „полнозубый“ и „неполнозубый“.

Наизъ.

¹⁾ Да что-же вы сдѣлаете и какъ лишите наслѣдства матери ребенка, рожденнаго отъ солдата или офицера, которымъ *запрещено* жениться?! Эти несчастныя матери вѣдь только очищаютъ атмосферу отъ зараженія проституціей, ихъ чистая любовь—это фагоциты, пожирающія болѣзнетворныхъ микробовъ цивилизаціи. А благодѣтельствуемое ими общество ихъ же казнить! Въ общемъ все письмо какъ-то нагло и цинично. В. Р—въ.

XXXII. Христіанскій бракъ.

„Неблагословенный бракъ лишаетъ благословенія Божія семейство“.

Митрополитъ Филаретъ. „Собраніе мнѣній и отзыв.“ Т. V, ч. 1, стр. 70.

Въ послѣднее время въ „Новомъ Времени“ помѣщенъ рядъ статей г. В. Розанова по вопросу о бракѣ. Г. Розановъ справедливо сѣтуетъ на непомерную легкость правовъ и распатанность семейныхъ узъ, призываетъ общество къ нравственному оздоровленію и намѣчаетъ единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя здѣсь ставитъ жизнь. Призывъ къ нравственному оздоровленію и освѣженію, конечно, дѣло хорошее. Къ сожалѣнію, г. Розановъ видитъ источникъ оздоровленія семьи не тамъ, гдѣ должно, и вообще высказываетъ не мало сужденій, не только не выясняющихъ дѣла, но содѣйствующихъ еще большому затемненію, большей сбивчивости и безъ того не всегда ясныхъ взглядовъ общества по этому весьма важному вопросу.

По мнѣнію г. Розанова, всѣ затрудненія въ области брачныхъ отношеній происходятъ отъ того, что неправильно понимается самая сущность брака. Сущность брака, полагаетъ онъ,—рожденіе, или точнѣе — „прилѣпленіе“ половъ. Это „абсолютъ“ такой же значимости, какъ и противоположная рожденію—смерть. Гдѣ есть на лицо этотъ признакъ, тамъ и бракъ... „Какъ только, — говоритъ авторъ, — бракъ опредѣлился не черезъ рожденіе, т. е. не черезъ свою сущность, такъ очевидно должны были получиться вѣтробрачныя рожденія. Ихъ началъ тотъ, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, какъ невѣрно опредѣляются математическія задачи, невѣрно произносятся формулы. Я опредѣлю человѣка въ древне-эллинскомъ смыслѣ: „человѣкъ есть существо свободное“, тогда, конечно, всѣ рабы будутъ не люди! Но вѣдь тутъ погрѣшность опредѣленія, а не дефектъ существа. Спаситель опредѣлилъ бракъ по существу. Въ единственномъ случаѣ, когда при вопросѣ фарисеевъ о разводномъ письмѣ, Ему пришлось выразиться о бракѣ, Онъ отвѣтилъ искушающимъ Его: *„не читали ли вы, что Сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? (Быт. 1). И сказалъ Сотворившій: ¹⁾ посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прильпится къ жентѣ своей и будутъ два одною плотію (Быт. 2): такъ что они уже не двое, а одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ,—человѣкъ да не разлучаетъ“ (Матѣ. 19).* Не очевидно-ли, что это сказано о всей суммѣ произрастанія человѣческаго, рождаемости человѣческой, и въ этихъ единственныхъ словахъ о бракѣ онъ опредѣленъ черезъ рожденіе, и даже, короче, уже—черезъ „прилѣпленіе“ половъ. Что же, проведена ли здѣсь

¹⁾ Г. Розановъ забываетъ, что нижеприводимыя имъ слова произноситъ Адамъ, а не Творецъ міра. Быт. II, 23. *М. Сменцовскій.*—Но ихъ повторяетъ, какъ *мотивъ*, Спаситель, и черезъ это они становятся *Божіими словами*. Поэтому я и прибавилъ въ текстъ: „Сотворившій“, ибо и Христосъ не напоминаетъ ученикамъ, что это Адамъ сказалъ. *В. Розановъ.*

линія между способами рожденія въ адюльтерѣ, наложничествѣ, любви и прочее? Не сотворено самаго понятія этого“ ¹⁾. Отсюда у автора естественно вытекаетъ выводъ, что одинъ фактъ сближенія половъ устанавливаетъ между ними брачное соединеніе. Въ этомъ именно сближеніи половъ, а не въ церковномъ вѣнчаніи, и заключается будто бы таинство брака. Посему, нѣтъ ни соблазненій, ни паденій; есть только супружество, къ которому надо относиться съ величайшимъ уваженіемъ. Посему, съ другой стороны, общество, устанавливая различіе между законнымъ бракомъ и сожительствомъ, повинно въ великомъ грѣхѣ: оно создало „незаконнорожденных“, какихъ по существу дѣла нѣтъ и быть не можетъ. „Фальшивость этого, выдуманнаго, будто бы, суровой церковностью, принципа незаконности рожденія свидѣлствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ: установлена ли въ уравновѣшеніе законности рожденія—законность смерти? Если есть незаконнорожденные, должны быть и незаконноумершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертью“ ²⁾.

Въ другой статьѣ, появившейся нѣсколько позднѣе — „Святое чудо бытія“, г. Розановъ ту же мысль обосновываетъ соображеніемъ, что всякое рожденіе происходитъ по законамъ природы, которые суть *мысли Божіи* о природѣ, — слѣдовательно, всякое рожденіе отъ Бога и въ равной мѣрѣ благословенно. Различенію между бракомъ и сожительствомъ, между законными и незаконными дѣтьми, суть будто бы „сухія ограниченія, какимъ подверглось Евангеліе въ Византіи и Римѣ“.

Развивая такія воззрѣнія на сущность брака, авторъ попутно высказываетъ рядъ соображеній о социальныхъ и экономическихъ причинахъ, заставляющихъ нинѣ многихъ волей-неволей уклоняться отъ брачной жизни, и указываетъ рядъ желательныхъ измѣненій въ церковно-гражданскихъ законахъ о бракѣ; см. статью: „Имущество, титуты и дѣти“. Нельзя не признать справедливости нѣкоторыхъ изъ этихъ соображеній. То же или подобное было высказываемо и на пастырскихъ собраніяхъ столичнаго духовенства и обсуждалось въ докладахъ протоіереевъ Горчакова, Дернава и др. Посему мы не будемъ говорить здѣсь объ этихъ сторонахъ дѣла, а коснемся лишь религіозно-нравственной стороны вопроса.

Обобщая изложенныя нами „обвиненія“ г. Розанова, можно свести ихъ къ тремъ главнымъ пунктамъ: во-1-хъ, яко-бы неправильно опредѣляется богословами сущность брака, какъ таинства; во-2-хъ, они ввели произвольное, не отвѣчающее природѣ, дѣленіе дѣтей на законно- и не законнорожденныхъ, и, въ 3-хъ, узаконили тягостныя для многихъ формы вступленія въ бракъ, въ существѣ своемъ совершенно лишнія, ибо не въ ихъ сущности таинства брака, а въ самомъ фактѣ супружескаго сожительства.

¹⁾ „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“. *Прим. М. Сметцовскій.*

²⁾ „Евины внуки“. *М. Сметцовскій.*

Коснемся вкратцѣ каждому изъ этихъ пунктовъ.

И, прежде всего, дѣйствительно ли сущность таинства¹⁾ брака — въ приобщеніи половъ? Опредѣлять бракъ съ этой именно стороны, не значитъ-ли сводить его къ чисто физиологическому отправленію²⁾, забывая, что въ человѣкѣ, кромѣ тѣла, есть духъ и что духовная сторона выше тѣлесной. Г. Розановъ пользуется выраженіемъ Св. Писанія: „будуть два одною плотію“ для опредѣленія того, въ чемъ состоитъ установленный Богомъ и не подлежащій разлученію отъ людей брачный союзъ, но онъ забываетъ, что при установленіи брака Творцемъ, изречено: *не хорошо быть человеку (мужу) одному; сотворимъ ему помощника, соответственнаго ему* (Быт. 2, 18). Ясно, что сущность брака шире, чѣмъ простое общеніе половъ: бракъ предполагаетъ общеніе мужа и жены не только физическое, но и духовное—въ трудѣ и отдохновеніи, въ скорбяхъ и радостяхъ жизни³⁾. Эта полнота не физического только, но и духовнаго общенія мужа и жены въ бракѣ настолько очевидна, что отмѣчена даже языческимъ законодательствомъ. Римское право опредѣляетъ бракъ, какъ „*conjunctio maris et feminae et consortium omnīs vitae, divini et humani juris communicatio*“; т. е. какъ „мужа и жены союзъ и общій жребій на всю жизнь, общеніе божественнаго и человѣческаго права“⁴⁾, каковое опредѣленіе, какъ отвѣчающее природѣ брака, удерживаетъ

¹⁾ Считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря о таинствѣ брака, разумѣемъ таинство въ специально-догматическомъ значеніи этого слова, какъ „богочужденное священнодѣйствіе, въ которомъ преподается вѣрующимъ, въ каждомъ таинствѣ особый, благодатный даръ“. Кромѣ этого специальнаго значенія, „таинство“ на языкѣ церковно-богослужебномъ употребляется въ болѣе широкомъ значеніи, въ приложеніи къ предметамъ и явленіямъ таинственнымъ, превосходящимъ силы человѣческаго пониманія. Въ этомъ общемъ смыслѣ въ канонѣ погребенія говорится о „таинствѣ“ смерти, а въ одной изъ пѣсней церковныхъ воспѣвается „таинство“ чудеснаго рожденія Сына Божія отъ Дѣвы: „таинство странное вижу и преславное...“. Сопоставляя „таинство“ рожденія и смерти, г. Розановъ, кажется, былъ введенъ въ заблужденіе именно этимъ двойнымъ значеніемъ слова таинство. *М. Семеновскій.*

Отвѣтъ. „Таинство въ специально догматическомъ смыслѣ, какъ богочужденное священнодѣйствіе“ и проч., имѣетъ въ себѣ силу и значеніе, пропорціонально важности благословляемой *таинству*. Если-бы въ Свящ. Писаніи въ *Бытій*, 1—2 и у *Матѳ.* 19, не стояло извѣстныхъ словъ о рожденіи, мужичинъ и женщинъ, и о прицѣпленіи,—то и „догмата о бракѣ“ или „таинства въ догматическомъ значеніи“ не могло-бы возникнуть. Этимъ все и рѣшается. *В. Р.—в.*

²⁾ Нѣтъ,—и къ *психологій* во время этого отправленія. *В. Р.—в.*

³⁾ Да, но все это въ „незаконномъ сожитіи“ тоже самое, что въ законномъ бракѣ. Даже болѣе: что-же женщина получаетъ, соединяя судьбу съ офицеромъ, съ солдатомъ? *Ничего* выгоднаго; значитъ, дѣйствуетъ одна любовь и самопожертвованіе. *В. Р.—в.*

⁴⁾ Да, но тутъ о *формѣ заключенія* ничего не говорится; опредѣленіе это обнимаетъ всѣ натуральныя *хорошія* семьи. *В. Р.—в.*

и наша Кормчая (Кормч., законы градск., гр. 4, ст. 1). Посему-то, не всякое общеніе половъ есть бракъ, но есть и такое общеніе половъ, которое на языкѣ Писанія именуется прелюбодѣянiемъ, блудомъ ¹⁾ и т. п. И Христосъ ясно отличилъ бракъ отъ прелюбодѣянiя и освятилъ Своимъ присутствiемъ брачное торжество ²⁾, а прелюбодѣянiе осудилъ и воспретилъ ³⁾. Есть и еще одна сторона въ бракѣ, которую никакъ нельзя забывать: это благословеніе Божіе. Самъ Богъ приводитъ въ рай жену первозданному человѣку и вручаетъ ее ему; и въ церкви Христовой съ самыхъ первыхъ временъ ⁴⁾ соблюдалось требованіе, чтобы бракъ заключался о *Господѣ* (1 Коринѣ. 7, 39), т. е. съ благословенiя церкви. Итакъ, бракъ есть союзъ мужа и жены не только физической, но и духовный, союзъ свободный, нравственно-отвѣтственный и свыше благословенный ⁵⁾. Этими чертами онъ отличается какъ отъ случайныхъ грѣховныхъ ⁶⁾ сожителствъ и связей, такъ и отъ того, что мы наблюдаемъ въ мiрѣ животныхъ, и что также слѣдовало бы назвать бракомъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнiя г. Розанова.

Въ основу брачнаго союза христіанство полагаетъ взаимную любовь и преданность ⁷⁾ супруговъ. (1 Кор. VII, 3. Ефес. III, 18;

¹⁾ Да что это такое? Отчего этого никогда не разберуть богословы? В. Р—ва.

²⁾ Вотъ такъ и пошло отсюда все. Христосъ посѣтилъ въ Капѣ *вѣнчаніе*; отсюда заключили, что вѣнчаніе и отличаетъ бракъ отъ блуда. Въ то же время вѣнчаніе стали давать какъ можно рѣже и труднѣе (вмѣшательство идеала дѣвства). Отсюда уже одинъ шагъ до объявленiя десятковъ тысячъ старыхъ и вѣрныхъ семей—блудомъ. „Луна“ стала „дѣлаться въ Гамбургѣ“ и бочаръ получилъ все, что ему было нужно. Но „дѣлатели луны въ Гамбургѣ“ не приняли во вниманіе двухъ вещей: 1) вѣнчаніе еврейское есть *пиръ юстей*, въ то самое время какъ женихъ и невѣста введены въ *опочивальню*, въ „хупцу“ (священный шатеръ для „молодыхъ“). Т. обр. Спаситель посѣтилъ не *обрядъ* обрученiя-вѣнчанiя, а *пиръ во время перваго преспанiя* повѣнчаныхъ и отъ этого-то въ Евангелии не упоминается, чтобы Онъ видѣлъ или говорилъ съ новобрачными, *которыхъ* на пиръ уже не было. Т. е. Спаситель освѣтилъ посѣщенiемъ брака въ Капѣ Галилейской самое „прилепленіе“; освятилъ его и вторично благословилъ. 2) Христосъ посѣщалъ и блудницъ (какъ мытарей), и если каноническое значеніе имѣетъ посѣщеніе брака въ Капѣ, есть каноническое-же значеніе и въ посѣщенiи блудницъ. В. Р—ва.

³⁾ Гдѣ? Въ какихъ словахъ? „Блудницы *впередѣ книжниковъ* и фари-сеевъ (=постниковъ, ханжей) идутъ въ царство небесное“. В. Р—ва.

⁴⁾ Не раньше, какъ съ III вѣка по Рожд. Христовѣ. В. Р—ва.

⁵⁾ Признаю вполне эту формулу. Она—моя. В. Р—ва.

⁶⁾ Да въ чемъ „грѣховныхъ“? *чѣмъ*? Ужъ не находить-ли авторъ „грѣхъ“ въ „случайности“, на которой дѣлаетъ удареніе? Но что можетъ быть „случайнѣе“ брака кандидатовъ въ священники, когда они наскоро, въ срокъ 2—3-хъ недѣль, объѣзжаютъ округу, и женятся на первой сколько-нибудь подходящей невѣстѣ? В. Р—ва.

⁷⁾ Неизвѣстно, что „христіанство полагаетъ“, ибо оно голоса индивидуальнаго не имѣетъ, а въ Евангелии рѣчей объ этомъ прямыхъ нѣтъ.

У, 22, 28). Но что такое эта любовь? Это не та чисто животная страсть, о которой, какъ основѣ семьи, говоритъ г. Розановъ ¹⁾. Страсть эгоистична, капризна, случайна, измѣнчива въ своихъ требованіяхъ. Христіанская любовь супруговъ чиста, самоотверженна, постоянна, соединена съ кротостію и терпѣніемъ въ перенесеніи взаимныхъ слабостей ²⁾ и недостатковъ (Еф. IV, 2). Время и годы не ослабляютъ этой любви ³⁾, а укрѣпляютъ и возвращаютъ. Высшій идеалъ этой любви указанъ въ любви Христа къ Своей церкви (Еф. V, 26—27). Эта христіанская любовь супруговъ рождаетъ чувство взаимнаго долга и облегчаетъ переносить подчасъ его суровыя требованія ⁴⁾. Созидаемая на такой основѣ, христіанская семья дѣйствительно можетъ быть и бываетъ союзомъ святымъ, незабываемымъ и неразрывнымъ. Такую семью не разрушить „ни скорбь, ни тѣснота“ ⁵⁾, ни старость, которая охлаждаетъ страсти, ни болѣзнь, которая можетъ поразить одного изъ супруговъ, ни другія жизненные испытанія. Другое дѣло, если въ основу семьи будетъ положена физиологія—страсть. Тогда не можетъ быть и рѣчи объ устойчивости и прочности,—не говоримъ уже о святости,—брака. Страсть непостоянна и эгоистична. Она не знаетъ вѣрности, не признаетъ обязанностей. Сегодня одно увлеченіе, завтра другое, послѣ завтра третье и такъ безъ конца. Неудивительно, что проповѣдникъ этой любви—г. Розановъ—обращается къ идеаламъ древней Греціи съ ея „построенной на фундаментѣ любви, вѣчной въ своемъ покоѣ (разводы по произволу любящаго или нелюбящаго мужа), вѣчно-любящей въ каждой данной точкѣ, въ каждую данную минуту, семьей“. Въ самомъ дѣлѣ: ка-

Но, напр., у насъ, русскихъ, конечно ни „любовь“, ни „преданность“ въ основу брака не полагается: ибо семьямъ ссорящимся, и много лѣтъ ссорящимся, развода все же не дается. А *мотивы* развода суть *кратеріумъ* существа брака: что его кассируетъ, тому обратное есть сущность брака. Напр. *отсутствіе* вѣнчанія кассируетъ его по закону: егдо *присутствіе* вѣнчанія созидаетъ по закону бракъ. В. Р—въ

¹⁾ См. отвѣтъ г. А—ту. „Новое Время“, № 8887. Сравни его же: „Непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“. (Ibid. 1899 г. № 8481). „Страсти, пишетъ онъ адѣсь, суть динамическое, зиждущее и вмѣстѣ матеріальное условіе семьи, порохъ, безъ котораго не бываетъ выстрѣла. Я съ улыбкою читаю разсужденія, что причина необыкновенной распущенности семьи въ наше время лежитъ въ сильномъ дѣйствіи и притомъ разнуданныхъ страстей... Изъять страсти изъ семьи, значитъ не начать семьи“. М. Семетовскій.

²⁾ Читай: „въ перенесеніи побоевъ, издѣвательства, распутства, пьянства“. О, софисты и притворщики; дѣлаютъ видъ, что не знаютъ дѣйствительности. В. Р—въ.

³⁾ Да почему вы знаете? Да и о чемъ вы говорите? О томъ, что *есть?* что *будетъ?* что *должно* быть? И почему „должно“ и какъ „будетъ“? Просто, это наборъ словъ. В. Р—въ.

⁴⁾ Читай: „побой“. В. Р—въ.

⁵⁾ Просто, секретарь консисторіи не дастъ развода. В. Р—въ.

гой высокой идеаль! Мужъ, сегодня любящій, т. е. желающій обладать женщиной, завтра удовлетворенный и потому охладѣвшій, даетъ своимъ женамъ свободный разводъ—сегодня одной, завтра другой!. Напрасно только г. Розановъ такъ настойчиво выдаетъ свой идеаль за идеаль христіанскій...

Христіанская совѣсть, незатемненная ложными мудрованіями, никогда не приметъ этого идеала. Въ ея живомъ голосѣ и въ законѣ евангельскомъ дано иное требованіе, указанъ иной идеаль: „*яже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*“ (Матѣ. XIX, 6). Свято и непорочно только это, Богомъ установленное и церковію благословенное, сочетаніе мужа и жены въ бракъ. Всякая же иная связь для христіанъ православныхъ неблагословенна и грѣховна. Обнаруженіемъ этой совѣсти и служить тотъ стыдъ, тотъ даже ужасъ, который испытываютъ женщины, имѣвшія несчастье сдѣлаться матерями внѣ брака, и который, по единству бытія ¹⁾, переживаютъ вмѣстѣ съ ними и ихъ несчастныя дѣти. Этотъ стыдъ—святое чувство, прочно заложенное въ нашей природѣ, это голосъ совѣсти, охраняющей нравственное достоинство человѣческой личности. Вотъ почему этотъ стыдъ, какъ свидѣтельствуеть самъ г. Розановъ, переживаютъ и „первый революціонеръ и первая анархистка“ ²⁾. Это голосъ Божій ³⁾ и потому голосъ властный. Уничтожьте юридически различіе между дѣтьми, рожденными въ бракѣ и внѣ брака, выбросьте изъ обихода „нехорошую кличку“—незаконнорожденный, положеніе дѣла измѣнится мало, и именно потому, что это вопросъ не юридическій, а вопросъ совѣсти христіанской; а для христіанской совѣсти сожителство внѣ брака, благословеннаго церковію, было и останется грѣхомъ, нравственнымъ преступленіемъ, тяжесть котораго испытываютъ не только непосредственные виновники этого грѣха, но и рожденные ими внѣ брака дѣти ⁴⁾. Въ этомъ случаѣ исполняется слово Законо-

¹⁾ „По единству бытія“... Какъ подкрадывается „закваска фарисейская“, чтобы „сварить козленка въ молоко его матери“. В. Р—въ.

²⁾ См. „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“. М. См—скій.

³⁾ „Божій голосъ“ одинъ отъ сотворенія міра и до Суда надъ нимъ: почему-же этого „Божьяго голоса“ въ себѣ не слышали дочери Лота, такъ громко наименованшія, отъ кого онѣ родили сыновей? ни Рахиль около Лии? ни Агарь около Сарры? Но вѣдь самъ-же г. Сменцовскій сказалъ выше, что „опредѣленіе брака“ взято въ „Кормчую“ изъ язычества, а церковъ вѣнчаетъ и отказывается вѣнчать, руководясь Кормчей; слѣд. дѣвушки, теперь рождающія, часто просто нарушаютъ „Кормчую“, т. е. не повинуются „язычеству“. Что-же, голосъ Юпитера Капитолійскаго что-ли мучить ихъ въ совѣсти? В. Р—въ.

⁴⁾ Вотъ это все вѣрно, что вопросъ въ гласномъ, ex cathedra, и при томъ своевольно—свободно выражаемомъ мнѣніи духовенства о такихъ дѣвушкахъ. Не даромъ глубокомысленный Гете поставилъ Гретхенъ передъ Соборомъ, а не повелъ ее за нацѣленіемъ души въ городскую ратушу. Но она услышала тамъ угрожающіе ноты, которые звучатъ здѣсь

дателя: *грѣхъ отцевъ на чадехъ ихъ и на чадехъ чадъ, до третьяго и четвертаго рода* (Исх. 34, 7).

Таковъ непреложный божественный законъ ¹⁾. И его не устранить софизмомъ: „всѣ дѣти рождаются по законамъ природы, которые суть мысли Божіи,—слѣдовательно всѣ дѣти отъ Бога“. Законы природы, конечно, установлены Богомъ и сохраняются Его Промысломъ. Но Богъ и природа, — не одно и то же. Мірѣ, по изволенію Божію, до нѣкоторой степени самостоятеленъ ²⁾ въ своей жизни. Онъ живетъ по законамъ, разъ установленнымъ и непрерывно сохраняемымъ Божественнымъ Промысломъ, но живетъ, какъ отличная отъ Бога сущность. Что же касается человѣка, то онъ живетъ по законамъ не физическимъ только, но, подобно другимъ духовноразумнымъ существамъ, еще и по законамъ нравственнымъ, и пользуется свободой въ своихъ дѣйствіяхъ. Злоупотребленіе этой свободой ³⁾ и служить источникомъ нестроений какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ часто и въ мірѣ физическомъ. Посему, во-первыхъ, не все, что совершается въ мірѣ— „отъ Бога“ (вспомнимъ исторію праведнаго Іова), а во-вторыхъ, дѣянія чело-вѣческой нелзя оцѣнивать только съ точки зрѣнія внѣшней ихъ естественности. Подобная мѣрка будетъ слишкомъ узка для чело-вѣка. Вѣдь и убійство и воровство съ внѣшней—физической своей стороны естественны. Ножъ убійцы вонзился въ сердце, произ-шла смерть. Всѣ таковыя процессы вполне понятны съ точки зрѣ-нія физиологіи и физики. Однако, мы называемъ это дѣяніе пре-ступленіемъ, поскольку въ немъ сказывается влая воля... Другое дѣло, если несчастный случайно наткнулся на ножъ. Тутъ только несчастный случай. Такъ и въ дѣлѣ дѣторожденія. Пусть въ смы-слѣ физиологическаго акта рожденіе не можетъ раздѣляться на за-конное и незаконное, ибо то и другое совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ естества, но они могутъ и должны быть раз-личаемы съ точки зрѣнія нравственно-религіозной значимости, ибо одно совершается согласно съ требованіями нравственно-религіоз-наго христіанскаго закона, другое вопреки этимъ требованіямъ ⁴⁾.

и у М. Сменцовскаго. А вотъ сейчасъ, въ строкахъ его, и судьба ребенка Гретхенъ: но какъ эти строки совпадаютъ съ словами Фаусту Мефисто-фелю. Я говорю, что теологъ и черный пудель за печкой Фауста (Мефи-стофель) до поразительности синонимичны. В. Р—сг.

¹⁾ А какой-же былъ законъ для Авраама, Іоакова? для Вооза, Да-вида, Соломона? Мнѣ онъ кажется болѣе „непреложно божественнымъ“, чѣмъ законы Юпитера Капитолійскаго. В. Р—сг.

²⁾ Вотъ софизмъ. До *какой*-же степени самостоятеленъ? Вспоминаю слово въ Недѣлю Православія: „міръ мниша быти безъ Бога—анаема“. Но вѣдь авторъ пишетъ статейку, а не о Богѣ думаетъ; Богъ у него „всугу“ путается на языкѣ. В. Р—сг.

³⁾ Читай: „не послушаніе намъ“. В. Р—сг.

⁴⁾ Обращаясь къ самому термину „незаконнорожденный“, мы должны сказать, что онъ отнюдь не церковнаго происхожденія. Церковь разни-

Отрицая различіе между бракомъ, благословляемымъ церковію; и простымъ сожительствомъ, г. Розановъ энергично возражаетъ и противъ самаго чина вѣнчанія, считая его такъ же „произведе-ніемъ Византіи и Рима“ и усматривая въ немъ нѣчто случайное, не относящееся къ существу брака. Взаимнѣ этого „сложнаго чина, онъ желалъ бы выработать для моря случайностей болѣе упрощенныя формы заключенія брака, напримѣръ, вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами. И тысячи дѣвушекъ, прибавляетъ онъ, спасутся! И мы отдѣлимъ, говорить г. Розановъ, настоящую привязанность отъ случая, флиртности, легкомыслія“.

часть между святымъ и грѣховнымъ, но не ставитъ своею задачею различать, что законно (легально) и что „незаконно“ во внѣшнемъ отноше-ніи и состояніи общества. Это задача государства. Такъ во всемъ, такъ и въ вопросѣ о бракѣ. Церковь осуждаетъ вѣнчанное сожительство, какъ грѣхъ, и благословляетъ супружество въ бракѣ,—но она не дѣлаетъ въ отношеніи своихъ благодатныхъ даровъ никакого различія между дѣтми, рожденными въ бракѣ и внѣ брака. Тѣхъ и другихъ съ одинаковою благопопечительностію она облакаетъ званіемъ христіанина и надѣляетъ всѣми правами, принадлежащими этому званію. И если въ церкви Христовой нѣтъ различія національностей, общественныхъ состояній и пола, но „всяческая и во всѣхъ Христосъ“, то въ равной мѣрѣ нѣтъ и законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ, а всѣ „дѣти Божіи“. Въ памятникѣхъ церковнаго права вы не найдете даже самаго званія—незаконнорожденный. Оно введено въ жизнь законодательствомъ гражданскимъ и сравнительно поздняго происхожденія—во всякомъ случаѣ послѣ петровской эпохи. Гражданское законодательство въ христіанскомъ государствѣ, дѣйствуя въ интересахъ огражденія правъ церкви и подъ влияніемъ ея нравственныхъ идеаловъ, ставитъ разнаго рода ограниченія незаконнымъ сожительствамъ, и свою карающую руку простраетъ и на дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ сожительствъ. То, что въ данномъ случаѣ на языкѣ церкви есть только грѣхъ, на языкѣ государственномъ есть уже преступленіе, караемое государственнымъ законодательствомъ. Правда, въ настоящее время терминъ „незаконнорожденный“ принятъ въ церковномъ дѣлопроизводствѣ, въ такъ называемыхъ „метрическихъ книгахъ“ о родившихся, въ „метрическихъ свидѣтельствахъ“ и „въ метрическихъ выписяхъ“ изъ этихъ книгъ, выдаваемыхъ въ различныхъ случаяхъ, напр., при поступленіи дѣтей въ училище, при вступленіи въ бракъ и т. п.; но самыя эти книги, и тѣмъ болѣе выписи изъ нихъ, имѣютъ значеніе не столько церковное—служить удостовѣреніемъ христіанскаго званія,—сколько именно государственное, въ качествѣ актовъ, удостовѣряющихъ гражданское состояніе каждаго лица христіанскаго исповѣданія,—какъ то: его возрастъ, принадлежность къ семьѣ, сословію и званію. Подобныя же книги ведутся духовными лицами и другихъ христіанскихъ и даже нехристіанскихъ исповѣданій. Государство возложило на духовенство обязанность вести эти акты, и духовенство выполняетъ эту обязанность, но оно нисколько не потеряетъ изъ своихъ духовныхъ правахъ и полномочій, если государство сниметъ съ него эту обязанность. Насколько само государство сознаетъ, что вопросъ о законности рожденія есть вопросъ гражданскій, а не церковный, видно изъ одного того, что оно предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса исключи-тельно судебнымъ учрежденіямъ, по иску мужа, и слагаетъ его съ обя-занностей духовенства (Свод. зак. ч. 1, т. X, ст. 120). Посему всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ, не расторгнутомъ церковною властію,

Въ доказательство своей мысли, г. Розановъ ссылается на авторитетъ недавно умершаго Т. И. Филиппова, который въ открытомъ письмѣ къ И. Ѳ. Нильскому указывалъ, что „въ исторіи истинной Христовой церкви было такое время, когда вполне правильные въ смыслѣ церковномъ браки составлялись единымъ соизволеніемъ, безъ священнословія или вѣнчанія, а между тѣмъ такого времени, когда бы бракъ въ церкви не почитался за таинство, никогда не было, и что, слѣдовательно, отсюда выводъ ясенъ и вопросъ о *безусловной* невозможности брака, какъ таинства, безъ священнословія,—рѣшается отрицательно“¹⁾.

Времени, когда браки заключались бы въ церкви единымъ соизволеніемъ брачующихся, безъ соизволенія и освященія церкви, отвѣтимъ мы, конечно, никогда не было²⁾. Правда, признавались законными, какъ и нынѣ признаются, браки, заключенные *до обра-*

отмѣчаются въ метрическихъ книгахъ законными, хотя бы они родились по естественному порядку слишкомъ рано отъ совершенія брака, или при отсутствіи фактическаго сожительства мужа и жены. *М. Семеновскій*.

Все это—такъ, но плачевно до боли, что 200 лѣтъ назадъ духовенство не заявило твердо: „не читаемъ ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Заветѣ о незаконнорожденныхъ; не знаемъ такого слова; и какъ оно *убиваетъ* дѣтей (факты)—то и отказываемся писать его“. И здѣсь М. Семеновскій въ „примѣчаніи“ пишетъ, что—на его взглядъ и церковный—„незаконнорожденности“ нѣтъ, а выше самъ же написалъ: „въ этомъ случаѣ исполняется слово законодателя (не гражданскаго): *грѣхи ваши на васъ и на дѣтяхъ вашихъ до третьяго и четвертаго колѣна*. Т. е. *возможна* на терминъ этотъ идетъ отъ духовенства; да и онъ же сказалъ: „гражданскія перемѣны *ничего не убавятъ* въ стыдъ дѣвухекъ, а онъ-то и убиваетъ и мы его *не снимаемъ*“. Само собой, дѣло не въ терминѣ „незаконнорожденный“, а въ *миръ*, въ *брезливости*, въ *презираши*, съ какою онъ *протискивается*. И всего этого *корень*.—въ идеалѣ оскотченія. *В. Р—ва*.

¹⁾ „Открытое письмо г. А—ту“. Г. Розановъ выставляетъ здѣсь и еще одинъ доводъ въ пользу того, что церковный чинъ вѣнчанія не имѣетъ существеннаго значенія въ бракѣ. „За вѣнчаніе берутъ деньги. Значитъ вѣнчаніе не таинство, ибо тогда получать за него деньги было бы симоніей“. Отвѣтъ на подобное возраженіе данъ апостоломъ Павломъ въ посланіи къ Коринтеянамъ, гл. IX. Какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь оплачивается не благодать, не продаваемая и не покупаемая, а трудъ священника, по немощи плоти имѣющаго нужду въ пищѣ, одеждѣ и прочемъ. *М. Семеновскій*.

Все это нѣсколько софистично: за вѣнчаніе берутъ довольно высокую плату (я заплатилъ въ 1882 г., въ Москвѣ, 75 р. безъ цѣвчихъ), и *строго оговариваемую*. Отчего-же за „трудъ“ при крещеніи не берутъ? Въ крещеніи слишкомъ ясно присутствіе „таинства“. Взять хоть 5 к. за *трудъ* причащенія священникъ просто бы *испугался*: такъ яркость таинства бьетъ здѣсь въ лицо. Напротивъ, въ вѣнчаніи *тусклость* присутствія таинства, *неясность*, сходитъ ли тутъ благодать (въ какую-же минуту? гдѣ *центр* тутъ?) такъ очевидно, что и миряне на немъ присутствуютъ безъ того *страха*, какъ на крещеніи или передъ причащеніемъ, и у священника руки не дрожать, когда онъ беретъ за это деньги. *Страха къ вѣнчанію* ни у кого, ни у мирянъ, ни у духовенства, нѣтъ. А этимъ и рѣшается все. Ибо *гдѣ* Богъ—тамъ *страшно*, само собою и невольно, всякому. *В. Р—ва*

²⁾ Ниже авторъ самъ это опровергаетъ. *В. Р—ва*.

щенія въ христіанство или до присоединенія къ церкви, но и только. Что же касается лицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ церкви, или же только вступающихъ въ бракъ послѣ присоединенія къ церкви, то для нихъ чинъ браковѣчанія всегда считался обязательнымъ. Конечно, въ настоящей своей формѣ этотъ чинъ выработывался постепенно и претерпѣвалъ различныя измѣненія, но зерно его несомнѣнно апостольскаго происхожденія. Указаніе на этотъ чинъ можно находить уже въ приведенныхъ нами словахъ апостола, что бракъ долженъ быть „точію о Господѣ“¹⁾ (1 Кор. 7, 39). У святыхъ отцевъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства содержатся ясныя указанія на существованіе этого чина. Святый Игнатій Богоносецъ, напр., пишетъ: „подобаетъ женищимся и выходящимъ замужъ, чтобы союзъ ихъ совершался по благословенію епископа, да будетъ бракъ о Господѣ, а не по вождельнію“²⁾. Тертуліанъ говоритъ: „какъ я могу описать счастье моего брака, который *церковь утверждаетъ*, жертва скрѣпяель, *благословеніе запечатлѣваетъ*, ангелы возвѣщаютъ, *Отецъ утверждаетъ*“³⁾.

Тотъ же Тертуліанъ говоритъ, что брачныя союзы, заключенныя безъ вѣдома и благословенія церкви, считаются наравнѣ съ прелюбодѣянiемъ и блудомъ (De pudic., с. 4). Долгое время эта въ христіанской церкви обязательность церковнаго благословенія въ бракъ опиралась исключительно на требованія нравственнаго характера и можетъ служить посему прямымъ доказательствомъ вѣрованія церкви, что именно это благословеніе содѣлываетъ христіанскій бракъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по своей

¹⁾ Апостолъ Павелъ, ревностный по образованію іудей, въ словахъ „точію о Господѣ“ повторилъ знаменательныя и важныя слова Товіи и Сарры передъ ложемъ: „я беру ее женою не для удовлетворенія желанію, но по истинѣ“ (яо исполненіе Божіей заповѣди о размноженіи). Вообще, введеніе молитвы Товіи и Сарры въ вѣчный и ежедневный ритуаль брачнаго житія, въ „молитву на сонъ грядущій“ брачныхъ, и притомъ только ихъ исключительно—вотъ начало истиннаго устройства супружества. Приведемъ ее здѣсь полностью: „Благословенъ Ты, Боже отцовъ нашихъ, и благословенно Имя Твое святое и славное во вѣки! Да благословляютъ Тебя небеса и всѣ творенія Твоя! Ты благословилъ Адама и далъ ему помощницу Еву, подпорою—жену его. Отъ нихъ произошелъ родъ человѣческой. Ты сказалъ: не хорошо быть человѣку одному, сотворилъ помощника, подобнаго ему. И нынѣ, Господи, я беру сію сестру мою не для удовлетворенія пожеланія, но по истинѣ: благоволи-же помиловать меня и дай мнѣ сосвататься съ нею“ („Книга Товита“, VIII). Какъ одинъ писатель нѣкогда сказалъ: „мы имѣемъ больше, чѣмъ конституцію—мы имѣемъ присягу“, такъ я о „прилѣпленіи“ скажу: „мы имѣемъ болѣе, чѣмъ позволеніе на него—мы имѣемъ на него приказаніе“,—и отсюда-то оно есть „по истинѣ“ и должно быть „точію о Господѣ“ (должно быть совершаемо съ непрерывною мыслию о Немъ). В. Р.—въ.

²⁾ S. Ignat. Epistola ad Polic., cap. V. М. Сменцовскій.

³⁾ Tertullian. Ad uxorem, II, cap. 9. М. Сменцовскій.

природѣ. Внѣшнюю, юридическую обязательность церковный чинъ бракосочетанія получили довольно поздно ¹⁾. Въ гражданскихъ византійскихъ законахъ церковное благословеніе брачнаго союза признано необходимымъ условіемъ законности брака въ первый разъ лишь 89 новеллой императора Льва Философа (около 893 г.), на рабовъ же это постановленіе распространено еще позднѣе — при Алексѣѣ Комнинѣ (1095 г.) ²⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ сказался взглядъ римскаго законодательства, что въ бракъ можетъ вступать лишь человѣкъ свободный; рабы же по римскому праву были лишены этого права: они могли вступать лишь въ сожителство (contubernium). Церкви долго пришлось бороться съ этимъ ³⁾ языческимъ взглядомъ. Признавая и въ рабахъ то-же самое чело-вѣческое достоинство, какъ и въ свободномъ гражданинѣ, она предъявляла къ тѣмъ и другимъ одинаковыя нравственныя требо-ванія какъ во всемъ, такъ и въ вопросѣ о бракѣ, и тѣмъ и дру-гимъ въ церковномъ чинѣ вѣнчанія равно преподавала благосло-веніе при вступленіи въ супружескій союзъ.

Признавая законность брачнаго союза, заключеннаго иновѣр-цами до вступленія въ православную церковь, церковь руковод-ствуется прямою апостольскою заповѣдію: „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ее. И жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, и онъ согла-

¹⁾ А, вотъ то-то. Въ этомъ все и дѣло. Никто не говоритъ, и я--всею менѣе: „избѣгайте благословенія пресвитеровъ“. Не только въ бракъ всту-пая. но и какое бы дѣло ни начиналъ ты—благословись у священника, благословись у родителей, простись съ сосѣдями и у нихъ благословись на дѣло, подвигъ, предпріятіе. Но все это—по любви, а не по принуж-денію. А когда по нечастію не удалось этого, не „голову-же съ плечъ долой“ мирянину, а тѣмъ болѣе, въ бракѣ, не „голову-же съ плечъ до-лой“ дѣтямъ. А теперь именно такъ и выходитъ, и грустно, что бого-словы настаиваютъ на *юридической* значимости и принудительности сво-его благословенія. Нельзя не замѣтить, что въ сущности мы имѣемъ *гражданскій* по ощущенію его бракъ, но только *священникомъ и рели-гиозно-церемониально совершаемый*. А нужно-бы (и хотѣлось-бы) *святой* бракъ (молитва Товія и Сарры). Теперь бракъ (сожитіе) *грѣшенъ* (молитва надъ родильницей, все равно и въ законномъ бракѣ), а святъ (=великъ) благословляющій; я-же бы хотѣлъ великаго таинства и святости въ са-момъ бракѣ. Вотъ около чего кружится споръ. В. Р.—въ.

²⁾ См. объ этомъ въ курсѣ церк. права профессора Бердникова. Ка-зань. 1888 г., стр. 63. М. Сменцовскій.

³⁾ Итакъ, ровно *десять вѣковъ*, до самого 1095 г. полные и законные браки въ христіанскомъ мірѣ, въ Православной Византіи, могли совер-шаться по соизволенію брачущихся *то съ вѣнчаніемъ, то безъ вѣнчанія*. Но въ 1096 году уже окончилась эпоха Вселенскихъ соборовъ, закончился *весь* канонъ церкви: и слѣд. церковь во все время творческаго само-устрой-нія не находила поводовъ и мотивовъ протестовать противъ „сожи-тельствъ“ и ихъ нарекала „законнымъ бракомъ“, ни мало не „блудомъ“. И тогда-то дѣти отъ нихъ именовались конечно „брачными и закон-ными“. В. Р.—въ.

сеяя жить съ нею, не должна оставить его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же невѣрующій захочетъ развестись, пусть разводится; братъ или сестра въ такихъ случаяхъ не связаны. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай такъ, какъ Богъ ему опредѣлилъ, и каждый, какъ его Господь призвалъ“ (1 Кор. VII, 12—17). Практика церкви всегда и вполне отвѣчала этой апостольской заповѣди, такъ, что при переходѣ въ православіе одного изъ супруговъ нехристіанскаго исповѣданія, если мужъ и жена изъявляютъ согласіе продолжать супружескую жизнь, сожителство ихъ признается бракомъ въ церковномъ смыслѣ этого слова, безъ утвержденія его вѣнчаніемъ по церковному чину. Церковь вѣруетъ, что такой бракъ освященъ уже однимъ совершеніемъ чина крещенія ¹⁾ надъ обратившимся или обратившеюся, и нравственнымъ изволеніемъ Церкви. Дѣйствующее нынѣ церковное законодательство требуетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ нехристіанская сторона дала письменное обязательство въ томъ: а) что имѣющія родиться съ этого времени дѣти будутъ крещены въ православную вѣру, б) что ни прещеніями, ни угрозами и никакими другими способами онъ или она не будутъ склонять къ измѣнѣ православію какъ этихъ дѣтей, такъ и обратившагося или обратившуюся въ православіе своего супруга или супругу, и в) что будутъ продолжать бракъ въ единобрачномъ сожителствѣ съ обращеннымъ или обращенною въ тѣхъ случаяхъ, когда обратившійся къ церкви мужъ имѣлъ многихъ женъ или обратившаяся состояла одною изъ многихъ женъ ²⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Ну, это новое ученіе г. М. Сменцовскаго. Гдѣ-же оно выражено. *оформулировано* въ догматикахъ? въ какомъ апостольскомъ или соборномъ правилѣ? Въдѣ поэтому ученію и православный, „разъ уже онъ крещенъ и въ крещеніи всѣ прочія таинства воспринялъ“, можетъ, вступая въ „сожителство“ думать: „все равно—я повѣчался въ крещеніи“. Ибо если *обратное* дѣйствіе имѣетъ крещеніе относительно евреевъ, то оно имѣетъ дѣйствіе и *впередъ* у русскихъ. Отчего вѣтъ? В. Р—въ.

²⁾ Это и разбиваетъ теорію г. М. Сменцовскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если крестится татарская семья, состоящая изъ мужа и его трехъ женъ, и крещеніе *входитъ* брако-вѣнчаніемъ въ крещаемыхъ, то, очевидно, оно вошло такимъ образомъ во всѣхъ трехъ женъ. И для послѣдовательности, надо-бы церковно, черезъ св. Синодъ, расторгнуть бракъ его съ двумя женами, оставляя только съ одною. Но этого не дѣлается. Очевидно, просто церковь признаетъ своимъ бракомъ на выборъ *сожителство* его съ *каждою* *нибудь* *одною* *женщиною-женою*. Не могу однако я не скорбеть объ участи *двухъ брошенныхъ, и съ дѣтьми*, женъ: тутъ надо-бы оказать снисхожденіе, особенно для вновь крещенныхъ, только что вступившихъ въ церковь, вступившихъ съ радостью, не для унынія! Случаи подобные такъ рѣдки! и что значить въ многомилліонномъ христіанскомъ мірѣ 5—10—100 семей, сохраняющихъ полицамный типъ своей древней семьи? *Терпимъ-же* мы дома терпимости, не „раздираемъ одежду на себѣ“ при видѣ ихъ. В. Р—въ.

зомъ видимъ, что въ вопросѣ о бракѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, церковь наша отличается истинно материнскимъ снисхожденіемъ къ нуждамъ человѣческимъ.

Нужно-ли послѣ этого вводить какія-либо измѣненія въ церковный чинъ брака и устанавливать какія-то „упрощенныя формы“ заключенія брачнаго союза? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Чинъ этотъ освященъ вѣками, торжествененъ, трогателенъ, умиротеленъ, потрясаетъ сердца. Съ другой стороны, никакія упрощенныя формы не разрѣшаютъ затрудненій и не спасутъ, какъ на это надѣется г. Розановъ, не только тысячъ, но и одной дѣвушки. Ибо развѣ можете служить этотъ чинъ какою-либо помѣхою для тѣхъ, кто сближаясь съ существомъ иного пола, ищетъ именно брачнаго союза и готовъ принять всѣ нравственныя и иныя обязательства, проистекающія отъ такого сближенія, и въ комъ живо христіанское сознаніе необходимости освященія этого союза благословеніемъ свыше?.. Если же нѣтъ этого сознанія, если, съ другой стороны, нѣтъ и желанія „связывать себя обязательствами“, то никакія упрощенныя формы брака не помогутъ: въ результатѣ получится случайное сожителство, а не бракъ.

Г. Розановъ любитъ указывать, въ подтвержденіе своихъ мыслей, примѣры изъ ветхозавѣтной исторіи. Такъ и въ вопросѣ о бракѣ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что ветхозавѣтное законодательство не знало незаконнорожденныхъ и что будто бы бракъ по закону Моисееву обставленъ былъ такою свободою, что часто заключался въ простомъ фактѣ сожителства (Исх. гл. 22, 16).

Не споримъ. По „жестокосердію“ ¹⁾ подзаконнаго человѣчества (Ме. 19, 8), ветхозавѣтный бракъ соединенъ былъ съ менѣе строгими нравственными требованіями ²⁾, чѣмъ нынѣ. Въ подзаконномъ іудействѣ было терпимо многоженство, практиковался свободный разводъ, существовало наложничество ³⁾. Все это от-

¹⁾ И вѣчно это обвиненіе на сиблейскаго человѣка, и косвенно — на Библию; ибо кто, порицая „русскаго человѣка“, косвенно этимъ не порицаетъ-бы „Россію“. В. Р.—вз.

²⁾ Ужъ куда у насъ „нравственныя требованія въ бракѣ“. См. въ „Матерьялахъ“ примѣры, хотя-бы подъ рубрикой: „Какъ далеко простирается христіанское долготерпѣніе“. В. Р.—вз.

³⁾ Вы все *цифры* считаете, *аршиномъ* бракъ мѣряете: а вѣдь въ „тайнѣ Божіей“ значительно качество, а не количество. Неужели-же бракъ Авраама, имѣвшаго Сарру и Агарь, а затѣмъ еще Хетгуру и „наложницъ“ былъ по *тону*, по *стилю*, по *колориту* низкопробнѣе трогательной „четы“ русскихъ, которая просыпаясь дерется, и на сонъ грядущій напивается и дерется-же. Гдѣ ангелы летаютъ, около русскихъ сапожниковъ или около „наложницъ“ Агари? Читаемъ и можемъ-ли не заплакать отъ умиленія: „Но Сара, жена Авраама, не рождала; у ней была лужанка египтянка, именовъ Агарь. И сказала Сара Аврааму: вотъ, Господь заключилъ чрево мое, чтобы мнѣ не рождать (NB: вотъ отъ

мѣнено закономъ Христа ¹⁾ (Еф. II, 15; 2 Кор. V, 17). Что же касается случаевъ „свободнаго сожительства“, то законъ Моисеевъ каралъ ихъ со всею строгостію. Вступившій въ сожительство съ чужою женою и нарушившій чистоту брака (Лев. 18, 20; 20, 10—17; Втор. 22, 22), опорочившій обрученную другому, дѣвица, не

Кого, „отъ Бога“—рождаются; войди-же къ служанкѣ моей, можетъ быть я буду имѣть дѣтей отъ нея. Авраамъ послушался словъ Сары. И взяла Сара, жена Авраамова, египтянку Агарь, и дала ее мужу своему въ жену (NB: не сказано: „въ наложницу“, „въ блудъ“). Онъ вошелъ къ Агарь, и она зачала. —Какой миръ! какое отсутствіе нашихъ отвратительныхъ ревностей! Какія „ревности“ въ бракѣ „точію о Господѣ“? Исполняется „дозгъ“, и Сарра радуется плодородію Агарь, нарекая его „своимъ“, „роднымъ себѣ“ плодородіемъ: ибо онъ обѣ какъ раздѣлившаяся на двое Ева, единыя въ стремленіи и въ любви, въ напоеніи пола мужа своего. Вышла ссора, отъ необдуманной заносчивости Агарь: у насъ, „не жестоковѣйныхъ“, какими-бы цалками была выгнана Агарь, при хохотѣ улыбки, законѣ, всѣхъ! Но „отъ начала было не такъ“, и Агарь, чрево которой расцвѣтилъ Господь, увидѣла Ангела Господня: „И нашелъ ее Ангелъ Господень у источника воды въ пустынѣ. И сказалъ: Агарь, служанка Сарина, откуда ты пришла и куда идешь? Она сказала: я бѣгу отъ лица Сары, госпожи моей. Ангелъ Господень сказалъ ей: возвратись къ госпожѣ своей и покорись ей. И сказалъ ей Ангелъ Господень: умножая умножу потомство твое, такъ что нельзя будетъ и счесть его отъ множества. И еще сказалъ ей Ангелъ Господень: вотъ, ты беременна и родишь сына и наречешь имя ему *Измаилъ*, ибо услышалъ Господь страданіе твое. Руки его будутъ на всѣхъ и руки всѣхъ на него. И нарекла Агарь Господа, который говоритъ съ ней, симъ именемъ: *Ты Богъ видящій меня*. Ибо сказала она: точно я видѣла здѣсь *всѣмъ видящаго меня*“. Какая исторія! Что за нѣжность и глубина! Отчего ее не читаютъ у насъ въ храмахъ хотя-бы во время „вѣтхобогослужебныхъ собесѣдованій!“? Но вотъ что усмотримъ изъ приведеннаго: есть жалобы, есть подозрѣніе, что семья содѣлываетъ человека „эгоистомъ“, *сгуживая* кругъ заботъ его, устремляя къ центру *жены и дѣтямъ* отъ нея. Обращая вниманіе, что Сара становится плодною лишь принявъ ребенка отъ Агарь, а Рахиль бесплодна-же, пока не дала Іакову Валлы, не прозрѣваемъ-ли мы здѣсь Промысла, разламывающаго сухость и черствость *моно-центральной* семьи; разбивающаго семью почти въ *народъ*, въ *народецъ*, въ волнуемое малое стадо, гдѣ есть разнобразныя формы *любви и дружбы*, различіе *судебъ*, обиліе *событій*? Вся эта философія не принята во вниманіе, и хоть мы имѣемъ надъ собою Промыслъ, но вѣчно *боремся* противъ него. Тогда способность и иногда neodоминимая потребность ко второй и третьей любви, — не у всѣхъ, а у нѣкоторыхъ, — объясняется какъ именно переходъ брака въ социальное строительства, въ народо-изведеніе изъ себя, во что-то открытое подъ солнцемъ, а не замкнувшееся отъ солнца. По истинѣ, мы имѣемъ въ карманѣ миллионъ, а расходуемъ только гривенникъ. В. Р—ев.

¹⁾ Ни въ *единомъ мѣствѣ* Христосъ обѣ этомъ ничего не упоминалъ, кромѣ принципиальнаго: „не нарушать пришелъ Я законъ, но *исполнить*“; и еще: „земля и небо прейдутъ скорѣе, но ни одна *иота* изъ закона“. Что касается указываемыхъ „Посланій“ Ап. Павла, то въдѣ Ап. Павелъ говорилъ о *своемъ* тѣсномъ времени, въ ожиданіи скорой кончины міра, на что онъ и ссылался, говоря, что ее встрѣтитъ *легче*, оставаясь безбрачнымъ. Это не *принципъ*, а совѣтъ на случай. В. Р—ев.

сохранившая своего дѣвства, жена, нарушившая супружескую вѣрность (Втор. 22, 20, 21, 23—25; Числ., 5, 12—31), всѣ подлежали смертной карѣ ¹⁾. Единственное исключеніе изъ этого правила въ законѣ Моисеевомъ допускалось для тѣхъ, кто обольститъ дѣвицу необрученную: въ этомъ случаѣ обольститель обязанъ былъ уплатить отцу дѣвицы 50 сиклей серебра и, если отецъ изъявлялъ согласіе, обязанъ былъ взять ее въ жены безъ права развода (Исх. 22, 16, 17, Втор. 22, 28, 29). Очевидно въ этомъ послѣднемъ случаѣ законодательство Моисея выражаетъ собою то именно требованіе, которое нашъ простой народъ выражаетъ словами—„прикрыть грѣхъ вѣнцомъ“. Различіе лишь въ томъ одномъ, что законодательство Моисея вмѣняетъ это соблазнительно не въ нравственную ²⁾ только, но и въ юридическую обязанность. Что же касается дѣтей, рожденных отъ свободныхъ сожителствъ, то въ законѣ Моисеевомъ читася слѣдующее суровое требованіе: „сынъ блудницы ³⁾ не можетъ войти въ общество Господне, и де-

¹⁾ Какое безобразное невѣжество въ Ветхомъ Завѣтѣ! Да что, неужели вовсе не читаюгь Библии въ семинаріяхъ и Академіяхъ? Авторъ совершенно забываетъ, что абсолютная легкость развода ео ipso уже заключала въ себѣ *позволительность* всего, имъ отмѣчаемаго. Что касается до дѣвицъ, то израильянину достаточно было *просить финикъ на улицѣ дѣвуикѣ*, произнося формулу: „освящаю тебя этимъ финикомъ въ жену себѣ“,—чтобы получить ее въ обладаніе. При чемъ на утро онъ могъ ей выдать *гетъ* („разводное письмо“). Въ „Мишиѣ“ въ одномъ мѣстѣ говорится: „если кто освѣтилъ себѣ жену и далъ ей разводъ, и еще освятилъ и опять далъ разводъ, и такъ до семи разъ въ одинъ день“ и проч.,—откуда видно, что „обрѣзаніе“ (духъ всей библейской жизни) бесконечно освящало и благословляло „возстанія плоти“, не полагая имъ вовсе никакого предѣла—и въ этомъ его смыслъ. Обрѣзаніе—Кронштадъ брака; за его твердынями онъ не сокрушимъ, не упрекаемъ, вмѣстѣ—всегда святъ, во всемъ благочестивъ. Похожъ на дѣвъ и чистъ какъ весталка. Невозможно не отмѣтить, что пророкъ Наанъ не повелѣлъ даже Давиду разстаться съ Вирсавіей (не „развелъ ихъ“, не расторгъ ихъ незаконнаго брака), какъ и Богъ благословилъ чрезмѣрно вождетвіе рожденіемъ Соломона (изъ величайшей любви—величайшая мудрость). Давидъ былъ наказанъ *только* за Урію, несчастнаго, невиннаго, но за Вирсавію не былъ обвиненъ: у него была вѣдь возможность взять ее черезъ разводъ (съ Уріей). В. Р—въ.

²⁾ То-то „нравственную обязанность“. Сколько у насъ дѣвушекъ удавилось, пот. что обольстившимъ ихъ молодымъ людямъ говорили только „нравственно“: „вамъ-бы на обольщенной жениться, а впрочемъ—*какъ хотите*, мы это только *нравственно* совѣтуемъ“. То-то мы „не жестоко-вѣйны“. В. Р—въ.

³⁾ Что за безобразное невѣжество: да что, Агарь блудница была? А вѣдь было съ нею у Авраама „свободное сожительство“. „Блудницею“ въ Библии называется особая категория женщинъ, а вовсе не „свободная сожительница“, хотя-бы кратковременная. Для доказательства, вотъ законъ: „первосвященникъ передъ Днемъ Очищенія проходилъ краткій постъ, время абсолютной тѣлесной чистоты; такъ какъ на эти 5—6 дней его жена могла быть „не чиста“ (менструозна), а ни на какое, даже са-

святое поколѣніе его не можетъ войти въ общество Господне“ (Вт., 23, 2). Это равносильно лишенію всякихъ гражданскихъ правъ.

Въ заключеніе еще нѣсколько строкъ. Г. Розановъ, ратуя за уничтоженіе различія между бракомъ и сожительствомъ, думаетъ тѣмъ самымъ „защитить, поддержать, оздоровить семью“. Насколько призрачно подобное ожиданіе, легко понять. Въ результатъ, несомнѣнно, получится не оздоровленіе семьи, а полнѣйшая распушенность нравовъ: полигамія и полиандрія ¹⁾, которыя въ корнѣ подорвутъ значеніе брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія. Уничтожьте различіе между бракомъ и сожительствомъ, — сожительство не сдѣлается отъ этого чище и святѣе ²⁾. Правда, быть можетъ, чрезъ это будетъ упокоена чья-

мое краткое время, первосвященникъ не долженъ былъ сохранять полового воздержанія (что могло-бы вести къ „блуду“, т. е. игрѣ воображенія или къ худому вѣчи постижку, чего изритель смертельно боялся), то *на эти дни поста ему давалась въ зпаськую жену дѣвушка, никогда не старше 12½ лѣтъ (не „богереть“, „перезрѣлая“), которая послѣ Дня Очищенія переставала быть его женою“ (см. „Мишна“). До такой степени скопченство до *корней было выброшено* изъ древно-библейской жизни; а наши богословы все еще пытаются привязывать къ Библии свои воззрѣнія, опираться на нее. Ищите опоръ себѣ въ Капитоліи, у безплоднаго Юпитера; по пути въ *Терси Садри* („Святая Солима“—Соломона) вамъ „заказаны“. Они вами потеряны и вы ихъ не найдете. В. Р.—в.*

¹⁾ Ну, а дома терпимости не есть „полигамія“ или „полиандрія“? Скорѣй, конечно, „единоженство“. А грѣхъ Оана? Авторъ воображаетъ, что Россія чиста, какъ его ученый кабинетъ. Домъ терпимости есть вотъ что: „у меня—*милліонъ* женъ, но такихъ, что у каждой—*милліонъ* любовниковъ“. Этого 1.000.000 × 1.000.000 блуда у насъ не вообрабно и законно допущенъ всякому. Г. Звягинъ, посвѣтитель Абессиніи, сказывалъ мнѣ: „абессинцы, пріѣхавъ въ Петербургъ, были болѣе всего поражены множествомъ продающихся женщинъ на улицахъ, и говорили: Богъ съ ней, съ цивилизаціей и съ Европой: если оближеніе съ нею ведетъ къ этому неизбѣжно, сохрани Богъ нашу страну отъ всякой цивилизаціи“. А не такъ давно издатель „Семейнаго университета“, Ф. С. Комарскій, сказалъ мнѣ: „выйдите въ 11 часовъ вечера на Невскій проспектъ, близъ Сѣверной гостиницы: васъ обступятъ дѣвочки подростки, лѣтъ 15—14—13, умоляющіе взять ихъ, хватающіеся за пальто ваше; это—голодь; а у насъ противоѣдствуютъ всѣми мѣрами образованію семьи, охраняя строгость условій вступленія въ бракъ“. Говорившему такъ было за 60 лѣтъ: онъ судилъ не какъ мальчикъ, и видѣлъ не случайное. В. Р.—в.

²⁾ Пусть оно *чище* будетъ! въ „чаще“ весь секретъ. Самъ-же Апостоль скаазалъ: „во избѣжаніе блуда (напр. какъ у Оана) *каждый* имѣй свою жену и *каждая* имѣй своего мужа“. Конечно, это не къ обряду, а къ *жизни* относится. *Только* осуществленія этого слова апостольскаго я и добиваюсь. Бракъ долженъ бы быть построенъ на этомъ словѣ (*единствен-*но), но этого исторически не случилось. Теперь я говорю: въ *каждомъ* дому, въ *каждомъ* дворѣ, въ *каждой* квартирѣ, *комнатѣ*, *каморкѣ*, „углу“ да освѣщаетъ солнце не *моно*-человѣка, а *четы*-человѣка, „во образъ Адама и Евы, плана сотворенія человѣка Богомъ“. Благословеніе имъ *ужесть*: пусть живутъ „точію о Господѣ“, тихо, безбоязненно, мирно, ласкаясь, съ дѣтьми, въ работѣ и вѣрности. И недѣля такой жизни—зачтется у Господа; больше счетъ ихъ на небесахъ, если жизнь—дольше.

либо не очень чуткая совѣсть, ибо „закономъ познаніе грѣха“ (Рим. 3, 20). Нѣтъ закона, и по внѣшности все будетъ обстоять какъ будто благоприлично; но внутренняя, нравственная сторона такого сожительства, какъ нѣкоего гроба повапленного¹⁾, по-прежнему будетъ полна „костей мертвыхъ и всякія нечистоты“²⁾ (Мѣ. 23, 27). Законъ тревожить, не даетъ обмануть свою и чужую совѣсть. Но вѣдь такова и цѣль закона, ибо „законъ положенъ³⁾ не для праведника, но для беззаконныхъ... развратныхъ... для блудниковъ“ (1 Тим., 1, 8, 9). Безспорно, современная семья, особенно въ городахъ, требуетъ обновленія и оздоровленія. Но это оздоровленіе можетъ и должно быть достигаемо иными, болѣе дѣйствительными средствами: оздоровленіемъ печатнаго слова, оздоровленіемъ искусствъ, зрѣлищъ, болѣе строгимъ нравственнымъ воспитаніемъ юношества въ семьѣ и школѣ. Необходимы и нѣкоторыя измѣненія во внѣшнемъ строѣ жизни, облегченіе процессуальной стороны развода, когда семья уже разложилась и фактически не существуетъ и т. п., но обсужденіе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы нашей задачи⁴⁾.

XXXIII. Письмо анонима.

Многоуважаемый Василій Васильевичъ, напечатана и надняхъ выходитъ брошюра свѣщ. Дернова „Бракъ или развратъ“, написанная по порученію ** противъ Вашихъ статей въ „Новомъ Времени“ о незаконпорожденныхъ дѣтяхъ⁵⁾.

Мѣсяць лучше недѣли, годъ лучше мѣсяца, вся жизнь вмѣстѣ—вѣнецъ желаній; годъ хуже лѣтъ, мѣсяць хуже года, недѣля хуже мѣсяца; а конецъ и проклятiе и гiена—если нѣтъ сожитiя, а вмѣсто этого простигiя. Вотъ моя мысль и планъ, какъ *лѣстница*. Не убирайте этой лѣстницы. Не указывайте на небо говоря: вскочите *туда*, а кто не можетъ—риньтесь *взъ преисподнюю*. Такой идеализмъ—жестокъ! В. Р.—вз.

¹⁾ Это надо запомнить. Какая клевета ритора. Да видаль-ли онъ хоть *одно* незаконное сожительство? А пишетъ *о всѣхъ*. В. Р.—вз.

²⁾ Вотъ я ниже, въ образцахъ нашего „долготерпѣнія“, покажу, какая „чистота“ лежитъ въ ящикѣ обрядовало брака. В. Р.—вз.

³⁾ О *Новомъ Заветѣ* Апостолъ Павелъ сказалъ, что уже „законъ“ *прошелъ* въ немъ; да и самъ г. С—скій выше съ презрѣніемъ называлъ: *иудеевъ „подъ-законными“*, ибо по Ап. Павлу „гдѣ благодать—тамъ *умеръ законъ*“ В. Р.—вз.

⁴⁾ Такъ, только *два* строчечки о такой важной вещи, какъ разводъ для случаевъ, когда „семья уже разложилась и фактически не существуетъ“. А вѣдь ни Анна Каренина не умерла-бы, ни Лаврецкій не по-сѣдѣлъ-бы преждевременно, ни Лиза Калитина въ монастырь не пошла-бы, еслибъ торозящiйся поужинать и заснуть авторъ не двѣ-бы строчки и въ 1900 году написалъ объ этомъ, а 200 или 2.000 страницъ, и притомъ въ 1875, 1850 годахъ и еще раньше-бы. О, равнодушныя, о, риторичныя: медвѣдь деретъ корову, а вы флейту настраиаете. В. Р.—вз.

⁵⁾ Письмо—анонимное, какого-то друга. „По порученію...“ названо важное имя. При личномъ свиданіи (со мною, въ числѣ членовъ-учре-

XXXIV. Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ. Отпоръ на призывъ къ безформенному сожитію или, вѣрнѣе, къ половой разнузданности, и охраненіе святости брачнаго союза. Протоіерея Александра Дернова.

I. Въ статьяхъ „Евины внучки“, „Споръ объ убитомъ ребенкѣ“, „Святое чудо бытія“, „Имущество, титулы и дѣти“, и „Открытое письмо г. А—ту“, г. В. Розановымъ высказаны своеобразныя сужденія о чрезвычайно важномъ вопросѣ, по самому существу его. Вопросъ, трактуемый г. Розановымъ, касается самаго важнаго закона въ порядкѣ земной жизни человѣчества: отдѣльныхъ лицъ, супружествъ, или браковъ, семействъ и дѣтей. Законъ этотъ установленъ въ самой природѣ человѣка и освященъ самимъ Богомъ ¹⁾ и по существу своему составляетъ великую тайну ²⁾. Посему самому всякая неправильность въ сужденіяхъ по отношенію къ этому закону, къ этой тайнѣ, должна озабочивать всякаго здравомыслящаго человѣка.

Г. Розановъ, подкупающій своихъ читателей своею искренностію, какъ отзываются о немъ его критики, высказываетъ: „Мнѣ кажется, мы живемъ наканунѣ глубочайшаго преобразованія возрѣвѣя на семью, дѣтей, супружество, потому что въ томъ кругѣ понятій, въ которомъ мы выросли на счетъ всего этого, нельзя и представить конца дѣтубійства“ („Евины внучки“). И далѣе, въ четырехъ названныхъ статьяхъ онъ старается показать вѣрность этихъ своихъ словъ, допуская, какъ замѣчаютъ г. Евгеній Марковъ и г. А—тъ, сужденія рискованныя.

Но мало сказать: „рискованныя“; его сужденія извращаютъ самое дѣло, смущаютъ умы многихъ читателей, представляя собою смѣлыя и рѣшительныя, хотя совсѣмъ бездоказательныя, нападки на аскетизмъ и греко-русскія брачныя установленія. Нападая на нихъ, г. Розановъ обвиняетъ ихъ въ искаженіи истиннаго Христова ученія въ вопросахъ о бракѣ и дѣторожденіи, косвенно приписываетъ имъ дѣтубійства, не приз-

дителей „Религиозно-философскихъ собраній“) высокопреосвященный митрополитъ Антоній сказалъ, что онъ читалъ брошюру А. Дернова и посоветовалъ ему „писать покороче“. Самъ Владыка хорошо и съ добротой говорилъ о „незаконнорожденных“, и когда я упомянулъ о дѣтубійствѣ, выразился, что терминъ этотъ вовсе не церковный, а государственныи, отъ государства идетъ, и что священники лишь повинуются гражданскому закону, вписываютъ его въ метрики. В. Р—въ.

¹⁾ Это „за здравіе“; но вездѣ далѣе пойдетъ „за упокой“. И поразительно: сколько богословскихъ сужденій о бракѣ и семьѣ я ни читалъ, вездѣ въ *предисловіи*—взята похвала, а за нею—сплошное порицаніе. Точно „пассы“ съ неба, точно магія міровая дѣйствуетъ. В. Р—въ.

²⁾ Видите, „тайною“ называется *фактъ, реальное*. Но это все пока „за здравіе“. В. Р—въ.

наеть бракъ религіознымъ ¹⁾ и государственнымъ учрежденіемъ, приписываетъ намъ, что мы добровольно принимаемъ на себя *тяжкій грѣхъ „симоніи“*, именно: беремъ плату за вѣнчаніе, и будто-бы только вслѣдствіе этого пазываемъ его тайнствомъ ²⁾.

Въ виду того, что такіе, дышащіе страстью и искренностію, взгляды и сужденія г. Розанова, являющіеся въ распространенныхъ газетахъ, обольщаютъ не утвержденныхъ въ вѣрѣ своею смѣлостію, — *справедливость требуетъ, чтобы высказанъ былъ взглядъ и тѣхъ, по адресу кого г. Розановъ высказываетъ свои нападки*, приводя, — по обсуждаемому имъ и очевидно очень близкому его сердцу вопросу, — цѣлый рядъ положеній и сужденій, не соответствующихъ ни историческимъ даннымъ, ни существу дѣла.

Благо Св. Церкви, благо добраго, славнаго народа нашего, который г. Розановъ называетъ самъ „исторически свѣжимъ и относительно чистымъ“ — все, что дорого для современныхъ тружениковъ литературы и печати въ глубинѣ ихъ сердца, — все это требуетъ самаго осторожнаго отношенія къ церковнымъ вопросамъ, серьезнаго взгляда на дѣло, указанія дѣйствительныхъ недостатковъ, если они есть ³⁾, и цѣлесообразныхъ мѣръ къ ихъ устраненію; а фразы и диллетантизмъ могутъ только сѣять смуту и развращать умы, слабые въ вѣрѣ. А, вѣдь, г. Розановъ въ свои сужденія направляетъ, повидимому, къ тому, чтобы убѣдить людей въ зависимости ихъ жизни отъ Бога, убѣдить ихъ въ необходимости религіозной жизни, ослабить чрезъ это дальнѣйшій ростъ вредныхъ общественныхъ явленій, ослабить или уничтожить развратъ, и, какъ говоритъ онъ, „выработать новый и лучшій типъ русской семьи“.

А что, если г. Розановъ избираетъ для этого ошибочныя средства, которыя скорѣе принесутъ не пользу, а вредъ?..

Своеобразная способность г. Розанова мыслить и выражаться, его сужденія часто не совсѣмъ ясныя, его художественно-яркая образность, заставляющая его дѣлать необычные скачки отъ пред-

¹⁾ Всегда призывалъ и признаю бракъ религіознымъ тайнствомъ. Въ защиту этого мною написана цѣлая книга: „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“. Но перечтите-же всю каноническую литературу, и вы увидите, что *центръ* брака вездѣ или не указанъ, или указывается, *хоть и неарокомъ*, какъ у меня: „два въ плоть едину“, „мужа и жены (мужчины и женщины) союзъ“, „по свободному согласію“ (= соглашенію). В. Р—въ.

²⁾ Какая путаница! Совершенно обратное я говорилъ: а) за тайнства брать деньги есть *симонія*; в) но за вѣнчаніе деньги берутся; с) слѣдовательно, берущими (духовенствомъ) оно (вѣнчаніе) тайнствомъ (= бракомъ) не признается. В. Р—въ.

³⁾ Да, „если есть“ — какъ это осторожно! „Себѣ соломки постелю, а ты хоть о камень разбейся“ (незаконнорожденные). И ни на минуту мысли: „что будетъ тамъ? Како пойду ко Господу моему!“ В. Р—въ.

мета къ предмету и выражаться презрительно о такихъ предметахъ, о коихъ въ другихъ мѣстахъ самъ-же г. Розановъ выражается съ великимъ почтеніемъ и уваженіемъ, — все это представляетъ большія трудности къ тому, чтобы сразу-же видѣть безосновательность нападокъ г. Розанова на господствующее ученіе о бракѣ и дѣтяхъ.

Поэтому есть крайняя необходимость прежде всего систематизировать его воззрѣнія и потомъ уже противопоставить имъ правильныя каноническія воззрѣнія.

Говоря о духовномъ управленіи, г. Розановъ постоянно допускаетъ такія выраженія, что, повидимому, отождествляетъ его съ византійскимъ государствомъ ¹⁾.

Всѣ духовныя греко-россійскіе порядки, которые ему почему-либо не нравятся, по его выраженію, — суть „византійскіе, нисколько не евангельскіе и не библейскіе“: таковы. по его выраженію, „понятія о семьѣ, — на случаи нарушенія каковыхъ понятій, набрасываются, говоритъ г. Розановъ, всѣ батюшки“. Послѣднихъ г. Розановъ также отождествляетъ съ духовнымъ управленіемъ, приписывая именно имъ неправильный, по его мнѣнію, взглядъ на бракъ, на рожденіе дѣтей. Затѣмъ онъ все это смѣшиваетъ съ религіей и богословіемъ ²⁾.

И все это: „духовенство“, „византизмъ“, „религія“, „богословіе“ — „стоятъ, по неоднократнымъ выраженіямъ г. Розанова, въ примомъ, будто-бы, „противорѣчій съ ученіемъ и завѣтами Спасителя“ въ вопросахъ о бракѣ, о семьѣ, о дѣторожденіи. „Бракъ, говоритъ г. Розановъ, суровые богословы опредѣляютъ „неправильно“. Т. е. ³⁾ признавая его таинствомъ. „Незаконныя рожденія — выдумка духовенства“... „Бракъ по существу своему и на основаніи словъ Спасителя, говоритъ г. Розановъ, есть поло-сочетаніе, притѣвленіе мужчины къ женщинѣ; незаконныхъ рожденій нѣтъ“... „Всѣ рождаются по закону, установленному Творцомъ“. „Существо рожденія есть тема богословская. А между тѣмъ при таинствѣ крещенія, предъ его совершеніемъ, младенцу незаконнорожденному пишется этотъ въ своемъ родѣ волчій паспортъ, „желтый листъ“, т. е. что онъ „незаконнорожденный“. И суть въ томъ, что вовсе не одинъ терминъ прикрѣпляется къ такому ребенку при самомъ рожденіи, но что закономъ онъ вовсе не признается рожден-

¹⁾ Да, кто знаетъ каноническое право, знаетъ же, что всѣ въ немъ законоположенія о бракѣ, кромѣ малыхъ исключеній, суть просто *эдикты византійскихъ императоровъ*, притомъ частью прямо черпавшіе изъ *языческаго законодательства*. Какую же они *религіозную силу* имѣютъ? Неужели Поль-де-Кокъ, съ оторваннымъ заглавнымъ листомъ, читаемый потихоньку семинаристомъ подъ партою становится въ рукахъ его священною книгою?! Давно духовенству слѣдовало *отсортировать* и *выбросить* изъ законовъ о супружествѣ *все идущее отъ римскаго язычества*, т. е. ²⁾₁₀ В. Р.—въ.

²⁾ Да я не знаю, какъ тутъ все раздѣлять. „Рѣпка за рѣпку, бабка за бабку — вытацимъ-потянемъ“. Пусть ужъ сами разбираются. В. Р.—въ.

³⁾ Вотъ такъ „т.-е.“! Нигдѣ этого я не утверждалъ. В. Р.—въ.

нымъ отъ тѣхъ, отъ кого рожденъ, что онъ—выбрасывается изъ семьи, хотя-бы совершенно добропорядочной и давно существующей“ И въ другомъ мѣстѣ г. Розановъ прибавляетъ, какъ-бы въ поясненіе, что это за семьи: „Увы! вѣчно будетъ нѣкоторая сумма очень чистыхъ и вѣрныхъ другъ другу семей—незаконныхъ, и повѣрьте, никакому закону въ угоду онъ не разорвутся“. „Блудное сожитіе“, если посмотрѣть снаружи, кажется таковымъ, а войдя въ домъ, вы видите настоящую и полную семью, въ которую человекъ вырвался изъ принудительно (?) навязаннаго ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной и чистой семьи суть тоже *незаконнорожденные*“... „Вопросъ *незаконнорожденности*—есть вопросъ о правѣ закона и религіи лишать дѣтей ихъ родителей, а у родителей отнимать ихъ дѣтей“... „Кто установилъ терминъ *незаконнорожденныя дѣти*—тотъ создалъ и фактъ случайнаго и незаконнаго рожденія, случайной и минутной связи съ дѣвушкой или женщиной“... „Богословіе, по словамъ г. Розанова, въ одномъ отдѣлѣ и для однихъ цѣлей утверждаетъ, что жизнь и рожденіе отъ Бога; что это—трансценденція, а не химія, что это—тайна; а въ другомъ отдѣлѣ и для другихъ цѣлей, именно для отстаиванія разныхъ *византійскихъ подробностей*, столь-же побѣдительно говоритъ, что жизнь и рожденіе есть простая наука, и что хотя физиологически конечно нельзя дѣлать дѣтей на *законныхъ* и *незаконныхъ*, но какъ физиологія предъ Богомъ—ничто, то съ божественной стороны, конечно, одни дѣти *законны*, и другія *беззаконны*. Противъ естествоиспытателей богословы соединяютъ тварь съ Творцомъ, а противъ несчастнаго безсильнаго отца они раздѣляютъ тварь отъ Творца. На двойственности разныхъ отдѣловъ богословія покоится ученіе о *незаконнорожденности* и весь огромный итогъ погубленныхъ дѣтей“... „Государственный взглядъ на рожденіе, какъ на незаконное, не породилъ-бы дѣтоубійства (т. е. государство *будто-бы* не учитъ ¹⁾ о „незаконнорожденности“). Терминъ этотъ, который лучше замѣнить словомъ „не благословенныя дѣти“, выдумало (*будто-бы*) „религиозное отлученіе“. „Благословія этихъ дѣтей лишило не Евангеліе, а тѣ сухія ограниченія, какимъ оно подвергалось въ Византіи и Римѣ“.

„Фальшивость-же этого принципа незаконности рожденія свидѣтельствуется простѣйшимъ сопоставленіемъ: установлена-ли въ уравновѣшеніе

¹⁾ Да вовсе не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что авторитетъ государства, *не будучи священнымъ*, не породилъ-бы *религіознаго ужаса, религиозной робости* въ незаконно-рождающихся и не толкнулъ-бы ихъ къ дѣтоубійству и самоубійству. Государство запрещаетъ раньше 1-го іюня стрѣлять бекасовъ; но люди стрѣляютъ и отъ тоски не вѣшаются. А дѣвушки незаконно-рождающія — вѣшаются. Пусть-бы съ церковныхъ кафедръ священники на завтра объявили, что нѣтъ *вины* и *грѣха* въ рожденіяхъ дѣвушекъ и вдовъ—и послѣ завтра-же во всей странѣ дѣтоубійства и дѣвоубійства прекратятся. Посмотрите, какъ твердо, *магически—твердо*, народъ посты содержитъ: по деревнямъ во всей Руси никто не нарушитъ; больные, умирающіе, какъ моя покойная мать—и тѣ страшатся оскверниться скоромнымъ. Такъ вотъ равное-то давленіе мысли, что „рожденное внѣ вѣнчанія есть плодъ разврата“, „нарушеніе VII заповѣди“, „за каковое въ ветхомъ завѣтѣ побивались дѣвцы камнями (что есть ложь), а мы по милосердію только шпыняемъ васъ, какъ бл...ей, и дѣтей вашихъ нарицаемъ вы...дками“ вотъ—это ужасное давленіе въ 100-милліонномъ народѣ и побудило одиночекъ дѣвушекъ къ дѣтоубійству или самоубійству. В. Р.—вз.

законности рожденія—законность смерти? Если есть незаконно-рожденные, должны быть и незаконно-умершіе. Иначе нарушается основная, всюду разлитая въ природѣ, гармонія между жизнью и смертію. Понять это—значитъ упразднить вопросъ, снять его съ очередныхъ вопросовъ истории, быта, государства, церкви. Рожденіе есть абсолютъ, на который опираются все другія слабѣйшія и низшаго порядка явленія. Нѣтъ рождающихся—нѣтъ гражданъ, нѣтъ вѣрующихъ; нѣтъ государства какъ собранія гражданъ и самой церкви, какъ „собранія вѣрующихъ“. И далѣе: „Болѣзнь есть вечерняя заря бытія, любовь—утренняя. Смерть свята; это одинъ столпъ міровой религіи. Тогда свято рожденіе, и любовь цвѣтка къ цвѣтку, животнаго къ животному и человѣка къ человѣку—есть второй столпъ религіи. Любовь и болѣзнь, какъ рожденіе и смерть, обь абсолютны“... „Человѣкъ есть лицо священное; можно-ли же говорить о его появленіи на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его бессмертной души въ порядкѣ *Гражданскаго уложенія*? Мы хотимъ сказать, что вопросъ *незаконнаго рожденія* нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религіозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба“... „Себялюбивый расчетъ людской, духовные законы и стыдъ стоятъ поперекъ признанія законности всякаго рожденія“.

„Всего-же болѣе меня удивляетъ опасеніе г. А—та, что устраненіе дѣленія дѣтей на законныхъ и незаконныхъ „въ корнѣ разрушитъ смыслъ брака, какъ религіознаго и государственнаго учрежденія“. Мнѣ всегда казался бракъ „о чемъ-нибудь“, какъ словесное предложеніе есть „мысль, выраженная о чемъ-нибудь“. О чемъ-же? О дѣтяхъ. Дитя и и бракъ—почти тождественны; все остальное—„придаточныя слова“, опредѣлительныя, дополнительныя, запятая, тире, но ни въ какомъ случаѣ не главныя слова предложенія, не подлежащее и не сказуемое. Такъ въ законѣ Божиѣмъ, надѣюсь—такъ и для государства... Дѣти предохранили-бы бракъ отъ разложенія; но какъ въ „священной и государственной“ мысли о бракѣ они выпали, какъ непремѣнное, то пустая оболочка и трещить по всѣмъ швамъ... Столь оберегаемый юридически бракъ—нравственно никому не нуженъ“... „Тайнства брака“, „брака какъ религіознаго таинства“, въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ“, невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого таинства!“ „По всеобщему представленію *самого духовенства* въ вѣнчаціи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство“.

Вотъ главная сущность воззрѣній г. Розанова.

Начавши съ того, что религія и богословіе виноваты въ томъ, что есть „незаконнорожденные“ дѣти, г. Розановъ, пожалѣвши далѣе о томъ, что государство не учитъ ¹⁾ о „незаконнорожденности“, и въ то же время утверждала, что вопросъ этотъ не есть вопросъ гражданскаго законодательства, что—бракъ не религіозное и не государственное учрежденіе ²⁾, что онъ — нравственно никому не нуженъ, потому что онъ не есть таинство ³⁾, заканчиваетъ тяжкими обвиненіями неповинныхъ учрежденій и лицъ.

¹⁾ Что за путаница! Авторъ не понимаетъ моего изложенія. В. Р—въ.

²⁾ Бракъ есть не „учрежденіе“, но какъ опредѣляетъ даже *Кормчая* „мужа и жены союзъ и жребій на всю жизнь“. Нельзя-же сказать, что пути вращенія небесныхъ свѣтилъ суть „учрежденія астрономовъ“,—предметъ, коимъ они *облагодѣтельствовали* міръ. И эти пути, и бракъ суть *факты*, вовсе не *учрежденные*, а до „учрежденія“ существовавшіе. В. Р—въ.

³⁾ Что-за чепуха! Ничего не узнаю изъ своихъ мыслей. В. Р—въ.

Очевидно, г. Розановъ находится въ какомъ-то логическомъ кругѣ, вслѣдствіе того, что не имѣетъ точнаго понятія о предметахъ, имъ трактуемыхъ ¹⁾),—не хочетъ знать точнаго греко-россійскаго ученія объ этихъ предметахъ. Равно существо Церкви, а особенно отношеніе ея къ человѣку, ему не ясно представляется.

Это отношеніе и необходимо намъ выяснитъ прежде всего.

II. Церковь имъ представляется, какъ что-то внѣшнее и воздѣйствующее на внѣшнюю только сторону человѣка ²⁾). Но Церковь имѣетъ въ виду не внѣшній только образъ жизни своихъ членовъ, согласный съ проповѣдуемымъ ею ученіемъ и моралью; ея задача болѣе высока. Церковь имѣетъ задачу руководить каждаго члена своего по пути къ вѣчному спасенію, посему власть ея распространяется не только на внѣшнее поведеніе, но въ равной мѣрѣ и на все внутреннее настроеніе, и гдѣ это послѣднее не стоитъ въ согласіи съ заповѣдями христіанства и Церкви, хотя-бы во внѣшности при этомъ и не проявлялось оно дѣяніями, нарушающими общественный порядокъ, или оскорбляющими другихъ лицъ, тамъ выступаетъ она со своими опредѣленными средствами и распоряженіями ради спасенія одного этого самаго лица. Это—учительная ³⁾ власть Церкви или священная, подраздѣляющая на три вида: ученіе, священнослуженіе и пастырство. Эта власть получается хиротонією,—есть даръ благодати Св. Духа, сообщаемый рукоположеніемъ ⁴⁾).

На ней основывается и законодательная власть Церкви. Ибо все церковное законодательство есть не что иное, какъ истолкованіе закона божественнаго ⁵⁾).

¹⁾ Ну ужъ, не поучился у А. Дернова. В. Р—въ.

²⁾ Ничего не понимаю, здѣсь и сейчасъ ниже. В. Р—въ.

³⁾ Вы все начинаете съ „учительнаго“, а перевернешь страницу—смотришь ужъ „приказанія“, которымъ если нѣтъ у человѣка силы послѣдовать, то—„о, еслибы я ваяла дѣтей твоихъ и разбила ихъ о камень“... И притомъ всеу здѣсь упоминается „церковь“. Церковь есть храмъ, молитвы, милость и любовь: а дѣло идетъ о метрикахъ и консисторіяхъ, о закопахъ греческихъ царей, по недоразумѣнію и духовной лѣности пастырей перенесенныхъ въ составъ *juris canonici*. Вообще церкви, храму, молитвѣ, священнику служащему службу,—я ни явно, ни въ мысли не говорилъ никогда порицанія. Но не могу-же я признать святыми и „непогрѣшимыми“ *внѣ-богослужебныя* дѣйствія священниковъ, какъ и ихъ попытки философствованія. В. Р—въ.

⁴⁾ Вотъ это-то все, содѣлавшее людей „яко боговъ“ („будете яко бози“...) и придало малѣйшему слову ихъ, мановѣнью руки—авторитетъ, передъ которымъ трясутся горы. „Еретики“ покорно всходили на костеръ; дѣвушки покорно стали убивать дѣтей, ибо онѣ суть „еретички“ въ рожденіи. Давно пора отдѣлать и точно ограничить, что хиротонія и благодать священства дѣйствуетъ въ богослуженіяхъ, но въ *частной жизни и научныхъ мнѣніяхъ* духовенства не дѣйствуетъ. В. Р—въ.

⁵⁾ Смотрите, какъ „закруглилось“! „Все церковное законодательство есть истолкованіе закона божественнаго“. Авторъ явно не былъ въ ду-

Но учительная власть Церкви выступаетъ въ свойствѣ законодательной не только въ области вѣроопредѣленія, но и въ области канонической въ тѣсномъ смыслѣ, или въ содержимыхъ церковью правилахъ церковнаго устройства и церковной дисциплины. И въ этой области св. апостолы и, по ихъ примѣру, отцы церкви являются и сами, выдаютъ себя отнюдь не законодателями, а только учителями, истолкователями, или даже просто передатчиками и хранителями учреждений и повелѣній ¹⁾ Господа: Онъ и здѣсь, какъ въ области вѣроученія, въ собственномъ смыслѣ Законодатель ²⁾.

Изъ понятія сущности и происхожденія церковно-законодательной власти открывается и особенный характеръ церковныхъ законовъ и ихъ сила. Въ своемъ дѣйствіи, въ своей силѣ, они аналогичны законамъ государственнымъ, но отличны отъ нихъ. Авторитетъ ихъ—чисто нравственный ³⁾, поддерживаемый не физическою карою и устрашеніемъ, а благоговѣніемъ ⁴⁾ къ волѣ Божіей, этими законами раскрываемой. Они зиждутся на божественномъ законѣ и правѣ, и суть не болѣе, какъ его толкованіе,

ховной академіи и кончилъ только семинарію, ибо, какъ очевидно, совершенно не вѣдаетъ, что значительное большинство „каноническихъ законовъ“ суть *духовенствомъ къ себѣ зарегистрированные* свѣтскіе законы свѣтскихъ греческихъ государей, частью языческаго происхожденія. А напр. „божественные законы“, вошедшіе во *Второзаконіе*, содержащіяся въ Библии—вовсе не вошли въ *ius canonicum*, исключены совершенно изъ церковныхъ законовъ! Да и потомъ, развѣ не помнитъ авторъ словъ ап. Павла: „а если закономъ оправданіе—то Христосъ напрасно умеръ“, (*Къ Галатамъ*), т. е. что *христианизмъ и легализація* понятія не совмѣщаются. В. Р.—вз

¹⁾ „Могій вмѣстити—да вмѣститъ“, вотъ слова І. Христа, развѣ и навсегда предупреждавшія людей отъ постановленія *законовъ*. Законъ не говоритъ: „если ты *можешь*“, а приказываетъ: „ты—*долженъ*“. Но сказавъ: „если вы можете“, Господь открылъ людямъ свободу. Онъ „въ завітѣ“ съ людьми, въ „любви“ завѣтной, тайной, интимной: неужели не пропасть между этимъ и между закономъ?! Вотъ предметъ забвенія богослововъ, „первородный грѣхъ“ богословствованія. В. Р.—вз.

²⁾ Нѣтъ—*завѣто*-датель! Мы не знаемъ книгъ: „Ветхій законъ“, „Новый законъ“, а „Ветхій завѣтъ“, „Новый завѣтъ“. И какъ все софистично: авторъ уже безцеремонно пролезъ подъ „воскрилія“ Господа и объявилъ свои выдумки и эдикты греческихъ царей „повелѣніями Законодателя—Бога“. Вотъ гдѣ мѣсто вспомнить: „не пріими имени Господа Бога твоего всуе“. В. Р.—вз.

³⁾ Скажите, пожалуйста: ну, а требованіе, чтобы внѣ вѣнчанія дѣти даже фамиліи родителей не носили, и вообще считались неизвѣстно откуда и отъ кого родившимися, неужели это отнятіе правъ на *отчество*, на *материнство*, на *дѣтство*—есть всего только легкое „нравственное воздѣйствіе“? Отъ вашихъ „дуновеній“ горы сыплются, а изъ людей множество сошло сума отъ горя. В. Р.—вз.

⁴⁾ Вотъ то-то. Тутъ гипнозъ. И онъ-то и дѣйствителенъ, и онъ-то и страшенъ. А посему и распоряжаться имъ надо-бы крайне осторожно, В. Р.—вз.

совершаемое просвѣщеннѣйшими мужами, призванными Самимъ Основателемъ Церкви на это дѣло, обязанными преимущественно предъ всѣми прочими христіанами поучаться въ законѣ Господнемъ днемъ и ночью (VII всел. соб., пр. 2). Тамъ, гдѣ они занимаются устройствомъ Церкви и учрежденій ея, они имѣютъ въ виду сохранить въ точности заповѣди Господа и преданія апостоловъ ¹⁾, а тамъ, гдѣ занимаются опредѣленіемъ образа жизни вѣрующихъ и способа дѣйствования пастырей, имѣютъ въ виду дать истинныя средства „ко исцѣленію душъ и уврачеванію ²⁾ страстей“. Ихъ обязательная и принудительная сила—опять чисто духовнаго свойства: нарушеніе и противленіе канонамъ влечетъ за собою лишеніе духовныхъ правъ и благъ ³⁾, а въ крайнемъ случаѣ и совершенное изъ общества вѣрующихъ удаленіе.

Понимаемая въ такомъ свойствѣ законодательная власть духовенства совершенно достаточна для осуществленія возложенной на него задачи—спасенія рода человѣческаго ⁴⁾.

Но сознаніе великой пользы наиболее сильнаго вліянія и воздѣйствія церковной власти на общественныя и національныя нравы побуждало, нерѣдко, благочестивыхъ христіанскихъ государей усиливать значеніе церковныхъ правилъ до уравненія ихъ съ государственными законами ⁵⁾. Такъ было въ древней

¹⁾ Проф. А. А. Брозавъ очень кстати на стран. „Нов. Вр.“ разъяснилъ, что такъ называемыя „Постановленія апостольскія“ есть апокрифъ IV-го вѣка, никакого серьезнаго значенія не имѣющій; а въ „Богословской энциклопедіи“ проф. Лопухина указывается апокрифичность и „Правилъ апостольскихъ“, часть которыхъ произошла уже позднѣе даже Климента Александрійскаго. Таковы данныя современной богословской науки. Но въ вѣка болѣе ранніе на собраніяхъ духовенства въ Никее, Антиохіи, Кареагенѣ, Лаодикии и проч., эти „правила“ и „постановленія“ апокрифичность которыхъ не была извѣстна, вписывались въ „постановленія такого-то собранія“, и въ этомъ видѣ дошли до насъ. Но апокрифъ переписанный, даже хоть семь разъ, все-же остается апокрифомъ. В. Р.—вз.

²⁾ Да, *советы* „по уврачеванію“ давайте, а отъ приказаній удержитесь. Кто-же лѣчитъ палкою. Но „незаконнорожденность“ есть палка, отъ которой много подошло человѣческихъ „щенковъ“. В. Р.—вз.

³⁾ Какъ тонко. Какъ все сколькоко. Змѣя ползетъ—и кольца переливаются то золотомъ, то серебромъ, то чѣмъ-то краснымъ. В. Р.—вз.

⁴⁾ Да, „спасли“. Цѣло человѣчество. Но о чемъ-же были хлопоты Дернова въ докладѣ о „незаконныхъ сожительствахъ“? И что за хлопоты медицинскаго департамента Мин. Вн. дѣлъ о сплошной корѣ сифилиса, покрывающей русскую несчастную страну? В. Р.—вз.

⁵⁾ Какъ это все тонко. „Не мы! Не мы! А—государство“. Но уже я защищу доброе государство, все-же съ улицы подобранные незаконнорожденныхъ дѣтей, и воздвигнувшее для нихъ дворцы—воспитательныя дома. Нѣтъ, частныя люди и государство всегда были къ незаконнорождающимъ милостивы. А императоръ Николай I даже разъ посѣтилъ Воспитательный домъ; да чуть-ли для питомцевъ его не открытъ одинъ изъ институтовъ. Что-же аналогичное сдѣлало духовенство? Молчаніе. И вотъ это-то молчаніе и страшно. В. Р.—вз.

греко-римской имперіи, когда, вскорѣ по признаніи Церкви государственною религіею, императоры утверждали за отдѣльными *догматами* значеніе государственныхъ законовъ, а потомъ, со времени Юстиніана, долго имѣло силу высказанное имъ общее правило, что церковные каноны имѣютъ силу законовъ; впоследствии-же времени сдѣлалось обыкновеннымъ, что императоръ византійскій или самъ лично участвовалъ на соборѣ, издававшемъ церковныя постановленія, которыя eo ipso получали значеніе и законовъ государственныхъ,—или-же въ отсутствіе его изданныя, утверждалъ впоследствии въ значеніи государственныхъ законовъ.

Сходный съ этимъ порядокъ изданія церковныхъ законовъ дѣйствуетъ и въ настоящее время въ русскомъ государствѣ.

Въ полномочія устроительной или правительственной власти въ церкви входитъ, далѣе, власть *надзора* ¹⁾, соединеннаго съ соотвѣтственными административными мѣропріятіями ²⁾. Общая задача его—наблюденіе надъ всѣмъ состояніемъ общества вѣрующихъ и охраненіе даннаго ему устройства.

Столь-же существеннымъ, кореннымъ полномочіемъ церковно-правительственной власти, сколько и надзоръ, служитъ судебная власть церкви ³⁾. Предметы, подлежащіе вѣдѣнію церковнаго суда—суть споры о правахъ, даруемыхъ церковію, и правонарушенія церковныя. Церковь облакаетъ человѣка званіемъ христіанина и надѣляетъ правами, принадлежащими этому званію. Хотя по существу своему эти права суть духовной природы, но они тѣмъ не менѣе имѣютъ свойства юридическихъ отношеній ⁴⁾.

Законодательство, надзоръ и судъ суть три главныхъ вида полномочій правительственной духовной власти: ими исчерпывается все содержаніе ⁵⁾ послѣдней. Отличительный характеръ ихъ, по сравненію съ полномочіями священнои власти, состоитъ въ томъ, что каждый актъ приложенія ихъ направленъ къ внѣшнему благоустройству церкви какъ общества и какъ божествен-

¹⁾ Вотъ какъ пробирается все дальше. А началось съ смиреннаго „насъ тутъ не было и нѣтъ“. В. Р—сг.

²⁾ Еще дальше. Совсѣмъ за пазухой сидитъ и шелеститъ холодными кольцами. В. Р—сг.

³⁾ Тутъ вездѣ есть сбивчивость термина. Въ катехизисѣ церковь опредѣляется какъ „общество вѣрующихъ“, а Дерновъ говоритъ только объ одной *администраціи*, и притомъ еще объ одной *монашествующей*: но это есть малая дробь церкви, тѣнь въ ней, пусть и длинная. В. Р—сг.

⁴⁾ То-то вотъ и дѣло то. И какъ все тонко. Началось съ „нравственнаго воздѣйствія“, а кончилось „юридическими отношеніями“, изъ коихъ одно и страшное: отъ самаго рожденія лишеніе дитяти не только гражданскихъ, но и естественныхъ (на *отца и мать*) правъ, притомъ безъ всякой съ его стороны вины. В. Р—сг.

⁵⁾ Можетъ быть этого мало? В. Р—сг.

наго установленія, тогда какъ приложеніе полномочій священной власти имѣеть въ виду воздѣйствіе исключительно на внутренній міръ каждаго въ отдѣльности члена церкви. *Ученіе, священнодѣйствіе и пастырство имѣютъ въ виду исключительно религіозно-нравственную область индивидуальной человеческой личности; сфера-же правительственныхъ дѣйствій церковной власти—исключительно сфера внѣшнихъ явленій, почему и каждый актъ этой власти имѣеть правовой ¹⁾ характеръ.*

III. Всѣ вышеприведенныя разсужденія о Церкви и церковной власти и объ отношеніи къ ней гражданской государственной власти должны привести къ рѣшенію поставленнаго г. Розановымъ вопроса о томъ, кто правъ, и кто не правъ, давая дѣтямъ названіе „незаконнорожденные“, т. е. можетъ-ли гражданское законодательство рѣшать вопросъ о „законности и незаконности“ рожденія, или это дѣло церковной власти?

Въ этомъ вопросѣ у насъ, въ Россіи, *иниціативы Церкви нѣтъ* ²⁾.

По существующимъ у насъ „гражданскимъ законамъ“ (X т. ч. I, ст. 119 св. зак.), всѣ дѣти, рожденныя въ законномъ бракѣ и не расторгнутомъ судомъ духовнымъ, признаются законными; рожденныя-же отъ дѣвицъ, а также отъ матерей, разведенныхъ по духовному суду съ ихъ мужьями, и отъ вдовъ, по истеченіи трехсотъ шестидесяти дней со времени расторженія брака или смерти мужа, признаются незаконными т. е. „незаконнорожденными“!

Это опредѣленіе гражданского закона ³⁾; но оно имѣеть зна-

¹⁾ Ну, вотъ и добрался. „Мы только изъ устъ дуемъ, а руками не трогаемъ“. Но оказывается—и „руками трогаютъ“, да вѣдь въ этомъ-то и дѣло, а то что „въ-пустую-то“ дуть. Не столь недалъновидны. В. Р.—въ.

²⁾ Ну, вотъ съ этого-бы и слѣдовало *начать* и этимъ *кончить*! Но тогда не для чего-бы и писать всю брошюру. А посмотрите, какъ заглавіе ея горитъ гнѣвомъ! Странно: „иниціативы нашей въ ученіи о незаконнорожденности—нѣтъ“, а какъ явился писатель, начавшій отрицать „незаконнорожденность“—вдругъ „наши ряды“ заволновались, при полномъ спокойствіи гражданскихъ рядовъ, и изъ нихъ выѣхали наѣзники, „отъ вихрь-же первый есмь азъ“, могъ-бы воскликнуть А. Дерновъ. Но какъ эта характерна его боязливость: „это я сражаюсь, и—не я“, или „я и сражаюсь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не сражаюсь“. Удивительно. Гдѣ sancta simplicitas?! В. Р.—въ.

³⁾ Очень важно; хотя-бы даже и не искренно (тонъ всей брошюры; см. также ниже въ письмахъ священ. *Тимова*, уравнивающего дѣтей незаконнорожденныхъ съ сифилитиками, и *Ignotus'a*, нарекающаго отцовъ и матерей такихъ дѣтей „кобелями и суками“, да простить читателю грубость выраженій: они сохраняются, какъ необыкновенно важныя). Здѣсь впервые въ официальномъ почти сочиненіи признается, что *понятіе незаконнорожденности не есть такое, на которомъ церковь и церковныя администраціи настаиваютъ*; что они готовы его и снять. В. Р.—въ.

ченіе для Церкви ¹⁾ при *записяхъ* въ метрическія книги, кои признаются со стороны государства важнѣйшими церковно-приходскими документами, такъ какъ онѣ служатъ общими актами состояній ²⁾. Имена вступающихъ въ православную Церковь, т. е. крещеныхъ, вмѣстѣ съ именами родителей и воспріемниковъ, вносятся въ книгу, которая составляетъ первую часть такъ называемыхъ метрикъ или метрическихъ книгъ.

Первая часть этой книги въ значеніи *гражданскомъ* составляетъ *главное доказательство* вѣроисповѣданія, происхожденія, имени и лѣтъ жизни, принадлежности къ семьѣ, къ сословію (дворянству, купечеству и проч.). Посему метрическое свидѣтельство, иначе—выпись изъ метрической книги записи акта о рожденіи и крещеніи, требуется при доказательствѣ правъ на наслѣдство, при поступленіи въ училище и вступленіи въ бракъ, въ дѣлахъ тяжбныхъ и проч. ³⁾.

Первоначальное происхожденіе метрикъ имѣло смыслъ исключительно церковный. Въ древне-христіанской Церкви существовали *диптихи* (списокъ) оглашенныхъ, въ кои вписывали пресвитеры (иногда даже діаконы) новокрещенныхъ, т. е. званіе оглашенныхъ, степень усвоенія ими христіанской вѣры и время крещенія ихъ, а затѣмъ самые списки представлялись епископу. Для послѣдняго эти списки были необходимы для того, чтобы не причислить къ клиру людей несвободнаго состоянія (рабовъ), недостаточно свѣдущихъ въ вѣрѣ (крещеныхъ во время болѣзни клириковъ), и чтобы новокрещенныхъ не посвящать на іерархическія стени (Ап. пр. 82; IV Всел. соб. пр. 4; Ап. пр. 80; I Всел. соб. пр. 2).

Кромѣ сего, диптихи о новокрещенныхъ, употреблявшіеся въ древне-христіанской церкви и замѣненные впоследствии метриче-

¹⁾ Т. е. какъ-бы церковь пассивно и невольно подчинялась опредѣленію государственнаго закона. В. Р.—*въ*.

²⁾ Вотъ и „дуновение“: вся сумма гражданскихъ и имущественныхъ правъ опредѣляется „почеркомъ пера“ передъ таинствомъ крещенія. Можно-ли удивляться, что это такъ потрясаетъ людей и что они съ записью метрики и характеромъ ея соединили такой *стыдъ*, въ случаѣ дефекта, что ужъ лучше спрятать косточки ребенка въ могилу. Кто-же не стыдится „лишенія всѣхъ правъ состоянія“; и вѣдь это съ плачащаго ребенка назадъ отбрасывается на мать, которой какъ-бы говорятъ: „ты родила лишеннаго всѣхъ правъ состоянія“, „ты *лишеннымъ всѣхъ правъ* *способомъ* родила; какъ каторжная каторжнаго родителя—и мы только по милосердію прощаемъ“. Вотъ узелъ дѣла. В. Р.—*въ*.

³⁾ Словомъ, это—*видъ*, паспортъ, гдѣ все опредѣлено, и притомъ на всю жизнь *непоправимо*. Дивится-ли, что этого *пугаются*?! Даже когда во Франціи королевы имѣли такихъ дѣтей—царственныя матери не *смѣли* признать ихъ *своими*. Ну, если уже цари пугаются, значитъ этотъ гипвозъ съ неба, тутъ—„Азъ есмь Господь Богъ твой“ цѣлой нашей эры. Вотъ гдѣ узелъ вопроса. В. Р.—*въ*.

скими книгами, назывались у христіанъ *священнымъ* памятникомъ и имѣли и имѣютъ особенное *знаменованіе духовное*. Сіи книги въ смыслѣ церковномъ свидѣтельствуютъ о священныхъ и высокихъ обѣтахъ служенія Богу и Господу нашему Иисусу Христу, данныхъ родителями, воспріемниками и вступившими въ Церковь, и служатъ утѣшительнымъ залогомъ непрестанныхъ молитвъ Церкви о вѣрныхъ, принятыхъ ею въ свое попеченіе. Вас. Вел. XIII Бес. о принятіи крещенія.

Нѣкогда на страшномъ судѣ книги обѣтовъ разгнутся ¹⁾ и, подобно письменамъ на судѣ гражданскомъ, будутъ, какъ говоритъ св. Златоустъ, служить уликою и обвиненіемъ противъ нарушающихъ св. обѣты завѣта съ Богомъ.

Иначе: *этими записями Церковь удостоверяетъ, что она облекла человека званіемъ христіанина и надѣлила правами, принадлежащими этому званію*. А государство придало этимъ записямъ церковнымъ характеръ *гражданскаго значенія государственныхъ законовъ (актовъ о состояніи)*. Для облегченія въ достиженія собственныхъ цѣлей, Государственная власть воспользовалась записями церковными, чтобы чрезъ эти записи вести точную регистрацію населенія. И Церковь—помогаетъ Государству. И если-бы Государство взяло исключительно въ свое вѣдѣніе эту регистрацію населенія, Церковь съ величайшею охотою уступила-бы эту регистрацію, оставивши для своихъ цѣлей только записи духовнаго свойства. На Западѣ мы и видимъ это раздѣленіе.

Въ руководственныхъ церковныхъ книгахъ (*Кормчей* и др.) нигдѣ мы не найдемъ наименованія: „*незаконнорожденные*“ ²⁾.

Это наименованіе въ компетенціи Церкви ³⁾. Оно введено государствомъ. Когда?

¹⁾ Да, я тоже думаю, что на Страшномъ судѣ „метрики“ разогнутся; и будетъ спрошено: „а отчего-же въ нихъ не внесены при рожденіи умерщвленные; и нѣтъ графы: задушенные, утопленные, удавленные“. Ибо документъ долженъ быть точенъ. „Книга Бытія“ и Лота не утаила: все должно быть *полно и точно*. В. Р—вз.

²⁾ Всѣ эти признанія очень важны. По всей линіи авторъ чурается термина „незаконнорожденный“. Какая несчастная судьба повлекла его въ писаніе брошюры Какъ легко было-бы тутъ, при поднявшемся вопросѣ о незаконнорожденности, духовенству стяжать вѣчную себѣ славу и память въ потомствѣ, быстро и сонномъ воскликнуть: „не *хотимъ* такъ писать, *запрещаемъ* и государству, ибо блудница Раавъ вошла въ проматери нашего Господа, и другую блудницу, возлившую Ему мѣро на ноги. Онъ указалъ поминать до скончанія вѣка“. Вотъ правое восклицаніе. Но одинъ добрый и мудрый священникъ. А. П. Устьинскій, мой личный и наставникъ и другъ, сказалъ это. И, вѣрю, ему сохранится за это историческая память. В. Р—вз.

³⁾ Ну, вотъ. До чего это все важно. Но какой-же васъ рокъ увлекъ сказать неосторожныя слова (эта брошюра); а „написаннаго перомъ—не вырубить топоромъ“. В. Р—вз.

Можно сказать, что вообще это наименованіе вошло въ наше гражданское законодательство только въ истекающемъ 19-мъ столѣтіи, какъ это можно судить по цитатамъ къ статьямъ X-го тома свода законовъ.

Названіе же таковыхъ дѣтей въ прежнее время, въ Россіи, заимствовалось отъ *ззорной* ¹⁾ жизни ихъ матерей, и, въ особенности, отъ *соблазнительей* послѣднихъ:

Въ „Уложеніи“ 1649 года, Алексія Михайловича, въ главѣ 10-й, статьѣ 280-й читаемъ:

„А будетъ кто съ кѣмъ побраняся, назоветъ выблядкою и тотъ, кого онъ назоветъ выблядкою, учнетъ на него Государю бити челомъ о безчестьѣ, и съ суда сыщется про того челобитчика доприма, что онъ не выблядокъ, и ему на томъ, кто его назоветъ выблядкою, вельтъ по сыску доправить безчестіе вдвое безо всякия пощады. А будетъ про того челобитчика съ смыску скажутъ, что онъ прямой выблядокъ, прижить онъ у наложницы до законныя жены, или и при законной женѣ, или послѣ законной жены, и такимъ выблядкамъ въ безчестьяхъ отказывати, и къ законнымъ дѣтямъ того, кто его у наложницы приживетъ, не причитати, и помѣстей и вотчинъ того, кто его беззаконно прижилъ, ему не давать. А будетъ тотъ, кто того выблядка у наложницы прижилъ, на той наложницѣ и женится: и ему того выблядка въ законныя дѣти не причитати же, и помѣстей его и вотчинъ тому его выблядку не давать потому, что онъ того выблядка прижилъ у наложницы своей беззаконно до женитьбы“ ²⁾.

¹⁾ Вотъ это-то и есть „мѣшечекъ съ ядомъ“ надъ зубомъ гремушей амфи. Чудныя дѣвушки убиваютъ дѣтей своихъ, п. ч. *нѣтъ силъ* имъ доказать, убѣдить, что онѣ родили по любви къ человѣку („и онъ будетъ *господиномъ* тебѣ“, Бытія, 4), по немощи, по потерѣ *воли* (опять-же „онъ будетъ *господиномъ* тебѣ“),—а вовсе не какъ сальныя существа и въ сальную минуту. Вотъ чтобы сохранить видимую *нечинность*, избѣжать *каторги* нравственной—дѣти убиваются. Такимъ образомъ конечно не въ „метрикакъ“ дѣло, это—снаружи (хотя важно), а во внутреннемъ, скрытомъ дуновеніи „засра“; въ образованіи мнѣнія, что дитя рождается изъ „сала“ и „сальною дѣвицею“ отъ „сальнаго господина“ во всѣхъ безусловно случаяхъ, когда оно рождено „безъ нашего соизволѣнія“. Иными словами: отождествленіе *человѣческой нравственности* и особенно женскаго *цѣломудрія* съ „духовнымъ послушаніемъ“ владыкамъ, которыхъ сущность и обѣты заключаются въ совѣтъ, въ идеаль, въ завѣтъ—„лучше не рождать“, „не жениться“, „не выходить замужъ“, это отождествленіе повиновенія и нравственности и есть *корень* всего дѣла. В. Р.—вз.

²⁾ Вездѣ у А. А. Дернова: „сынъ блуда“, съ оговоркой въ примѣчаніи подъ страницей: „въ подлинникѣ поставленъ терминъ *бѣлыя рѣчки*“ (курс. А. Дернова). У меня есть „Уложеніе“ Алексія Михайловича.—и я, уже студентомъ его читая, былъ пораженъ терминомъ „выблядокъ“. Теперь—серія вопросовъ: неужели Гретхенъ (ибо въ Германіи были тѣ-же термины какъ въ Москвѣ) *могла* сколько-нибудь удержаться отъ погубленія младенца, когда законодательно, какъ-бы съ эшафота, ей брошено: „ты—бл...“. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ: а что-же, „Уложеніе“ при „тишайшемъ“ и богобоязненномъ Алексѣѣ Михайловичѣ не было-ли редактировано съ *участіемъ* духовенства того времени, а въ статьяхъ о супружествѣ и дѣтяхъ и *прямо* имъ продиктовано, составлено, *обдуманно*? И

Называя такъ и ограничивая такихъ дѣтей въ ихъ правахъ, древніе-же русскіе законы грозили страшнымъ наказаніемъ дѣтоубійцамъ ¹⁾). Такъ, въ первомъ полномъ собраніи свода законовъ, т. 1-й № 441, (1669 года) въ статьѣ III-й читаемъ:

„А будетъ которая жена учнетъ жить блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей сама, или иной кто по ея вѣдѣнью погубить, а сыщется про то допряма: и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто по ея вѣдѣнью дѣтей ея погубить, казнить смертію безо всякой пощады, чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали и отъ блуда унялись. А въ градскихъ законѣхъ написано: аще жена во чревѣ имуща, я зло помыслитъ на свою утробу, яко да извержетъ младенца, будетъ біема и отъ предѣла да изжвется“.

Значить все дѣло и въ наименованіи, и въ ограниченіи дѣтей зависитъ отъ настроенія и направленія законодательной власти въ государствѣ. И напрасно г. Розановъ говоритъ, что „государство ни малѣйше не имѣетъ права на это, — что разсужденіе о томъ, законны или незаконны дѣти, есть вопросъ каноническаго права, долгій счетъ съ религіей“.

Ниже мы скажемъ объ этомъ.

Что-же касается Св. Церкви, то она, не давая дѣтямъ сама того или другого наименованія, въ своемъ попеченіи о спасеніи

такъ „выблядокъ“,—съ коимъ такъ согласуются термины о *Титова* и *Ignotus'a*: „сифилитикъ“, „сынъ кобеля и суки“,—есть собственно формула духовенства, отъ которой о. Дерновъ запоздало отстываетъ. Да и *отстываетъ*-ли? заглавіе брошюры его: „Бракъ или *развратъ*“; по поводу статей Розанова о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“, развѣ не кричитъ *urbi et orbi*: „такіе дѣти суть плоды *разврата*“ что есть лишь описательная и *уклончивая* форма нареченія: „выблядокъ“. Между тѣмъ это такое имя, что онъ даже не напечаталъ его, а намекнулъ на него въ примѣчаніи: если-же имени такого *бумага* не терпитъ, какъ стерпѣтъ живому чловѣку? дѣвушка? иногда милой и граціозной, какъ несчастная Катюша Маслова въ „Воскресеніи“ Толстого? Вотъ вамъ и „диптихи“, „знаменованіе духовное“, „утѣшительный залогъ“ и „попеченіе“, съ каковыми ласковыми словами онъ подкрался къ несчастному убитому чловѣку, чтобы закричать: „выблядокъ“, „бл..дь“, „бл...дуня“.—„Коварство и любовь“, какъ озаглавилъ Шиллеръ одну свою пьесу. Но тогда зачѣмъ говорить о любви? „Мы любимъ міръ“, „любимъ людей“. О, какъ трудно и тяжело чловѣчеству въ этомъ „коварствѣ и любви“. *В. Р.—в.*

¹⁾ Это—остроумно. Чтобы не было дѣтоубійства, надо было не ругаться. Но ругаться хочется. А какъ отъ этого происходить дѣтоубійство, то чтобы вину его на несчастныхъ-же свалить, вписали: „а будетъ, которая убьетъ, — то-то-ей“. И все — „ей“. Все—несчастной! Да когда-же хоть что нибудь достанется Іероваому съ его „скорпіонами“. Іероваомъ такъ шекотливъ, что всталъ на дыбы при простомъ указаніи на тотъ общеизвѣстный фактъ, что за „благословеніе“ берутся деньги. Такъ если есть у *васъ* гордость, почему ей не быть у дѣвушки? И если вы заволновались, застыдились, всѣ усилія употребляете чтобы сказать „нѣтъ симоніи“, „благословляемъ бесплатно“,—почему дѣвушка не будетъ спихивать съ себя подозрѣніи? Вы ее представляете какой-то бездушной, каменной. Впрочемъ, бичу всегда кажется, что онъ хлещетъ по обуху, а не по чловѣку. *В. Р.—в.*

всѣхъ людей, творя волю Божию на землѣ, призываетъ въ благодатный союзъ съ Богомъ всѣхъ безъ изъятія, младенцевъ и взрослыхъ, дабы было, по глаголу Господа, едино стадо и единъ пастырь.

Почеченіе матери Св. церкви о младенцахъ родителей христіанскихъ, *независимо отъ наименованія ихъ*, согласно закону гражданскому, — *законный или незаконный*, начинается отъ самаго рожденія ихъ: ко всякой рѣшительно родившей христіанкѣ Церковь приходитъ со своими очищающими молитвами ¹⁾, ко всякому новорожденному младенцу матери христіанки, даже и нехристіанки (подкидыши) приходитъ со своими охраняющими молитвами и спѣшить совершить надъ нимъ таинство крещенія, т. е. *немедленно облакаетъ званіемъ христіанина и надѣляетъ всеми правами, принадлежащими этому званію* ²⁾. Какого-либо различія между „законнорожденными и незаконнорожденными“ для Церкви не существуетъ. И въ древности, и вообще никогда въ исторіи Церкви христіанской, незаконнорожденность не препятствовала достиженію высшихъ сановъ и должностей церковныхъ, и нынѣ не препятствуетъ сему.

¹⁾ Поразительно, что запись въ метрики, опредѣляющую всѣ права и состояніе младенца, священникъ даже не своею рукою производитъ, а „предупреждаетъ“ это псаломщику. — самъ же скрѣпляетъ только подписью. До того это „неинтересно“ и не волнуетъ священника, какъ-бы ни ѣжились родители. Все уже разъ и навсегда скрѣплено еще „Уложеніемъ“: „безъ вѣнчанія рожденный — выблядокъ“. Это *разнодушіе* отразилось и въ томъ, что не введено различій, о которыхъ говоритъ А. Дерновъ. Но и, далѣе: *очистительная* молитва, если она одна для законной жены и „бл. дѣ“ (мать „выблядка“), то это не тотъ смыслъ имѣеть, чтобы послѣдняя уравнивалась въ глазахъ духовенства съ честною женщиною: въдъ молитва-то *очистительная*, считающая *скверну* съ родившей, а не *прославляющая* ее, и стало быть, обратно, скорѣе на „честную жену“, вѣнчанную, она имѣеть взглядъ какъ на „выблядовавшую“ младенца. Иначе, отчего-же *очищеніе*? И точъ въ точъ *въ однихъ словахъ*, какъ и для матери „выблядка“? Отсюда объясняется жестокое, непремѣнное для брака требованіе обрядовыхъ формъ его заключенія: *однѣ онѣ и свѣтлы*, т. е. свято то, что въ бракъ *священникъ* дѣлаеть; а что между супругами происходитъ, самая ихъ жизнь, т. е. „бракъ“ самый — есть „бл...ство“. Все это важно для *анализа* мысли о бракѣ. В. Р.—сг.

²⁾ Года за два передъ тѣмъ, какъ начать полемику въ печати о незаконнорожденности, я бесѣдовалъ объ этомъ съ М. П. Соловьевымъ, бывшимъ управляющимъ по дѣламъ печати. Ему-же первому я сказалъ о симоніи (на что онъ отвѣтилъ, растерявшись: „ну... это *обычай*, а не принципъ, фактъ *быта* и слабости человеческой, а не ученія“). Онъ мнѣ также сказалъ: „церковь въдъ не отказываетъ окрестить незаконнорожденнаго“. Ну, а что какъ родители такого младенца (см. ниже одно письмо матери) *сами откажутся* его крестить? Поставятъ дилемму: „или окрестите *законнымъ*, или *вовсе не* крестите; ибо мы (родители) *вамъ* дали христіанина, овцу въ стадо: верните-же *намъ* за это сына, сыщите и подайте дитя“. Въ сущности этотъ діалогъ только не приходитъ на умъ, а идейно ему нельзя отказать въ правости. А. А. Дерновъ забылъ, что

Изъ всего этого можно видѣть, что „церковь“ ¹⁾, „византійскія подробности“, „суровая церковность“, „Византія“, „Римъ“ нисколько не повинны въ „незаконнорожденности“, каковой терминъ такъ старается приписать именно имъ г. Розановъ.

IV. Г-нъ-же ²⁾ Розановъ, приписывая вину этого термина ненавистнымъ ему предметамъ и лицамъ, и не замѣчаетъ, что уничтоженіемъ этого термина, что проповѣдію своею о томъ, что бракъ по существу и, будто-бы, даже на основаніи словъ Спасителя, есть только полосочетаніе, что незаконныхъ рожденій нѣтъ, что въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и что оно не есть таинство ³⁾,—не замѣчаетъ, что всѣмъ этимъ онъ *разрушаетъ вѣру и говоритъ хулу на Св. Духа и уничтожаетъ всякую опору нравственности*. Вѣдь, проповѣдая, что церковь и стыдъ стоять поперекъ признанія законности всякаго рожденія, г. Розановъ противопоставляетъ этому полное безстыдство ⁴⁾ и этимъ *проповѣдуетъ явный развратъ* ⁵⁾. Г. Розановъ приводитъ сначала слова г. Сѣраго (изъ журнала „Гражданинъ“) „Стыдъ—этотъ ужасный, вселенную наполняющій смрадомъ лжи, обмановъ, компромиссовъ, позорныхъ ухищреній и даже преступленій, *стыдъ материнства* *въ закона* (курсивъ нашъ)—есть лишь то свойство человеческой природы, которая направляетъ людей плыть по теченію жизни, а не противъ теченія. А послѣ этихъ словъ г. Розановъ продолжаетъ:

„Замѣчу здѣсь: мы даже любимъ революцію во всемъ, мы фрондируемъ, и съ чувствомъ счастья, въ законахъ, модахъ, въ политикѣ, въ

миссіонеры и въ Китай, и въ Японію спѣшатъ крестить: что не есть знакъ благорасположенія къ восточнымъ имперіямъ, а заботы объ увеличеніи своего стада. Но какъ печально родителямъ видѣть, что о *себѣ* забота излагается и выставляется какъ актъ *любви* къ людямъ. Вспомнишь формулу осужденія еретиковъ средневѣковыхъ: „мы вамъ (государству) передаемъ отступника для наказанія его *съ любовью* и кротостью, безъ пролитія крови“ (сожженіе). В. Р—въ.

¹⁾ Я уже оговорился, что подъ „церковью“ вездѣ разумѣю *храмъ, молитву и священника*; т. е. *моментъ святости*, а не вѣка дѣль. И А. А. Дерновъ, говоря, что я „церковь“ въ чемъ-то упрекаю, не различаегъ моей мысли. Какая-же „церковь“ греческіе цари Левъ VI философъ и Юстиніанъ Великій? Можно-ли Наполеона и Людовика XV называть: „вотъ католическая церковь“. В. Р—въ.

²⁾ Ну, вотъ—начинаются раскаты грома. Авторъ какъ будто совѣтъ отступилъ на предыдущихъ страницахъ отъ понятія и термина „незаконнорожденности“, и что трогательно—чистосердечно. Но то было *большое* отступленіе, съ сжавшимся въ груди сердцемъ, для „кроткаго вида“. Когда же форма „милости хочу, а не жертвы“ соблюдена, авторъ зажимаетъ сердце, вбираетъ воздухъ въ грудь и бросается за жертвой. И теперь уже онъ не только имѣетъ „видъ искренности“, но слова его горитъ и онъ и *въ самомъ дѣлѣ* искренъ. Снимемъ-же съ него фотографію въ этотъ моментъ, и забудемъ о предыдущей фотографіи. В. Р—въ.

³⁾ Тутъ все перепутано. Мое ученіе, *тонко различаемое*, не таково. В. Р—въ.

⁴⁾ Ну, вотъ. В. Р—въ.

⁵⁾ Ну, тоже самое, что въ „Уложеніи“ Алексѣя Михайловича. В. Р—въ.

литературѣ. Но въ рожденіи мы никнемъ долу прѣ всякой мысли о фронтѣ. Здѣсь мы отказываемся отъ всякой революціи. Первый революционеръ и всякая анархистка становятся здѣсь кротки, какъ ягнята. „О, какъ-бы родить законно“!.. Когда вдумываешься въ эти тайны, въ эти инстинкты, растериваешься: до чего-же святы—всѣ эти рождающія, кротки, миролюбивы, законолюбцы“!

Итакъ, г. Розановъ сожалѣетъ, что у женщинъ, незаконно рождающихся ¹⁾, остается еще какой-то стыдъ, и нѣтъ фронтъ, нѣтъ брагированія своимъ позоромъ ²⁾, нѣтъ безтыдства.

И слава и благодареніе Богу, скажемъ съ своей стороны, что у женщинъ еще сохраняется стыдъ.

Вѣдь *стыдъ есть основа нравственности.*

„Чувство стыда есть отличительный признакъ человѣка, отличительная его особенность отъ прочихъ животныхъ, особенно въ половой стыдливости“, говоритъ В. С. Соловьевъ въ своей книгѣ „Оправданіе добра“. „Этотъ основной фактъ антропологии и исторіи, незамѣченный или намѣренно пропущенный въ книгѣ современаго корифея науки, былъ за три тысячи лѣтъ до него вдохновенными чертами отмѣченъ въ книгѣ болѣе авторитетной. „И открылись глаза у обоихъ (въ моментъ грѣхопаденія) и узнали, что наги они; и сорвали листьявъ смоковницы и сдѣлали себѣ опоясаніе. И услышали голосъ Превѣчнаго Бога... и скрылись человекъ и жена его отъ лица Превѣчнаго Бога среди деревьевъ сада. И возвалъ Превѣчный Богъ къ человеку и сказалъ ему: *гдѣ ты?*—И сказалъ (человекъ): голосъ Твой услышалъ я въ саду и убоился, ибо нагъ

¹⁾ Да вѣдь такъ ихъ *нарекли* и имъ предлежитъ клички стыдиться: а по *существу*-то чего-же? Въ семействѣ мнѣ знакомомъ, *классическомъ* по тѣсной и глубокой привязанности всѣхъ членовъ другъ къ другу, при живыхъ отцѣ и матери, отъ 7-рыхъ братьевъ и сестеръ, ушла 23-хъ лѣтняя дѣвушка, красавица собою, и вступила (безъ вѣнчанія) въ супружество съ докторомъ, давшимъ разводъ не любившей его женѣ съ принятіемъ на себя вины и прописью въ паспортѣ: „навсегда запрещенъ къ браку за прелюбодѣяніе“. И мужъ ея, и она принимались родителями въ домъ, и, какъ отецъ ея мнѣ говорилъ: „они живутъ какъ голуби, до того нѣжны другъ съ другомъ“. Отецъ очень любилъ этого своего зятя, вѣчно съ нимъ споря по медицинскимъ вопросамъ. Они и до сихъ поръ живутъ и счастливы, а случился уходъ въ 1893 году. Почему она совершила *худой* поступокъ? въ чемъ? гдѣ ея „развратъ“? Отецъ ея, чиновникъ, получалъ 5000, жалованья, а сама она была писанная красавица, добрая и ласковая и очень простая (не гордая) дѣвушка. Почему-же она дѣлжна „стыдиться“, хотя дѣти ея суть „незаконнорожденные“, „дѣти двинцы“, какъ говорить жестокая пропись метрики и паспорта. Да гдѣ-же вы найдете еще примѣръ исполненія словъ: „да душу свою полагаете за други свои“. Она только *спасла* человека, духовно и нравственно,—котораго погубила каноника и Греція. Много лѣтъ спустя отецъ ѣздилъ въ Константинополь, думая, что тамъ можно обвинять при патриархатѣ: но оказались какія-то условія, тамъ съ нами (съ Россіей) заключенныя, по которымъ если-бы обрядъ *тамъ* и совершился, у насъ онъ былъ-бы не признанъ. Конечно, единственное средство побороть всю эту тяжесть условій,—это понизить *стѣну стыда*: и отдѣляя честное въ зернѣ отъ нечестнаго, признавъ все первое доблестнымъ, не стыднымъ, великодушнымъ, нравственнымъ. В. Р.—въ.

²⁾ Есть и должно быть ругательство позора и позорящихъ, всѣхъ этихъ „мефистофелей“, лающихъ въ видѣ черного пуделя на женщину и ребенка. В. Р.—въ.

я, и скрылся ¹⁾.—И сказалъ (Богъ): кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ? Въ моментъ грѣхопаденія въ глубинѣ человѣческой души раздается высшій голосъ, спрашивающій: гдѣ ты? гдѣ твое нравственное достоинство? Человѣкъ, владыка природы и образъ Божій, существуешь-ли ты еще?—И тутъ-же дается отвѣтъ: я услышалъ божественный голосъ, я убоялся возбужденія ²⁾ и обнаруженія своей нашей природы ³⁾. *Я стыжусь. слѣдовательно, существую*, не физически только существую, но и нравственно,—я стыжусь своей животности ⁴⁾, слѣдовательно, я еще существую какъ человѣкъ“. („Оправданіе добра“, 2-ое изд. стр. 56 и 57).

¹⁾ Соловьевъ самъ не понимаетъ, что онъ написалъ: до грѣхопаденія *натога были и ея не стыдились*: т. е. не стыдятся есть свойство и преимущество безгрѣшнаго. А какъ согрѣшили—застыдились, т. е. грѣшнику приеце стыдиться, въ стыдѣ—грѣхъ, грѣхъ и стыдъ и есть внутреннее и внѣшнее одного явленія. Теперь, тѣ, кто *пристыжиають*—распространяютъ грѣхъ, ибо грѣхъ и стыдъ одно и то же. Само собою мы тутъ не о *наглости* говоримъ, а о невинности: но вѣдь дѣвушка, спасающая супружествомъ своимъ „приговореннаго къ вѣчному безбрачію“ страдальца, конечно невинна, а не нагла; какъ и истинно любившая дѣвушка, Гретхенъ или Маслова. Но Соловьевъ слѣлалъ и худшую еще ошибку: *застычивость, сокрытіе, жестъ тайны* онъ отождествилъ съ *грѣшностью въ томъ*, что уносится въ тайное помѣщеніе (половая часть). Тогда какъ человѣкъ, согрѣшившій „различіемъ добра отъ зла“, весь померкъ: и отъ грѣшнаго его ума и взора убѣжали въ сокрытіе части „древа жизни“, одни оставшіеся непричастными грѣху. А безумные скопцы (и имъ слѣдуетъ В. С. Соловьевъ) рѣшили: „а, ихъ закрываютъ,—значитъ—тутъ грѣхъ: рѣжь ихъ“?! Безуміе. Долженъ замѣтить, что отъ Ѳ. Э. Шперка, въ началѣ горячо сошедшагося съ Вл. Соловьевымъ я слышалъ, что будто-бы Соловьевъ говорилъ ему о себѣ: „меня томитъ желаніе оскопиться, какъ поступилъ Оригенъ“. Характерно (ибо подтверждаетъ всю мою мысль о связи духа скопчества съ развратомъ духовнымъ),—характерно мнѣ передавалъ извѣстный библиографъ Венгеровъ, очень любившій Соловьева, что онъ „въ кампаніи часто любитъ говорить невообразимыя сальности, смѣшныя“. В. Р.—въ.

²⁾ Какое вранье этого въ Библии *нидѣ не сказано*. Напротивъ, для чего-же и сотворена была Ева, какъ не въ отвѣтъ на возбужденіе нисколько не павшаго и не согрѣшившаго человѣка. Да и восклицаніе Адама: „вотъ—она жена моя“, говоритъ о его восторгѣ при видѣ ея прелестнаго тѣлеснаго очерка. Боже, какъ все запуталось у людей. Грѣхи своей теперешней юдоли они переносятъ въ рай, гдѣ любовались и не стыдились, были наги и невинны. Да и сейчасъ мужъ и жена, обнажаясь, нагѣ одинъ передъ другимъ,—ну хоть въ духовствѣ въ субботнюю старозавѣтную баню, или древніе наши благочестивые цари, ходя послѣ вѣнчанія съ царицами въ „мыльню“ (см. Котошихина)—неужели же стыдятся?! а не стыдятся—неужели грѣшатъ?! Но у нихъ „закрываются“ тѣ очи грѣха, которые отверзались послѣ укушенія отъ древа *познанія* добра и зла. Вновь они невинны, опять—какъ дѣти. И супружества главная тайна лежитъ въ снятіи, *временномъ и личномъ* (для пары) первороднаго грѣха: отъ того въ Библии и вѣчный совѣтъ: „плодитесь! множитесь“ т. е. *черезъ это* поборайте въ себѣ черную каплю первороднаго грѣха! Боже, какъ забылъ все человѣкъ и извратилъ! В. Р.—въ.

³⁾ Манхейство. Это манхей учили, что „тѣло есть низшая природа и создано діаволомъ“; а по Библии—тѣло образовалъ Господь: „по образу, по подобію Нашему сотворимъ его“. В. Р.—въ.

⁴⁾ Прямо—кошунство. „Ваши тѣла суть храмы Божіи“, сказалъ Апостолъ. В. Р.—въ.

„Чувство стыда переходить, въ видѣ *совѣсти*, на всю область чело-вѣческой этики“. „Стыдъ и совѣсть говорятъ разнымъ языкомъ и по разнымъ поводамъ, во смыслѣ того, что они говорятъ, одинъ и тотъ-же: *„это не добро, это не должно, это недостойно“*“.

„Такой смыслъ уже заключается въ стыдѣ; совѣсть прибавляетъ аналитическое поясненіе: *сдѣлавши это не дозволенное или не должное, ты виновенъ во злѣ, грѣхѣ, въ преступленіи“* (*ibid.*, стр. 67). „Когда чело-вѣкъ поступаетъ дурно въ какомъ-нибудь отношеніи,—ему бываетъ потомъ *совѣстно*. Вотъ настоящее душевное зерно всего чело-вѣческаго добра и отличительный признакъ чело-вѣка, какъ существа нравственнаго“ (*ibid.*, стр. 183).

Вмѣстѣ съ этимъ приведемъ и другой взглядъ на значеніе стыда, на днѣхъ только что высказанный:

„Стыдъ можно считать средствомъ для предохраненія чело-вѣка отъ половыхъ излишествъ, которыя особенно сильны могутъ быть у юношей, кровь которыхъ кипитъ, кровь которыхъ не уравновѣшена. Стыдъ и служить уравновѣшивающимъ началомъ. Онъ и не позволяетъ юношамъ до наступленія извѣстнаго возраста, до извѣстной зрѣлости, вступать даже и въ какія-бы то ни было половыя сношенія. У юношей стыдъ и долженъ быть особенно силенъ. Когда-же наступаетъ нормальный для половыхъ отношеній возрастъ, стыдъ, какъ предохраняющее начало, *естественно нѣсколько уже долженъ отступить на второй планъ*. Это и видимъ обыкновенно у взрослыхъ мужчинъ“ (проф. А. А. Бронзовъ).

Не здѣсь-ли причина, что почти исключительно *только въ первый разъ* незаконно родившія дѣвушки умерщвляютъ своихъ дѣтей? А при послѣдующихъ, повторяющихся, незаконныхъ рожденіяхъ такія дѣвушки уже не умерщвляютъ дѣтей, и даже бравируютъ ¹⁾ своимъ положеніемъ.

Блаженный-же Августинъ „чувство стыдливости считаетъ результатомъ чувствительности къ потерѣ и утратѣ первобытной гармоніи между тѣломъ и духомъ, каковая дисгармонія ощутительно и рельефно обнаруживается въ актѣ плотскаго вождѣленія ²⁾, каковыя и составляютъ предметъ наибольшаго стыда, даже въ случаѣ законнаго пользованія похотью въ бракѣ. Чело-вѣческая душа стыдится того, что приличное по

¹⁾ „Бравируютъ“... Авторъ точно жалѣетъ, что онѣ не убиваютъ и во второй, и въ третій разъ. Но простимъ ему: „не вѣдаетъ бо, что творить“. „Только въ первый разъ убиваютъ, а потомъ уже не стыдятся“... Прямо страшно читать. В. Р.—вз.

²⁾ „Дисгармонія.. вождѣленія“: Извѣстны излишества юности, коимъ ненасытно предавался до принятія христіанства бл. Августинъ; и вотъ реакція противъ „гнильца“ юности оказалась у этой Маріи Египетской въ мужскомъ образѣ—излишествомъ мнѣній въ старости и зрѣлости. Вообще едва-ли не весь аскетизмъ и все манихейство представляетъ „покаянныя слезы“ о „быломъ“. Товія, отъ отрочества мужъ, Іаковъ—въ юности почти отецъ 12-ти сыновъ, среди здоровой полевой жизни, среди благополучныхъ стадъ—не заплакали-бы о „дисгармоніи плотскаго вождѣленія“ въ супружествѣ. „Нынѣ я купила тебя (за мадрогоровыя яблоки) у сестры моей—иди, пресли со мною“ говоритъ некрасивая Лія возвращающемуся со стадами Іакову, дышащему зноемъ только что спавшаго полуденнаго зноя. Такъ говорятъ невинные. Такъ они желаютъ. Да будетъ благословенна память ихъ. В. Р.—вз.

природѣ совершается такъ, что его сопровождаетъ нѣчто постыдное, при-
взошедшее въ природу ¹⁾ челоѵѵка, какъ наказаніе*.

А у дѣвиць, незаконно родившихъ, это нѣчто постыдное, безъ
ихъ желанія, проявится уже предъ всѣми (плодъ—ребенокъ);
отсюда желаніе скрыть ребенка, убить ²⁾.

Это-то зерно, этотъ-то благодѣтельный ³⁾ для людей стыдъ
г. Розановъ и думаетъ уничтожить у женщинъ и мужчинъ, рож-
дающихъ дѣтей не въ бракѣ, и очень сожалѣть о присутствіи
его у нихъ.

„И тѣмъ ужаснѣе, говоритъ онъ далѣе, что къ этой-то воплощенной
простотѣ и примиренію поднесено жало отрицанія. „Не признаемъ тебя!
Нѣтъ тебѣ закона!“ „И тогда (прибавляетъ г. Розановъ), опять чрезъ
ужасную муку, дитя умерщвляется его кротчайшею матерью, на все-бы
согласною, на все-бы готовою, лишь-бы ее признали, и не находящею
этого признапія“...

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Розанова, надобно уничтожить
бракъ, какъ приводящій къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ,
т. е. уничтожить бракъ, какъ что-то низшее, во имя высшихъ
нравственныхъ требованій.

Но, скажемъ словами В. С. Соловьева:

„Въ нравственности вообще высшія требованія не отмѣняютъ низшія,
а предполагаютъ ихъ и включаетъ въ себя. Казалось-бы, это само собою
разумѣется; между тѣмъ, многіе не понимали и не понимаютъ этой про-
стой и ясной истины. Такъ, по ученію нѣкоторыхъ христіанскихъ сектъ,
древнихъ и новыхъ, высшее правило безбрачія отмѣняетъ седьмую за-
повѣдь, какъ низшую, вслѣдствіе чего эти сектанты, отрицая бракъ,
охотно допускаютъ всѣ виды блуда. Очевидно, они заблуждаются“ (*ibid.*,
стр. 128)

Очевидно заблуждается и г. Розановъ.

Заблуждается онъ и въ томъ, что стремится найти подкрѣп-
леніе своимъ воззрѣніямъ въ письмахъ священнослужителей. По-
слѣдніе, зная хорошо духъ Церкви, ея любвеобильное, чисто ма-
теринское отношеніе ко всѣмъ, едва-ли могли-бы высказать то,
что напечатано въ № Нов. Вр. 8868-мъ, стр. 4, столб. 8, отъ
имени ⁴⁾ будто-бы нѣкоего протоіерея А. У.

Выше уже нами было выяснено, какъ Церковь со своею бла-

¹⁾ Все это ужасная ошибка противъ текста *Библіи*. Вообще *Библію*
мы почти утратили способность безстрастно читать: до того заражены и
обвѣяны скопчествомъ. В. Р—въ.

²⁾ Авторъ почти радуется. Вотъ вамъ и „диптихи“... В. Р—въ.

³⁾ Да и радуется съ самымъ дѣлѣ: „постыдное, ребенокъ—прояв-
ляется передъ всѣми; отсюда желаніе скрыть ребенка, убить: этотъ бла-
годѣтельный стыдъ г. Розановъ думаетъ уничтожить“. Да, „разогнется“
все это на Страшномъ Судѣ, какъ и предрекъ авторъ. В. Р—въ.

⁴⁾ Да не „отъ имени“, а отъ А. П. Устыинскій прислалъ мнѣ письмо,
отрывки коего, а не все оно цѣликомъ и не съ полною подписью. охра-
няя автора отъ злобныхъ навѣтовъ, редакція „Нов. Вр.“ и помѣстила.
Но позднѣе, черезъ годъ, А. П. Устыинскій уже за полною подписью по-
мѣстилъ въ „Нов. Вр.“ письмо, ниже сего печатаемое. В. Р—въ.

годатною помощію приходитъ рѣшительно ко всѣмъ, какъ она исполняла всегда, исполняетъ и будетъ исполнять всѣ завѣты Спасителя объ отношеніи къ дѣтямъ, о чемъ, какъ будто-бы дѣлая какое-то открытіе, говоритъ авторъ приводимаго въ „Нов. Вр.“ шсъма.

Странно, почему пр. У. скрылъ подъ инициалами свою фамилію ¹⁾ и не высказалъ прежде своихъ мыслей своимъ собратіямъ — пастырямъ, укоряя ихъ теперь ²⁾ будто-бы въ ихъ не-христіанскомъ отношеніи къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Еще болѣе страннымъ представляется со стороны А. У. признаніе прекраснымъ и заслуживающимъ практическаго осуществленія проекта г. Розанова о тройкой формѣ брака. Еще свѣтское лицо, какъ напр. г. Розановъ, можетъ высказать, что будто-бы древне-библейская жизнь (!) допускала тройкую форму брака. Моисей вовсе не устанавливалъ трехъ формъ для заключенія брака ³⁾, какъ это говоритъ г. Розановъ. Эти формы придуманы гораздо позднѣе временемъ г. Розанова раввинами ⁴⁾.

¹⁾ Это редакція газеты сдѣлала. Если-бы священники у насъ не были стѣснены аскетическимъ административнымъ гнетомъ,—то идея и фактъ аскетизма, противорѣчащаго во всѣхъ частяхъ св. Писанію, были бы давно обращены „въ персть“. Но бѣдное бѣлое наше духовенство заперто на крѣпкій замокъ; и, какъ позднѣе апостолу Петру, „водившему за собою жену“,—ему надѣты оковы на руки. В. Р—въ.

²⁾ См. выше т. II, стр. 70, рубрика „XIV“ *Матерьяловъ В. Р—въ.*

³⁾ Моисей, повелѣвши дѣвущку, съ которою „преспаль“ мужнина, взять ее въ жену ему, тѣмъ самымъ отождествилъ „преспаніе“ съ фактически уже наставшимъ бракомъ. „Уже совершилось—и она жена тебѣ“. Эта одна форма, въ Библии установленная, лишь усложнилась позднѣе другими, болѣе обрядовыми, „принаряженными“ и приближающимися къ нашей формѣ заключенія брака. Но основная эта форма дошла до времени І. Христа, и, какъ пишетъ ниже-же Дерновъ, вошла даже въ „Апостольскія правила“. Когда и кѣмъ она отмѣнена—непостоянно. Но эта-то отмѣна и разрушила въ корнѣ бракъ, положивъ въ гнѣздо его „кукушку“ разныхъ словъ и жестовъ, *отождествивъ* ихъ съ бракомъ. В. Р—въ.

⁴⁾ Да что тутъ толковать о „раввинахъ“. Прежде всего къ І. Христу народъ обращался со словами: „равви! равви!“ и это имя должно-бы быть для насъ священнымъ, а не презрительнымъ. А главное, что я хочу сказать: потрудитесь возстановить *все* „Второзаконіе“ Моисеево, съ установленными Богомъ тамъ брачными нормами (степени родства и проч.) или-же открыто и смѣло, прямо и честно отвергните боговдохновенность „Второзаконія“ и признайте апокрифичность вообще Синайскаго законодательства. Не двоитеся. Помните, намъ запретилъ Ілія Веселитинъ „папать на два колѣна“. И „наше, и не наше“, „признаемъ, и не признаемъ“, „завѣтъ—но ветхій“. Что-же, развѣ *устарѣвшій?* да развѣ слово Божіе *старѣетъ?* и въ которой книгѣ, пророческой или Моисеевой, сказано: „это все *потомъ* отмѣнится, это *временно*, пока дается, а затѣмъ наступитъ дни и вѣка, когда это будетъ *ветхимъ*“. Терминъ „ветхій завѣтъ“ абсолютно отсутствуетъ во *всѣхъ* книгахъ Ветхаго завѣта. И какъ мы рѣшаемся писать на *переплетѣ* заглавіе, какого книга *сама себѣ* не даетъ?!!

И для какой это надобности ¹⁾ эти три формы? Развѣ *совершенство* таинства брака можетъ быть обусловлено случайностію? Развѣ можно сравнивать заключеніе брака съ крещеніемъ повивальной бабкою младенца родившагося ²⁾ слабымъ?

И объ исповѣди *нигдѣ не оговорено*, какъ стремится доказать г. Розановъ, что „она можетъ быть и глухая“.

И если люди не сходятся другъ съ другомъ какъ звѣри (что возможно только во время полного упадка нравственности), то можетъ-ли быть какое-либо море случайностей въ заключеніи брака?

И можетъ-ли какой-либо священникъ признать вѣрными, а тѣмъ болѣе заслуживающими практическаго осуществленія, слова г. Розанова:

„Если бракъ стоитъ у насъ на равной степени съ другими таинствами, и мы ни въ мысли, ни социальнo (*еще-бы?*) не допускаемъ прелюбодѣвія, мы должны установить и выработать, для моря случайностей, кромѣ сложныхъ и болѣе упрощенныя формы заключенія брака, напริมѣръ вплоть до одного благословенія родителей ³⁾,

Но когда вотъ теперь идетъ кровавый споръ о дѣтяхъ, отнимаемыхъ у родителей, послѣднимъ пора воскликнуть: „*застѣ въчмй даю тебѣ*, скажи о *всемъ законѣ* Моисею Богъ, и объ обрѣзаніи Аврааму—Богъ-же“. А „обрѣзаніе“ и есть „*sum et fisco*“ дѣтей, родителей, мужей, женъ. Изъ обрѣзанія вытекъ и глаголь Исаи, *днн нашихъ дней и даже нашихъ* споровъ прогрессившій, „будетъ [время] семь дѣвъ ухватятся за полу одного мужчины и скажутъ: свой хлѣбъ будемъ ѣсть и свою одежду носить: только сними съ насъ позоръ дѣвства“. Точно пророкъ предвидѣлъ наши „приданыя“,—да что не смотря и на нихъ мужчины не хотятъ жениться. Кстати, по адресу В. С. Соловьева и А. А. Бронзова о происхожденіи стыда. Да и до сихъ поръ *старыя* дѣвушки *стыдятся* своего положенія, и вотъ это *настоящій стыдъ* грѣха, уже не застычивость. А какая-же мать и супруга „стыдятся“ своей „познанности“? Онѣ—*цѣлутъ* гордостью и славой. В. Р.—*сб.*

¹⁾ Да для того, что вы *не вычистаете*; для того, что вы *запрещаете* вступать въ бракъ напр. офицерамъ, студентамъ и всему рабочему пришлому въ Петербургъ населенію; что вы развили незаметно и постепенно *интердиктъ* на семейную жизнь, какъ въ средніе вѣка католичество, отказывавшееся „отпѣвать“ покойниковъ. Только католичество въ землю зарывать не запрещало, а вы и въ землю зарывать запрещаете (борьба съ „незаконными сожительствами“). Въдь это *ужасъ*, среди чего мы живемъ, и духовенство только отъ того, что никогда не выходитъ изъ своихъ квартиръ и „съ мытарями и блудницами“ не бываетъ, не видитъ, въ какое положеніе оно поставило міръ, всовывая на всѣхъ путяхъ „палку“ въ колесницу „священной весны“, любви человѣческой, „и къ мужу—*веченіе* твое“ (Бытiе, 4). Тройкая форма брака вырвала-бы насъ изъ „чернаго тѣла“, изъ „рубнища“, въ которое семейныхъ людей одѣлъ аскетизмъ. В. Р.—*сб.*

²⁾ Какіе-же это *аргументы*? какое-то бормотанье. В. Р.—*сб.*

³⁾ Бракъ Товиі съ Саррой, Исаака съ Ревеккой. Эта форма необыкновенно важна и я на ней очень настаиваю: ибо необыкновенно возвысила-бы авторитетъ родителей, и вмѣстѣ содѣлала бы лицо отца и матери чѣмъ-то милымъ, дорогимъ, ласковымъ для дѣтей; ибо ничего нѣтъ

или до простой мѣны кольцами ¹⁾, даже до простого факта супружества“.

Вѣдь это-же поправленіе и отрицаніе всякаго таинства и допущеніе полного ²⁾ распутства! И можетъ-ли согласиться съ этимъ

дороже минуты вступленія въ бракъ, никогда сердца юныхъ такъ не раскрыты, не довѣрчивы, такъ не благодарны какъ къ благословляющему союзъ любви. И передача этого благословія, по образу Товита, Лавана, Авраама,—родителю и родительницѣ—о, какой-бы свѣтъ и тепло въ связь семьи пролило! При этомъ, получивъ себѣ почти іерархическую функцію („по чину Мельхиседекову“) какъ родитель и родительница выросли-бы въ своихъ глазахъ, вошли-бы въ *барство* (въ хорошемъ смыслѣ), въ санъ, въ княжество. Наконецъ послѣднее удобство: что вѣдь только одни родители,—по признакамъ, которыхъ не надо называть—знаютъ точно *срокъ*, когда уже пора „дѣву выдать въ бракъ“—„юношѣ дать жену“; и нельзя-же объ этихъ признакахъ на площади кричать. А „срокъ“ этотъ бываетъ индивидуально очень разный, и законами для *всѣхъ одинъ* его нельзя предначертать, не ошибившись (тайные пороки). Словомъ, все стало-бы уютно и мило тогда, тепло; превратилась-бы въ гвѣздышко семья, которая теперь такъ похожа на площадь. Это тоже самое, что „домашнее воспитаніе“, въ его духовныхъ и культурныхъ преимуществвахъ передъ „казеннымъ“. Тогда-бы у насъ семья была домашняя, священная, святая, а теперь она—казенная, публичная и театральная. Буди! Буди? *В. Р—ва.*

¹⁾ Это для рѣдкаго (теперь, увы, часто!) случая суровыхъ и корыстолюбивыхъ родителей, дѣлающихъ изъ дѣтей коммерческую аферу: сына женятъ на богатой не вправящейся невестѣ, дочь въ 16 лѣтъ выдаютъ за богатаго жениха. Поразительно, что принудительные браки стали вводиться у христіанъ уже съ IV-го вѣка: именно, еще до сложенія чина вѣнчанія Василій Великій сталъ отлучать на 2 года отъ причащенія дѣвицы, *которыя вопреки воли родительской* (очевидно, принуждавшей къ браку съ нелюбимымъ богатымъ человекомъ) уходятъ отъ нихъ, сами выходили замужъ. Авторитетъ родительскій великъ и святъ, но не безконеченъ, и онъ не тогда святъ, когда злоупотребляетъ своимъ механическимъ положеніемъ. Въ словахъ *Бытія*: „*того ради оставитъ отца и мать и прильпнется къ женѣ*“... (*иша* по еврейски—женщина; а мушина—ши; „мушина“ тамъ уже значить „мужъ“, а „женщина“ есть въ то же время „жена“),—въ этихъ словахъ навсегда утверждена аутокефальность, самостоятельность, свобода взаимнаго выбора и соединенія юныхъ. *В. Р—ва.*

²⁾ Ну, конечно если „распутствомъ“ считать семейную жизнь. „Выглядки“—то вѣдь суть дѣти и законныхъ родит., откуда и „очищеніе“ ихъ. Но это точка зрѣнія (манихейская) для насъ не обязательна. Еврей, вотъ видите-ли, не имѣющіе холостыхъ, „распутны“, а мы, русскіе, съ „Аркадіями“, пѣвчниками и проч. плодами „воздержанія“, не распутны. Не могу передать разговора моего съ извощикомъ:—„И откуда, баринъ, это гг. гвардейцы деньги берутъ?“—„А что?“—„Вчерашній день ѣду по Невскому, вышелъ отъ Палкина господинъ офицеръ, должно быть выпивши, а тутъ дѣвицы его съ Невского окружили. Онъ какъ зыкнетъ на нихъ: станювьсь всѣ въ ширингу. Стало должно быть ихъ дѣвицъ десять. Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, и покрасненькой каждой: а потомъ взялъ двухъ, въ экипажъ къ себѣ посадилъ и поѣхалъ. А нашъ братъ работаетъ-работаетъ, черезъ силу хозяйну 3 рубля выработаетъ, а когда-то себѣ четвертакъ али полтинникъ али рубль выѣздишь. А онъ получили себѣ десять рублей, и безъ работы“.—„Поротъ такихъ надо“.—„Вѣстимо. Да откуда деньги-то такія?“—„Папашины земли проживаетъ. Изъ губер-

какой-либо священникъ? Но далѣе г. Розановъ возводитъ уже явную клевету на духовенство, что оно изъ-за денегъ, изъ-за корысти выдумало, что бракъ есть таинство ¹⁾. Вотъ его слова:

„Къ разсужденію покойнаго Филиппова я прибавлю одно указаніе, которое не замѣчается, а оно бьетъ въ глаза яркостью. Есть понятіе „симоніи“, или взятіе денегъ за сообщеніе даровъ Св. Духа. Въ Церкви это считается страшнымъ грѣхомъ. Поэтому священнику никогда и въ голову не можетъ придти обусловить предварительно плату за крещеніе, причащеніе или исповѣдь. Но за вѣнчаніе плата обуславливается, и это было всегда и вездѣ, не возбуждая вопроса. Совершенно очевидно, что у духовенства самаго существуетъ сбивчивость представленій о вѣнчаніи, и если оно не колебалось брать предварительно и въ точно опредѣленной суммѣ плату за него, и никѣмъ никогда въ этомъ сверху не было установлено,—то ясно, что по всеобщему представленію его самого въ вѣнчаніи не сообщается даровъ Св. Духа и оно не есть таинство. Между тѣмъ догматъ о „бракѣ — таинствѣ“ неискоренимъ и ежеминутно арокъ въ православномъ; и, не содержась въ вѣнчаніи (иначе — симонія), онъ, очевидно, содержится въ тайнѣ фактическаго рожденія и супружества“ ²⁾.

И для поясненія этого, т. е. ³⁾ что духовенство даже имѣло право такъ дѣлать, онъ говоритъ:

„Есть ѣда, сонъ и множество еще другихъ физиологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна.—но въ разной мѣрѣ. Однако, Церковь не возвела ни одно состояніе или дѣйствіе, духовное или физиологическое,—напримѣръ науку или вкушеніе пищи—въ „таинство“, и только возвела въ него бракъ,—очевидно, по исключительной таинственности и важности момента размноженія. Но этотъ моментъ, или, точнѣе кругъ моментовъ, при наличности всякаго рожденія — тотъ-же; слѣдовательно, какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя“ и „въз-законныя“, такъ въ кругѣ ученія о таинствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя“ („въ таинствѣ текущія“).

Въ докладѣ нашемъ пастырскому собранію с.-петербургскихъ столичныхъ пастырей, 1-го декабря 1898 г.: „*Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожителствъ?*“—мы выяснили (стр. 9), какъ „пастыри озабочены тѣмъ,

ни шлютъ“. Но всего этого о. Дерновъ не видитъ. „Въ театрѣ я не бываю, романовъ не читаю, ночью по улицамъ не хожу“. Но вѣдь еще меньше его „видитъ“ все это, а потому и считаетъ все „благополучнымъ“ тотъ, кто отъ роду не просыпался. Да какъ-же только тогда *управлять* міромъ, или бракомъ, и съ такими претензіями и самоувѣренностью? Тутъ надо „стыдъ взять въ руки“ Тутъ-то вотъ о „стыдѣ“ изъ бл. Августина и слѣдовало-бы вспомнить. Нѣтъ, *гордость*, а не „похоть“ есть первородный грѣхъ. В. Р.—въ.

¹⁾ Что за чепуха. Никогда такого не говорилъ. Авторъ *читаетъ* не умѣетъ. В. Р.—въ.

²⁾ Ну, что же? Я говорю только, что за вѣнчаніе плата *берется основательно*, ибо оно не таинство, а самый бракъ *есть таинство*. Почему-же терминъ „таинство *вѣнчанія*“ не употребителенъ? Да и въ *Кормчей* даже сказано: „бракъ *есть мужа и жены союзъ*“ (=союзность, любовь, дѣторожденіе) и жребій на всю жизнь“. Просто А. Дерновъ не анализируетъ. В. Р.—въ.

³⁾ Вовсе не „т. е.“. Ничего авторъ не понялъ въ моемъ изложеніи. В. Р.—въ.

чтобы обставить совершеніе таинства брака полнымъ благоговѣніемъ и со стороны совершителей, и со стороны брачующихся, и со стороны присутствующихъ при бракосоченіяхъ, для того, чтобы устранить причины, которыя могли бы внести поврежденіе въ тайну брака при *самомъ совершеніи* этой тайны“.

Тутъ уже дѣло идетъ не о наживѣ духовенства, не объ упрощеніи формы заключенія брака. *Итакъ, ясно, что мы признаемъ бракъ таинствомъ* ¹⁾.

Въ томъ же докладѣ со скорбію было повѣдано нами и о *причинѣ*, нисколько, впрочемъ, независящей отъ воли пастырей, *повреждающей* законъ о *ненарушимости* таинства брака послѣ заключенія его: это—„статья гражданскаго узаконенія нашего, требующая записывать дѣтей законными, хотя бы всѣмъ извѣстно было о незаконномъ происхожденіи дѣтей“ (Докл., стр. 9). Напрасно, слѣд., и „Новое Время“, и г. Энгельгардтъ, и г. Розановъ хотятъ отнести это на счетъ духовенства ²⁾.

Пастыри заботились всегда и заботятся о сохраненіи *свято-сти брака*. Это можно видѣть изъ указаннаго ³⁾ же доклада (стр. 8 и 9).

Тамъ же (стр. 10) указано на *ясное сознаніе* духовенствомъ *необходимости* отмѣны ограниченія правъ на вступленіе въ бракъ лицъ, достигшихъ полной физической зрѣлости, на что указываетъ и г. Розановъ, какъ на причину происхожденія „незаконныхъ дѣтей“ ⁴⁾. Только г. Розановъ несправедливо пользуется этимъ случаемъ для защиты такъ полюбившагося ему тайнаго (т. е., безцерковнаго вѣнчанія, вообще безформеннаго) брака. „Здѣсь, — при

¹⁾ Совсѣмъ ничего не понимаю, что такое и для чего говоритъ авторъ. Очевидно, духовенство и свѣтскіе лица просто говорятъ разными языками и не умѣютъ читать другъ друга. Отъ вѣковой раздѣленности у нихъ выросли *тропы* въ мозгу, *дорожки*; и ни намъ по ихнимъ мозговымъ дорожкамъ не побѣжать, ни—имъ по нашимъ. В. Р—ва.

²⁾ Да, но о *чемъ* вы плачетесь? Что и *этихъ* дѣтей вамъ не дасть записать: „незаконнорожденный“. А вѣдь желаніе-то общее—это чтобы ихъ писали *родившимися отъ подлинныхъ родителей*, но уже какъ-бы вступившаго между собою въ бракъ, со всеконечнымъ (хотя и запоздалымъ) расторгненіемъ предъидущаго, лишь бумажно существующаго, брака. В. Р—ва.

³⁾ Все себя хвалить. В. Р—ва.

⁴⁾ Да что „указано“! „Соловья баснями не кормятъ“, и пока вы указываете, а васъ не слушаютъ, дѣти рождаются „не законными“ и выбрасываются въ Воспитательный домъ или въ выгребныя ямы. Прямо должны вы твердо сказать: „станемъ вѣнчать всякаго достигшаго лѣтъ зрѣлости не входя ни во что, ибо намъ завѣщаль Апостоль: *во избѣжаніе блуда—каждый* имѣй свою жену—каждая имѣй своего мужа“. Вотъ услышавъ такой мужественный голосъ *во защиту міра, міряна, людей*—государство прониклось-бы уваженіемъ къ духовенству: „А, они на святомъ стоятъ, а не только отстаиваютъ монастырскія богатства“. В. Р—ва.

ограниченіи правъ на бракъ офицеровъ и учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній, — опять образуется, *говоритъ г. Розановъ*, въ сущности тайный бракъ, который вовсе и не разорвался бы, не будь страха и гнета стыда, т. е. былъ бы счастливъ и длителенъ, если бы не законъ“.

И немислимо допустить, чтобы кто-нибудь изъ священниковъ рѣшился отвергнуть этотъ ненавистный г. Розанову законъ и высказать такія слова, какія, будто бы, высказалъ протоіерей А. У., какъ это напечатано въ № 8868-мъ „Новаго времени“, по поводу формы метрическихъ записей:

„Вторая форма должна быть для всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ, когда въ наличности является семья, состоящая изъ невѣнчавшихся въ церкви сожителей, все равно: будутъ ли это холостой человѣкъ и дѣвушка, сошедшіеся и начавшіе семейную жизнь безъ вѣнчанія, или мужъ, покинутый своею женою и нашедшій себѣ новую сожительницу, или жена, покинутая своимъ мужемъ и вступившая въ связь съ новымъ сожителемъ. Вообще — всѣ случаи невѣнчанныхъ сожительства, когда отецъ и мать ребенка на лицо, не отрицаютъ отъ своего дѣтища, а, напротивъ, признаютъ его своимъ“.

И послѣ этого скрывающійся подъ инициалами авторъ заключаетъ:

„Пока эти три формы (о второй изъ коихъ мы сказали сейчасъ) метрическихъ записей не будутъ узаконены, не будетъ въ общественной жизни никакого порядка“.

Могъ ли, и можетъ ли какой-либо священникъ, по долгу пастырской совѣсти, проповѣдывать открыто ¹⁾ такой безформенный бракъ и говорить, что только при такомъ бракѣ и будетъ порядокъ въ общественной жизни?

¹⁾ Да онъ ничего не „проповѣдуетъ“, а говоритъ, что надо *писать* *открыто* то, что есть. А вообще вѣроятво онъ, какъ и я, желаетъ, чтобы *все* жили съ вѣнчаніемъ, при полнотѣ обряда, благополучно. Но вѣдь это *желаніе*, его надо отличать отъ *факта*! *что-же дѣлать* когда не вѣнчаютъ (офицера, студента, пришедшаго на промыслъ рабочего). А. Дерновъ скажетъ: „пускай пребываютъ въ цѣломудріи“. Но что такое за монашество безъ пострига и обѣтовъ? Тутъ, *и только тутъ*, и начинается наше расхожденіе. *Мы не смѣемъ* имъ совѣтовать „цѣломудріе“, ибо они не суть тѣ, которымъ „дано вмѣстить“ дѣвство. Что-же дальше? А. Дерновъ молчитъ, все духовенство молчитъ, уклоняясь отвѣтить: а „дальше“ только и есть два: 1) проститутка, домъ терпимости. 2) честная сожительница, „сожитіе одного съ одной“. даже по „Кормчей“ правильное. Мы, я и А. П. Устьинскій и выбираемъ второе, въ тоже время *запрещая* писать дѣтей отъ такихъ не получившихъ себѣ формы браковъ (интердиктъ) „незаконнорожденными“. ибо они „безъ формы“ родились *по отказу духовенства* дать форму. Что за дикость и жестокость: ты меня моришь голодной смертью, а когда я умеръ — уже трупъ тащишь въ судъ и обвиняешь по § „самоубійство“, въ нарушеніи человѣческихъ и божескихъ законовъ. Вѣдь говорится о *парахъ, которыхъ отказались обвенчать*, только о нихъ говорится. Но неумолима „мачиха“, именующая себя „матерью“, въ бичахъ и екорпіонахъ надъ несчастной падчерицей и панынкомъ. А еще пишутъ: „диптихи, диптихи“, „наши диптихи“. Забыли спасителя, извлекавшаго овцу изъ ямы въ субботу: вы-же эту овцу поиваете камнями за грѣхъ впаденія въ яму именно въ субботу“. Просто непостижимо въ нравственномъ смыслѣ. В. Р.—въ.

Между тѣмъ, какъ во всемъ мірѣ безформенные браки признавались всегда и признаются первымъ зломъ ¹⁾, разстраивающимъ именно всякій порядокъ ²⁾ въ общесивенной жизни.

И отчего г. Розановъ не обратитъ вниманіе на то, что и у животннхъ есть полосочетаніе; но есть ли у нихъ ³⁾ бракъ? — Вѣдь, только одни существа человѣческаго рода, во всемъ мірѣ, прежде чѣмъ войти въ полосочетаніе, заявляютъ въ такой или иной формѣ о своемъ этомъ намѣреніи или родителемъ, или общинѣ, да непременно и требуютъ, чтобы это заявленіе было признано, или иначе утверждено, чтобы всякій членъ общины зналъ, — по крайней мѣрѣ родители (представители Бога), — что они мужъ и жена, что они съ сего времени „законны“. Для чего это? — Несомнѣнно тутъ сказывается не только „стыдъ материнства

¹⁾ Такъ не доводите до этого зла, не морите голодомъ. Благословляйте *всѣхъ, къ вамъ приходящихъ*, во исполненіе слова: „солнце свѣтитъ добрымъ и злымъ“. Дѣло въ томъ, что вы „растеряли“ сами бракъ, а теперь ищите его у другихъ и выворачиваете карманы прохожихъ: „дай посмотрѣть, хранишь-ли ты то, что я потерялъ“. Позднія заботы. ¹/₃ рождающихся въ Петербургѣ — уже безъ вѣнчанія рождены. сами констатировали. Сперва это были только несчастные офицеры, солдаты, пришлые рабочіе, — *всѣ получившіе отказъ въ религіи*; а затѣмъ пошло уже и добровольно, и какъ мнѣ передалъ объ Абессиніи г. Леонтьевъ, „тамъ кромѣ придворныхъ вельможъ вообще брачущіеся не вѣнчаются во избѣжаніе расходовъ“. Абессинская церковь — одна изъ древнѣйшихъ въ христіанскомъ мірѣ, и, о ней говорилъ мнѣ Леонтьевъ: „пріѣзжавшіе въ Петербургъ абессинцы были страшно поражены и разстроены зрѣлищемъ уличной у насъ проституціи; тамъ это явленіе неизвѣстное, всѣ живутъ дома, у себя“, — хотя, какъ мы видимъ, и безъ обряда. В. Р—ва.

²⁾ Ну, а скажите, былъ-бы „порядокъ“ въ жизни Іакова, Исаака, Лавана? Да и у Андромахи и Гектора, почти въ мнѣшескую пору? Вѣдь Пенелопа, не вѣнчанная язычница, какъ и наша Ярославна, плакавшая объ Игорѣ со стѣны города Путивля („Слово о полку Игоревѣ“) дали образцы „порядка“, ужъ не въ примѣръ выше нашей семьи подѣ „консисторскими ауспиціями“. Да нѣтъ, это вздоръ все пишетъ А. А. Дерновъ. „Порядокъ“ въ бракъ есть любовь. Вотъ — ангель, семью оберегающій. Все прочее — золоченые скорлупы орѣха. В. Р—ва.

³⁾ *Встѣми рѣшительно слова Бога Адаму и Евѣ считаются основаніемъ брака, словесною его формулою; но растеніямъ и животнымъ дана такая же; съ умиленіемъ цитирую: „И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ. и всякую птицу пернатую по роду ея. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды въ моряхъ, и птицы да размножаются на землѣ. И былъ вечеръ и было утро день пятый“.* Быт. I. Такимъ образомъ, что *основанъ* бракъ у животннхъ — въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія; или для человѣка и его брака мы должны выбрать *другое* основаніе, нежели *Книга Бытія* и благословеніе Божіе; но тогда онъ потеряетъ религіозную санкцію. Второй вопросъ, *есть-ли* у животннхъ бракъ, т. е. чувствуютъ-ли они *связанность*, парами или иначе, *вѣрность* и *ревность*? Исторія съ лебедями, рассказанная г. Энгельгардтомъ (см. т. I, стр. 85 в слѣд.), устраняетъ вопросъ о *связанности*. Примѣръ ревности и горя и страха

внѣ закона“, но и какое-то непреодолимое сознание, что безъ какого-то высшаго (Божественнаго, такъ какъ всякая власть [родители, община] отъ Бога—опять-таки, хотя неясное, но вездѣ есть это сознание) утвержденія и благословенія не могутъ они сами собою устроить свою семейную жизнь *хорошо, счастливо* ¹⁾. И

я разъ наблюдалъ у пѣтуха, у котораго красавецъ-пѣтухъ съ сосѣдняго двора отбилъ его маленькое стадо. Нахаль водворился въ его семьѣ, и водилъ за собою безпечныхъ измѣнницъ. Это было въ саду; и вотъ я видѣлъ, по забору, издали, плетется робкій, испуганный старый пѣтухъ: но куда бы новый курицъ ни повелъ—старый слѣдуетъ за ними. Поразительно, что когда я разъ разсказалъ это едва-ли счастливому мужу, я увидѣлъ, что онъ сжался, жалко и грустно, какъ тотъ пѣтухъ, почувствовавъ родство свое съ нимъ. Вообще у животныхъ *бракъ* есть, такъ-какъ *семья* во всякомъ случаѣ есть; животныя вовсе живутъ не такъ что вотъ бѣжигъ-бѣжигъ по лѣсу, увидѣлъ самку—и совокупился. Такой человѣкообразной проституціи у животныхъ нѣтъ. Наблюдателей смущаетъ, что у нихъ нѣтъ *едино*-женства: но у голубей и у лебедей оно есть, а у рогатаго скота есть *поли*-гамія. Повидимому, человѣку, какъ микрокосму, даны въ отраженіи *всѣ* виды животной семьи: отъ лебединой моногаміи, съ безавѣтной ихъ вѣрностью, до *поли*-гаміи копытныхъ (евреи, китайцы, турки). Теперь, чтобы покончить эту необыкновенно важную сторону вопроса, я замѣчу, что при чтеніи Мишвы я остановился пораженный нѣкоторыми подробностями библейскаго храма-устройства: „Четыре печати было въ Храмѣ и на нихъ написано: Телецъ (*зельг*), Овнъ (*захаръ*), Козленокъ (*геди*) и *хоте* (слово неизвѣстнаго смысла). Печати эти употреблялись при разныхъ видахъ жертвоприношенія“. Едва-ли нужно говорить, что *печать* какъ и *перстень* или *медальонъ* включаетъ въ себя что-то *дорогое* и *важное*, въ храмѣ—священное, существенное, высокое, а не побочное. Такъ говорится въ трактатѣ *Шекалмиз*, гл. V, и тамъ-же говорится, что изъ должностныхъ лицъ при Храмѣ одно завѣдывало „*гнѣздами* жертвенныхъ животныхъ“. Это и въ голову не приходитъ намъ, а между тѣмъ это-то и важно, что „*теляцы*“, „*козлы*“, „*овны*“ и „*голуби*“ не *были*, а *жили* при (въ?) Храмѣ, и не какъ продажныя и убойныя „*скоты*“, а *парами* и съ дѣтьми. Отсюда понятны и указанія Библии: „возьми годовалаго агнца“, т. е. когда послѣ рожденія завѣдующій „*гнѣздами*“ отсчитаетъ ровно годъ, или: „*теляца* мужского пола и женскаго пола“. Но самое поразительное, что я встрѣтилъ, это—что животнымъ было доступно *назорейство*: см. трактатъ *Назиръ* гл. II: „нѣкто сказалъ себѣ: „эта *корова* говоритъ себѣ, что она будетъ назирой (= назорейкою), если встанетъ“. Наконецъ, что-то похожее на *разводъ* у животныхъ мелькаетъ въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ трактата *ивамотъ* (о левиратномъ бракѣ). „Его спросили: дозволяется-ли разводить собакъ; а онъ отвѣтилъ: а дозволяется-ли разводить свиней“... „Его спросили: дозволяется-ли разводить куръ, а онъ отвѣтилъ: дозволяется-ли разводить мелкій скотъ“? Сверхъ этого мы должны замѣтить, что въ соблюденіе *субботняго покоя* введены и животныя: „не долженъ работать ни ты, ни сывъ, ни рабъ твой, ни *волъ твой*“. Въ книгѣ пророка Юны, въ концѣ, разсказывается, что царь Ниневіи, испуганный угрозой разрушенія города, велѣлъ народу молиться и *наложилъ постъ на жителей и скотъ*, велѣлъ одѣть и послѣдній въ траурное. Все это надо принять во вниманіе при разрѣшеніи труднаго вопроса, заданнаго о. Дерновымъ. Онъ долженъ вспомнить и видѣніе Іезекіиля съ мистическими животными около Престола Господня. В. Р.—вз.

¹⁾ Ну, ужъ о *чужомъ* счастьи оставьте *ваши* заботы. Въ исторіи всегда

только послѣ такого заявленія или утвержденія (въ такой или иной формѣ) полосочетающіеся *получаютъ внутреннее убѣжденіе*, что и всякая власть (въ лицѣ ли родителей, общины и т. п.) будетъ ограждать своимъ вліяніемъ законныя отношенія ихъ, ихъ интересы, а также признаетъ и будетъ ограждать и происшедшихъ отъ нихъ дѣтей. И только у животныхъ не замѣчается этого предварительнаго (предъ полосочетаніемъ) заявленія ¹⁾ предъ своимъ „стадомъ?“

Не хочетъ ли г. Розановъ свести существа человѣческаго рода на степень животныхъ?

Но, очевидно, онъ и самъ находитъ нужнымъ это *оказательство прежде полосочетанія*.

V. Здѣсь прежде всего замѣтимъ относительно приводимой въ письмѣ прот. А. У. ссылки на то, что, по автору, согласно будто бы съ г. Розановымъ, есть въ понятіи „незаконнорожденности“ религиозно-философскій споръ и тяжба. И далѣе очень страннымъ и несообразнымъ съ существомъ дѣла и исторіей представляется со стороны священника сравненіе вопроса о „незаконнорожденности“ съ великимъ споромъ апостольскаго вѣка объ „обрѣзаніи“. Эти два предмета никакъ не сравнимы между собою. Да и благоговѣющій предъ Церковью апостольскаго вѣка служитель Церкви никакъ не дерзнетъ дѣлать такихъ сопоставленій ²⁾.

Что касается, собственно, такъ называемой г. Розановымъ,

такъ выходило, что „забота“ ваша непременно „преобращалась“ во власть и власть суровую, несходительную, беспощадную. Въ бракъ особенно это и случилось; сперва вась позвали; вы вошли; долго (см. исторію каноническаго права) сидѣли какъ гости; а сейчасъ дѣтя, рожденное безъ гостей, разбивается о камень. И хоть „гость“ это знаетъ и видитъ, но не скажетъ: „да ничего, что меня не было, Господь съ нимъ“, „съ ними“. Тяжею все это. В. Р.—*сг.*

¹⁾ Ну, такъ и примите „заявленіе“, никто его не откажется дать: это оживчая мысль, чтобы священнику прихода заявляли хоть положимъ прищлые чернорабочіе, что они „вступили въ муже-женино“ отношенія, а священникъ бы заносилъ въ метрику бракосочетавшихся. Мысль эта о. Дернава заслуживаетъ разработки. За *обформленіе* всякаго союза я а стою. В. Р.—*сг.*

²⁾ Да *почему?!* Тогда не обрѣзанные унижались,—но были Апостоломъ возстаюлены въ чести. Въ самомъ дѣлѣ, въ словахъ Апостола: „въ Господѣ Исусѣ Христѣ нѣсть ни обрѣзанный, ни необрѣзанный, ни рабъ, ни свободный, ни мужскій полъ, ни женскій, ни эллинъ, ни иудей“,—уже упразднено понятіе и чувство и терминъ „незаконнорожденный“; и только отъ того, что такого чудовищнаго понятія и не было въ Апостольскій вѣкъ, ап. Павелъ не прибавилъ: „ни законнорожденный, ни незаконнорожденный“. Да и не дико-ли было бы представить, что при словахъ Спасителя: „не мѣшайте дѣтямъ приходить ко мнѣ“, если бы кто сказалъ: „Господи, неужели и незаконнорожденнымъ?“ то Онъ отвѣтилъ бы: „нѣтъ, незаконнорожденныхъ не подпускайте“. Этимъ рѣшается споръ о „выблудахъ“ уложенія Алексія Михайловича, а съ тѣмъ вмѣстѣ упраздняется и этотъ трактатъ А. Дернава. В. Р.—*сг.*

религиозно-философской тѣжбы, то его слова: „Не пытаюсь никого убѣдить, я сохраняю про себя и для себя убѣжденіе, что „тайнства брака“, „брака, какъ религіознаго тайнства“, въ Европѣ не существуетъ. Если есть и пока есть хоть одинъ ребенокъ, именуемый „незаконнорожденнымъ“, — невозможно доказать живость и присутствіе у насъ этого тайнства по слѣдующей причинѣ:

„Есть вла, совѣ и множество еще другихъ физиологическихъ дѣйствій или состояній. Конечно, вся жизнь наша таинственна, — но въ разной мѣрѣ. Однако, Церковь не возвела ни одно состояніе или дѣйствіе, духовное или физиологическое, напримѣръ науку или вкушеніе пищи, — въ „тайнство“ и только возвела въ него бракъ — очевидно — по исключительной тайнственности и важности момента размноженія. Но этотъ моментъ, или, точнѣе, кругъ моментовъ при наличности всякаго рожденія — тотъ же; слѣдовательно, какъ въ гражданскомъ бракѣ могутъ быть дѣти „законныя“ и „въ-законныя“, такъ въ кругѣ ученія о тайнствѣ всѣ дѣти суть равно „законныя“ („въ тайнствѣ текуція“).
и далѣе его вопросъ:

„Можно ли говорить о появленіи челоуѣка на свѣтъ, о ниспаденіи на землю его безсмертной души въ порядкѣ „Гражданскаго уложенія?“, т. е. называть рожденіе „незаконнымъ“, такъ какъ это вопросъ религіозный...“ —

Имѣютъ себѣ отвѣтъ ¹⁾ въ словахъ св. Писанія: „Я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхѣхъ родила меня мать моя“ (Пс. 50, 7).

Религія, Церковь, на отнованіи этихъ ясныхъ словъ священнаго Писанія признаетъ рожденіе грѣховно-болѣзненнымъ, недобротнымъ ²⁾: „сквернаѣи вси есмы ³⁾ предъ Тобою“, говорится въ

¹⁾ Ну, вотъ, это ясно и уже „не подаетъ на два колѣна“: „и любимъ и не любилъ“. Твердо поставлено: „не любимъ“, „не хотимъ рожденія“, „вообще никакого и ни отъ кого“. Только напрасна ссылка на Псаломъ: это лишь *примѣнительно* къ случаю и минутъ съ Уріей и Вирсавіей вырвалось у Давида какъ *впечатлительные* возврѣнія на грѣхъ свой. Воображать, что тутъ *универсальный* законъ сказавъ, значило бы думать, что Давидъ ве читалъ никогда *Книги Бытія* съ „ростителя, множителся“. Впрочемъ, гениальный въ подробностяхъ разборъ этого мѣста Псалма сдѣланъ А. П. Устыинскимъ и помѣщенъ мною въ книгѣ: „Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго“, куда и отсылаемъ А. А. Дернова и читателей.
В. Р—въ.

²⁾ Ну, вотъ это опять ясно: брака конечно тогда *нѣтъ*, — иначе какъ если онъ а) *безъ дѣтей*, б) *безъ супружества*. Тогда онъ признается, „такъ какъ мы его учредили и тутъ наша власть“. „Хоть и на нечистомъ мѣстѣ стоитъ мой амбаръ, однако какъ онъ мой — то и мѣсто чисто: однако пока онъ мой и *насколько* мой“. Всѣ *подробности* ученія о бракѣ и отношенія къ нему, бракъ „хромыхъ“, „слѣпыхъ“, „неспособныхъ, старыхъ, коммерческій и врозь на разныхъ квартирахъ“, — все это „при соблюденіи формальностей“, т. е. „если амбаръ мой“, добротнo. А счастливый бракъ, и юныхъ, и плодородныхъ, но „безъ моего участія“ — *херемъ*, и дѣти отъ него — *херемъ*. В. Р—въ.

³⁾ Ну, вотъ; а не то что-бы тамъ „бракъ честенъ и ложе не скверно“. Всѣ эти оговорки уже не могутъ срубить главнаго: „суть скопцы“, каковое изрѣченіе въ сущности *покончило* съ бракомъ. *Всѣ* — „незаконнорожденные, весь *родъ* челоуѣческій“, и только чтобы не очень страшно было, нѣкоторые не „зарегистровываются“ въ „незаконнорожденные“. В. Р—въ.

молитвѣ церковной „въ первый день, по внегда родити женѣ отроча“¹⁾. Церковь учитъ, что, происходя отъ Адама, согрѣшившаго и осужденнаго, человѣкъ зачинается и рождается²⁾ въ состояніи грѣха и осужденія; отчего самое рожденіе, коимъ распространяется (Ис. 50, 7; Римл. 5, 12 и 18) прародительскій грѣхъ и осужденіе, сопровождается³⁾ болѣзнями (Іоан. 16, 21; Бит. 3, 16) и отлученіемъ отъ Церкви [Лев. 4) 12 гл.]. Итакъ, Церковь признаетъ человѣка, явившагося въ міръ, нечистымъ, несвятымъ, т. е. дѣлаетъ то же, что и „гражданское уложеніе“, которое на-

¹⁾ Разъ навсегда слѣдуетъ замѣтить, что и въ Библии была *установлена* очистительная жертва отъ роженницы, — *черезъ шесть недѣль послѣ рожденія* дитяти: но она очищала грѣхъ, или, по Библейской терминологіи, „нечистоту“ кровостечения, и *къ младенцу и къ его рождению не относилась*. Въ Библии всѣ истеченія изъ тѣла, гноя, сѣмени, крови — оскверняли человѣка: гноя — потому что онъ уже *трупенъ*, сѣмени — потому что быстро умираетъ и *становится трупомъ*, крови потому что *свертывается и тогда мертва*. А *мертвое* есть „отецъ отцовъ нечистоты“ (первоисточникъ нечистаго или, въ переводѣ на греческія и римскія понятія — „грѣха“). Отъ этого во время жертвоприношенія, когда кровь жертвеннаго животнаго собирали въ чаши, то ее *быстро вслѣскивали лопатками въ воздухъ* дабы она *окислялась и жила*, была *живою*: тогда она *святая и угодна* Богу, („кровь есть душа животнаго“, говоритъ Моисей въ „Исходѣ“). Также сѣмя называется часто въ Библии „оватымъ“, напр. въ концѣ пророка Исай: „да льется святое сѣмя твое передо Мною“, говоритъ Господь Израилевъ; и во многихъ мѣстахъ „Второзаконія“. Но чтобы *актъ рожденія* и само *рожденное какъ таковое* было грѣхомъ: — этого конечно мы въ Библии нигдѣ не найдемъ. Это — идея скопцовъ: „мясо какъ плодъ совокупленія плотей — проклято“. Тутъ, конечно, въ „мясѣ“ — и растенія, и вся жизнь проклята. В. Р.—в.

²⁾ Такъ вѣдь онъ и служитъ, и ходитъ, и купается, и даже богословствуетъ „въ состояніи грѣха“, т. е. будучи грѣшнымъ, неполнымъ и павшимъ существомъ. Но кто вамъ разрѣшилъ специально къ *рожденію* приурочивать грѣхъ? Это — грѣхъ. И какъ можно было *осудить* рожденіе „съ вѣтра“, не создавъ для спеціальнаго объ этомъ разсужденія первыхъ богослововъ и мыслителей цѣлаго міра? И даже неизвѣстно, кто и когда и гдѣ первымъ началъ его высказывать. Что „церковь“ объ этомъ вовсе не учитъ, а это есть только мнѣніе неумныхъ батюшекъ — это едва ли надо разъяснять. В. Р.—в.

³⁾ „Ты (Змія) будешь кусать ее („жену“) въ пятку, а она поражать тебя въ голову“. Змія есть вождь смерти — и бросаетъ *болѣзнь* въ „жену“, какъ бы ядъ выплевываетъ на нее („и пустилъ воду вслѣдъ ея“, въ *Откровеніи*) всякій разъ, когда рожденіемъ она „поразила его въ главу“. Это — его безсильная месть, и усиліе *помышлять* рожденію, заставить его бояться, даже — избѣгать (теперешнія женщины, бесплодныя, которыя „сидятъ на змѣй и изъ чаши блудодѣвія своего опояютъ весь міръ“). Но вообще говоря *болѣзнь при родахъ* есть *противоположное родамъ*: жизнь выходитъ изъ женщины, а тѣма кидается на нее, пытается „заградить уста“, убить ребенка или ее. Но почти всегда „поражается въ главу“, ибо немногія умираютъ и рождаютъ мертворожденных. В. Р.—в.

⁴⁾ Ужъ не ссылались-бы лучше на „Левитъ“: вѣдь все это *отмѣнено!* А то — *возстановите степени родства* въ бракѣ, *установленные въ „Левитѣ“!* В. Р.—в.

именовываетъ челоѣка, въ извѣстномъ случаѣ, „незаконнорожденнымъ“, т. е. лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ¹⁾.

И предъ Церковію всякій новорожденный—„безправенъ“, „безблагодатенъ“, ибо кто внѣ церкви, тотъ и внѣ благодати²⁾.

Но, вотъ, тутъ-то г. Розановъ и ошибочно смотритъ на дальнѣйшее отношеніе Церкви къ этимъ „безблагодатнымъ“. „Если, говорить онъ, въ своей природѣ дѣти и рожденіе столь не благодатны, то и благословить, очевидно, вовсе и нисколько нельзя“.

Г. Розановъ, постоянно желающій основываться на Евангеліи, и забываетъ въ данномъ случаѣ слова Евангелія: „*Не здоровые ищють нужду во врачѣ, но больные. Пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы? Ибо я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію*“³⁾. (Мар. 9, 12 и Осіи 6, 6).

Вѣрная завѣтамъ и примѣру своего Основателя, Православная Церковь, по грѣховно-болѣзненномъ рожденіи младенца христіанскихъ родителей, признавая въ то же время рожденіе и радостнымъ событіемъ (Іоан. XVI, 21), поспѣшаетъ на помощь родившей и слабую ея младенцу съ своими матерними и утѣшительными молитвами. И тѣ родители, кои вѣрятъ благодати и молитвѣ Православной Церкви, присоединяются всѣмъ сердцемъ къ этой молитвѣ. „Безъ вѣры не полезна молитва“ (Филаретъ, м. Моск.). И молитва учреждена въ Церкви не какъ благовидный обрядъ, но какъ духовная помощь⁴⁾ и орудіе къ привлеченію благодати⁵⁾ Бсзіей, милующей и спасающей. Своими молитвами у постели

¹⁾ Ну, вотъ, это все ясно. Источники „незаконнорожденности“ на лицо. В. Р.—*сз.*

²⁾ Нуженъ бы тутъ тончайшій анализъ. Ну, а „полевая лилія“, а „птицы небесныя“, на кои съ любовью взиравъ Спаситель? Если „подъ Богомъ“ — то и подъ благодатью, ибо Богъ не безблагодатенъ. Но міръ весь подъ Богомъ, и стало быть во всемъ въ немъ дышетъ благодать. У А. Дернова есть тенденція опредѣлить послѣднюю, какъ почти равнѣ служебный, передаваемый отъ начальника служащимъ; что-то государственное, служивое, слишкомъ антропоморфическое, онъ привноситъ сюда. В. Р.—*сз.*

³⁾ Авторъ совсѣмъ не понимаетъ, о чемъ я сказалъ: что если сожитіе — скверна, то „благословить“ челоѣка на эту скверну нельзя, и тогда какъ-же произошло вѣнчаніе? Вотъ моя мысль. В. Р.—*сз.*

⁴⁾ Да я не вижу, гдѣ тутъ *помощь*? Очищается „отъ грѣха и скверны“ роженца. Есть и особый чинъ и молитва въ „Требникѣ“ для очищенія колодца, въ который попала и тамъ утонула кошка, щенокъ или мышь. Нельзя-же сказать, что и тутъ оказывается „помощь“. В. Р.—*сз.*

⁵⁾ Не есть-ли и чтеніе очистительной молитвы надъ роженцемъ „совершеніе таинства“, такъ какъ тутъ „привлекается благодать?“ Вѣдь вѣнчаніе по какимъ признакамъ и по какому его существу есть и наименовывается иными „таинствомъ?“ Единственно потому, что „привлекается благодать“ на сочетающихся, по участию здѣсь благодати. Но тогда одно изъ двухъ: 1) или и молитва надъ роженцемъ—„таинство-же“, или 2) вѣнчаніе—не таинство. Дѣло въ томъ, что у духовенства, когда оно не отвѣ-

родившей и у колыбели новорожденнаго Церковь умилоствуетъ ¹⁾ Вседержителя, испѣляющаго всякій недугъ, давшаго заповѣдь: „раститеся и множитесь“; просить Самаго благоволившаго родиться отъ Прѣчистыя Дѣвы и бывшаго младенцемъ, помиловать ²⁾ родившую, простить ей прегрѣшенія ³⁾, даровать здравіе и благоволеніе душѣ и тѣлу, очистить отъ скверны ея и весь домъ, въ коемъ родилось отроча ⁴⁾, всѣхъ прикоснувшихся ей и всѣхъ обрѣтающихся въ немъ. Это—съ древнихъ временъ, съ первыхъ вѣковъ христіанства.

А такъ какъ жизнь человѣка есть, по взгляду Церкви, высочайшій даръ ⁵⁾ Божій, имѣющій вѣчно продолжаться, и самое рожденіе есть событіе всегда радостное ⁶⁾, потому что оно есть знаменіе творческой силы ⁷⁾, распространеніе и торжество жизни и славы ⁸⁾ Божіей; то православная Церковь руководствуетъ вѣрующихъ ежегодно воспоминать день своего рожденія съ Благода-

часть курсъ наукъ на экзаменѣ, есть „употребительныя рѣченія“, манеры слово-выраженія, *façons de parler*. Въ нихъ вѣчно мелькаютъ слова: „сила Божія“, „благодать“, „Духъ Святой“, и кажется мелькаютъ вопреки: „не прими имени Господа твоего всуе“. Мелькаютъ эти слова *не въ собственномъ смыслѣ, а распространительно*. О хорошей погодѣ—„какая благодать“, тоже и объ урожаѣ. Но затѣмъ по возникновеніи спора или нужды эти *façons de parler* захлестываются въ узелъ, получаютъ упоръ какъ опредѣленная и старая мысль, какъ *ученіе*. И напр. вѣнчаніе, сложившееся параллельно типамъ разнаго благословенія, сейчасъ уже отождествилось съ „таинствомъ брака“, хотя въ немъ нѣтъ „двухъ въ плоть едину“ и вообще ничего фیزیологически-брачнаго. Отъ того внѣ вѣнчанія дѣти — „выблудки“ („Уложеніе“), *внѣ-брачныя*. Хотя они-то конечно и суть *подлежащее* брака. В. Р—въ.

¹⁾ Да за что? Богу *гнѣваться* на родившую? Что *исполнила* Его заповѣдь? Нѣтъ, Онъ гнѣвается на А. Дернова, несущаго околесицу и приписывающаго Богу гнѣвъ, когда онъ наполняетъ грудь роженицы восторгомъ (чувство *всѣхъ* роженицъ, о которомъ и Спаситель говоритъ). Но „*façons de parler*“ стучать словами о „гнѣвѣ“ и „милости“ какъ бы это были костяшки на счетахъ. Слишкомъ безцеремонно; вспомните-ка неосторожнаго, коснувшагося Ковчега Завета, когда его перевозили. В. Р—въ.

²⁾ Да за что?!. Околесица. В. Р—въ.

³⁾ Какія? что исполнила-то заповѣдь: „плодитесь, множитесь“. В. Р—въ.

⁴⁾ Ну, вотъ, — полная аналогія колодецу, въ который пала дохлая кошка. Привожу этотъ примѣръ, какъ мнѣ лично памятный съ дѣтства: бадью у насъ вытащили мышь изъ него; мать моя покойница позвала священника и онъ совершилъ очистительную надъ колодецемъ молитву. Такъ вѣдь есть разница *между новорожденнымъ ребенкомъ и дохлой мышью*. В. Р—въ.

⁵⁾ *Даръ* и скверна? „*Façons de parler*“... Одинъ сногъ (словесный) от-молотилъ—молотить теперь другой. В. Р—въ.

⁶⁾ Что за радость въ „грѣхѣ“? В. Р—въ.

⁷⁾ А *грѣхъ*-то, а *грѣхъ* то? Все забылъ человѣкъ. В. Р—въ.

⁸⁾ Вотъ тебѣ и разъ: такъ „грѣшила“-ли она, „распространяя“ славу Божію? А вѣдь именно на идеѣ *скверны* и *грѣха* построено угнетеніе *стыдомъ* рождающихъ, и слѣд. дѣтоубійство. Вотъ ужъ тюремщикъ, ко-

реніемъ Богу Творцу и Промыслителю и духовною радостію. А благодареніе и радость всего приличіе выражать молитвою Богу и благодареніемъ ближнимъ, чтобы они, вспомятуемые нами, особенно во дни нашихъ рожденій, имѣли сильнѣйшее для себя побужденіе къ молитвамъ о безгрѣшномъ и благополучномъ продолженіи дней нашей жизни.

Согласно съ заповѣдію Господа, внушающе намъ любить другъ друга, какъ Онъ возлюбилъ насъ (Іоан. XIII, 34), и жизнь ихъ и свою беречь, какъ высочайшій даръ любви Божіей и источникъ благополучія временнаго и вѣчнаго, Церковь издревле постановила налагать эпитимію на женъ, извергшихъ зачатого младенца, и тѣмъ учинившихъ убійство волею или неволею ¹⁾. Но, не лишая женъ, извергшихъ зачатый плодъ, своего молитвеннаго представительства и утѣшенія, Церковь и къ нимъ ниспѣшаетъ на помощь и умоляетъ милосерднаго Господа помиловать ихъ, простить имъ грѣхи, исцѣлить и очистить ихъ и бывшихъ при нихъ ²⁾.

Можно ли же послѣ всего сказаннаго говорить, какъ это дѣлаетъ г. Розановъ, что совершается отлученіе дѣтей, что для „незаконнорожденныхъ“ дѣтей наиболѣе точный терминъ: „неблагословенныя дѣти“?

Напротивъ, мы-то всѣхъ рѣшительно и благословляемъ ³⁾.

Но г. Розановъ пишетъ: „Вопросъ идетъ вовсе не объ устраненіи петочнаго и едва ли вѣрнаго термина; вопросъ „незаконнорожденности“

торый заключилъ жертву въ тюрьму и самъ спитъ безпечально возлѣ ея двери: ибо всѣ эти слова какъ-бы во снѣ говорятъ. До того они несообразны съ предъидущими словами. В. Р—ва.

¹⁾ Ребенокъ для матери, видите-ли, есть только „ближній“. Да волею извергнуть младенца — это значитъ стать дѣто-убійцею, а „неволею“ — впасть въ ужасное несчастье. Для второй надо *утѣшеніе, утѣшительная молитва*. Есть особая болѣзнь, такъ называемая „привычный выкидышъ“; дѣло въ томъ, что matka женская, какъ-бы подобная живому и одушевленному существу, *приобрѣтаетъ привычки*, и разъ выкинувъ по несчастью, — напр., одна женщина поскользнулась на льду зимою, — затѣмъ выкидываетъ неупорно, и я зналъ одну несчастную, которая несмотря на всѣ медицинскія мѣры выкинула 6 разъ и умерла отъ истощенія, оплакиваемая мужемъ и матерью. Неужели на таковую несчастную накладываютъ эпитимію!!! Но вѣдь тогда и чахоточнаго слѣдовало-бы замучить поклонами за „грѣхъ простуды“? Да накладывается-ли *на себя* когданибудь эпитимія накладывающими ее на другихъ? Что касается до „изверженія волею“, то въ законномъ бракѣ это развилось на почвѣ ученія, что *не* ребенокъ — цѣль брака (нѣтъ развода по причинѣ бесплодія); а вѣ брака — отъ стыда. Въ обоихъ случаяхъ виновенъ не индивидуумъ, а теченіе историческое, свѣтъ эпохи. губительный и ложный. В. Р—ва.

²⁾ Т. е. все тоже, что при *законномъ рожденіи*? Значитъ „законно родить“ (въ формальномъ полномъ бракѣ) не лучше, чѣмъ „волею выкинуть“, т. е. вытравить плодъ? Тяжелыя „уравненія“... кто-то *разрѣшитъ* ихъ? В. Р—ва.

³⁾ Т. е. *очищаете*. Это — разница. В. Р—ва.

есть вопросъ о правѣ закона и религіи лишать дѣтей ихъ родителей, а у родителей отнимать ихъ дѣтей“. Фразы въ высшей степени темныя и дышащія злобою.

Но уже выше сказано, что даруя, съ своей стороны, всѣ блага духовныя всякому новорожденному, мы нисколько неповинны въ терминѣ „незаконнорожденности“, хотя и вносимъ его въ свои списки. Здѣсь Церковь исполняетъ требованія ¹⁾ государства.

Вѣдь государство, какъ государство, не подчинено Церкви, и потому государственная власть можетъ, по своему усмотрѣнію, составить законъ и подчинить ему всѣхъ подданныхъ, не исключая церковной іерархіи.

Государственная власть, сообразно съ цѣлями государственнаго

¹⁾ Ну, не законныя, анти каноническія, анти-религіозныя требованія государства церкви всегда отказывалась исполнять, или—какъ о монастырскихъ имуществвахъ—исполнила съ крайне сжатымъ сердцемъ. И писать „незаконнорожденными“ дѣтей духовенство согласилось только потому, что оно конечно не только раздѣляетъ этотъ взглядъ государства, но и внушило ему, еще начиная съ „Уложенія“. „Семья безъ обряда есть блудъ“, „дѣти — *приблудныя*“: вотъ ученіе морально-религіозное, проводимое и во всей этой брошюрѣ, каковое государство только пассивно приняло, покорно и даже робко приняло. Наконецъ, бывали случаи въ исторіи,—какъ съ *Бецкимъ*, сыномъ *Трубецкаго*,—что даже государи при всемъ благожеланіи не осмѣливались передать фамилію и все законное родство рожденному внѣ-канонично и безъ-обрядно. Наконецъ, какъ было съ французскими королями,—государи *сами* не имѣли силы усыновить своихъ весьма любимыхъ и отъ любимыхъ женщинъ дѣтей. Такъ кажется произошла фамилія Конде. Явно, что тутъ дѣйствуетъ не только взглядъ церковный, но еще какой-то *страшный даже для государей*, первоначальный принципъ, что-то въ родѣ: „да не будутъ тебѣ божиини развѣ Мене“ Ветхаго Завѣта. Вдумываясь, мы и дѣйствительно находимъ, что „Азъ есмь Богъ твой“,—т. е. коренное, первое,—въ нашей эрѣ есть *воздержаніе, самоограниченіе, скудость* на сладкое, скопчество. Но сладость любви и зачатія—сильнѣйшая всего. Это какъ лезвіе противъ лезвія стоитъ противъ скопчества: и — „первородный грѣхъ“, глубочайшій, основной. Плодъ „грѣха“ этого, „сладости“, ребенокъ не по себѣ самъ, но по происхожденію изъ сладостнаго—враждебенъ, неприязненъ, угрожающъ, подозрителенъ всей эрѣ. Но какъ-же *быть и не рождать?* „Какъ можно меньше“! Явилась идея „духовнаго брака“, или большого, стараго, искалеченнаго,—даже коммерческаго—и то лучше, нежели *очень сладкаго и очень плодотвитаго*. Но „плодъ любви“, вспыхнувшей какъ зорька въ пустынѣ, въ безмолвіи, при случайной встрѣчѣ, юноши-ли съ дѣвою или уже женатаго человѣка (случай *Трубецкаго*) есть именно „ини божи“, ставшіе на мѣсто „Азъ есмь единый, вѣчный Богъ“. И какъ Рахиль похисченныя у Лавана, отца своего, маленькихъ „божковъ“ спрятала подъ себя, сокрыла: даже цари скрываютъ ихъ „иныхъ боговъ“. Кстати, параллель безсильныхъ вѣнценосцевъ совершенно объясняетъ всю тягость стыда дѣвушекъ, какъ Маслова, какъ Гретхенъ—и до послѣдней степени объясняетъ дѣтубійство. Но *корень* всего этого и лежитъ въ *лукавомъ* „благопожеланіи“ рожденію *какъ-бы* съ любовью, а въ дѣйствительности съ страшною, первородною ненавистью. Съ тѣмъ вмѣстѣ это *ненависть къ первому и изначальному глаголу Бога*. Вотъ тутъ и разбирайся, кто можетъ. Все темно. В. Р.—въ.

управленія, можетъ распространять или ограничивать нѣкоторыя *гражданскія права званій и лицъ*, принадлежащихъ Церкви. Какъ послѣдняя независима въ своей сферѣ и совершенно самостоятельна въ раздаяніи благодатныхъ, усвоенныхъ ей даровъ, такъ и государство самостоятельно и независимо въ своей сферѣ. Но та и другая находятся въ союзѣ и имѣютъ взаимныя обязанности по отношенію другъ къ другу. Этотъ союзъ не необходимъ для существованія Церкви, хотя и полезенъ для той и другой стороны. Но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина.

Союзъ Церкви и государства вполнѣ естественный: христіанскій государь со своимъ величествомъ повергся предъ святыней алтаря Христова.

У государя, сдѣлавшагося „слугою“ Христа, и у Церкви естественно возникли общіе интересы, именно: „вѣра, благочестіе, созидаіе блага христіанъ и челоуѣковъ. Церковь проповѣдуетъ благочестіе¹⁾; благочестивый государь мудрымъ и благодѣтельнымъ управленіемъ охраняетъ благочестіе и миръ Церкви“.

Какъ слѣдствіе союза съ Церковію, у христіанскаго государства появились слѣдующія обязанности: Православное государство должно чтить православную Церковь, уважать ея права, опредѣленные церковными правилами.

Православное правительство не можетъ объявить „недѣйствительными“ апостольскія и соборныя правила, не можетъ также издать закона „противоборствующаго Церкви и ея правиламъ“, ибо въ этомъ случаѣ нарушилась бы гармонія Церкви и государства. Эта гармонія налагаетъ на государство, кромѣ того, долгъ охраны и защиты Церкви, покровительства ей въ сравненіи съ другими вѣроисповѣданіями и, наконецъ, попечительства о внѣшнемъ благѣ ея.

Въ силу той же гармоніи и православная Церковь должна помогать, содѣйствовать православному государству въ достиженіи его цѣлей.

¹⁾ Вотъ „благочестіе“ въ отношеніи къ рожденію, заключающееся въ дѣвствѣ, т. е. *воздержаніи* отъ рожденія—и есть *корень* всего. Оно дохнуло и въ гражданскіе законы. Между тѣмъ государство-ли, „Русь“-ли „Матушка“ за безбрачіе? Ну, это такой волъ (я говорю о Руси), которому конечно „лучше жениться“. Незамѣтно для законодателей этотъ 1.000-лѣтній туръ, съ рожищами до небесъ, съ копытами въ верту и туловищемъ отъ океана до океана, ведется однако въ поводу „тощею коровою Фараона“, пожравшаго „семь тучныхъ коровъ“; и руками законодателей, черезъ ученіе о незаконнорожденности, сократило и истощило бурю Богоблагословеннаго рожденія. Тутъ вовсе не „благоустройство“ дѣйствуетъ,—на которое выше ссыдался А. Дерновъ: какое „благоустройство“ въ домахъ терпимости, которые всѣми сторонами принципиально допущены; но — вражда именно къ сладости, къ счастью, къ беззавѣтной любви.
В. Р—ва.

Основное начало, которымъ руководствуется Церковь въ отношеніи государства, содержится въ Евангельской заповѣди: „*воздадите Кесареву Кесареви и Божію Богу*“. Эту заповѣдь Восточная Православная Церковь никогда не раздѣляла на двѣ противоположныя части и всегда старалась и старается одну другою поддерживать, а не ослаблять. Іерархія Православной Церкви не обязана повиноваться государственной власти только тогда, когда ее принуждаютъ признать то, что противно Закону Божію и ея совѣсти ¹⁾. Въ этомъ случаѣ православная іерархія должна лучше пострадать, нежели подчиниться такому принужденію, по слову апостольскому: „*повиноваться больше Богу, нежели людямъ*“ (Дѣян. 5 гл., 29 ст.).

Россія, замѣтимъ здѣсь, есть единственное государство въ Европѣ, въ которомъ и правительство и народъ вполне признають, что „нѣсть власть, аще не отъ Бога“. И Государь всю законность свою получаетъ отъ церковнаго помазанія, изъ чего вытекаетъ,

¹⁾ Вотъ какъ „противныя Закону Божію и совѣсти“, ученіе и законы о незаконнорожденности и слѣдовало-бы не только отвергнуть,—уже вѣка назадъ, съ самаго начала,—но и распространить съ каеэдры въ обществахъ, что въ рожденіи беззаконія и скверны нѣтъ: ибо „по образу, по подобію Божію“ созданъ человекъ, и чѣмъ больше на землѣ „подобныхъ“ Образу Божію, т. е. рожденныхъ, тѣмъ земля (вся, какъ планета) святѣе, цвѣтущѣе, лучше, чище; что черезъ рожденіе „очищается и побѣждается первородный грѣхъ“. У нѣмцевъ есть „конфирмація“, трогательный по красотѣ обрядъ совершеннолѣтія двѣушекъ. Вотъ такъ-же слѣдовало-бы „конфирмовать“, съ роздачею священныхъ колець по числу мужей Самарянки, — отроковы и отроковицъ въ странѣ: дабы каждый и каждая были вмѣстѣ и *собственниками*, какъ выражается Дерновъ, „творческой силы, распространенія и торжества жизни и славы Божіей“, — и вмѣстѣ собственниками не беззаконными, ворующими счастье у старыхъ и скупыхъ стражей, а — законными, счастливыми, священными, благословенными. Изъ шести колець, пяти золотыхъ и одного серебрянаго (бесѣда съ Самарянкою объ ея бракахъ). у ⁹⁹/₁₀₀ пять осталось-бы никому не врученными: и ушли-бы въ могилу съ счастливою матерью и счастливыми отцомъ; у ¹/₁₀₀ выразились-бы тѣ комбинаціи, какія человекъ присущи какъ микрокосму, въ которомъ отраженъ міръ и его сочетанія. Но вообще говоря, всѣ муки и колліаи теперешнія — исчезли-бы. И какъ-бы всѣ, каждая пара, побѣжала благословляться къ доброму священнику, — какъ Ромео и Юлія къ своему доброму патеру, благословившему ихъ въ тиши, въ безмолвіи, въ уединеніи. Право-же, бракъ долженъ быть уединеннымъ; все *площадное* должно быть убрано изъ него, ибо площадь есть *грязь*. Какъ скверны эти теперешнія *оглядыванія* жениха и невесты; публика бѣжитъ на *зрѣлище*; считаютъ годы обимъ, и соображаютъ „взялъ“ или „не взялъ“ (приданое), судя по красотѣ и лѣтамъ невесты. Прочъ все это, прочъ весь цинизмъ; бракъ долженъ *затвориться*. по слову нашего Спасителя: „ты-же, когда хочешь молиться, войди въ горницу и *затвори за собою дверь*“. Родители и священникъ и ихъ любящія другъ друга дѣти, — и кольца съ мѣною — и все уютно, дома, какъ прекрасныя наши „всенощныя на дому“, передъ днемъ Ангела, столь особо удивительныя своимъ уединеніемъ — вотъ что „буди! буди!“ въ бракъ.
В. Р.—вз.

что положеніе Церкви и отношеніе ея къ самодержавной власти не сходно съ положеніемъ церквей въ государствахъ католическихъ и протестантскихъ.

Будучи самостоятельнымъ и не смѣшиваясь съ гражданскимъ, духовное вѣдомство находится въ тѣсномъ соотношеніи съ послѣднимъ. Очень многія дѣла смѣшаннаго церковно-гражданскаго характера касаются того и другого вѣдомства, а потому должны вѣдаться и рѣшаться вмѣстѣ церковною и гражданскою властью.

Таковы акты, заносимые въ метрическія церковныя книги, о рожденіи и бракосочетаніи.

Поэтому, напрасны восклицанія Г. Розанова: „О, пусть бы государство учило о „незаконнорожденности“. Оно не понимаетъ; для него, дѣйствительно, все только есть „наука“; оно, наконецъ, свѣтско, его преданія—въ Римѣ“.

Государство наше, самостоятельно опредѣляя терминъ „незаконнорожденности“, и узаконяя его для церковныхъ записей, выходитъ, вѣроятно же всего, изъ духовныхъ началъ¹⁾. Благоговѣя предъ св. Церковью, оно вѣритъ въ освящающія молитвы св. Церкви, оно вѣритъ въ святость брака, какъ таинства, и поэтому оно въ правѣ называть дѣтей отъ безформеннаго, неблагословеннаго Церковію сожитія: „незаконнорожденными“, — оно въ правѣ и лишать ихъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Государство въ правѣ „удлинить мысль“ Церкви.

Но странными и фактически невѣрными являются слѣдующія слова Розанова:

„Но для чего государство отдѣляетъ такого ребенка отъ матери. ввергая его въ круглое сиротство? Въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ священника А. У. было правильно указано, что такой ребенокъ долженъ получать фамилію матери и отчество дѣда, и, конечно, права (или ихъ часть) имущественнаго наслѣдованія матери. Такъ какъ поводомъ къ моимъ статьямъ было дѣтубійство и дѣво-убійство, то все, на чемъ я настаиваю—это на снятіи всякаго религіознаго, государственнаго и общественнаго клейма съ такихъ случаевъ, на безмолвномъ: „Не разлучаемъ тебя съ ребенкомъ, не раздѣляя съ нимъ, и добрымъ его воспитаніемъ и заботою ты станешь на ряду со всѣми другими матерями“.

Когда и гдѣ государство отдѣляетъ ребенка отъ матери? Если

¹⁾ Вотъ въ томъ и дѣло, что государство конечно въ этомъ дѣлѣ „творить волю не свою, а посланшаго его“. Нуждаясь въ заселенности территоріи и порядкѣ, въ войнахъ и хлѣбопашцахъ, государство оторвало-ли бы хоть одного здороваго ребенка отъ здоровой матери? Да не оно-ли съ улицы подобрало дѣтей, все-же воздвигло имъ Воспитательные Дома, съ лекарями, мамками и училищами? Не оно-ли всячески препятствуетъ расторженіямъ уже законченныхъ такъ называемыхъ „неправильныхъ браковъ“. Но не въ силахъ идти противъ первой заповѣди скопчества: „не плодитесь, не размножайтесь“, которая извѣлисто и смутно отождествилась, постаралась войти въ тожество съ VII заповѣдью: „не прелюбодѣйствуйте“. Размноженіе отождествилось съ прелюбодѣйствомъ; и государство, не смѣя покровительствовать второму, не смѣетъ покровительствовать и первому. В. Р—ва.

только сама мать не противится, то всегда ребенка (незаконно-рожденный) и получает ея фамилію ¹⁾:

Не „миражъ“ ли это г. Розанова?

Государство ограничиваетъ рожденныхъ всѣмъ законнаго брака дѣтей въ правахъ?... Это—его дѣло ²⁾). Но при этомъ оно, несомнѣнно, имѣетъ въ виду ³⁾ и богословскія соображенія, вопреки которымъ г. Розановъ говоритъ: „что смерть свята и рожденіе свято“ и прибавляетъ также вопреки своимъ, ранѣе сказаннымъ словамъ, что вопросъ „незаконнаго рожденія нисколько не есть вопросъ гражданскаго законодательства, а религиозный и философскій вопросъ и частью судебно-религіозная тяжба“.

VII. Вотъ къ этой судебно-религіозной тяжбѣ, какъ это хочется г. Розанову, и перейдемъ, сдѣлавши при этомъ, по необходимости, экскурсію и въ ту „двойственность разныхъ отълоговъ богословія“, какъ говоритъ г. Розановъ, „на которой покоится, будто бы, ученіе о незаконнорожденности и весь огромный итогъ уже погубленныхъ дѣтей“.

Законна ли смерть?—По мнѣнію г. Розанова „смерть не только законна, но она—свята. Поэтому и рожденіе—свято. Поэтому нѣтъ незаконнорожденныхъ, нѣтъ и незаконноумершихъ. Поэтому надобно вычеркнуть и „незаконное рожденіе“. Иначе нарушается основаніе, всюду разлитая въ природѣ гармонія между жизнью и смертью. Уравновѣшеніемъ законности рожденія и законности смерти свидѣтельствуется фальшивость принципа незаконности рожденія“.

Спросимъ же г. Розанова: „есть ли незаконноумершіе“? — И отвѣтитъ онъ, несомнѣнно, что—есть.

Самоубійцы, не берегущіе свое здоровье, разстраивающіе его разными излишествами и страстями, вообще умершіе отъ насилія такъ называемою неестественною смертью: развѣ они всѣ умираютъ законно? И развѣ самая смерть вообще законна? Въ книгѣ премудрости Соломона въ I гл. прямо говорится: „*Богъ смерти не сотворилъ, но все создалъ для бытія*“ ⁴⁾). Библия прямо свя-

¹⁾ Нѣтъ, ребенокъ получаетъ фамилію по имени крестнаго отца; и въ фамиліи его, такимъ образомъ, не сохраняется никакого слѣда ни отца, ни матери. Мнѣ известны случаи рожденія дѣвухами дѣтей отъ мужей, покинутыхъ своими женами: никакими средствами онѣ не могли даже усыновить этихъ дѣтей; и я знаю, когда сестра такой дѣвухи-матери нарочно не пошла замужъ, дабы усыновить себя сына сестры. Ибо дѣвушка у насъ можетъ усыновить чужого ребенка („милосердіе“), а своего—не можетъ („предлюбодѣяніе“). В. Р—ва.

²⁾ Умываемъ руки... В. Р—ва.

³⁾ То-то и дѣло. Значитъ, сколько ни „мой“ руки, пятнышки останутся. Но чтобы впасть въ монологи леди Макбетъ, на которые такъ не похожи сіи безжизненные страницы, надо почувствовать въ себѣ сердце Шекспира. В. Р—ва.

⁴⁾ Какъ чудесно. И вообще всѣ наши унылыя разсужденія, получая вкрапленную въ себя строку изъ Библии—какъ зарею освѣщается ея. Я измѣнялъ, перепечатывая, отождествленіе святости рожденіемъ со святостью смерти. Нѣтъ, какъ и Соломонъ, я тоже думаю, что „смерти Богъ не сотворилъ“ и слѣд. *смерть всегда грѣшна*. Человѣкъ, поскольку

зываетъ, какъ причину и слѣдствіе. смерть и грѣхъ и, слѣдовательно, считаетъ смерть случайностію, обусловливаемою грѣхомъ человѣка. И грѣхъ и смерть ¹⁾ Библия прямо называетъ *зломъ*. И первое зарожденіе или начало зла указываетъ перенесеннымъ изъ надземной сферы въ міръ земной, и здѣсь указываетъ мѣсто его зарожденія въ области нравственной человѣческой свободы, въ свободномъ уклоненіи первыхъ людей отъ указаннаго имъ Творцемъ назначенія. Въ противоположность философіи, здѣсь, по вопросу о происхожденіи зла, Библия не вдается въ какія-либо отвлеченныя разсужденія: ученіе о происхожденіи зла она даетъ въ конкретныхъ чертахъ историческаго разсказа о грѣхопаденіи нашихъ прародителей (Быт. гл. II).

Библейскій разсказъ не есть сказка или вымыселъ, но подлинная исторія, на что указываетъ помѣщеніе ея въ книгѣ исторической (кн. Бытія) и то, что на этой исторической основѣ покоятся преданія, согласныя въ мелкихъ подробностяхъ всѣхъ древнихъ народовъ о грѣхопаденіи родоначальника человѣческаго рода,—и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокоправдивое психологическое изображеніе той исторіи, которая должна повторяться въ жизни каждаго мыслящаго человѣка.

Возникнувшее сначала въ нашихъ прародителяхъ, зло должно было отсюда распространяться во всеиъ человѣческомъ родѣ со всеиъ слѣдствіями этого зла. А слѣдствія зла или грѣха есть смерть духовная — удаленіе души человѣка отъ Бога, источника жизни, проявляющееся въ уменьшеніи духовныхъ силъ и жизни. При этомъ человѣкъ является не только несчастнымъ существомъ, но и *преступнымъ* ²⁾ предъ Богомъ и недостойнымъ любви Божіей,

грѣшникъ—постольку умираетъ. Это отождествленіе я сдѣлалъ, чтобы поднять изъ ямы рожденіе. Дѣло въ томъ, что у насъ смерть—на горѣ, а рожденіе въ ямѣ; рожденіе *очищаютъ*, а умершаго—*прославляютъ* (покровъ на лицо, свѣчи, фиміамъ, чтеніе псалтиря). Я за это и удѣлился: „дайте хоть *уровнять* со смертью, *почтите* любящую какъ больного, и *родильницу*—какъ покойника“. Но когда рожденіе вынута изъ ямы, эта лѣстница отталкивается въ сторону, какъ не нужная: рожденіе, конечно, не равно смерти, а выше ея. Поскольку смерть *всегда есть грѣхъ*, рожденіе *всегда есть святость*. Посему-то двѣ блудницы и пришли съ требованіемъ суда къ Соломону; а онъ, оставивъ пиръ, счелъ нужнымъ удовлетворить ихъ; поэтому-то и двѣ дочери Лотовы вписаны въ *Книгу Бытія*, а не утаены, какъ позоръ. В. Р—вз.

¹⁾ Вотъ это-бы надобно помнить, подходя къ роженіцъ съ очистительною молитвою. В. Р—вз.

²⁾ Да, но связывайте *преступленіе* именно со *смертью* и *смертнымъ*, а не съ живымъ, не съ рожденіемъ и младенцемъ. Но сейчасъ у автора пойдетъ, что „влюбляясь—то человѣкъ и обнаруживаетъ „испорченность павшей природы“. Въ узлѣ ученія о незаконнорожденности конечно стоитъ подстановка, подтасовка, — до совершенной обратности — сути первороднаго грѣха. Именно онъ есть смерть, но въ вѣкахъ смерти-то, т. е. первородный грѣхъ, и получила санкцію святости, обожненіе („уме-

благодати Божественной. Это удаленіе Бога отъ человѣка немедленно отражается въ душѣ человѣка, въ его совѣсти, чувствомъ страха, виновности, нравственной тревоги. Отсюда — стремленіе заглушить голосъ совѣсти преданностію чувственными удовольствіямъ¹⁾ или же измышленіемъ нелѣпыхъ религіозныхъ и нравственныхъ идей. Кромѣ этого, грѣхъ образовалъ въ людяхъ наклонность ко злу больше, чѣмъ добру, такъ какъ грѣхъ внесъ разстройство въ область воли, — человѣческой нравственной свободы. За нравственнымъ извращеніемъ человѣка естественно послѣдовало помраченіе ума, способности познавательной, — способности познаванія высшихъ, религіозныхъ предметовъ, а не логической способности мышленія, не способности познанія внѣшняго міра. Третье слѣдствіе грѣха простирается дальше души человѣка, до самаго его тѣла. Оно связывается въ болѣзняхъ и смерти. Последняя не есть нѣчто отдѣльное отъ болѣзни, но конецъ того постояннаго тлѣнія, разрушенія организма, которое продолжается во всю жизнь въ человѣкѣ. Самая жизнь человѣка въ физическомъ смыслѣ и есть постепенное умираніе, т. е. убыль жизненной энергіи въ тѣлѣ, или постоянная борьба со смертью. Такъ сбывается райская угроза: „въ который день вкусите, (въ тотъ) смертію умрете“. Съ христіанской точки зрѣнія *смерть* есть наказаніе за грѣхъ, какъ явленіе ненормальное, иначе: „незаконное, несвятое“.

Въ 6-й гл. посл. къ Римл. Ап. Павелъ выражаетъ это словами: „смерть—оброкъ грѣха“ (возмездіе за грѣхъ), — та дань, которую грѣхъ беретъ съ человѣка. Ап. Іаковъ выражаетъ другой отбѣнокъ мысли: „грѣхъ, сдѣланный, рождаетъ смерть“ (Соб. посл. Іак. I, 15). Въ первомъ случаѣ выражается та мысль, что смерть есть внѣшнее наказаніе правды Божіей за грѣхъ, а во второмъ указывается естественная внутренняя связь между смертью и грѣхомъ.

Только натуралистическая философія и можетъ говорить, что смерть нормальна и слѣд. свята, а истинное библейское, христіанское ученіе никогда этого не скажетъ; оно считаетъ смерть случайностію, обусловливаемою грѣхомъ человѣка²⁾.

Истинное христіанское ученіе указываетъ и четвертое слѣдствіе грѣха—такъ называемое физическое зло, завершеніемъ котораго служитъ смерть, и всѣ разнообразныя виды котораго имѣютъ цѣлю духовное совершенствованіе людей. Смерть, напр. ³⁾, спра-

реть для міра“, „хорошо умереть младенцемъ, потому-что не нагрѣшишь“). В. Р—въ.

¹⁾ Ну, вотъ: своротилъ не замѣтно и ужъ теперь поидетъ колесами по шпаламъ. В. Р—въ.

²⁾ Вполнѣ исповѣдую и я это библейское ученіе. Смерть есть случай и временное. В. Р—въ.

³⁾ Ну, вотъ: да вѣдь *смерть* же есть *грѣхъ*? Какою-же *грѣхъ* можетъ быть „учительницею?“ В. Р—въ.

ведливо называется учительницею мудрости; она заставляет человека задумываться о самомъ себѣ, о своемъ назначеніи, и препятствуетъ человеку погружаться въ чувственность ¹⁾ и въ ней находить удовлетвореніе. Однако, она не называется святою ²⁾.

Важнѣйшее, наконецъ, изъ слѣдствій прародительскаго грѣхопаденія—первородный грѣхъ.

Христіанское ученіе о первородномъ или наслѣдственномъ грѣхѣ, объясняющее происхожденіе зла въ мірѣ, заключаетъ въ себѣ двѣ половины: одна половина ученія раскрываетъ положеніе о всеобщности, вторая—о прирожденности грѣха ³⁾. Мысль о всеобщности грѣха, о неизбѣжности его для всякаго человѣческаго существа, подверженнаго равно и заблужденіямъ, и грѣху, раздѣляется почти всѣми. Зло нравственное такъ глубоко сидитъ въ нашей душѣ, что оно примѣшивается и ко всему доброму въ насъ. Тщательное наблюденіе фактовъ именно въ этомъ направленіи заставляетъ заключать, что человекъ рождается ⁴⁾ нечистымъ, что зло прирождено ему.

Въ положеніи о прирожденности или наслѣдственности грѣха въ свою очередь также двѣ половины: одна совершенно понятная, именно ученіе о переходѣ грѣховнаго состоянія или духовно-тѣлеснаго поврежденія,—въ смыслѣ разстройства духовной и тѣлесной природы человека, грѣховнаго состоянія нравственной нечистоты и тѣнныя отъ Адама на его потомство. Это стоитъ въ полномъ согласіи съ біологическимъ закономъ наслѣдственности, въ силу котораго родители передаютъ своимъ дѣтямъ не только свои физическія особенности, родовыя и индивидуальныя, но и нравственныя, при томъ часто случайныя, черты своего характера.

¹⁾ Откуда это выскочило? Напротивъ, чувственность *упраздняетъ* смерть, рождая второе, третье и т. д. „я“. Она—*раститъ*, смерть—*умалняетъ*. И если въ смерти—грѣхъ, въ чувственности—истина. В. Р—въ.

²⁾ Ну, если „учительница“, то отчего-бы и не назвать ее „святою“. Да и называете, только потихоньку; *думаете* такъ. Предлагаемъ А. А. Дернову серьезнѣйшимъ образомъ вдуматься къ первородный грѣхъ: не произошло-ли въ самомъ дѣлѣ *поклоненія* ему, незамѣтнаго, безотчетнаго? Анализъ незаконнорожденности ко многимъ открытіямъ поведетъ. В. Р—въ.

³⁾ Важнѣе было-бы опредѣлить: *съ чего начинать* in concreto грѣхъ? и *съ чего*—святость? Чуть-ли смерть, „которой Богъ не сотворилъ“, не считается у насъ „разрѣшающею узы грѣха“; а *жизнь, бытіе*—сплошнымъ грѣхомъ?! Вообще тутъ если не сейчасъ, то со временемъ, и я думаю—скоро, мысль должна войти въ глубочайшій анализъ двухъ кардинально противоположныхъ моментовъ: *кончины* человека и его *зарожденія* (зачатія), и черезъ которое-то одно изъ нихъ *богосвязуемости*: тогда *другое* будетъ расторгать человека съ Богомъ. В. Р—въ.

⁴⁾ Да почему только „рождается?“ Ну, а „служитъ“ онъ на желѣзной дорогѣ или въ банкѣ „чистымъ?“ Но объ этомъ умалчивается, это *не замѣчается*: ибо уже молча про себя авторъ рѣшилъ: „зачатіе — вотъ morsus diaboli!“ В. Р—въ.

Другая половина ученія о наслѣдственности грѣха можетъ представляться тѣмъ, что называется „тайною“. Какъ себѣ представить возможнымъ, съ точки зрѣнія нравственной, именно—справедливости, переходъ вмѣстѣ съ наслѣдственностью и вины, и осужденія за грѣхъ на всѣхъ потомковъ Адама, не принимавшихъ лично участія въ его грѣховномъ актѣ, — преступленіи райской заповѣди; какъ возможно, съ точки зрѣнія понятія о нравственности вмѣненіи, сдѣлать людей ответственными за грѣхъ, совершенный ¹⁾ Адамомъ, а не ими лично,—тогда, когда ихъ еще не существовало ²⁾? Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія разуму и чувству справедливости?

Мы стоимъ здѣсь предъ непостижимою тайною, доступною только вѣрѣ, а не разуму. Мы обязаны принять эту тайну, какъ непреодолимую истину вѣры потому, что она въ такой же степени ясно и твердо устанавливается въ Библии, какъ и параллельно раскрываемая съ нею тайна искушенія людей въ Иисусѣ Христѣ. Подробное и специальное раскрытіе ученія о первоначальномъ грѣхѣ въ связи съ ученіемъ объ искушеніи чрезъ Иисуса Христа даетъ ап. Павелъ въ V гл. посланія къ Римлянамъ, 12—21 ст., гдѣ онъ говоритъ о переходѣ грѣха Адамова со всѣми его послѣдствіями, именно грѣховною *порчею природы, осужденіемъ и смертію*, на все потомство или человѣчество, при чемъ разсматриваетъ это въ связи съ обратнымъ явленіемъ перехода оправданія, жизни и праведности, отъ Новаго Адама, Иисуса Христа, на все Его духовное потомство и на вѣрующихъ въ Него.

Кто, по этому, вѣрить въ оправданіе рода человѣческаго чрезъ Новаго Адама его, Иисуса Христа, тотъ долженъ признать тѣмъ самымъ возможнымъ и дѣйствительнымъ осужденіе всего рода человѣческаго въ ветхомъ его Адамѣ...

Изъ этого ученія, всесторонне разсмотрѣннаго и правильно понятаго, является невольный выводъ, что и новорожденные младенцы, наравнѣ со всѣми, безъ всякаго отличія отъ взрослыхъ, осуждены на гибель грѣхомъ Адама и виновны предъ судомъ Божественной правды ³⁾. Младенцы, какъ люди, со всѣми раздѣ-

¹⁾ Да мы всѣ „адамы“ (съ маленькой буквы), дробіи большого Адама: ибо размноженіе есть только раздробленіе, „безконечная дѣлимость матеріи“... Нѣтъ, впрочемъ—лучше и больше; ибо Адамъ до насъ *растетъ и съростъ*; во все еще грѣшенъ. Однако, чѣмъ болѣе растетъ—тѣмъ меньше грѣшенъ (общанное „Древо Жизни“ „Апокалипсиса“). В. Р—с.

²⁾ Въ Адамѣ мы всѣ существовали. Адамъ есть человѣчество не раскрытое; человѣчество—раскрывшійся Адамъ. Это (да будетъ прощено вульгарное выраженіе) какъ колода картъ до сдачи и до игры,—и она же раскинутая, нарядная, широкая; съ миллионными выигрышами и горестными проигрышами. В. Р—с.

³⁾ Да виновны-то они виновны, только не больше чиновниковъ и не больше членовъ консисторіи. Что все вы на дѣтей упираете? Такъ глазъ

ляютъ общую печальную участь. Можно ли поэтому утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Розановъ, что *рожденіе* ¹⁾ *свято*?

Ключъ къ правильному пониманію рожденія и смерти, что именно такое они по существу своему, дается въ правильномъ ученіи объ искупленіи.

Въ Адамѣ всѣ согрѣшили. Вѣрою въ новаго Адама получаютъ всѣ оправданіе, возстановляютъ свой союзъ съ Богомъ. Но для этого нужно не одно только удовлетвореніе за насъ правдѣ въ Иисусѣ Христѣ, но и личное участіе каждаго изъ насъ въ этомъ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ, въ силу чего усвоется намъ послѣднее и дѣлается какъ бы нашимъ собственнымъ дѣломъ. Плоды искупительнаго дѣла Христова дѣлаются нашими по силѣ нашего участія въ искупленіи, а потому искупленіе получаетъ свойственный ему характеръ нравственнаго духовнаго процесса и перестаетъ быть простымъ актомъ внѣшняго юридическаго оправданія или прощенія: оно становится духовнымъ обновленіемъ и возрожденіемъ къ новой жизни, а это достигается тѣснымъ единеніемъ вѣрующаго со Христомъ, сляніемъ его съ Личностію и жизнью Христа, какъ лоза соединена со своими вѣтвями (Іоак. 15, 5—57).

Средствомъ приобщаться Христу и сливаться личностью своею съ Нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и приобщаться и всему, что дано и намъ въ Немъ и что сдѣлано Имъ для нашего спасенія, служатъ Св. Таинства. И только чрезъ посредство таинства св. Крещенія, — тѣлесное — по существу грѣховное, — не *святое*, рожденіе можетъ стать святымъ.

Къ таинствамъ принадлежитъ и *бракъ*, который такъ превратно понимается г. Розановымъ.

VIII. Послѣдній, выходя изъ тѣхъ же данныхъ, на основаніи которыхъ православная Церковь учитъ о бракѣ какъ о Таинствѣ, коего начало — благословеніе брака первыхъ людей, а полнота въ христіанствѣ, — учитъ, что бракъ есть не что иное по

и клонить сюда, точно Авраама къ мистическому сну передъ обрѣзаніемъ. Ужь и вы не хотите ли „вступить въ завѣтъ“, только съ кѣмъ тогда? И вотъ все клонить васъ къ головкѣ неповиннаго младенца: „нѣтъ, онъ виновенъ! выдайте мнѣ головой этого преступника; прочь, отцы и матери, не заступайтесь, не вашъ онъ. а — мой“. Страшно это. В. Р — въ.

¹⁾ Ну, а *смерть*? „Смерти Богъ не сотворилъ“, сами говорите. Тогда *свято рожденіе*, ибо ужь его-то творческимъ повелѣніемъ *сотворилъ* Богъ. О смерти Богъ предупреждаетъ, что она придетъ, *если* человѣкъ согрѣшитъ. Но Богъ *не насилъ* на человѣка смерть, не „благословилъ“ умирать и не повелѣлъ. Смерть пришла какъ третье, пришла откудова, не отъ Бога. А рожденіе — отъ Бога и оно свято И ничего, что *рождающийся* существо слабое, ограниченное, смертное, грѣшное: мѣдъ — не золото, но мѣдникъ и работа мѣдника оплачивается золотомъ какъ совершенно чистая, святая, золотая работа. Тоже — о рожденіи. В. Р — въ.

существо своему, какъ именно „прилѣпленіе“ половъ, что посему нѣтъ ни „адюльтера“, ни „наложничества“, нѣтъ и „незаконныхъ“ рожденій, что нѣтъ и паденій. Такой взглядъ, по мнѣнію г. Розанова, есть путь исцѣленія человѣчества отъ разврата. „Нѣтъ вовсе, говоритъ г. Розановъ, незаконныхъ касаній женщины, а есть только супружество! Нѣтъ случайнаго, есть только вѣчное! Нѣтъ „падений“, есть только правда! *Нѣтъ соблазненій, а есть только начало супружества*“. „Это, говоритъ онъ далѣе, — безотчетно, но это носится въ воздухѣ, и на это я указалъ, какъ на новое и можетъ быть специально русское чувство брака“.

„Увѣренъ вполне, что безъ всякой подражательности евреямъ (всѣ подражанія въ исторіи—безильны) русская совѣсть вырабатываетъ свой типъ семьи, ужъ во всякомъ случаѣ чистѣйшій и высшеннѣйшій, чѣмъ печальнѣйшая въ смыслѣ чистоты византійская семья и чѣмъ наша до сихъ поръ семья русская. Думать о лучшей постановкѣ семьи и притомъ съ фундамента—есть причины. Русский народъ исторически свѣжій и относительно-чистый. Совѣсть въ немъ не умерла. А совѣстливымъ взглядомъ на вещи—можно на многое отважиться, даже въ такой деликатной и чуткой области. Первый лозунгъ на этомъ пути, мнѣ думается: „родители—не отлучайтесь отъ дѣтей“, „законъ—не раздѣляй родителей и дѣтей“.

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ г. Розанова, плотскія движенія, положенныя въ грѣховной природѣ человѣка¹⁾, проявляющіяся именно въ незаконныхъ касаніяхъ къ женщинѣ, въ паденіяхъ, въ соблазненіяхъ²⁾,—суть „вѣчное“, т. е. составляютъ сущность природы человѣка.

Ради этой сущности г. Розановъ желаетъ установить болѣе упрощенныя формы заключенія брака (чѣмъ сложныя церковныя),—для моря случайностей, прибавляетъ онъ,—напр. вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, или, наконецъ, даже до самой простой формы, которая заключается въ простомъ фактѣ супружества, т. е. какъ онъ говорить много разъ, въ „прилѣпленіи половъ“, въ „полосочетаніи“.

¹⁾ Да откуда вы это взяли? Что за сатанизмъ?! „Не хорошо быть человѣку одному, сотворимъ ему помощницу“... „Вотъ это—плоть отъ плоти моей, и кость отъ кости моей: посему нарѣчется женою“. Все это—до грѣхопаденія, въ раю; и даже *внѣ предвидѣнія грѣхопаденія*, которое было свободнымъ человѣческимъ актомъ. Что-же за безсовѣстность такая,—не говорю ужъ о забвеніи Св. Писанія—въ воцѣлѣніи „помощницы“ себѣ видѣть „плодъ соблазненія Евы зміемъ“? Развѣ амій такъ соблазнялъ Еву: „какъ хороша Адамъ; зачѣмъ ты отъ него отошла; поди, вернись къ нему, лягъ головой къ нему на плечо“. Онъ говорилъ ей какую-то другую чепуху. Право, если что онъ и могъ говорить, то—такъ какъ Божій заветъ былъ: „плодитесь, множитесь“—обратное этому: „отойди отъ Адама, не возвращайся къ нему, останься одна, странствуй и размышляй и вовсе забудь о немъ, своей *родины*“ (изъ ребра его). В. Р.—сг.

²⁾ Откуда взяли? Хоть-бы *текстомъ* доказали? Все это „пріятіе имени Господа Бога все“, забвеніе Божьей заповѣди и подстановка на ея мѣсто своей. Но я вспоминаю защитительный глаголъ Апостола: „не надлежитъ слушать человѣковъ болѣе, нежели Бога“. В. Р.—сг.

И ужели семья русская до сихъ поръ была печальнѣйшею ¹⁾? И печальнѣйшею потому, что она хотѣла держаться „чистоты“ византийской семьи? Далѣе, ниже, мы покажемъ, былъ ли у насъ, въ Россіи, типъ семьи *чистѣйшій и возвышеннѣйшій*? И если былъ, вопреки утвержденію г. Розанова, то укажемъ и то, *отъ чего именно завистель этотъ типъ*? И надобно ли русской совѣсти стремиться выработать свой типъ семьи?

А теперъ, читая горячія разсужденія г. Розанова, невольно приходишь къ мысли, что, по его мнѣнію, стремленіе человѣка къ истинѣ, къ добру, къ небесному, къ божественному,—это все не существенное, а сущность человѣка есть стремленіе къ ²⁾ женщинѣ! Вотъ до какой крайности можетъ довести неумѣренное усиліе доказать желаемую мысль во что бы то ни стало,—именно, что „незаконныхъ“ рожденій нѣтъ.

Стремясь доказать, что незаконныхъ рожденій нѣтъ, что всякое рожденіе свято, что посему дѣло не въ формѣ брака, но въ зачатіи, г. Розановъ, повидимому, хотѣлъ сказать, что, собственно съ точки зрѣнія самого родившагося ребанка, рожденіе—свято, законно, такъ какъ ему—ребенку—дарована чрезъ рожденіе—жизнь.

А если рожденіе произошло отъ болѣзненнаго отца и зараженной матери (сумасшедшіе, сифилитики, прокаженные), то назоветъ ли тогда г. Розановъ рожденіе святымъ ³⁾ и законнымъ? Не есть ли это насиліе надъ рожденнымъ, когда родители сами больные ⁴⁾, произвели и его больнымъ? И не въ правѣ ли родившійся самъ

¹⁾ Да, ужъ не красива. В. Р—въ.

²⁾ За тысячу лѣтъ перевѣсъ въ сторону *отторженія* „ишъ“ отъ „иша“, („мужа и мушны“ отъ „жены и женщины“) былъ такъ великъ, и къ такимъ горестнымъ послѣдствіямъ привелъ,—что я намѣренно накрениваю корабль на другую сторону. Да, только тотъ, кто видалъ ужасы проституціи (а священники ихъ вовсе не видѣли), знаетъ, до чего дошло дѣло съ „безбрачіемъ“. В. Р—въ.

³⁾ Ну, пошли „сифилитики“. Незаконные дѣти, какъ непременно отъ любящихъ родителей рождающіеся, удвоенно здоровы и даровиты. Это была-бы краса населенія въ странѣ, и она-то выбрасывается въ клоаки и въ воспитательные дома. В. Р—въ.

⁴⁾ Ну-ну! Не повѣчныхъ приравнивать къ физически больнымъ и сумасшедшимъ! Это все одно, какъ если бы въ *цѣлой странѣ* сдѣлать абсолютно обязательнымъ постъ, аргументируя передъ правительствомъ: „послушайте, гг. министры и государственный совѣтъ: есть ядъ, какъ-то мышьякъ, сулема, фосфоръ и т. п. Если скушать ихъ, то вѣдь умрешь? По сему, не всякое вкушеніе полезно, и мышьякъ, молоко и мясо, и даже мясо и молоко преимущественно передъ мышьякомъ—не должны быть вкушаемы ни малымъ, ни старымъ, ни больнымъ и никѣмъ въ семь недель Великаго поста, шесть—Рождественскаго, 2—успенскаго, и въ Петровскій постъ. А если кто оскоромится—должно давать тому рвотнаго для излеченія“ (параллель усилію расторгнуть „незаконныя сожитія“ черезъ ученіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ“). В. Р—въ.

сказать, что онъ рожденъ незаконно? Не будетъ ли онъ проклинать свое ¹⁾ рожденіе?

Да! „Незаконныя рожденія“ есть, и по самой сущности, а не по гражданскому только опредѣленію!

И, вотъ, къ такому-то рожденію, всегда грѣховному, слѣд. *незаконному*, ибо грѣхъ есть нарушеніе закона ²⁾, и приходитъ на помощь св. Церковь съ освящающими молитвами и таинствами, и изъ незаконнаго дѣлаетъ законнымъ. „Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити ³⁾ въ царствіе Божіе“. Таинство крещенія примиряетъ такого несчастнаго съ его несчастнымъ положеніемъ: если не тѣло, зараженное болѣзнію, то духъ спасется; скорбя тѣломъ, онъ при благодатной помощи таинствъ будетъ очищаться духомъ для царствія Божія. Но и тѣло, облагодатствованное св. тайнами, становится храмомъ св. Духа; слѣд. и оно врачуется ⁴⁾, спасается!

Сверхъ сего, св. Церковь заботится и о томъ, чтобы самихъ родителей сдѣлать такими, чтобы рождаемое отъ нихъ было „законнымъ“, „святымъ“: она освящаетъ тѣхъ, кто хотятъ сдѣлаться родителями, св. таинствомъ брака, съ тою именно цѣлію, чтобы въ нихъ, при самомъ зачатіи дѣтей, порокъ, грѣхъ былъ ослабленъ благодатію: „бракъ—честенъ, ложе—нескверно“ ⁵⁾.

Церковь Православная, послѣдующая св. Писанію, не знаетъ

¹⁾ И до какой мерзости, до какого ужаса *мірового* вы доводите людей, здоровыхъ, здоровою и нравственною жизнью живущихъ (см. письма), этими своими подвохами и аналогіями. В. Р—ва.

²⁾ Божія; и человѣческаго—если онъ *тавтологиченъ* Божію. Но вѣдь неужели-же А. А. Дерновъ не слышалъ на лекціяхъ каноническаго права, что нормы брачныя въ Европѣ устроены по римскому гражданскому праву, еще языческому, а вовсе не по „Второзаконію“ раба Божія Моисея? И что это „Второзаконіе“, допускающее бракъ въ очень близкихъ степеняхъ родства, не знающее нашего „свойства“, не противящееся даже полигаміи, о которой, кстати, и Христосъ ничего запретительнаго не изрекъ, хотя въ Иудеѣ при Немъ она была наличнымъ фактомъ,—что это „Второзаконіе“, книга каноническая и боговдохновенная, узаконяетъ какъ Слово Божіе *въ формы и въ порицаемаго брака*. Весь этотъ его трактатъ есть одинъ сплошной грѣхъ. В. Р—ва.

³⁾ Эти слова—неизрѣченной глубины и тайны, и не на этихъ страницахъ изъяснить ихъ. В. Р—ва.

⁴⁾ Это про *наследственнаго* сифилитика пишетъ авторъ, или про плодъ незаконнаго сожитія? В. Р—ва.

⁵⁾ Кстати объ опредѣленіи *сущности* брака; ловлю васъ на цитатѣ, которая и мнѣ не приходила въ голову: „бракъ честенъ, ложе не скверно“, отождествляетъ *бракъ ложи* и какъ-бы говоритъ: „вотъ что такое бракъ, и это (ложе) не скверно, а честно“. Можно-ли бы было сказать: „вѣнчаніе честно и ложе не скверно“ (раздѣляя)? Самое слово „честно“ употреблено съ удареніемъ, какъ бы были у людей сомнѣнія; но развѣ же могло быть сомнѣніе въ *честности* обряда? Итакъ, ап. Павелъ видитъ центръ брака тамъ, гдѣ и я. И вся борьба А. А. Дернова просто незаконна, противо-апостолічна. В. Р—ва.

никакого „непорочнаго“ зачатія: никто изъ рожденныхъ женами, кромя Богочеловѣка Иисуса Христа, не зачинался безъ „беззаконія“ (Ис. 50, 7). „Плотское рожденіе, говоритъ св. Григорій Богословъ, есть дѣло ночи, рабское и страстное“¹⁾. (Соч., ч. 3, стр. 224).

„Того не знаетъ отецъ, родить ли онъ любезнаго сына или дочь; но только возстаніе плоти утѣшаетъ на супружескомъ ложѣ“ (Соч., ч. 5, стр. 59). „Плотское сочетаніе изобрѣтено вѣществомъ,—этою непрестанно текучею природою. Впрочемъ, Богъ и сему положилъ мѣру²⁾, узаконивъ бракъ“ (Соч., ч. стр. 91).

„Плотское супружество удерживается въ должныхъ предѣлахъ этимъ Закономъ Божиимъ³⁾ о бракѣ“ (Соч., ч. 5, стр. 158).

А относительно безбрачныхъ св. Григорій Богословъ говоритъ: „Забавно увѣрять, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенія на свѣтъ добрыхъ. Добрыми или худыми—образуетъ время. А кто съестъ, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только наглѣмъ требованіямъ плоти⁴⁾. Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божіей волѣ“ (ч. 5, стр. 159).

¹⁾ Св. Григорій Богословъ канонизованъ въ жизни своей, подвигахъ дѣла и правды, борьбы за вѣру; но не во всякомъ словѣ: ибо тогда онъ былъ-бы не святы, а божественъ. Святость всегда есть святость жизни, а не безгрѣшность мысли. И св. Григорій Богословъ не знаетъ „непорочнаго зачатія“ и произошелъ, какъ мы, ограниченнымъ, слабымъ. Иной праведникъ, напр. Марія Египетская, лишь концомъ жизни приобрѣла святость: канонизованность ея простремъ-ли мы назадъ и скажемъ: „вотъ безгрѣшная въ дѣлахъ и мысли“⁴⁾. Посему, хотя Григорій Богословъ и святы, но, какъ подверженный закону грѣха и ошибки, напр., въ приведенныхъ словахъ, порицающихъ законъ размноженія Богомъ благословенный, онъ погрѣшилъ неосторожностью и порывистостью личнаго впечатлѣнія. Товія и Сарра зачинали какъ мы; Авраамъ и Сарра прямо зачали по повелѣнію Божию: неужели-же они согрѣшили?! Можетъ быть однако св. Григорій Богословъ хотѣлъ сказать, что послѣдй родъ людской уже разучился въ праведности зачинать, а зачинаетъ (въ его время) въ объядѣніи и пьянствѣ: тогда его глаголь и упрекъ небесно святы!! Но тогда онъ примѣнимъ къ случаямъ, къ людямъ, а не есть выраженіе мирового закона зачатія В. Р—въ.

²⁾ Во „Второзаконіи“, а не въ „жормчей“. В. Р—въ.

³⁾ Во „Второзаконіи“ опять-же. Вообще противъ „незаконныхъ сожитій“ вы можете бороться, но не ранѣе, какъ восстановивъ „Второзаконіе“. Но тогда они все подойдутъ подъ него и вы потеряете *bête noire*, васъ пугающее. В. Р—въ.

⁴⁾ Все это могло относиться къ лицамъ и временамъ, но не общему закону. Зачинать вообще можно грѣховно: 1) съ не любимою женщиною, когда къ ней чувствуешь отвращеніе, равно съ нелюбимымъ мужемъ, 2) съ непримиренною душою, раздраженный, злой въ этотъ мигъ, 3) въ разсѣяніи и суетности. Это можетъ быть въ законномъ и незаконномъ бракѣ. Зачатіе-же святое протекаетъ: 1) въ полномъ мирѣ душевномъ, 2) любви, 3) радости, и, какъ молились Товія и Сарра—4) „не какъ удовлетвореніе личнаго и своего страстнаго вожделѣнія, но какъ страстное исполненіе заповѣданія Божія“. И опять-же это можетъ быть въ законномъ и

IX. Въ какомъ же противорѣчїи съ этими словами ¹⁾ стоятъ слова г. Розанова!

„Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. И ея исполненіе—въ объявленїи, что нѣтъ незаконныхъ касанїй; что какъ касанїе произошло, съ кѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было, оно, по золотой тяжеловѣсности своего металла, есть уже полнота обязанностей. правъ, заботъ, любви, воспитанїя дѣтей, полнаго супружества. Всякій образъ человѣка есть образъ человѣка, и всякій образъ супружества есть образъ супружества: создайте это понятїе, утвердите—моментально и исчезнетъ самая психологія легкихъ касанїй“.

Правда ли это? Напротивъ, не самый ли это легкій путь къ тому, чтобы моментально *развратъ разлился по всему человѣчеству?* чтобы всякій удовлетворялъ непрестанно „наглымъ требованїямъ ²⁾ плоти?“.

Вѣдь, тогда, если „всякій образъ супружества есть образъ супружества“ и слѣдовательно „законенъ“:—и у несовершеннолѣтнихъ другъ съ другомъ, у взрослыхъ съ несовершеннолѣтними,

незаконномъ бракѣ. И, думается, *разность этихъ томовъ* и мотивовъ и образуетъ „законность“ и „незаконность“ брака. Законно соитїе для исполненїя закона размноженїя (въ раю даннаго), не законно по всѣмъ инымъ мотивамъ (всѣ виды корыстнаго, разчетливаго брака, не съ восклиданїемъ „вотъ кость отъ кости моей и плоть отъ плоти моей“). Только „вращающїеся“ браки, любовныя, съ любовью, съ ангельскимъ другъ къ другу довѣрїемъ, когда бросаются другъ къ другу („вотъ—кость моя“). Съ восклицанїемъ; „на всю жизнь! до гроба! только ты одинъ (одна)!“—суть законные: хотя-бы восклицанїя эти и оказались иллюзионными, и тогда удерживать ихъ, можетъ быть уже полные отвращенїя и ненависти, было-бы опять преступленїемъ закона, „бракомъ нечестнымъ и ложемъ сквернымъ“. Вообще люющїя минуты брака должны быть чисты, безгрѣшны, теплы, лучисты, вѣжны, безкорыстны, самоотверженны. В. Р—въ.

¹⁾ Я спокоенъ и довольствуюсь, когда согласуюсь со всѣмъ пространствомъ св. Писанїя. В. Р—въ.

²⁾ Успокойтесь, ничего не будетъ. Теперь дѣйствуетъ *только* ваша мораль (никѣмъ не слушаемая), которая не сдержитъ ни 1) дѣвушки въ 30 лѣтъ, ни 2) холостого до 40 лѣтъ кавалера. О, уже всѣ пути Божїи и заповѣди Господни нарушены, забыты, перепутаны теперь. Слишкомъ мы поздно разговариваемъ. Но при моемъ проектѣ [„да бери кого угодно и сколько угодно—но съ дѣтьми, отъ тебя рожденными“], теперешніе безпутники закричатъ: „да на это имущества не хватитъ; у меня хватаегъ имущества не ея ребенка прокормить, а только ей за любовь заплатить, какъ это хорошо и устроено въ нашихъ законахъ черезъ терминъ о незаконнорожденных; я только ее беру, удовольствїе отъ нея, гѣло ея; а что тамъ родится—то чертъ съ нимъ, незаконное вѣдь, ну пусть броситъ, ну пусть въ Воспитательный домъ“. Вѣдь вотъ какъ сейчасъ разсуждаютъ. и вѣдь по закону такъ разсуждаютъ, прїученные закономъ къ такой мысли? Вѣдь вотъ гдѣ корень-то разврата: въ легкости. и дешевости его. А я говорю: „поможете на тысячу этотъ золотникъ (дѣвушка), дабы онъ вѣсилъ сто пудовъ (дѣти) и теперь пусть беретъ сколько угодно золотниковъ. множественныхъ каждый на пуды“. Это—ужъ не мораль. Устанутъ ноженїи, устанутъ рученьки у кавалеровъ: „куда! и съ одной, съ двумя не справиться“. Дѣтъ познанныя въ жизни женщины; ну, скажите по совѣсти, вы дали вы скромниковъ въ христіанскомъ обществѣ, которые бы прикосну

у состоящихъ въ кровномъ родствѣ, у Эдипа, у Коринескаго кровосмѣсника, у сумасшедшихъ, безумныхъ (См. зак. гражд. ст. 5, т. X, ч. 1),—у всѣхъ—законныя (?) касанія?

Вотъ до чего договаривается г. Розановъ, не замѣчая ¹⁾ самъ.

И не къ этимъ ли „*требованіямъ*“ сводить дѣло самъ г. Розановъ,—не замѣчая того, впрочемъ,—когда говоритъ, что существующіе у насъ законы о бракѣ являются причиною глубокаго соціального разстройства брака (т. е. брака въ томъ смыслѣ, какъ его хочеть понимать г. Розановъ):

„Незаконныя“ дѣти являются отъ трехъ причинъ: 1) глубокаго соціального разстройства брака, въ силу чего огромный контингентъ дѣвушекъ, часто прекрасныхъ, скромныхъ и цѣломудренныхъ—остается внѣ брака. *Наступающіе годы, проходятъ минуты, которыя я не могу не назвать мистически таинственными, такъ онѣ мало рационально объяснимы* (вѣдь тутъ-то и есть „наглыя требованія плоти и страсти“ ²⁾), какъ объясняетъ св. Григорій Богословъ?),—и *такія дѣвушки рождаются*“ (курсивъ нашъ) (№ 8873 „Нов. Вр.“, стр. 4).

Св. таинство брака и есть узда страсти. „Да погибнетъ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ!“ восклицаетъ св. Григорій Богословъ (Соч. 5, стр. 82).

„И послѣдній (по словамъ Св. Гр. Бог.) (т. е. супружескій, скрѣпленный бракомъ, союзъ) тогда только можно назвать *честнымъ*“ (Евр. 13, 4) когда онъ есть собственно бракъ и супружескій союзъ, и желаніе оставить послѣ себя дѣтей: тогда онъ хорошъ, ибо умножаетъ число благоугождающихъ Богу ³⁾). Но когда

лишь только къ *двумъ?! Десятками и сотнями* исчисляють всѣ. Развращеніе христіанскихъ обществъ вѣтъ видѣть; и все вытекло изъ идеи: „если ты и коснулся дѣвушки—это еще ничего, и—никакихъ для тебя послѣдствій, ибо вѣдь *законнаго* брака не было, ничего *серьезнаго* не было. Ребенокъ—что *сифилитикъ* и *щенокъ*—его можно *бросить*“. Вотъ на *возможности* этого, нравственной и физической и *метафизической* возможности, а ргіогі и въ законѣ предусмотрѣнной, и держится міровой развратъ. В. Р.—вз.

¹⁾ Очень все замѣчая. А по вашему что-же, изнасиловала сумасшедшую, слабоумную, больную—и бросилъ? Куда? На чьи руки? Теперь *безъ ответственности и послѣдствій*—ихъ несчастныхъ и насиловать, а тогда ихъ оставлять въ покоѣ, или возмуть въ полное супружество. Отъ этого Фамаръ говоритъ Амвону, сыну Давида: „скажи отцу—и онъ *отдастъ* меня тебѣ въ жены“, хотя бракъ былъ невозможенъ по родству. Но если и невозможенъ, а насиліе совершилось—пусть будетъ полной бракъ, во искупленіе вины и въ уменьшеніе несчастія. Расторженіе брака (in ga, „*прилѣпленія*“) есть самый страшный грѣхъ противъ заповѣди брака и всегда причина гибели, несчастія и разврата. В. Р.—вз.

²⁾ Да почему, когда ей 29 лѣтъ? Просто она не принадлежитъ къ тѣмъ, которые „могли-бы вмѣстить дѣвство“. А Господь ихъ и не призываетъ къ нему. Осужденіе ея за рожденіе есть уже насильственное присужденіе ея къ дѣвству, чего вы не въ правѣ дѣлать. Одумайтесь. В. Р.—вз.

³⁾ Ну, вотъ: когда въ мнимо-„незаконномъ“ сожитіи рождаются дѣти (и часто очень много), то и „умножается число благоугождающихъ Богу“. И вамъ бы радоваться, а вы скорбите. Оставьте горькія слова, и лучше,—

онъ разжигаетъ грубую плоть, обкладаетъ ее терніемъ и дѣлается какъ бы путемъ къ пороку, тогда я скажу: *лучше есть не жеснитися*. (Сочиненія, ч. 3, стр. 183).

Такой чистоты требуютъ святые отцы Церкви отъ лицъ, принявшихъ таинство брака!

И въ самомъ супружествѣ, слѣдовательно, могутъ быть „незаконныя“ касанія: ибо и св. Григорій Богословъ (Соч. ч. 5, стр.

какъ въ Свѣтлый праздникъ, — „да другъ друга обьемемъ“; ибо сами вѣдь съ презрѣніемъ именуете челоѣчество до Христа „подзаконнымъ“, и Христа до того закону и принципу законности (легализація) противоположили, что сказали: „а если закономъ оправданіе (если челоѣкъ оправдывается внѣшней регулярностью поступковъ), — то для чего же Христось умеръ“ („Къ Галатамъ“). И я повторю: если Христось умеръ за грѣхи, если Павелъ проповѣдовалъ *свободу*, то для чего писать такія брошюры? А если онѣ пишутся, то гдѣ же Савль преобращенный въ Павла? Путешествія въ Дамаскъ какъ-бы не было, и ни воскресенія. ни искупленія! Но тогда — старый законъ! давайте обрѣзаніе!! жертвенникъ, свѣтильники!!! животныхъ въ храмы, и старое восклицаніе: „Слово Господне было къ Осіи пророку: иди и возьми себѣ жену блудницу и приживи съ нею дѣтей блуда“... „И пошелъ онъ, и взялъ Гомеръ, и она зачала пророку сына“. И Господь сказалъ ему: „нареки ему имя Иерухама. И, откормивъ ее грудью, она снова зачала и родила пророку еще сына“... (Книга пророка Осія, гл. 1). Дѣло въ томъ, что А. А. Дерновъ совершенно не понимаетъ, куда онъ ведетъ: отецъ „незаконныхъ“ дѣтей можетъ съ такой силой „ухватиться за рога жертвенника“ еще Моисеевой скинни, что „покачнется храмъ“ (новшество) и трещина пойдетъ отъ Таго до Урала. Тутъ и папы и Римъ и Лютеръ и пр. какъ горохъ посыплются. Дѣло въ томъ, что ужъ если говорить о „законѣ“, то *только* ветхозавѣтномъ, съ Синая, отъ Бога „въ завѣтъ вѣчный“ (нѣсколько разъ сказано) данный, *отмѣна* котораго слишкомъ не ясна... Отмѣна произошла какъ *милна, обмѣнъ* на благодать и свободу и вѣру: „вѣрою спасаемся! благодать вѣетъ съ небесъ!! свободны, во Христѣ!!!“ Свободны — а „Кормчая“, благодать — а консисторія, то-то малина!! И ребенокъ „у вѣрующаго во Христа“ — отнять, и подъ „благодатнымъ небомъ“, — какъ изображаетъ проф. Заозерскій въ статьяхъ о бракѣ — въ ящикахъ закупоренныхъ дѣтей изъ Воспитательнаго дома вонять на кладбище, а ужъ отпѣвають по бумажкѣ, не распаковывая ящика (гуртомъ, читатели! не въ гробикахъ!) И по острому объясненію профессора каноническаго права, дѣти эти рождаются отъ родителей, *но недоразумѣнію* и жестокости запрещенныхъ къ браку (принявшихъ на себя вину при разводѣ). То-то малина! Такъ вы думаете родителямъ такихъ выводимыхъ на кладбище въ ящикахъ дѣтей есть какое-нибудь дѣло до напства? до соперничества Николая съ Фотіемъ? Да пожалуйста давайте опять Синай и обрѣзаніе и субботы: потому-что вы насъ провалили въ помойную яму изъ закона Божія, закона святого, закона подлиннаго, чего-то наобѣщавъ и ничего, ничего, до позора ничего не исполнивъ? Что-же тутъ отъ Дернова останется, когда и отъ папы туфли не сохранится. Я говорю, что дѣло идетъ къ полному расчлененію Европы, сердечному: ибо сердце отцовъ и матерей возмущено и это идетъ до неба. Не Дернову тутъ путаться и спорить, тутъ и академіи ничего не сдѣлаютъ. Просто они *не знаютъ* и *не могутъ*. И никто не можетъ и не знаетъ. И въ этомъ и опасность, въ этомъ и темнота. В. Р — в.

85 и 86) и еще ранѣ его Оригенъ, а еще ранѣ св. ап. Павелъ, обращаютъ вниманіе супруговъ на особенную заботливость о цѣломудріи. При этомъ и Оригенъ, и св. Григорій Богословъ указываютъ людямъ на примѣры безсловесныхъ ¹⁾). Въ 5-й гомиліи на книгу Бытія— „о Лотѣ и его дочеряхъ“—Оригенъ говоритъ: „Ужасаюсь высказать, что я чувствую; я боюсь, что нецѣломудріе дочерей Лота было цѣломудреннѣе ²⁾) цѣломудрія многихъ. Пусть жены испытаютъ себя и спросятъ, для того ли они вышли замужъ, чтобы родить дѣтей, и воздерживаются ли онѣ послѣ зачатія. Тѣ обвиняются въ нецѣломудріи; но онѣ, послѣ того какъ зачали, не ищутъ снова объятій мужа. Между тѣмъ, нѣкоторыя женщины (мы не на всѣхъ указываемъ, а на нѣкоторыхъ)—я сравню ихъ съ безсловесными животными—подобно звѣрямъ, безъ различія и не переставая, ищутъ лишь удовлетворенія своей похоти. Но даже звѣри, лишь только они зачали, не совокупаются“ (5-я гомилія).

А св. Григорій Богословъ также говоритъ: „Въ самомъ безуміи страсти животныя связаны благовременностію. А если и у неразумныхъ есть нѣкоторая заботливость о цѣломудріи, то ужели ты, Божіе созданіе, не свяжешь всѣхъ законовъ плоти, если захочешь? Человѣкъ такъ же уступчивъ разуму, какъ и мѣдъ огню. Если разумъ не царь плоти, тогда какъ образъ Божій обожилъ меня, то въ чемъ преимущество наше, если и мы уступаемъ такимъ-же движеніямъ? Хотя природа не удержима въ большемъ числѣ людей, однако-же знаемъ и то, что заповѣдь часто превозмогаетъ и общую природу“ (Соч. Гр. Бог., ч. 5, стр. 86).

Такимъ образомъ, по словамъ св. Отцовъ и учителей Церкви, даже и въ супружескомъ союзѣ, скрѣпленномъ брачнымъ закономъ, могутъ быть незаконныя касанія къ своей женѣ. И учителя Церкви совѣтуютъ избѣгать ихъ.

И только очень чистыя, скромныя и цѣломудренныя натуры, освященныя именно ³⁾) св. таинствомъ брака, умѣютъ исполнять этотъ совѣтъ Св. Отцовъ и учителей Церкви. Такъ, отъ старца-протоіерея, хорошо знавшаго „Николаевскія“ времена, намъ пришлось слышать рассказъ объ одномъ солдатѣ, который, несмотря на пожилыя уже лѣта свои, своимъ бравымъ видомъ поразилъ

¹⁾ А раньше спрашивалъ: „неужели бракъ у животныхъ есть“. Вотъ ужъ оправдалось: „нельзя плевать въ колодезь—можетъ придется изъ него напиться“. Радуюсь за милыхъ животныхъ. В. Р—ва.

²⁾ Ну, вотъ—и споръ конченъ. Не повѣрилъ-бы Оригену, но приходится вѣрить Дернову: „нецѣломудріе Лотовыхъ дочерей, а тѣмъ паче всякихъ незаконносожительствующихъ—есть, было и будетъ цѣломудреннѣе, т. е. законнѣе и святѣе, цѣломудрія многихъ законныхъ женъ“. Споръ конченъ въ этомъ примѣрѣ самимъ А. А. Дерновымъ и онъ самъ сказалъ: „пась, проиграно, все написанное—недоразумѣіе“. В. Р—ва.

³⁾ Да почему „именно“? Вѣдь Оригенъ говоритъ и вы согласились, что вѣнчанные бываютъ развратнѣе невѣнчанныхъ? В. Р—ва.

всѣхъ. Въ томъ-же полку было пять сыновей его, — такихъ-же бравыхъ. Это обратило на себя вниманіе Государя Николая Павловича, который пришелъ въ изумленіе, услышавши, что у этого солдата есть и еще нѣсколько (до двадцати) члѣвѣкъ дѣтей, которыя всѣ живы и отличаются такимъ-же крѣпкимъ здоровьемъ; равно жива и крѣпка здоровьемъ и его жена. Недоумѣніе Государя относительно такой большой и крѣпкой физически семьи разрѣшилъ самъ brave старый служака, сказавши своеобразно, что „онъ относился къ женѣ такъ, какъ онъ наблюдалъ въ обычаяхъ у животныхъ“¹⁾, — отъ чего и дѣти всѣ здоровы и живы, хотя ихъ и много, и жена-старуха здорова и жива.

Когда Государь потребовалъ разъясненія этого, то солдатъ сказалъ, что онъ касался своей жены только *столько именно разъ, сколько у него дѣтей*; а послѣ зачатія онъ уже не „зналъ“ ея болѣе.

Этотъ солдатъ, конечно, исполнялъ заповѣдь Св. Церкви, которая требуетъ отъ всякой, находящейся въ бракѣ женщины, особеннаго воздержанія именно во время чревоношенія.

Какъ высоко Св. Церковь смотритъ на бракъ, видно изъ того, что древними правилами церковными вмѣнялось даже въ обязанность всѣмъ желающимъ сочетаться бракомъ готовить себя къ принятію этого таинства постомъ, исповѣдію и причащеніемъ²⁾ Св. Тайнъ (Кормч., часть II, гл. 50). И отъ брачующихся, имѣющихъ быть родителями и воспитателями будущихъ дѣтей своихъ въ духъ христіанской вѣры Православной и христіанскаго благочестія, требовалось и требуется знаніе того, въ чемъ родители должны наставлять своихъ дѣтей (Ibid). И нынѣ эти правила не отмѣнены³⁾.

Плодомъ таковыхъ-то браковъ и такового супружескаго воздержанія и являлись дѣти, рожденіе которыхъ *дѣйствительно можно назвать святымъ*. (Напр., препод. Сергій). И вся земная жизнь чадь отъ подобныхъ воздержныхъ супружествъ [давшихъ

¹⁾ Вотъ! А съ какой гордостью начиналъ: „но вѣдь тогда и у животныхъ придется признать бракъ“. Теперь же ему придется написать: „согрѣшилъ я, ввелъ животныхъ въ храмину богословскихъ разсужденій о тайнѣ супружества“. Кстати, вѣдь ужъ животные-то вѣрно безъ-обрядно супружатся? Но съ нихъ беретъ *примѣръ* солдатъ Николаевскихъ временъ, а этого солдата *въ поученіе* людямъ и богословамъ ставятъ протоіерей. Стало быть они всѣ сонмомъ, солдатъ, протоіерей, Оригенъ, подыавъ персты и вперя очи на животныхъ и дочерей Лота, единогласно трубятъ и учатъ „вотъ — истинный бракъ, вотъ — какъ слѣдуетъ брачиться“. Не даромъ въ Библии сказано, что животные сотворены *впередъ* члѣвѣка, *ближе* къ „солнцу, лунѣ и звѣздамъ“. В. Р—сг.

²⁾ Такъ и до сихъ поръ слѣдовало-бы оставить. В. Р—сг.

³⁾ Что это за правила, которыя не исполняются и о которыхъ никому сами священники не напоминаютъ? В. Р—сг.

еще во время зачатія и чревоношенія ¹⁾—духовное, святое направление плоду чрева своего], проходила такъ духовно, свято, что и *смерть ихъ была святою*, тихою, безболѣзненною (кромя святыхъ, прославленныхъ и нетлѣннѣмъ тѣла своего, укажемъ напр. на кончину Серафима Саровскаго, митрополита Филарета Московскаго, Феофана затворника и др.).

И г-нъ Евгеній Марковъ, въ статьѣ „Жестокая чувствительность“ („Нов. Вр.“ № 8865, стр. 3, стол. 5), замѣчаетъ, „что при неправильностяхъ (а мы дополнимъ: при *грѣховности*) самаго зарожденія человѣка, трудно встрѣтить вполнѣ правильные, строго нормальные, органическіе процессы въ человѣческой жизни“.

Вотъ гдѣ тайна *святаго* рожденія и *святой* смерти, а не въ „морѣ случайностей“, не въ „въ прилѣпленіи половъ“ ²⁾, какъ утверждаетъ г. Розановъ.

Да! Забываются нынѣшними, называющими себя „просвѣщенными, людьми“ истины, издревле содержимыя Св. Церковію!

То, что высказано Св. Отцами и учителями Церкви, то, что дано Церковію какъ заповѣдь въ самыя первыя времена христіанства,—то, что фактически осуществляли и осуществляютъ христіане, освящаемые таинствомъ брака,—то въ наши дни высказывается въ литературѣ, какъ „нѣчто новое“.—Такъ, въ книгѣ Алисы Токгэмъ „Токология, или ученіе о рожденіи“, авторъ, докторъ, высказываетъ тѣ же самыя теоретическія положенія, какія въ христіанской Православной Церкви требуется проводить и проводятся и въ жизни ³⁾.

¹⁾ Вотъ это очень важно: забеременѣвъ, женщина сейчасъ-же, въ дѣлахъ воспитанія плода, должна подвергнуться особымъ заботамъ о ней Матери-Церкви: Для беременныхъ женщинъ слѣдуетъ отвести нѣсколькихъ ближнихъ приходовъ и назначить особыя чтенія всѣхъ мѣстъ Писанія, гдѣ имъ объясняется о рожденіи, или рассказывается исторія замѣчательныхъ рожденій, семей Адама, Авраама, Исаака, Іакова и Лавана, Іосифа, Моисея, Самуила, Самсона—Іевфая и другихъ судей израилевыхъ, Давида и дѣтей его, Маттафія, а главное—рожденіе и судьба Пресвятой Дѣвы; также—мѣста изъ „Откровенія“. Это—для слушанія. Далѣе, онѣ сами могли бы пѣть избранныя молитвы, и, наконецъ, конечно—часто причащаться; и особенно содержать въ абсолютной чистотѣ, черезъ частыя религиозныя омовенія, свое тѣло, вѣчно памятуя: „тѣла ваши суть храмы Бога Живого“. Все это пренебрежно, и съ развратомъ (легкомыслиемъ) матерей уже въ утробѣ развращаются дѣти. Вотъ что значитъ: „въ беззаконіи (вѣроятно) зачать есмь, во грѣхахъ (безъ омовѣній и молитвъ) родила (должно быть) меня мать моя“ (Пс. 50). Это—случай и явленіе, а не законъ, не универсъ. Универсъ рожденія—святость!! В. Р.—*св.*

²⁾ Такъ именно „въ прилѣпленіи“—какъ „прилѣпляться“! Ну, послушайте: вѣдь изъ „градя, градя, невѣста моя“ никакъ не выйдутъ „нормальные органическіе процессы плода“. В. Р.—*св.*

³⁾ Ну, и отлично. Все идетъ къ *здоровью*, и, повѣрьте, *только* къ нему поспѣвая—само собой придетъ дѣдо и къ святостямъ! Ибо *бытіе и святость*—одно, и законы ихъ—*общіе*. В. Р.—*св.*

Хотя, замѣтимъ здѣсь, нашолся и въ нашей печати противникъ,—именно въ смыслѣ несогласія съ требованіемъ воздержанія,—въ лицѣ доктора Гориневскаго, помѣстившаго рецензію на этотъ трудъ, кажется въ „Русской Мысли“. Были и философы и древніе мыслители, которые поставляли отличительнымъ признакомъ человѣка отъ животныхъ именно то, что половой его инстинктъ можетъ всегда проявляться: отсюда недовольство одной женой, а требованіе, чтобы были: жена, метресса и наложницы, чтобы половой инстинктъ не сдерживался временемъ чревоношенія и кормленія грудью.

Не поэтому-ли въ предисловіи къ русскому переводу книги Токгэмъ, написанномъ гр. Л. Н. Толстымъ, послѣдній, рекомендуя это сочиненіе русской публикѣ, очевидно по соотвѣтствію возрѣвній автора съ его собственными этическими взглядами, усматриваетъ въ трудѣ г-жи Токгэмъ „нѣчто новое“.

Между тѣмъ, тѣ-же самыя мысли высказывалъ съ силою и образностію знаменитый Оригенъ, который, указывая именно на примѣръ *животныхъ*, изрекалъ, отъ этого примѣра исходя, сильное обличеніе *человѣку* ¹⁾.

Не доказывается-ли этимъ еще разъ справедливость извѣстнаго изрѣченія: „ничто не ново подъ луною“, а ново то, что хорошо—забыто.

Такъ ошибается и г. Розановъ, указывая, что онъ именно нашелъ въ 22-й главѣ книги „Исходъ“ нравственный исходъ для „незаконно-родившей дѣвушки“ (вѣрнѣе, какъ это и сказано у Моисея: „обольщенной“), „не закавчивающійся ни ея кровію, ни кровію ея ребенка“.

При чемъ онъ съ пафосомъ восклицаетъ: „Не правда-ли? И я, христіанинъ, читая эти строки, успокаиваюсь: „вотъ какъ нужно“, „вотъ гдѣ правда!“ И этой правды, или подобной и приблизительной, я не вижу вокругъ, въ нашемъ христіанскомъ и, казалось-бы, лучшемъ мірѣ“.

Увы! Несмотря на весь пафосъ, г. Розановъ ошибается: въ христіанскомъ мірѣ, съ самыхъ апостольскихъ временъ, высказано ²⁾ правило (Ап. пр. 67), которымъ „виновные въ насиліи

¹⁾ Ну, вотъ! Не даромъ ихъ Соломонъ и въ храмъ ввелъ, какъ-бы говоря: „поучимся у нихъ“. В. Р.—въ.

²⁾ Знаю, знаю! Вотъ бы что *надо сохранить, прилѣпять*; и сколько утопленницъ дѣвушекъ осталось-бы въ живыхъ! Просто *странно* касаться нашей темы: до того она преступна въ исторіи и теперешнемъ сложеніи. *Кто-же и когда отмѣнилъ это 67 Апостольское правило?* Читаю признаніе священника: „Не разъ, во время окликовъ передъ вѣчаніемъ, заявляли о препятствіяхъ къ браку, большею частью обольщенные и обманутыя дѣвнцы [„которыя“, слѣдовало бы добавить, „до 67-му Апостольскому правилу, должны были стать и нарѣчься супругами обвиняемому“]. Совѣсть іерея въ правѣ будетъ мучить его, если онъ съ закрытыми глазами прошелъ мимо явнаго безчинія, тяжелаго преступленія [ну, а вѣдь „*пройдемъ*“-же, мимо!]. Правда, принудить къ браку

дѣвъ, еще не обрученныхъ, обязывались къ браку съ ними, съ цѣлю загладить свое преступленіе“.

Ошибается г. Розановъ и въ дальнѣйшемъ своемъ выводѣ изъ открытой имъ будто-бы „новой“ [но не усмотрѣнной ¹⁾] имъ, хотя и существующей въ христіанствѣ] правды:

Очевидно, говоритъ онъ, вся сумма дѣвушекъ, перестающихъ быть таковыми, переходила въ полный итогъ брака. Лучше-ли это нашего? Пусть судитъ каждый. Я-же скажу, что не было плача дѣвушекъ тамъ!

А побіеніе ²⁾ камнями?.. Вѣдь въ законѣ Моисеевомъ положены были страшныя казни ³⁾ за „любодѣяніе“ и „прелюбодѣя-

онъ не можетъ [какъ не можетъ? А 67 правило? взялъ да и записалъ въ метрики о бракосочетающихся: „жена такого-то по 67 Ап. правилу“, да и вписалъ ему ее въ паспортъ, предъявляемый передъ вѣнчаніемъ: вѣдь это не труднѣе, чѣмъ вписать незаконнорожденнаго] и обольстителя обманщика, но понудить—его священный долгъ [связываетъ авторъ на мораль]. Онъ обязанъ разъянить обольстителю [при незаконности рожденія не „разъясняютъ“, а прямо вписываютъ], что вѣнецъ, какъ мада цѣломудрія, не можетъ быть возложенъ на голову нечистаго безъ заглаженія и покрытія грѣха достойными покаянія плодами. Родные невѣсты и сама невѣста также должны быть освѣдомлены съ заявленнымъ препятствіемъ, дабы и они рѣшались на серьезный шагъ, крѣпко подумавши напередъ, что можетъ дать бракъ съ лицомъ—нагло попирающимъ торжественныя свои обѣщанія“ („С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ“, 1899 г. № 1, статья Н. Дроздова: „Къ вопросамъ о браковѣчаніи“). Какъ „что можетъ дать“ такой бракъ? Положеніе, почетъ, фамилію, наследство, права пенсіи. Вѣдь сами сдѣлали изъ брака вѣчный контрактъ, исключивъ любовь (которая была съ родившей дѣвушкой: но эта любовь исключена и дѣвушка выброшена, и съ ребенкомъ за флагъ брака). Но я объясню, почему 67-ое пр. Св. Апостолъ не исполняется: вѣдь оно отождествляетъ сожитіе съ бракомъ, говоря о будто-бы павшей дѣвушкѣ: „она *уже жена*“. Вотъ что авторитетъ признаетъ за любящимъ „сожитіемъ“ въ этомъ правилѣ, а флагъ формальностей въ немъ присущенъ,—это-то стоя на пути „нашей гордости“ и заставило духовенство отложить 67-ое правило въ сторону. Между тѣмъ, принимая санъ, епископы даютъ обѣщаніе „сохранять правила Св. Апостолъ и семи вселенскихъ соборовъ“, *безъ исключенія*. В. Р.—66.

¹⁾ Да какъ-же я „усмотрю“, когда она *отмѣнена, не исполняется*? Я знаю *одно*, что дѣвушки такія бросаются. И вѣдь имъ конечно мало утѣшенія, что священ. Дроздовъ втихомолку написалъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“: ибо вѣдь онъ не закричалъ объ истинѣ этой на площади, не напечаталъ въ „Нов. Времени“, не разъяснилъ на церковной кафедрѣ о *пращахъ* такихъ дѣвицъ. А въ этомъ все и дѣло. В. Р.—66.

²⁾ Надо-бы эту безграмотность перестать повторять. Цитирую Мишну, памятникъ библейской жизни, редактированный въ 2-мъ вѣкѣ по Р. Х.: „какая разница между изнасиловавшимъ и обольстившимъ? Изнасиловавшій платить за страданіе, а обольстившій за страданіе не платитъ. Р. Симонъ говоритъ: ни тотъ, ни другой за страданіе не платитъ, ибо она все равно должна была бы впоследствии испытать это страданіе“. *Гемара* къ главѣ 3-ей трактата *Кетуботъ*. Такимъ образомъ, такъ назыв. „обольщенія“ дѣвицъ, т. е. любящія „паденія“ (все *наши* термины) никакого о себѣ вопроса у древнихъ евреевъ не вызывали, будучи протымъ исполненіемъ глагола: „размножьтесь“. В. Р.—66.

³⁾ Такъ бы и хотѣли вы схватить зубами, да... „виноградъ зелень“:

ніе". Этими казнями наравнѣ подвергались дѣвцы и замужня женщины.

А г-нъ А-тъ, въ „Нов. Вр.“ № 8874, 9 ноября, въ открытомъ письмѣ г. Розанову, говоритъ, что „евреи страшно жестоки и до сихъ поръ къ прелюбодѣйному грѣху евреекъ“.

Отсюда-то, несомнѣнно, и въ нашемъ древне-русскомъ законодательствѣ тѣ строгіе законы, которые уже приведены нами выше ¹⁾.

И г. Розановъ, требуя установленія, на основаніи будто-бы закона Моисеева (о неправильности этого взгляда мы замѣтили выше), кромѣ сложныхъ (т. е. совершенія таинства брака) „и болѣе упрощенныхъ формъ заключенія брака, напр. вплоть до одного благословенія родителей, или до простой мѣны кольцами, такъ какъ возможно-ли вездѣ сыскать *полный приборъ обстоятельствъ для заключенія брака?*“ напрасно прибавляетъ:

„И тысячи дѣвушекъ спасутся! И мы отдѣлимъ настоящую привязанность отъ случая фривольности, легкомыслія“.

Напротивъ! тогда-то легкомыслію и дана будетъ полная возможность; тогда-то тысячи дѣвушекъ самымъ легкимъ образомъ погибнутъ ²⁾.

1) государство не даетъ въ обиду; 2) общественное негодованіе слишкомъ напряжено, ибо 3) слишкомъ велика разница между библейскимъ еврействомъ, гдѣ не было юношей старше 13 лѣтъ не женатыхъ и дѣвушекъ старше 12 л. незамужнихъ, и между нашимъ положеніемъ, гдѣ миллионъ самаго цвѣтущаго населенія стоитъ подъ ружьемъ *безъ правъ* жениться. и гдѣ $\frac{1}{3}$ дѣвушекъ до 30, до 40 лѣтъ и до гроба остаются безъ мужа и дѣтей. Но, кромѣ того, „гробы поваленные“, оглянитесь на себя: вы бы хотѣли побить камнями здороваго солдата и перезрѣлую дѣвицу „за блудъ“, но почему-же вы записали въ книгу для назидательнаго чтенія случай съ аскетомъ, который „умиралъ было“, но „воспылалъ плотію“ и „палъ“, когда до его ноги только неосторожно дотронулась черничка. Вѣрно „себѣ соломки подстелю, а тебя на веревкѣ удавлю“. Не разобрали, что въ Ветхомъ Завѣтѣ „любодѣяніемъ“ и „прелюбодѣяніемъ“ зовется вовсе не здоровое размноженіе, но именно случай отношенія къ женщинамъ, когда зачатіе исключено: напр. соитіе съ менструирующей („виддой“) хотя-бы и въ законномъ бракѣ. В. Р—ва.

¹⁾ Да вовсе не „оттуда“, или „оттуда“ при полномъ безграмотствѣ. У насъ „прелюбодѣяніемъ“ называется: 1) при 2-хъ свидѣтеляхъ сокупленіе мужа съ *не женою* или жены съ *не мужемъ*; 2) „паденіе“ дѣвцы. Въ „Ветхомъ завѣтѣ“ 2-ой случай былъ вступленіемъ въ бракъ и никакихъ тамъ „паденій“ не было; измѣнъ женъ не было (случая съ Суванною нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ книги Даниила, и онъ не возможенъ по всему устройству библейскаго законодательства), ибо достаточно было женѣ пожаловаться суду на грубое обхожденіе мужа, или что онъ не пускаетъ ее въ гости къ роднымъ, чтобы получить разводъ; измѣнъ мужа женѣ не было-же, ибо при полигаміи, уничтоженной лишь въ XIII вѣкѣ христіанской эры, это были не „измѣны“, а вступленія въ бракъ. Но евреи жестоки къ вступившимъ въ бракъ съ *инородцами* (образуется существо „ваала“, а не „іеговы“, предательство субъективизму иудейскому), хотя бы такое вступленіе сопровождалось всеми обрядностями „Каны Галилейской“. В. Р—ва.

²⁾ Ну, да, т. е. выйдя замужъ; вѣдь для васъ замужество-то и „гибель“, оттого вы передъ вступленіемъ въ бракъ и наставили рогаatokъ,

Настоящая-же привязанность, напротивъ, будетъ, *непретѣнно* будетъ искать совершенія *тайнства* брака, т. е. никогда не удовольствуется самою упрощенною формою брака ¹⁾).

Несправедливы и заключительныя слова г. Розанова.

„Такимъ образомъ подъ заповѣдь „не прелюбодѣйствуй“, установленную Богомъ, подходитъ вовсе не рожденіе (незаконнородившая дѣвушка), а напр., наша страшная проституція, о коей скромно молчатъ всѣ батюшки, набрасываясь лишь на случаи нарушенія разныхъ византійскихъ, нисколько не евангельскихъ и не библейскихъ (въ сущности—римскихъ) понятій о семьѣ“.

Что касается указаннаго „скромнаго умолчанія батюшекъ“, то у послѣднихъ есть нравственная и вмѣстѣ благодатная сила воздѣйствія ²⁾ на это зло, именно въ тайнствѣ покаянія. Конечно, о томъ, какъ батюшки борются съ этимъ зломъ во время исповѣди, знаетъ только одинъ Богъ, да тѣ, кои возстали ³⁾ изъ этого страшнаго паденія именно при воздѣйствіи пастыря на исповѣди и при благодатной помощи свыше, подаваемой въ этомъ тайнствѣ истинно вѣрующему. А спросимъ г. Розанова, изъ сколькихъ домовъ „такого рода“ обитательницы ихъ отпускаются содержательницами ⁴⁾ на исповѣдь?

Что-же противопоставляетъ г. Розановъ византійскимъ, по его выраженію, понятіямъ о семьѣ, какъ семью именно будто-бы евангельскую, библейскую?

волчьи ямы и западни; но что поп расет сморщенному скопцу, то расет бові-Россія. В. Р—въ.

¹⁾ Въ 3-хъ строчкахъ разрѣшилъ вопросъ. Ну, а солдаты? офицеры? студенты? Скажутъ—„потерпятъ“. Ну, а очень некрасивыя дѣвушки, а очень бѣдныя? Отвѣтятъ: „такъ Богъ велѣлъ, вѣрно не судьба“. Но я отвѣчу жестокому: „не приняли имени Господа Бога твоего всуе“ и „не сотвори себѣ кумира“ изъ своего мнѣнія. О, краткословные и жестокие... В. Р—въ.

²⁾ Ха-ха-ха... Уморилъ. Это на ураганъ-то голода, понуждающаго (бываетъ! бываетъ!) матерей для прокормленія дѣтей самимъ выходить на улицу и проституировать, и дѣтей туда-же посылать (Соня Мармеладова); фарисей, умастивъ голову елеемъ, заявляетъ: „какъ-же, мы помогаемъ! дѣйствуемъ, стараемся“!.. Да что-же я, однако, забылъ: въ Петербургѣ дѣйствительно въ дома терпимости разсылается теперь (по почтѣ?) журналъ духовно-нравственнаго чтенія: „Паломникъ“. Между тѣмъ: жени ты лишняго, выдай лишнюю за мужъ, и ты: 1) одну на вѣки гарантируешь отъ проституціи, какъ-бы привьешь осцу противъ проституціи, и 2) погасишь сотни, а то и тысячу вхожденій въ домъ терпимости этого женатаго юноши. Надо бы, въ виду этого, государству, духовенству прямо броситься женить и выдавать за мужъ. Ну, а посчитайте-ка въ своемъ вѣдомствѣ „препятствія къ браку“, или еще красивѣе, прочтите рубрику: „о расторгеніяхъ уже заключенныхъ браковъ“, о вдовыхъ священникахъ. В. Р—въ.

³⁾ „Возстали“ тѣ, которымъ было чѣмъ уплатить „хозяйкъ“; о прочихъ мотивахъ „возстанія“ никто не слыхалъ. В. Р—въ.

⁴⁾ Да вы бы похлопотали передъ начальствомъ, то можетъ быть и обязали бы отпускать. Тутъ что-же „г. Розанова“ спрашивать. В. Р—въ.

Въ № 8873-мъ, отъ 8-го ноября, мы читаемъ написанныя имъ строки:

„Незаконныя дѣти являются 2) отъ отсутствія развода, или и при разводѣ—отъ запрещенія вступать въ бракъ „прелюбодѣю“ (читай: „великодушнѣйшей сторонѣ, принявшей на себя вину“). Разводъ стоитъ около 6—7 тысячъ. Семья фактически лѣтъ 8—10 не существуетъ и не имѣетъ никакихъ надеждъ воскреснуть. Вся психологія (?) умершаго супружества не существуетъ, вся его логика (?) и реальная религія (?)—тоже ¹⁾. Мужъ, т. е. „прелюбодѣй“ — живетъ холостякомъ годы, пять лѣтъ, десять лѣтъ, и конечно—прелюбодѣйствуетъ на этотъ разъ уже въ самомъ дѣлѣ, потому что принуждается (?) къ этому законнымъ своимъ положеніемъ, насильственно (?) вдовымъ. Наконецъ, когда ему достаточно невыносима станетъ эта отвратительная жизнь, онъ вступаетъ въ „блудное сожитіе“, которое, если посмотрѣть снаружи, кажется, таковымъ, а войдя въ домъ, опять вы видите настоящую (?) и полную семью, въ которую человекъ вырвался изъ принудительно навязаннаго (?) ему разврата, въ которой онъ отдыхаетъ и утѣшается послѣ десяти лѣтъ жизни и муки: но, увы! всѣ дѣти отъ этой полной (?) и чистой семьи (?) суть тоже незаконнорожденныя“... Общее правило: ни государство, ни религія не въ правѣ становиться между дѣтьми и родителями. Это нечестіе, это—пѣгас“... „Дѣти предохранили-бы бракъ отъ разложенія; а теперь (т. е. когда „незаконнорожденныхъ“ дѣтей не признаютъ „законными“), мы наказываемся отъ Бога тѣмъ, что бракъ рассыпается, таетъ, сталъ холоденъ, корыстенъ, нравственно никому не нуженъ“... „и—нѣтъ „адюльтера“,—не признаемъ, отрицаемъ: есть только нравственная и отвѣтственная связь супружества“. И я радуюсь, что въ этомъ своемъ утвержденіи могу опереться на столь великій авторитетъ Боговида“.

Ужели—таковы библейскія и евангельскія понятія ²⁾ о семьѣ, о бракѣ, о дѣтяхъ?

Х. Между тѣмъ истинно-христіанское ученіе о бракѣ совершенно иное. Бракъ—*не договоръ, не обязательство и не законное рабство*,—какъ это представляетъ г. Розановъ: онъ есть воспроизведеніе образа, установленнаго Божественнымъ Закономъ, онъ есть именно св. таинство, совершаемое Церковію чрезъ вѣнчаніе. Въ докладѣ своемъ: „*Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожительствъ*“³⁾ на страницахъ 5, 6 и 7 мы, по возможности, старались, руководствуясь указаніями нашихъ отечественныхъ богослововъ, проповѣдниковъ и писателей,—выяснить сущность „тайны“ брака и показать, какое значеніе бракъ имѣлъ всегда въ глазахъ Церкви, признающей его за *таинству* и за *тайну* ³⁾.

¹⁾ Чего ставитъ авторъ (здѣсь и ниже вездѣ) знаки вопроса? Неужели онъ не соглашается съ очевидностями? В. Р.—въ.

²⁾ Не понимаю, о чемъ авторъ пишетъ. Я говорю о жестокости нашего законодательства о семьѣ и бракѣ; оппонентъ восклицаетъ: „неужели это черты библейскаго брака“. Мнѣ остается только пожать плечами. В. Р.—въ.

³⁾ Нужно бы точнѣе выражаться: „таинствомъ и тайною мы признаемъ наше участіе и власть и глаголы, прилагаемые къ бракосочетающимся и браку, каковыя сами въ себѣ порнографичны, не чисты и грѣшны“. А по неяснымъ выраженіямъ вы подаете поводъ думать, что что-

Тамъ-же, и на слѣдующихъ страницахъ—8, 9, 10 и 11, указанъ нами взглядъ церковный (а онъ—и истинно христіанскій, библейскій, евангельскій) на разводъ, на необходимость *цѣломудрія* супруговъ и не супруговъ, на причины, повреждающія законъ и тайну брака, — между прочимъ и на *необузданную страсть* къ плотскимъ наслажденіямъ, каковой страсти г. Розановъ,—своими статьями, которыя именно и побудили насъ написать *сей отпоръ*,—даетъ нынѣ такую широкую дорогу. всѣ малѣйшія затрудненія на которой, препятствія и стѣсненія, ему желательно *устранить*, даже *постановленіемъ* (какъ сильно желаетъ этого г. Розановъ!) *гражданской и церковной власти*. А между тѣмъ *объ эти власти* всегда утверждали, утверждаютъ и будутъ утверждать, что супружество имѣетъ важное значеніе по отношенію къ Провидѣнію Божию, къ семейству и къ Государству, что бракъ, какъ супружество, освященное св. таинствомъ церковнымъ, на вступившихъ въ такой, Богомъ благословенный, союзъ налагаетъ полную обязанности, пренебрегать которыми уже никто не имѣетъ права.

Богъ, сотворивъ первыхъ челоуѣковъ, имъ самимъ и ихъ потомкамъ ¹⁾ вѣрилъ дальнѣйшее произведеніе людей на свѣтъ, вѣрилъ какъ-бы продолженіе Своего творческаго дѣйствія. Какой великій даръ ²⁾! И можно-ли дерзновенно принимать его безъ особеннаго благословленія ³⁾ Божія? Можно-ли вступать безъ бла-

доброе мыслите о людяхъ, вступающихъ въ бракъ. Но кажется пора барану начать беречь свое руно для себя: зима идетъ. В. Р—въ.

¹⁾ Ну, такъ—имъ, а не вамъ? Вы-то откуда взялись? Посылая въ міръ апостоловъ, отъ миссіи которыхъ идутъ всѣ *ваши* задачи и прерогативы въ мірѣ, Спаситель сказалъ: „идите и *благословѣствуйте* царство небесное, *хромыхъ* исцѣляйте, слѣпымъ возвращайте зрѣніе, прокаженныхъ очищайте, вездѣ *благословѣствуйте* лѣто Господне прохладное“. Но о *бракахъ* или *расторженіяхъ* и *заключеніяхъ* его ничего не прибавилъ. Вотъ и „исцѣляйте слѣпыхъ“, чѣмъ писать безсвязныя спатейки на тему, *до васъ вовсе не относящуюся* (не передалъ этого *вамъ* Спаситель). Такъ-что вы похожи на „посланника“, который забылъ „вѣрительныя грамоты“. Таковыхъ обычно посылаютъ обратно, что здѣсь и приходится дѣлать мнѣ. „Пропуска“ у васъ, „паспорта“, „документа“ нѣтъ на всѣ эти дѣла о „незаконнорожденности“ и о „расторженіи“ браковъ и о „препятствіяхъ“ къ браку. В. Р—въ.

²⁾ А вы его оспариваете! Порицаете, повосите! Какой *ужасный* смыслъ имѣетъ эта брошюра, какой здѣсь „памятникъ“ лежитъ отношенія къ браку! В. Р—въ.

³⁾ Да вѣдь въ „благословеніи“—то (въ Раю еще) и заключается „благословеніе“?! А вы говорите: „безъ благословенія“. Значитъ вы кассируете *то первое* благословеніе Бога? Ужасная истина и состоитъ въ томъ, что это—въ самомъ дѣлѣ произведено вами. И когда *то древнее* благословеніе кассировано, затоптано, опозорено бранью—тогда и *выдвинулась* такая особая необходимость въ новомъ и личномъ каждому отъ *васъ* благословеніи. Кто сталъ „на мѣсто Бога“, чувствуетъ ужасную въ *себѣ* нужду. Вотъ мотивъ горячности автора: ибо если-бы онъ не на одной

гословенія отъ Бога ¹⁾ въ этотъ союзъ, который есть великая тайна, по подобію таинственнаго соединенія ²⁾ Христа съ Церковію (Еф. V, 29 и 30).

По свидѣтельству Священнаго Писанія, бракъ установленъ отъ отъ Бога во взаимную также помощь, ободреніе, утѣшеніе и благополучіе ³⁾ супруговъ (Быт. II, 18).

этой 69-й страницѣ брошюры помнилъ, что „Богомъ великій даръ чадородія благословенъ“, то и въ голову ему не пришло-бы писать безтолковщину: „дерзость есть *безъ моего повторнаго благословенія самонадѣянно исполнять ранѣе благословенное Богомъ*“. В. Р—а.

¹⁾ Да вѣдь оно *было и остается*, несчастный вы оппонентъ? Вѣдь вы противъ Бога и его благословенія идете во всей этой брошюрѣ? В. Р—а.

²⁾ Вотъ это давно бы надо замѣтить, что „единенія пресвитера вѣнчающаго съ четою вѣнчаемою“ конечно не происходитъ, и никто этого не утверждаетъ; между тѣмъ „тайною во образъ соединенія Христа съ церковью“ именуется въ бракѣ конечно какое-то „соединеніе“—же. Кого-же? Да *мужа и жены*, „двухъ въ плоть едину“, какъ опредѣлить и Спаситель. Плодъ „единенія Христа и церкви“ есть душа возрожденная; и ему уподоблено „единеніе мужа и жены“, рождающее младенца. Но между пресвитеромъ и четою какъ нѣтъ „соединенія“, такъ ничего отъ нихъ и не рождается. Неужели можно сказать: „какъ Христосъ соединенъ съ церковью, такъ пресвитеръ соединенъ съ вѣнчаемыми“. А если нельзя этого сказать, то очевидно „тайна“ и „таинство“ лежитъ *между* мужемъ и женою, а не *между* ими и пресвитеромъ. Но конечно мы этимъ не отрицаемъ вѣнчаніе, какъ *благословеніе*; и какой глупый или безумный станетъ бѣгать благословенія. Развѣ въ бѣлой горячкѣ. Однако иное отсюда выходитъ рѣшеніе о тѣхъ, кои по нуждѣ времени или обстоятельству не *смогли* благословиться. Они все-же благословлены Богомъ и признавы (должны быть) человѣчествомъ. Рѣчь и идетъ не объ отрицаніи, а объ *ограниченіи* и *введеніи въ русло* претензій новыхъ и неосновательныхъ; дабы благословенно было благословеніе и алкалось человѣчествомъ, а не то, чтобы насильно навязывалось ему, а не успѣвшіе его принять—дабы наказывались. Есть исповѣдь: но если-бы вы, встрѣтя на Литейномъ мосту челоуѣка, схватили его за горло и сказали: „не слышалъ развѣ словъ Іоанна Крестителя: *покайтесь*? Куда рыло гнешь, куда зенки смотрятъ, смотри прямо въ глаза, отвѣчай: *покаяніе установлено*? а ты, шельмецъ, идешь себѣ, пѣсню напѣваешь, пальто на тебѣ нарядное, когда Іоаннъ Креститель ходилъ въ рубищѣ. Но изрѣчено: *стакіра лежитъ при корнѣ дерева* и я тебя, не раскаянную собаку, въ тюрьму предварительнаго заключенія, кстати близко здѣсь, на самой Литейной“. Конечно, это была-бы весьма странная историческая разработка словъ Іоанна Крестителя о *покаяніи*. Между тѣмъ точь въ точь эти грубости мы имѣемъ какъ разработку заповѣди: „плодитесь, множитесь“. Вѣдь весь этотъ трактатъ А. Дернова направленъ *противъ дѣтей*, грозить имъ, ихъ родителямъ. И самымъ заглавіемъ какъ-бы хватаетъ на улицѣ, обвиняетъ, требуетъ. Получилось не благословенное благословеніе, не доброе, жесткое, суровое, гордое. В. Р—а.

³⁾ Ну, да. Но „помощь, ободреніе, утѣшеніе“ въ ритуалѣ не содержится. Оставьте неточности и назовите или одно вѣнчаніе таинствомъ брака: тогда объ „утѣшеніи, помощи, ободреніи“—ни слова. Или *изъ* назовите бракомъ: но тогда имъ будетъ всякое „незаконное сожитіе“, въ которомъ есть „ободреніе, утѣшеніе, помощь,—“да кстати признайте „не-

Бракъ служитъ также въ предохраненіе немощнаго человѣка ¹⁾ отъ соблазновъ (поэтому, именно св. Церковь и Государство дозволяютъ вдовымъ или разведеннымъ не по собственной винѣ—второй и даже третій бракъ), пороковъ и болѣзней (1 Кор. 7, 9, 2 и 5) и залогомъ благословія Божія для общества семейнаго, родственнаго, народнаго и гражданскаго (Быт. I, 28). Можно-ли думать, что Провидѣніе Божіе оставитъ безъ вниманія злоупотребленіе ²⁾ симъ даромъ, и что злоупотребителей не постигнетъ правосудіе Божіе? А развѣ не злоупотребляютъ люди этимъ даромъ, когда они приступаютъ къ „полосочетанію“ ³⁾ безъ всякаго освященія и благословія? Дѣйствіе правосудія Божія въ этомъ отношеніи не всегда явно, не всегда скоро, но для внимательно наблюдающихъ пути Божіи,—несомнѣнно.

Изъ благословеннаго супружества образуется благословенное семейство и родство ⁴⁾; изъ семействъ и родства благословенный народъ, отечество и государство ⁵⁾. Если корень общества святъ,

дѣйствительность всѣхъ браковъ“, гдѣ этихъ „утѣшеній“ и „помощей“ не оказалось. Но вы загребаετε обѣими руками: своего не выпускаете и чужое хватаете. *Любовь, утѣшеніе* и проч. *между* пресвитеромъ и четою въ вѣчаніи не просходить. *Н. Р—въ.*

¹⁾ Подождите, подождите: опять путаница. Что-же это, *участіе пресвитера* (= „бракъ“) предохраняетъ „отъ соблазновъ, пороковъ и болѣзней“? Явно, что—самая *жизнь въ супружествѣ*. Но вы говорите: „бракъ предохраняетъ“; значитъ „бракъ“ вы опредѣляете какъ „жизнь четою, сочтованная жизнь“. Но весь этотъ трактатъ противъ *частоты* и *повсюдности* ея направленъ. Но вы упомянули о „соблазнахъ, порокахъ и болѣзняхъ“. Какъ вы попались? Значитъ, стремясь разрушить *факты сочертанія* („незаконныя житія“) вы ввергаете людей „въ соблазны, пороки и въ болѣзни“. Какое ужасное признаніе. О, это есть истинная книга документовъ, *откуда* все зло міра идетъ. *В. Р—въ.*

²⁾ Да гдѣ-же „злоупотребленіе?“ *Не было* жены (женщины „въ плоть едину“ со мною)—беру ее; *мужа* не было—беретъ его. Никто-же не беретъ одновременно жену на жену и мужа на мужа, кромѣ какъ кажущимся образомъ (фактически *распавшіяся* семьи). *В. Р—въ.*

³⁾ Да что-же дѣлать, когда вы не даете вѣчанія солдату, офицеру, разведенному? Вы-бы отказались *отпѣвать* покойниковъ: неужели люди должны тогда „не умирать“, „воздерживаться умирать“. Только и можно сказать: „не трясите за шиворотъ, больно“. *В. Р—въ.*

⁴⁾ То-то и дѣло-то, что вы *цѣлое семейство* и *цѣлое родство* убиваете въ каждой четѣ, которая благословится у васъ не смогла, а вы въ наказаніе отрицаете, что это „бракъ“, „родители и дѣти“, „мужъ и жена“. Изъ за гордости вашей погибли міриады жизней. И еще страшность: развѣ „тайнство покаянія“ своимъ бытіемъ порицаетъ случаи *раскаянія передъ* частнымъ человекомъ? Почему же „бракъ“ порицаетъ „незаконныя сожителства“? Очевидно не онъ порицаетъ, а испуганные за власть свою и доходы. *В. Р—въ.*

⁵⁾ Ну, пожалуй вы станете отрицать, что „отечество, народъ и государство“ существовало у эллиновъ и римлянъ, „такъ-какъ тамъ не было консисторій, и они жили скорѣй по Розанову, чѣмъ по Дернову“. *В. Р—въ.*

то и вѣтви его святы и благословенны. Слѣдовательно, если корень нечистъ и гниль ¹⁾, и вѣтви его не чисты и не прочны.

Неблагословенный бракъ лишаетъ благословія Божія семейство. Дѣти узнаютъ, что ихъ родители не уважали закона ²⁾, и легко приходятъ къ мысли, что и имъ не нужно уважать закона болѣе, нежели ихъ родителямъ. Упалошь нравственности, начатый родителями, продолжается въ дѣтяхъ и далѣе.

Государство состоитъ изъ семействъ. Разстроенныя составныя части разстроить и цѣлое ³⁾.

Посему, естественно ожидать отъ нарушенія законовъ брака и цѣломудрія тѣхъ общественныхъ послѣдствій, какія изображаетъ пророкъ: „Прелюбодѣйство крайне распространилось по земль, и кровопролитіе слѣдуетъ за кровопролитіемъ: за то восплачетъ земля сія, и немогутъ встъ живущіе на ней“ (Осіи, 4, 2 и 3).

Этого-ли желаетъ г. Розановъ для нашего дорогого отечества?

Не можетъ-ли нужда извинить отступленіе отъ брачнаго закона, напимѣръ, когда отъ несчастнаго супружества ищутъ другого супружества „которое, говоритъ г. Розановъ, можетъ имѣть лучшую полную условій рожденія дѣтей, въ смыслѣ вѣрности, цѣломудрія, любви, согласной жизни супруговъ (рождающихъ)? Меня поражаютъ другіе случаи: когда разныя каноническія препятствія мѣшаютъ вступленію въ бракъ и когда мы имѣемъ налицо прекрасную и полную, иногда стародавнюю (?) семью, и все-таки эта семья (?) религіозно и юридически разрывается, уничтожается. Вотъ гдѣ печас, вотъ гдѣ — нечестіе, уже со стороны закона“.

Никакъ! Что можетъ быть несчастье мужа, у котораго жена безумна до такой степени, что ее нужно держать на цѣпи ⁴⁾. Но правило церковное говоритъ, что и въ семъ случаѣ онъ не долженъ оставлять ее и искать другой ⁵⁾. Кого несчастное супру-

¹⁾ То-то хочется вамъ „загноить“ всѣхъ; „я — святъ, а младенецъ — исчадіе сатаны“, вотъ что мерцаетъ сквозь вѣ ваши слова. Первородный это грѣхъ вашъ — ваша гордость. В. Р.—въ.

²⁾ Скажите, солдаты-то, которымъ запрещенъ бракъ, тоже, родивъ, *принебрегли* закономъ? Нѣтъ, вѣдь дѣло съ „закономъ“ такъ обстоитъ:

а) Законъ былъ данъ (Вогомъ въ раю)

б) его — *отмѣнили*

с) *возстановляютъ* его, даже насильно (солдаты, дѣвушки)

д) негетъ (отлученіе) — *возстановляющимъ*.

Всякая дѣвушка, имѣющая въ утробѣ младенца и бережно его носящая, имѣетъ семь небесъ благословляющихъ надъ собою. В. Р.—въ.

³⁾ Своими недопущеніями и расторгеніями браковъ вы и дѣлаете это. Смотрите, вся Россія покрыта заразой болѣзни и разврата; но метрики въ консисторіи чисто переписаны; и вы кричите „*noni tangere cas*“, заявляя всѣмъ, будто — *тутъ* отечество. В. Р.—въ.

⁴⁾ Какой милый языкъ. Буквально онъ къ мужьямъ и женамъ относится какъ къ собакамъ. То-то „во образъ любви Христа къ церкви“. Ужасное принятіе „имени Господа всуе“. В. Р.—въ.

⁵⁾ Да если она сама убѣжала! А если жену мужъ жесточайшимъ образомъ *прогналъ*? Вѣдь это все надо *разсудить*, а не по верху летать. Кстати, прямой совѣтъ: „держать на цѣпи“ — *запомнимъ*. В. Р.—въ.

жество постигло по неисповѣдимой судьбѣ Божіей, тотъ долженъ терпѣть оное, какъ испытаніе отъ Бога ¹⁾, а кого вслѣдствіе неразумительнаго выбора, тотъ долженъ терпѣть оное, какъ наказаніе за свою безразсудность. Посему ²⁾ 87 правило VI вселенскаго собора говоритъ рѣшительно: „жена, оставившая мужа, аще посягнетъ за иного, есть прелюбодѣйца“. „Составъ выраженій правила позволяетъ заключать, говоритъ V-ый митрополитъ Филаретъ Московскій, что было-бы мѣсто извиненію нѣкоторому, если-бы она только оставила мужа ³⁾, а не посянула за другого; но въ семь послѣднемъ случаѣ нѣтъ мѣста извиненію. Церковь — осуждаетъ“.

Если есть примѣры вступившихъ въ незаконные браки и не подвергшихся дѣйствию церковнаго правосудія; то это потому, что духовному начальству не было средства правильно узнать вину, и степень ея, и призвать виновныхъ къ суду. Такіе примѣры не ведутъ къ тому, чтобы оказать покровительство незаконному сожитію, или полосоветанію, которое открыто подвергнуто суду и дѣйствительно осуждено, подобно какъ примѣры людей, похитившихъ чужія вещи и укрывшихся отъ суда, не ведутъ къ тому, чтобы уличеннаго похитителя поставить на ряду съ невинными ⁴⁾.

Что касается ссылки г. Розанова, стремящагося доказать, что бракъ не есть таинство, на г. Филиппова, который „приводитъ въ длинномъ рядѣ историческо-каноническихъ доказательствъ слѣдующій разительный примѣръ изъ законодательной практики нашихъ дней:

¹⁾ То-то „совоздыхающіе міру“ инквизиторы... Ну, это ваше распоряженіе, а гдѣ-же объясненіе, мотивъ, доказательство? „Моя лапа хочетъ“... Но уже настало время, когда міръ скажетъ вамъ: „а мое сердце не хочетъ“, да и скажетъ также безъ мотива, безъ объясненія, люто и сухо, какъ вы ему говорили доселѣ. В. Р—вз.

²⁾ Почему „посему?“ Въ „семь“ ничего не содержится, кромѣ 2-хъ строчекъ Дерновскаго разсужденія: „вамъ Богъ послалъ испытаніе—терпите“. Какъ это легко сказать. Вотъ я безълично и вообще упомянулъ о „платѣ за трудъ“, о подозрѣніи „мзды“ въ таинствѣ, и какъ вы забѣгали, заскрипѣли перья, полетѣли жалобы, навсегда гласныя. Почему-же себѣ вы не сказали: „потерпимъ, ибо испытанія посылаются намъ отъ Бога“. Явно, что Божіе имя вы всеу произносите, употребляя его также мало подумавъ, какъ когда вынимаете изъ кармана платокъ. В. Р—вз.

³⁾ Какое *хитрое* выраженіе; скопческаая тенденція къ расторженію браковъ. Такъ удлинняя мысль Филарета. католическіе патеры соблазняютъ невѣсть и жень покидать жениховъ и мужей и идти къ нимъ. Но я отвѣчу: лучше оставить (хоть и больно это) жениха для жениха, и мужа для мужа, чѣмъ для васъ, неумолимыхъ „враговъ съмени жень“. В. Р—вз.

⁴⁾ Скажите, уравниваетъ съ ворами. О, какъ понятны дѣтубійства, притоны Скублинскихъ. Куда бѣжать отъ осужденія? Осуждающій безпощаденъ. Но... „виноградъ“ уже *нынѣ* „зеленъ“: государство объявило правилами 29 іюня 1902 г. *равную правоспособность* материнской семьи съ отцовскою, и передачу дѣтямъ законнаго наслѣдства и фамилии матери. Примѣч. 30 августа 1902 г. В. Р—вз.

Когда еврейская или нѣмецко-лютеранская семья, состоящая изъ мужа, жены и дѣтей, переходитъ въ православіе, то отношенія членовъ семьи считаются законнымъ православнымъ бракомъ безъ требованія, чтобы они повѣчались въ православной церкви. Крещеніе содѣлало такую еврейскую семью православною; но что содѣлало православно-христіанскимъ ихъ бракъ? Очевидно не еврейское вѣнчаніе, а только простой фактъ супружества, совершенно равно качественный и равно количественный нашимъ нелегальныхъ семьямъ, если, оговорюсь,—онѣ честны, вѣрны и чисты¹⁾—то здѣсь Церковь, допуская такіе браки, держится словъ Апостола: (1 Кор. 7, 14): *„невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были-бы нечисты, а теперь святы“*! Св. таинство крещенія еврейской семьи, очищая ея первородный грѣхъ¹⁾, очищаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все нечистое и грѣховное, что было въ этой семьѣ до „крещенія“, что, слѣд., было не чисто и въ ихъ плотскомъ сожитіи, *если только оно заключено было по формѣ, принятой и утвержденной у даннаго народа, а не было простое сожительство, безформенное*²⁾.—Кромѣ того, для тѣхъ, принимающихъ христіанство, евреевъ, или вообще иновѣрцевъ, принимающихъ Православіе, кои этого пожелаютъ, убѣдясь въ благотворности той помощи, которая дается вѣрующимъ именно въ св. таинствахъ Церкви,—для тѣхъ совершается и самое браковѣнчаніе, т. е. преподается имъ св. таинство брака, для благословеннаго рожденія и воспитанія дѣтей, чтобы они были святы.

Изъ всѣхъ означенныхъ разсужденій можно видѣть³⁾, что у насъ блюдается святость благословеннаго брака болѣе строго⁴⁾ и болѣе лучшими средствами, чѣмъ тотъ способъ, какой разумѣетъ въ своихъ статьяхъ г. Розановъ.

¹⁾ Помѣшались на „первородномъ грѣхѣ“, забыли слова Спасителя: „кто скажетъ ближнему своему *рака* (=„глупый человѣкъ“) уже подлечь геенѣ огненной“. В. Р—въ.

²⁾ У евреевъ *заключеніе* брака считается гражданскимъ договоромъ, *контрактомъ*, и притомъ на временное сожительство. Какое-же къ этому отношеніе имѣетъ таинство крещенія? Съ контрактами таинства не связываются. Просто, государство *признаетъ благоустроенную семью, съ дѣтьми*. Не разрушаетъ ее. Такъ слѣдуетъ поступить и съ „незаконными сожитіями“. Просто надо *признать* ихъ и *оформить*, вписавъ въ одинъ паспортъ и одну метрику сожительствующихъ и дѣтей ихъ, „въ благословеніе будущему“; а вчерашнія ислѣвшія связи (документы о нихъ) порвать (если, напр. это есть сожительство еще не разведенныхъ супруговъ). В. Р—въ.

³⁾ Ничего не видно. В. Р—въ.

⁴⁾ Можно еще „строже“: просто запретить всѣмъ жениться и выходить замужъ. А на просьбу желающихъ вступить въ бракъ отвѣчать-бы: „э, чего захотѣли; дорогъ этотъ бриллиантъ. Подъ семью замками хранимъ,—бракъ-то. Никто не видитъ, сами на него не смотримъ, только по книгамъ числится и знаемъ, что есть. Повѣнчать? Нельзя! Что вы! Юкимъ и Анна состояли въ бракъ, такъ они—святые, „богоотцами“ нарѣчены.

Православная Церковь не знает такой идеализаціи человѣка, которая, какъ говорятъ его защитники, слышится въ словахъ г. Розанова. Послѣдній напрасно, какъ говорится и г. А—тъ, ссылается на Божественное Начало, которое, говоритъ г. Розановъ, „опредѣлило бракъ, по существу, чрезъ рожденіе, и даже короче и уже—чрезъ „прилѣпленіе“ половъ. Здѣсь не проведено линія между способами рожденія „въ адюльтерѣ“, „наложничествѣ“, „любви“ и проч. Не сотворено самаго понятія этого. Внебрачныя рожденія *началъ* (?) *тотъ*, кто далъ браку, существо (?) котораго, —на основаніи словъ Спасителя (?), есть полосочетаніе (?), *кто далъ браку невѣрное опредѣленіе*. На самомъ дѣлѣ незаконныхъ рожденій нѣтъ. Прелюбодѣяніе началось отъ того, кто создалъ, сотворилъ идею, что можно, что есть способъ касаться женщины неосторожно и внебрачно: тотъ и сотворилъ неосторожное къ ней касаніе. Кто первый сказалъ: „она (или онъ) любить незаконно“, —первый тотъ и развратилъ человѣчество“. „Исцѣлить человѣчество отъ разврата—великая проблема. *И ея исполненіе—въ объявленіи, что нѣтъ незаконныхъ касаній*“.

Г. Розановъ! Что вы говорите! Вѣдь, по вашимъ-же словамъ, („Нов. Вр.“ № 8858, столб. 3), заповѣдь „не прелюбодѣйствуй“ ¹⁾ установлена *самимъ Богомъ*. Кто-же, такимъ образомъ, *развратилъ* человѣчество? Не говорите-ли вы здѣсь хулы ²⁾ на самого Бога?

Вѣдь Самъ Божественный Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ учитъ, что есть „любодѣянія“ ³⁾ и „прелюбодѣянія“

А вы кто? Мѣщане? Купцы?—и купцамъ нельзя дать! Дворяне? Не взмучите—и дворянамъ не даемъ. Этого святаго таинства можно сподобиться, только ставъ святыми: проживите такъ жизнь, сподобьтесь канонизаціи, — и тогда придите и попросите: мы вамъ тогда дадимъ бракъ, а теперь не можемъ-же мы его расточать всякому“. *В. Р.—вз.*

¹⁾ Да не понимаете вы, *въ чемъ* она состоитъ: вотъ корень *всѣхъ* вашихъ недоразумѣній. Вы словомъ „не прелюбодѣйствуй“ ударили по слову „плодитесь, множитесь“, и кинули человѣчеству: „размножающіеся—вотъ прелюбодѣи“. Отсюда у васъ „незаконные дѣти“, отсутствующіе въ Евангеліи, въ Библии. Кто ихъ тамъ помнитъ? Гдѣ они тамъ? А должны-бы быть. Развѣ Измаилъ названъ „незаконнымъ сыномъ“ Агари и Авраама? или такъ именуется дѣти отъ Іакова и Рахили? отъ него и Валлы? отъ него и Зелфы? Послушать васъ, семь колѣвъ израилевыхъ были „незаконнорожденные“. И Соломонъ, сынъ Вирсавіи, былъ „побочнымъ“-же „сыномъ“. Но заградите уста свои, нечестивцы, и пощадите человѣчество. Опустите бичи Іероваама, чтобы Богъ не вырвалъ ихъ у васъ... *В. Р.—вз.*

²⁾ Богъ меня избавилъ отъ этого. Въ своемъ умѣ живу. А вы, уча человѣчество, что „не прелюбодѣйствуй“ запрещаетъ „плодиться и множиться“ не дѣлаете-ли то, въ чемъ меня обвиняете? Явно. *В. Р.—вз.*

³⁾ Да, напр. половое общеніе съ *ниддой* (менструирующей), хотя-бы то была и законная жена. Таковая считалась „нечистой“ и отношеніе къ ней „не чистымъ“, нарушало *седьмую заповѣдь*; предписывающую чистоту супружескихъ отношеній. А вы вздумали сюда подвести десятки тысячъ чистыхъ и счастливыхъ семей и цѣлую треть всѣхъ въ Петербургѣ рождающихся зарегистрировали въ „незаконнорожденные“. И не только наказали *ихъ, родителей ихъ*, но и требуете, чтобы ихъ—*не было*. Страшное это дѣло, и вспоминаются слова Іовѣ о Ниневіа: „тамъ 200.000

(Матѣ. 15 гл. 19 ст.), что надобно избѣгать *этихъ „грѣховъ“* (Іоан. 8, 11); св. апостолы учатъ о томъ-же, говоря прямо, что есть и *„незаконныя дѣти“*¹⁾ (Евр. 12, 8); Иисусъ Христосъ признаетъ, что нѣкоторые люди *„рождаются отъ любодѣнія“* (Іоан. 8, 41). См. также: Іакова, 1, 14 и 15: *„похоть рождаетъ грѣхъ“*.—Апостоль Павелъ говоритъ, что *„блудники“, „прелюбодѣи“*²⁾ Царства Божія не наследуютъ (1 Кор. 9 и 10), что *„имѣя обтѣванія о царствѣ Божіемъ, надобно очищать себя отъ всякой скверны плоти и духа и совершая святыню (т. е. принимая св. таинства, слѣд. и бракъ) въ страхъ Божіемъ“* (2 Кор. 7, 1).

Вотъ, г. Розановъ, гдѣ путь исцѣленія³⁾ отъ разврата! Надобно прочно утвердить бракъ, а не ослаблять его, не отвергать его. *Твердость-же брака*, поставляющая преграду разгулу⁴⁾ стра-

младенцевъ“.. Это о язычникахъ сказано, *чужакахъ*, а о Дерновъ требуетъ разрушенія для *своихъ*, онъ пишетъ о христіанахъ. В. Р.—вз.

1) У евреевъ назывались „незаконными“ всѣ дѣти отъ браковъ евреевъ съ язычниками (образуется существо „ваала“), хотя-бы и правильно заключенныхъ. См. поступокъ Ездры съ женами-вавилонянками. В. Р.—вз.

2) Такovy суть по преимуществу послѣдователи Омана, убитаго Богомъ. Его примѣру, „окаянному“, послѣдуютъ все ради славы земной оставляющіе себя въ безбрачїи или завистливо другихъ не допускающіе до счастливой семейной жизни, напр. несчастныхъ въ молодости овдовѣвшихъ священниковъ. Сюда и относятся слова Спасителя и Апостоловъ, обращенные къ полигамическому даже народу, и безъ одинаго упрека полигамїи. Ни въ Библии, ни въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ упрека ни „внѣ-брачному“ такъ называемому „сожителству“ („тогъ, котораго ты имѣешь, не мужъ тебѣ“, сказалъ Иисусъ самарянкѣ, не прибавивъ: „не касайся впредь его“), ни вообще любящему рожденію дѣтей. Что касается правилъ „Второзаконїя“, хотя въ нихъ и установлена полигамїя,—то даже они не обязательны въ новой эрѣ съ точкой зрѣнія того принципа новозавѣтной эпохи, что „если закономъ оправданіе—то Христосъ напрасно умеръ“ (Ап. Павелъ — „къ Галатамъ“). Вотъ А. Дерновъ на всемъ прострѣствѣ этой брошюры и доказываетъ или усиливается доказать, что „Христосъ напрасно умеръ“, ибо все время твердитъ: „однимъ закономъ оправданіе“. Наивная брошюра. В. Р.—вз.

3) Ну, и „исцѣлили“. Человѣчеству „исцѣленному“ остается только встать на колѣни и благодарить. Но я вспоминаю, что фактически бракъ дается въ *предупрежденіе* „соблазновъ, пороковъ и болѣзней“ (см. выше, слова Дернова) и находя человѣчество „въ соблазнахъ“ (кафе-шантаны), „порокахъ“ (въ родѣ Омана) и „болѣзняхъ“ (сифилис) говорю: „не торопись, человѣчество, становиться на колѣни: ты—все въ язвахъ, ибо *запрещалось* тебѣ супружество охраняющими (скрывающими, запирающими на замокъ) таинство брака“. В. Р.—вз.

4) Да какъ страстямъ не „разгуляться“, когда на всю жизнь, положимъ, приняшему на себя вину въ разводѣ запрещенъ бракъ? Очень тускло у васъ воображеніе и просто вы *лживы* представить, что отъ этого происходитъ. Я-же только и прилагаю слова Апостола, *единственно-бы* необходимые для законодательства о бракѣ: „во избѣжаніе блуда (въ родѣ Омана) *каждый* имѣй себѣ жену и *каждая* имѣй себѣ мужа“. Только это *одно* я и проповѣдую, да еще отвергаю, чтобы „блудъ пре-

стей, зависить отъ *религіознаго убѣжденія въ святости брака, какъ именно таинства!*

Поэтому-то не только церковное правительство, но и православленное государственное правительство въ нашемъ отечествѣ, да и всякое государственное правительство ограждаютъ заключеніе брачныхъ союзовъ подробными предписаніями, касающимися съ одной стороны условій, отъ которыхъ зависить правильность и безпрепятственность брака, а съ другой—формъ заключенія или совершенія, отъ которыхъ зависить непререкаемость и нерасторжимость его.

Г-нъ-же Розановъ, чудовишно извращая факты, поверхностно понимая сущность тайны, горячими статьями своими можетъ достигнуть только *полной разнузданности* молодежи, которая уже и такъ обычна стала нынѣ, „образованія“, какъ говоритъ г. А.—тъ „женскихъ семей, а слѣдовательно и полиандрій, массы семей у одного мужа, и умноженію великихъ сластолюбцевъ-паскудниковъ“, а слѣдовательно и *полигаміи*.

Посему мы скажемъ вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Богословомъ: „Да погибнетъ ¹⁾ такой супружескій союзъ, котораго не скрѣпилъ брачный законъ, въ святомъ таинствѣ брака“. С.-Петербургъ, 12-го. Ноября 1900 года.

XXXIV ²⁾).

Риголетто. Джильда!

Джильда. Отецъ мой!

Риголетто. О, подойди ко мнѣ. Лишь близъ тебя
Я знаю счастье, дорогая!

Джильда. Вѣрю, родной, вамъ
(Какъ имъ любима!)
Но вы вздохнули...
Откройте дочери вы сердце!
Джильдѣ во всемъ довѣриться
Можете смѣло. Узнать ей
Ужъ давно хотѣлось.
Свою семью родную...

Риголетто. Ты сирота.

Джильда. Но какъ зовуть васъ?

дупреждался“ *единственно* пропиской жены въ паспортъ и совершеніемъ обряда: я настаиваю на *фактическомъ* супружествѣ, а не этомъ фиктивнымъ. В. Р—въ.

¹⁾ Ну, что-же—спасибо за пожеланіе. Можетъ быть русская Ниневія затрясется отъ Петербургскаго Юны. В. Р—въ.

²⁾ *Тонъ* рѣчи — самое замѣчательное въ брошюрѣ священника Дернова; тонъ его — *о дѣтяхъ и родителяхъ*. И мы непосредственно смѣняемъ его *тономъ* безвѣстнаго и безъимяннаго, конечно — бездарнаго (какъ всѣ либреттисты) писателя словъ къ распространенному музыкальному произведенію. В. Р—въ.

Риголетто. Что пользы въ имени!..

Не выходи изъ дома.

Джилда. Хожу лишь въ церковь я.

Риголетто. И хорошо.

Джилда. Но умоляю, отецъ мой милый,
Мнѣ расскажите хоть о родимой!

Риголетто. О, равъ души не растравляй
О ней напоминаемъ!

Въ ней находилъ отраду я
Невзгодамъ и страданьямъ.

*Уродливъ, бѣденъ, жалокъ былъ—
И все-жъ въ ней чувство пробудилъ.*

Увы, на вѣки разстались мы!

Я зналъ, что съ нею теряю все;

Лишь ты одна мнѣ въ утѣшенье

Судьбой дана. Благодаренье

За то Творцу я возсылаю!..

Джилда. (Его печаль, его тоска

Тревожатъ сердце и томятъ).

О, мой отецъ, я васъ молю

Повѣдать мнѣ печаль свою!

Ее съумѣю я понять,

За что же такъ меня терзать?

Откройте ваше имя,

И что васъ огорчаетъ.

Риголетто. То имя знать что пользы?

Я—твой отецъ... довольно...

Однимъ кажуся страшнымъ,

Другіе проклинають...

Наврядъ-ли кѣмъ любимъ.

Джилда. Но знали вы отчизну?

Семью, друзей имѣли?

Риголетто. *Въра, семья, отечество*

И цѣлый міръ земной—

Въ тебѣ, въ тебѣ одной!

Джилда. Клянуся, выше нѣтъ

Отрады для меня,

Какъ звать, что вашу скорбь

Могу утѣшить я...

(Изъ *Дѣйствія II*).

Монтероне (шуту). Ты-жъ, ехидна,

Смѣешься надъ отца страданьемъ—

Такъ будь-же проклять!..

(Изъ *Дѣйствія I*).

XXXV. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“.

Позвольте обратиться черезъ посредство вашей уважаемой газеты къ защитѣ ея читателей и также читателей моихъ послѣднихъ въ ней статей по поводу такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. 18-го ноября мнѣ подали съ почты брошюру, чтеніе заглавія которой залило мое лицо краскою стыда: „*Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ*

дѣтяхъ. Отпоръ на призывъ къ безформенному сожитію или, върнѣе, къ половой разнузданности, и охраненіе святости брачнаго союза. Протоіерей А. Дернова. С.-Пет. 1901". Стыдъ во мнѣ смѣнился удивленіемъ, когда, отвернувъ обложку, на первомъ заглавномъ листѣ я прочелъ надпись чернилами автора: „Многоуважаемому сотруднику „Новаго Времени“ В. В. Розанову отъ автора, 17 ноября“. Какимъ образомъ идея „разврата“ и „многоуваженія“ согласуется въ умѣ и сердцѣ автора,—для меня непостижимо, и очевидно, что эти противорѣчія сердца и ума сокрыты и въ брошюрѣ. Сама собою какъ-то вспомнилась мнѣ печальная исторія Валаама, выѣхавшаго проклинать Израиля и противъ воли благословившаго его.—Самое заглавіе брошюры, которое читается въ витринахъ книжныхъ магазиновъ ранѣе ознакомленія, а иногда и вовсе безъ ознакомленія съ ея содержаніемъ, я не могу не считать глубоко оскорбительнымъ для себя, какъ частнаго человѣка, какъ для друга своихъ друзей и знакомаго своихъ знакомыхъ, такъ-же какъ и для писателя. Но вотъ уже общій, а не личный только интересъ: если такъ публично осрамляется и позорно квалифицируется только литературный защитникъ такихъ дѣтей, какова-же буря „словеснаго побіенія камнями“, падающая на голову какъ ихъ, такъ и особенно ихъ матерей. Однако, кажется общество одумывается; во множествѣ частныхъ получаемыхъ писемъ я вижу, какъ сострадательно и деликатно оно начинаетъ относиться къ такимъ дѣтямъ, и, кажется, всѣ круги людей приходятъ теперь къ соглашенію, что термины (и чувство, и понятіе) „незаконнорожденный“—не правиленъ, не ясенъ, не точенъ, не согласуется съ идеей воли Божіей въ рожденіи дѣтей. Но, какъ замѣтилъ я въ началѣ полемики, вопросъ этотъ есть неизслѣдимой глубины и богатства выводовъ, а не одной филантропіи, и касаться его въ краткомъ этомъ моемъ протестѣ—не время и не мѣсто. 23 ноября, 1900 г. В. Розановъ.

XXXVI. Письмо г. Розанову.

Почему-же вы, г. Розановъ, считаете заглавіе брошюры прот. А. Дернова „глубоко оскорбительнымъ“ для себя? Вѣдь оно вполне соответствуетъ содержанию вашихъ статей. И какой вы, подумайте, обидчивый! То, что указываетъ на истинный характеръ вашего quasi-философствованія, вы считаете почему-то оскорбленіемъ для себя, а то, что вы осмѣливаетесь, не имѣя никакого основанія, оскорблять цѣлыя учрежденія (какъ это вы позволяете себѣ въ отмѣченныхъ прот. Дерновымъ вашихъ статьяхъ), писать совершенно голословныя обвиненія напр. на консисторіи (письмо ваше въ № 8827 „Н. Вр.“),—находите съ своей стороны не оскорбительнымъ для этихъ учреждений и согласнымъ съ вашими

понятіями о справедливости, чести и добросовѣстности. Но позволите усомниться, есть-ли у васъ, г. Розановъ, истинныя понятія о справедливости, чести и добросовѣстности. Если и есть, то, вѣроятно, такія-же, какія у вашихъ кліентовъ, составляющихъ сочувствующее вамъ общество, о которомъ вы упоминаете въ нынѣшнемъ письмѣ. А это общество, какъ надо полагать—общество, по выраженію уважаемаго г. А—та, „великихъ сластолюбцевъ-паскудниковъ“ и дѣвицъ, населяющихъ пансіоны безъ древнихъ языковъ, или подобныхъ имъ. 24 ноября, 1900 г. А. Григорьевъ.

XXXVII. Копія съ отвѣта, посланнаго отцу протоіерею Александру Дернову.

(Посвящается глубокоуважаемому В. В. Розанову).

„Отпоръ“—ли?..

Пока я не прочиталъ книжки вашей, батюшка, я еще сомнѣвался, правъ-ли г. Розановъ. Но, прочтя ее, я вполне убѣдился въ правотѣ его, потому что въ немъ говоритъ искреннее и горячее исканіе правды *не по буквамъ* закона хотя бы Божьяго, а по духу его.

Развѣ въ постановленіи ученыхъ епископовъ 17 столѣтія по поводу извѣстнаго въ то время сочиненія Галилея о движеніи земли не сказано: „утверждать, что солнце стоитъ неподвижно въ центрѣ міра—мнѣніе нелѣпое, ложное съ философской точки зрѣнія и формально еретическое, *такъ какъ оно противорѣчитъ священной писанію*“?

Но развѣ, дорогой отецъ, въ этомъ постановленіи есть правда?

Правда открывается Всевышнимъ не сразу. Она бы ослѣпила. Лишь—постепенно, послѣдовательно чтобы усвоить ее было бы возможно. Лишь тогда, когда къ тому сталъ подготовленъ человекъ, сталъ онъ удостоенъ къ воспріятію.

И спрошу я васъ, духовный отецъ, есть ли правда въ томъ *нынѣ*, что женщина произошла отъ ребра мужчины,—тогда какъ самъ Сынъ Божій, нашъ Іисусъ Христосъ, произошелъ отъ женщины... знаю, что и отъ Духа Святого, но все же на свѣтъ-то явленъ, бывши *рожденъ* ею?..

Нельзя неправду, *ставшею очевидной*, оправдывать... хотя бы ссылкой на преданія старины глубокой. Какъ нельзя утверждать ужъ *нынѣ*, что земля неподвижна, ссылаясь лишь на священное писаніе. И не „отпоръ“ давать надо тѣмъ, кто будитъ совѣсть хотя бы вопреки буквы закона Божьяго. „Отпоръ“ надо давать тѣмъ, кто, опираясь на эту букву, усыпляетъ эту совѣсть, кто—низводитъ женщину на степень рабыни, чтобъ нашей похоти служить въ цѣляхъ ли дѣторожденія, или для ради только удовлетворенія этой похоти въ домахъ терпимости.

Неправда явная и стыдъ ужасный въ узаконенномъ просторѣ и безсовѣстной свободѣ, какіе предоставлены *понимъ* намъ, мужчинамъ, касаться женщины по произволу своего хотѣнія (правильнѣй—похотѣнія), низводить ее до степени товарнаго обмѣна, продажей заниматься ею какъ живымъ товаромъ.

„Адамъ библейскій тому намъ не препятствуетъ“,—думаете-ль вы, батюшка?

А новый нашъ Адамъ, тотъ истинный, единственный, который *лишь одинъ* и можетъ быть руководителемъ-то нашимъ, разъ христіане мы дѣйствительно по духу, а не по званію только, такъ этотъ новый-то Адамъ, нашъ Іисусъ Христосъ, рожденный женщиной,—какъ думаете вы, батюшка, то-жъ этому препятствовать не будетъ?!

Остерегайтесь, а то видно настало время Его втораго-то пришествія.

Развѣ существуетъ еще христіанство какъ ученіе правды, истины и свѣта? Девятнадцать вѣковъ тому назадъ оно существовало. Осталась нынѣ форма лишь одна, да масса лицъ; жизненно заинтересованныхъ въ сохраненіи формы этой во что-бы то ни стало...

...„признавать *всякую* любовь законною—значитъ низводить человѣка на степень животнаго“...

Значитъ, любовь какъ чувство пола, сама по себѣ, есть нѣчто такое, что унижаетъ достоинство человѣка, какъ таковаго? Что-же это такое, однако, „человѣкъ“? Не женщина во всякомъ случаѣ, что „чувство пола“ возбуждаетъ. Очевидно... человѣкъ это „мы“ съ вами, господинъ писатель и господинъ читатель; „мужчина“ это. Только онъ. Такъ какъ еще не слышно было, чтобъ женщина сказала отъ себя, какое есть такое опредѣленіе это. Для нея, для женщины, еще и до сихъ поръ „человѣкъ“—это есть или *отецъ*, или *мужъ* или *братъ*... Ахъ, это все такъ хорошо еще!.. А то еще есть „*господинъ*“, что жить ей съ паспортомъ лишь разрѣшаетъ. Еще есть и такой, что *желтымъ паспортомъ* ей мѣсто въ жизни сей опредѣляетъ, и самъ ее потомъ въ безпутствахъ укоряетъ. Еще есть „тотъ, который“... пусть Лермонтовъ за насъ кончаетъ. А то „коты“ еще,—чего ужъ Лермонтовъ не знаетъ... Есть, словомъ, „властелинъ“ ея и міра этого всего. Все можетъ онъ и по закону и внѣ закона. И лишь *она* одна не вправѣ безъ закона.

Но этотъ „онъ“, сей властелинъ самозванный, не ею развѣ же самой въ мученіяхъ-то рожденъ?!..

„...Твое названіе—*женщина*. Лишь мѣсяцъ!

„Еще не износились башмаки,

„Въ которыхъ шла она...

И прочее

— „Браво, браво!“ кричимъ восторженно всѣ мы. „Распятъ ее, распятъ—негодницу, и блудницу“...

И это—христіане??

Нѣтъ, не „отъ Бога оно“ и не „такъ“, а отъ женщины.

А женщина-- отъ Бога.

Вы изволили; В. В., упомянуть о совѣсти русскаго народа. А только... въ нынѣшній вѣкъ огромнаго и быстрого техническаго и другаго развитія, ведущаго человечество впередъ со скоростью свыше ста километровъ въ часъ, которая скоро будетъ скоростью обыкновенной,—врядъ-ли совѣсть-то эта самая надолго дома засидится...

Не въ укоръ это вамъ. Нѣтъ! Низко въ поясъ кланяться высокоуважаемому В. Розанову за его правдивыя статьи, что будятъ эту совѣсть. Вѣдь, вопросъ о положеніи женщины—корень всѣхъ вопросовъ...

Но нельзя, думается, предоставить *одному* полу рѣшать по *совѣсти* все-то, что *двухъ* касается. Надо предоставить рѣшеніе это и другому полу. Но чтобы оно было *дѣйствительно* рѣшеніемъ, а не какой-то тамъ полиандріей или полигаміей, надо прежде оба пола уравнивать во всѣхъ правахъ, какъ должно быть, по чистой совѣсти. 26 ноября 1900 г. (*Анонимно*).

2.

Милостивый государь.

Примите глубочайшую благодарность за вашу высоко гуманную защиту несчастныхъ дѣтей, обездоленныхъ жестоко, за вину ихъ родителей. Еслибъ было побольше такихъ людей, какъ вы, то была бы и справедливость. Наша религія вмѣшалась въ такое дѣло, гдѣ ей слѣдовало показать, что св. воля Творца именно доказывается рожденіемъ человѣка, и что противъ этой воли сказать что либо есть великій грѣхъ! А наша религія взяла право рѣшать: законно или незаконна воля Творца!! Это что-то ужасное, смѣлость судить волю Божію, нашего Творца. Если форма брака такъ нужна, то должны опредѣлить наказаніе для родителей за вѣнчаніе рожденіе дѣтей, но дѣти-то за что же обвиняются? Гдѣ эти честные законные браки безъ измѣны и обмана? Именно они-то и причиной тому, что столько обездоленныхъ дѣтей родится на свѣтъ Божій. Нѣтъ между супругами ни любви, ни уваженія, ни вѣрности, это уже нравственно разрушенный бракъ, не лучше-ли, не честнѣе-ли прямо сознать это и не прикрываться закон-бракомъ, какъ ширмами, чтобы жить развратно. И этому помо-

гаетъ именно законный бракъ, который разрушить *законно* можно только черезъ ложь, черезъ ложныхъ свидѣтелей. И такой то бракъ О. Дерновъ защищаетъ! Только іезуиты могутъ такъ писать, ничего не желая видѣть, лишь-бы было все по формѣ. Это возмутительно. Проходить вѣка, что дѣти наказываются за вину родителей, но это нисколько не мѣшаетъ новому и новому рожденію ихъ. Зло, вопіющее зло дѣлается безъ конца несчастному беспомощному ребенку именно потому, что онъ безгласный въ ту минуту, когда совершается этотъ беззаконный произволъ надъ нимъ. Безъ воли Божіей волосъ съ головы не упадетъ, такъ говоритъ Евангеліе; родится человѣкъ по волѣ нашего Творца, и эту-то св. волю называютъ незаконной?!

Подумать страшно, что религія возстаетъ противъ воли Божіей, и цѣлые вѣка допускается такой великій грѣхъ! Богъ даетъ жизнь, и эту жизнь называютъ „незаконная“. Это воля-то Господа незаконная? Какъ можетъ рука священника писать такое слово?—Надо говорить и говорить объ этой вопіющей несправедливости, несоотвѣтствующей нашей св. религіи, которая учитъ поступать справедливо, покоряться волѣ Творца, а не дѣлать зло беззащитному существу и явно нарушать волю Божию. Еслибъ крестилъ взрослые, то ни одинъ человѣкъ не позволилъ бы себя записать незаконнымъ, было бы возмущеніе, и исполнѣ законное. Пользоваться беззащитностью ребенка и сознательно, изъ-за этого, дѣлать ему зло на всю жизнь! И такую-то несправедливость защищаетъ Дерновъ, священникъ. Неужели онъ воображаетъ, что дѣлать зло такому существу, которое не умѣетъ еще сказать ни слова въ свою защиту, есть доблесть и охраненіе святости брака!? О! какое лицемеріе, ложь. За ваше справедливое слово, будутъ молить Бога тысячи матерей, сотни тысячъ дѣтей, чтобы Господь далъ вамъ силу бороться съ этимъ страшнымъ зломъ, которое поддерживаютъ служители церкви, для какой цѣли—я и понять не могу.

Чѣмъ легче былъ бы разводъ, тѣмъ болѣе дорожили-бы вѣрностью въ бракъ, и долѣе сохранялась-бы взаимная любовь, такъ-какъ взаимно боялись-бы потерять любовь. А теперь, какая надобность беречь любовь? разводъ по дороговизнѣ своей мало кому доступенъ; можно и не дорожить любовью жены, или мужа, все равно не уйдетъ, развода вести не на что. И смотреть другъ на друга, какъ на вещь, которая должна стоять на томъ-же мѣстѣ куда поставлена, а о любви можно и не думать. Вотъ и начало безнравственности въ бракѣ. Ни что не поддерживаетъ взаимной любви, и начинается или недовольство другъ другомъ, или исканіе любви виѣ дома, является вторая семья. И такой-то бракъ о. Дерновъ считаетъ святымъ. Я лично знаю такія семьи, гдѣ взаимной любви нѣтъ и много лѣтъ уже, и даже дѣтей нѣтъ, но

законный бракъ отнимаетъ всѣ права у дѣтей отъ любимой гражданской жены, гдѣ есть самая честная любовь, безъ измѣны, добрыя, взаимное уваженіе—все то, чего *нѣтъ* въ законномъ бракѣ. И я въ тысячу разъ болѣе уважаю эту гражданскую семью безъ измѣны, чѣмъ законную безъ любви и вѣрности. Но, для такихъ, какъ о. Дерновъ, лишь были-бы обвѣнчаны, а что дальше—до этого дѣла нѣтъ. Вотъ такіе-то люди и создаютъ развратъ въ бракѣ, потворствуютъ этому, называя обманъ святостью брака, а несчастныхъ дѣтей внѣ брака „незаконнорожденными“, забывая что они сами точно также родились на свѣтъ Божій, т. е. по волю Творца, и процессъ рожденія для всѣхъ людей одинъ. Какая дерзость называть волю Божию незаконной!! До чего возмечталъ о себѣ человекъ.

Съ чувствомъ умиленія читала я ваши статьи, и вдругъ священникъ пошелъ противъ вашего человѣколюбія, служитель Божій защищаетъ зло! Это возмутительно. Я думала, что только католическіе священники способны на такое лицемѣріе, но что православный священникъ самъ тяготится такимъ закономъ относительно невинныхъ дѣтей.

Да поможетъ вамъ Господь вести борьбу для пользы обездоленныхъ дѣтей; отъ всего сердца прошу Бога, чтобы ваши частныя, честныя слова нашли доступъ къ сердцу нашего Монарха, и одно Его слово можетъ все измѣнить, и тогда замолчить и о. Дерновъ и проч.

Съ глубокимъ уваженіемъ, дек. 1900 г. *Надежда В—на.*

3.

Monsteurl

De toute mon âme et tout mon cœur je Vous suis reconnaissante pour tout ce que Vous écrivez et pour tout ce que Vous pensez au sujet du mariage et des enfants illégitimes. Quoique mon fils illégitime, mon unique enfant adoré est mort il y a plusieurs années, mais néanmoins je suis bien contente que l'humanité commence à être moins cruelle envers ces pauvres enfants et leur mères. Ces mères qui pourraient parfois être tellement heureuses de posséder à elle toute seules leur trésor leur enfants chéris, si elle ne souffriraient pas à la pensée que leur enfant tellement aimé pourrait parvenir à les mépriser ou à souffrir eux mêmes de leur naissance illégitime. Je viens de lire dans le Nouveau Temps le désagrément que Vous avez eu et je ne sais pas quelles bonnes paroles Vous dire pour Vous faire oublier cette mauvaise impression. Vous avez raison, mille fois raison en tout ce que Vous pensez, seulement des gens mal élevés, qui n'ont ni le cœur ni l'esprit développé peuvent Vous

donner tort. Pour Vous prouver que Vous avez raison en disant que l'amour est l'essentiel dans la famille je Vous conterai en deux mots mon histoire. Je vis déjà la sixième années avec le père de mon fils, n'ayant pas d'autres enfants mais pourtant une famille, j'ai trois fils aussi *non* légitimes, les fils *légitimes* de mon mari *éligitime* (ce qu'on nomme *amant*) et nous composons à nous cinq une famille pleine d'amour et de bonheur, et je ne me sens ni coupable ni méprisable seulement infiniment heureuse, même la douleur d'avoir perdu mon fils est déjà presque guéri pense qu'auparavant mon bonheur avait été trop grand, le sort ne donne à personne un bonheur complet. Si Vous voulez savoir pourquoi nous ne nous marions pas à l'église je Vous dire simplement «à quoi bon» nous nous sentons parfaitement à notre aise aussi sans cette cérémonie, et pour être franche je ne vais jamais à l'église, j'ai mon Dieu en moi et ma religion est «aime ton prochain et aie une heureuse».

Merci, encore une fois merci pour tout ce que Vous faite imprimer, je Vous comprends complètement et beaucoup d'autres avec moi. XI, 23/x 1900. Une mère et femme heureuse étant fille. E. M. S.

XXXVIII. Мѣры къ поднятію уровня общественной нравственности.

(Посвящается высокоуважаемому Василю Васильевичу Розанову ¹⁾).

I. Громкіе голоса давно указываютъ на необходимость измененія нашихъ законовъ о брачномъ и внѣбрачномъ сожитіи, и, въ особенности, о дѣтяхъ, такъ-называемыхъ „незаконнорожденныхъ“.

Законодательство наше не можетъ само не видѣть, что наши жестокіе законы по отношенію къ этимъ, ни въ чемъ не повиннымъ дѣтямъ, не только не принесли собою ожидавшейся отъ нихъ нравственной пользы, но, напротивъ, въ нихъ именно общество наше, все глубже и глубже погрязающее въ развратъ и до мозга костей проникнутое ложью и фарисейскимъ лицемеріемъ, находитъ оправданіе того усыпленія у него священническихъ чувствъ материнской и отцовской любви, которую обрѣтаютъ въ ихъ сердцахъ несчастныя дѣти, рожденныя ими внѣ брака.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что по самой природѣ своей сила этой любви у родителей честныхъ не способна охлаждаться отъ точки зрѣнія мертвой буквы закона на условія рожденія тѣхъ и другихъ дѣтей, то можно-ли не согласиться, что, вмѣсто того, чтобы рожденіе дѣтей внѣ брака и заботливость объ нихъ родителей—ставились первымъ изъ нихъ въ позоръ, а вторымъ въ

¹⁾ Читатель да не осудитъ меня, что я сохраняю и это посвященіе. Вопросъ о семьѣ есть не только *ходъ мысли*, но и *движеніе общества*; и движенія сердца, играющія здѣсь, должны быть сохранены, какъ они *есть*. В. Р.—вз.

наказаніе, слѣдовало бы самое выраженіе „незаконнорожденныя дѣти“ не только вычеркнуть изъ законовъ гражданскихъ для того, чтобы они удовлетворяли нравственнымъ требованіямъ высшаго порядка, но и признать, безусловно, обязательнымъ для каждаго честнаго отца и для каждой честной матери одинаково свято исполнять долгъ родителей къ своимъ дѣтямъ, будутъ-ли они прижиты ими въ бракѣ или внѣ брака.

Что же касается Церкви, то она должда отцамъ холостымъ воспретить бракъ съ иною женщиною, кромѣ какъ съ тою, съ которою имъ прижиты дѣти.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что воспитавшись въ этихъ принципахъ, послѣдующія поколѣнія обрѣли-бъ въ нихъ мотивы, которые были-бы способны въ значительно большей степени, чѣмъ теперь, обуздывать у многихъ ихъ животные порывы къ удовлетворенію половыхъ инстинктовъ, при отсутствіи возможности быть готовымъ къ честному исполненію обязанностей отца и матери, по отношенію къ могущимъ родиться у нихъ дѣтямъ.

Надежда на такую вѣроятность едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду той обратной аналогіи, которую находимъ мы въ мотивахъ къ дѣтоубійству, почти во всѣхъ случаяхъ.

Можно-ли отрицать, что для огромнаго большинства, въ особенности дѣвицъ, единственнымъ побужденіемъ къ убійству рождаемыхъ ими дѣтей служитъ стыдъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. И въ какой мѣрѣ могущественъ этотъ стыдъ, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ его способность подавлять въ сердцѣ молодой и не испорченной женщины наисильнѣйшій изъ инстинктовъ и наиблагороднѣйшее изъ ея чувствъ: любовь матери къ своему ребенку.

Источникомъ же для столь страшнаго ей фарисейскаго общественнаго мнѣнія служить, безспорно, законъ, карающій внѣбрачное сожитіе. Нужды нѣтъ, что законъ этотъ, никогда не примѣняющійся, остается мертвою буквою и занимаетъ только лишнее мѣсто въ нашемъ „Сводѣ“, тѣмъ не менѣе, однако, онъ оказывается въ состояніи подвигнуть молодую женщину на такое страшное преступленіе, какъ дѣтоубійство! Удивительно-ли, что общественная совѣсть, въ лицѣ суда присяжныхъ засѣдателей, сплошь и рядомъ оправдываетъ этихъ преступницъ, не взирая на отсутствіе малѣйшаго посягательства этихъ послѣднихъ уклониться отъ наказанія.

Оправданіе же это находитъ себѣ прямое объясненіе въ томъ противорѣчій, которое обрѣтается здѣсь въ самомъ принципѣ наказанія.

А противорѣчіемъ этимъ является то обстоятельство, что приходится приговорить къ наказанію человѣка за его чрезмѣрную стыдливость, породившую тяжелое преступленіе.

Спрашивается: а можетъ-ли вообще стыдливость считаться совмѣстимою съ преступною безнравственностью, лежащею въ основѣ всѣхъ другихъ преступленій, за исключеніемъ совершаемыхъ въ состояніи аффекта, въ которомъ въ наивысшей степени безспорно находится мать дѣтоубійца?

Въ виду-то этого, настоятъ-ли еще надобность говорить о степени плѣсообразности закона, о которомъ идетъ рѣчь!

II. Фарисей стануть, конечно, доказывать противное и, чего добраго, усмотрятъ даже въ этомъ и поощреніе блуду, и прелюбодѣянью, и даже посягательство на таинство брака.

Отказываясь отъ критической оцѣнки такихъ толкованій, я не обинуясь, прямо, однако, выскажу, что существующія нынѣ условія брака заключаютъ въ себѣ столько лжи и столько порождаютъ собою зла, что усугублять его еще болѣе едва-ли уже и возможно. И въ виду то того, что условія эти являются грубымъ кощунствомъ надъ таинствомъ брака, ибо въ основѣ огромнаго большинства нашихъ браковъ лежитъ публичная продажность, обманъ и лицемѣріе, давно пора, какъ законамъ церковнымъ, такъ и гражданскимъ, ради подъема уровня общественной нравственности, измѣнить эти условія къ лучшему.

Безспорно, что хотя сознание въ необходимости этихъ измѣненій и назрѣло вѣками и требуются они все настойчивѣе и настойчивѣе, тѣмъ не менѣе, рѣшеніе этого вопроса обставлено такими осложненіями и трудностями, предъ которыми всегда останавливалось въ нерѣшительности наше законодательство, и, главнымъ образомъ, потому, что одновременно съ вопросомъ объ упорядоченіи условій для брака, неизбѣжно возникаетъ вопросъ о разводѣ, встрѣчающій, будго-бы, противорѣчіе въ строгихъ догматахъ нашей церкви о бракѣ и его нерасторжимости.

Нельзя, конечно, не согласиться, что догматы церкви иными и быть не должны, какъ строгими и неизмѣнными, и что Таинства, ею освящаемыя, а въ томъ числѣ и бракъ, не должны и не могутъ быть никѣмъ расторгаемы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самой церкви не только принадлежитъ безспорное право, но именно на ней самой и лежитъ обязанность охранять святость совершаемыхъ ею Таинствъ. Поэтому-то и строго требуется ея догматами для каждаго изъ Таинствъ наличность условій, при которыхъ они лишь и могутъ имѣть присущую имъ важность. Такъ напримѣръ: *епископъ долженъ быть непороченъ.* (Посланіе апост. Павла, къ Тимоею 3, 2). *Кто неумѣетъ управлять собственнымъ домою, тотъ будетъ-ли пецись о церкви Божіей? Епископы должны быть хранящіе Таинство вѣры въ чистой совѣсти.* 5 г.

Усмотрѣвъ же, что епископъ или священникъ, первоначально вполнѣ удовлетворявшіе требованіямъ своего сана, впали въ грѣховность: (пьянство, блудъ и друг.) Синодъ лишаетъ ихъ сана и

немедленно отлучаетъ отъ паствы, дабы они своимъ дурнымъ примѣромъ не причинили ей зла и не оскорбляли Церковь своею неприглядною для нея службою.

III. Тоже самое, несомнѣнно, должно быть примѣняемо и по отношенію къ браку, потому что и бракъ, какъ Таинство, долженъ быть признаваемъ таковымъ лишь при дѣйствительномъ существованіи требующихся для него Церковью условій, а именно: добровольное, торжественное обѣщаніе передъ Богомъ и людьми хранить супружескую вѣрность во имя той взаимной любви, которая только и должна влечь къ брачному союзу, и лежать въ его основѣ.

И оставитъ человекъ отца своего и мать и прильпнется къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью. Еванг. Марка 10, 8.

Мужья, любите своихъ женъ, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь. Посл. ап. Павла къ Ефессеямъ, 5, 25.

Какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены должны повиноваться во всемъ своимъ мужьямъ. 5, 24.

Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу. 5, 27.

Жены должны любить мужей, любить дѣтей, быть цѣломудренными, чистыми, почитательными о долгахъ, добрыми, покорными своимъ мужьямъ, да не порицается слово Божіе. Ап. Павла къ Титу. 2, 25.

Тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа. Котораго имѣете вы отъ Бога и вы не свои. Посланіе апост. Павла къ Коринтянамъ. 6, 19.

Если мужъ умретъ, жена свободна выйти за кого захочетъ, только въ Господѣ. 7, 39.

Тайна сія велика по отношенію къ Христу и Церкви. Посл. ап. Павла къ Ефессеямъ. 5, 37.

Изъ всѣхъ этихъ ученій Св. Апостоловъ какъ нельзя болѣе ясно, что бракъ есть Таинство, въ которомъ тогда только можетъ быть допущено благословеніе церкви на супружескій союзъ, когда онъ можетъ быть уподобленъ союзу Христа съ Церковью, а одно уже такое уподобленіе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что въ Таинствѣ брака испрашивается церковью благодать на рожденіе и воспитаніе дѣтей въ христіанскихъ началахъ, а отсюда не на право лишь половыхъ общеній, какъ цѣли самой по себѣ, ибо таковая цѣль была бы только грубымъ кощунствомъ надъ Таинствомъ и надъ Церковью, въ которой совершилось бы такое благословеніе.

Къ великому стыду нашему, такое кощунство надъ Таинствомъ брака въ такой мѣрѣ стало для насъ явленіемъ обыденнымъ и вошло въ наши нравы ¹⁾, что бракъ по влеченію дѣйствительно

¹⁾ Авторъ не замѣчаетъ, что и „не могло не войти въ нравы“, не могло не „стать“. Ибо разъ хотя одна семья (повѣнчанная съ любовью,

любовному и безкорыстному, сплошь и рядомъ, вызываетъ къ себѣ не сочувствіе и одобреніе у родныхъ и окружающихъ, а скорѣе непріязнь и противодѣйствіе.

Благодаря-то этому браки у насъ, за весьма рѣдкими исключеніями, представляютъ собою явный и завѣдомый для всѣхъ обманъ, а еще вѣрнѣе возмутительную куплю и продажу.

Удивительно-ли, что такіе браки порождаютъ собою одни лишь пороки и развратъ, и служатъ неизбѣжнымъ источникомъ взаимной вражды и ненависти, отравляющихъ жизнь всего семейства, и влекущихъ за собою ту глубокую степень ожесточенія человѣческаго сердца, когда оно не останавливается предъ самыми тяжчайшими преступленіями. Нужно ли еще говорить о томъ гибельномъ вліяніи, которое имѣютъ подобные родители на своихъ дѣтей? И могутъ-ли такіе родители служить для нихъ примѣромъ добра, правды, любви? и можетъ-ли Церковь испрашивать для нихъ благословеніе на воспитаніе ими своихъ дѣтей въ христіанскихъ началахъ? Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ человѣка, тамъ нѣтъ и мѣста для чувствъ отца и для чувствъ матери!

Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. I-ое Посланіе Іоанна. 4, 8.

Всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. 4, 8.

Бракъ есть, безспорно, великое Таинство, но только въ смыслѣ благодатной почвы, на которой изъ добраго сѣмени родится человѣкъ. И великая задача Церкви должна заключаться въ томъ, чтобы зорко выбирать эту почву и охранять ее отъ плесель. Какъ пастуху, оберегающему свое стадо отъ паршивой овцы, такъ пастырю Церкви, на глазахъ котораго рождаются, живутъ и умираютъ пасомые имъ, подобаешь знать, кому изъ нихъ можетъ быть дано благословеніе на брачный союзъ и кому не можетъ быть дано право на это Таинство.

Пастырямъ Церкви слѣдуетъ хорошо помнить предназначаемое для нихъ поученіе Св. Евангелистовъ:

Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами, ибо за это придется гнѣвъ Божій на сыновъ противленія. Не будьте сообщниками ихъ. Посланіе ап. Павла къ Ефессеямъ, V, 6—7.

Руку ни на кого не возлагайте поспѣшно и не дѣлайтесь участниками въ чужихъ грѣхахъ. I-ое Посланіе къ Тимогею, V, 2, 2.

Приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими и чтутъ Меня языкомъ; сердце-же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Ев. Мате. 15, 8.

а потомъ разлюбившая) существуетъ, ссорится, измѣняется, то она какъ микробоккъ уже заразить собой все общество, „А если есть--то и возможно“. Метафизика всегда лежитъ въ основѣ физики. В. Р--въ.

Согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, чтобы и прочіе страхъ имѣли. I-ое Посланіе къ Тимоѣ. V, 20.

Бракъ у всѣхъ да будетъ честенъ и ложе непорочно. Посланіе къ Евреямъ, XIII, 4.

IV. Принявъ въ основаніе, что дурное сѣмя даетъ дурной плодъ, Церковь, такъ-же какъ и законы гражданскіе, не должны давать права на брачный союзъ людямъ завѣдомо порочнымъ и преступнымъ.

Правомъ на брачный союзъ, какъ совмѣщающимъ въ себѣ сумму важныхъ гражданскихъ правъ по отношенію къ семьѣ и по отношенію къ государству, воспитаніемъ изъ своихъ дѣтей честныхъ и полезныхъ для него гражданъ, должны пользоваться только люди свободные отъ пороковъ: люди, взаимность которыхъ не подлежитъ для Церкви сомнѣнію.

Только при такихъ условіяхъ представилась-бы возможность внести въ семейную жизнь:

Плодъ духа: любовь, радость, миръ, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе. Посланіе къ Галат. 5, 25, 29.

Не слѣдуетъ-же допускать къ таинству брака людей порочныхъ и ищущихъ въ брачномъ сожитіи одного лишь грубаго, и даже безъ взаимности, полового влеченія, ибо *дѣла плоти извѣстны: прелюбодѣяніе, блудъ, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распря, ненависть, убійство, пьянство, безчинство* и т. п.

Поступающіе такъ, Царства Божія не наслѣдуютъ. 5, 19, 21.

Не давайте святымъ псамъ. Ев. Матѣя. 7, 6.

Иисусъ Христосъ, указавъ намъ въ своемъ высококомъ ученіи основы для достиженія нами идеальнаго нравственнаго развитія, и, признавая бракъ нерасторжимымъ, допускаетъ разводъ только вслѣдствіе прелюбодѣянія.

Кто разведется съ женою не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной—прелюбодѣйствуетъ. Ев. Марк. 19, 9.

Что Богъ сочеталъ, того человекъ да неразлучаетъ. 10, 9.

Но можетъ-ли найти себѣ мѣсто и малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что именно съ точки зрѣнія христіанскаго ученія было-бы безусловнымъ кощунствомъ признавать сочетаннымъ Богомъ даже и такіе браки, гдѣ благодаря обману испрашивается благословеніе Церкви на совершеніе таинства.

Казалось-бы, напротивъ, что всѣ такіе браки должны быть признаваемы недѣйствительными, и подлежащими расторженію, „да не порицается Слово Божіе“, и, тѣмъ болѣе, когда этого сами требуютъ сочетавшіеся такими браками.

Можно-ли не согласиться съ тѣмъ, что Иисусъ Христосъ, допуская, какъ поводъ къ разводу—прелюбодѣяніе, не только не ограничилъ тѣмъ возможность къ разводу, но, напротивъ, лишь

указалъ на широкій поводъ къ тому — расширеніемъ самаго понятія о прелюбодѣянїи:

Вы слышали, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй— а Я вамъ говорю—кто смотритъ на женщину съ возжеланіемъ—уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. Ев. Матѣ. 5, 27, 28.

Если-же мы примемъ въ соображеніе, что во времена Иисуса Христа прелюбодѣвъ, нерѣдко, публично побивали камнями, то мѣшать разводиться съ таковыми въ наше время, и, при томъ, еще на основанїи ученія Христа, является, безспорно, лишь слѣдствіемъ невѣрнаго толкованія истиннаго смысла, лежащаго въ основѣ этого ученія.

Неужели-же возможно признать не противнымъ христіанскому ученію, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные въ прелюбодѣянїи сами сознаются въ своей винѣ, то и тогда, не довѣряя имъ, какъ чему-то невозможному, наши законы требуютъ подтвержденія такихъ фактовъ—свидѣтельскими показаніями подъ присягою.

Спрашивается: мыслимо-ли такое условіе для людей, хотя мало-мальски порядочныхъ, въ виду того, что тутъ требуется личность такого безстыднаго и грубаго цинизма, которымъ по самому существу своему и не подобало-бы исходить отъ нашихъ пастырей Церкви. тѣмъ болѣе, что всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, и, въ особенности, нашему духовенству, вѣдающему бракоразводныя дѣла, что требующаяся формальность является не болѣе какъ завѣдомой фикціей, и порождающей собою лишь другое преступленіе—ложное свидѣтельство подъ присягою?

Съ другой-же стороны спрашивается: чье и какое благо имѣется въ виду охранить неразрѣшеніемъ развода людямъ, у которыхъ взаимная любовь смѣнилась взаимною ненавистью, или-же отвращеніемъ одной стороны къ порокамъ другой?

Обращаясь къ поученіямъ Св. Евангелистовъ, мы находимъ въ первомъ посланїи ап. Павла къ Коринтянамъ 7, 15: *что если невѣрующій хочетъ развестись — пусть разведется; мужъ или жена въ такихъ случаяхъ не связаны; къ миру призвалъ насъ Господь.*

Принявъ въ соображеніе, что и язычникъ можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, а христіанинъ можетъ быть человѣкомъ порочнымъ, можно-ли допустить, что если съ первымъ дозволяется развестись, то съ послѣднимъ нельзя, только потому, что онъ христіанинъ. Съ этимъ, очевидно, согласиться нельзя, ибо дурной христіанинъ гораздо больше грѣшенъ предъ Богомъ, ибо ему заповѣди Божїи были извѣстны, а невѣрующій ихъ не знаетъ.

Не сплошь-ли и рядомъ повторяются случаи, когда жена остается вѣрующею въ Бога, а мужъ, ставши атеистомъ, не при-

знаеть святости вѣры; спрашивается: развѣ къ такому мужу, желающему развода съ женою, не всецѣло должны относиться сейчасъ приведенныя слова изъ I-го Посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ VII, 15? *Если невѣрующій хочетъ развестись—пусть разведется, мужъ или жена въ такихъ случаяхъ не связаны: къ миру призвалъ насъ Господь.*

Казалось-бы, что разъ мужъ или жена заявляютъ о желаніи развестись, то однимъ уже этимъ они достаточно наглядно обличаютъ отсутствіе въ нихъ той степени подчиненности требованіямъ своей религіи, которая присущи людямъ вѣрующимъ.

Но дѣло въ томъ, что желать развода могутъ супруги или неспособные прибѣгать къ обману и лицемѣрію по отношенію къ лицу, въ которомъ разочаровались они, или-же желающіе положить конецъ тому завѣдомому обману, на который рѣшились они при вступленіи въ бракъ, или по легкомыслію, или ради желанія на то родителей своихъ. Какъ то, такъ и другое положеніе тѣмъ болѣе является возможнымъ, что въ бракъ, въ особенности у насъ, такъ нерѣдко вступаютъ молодые люди, въ особенности дѣвушки, которые едва лишь переступили порогъ своего отрочества, когда пробуждающееся у нихъ и взаимно ихъ охмѣляющее, животное половое влеченіе побуждаетъ и того и другого къ возможно скорѣйшему обладанію другъ другомъ, и когда та и другая сторона, отрезвившись отъ иллюзіи, убѣдятся, что кромѣ отношеній самца и самки между ними ничего общаго не существуетъ,—спрашивается: во имя чего супруги эти, ступивъ на ложный путь по легкомыслію и безсознательно, должны сознательно продолжать этотъ путь, не взирая на всю его очевидную, для нихъ опасность, подвергаться которой они не желаютъ?

Разрѣшая разводъ вслѣдствіе лишь прелюбодѣнія, законы наши воспрепятствуютъ виновному супругу, а на самомъ дѣлѣ (что бываетъ наичаще) не виновному, но только принявшему на себя вину, вступать въ новый бракъ. спрашивается: не обрекается-ли тѣмъ, завѣдомо, на развратъ этотъ супругъ? и не поощряется-ли этимъ проституція?

Не лучше-ли было-бы, если-бы даже и виновный супругъ вступалъ въ новый бракъ, чѣмъ вынуждать его коснѣть въ развратѣ? Точно въ прелюбодѣніе не можетъ впасть человѣкъ, способный съ другою женою быть примѣрнымъ супругомъ!

Да и почему, спрашивается: седьмая заповѣдь въ такой мѣрѣ наказуется строже другихъ, что только противъ нея провинившійся не полагается ни покаянія, ни помилованія? ¹⁾.

¹⁾ Очень важно. Въ этомъ смыслѣ („почему не примѣнено покаяніе и прощеніе при разводе“) высказывался въ устныхъ со мной бесѣдахъ и Петербургскій священникъ отъ Городцевъ. В. Р.—вз.

Наконецъ, можно-ли принуждать жить съ человѣкомъ, ставшимъ дурнымъ, и отъ котораго самъ Господь отвращается? *И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ, отойдите отъ меня творящіе беззаконіе.* Ев. Матѳея. VII, 23.

Если согрѣшите противъ тебя братъ,—обличи его наединѣ; если-же онъ не послушаетъ тебя или свидѣтелей, скажи Церкви, и если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь. Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ. Ев. Матѳея. XVIII, 15, 18.

Дерево, не приносящее плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь. Ев. Матѳея. VII, 19.

А негоднаго раба выбросьте въ тьму вѣнныю. V, 8. Ап. Павелъ къ Ефессеямъ.

Фарисеи и тутъ, безъ сомнѣнія, станутъ грудью за мертвую букву закона, охраняя ея неприкосновенность и цѣлость, хотя и для нихъ самихъ воочію ясно, что благодаря ложному ея толкованію оно порождаетъ глубочайшее зло, не принося никому ни малѣйшей пользы.

Нужно-ли говорить о томъ, что законы такими быть не могутъ и не должны.

Мы знаемъ, что законъ добръ, если кто его законно употребляетъ. I-е посланіе ап. Петра къ Тимоѳею, VIII, 9.

V. Разводъ, безъ сомнѣнія, оказался бы однимъ изъ могучихъ средствъ къ подъему нравственнаго развитія женщинъ, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что онъ одинаково образумитъ и тѣхъ матерей и тѣхъ дочерей, изъ которыхъ первыя учатъ, а вторыя учатся искусству при помощи обмана, лицемерія и безстыднаго кокетства, чтобы не сказать иначе, поскорѣе, а главное повыгоднѣе, какъ для семьи, такъ и для себя, выйти замужъ за каждаго встрѣчнаго, подходящаго жениха, ни мало не заботясь о томъ, въ какой мѣрѣ уровень его нравственнаго развитія можетъ служить надежнымъ ручательствомъ, что онъ способенъ быть честнымъ и добрымъ семьяниномъ, и не способенъ будетъ ради разврата воспользоваться возможностью развода.

Въ свою очередь и мужчины будутъ искать и для себя тѣхъ же ручательствъ, ибо мотивы корыстные, которыми большинство руководствуется теперь, при возможности развода неизбежно должны будутъ потерять свое значеніе ¹⁾.

Возможность развода послужила бы, безъ сомнѣнія, прекрас-

¹⁾ Какъ только кончится абсолютная связанность въ семьѣ *юридическаго характера* — такъ начнется *нравственная ихъ связанность*, по преднамѣренію — временная, но которая красотою своею фактически перейдетъ (почти повсемѣстно) въ вѣчную. В. Р.—вз.

ною школою для развитія между супругами той взаимной вѣжливости и уваженія другъ къ другу, которыя такъ желательны и необходимы, какъ добрый примѣръ для ихъ дѣтей, и которыя представляютъ теперь такую великую рѣдкость, благодаря именно тому, что и та и другая сторона смѣло рассчитываютъ на безнаказанность, питая надежду на крѣпость ихъ насильственно-связующихъ брачныхъ цѣпей. Цѣпи эти находили бы себѣ полное оправданіе, если бы въ пользу ихъ цѣлесообразности свидѣтельствовалъ намъ жизненный опытъ. Но, увы! именно этотъ опытъ слишкомъ краснорѣчиво убѣждаетъ насъ, что насильственные брачныя узы не только являются фикціей въ дѣйствительности, но фикція эта постоянно растетъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ, благодаря успѣхамъ все той же цивилизаціи, женщины завоевываютъ себѣ все большую и большую свободу и равенство правъ съ мужчинами.

Если принять въ соображеніе, что за исключеніемъ, быть можетъ, одной изъ ста тысячъ, всѣ помыслы у женщинъ всецѣло сосредоточены на половой сферѣ и на стараніи искушать своими прелестями мужчинъ и тѣмъ привлекать ихъ къ себѣ; что женщины, какъ существа, руководствующіяся исключительно чувствами, именно, вслѣдствіе этого и не владѣютъ тою силою воли, которая дала бы имъ возможность сдерживать свои страстные порывы, то нельзя не согласиться, что эти-то, присущія природѣ женщины особенности, и служили всегда, какъ для законовъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, главнымъ основаніемъ къ строгимъ требованіямъ отъ женъ—полнаго подчиненія своимъ мужьямъ. Если, не взирая, однако, на это, женщины, при всемъ противодѣйствіи мужчинъ, успѣваютъ все шире и шире завоевывать себѣ равноправность съ ними, то удивительно ли, что, не сочувствуя этому, молодое поколѣніе мужчинъ все меньше и меньше проявляетъ желаніе вступать въ бракъ, предпочитая вѣбрачныя сожитія.

При такомъ положеніи дѣла, вопросъ о бракѣ является, безспорно, вопросомъ огромной важности по отношенію къ судьбѣ нравственнаго развитія общества. И задачи законодателей должны, поэтому, заключаться въ томъ, чтобы законы гражданскіе о бракѣ создавались не для того лишь, чтобы изображать собою недостижимый идеалъ для обыкновенныхъ смертныхъ, а вполнѣ отвѣчали, какъ данному времени, такъ и уровню нравственнаго развитія даннаго народа и, ни въ какомъ случаѣ не шли въ разрѣзъ съ другими законами, имѣющими къ нимъ прямое отношеніе; такъ, напр., можно ли, съ одной стороны, требовать отъ женъ, чтобы онѣ не только такъ же во всемъ повиновались своимъ мужьямъ, какъ церковь повинуется Христу, но, чтобы онѣ боялись своихъ мужей, а съ другой стороны, предоставлять этимъ же женамъ

равноправность съ мужчинами? Наилучшими законами и обычаями должны быть признаны тѣ, которые благотворно вліяютъ на нравы людей. Законы же и обычаи, которые способны дѣйствовать благотворно въ особенности на характеръ своенравнѣйшаго въ мірѣ существа — женщины, должны безусловно считаться идеальнѣйшими и заслуживающими подражанія.

На основаніи личныхъ наблюденій, во мнѣ давно сложилось убѣжденіе, что между народами Европы первое мѣсто по своей чарующей женственности и добросердечію занимаютъ румынскія женщины интеллигентнаго общества, а въ Азіи еще неизмѣримо выше ихъ стоять, въ этомъ отношеніи, японки. Въ чемъ же заключается причина этой особенности? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что она объясняется единственно лишь тѣми особенностями, которыя присущи брачнымъ узамъ въ той и другой странѣ. Что касается Румыніи, то въ ней, не взирая на православное вѣроисповѣданіе, разводъ допускается настолько легко и часто, что нерѣдко въ обществѣ можно встрѣтить интеллигентныхъ дамъ, которыя разъ пять или шесть разводились и вновь выходили замужъ. Что же касается Японіи, то тамъ браки совершаются на условленный срокъ, послѣ котораго, при миролюбивомъ и согласномъ сожитіи, устанавливается новый срокъ и т. д. Благодаря-то этимъ особенностямъ и тутъ и тамъ устраняются самые поводы къ измѣнамъ, обману, лицемерію и ненависти, которые столь глубоко развращаютъ супруговъ.

VI. Какъ на одну изъ важнѣйшихъ невыгодъ развода обыкновенно указываютъ на судьбу дѣтей разводящихся родителей.

Что въ основѣ этого опасенія лежатъ умысленная неправда и преувеличеніе, свидѣтельствуеетъ тотъ фактъ, что, въ большинствѣ случаевъ, именно, изъ-за дѣтей возникаютъ споры между отцомъ и матерью, не желающихъ уступить ихъ другъ другу.

Что же касается людей богатыхъ, то разводъ, обыкновенно, не причиняетъ ущерба матеріальному благосостоянію дѣтей. Во всякомъ же случаѣ, можетъ ли еще требовать здѣсь отвѣта вопросъ: потеряютъ или выиграютъ дѣти, которыя избавлены будутъ отъ губельнаго вліянія на нихъ порочныхъ, или ненавидящихъ другъ друга, родителей?

Наконецъ, вѣдъ разлучающіеся съ семьей отецъ или мать—могли же и совсѣмъ умереть!

Возвращаясь къ такъ-называемымъ „незаконнорожденнымъ“ дѣтямъ, можно ли не выразить желанія, конечно, огромнаго большинства между нами, чтобы, дѣлая добро, дѣлать его вполне, ибо въ противномъ случаѣ никакими полумѣрами строгая справедливость здѣсь удовлетворена не будетъ.

Нельзя не согласиться, что одно уже то должно быть признано глубоко несправедливымъ, что вопреки основному закону нашего

свода, въ силу котораго каждый самъ отвѣчаетъ за свою вину, — одни лишь ни въ чемъ неповинныя дѣти „незаконнорожденные“ обрекаются на тяжелое наказаніе за грѣхъ своихъ родителей.

Не удовольствуясь лишеніемъ этихъ дѣтей многихъ гражданскихъ правъ, законъ надѣляетъ ихъ своего рода волчьимъ билетомъ, который на всю жизнь налагаетъ на нихъ клеймо позора, ничѣмъ незаслуженное, глубоко оскорбляющее ихъ самолюбіе и самоуваженіе!

Можно ли также признать справедливымъ, что однимъ изъ этихъ „незаконнорожденных“, безъ малѣйшей съ ихъ стороны заслуги, и лишь въ награду ихъ родителямъ за вступленіе въ бракъ, восстанавливаются всѣ права, наравнѣ съ дѣтьми, въ бракъ рожденными, между тѣмъ какъ 99 изъ 100, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ родители, — или вслѣдствіе невозможности, или вслѣдствіе запрещенія закономъ вступить въ бракъ, — искренно готовы надѣлать своихъ „незаконнорожденных“ дѣтей и своимъ именемъ, и своими правами, — законъ 12-го марта, въ однихъ случаяхъ безусловно этого не дозволяетъ, а въ другихъ, въ высокой степени, и ко вреду дѣтямъ, ограничиваетъ права родителей!

Такъ, напримѣръ, нельзя узаконять дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣяній. — И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ отецъ или мать пожелали бы усыновить этихъ дѣтей, то и тогда законъ 12-го марта, отказывая этимъ дѣтямъ во многомъ, лишаетъ ихъ права даже наследовать не только потомственное дворянство, но и потомственное гражданство.

Давно прошло то время, — когда потомственному дворянину присвоено было исключительное право владѣть людьми, какъ своими рабами. Подобное право, понятно, только и могло быть даваемо, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, людямъ, отличавшимся своимъ благородствомъ, которое способно было служить для государства надежнымъ ручательствомъ за судьбу людей, отдававшихся имъ въ рабство. Но въ настоящее время, — когда правомъ рабовладѣнія пользоваться уже никто не можетъ, когда потомственными дворянами могутъ стать люди не только „неблагородные“ по рожденію, но и не получившіе ни воспитанія, ни образованія, а можетъ быть даже и „незаконнорожденные“, какъ напр. чиновники, выслужившіеся изъ писарей или фельдшеровъ и награжденные орденомъ Св. Владиміра за усердіе къ письмоводству и дѣлопроизводству, а, вѣрнѣе, за холопское подбострастіе и умѣнье угождать начальству; или же потомственное дворянство дается разбогатѣвшимъ мужикамъ за ихъ денежные пожертвованія; — въ виду-то всего этого, придавать второстепеннымъ правамъ, сопряженнымъ съ потомственнымъ дворянствомъ, столь важное значеніе, чтобы званіемъ этимъ не имѣли права пользоваться внѣ брака рожденные дѣти потомственныхъ дворян,

усыновляемыя своими родителями, — очевидно, лишено всякаго основанія!

Не менѣе суровымъ является и законъ, не позволяющій родителямъ, имѣющимъ своихъ дѣтей, усыновлять чужихъ (на самомъ-же дѣлѣ своихъ но рожденныхъ отъ прелюбодѣянiя), хотя-бы и мужъ, и жена этого желали.

Найдеть-ли себѣ строгое оправданіе и законъ, позволяющій усыновлять чужихъ дѣтей (а въ дѣйствительности и наичаще своихъ „незаконныхъ“), и разрѣшающій передавать имъ права потомственнаго дворянства, — но лишаетъ ихъ права на родовое наследство, даже и тогда, когда отецъ или мать не имѣли другихъ дѣтей?

Законъ имѣетъ здѣсь, конечно, своею задачею охрану имущественныхъ правъ дѣтей, въ бракѣ рожденныхъ, и вообще кровнаго родства; но подобное вмѣшательство въ права родителей по отношенію къ дѣтямъ могло-бы имѣть основаніе лишь при предварительномъ признаніи ихъ неправоспособными, вслѣдствіе ненормальности ихъ разсудка. Если-же къ тому повода не имѣется, то нельзя не согласиться, что не дѣло законовъ гражданскихъ вторгаться въ имущественныя права родителей и усыновителей ¹⁾. Не дѣло, потому, что законъ этотъ, порождая собою недобрыя чувства и у родителей, и у дѣтей, рожденныхъ отъ прелюбодѣянiя и которыхъ эти родители желали-бы признать равноправными со всѣми другими своими дѣтьми, — онъ порождаетъ и ухищренія къ тому, чтобы тѣми и другими средствами обойти суровый законъ, съ которымъ не можетъ примириться чадолубивое сердце отца и матери.

VII. Не взирая на все мое идолопоклонство передъ Л. Н. Толстымъ и на полное согласіе мое съ большинствомъ его мнѣній по вопросу о бракѣ, я, тѣмъ не менѣе, не нахожу возможнымъ согласиться съ Л. Н., что вступившіе въ бракъ, чтобы ни произошло между ними, не только должны оставаться навсегда неразрывно связанными, но даже обязанными одинъ другому всегда давать и удовлетвореніе физическое...

Согласиться съ такимъ безусловнымъ требованіемъ мнѣ казалось-бы совершенно немислимымъ, какъ въ силу психологическихъ такъ и въ силу физиологическихъ причинъ, и притомъ, все равно, будетъ-ли рѣчь идти здѣсь о людяхъ съ болѣе или менѣе высокимъ нравственнымъ развитіемъ, или-же о такихъ,

¹⁾ Конечно. Считаютъ въ моемъ кошелькѣ. Въ сущности корень всего не въ гражданской сторонѣ, а въ „прелюбодѣянiи“; но что тутъ „прелюбодѣя бѣтсѣ прелюбодѣянiя“ очевидно изъ того, что изъ вновь составленнаго проекта „Уложенiя“ исключена даже статья прежнихъ законовъ, карающая за скотоложество, — но оставлены всѣ статьи, карающіе за безцерковное сожитіе. В. Р.—съ.

которые ищутъ въ бракѣ, главнымъ образомъ, удовлетворенія полового инстинкта.

Что касается первыхъ, то спрашивается: если, съ лѣтами, одинъ изъ супруговъ впалъ въ порокъ, который вызвалъ къ нему заслуженное презрѣніе или отвращеніе другого супруга, то на какую-же иную, какъ не глубоко-оскорбительную и унижительную роль долженъ обречь себя этотъ послѣдній, если уваженіе его къ своему человѣческому достоинству не способно быть подавленнымъ, какъ у большинства животныхъ, половымъ влеченіемъ? При такихъ условіяхъ, не лучше-ли имъ развестись, чѣмъ дать разжигаться взаимной ненависти?

Что-же касается второй категоріи супруговъ, то и здѣсь отвращеніе, и ничѣмъ не примириемое, можетъ быть вызвано у супруговъ и физическими ихъ недостатками, врожденными или приобретенными.

Для того, чтобы стало понятнымъ, почему въ однихъ случаяхъ супруги, или любовники, страстно другъ къ другу привязываются, а въ другихъ случаяхъ, напротивъ, самая горячая страсть угасаетъ у нихъ на первыхъ-же порахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что причина здѣсь заключается единственно лишь въ томъ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи двухъ организмовъ, которые можно было-бы назвать удачнымъ или неудачнымъ половымъ подборомъ. Но и удачный подборъ можетъ впоследствии пострадать отъ приобретеннаго недостатка, обусловленнаго несчастными родами. При этомъ недостаткѣ, глядя на его степени, никакая красота не способна искупить его для несчастной женщины.

Отнимать у этого мотива его важное значеніе по отношенію къ брачному сожитію, не будетъ-ли прямымъ противорѣчіемъ закону, предоставляющему женѣ право требовать формальнаго развода съ мужемъ, одержимымъ физическимъ недостаткомъ, имѣющимъ обратную аналогію съ вышеуказаннымъ недостаткомъ у женщины?

Въ виду-то такихъ обстоятельствъ, найдеть-ли себѣ основательное оправданіе требованіе отъ людей, чтобы они, вступая въ бракъ, ради наслажденія брачною жизнью, довольствовались ею и въ той ничтожной степени, которая физически неспособна дать имъ удовлетвореніе въ степени для нихъ потребной, и дѣлая ихъ тѣмъ глубоко несчастными, столь часто повергаетъ ихъ въ отчаяніе, доводящее даже до посягательствъ на жизнь ненавистнаго имъ супруга, чтобы только избавиться отъ половыхъ общеній съ нимъ.

Точно также находилъ-бы я невозможнымъ согласиться съ доводами Льва Николаевича въ пользу безбрачія, или, вѣрнѣе, дѣвственности. Иное дѣло, если-бы рѣчь шла исключительно о

людяхъ, не только стремящихся къ идеалу нравственнаго совершенства, но и такихъ изъ нихъ, для которыхъ философское міросозерцаніе составляетъ неисчерпаемый источникъ наивысшаго счастья ихъ жизни. Для такихъ людей дѣвственность, дѣйствительность, совмѣщаетъ въ себѣ единственное вѣрное условіе избавиться въ жизни того источника вѣчныхъ мученій, которыми столь богаты и брачныя и внѣ-брачныя союзы, ибо, какъ тѣ, такъ и другіе, за весьма рѣдкими счастливыми исключеніями, сплошь и рядомъ, отравляютъ жизнь страданіями, причиняемыми то чувствомъ ревности, то заботами о нуждахъ семьи, то болѣзнями дѣтей и всею ихъ дальнѣйшею судьбою.

Но дѣло въ томъ, что дѣвственники, за исключеніемъ святыхъ отцовъ, представляютъ собою такую рѣдкость, что даже между великими учеными, мыслителями, поэтами, всѣ они извѣстны на перечесть; да и дѣвственностью своею они обязаны были не предвзятому принципу, а исключительнымъ, благопріятствовавшимъ тому, условіямъ. Оно и понятно, въ виду того, что половой инстинктъ пробуждается въ человѣкѣ въ томъ юношескомъ возрастѣ, когда ему еще совершенно чуждо философское міросозерцаніе и та сила воли, которая способна господствовать надъ страстями.

VIII. Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ и того противорѣчія, которое обличается у Льва Николаевича по отношенію къ браку вообще.

Дѣло въ томъ, что съ одной стороны Левъ Николаевичъ склоняется въ пользу безбрачія, и какъ на мотивъ, примиряющій съ мыслью о прекращеніи вслѣдствіе этого рода человѣческаго, Левъ Николаевичъ ссылается на ученіе астрономовъ, доказывающихъ неизбѣжную и безъ того гибель всего живущаго на землѣ отъ постоянно возрастающаго пониженія солнечной теплоты.

Замѣчу мимоходомъ, что если предсказанію этому и дѣйствительно предстоитъ осуществиться, то во всякомъ случаѣ, оно, по вычисленію тѣхъ же астрономовъ, осуществится не раньше, какъ черезъ многіе милліоны лѣтъ, между тѣмъ какъ, если-бы изъ 100 человѣкъ у 5 явилось желаніе остаться дѣвственниками, то родъ человѣческой исчезъ бы съ лица земли лѣтъ черезъ 300 или 200, а можетъ быть и еще скорѣе. Во имя-же чего, спрашивается, родъ человѣческой отказался бы отъ возможности многіе милліоны лѣтъ пользоваться столь дорогими для него благами жизни, и совершилъ надъ собою самоубійство?

Не взирая на то, что высокоумный царь земли во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ-бы признать большинство людей ниже животныхъ, при одномъ уже сравненіи его съ животными возмущается негодованіемъ; между тѣмъ, какъ онъ же собственнымъ своимъ опытомъ надъ домашними животными давно имѣлъ воз-

возможность убѣдиться въ тѣхъ блестящихъ результатахъ, которые даетъ забота о томъ, чтобы производители данной породы не имѣли въ себѣ пороковъ; казалось бы, что въ виду этого, ничто не могло бы быть болѣе естественнымъ, а въ то-же время и большимъ благомъ для человѣчества, какъ руководствоваться ему тѣмъ же и относительно своей собственной физической культуры. Но, увы! при всей своей очевидной благотворности, это разумное требованіе гигиены, вмѣсто того, чтобы лечь въ основу государственныхъ законовъ, всегда оставалось въ такомъ пренебреженіи, что даже краснорѣчивѣйшія статистическія данныя всегда оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Сводя къ короткому итогу все, выше мною высказанное, я находилъ-бы насущно необходимымъ для подъема все ниже и ниже падающаго уровня у насъ общественнаго нравственнаго развитія:

1. Ограниченіе правъ на брачный союзъ:

Возрастомъ: для мужчинъ отъ 25 до 60 лѣтъ и для женщинъ до 40 лѣтъ. При чемъ женихъ не долженъ быть старше болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, а невѣста не должна быть старше жениха болѣе чѣмъ на 5 лѣтъ. Болѣзнями: сифилисъ, чахотка, проказа, ракъ, болѣзни мозга, идиотизмъ.

Пороками: пьянство, распутство, тяжкія преступленія уголовныя.

Расторженіе брака (разводъ) по причинамъ: прелюбодѣянія, пьянства, сифилиса, физическихъ недостатковъ къ супружескому сожитію, болѣзни мозга, истязанія супруга, уголовныхъ преступленій, влекущихъ за собою ссылку, а равно и наказанія за преступленія, противныя правиламъ чести.

3. Равноправность дѣтей, какъ въ бракѣ, такъ и внѣ брака рожденныхъ.

4. Имущественная равноправность сыновей и дочерей.

Докторъ медицины Ф. Фейгинъ.

XL. „Церковныя Вѣдомости“ о брошюрѣ А. Дернова: „Бракъ или развратъ? По поводу статей г. Розанова о незаконныхъ дѣтяхъ. Протоіерея Александра Дернова. Спб. 1901 г.“.

С.-Петербургская газета „Новое Время“ за истекшую осень помѣстила рядъ статей г. Розанова по вопросу о бракѣ. Статьи эти, написанныя страстно и при томъ — образнымъ языкомъ, съ характеромъ, якобы, глубокой философіи, безъ сомнѣнія, должны были обратить на себя особое вниманіе такой большой аудиторіи, какъ кругъ читателей одной изъ распространенѣйшихъ современныхъ газетъ. Но, къ сожалѣнію, по высказаннымъ въ нихъ

взглядамъ статьи эти оказались на столько странными, чтобы не сказать болѣе,—что даже въ той же самой газетѣ вызвали противъ себя возраженія г. Е. Маркова и лица, пишущаго подъ псевдонимомъ „А—тъ“. Въ самомъ дѣлѣ, направляя въ своихъ статьяхъ всѣ свои сужденія, повидимому, къ тому, чтобы убѣдить людей въ зависимости ихъ жизни отъ Бога, убѣдить ихъ въ необходимости религіозной жизни, ослабить чрезъ это дальнѣйшій ростъ такихъ вредныхъ общественныхъ явленій, какъ увеличивающійся развратъ, и выработать новый, лучший типъ семьи, г. Розановъ, въ то же время, не стѣсняется неосторожно отзываться о нашихъ канонахъ, установленіяхъ и служителяхъ — духовенствѣ! Ясное дѣло, что такія „писанія“ должны были вызвать отповѣдь со стороны служителей церкви. Попытку дать такую отповѣдь — и попытку удачную, — и представляетъ собою брошюра о. А. Дернова съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Въ сжатой формѣ, языкомъ яснымъ и сдержаннымъ о. Дерновъ, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за рѣзво скачущею съ предмета на предметъ мыслию г. Розанова и обстоятельно доказываетъ невѣрность и пристрастность большинства изъ его выводовъ. Занявшись, прежде всего, систематизаціей взглядовъ г. Розанова, о. Дерновъ переходитъ затѣмъ къ выясненію вопроса о характерѣ церковныхъ законовъ и, въ частности, законовъ, опредѣляющихъ союзъ брачный и отношенія родителей и дѣтей. Далѣе онъ обращается къ вопросу о происхожденіи термина „незаконнорожденный“ по отношенію къ дѣтямъ, и указываетъ, что инициатива здѣсь принадлежитъ не церкви, никогда не лишающей своихъ благодатныхъ даровъ и незаконнорожденныхъ, а государству, пытающемуся нѣкоторыми ограниченіями этихъ послѣднихъ положить предѣлъ возможности полнаго ниспроверженія семьи и всякой нравственности ¹⁾. Въ главѣ IV и V разъясняется истинное значеніе *стыда*, какъ начала, сдерживающаго половую распущенность, а не источника, какъ думаетъ г. Розановъ, дѣтоубійства и дѣвоубійства; въ гл. VI-й указывается на невѣрность освѣщенія г. Розановымъ положенія незаконнорожденныхъ по нашимъ дѣйствующимъ гражданскимъ законамъ; гл. VII-я посвящена опроверженію мысли г. Розанова, что „если допускать незаконнорожденность, то слѣдуетъ допустить и незаконность смерти, а между тѣмъ смерть не только

¹⁾ Вотъ! Это—важное признаніе!! Напрасно и поздно оно маскируется теперь; но раньше — *никакой пощады* къ „выблѣдкамъ“ не было, и къ матерямъ—„бл...ямъ“ исключительно „радъ охраненія семьи и упроченія нравственности“ (буквальныя слова автора). Боже, Боже, какъ страшно читать: „нравственность“ требовала 1000 лѣтъ дѣтоубійства! ради „охраненія семьи“ надо было заставить матерей бросать ими рождаемыхъ дѣтей въ помойныя ямы, колодцы, пруды! О, христіане, о, христіанскій міръ— что о тебѣ изпагается стоятелями твоими. В. Р—въ.

законна, но она—свята“; гл. IX-я излагаетъ неправильный взглядъ г. Розанова на бракъ, а гл. X- — истинно-христіанское ученіе о бракѣ. „Г. Розановъ, заключаетъ авторъ, чудовищно извращая факты, грубо относясь къ духовенству, поверхностно понимая сущность тайны спасенія во Христѣ и сущность каноническаго права, которое онъ напрасно хочетъ называть уничижительнымъ, въ его глазахъ, именемъ: „византизмъ“, можетъ достигнуть только полной разнузданности молодежи, а никакъ не возвышенія ея въ нравственномъ отношеніи.

Таково содержаніе брошюры о. Дернова. Нельзя не пожелать, въ виду ея цѣли, возможно широкаго ея распространенія. *Н. М.* Изъ „Прибавленій къ *Церковнымъ Вѣдомостямъ*“, въ библиогр. отдѣлѣ).

XLII. Бракъ или сожителство ¹⁾?

(По поводу полемики о. прот. Дернова съ г-мъ Розановымъ).

Вопросъ о бракѣ, о его значеніи и создаваемыхъ имъ обязанностяхъ и правахъ сдѣлался современнымъ, „моднымъ“. О немъ пишутъ очень много, критикуютъ, иногда очень рѣзко, современныя формы и условія брака, толкуютъ о необходимости измѣнить ихъ и улучшить; отыскиваютъ новый, „болѣе“ современный критерій для его обоснованія, обращаются и къ физиологій, и къ статистикѣ, и къ праву, съ завистью наконецъ указываютъ даже на Японію, какъ на достойный подражанія примѣръ²⁾; а между тѣмъ о единственно возможномъ критеріи—о томъ, который данъ намъ въ словѣ Божіемъ—точно забыли! Но вѣдь о бракѣ говоритъ Самъ Спаситель и притомъ съ совершенной ясностью и опредѣленностью. Онъ указываетъ на его великое значеніе, на его святость и упоминаетъ даже объ условіи, при которомъ, въ виду человѣческой порочности и слабости—допускается его прекращеніе; казалось бы, что въ виду столь авторитетнаго свидѣтельства вопросъ могъ бы быть рѣшенъ довольно просто и скоро, по крайней мѣрѣ для разумнѣя и совѣсти христіанства (а вѣдь мы все-таки христіане), между тѣмъ люди толкуютъ, спорятъ и препираются, и не думаютъ просто обратиться къ этому непогрѣшному первоисточнику для провѣрки своихъ теорій; такъ

¹⁾ Что за раздѣленіе? Бракъ *и есть* „сожителство“, по Библии, Евангелію и даже по ученію церкви: „бракъ есть мужа и жены (= поло-сочетанныхъ мушны и женщины) союзъ и жребій на всю жизнь“ (= *сожителство*) опредѣляетъ „Кормчая“. О формѣ заключенія — *ни слова* въ „Кормчей“. *В. Р.—въ.*

²⁾ Въ Японіи, какъ извѣстно, договорный (гражданскій) бракъ доведенъ до своего логическаго совершенства — бракъ на срокъ. Западъ запутанный еще въ тенета римскаго права, до этого не дошелъ... будемъ надѣяться! *А. К.*

между прочимъ поступаетъ и г. Розановъ въ своихъ статьяхъ о бракѣ и незаконнорожденныхъ дѣтяхъ; онъ иногда ссылается на слово Божіе, но понимаетъ его такъ своеобразно, что, съ его точки зрѣнія, было бы осторожнѣе воздержаться отъ такихъ ссылокъ.

Серія статей г. Розанова, помѣщенная въ „Новомъ Времени“, вызвала въ той же газетѣ критику, хотя облеченную въ дружественныя формы, однако нещадную. Несмотря на достоинства этой критики, она не достаточно полно и точно слѣдуетъ за развитіемъ аргументаціи г. Розанова, поэтому я позволю себѣ познакомить читателей „Новаго Времени“ еще съ другой критикой, только-что появившейся, именно съ брошюрой о протоіерея Дернова, разсматривающей статьи г. Розанова специально съ точки зрѣнія ученія церкви и болѣе подробно. Брошюра эта озаглавлена „Бракъ или развратъ“. Заглавіе—нѣсколько рѣзкое, но вполне соотвѣтствующее серьезности вопроса; вѣдь колебать бракъ—значитъ колебать семейство, а стало-быть и все гражданское общество, все государство! Не знаю, слѣдовало ли вообще разбирать на страницахъ газеты, попадающей и въ дѣтскія и въ дѣвичьи руки, столь щекотливый вопросъ, но, разъ это принято, приходится слѣдовать обычному порядку. Молчаніе въ этомъ случаѣ было бы, можетъ быть, вреднѣе.

О. Дерновъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за мыслью г. Розанова; я буду придерживаться принятаго имъ порядка.

Г. Розановъ, говоритъ его критикъ, направляетъ свою смѣлую аргументацію противъ янов. права и духовенства, обвиняя ихъ въ византизмъ (не объясняя, однако, въ чемъ именно состоитъ этотъ византизмъ и въ чемъ его недостатки) и утверждаетъ, что тлетворное его вліяніе побудило наши времена исказить Христово ученіе о бракѣ и дѣторожденіи. Византія, говоритъ г. Розановъ, сдѣлала изъ брака—таинство, когда онъ таковымъ никогда не былъ, и по словамъ Самого Спасителя есть „полосочетаніе“; незаконнорожденность есть выдумка духовенства, ибо всѣ дѣти рождаются одинаково и одинаково законны. Теперь дается младенцу, рожденному внѣ брака, „волчій видъ“, „желтый билетъ“. Незаконнорожденныхъ дѣтей лишили „благословенія“ не Евангеліе, а „сухія ограниченія Византіи и Рима“. Г. Розановъ ставитъ и дѣтубійства на счетъ Византіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже даетъ плотскому сожителю предпочтеніе передъ бракомъ, находя первое настоящею добропорядочною и чистой семьею, въ которую человекъ вступаетъ, вырвавшись изъ „принудительнаго разврата“. Оберегаемый юридически бракъ, говоритъ г. Розановъ, никому не нуженъ! Религіознаго таинства брака въ Европѣ не существуетъ. О. Дерновъ, въ подтвержденіе сказаннаго, приводитъ цѣликомъ подробныя цитаты изъ статей г. Розанова, которыя дѣйствительно

характерны и доказываютъ, по словамъ о. Дернова, что г. Розановъ впадаетъ въ логическій кругъ. Я не буду ихъ повторять, такъ какъ онѣ извѣстны читателямъ „Новаго Времени“.

Въ отвѣтъ г. Розанову о. Дерновъ на основаніи фактическихъ и документальныхъ данныхъ отвергаетъ обвиненія, направленные противъ нашего духовнаго религіознаго строя. Законы его, говоритъ онъ, во многомъ аналогичны съ законами государственными, но отличны отъ нихъ въ томъ между прочимъ, что авторитетъ ихъ чисто нравственный, поддерживаемый не физической карой или устрашеніемъ, а благоговѣніемъ къ волѣ Божіей. Законы эти—суть лишь толкованія этой воли. Понимаемая въ этомъ смыслѣ законодательная власть церкви совершенно достаточна для осуществленія своей задачи—спасенія рода человѣческаго. Сознаніе же великой пользы, приносимой вліяніемъ церкви правамъ народа, побуждало благочестивыхъ государей придавать церковнымъ законамъ значеніе законовъ гражданскихъ (мірскихъ) и объединять ихъ. Такъ было въ Византіи¹⁾; тѣ же порядки отчасти перешли и на російскую церковь. Государство російское органически, неразрывно связано съ православною церковью—и это великое благо; причемъ конечно не должно смѣшивать то, что принадлежитъ Богу и что—кесарю.

Отвѣчая на обвиненія г. Розанова, что духовенство лишаетъ незаконнорожденнаго своего благословенія, о. Дерновъ говоритъ, что церковь облакаетъ званіемъ христіанина всякаго къ ней приносимаго или приводимаго, независимо отъ того, кѣмъ онъ рожденъ. „Въ дѣлѣ признанія дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, говоритъ онъ, у нашей церкви инициативы нѣтъ“. Законность или незаконность дѣтей опредѣляется законами гражданскими, и это опредѣленіе заносится церковью въ ея метрики, которыми государство и пользуется для регистраціи своихъ подданныхъ. Въ церковныхъ руководственныхъ книгахъ (Кормчей и др) нѣтъ и наименованія „незаконнорожденный“. Церковь не дѣлаетъ подобнаго различія и равнолюбовно присоединяетъ всѣхъ къ паствѣ Христовой. Такимъ образомъ обвиненіе, направленное противъ церкви, въ этомъ вопросѣ, падаетъ само собою; никакого византизма, никакой суровости во всемъ этомъ нѣтъ и не оказывается.

Въ IV главѣ своей брошюры о. Дерновъ разбираетъ взгляды г. Розанова на бракъ и на улучшенія и упрощенія, предлагаемыя въ немъ г. Розановымъ („бракъ безформенный“—„полосочетаніе“).

¹⁾ Римскіе императоры иногда присутствовали на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ. Такъ же поступалъ и царь Алексѣй Михайловичъ (московскій соборъ 1666—1667), относившійся къ собору съ великимъ, истинно сыновнимъ почтеніемъ. А. К.

Г. Розановъ, говорить о. Дерновъ, утверждаетъ, что даже и на основаніи словъ *Самаго Спасителя* бракъ есть только „полосочетаніе“, что между законнымъ и незаконнымъ бракомъ никакой разницы нѣтъ и быть не должно, и что бракъ не таинство. Г. Розановъ идетъ и еще гораздо далѣе, говорить о. Дерновъ, онъ сожалеетъ, что мы вообще охотники (и охотницы) до „фронды“, въ дѣлѣ незаконнорожденности—фрондировать не хотимъ: мы стыдимся своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, дѣвушка, родившая ребенка, *стыдится!*¹⁾ Г. Розановъ жалеетъ, что у нашихъ женщинъ сохранился еще *стыдъ*: тутъ, думаетъ г. Розановъ, нечего стыдиться! Притомъ эта излишняя стыдливость порождаетъ дѣтоубійства. (Если бы не было брака, а было бы одно полосочетаніе, не было бы ни стыда, ни дѣтоубійствъ—разсужденіе вполне последовательное!). На все это конечно возстаетъ о. Дерновъ. Онъ основательно видитъ въ этомъ разрушеніе всякой нравственности²⁾. Правда, г. Розановъ тоже говорить о какомъ-то бракѣ, онъ находить цѣлесообразнымъ какой-нибудь внѣшній актъ, напримеръ обмѣнъ кольцами, онъ даже находить предпочтительнымъ, чтобы бракъ совершался въ церкви, но повторяетъ, что онъ не таинство, что этотъ взглядъ лишь плодъ корыстолюбія священниковъ, что такой бракъ есть *симонія*, что настоящій бракъ состоитъ лишь въ *тайнѣ физическаго рожденія*. Но въ чемъ же, спрашивается, разнится такой бракъ отъ полосочетанія животныхъ?..

Въ VI главѣ своего возраженія о. Дерновъ возвращается къ отношеніямъ между церковью и государствомъ. На обвиненіе г. Розановымъ духовенства и религіи, что онѣ разлучаютъ будто бы родителей и дѣтей, о. Дерновъ отвѣчаетъ, что г. Розановъ напрасно не дѣлаетъ необходимаго разграниченія между церковью и государствомъ. Области эти необходимо различать. Православная церковь—установленіе совершенно самостоятельное и независимое отъ государства, отъ міра. Государство не имѣетъ права объявить недействительными апостольскія и соборныя правила, не можетъ также объявить закона, противоборствующаго церкви. Въ такомъ случаѣ іерархія церкви не обязана повиноваться государственной власти, которая захотѣла бы принудить ее признать то, что противно Закону Божию и ея совѣсти (по слову

¹⁾ Въ *тонѣ* двухъ дочерей Лота, нарѣкающихъ имена сынамъ своимъ, есть *гордость!* „Вотъ — мы все переступили, дабы имѣть дѣтей—во исполненіе райскаго заповѣданія“. Посему теперь, сейчасъ дѣвушка должны высоко поднять рожденныхъ ими дѣтей, и закричать: „трудно намъ, задыхаемся—но волю Божию исполнили“. Да, я немасытно хочу гордости въ рожденіяхъ; и не извиняюсь... В. Р.—въ.

²⁾ Родить ребенка—значитъ „разрушить нравственность“!!! Защищать дѣтей—значитъ „поощрять безнравственность“!!! Воже... Воже... *гдѣ-же, у кого твои заповѣданія?* В. Р.—въ.

апостольскому—„повиноваться Богу болѣе нежели людямъ“, Дѣянїя Апост., гл. V, ст. 29).

На обвиненіе г. Розанова, что существующіе законы различаютъ незаконнорожденнаго ребенка отъ его матери, о. Дерновъ отвѣчаетъ, что оно совершенно не основательно, что никто, никакой законъ не мѣшаетъ матери заботиться о томъ, чтобы вырастить и воспитать себѣ незаконнорожденное дитя, сдѣлать изъ него человѣка и гражданина. Если же женщина избѣгаетъ, совѣстится выводить его на показъ, какъ бы хвастаться имъ, подчеркивать его происхожденіе, то этому мѣшаютъ не государство и церковь, а просто чувство стыда, присущее всякой женщинѣ, не въ концѣ развращенной; то самое чувство, которое г. Розановъ считаетъ столь излишнимъ и въ которомъ, кстати сказать, покойный В. Соловьевъ видѣлъ одну изъ основъ своей этики.

Въ VIII главѣ своей брошюры о. Дерновъ разсматриваетъ предлагаемыя г. Розановымъ улучшенія и упрощенія въ христіанскомъ бракѣ. Исходя изъ своего основного положенія, что бракъ въ сущности есть лишь „полосочетаніе“, „прилѣпленіе половъ“, г. Розановъ смѣло утверждаетъ, что съ принятіемъ его взглядовъ сами собою уничтожатся „адюльтеры“ (попросту прелюбодѣянїя), наложничества, незаконнорожденныя дѣти! „Ничего этого не будетъ,—говоритъ г. Розановъ,—не будетъ ни паденій, ни незаконныхъ касаній женщины“ (все будутъ супружества). Понятно, что при такихъ основанїяхъ г. Розановъ приходитъ вполне послѣдовательно къ необходимости или желательности новыхъ, болѣе упрощенныхъ, формъ бракосочетанія, напр. къ простому благословенію родителей, у кого они есть, къ размѣну колецъ, а то такъ и къ простому „полосочетанію“. Конечно вторая и третья, въ особенности третья форма, ни для кого не окажется слишкомъ стѣснительной ¹⁾... Тогда вотъ и заведется, по мысли г. Розанова, чистѣйшїй типъ семьи, не въ примѣръ лучшей нашего настоящаго... Вѣдь тогда не будетъ разврата!

„Нѣтъ,—возражаетъ г. Дерновъ,—тѣмъ, что вы, г. Розановъ, узаконите всякія „касанія“ женщинъ, уничтожите разницу между бракомъ и сожитіемъ, равно какъ и между законно- и незаконнорожденными, вы разврата не уничтожите, вы его напротивъ введете, хотя подъ именемъ нравственности новаго образца; вы напротивъ снимаете этимъ послѣднюю узду, сдерживающую страсти. Вѣдь человѣкъ, не сдерживаемый никакимъ закономъ, никакимъ стыдомъ, стоитъ ниже животнаго, которое въ проявленїи своихъ

¹⁾ Да зачѣмъ вамъ „стѣснять“ (вѣчная тенденція) бракъ, который, по Апостолу, установленъ „во избѣжаніе блуда“. Стѣснительнъ бракъ—свободенъ блудъ; свободенъ бракъ—тѣснѣе блуду. Поразительно, что всѣ, и Дерновъ, и Кирѣевъ, борются *противъ брака* („стѣсняютъ“), не упоминая о *блудѣ* и такъ об. молча ему *покровительствуя, создавая ему условия*. В. Р.—вз.

страстей сдерживается своимъ инстинктомъ; у людей въ этомъ отношеніи инстинкта нѣтъ (то же относится и до питья: животное пьетъ когда оно жаждетъ, пьяница пьетъ постоянно). При этомъ о. Дерновъ дѣлаетъ интересныя ссылки на Оригена и отцовъ церкви.

Совершенно послѣдовательно г. Розановъ приходитъ и къ требованію всякихъ облегченій развода и относится враждебно къ запрещенію вступленія въ бракъ супругу или супругѣ, уличеннымъ въ прелюбодѣянiи; выходитъ это у него совершенно послѣдовательно, логично. Разъ бракъ есть не что иное, какъ полосочетаніе, нечего его и стѣснять въ какомъ бы то ни было отношеніи; такое стѣсненіе ничѣмъ и не обусловливается и не вызывается. Нѣтъ болѣе „адюльтера“, радостно восклицаетъ г. Розановъ, причемъ онъ считаетъ себя въ правѣ опереться на столь великій авторитетъ „Боговидца“ (?!) ¹⁾. Противъ такихъ положеній весьма основательно ополчается о. Дерновъ, посвящая X главу своей книжки опредѣленію понятія брака съ христіанской точки зрѣнія. Бракъ по христіанскому ученію—не договоръ, не обязательство и не законное рабство; онъ—тайнство, совершаемое церковью черезъ вѣнчаніе и налагающее на супруговъ полноту серьезныхъ обязанностей. Къ прекращенію ихъ разводомъ церковью относится крайне осторожно. Въ отвѣтъ г. Розанову, убѣжденно повторяющему (будто бы на основаніи словъ Спасителя!), что существо брака есть полосочетаніе, что прелюбодѣянiе началось отъ того, кто далъ браку невѣрное опредѣленіе, что тотъ, кто создалъ идею, что могутъ быть „незаконныя“ касанія къ женщинѣ, что вообще можетъ существовать любовь незаконная—тотъ развратилъ человѣчество, о. Дерновъ восклицаетъ:—„Что вы говорите, г. Розановъ, да вѣдь заповѣдь „не прелюбы сотвори“ дана Самимъ Богомъ“ (и усилена и разъяснена Самимъ Спасителемъ!). Спаситель, развращающій человѣчество?!“

Такова въ краткомъ изложеніи сущность возраженій о. Дернова г. Розанову; должно сказать, что изъ проекта г. Розанова не остается камня на камнѣ. Приходится повторить то, что говорить въ „Нов. Времени“ г. А—тъ: „Г. Розановъ, вы не вѣдаете, что творите!“

Къ вышесказанному я позволю себѣ прибавить нѣсколько соображеній.

Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ въ „Новомъ Времени“ г. А—тъ, г. Розановъ не уяснилъ себѣ значенія совѣтовъ и наставленій, которыми онъ награждаетъ наше общество. Если бы, паче чаянія, предлагаемыя имъ мѣры были приняты къ руководству, онѣ несомнѣнно привели бы не къ улучшенію брачныхъ отношеній, а

¹⁾ Эта ссылка уже совершенно непонятна. А. К.

къ упраздненію брака, а стало-быть къ полному одичанію общества ¹⁾. И тѣмъ не менѣе, читая статьи г. Розанова, чувствуешь, что въ нихъ есть нѣкоторая доля правды, если не въ положительной, то въ отрицательной ихъ сторонѣ; въ нихъ чувствуется справедливый протестъ противъ несомнѣннаго зла, противъ современнаго положенія дѣлъ, несомнѣнно неудовлетворительнаго, требующаго радикальнаго леченія. Бѣда лишь въ томъ, что г. Розановъ, второлихъ, для излеченія несомнѣнной и тяжелой болѣзни, хватается за лекарство никуда негодное, гораздо худшее самой болѣзни; онъ бѣжитъ, какъ говорится, „изъ огня да въ полымя“.

Это бывало и съ очень крупными людьми. Возмущенный несправедливымъ, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ, собственности, Прудонъ объявляетъ, что первый, кто выдумалъ, кто установилъ собственность, и былъ первымъ воромъ. „La propriété est un vol“,—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи „On'est-ce que la propriété?“ Уничтожьте собственность, не будетъ на нее посягательства, не будетъ кражъ ²⁾. Въ подобномъ же настроеніи находился покойный В. Соловьевъ, когда писалъ свои необдуманныя статьи о католицизмѣ, статьи, въ которыхъ, въ виду несомнѣнныхъ недостатковъ нашего церковнаго строя, совѣтовалъ намъ перейти въ унию и признать господство надъ нами папы. Развѣ это не то же „изъ огня да въ полымя?“ А вѣдь какъ глубоко-религіозна была мысль Соловьева! Конечно многое требуетъ исправленія, въ особенности дѣла бракоразводныя, съ ихъ лжесвидѣтельствами, подкупами, съ ихъ непролазною кощунственною грязью, попадающею и на свѣтлыя одежды ³⁾ нашей церкви! Да, все это требуетъ леченія, требуетъ реформъ, но конечно не тѣхъ, которыя предлагаетъ г. Розановъ.

Наши законы о бракѣ основаны на ⁴⁾ словѣ Божиѣмъ, *стало бытъ хороши*; къ несчастію, наша практика гораздо ниже нашей теоріи; теорія прекрасна, практика никуда ⁵⁾ не годится! За послѣднія двадцать, тридцать лѣтъ въ этомъ отношеніи произошли та-

¹⁾ Да что-же, евреи и греки были „дикіе“? безъ *нашихъ* нормъ? съ *другими*? Слишкомъ вы самообольщены съ Дерновымъ. В. Р—въ.

²⁾ Уничтожьте таинство брака, говоритъ г. Розановъ,—введите простое полосоочетаніе, не будетъ и нарушеній брака; „нѣтъ адюльтеровъ“,—нѣтъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Уничтожьте законъ—не будетъ и его нарушеній, не будетъ преступленій. Снимите голову—нѣтъ и зубной боли! Все рѣшается очень просто! А. К.

³⁾ Какъ-то неясно. „Врызки отъ моей работы падаютъ на мои одежды и *мараютъ ее*“. Вѣрно—работа не чиста, и тогда бы для нея надо одѣть не очень чистыя одежды. А то что путать, путать—и на зрителей навдидитъ миражъ. Одѣжа—богатая, а работа—швахъ. В. Р—въ.

⁴⁾ ... римскомъ правѣ. А. Н. Кирѣевъ должно быть вовсе не знакомъ съ *исторіей* каноническаго права. Черпали ведрами изъ *Corpus juris civilis*. В. Р—въ.

⁵⁾ Такихъ чудесъ не бываетъ. В. Р—въ.

кія перемѣны, которыя заставляють серьезно опасаться за будущность нашего общества. Повторяю: законы наши хороши, ихъ самихъ и нечего и касаться, но необходимо измѣнить ихъ уродливое примѣненіе; и начать нужно съ изыятія бракоразводныхъ дѣлъ изъ компетенціи консисторій съ отстраненіемъ отъ нихъ грязныхъ специалистовъ-адвокатовъ, сдѣлавшихъ изъ нихъ постыдный промыселъ; но главное не въ этомъ: намъ самимъ, самому обществу нужно относиться къ святости брачныхъ узъ иначе, нежели мы относимся нынѣ. Мы сами должны оберегать ихъ какъ одно изъ главныхъ условій общественнаго, а стало-быть и государственнаго блага, а такъ-ли мы поступаемъ? *Не законы плохи, мы* ¹⁾ *плохи!* За послѣднее время, въ особенности, взгляды на бракъ совершенно измѣнились и несомнѣнно къ худшему. Теперь провинившійся мужъ не говоритъ, какъ прежде, какъ бы слѣдовало: „*Я виноватъ! да проститъ мнѣ Господь мое преступленіе!*“; нѣтъ, мы теперь, просвѣщенные новѣйшими теоріями о бракѣ, наученные житейскою мудростью специалистовъ и адвокатовъ, прямо отрицаемъ самое понятіе о грѣхѣ: *не виновенъ-де!* Никакой въ этомъ вины нѣтъ, это устарѣлые взгляды попа Сильвестра, мы начитались „Домостроя“; иногда вторятъ и дамы, ссылаясь на „*les droits imprescriptibles de l'amour!*“ У насъ перепутаны всѣ понятія: человекъ проигрался въ карты, общалъ, какъ водится, уплатить свой долгъ въ 24 часа, но не исполнилъ своего обѣщанія и готовъ съ отчаянія застрѣлиться; и всѣ это понимаютъ. „Какъ же, я торжественно обѣщаль уплатить долгъ и вотъ не сдержалъ своего обѣщанія, а вѣдь карточные долги — священны!“ и тотъ же самый человекъ, торжественно и всенародно обѣщавшій передъ Господомъ Богомъ своей невѣстѣ любить ее ²⁾ и оставаться ей вѣрнымъ, не обманывать ее—считаетъ себя *въ правѣ* не исполнять даннаго обѣщанія, вовсе не думая о самоубійствѣ и прибѣгая для своего обѣденія къ самымъ грубымъ и пошлымъ изворотамъ, и все для того, чтобы доказать и себѣ и другимъ, что тутъ нѣтъ никакого грѣха! Всѣ, молъ, такъ дѣлають!

¹⁾ Вѣчная присказка лѣнивыхъ и неразумныхъ юристовъ. „Это—они, а—не мы“. Законъ *мудрый* имѣеть благодѣтельнѣйшее вліяніе на *правы*. Какъ тихи, незамѣтны, скромны татары и евреи: ни — пьяницъ по улицамъ, ни — сифилитиковъ въ больницахъ, ни — расправъ финскимъ ножомъ „съ измѣнницей“, „надоѣвшей“ и пр. Неужели же желтая кровь монгола чище, *святѣе* русской?! В. Р—въ.

²⁾ Да, еслибы любовь какъ и деньги можно было *обтѣчать на сроки*. А если она не *родилась* — что вы на это? Ну, дѣлайте *видъ любви!* Это будетъ *лицемѣріе и грѣхъ*. Вотъ если-бы при заключеніи брака давалось *выпивать нѣкое магическое священное питье, рождающее изъ себя любовь* — тогда ее и требовать-бы можно. А не изобрѣли вы такого питья, „*благопожеланіе*“ ваше любви—не подѣйствовало, ну тогда съ „нѣтъ“—нечего и спрашивать. В. Р—въ.

По словамъ Спасителя, бракъ долженъ быть святой, неразрывный союзъ, оберегаемый строгими обоюдобязательными и безусловно равными для обѣихъ сторонъ нравственными законами (Евангл. отъ Маттея, гл. V, ст. 31—32); исключеніе допускается Христомъ лишь одно, и то съ ограниченіями крайне мудрыми (Маттея, XIX, ст. 6—10). Такъ его понимаетъ православная церковь. Впослѣдствіи, гражданскою властью были введены еще нѣкоторые поводы къ разводу, чисто формальнаго свойства: но все это мы забываемъ, не хотимъ всего этого и знать. Я употребляю слово *мы*, ибо главными виновниками распада бракъ должны быть признаваемы мужчины, мужья; жены лишь иногда слѣдуютъ за нами, слѣдуютъ нашему дурному примѣру; рѣдко первоначальнымъ нарушителемъ брачной вѣрности является жена, въ особенности если она мать! Мать, какая бы она ни была, хотя бы изъ самыхъ „передовыхъ“, хотя бы изъ нигилистовъ, помогающихъ равноправности въ развратѣ съ мужчинами, и та невольно какъ-то, хоть вначалѣ, бережетъ чистоту семейнаго очага, она все-таки стыдлива дурного мужа; происходитъ это оттого, что молодая мать стоитъ ближе къ дѣтямъ, нежели отецъ, нѣжнае, заботливѣе ихъ любить. Равноправности же въ нарушеніи брачнаго союза никакой конечно быть не можетъ, ибо ни у кого нѣтъ и быть не можетъ никакого *права* на грѣхъ. Высказано это въ Евангеліи самымъ положительнымъ образомъ.

Укрѣпленію брачнаго союза можетъ содѣйствовать не ослабленіе его разными „облегченіями“, попустительствами и поблажками: не введеніе въ него разныхъ грубо физиологическихъ или юридическихъ понятій. Для укрѣпленія брака нужно, наоборотъ, чтобы общество смотрѣло на брачныя отношенія съ точки зрѣнія идеально религіозной; тогда и только тогда будетъ бракъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, по словамъ Спасителя. Перестановка брака на почву юридическую, о которой многіе теперь толкуютъ, еще вреднѣе на него подѣйствуетъ, нежели введеніе въ него самаго распущеннаго матеріализма, ибо, разъ будетъ принято, что бракъ есть только юридическій договоръ, никакимъ образомъ нельзя будетъ отстоять не только его ненарушимости, но и безсрочности, вѣчности; разъ это только контрактъ, только юридическая сдѣлка ¹⁾, я всегда буду считать себя нравственно въ правѣ

¹⁾ *Теперь-то онъ именно такъ и поставленъ; только какъ сдѣлка вѣчная (= рабство, крѣпостное право). Какъ-же иначе, когда и состоитъ онъ въ одномъ вписаніи жены въ паспортъ мужа: а) съ предоставленіемъ ссориться, до посягательства на жизнь другъ друга (по этой причинѣ нѣтъ развода), б) измѣнять одинъ другому (безъ официальныхъ свидѣтелей), в) никогда и не начинать жизни вмѣстѣ, живя хоть въ разныхъ полушаріяхъ (и это не кассируетъ бракъ). Просто онъ — поставленъ и *съ-ми* чувствуется какъ *вѣчное обязательство юридическаго характера*, безъ дачи способовъ его исполнить—et rien de plus. В. Р—въ.*

изыскивать юридическія средства для его нарушенія, ежели онъ оказывается для меня почему-либо неудобнымъ; да и на какомъ основаніи можно юридически отвергать бракъ на срокъ? Какъ основательно и горячо возставалъ на гражданскій бракъ И. Аксаковъ, исходя изъ основаній не только религиозныхъ, но и психологическихъ, изъ высокаго понятія о любви! И гдѣ бы, мнѣ кажется, не быть настоящему святому браку, какъ не въ Россіи, не подъ охраной русской женщины, этого олицетворенія безпредѣльной любви, безпредѣльнаго всепрощенія, самопожертвованія и непостижимой стойкости ¹⁾ въ несчастіи! Кажется, г. Розановъ великій цѣнитель и знатокъ изящной литературы; я увѣренъ, что если бы, писавши свои статьи, онъ бы хотя мелькомъ вспомнилъ о пушкинской Татьянѣ, этомъ благородномъ, чудномъ, святомъ прототипѣ русской женщины—онъ бы конечно не написалъ того, о чемъ я здѣсь говорю. Павловскъ, 7-го декабря. *А. Кирѣевъ.*

XLII. Идилія защищаемая А. Дерновымъ и А. Кирѣевымъ.

Благословеніе брака споспѣшествуетъ благословенному существованію семейства.

М. Филаретъ.

1. Изъ Ялтинскихъ нравовъ (письмо въ редакцію „Нов. Вр.“).

М. Г. Въ Вашей почтенной газетѣ (№ 9071) я сегодня прочитала о полемикѣ, которая ведется въ „Крым. Кур.“ о ялтинскихъ проводникахъ, коихъ ялтинская газета такъ жестоко обозвала „котками мужского пола“.

Это—несправедливое обвиненіе милыхъ проводниковъ, которые въ теченіи вотъ уже пяти лѣтъ, ежегодно во время сезона, обновляютъ мою жизнь, заставляя усиленнѣе трепетать мое бѣдное сердце; и воспоминаніе не забвенныхъ минутъ, проведенныхъ мною въ горахъ Крыма совмѣстно съ проводниками, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ въ ихъ защиту.

Я буду откровенна. Состояніе мое значительное. Я второй разъ замужемъ. Супругъ мой—сановная особа, но очень ветхъ и древенъ. Мнѣ 50 лѣтъ, но моему физическому сложенію завидуютъ многія. Шевелюра моя уже серебрится, но любви всѣ возрасты покорны, а подъ сѣгломъ не иногда, а очень часто бѣжитъ кипучая вода. Остудить эту воду мой супругъ возможности не имѣлъ, ибо молодость онъ провелъ обычно т. е. крайне бурно,

¹⁾ Да, выколотили изъ матушки психологію. „Какъ воскъ — мягка, какъ свѣчка восковая въ пальцахъ гнется“. Но чего это стоило!! и—сейчасъ еще стоитъ!!! *В. Р.—въ.*

а цѣпи Гименея надѣлъ лишь тогда, когда убѣдился, что таковыя приготовлены изъ высокопробнаго золота. Я искала утѣшенія въ окружающемъ меня обществѣ, но каждый разъ убѣждалась, что любить меня не какъ женщину, а какъ источникъ доходовъ, и что въ окружающемъ меня обществѣ найдти человѣка, который не оскорблялъ-бы во мнѣ женщину, невозможно. Счастливая случайность привела меня въ Ялту, и проводникъ Ахметка неволью меня убѣдилъ въ томъ, что утѣшители юга — люди сердца, а утѣшители сѣвера — люди грубаго разчета. Я начала посѣщать Крымъ ежегодно. Ахмета замѣнилъ Магометъ, Магомета Сулейманъ и т. д., но каждый изъ нихъ останется свѣтлымъ воспоминаніемъ до конца моей жизни. Всѣ они любили меня такъ пламенно, такъ нѣжно и такъ повидимому, безкорыстно.

Правда, я имъ платила деньги, но платила ничтожную часть того, что приходилось платить сѣвернымъ утѣшителямъ. Сѣверные требовали денегъ, а Магометы и Сулейманы, каждый разъ, отъ таковыхъ отказывались и мнѣ приходилось упрашивать ихъ взять. Они брали, но говорили, что тратить не будутъ, а сохранять какъ воспоминаніе обо мнѣ. Вѣрить имъ конечно было бы наивно, но это говорили они всегда такъ нѣжно, что неволью хочется вѣрить ихъ словамъ.

Я исклученія не составляю и имя намъ легіонъ. Всѣхъ насъ окружающіе въ обществѣ утѣшители возмущаютъ, ибо откровенность, съ которой они себя продаютъ, женщинѣ противна. Неужели мы, женщины съ темпераментомъ, лишены права искать если не истиннаго чувства, то хотя приличнаго подобія его, не оскорбляющаго въ насъ человѣка? Мы ищемъ, но не находимъ этого въ томъ кругу, который именуется обществомъ, и вынуждены стремиться на южный берегъ Крыма, гдѣ проводники относятся къ женщинѣ человѣчнѣе столичныхъ денди, и куда насъ гонить не развращенность наша, а желаніе избѣгнуть „франныхъ кокотокъ мужского пола“.

Съ истиннымъ почтеніемъ *Софія Ша.....ская.*

2. Судебная хроника. Сгорѣвшій мужъ.

28-го февраля въ петербургскомъ окружномъ судѣ началось слушаться громкое дѣло о поджогѣ въ Шуваловѣ дачи. Обвиняемыми явились вдова провизора М. Краевская, 30 лѣтъ, и мѣщанинъ А. Ведерниковъ, 27 лѣтъ.

Въ 6 часовъ утра 16-го іюня 1901 года въ дачной мѣстности Шувалово, расположенномъ по Финляндской дорогѣ близъ Петербурга, случился пожаръ, истребившій до основанія двухэтажную деревянную дачу Константиновой, въ которой жилъ тогда со сво-

имъ семействомъ провизоръ Э. Ф. Краевскій, погибшій въ огнѣ во время пожара.

Покойный въ ночь пожара вернулся домой, гдѣ уже спали его дочь Марія-Антуанета и мать его жены, Марія-Амалия Брюне, въ пятомъ часу утра съ праздника пожарной дружины, происходившаго въ саду „Озерки“, въ сопровожденіи проживавшаго вмѣстѣ съ нимъ арендатора сада „Озерки“, мѣщанина А. А. Ведерникова, своего сына Георгія, гостившаго у него гимназиста Карчевскаго, кассира сада Островскаго и Бандурова. Жена Краевскаго, Марія, послѣ праздника поѣхала кататься съ брантмейстеромъ пожарной дружины Лоренцсономъ и его помощникомъ Мордуховскимъ и во время пожара въ домѣ не находилась.

Придя на дачу, Краевскій, бывшій въ сильно нетрезвомъ состояніи, отправился съ Бандуровымъ въ верхній этажъ и почти тотчасъ-же уснулъ. Ведерниковъ остался на террасѣ, Островскій-же началъ въ гостиной подсчитывать расходы по празднику по саду „Озерки“; будучи тоже въ нетрезвомъ состояніи, онъ задремалъ, но вдругъ почувствовалъ жаръ и, оглянувшись, увидѣлъ, что лежащія въ гостиной на полу въ большомъ количествѣ конфетти горятъ. Онъ закричалъ объ этомъ Ведерникову, который, вбѣжавъ съ террасы въ комнату, хотѣлъ потушить пожаръ, но увидѣвъ, что сдѣлать этого нельзя, бросился будить успѣвшаго заснуть Краевскаго и помогъ выбраться черезъ окно Амалии Брюне. Въ то-же время сверху сбѣжалъ мальчикъ Георгій Краевскій, сестра его Марія-Антуанета выскочила на крышу и была снята оттуда дворникомъ. Бандуровъ выпрыгнулъ изъ второго этажа и, упавъ, сломалъ руку. Краевскій одинъ остался въ своей спальнѣ и обгорѣвшій трупъ его былъ найденъ въ развалинахъ уже послѣ того, какъ дача сгорѣла.

Сначала причина пожара не могла быть установлена, но 8-го августа Ведерниковъ, переѣхавшій съ семьей Краевскаго на дачу Строганова въ той-же мѣстности, пригласивъ къ себѣ черезъ урядника Людорфа мѣстнаго станового пристава Недѣльскаго, заявилъ ему, что дача Константиновой была подожжена имъ, Ведерниковымъ, по подговору Маріи Краевской, для полученія страхового вознагражденія за ея движимое имущество, помѣщавшееся въ сгорѣвшей дачѣ и застрахованное въ Русскомъ страховомъ обществѣ.

Допрошенный Ведерниковъ показалъ слѣдующее. Нѣсколько лѣтъ назадъ отецъ его, привезя его изъ Кіева въ Петербургъ, передалъ ему приблизительно на 9,000 р. разнаго товара и около 2,000 р. деньгами для того, чтобы онъ могъ завести собственное дѣло. Распродавъ весь товаръ за бездѣлицу, онъ на вырученныя деньги началъ вести веселую жизнь, предаваясь главнымъ образомъ игрѣ въ карты и на бѣгахъ и на скачкахъ, при чемъ игралъ

довольно счастливо. Около пяти лѣтъ назадъ знакомый его по Кіеву, землевладѣлец Катежинскій, сказалъ ему, что съ нимъ хочетъ познакомиться одна дама, жена провизора, Марія Краевская. Онъ согласился быть представленнымъ ей и Катежинскій привезъ его къ Краевскимъ, занимавшимъ въ то время небольшую квартиру по Николаевской ул., за которую они платили 720 р. въ годъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ перваго знакомства Ведерниковъ вступилъ съ Краевскою въ интимную связь. Сперва они выдальить въ разныхъ мѣстахъ, но затѣмъ, когда связь ихъ стала на столько очевидною, что ее не могъ не замѣчать мужъ Краевской, который однако не препятствовалъ ей, Ведерниковъ перѣхалъ въ качествѣ жильца къ Краевскимъ. Послѣ этого они наняли другую квартиру на той-же улицѣ, цѣною въ 2,060 руб., приобрѣли роскошную обстановку, завели лошадей; всѣ эти расходы производились на счетъ Ведерникова, продолжавшаго играть въ карты въ Петербургѣ какъ въ клубахъ, такъ и у частныхъ лицъ, а равно и въ другихъ городахъ, напр. въ Орлѣ, куда онъ ѣздилъ къ своему брату. Въ четыре года Ведерниковъ выигралъ около 60,000 руб., изъ которыхъ проигралъ тысячь двадцать, остальные-же были имъ истрачены на Краевскую.

Однако денегъ этихъ не хватало и онъ долженъ былъ дѣлать постоянные займы у своихъ братьевъ и сестры А. А. Муравлевой. Такъ продолжалось до осени 1900 г., когда дворяниномъ Аксюкомъ было возбуждено противъ него обвиненіе въ томъ, что онъ ведетъ игру краплеными картами.

Хотя дѣло это и было прекращено, но оно доставило столько непріятностей какъ ему, Ведерникову, такъ и его роднымъ, что онъ рѣшилъ перестать играть. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно испытывать нужду въ деньгахъ, а между тѣмъ Краевская по-прежнему требовала ихъ и не получая—ссорилась съ нимъ и постоянно упрекала его. Весною 1901 года она сообщила ему, что нашла способъ добыть денегъ: способъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы нанять гдѣ-либо дачу, которая-бы стояла особнякомъ и въ сторонѣ отъ другихъ, перевести туда всю ихъ обстановку, застраховать ее и затѣмъ поджечь и получить страховое вознагражденіе. Подсудимый ужаснулся и не хотѣлъ согласиться, но Краевская начала убѣждать его, говоря, что онъ ничѣмъ не рискуетъ, если устроить все умно и осторожно, и что она уже разъ поджигала свое имущество въ Одессѣ, была подъ судомъ и ее оправдали. Страстно любя Краевскую и всецѣло подчиняясь ей волѣ, Ведерниковъ согласился на предложеніе.

Вскорѣ послѣ этого они наняли дачу Константиновой въ Шуваловѣ, перевезли туда всю мебель и застраховали ее въ Русскомъ обществѣ за 12,000 рублей. Въ Шуваловѣ, для того, чтобы сойтись ближе съ мѣстной полиціей и членами пожарной дру-

жины, Ведерниковъ арендовалъ отъ имени велосипедно-атлетическаго кружка мѣстный садъ и театръ, причемъ антреприза была всецѣло его. Дѣйствительно ему удалось вскорѣ стать членомъ пожарной дружины, а когда она стала устраивать свой праздникъ, Ведерниковъ предложилъ для этого арендуемый имъ садъ. Предполагая, что праздникъ этотъ затянется до поздней ночи и что большинство дружинниковъ напьются до-пьяна, Краевская избрала для поджога ночь, послѣдующую за днемъ праздника; онъ состоялся 15-го іюля, причемъ была устроена битва цвѣтовъ и шествіе, въ которомъ участвовала и Краевская въ костюмѣ Орлеанской дѣвы. Вечеромъ состоялся въ саду „Озерки“ ужинъ, на который Краевскіе пригласили между прочимъ брандтмайора Лоренсона и его помощника Мордуховскаго.

Когда всѣ выпили, Краевская стала говорить о томъ, что будто-бы наклеенныя въ Шуваловѣ и Озеркахъ на заборахъ и столбахъ театральныя афиши закрыли афиши праздника пожарной дружины и подъ предлогомъ провѣрить это обстоятельство пригласила съ собою Лоренсона и Мордуховскаго и увезла ихъ въ своемъ экипажѣ, взглядомъ давъ понять Ведерникову, чтобы онъ привелъ ихъ умыселъ въ исполненіе.

Тогда подсудимый отправился домой вмѣстѣ съ Краевскимъ, его сыномъ и кассиромъ сада Островскимъ, котораго онъ пригласилъ подъ предлогомъ свести счета, въ дѣйствительности-же для того, что-бы во время пожара на дачѣ находилось постороннее лицо для отвлеченія подозрѣнія; съ ними пошелъ и Бандуровъ, который, опоздавъ на отходившій въ Петербургъ поѣздъ, просилъ разрѣшенія ночевать у нихъ. Когда всѣ они пришли на дачу, Краевскій съ Бандуровымъ отправились наверхъ, Островскій-же сѣлъ въ гостиной подводить счета, но, будучи выпивши, задремалъ. Тогда Ведерниковъ поджога спичкой лежавшія въ углу гостиной въ мѣшкѣ конфетти и вышелъ на террасу.

Вскорѣ послышался крикъ Островскаго и тогда онъ кинулся будить спавшихъ. Спаслись всѣ, бывшіе на дачѣ, кромѣ Краевскаго; смерть его была большою неожиданностью какъ для Ведерникова, такъ и для вернувшейся въ концѣ пожара Краевской, и сильно поразила ихъ. Послѣ пожара Ведерниковъ съ Краевской, ея матерью Брюне и дѣтьми Краевскаго переѣхали на дачу Строганова. Здѣсь отношенія Краевской къ нему рѣзко перемѣнились, она стала сторониться отъ него и въ то-же время видимо сближалась съ своимъ кучеромъ А. Полозомъ, съ которымъ ходила гулять, покупала ему въ Петербургѣ дорогое бѣлье, ѣдила съ нимъ по городу на извозчикахъ. Кромѣ того, вернувшись разъ вечеромъ домой, подсудимый видѣлъ черезъ стеклянную дверь, какъ послѣ его звонка изъ спальни Краевской вышелъ Полозъ въ одномъ бѣльѣ и прошелъ къ себѣ наверхъ. Затѣмъ онъ сталъ

замѣчать, что Краевская и Полозь что-то умышляютъ противъ него и что-то шепчутся между собою, причемъ до него долетали слова: „отравить“, „отдѣлаться“, „убить“. Это заставило Ведерникова опасаться за свою жизнь и, не желая быть болѣе игрушкой въ рукахъ Краевской, онъ сдѣлалъ заявленіе полиціи обо всемъ происшедшемъ.

Установлено, что покойный Краевскій занимался въ лабораторіи при аптекѣ Глокова приготовленіемъ желатиновыхъ капсулъ и зарабатывалъ около 200 р. въ мѣсяцъ, занимая въ то-же время квартиру, за которую платилъ 2,060 р., держалъ нѣсколькихъ лошадей и проживалъ въ годъ тысячъ семь или восемь. Обстановка въ его квартирѣ была очень хорошая и всѣ вещи цѣнныя. Вмѣстѣ съ Краевскими проживали сынъ и дочь его отъ перваго брака и старушка М. А. Брюне, про которую Краевскіе говорили иногда, что она тетка М. Краевской, иногда-же—ея мать и, выдавая ее за очень богатую женщину, рассказывали, что живутъ на ея счетъ и квартиру нанимали на ея имя; равнымъ образомъ на ся-же имя было застраховано и имущество при переѣздѣ на дачу въ Шувалово, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Брюне замѣняла имъ кухарку.

Нѣсколько комнатъ въ своей квартирѣ Краевскіе отдавали въ наймы и одну изъ нихъ занималъ Ведерниковъ; онъ въ семьѣ Краевскихъ держалъ себя на положеніи какъ-бы хозяина и ни для родственниковъ его, ни для родныхъ Краевского не было тайной, что Ведерниковъ состоитъ съ женою Краевского въ интимной связи. Краевская на братьевъ своего мужа и на его сестру производила впечатлѣніе женщины фальшивой, двуличной и распущенной, но въ то-же время съ сильнымъ и настойчивымъ характеромъ; мужъ ея, Краевскій, и Ведерниковъ были оба люди слабохарактерные, мягкіе и во всемъ подчинялись Маріи Краевской. Ведерниковъ за послѣдніе четыре года до пожара въ Шуваловѣ жилъ исключительно карточной игрою. Игралъ онъ въ клубахъ въ Петербургѣ и Орлѣ, гдѣ въ короткое время выигралъ около 25,000 рублей, и у себя дома, въ квартирѣ Краевскихъ, гдѣ съ одного лишь Аксеюка выигралъ 15,000 руб. Всѣ приобретенныя имъ этимъ путемъ деньги онъ тратилъ на Краевскую, которую очень любилъ и ревновалъ ко всѣмъ посѣщавшимъ ее мужчинамъ.

Изъ-за ревности Ведерникова между Краевской и имъ часто происходили крупныя ссоры и бурныя объясненія, кончавшіяся обыкновенно тѣмъ, однако, что Ведерниковъ уѣзжалъ, привозилъ вина, фруктовъ и какіе-либо подарки, и они съ Краевской мирились. Несмотря на крупныя выигрыши онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, которыя занималъ у своихъ братьевъ, сестеръ, матери и у постороннихъ лицъ. Весною 1901 года онъ съ Краевскими переѣхалъ на дачу въ Шувалово, куда перевезли всю

мебель, лошадей и экипажи. Конюшня была нанята отдѣльно отъ дачи и рядомъ съ ней снята комната для кучера, гдѣ и жилъ Полозъ. Въ Шуваловѣ Ведерниковъ взялъ антрепризу сада „Озерки“ и сначала дѣла его шли хорошо, но затѣмъ онъ сталъ нуждаться въ деньгахъ, задерживать платежи и вынужденъ былъ на удовлетвореніе необходимыхъ расходовъ прибѣгать къ займамъ. Передъ самымъ пожаромъ въ саду „Озерки“ состоялся ужинъ, которымъ закончился праздникъ пожарной дружины. За ужиномъ Краевская дѣйствительно затѣяла разговоръ о томъ, что будто-бы театральныя афиши, расклеенныя на улицахъ, закрыли афиши пожарнаго праздника, и предложила брантмейстеру Лоренцону и помощнику его Мордуховскому поѣхать съ нею на ея лошадахъ смотрѣть афиши. Тѣ согласились и Краевская уѣхала съ ними. Афишъ однако они не осматривали, а затѣмъ въ какой-то ресторанѣ, выпили лимонада, поѣхали обратно и пріѣхали, когда пожаръ уже кончился.

Послѣ пожара Ведерниковъ сильно измѣнился, сдѣлался разсѣяннымъ, грустнымъ и задумчивымъ. Краевская-же замѣтно стала приближать къ себѣ кучера Полоза, который сталъ заботиться о своемъ костюмѣ, носить крахмальныя сорочки и ходить съ тросточкой. Изъ комнаты около конюшни, которую занималъ ранѣе Полозъ, Краевская перевела его на дачу Строгановой, гдѣ она жила сама, и поселила въ мезонинѣ. Она ходила съ нимъ гулять, брала его съ собою въ Петербургъ и ѣздила съ нимъ, сидя рядомъ на извозчикѣ, а также покупала ему въ Гостиномъ дворѣ дорогое, тонкое бѣлье, платки и проч.

Обращеніе съ нею Полоза было таково, что удивляло очевидцевъ. Послѣ арестованія ея и Полоза, она, черезъ урядника, передала ему два своихъ новыхъ платка и полотенце, и распрашивала, сильно-ли подѣйствовалъ на него арестъ... *Судебный отчетъ „Нов. Вр.“.*

3. Было или не было?

Обошедшій всѣ, кажется, наши газеты рассказъ о томъ, какъ саврасы безъ узды въ одномъ городѣ ошолли нѣсколькихъ дамъ какимъ-то наркотикомъ и заперли въ отдѣльномъ кабинетѣ гостиницы въ костюмахъ праматери Евы, пославъ ключъ мужьямъ, въ ту пору картежничавшимъ въ клубѣ,—удостоверень недавно съ географической точностью.

По словамъ „Русск. Вѣдом.“, исторія произошла въ Рязани. Дамъ увезли кататься на тройкахъ изъ тамошняго благороднаго собранія люди, оказавшіеся весьма неблагородными и гнусно отомстившіе своимъ спутницамъ за какіе-то счеты ихъ съ другою рязанскою дамою, яко бы по ихъ винѣ не попавшею въ то же

самое рязанское благородное собраніе. Говорятъ, добавляетъ московская газета,—одинъ изъ этихъ папуасовъ за свою мерзкую „шутку“ вынужденъ былъ подать въ отставку, а нѣкоторыя изъ потерпѣвшихъ дамъ признали для себя болѣе удобнымъ оставить навсегда этотъ городъ. И исторія на томъ и кончилась? Покладисты, коли такъ, рязанскіе мужья.

Только вотъ въ чемъ вопросъ: такъ ли точно все это было? Хотя разсказывается это въ такой незанимающейся враньемъ газетѣ, какъ „Русскіе Вѣдом.“?

Прошло уже довольно времени, чтобы исторію могли опровергнуть. Но кто и откуда? Вольные и невольные участники этой скверной исторіи не имѣютъ особой охоты росписываться въ ней. Гласность въ Рязани изображается двумя „органами“: „Губернск. Вѣдомостями“, въ которыхъ печатаются казенныя объявленія, и иногда выходящимъ „Рязанск. Листкомъ“, въ которомъ печатаются объявленія частныя. Стало быть и съ этой стороны туто и жидко.

Впрочемъ, если и случилась среди рязанской обывательщины такая пошлая и скверная исторія, такъ не лучше ли ей пропасть въ унизительномъ молчаніи, какъ пропадають же многія и многія скверныя и пошлыя провинціальныя исторіи? Какой будетъ толкъ, если около нея „поднять шумъ“? Развѣ просвѣтишь „папуасовъ“ и утѣшишь опозоренныхъ?

Вотъ все, что я могу отвѣтить на полученные мною запросы по этому поводу.

А. Артемьевъ.

4. Судебная хроника. Мать-убійца.

Дѣла объ умерщвленіи незаконнорожденныхъ въ большинствѣ случаевъ оканчиваются оправданіемъ, такъ какъ трудно бываетъ установить сознательность дѣйствій роженицъ, за которыми самъ законъ признаетъ смягчающія вину обстоятельства, вызываемыя стыдомъ и страхомъ.

Дѣло крестьянки Дарьи Егоровой представляетъ исключеніе. и по существу своему является отгалкивающимъ ¹⁾). Двадцативосьми-лѣтняя замужняя женщина, она проживала въ усадьбѣ Бровкина при селѣ Михаила Архангела, находящемся подъ Пе-

¹⁾ Ничуть. Она обѣщалась жить съ живущимъ съ нею мужемъ, а не отсутствующимъ. Уходя на годы, хотя даже на одинъ, онъ могъ лишь условно удерживать ее за собою, или долженъ былъ вовсе дать ей разводъ „Я выхожу (изъ отчого дома) не за твой паспортъ, а за тебя; и нѣтъ тебя, не вижу, — то и не спрашивай, гдѣ я“. Этотъ принципъ заставилъ бы гг. кавалеровъ позаботиться реальнымъ присутствіемъ дома, а не фиктивнымъ счетомъ, что-де все равно я *числясь* господиномъ дома. В. Р—въ.

тербургомъ. Соскучась отсутствіемъ мужа, отбывавшаго воинскую повинность, она завела романъ, послѣдствія котораго не заставили долго ждать себя, и въ началѣ іюня 1900 г. Дарья родила дочь, которую окрестила ея квартирная хозяйка Давыдова. Сознавая свое положеніе и боясь гнѣва мужа, Егорова съ первыхъ же дней появленія на свѣтъ ребенка тяготилась имъ, дурно обращалась, плохо кормила и хотѣла отдать въ воспитательный домъ, но тамъ дѣтей отъ замужнихъ не принимаютъ

Прошло недѣли двѣ и Егорова пришла домой безъ дочки. На вопросъ, куда она дѣвалась, мать отвѣтила Давыдовой, что какая-то незнакомая дѣвушка взялась за 30 руб. помѣстить малютку въ воспитательный домъ отъ своего имени.

Въ ночь на 16-е іюня въ усадьбѣ чистили отхожее мѣсто, въ которомъ нашли трупъ дѣвочки, и Давыдова признала въ ней свою крестницу. Судебно-медицинскою экспертизою установлено, что малютка умерла вслѣдствіе удушенія, будучи брошена въ грязныя жидкости, найденныя въ ея гортани и дыхательномъ горлѣ.

Подсудимая продолжала увѣрять, что отдала дѣвочку какой-то Аннушкѣ, но нашлась свидѣтельница, по фамиліи Смирнова, показаніе которой имѣло рѣшающее значеніе. „Приходитъ Дарья какъ-то ко мнѣ и говоритъ на мой спросъ: „Перекрестись, что не разболтаешь, что скажу тебѣ?“. Я перекрестилась. — „Я, продолжала Смирнова, — говоритъ, дочку задушила и бросила въ отхожее мѣсто“.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Егорова признана виновною и приговорена судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ ¹⁾.

5. Преступная (?! В. Р.) мать.

На этихъ дняхъ въ городѣ Руанѣ произошелъ слѣдующій случай: мать, женщина сорока лѣтъ, убила своего десятилѣтняго сына и потомъ сама бросилась въ Сену съ моста Боальдэ.

Женщина эта, г-жа Рульэ, пришла три недѣли тому назадъ изъ Гавра, гдѣ мужъ довелъ ее до крайней нищеты и бросилъ совершенно на произволъ судьбы; придя въ Руанъ, она рассчитывала найти тутъ работу и получить возможность къ существованію.

Г-жа Рульэ написала письмо къ прокурору, прося его содѣйствія и разъясненія свое бѣдственное положеніе; она также писала своимъ роднымъ, что принуждена будетъ покончить съ собою и своимъ ребенкомъ, если они не придутъ ей на помощь.

Не получая ни откуда отвѣта, доведенная до полного отчаянія,

¹⁾ И справедливо, и не справедливо. Нѣтъ *органическаго* о разныхъ случаяхъ закона. В. Р—въ.

несчастная мать рѣшила прекратить жизнь своего сына: она положила его на кровать, растопила жаровню и сама легла рядомъ.

Когда мальчикъ умеръ—она выбѣжала изъ дома и бросилась въ воду.

Трупъ ея не разысканъ до сихъ поръ.

Петербургскій листокъ № 281.

6) Приговоръ по дѣлу Н. Куликова.

Въ четвертомъ часу утра, окруж. судъ вынесъ приговоръ по дѣлу купца Ивана Куликова, признаннаго вердиктомъ присяжныхъ виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) Въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ своей женѣ, отъ которыхъ послѣдовала смерть ея; 2) въ гнусныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ надъ своими малолѣтними дочерьми, и 3) въ подлогѣ векселей. Иванъ Куликовъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и късылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ.

(С.-Петербургъ окружной судъ, 13 октября 1894 г.)

7) „О мрачности темъ“.

Насъ спрашиваютъ: такъ ли мрачна провинціальная жизнь, какъ это рисуется изъ подбора извѣстій въ провинціальныхъ газетахъ?

Какъ на примѣръ такого неестественнаго подбора вамъ указываютъ одинъ номеръ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ, совершенно литературной, издающейся въ крупномъ провинціальномъ университетскомъ городѣ. Въ этомъ номерѣ въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій красуются жирнымъ шрифтомъ отпечатанныя такія заглавія: 1) Семейная драма; 2) Несчастливая семья; 3) Звѣрская месть; 4) Звѣрское ослѣпленіе жены; 5) Убіеніе ростовщика; 6) Убіеніе разбойника; 7) Ограбленный докторъ. Далѣе слѣдуетъ судебная хроника, въ которой даются отчеты о слѣдующихъ дѣлахъ: 1) Истязаніе прислуги; 2) Убіеніе. И наконецъ номеръ заключается назидательнымъ рассказомъ въ „смѣси“ о пятилѣтнемъ убійцѣ.

„Не весела ты, родная картина“, только и остается изречь при чтеніи столь живописно составленной хроники провинціальной жизни... („Нов. Вр.“).

ОТВѢТЪ Г. КИРѢВУ.

На меня такъ много нападаютъ, что, кажется, самая элементарная справедливость требуетъ „дать послѣднее слово подсудимому“.

Рѣчи мои смутили критиковъ, но гораздо раньше моихъ рѣчей фактъ проституціи и дѣтубійства ихъ не смущалъ. Два-три фельетона публициста „могутъ поколебать бракъ, а стало быть и семейство и все гражданское общество, все государство“, пишетъ г. Кирѣвъ. А гнѣніе огромнаго тѣла Россіи, а эти страшные отдѣленія больницъ Обуховской и Калининской, а эти толпы дѣвушекъ, высыпающія въ холодную зимнюю ночь на залитыя электричествомъ улицы столицы, все это „не колеблетъ бракъ, ни семейство, ни государство?“ Отвѣтьте, г. Кирѣвъ!

Г. Кирѣвъ. Я занимаюсь старо-католическимъ вопросомъ, а не медициной.

Я. Но вы взялись судить о бракѣ? Вы возражаете мнѣ?

Г. Кирѣвъ. Да, потому что вы коснулись канонѡвъ, а я тутъ специалистъ. Я богословъ.

Я. Такъ гнѣніе-то Россіи, это... не богословскій вопросъ?

Г. Кирѣвъ. Нѣтъ, медицинскій. Это — въ вѣдѣніи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, и вы перепутали темы и такъ сказать територію вопросовъ...

Я. Да, счастливы вы... въ наивности или невѣдѣніи. Не находя въ Евангеліи текстовъ противъ учрежденія домовъ терпимости, вы чистосердечно вѣрите, что учрежденіемъ домовъ терпимости Россія не нарушила Евангелія. Но такъ какъ въ Евангеліи есть текстъ: „а женящійся на разведенной—прелюбодѣйствуетъ“, то напрямѣръ если бы хоть одному мужу, давшему женѣ разводъ и великодушно принявшему, въ силу возмутительнаго устройства бракоразводнаго процесса, вину на себя, государство ясно, открыто и честно разрѣшило вступить въ новый бракъ, то не одинъ, а тысячи гг. Кирѣвыхъ и оо. Дерновыхъ возмутились бы и за-

вопили, какъ онъ грозитъ въ своемъ фельетонѣ: „Государство не имѣетъ права объявить недѣйствительными апостольскія и соборныя правила, не можетъ также объявить закона, противоборствующаго церкви. Въ такомъ случаѣ іерархія церкви не обязана повиноваться государственной власти, которая захотѣла бы принудить ее признать то, что противно Закону Божию и ея совѣсти“.

И г. Кирѣевъ спокоенъ. Проституція не противъ текстовъ: да будетъ проституція! Но разводъ съ правомъ новой семьи—противъ текста: и церковь въ правѣ прямо „не послушаться государства“ „отказать! запретить!“

О, давно я сталъ безконечно любить государство, эту земную свѣтскую власть, этого грубаго повидимому часового: ибо грубыми мозольными руками все же онъ перевязываетъ раны больному, подбираетъ, хранитъ, лечитъ. Да, въ государствѣ—Христосъ!—приходится воскликнуть. „Истинно, истинно говорю вамъ: кто изъ васъ принялъ единого изъ малыхъ сихъ (о дѣтяхъ) во имя Мое—Меня принять“: и государство стало нянькою около больныхъ, около роженицъ, около дѣтей; оно во-истину, какъ Христосъ повѣдалъ, открыло двери своихъ пріютовъ равно всѣмъ: „Придите—и Я согрѣю васъ!“ Осанна государству; оно нынѣ какъ „сынъ Давидовъ“, въ бѣлыхъ одеждахъ милосердія, въ красотѣ любви и состраданія... И хоть священства одеждъ на немъ нѣтъ, но за священство подвиговъ его, за это удивительное его отношеніе къ дѣтямъ и женщинамъ — можно положить передъ нимъ земной поклонъ.

И вотъ противъ угрозъ по его адресу г. Кирѣева: „не смѣть!“, „не можетъ!“, „не слушаемъ!“ мнѣ хочется сказать людямъ тоги и меча, что г. Кирѣевъ или не всѣ тексты знаетъ, или нѣкоторые изъ нихъ утаиваетъ. Напримѣръ есть знаменательный и примѣнимый къ нуждамъ нашихъ дней и принципиальный для всего Евангелія, для всего смысла пришествія Спасителя на землю, текстъ:

„И фарисеи говорили Иисусу: смотри, что дѣлаютъ ученики Твои: чего не полагается въ субботу“.

Ученики же, идя полевъ и взалкавъ, срывали колосья и растирали руками и ѣли зерна.

Иисусъ отвѣтилъ:

„Неужели вы не читали никогда, что сдѣлалъ Давидъ, *когда имѣлъ нужду* и взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ вошелъ онъ въ домъ Божій, при первосвященникѣ Авіаѳарѣ, и ѣлъ хлѣбы предложенія, которыхъ не должно было ѣсть никому, кромѣ священниковъ, и далъ и бывшимъ съ нимъ?“

„И сказалъ имъ: суббота для человѣка, а не человекъ для субботы. Посему Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы“.

Вотъ какой основной текстъ Евангелія забылъ или утаиваетъ

г. Кирѣевъ. И міръ теперь алчетъ. Развѣ ничего не говоритъ нашему сердцу и уму Калининская и Обуховская больница? Если ничего не говоритъ—мы умерли для Бога, мы—трупы, хотя и съ „текстами“. „Повапленный гробъ, украшенный снаружи, а внутри наполненный костей тлѣнія“ — вотъ нашъ пресловутый бракъ, опирающійся одною ногою на погубленіе сотенъ тысячъ дѣвухъ—безъ дѣтей, безъ родства, обращенныхъ въ клоаку общественнаго непотребства (вѣдь будь *активная* разработка брака въ странѣ и получи онѣ всѣ во время замужество, онѣ не попали бы въ проституцію), и еще другою ногою упирающійся въ дѣтубійство:—„Это отъ стыда, но стыдъ—для охраненія цѣломудрія; пусть убиваютъ!“

Да, это „для охраненія цѣломудрія“.

А дома терпимости—цѣломудрія не оскорбляютъ?

А страшная болѣзнь—не мѣшаетъ Европѣ быть цѣломудренною?

Нельзя разведенному мужу, принявшему на себя вину, жениться: это нарушаетъ освященную древностью Кормчую книгу. Но какъ дома терпимости въ Кормчей книгѣ не упоминаются, то они ее и не нарушаютъ: *sunt!*

Но такъ ли исторически освѣдомленъ г. Кирѣевъ? Онъ пишетъ не колеблясь: „Наши законы о бракѣ основаны на словѣ Божиѣмъ, *стало быть хороши* (курсивъ его)“... „Повторяю, законы наши хороши, ихъ самихъ нечего и касаться“... Самоувѣренно. Вѣдь г. Кирѣеву извѣстно, что наши законы о бракѣ изложены въ такъ называемой Кормчей книгѣ. Но неужели же ему неизвѣстно, что Кормчая книга—есть *свѣтская византійская компиляція*, составленная при императорахъ Львѣ и Константинѣ (конца IX и X вѣковъ), и въ которой, какъ во всѣхъ средневѣковыхъ компиляціяхъ, въ родѣ „Пчелы“, „Пален“, „Луцицаріуса“, *Gesta Romanorum* и проч., перемѣшано христіанское и языческое, греческое и римское, и всего менѣе есть Евангельскаго и ужъ ничего ровно Библейскаго. Есть тамъ, сверхъ языческой римской основы, еще епархіальныя греческія распоряженія о бракѣ, частныя мнѣнія о бракѣ аскетовъ, которые по самымъ объѣмамъ своимъ относились къ браку отрицательно, и компетенція мнѣнія которыхъ едва ли можетъ быти универсально принята по этому. Доказательство—самое опредѣленіе въ „Кормчей“ брака. Всякій понимаетъ, что опредѣлить вещь—значитъ построить фундаментъ, по плану котораго расположится и планъ всего дальнѣйшаго ученія или догмы, или закона. Каково же это опредѣленіе въ „Кормчей“? Вотъ оно: гл. 48: „Бракъ есть соединеніе мужа и жены и общій жребій на всю жизнь, объединеніе божественнаго и чловѣческаго права“. Ваше ухо уже слышитъ въ этой формѣ „мѣдъ звенящую и кимваль бряцающую“ „*Corpus juris civilis*“. Дѣйстви-

тельно, это только переводъ изъ Digestae, XXIII: Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini (жрече-скаго, языческаго) et humani juris communicatio“. Теперь, изъ рукъ императоровъ Льва и Константина перейдя въ руки Влади-мира св. и его сыновей, далѣе Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха, еще далѣе—къ Василюмъ и Иоаннамъ Москвы, и до-кажась „не поврежденно“ до нашего времени, эта компиляція пе-рестала ли быть свѣтскимъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ языческимъ по происхожденію сборникомъ? Сборникомъ, при составленіи ко-тораго, напримѣръ въ опредѣленіи брака, не было сдѣлано справ-ки даже съ Евангеліемъ. Вотъ оно (замѣчательно, что о. прот. Дерновъ и г. Кирѣевъ оба воздержались привести его).

„И сказалъ Иисусъ: не читали ли вы, что сотворившій—въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ“ (Быт. 1). Т. е. что два пола есть первый абсолютъ брака. „И сказалъ: посему оставиъ чело-вѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одною плотью“ (Быт. 2). Т. е. Творческую Волю, сгармонировав-шую два пола, любовь приводитъ въ исполненіе съ такою непре-мѣнностью, что даже оставляется ради ея отецъ и мать. Таковъ второй абсолютъ брака. „Такъ, что они уже не двое, но одна плоть“. Говорится объ единомъ слитномъ организмѣ муже-жен-скаго слиянія, о существѣ супружества и вытекающаго изъ него родительства. „Итакъ, что Богъ сочеталъ—чело-вѣкъ да не разлу-чаетъ“ (Матѣ. 19). Т.-е. разлучить сопрягшихся, или ребенка отъ родителей, государственно или священно, въ чемъ бы то ни было: въ фамиліи, правахъ или имуществѣ, въ чести или въ счастіи, грубо физически или косвенно путемъ осужденія и пристыженія (ученіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ)—значить разорвать крови. истребить родство, разрушить въ людяхъ Божию тайну.

Что „тайна“ здѣсь есть, присутствуетъ, хотя казалось бы дѣло касается тѣла, чудно объяснилъ апостоль Павелъ въ посланіи къ ефесянамъ (гл. 5): „Мужъ есть глава жены — какъ и Христосъ церкви. Должны мужа любить своихъ женъ, какъ свои тѣла; лю-бящій свою жену — любитъ самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь—церковь. Потому что мы члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его. Посему оставиъ чело-вѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть“ (Быт. 2). Тайна сія велика есть“. Последнее выраженіе послужило фунда-ментомъ для возведенія брака въ таинство? Т.-е. что же это та-кое? Все, здѣсь описанное. Читатель можетъ прочесть, вдуматься, судить. Тайна *родства* чело-вѣческаго, *родного* въ чело-вѣческомъ, *костнаго и кровнаго*, откуда льется такая необоримая связанность людей и преданность, около которой малою дробью является вся остальная филантропическая и гуманная чело-вѣческая любовь.

Какъ же могло и рѣшилось ученіе о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ вмѣшаться въ эту „тайну“ и сказать отцу: „Эти дѣти — Семеновы, по духовному отцу зеленщику Семенову, тогда какъ вы — Петровъ, совсѣмъ другой человѣкъ, и не отецъ и не родной этому дитяти“? Зову Бога во свидѣтели, что кто такъ говорить, ска- залъ, повелѣлъ считать—богохульствовалъ.

Это—прямо ужасно, что совершилось. На этомъ и основано дѣгоубійство.

Въ заключеніе маленькое литературное nota-bene: г. Кирѣевъ еще болѣе не точно, чѣмъ о. Дерновъ, и отъ этого совершенно не вѣрно, передаетъ главныя мои утвержденія. Напр. онъ выражается: „Р—въ говорить, что таинства брака не существуетъ“. Но конечно я признаю таинство брака, не дѣля дѣтей на законныхъ и незаконныхъ; но оговорился: „такъ какъ вездѣ въ Европѣ дѣти дѣлятся на законныхъ и незаконныхъ, то нельзя доказать живость и присутствіе въ Европѣ (въ совѣсти Европы, въ сердцѣ Европы, въ умѣ Европы) таинства брака“. И объяснилъ—почему. И г. Кирѣевъ, и о. прот. Дерновъ, оба осторожно обошли этотъ мой важнѣйшій аргументъ (о недоказуемости въ *Европѣ* таинства брака). Это—маленькая подробность. Но и вообще всего хода моей мысли, какъ и аргументовъ въ *точномъ* ихъ значеніи, не уловили и г. Кирѣевъ и А. Дерновъ; и не только-что не опровергли, но и не коснулись, не разобрали ихъ. Они играли на арфѣ неопредѣленную мелодію, когда я выставилъ передъ ними таблицу умноженія.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XLIII. Изъ писемъ въ редакцію „Новаго Времени“ о бракѣ и разводѣ.

а.

Полемика между гг. Розановымъ, Кирѣевымъ и А—томъ о сущности и значеніи брака вызвала рядъ писемъ въ редакцію, авторы которыхъ стараются помочь выработкѣ возможно болѣе правильнаго взгляда на этотъ вопросъ. Какъ полагаетъ г. А. Л. Кирѣевъ ошибочно

примѣняетъ идеальное опредѣленіе брака къ дѣйствительности, торопится осуществить такой бракъ,—и конечно приходитъ къ невозможнымъ выводамъ. Конечно, если мы за опредѣленіемъ брака обратимся къ дѣйствительной жизни, то онъ опредѣлится не иначе, какъ съ помощью понятій религии и права. Если стоять на этой точкѣ зрѣнія, то разсужденія, подобныя разсужденіямъ г. Кирѣева, несомнѣнно правы.

Г. Кирѣевъ возмущается тѣмъ, что г. Розановъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ плотскому сожителству предпочтеніе передъ бракомъ, находя первое настоящей добропорядочной и чистой семьей, въ которую человѣкъ вступаетъ вырваншись изъ принудительнаго разврата“. Но не слѣдуетъ забывать, что предпочтеніе это оказывается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Эти нѣкоторые случаи имѣютъ мѣсто именно тогда, когда плотское сожителство становится истиннымъ бракомъ, а бракъ переходитъ въ принудительное плотское сожителство. Что это случается, и случается довольно часто съ этимъ, я думаю, никто спорить не станетъ. Чѣмъ-же тутъ возмущается г. Кирѣевъ?

б.

А. Доб—скій, также соглашаясь съ принципиальнымъ взглядомъ г. Розанова на бракъ, признаетъ совершенно неосновательнымъ опасеніе, что принятіе мѣръ, предлагаемыхъ г. Розановымъ, приведетъ къ упраздненію брака. По его опасенію мѣры эти излишни, такъ какъ не законы создаютъ нравственность, а кое-что другое. Исторія давно уже доказала, что прямолинейная строгость законовъ не ведетъ къ улучшенію нравовъ. Строгость на-

шего бракоразводнаго законодательства, обрекающаго виновную сторону на вѣчное безбрачіе, представляется г. Д—скому поэтому совсѣмъ нежелательною.

Что если,—спрашиваетъ онъ,—эта измѣна супружескому долгу была явленіемъ случайнымъ, если весь нравственный обликъ виновнаго супруга во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ чистъ и безупреченъ и всѣ могутъ это засвидѣтельствовать? А если невинная сторона тоже причастна, такъ или иначе, къ паденію супруга? Зачѣмъ-же карать огуломъ всѣхъ такихъ вѣчнымъ безбрачіемъ на ряду съ лицами, дѣйствительно глубоко испорченными? И почему вѣчнымъ?—Почему не на срокъ? Или нѣтъ надежды на исправленіе? Каторжныхъ переводятъ въ разрядъ исправляющихся, а несчастный супругъ, можетъ быть однажды по слабости, по внезапной вспышкѣ страсти измѣнившій супружескому долгу, на всю жизнь лишается законнаго семейнаго очага, лишается всякой надежды получить прощеніе своей мимолетной вины.

Измѣна супружескому долгу можетъ имѣть множество отгѣнковъ, можетъ быть обставлена условіями, увеличивающими и уменьшающими вину. Вѣдь и въ убійствѣ законъ признаетъ смягчающія вину обстоятельства! Какъ-же можно подводить всѣ измѣны подъ одинъ уровень?!

Въ этомъ—большая, роковая ошибка закона, и дай Богъ, чтобы она поскорѣе была устранена. Много несчастныхъ тогда получаютъ возможность обратиться на путь законности, вернуться на который имъ мѣшаетъ теперь законъ. Злая иронія!¹⁾

В.

Г. А. П. вступается за животныхъ, у которыхъ предполагается одно лишь полосочетаніе въ самой грубой „животной“ формѣ.

Не слѣдуетъ забывать,—говоритъ г. А. П.,—что среди пернатыхъ, двулапыхъ и безперыхъ двуногихъ есть *inséparables* и есть кукушки, хотя ни тѣ, ни другія не имѣютъ нашихъ человѣческихъ законовъ, которые г. Кирѣевъ признаетъ столь существенными.

Г.

Одинъ изъ корреспондентовъ, г. А—въ, доказываетъ, вопреки мнѣнію г. Кирѣева, что номеръ газеты, въ которомъ напечатана статья о бракѣ и разводѣ, не только не долженъ быть скрывается отъ дѣвицъ, но, наоборотъ, такія статьи слѣдуетъ рекомендовать дѣвицамъ.

Почему,—спрашиваетъ онъ,—слѣдуетъ бояться свѣта, почему надо вырвать изъ рукъ дѣвочки газету со статьей о бракѣ? Потому что она станетъ читать ее прѣ постороннихъ? Ей будетъ стыдно? Нѣтъ, совсѣмъ не то! Если дѣвущкѣ и будетъ стыдно, когда ее застанутъ читающею статью о вопросахъ нравственности или брачныхъ отношеній, то это стыдъ ложный и основа его именно въ томъ, что благодаря современной постановкѣ женскаго воспитанія женщина не имѣетъ, не можетъ и не

¹⁾ До чего — убѣдительно. И тысячу лѣтъ это нравственнѣйшее соображеніе, этотъ истинно христіанскій голосъ ни—одному-то ни одному іерарху на пространствѣ дѣлой Европы въ голову не пришелъ. Но тогда—не *магія*-ли это? И не винимъ-ли мы загнившихъ, когда надо винять гипнотизера? Не будемъ жестоки и къ іерархамъ. Идеаль дѣвства отрѣзала имъ ухо—и они не слышатъ. В. Р—въ.

должна имѣть понятія о томъ, что знать ей необходимо для того, чтобы обладать нравственною устойчивостью, которая немислима безъ яснаго пониманія своего долга и своихъ правъ ¹⁾.

XLIV. Послѣдній отвѣтъ г-ну Розанову по вопросу о бракѣ.

Ничуть не сочувствуя полемикѣ личнаго характера, личнымъ спорамъ и препирательствамъ, я съ удовольствіемъ предоставляю моему почтенному опоненту послѣднее слово, но считаю необходимымъ, для полнаго выясненія столь важнаго вопроса, сдѣлать нѣсколько фактическихъ поправокъ въ томъ, что говорить г. Розановъ въ своемъ отвѣтѣ мнѣ.

Я весьма далека отъ мысли, что „два-три фельетона публициста могутъ поколебать бракъ, семейство и государство“. Фельетонизмъ, конечно, становится великою силой, — это явленіе при-скорбное, но несомнѣнное. Прежде силою была *книга*, но читать книги стало утомительно, скучно, на это требуется много времени, да и вниманія; перешли къ повременнымъ изданіямъ, къ журналу, дающему въ сокращенномъ, „конденсированномъ“ видѣ содержаніе всѣхъ новыхъ книгъ, „послѣднее слово науки“; но и это теперь становится черезчуръ труднымъ, теперь весь центръ тяжести дѣла перешелъ въ *газеты, въ фельетоны*. Дѣлать нечего!

Нѣтъ, я не думаю, чтобы „два-три фельетона публициста“, будъ онъ даже гениемъ, могли поколебать бракъ и государство. Я говорилъ, что ежели бы мысли и мѣропріятія, указываемыя г. Розановымъ, были приняты, то это могло бы поколебать бракъ. Да, но вѣдь эти мысли были высказаны не одними фельетонистами! Они высказываются давно и многими; онѣ упорно проводятся въ печати, и въ серьезной и въ шутовской, проводятся и на сценѣ, и въ опереткѣ, гдѣ бракъ осмѣивается на всѣ лады и „совершенствуется“, „упрощается“ съ обоюднаго согласія супруговъ, хоть бы, напримѣръ, въ опереткѣ Оффенбаха—„Орфей въ аду“ ²⁾. „Прогрессъ“ въ дѣлѣ упрощенія брака очень хорошо „иллюстрируется“ именно музыкальной исторіей Орфея. Сравните брачныя отношенія и взглядъ на нихъ старинный, Орфея греческой легенды (Глука) со взглядами „усовершенствованными“ Орфея

¹⁾ Неужели же матери безнравственныя дочери? А онѣ—все о бракѣ знаютъ. В. Р—въ.

²⁾ Вотъ у грековъ и евреевъ почему-то Оффенбахъ не появился. Почему-бы? Они свою семью уважали, ибо она давала имъ счастье, ибо она была хороша, доблестна. А эти качества доблести и пріятности всѣ вытканы единственно свободою и самостоятельностью семьи, правами въ ней единственно: 1) мужа, 2) жены, 3) ребенка. Тамъ „въ семью“ не сажали дѣвушку, юношу—какъ въ муравьиную кучу, съ завѣтомъ: „сиди“. Кто отнялъ свободу развода—отнялъ самостоятельность у семьи, отнялъ у семейныхъ людей счастье. Тогда то и пришелъ Оффенбахъ. В. Р—въ.

новѣйшаго образца (Оффенбаха)!. Къ несчастію, объ этомъ дѣлѣ написаны не только одні статьи г. Розанова, но и многое другое. Важнѣйшимъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ является „гражданскій бракъ“, мало-по-малу вытѣсняющій на Западѣ бракъ церковный. У насъ представитель церкви еще не замѣненъ представителемъ государства, г-мъ мэромъ, опоясаннымъ трехцвѣтнымъ шарфомъ. Не досрости еще!

Не вполне понимаю, для чего г. Розановъ примѣшиваетъ къ вопросу о бракѣ вопросъ о жертвахъ проституціи. Проституція— послѣдствіе распущенности нравовъ; облегчайте бракъ сколько и какъ угодно, вводите въ него какія угодно „усовершенствованія“, бракъ гражданскій, бракъ на срокъ, наконецъ уничтожьте его совсѣмъ, замѣнивъ его тайной „полосочетанія“,—вы этимъ распущенности не исторгнете изъ нашего общества; вамъ удастся замѣнить слово проституція другимъ, но не устранить самый фактъ. Кто же сомнѣвается въ томъ, что и дома терпимости, и проституція со всѣми ихъ ужасными послѣдствіями противны Евангелію? Это конечно не подлежитъ сомнѣнію, но развѣ я гдѣ-нибудь это утверждалъ?

Обращаюсь къ соображеніямъ г. Розанова. Онъ восхваляетъ государство ¹⁾, онъ восклицаетъ ему „Осанна“, „въ государствѣ Христосъ“, „оно въ бѣлыхъ одеждахъ милосердія...“ — увѣряетъ онъ,—а г. Кирѣевъ говоритъ ему: „не смѣть“, „не можетъ“, „не послушаемъ!“ Да, все это я говорю; государство не смѣетъ и не можетъ требовать отъ подданнаго дѣйствій, противныхъ христіанской вѣрѣ, противныхъ тому, что требуетъ отъ меня моя вѣра, моя церковь. Вне этой сферы я готовъ отдать „Кесарю“ все, послѣднюю мою каплю крови и мой послѣдній грошъ, я ихъ отдамъ даже и тогда, когда эти требованія, по-моему, несправедливы, безцѣльны; но когда государство становится во враждебныя отношенія къ моей церкви, я несомнѣнно стану и долженъ стать на сторону послѣдней. Никакая цензура не можетъ вычеркнуть изъ Евангелія ни словъ Христа: „Воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе— Богу“ (Матѣ. XXII, 21), ни отвѣта апостоловъ начальникамъ народа и старѣйшинамъ: „Справедливо ли слушать васъ болѣе нежели Бога!“ (гл. IV Дѣян. 8—20). У насъ, въ Россіи, такая

¹⁾ Забывая повидямому, что онъ самъ высказалъ справедливое негодованіе противъ домовъ терпимости, устроенныхъ конечно не церковью, а именно государствомъ. А. К. *Отвѣтъ*: да не тотъ воздвигъ проституцію, кто для нея построилъ домъ, а кто поставилъ людей въ условія, что имъ и пойти не куда, какъ къ проституткѣ, ибо 1) жена ему запрещена, 2) съ дѣвужкою тайно сходятся — жаль губить своего ребенка („незаконнорожденный“). А. Н. Кирѣевъ понимаетъ проституцію какъ архитектуру домовъ терпимости, а не какъ складъ жизни, семьи, брака. до которыхъ государству и касаться не давали, останавливая словомъ „тайнство“, „ваше дѣло“, „наша власть“. В. Р—ва.

борьба трудно мыслима, потому что русское государство органически связано съ православной церковью; всё мы, отъ царя до послѣдняго нищаго мужика (говорю о православныхъ), сыны нашей родины и вмѣстѣ съ нимъ сыны нашей церкви. Но въ другихъ государствахъ такой конфликтъ возможенъ; да онъ былъ возможенъ и въ Россіи, когда вся западная ея часть принадлежала Польшѣ. Живи я въ XVI и XVII столѣтіяхъ, подъ игомъ іезуитско-польскаго государства, я бы конечно стоялъ, заодно съ Константиномъ Острожскимъ и Богданомъ Хмельницкимъ, противъ государства!

До сихъ поръ мнѣ все приходилось слышать обвиненія въ томъ, что я недостаточно внимательно отношусь къ внѣшней сторонѣ церковной жизни, не придаю достаточнаго значенія ея (случайной) исторической оболочкѣ, что въ особенности я напрасно ищу опоры для моихъ мыслей и доводовъ преимущественно въ Евангеліи или въ писаніяхъ древней церкви, а не въ новѣйшихъ руководительныхъ церковныхъ книгахъ, въ позднѣйшихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, что я вообще слишкомъ увлекаюсь идеалами древней церкви, забывая современную дѣйствительность и ея права; мнѣ даже было прямо указано на то, что считается должно не съ древней церковью, когда-то бывшей, а съ настоящей, конкретной нашей современной церковью, современной представительницей древней церкви! Мой почтенный оппонентъ обвиняетъ меня въ обратномъ! Г. Розановъ говоритъ, что въ данномъ вопросѣ я забываю такіе евангельскіе тексты, какъ напр.: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы, Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы“, и при рѣшеніи вопроса о бракѣ опираюсь на „Кормчей книгѣ“! Нѣтъ! Я о Кормчей книгѣ и не упоминалъ, а основывалъ свое разсужденіе именно на евангельскихъ текстахъ. Приведенныя г. Розановымъ слова Христа имѣютъ конечно великую важность; они направлены противъ тѣхъ, которые придаютъ внѣшности, обрядности, формѣ преувеличенное значеніе противу тѣхъ, которые тщательно „отцѣживаютъ комара и проглатываютъ верблюда“. Но я кажется во всей моей статьѣ въ этомъ не провинился, ибо, повторяю, основывалъ свою аргументацію не на „Кормчей Книгѣ“, а именно на словахъ Спасителя, на которыя правда указалъ лишь ссылкой. Исправляю этотъ недосмотръ и привожу самый текстъ. Матѣ., гл. XIX, ст. 5—9. Фарисеи искушая Христа спрашиваютъ Его, можно ли разводиться по всякой причинѣ. Спаситель, опредѣляя великое значеніе брака, отвѣчаетъ: „Оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей... Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“. Далѣе, допуская разводъ по жестокосердію человѣческому, Спаситель указываетъ и на единственную причину для развода—на прелюбодѣяніе. Спаситель говоритъ о мужахъ,

но несомнѣнно то же самое относится и до женъ, ибо нравственность для обоихъ половъ конечно одинакова. Святость, ненарушимость, значеніе брака ограждается опять-таки Самимъ Спасителемъ. „Всякій, кто взглянетъ на женщину съ вождельніемъ, говоритъ Онъ (Матѣ., гл. V, стр. 28), уже прелюбодѣйствовалъ съ нею“. Этими текстами все сказано, все рѣшено окончательно и безповоротно. Но, скажутъ мнѣ, если мы другъ другу надоѣли, стали противны, если полюбили другихъ, какъ же не разводиться? Вѣдь это жестоко! Да, но что же дѣлать! Терпи ¹⁾! Изъ-за того, что нѣкоторые поступаютъ легкомысленно или неразсчитливо, нельзя отмѣнять вѣчныхъ опредѣленій самого Спасителя. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо допустить для супруговъ прекращеніе супружескихъ отношеній, отдѣльную жизнь (но это совершенно другой вопросъ).

Повидимому г. Розановъ, утверждая, что и онъ, несмотря на то, что считаетъ всякія „касанія женщины“ не незаконными, признаетъ таинство брака, отождествляетъ два очень различныхъ понятія и слова: именно—*таинство* и *тайна*. Конечно, если стать на эту точку зрѣнія, всякое „полосочетаніе“ и его послѣдствіе — появленіе дѣтей — можно назвать „таинствомъ“; въ природѣ много тайнъ, въ концѣ-концовъ мы всюду встрѣчаемъ таинственную причину явленій. Не смотря на всѣ наши открытія въ естественныхъ наукахъ, мы можемъ лишь раздвинуть область нашихъ знаній, раздвинуть ея границы, но не перешагнуть за нихъ. И въ зоологіи, и въ физиологіи мы встрѣчаемся съ тайною, но это не таинство; у животныхъ таинства нѣтъ; въ жизни звѣрей есть тайны, у людей кромѣ того есть таинства, и мнѣ кажется, что отождествленіе моимъ почтеннымъ опонентомъ тайнъ зоологіи съ таинствомъ религіи даетъ мнѣ право сказать, что онъ таинства брака не признаетъ или по крайней мѣрѣ совершенно его искажаетъ. Я не вижу никакой „святыни“ ни въ зоологіи, ни въ гражданскомъ бракѣ. *А. Кирѣевъ.*

Павлоскъ,
19-го декабря 1900 года.

XLV. Послѣдній отвѣтъ Его превосходительству А. Кирѣеву.

На декларацію, помѣщенную въ № 8917 „Новаго Времени“.

Есть въ природѣ одна великая *тайна*:—это—*истина*. Истина сегодняшняя, насущная—это *тайна*, а истина безусловная, по-

¹⁾ Дралъ медвѣдь корову. Она ему: „больно!“ А онъ: „потерпи“. Вѣдь такъ нѣкоторыхъ несчастныхъ изъ петли вынимали, и это духовныя власти знали и знаютъ. Но не вымолвили ничего кромѣ медвѣжьяго „потерпи“. *В. Р—въ.*

жалуй, лежитъ въ основѣ *тайнства*. Для человѣка честнаго *тайна* выше *тайнства* со всѣми его основами. Люди, по природѣ склонные ко лжи и обману, обыкновенно стремятся къ безусловной истинѣ и къ *тайнству*. Этимъ путемъ легче всего проводить въ жизнь обманъ и ложь. Люди послѣдняго пошиба хотятъ увѣрить, что они „не только раздвигаютъ область нашихъ знаній, но и перешагнули за ихъ границы“. *Тайна*-же честнаго человѣка, т. е. истина въ тѣсномъ смыслѣ, остается одна и та-же сегодня и въ зоологіи, и въ фізіологіи, и въ психологіи, и въ жизни людей, и въ жизни растений, и въ безжизненномъ камнѣ. Отецъ Небесный наряжаетъ и лиліи въ наряды роскошнѣе царскихъ, и прокармливаетъ птицъ и звѣрей, хотя они не сѣютъ и не жнутъ и жатвейныхъ машинъ не изобрѣтаютъ. Если люди и придумали пользованіе паромъ и электричествомъ, и если они по этому на свой вкусъ и лучше птицъ и звѣрей, то вѣдь духовныя лица и генералы въ родѣ А. Кирѣева признаютъ людей лучшими противъ звѣрей не въ силу того, что инстинкты людей способны подняться до придумыванія велосипедовъ, электричества, гербовъ, генеральскихъ эполетъ, митръ и жатвенныхъ машинъ, а въ силу того, по скольку они способны повѣрить въ безусловную истину, въ *тайнство*, преподносимыя гг. дух. авторами и генералами—въ это святая святыхъ г-дѣ духовныхъ и генераловъ. Словомъ, духовныя и гг. генералы хотятъ утверждать *свое* превосходство и авторитетъ не только надъ звѣрями, цвѣтами и булыжниками, но и надъ всѣми честными людьми. На обыкновенномъ языкѣ надо было-бы сказать: „они стремятся быть безчестными“, но на ихъ языкѣ это означаетъ: „стремиться къ святому святыхъ, жить въ Богѣ“.

Не примѣривайте, Ваше Превосходительство, сверхъ генеральскаго мундира ризы первосвященника: Вы будете еще болѣе смѣшны, чѣмъ въ генеральскомъ мундирѣ. Вы не обладаете самымъ обыкновеннымъ вкусомъ, а о тонкости вкуса тутъ и помину быть не можетъ.

Р. С. Мнѣ кажется, что „Новое Время“ дискредитируетъ себя, печатая Ваши милыя статейки ¹⁾).

¹⁾ Анонимно. Мнѣ прислана копія. Уважаемый А. Н. Кирѣевъ да извинитъ мнѣ, что я для цѣлостности матерьяла не выпускаю и это письмо. Оно свидѣтельствуетъ о „горячей землѣ“, по которой ступаютъ наши ноги въ этой полемикѣ. Ниже печатаемыя письма слишкомъ обнаруживаютъ основательность этого „горянія земли“ въ данномъ случаѣ. Также духовныя лица мысленно да расхолодятъ неосторожность словъ, ихъ касающихся. В. Р.—вз.

XLVI. Еще изъ сужденій о незаконнорожденности.

1.

М. Г. Слышно, что Вы думаете основать „неотеологическое общество“ для оживленія христіанства и церковности ¹⁾. Намѣреніе доброе! Но не надо забывать Вамъ, что лично на Васъ археотеологи весьма откровенно налагаютъ густой слой—едва-ли не врага церкви и христіанства. Обратите вниманіе на статью о Филевскаго ²⁾ въ сентябрьской книжкѣ 1901 г. „Странника“ подъ заголовкомъ: „Пустословствованіе свѣтскаго богослова“—г. Розанова; или на ст. „Душеполезн. чт.“—за 1901 г. „Язвы нашего времени“—въ декабр. кн., гдѣ Васъ величаютъ „писакой“, для коего „нѣтъ ничего святого“.

Вашимъ почитателямъ больно это слышать. Не думаемъ, что и для Васъ безразличны отзывы печати, особенно отзывы журнала, руководимаго доводно извѣстнымъ профессоромъ академіи г. Лопухинымъ. Да и руководитель „Душ. чтенія“ тоже профессоръ, да еще „заслуженный“.

Свѣтская печать, насколько она намъ извѣстна, тоже не всегда

¹⁾ Письмо это, полученное анонимно, судя по слогу, принадлежитъ одному изъ почтенныхъ профессоровъ С.-Петербургск. Дух. Академіи. Печатаю я его, равно какъ и слѣдующее письмо, ради отмѣченныхъ курсивомъ мѣстъ—дабы показать, до чего *антипатія къ незаконнорожденному ребенку* неодолима даже въ человѣкѣ просвѣщенномъ, но *духовно*—просвѣщенномъ. Ибо не могу я забыть трогательнѣйшихъ слычаевъ вниманія къ такимъ дѣтямъ и ихъ матерямъ обыкновенныхъ людей (напр. одного отставнаго солдата въ вагонѣ третьяго класса, который разыгравшись съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ женщины, спросилъ: „къ мужу, голубушка, ѣдешь?“—„Нѣтъ, отвѣтила та, вся залившись краской стыда: у меня нѣтъ мужа, этотъ ребенокъ у меня незаконный“ [удивительный по невинности отвѣтъ; онъ былъ мучителенъ, это по лицу было видно, между тѣмъ въ вагонѣ, проѣздомъ, она не сумѣла пролепетать такой несложной лжи: „къ мужу“]. Солдатъ сконфузился утроенной стыдливостью, весь измѣнился: и вотъ-бы кто посмотрѣлъ, съ какой чудной *англійской* [старо-аристократической] деликатностью и серьезностью онъ послѣ словъ этихъ говорилъ съ нею, обходился съ нею. Не могу забыть этого праведнаго солдата. В. Р.—с.

²⁾ Нынѣ—другъ мнѣ, состоящій со мной въ дѣятельной перепискѣ. Хотя по должности это только преподаватель Закона Божія въ Харьковскомъ коммерческомъ училищѣ, однако—одинъ изъ основательнѣйшихъ и, главное, пламеннѣйшихъ, мнѣ извѣстныхъ, богослововъ. Нападки на меня какъ его, такъ и другихъ дух. лицъ, едва-ли не исходятъ изъ ихъ непривычки къ языку свѣтской литературы. Ибо едва они вступаютъ въ приватное ко мнѣ отношеніе—ихъ недоумѣнный гнѣвъ прекращается. Тоже было въ отношеніи ко мнѣ и съ г. К. Сильченковымъ, вступившимъ послѣ печатнаго на меня нападенія въ уважительную частную со мною переписку. Дружелюбный тонъ какъ настоящаго, такъ и слѣдующаго письма, даютъ однако надѣяться, что и среди духовенства я имѣю своихъ негласныхъ друзей. В. Р.—с.

благосклонна къ Вамъ. Въ „Новостяхъ“ не разъ Ваши тео-фи-лософскія сужденія подвергались вышучиванію, равно какъ и въ „Россіи“. Еще на этой недѣлѣ г. Дорошевичъ зубоскалилъ по по-воду Вашей замѣтки въ „Нов. Вр.“ о присвоеніи нѣкоторымъ дѣтямъ названія „внѣканоническіе“. А г. Шараповъ въ своихъ „Сугробахъ“ прямо таки причислилъ Васъ къ поощрителямъ рас-путства. Настоятъ, намъ думается, нужда объясниться Вамъ съ Вашими недругами или назовите ихъ иначе какъ, дабы и почи-татели и друзья Ваши не подумали, что Ваше молчаніе есть со-гласіе съ нелестными для Вашего достоинства аттестаціями...

Ignotus Vobis.

Р. С. Позволимъ себѣ не очень кстати, но за одно уже обра-тить Ваше вниманіе на книгу г. Страхова: „Хр. ученіе о бракѣ“. Полагаемъ, что въ ней найдется нѣчто въ пользу облюбованной Вами теоріи „прилѣпленія половъ“. Мы разумѣемъ теорію (ко-нечно разбиваемую) консенсуалистовъ. Разбита-то она все-же не на голову. Лично мы впрочемъ—не на сторонѣ „прилѣпленія“, какъ акта естественно-тайнственнаго, но не всегда священно-тайнственнаго: ибо есть прилѣпленіе строжайше запрещаемое: „не прелюбы сотвори“ и „блудники—внѣ Иерусалима небеснаго“ (Апок.). Еще: Вы, повидимому, желаете легкости разводовъ. Но не была-бы эта легкость развода поводомъ къ еще болѣе легчай-шему распутству? И еще—последнее еще: напрасно Вы громитедухо-венство за терминъ—„незаконнорожденный“. Церковь *все дастъ* ду-ховныхъ чадамъ внѣ брачнымъ, что и въ бракѣ рожденнымъ. Если же лишаютъ ихъ правъ на имя и наслѣдство, то это чаще всего сами отцы (начинается мой курсивъ. В. Р.)—*простите за вырази-ніе—кобели, и матери—суки, отдающіе, и очень съ легкимъ сердцемъ, своихъ птенцовъ въ воспитательные дома.* Если государ-ство найдетъ возможнымъ дать дѣтямъ этимъ имя и права отца (буде найдется), то Церкви тутъ возражать нечего ¹⁾. Чѣмъ дѣти обезпеченнѣ во всякихъ отношеніяхъ, тѣмъ лучше... Но пока довольно!.. Можетъ быть, будетъ случай и побольше поговорить на эти жгучія темы... Idem.

18 Ноября, 1901 года.

С.-Петербургъ.

НВ. „Новое Время“ несомнѣнно дастъ Вамъ мѣсто для объ-ясненій съ Вашими противниками. Будемъ ждать *на этой недѣлѣ* слова отъ Васъ.

¹⁾ Такъ объ этомъ надо-бы давно, сто лѣтъ, тысячу лѣтъ назадъ звонить въ колокола. Но духовные люди *проспали* всю эту свою (возмо-жную) славу. А проспали они ее потому, что предполагали въ данномъ мѣстѣ не челоуѣковъ съ совѣстью и сердцемъ, а „щенятъ“, „каб...лей“ и „с. укъ“, о которыхъ что-же заботиться. Но добрый солдатъ, заиграв-

2.

Достоуважаемый N. В—чь.

(Извините, не знаю имени и отчества).

Милостивѣйшій Государь!

Книжка моя, очевидно, передана Вамъ не отъ меня, но я очень радъ познакомиться съ Вами хотя и чрезъ третье лицо, и когда буду на Шпалерной, постараюсь завести къ Вамъ и отъ себя другія мои книжки.

Честь и слава Вамъ, что Вы поднимаете вопросы самые жизненные и многозначашіе, каковъ прежде всего вопросъ о бракѣ. Ясно, что Вы искренно желаете современные намъ отношенія между двумя полами очистить отъ той грязи, которою такъ глубоко пропитаны эти отношенія; но съ грязью надобно держать себѣ еще болѣе осторожно, чѣмъ сколько требуется осторожности при обращеніи съ предметами чистыми и нѣжными,—можетъ завонять...

Въ Вашемъ письмѣ мнѣ очень понравилось дѣлаемое Вами сопоставленіе брака ¹⁾ и вѣнчанія съ *хлѣбомъ* и *благословеніемъ* послѣдняго. Это сопоставленіе, думается мнѣ, очень хорошо выясняетъ существенное различіе между семьею легальною и нелегальною. *Хлѣбъ*, какъ *хлѣбъ*, и благословенный и неблагословенный, *самъ въ себѣ* есть *одинъ и тотъ же хлѣбъ*, но въ разсужденіи *пользованія имъ*, иначе—по отношенію къ его *благословенности или неблагословенности*—далеко *не одинаковъ*: мы на каждомъ шагѣ видимъ, что одни изъ насъ и при питаніи видимому непитательною пищею, если только есть Божіе благословеніе, наслаждаются здоровьемъ и крѣпостію, бодростію силъ тѣла и души; другіе, наоборотъ, и при пичканіи себя одними лишь ростбифами, да бифштексами, бульбонами и т. п.—выглядываютъ доска доской ²⁾, и блѣдны и даже сини; какъ зарѣзанная и

шійся въ вагонъ съ младенцемъ, узнавъ о происхожденіи его, не сказалъ: „с...ка“, а вдругъ началъ какъ мальчикъ, какъ дѣвочка-институтка служить матери. Ему — *и слава!* И не на что жаловаться будетъ, если въ вѣкахъ позовутъ его „скрѣплять и благословлять супружущихся“, въ замѣнъ вѣчныхъ ругателей дѣтей и женщинъ „Пусть благословить. кто добръ; ибо кто благословлялъ—добръ не былъ“. В. Р—въ.

¹⁾ Курсивъ вездѣ автора. В. Р—въ.

²⁾ Вотъ какъ авторъ начинаетъ дѣлать. Такъ, подводя подъ его параллель (а вѣдь духовныя писатели все витаютъ въ небесахъ, все пускаютъ воздушныя ракеты, на землю ноженьками не ступаютъ, все судятъ въ театры не ходятъ, литературы не читаютъ) конкретные, приведенныя выше случаи, мы и получимъ чудовищный историческій фактъ, что и а) сгорѣвшій мужъ, и б) любовникъ кучеръ и с) ялтинскія приключенія.

ощипанная, старая, худая индѣйка, или же досыта такую не-симпатичнаго откормленностию, которая невольно возбуждает отвращеніе къ себѣ. *И ясти будете, и не насытитесь*, говорилъ Господь Израилю, не слушавшему повелѣній святыхъ. Такъ и половое сопряженіе; *само въ себѣ* это сопряженіе, и благословенное и неблагословенное, есть одно и тоже *пиртус*, но по своей, такъ сказать, *питательности*, по своему *примѣненію*, по своей *качественности*, *характеру* и проч.—*различно до противоположности*: *пиртус* съ благословеніемъ есть *бракъ о Господѣ* (слова ап. Павла), а *пиртус* безъ благословенія—*бракъ по страсти* (тотъ же ап.); союзъ брачный благословенный есть союзъ *во образъ союза Христа съ церковію* (у того же ап.), а союзъ брачный неблагословенный есть союзъ *любодѣйный*, союзъ *растлѣнія* (въ Евангелии и посланіяхъ), словомъ—*союзъ грѣха и беззаконія*. Отсюда и дѣти втораго союза суть плоды грѣха и беззаконія. Возражаютъ: да за что же дѣти страдаютъ? Отвѣтъ: за тоже, или потому же, за что и почему страдаютъ дѣти—(дальше мой курсивъ. В. Р.) *сифилистики, рахиты, чахоточныя, недоноски и проч. и проч.* ¹⁾ Таковъ ужъ законъ всякаго организма, въ томъ числѣ и великаго организма человѣчества: *славится одинъ членъ, съ нимъ славятся и другіе члены; страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страждутъ и другіе* (Ап. Павла). Есть и легальныя семьи гораздо хуже нелегальныхъ, но такое печальное явленіе не говоритъ въ пользу послѣднихъ. Солнце, и прежде и теперь, многими людьми боготворится и боготворилось: чтобы изгнать такое языческое идолопоклонство, слѣдуетъ ли солнце уничтожить, а оставить на небѣ лишь луну, хотя послѣдняя безъ солнца и свѣтитъ не можетъ?... Такъ должно относиться и къ оцѣнкѣ всякаго человѣческаго *злоупотребленія*.

Всего въ письмѣ не выскажешь, а тѣмъ паче, моя рука, вотъ уже три года страдающая отъ ревматизма и невралгія, не позволяетъ мнѣ много писать. Свидѣтельствую Вамъ мой усердный поклонъ и почитаніе; съ желаніемъ Вамъ всякаго блага, Вашъ покорнѣйшій слуга
Протоіерей Г. Титовъ ²⁾.

P.S. Читали-ли Вы статью противъ Васъ *Заозерскаго*, въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (изд. Моск. Академіи), въ ноябрьской книжкѣ?

и д) въ костюмѣ Евы запертыя въ номеръ любовниками рязанскія дамы, *такъ какъ онѣ всѣ представляютъ случай съ вѣнчаніемъ, фактъ изъ жизни по-вѣнчанныхъ супруговъ*—суть „хоть и не добротная пища—а во здорье“; а другіе случаи чистѣйшей нелегальной семьи—„хоть и биштексъ, но, какъ безъ благословенія—то вкушающіе его *доска доской*“. Письмо это важно для объясненія исторіи семьи. В. Р—въ.

¹⁾ Ну, вотъ! А сваяц. Дерновъ чуть не обмолвился: „не отъ насъ идетъ. мы не учимъ о незаконнорожденности“. Слишкомъ учите. В. Р—въ.

²⁾ Авторъ книгъ: „Исторія священства и левитства Ветхозавѣтной церкви, отъ начала ихъ установленія при Моисеѣ до основанія церкви и

3.

Страшная катастрофа ва Эльбѣ ¹⁾.

У Бланкензе на Эльбѣ, въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, произошла катастрофа, о которой берлинскія газеты сообщаютъ душу потрясающія подробности. Пароходъ „Primus“, служащій для увеселительныхъ прогулокъ, слишомъ рано перешедши съ южнаго фарватера на сѣверный, наскочилъ на буксирный пароходъ „Hansa“ и, получивъ сильное поврежденіе, пошелъ ко дну. На немъ находилось не 120 человекъ, какъ сообщилъ телеграфъ, на основаніи первыхъ извѣстій, а 195, причемъ погибло не меньше 100 человекъ, среди нихъ много женщинъ и дѣтей. Изъ пассажировъ, спасшихся на буксирѣ „Hansa“ и на двухъ, къ счастью, подошедшихъ пароходахъ, почти всѣ серьезно ранены осколками взорвавшагося котла. Допрошенный чинами морской полиціи, капитанъ буксира „Hansa“ тотчасъ же былъ отпущенъ на свободу, такъ какъ выяснилось, что, замѣтивъ неправильный переходъ „Primus'a“ съ одного фарватера на другой, онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, для предотвращенія столкновения, и несчастіе произошло не по его винѣ. Капитанъ погибшаго парохода бросился въ воду и благополучно добрался вплавь до другого берега Эльбы, ширина которой въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 1800 метровъ.

Христовой⁴. Тифлисъ. 1878 г. „Уроки по пространному христіанскому катехизису Православныя Католическія Восточныя церкви“, Спб. 1889, два тома, и „Три разговора“ Спб. 1894. Изъ перваго труда, едва открывъ его, я вычиталъ драгоцѣнное свѣдѣніе: первосвященникъ израильской, даже въ старости женясь, *не долженъ былъ брать невесты старше 12¹ летъ*, ибо по закону израильскому (какъ аксіома, какъ принципъ) „*первосвященникъ долженъ быть постоянно въ цвѣту*“. Прочитавъ это, я такъ ваволновался, что не могъ далѣе читать книгу св. Титова. *Противорѣчіе, пропасть* между нами, съ іерархіей непремѣнно изъ *непомыслимыхъ растений* (дѣвство), и между *ветхозавѣтной* іерархіей въ бутонахъ расцвѣтающихъ— ударило меня какъ молнія. Священникъ же Титовъ списалъ это въ книгу свою равнодушно, не замѣчая смысла факта. Отъ сего и въ этомъ письмѣ онъ проводитъ жестокаго параллели: ибо уже и мозгъ и сердце его — *поселили*; а израильскіе пророки, какъ Осія, *сами и по повелѣнію* Божію зачинали дѣтей даже „отъ блудницъ“. Все это и подводитъ насъ къ логикѣ дѣтубійства: тамъ *всякое* дитя и *каждая* мать по физиологической святости своей приводили въ восторгъ, какъ цвѣтъ, какъ бутонъ, пророковъ, а израильскіе пророки и царей *и это-то, такая-то* общая психологія, а не какой-нибудь коротенькій законъ, и расцвѣтила Израиля. И въ немъ уже не могло развиваться ни нашихъ дикихъ попрековъ: „сука“, „кобель“, „дитя сифилиса“, ни послѣдствія ихъ—дѣтубійства. В. Р—с.

¹⁾ Не могу отвѣтить лучше священнику Г. Титову, какъ этой вырѣзкой изъ газеты. Вотъ примѣръ любви материнской, которую они клюютъ желѣзными носами: „бл...ди“, „ко...ли“, „недоноски“, „сифилитики“, „рахитики“. Ибо надѣюсь, *никто* не станетъ спорить, что незаконорожденное дитя также мило родителямъ, какъ и законное. В. Р—с.

Несмотря на то, что „Primus“ пошелъ ко дну не больше, чѣмъ черезъ одну минуту послѣ столкновѣнія, многія женщины, какъ передаютъ очевидцы, успѣли перебросить дѣтей на „Hansa“. Взрослыхъ, вообще, спасено очень мало. На пароходѣ находились цѣлыя семьи, и поэтому на немъ было много дѣтей, о которыхъ и заботились главнымъ образомъ. „Primus“—одинъ изъ старѣйшихъ пароходовъ, плавающихъ по нижней Эльбѣ. Онъ построенъ въ Англіи въ 1848 году и считался однимъ изъ лучшихъ.

XLVII. Осужденныя—о себѣ ¹⁾.

1.

Покорнѣйше прошу помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ отвѣтъ на несправедливое замѣчаніе г. Кирѣева 12 декабря, что только развратная женщина сознается, что незаконный ребенокъ—ся ребенокъ.

Это не развратная женщина, а мученица съ минуты своего паденія. Рожденіе ребенка удерживаетъ этихъ несчастныхъ отъ самоубійства ²⁾. Я должна, я обязана сдѣлать все для маленькой крошки ³⁾, я должна любить ее въ два раза больше чѣмъ законную, потому что я виновата ⁴⁾ передъ ней за свою вѣру въ негоднаго человѣка, который обманулъ меня, который клялся Творцомъ небеснымъ, что любить меня, что ничего худого мнѣ не сдѣлаетъ, что я самое дорогое для него существо на свѣтѣ: но что ему нужно и мое доказательство любви, а то онъ иначе не вѣритъ, что я

¹⁾ До сихъ поръ мы судили *теорію*. Никто не взглянулъ, что-же такое *фактъ*? На фактъ неслись громы, и самая теорія „незаконнорожденности“, ступающая по шиколки въ крови, есть только концентрація этихъ громовъ. Между тѣмъ громающимъ и въ голову не пришло посмотреть, какая смиренная курица лежитъ подъ ихъ юпитерствомъ... Но въ курицѣ этой невыразимая сила, ибо такъ-таки Юпитеры со всѣмъ капитоліемъ догматовъ и текстовъ все-же не довели ее до смерти—и только бесполезно измяли ея перушки, искривавили гребешокъ. Пораженная, поражаемая—все еще она питить: ее хратья ея дѣти, а ради нихъ кажется хранить и Богъ. Я радуюсь, что печатная полемика о незаконнорожденности доставала въ руки мои нѣсколько документовъ—писемъ, которыя окончательно рѣшаютъ вопросъ о „безнравственности незаконнорождающихъ“, какъ письма и свѣдѣнія о ялтинскихъ и рязанскихъ прелестницахъ въ сущности уже рѣшили вопросъ о „нравственности законнорождающихъ“. *В. Р—ва.*

²⁾ Вотъ! *только* это удерживаетъ!! И чуть-чуть поменьше мистической любви къ ребенку, чуть-чуть побольше стыда передъ сосѣдями, передъ сосѣдками—дѣвушка кончаетъ самоубійствомъ. *В. Р—ва.*

³⁾ Какой прелестный, невинный языкъ. *В. Р—ва.*

⁴⁾ Вотъ! Какъ это противоположно духовнымъ, которые никогда-то, никогда не начали рѣчь своихъ вопросомъ: „да ужъ не виноваты-ли и мы“. Ихъ—вѣчная молитва: „Господи, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ иные, какъ вонъ тотъ мытарь“. *В. Р—ва.*

люблю его, а не хочу только выгодно пристроиться ¹⁾, потому что у него есть средства, а я бѣдная дѣвушка; и я вѣрю ему не думая, что это низкая ловушка, и вотъ рожденіе несчастной крошки ²⁾ съ ужасной кличкой. Не потеря стыда и не желаніе разврата заставляють меня оставить ее у себя, а безконечная жалость! Если бы не только презреніе общества, а даже велѣли бы лечь мнѣ на грязную мостовую, и топтали бы мое тѣло какъ топчуть теперь мое имя, то и тогда я не разсталась бы, не отдала бы въ чужія руки мое бѣдное дитя, не отказалась бы, что я мать. У ребенка отецъ и общество отнимають положеніе и имя, и даютъ ему ужасную кличку, и я по вашему, г. Кирѣевъ, должна отнять у него самое дорогое и первое слово „мама“—это ложный стыдъ и ложное понятіе! Пусть я несѹ должное наказаніе за свою вѣру въ негоднаго человѣка, и нравственно—я мученица. Вѣдь мое чувство втоптали въ грязь и отняли мое доброе имя и только это маленькое существо гладитъ своей рученкой по щекѣ и говорить „мама пай“, вѣдь ни кто этого мнѣ не скажетъ больше ³⁾! И я обязана ей за эти дорогія ласки, обязана уберечь ее отъ ужасной ошибки ея матери. А что же отецъ? А пока ты, матушка, молила да плакала, я успѣлъ хорошо устроиться; женился, взялъ за женой тысячи, она ничего противъ меня не имѣетъ и еще больше укрѣпила мое служебное положеніе. А ваша совѣсть, м. г.? А у меня ее нѣтъ, да она мнѣ и не нужна, вѣдь общество ко мнѣ относится симпатично, я вездѣ принятъ, какъ пріятный гость, я теперь человѣкъ женатый, развѣ меня можно упрекать? А ребенокъ брошенный вами безъ средствъ и безъ имени? Ну, имя ребенку даль священникъ, замѣчаетъ съ насмѣшкой отецъ, а воспитаніе лежитъ на обязанности матери, вѣдь и г. Кирѣевъ пишетъ, что никто не мѣшаетъ матери заботиться о своемъ ребенкѣ. Но справедливо ли это? Холоднымъ ужасомъ наполняется сердце при мысли о болѣзни, что будетъ съ ребенкомъ, вѣдь силъ физическихъ не хватитъ при этомъ нравственномъ гнетѣ. Бѣдные, несчастные, ни въ чемъ не повинные дѣтки! Не обижайте, г. Кирѣевъ, не смѣшивайте несчастной матери и обманутой женщины съ женщиной развратной, между ими большая разница! Развратная стыдится своего ребенка и бросаетъ его на произволъ судьбы, наполняетъ

¹⁾ Вотъ! Дѣйствительно, что дѣвушкѣ отвѣтить на подозрѣніе, что она „пристроиться только хочетъ“. когда законный бракъ и въ самомъ дѣлѣ есть не „чадородія ради“, а только—„пристройство себя“. И въ порывѣ дѣвушка даетъ доказательство подлинной, неподдѣльной любви. А богословы тотчасъ переходятъ на сторону кавалера: „она пала—и ты передъ ней ничѣмъ не обязанъ“. В. Р—въ.

²⁾ Какой языкъ, какія чувства. В. Р—въ.

³⁾ Удивительно. Вполнѣ удивительное письмо. О, какъ я благодаренъ корреспонденткѣ за нег, ибо тысячи такихъ-же матерей скажутъ: „вотъ наше оправданіе“. В. Р—въ.

ими помойные ямы и воспитательные дома ¹⁾). Но почему вы ни какъ именемъ не окрестили гг. соблазнительей, ни чемъ ихъ обязать не хотите? Еще разъ справедливо ли это? *Несчастливая мать.*

2.

Многоуважаемый В. В.!

Я всегда читаю ваши статьи о разводѣ въ „Нов. Времени“. Я читаю ихъ съ мучительной болью... Вотъ уже 17 лѣтъ я живу съ человѣкомъ, котораго люблю и уважаю. Я свободна, а онъ имѣлъ несчастье 20 лѣтъ тому назадъ жениться на особѣ, которая его черезъ три мѣсяца оставила и ушла съ другимъ; ушла первая—сама ²⁾), причинивъ своему мужу много горя и страданія? Но эта особа о разводѣ и слышать не хочетъ, у нея теперь 6 человѣкъ дѣтей, которыхъ она по закону крестила законными, а мои несчастныя дѣти совсѣмъ не крещенныя, хотя старшей дочери 15 л. Его жена очевидно ждетъ выгоды послѣ его смерти: хорошую пенсію, а теперь грозить, что она будетъ требовать на воспитаніе дѣтей... Боже, за что все это? Вѣдь въ рожденіи тѣхъ дѣтей онъ невиновенъ, вѣдь на самомъ-то дѣлѣ тѣ дѣти—не его дѣти... И эту ложь прикрываетъ законъ! Его жена знаетъ, что теперь онъ занимаетъ прекрасное мѣсто и получаетъ 6 тысячъ въ годъ, а ея милый служить по вольному найму и больше какъ 150 р. въ мѣсяць заработать не можетъ, ибо высшаго образованія не получилъ. Я денегъ на образованіе своихъ дѣтей не жалѣю, сама нигдѣ не бываю, кромѣ театра, всегда стараюсь быть незамѣченной, ибо сослуживцы моего любимаго человѣка и не догадываются, что я не жена ему, т. е. что мы не вѣнчаны въ церкви. Отъ дѣтей все старательно скрываю, но когда моей дочери будетъ 18—19 лѣтъ—все скажу ей, знаю заранѣе, что тяжело мнѣ будетъ, со слезами, съ рыданьями расскажу ей, она пойметъ меня и проститъ!.. Я еще написала-бы Вамъ, но слезы льются изъ

¹⁾ Тутъ—ошибка отъ неразумія. Въ *пустыни*, въ *малолѣтствѣ*, при маломъ знакомствѣ—никто не броситъ; а если грозящихъ очей много—самая добродѣтельная не выдержитъ, ноги затрясутся, руки ослабнутъ и выпустятъ младенца въ „пасть дракона“. (*Апокалѣпс.*). В. Р—въ.

²⁾ Какое надо—каменное? львиное? ослиное?—равнодушіе семье-устроителей къ состоянію семьи, чтобы *при ежегодно и повсемѣстно* повторяющихся такихъ случаяхъ не промямлили хоть кратко: „а будетъ покажутъ свидѣтели что отъ мужа его жинка ушла своей охотой и безъ его грубости—и тотъ мужъ воленъ вступить въ новый бракъ“ (*мотивъ:*) „по-уже Господь нашъ Іисусъ Христосъ изрекъ: *иго мое легко и бремя мое удобоносимо*“. Но ничего не промямлили гордая своею праведностью уста,—только (см. выше примѣчаніе).. солдатъ поигралъ съ ребенкомъ вотъ такой страсто-терпицы, какъ авторъ этого письма. В. Р—въ.

глазъ и не даютъ мнѣ писать... Спасибо, спасибо Вамъ, добрый Василій Васильевичъ, въ своихъ молитвахъ я поминаю Васъ.

Когда-же конецъ всѣмъ страданьямъ?... Дѣти, бѣдные—несчастные дѣти мои ¹⁾... *Мать.*

3.

Милостивый Государь В. В.!

Не могу промолчать, чтобы не сказать вамъ глубокую благодарность, что вы говорите въ пользу несчастныхъ женщинъ, обреченныхъ на самую горькую жизнь, благодаря невозможности развода. Я смѣло могу сказать, что я нравственно честная женщина; не развратъ привелъ меня къ тому, что я мать незаконнаго ребенка. Это слово ужасное. Человѣкъ родится по волѣ Творца, а его называютъ незаконнымъ, вѣдь это богохульство. Съ отцемъ моего сына мы прожили честно, безъ измѣны, 14 лѣтъ! Только его несчастная семейная жизнь не дала ему свободы для нашего брака, который былъ-бы истиннымъ бракомъ. Его бракъ былъ не удачный во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрности никогда не было, дѣтей не было, но жена не согласна была на разводъ—и конецъ. Не изъ любви, а изъ мести, изъ зависти не желала развода, и не дала ему счастья найти хорошую семейную жизнь съ любимой женщиной, съ матерью его единственнаго сына, котораго даже и усыновить онъ не могъ,—необходимо было согласіе жены и на это. Эта законная жена буквально свела его въ могилу преждевременно, и оставила его сына безъ имени отца и безъ средствъ отца, лично отцемъ заработанныхъ. Только свобода развода вообще и создала-бы прочную семью; тогда больше дорожили-бы другъ другомъ, и скорѣе-бы взаимно старались дать счастье. А если счастья быть не можетъ, дали-бы свободу другъ другу тогда, когда еще можно начать новую жизнь. Знаю трехъ дамъ, съ первыми мужьями жили крайне несчастливо, а со вторыми живутъ превосходно. Скорѣе мужчина соглашается дать разводъ, а женщина, если сама не влюбится, то никогда! Знаетъ въ чемъ ея сила. Вотъ эту-то злую волю и долженъ законъ измѣнить къ счастью ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей. Каждая женщина должна быть матерью, исполнить свое назначеніе. Если-бъ дали больше свободы въ бракъ, то не было-бы несчастной семейной жизни, отъ которой страдаютъ дѣти. Для кого нуженъ бракъ, семья? только для дѣтей. Теперь же бракъ оказывается лишь для мужа и жены, только. Интересы дѣтей на второмъ планѣ, и этому и помогаетъ законъ, не дозволяющій развода даже и тогда, когда права дѣтей *требуютъ*

¹⁾ Последняя страница письма вся закапана слезами. В. Р—ва.

этого, а жена изъ мести не желаетъ развода съ мужемъ, и такой-то бракъ охраняется закономъ!!! Это безнравственное сожительство предпочитается закономъ нравственному сожителству, основанному на взаимной вѣрности, уваженіи и любви, но изъ за злой воли жены,—только по названію,—считается незаконнымъ. Женщина страдаетъ, дѣти также; и на что, для кого нуженъ этотъ пресловутый законный бракъ безъ любви, безъ вѣрности, даже безъ уваженія? Вся моя жизнь погибла изъ-за этого ужаснаго предрасудка; мой сынъ осиротѣлъ въ 11 лѣтъ, когда именно отецъ необходимъ для мальчика; *мы одиноки* ¹⁾. 6 лѣтъ тому назадъ, въ надеждѣ, что будетъ-же наконецъ свобода отъ брачной неволи, просили Государя дать сыну отчество и фамилію отца, предполагая нашимъ законнымъ бракомъ узаконить и сына. испросивъ Царской милости. Но смерть лишила этой надежды, и мы теперь остались съ разными фамиліями: мать и сынъ. Что огорчаетъ сына, и меня ставитъ въ крайне ложное положеніе. Сынъ еще малъ и не можетъ понять всего, и я не могу сказать ему правду; онъ выросъ въ томъ убѣжденіи, что отецъ и мать его, какъ и всѣ, мужъ и жена были. Но эта разниа въ фамиліяхъ его возмущаетъ. Я не могу его отдать въ школу изъ-за этого, тамъ дѣти сейчасъ поймутъ его ложное положеніе и обидятъ его. Были уже два примѣра этому, что его вовсе оттолкнуло отъ дѣтскаго общества. Моя нелегальная семья оттолкнула всѣхъ родныхъ отъ меня, именно тѣмъ, зачѣмъ я ребенка не отдала въ деревню, а стала сама воспитывать. *Это не прилично!* а отдать свое дитя чужимъ прилично! Что за дикое понятіе, ужасный предрасудокъ, который *долженъ* 20-й вѣкъ *уничтожить*. Мать *обязана* быть при ребенкѣ, и надо считать позоромъ то, когда мать отдаетъ ребенка, бросаетъ его на попеченіе чужихъ. За этотъ мой поступокъ всѣ родные отвернулись, также и большинство знакомыхъ, и вотъ теперь мы остались съ сыномъ вполнѣ одинокіе, на столько, что мнѣ *некого* назначить опекуномъ для сына въ случаѣ, если я не доживу до его совершеннолѣтія. Это огорчаетъ меня до глубины души, мое здоровье утрачено отъ горя и печали. А та женщина, которая создала такую ужасную жизнь для троихъ, благоденствуетъ, пользуется уваженіемъ, известнымъ общественнымъ положеніемъ, и при этомъ окружаетъ себя ореоломъ примѣрной жены, что она мужа *не* оставила до конца его жизни. Она-же нравственно и убила его жизнь, его силы не вынесли того ненормальнаго семейнаго положенія, въ которомъ она держала его 32 года!!! Мы уѣхали за-границу, но и туда она пріѣхала; нигдѣ не могли скрыться отъ ея преслѣдованія, т. е. служебное положеніе не давало возможности мужу уѣхать, не

¹⁾ Курсивы—вездѣ автора письма. В. Р.—вз.

оставивъ адреса. Я принесла въ жертву все, что имѣла: молодость, здоровье, спокойствіе и мое доброе имя; всѣ свои обязанности исполняю такъ, какъ можетъ исполнить только самая вѣрная жена и любящая мать. Последніе два года жизни мужа я боялась, чтобы не заболѣть душевной болѣзнью. Онъ былъ боленъ, видѣть его я не могла, онъ не могъ быть у насъ. Письма къ нему не доходили, всѣ его жена вскрывала; и послѣ его кончины всѣ мои письма, которыя нашла у него, передала своему воспитаннику балбесу; она взяла на воспитаніе сына портного, усыновила, и этому молодому человѣку отдала мои интимныя письма къ отцу моего ребенка, и страшаетъ тѣмъ, что письма эти отдастъ моему сыну, желая возмутить его дѣтское невинное сердце. Оскорбленіе для меня и то, что мои письма у чужого молодого человѣка. Вотъ жизнь, вотъ результатъ ложнаго понятія о нерасторжимости брака, тогда какъ именно послѣ-то развода и была-бы наша семейная жизнь угодная Богу и безъ злыхъ нареканій въ обществѣ.

К. Д.

Р. С. Пошли Вамъ Господь счастья и радости за Ваше сочувствіе, самое высшее христіанское чувство, къ обездоленнымъ.

* * *

Милостивый Государь В. В.

Письмо ваше было получено въ мое отсутствіе, потому и не отвѣчала долго. Моя благодарность вамъ безпредѣльна, ваше письмо ободрило меня, оживило мою душу. Всѣ ваши горячія слова въ „Нов. Вр.“ я читала и перечитывала много разъ, съ глубокой благодарностью къ вамъ. Вы пионеръ въ этомъ дѣлѣ жизни людской, вы первый поставили вопросъ ясно, открыто и тысячи несчастныхъ матерей будутъ всегда благословлять васъ. Ваше письмо лично ко мнѣ не выразио утѣшило меня; каждое слово сочувствія въ моемъ положеніи дорого для меня. Конечно, моя главная забота воспитать ¹⁾, выучить моего сына и это дѣло идетъ, пока, хорошо, благодарю Бога.

До того времени, когда сложилась печально моя жизнь, я занималась педагогическимъ трудомъ, и любила этотъ трудъ. Нѣкоторый опытъ и далъ мнѣ возможность понять и наше вообще школьное дѣло, которое было мнѣ не по душѣ, потому сынъ мой воспитывается дома, по программѣ реального училища кн. Тенишева, гдѣ и окончитъ свое среднее образованіе, Богъ дастъ; а что дальше, это уже укажетъ время и его личное желаніе. У моего сына большія способности къ музыкѣ, и для своихъ лѣтъ

¹⁾ На слова моего письма, что *главное* надо отдать въ гимназію сына, преодолевъ стыдъ. В. Р - в.

онъ очень хорошо знаетъ музыку, и въ этомъ онъ мой ученикъ, какъ и по научнымъ предметамъ; для нѣкоторыхъ изъ предметовъ въ этомъ году былъ учитель.

Мать моя не то чтобы совсѣмъ разошлась со мной, но игнорируетъ вполне моего мальчика¹⁾, и кромѣ огорченія ни чего не даетъ мнѣ. Безконечные упреки, обвиненія и проч. сдѣлали то, что мы видѣться не можемъ. Отца моего давно уже нѣтъ въ живыхъ. 4 старшіе брата умерли въ послѣднія 10 лѣтъ, младшій большой живетъ съ матерью. Больше никого нѣтъ. Прочіе родные всѣ давно отдѣлились отъ меня, и все равно что чужіе. Я писала вамъ, что мнѣ положительно не кого назначить опекуномъ моего сына, въ случаѣ моей смерти; мы очень одиноки и беззащитны во всѣхъ случаяхъ. Я написала о. Дернову письмо, полное горячей обиды за его отвѣтъ на ваши статьи²⁾. Онъ зналъ моего отца, очень уважаемаго человѣка, и я ему написала, что и отецъ мой всегда возмущался тѣмъ, что наказываютъ дѣтей за поступки родителей, это жестоко! Письмо онъ получилъ, т. к. я сама передала въ квартиру его. Также у меня былъ горячій опору съ Кирѣвымъ; я знаю его лично.

Вполнѣ довѣряю вамъ мое письмо, если вы находите полезнымъ напечатать его, все ли, или частями, какъ Вамъ угодно, такъ найдете удобнымъ, вполне оно въ вашемъ распоряженіи. Только одного *не* желала бы, чтобы мое имя было подписано, это неудобно по многимъ причинамъ. Мнѣ могутъ сдѣлать непріятное родные мужа, т. к. вѣдь многимъ, очень многимъ извѣстно, что я и мой сынъ его вторая семья. Отецъ моего сына былъ извѣстный юристъ. и его весь Петербургъ зналъ. Затрагивать его память для меня было бы тяжело. Все, что я писала вамъ *истинная правда*, все было такъ; болѣе или менѣе это *все* и извѣстно многимъ. Многие изъ друзей моего мужа воображали, что мой домъ будетъ мѣстомъ сборищъ холостой компаніи, но когда увидѣли, что я смотрю серьезно на мою семью, и что не желаю ихъ видѣть иначе, какъ добрыхъ знакомыхъ въ семейномъ домѣ, то всѣ удалились, и послѣ смерти мужа не вспомнили, что остался единственный сынъ ихъ товарища, и упрекали меня въ „гордости“ и проч.

Жена, будто бы оскорбленная отцомъ моего ребенка, ста-

¹⁾ Бабушку, игнорирующую внука, пусть незаконнаго, слѣдуетъ подвергать епитимьямъ и не допускать до таинства причащенія, какъ повинную противъ заповѣди: „неубій“, и прочихъ словъ Спасителя, напр.: „прежде чѣмъ принести жертву Богу—пойди, примиришься съ ближнимъ твоимъ“, тѣмъ паче—съ родственникомъ, съ несчастною и одинокою дочерью. Начать спасеніе незаконнорожденныхъ надо съ острастки *родителей* незаконно-рождающихъ дѣвушекъ. В. Р—въ.

²⁾ Я думаю—и не почесался. В. Р—въ.

рается всѣми силами дѣлать мнѣ все непріятное, и я стараюсь ничѣмъ не заявлять о себѣ, лишь бы имѣть покой душевный, столь необходимый въ моей жизни. Если же появится моя фамилія въ письмѣ, она сдѣлаетъ мнѣ непріятность. Это очень злая, мстительная женщина, обладающая большими матерьяльными средствами, которыя заработалъ отецъ моего сына, исключительно своимъ трудомъ, имѣя ввиду вполнѣ обезпечить своего единственнаго родного сына; но эта женщина сдѣлала такъ, что все получила она, какъ законная жена, хотя и фиктивная много лѣтъ, и все передала своему воспитаннику, вовсе чужому по крови и духу ея мужу. Вотъ какое зло дѣлается въ жизни, благодаря трудности развода, а главное—что *безъ согласія* „правой“ стороны, разводъ быть не можетъ. Въ этомъ и заключается все зло.

Были средства, были связи, были юристы, но не было согласія жены, и ни что въ мірѣ не могло разрушить ненавистный бракъ. Вотъ что ужасно! И ни какими силами, даже на время, не было возможности избавиться отъ „законной“ жены. Когда онъ былъ боленъ при смерти, и я пришла навѣстить его, что пришлось сдѣлать чуть ли не силой, надо было видѣть его измученнаго, больного, который говоритъ мнѣ: „я все ждалъ тебя, зачѣмъ ты раньше не пришла? она все торчитъ передъ глазами, не могу ни на минуту избавиться отъ нея; отыскиваю дѣла, прошу ее передать ихъ лично: нѣтъ, находить кого-то знакомыхъ и черезъ нихъ передаетъ, а сама сидитъ безвыходно; нѣтъ, одно для меня—только смерть дастъ мнѣ покой. И зачѣмъ мнѣ жить, когда для васъ съ сыномъ я не могу сдѣлать то, что есть мой долгъ, чего желаю, и нѣтъ воли исполнить это. Нѣтъ смысла въ жизни, жить невыносимо тяжело и нѣтъ у меня силъ больше терпѣть эту пытку“.

И вотъ уже два года и два мѣсяца что кончились его страданія, нравственныя и физическія. Нашелъ ли онъ покой тамъ, успокоилась ли его больная душа, протрадавшаяся 32 года въ цѣпяхъ Гименея? Моему сыну 13 лѣтъ, онъ еще совсѣмъ не знаетъ жизни, хотя и очень развитой мальчикъ, но чистый, невинный мальчикъ. И могу ли я рассказать сыну нашу печальную судьбу; онъ не пойметъ даже, и только смутится его душа, а душевный миръ для ребенка необходимъ еще болѣе, чѣмъ для взрослаго. Онъ знаетъ, что есть церковный и гражданскій бракъ. Я жила съ нимъ полгода въ Италіи, а тамъ все гражданскій бракъ, и потому его вовсе не смущаетъ то, если говорятъ у насъ о гражданской связи, онъ смотритъ на это, какъ на обыкновенное. Только смущаетъ его то, что у меня съ нимъ разныя фамиліи. Но въ этомъ мнѣ помогаетъ то, что я была въ консерваторіи; вѣдь всѣ артистки могутъ имѣть двѣ фамиліи, и обыкновенно остаются той, съ которой начали свою музыкальную карьеру. Я хорошо играла на ф.-піано. 15 лѣтъ тому назадъ играла и въ кон-

церахъ, и уроковъ имѣла много. И этимъ объясняю то, что у меня не одна фамилія съ моимъ сыномъ. Открыть правду очень мудро, пока еще онъ малъ. Въ маленькомъ кругу моихъ знакомыхъ онъ видитъ хорошія отношенія ко мнѣ, а новыя знакомства я не дѣлаю. Вотъ одно страшитъ меня, что мои письма къ его отцу остались въ рукахъ моихъ враговъ, а они страшатъ, что отдадутъ ихъ моему сыну, чего я вовсе не желала бы. Письма были не для сына, а для отца.

Соблаговолите сообщить, въ какой именно формѣ напечатаете мое письмо. Буду очень рада, если мое слово хотя каплю прибавитъ пользы для дѣла, о которомъ вы такъ горячо пишете. Да поможетъ вамъ Господь защитить дѣтей и ихъ матерей отъ гори и зла.

Будьте здоровы и счастливы вы всегда.

Преданная Вамъ К. Д.

* *

Благодарю васъ, многоуважаемый Василій Васильевичъ, за память о насъ съ Лелей, за ваше доброе письмо, которое очень утѣшило меня. Леля мой благодаритъ васъ за привѣтъ, онъ помнитъ васъ, конечно. Знаю я, что вы утомлены письменной работой и не ждала вашего отвѣта. Написала потому, что слишкомъ тяжелый вопросъ былъ затронутъ, хотѣлось высказать свое мнѣніе, по поводу вашей статьи и др. Безъ вины виноватые долго еще будутъ страдать, пока не отживутъ свой вѣкъ людскіе предразсудки, пока не поймутъ всѣ, что каждое рожденіе есть законное по волѣ Творца, и по закону природы. Только-бы это сдѣлалось общимъ закономъ, и все измѣнилось-бъ радикально. Тогда и матери не страдали-бы. Здоровье мое очень пошатнулось въ эту зиму. Лѣтъ 5 уже, что я чувствую болѣзнь сердца, а теперь опредѣлилось расширение аорты, что часто причиняетъ мнѣ страданіе, боль въ груди и въ области сердца. Все это глубоко огорчаетъ меня, т. к. я одна у моего мальчика. Безъ ужаса подумать не могу, что съ нимъ будетъ, если я не доживу до его совершеннолѣтія. У него буквально никого нѣтъ въ мірѣ родныхъ. Нѣтъ у меня и такой знакомой, которой-бы я могла поручить докончить воспитаніе. Оно начато не по шаблону, а все ведется согласно индивидуальности мальчика, согласно съ его здоровьемъ и развитіемъ. Каждая ломка можетъ привести къ дурному. Какъ поручить той, которая не отвѣчаетъ моимъ принципамъ? Это ужасная забота, мучительная для сердца матери. У меня знакомыя свѣтскія дамы, они и о своихъ-то дѣтяхъ заботятся по рутинѣ, по шаблону воспитываютъ и считаютъ это лучшимъ, гдѣ-же понять имъ душу чужого мальчика и придти ему на помощь во всякую минуту жизни въ такіе годы, когда именно необходима

дружеская опора, авторитетъ, чтобы понять жизнь такъ, какъ слѣдуетъ, безъ всякихъ превратныхъ идей и понятій. У меня нѣтъ истинныхъ друзей, и въ настоящее время это очень чувствительно и горько. Молю Бога, что-бы Онъ далъ мнѣ жизнь для пользы моего мальчика, пока онъ еще такъ юнъ и беспомощенъ. Желая сохранить покой души моего Лели, я стараюсь скрывать отъ него мое нездоровье, иначе онъ лишится покоя, столь ему необходимаго, при его слабомъ здоровьи. На дняхъ будетъ консилиумъ, въ квартирѣ нашего доктора вѣроятно, чтобы рѣшить вопросъ о леченіи на лѣто, куда поѣхать. Вотъ результаты всей горькой, безотрадной моей жизни, въ лучшіе года, когда здоровье было разрушено горемъ и нравственными страданіями день и ночь; 17 л. ни минуты покоя душевнаго!!! Очень можетъ быть, что много и неправильно въ воспитаніи моего сына, т. к. система воспитанія выработана мною одной, при помощи книгъ, но безъ живого слова участія. Все сдѣлано, что говорило мнѣ мое сердце и мой умъ: это были мои единственные помощники и остаются до настоящей минуты. Страшно боюсь, что-бы у Лели не былъ тотъ-же безвольный характеръ, что былъ у отца его, который подчинялся каждому дурному вліянію, а не хорошему. У моего Лели очень мягкій характеръ и до того послушный, что меня даже пугаетъ это. Не смотря на то, что я никогда ничего отъ него не требую, и даю полную свободу во всемъ его желаніямъ,—каждое мое слово онъ принимаетъ какъ должное. Если, рѣдко, когда придется отказать ему въ чемъ либо, всегда есть на это причина, которую и говорю, и прошу его самого понять это, и не считать мой отказъ за нежеланіе исполнить его просьбу. Мы съ нимъ друзья, въ полномъ согласіи живемъ. Мое желаніе было видѣть его любящимъ науки, но у него явился талантъ къ музыкѣ, и я стараюсь все сдѣлать, чтобы развить этотъ талантъ, и мнѣ очень трудно вести учебное дѣло нелюбимыхъ имъ наукъ. Держать экзаменъ при школѣ Тенишева ежегодно слишкомъ дорого, 150 р. за экзамены, я не могу этого тратить, придется до старшихъ классовъ заниматься безъ экз. При домашнихъ занятіяхъ, кто-же чужой будетъ такъ заботиться объ урокахъ какъ я? Всѣ вечера я отдаю Лелѣ, читаю ему, или повторяю въ разговорахъ всѣ уроки того дня, или для другого дня.

Средства къ жизни у Лели есть, но кто ими распорядиться будетъ безъ меня? Средства небольшія, надо очень бережливо распорядиться ими, чтобы сохранить ихъ дольше. Я такъ страдаю душой, такая у меня забота на душѣ, что не вижу и выхода изъ этого положенія. Ахъ, какое лишеніе въ жизни—не имѣть ни родныхъ, ни друзей вѣрныхъ. Какое ужасное зло дѣлаютъ мужчины, завлекая дѣвушку на такую дорогу, въ которой сами-же не могутъ указать путь спокойный, вѣрный. Всевозможными обща-

ніями, увѣреніями заставляютъ повѣрить всему, а потомъ и оставлять одну отыскивать путь въ жизни, когда уже ушло время, тѣ годы, когда человѣкъ приобретаетъ друзей на всегда. Наше положеніе съ Лелей очень тяжелое, я предвидѣла это, и когда просила его отца, возмущаясь его легкомысліемъ, о разводѣ или усыновленіи, не нашлось человѣка, кто-бы поддержалъ мои законныя требованія для пользы сына, и меня-же еще обвиняли, что я не жалѣю близкаго человѣка. А развѣ онъ-то жалѣлъ меня?! Вотъ мы и остались съ Лелей такъ одиноки, что нѣтъ человѣка, кому-бы я могла спокойно довѣрить моего сына. Довѣріе приобретается въ юные годы, когда еще не было разочарованій въ жизни, а когда жизнь не удалась, тогда и вѣра въ людей исчезла, и найти ее невозможно. Постоянно является анализъ, сомнѣніе, и вѣры нѣтъ. Мнѣ больно то, что ни одной женщины я не знаю такой, которой могла-бы вѣрить и уважать безусловно. Была я раза два въ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ: что это за пустота тамъ царствуетъ! Точно играютъ въ какую-то игру ученые женщины, что-то неискреннее, ложное. Интриги, сплетни, серьезнаго ровно ничего, и это все интеллигентныя женщины! Быть можетъ, каждая женщина сама по себѣ хорошей человѣкъ, но когда онъ всѣ вмѣстѣ, то это что-то такое неестественное... безползное. Рутинна и предразсудки, въ этомъ все. Заботить меня и то, что Леля такъ чистъ и невиненъ, что если вдругъ попадетъ въ такую семью, гдѣ нѣтъ должной нравственности, онъ погибнетъ, онъ воспитанъ какъ дѣвочка, иначе и быть не можетъ при женскомъ воспитаніи, безъ отца и брата. Женщина не можетъ воспитать по-мужски, и это не моя вина, что я женщина.

Простите великодушно, что я отнимаю у васъ время на чтеніе этого письма. Ваше братское отношеніе даетъ мнѣ смѣлость поговорить съ вами по душѣ, высказать всѣ мои заботы и горе. Душевно желаю вамъ здоровья и всѣхъ радостей въ жизни. Вы счастливы въ семейной жизни и надо благодарить Бога!

Преданная Вамъ *К. Д.*

*
* *

Многоуважаемый В. В.

Моя совѣсть спокойна; я исполнила нравственно, и исполняю свято мои обязанности, данныя Богомъ и природой женщиной, какъ человѣку, и лично для себя не вижу въ этомъ ни малѣйшаго позора. Мучитъ лишь то, что мой дорогой сынъ не можетъ имѣть законное имя отца, что такъ необходимо въ жизни, при тѣхъ взглядахъ общества, которые существуютъ. Я желала-бы, и ради моего сына, чтобы мое письмо къ вамъ было въ печати, чтобы онъ зналъ, что его матери скрывать нечего, и что правда выше всего. Богъ знаетъ, буду-ли я жива, когда онъ *все* пойметъ; но

печатное слово для него могло-бы имѣть силу, какъ удостовѣреніе, что мать его страдала, любя горячо его отца, и всю жизнь отдала ему!

Сообщите мнѣ: кто пишетъ извѣстія въ хроникѣ, и неужели такъ зря написали 19-го дек. 1900 г., что митрополить разослалъ по церквамъ предписаніе священникамъ, чтобы въ метрическихъ свидѣтельствахъ не писали слово „незаконнорожденный“ для дѣтей внѣ брачныхъ. Это очень важное предписаніе и гдѣ-же оно? Или такое извѣстіе было передано не провѣреннымъ? Съ декабря желаю узнать, правда-ли это, и ни отъ кого узнать не могу. Ради Бога, напишите мнѣ объ этомъ. Вамъ легче узнать: слухъ-ли это, или фактъ; но, кому-то угоднѣе не давать хода этому важному распоряженію митрополита. Ваша мысль: создать общій содруж. союзъ самозащиты для несчастныхъ дѣвушекъ—превосходная мысль, и было бы жаль не осуществить это. Я съ моимъ сыномъ уѣзжаю въ этомъ мѣсяцѣ въ Италію, на берегъ Адриатическаго моря. Примите мою сердечную, глубокую благодарность за ваше письмо. Повторяю, что именно ваше письмо для меня *очень* дорого. Такое сочувствіе, какъ ваше, успокоиваетъ душу больную, измученную душу. Я столько страдала нравственно и физически во всю мою жизнь, что эти страданія искупили уже мой „грѣхъ“. какъ говорятъ защитники нравственности показной. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и счастливы. К. Д.

*
* *

Позвольте мнѣ высказать вамъ, многоуважаемый Василій Васильевичъ, мою глубокую, сердечную благодарность за ваши доброты для меня письма, за ваше снисхожденіе къ моей просьбѣ, за все ваше рѣдкое, доброе отношеніе къ горю ближняго. Это отношеніе дорого для меня, какъ самое высокое изъ всѣхъ чувствъ, возможныхъ въ натурѣ человѣка. Хотѣлось-бы мнѣ *очень* многое сказать вамъ письменно, высказать все, что смущало и смущаетъ мою душу, все что пережила, передумала, когда сказать было некому. Есть такіе вопросы въ жизни, которые мнѣ одной не разрѣшить. Вы единственный человѣкъ, котораго я знаю, сказали открыто, прямо то, о чемъ я думала много лѣтъ, и никто не сочувствовалъ мнѣ, и не понимали даже того, какъ можно идти противъ рутины, уменьшать святость брака и т. д. Каждое ваше слово въ печати я читала съ невыразимой радостью! Когда-же ваши слова относятся лично ко мнѣ, это такое утѣшеніе для меня, радость, а радости въ моей жизни было не много, что потерять эту радость было-бы для меня болѣе, чѣмъ грустно. Я боюсь отнимать у васъ время, котораго вы имѣете такъ мало свободного. Но, вы знаете психологію человѣка: чѣмъ больше хорошаго получишь, тѣмъ болѣе и хочется его; а такъ-какъ не много было у

меня хорошаго въ жизни, то ваши письма доставити мнѣ такое глубокое удовольствіе, какого я давно не испытала. Мнѣ думается, что вы не осудите меня за мою *полную* откровенность, что рѣшась беспокоить васъ моими откровенными письмами, что очень згонистично съ моей стороны. Вы простите это?

Прошу васъ, *искренно скажите* мнѣ, могу-ли я писать вамъ *все*, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на моемъ сердцѣ, уже много лѣтъ. Ужасно сожалѣю, что не рѣшилась написать вамъ раньше, когда мнѣ болѣе чѣмъ нужна была нравственная помощь друга—человѣка добраго, въ истинномъ смыслѣ христіанской доброты, гуманнаго, понимающаго душу человѣка, какъ вы. Нигдѣ и ни отъ кого я не могла встрѣтить именно того, что можетъ успокоить измученную душу, въ моемъ положеніи, не легальномъ, и никто не помогъ мнѣ такъ, чтобы я могла имѣть миръ душевный. Прилагаю копію съ письма гр. Толстого, его отвѣтъ на мое письмо, написанное въ минуты полнаго отчаянія. Въ 97 г. наши отношенія съ отцемъ моего ребенка стали измѣняться подъ вліяніемъ гипноза его жены, т. к. онъ измѣнилъ свою профессію присяжнаго повѣреннаго на мѣсто въ сенатѣ, и работать пришлось дома, тогда какъ раньше всѣ дѣла вѣла дома съ утра и до вечера, не много было времени для вліянія жены; а человѣкъ онъ былъ такой, что каждое вліяніе на него сильно дѣйствовало, и какъ нервный человѣкъ—подавался быстро гипнозу окружающихъ; зло, вѣдь, сильнѣе добра всегда. Передъ тѣмъ, какъ уйти въ вѣчность, онъ все самъ мнѣ разказалъ, всю правду, о которой я сердцемъ знала, еще раньше его разказа. Надо понять мое положеніе именно такъ, какъ вы понимаете, и, какъ вы одинъ можете, сказать правду и понять правду. Другому можетъ показаться страннымъ, даже смѣшнымъ, что женщина въ мои годы, уже не молодая, все еще ищетъ отвѣта на вопросы жизни? Но, я вѣчно буду искать этихъ отвѣтовъ, т. к. жизнь—это такая глубина, такая бездна! Если не ради себя, ибо моя жизнь прошла, то ради воспитанія и счастья моего сына я должна узнать многое, чего не могу разрѣшить безъ помощи человѣка, которому могу вѣрить и глубоко уважать. Съ 87-го года и до 91-го года я боялась людей, считала себя недостойной быть въ обществѣ, и жила 4 года въ абсолютномъ уединеніи; видѣла только отца моего ребенка и доктора, нигдѣ не бывала, и всѣ дни читала и думала горькую думу. Въ 91 году скончался мой любимый братъ, это такъ повлияло на меня, что я серьезно заболѣла и почти 3 года страдала я физически, разными болѣзнями. „И кто не беретъ креста своего, и не слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“, какъ велика должна быть вѣра въ Того, Кто сказалъ эти слова! Жизнь тяжелый крестъ, и гдѣ найти ту силу и твердость духа, чтобы покорно нести свой крестъ? Да, тѣ мученики, которые безстрашно

шли въ Коллизеѣ на встрѣчу смерти, дѣйствительно исполнили завѣтъ Христа. Когда я была въ Коллизеѣ, было жутко стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ смерть была *удовольствіемъ* для зрителей, и лилась кровь святыхъ... О! какъ это ужасно. Не смотря на это жуткое чувство, меня тянуло опять идти въ Коллизеѣ, и опять я уходила оттуда, обливаясь холоднымъ потомъ, отъ жуткаго чувства при воспоминаніи того, что видѣли эти руины! Римъ чудный, дивный, и страшный. Нѣтъ, моя вѣра не дала-бы мнѣ силы идти на встрѣчу смерти, (т. е. на встрѣчу мученической смерти, и значить, нѣтъ во мнѣ вѣры?). Естественной смерти я не боюсь, какъ неизбежнаго; страшить меня только мысль, что если умру, когда мой сынъ еще не взрослый, то онъ можетъ погибнуть, понавъ подъ дурное вліяніе, а у него характеръ мягкій. Эта мысль ужасно тяготитъ меня. 8 лѣтъ тому назадъ я была больна безъ надежды на выздоровленіе, что я и чувствовала. Три доктора, лечившіе меня, прямо говорили моимъ близкимъ, что надежды нѣтъ и надо ждать моей смерти. Я отказалась отъ всякихъ лекарствъ, возбуждающихъ дѣятельность сердца, которое уже слабо работало. У меня былъ перитонитъ эксудативный, и упадокъ дѣятельности сердца. Я страдала *ужасно!* Лежала въ больницѣ графини Орловой-Давыдовой. Она, зная мое опасное положеніе, спросила: чего я желаю? Я попросила пригласить о. Іоанна Кронштаттскаго. Я *никогда* не забуду той минуты, когда онъ пришелъ ко мнѣ! Видѣли ли вы его молитву у постели больного? Вотъ вѣра, настоящая, глубокая вѣра въ Бога, святая, о которой сказано: „чего ни попросите отъ Отца во имя Мое— дастъ вамъ“. У меня отъ болѣзни была полная апатія, и я смотрѣла на о. Іоанна, только видѣла его лице, его выраженіе глазъ, въ которыхъ именно горѣла твердая вѣра. Смотря на его молитву, я плакала, и эти слезы облегчили мое сердце, стало легче дышать. Послѣ молитвы, я просила причастить меня св. Тайнъ; эта исповѣдь была дѣйствительно настоящая. Какъ онъ говорилъ, какъ утѣшалъ меня, какъ легко было открыть всю душу передъ такимъ служителемъ Бога. Опасность миновала, но я еще мѣсяць ничего не могла ѣсть, буквально ничего; ежеминутно давали глотать ледъ, и черезъ полъ-часа по ложкѣ шампанскаго; такой режимъ продолжался 6 недѣль всего, лекарствъ никакихъ. Только черезъ годъ я могла сказать, что отгосительно здорова, но послѣ этой болѣзни мой душевный міръ *измѣнился* совершенно. Я перестала считать себя грѣшницей, стала требовать того же, чего требуетъ каждая жена и мать, которая исполняетъ свой долгъ честно. Я не скрываю мое нелегальное положеніе и считаю его моимъ несчастьемъ, а не униженіемъ. Сами женщины не подвигаютъ дѣло впередъ, дѣло защиты своихъ нравственныхъ правъ. Нѣкоторыя скрываютъ все, значить обманъ; другія унижаютъ себя, считаютъ за милость каждое

вниманіе, самое простое; ни то, ни другое не нужно, когда совѣсть спокойна и обмана *нѣтъ*. Развѣ не хуже обманывать общество, прикрываясь бракомъ и не будучи вѣрнымъ мужемъ, или вѣрною женой? Въ этомъ и былъ камень преткновенія у меня съ мужемъ. Его семейная жизнь всѣ 32 года была обманъ и обманъ, и я удивлялась, какъ онъ можетъ терпѣть такую жизнь? Какъ могла терпѣть такую жизнь и его жена? Бракъ — ширмы, а что тамъ было?

Простите великодушно, знаю, что отнимаю ваше время, и прошу, не лишайте меня душевной радости. Искренно уважающая васъ и душевно вамъ преданная. *К. Д.*

Р. S. Отъ Декабря 19-го 1900 г. въ „Нов. Вр.“ я прочитала въ хроникѣ, что будто бы разосланы циркуляры по всѣмъ церквамъ, чтобъ священники при выдачѣ метрич. свид. о рожденіи внѣбрачныхъ дѣтей не писали слово „незаконнорожденный“. Въ январѣ я отправилась въ консисторію здѣсь, и просила переписать метрич. свид. моего сына. Получила отвѣтъ, что въ консисторіи неизвѣстно о такомъ циркулярѣ. Въ Мартѣ я вторично была въ консисторіи и получила тотъ же отвѣтъ. Неужели это свѣдѣніе было не вѣрное? Какъ оно могло попасть въ газету?

*Приложеніе къ письму. Копія съ письма гр. Л. Н. Толстого 1897 г.
23 Мая.*

Получилъ ваше письмо, когда былъ уже боленъ, и вотъ только теперь собрался отвѣтить вамъ. Очень сочувствую вашему положенію и желалъ бы быть вамъ полезенъ. Два совѣта смѣло могу дать вамъ: 1) тотъ, чтобы не нарушая дружескихъ отношеній, которыя были же между вами, или стараясь восстановить ихъ, если они утрачены, всѣми силами стремиться къ наибольшему ограниченію плотскихъ отношеній, къ наибольшему цѣломудрію въ нихъ и къ совершенному прекращенію ихъ. Стремиться къ этому нужно, несмотря ни на какой рискъ отверженія, или гнѣва съ его стороны. Требованія эти такъ важны и святы, что никакой чело-вѣкъ не можетъ не подчиниться имъ, если только они будутъ выражены не съ укоризнами, злобой, а въ духѣ христіанскаго смиренія и кротости; 2) тотъ, чтобы въ своихъ отношеніяхъ съ нимъ съ самаго начала и до послѣдняго времени поискать и отыскать свои грѣхи, свои ошибки, свои не добрые поступки въ отношеніи его. Такіе поступки есть; и чѣмъ строже вы отнесетесь вообще къ себѣ, чѣмъ больше найдете въ себѣ дурного и осудите его въ себѣ, тѣмъ меньше жестока вамъ покажется его обида, тѣмъ легче вамъ будетъ простить ее; а чѣмъ больше вы простите его, тѣмъ больше онъ почувствуетъ свои вины передъ вами и обратится къ вамъ не тѣломъ, но духомъ.

Вотъ все, что умѣю вамъ сказать. Простите, если не удовлетворилъ вашего желанія.

Всей душой жалѣю васъ ¹⁾

Л. Толстой.

*
* *

Сейчасъ получила письмо ваше, и оно для меня особенно дорого именно сегодня—когда день моего рожденія; въ этотъ день мнѣ всегда особенно грустно: отсутствіе близкихъ родныхъ еще чувствительнѣе. И воспоминаніе, что *когда-то* этотъ день былъ радостный для меня ²⁾. Для чего я родилась на свѣтъ? Только для своего несчастья, и дала еще жизнь моему сыну, не имѣя возможности дать ему мое имя, даже не имѣю права открыто назвать его сыномъ моимъ! Паспортъ это говоритъ. Какъ это больно, обидно! При всей моей горячей любви къ мужу—и ему не дала счастья; наша связь дала ему не радость, а много страданія нравственнаго: онъ страдалъ и за свое счастье и за наше, не имѣя силы воли справиться съ такой не нормальной жизнью. Ему было бы легче жить съ такой второй женой, которая не смотрѣла бы такъ серьезно на жизнь, какъ я. Которая бы не огорчалась такъ его легкомысленными поступками, или любила бы его слѣпо, все считая превосходнымъ. Я могу любить всѣми силами души и сердца, и при этомъ видѣть въ любимомъ чловѣкѣ все дурное и хорошее, не преувеличивая ничего; *не умѣю* любить слѣпо. Мужъ мой не признавалъ этого, и по его убѣжденію при любви надо видѣть только одно хорошее, и все называть *бл.мыс.*, и даже черное. У него какъ и у всѣхъ людей было хорошее, но много дурного, какъ результатъ далеко не нравственнаго воспитанія, что еще увеличивалось отъ жизни съ такой женой, которая, сознавая, что мужъ ее не любитъ, желая угодить ему и зная его не выдержанность, готова была устроить гаремъ дома, лишь бы онъ чаще былъ дома, и *этимъ доказать* ему свою любовь. Такая семейная жизнь еще болѣе заставила его легкомысленно относиться къ женщинамъ, и вовсе не уважать семью. Онъ любилъ меня, но его тяготила моя порядочность и мое

¹⁾ Со своей стороны я написалъ дѣвушкамъ—матери, что прожить уже нѣсколько лѣтъ супружескою жизнью и имѣя сына, она и не должна была прекращать или сокращать супружескихъ съ нимъ отношеній, нормально текшихъ ранѣе, соблюдая лишь физическую и духовную мужу вѣрность. На разныя „само-упреки“ силъ не тратить; и вообще быть счастливой—ибо Богъ облегчаетъ насъ, а не отягощаетъ. В. Р—въ.

²⁾ Всѣ вообще письма эти не весьма правильны въ лексическомъ (синтаксическомъ) отношеніи. Но я сохраняю ихъ съ тѣми неправильностями, въ которыхъ отразилась усталая душа. Письма эти я печатаю какъ *сложный и документальный отпоръ* на слова: „развратъ“, „развратницы“, „су..ки“, „к.бели“ (см. выше), и проч. Нужно чѣмъ-нибудь, *не словами*, опровергнуть это. В. Р—въ.

серьезное отношеніе въ нашей привязанности, и желаніе семьи *настоящей*. Онъ былъ очень добрый, характеръ мягкій, поддающийся скорѣе дурному влиянію, чѣмъ хорошему. Увлекался скоро, и тогда изъ него можно было все сдѣлать, но опять-таки скорѣе дурное.

Подобное на него влияніе случилось какъ разъ въ годъ ожиданія моего сына, когда онъ, видя мои слезы и мою болѣзнь, хотѣлъ, при помощи своего отца, вліятельнаго и заслуженнаго чиновника, разойтись съ женой и жить вмѣстѣ со мной, даже если и не получить развода. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ за границу, оставивъ меня совершенно одну на 8-мъ мѣс. беременности. Мое положеніе было очень тяжелое, и безъ него я совѣтъ упала духомъ, и писала ему отчаянныя письма, что конечно дѣйствовало на него и угнетало его совѣсть сознаниемъ, „что онъ оставилъ меня одну *въ такое* время.

Одинъ его другъ, Г. ¹⁾, человекъ безнравственный, подъ видомъ участія, обвинилъ меня во всемъ, говоря, что „если я не подорожила собою, то значить не стою и сожалѣнія; что порядочная дѣвушка никогда не допуститъ близкія отношенія, что мнѣ не 16 л., что я *все* понимала, и знала, что онъ не свободный человекъ; и стоитъ ли огорчать отца *такими* пустяками (какъ рожденіе своего ребенка!), что не только говорить объ этомъ отцу, но и себя безпокоить этимъ вовсе не слѣдуетъ. Что такія связи у всѣхъ есть, и кто же этимъ безпокоится, это *должно* быть *развлеченіемъ*, а вовсе не заботой. Стоитъ ли это того, чтобы разрушать семью свою, для чего это? вовсе не нужно“, и т. д. и т. д. Вдругъ я получила письмо отъ С. А. въ такомъ духѣ. Я не вѣрила глазамъ своимъ, читая такія сужденія и не могла понять причины этому. Я ходила какъ потерянная, не замѣчая никого, слезы лились у меня изъ глазъ, меня можно было принять за ненормальную. Мнѣ было тогда 26 л., но по виду казалась я много моложе. Обратилъ на меня вниманіе Славянскій, проф. Медицинской Академіи, акушеръ, и пожалѣлъ меня. Подошелъ и прямо сказалъ; „я вижу ваше горе и ваше одиночество, и слѣдовательно и вашу неопытность; что вы дѣлаете съ собой, а главное—съ вашимъ ребенкомъ: вѣдь вы или убьете его, или сдѣлаете нервно-больнымъ, успокойтесь, пожалѣйте свое дитя“. Эти слова участія облегчили мою скорбь, и Славянскій сталъ отечески относиться ко мнѣ, каждый день два раза навѣщалъ меня, успокаивалъ и наконецъ за мѣсяць до родовъ заставилъ уѣхать въ Петербургъ, поручивъ своему ассистенту, проводить меня до Петербурга. Конечно, я имѣла возможность выдти за мужъ много разъ. Въ 17 л. была невѣстой доктора,

¹⁾ Названо имя—принадлежащее знаменитому въ Петербургѣ лицу, и именно знаменитому „культурной просвѣщенностью“. В. Р.—гз.

его потребовали въ 1878 г. на войну, и въ Яссахъ онъ умеръ отъ тифа. Это было первое мое горе. Потомъ, живя въ обществѣ, я пользовалась всегда большимъ вниманіемъ, и желающіе были получить мою руку и сердце. Но, мое-то сердце молчало, я безъ любви выдти замужъ не хотѣла и считала это нечестнымъ. Увлелась спеціальностью С. А. (мужа): „защитникъ невинныхъ, облегчающій участь виновныхъ, защитникъ правъ обиженныхъ“. Какое великое дѣло! Была молода, совсѣмъ не знала жизнь, т. е. ту сторону жизни, которую не показываютъ, вѣрила въ добро, *вѣрила людямъ*. С. А. былъ очень краснорѣчивъ, говорилъ рѣчи въ Судѣ убѣдительно, увлекательно, вообще красиво, и я каждое слово принимала за его прочувствованное слово, какъ отраженіе его идеальнаго чувства любви къ ближнему, христіанской любви, защитника угнетенія. И я полюбила въ немъ того человѣка, котораго создало мое воображеніе, но можетъ быть тѣмъ бы это и кончилось, — еслибъ не кончина моего отца, этотъ страшный, неожиданный ударъ. Когда горе, тогда ласковое слово много значить и очень дорого. С. А. и раньше симпатизировалъ мнѣ, ухаживая за мной по свѣтски, уже года три до этого, но я была далека отъ мысли сойтись съ нимъ. Горе сблизило дружески сначала, а черезъ годъ я уже полюбила его страстно, онъ умѣлъ заставить полюбить себя. Вообще, не симпатизируя нашему церковному браку, видя столько несчастныхъ браковъ, я лично для себя предпочитала гражданскій бракъ, лишь была бы *взаимная вѣрность*, любовь и уваженіе; ни какихъ обѣщаній я не требовала, считая за обиду для С. А., еслибъ я усумнилась въ его честныхъ намѣреніяхъ. Послѣ, мнѣ и это въ упрекъ поставили, что значить я настояло не порядочно, что и не требовала ничего, значить не дорожила собой. Я жестоко ошиблась въ моемъ выборѣ, но не смотря на это, любила горячо. За два года до кончины С. А. мое сердце охладѣло, но дружба, сожалѣніе и вѣрность принадлежали ему до послѣдней минуты его жизни. Но, разочарованіе *ужасно*. Благодаря внушеніямъ Г., онъ прямо не далъ мнѣ имѣть еще сына. Когда я почувствовала *ожиданіе*, и плохо себя чувствуя, по желанію С. А. поѣхала къ П—му, акушеру, не зная того, что С. А. далъ ему понять, что *надо* сдѣлать абортъ, чего я вовсе не желала. Все было нормально, но П—ій сказалъ, что надо сдѣлать изслѣдованіе подъ хлороформомъ, т. к. онъ подозреваетъ не беременность, а какую-то болѣзнь. Ничего не подозревая, я согласилась. Меня захлороформировали, что сдѣлали, я не знаю, но, черезъ нѣсколько дней, при ужасныхъ страданіяхъ, при 4 мѣс. беременности, я лишилась возможности имѣть еще сына. Узнала правду послѣ отъ ассистента при П—мъ.

Уѣзжая изъ Россіи, шлю вамъ искренній привѣтъ, и мою глубокую сердечную благодарность за то утѣшеніе, которое до-

ставили мнѣ ваши дорогія для меня письма; и за тѣ часы которые провела въ разговорѣ съ вами,—все это очень ободрило меня и дало миръ душѣ моей. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этомъ необходимомъ для меня утѣшеніи, и позволите мнѣ считать васъ истиннымъ добрымъ другомъ? Мое глубокое уваженіе къ вамъ и полное довѣріе останутся на всегда въ моемъ сердцѣ. Получили ли вы мое письмо отъ 28 іюля, съ описаніемъ несчастной кончины моего брата и того, что было послѣ, и чѣмъ все кончилось? Письмо оказалось очень длиннымъ. Дай Богъ, чтобы ваше здоровье было по возможности хорошо; берегите себя, ради Бога, не утомляйте свои нервы! Ваша жизнь и здоровье принадлежатъ вашимъ дѣтямъ, и для нихъ вы необходимы, какъ бодрый и здоровый отецъ, а не измученный работой. Вы одинъ работникъ въ семьѣ, и какъ дорого ваше здоровье! Ужасно, когда отецъ дѣтей, желая болѣе обезпечить жизнь семьи, убиваетъ свои силы, не обращая вниманія на это, и можетъ вдругъ семья лишиться всего, когда здоровье не выдержитъ непосильнаго труда. Не говорю уже о томъ, какъ ваша жизнь, ваше слово живое, понятное всѣмъ, вашъ талантъ, необходимы для всѣхъ людей. Ваши принципы перейдя въ жизнь общественную, облегчатъ много горя въ жизни людей и дадутъ болѣе крѣпкій фундаментъ для семьи современной.

Въ настоящемъ семья, — это домъ, построенный на пескѣ, и малѣйшій вѣтерокъ—и все разрушается быстро. Хорошо, если разводъ облегчатъ—и не будетъ той процедуры съ лжесвидѣтелями, которая унижаетъ церковный бракъ. Развѣ таинство можетъ быть разрушено, благодаря *лжесвидѣтельству*, известному всѣмъ; и зная это, допускается такое страшное зло! Если духовенство откажется отъ подобныхъ дѣлъ, то этимъ возвыситъ себя во мнѣніи всѣхъ; а теперь, вѣдь это униженіе для представителей церкви Христовой. Одна моя знакомая развелась съ мужемъ, и по этому дѣлу пріѣзжалъ къ ней священникъ изъ консисторіи. Еслибъ вы знали, что онъ рассказывалъ! Такія грязныя дѣла, такъ цинично, что молодая дама съ брезгливостью слушала его рѣчи и не попросила его о выходѣ только потому, что боялась повредить дѣлу.

И это священникъ! Можно ли послѣ этого считать вѣнчанье таинствомъ, и желать его? Возможно ли разрушать Св. Таинство такими способами, какъ это дѣлается теперь? Гражданскій бракъ, лучшій, какъ связывающій именно ради будущихъ дѣтей; а нѣтъ дѣтей—и разойтись легко, безъ всякой непріятной процедуры. Цѣлые вѣка связывать супружество однимъ и тѣмъ же способомъ, не смотря ни на что, не обращая вниманія на то, что развитіе людей сдѣлало ихъ совсѣмъ другими, что „варваровъ“ и необходимо было связывать, а для человѣка нравственнаго и развитого подобное насиліе есть зло.

Боже мой, когда-то все это измѣнится? Когда исчезнетъ ужасный предрасудокъ, что материнство—позоръ при отсутствіи этого пресловутаго вѣнчанья. Сколько преступленій изъ-за этого, сколько безпредѣльнаго горя! И какъ легко было бы уничтожить это горе, лишь бы не оскорбляли женщину за то, что она исполнила свое назначеніе, для чего и *создана* Творцемъ.

Тревожить меня въ воспитаніи сына его полнал невинность, невѣдѣніе. И какъ, и черезъ кого онъ узнаетъ важнѣйшую сторону жизни?

Почему о всѣхъ наукахъ мы стараемся дать правдивое понятіе, а вопросъ самый серьезный оставляемъ на произволъ, пусть узнаетъ отъ кого угодно, хотя бы отъ самыхъ невѣжественныхъ людей, все равно! И послѣ этого, возможно ли желать, чтобы въ юношахъ было желаніе имѣть настоящую семью, а не флиртъ, или одно физическое удовлетвореніе. Надо поставить дѣло такъ, чтобы все было просто и правдиво, безъ всего скрытнаго, неприличнаго, чтобы дѣти откровенно обращались къ родителямъ, со всѣми вопросами, ихъ смущающими въ періодъ развитія; дочь—къ матери, сынъ—къ отцу. Чтобы дѣти понимали серьезность этихъ вопросовъ и обращались бы только къ родителямъ, какъ къ охранителямъ здоровья ихъ. У васъ 5 дѣтей, и старшему можетъ быть около 10 лѣтъ? Неужели васъ не заинтересовалъ вопросъ, и совѣтъ директора Бидельской школы, столь необходимый при воспитаніи будущихъ отцевъ и матерей.

К. Д.

*
* *

Желаю сказать вамъ нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой былъ сынъ дворянина, кончилъ курсъ въ университетѣ, занимался педагогическимъ дѣломъ около 8 лѣтъ, женился и поступилъ въ Духовную Академію, кончилъ курсъ ко времени уничтоженія крѣпостного права, сдѣлался священникомъ и уѣхалъ въ деревню, желая дать нравственную опору освобожденному народу. И до конца жизни былъ „добрый пастырь для своихъ овецъ“, и заслужилъ общее уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Для народа онъ былъ и учитель, и докторъ, и юристъ, и духовный отецъ. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ. Въ семейной жизни былъ очень несчастливъ, т. к. мама вовсе не понимала его и не сочувствовала его принципамъ. Взаимная вѣрность конечно была полная, но дальше этого все было врозь. Отецъ мой былъ добрѣйшей души человекъ и очень умный, развитой и серьезный. Я обожала его! И братья мои также любили его, и любя подчинялись ему безусловно. Отецъ мой также возмущался участью дѣтей незаконнорожденныхъ и всегда вписывали въ метрическія

книги и имя отца ребенка, считая несправедливымъ только имя матери вписывать, обвинять ее одну, а имя отца дѣлая тайной, будто бы покрывая его. За это папу вызывалъ архіерей, сдѣлалъ ему выговоръ, но папа сказалъ ему, что не можетъ дѣлать противъ совѣсти и что нѣтъ такого духовнаго закона, противъ котораго онъ считалъ бы себя виновнымъ, а законъ природы одинъ: безъ отца не можетъ быть рожденія, и запись говорить только правду и уменьшаетъ зло. Такъ дѣло этимъ и кончилось. Уважая отца, при его жизни я не рѣшилась бы на гражданскій бракъ, не потому чтобы онъ оттолкнулъ меня, нѣтъ, но потому, что это его поразило бы горемъ, что я несчастна, а онъ нѣжно любилъ меня, и я не дала бы ему печали, зная его нерадостную жизнь. Отецъ училъ меня закону Божію, у него было много книгъ духовнаго содержанія, и я очень хорошо знаю св. Писаніе, Библию, разъясненіе Библии и проч. Любимая книга папы была Шестодневъ св. Василия Великаго. Зналъ онъ лично Бухарева, въ разные періоды его жизни. Знаю, что у папы была большая переписка со многими лицами, но такъ какъ я не жила дома, и была еще очень юная, то мало интересовалась этимъ, а послѣ его кончины я и на родинѣ не была ни разу. Въ 81 г., была послѣдній разъ дома, а въ 83 г. 1 января скончался мой незабвенный папа, отъ разрыва сердца, 56 л. Онъ 25 л. былъ священникомъ. Мама меня никогда не любила, т. к. у нея были любимые дѣти и нелюбимые. Насъ было 8; 5 сыновей и 3 дочери, остались теперь только двое, я и младшій братъ, прочіе всѣ умерли, сестры въ дѣтствѣ, а братья всѣ взрослые, и всѣ послѣ папы, при его жизни всѣ были живы и здоровы. Мамѣ теперь 68 л., а младшему брату 26 л.

Одинъ изъ братьевъ, по желанію папы; учился въ семинаріи, и замѣнилъ мѣсто отца, очень юнымъ, въ 22 г. И его судьба очень печальная. Онъ очень заботился о церкви, о школѣ, былъ также любимъ прихожанами; за его строгое отношеніе къ церковнымъ службамъ, онъ нажилъ себѣ врага въ псаломщикѣ. Черезъ 10 л. его службы однажды въ праздникъ братъ сдѣлалъ замѣчаніе псаломщику, т. к. тотъ былъ не трезвый, а на слѣдующій день надо было служить утреню. Разговоръ происходилъ въ 11 ч. вечера на крыльцѣ, въ темную осень, и братъ мой не вернулся въ домъ, исчезъ.

Полгода мы не знали, что случилось. И только весной уже нашли его тѣло въ рѣкѣ, но онъ былъ убитъ раньше, и опущенъ въ рѣку за нѣсколько часовъ, какъ нашли. Тѣло все высохло, и сохранилось безъ измѣненія. Было слѣдствіе, виновнаго не нашли, хотя были свидѣтели того, что псаломщикъ ударилъ брата по головѣ, а что дальше было—или не видѣли, или не хотѣли говорить. Осталась вдова 28 л. и 6 дѣтей, старшему 9 л., а меньшему полгода. Псаломщикъ видимо страдалъ нравственно, былъ молодой,

здоровый, и черезъ годъ, ровно въ то число, когда нашли моего брата въ рѣкѣ, псаломщика похоронили; онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Братъ былъ убитъ въ 1893 году 20 сент. Это былъ тяжелый случай, когда полгода нигдѣ не могли найти тѣло, не знали, что случилось, куда исчезъ. То было ужасное время для всѣхъ насъ! Дѣти брата, 2 старшіе, учатся въ духовн. семинаріи, двѣ дѣвочки въ Царскомъ Селѣ, третья дѣвочка поступила въ Смольный инст., уже принята, и дома еще меньшей 8 л. при матери. О дѣвочкахъ моя забота, а мальчики на попеченіи матери и дѣдушки, ея отца. Бѣдная невѣстка осталась съ такой семьей, молодая.

Отецъ мой скончался въ 83-мъ г., старшій братъ въ 37 г., средній въ 91 г., второй (убить) въ 93 г., четвертый, въ 95 г. Тетя, моя воспитательница, въ 99 г. и С. А. въ 99 г. Вотъ какіе все тяжелыя утраты были для меня въ концѣ прошлаго вѣка! И при всѣхъ этихъ горяхъ, мое нравственное горе; въ послѣдніе два года жизни С. А. я боялась, что мои силы не выдержатъ и я заболѣю нервной бол., т. к. совсѣмъ потеряла сонъ, плакала до того, что цвѣтъ глазъ перемѣнился, док. сказалъ, что я выплакала глаза, которые стали болѣть. И въ эти же годы, мой Леля болѣлъ каждую зиму. Всѣ ночи я *одна* проводила, ухаживая за больнымъ реб.; переживала такія ночи, что и вспомнить страшно!

Боже мой, столько пережить горя, сколько выпало на мою долю, только и можно при той твердой вѣрѣ въ Бога, которую дали мнѣ воспитаніемъ, исполнѣ религиозно-нравственнымъ.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и счастья въ жизни. Господь да хранитъ васъ! *К. Д.*

*
**

...Въ продолженіи 16 л. я перенесла много болѣзней очень тяжелыхъ. Три раза лежала въ больницѣ, каждый разъ не по одному мѣс. Съ 89-го до 93-го г. была постоянно больна, и при этомъ не переставая быть постоянно при Лелѣ, съ трудомъ ходила по ком., до того была слаба, и эта 4-хъ лѣт. болѣзнь и кончилась перитонитомъ, когда, по молитвѣ о. Іоанна, Богъ возвратилъ мнѣ здоровье. У меня были два раза неблагополучные роды, два раза абортъ, и все это сопровождалось сильнѣйшими страданіями!! Всею была причина мое тяжелое нравственное состояніе. Я не имѣла спокойствія душевнаго, ни одной минуты. С. А. былъ человѣкъ страшно нервный, надо было его утѣшать, успокаивать, когда я сама не имѣла ни въ комъ нравственной опоры. Мое нелегальное положеніе тяжело было мнѣ, привыкшей жить въ обществѣ, и вдругъ очутилась одна, жить безъ обмѣна мыслей, вѣчно быть одной, страдая за участь ребенка, и значительное разочарованіе въ близкомъ, любимомъ человѣкѣ.

Еще раньше, до Лели, у меня были не благополучные роды 7 мѣс., и послѣ рожденія Лели черезъ три года также около 6 мѣс., но это случилось отъ глубокаго, сердечнаго огорченія. Всѣ 16 л. моей брачной жизни, буквально изо дня въ день, я не имѣла душевнаго спокойствія ни минуты. Даже и въ тѣ дни, когда мы бывали вмѣстѣ, я не могла быть спокойна. Слишкомъ различны были наши принципы во всемъ, а главное — нравственные принципы. Вся моя жизнь стоитъ передо мной, и не могу я ничего забыть. Я испытала *все горе*, которое только можетъ дать такое семейное положеніе, какъ мое. Только нужды не испытала, благодарю Бога! и не дай Богъ дожить до матерьяльнаго лишенія. Ради Бога, не думайте, что вы обидѣли меня, написавъ предъидущее письмо. Вы обидѣть не можете меня при моемъ безусловномъ довѣрїи къ вамъ, при моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ! Вы для меня старшій братъ по душѣ. Ваши письма для меня дороги, какъ утѣшеніе, нравственная опора и радость для моей наболѣвшей души. Съ 97 г. я уже и плакать не могу, у меня нѣтъ болѣе слезъ.

Вы спрашиваете подробностей о смерти брата? Онъ былъ священникомъ въ томъ же приходѣ, гдѣ служилъ папа. Въ 7 вер. есть крошечная церковь, бывшій скитъ, упраздненный болѣе 100 л. Церковь въ лѣсу, на берегу рѣки. Вотъ эту то церковь перестраивали, и 20 сент. было освященіе храма, въ 93 г. При церкви есть домъ, гдѣ живетъ сторожъ, и больше никто не живетъ тамъ, деревни далеко. Въ день освященія, тамъ были еще три свящ. кромѣ брата, діакона, псаломщикъ и прїѣзжіе. Въ 11 ч. всѣ уже легли спать, братъ вышелъ на крыльцо покурить, и увидѣлъ псаломщика не трезваго, и сталъ его уговаривать идти спать, т. е. надо служить утреню. Ночь была темная, холодная. Въ одной изъ комнатъ, помѣщались моя мама и сестра псаломщика. Маму встревожило долгое отсутствіе брата, она вышла на крыльцо, и не видя никого стала прислушиваться и какъ будто услышала стонъ и пошла въ комнату, чтобы позвать сестру псаломщика и идти дальше. Только что она пришла въ комнату, какъ въ окно постучалъ псаломщикъ и позвалъ сестру, и на вопросъ мамы, гдѣ священникъ, сказалъ, что будто бы онъ пошелъ по дорогѣ къ деревнѣ. Маму это удивило и встревожило. Всѣ уже снали, но она разбудила сторожа и тѣхъ прихожанъ, которые остались въ сторожкѣ на ночь, и просила ихъ идти узнать, что случилось? Сторожъ и другой крестьянинъ взяли фонаря и пошли въ деревню; узнавъ тамъ, что священникъ не приходилъ, всѣ испугались, и сейчасъ-же начались поиски, исчезъ священникъ. На другой день дали знать полиціи, начались энергичные поиски вездѣ: въ лѣсу, въ рѣгѣ, въ озерѣ, въ поляхъ, и нигдѣ не нашли. Такъ прошла осень. Въ февралѣ назначили новаго священника.

наступилъ великій постъ; вскрылась рѣка, опять начали искать, все думали, что утонулъ ночью. 6-го апрѣля, всю рѣку прошли съ трапами. Утромъ рано 7-го апр. псаломщикъ съ сестрой поѣхали, сказавъ, что ѣдутъ за сѣномъ. Въ тотъ-же день утромъ крестьянинъ пошелъ къ рѣкѣ поставить сѣти, и вдругъ увидѣлъ тѣло брата, опущенное стоя въ рѣку, привязанное къ колу, вбитому для сѣтей. Тѣло не успѣло даже намокнуть, и это оказалось высохшее тѣло, безъ всякаго тлѣнія, сохранившее все выраженіе лица живого человѣка, во всей одеждѣ, въ которой вышелъ на крыльцо. Сейчасъ-же дали знать полиціи, приѣхалъ докторъ и напелъ рану за ухомъ, и ударъ по черепу, трещина, и констатировалъ смерть отъ кровоизліянія въ мозгъ отъ удара. Полгода тѣло лежало на чердакѣ, надъ церковью, гдѣ стоялъ старый иконостасъ, и было спрятано за старыми образами.

Все это рассказывали очевидцы, два крестьянина молодые, они шли къ деревнѣ и видѣли, но не узнали въ темнотѣ священника, и прошли мимо. Но свидѣтелями отказались быть, боялись по своей наивности, что „засудить“, и у слѣдователя молчали. Убіенство было въ запальчивости, не преднамѣренное, ударъ былъ сознательный, данный за выговоръ. Когда же псаломщикъ увидалъ, что сдѣлалъ, то испугался. Позвалъ сестру и при ея помощи сначала перенесли къ церкви, думая, что еще не все кончено. Мама и слышала стонъ, когда его тащили по землѣ, поднять не могли, братъ былъ высокаго роста; когда же все кончилось, пользуясь темнотой ночи, отнести тѣло на чердакъ, надъ церковью, гдѣ стоялъ старый иконостасъ, и тамъ положили такъ, что не было видно. И на чердакъ никто не входилъ. Скоро наступившіе морозы не дали тѣлу разложиться. Оставьте-же тамъ и на лѣто боялись, и рано утромъ 7 апр. псаломщикъ съ сестрой поѣхали за сѣномъ, взяли тѣло и въ сѣнѣ перевезли къ рѣкѣ, и спустили въ рѣку.

14-го апр., въ Великій четвергъ состоялось погребеніе несчастнаго моего брата, въ 1894 г., почти черезъ 7 мѣс. Послѣ этого псаломщикъ сталъ болѣть, потерялъ сонъ, и силы стали быстро убывать, всѣ ночи онъ молился и видимо душевно страдалъ. Черезъ годъ, также на Страстной недѣлѣ, уже совсѣмъ больной, поѣхалъ въ монастырь, говѣлъ тамъ, соборовался. Приѣхавъ домой, на второй день Пасхи опять приобщился и скончался 28 л. Похороны его были 7 апр., въ годовую день, когда нашли тѣло брата.

Вотъ какой страшный былъ случай!

Не выразиимо тяжелый былъ годъ для всѣхъ насъ, родныхъ, а бѣдная невѣстка была въ отчаяніи отъ неизвѣстности, и всю зиму, ежедневно, ходила въ лѣсъ, отыскивая мужа, а о дѣтяхъ заботилась ея сестра.

Черезъ три мѣсяца, послѣ похоронъ брата, по требованію прокурора, назначили новое слѣдствіе. Представте себѣ наше горе, потревожили многострадальное тѣло и въ могилѣ, сняли черепъ, для чего, зачѣмъ?

Жена, и мы всѣ близкіе родные просили не дѣлать этого, т. к. это не укажетъ убійцы, и для правосудія не нужно, но не пожалѣли никого, черепъ увезла ¹⁾. Новаго ничего не узнали, только разрыли могилу, пришлось расколоть гробъ, т. к. въ апрѣлѣ была еще мерзлая земля, гробъ углубился и вынуть не было возможности. Тѣло и тамъ не разложилось, младшій братъ видѣлъ снова его, и какъ было ужасно видѣть тѣло священника во всемъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ, съ Евангеліемъ, закрытое воздухомъ лицо, и все это снятое дерзкой рукой и потомъ обезображенное тѣло ²⁾, кое-какъ прикрытое одеждами, а руки все продолжали держать Св. Крестъ! — Для чего было это еще новое страданіе для близкихъ, сдѣланное безъ малѣйшей пользы для правосудія. Черепъ былъ посланъ за № въ медицин. акад. Я желала розыскать, чтобы положить рядомъ съ тѣломъ, но нигдѣ не могли отыскать черепа. Такъ погибъ мой бѣдный братъ 32 л. Священствовалъ 10 лѣтъ.

Вы пишете на вопросъ мой: „Какъ предупредить сообщеніе моему сыну разныхъ интимностей полового различія, что обыкновенно происходитъ черезъ прислугу и людей безнравственныхъ“—что это надо возложить на волю Божию. Какъ я этого боюсь! Какъ оставить на произволъ случая то, что я считаю самымъ важнымъ въ жизни юноши. Вы согласны съ тѣмъ, что дѣти научаются отъ прислуги *всему*, вотъ это необходимо уничтожить и родителямъ *замѣнять* этихъ опасныхъ учителей, въ этомъ и заключается вся моя забота, что необходимо и для всего молодого поколѣнія. Если у евреевъ, по вашимъ словамъ говорятъ равнины или учителя мальчикамъ *все*, почему-же у насъ не взять примѣра въ этомъ? Если еврейскія дѣти, зная *все*, нравственно лучше, чѣмъ наши многіе, то значить есть у кого поучиться такимъ объясненіямъ, хотя бы и не для той цѣли, что у меня. Но важна правда въ этомъ вопросѣ. Да хранить васъ Богъ ³⁾. К. Д.

¹⁾ Возмутительно. Никакого благоволенія къ „храму Духа Живого“, тѣлу. *Закономъ* бы надо оградить права и прерогативы надъ прахомъ усопшаго его родныхъ, родившихъ это тѣло, берегшихъ при жизни его. Вообще, относительно могилъ, смерти слѣдовало-бы начать *органическое* законодательство. В. Р—въ.

²⁾ Какое кощунство, какое сплошное кощунство! У насъ судебное вѣдомство какъ архи-культурное (оно, правда, имѣетъ свои большія заслуги) чувствуетъ право безапелляционно дѣлать всяческія невѣжества въ отношеніи къ частнымъ людямъ. В. Р—въ.

³⁾ Очевъ ее занималъ вопросъ о правильномъ, нормальномъ, здоровомъ и цѣломудренномъ ознакомленіи дѣтей съ рождающею сферою.

3.

Глубокоуважаемый В. В. ¹⁾).

В. В.! Давно собираюсь я поблагодарить васъ за письмо изъ Рима, большое вамъ спасибо за все. Не писала до сихъ поръ,—не знала навѣрное, вернулись-ли вы изъ за границы, да и по правдѣ говоря, такъ тяжело на душѣ, что за перо взятыя трудно. Часто думается: еслибъ послалъ мнѣ Господь смерть, хорошо бы было. Жить такъ тяжело! Долго вѣдь я все борюсь и устала. Если-бы не вѣрила въ Бога и въ загробную жизнь, я бы, вѣроятно, покончила съ собой, не подъ силу все терпѣть и терпѣть, но я, слава Богу, вѣру не потеряла, нужно, чтобъ Господь меня взялъ изъ жизни, въ которой мнѣ нѣтъ какъ то мѣста, нѣтъ моей доли. Если узнаете, Василий Васильевичъ, что меня не стало, порадуйтесь за меня. Не пишу много,—только на васъ нагоняю тоску. Еще разъ благодарю васъ отъ души за доброе участіе ко мнѣ, рѣдко приходится встрѣтить такое отношеніе. Для всѣхъ на мнѣ клеймо позора и не только на мнѣ, но и на дѣтяхъ. Горько это.

Дай Богъ вамъ всего, всего хорошаго. Все читаю, что попадается вашего въ газетахъ. Искренно васъ уважающая. О. Л.

Тогда я совершенно не умѣлъ сказать объ этомъ ей, а теперь кажется могу. *Трудность* лежатъ вѣдь только въ *неспокойствѣ* объясненій (конфузъ, неловкость), происходящемъ отъ того, что объясненія, анатомическія и физиологическія, происходятъ въ возрастъ, когда *волненія уже начались*. Значить, ихъ надо отнести *ранше*, къ совершенно еще наивнымъ годамъ, когда ребенокъ также эти подробности чувствовалъ-бы, какъ подробности своей куклки. Затѣмъ все это покроется, закидается какъ бы землею забвенія; но подъ покровомъ сохранится, какъ важное свѣдѣніе. Когда пробудятся *свои* волненія, мальчикъ или дѣвочка уже съумѣютъ ихъ координировать съ лежащими въ воспоминаніи ихъ свѣдѣніями. Итакъ, объяснять нужно не въ 13 лѣтъ (сынъ г-жи К. Д.), а въ 7 и никакъ не позже 8, и съ тѣмъ спокойствіемъ, какъ объясняютъ анатомію мухи или устройство куклы. В. Р—въ.

¹⁾ Съ авторомъ письма этого, дѣвушкою за 30-ть лѣтъ, матерью двухъ прекрасно-воспитанныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, я былъ два года въ перепискѣ. Не привожу ее за сложностью „Матерьяловъ“, ограничиваясь только этимъ письмомъ, случайно взятымъ мною съ письменнаго стола, чтобы показать, что такія дѣвушки суть *вступающія въ Бога* и имѣющія *душу*, что всячески у нихъ оспаривается. В. Р—въ.

Второй отвѣтъ г. А. Кирѣеву.

Г. Кирѣевъ не замѣтилъ нѣкоторыя подробности у меня и о. прот. Дернова. У меня онъ не замѣтилъ выражений, всюду выдвигаемыхъ: „слиянiе двухъ половъ, любящее, нравственное, чадородное, чадолубивое, исключющее другъ друга измѣну“. Если устранить эти опредѣлители, конечно—получится „развратъ“! Если не только сохранить, но ихъ *принять за абсолютные моменты брака*, его *conditio sine qua non*—конечно получится цѣломудренная жизнь общества.

Обратимся къ фактамъ.

Нехлюдовъ (въ „Воскр.“ Т-го), погубилъ Екатерину Маслову, противъ каковаго погубленiя ничего не имѣли (по крайней мѣрѣ *не возражали*) законы гражданскiе и духовные. Содержащiйся здѣсь „грѣхъ“ отпущается не съ большими проволочками, какъ употребленiе молока во время поста. Моя идея облегченной формы брака черезъ мѣну колець спасала-бы Екатерину. Она честна. Она любитъ Нехлюдова. Въ одно изъ воскресенiй она приходитъ къ священнику, послѣ литургiи, и говоритъ: „Я люблю и кажется любима, но я ничего не хочу безъ благословенiя моей вѣры; въ предупрежденiе несчастiя—благослови меня, отче, въ бракъ и дай мнѣ кольцо, именное и съ днемъ моего рожденiя“ (надпись на внутренней сторонѣ ободка). Священникъ благословляетъ ее, а послѣ вечерни даетъ—не отъ себя, а отъ лица и имени церкви—церковное обручальное кольцо съ надписью: „р. б. (раба Божiя) Екатерина рожденная тогда-то“. И вотъ пришелъ вечеръ, настала минута, подробно описанная Толстымъ, непредвидѣнно, внезапно, и каковыя моменты, увы, были и всегда останутся до конца мiра. Тутъ—транс! тутъ—самозабвенiе! тутъ—потемнѣнiе разсудка; слабость ногъ и рукъ, парализованныхъ отъ любви, не защищенность той, о которой и сказано Богомъ: „я онъ“—мужчина, Адамъ, мужъ—„будетъ господиномъ надъ тобою“. Вѣдь предрѣченiе Божiе есть законъ Божiй, и даже есть Господне хотѣнiе, повелѣнiе. Вотъ куда

восходить источники женской слабости, какъ благодѣтельное орудіе исполненія: „размножьтесь и наполните землю“. Ибо если-бы Богомъ не была вложена въ женщину эта слабость и пассивность,—кстати связанная съ прелестнѣйшей и самой глубокою женскою чертою, такъ наз. „жественностью“,—могъ-бы размноженію быть поставленъ предѣлъ капризомъ ея, своеволіемъ. Но теперь какъ мужинѣ данъ порывистый напоръ, такъ женщинѣ дана нѣга, привлекательность и слабость сопротивленія, коими мы измѣряемъ красоту души ея. Законъ долженъ это предвидѣть; и, не парализуя несопротивляемость женщины, не внушая ей грубой и мужской силы отпора, долженъ дать ей въ руки средство, черезъ которое она была-бы охранена въ слабости, соблюдена въ невинной покорности пожеланіямъ „господина своего“. Таково—кольцо церковное. Имѣя его на пальцѣ, въ минуту восторга, отъ него и ее заражающаго, она лепечетъ простое:

„Если ты любишь меня, и не для погубленія теперь со мною: обручись этимъ кольцомъ, надѣнь его съ моего на свой палецъ, и дай мнѣ свое такое-же церковное кольцо, также именное и съ обозначеніемъ дня рожденія“.

Мы слишкомъ знаемъ психологію Нехлюдова въ этотъ часъ, его подлинное и глубокое къ ней восхищеніе, чтобы сомнѣваться, что онъ обручилъ-бы ее себѣ. И она, и младенецъ ея были-бы спасены отъ нареканія. Но предположимъ другое; возьмемъ случай, какъ описанный у насъ въ письмѣ матери на стр. 280, что дѣйствительно происходитъ соблазненіе наивной дѣвушки злымъ чело-вѣкомъ. Онъ конечно не далъ-бы залоговаго кольца. Гипнозъ дѣвушки съ этимъ оскорбленіемъ моментально проходитъ. Онъ не только не любитъ ея, но и не уважаетъ. Онъ въ точности—волкъ, а не агнецъ законной, около подзаконной овцы. Пылъ ея въ ту-же секунду опалъ-бы до ледяного равнодушія. Она закричала-бы, забилась. Ничего-бы не произошло.

Т. е. кольцо церковное, вводя благословеніе церкви, сохраняя все, что и теперь, соблюдая весь авторитетъ церковной и любящей союзъ супруговъ со священникомъ, отпускало-бы только на длинной нити, какъ дѣвушекъ такъ и юношей, для заключенія союзовъ дѣйствительно „по взаимному согласію“ (формула вѣнчанія) и съ предоставленіемъ имъ самимъ опредѣлить моментъ заключенія этого супружества; и деспотизмъ родителей, жадныхъ къ приданному, тоже ограничился-бы.

Но возьмемъ ту сумму данныхъ, какую описалъ Толстой и какovsky, увы, есть сейчасъ,—и законы имъ не ставятъ никакой преграды. Именно, что вскорѣ Нехлюдовъ оставляетъ Катюшу.

У нея кольцо и у нея ребенокъ. Его тетушки ее не судятъ. По родству—она мила имъ, и мило будущее ея дитя. Ей нечего таиться. И ихъ одинокій, скучающій, не нужный міру домъ —

оживляется крикомъ новаго жителя земли, новаго христіанина, и беззавѣтно счастливой матери. Богъ далъ этимъ старымъ дѣвамъ средства—и они ими подѣлятся съ нею. Да ихняя-то собственная жизнь, скучающая и бессмысленная, будетъ согрѣта, нальется, какъ яблоко сокомъ, заботою, трудомъ, страхомъ за ихъ обоихъ здоровье, всяческою поэзіею и смысломъ.

И такъ, при моемъ предложеніи горестный эпизодъ, рассказанный въ „Воскресеньи“, съ нелѣпою и тоскливою попыткою Нехлюдова жениться на дѣйствительной проституткѣ трансформировался бы такъ:

1) Человѣчество увеличилось-бы на одну мать и одного ребенка.

2) Оно уменьшалось-бы на одну проститутку и одно дѣтубійство.

Изъ капель слагается море. Будемъ беречь капли и не пересохнетъ море.

* * *

„Все — какъ бы для Бога! Ничего — безъ Бога!“ Вотъ кругъ супружества. Посему-то я и говорю, что вся сумма рожденія должна быть открыта, какъ серьезная сторона жизни, какъ мы не скрываемъ наукъ или искусства. Дѣти и супружество — выше науки и искусства, и имъ принадлежитъ болѣе славы, лучшіе вѣнцы. Только въ одномъ Египтѣ еврейки *скрывали* дѣтей своихъ, въ невыносимомъ рабствѣ, а мы христіане, а мы христіанки, преемницы св. Ольги, св. Берты, св. Клотильды, пріявшихъ въ перси свои первые лучи христіанской проповѣди въ Европѣ, вынуждены дѣлать это не мѣсяцы и не годъ, не два года, а вѣка и двадцать вѣковъ! Поразительно, что онѣ не ропщутъ; поразительно, что еще не поднято бури противъ скопчества!

Всеобщая основа возраженій мнѣ:— „Не прелюбодѣйствуй“.

Никто не обратилъ вниманія здѣсь на предлогъ: „пре“, а въ немъ-то вся сила. Вѣдь понимай эту заповѣдь такъ, какъ обычно мы понимаемъ и какъ мнѣ бросаютъ ее въ лицо, она выражена была-бы иначе:

Не убій
Не *любодѣйствуй*
Не укради...

Но сказано, въ этомъ единственномъ случаѣ, съ предлогомъ „пре“, т. е. „кромѣ“, „опричь“, „за исключеніемъ“. Что-же это значить?! „Не дѣйствуй“ „кромѣ любви“, „дѣль сей заповѣди не твори *кромѣ, отричь, за исключеніемъ* любви“, этой мистической утренней зорьки ребенка. Слѣдовательно:

не за плату
не по корысти

не по разсчету
не хладно, злобно, равнодушно
не для физическаго наслажденія,

но единственно и вѣчно только воисполненіе: „и къ мужу—влеченіе твое“ (Бытіе, 3) т. е.

по любви

сотвори *дѣла* любви; „прилѣпись“, слѣпитесь „два въ плоть едину“.

Можетъ быть я ошибаюсь? Во всякомъ случаѣ, мы не можемъ истолковать заповѣдь Моисея иначе, какъ ее истолковалъ самъ Моисей. И такое *подробное* истолкованіе вписано иллюстраціонно въ Библию.

Моисей велъ народъ черезъ пустыню; у него—братъ, сестра Маріамъ, жена Сепфора и ребенокъ отъ нея—тотъ, обрѣзаніемъ котораго онъ замедлил въ пустынѣ. Полное родство, насыщенность родствомъ. И какая минута, въ смыслѣ отвѣтственности передъ народомъ, передъ задачами историческаго и законодательнаго его водительства. Но вотъ слушайте далѣе:

„Отъ Кибротъ-Гатаавы двинулся народъ въ Ассироевъ и остановился въ Ассироевъ. И начали упрекать Маріамъ и Ааронъ Моисея за жѣну эфиоплянку, которую онъ взялъ,—ибо онъ взялъ себѣ эфиоплянку. И сказали: одному-ли Моисею говорилъ Господь? Не говорилъ-ли онъ и намъ?“

„И услышалъ сіе Господь. Моисей-же былъ человекъ, кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ.“

„И сказалъ Господь внезапно Моисею и Аарону и Маріамъ: войдите вы трое въ скинію собранія. И вышли всѣ трое. И сошелъ Господь въ облачномъ столбѣ, и сталъ у входа скинии, позвалъ Аарона и Маріамъ, и вышли они оба.“

„И сказалъ: слушайте слова Мои: если бываетъ у васъ пророкъ Господень, то я открываюсь ему въ видѣніяхъ, во снѣ говорю съ нимъ. Но не такъ съ рабомъ моимъ Моисеемъ—онъ вѣреть во всемъ дому Моему.“

„Устами къ устамъ говорю Я съ нимъ, и явно, а не въ гаданіяхъ. и образъ Господа онъ видитъ; какъ-же вы не убоялись упрекать раба Моего Моисея?“

„И воспламенился гнѣвъ Господа на нихъ, и Онъ отошелъ. И облако отошло отъ скинии, и вотъ Маріамъ покрылась проказою, какъ снѣгомъ. Ааронъ взглянулъ на Маріамъ, и вотъ—она въ проказѣ.“

„И сказалъ Ааронъ Моисею: господинъ мой! не поставь намъ въ грѣхъ, что мы поступили глупо и согрѣшили; непусти, чтобы она была какъ мертворожденный младенецъ, у котораго, когда онъ выходитъ изъ чрева матери своей, истлѣла уже половина тѣла.“

„И возопилъ Моисей къ Господу, говоря: Боже исцѣли ее!“

„И сказалъ Господь Моисею: если бы отецъ ея плюнулъ ей въ лицо, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? и такъ, пусть будетъ она семь дней внѣ стана, а послѣ опять возвратится.“

„И пребыла Маріамъ въ заключеніи внѣ стана семь дней, и народъ не отправлялся въ путь, доколѣ не возвратилась Маріамъ“ („Книга числъ“, гл. 12).

Вотъ пространство и объемъ и смыслъ заповѣди: „Не прелю-

бодѣйствуи“. По указанію Божію, заповѣдь эта вовсе не относится къ случаямъ настоящей и крѣпкой, *плодотворной* любви, а къ половой дѣятельности корыстной или кривой, и къ порокамъ въ родѣ того, какому научилъ людей Онанъ. Но можетъ быть Моисей уже не святъ передъ „святыми“ нашего вѣка? или для нихъ св. Писаніе—не богооткровенно?

* * *

Самыми практически важными словами г. Кирѣева въ его отвѣтъ мнѣ я считаю касающіеся развода:

„Если, вступивъ легкомысленно въ бракъ, мы обочились, если мы другъ другу надоели, стали противны, если полюбили другихъ, какъ не разводиться? Вѣдь это жестоко? Да, но что же дѣлать! Терпи! Изъ-за того, что нѣкоторые поступаютъ легкомысленно или нерасчетливо, нельзя отмѣнять вѣчныхъ опредѣленій Спасителя. Можно допустить въ нѣкоторыхъ случаяхъ только прекращеніе супружескихъ отношеній.—но это совершенно другой вопросъ“.

Такъ истолковали слова о разводѣ (Матѣ., 19) аскеты, которымъ вообще не нуженъ бракъ, для себя не нуженъ, и они безсердечно и поверхностно рѣшили, что и другіе могутъ безъ семьи обойтись (разѣздъ безъ развода), или могутъ развратничать втихомолку и „про себя“, какъ опять-же это дѣлаютъ, предаваясь „мысленной Евѣ“, затворники. Но они обочились, воображая, что слова Спасителя даютъ почву для ихъ жестокаго рѣшенія:

1) Слова о разводѣ сказаны фарисеямъ (ученымъ раввинамъ) и для евреевъ и въ условіяхъ еврейской семьи. Вообще это есть не принципиальный глаголѣь землѣ и небу, а отвѣтъ въ спорѣ съ евреями о *ихъ* бракѣ. Но у нихъ полигамія отмѣнена была въ XIII в. нашей эры раввиномъ Герсономъ, изъ страха, что плодородіе ихъ еще болѣе ожесточаетъ гонителей ихъ. — „Кромѣ вины прелюбодѣянія“ (Мѣ. 19) конечно жестоко разводиться въ такихъ условіяхъ съ женою, которая всегда должна имѣть въ дому мужа уголь и столъ, но, не разводясь и не живя съ такою женою, что утрачивалъ въ смыслѣ семьи и супружества еврей-мужъ въ ихъ специальныхъ условіяхъ? Ничего. Но у насъ въ строго моногамной семьѣ онъ все утрачиваетъ, онъ не семьянинъ болѣе и не супругъ. Что-же онъ такое? и что также его бракъ?—Фикція, фиктивный бракъ, *fata morgana*. Но о такомъ фиктивномъ бракѣ, у насъ при „разѣздѣ“ образуемомъ, я ничего не читаю въ Библии и Евангеліи, и въ правѣ не принять его, какъ римскую выдумку. Мужу при нашемъ моногамномъ положеніи обязательно должна быть дана другая жена, или онъ въ правѣ ее себѣ взять и обыкновенно или часто беретъ въ такомъ случаѣ, образуя „не легальную семью“; но я говорю, что такая семья должна быть признана и закономъ.

2) Спаситель, перемѣняя возрѣніе на разводъ, перемѣнитъ-

бы инстанцію разводящую, еслибы тоже нашелъ ее неправильно помѣщенною. У евреевъ тогда и до сихъ поръ право развода принадлежитъ мужу; въ законахъ ихъ оговорены и многочисленныя условія, по которымъ жена можетъ потребовать разводъ и получить его, еслибы даже мужъ и не хотѣлъ этого. Такимъ образомъ царями брака у нихъ оставлены супруги; что содѣлываетъ ихъ счастливыми и влечетъ юныхъ къ браку, какъ всякаго — къ его собственности. Такъ это и должно остаться, ибо невозраженіе Спасителя на наличный фактъ есть признакъ Его одобренія факту. Такимъ образомъ, церковь или священники имѣютъ по Евангелію лишь *посредствующее* значеніе при разводѣ, какъ его свидѣтели, какъ передатчики разводнаго письма, а не какъ его создатели, творцы. Въ случаѣ напр. фактическаго уѣзда жены отъ мужа, или обратно, оставленная сторона черезъ священника или церковныя учрежденія приглашаетъ оставившую вернуться; въ противномъ случаѣ на оборотѣ этой-же бумаги пишется оставленной сторонѣ разводъ или разрѣшеніе къ вступленію въ новый бракъ; и священникъ, пересылающій потерпѣвшему эту бумагу, съ нею посылаелъ ему и свое благословеніе. Эту форму можно обдумать и разработать, всѣми, однако, способами избѣгая усложненія, громоздкости. Г. Кирѣевъ и самъ согласился, что „первымъ шагомъ къ улучшенію семьи должно быть совершенное изытіе бракоразводнаго процесса изъ рукъ консисторій, съ ихъ лжесвидѣтельствомъ и грязными адвокатами“. Слово это доброе и слово это важное.

3) Спаситель сказалъ также: „легче верблюду войти въ игольные уши, нежели богатому — въ царство небесное“; и еще: „не собирайте сокровища вашего на землѣ, а собирайте на небесахъ“; Почему-же слово о разводѣ должны быть проведены съ кровавою послѣдовательностью (случаи Лаврецкаго и Каренина), тогда какъ неудобныя для себя слова о богатствѣ аскеты по крайней мѣрѣ обошли, если не совѣмъ „положили подъ сукно“. По крайней мѣрѣ по смерти почившаго митрополита Московскаго Сергія писали, ни мало не скрывая, въ газетахъ, что онъ умирая перешелъ изъ рукъ въ руки В. К. Саблеру 40 тыс. руб. на церковно-приходскія школы, что, конечно, благо, но накопленію сихъ денегъ не препятствовали-ли слова Спасителя? Да и объ убогомъ и нищенскомъ видѣ высокихъ монашескихъ чиновъ и нашихъ лавръ конечно нельзя говорить. А когда такъ, то и разводиться можно по инымъ, чѣмъ прелюбодѣяніе, винамъ.

4) „Жестокосердіе“, по причинѣ котораго Моисей далъ право разводиться, и о чемъ упоминаетъ Спаситель, вѣдь не прошло. Ну, да; если „жестокосердія“ нѣтъ — и нужно разводиться „только по винѣ прелюбодѣянія“. Но когда оно есть, не исчезло въ мірѣ и послѣ словъ Спасителя, то и разводиться можно по прелюбо-

дѣянію „и еще по жестокосердію“. Это въ особенности важно какъ полный основательности мотивъ развода, въ случаѣ жестокаго обращенія мужа съ женою.

5) Чрезвычайно странно, что центръ, откуда разсматривается чистота семьи—главное условіе ея святости—помѣщается въ консисторіи, или вообще гдѣ-то внѣ семьи. Конечно, что-же можно разсмотрѣть у меня въ дому, смотря съ Исаакіевской колокольни. Члены консисторіи и говорятъ: „вы жалуетесь на развратъ или непослушаніе жены: мы этого не видимъ“, или: „вы жалуетесь на побой мужа: и этого мы не видимъ“. Вообще, „мы ничего не видимъ, а только получаемъ жалованье и иногда взятки“, — а посему и для сохраненія нашего спокойнаго положенія „живите согласно, блюдите св. таинство брака и не надоѣдайте намъ съ вашими слезами и мукою, кровью и терзаніемъ“. Конечно, при такомъ возмутительномъ отношеніи къ семьѣ и семейному положенію сихъ „дьяковъ посѣдѣлыхъ“, которые

Добру и злу внимають равнодушно

семья и стала подкашиваться подъ корень. Въ этомъ не „нравы виноваты“; но „нравы“ образовались въ атмосферѣ таковой безсудности.

6) Отнятіе у мужа права развода лишило его какихъ-либо средствъ осуществить главенство свое въ домѣ, авторитетъ надъ женою и дѣтьми, кромѣ средствъ физическихъ, грубыхъ, жестокыхъ; а жену, если она слабѣе мужа, лишило всякой защиты отъ этой жестокости. Получился самый грубый изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ въ исторіи типъ семьи, и самый грязный, такъ наз. „христіанская семья“. Видя вездѣ разбросанными картины этого типа, и понимая откуда онъ истекаетъ, читаешь сперва со слезами, а потомъ и съ негодованіемъ разсужденіе духовныхъ писателей о „христіанскомъ бракѣ“, какія-то воздушныя размышленія о своихъ воздушныхъ мечтаніяхъ, безъ желанія спуститься на почву и посмотрѣть, *что* есть и *отчего* есть. Они все сваливаютъ на „нравы“; но, Боже, европейскіе народы создали гениальную поэзію, гениальную науку, гениальную технику, и неужели они только спеціально къ семьѣ неспособны? неспособны къ ней болѣе, чѣмъ желтокожіе китайцы и японцы, чѣмъ мусульмане и евреи? Не вѣрю. Отвергаю.

* * *

„Нѣтъ зоологическихъ и ботаническихъ *таинствъ*, не вижу, не знаю“ — послѣднее возраженіе мнѣ А. Н. Кирѣва, не безъ ироніи сказанное. Правда, въ синаоптическихъ евангеліяхъ (иъ нѣтъ, но уже есть признакъ ихъ въ четвертомъ Іоанновомъ („Азь есмь хлѣбъ *животный*, спешдй въ міръ, чтобы грѣшныя спасти“—

Спаситель о Себѣ ученикамъ); и они не только показываются, но и завалакиваютъ все небо въ *Апокалипсисъ*, т. е. въ „откровеніи“, изъясненіи грядущихъ судебъ міра и небеснаго устройства.

„Послѣ сего я взглянулъ,—и вотъ дверь отверста на небѣ; и прежній голосъ, которой я слышалъ какъ бы звукъ трубы, сказалъ: войди сюда и я покажу тебѣ, чему надлежитъ быть.

„И тотчасъ я былъ въ духѣ. И вотъ — Престолъ стоялъ на небѣ, и на Престолѣ былъ Сидящій.

„И се Сидящій видомъ былъ *подобенъ камню яспису и сартису*; и радуга вокругъ Престола, видомъ подобная смарагду.

„И отъ Престола исходили молнія и громы и гласы; и семь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли передъ Престоломъ.

„И передъ Престоломъ море стеклянное, подобное кристаллу; и *посреди Престола и вокругъ Престола четыре животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади*.

„И первое животное было подобно *льву*, и второе животное подобно *тельцу*, и третье животное имѣло лицо *какъ чловѣкъ*, и четвертое животное подобно *орлу летящему*.

„И каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести *крылъ вокругъ, а внутри они исполнены очей; и ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, взывая: святъ, святъ Господь Вседержитель, который былъ, есть и грядетъ*“.

Вотъ какъ устроены небеса. Даже „человѣческаго“ здѣсь— $\frac{1}{4}$; $\frac{3}{4}$ —прямо „животное“! Да и въ „человѣческомъ“ его лицо лишь „какъ-бы“ человѣческое“, а не вполнѣ, не изолированно человѣческое; а остальное тѣло „исполнено спереди и сзади, внутри и снаружи *очей*“. Какъ и у остальныхъ трехъ животныхъ. Что-же это за „очи“? Весь міръ — въ *очахъ*: былинка — *око*, гора — *око*, и все есть *око*, и всѣ *очи*—къ Богу. Кровинка бѣжитъ въ *человѣкъ*, въ *орлѣ*, *тельцѣ*, *львѣ*—она „око“; и останавливается, метаморфируется въ *клеточку*: это—„свѣтильникъ“ Богу. И Богъ смотритъ въ *Свой* свѣтильникъ, а свѣтильникъ горитъ передъ *своимъ* Богомъ. И все между ними „свое“ (интимное), все въ „своей связи“, вмѣстѣ и частной, и универсальной, минутной и вмѣстѣ неугасимой. И все переливается „въ радугѣ вокругъ престола“; и „кристаливидное“—въ связи съ „кристалломъ посреди Престола“—море, уже ниже животныхъ, подъ животными.

Неужели тутъ меньше „тайнствъ“ чѣмъ въ извѣстномъ намъ обрядѣ, который мы совершаемъ, и знаемъ конецъ совершаемаго и видимъ начало. Да и слишкомъ часто мы видимъ по судьбѣ людей, пріавшихъ тайнство, что дѣйствіе его было призрачно, ибо судьба, на немъ построенная, рухнула.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

XLVIII. По поводу.

Мутно... Бѣлесо и небо, и снѣгъ, и дали. Все пропадаетъ въ холодной мглѣ, точно молоко въ ней распущено. Ничего опредѣленнаго. Смотришь въ окно — откуда-то вдругъ появляются не люди, а неясные, расплывающіеся призраки и медленно исчезаютъ... Изъ „ничто“ въ „ничто“. Ни рѣзкаго контура, ни рельефа. Даже странно,—неужели эти фантомы чувствуютъ, страдаютъ и радуются, любятъ и ненавидятъ, мечтаютъ, разочаровываются, молятся, богохульствуютъ, великодушничаютъ, подличаютъ? Гдѣ сложному міру противоположныхъ ощущеній умѣститься въ тѣняхъ, именно въ тѣняхъ! Глядишь на нихъ и думаешь: еслибы существовало бытіе второго измѣренія—оно бы именно являлось такою тѣнью. Ни верху, ни низу. И, только опустившись въ бѣлесую марь, сталкиваешься съ настоящею жизнью,—безъ красокъ, безъ солнца, безъ вдохновеннаго порыва. Съ страшною жизнью, гдѣ все разлагается, таетъ, расходится, не оставляя слѣда ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Въ крупномъ, демоническомъ злѣ. Мелкаго, подлаго, повседневнаго, натуженнаго, вымученнаго, стелющагося—сколько угодно. На немъ весь міръ стоитъ. Сотри его—тысячамъ, милліонамъ людей, пожалуй, и жить будетъ не для чего. Если нельзя кого-нибудь давить, заставлять страдать и плакать, корчиться отъ боли и отъ униженія и при этомъ оставаться въ своемъ правѣ, — для чего же тогда рождаться и рождать, обманывать любовью, вѣнчаться и умирать? Вѣдь въ сущности, какъ велика сила обыденнаго мрака! Добро и свѣтъ въ немъ являются надуманными, а будничное зло — естественнымъ, неизбѣжнымъ условіемъ того загадочнаго процесса, который мы называемъ жизнью. Правда, „надуманное“, случается, побѣждаетъ его, но какъ? Тыкай сколько угодно палкой въ кисель—онъ опять сползется и слипнется, точно его и не трогали.

Въ скверные дни поневолѣ приходятъ тусклыя мысли. Душѣ жутко отъ нихъ, да вѣдь и кругомъ та же муть! И дѣваться некуда, если подъ вліяніемъ повседнежнаго зла и въ тебѣ гаснетъ солнце. Вышелъ я въ ноябрѣ въ такую погоду,—на свѣтъ бы не глядѣлъ, да вѣдь и дома не радость. А тутъ еще и доктора:— „ходите, неизрѣнно ходите“, хотя гдѣ же зимою въ Петербургѣ ходить?—Самый для этого неудобный городъ, для тѣхъ, кто не помышляетъ о самоубійствѣ. Тотъ сломалъ руку, другой разбилъ голову, третій вывихнулъ ногу, а четвертый ухитрился обколотиться о скользкій тротуаръ, какъ яйцо о тарелку. И тѣмъ не менѣе—все-таки „ходите“! Ну и ходятъ мрачными выходцами съ того свѣта и при встрѣчѣ шипятъ одинъ на другого. А тутъ еще оторопѣлые и одурѣвшіе отъ террора городскихъ и околоточныхъ извозчики (какіе смысленные были когда-то!) то пробуютъ дышломъ крѣпость вашей шеи, то знакомятъ ваши щеки съ добродушными мордами ослизлыхъ и усталыхъ коней. Въ такое время я люблю забираться подальше отъ большихъ улицъ, за мосты, на Петербургскую или Выборгскую стороны, гдѣ точно въ тихій засосъ уѣзднаго города попадаешь, и весь онъ кругомъ обволакиваетъ тебя своею тиной. Такъ и въ этотъ разъ: брожу я по какой-то не то Зелениной, не то другой такой же, и вдругъ впереди, въ туманѣ мерещится пятно. Оттуда, изъ этого пятна, хохотъ и глухіе удары, будто кто-то утрамбовываетъ землю. Бухъ-бухъ-бухъ! Должно быть людямъ весело, потому что они отъ души смѣются, одобряютъ. А еще минуту назадъ я думалъ: свѣта и радости нигдѣ нѣтъ. „Ну-ка еще... Ай да мы—поддай, поддай пару“.

* * *

Подошелъ—въ туманѣ толпа, въ толпѣ—восторгъ. По срединѣ лежитъ баба, надъ бабой молодецъ изъ пропившихся патріотовъ своего отечества. Козырекъ раскололся, на лицѣ неистовое вдохновеніе—точно онъ на вражій редутъ лѣзетъ. Поза—академическая, хоть сейчасъ пиши съ него Минина или Пожарскаго, а то и обоихъ вмѣстѣ. Баба не стонетъ, а какъ-то всхрипываетъ и вздрагиваетъ, ухаетъ что-ли. Пожарскій мѣтко въ живое мясо вбиваетъ свою монументальную ступню. „Вотъ тебѣ... Получай... И еще... Сдачи не надо!“... и, видимо, какъ артистъ, самъ смакуетъ своего рода художественное наслажденіе—съ толкомъ, съ разстановкой. Зрители одобряютъ—полыхнется баба, встанетъ на руки и на ноги—смѣются: „покоряйся, покоряйся еще“. Трахнеть ее патріотъ, она опять распластается—публика пожимается отъ полноты упоенія. Я думаю, такой подлой толпы нигдѣ нѣтъ. Вотъ уже именно вмѣсто души—уличную слякоть лопатою въ нихъ наложили. Звѣри-звѣрями, и вѣдь ни одного дѣда Акима

для правоученія! Какъ уѣхалъ съ своей бочкой, такъ, видимо, еще и не возвращался. Да, вѣдь, и тотъ не мѣшаетъ, а больше по російскому добродушію съ пѣчки народъ учить, какъ жить надо... Вмѣшался я, толпа загалдѣла, а рядомъ стоявшій—борода козломъ, глаза острые, барашковый воротникъ тарантасомъ,—вдругъ возмущился: „Вамъ чего-съ... Не полюбовницу правятъ-съ. За полюбовницу точно что вступиться можно. А онъ—жену. Законная супруга-съ. Собственноручная... По всей формѣ, Онъ за нее Богу отвѣтитъ... Не ваше дѣло, ишь какіе выискались! Не такъ они сошлись... Не по случаю пьяному! Вѣнчались... А ужъ разъ повѣнчались—терпи...»

* * *

„Вѣнчались!“... И, толпа подхватила: „дѣйствительно — жена. Жену онъ это учить, господинъ. Проходите дальше. Они вѣнчаны»... И эти слова: „вѣнчалась“, „вѣнчаны“—звучали какимъ-то обвиненіемъ, злораднымъ признаніемъ такого факта, которому уже, разумѣется, ни оправданій, ни смягченій не найдешь. „Вѣнчалась, дрянъ, терпи теперь. Не полюбовница“. Хороша эта логика: будь она ему не жена—толпа, пожалуй-бы, не признала за нимъ права дубасить бѣдное, вздрагивавшее, все ушедшее въ боль и ужасъ, тѣло. Но тутъ совершилось несомнѣнное преступленіе: она, видите-ли, состоитъ съ нимъ въ законномъ бракѣ и, слѣдовательно, составляетъ его вещь. Кому какое дѣло, что я ломаю свой стулъ? Трахъ его ножками о тумбѣ—ножки летятъ прочь, спинкой о земь—спинка въ щепки—и вся недолга. И не только здѣсь его право на тиранство, на побой. Вслушайтесь въ: „По-вѣ-ѣ-ѣнчалась, такъ тебѣ и надо!“ Вѣдь это также звучитъ, какъ „мать зарѣзала—терпи каторгу... Отца задавила—по дѣломъ тебѣ“. Тутъ въ самой интонаціи „вѣнчалась“ обнаруживается удивительная психологія толпы: „повѣнчалась“—значить совершила такое дѣло, послѣ котораго—какъ послѣ судебного приговора за страшное преступленіе—ни срока, ни возврата нѣтъ. „Иди на каторгу, не жалуйся“. И вступиться за тебя нельзя, потому что ты страдаешь „по закону, во всей формѣ“.— Да, еще бы, вѣдь ты преступница—и палачъ имѣетъ надъ тобою право тѣшить звѣриную злость и похоть сколько ему угодно.

* * *

Вы скажете: „Безграмотная и невѣжественная толпа, чего отъ нея и требовать!“ Ну, а мы, грамотные и вѣжественные, лучше? Вы оглянитесь, что около васъ въ томъ обществѣ, въ которомъ вы живете, творится людьми культурными и, повидимому, добрыми. Развѣ вы не слышали то же самое, и сколько разъ, даже въ печати,—а вѣдь это уже безстыдство на весь міръ, вѣдь это не про себя человѣкъ думаетъ, а вскочилъ на заборъ и, какъ

пѣтухъ, на всю деревню ореть; слѣдовательно и въ другихъ, столь же просвѣщенныхъ читателейъ и слушателей, предполагается ту же мозоль вмѣсто сердца и гнилой фаршъ вмѣсто мозга. Развѣ вамъ не приходилось и въ газетныхъ, и въ журнальныхъ столбцахъ встрѣчать: „Помилуйте, они вѣнчались, таинство брака должно быть поддержано и закономъ, и обществомъ, она ему нечужая, онъ надъ ней имѣетъ право“. Точно законъ долженъ быть палачомъ, а право только и заключается въ преимуществѣ одной стороны такъ или иначе, кулакомъ или словомъ, грубо или въ бархатной перчаткѣ, назойливымъ приставаніемъ или супружескимъ внушеніемъ насиловать другую. И опять— „они вѣнчались“. Какъ и у расколывшагося козырька: „она-де совершила такое преступленіе, послѣ котораго возврата нѣтъ. Терпи, шельма!“.. Другіе, впадая въ слюняво-чувствительный тонъ, вспоминаютъ воспѣтыхъ поэтами и описанныхъ романистами страдалицъ прошлаго. „Вотъ-де были женщины. Ими и земля держалась. Онѣ не жаловались, не бѣгали, не уходили. Безмолвно терпѣли свою муку. Только наединѣ молились и плакали“. Да, позвольте, что же это за земля, которая должна держаться женскимъ горемъ? И почему его надо терпѣть молча? Въ крѣпостнической вѣкѣ насилія съ одной—и рабства съ другой стороны, запуганныя, безответныя затворницы. можетъ быть въ синякахъ, подтекахъ, шрамахъ и были идеаломъ—съ фонарями подъ глазами, ну, а нашему времени нужны такіе идеалы или нѣтъ? Вѣдь прежде такихъ мученицъ арапниками стегали, чѣмъ же тутъ ужъ очень восхищаться? Или и объ арапникахъ вздохнуть: „было-де счастье, а мы его прогадали!“

* * *

Я не говорю — въ жестокую пору насильничества — кроткая жертва, мыкающая жизнь отъ ласки къ побоямъ и отъ боевъ къ ласкѣ (вы помните: „то колѣни ея цѣловаль, то хлесталь ее плетью казацкой“) и въ антрактахъ воспитывающая въ дѣтяхъ чуткую къ добру, хотя слабую и безвольную душу,—всѣ является въ нѣжномъ сіяніи, да нужна-ли она „страдалица-мать“ теперь? Новое время скорѣе проситъ такихъ, которыя шли въ рудники и остроги за мужьями-декабристами, мірскихъ печальницъ, слѣдующихъ за чуждыми имъ переселенцами въ холодъ и ужасъ невѣдомой дали, „сестеръ“, умиравшихъ подъ боевымъ огнемъ за Балканами, бодро и весело, смѣло и упорно боровшихся съ официальнымъ воровствомъ и неофициальнымъ тифомъ въ отвратительныхъ госпиталяхъ... Облѣзлые и хриплые попугаи въ ржавыхъ клѣткахъ поютъ старую пѣсню, но вѣдь этихъ облѣзлыхъ попугаевъ слушаютъ такіе-же облѣзлые и ржавые хозяева, вспоминающая счастливыя времена, когда и они, и ихъ вѣрныя птицы были еще молоды. Но обществу, новому обществу, нуждающемуся

въ бодрости, силѣ, энергіи, мужествѣ, въ радости, въ способности къ упорному труду—жизнь-то вѣдь нынче не на крѣпостныхъ хлѣбахъ, съ ней шутить нельзя—эти вѣчныя ссылки на „идеалы“ прошлаго страданія надоѣли. Ему смѣшно назойливое старческое кряхтѣніе: „повѣнчалась—терпи, въ терпѣніи сила, не разрушай семьи“... И потомъ сейчасъ же — почешу головку попчѣкъ: „въ семьѣ—государственная ячейка, разрушь семью—погибнетъ отечество“ и т. д.; вообще, повѣрь имъ, у насъ такъ часто отечество гибло, что странно даже, какъ оно еще значится на географическихъ картахъ...

* * *

Разрушать семью и вмѣстѣ съ ней „государственную ячейку“—это, видите-ли, сладостная привилегія мужчины. Женщина должна вѣчно возстановлять разрушаемое. Мы—Геростраты, сжигающіе храмы, а наши жены строительницы, такъ-же неустанно ихъ возстановляющія. Точно семья—расползающійся чулокъ, а жена—безсмѣнная штопальщица. Вѣдь никто изъ этихъ облѣзлыхъ попчѣкъ не шамкаетъ о себѣ: „повѣнчался—терпи, тебя не вокругъ сосны лѣшій водилъ: ты законный мужъ“. А вѣчно тянетъ „повѣнчалась“. Мы-де можемъ дѣлать, что намъ угодно; мужу, видите-ли, законъ не писанъ, онъ—кльки впередъ, хвостъ на отлетъ—объявилъ всѣхъ дамъ на военномъ положеніи, истинный конквистадоръ! И когда, какъ усталый котъ съ крыши, онъ возвращается подъ законную печурку съ оборваннымъ ухомъ и исцарапаннымъ носомъ, „государственная Машка“ должна встрѣчать его безъ кислоты и безъ упрековъ. Да это-бы еще ничего. А вотъ, если ему вздумается тиранить ее, душить, бить, издѣваться надъ святыней ея души, таскать по грязи ея лучшія чувства, топтать ногами ея бога, заставить въ своихъ видахъ и пользахъ жертвовать и собственнымъ достоинствомъ, и честью—„молчи, не смѣй крикнуть: *помогите*. Ты вѣнчана, ты жена. На тебѣ покоится общественное зданіе“. Подумаешь, какіе новоявленные архитекторы! Вы скажете, что подобныя явленія рѣдки.—оглянитесь. Если не солжете намѣренно, вы признаете, что въ ужасной сценѣ, нарисованной мною въ началѣ, для васъ нѣтъ ничего незнакомаго. Вы видите это у себя и около себя. Только другіе приемы—бюютъ въ перчаткахъ, а не ногами, издѣваются холодно, обдуманно, тонко, вѣжливо—такъ что со стороны кажется: все обстоитъ благополучно. Вѣдь, и на Шибкѣ у Радецкого „все было спокойно“, а люди замерзали и умирали.

* * *

И такъ, съ одной стороны самозванные, прямолинейные государственники (такіе случаются изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ: они вѣдь, какъ ослы въ шорахъ, ни „права“, ни „лѣва“ не видятъ) съ

проповѣдью: „вѣнчалась—терпи, спасайте то, что мы по нашему паскудству разрушаемъ“, а съ другой—елейные проповѣдники съ текстами изъ Филаретова катехизиса. Общество потрясено иногда ужаснымъ положеніемъ, безправіемъ женщины, а они сейчасъ цитату отъ божественнаго—и радуйтесь. Да вѣдь еслибы на свѣтѣ все шло по Писанію, то не надо бы ни суда, ни войска, ни полиціи. Была бы не жизнь, а патока. Вотъ и разбирайтесь. Съ одной стороны государственники („повѣнчались — терпи!“), съ другой—отцы накладной святости („прости и подставь лѣвую!“). Вопросъ назрѣлъ. Всѣ чувствуютъ настоятельную нужду такъ или иначе рѣшить законы о разводѣ — удовлетворить самыя естественныя желанія человѣческаго существа, его право на уваженіе, на счастье, на радость,—а въ печати идутъ споры между этими господами, отуманивая все и сбивая съ толку. Вы стонете отъ боли, а къ вамъ приходитъ герой Лѣскова и серьезно спрашиваетъ: — „А позвольте-ка, почему сіе важно въ пятыхъ“?.. — И вѣдь какъ не сорваться! Дѣйствительно—тексты-то подбираются оттуда, откуда все человѣчество черпаетъ идеалы добра, красоты духовной, свободы. „Такъ вотъ, и начните сами—живите по катехизису, а потомъ и отъ жены требуйте того же. Вѣдь вы—глава, покажите ей примѣръ. Передѣлывайте начиная съ себя. Не будьте чортомъ, проповѣдующимъ мораль... Или вы дѣйствительно несчастный водевильный мужъ?“.. Но такихъ что-то мало,—и всѣ ихъ жалобы по существу подбиты лисьимъ мѣхомъ. Изъ всѣхъ, въ послѣднее время писавшихъ у насъ о женахъ и дѣтяхъ,—одинъ талантливый г. Розановъ говорилъ дѣло, и къ нему прислушивались. Остальные только отуманивали и путали, забывая, что дѣло не въ вѣчныхъ идеалахъ, которыми являются „тексты“, и не въ старыхъ и потерявшихъ связь съ жизнью законахъ супружескаго крѣпостничества, а въ самой жизни и ея запросахъ.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, отчего же не свалить вину за всю нашу неурядицу на женщину? Но, въ такомъ случаѣ, значить, она, а не мы—краеугольный камень семьи? Какая непоследовательность! Семья разрушается, потому что женщина плоха, ну, а мы хороши? Также, я вамъ скажу, душки! Но претензію быть главою семьи заявляемъ мы, и если семья рушится и расплзается, какъ ветошь—кто виноватъ въ этомъ, неужели не голова? Что за обезглавленные семьи? Мы, видите-ли, работаемъ, а жена нѣтъ. Мы кормимъ, а она ѣсть. Такъ ли это? Во-первыхъ, она вовсе не желаетъ, чтобы ее обращали въ какую-то домашнюю собачку, которую водятъ въ попонкѣ, укладываютъ спать на подушку и съ пальца лакомать сахаромъ за хорошее поведеніе. Она сама хочетъ работать, и не ея вина, если ей всѣ пути къ труду зака-

заны. Рѣдкая нынче желаетъ оставаться содержанкой. Я не ошибусь, если скажу: на девять десятыхъ весь семейный развалъ объясняется тѣмъ, что женщинѣ скучно, ей некуда избыть свои досуги, силы, умъ, способности. Развѣ вы не видѣли, какъ въ самыхъ лучшихъ семьяхъ, гдѣ и мужъ, если хотите, добръ, нѣженъ, предупредителенъ—женщину всю изводитъ томительная, нудная „скука жизни“. Что дѣлать? Гаремныя затворницы, любившія досугъ—отошли въ область преданій; новое поколѣніе выросло при другихъ условіяхъ. Оно хочетъ труда и чувствуетъ въ себѣ способности для такого. Зависимость отъ мужа, отъ чужой воли, хотя бы отъ воли дорогого или любимаго человѣка—все таки зависимость, а жена желаетъ быть сама собою и работать, какъ и онъ, быть равной ему не только въ любви, но и въ трудѣ и въ заботѣ.

* * *

Въ самомъ дѣлѣ—ну, куда дѣвать ей семнадцать часовъ въ сутки? И изъ этихъ семнадцати часовъ десять она одна: мужъ на службѣ, у любовницы, по дѣламъ у Кюба, на биржѣ, на фантастическихъ засѣданіяхъ и въ невѣдомыхъ комиссіяхъ, по вечерамъ въ клубѣ. Да и дома онъ—несладокъ; сонный, утомленный, молчаливый. О чемъ ему разговаривать съ ней,—вѣдь все уже рѣшено, подписано, и съ плечъ долой. А она въ томленіи, въ жаднѣ заполнить огромную бездну ничего недѣланія. Говорятъ: „Читайте!“. Да позвольте, нельзя читать семнадцать часовъ въ сутки! И то у насъ, если кто и читаетъ печатное, такъ только женщины. Мужьямъ до изобрѣтенія Ремингтона—писанное. „Работайте по дому, съ дѣтьми“. Эти два послѣднихъ совѣта особенно любятъ попочки. Но, во-первыхъ, у многихъ дѣтей нѣтъ, да и при томъ дѣти весь день въ гимназіяхъ, школахъ, пансіонахъ, институтахъ. А работа по дому? Да помилуйте: какая же работа? Эти господа живутъ старыми крѣпостными преданіями. Тогда было хозяйство,—была работа. А въ нашемъ стуженномъ обиходѣ средней семьи: купила въ обрѣзъ—все готовое. Опять, чтобы солить, квасить, мариновать, заготовлять,—какія квартиры нужны! Гдѣ ужъ тутъ въ четырехъ комнатахъ хозяйственные горизонты раздвигать. И не въ одномъ Петербургѣ—въ уѣздныхъ городахъ то же самое. Хозяйство дорого стоитъ, маленькой государственной ячейкѣ оно не по карману, и выходитъ, что съ семнадцатью часами въ день справиться никакъ не возможно. А вѣдь „праздность (гг. попугай—это ваше излюбленное слово, изъ временъ, когда у васъ на головѣ всѣ перья были въ наличности!)—мать всѣхъ пороковъ“. Кстати, помню, когда я, ребенкомъ, старательно выписывалъ это изъ прописей, меня всегда занимало: а кто-жъ ихъ отецъ? Подумайте, и вы сами согласитесь, что эти семнадцать

часовъ — дѣйствительно великое и настоящее несчастіе, бремя, котораго никуда не свалишь, не избудешь.

* * *

„Помилуйте, мы ихъ холимъ, изводимся на нихъ!“—Да они вовсе этой холи не желаютъ. Я уже сказалъ, что нѣкоторые изъ нихъ готовы биться головою о стѣну отъ скуки жизни. Имъ некуда дѣвать себя, и это—лучшія. Говорятъ: „дайте женщинамъ равный съ нами трудъ, и мы будемъ получать меньше. Да, я буду зарабатывать минусъ столько-то и столько-то. Количество общей платы за дѣло — одно и то же. Оно растеть, какъ растеть населеніе. Женщины не создадутъ новой, а отнимутъ у насъ часть“. Бѣрно, но этотъ минусъ возьметъ моя жена, дочь, сестра. Въ семьѣ, значить, останется та же цифра, только она распредѣлится правильнѣе, нормальнѣе. Убытка отъ этого не будетъ, а польза большая. Все, что томится скукой, бездѣйствиємъ, незнаніемъ, куда приложить свои силы, чувствомъ зависимости отъ чужого труда, способностей, здоровья, — оживеть. Да и мужу при меньшемъ количествѣ труда нельзя будетъ ссылаться на усталъ, дуть жену страдальческимъ и почти всегда живымъ упрекомъ: „я-де для тебя извелся, потерялъ силы и здорье“. Неужели же такъ мало—влиять новую радость, бодрость, надежду и увѣренность въ затхлое царство вѣчныхъ будней, въ застѣнки бездѣльных полу-рабынь, которые мы по старому зовемъ „семьею“. Не пуская женщину на трудъ, мы прикрываемся всѣмъ, чѣмъ угодно: рыцарствомъ, любовью, заботливостью о ней. Но перестаньте же лицемерить, „господа“, вѣдь вами руководить то же, что заставляетъ сапожника при наймѣ квартиры заявлять домовладѣльцу требованіе, чтобы въ тотъ же домъ другого сапожника онъ бы не пускалъ. Этакъ еще, пожалуй, явится и второй претендентъ на ваши подметки. Богъ знаетъ что! Говорятъ: „отчего же она не работаетъ?.. Вѣдь ей отведены тоже нѣкоторыя области занятій“.

* * *

А вы пробовали когда-нибудь объявлять въ газетахъ: „нужна переписчица, учительница, гувернатка, чтица“; берите, что хотите изъ этой пресловутой „области занятій“? Испытайте и вы увидите то же, что бываетъ передъ кассой Маринскаго театра накануне любимыхъ или модныхъ оперъ. Ваша лѣстница—хоть живите вы въ пятомъ этажѣ, площадка, вестибюль и улица у подъѣзда — будутъ переполнены кандидатками на „область занятій“. Тутъ и молодья, и старья, и матери семействъ, которымъ нечѣмъ кормить дѣтей, и вдовы, и дѣвушки только-что со школьной скамьи. На каждый грошъ разинуты сотни голодныхъ ртовъ, и эти рты готовы сбить цѣну въ отведенной женщинамъ „области занятій“

такъ же, какъ запертые въ польскіе маленькіе города евреи сби-
ваютъ цѣну за всякій ремесленный трудъ не потому, чтобы тамъ
жизнь была дешава, — а отъ того, что руки ничего не стоятъ.
На моихъ глазахъ разъ у пріятеля, искавшаго переписчицу, по-
жилая, измученная женщина бросилась на колѣни передъ другой:
„Ради всего святого, уступите мнѣ. Вы не умираете съ голоду,
вы ищете дѣла отъ скуки, а у меня больная дочь и слабоумный
сынъ... Мнѣ, если я не найду ничего здѣсь, одна дорога — въ
прорубь“. Та уступила. Голодъ больше имѣетъ правъ, чѣмъ скука,
но и скука ужасна. Если русскія женщины отъ скуки не топятся
и не вѣшаютъ, то, право, немало семейныхъ драмъ объясняется
и оправдывается именно сю. Скука — дурной совѣтникъ и злой
руководитель. Вспомните себя: куда она приводила васъ, а вѣдь
вы-то скучаете не по необходимости, а такъ съ жиру. Вамъ есть
куда дѣваться и чѣмъ занять свое время.

* * *

Итакъ, семьи обратились въ тюрьмы съ тѣмъ различіемъ, что
для тюрьмы есть срокъ, а для жизни въ семьѣ — могила. Я не
говорю о счастливыхъ исключеніяхъ — ихъ немного. И вѣдь сча-
сливыя исключенія ни въ какихъ законахъ о разводѣ не нуж-
даются. Не для нихъ ведется по этому поводу полемика, не имъ
мерещится свое 19-ое февраля. И вотъ, всякій разъ, какъ поды-
мается вопросъ о разводѣ, выскакиваютъ сейчасъ же впередъ
добровольцы отъ Евангелія съ заповѣдями и добровольцы отъ госу-
дарственной и полицейской муштры съ визгливыми криками: „ага,
вѣнчалась — терпи“!.. Совершенно, видите-ли, такое преступленіе,
на которое — я уже не говорю объ оправданіи — но „заслуживаетъ
снисхожденія“ — нѣтъ. Вѣнчалась какъ „ступай въ каторгу“, терпи —
„ты женщина, слѣдовательно страдалница и мать. Мы молимся
твоей мукѣ, чтимъ безотвѣтную самоотверженную жизнь“... Но
позвольте разобраться — за что мука, на что самоотверженность?
Для дѣтей? Такъ эти дѣти, какъ по вашему: слѣпы и глухи — не
видятъ и не слышатъ? Для нихъ страданія матери неясны, непон-
ятны? Онѣ не озлобляютъ молодую душу, не вооружаютъ ребенка
ненавистью къ отцу и въ то же время не обезсиливаютъ буду-
щихъ гражданъ ранней нервною, привитымъ ужасомъ, мало-
душіемъ? Разумѣется, мы будемъ говорить о тѣхъ семьяхъ, ко-
торыя нуждаются въ разводѣ, какъ въ корректурной поправкѣ:
гдѣ счастье, — тамъ о разводѣ никто не думаетъ. И какъ это глупо:
„дайте свободу развода — всѣ разбѣгутся“. Вѣдь и крѣпостныя вре-
мена грозили: „освободите крестьянъ, и они мигомъ уйдутъ“ — ихъ
освободили, и всѣ остались на своихъ мѣстахъ и на своей землѣ.
Вѣдь отъ того, что за границей отмѣнены паспорта, люди не
перестали носить свои имена и званія? А съ тѣхъ поръ, какъ

уничтожены городскія заставы,—не обезлюдѣли же города. Не разрозниваются лютеранскія семьи, а вѣдь тамъ свободѣ челоукаческаго сердца данъ большій просторъ, и признано, что если мужъ и жена въ выборѣ другъ друга по молодости или по душевной немощи ошиблись, такъ нельзя ихъ заставлять вѣчно тянуть эту лямку? Ошибка—не преступленіе!

В. И. Нелмировичъ-Данченко.

XLIX. Женскіе паспорта.

Читая отдѣлъ „пронисшестній“ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, особенно часто натыкаешься на случаи супружескаго самосуда: то мужъ убилъ жену, то изувѣчилъ ее, то надругался какимъ-нибудь жестокимъ варварскимъ способомъ. Все результатъ, на официальномъ языкѣ, „супружескихъ несогласій“, разрядъ дѣлъ, на которыхъ „суда нѣтъ“. Правда, судъ по жалобѣ жены можетъ наказать мужа за дурное обращеніе, но не можетъ ни предупредить, ни пресѣчь преступленія, такъ какъ не въ правѣ отнять у мучителя его жертву, т.-е. разлучить супруговъ.

Таинственная связь, въ которой церковь соединяетъ два существа „въ плоть едину“, помимо физическаго единенія выражается въ отвѣтственныхъ нравственныхъ обязательствахъ. Если подобнаго единенія нѣтъ, то въ сущности нѣтъ и брака. Чувствуя это и сознавая, что для крѣпости брачнаго союза недостаточно даже возведеніе супружескихъ обязательствъ въ законъ, гражданская власть прикрѣпила жену къ мужу посредствомъ паспорта, документа, несущаго самыя разнообразныя функціи. „Супруги,—гласитъ законъ,—обязаны жить совмѣстно“, и только мужъ можетъ предоставить женѣ проживать по отдѣльному паспорту. И никакимъ инымъ путемъ, по закону, жена получить отдѣльный паспортъ не можетъ, ибо „всякія сдѣлки, клонящіяся къ разлученію супруговъ, строго воспрещаются“.

Всякій законъ, не считающійся съ жизнью, оказывается несостоятельнымъ, и той власти, которая поставлена охранять законъ, приходится дѣлать послабленія и исключенія. Ни для кого не тайна, что масса женъ проживаютъ отдѣльно отъ мужей и помимо согласія на то послѣднихъ, но получили онѣ избавленіе внѣ-законнымъ порядкомъ.

Замѣчательно, что въ крестьянскомъ мірѣ, гдѣ царитъ полнѣйшая юридическая темнота, очень прочно вгнѣздилось сознаніе о неразлучности супруговъ.

— Никто этого сдѣлать не можетъ, чтобы женѣ отъ мужа отдѣльный паспортъ дать,—заявляютъ крестьяне.

Однако практика, особенно за послѣднее время, должна разу-

бѣдить ихъ въ этомъ. Мнѣ не разъ приходилось присутствовать при разборѣ семейныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ.

— Даешь отдѣльный паспортъ женѣ?

— Не для того я законъ принялъ съ нею,—обыкновенно съ развязностью отвѣчаетъ супругъ.

— Законъ? А бить жену законъ тебѣ позволяетъ?

— Безъ ученя нельзя.

„Учитель“ по большей части оказывается горчайшій пьяница, а результаты „ученя“ мнѣ пришлось видѣть на одной бабѣ: когда она сняла съ головы платокъ, черепъ ея представлялъ красную подгнивающую язву, всѣ волосы были выдраны. Другой супругъ, мужикъ лѣтъ за 30, женился на 16-лѣтней и, очевидно примѣняясь къ ея возрасту, „наказалъ“ ее за что-то толстой ременной плеткой по мягкимъ частямъ; послѣдствіемъ явилось нѣскольکو глубокихъ кровавыхъ рубцовъ, благодаря которымъ пострадавшая, дѣйствительно настоящій ребенокъ, не могла ни сѣсть, ни лечь.

Земскіе начальники въ нѣкоторыхъ губерніяхъ охотно разрѣшаютъ женамъ проживать по отдѣльнымъ паспортамъ, но въ большинствѣ губерній они не рѣшаются на это. Очевидно здѣсь одно изъ частыхъ явленій: сообразованіе со взглядами, которыхъ придерживаются въ губернскомъ центрѣ. Сенатъ высказался въ пользу такой практики, но, повидимому, разъясненіе Сената наряду съ существованіемъ обратнаго категорическаго закона породило недоумѣніе.

Такимъ образомъ неоспоримой законной инстанціей, вѣдающей выдачу отдѣльныхъ паспортовъ женамъ, все же остаются ихъ мужья. И крестьяне строго охраняютъ это право. Не пренебрегаютъ обыкновенно имъ и интеллигенты изъ разряда маньяковъ, пасивистовъ или „опекающихъ“ женино состояніе. Правда и то, что интеллигентнымъ женщинамъ несомнѣнно легче оказывается покровительство. Наряду съ мужьями, которые были эгоистически заинтересованы въ охранѣ своихъ супружескихъ правъ, я знавалъ супруга, отказывавшагося выдать женѣ отдѣльный паспортъ „по принципу“.

— Развѣ я паспортное учрежденіе, чтобы выдавать кому-либо виды на жительство?— говорилъ онъ.—И если это мое „право“ (не обязанность же, конечно?), то вѣдь отъ права своего, полагаю, я могу отказаться? Если нѣтъ иного порядка для полученія женѣ моей паспорта, то нужно его учредить, потому что существующій порядокъ нехлѣбъ. Паспортъ — установленіе полицейское, мѣра государственнаго порядка, и съ таинствомъ брака никакъ связанъ быть не можетъ.

Можетъ быть въ этихъ словахъ и есть доля парадоксальности, но парадоксальнымъ намъ кажется все то, что ведетъ къ уравненію женщины въ правахъ съ мужчиною. На самомъ дѣлѣ, не

поражаетъ ли напротивъ то обстоятельство, что мужчина существуетъ самъ по себѣ, а женщина является лишь собственностью мужчины, въ паспортъ котораго она записана? Такъ себѣ, просто одна изъ формулярныхъ отмѣтокъ: „въ бояхъ не бывала“, „награжденій не получала“, „жена такая-то“...

Впрочемъ, это вопросъ слишкомъ широкій, и я не берусь здѣсь его рѣшать. Какъ извѣстно, ключи отъ доли женской рыба сглотнула и

Въ какихъ моряхъ та рыба
Гуляетъ—Богъ забылъ!

Достаточно, если женамъ будетъ облегчено получение отдѣльных паспортовъ хотя бы въ видахъ предупрежденія женоубійствъ, которыя такъ участились въ наши дни.

— А для этого,—говорилъ въ многолюдномъ обществѣ одинъ почтенный господинъ,—слѣдуетъ предоставить женамъ получать паспорта такимъ же порядкомъ, какимъ получаютъ ихъ мужья.

— Значитъ, пришла въ волость или въ участокъ,—и получила паспортъ?

— Да.

— Помилуйте, да въ такомъ случаѣ въ Россіи половина женъ побросаютъ мужей!—возражали ему.

— И пускай. Это мужьямъ будетъ острастка. Будутъ лучше обращаться съ женами.

— Но развѣ могутъ вообще законы воспитывать людей?

— А допускаете же вы, надѣюсь, что законы могутъ предупреждать преступленія?

М. Н—скій.

Л. Покровительство злымъ и беззащитность добрыхъ.

„Судебная Газета“ отмѣчаетъ весьма существенный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, которое хотя и даетъ мужу большія права на жену, но въ то-же время нисколько не ограждаетъ его интересовъ отъ притязаній жены.

„Чтобы оцѣнить по достоинству современную постановку вопроса о разводѣ, говоритъ газета, слѣдуетъ имѣть въ виду, что легкомысленная жена въ любой моментъ можетъ по собственному желанію вернуться къ мужу, требовать удаленія новой семьи его, слѣдовательно честной его подруги и главное невинныхъ его дѣтей, а также предъявлять въ случаѣ смерти мужа претензіи къ его имуществу на правахъ его законной супруги, хотя она меньше всего соблюдала все это долгое время своихъ странствованій обязанности супруги.

„И вотъ въ одно прекрасное утро къ мужу, окруженному своею семьей, съ которой онъ сжился за столько лѣтъ, возвращается его жена съ законными претензіями, требуетъ удаленія семьи, пріюта и денегъ, а въ случаѣ отказа мужа—предъявляетъ къ нему искъ о дачѣ содержанія, который судъ не медлитъ признать подлежащимъ удовлетворенію.

„Въ результатъ— пострадавшая истинная семья мужа и торжествующая законная его жена, которая именно не была для мужа подругой и супругой.

„Конечно бываютъ и случаи, когда несчастными оказываются жѣны, а торжествующими бѣглецы мужа, которые внезапно возвращаются къ женамъ и требуютъ ихъ къ себѣ, опираясь на законъ.

„Во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ оказываетъ поддержку сторонѣ неправой и попираетъ интересы правой, а такъ какъ законъ долженъ дѣлать какъ разъ обратное, то мы и находимъ, что нашъ законъ о разводѣ требуетъ кореннаго преобразованія, ибо иначе онъ достигаетъ прямо противоположной цѣли“.

Исторія съ Лаврецкимъ въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“ можетъ служить яркой иллюстраціей къ этой замѣткѣ! Только законъ о разводѣ здѣсь совершенно ни при чемъ. Важно установить законодательнымъ путемъ порядокъ, при которомъ супруги, прекращающіе въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ совмѣстную жизнь, имѣли бы возможность точно и навсегда установить свои личныя и имущественныя отношенія. Внесенный года три назадъ въ Государственный Совѣтъ проектъ о раздѣльномъ жителствѣ супруговъ имѣлъ этотъ вопросъ въ виду и рѣшилъ его вполне удовлетворительно. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ продолжаетъ оставаться проектомъ, несмотря на то, что уже обсуждается нѣсколько лѣтъ. А между тѣмъ жизнь не ждетъ, и вырабатываемыя этой жизнью новыя требованія не укладываются уже въ старыя рамки. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость суду. За послѣднее время онъ началъ толковать права и обязанности супруговъ значительно шире. („Н. Вр.“, № 8986. „Среди газетъ и журналовъ“).

Болѣзни безъ леченія.

I.

Все живое болѣетъ. Камни не болятъ, но это потому, что они и не живы. Претендовать на болѣзни, говорить: „болишь—и боли, самъ виноватъ“, значить протестовать противъ самой сущности жизни. Медицина не тѣмъ сильна и не потому есть благородное и любимое человѣкомъ дѣло, что наказывала больныхъ или постановляла приговоръ: „захворавшій всегда самъ захворалъ, а потому долженъ самъ и расплачиваться“, а потому, что начиная съ Гипократа и кончая Пастѣромъ склонялась около ложа больного, думала, вникала, искала средствъ и наконецъ воздвигла умственное зданіе, которому мы удивляемся. Если-бы то-же было и съ семьей... и здѣсь мы имѣли-бы давно Пастѣровскую мудрость, а не элементарные приемы Гипократа, каковыми въ сущности до сихъ поръ пробавляемся.

Въ одесскомъ окружномъ судѣ только что кончилось дѣло покойной крестьянки Анны Колесниченко, матери нѣсколькихъ дѣтей, обвинявшейся въ нанесеніи мужу смертельныхъ побоевъ. Суть его проста; суть его даже часта; обыкновенна, какъ до извѣстной степени обыкновенна инфлюенца. Она прожила уже съ мужемъ своимъ тридцать лѣтъ, и всѣ эти долгіе годы были для нея однимъ непрерывнымъ мученіемъ и истязаніемъ. Рѣдко мужъ ея Лаврентій приходилъ домой трезвымъ и въ пьяномъ состояніи избивалъ ее чѣмъ попало. Не избавлялись отъ побоевъ и дѣти. Долго терпѣла Анна и стала наконецъ жаловаться сельскимъ властямъ на свою судьбу. Власти оказались хорошими, приняли скорбь женщины во вниманіе; но, не имѣя правъ административнаго или юридическаго вмѣшательства въ распорядокъ семейной жизни, хотя-бы въ послѣдней и готовилась уголовщина, примѣняли къ Лаврентію только увѣщанія, которыя никакого дѣйствія не имѣли и только еще болѣе раздражали мужа, пьяницу,

шатуна и можетъ-быть изъ вырождающагося типа неврастениковъ. 5-го іюня этого лѣта онъ пришелъ къ ночи домой и сталъ требовать ужина. Жена подала ему кашу, борщъ, и Лаврентій сталъ ѣсть. Ложась спать, Лаврентій сталъ придираться къ женѣ и заявилъ ей, что убьетъ ее. Терпѣливая женщина смолчала мужу, но когда послѣдній сталъ драться, она схватила лежавшую на столѣ деревянную скалку и ударила ею по головѣ мужа, отчего произошло кровоизліяніе въ мозгу, отъ котораго несчастный умеръ. Привлеченная къ отвѣтственности, Анна все время на судѣ плакала и указала присяжнымъ засѣдателямъ, что все тѣло ея въ синякахъ, а три ребра и правая рука поломаны. На судѣ она была оправдана присяжными.

Старо, читатель, какъ лихорадка. Но противъ лихорадки пискали и нашли въ Чили хину. Есть алкоголики, тоже „сами виноватые въ слабости“, но и для тѣхъ сострадательное человѣчество придумало какія-то санаторіи. Вообще, гдѣ болѣютъ, тамъ и думаютъ. Одна была у насъ несчастная область, семья, которой въ утѣшеніе и всяческое излеченіе говорили и даже съ окрикомъ: „не смѣй хворать!“ А на попытки жалобы отвѣчали: „не смѣй, не допускаемъ и мысли о болѣзни, до того тебя любимъ: ходи румяною и показывай намъ веселый видъ“. Послѣ вѣковъ маяты придуманъ наконецъ былъ Гиппократовскій рецептъ: пусть губернаторъ, полиціймейстеръ выдаетъ такимъ особенно несчастнымъ жертвамъ семейнаго „домостроя“ видъ на отдѣльное отъ мужа жительство. Анна Колесниченкова не обратилась къ властямъ за такимъ отдѣльнымъ видомъ. Мнѣ кажется, что мы здѣсь имѣемъ случай крайней застарѣлости болѣзни, запущенности. Прожили тридцать лѣтъ, много дѣтей — и Анна уже не хотѣла уйти, да ей и некуда можетъ быть уйти. Можетъ быть наконецъ она не хотѣла уйти безъ дѣтей, оставивъ ихъ на произволъ такого драчуна и пьяницы мужа.

Можно порадоваться рѣшенію Сената о выдачѣ паспортовъ помимо согласія мужа. Будь это тридцать лѣтъ назадъ, Лаврентій, въ виду угрозы лишиться жены, и удержался-бы, не распустился до полнаго безобразія. Безнаказанность великая вещь и она-то, обезпеченная за мужемъ (какъ равно и за женою въ сущности), и дозволила обѣимъ сторонамъ въ супружествѣ распуститься въ семьѣ до такой степени, какъ не распускаются люди на улицѣ, въ кабакѣ и каторгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, поставьте законъ, что ни за какое безобразіе на улицѣ никто не будетъ наказанъ, и вы уличную жизнь превратите въ ужасъ. Въ ужасъ превратилась и семейная жизнь: тамъ, гдѣ для этого были причины, пала болѣзнь, упорно не лечимая. Такое брошенное положеніе, кажется созданное въ интересахъ „охраненія семейнаго благополучія“, конечно не улучшая положенія прекрасныхъ и безъ всякаго охра-

ненія семей, углубило несчастіе несчастныхъ семей до невозможности. Новый законъ о раздѣльномъ жительствоѣ вовсе не спасетъ только отъ несчастій и преступленій столько-то семей въ странѣ: онъ, сдерживая мужскую сторону, по крайней мѣрѣ съ этой стороны введетъ внутреннюю душевную дисциплину, укрѣпитъ волю и разовьетъ инстинкты спокойствія, регулярности, терпѣнія и проч. Въ отношеніи женъ, разумѣется, такимъ дисциплинирующимъ средствомъ было-бы параллельное праву на „раздѣльное жительство“ предоставленіе мужу болѣе обширныхъ правъ на разводъ, т. е. большаго количества нравственныхъ и бытовыхъ мотивовъ требовать черезъ судъ развода.

II.

Легенды вырастаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленной и твердой почвы. И еще онѣ растутъ тамъ, гдѣ есть ожиданія, пожеланія, и есть для нихъ отпоръ. Выдача крестьянкамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство мѣстными административными властями, помимо согласія ихъ мужей, опирающаяся на извѣстное разъясненіе Сената, встрѣтила при самомъ же своемъ началѣ рѣзкую недоброжелательную критику въ „Моск. Вѣд.“, которая усмотрѣли въ такомъ ограниченіи правъ мужа посяганіе на авторитетъ и цѣлость семейнаго стариннаго уклада. Къ рѣзкой критикѣ данной мѣры присоединяется названною газетою довольно естественное удивленіе, почему крестьянки пользуются привилегіею, котрой нѣтъ у другихъ, и, прибавимъ, недостатокъ которой отражается слезами и иногда кровью въ этихъ другихъ сословіяхъ.

Рѣдкій день газетная хроника не регистрируетъ случаевъ безчеловѣчія въ семьѣ. Но въ то время, какъ права родителей, въ случаяхъ жестокаго ихъ обращенія съ дѣтьми, ограничиваются или даже вовсе касируются закономъ и администраціею, и никто не видитъ въ этомъ посягательствѣ на „святость семьи“,—права мужа не ограничиваются ни по какимъ причинамъ и никакою мѣрою жестокости въ обращеніи съ женою, грубости, а также безпутства, лѣни и праздношатайства; т. е. всѣ эти жестокости не выходятъ изъ *законодательной* „нормы“ семьи. Однако можно удивиться, почему лишить родителей права на дѣтей не значить „потрясти авторитетъ родительской власти“; а лишить мужа, иногда почти безумнаго, нравственно-больного, правъ на разумную и нравственную женщину—значить „потрясти авторитетъ мужниной власти“. Казалось бы, авторитетъ родителей никакъ не ниже авторитета мужа. Но тутъ явная беззащитность дѣтей, и наконецъ представленіе о ихъ невинности пробудило состраданіе общества и закона, которое устранило колебанія.

Нужно ли одинаково припоминать знаменитыя литературныя

произведенія и наконецъ всѣмъ извѣстную будничную практику, что жена въ рукахъ мужа, если имъ случится быть человѣку хитрому, жестокому и ненавидящему жену, бываетъ еще печальнѣе и беззащитнѣе положенія ребенка? Случаевъ дѣтубійства по жестокости почти нѣтъ, а женоубійства—часты. Неужели неизвѣстны никому случаи, что мужъ, влюблясь въ другую женщину и желая на ней жениться, отдѣляется отъ жены, изводитъ ее, и что побои и истязанія есть только замаскированная форма убійства? И неужели мы будемъ защищать это хроническое и медленное женоубійства, какъ „охраненіе авторитета мужа“?

Между тѣмъ законъ, давшій привилегію крестьянкамъ—пожаловаться и получить отдѣльный видъ на жительство, и обошедшій этимъ правомъ другія сословія, и именно городскія, наиболѣе грубыя, жестокія, корыстныя, нервно-расшатанныя, тѣмъ самымъ молчаливо допускаетъ таковыя отношенія къ женщинѣ. Ребенокъ никогда не можетъ стоять поперекъ родительскаго счастья. Убить или извести его никогда не можетъ быть расчета. Между тѣмъ жена, стоящая поперекъ проектированнаго „счастья“ изверга-мужа, есть крайнее возможное явленіе, есть явленіе дѣйствительное. И кто же защитить ее, когда родителей нѣтъ, когда они далеко, когда жена запугана до парализованности? Кто не знаетъ случаевъ, правда рѣдкихъ, многолѣтняго одиночнаго заключенія женъ мужьями въ комнату на запоръ безъ права выѣзда и выхода? Все это на глазахъ у всѣхъ, въ памяти у всѣхъ. И вполне удивительно, что законъ какъ-будто не предвидитъ этихъ коллизій и судить *post hoc*, а не *ante hoc*.

Вотъ почему добрая мѣра относительно крестьянокъ-женъ должна бы изъ привилегіи превратиться въ общій законъ, имѣющій равно подъ своимъ покровительствомъ всѣ сословія. Тогда гипотеза перешла бы въ фактъ и около него не нарастали бы легенды. Взглядъ государства ясно-бы выразился, что жена дается мужу для любви и уваженія, а мужъ есть покровитель ея, защитникъ. И что разъ эта норма съ которой-нибудь стороны нарушается самими супругами, между ними появляется государство, и судять собственно не супруговъ,—ибо какое же тутъ остается супружество, — а *соквартирантовъ*, предупреждая между ними уголовщину. Можно быть увѣреннымъ, что это вмѣшательство государства заставило бы очнуться нашихъ распущенныхъ мужей и женъ и сознать, что семья есть святая територія, имѣющая опредѣленныя границы.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

II. „Церковный Вѣстникъ“—о разводѣ.

1. Неудовлетворительность бракоразводнаго процесса въ Духовномъ судѣ.

Вопросъ о бракѣ и переустройствѣ семейной жизни, можно сказать, не сходитъ со столбцовъ повременныхъ изданій. Въ разсужденіяхъ по данному вопросу высказывается стремленіе предложить соображенія для лучшаго уврачеванія недуговъ въ современныхъ отношеніяхъ супруговъ и устраненія недочетовъ въ нашемъ законодательствѣ по брачному праву. Главная причина и какъ бы корень всяческихъ нестроеній въ супружеской жизни и супружескихъ отношеніяхъ указуются въ томъ, что наше брачное законодательство, рабски подчинившись каноническому праву, заимствовало изъ него идеи, которыя, безусловно требуя благословенія церкви, для дѣйствительнаго заключенія законнаго брака, предписываютъ неразрывность супружескаго сожитія на всю послѣдующую жизнь. Усматривая въ такомъ требованіи стѣснительныя условия для половыхъ влеченій и свободной любви ¹⁾, должественствующихъ лежать въ основѣ супружескихъ отношеній, современные публицисты усиливаются предложить гражданскій бракъ, заключаемый при посредствѣ договора, на мѣсто освящаемаго таинственнымъ благословеніемъ церкви супружества, и узаконить свободный разводъ по требованію показаній естественнаго чувства, а не по разуму предписаній положительнаго закона. При неудержимости своихъ сужденій, публицисты доходятъ до стадіи осужденія церкви и ея предстоятелей, будто бы произвольно и безъ нужды установившихъ стѣснительныя условія заключенія брака и

¹⁾ Да вовсе не къ этому люди рвутся, напрасно клеветете. Бетси Терская („Анна Кар.“), живя при мужѣ съ выѣзднымъ лакеемъ, развода не просила и въ немъ не нуждалась. Напротивъ, запрещеніе-то (мужу) развода ее и обезпечивало въ свободной любви. В. Р.—вг.

возводящихъ ученіе о бракѣ до высоты таинственнаго сопряженія. Они негодуютъ и на духовные суды за то, что они будто бы, по произволу, держатся строгихъ воззрѣній на расторженіе брака, устраняя возможность облегчительныхъ въ семь отношеніи пріемовъ. Если дѣйствительно христіанская церковь, изъ вѣрности ученію Самого Христа Спасителя и Его апостоловъ, только въ благословленномъ ею бракѣ ¹⁾ видитъ чистый и безпорочный союзъ мужа и жены, сопрягающій ихъ въ безукоризненное плотское общеніе,—то она никакъ не можетъ признать такимъ же сопряженіемъ основаннаго на одномъ страстномъ „пріявленіи“ половъ бракообобщенія супруговъ. Таинственная, подсказываемая ученіемъ христіанства, сущность церковнаго брака въ томъ и заключается, что она грѣховныя и вмѣстѣ страстныя вождельнія претворяетъ въ чистыя и вмѣстѣ мирныя соотношенія ²⁾, и плотскій союзъ мужа и жены, основанный на половыхъ влеченіяхъ, дѣлаетъ союзомъ духовнымъ, благословляемымъ Богомъ ³⁾. Посему и всѣ сужденія, направленные къ отрицанію церковнаго брака, должны быть признаны неумѣстными, разрушающими основы христіанскаго супружества. Иначе можно разсуждать по вопросу допускаемаго церковію расторженія брака. При допущеніи возможности расторженія брака, главная сущность сего вопроса заключается въ томъ, чтобы имѣть твердыя и болѣе вѣрныя гарантіи для возможно правильнаго и безошибочнаго устанавленія причины, которою нарушается бракъ и которая служитъ законнымъ основаніемъ для развода. Обслѣдованіе этой причины, конечно, можетъ и не составлять обязательнаго дѣйствія духовнаго суда, какъ суда церкви, имѣющей своею санкціею признать бракъ нарушеннымъ въ самой его основѣ и разрушеннымъ въ самой его сущности. Это обстоятельство подаетъ поводъ къ размышленію: не слѣдуетъ ли освободить духовный судъ отъ производства бракоразводныхъ дѣлъ?

Судопроизводство по дѣламъ бракоразводнымъ, до изданія Устава духовныхъ консисторій, 27 марта 1841 г., не имѣло особыхъ опредѣленныхъ правилъ. Нѣтъ этихъ правилъ ни въ Корм-

¹⁾ Отчего-же до начала IV-го вѣка церковь не „благословляла“ ихъ? Очевидно, она вовсе не видѣла данныхъ для этого въ ученіи І. Христа и апостоловъ. Да тамъ ихъ и нѣтъ, ибо, посылая въ міръ учениковъ, Христосъ нигдѣ не выразился: „шедше—сопрягайте брачныя пары“. А не повелѣлъ Онъ этого ученикамъ—не повелѣлъ и церква, преемницѣ правъ—апостольскаго посланничества въ міръ, *В. Р.—вз.*

²⁾ Значитъ, какая-бы злоба и гадость послѣ „претворенія“ ни творилась, все будетъ „чисто и свято“?! Вотъ и ясная причина семейныхъ настроеній—этотъ взглядъ! *В. Р.—вз.*

³⁾ Да онъ *вз раю* благословленъ, до грѣхопаденія. Но вы вотъ это то благословеніе и спрятали или обозвали „нынѣ не дѣйствующимъ“. *В. Р.—вз.*

чей книгѣ, ни въ постановленіяхъ соборовъ, посланіяхъ и правилахъ пастырей нашей русской отечественной церкви. Отсутствіе каноническихъ процессуальныхъ правилъ служило причиною того, что въ старину искавшіе развода супруги и не обращались къ святительскому суду, а, довольствуясь разрѣшеніемъ своего духовнаго отца, расторгали свои супружества. Слѣды такого порядка вещей наблюдаются не только до, но и послѣ времени Петра Великаго, какъ видно изъ указовъ Св. Синода отъ 11 декабря 1730 г. и отъ 10 июля 1767 г. Въ послѣднемъ изъ сихъ указовъ удосто-вѣрено: „изъ производимыхъ въ Св. Синодѣ дѣлъ усмотрѣно, что въ епархіяхъ обыватели многіе отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей въ бракъ вступаютъ, не безъизвѣстно же, что и распускныя письма священно-и церковно-служители имъ пишутъ“. Св. Синодъ рѣшительно возбранилъ этотъ порядокъ, запретивъ священно-и церковно-служителямъ, подъ опасеніемъ суда и лишенія ихъ сана, подъ какимъ бы то ни было видомъ и кому бы то ни было, писать разводныя письма. Общимъ же порядкомъ судопроизводства было то, что сужденіе о наличности законной причины для развода, а вмѣстѣ и самое расторгеніе брака принадлежали епархіальному архіерею, каждому въ его епархіи. Этотъ-же порядокъ существовалъ и въ начальный синодальный періодъ. Въ 1805 г. Высочайше было повелѣно дѣла о разводѣ вершить не иначе, какъ съ разсмотрѣніемъ и утвержденія Св. Синода.

Доказательствами, на которыхъ консисторія должна основывать свое сужденіе касательно развода, Уставомъ духовныхъ консисторій (ст. 249) указываются: 1) показанія двухъ или трехъ очевидныхъ свидѣтелей и 2) прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи съ постороннимъ лицомъ. Затѣмъ прочія доказательства, какъ-то: письма, обнаруживающія преступную связь отвѣтчика, показанія свидѣтелей, не бывшихъ очевидцами преступления, но знающихъ о томъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ или по слухамъ, показанія обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика и другія—тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединяются съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе. На основаніи этого правила, если два или три свидѣтеля подъ присягою покажутъ, что они видѣли такого-то супруга въ самомъ актѣ преступленія, то судъ не имѣетъ права не принять ихъ показанія за совершенное доказательство (ст. 1043), хотя бы судьи и были убѣждены въ лживости свидѣтельскихъ показаній. Узкость подобнаго требованія была осуждена Государственнымъ Совѣтомъ, который въ одномъ изъ своихъ журналовъ по преобразованію общей судебной части высказалъ слѣдующее сужденіе: „кому неизвѣстны послѣдствія дѣйствующей на судѣ духовномъ узкой теоріи доказательствъ по

дѣламъ о прелюбодѣянiи; дѣйствительно виновные признаются не изблеченными потому только, что не были застигнуты на мѣстѣ преступленія нѣсколькими свидѣтелями, а тѣ, которые никогда не нарушали супружеской вѣрности, признаются прелюбодѣями, потому что, потерявъ всякое терпѣніе отъ распутной жизни своихъ женъ, вступили съ ними въ сдѣлку и приняли на себя вину съ подготовкою для того надлежащей свидѣтельской обстановки". Въ отношеніи къ показаніямъ обыскныхъ людей о развратной жизни отвѣтчика, Св. Синодъ разъяснилъ, что „эти показанія, въ смыслѣ второстепеннаго доказательства, могутъ имѣть мѣсто на духовномъ судѣ въ томъ случаѣ, если объ отвѣтчикѣ по производящемуся о немъ дѣлу по гражданскому вѣдомству былъ уже учиненъ, по распоряженію надлежащихъ властей того вѣдомства, повальный обыскъ; въ такомъ случаѣ добытыя на этомъ обыскѣ показанія могутъ быть приняты въ соображеніе и духовнымъ судомъ при разсмотрѣнiи бракоразводнаго дѣла; но по распоряженію духовнаго суда не можетъ быть производимо повального обыска“ (цирк. ук. Св. Синода 28 августа 1892, № 8). Такимъ образомъ, если принять въ соображеніе сущность процессуальныхъ правилъ дѣйствующихъ въ духовномъ судѣ, при разсмотрѣнiи и разрѣшеніи исковъ о разводѣ по нарушенію супружеской вѣрности: то необходимо согласиться, что приговоры сего суда, основываемые въ большинствѣ случаевъ на показаніяхъ двухъ или трехъ свидѣтелей-очевидцевъ, постановляются на показаніяхъ, даваемыхъ иногда по предварительной сдѣлкѣ.

Можно усматривать своего рода недочеты въ законахъ о производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ по другимъ причинамъ. И—прежде всего по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ. По требованію этихъ правилъ, главными способами для суда къ открытію мѣста нахождения безвѣстно-отсутствующаго супруга и удостовѣренія въ безвѣстномъ его отсутствіи, служатъ отзвывы о безвѣстно-отсутствующемъ родителяхъ, родственныхниковъ и другихъ лицъ, на коихъ укажетъ проситель и которыя могутъ имѣть ближайшія свѣдѣнія объ отсутствующемъ супругѣ. Для полученія такихъ отзывовъ консисторія посылаетъ упомянутымъ лицамъ повѣстки чрезъ полицейскія управленія. Законъ не устанавливаетъ ни срока выполненія сего требованія, ни отвѣтственности за неисполненіе. При такомъ положеніи консисторія остается въ неизвѣстности, продолжать ли дѣло безъ затребованныхъ отзывовъ, или пріостановить производство. Мало гарантій для успѣшнаго розыска безвѣстнаго отсутствія представляетъ и напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Св. Синодѣ.

Въ отношеніи къ расторженію браковъ за ссылкой одного изъ супруговъ въ Сибирь введено важное измѣненіе тѣмъ, что ссыльнымъ предоставлено право просить о расторженіи ихъ прежняго

брака и о вступленіи въ новый бракъ. Условія и порядокъ сего изложены въ Высочайшемъ повелѣніи 14 декабря 1892 г., вошедшемъ въ подлежащія подраздѣленія Свода Законовъ. Выраженные въ семь законѣ правила расторженія прежняго и заключенія новаго брака ссыльными, гармонируя съ условіями социальнаго быта ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, находятся въ нѣкоторой непослѣдовательности съ общими постановленіями о послѣдствіяхъ расторженія брака для разведенныхъ супруговъ.

При расторженіи брака по неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію, основаніемъ для развода принимается неспособность природная, засвидѣтельствованная врачевнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія.

Изъ сказаннаго ясно видно, что духовный судъ не безъ основанія подвергается нареканіямъ за неудовлетворительность бракоразводнаго его процесса. Процессъ этотъ, въ главныхъ его частяхъ, будучи основанъ на правилахъ „Устава духовныхъ консисторій“, оказывается въ настоящее время устарѣлымъ и беспочвеннымъ. Бракоразводный процессъ нуждается въ своемъ улучшеніи, какъ и самый „Уставъ духовныхъ консисторій“ требуетъ своего обновленія, оказываясь устарѣлымъ и отсталымъ даже при сравненіи съ вновь начертанными правилами по разнымъ частямъ духовнаго управленія. Обновленіе „Устава духовныхъ консисторій“ можетъ послѣдовать не иначе, какъ чрезъ замѣну его совершенно новымъ церковнымъ уложеніемъ, имѣющимъ объединить всѣ разрозненныя функціи церковной власти въ единствѣ ихъ направленія и цѣлей дѣятельности. Что же касается собственно бракоразводнаго процесса, то относительно его улучшенія можно имѣть особое сужденіе, которому и посвятимъ дальнѣйшія размышленія.

2. Необходимость участія въ бракоразводныхъ дѣлахъ свѣтскаго суда.

Неудовлетворительность бракоразводнаго процесса, дѣйствующаго въ Духовномъ судѣ, заставляетъ поставить вопросъ объ устраненіи этого неудобства. Вопросъ этотъ издавна занималъ и теперь занимаетъ духовное и свѣтское правительства. Единственно надежною и вмѣстѣ радикальною въ этомъ отношеніи мѣрою издавна и всегда признавалась необходимость участія въ бракоразводныхъ дѣлахъ свѣтскаго суда. Прошедшее представляетъ рѣшенія поставленнаго вопроса въ указанномъ направленіи.

При составленіи въ 1809 г. проекта „Гражданскаго уложенія“, положенія сего проекта о разводѣ, какъ объяснилъ Государственному Совѣту директоръ комиссіи М. М. Сперанскій, были составлены сообразно наказу, который Св. Синодъ въ 1767 г. далъ своему депутату для предьявленія въ „Комиссіи о сочиненіи новаго уложенія“. Въ проектѣ Сперанскаго упомянутыя положенія

гласили слѣдующее: „Развода просить могутъ одни только сами лица, бракомъ сопряженныя. Явное и доказанное прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ даетъ другому право просить развода. Вина прелюбодѣянія должна быть предварительно изслѣдована и доказана въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, а потомъ уже, по сообщенію судебного приговора духовному начальству и по требованію стороны невинной, постановляется приговоръ о разводѣ. Примиреніе супруговъ во всѣхъ случаяхъ пресѣкаетъ всякій дальнѣйшій искъ. Для сего во всѣхъ случаяхъ разводу по прелюбодѣянію должно предшествовать духовное увѣщаніе, которое, если не подѣйствуетъ, то супруги прежде развода разлучаются на годъ отъ стола и ложа. По истеченіи года, если не будетъ примиренія, то разводъ совершается безъ новаго слѣдствія по единой просьбѣ лица невиннаго. Бракъ не можетъ быть восстановленъ между разведенными супругами“.

При обсужденіи приведенныхъ правилъ, Св. Синодъ въ своемъ заключеніи, представленномъ Государственному Совѣту отъ лица четырехъ своихъ членовъ, призналъ необходимымъ, чтобы дѣла о разводахъ по винѣ прелюбодѣянія были производимы въ духовномъ судѣ, какъ было при патріархахъ и со времени учрежденія Св. Синода. Департаментъ законовъ, признавая съ своей стороны неудобнымъ допустить, чтобы судъ о ничтожности браковъ начинался и оканчивался въ одномъ духовномъ управленіи, предлагалъ на уваженіе слѣдующія затрудненія: „всѣ вины, полагаемыя къ разводу, составляютъ въ существѣ своемъ гражданское преступленіе: таково есть покушеніе на жизнь, ложный доносъ въ уголовномъ дѣлѣ, побѣгъ жены и, наконецъ, самое прелюбодѣяніе входитъ въ составъ преступленій, общимъ уголовнымъ уложеніемъ опредѣляемыхъ“. Сіе основаніе совершенно признано и Святѣйшимъ Синодомъ. Въ 3 пунктѣ Наказа его именно сказано: „за прелюбодѣйство по ветхому закону положена смерть, въ гражданскихъ же царскихъ законахъ, вмѣсто смерти, положены другія казни: то и нынѣ представить оное на Высочайшее соизволеніе“. Департаментъ законовъ порядокъ производства по дѣламъ бракоразводнымъ полагалъ установить такимъ образомъ: 1) всѣ жалобы по прелюбодѣянію съ искомъ развода должны быть приносимы въ началѣ духовному начальству; 2) духовное начальство, по разсмотрѣннн дѣла, предложить способы примиренія супругамъ и надлежащія увѣщанія; 3) если увѣщанія не подѣйствуютъ, то отсылать ихъ къ гражданскому суду, гдѣ и разсматривается дѣло порядкомъ, законами установленнымъ; 4) гражданскій судъ, изслѣдовавъ преступленіе и не постановляя о разводѣ, представляетъ дѣло для вершенія въ Святѣйшій Синодъ; 5) по разсмотрѣннн дѣла въ Св. Синодѣ полагается рѣшительное опредѣленіе, отвергающее или допускающее разводъ; 6) въ преступленіяхъ другаго рода, какъ-то: въ покушеніи на жизнь и прочее, поелику никакія увѣщанія не были бы

умѣстны, жалобы приносить прямо въ гражданскій судъ и дѣло производить установленнымъ порядкомъ; 7) когда слѣдствіе и судъ будутъ окончены, тогда невинная сторона начинаетъ искъ о разводѣ и приносить прошеніе по духовному началству, которое, по сообщеніи ему судебного приговора, разсмотрѣвъ дѣло, чинитъ приговоръ объ отверженіи развода, или допущеніи.—Установленіемъ настоящаго порядка въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ департаментъ законовъ имѣлъ въ виду проектировать, чтобы гражданское вѣдомство судило о прелюбодѣяніи, какъ преступленіи уголовномъ, а духовное—о разводѣ, какъ послѣдствіи преступленія.

Нелишне прибавить, что такимъ же порядкомъ департаментъ законовъ полагалъ производить и дѣла о недѣйствительности браковъ на томъ основаніи, что поводы для признанія браковъ недѣйствительными также гражданскаго характера. Департаментъ изъяснялъ: „вины, уничтожающія бракъ, суть болѣе вины гражданскія, нежели духовныя. И—напримѣръ недостатокъ положенныхъ лѣтъ, несозволеніе родителей, обличенное судомъ прелюбодѣяніе, самыя даже степени близкаго родства, все это суть препятствія, установленныя болѣе гражданскимъ, нежели духовнымъ закономъ. Вины сіи были приемлемы основаніемъ къ уничтоженію браковъ въ самыхъ древнихъ законодательствахъ и прежде, нежели еще основалось каноническое право. Если же вины сіи суть гражданскія, то нельзя исключительно разсматривать ихъ въ мѣстахъ духовныхъ и вовсе устранить отъ нихъ дѣйствіе гражданской власти“. На семъ основаніи департаментъ законовъ находилъ, чтобы слѣдствіе о причинахъ ничтожности браковъ производимо было въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, а вершеніе дѣла и окончательное опредѣленіе, должно ли бракъ считать ничтожнымъ, предоставлены духовной власти, согласно правиламъ о разводѣ.

При разсмотрѣніи предначертанныхъ правилъ о разводѣ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, большинство его членовъ, въ числѣ 17, согласилось съ предположеніями Департамента законовъ. Но при разсужденіяхъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, князь Голицынъ, сталъ изъяснять, что всѣ статьи о расторженіи браковъ, или о разводѣ, должны быть исключены изъ гражданскаго уложенія, и что редакція сихъ статей должна быть установлена согласно только опредѣленію Св. Синода. Съ мнѣніемъ Голицына согласились 10-ть членовъ Государственнаго Совѣта. Оставшись въ меньшинствѣ, князь Голицынъ, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, продолжая поддерживать и защищать свои воззрѣнія, представилъ Совѣту особое мнѣніе, въ которомъ между прочимъ развивалъ: „такъ какъ бракъ есть таинство нашей церкви, то существующія правила, какими руководствуются при расторженіи его, должны быть древнія и духовныя, равно какъ для отлученія отъ прочихъ таинствъ. Для уразумѣнія сего нужно обратиться къ первымъ вѣкамъ христіанства, какія церковь принимала причины для разводовъ брачныхъ“. Сдѣлавъ за симъ ссылку на Евангеліе и приведя мѣста (Мѡ. V, 22, XIX,

3—9), Голицынъ продолжалъ: „сіи два текста суть основанія, которыми церковь руководствовалась какъ въ первые вѣка, такъ и по отдѣленіи отъ нея Западной, что наблюдаемо было въ Россіи, по введеніи въ оную христіанства какъ до патріарховъ, такъ и во время патріаршаго правленія церковію. Въ Св. Синодѣ также слѣдовали и донныя слѣдуютъ вышеупомянутымъ текстамъ, какъ кореннымъ законамъ. Противнаго же онымъ постановленія Св. Синодъ не имѣлъ права никогда дѣлать“. Изъяснивъ далѣе, что настоящее дѣло не требуетъ спѣшности, ибо оное много вѣковъ производилось на противныхъ новому положенію началахъ, Голицынъ просилъ Государственный Совѣтъ постановить слѣдующее: „исключить изъ Гражданскаго уложенія всѣ статьи о разводахъ, сказавъ, что онѣ остаются на старыхъ основаніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ; предоставить Св. Синоду составить проектъ правилъ формы духовнаго суда для просящихъ развода и внести въ Государственный Совѣтъ; по Высочайшемъ утвержденіи такой формы производить по ней разводныя дѣла въ одномъ только духовномъ вѣдомствѣ; оставить основаніемъ для развода одно только прелюбодѣяніе; всѣ же прочія причины, принимаемыя Государственнымъ Совѣтомъ за основаніе къ разводу, отнести къ суду гражданскому, и постановить въ Уложеніи правила, какъ приносить по нимъ жалобы съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи сихъ дѣлъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, обиженному лицу было предоставлено право просить въ духовномъ вѣдомствѣ, но не о расторженіи брака, а о разжитіи на основаніи словъ св. апостола Павла: „аще ли же разлучится жена, да пребываетъ безбрачною, или да смирится съ мужемъ своимъ“.

3. Проекты производства бракоразводныхъ дѣлъ.

Св. Синодъ, наставивъ передъ Государственнымъ Совѣтомъ въ лицѣ своего оберъ-прокурора, князя А. Н. Голицына, объ исключеніи изъ проекта гражданскаго уложенія правилъ о расторженіи брака по прелюбодѣянію одного изъ супруговъ, принималъ на свою обязанность составить таковыя правила и внести въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія и утвержденія въ законодательномъ порядкѣ. Обязательство это осталось неисполненнымъ общаніемъ.

Одною изъ многочисленныхъ въ этомъ родѣ попытокъ была предпринятая въ 70-десятыхъ годахъ, по поводу усмотрѣнныхъ недостатковъ въ духовномъ судѣ, дѣйствующемъ на основаніи „Устава духовныхъ консисторій“. 12 января 1870 г. Высочайше былъ учрежденъ Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Макарія, впоследствии митрополита московскаго, изъ профессоровъ и юристовъ—теоретиковъ и практиковъ. Комитетъ пришелъ къ мысли,—въ видахъ устраненія двойственности—сосредоточить производство по всѣмъ брачнымъ дѣламъ въ свѣтскомъ судѣ, передавъ въ этотъ судъ и дѣла о расторженіи браковъ по искамъ супруговъ. Желаящіе расторженія брака какъ по неспособности одного изъ супруговъ къ брачной жизни, такъ и по нарушенію святости брака прелюбодѣяніемъ, обращаются съ просьбами къ епархіяль-

ному архіерею, который дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ, чтобы они примирились и оставались въ брачномъ союзѣ. Если же увѣщанія не достигнутъ цѣли и останутся безуспѣшными, то просившему расторгенія брака супругу предоставляется обратиться въ свѣтскій судъ, который и постановляетъ рѣшеніе о личности причины расторгенія брака, и копію съ своего рѣшенія сообщаетъ епархіальному архіерею, который вновь дѣлаетъ распоряженіе объ увѣщаніи супруговъ къ примиренію, и буде примиренія не послѣдуетъ — распоряжается расторгеніемъ брака. Предначертывая передачу бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ, комитетъ такъ обр. осторожно относится къ авторитету духовной санкціи въ этихъ дѣлахъ. Комитетъ переноситъ въ свѣтскій судъ изслѣдованіе факта, какъ законнаго повода къ разводу, и постановленіе о наличии этого факта; духовному начальству, именно епархіальному архіерею, и при началѣ и при окончаніи дѣла. соотвѣтственно духовному характеру воздѣйствія на разводящихся супруговъ, предоставляется принятіе зависящихъ мѣръ къ примиренію супруговъ.

Не взирая на осторожность проектированнаго Комитетомъ порядка производства бракоразводныхъ дѣлъ, проектъ Комитета, разосланный епархіальнымъ архіереямъ и въ духовныя консисторіи на предварительное заключеніе для обсужденія онаго въ Св. Синодѣ, встрѣтилъ возраженія большинства епархіальныхъ архіереевъ и духовныхъ консисторій и относительно передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ. Возражающіе противъ предположеній комитета соглашаются, что „фактъ прелюбодѣянія, которое служитъ законною причиною развода, удобнѣе можетъ быть обслѣдованъ свѣтскимъ уголовнымъ судомъ, которымъ дѣйствительно и судится во всѣхъ случаяхъ, когда по этой причинѣ требуютъ не расторгенія брака, а только наказанія виновнаго супруга; но иное дѣло изслѣдованіе того же факта для цѣли расторгенія брака, церковнаго таинства. Церковь, отъ которой требуютъ расторгенія брака, не можетъ постановить опредѣленіе на основаніи изслѣдованія, произведеннаго не ея судомъ, не можетъ принять за несомнѣнное доказательство прелюбодѣянія приговоръ другого суда, кромѣ своего собственнаго“. Св. Синодъ не выразилъ своего мнѣнія по проекту Комитета; ибо послѣдній не подвергался разсмотрѣнію Св. Синода; относительно же предположенія о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ Св. Синодъ имѣлъ случай высказаться.

Въ 1876 г. по поводу злоупотребленій въ одной изъ консисторій, допущенныхъ при производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ, Государю Императору благоугодно было повелѣть въ особомъ со-вѣщаніи сообразить: „какія можно принять мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій“. Состоявшееся во исполненіе сего Высочай-

шаго повелѣнія совѣщаніе, по внимательномъ обсужденіи предложеннаго вопроса, нашло, что чрезъ измѣненіе, согласно начертанному Комитетомъ по преобразованію духовно-судебной части порядку, изъ производства по дѣламъ брачнымъ могли бы быть въ значительной степени устранены тѣ злоупотребленія въ духовныхъ судахъ, для пресѣченія которыхъ Высочайше повелѣно изыскать мѣры. Посему совѣщаніе полагало, что если Св. Синодъ признаетъ возможнымъ измѣнить порядокъ суда по дѣламъ брачнымъ, согласно проекту комитета,—въ такомъ случаѣ той части проекта, которая касается дѣлъ брачныхъ, слѣдовало бы дать надлежащее въ законодательномъ порядкѣ дальнѣйшее движеніе отдѣльно отъ прочихъ частей проекта. Св. Синодъ не нашелъ возможнымъ выразить единодушнаго мнѣнія по сему предположенію. Въ то время, какъ одни изъ членовъ полагали возможнымъ измѣнить порядокъ суда по дѣламъ брачнымъ,—другіе находили это невозможнымъ. Послѣдніе въ своемъ мнѣніи основывались на слѣдующемъ между прочими соображеніи: „доколѣ бракъ признается таинствомъ церковнымъ, соединяющимъ брачующихся въ одну плоть (Мѡ. XIX, 5) на всю жизнь, при твердой вѣрѣ, что *еже Богъ сочета—человѣкъ да не разлучаетъ* (ст. 6), дотолѣ дѣла о расторженіи браковъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не могутъ быть изъяты изъ вѣдомства суда духовнаго и переданы въ вѣдомство суда свѣтскаго“.

Такимъ образомъ возникавшія въ теченіе многихъ лѣтъ попытки къ улучшенію производства бракоразводныхъ дѣлъ чрезъ передачу ихъ въ свѣтскій судъ не имѣли успѣха и не получили осуществленія. Вопросъ этотъ и въ настоящее время стоитъ на рубежѣ, ожидая своего разрѣшенія. Кажется, все уже высказано, что можно было сказать за и противъ рѣшенія поставленнаго вопроса. Остается подвести итоги этимъ, одно—другое исключаящимъ, сужденіямъ, чтобы получить право и возможность высказать рѣшительное сужденіе по данному вопросу. Для сего необходимо ознакомиться съ одной стороны съ тѣми мотивами, по которымъ передача бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ представляется невозможною и неосуществимою, съ другой—съ тѣми основаніями, по которымъ такая передача признается необходимою и желательною. Къ изложенію этихъ мотивовъ и основаній обратимся въ слѣдующихъ статьяхъ, и прежде всего раскроемъ мотивы за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ, которые были высказаны и высказываются съ мыслью сохраненія правъ духовнаго суда въ отношеніи къ дѣламъ бракоразводнымъ.

4. Мотивы за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ.

При разсужденіяхъ о настоящемъ предметѣ исходною признается мысль о бракѣ, какъ таинствѣ православной церкви.

Исходя изъ этой мысли, полагають, что бракъ, какъ таинство, можетъ быть: 1) *совершаемъ*, 2) *признаваемъ недействительнымъ* и 3) *расторгаемъ* только единственно *церковною властію*, которая одна имѣетъ право какъ совершать таинства, такъ и опредѣлять—законно или незаконно оно совершенно, прекратилось, или не прекратилось дѣйствіе таинства. Посему, какъ и вообще показалось бы страннымъ, если бы не церковь рѣшала вопросъ и производила изслѣдованіе о томъ—дѣйствительно или недействительно извѣстное таинство, и не слѣдуетъ ли вновь повторить его, такъ и въ частности было бы не естественно, если бы свѣтскій судъ производилъ дѣло о неправильности и недействительности, или о продолженіи и прекращеніи таинства брака. Въ настоящемъ случаѣ имѣютъ силу—*законы и право церкви*, слѣдовательно должны быть—*ея юрисдикція и судъ*. Исторія всегда была расторгаемъ не иначе, какъ по ея суду. На этомъ основаніи во всей православной и въ частности въ русской церкви бракоразводныя дѣла всегда составляли предметъ вѣдомства церковнаго суда.

Когда проектъ Комитета былъ разосланъ на предварительное разсмотрѣніе епархіальнымъ архіереямъ и духовнымъ консисторіямъ, то они представили свои возраженія противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскіе суды, отстаивая производство ихъ на прежнемъ основаніи. Въ одномъ изъ мнѣній епархіальныхъ преосвященныхъ по сему предмету пишется: „Бракоразводныя дѣла неправильно поставлены въ совмѣстное вѣдомство судовъ—духовнаго и гражданскаго. Эти дѣла сначала до конца должны вестись въ судѣ духовномъ. Бракъ, какъ таинство, скрѣпляется церковію; ею же долженъ быть и расторгнутъ; причемъ церковь, сохраняя свое достоинство, не можетъ исполнять только полицейскую должность. Она сама должна знать, что и почему она дѣлаетъ; слѣдовательно должна разсмотрѣть и уяснить себѣ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Духовный судъ съ равнымъ удобствомъ можетъ сноситься съ другими вѣдомствами для полученія нужныхъ ему свѣдѣній, приглашать къ себѣ экспертовъ и вообще людей специальныхъ, какъ это сдѣлають въ судахъ гражданскихъ, съ тѣмъ же приличіемъ можетъ выслушать неприличное, какъ это сдѣлаетъ и судъ гражданскій. Зачѣмъ же разрушать существующій порядокъ, и естественный и законный“. Въ другомъ отзывѣ развивается: „Предположеніе... изъять изъ вѣдомства духовнаго суда всѣ дѣла касательно браковъ и подчинить ихъ суду свѣтскому съ точки зрѣнія церковнаго догмата о таинствахъ и каноническаго права никакъ не можетъ быть допущено. Бракъ есть одно изъ таинствъ св. православной церкви. Въ немъ брачующіеся даютъ священный обѣтъ взаимной вѣрности предъ

алтаремъ Господнемъ, и церковь даетъ свое ручательство ¹⁾ за сію вѣрность, и за тѣмъ добровольный сердечный союзъ брачующихся церковь скрѣпляетъ совершеніемъ таинства браковѣчанія. Бракъ есть священный договоръ ²⁾, заключенный при посредствѣ и ручательствѣ церкви чрезъ ея таинство. При такомъ положеніи дѣла, расторженіе брака помимо церкви и суда ея, или изъятіе дѣлъ брачныхъ изъ подъ вѣдомства церковнаго суда, было бы очевиднымъ нарушеніемъ правъ церкви, оскорбленіемъ таинства, ею совершеннаго, какового нарушенія своихъ правъ не можетъ потерпѣть никакое благоустроенное ³⁾ общество. Въ дѣлахъ брачныхъ юрисдикція можетъ быть только церковная, и суду свѣтскому никонимъ образомъ не можетъ принадлежать право уничтоженія таинства брака. Въ отношеніи дѣлъ брачныхъ преобразование, исправленіе и измѣненіе могутъ имѣть мѣсто только въ самомъ ходѣ и веденіи дѣла съ процессуальной стороны“. Въ третьемъ отзывѣ говорится: „во всей православной церкви и въ греческой и въ славянской и въ русской бракоразводныя дѣла всегда были и нынѣ есть дѣла церковнаго суда. Иначе и быть не можетъ. Церковь, отъ которой требуютъ расторженія брака, какъ таинства, не можетъ постановить сего важнѣйшаго опредѣленія — на основаніи изслѣдованія, не его произведеннаго, безъ повѣрки его, не можетъ принять за несомнѣнное доказательство прелюбодѣянія—приговоръ какого-либо суда противъ своего собственнаго“... Далѣе выставляются предположенія, что „свѣтскій судъ можетъ состоять изъ иновѣрцевъ и въ такомъ составѣ разсматривать бракоразводныя дѣла и предписывать епископу православной церкви о расторженіи брака“. Въ четвертомъ отзывѣ утверждается: „съ передачею брачныхъ дѣлъ свѣтскому суду дѣятельность духовнаго начальства по этимъ дѣламъ была бы только исполнительная; духовное начальство обратилось бы въ исполнителя приговоровъ свѣтскаго суда, и дѣятельность его была бы одинаковою съ дѣятельностію полиціи при исполненіи приго-

¹⁾ Это что за прибавка? Въ которыхъ-же словахъ вѣчанія выражается „порука“? А что, если она оказалась *не крѣпка* и прелюбодѣяніе произошло? Вѣдь „поручитель“, коего „порука“ оказалась непрочною, чѣмъ-то *отвѣчаетъ* за поручительство, *терпитъ, наказывается*? Въ чемъ-же „ручающійся“ священникъ наказывается при обнаруженіи невѣрности тѣхъ, за кого онъ „поручился“. И такіе—то звуковые „воздухи“ произносились и были выслушиваемы въ кроваво-наболѣвшемъ дѣлѣ. В. Р—въ.

²⁾ То „договоръ“, то „таинство“... Твердо одно только въ этой болтовнѣ: *наше оно! не затрагивайтесь, это нашъ хлѣбъ и наша власть*“. Вотъ ужъ припомнишь: „не пріемли имени Господа Бога Твоего всуе“. В. Р—въ.

³⁾ „Благоустроенное“... О, Господи! вѣдь терпитъ-же „благоустроенное общество“ 100 лѣтъ грабежъ несчастныхъ семьяниновъ. В. Р—въ.

воровъ свѣтскаго суда. Такое положеніе унижительно и вредно для церкви и стѣснительно для церковной власти. Церковная власть, исполняющая приговоръ свѣтскаго суда, обязывается въ семь случаевъ на собственной отвѣтственности предъ Богомъ и церковью опредѣлять три важнѣйшія наказанія и дать одно важное разрѣшеніе, именно: опредѣлить расторгненіе брака, наложить церковную епитимію съ тяжкими послѣдствіями отлученія отъ св. причастія, осудить на всегдашнее безбрачіе и сверхъ того дать разрѣшеніе другому супругу вступать въ новый бракъ, и все это обязывается сдѣлать, не касаясь приговора свѣтскаго суда и единственно въ качествѣ исполнительной власти... Передача бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовныхъ судовъ въ свѣтскіе неизбежно сопровождалась бы вредными послѣдствіями для семейной жизни православнаго народа“. Останавливаемся на этихъ мнѣніяхъ, заимствованныхъ отчасти изъ книги „Предпол. реформа церков. суда“, съ мыслию нагляднѣе выразить соображенія за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ; но воздерживаемся отъ разбора содержащихся въ этихъ мнѣніяхъ разсужденій.

Мнѣнія духовныхъ консисторій, хотя и высказываются противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ свѣтскому суду, но совершенно въ другомъ, болѣе умѣренномъ тонѣ. Такъ въ одномъ изъ мнѣній пишется: „въ заключеніе не можемъ не высказать мнѣнія на предположеніе Комитета о передачѣ бракоразводныхъ дѣлъ гражданскому суду. Вопросъ самъ по себѣ важный и при своемъ разрѣшеніи требуетъ большой осмотрительности, тѣмъ болѣе, что возбужденъ не съ тѣмъ, чтобы облегчить церковь отъ множества дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію... Какъ бы то ни было, съ своей стороны согласны на уступку гражданской власти слѣдствій по бракоразводнымъ искамъ при депутатѣ съ духовной стороны, но самыя сужденія о разводѣ браковъ и судебные приговоры по дѣламъ подобнаго рода непременно должны принадлежать церкви. Бракъ есть таинство, которое совершается церковью, а потому и расторгненіе брачныхъ узъ есть прямое, можно сказать, исключительное право церкви... Этого мало. Бракъ есть дѣло церкви, а потому при расторгненіи она должна быть не пассивнымъ орудіемъ гражданской власти, а самостоятельнымъ судьей. Свѣтская власть, руководясь мірскими, часто плотскими понятіями и взглядами на бракъ, легко можетъ пренебречь всѣми принципами, на основаніи которыхъ церковь съ крайнею осмотрительностію и осторожностію расторгаетъ брачныя узы, а это поведетъ къ ослабленію брачныхъ связей, которыя и безъ того въ наше время шатки и не прочны, между тѣмъ, какъ крѣпость и святость ихъ составляютъ главную основу не только счастья семейнаго, но благоустройства общественнаго и благоденствія государственнаго“. Въ другомъ консисторскомъ мнѣніи раскрывается: „вопросъ о подсудности брако-

разводныхъ дѣлъ представляетъ множество сторонъ, изъ коихъ однѣ вызываютъ, повидимому, необходимость передать эти дѣла въ вѣдѣніе судовъ гражданскихъ, другія требуютъ оставить ихъ въ вѣдѣніи судовъ духовныхъ. Истина и справедливость, очевидно, на сторонѣ тѣхъ, которые защищаютъ послѣднее мнѣніе. При безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу нельзя не признать безусловно вѣрными слѣдующія положенія. Бракъ есть Богомъ установленное таинство. Оно совершается церковью, посему и расторженіе брака должно быть совершаемо судомъ церковнымъ. Нельзя гражданскому суду лишать священнослужителей сана; по тому же самому онъ не можетъ расторгать бракъ. Гражданскій судъ, конечно, не будетъ полагать рѣшеній о самомъ расторженіи брака, онъ только будетъ полагать рѣшенія о признаніи или непризнаніи фактовъ, по которымъ допускается разводъ; затѣмъ распоряженіе о самомъ расторженіи брака предоставляется епархіальному архіерею. Но этимъ сущность дѣла измѣняется. Въ рѣшеніи о признаніи событія будетъ заключаться и рѣшеніе о расторженіи брака; архіерею послѣ этого останется только быть исполнителемъ этого рѣшенія... Вреда отъ того не было и нѣтъ, что дѣла о расторженіи браковъ производились и производятся духовнымъ судомъ, а польза для всѣхъ очевидна; поэтому было бы прискорбно, если бы русская православная церковь сама отказалась отъ права, дающаго ей возможность поддерживать и укрѣплять добрые нравы между своими членами. Отказавшись отъ этого права, русская церковь сама положить начало учрежденію гражданскихъ браковъ"... Подобныя же мысли развиваются и въ другихъ мнѣніяхъ. Вообще если обобщить сужденія и мысли, высказанныя и развитыя въ мнѣніяхъ духовныхъ консисторій, то правильно будетъ сказать, что всѣ они вращаются около общей тенденціи, что передача бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ равносильна отреченію духовной власти отъ своихъ правъ, противна духу нашего законодательства по брачнымъ дѣламъ и поведетъ къ ослабленію идеи церковнаго брака и водворенію брака гражданскаго. Всѣ эти и подобныя соображенія отзываются какъ бы предвзятою мыслию болѣе утрашить, чѣмъ раскрыть предметъ.

Ознакомившись съ мотивами, по которымъ бракоразводныя дѣла требуютъ оставить въ духовномъ судѣ, слѣдуетъ принять въ соображеніе и основанія, по которымъ тѣ же дѣла предполагаютъ передать свѣтскому суду. Изложеніемъ этихъ основаній и займемся въ слѣдующей статьѣ, чтобы получить возможность въ заключеніе высказать свое сужденіе.

5. Основанія для передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ.

Департаментъ законовъ Государственнаго Совѣта, обсуждая въ 1810 г. вопросъ о порядкѣ суда по дѣламъ брачнымъ, находилъ

неудобнымъ, чтобы судъ о ничтожности браковъ и начинался и оканчивался въ одномъ Духовномъ управленіи. Вслѣдствіе сего признавая необходимымъ, чтобы слѣдствія о ничтожности браковъ были производимы въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, а вершеніе дѣла и окончательное опредѣленіе о ничтожности брака было предоставлено духовной власти, Департаментъ законовъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что консисторіи всегда обращались и ранѣе къ содѣйствію полиціи именпо во всѣхъ случаяхъ, когда была надобность въ производствѣ какихъ-нибудь дополнительныхъ разслѣдованій по дѣлу. Так. обр. введеніе свѣтскаго разслѣдованія вины развода даже не представляло-бы чего-нибудь новаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Департаментъ законовъ затруднялся представить одному духовному суду производство бракоразводныхъ дѣлъ и по неудовлетворительности внутренняго устройства духовнаго суда и способа рѣшенія дѣлъ. Департаментъ разсуждалъ: „изъ разсмотрѣнія состава духовныхъ мѣстъ открывается, что по самому существу ихъ образованія не представляютъ они въ первыхъ ихъ инстанціяхъ тѣхъ судебныхъ обрядовъ, кои дѣламъ симъ свойственны. Общій судебный порядокъ, принятый въ Россіи въ нижнихъ и среднихъ инстанціяхъ, предполагаетъ мѣсто, составленное изъ членовъ по выбору, имѣющихъ свободные голоса и рѣшающихъ дѣла по большинству мнѣній. Но консисторіи состоятъ изъ членовъ, коихъ опредѣленіе и удаленіе зависитъ единственно отъ усмотрѣнія архіерея. Они по самому составу своему обязаны исполнять его резолюціи. Всѣ опредѣленія ихъ однимъ рѣшеніемъ его могутъ быть опровергнуты, такъ какъ отъ одного его утвержденія могутъ они воспріять силу свою и дѣйствіе. Такимъ образомъ, собственно говоря, въ первой духовной инстанціи дѣла рѣшаются не судомъ, но однимъ дѣйствіемъ духовнаго лица. Если же въ дѣлахъ собственности, въ искахъ по имѣніямъ, самыхъ маловажныхъ, законъ ограждаетъ твердость правъ судебнымъ порядкомъ и не только не допускаетъ, но даже строго воспрещаетъ самымъ высшимъ губернскимъ чиновникамъ, губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ, вмѣшиваться лично ихъ властію въ рѣшенія сихъ исковъ, то какимъ образомъ можно допустить, чтобы дѣла толикой важности, какъ ничтожность браковъ, разрѣшаемы были въ первой ихъ инстанціи дѣйствіемъ одного лица“?

Нѣтъ надобности доказывать, что то неудобство, въ виду котораго Департаментъ законовъ настаивалъ на допущеніи участія свѣтскаго суда въ дѣлахъ бракоразводныхъ, имѣетъ всю свою силу и въ настоящее время. По нынѣ дѣйствующему Уставу духовныхъ консисторій (ст. 330) епархіальный архіерей пользуется правомъ, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ консисторіи, постановить свое рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе. Вообще, епархіальный архіерей по „Уставу духовныхъ консисторій“ представляется судіею, пользующимся правомъ утверждать какъ единоголосное, такъ и особое мнѣніе членовъ консисторіи, можетъ возвращать производство къ новому дополненію по собственному усмотрѣнію.

Высочайше учрежденный Комитетъ по преобразованію духовно-судебной части особенно подробно занимался обсужденіемъ вопроса о производствѣ брачныхъ дѣлъ. Полагая за несомнѣнное и неоспоримое, что духовному начальству должно принадлежать право расторгенія брака и признанія онаго незаконнымъ и не дѣйствительнымъ, комитетъ признавалъ возможнымъ— всю слѣдственную и судную часть по этимъ дѣламъ отнести въ свѣтскій судъ. Комитетъ много трудился надъ разрѣшеніемъ этой задачи. При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ были высказаны, обстоятельно и подробно развиты, два взаимно противоположныя мнѣнія. По соображеніи силы и убѣдительности этихъ мнѣній, Комитетъ основался на слѣдующихъ мотивахъ. Касаясь вопроса объ участіи духовнаго и свѣтскаго судовъ въ производствѣ брачныхъ дѣлъ, Комитетъ категорически выразилъ мысль, что тотъ и другой судъ не могутъ дѣйствовать съ равною самостоятельностью и значеніемъ. При разсмотрѣніи почти каждаго уголовного дѣла, можетъ встрѣтиться необходимость въ разъясненіи такихъ обстоятельствъ, которыхъ судъ или принадлежанія къ судебному вѣдомству лица не могутъ разслѣдовать сами, а требуется постороннее участіе. Такъ въ преступленіяхъ должности, вѣдомство, въ которомъ служить обвиняемый, сообщаетъ суду многія, необходимыя для дѣла, справки; въ дѣлахъ, въ которыхъ ответственность обвиняемаго зависитъ отъ медицинскаго опредѣленія свойства нанесеннаго поврежденія, заключеніе по этому предмету дается медиками; во всѣхъ дѣлахъ, требующихъ специальныхъ свѣдѣній, существенный вопросъ, отъ котораго иногда зависитъ разрѣшеніе дѣла, рѣшается экспертами; въ дѣлахъ о нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій, послѣднія сообщаютъ суду составленные ими протоколы, которые служатъ законнымъ основаніемъ къ производству дѣла; во всѣхъ случаяхъ полиція сообщаетъ судебному слѣдователю свои дознанія и по отдѣльнымъ событіямъ для производства слѣдствія и по особымъ обстоятельствамъ, входящимъ въ составъ дѣла. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, начальство обвиняемаго, медики, эксперты, казенныя управленія и полиція производятъ иногда подробныя дознанія, представляющія цѣлыя слѣдствія, — разрѣшаютъ вопросы въ высшей степени сложные и спорные, имѣющіе нерѣдко окончательное вліяніе на исходъ дѣла; при всемъ томъ эти учрежденія и лица дѣйствуютъ не въ качествѣ суда и не исправляютъ судебной дѣятельности. Соотвѣтственно сему и участіе духовнаго суда въ дѣлахъ бракоразводныхъ, можетъ получить значеніе органа административнаго. Если отнести это участіе къ судебнымъ дѣйствіямъ, то пришлось бы допустить двойственность судопроизводства со слѣдующими затрудненіями. Въ такомъ случаѣ оба суда — духовный и свѣтскій, по необходимости, должны были бы сообразо-

ваться съ приговорами одинъ другого, чтобъ не впасть въ противорѣчіе; подобная зависимость рѣшеній одного суда отъ другого въ корнѣ подрывала бы ихъ свободу рѣшеній и вселяла бы справедливое недоувѣріе къ ихъ приговорамъ. Поэтому въ видахъ самого правосудія, необходимо участіе одного изъ судовъ ограничить только вспомогательною или дополнительною дѣятельностью. Такое вспомогательное участіе безспорно должно выпасть на долю суда духовнаго, котораго и наказанія, какъ напр., расторженіе брака, наложеніе церковной епитиміи и запрещеніе вступать въ новый бракъ, суть взысканія, являющіяся судебными послѣдствіями въ отношеніи къ осужденнымъ.

Ограничивая такимъ образомъ дѣятельность Духовнаго суда, Комитетъ находилъ болѣе правильнымъ предоставить свѣтскому суду производство бракоразводныхъ дѣлъ по искамъ о разводѣ. Въ отношеніи къ расторженію брака, по неспособности одного изъ супруговъ къ супружескому сожитію, комитетъ разсуждалъ, что производство этихъ дѣлъ должно принадлежать свѣтскому суду, а не духовному; потому что самая неспособность къ брачному сожитію принадлежать къ числу явленій, не заключающихъ въ себѣ духовнаго элемента, и по существу своему составляетъ предметъ свѣтскаго законодательства; а потому и изслѣдованіе о фактѣ неспособности къ брачному сожитію болѣе совмѣстно съ призваніемъ свѣтскаго, нежели духовнаго суда. Дѣятельность сего суда будетъ состоять въ установленіи факта для разрѣшенія вопроса о правѣ просителя на расторженіе брака, самое же расторженіе брака должно быть оставлено за духовною властью.

Въ отношеніи къ расторженію брака по нарушенію супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ, Комитетъ основывался на слѣдующихъ соображеніяхъ. Эти дѣла касаются нарушенія супружескихъ и семейственныхъ правъ, имѣющихъ значеніе въ гражданскомъ обществѣ и охраняемыхъ свѣтскимъ законодательствомъ. Производство этихъ дѣлъ въ свѣтскомъ судѣ не только ручается за большій успѣхъ и правильность ихъ изслѣдованія, но и представляется болѣе совмѣстнымъ съ практикою сего суда. Изслѣдованіе причины развода нерѣдко сопровождается раскрытіемъ такихъ подробностей, которыя требуютъ осмотра самыхъ помѣщеній преступленія и обязываютъ слушать и видѣть безнравственныя и соблазнительныя сцены, неприличныя для лица духовнаго сана и монашескаго званія. Изъ того, что бракъ совершается при участіи и по благословенію церкви, отнюдь не вытекаетъ, что и нарушенія сего союза должны подлежать суду духовному; расторженіе брака, какъ прекращеніе супружескаго сожитія, едва ли можно отождествлять съ уничтоженіемъ благодатнаго таинства. Передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ ни мало не колеблется церковный характеръ брака, не вводится бракъ граждан-

скій и не узаконяется произвольность развода. Съ этою передачею въ вѣдѣніи духовной власти остается все, что ей причлещуется и принадлежит по праву и закону. Отойдетъ отъ ея подсудности только то, что по существу не относится къ церковной сферѣ и должно быть изслѣдуемо на общихъ основаніяхъ гражданскаго права.

6. Данныя къ рѣшенію вопроса о бракоразводномъ процессѣ.

Въ настоящее время дѣла о прелюбодѣяніи вѣдаются или въ свѣтскомъ, или въ духовномъ судѣ. Въ свѣтскомъ судѣ дѣла о прелюбодѣяніи вчиняются и производятся въ томъ случаѣ, когда оскорбленный супругъ проситъ о наказаніи виновнаго по церковнымъ законамъ. Нарушеніемъ супружеской вѣрности прежде всего и главнымъ образомъ причиняется нравственный вредъ и наносится оскорбленіе потерпѣвшему супругу, но нельзя оспаривать, что въ этихъ случаяхъ затрагиваются и общественные интересы, морально страдаетъ и общество. Конечно общественные интересы парализуются какъ тѣмъ, что послѣ разводовъ появляется не мало разстроенныхъ семействъ, такъ и отъ того, что во средѣ общества нарождается какъ бы особый контингентъ лицъ разведенныхъ мужей и разведенныхъ женъ, на которыхъ неизбѣжно остается нѣкоторая тѣнь нравственнаго приниженія во мнѣніи общества. Посему естественно желать, чтобы разводовъ по возможности было меньше, въ смыслѣ осмотрительности самаго вчиненія исковъ.

Въ прежнемъ нашемъ законодательствѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій порядокъ.

Святѣйшій Синодъ въ каждомъ опредѣленіи, по которому полагалось расторгнуть бракъ, по причинѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ, присовокуплялъ слѣдующее: „поелику такой-то супругъ оказывается виновнымъ въ прелюбодѣяніи, то выписку изъ настоящаго опредѣленія Святѣйшаго Синода, на основаніи I примѣчанія къ 1630 ст. Зак. Угол. т. XV, Свод. Зак. 1842 г. (по VI продолженію), препроводить въ Правительствующій Сенатъ“. Правительствующій Сенатъ, получивъ изъ Синода свѣдѣніе, постановлялъ опредѣленіе въ такомъ смыслѣ: „копію съ опредѣленія Святѣйшаго Синода о расторженіи брака такого-то съ его женою, по причинѣ нарушенія имъ супружеской вѣрности прелюбодѣяніемъ, препроводить въ такое то губернское правленіе, предписавъ оному, согласно означенному опредѣленію Синода, о преданіи виновнаго суду, на точномъ основаніи примѣчанія къ 1630 ст. т. XV Свод. Зак. 1842 г. по VI продолженію, сдѣлать надлежащее распоряженіе“. Возстановленіе настоящаго порядка, или другого ему подобнаго, заключающаго въ себѣ угрозу уго-

ловнаго наказанія и въ случаѣ расторженія брака по прелюбодѣянью, предупредить немало повторяющихся въ настоящее время случаевъ развода по уговору и предварительному соглашенію супруговъ.

Подсудность брачныхъ дѣлъ исключительно духовному суду не составляетъ такой юридической или канонической догмы, которая бы исключала возможность перемѣны въ этомъ отношеніи.

Проектированный Комитетомъ порядокъ производства бракоразводныхъ дѣлъ, съ участіемъ суда свѣтскаго, есть послѣдовательный результатъ предшествовавшихъ по сему вопросу теченій. Надо думать, что этому порядку и въ настоящее время отдадутъ должное. Если бы и въ самомъ дѣлѣ былъ принятъ этотъ порядокъ, т. е. передача слѣдственныхъ функцій въ свѣтскій судъ, — то эту передачу не только облегченъ будетъ духовный судъ, но и производство бракоразводныхъ дѣлъ станетъ на твердую и болѣе легальную почву. Существующій нынѣ порядокъ производства бракоразводныхъ дѣлъ на духовномъ судѣ представляетъ много недостатковъ и неудобствъ, открывающихъ пути и поводы къ разнымъ злоупотребленіямъ, какъ напримѣръ: нерѣдко супруги ищутъ и достигаютъ развода по напередъ условленному между ними соглашенію; нерѣдко выступаютъ свидѣтелями-очевидцами такія лица, которыя за выговоренную плату даютъ показанія о такихъ обстоятельствахъ, очевидцами которыхъ они никакъ не могли быть; предпринимаются и другія ухищренія въ обходъ неясно и неточно выраженнаго закона. Св. Синодъ всякій разъ, когда возражалъ противъ передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ, по причинѣ недостатковъ производства этихъ дѣлъ на судѣ духовномъ, давалъ обѣщаніе о переустройствѣ духовнаго суда и о начертаніи новыхъ для производства сихъ дѣлъ правилъ; но обѣщанія эти оставались и остаются безъ исполненія и очевидно потому, что ихъ трудно выполнить. Правда, по введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., Св. Синодъ принималъ мѣры къ усовершенствованію законовъ о судопроизводствѣ по духовно-судебной части. Для предварительной разработки сего вопроса и для составленія основныхъ положеній предполагаемой реформы, съ Высочайшаго соизволенія былъ образованъ Комитетъ, который и составилъ проектъ такихъ положеній, въ томъ числѣ и положенія о производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ. Проектъ этотъ остается неразсмотрѣннымъ; равнымъ образомъ и та часть сего проекта, которая касается дѣлъ брачныхъ, не получила дальнѣйшаго движенія, хотя вопросъ объ этомъ и возникалъ именно съ мыслию устраненія злоупотребленій въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ, для пресѣченія которыхъ Высочайше было повелѣно изыскать надлежащія мѣры. Безуспѣшность этого предпріятія объясняется тѣмъ, что особое

совѣщаніе, соображавшее мѣры къ пресѣченію указанныхъ злоупотребленій, остановилось на мысли, что существующія въ настоящее время въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ злоупотребленія въ значительной степени были бы устранены чрезъ измѣненіе, согласно положеніямъ означеннаго проекта, порядка производства брачныхъ дѣлъ. Св. Синодъ въ большинствѣ своихъ членовъ призналъ невозможнымъ измѣнить порядокъ духовнаго суда по дѣламъ брачнымъ, согласно предначертанному Комитетомъ проекту, потому что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о тайнствѣ церкви. На основаніи этой мысли обыкновенно строятся возраженія противъ передачи въ свѣтскій судъ бракоразводнаго процесса, т. е. обслѣдованія и удостовѣренія причины развода. Насколько убѣдительно подобныя возраженія, позволимъ себѣ размыслить въ слѣдующей статьѣ, чтобы получить надежный исходный пунктъ къ рѣшенію обсуждаемаго вопроса.

7. Исходный пунктъ въ рѣшеніи вопроса о бракоразводномъ процессѣ.

Главное затрудненіе въ вопросѣ объ измѣненіи порядка производства бракоразводныхъ дѣлъ усматривается въ томъ, что при этомъ измѣненіи всегда предносится и высказывается мысль о необходимости перенесенія судебной части по брачнымъ дѣламъ изъ духовнаго въ свѣтскій судъ. Перенесеніе это признается неудобнымъ въ виду соображенія, что бракъ есть таинство церкви и что посему дѣла о расторженіи брака должны быть всецѣло сосредоточены въ духовномъ судѣ. Проникая трезвою мыслию въ глубину вопроса, нельзя не признать послѣднимъ заключеніемъ, будто расторженіемъ брака, словомъ—разводомъ, уничтожается таинство, совершаемое церковію и состоящее въ сообщеніи особой благодати сочетавающимся. Если бы въ самомъ дѣлѣ расторженіемъ брака, разводомъ, разрушалось таинство церкви, разрушалась благодатная стихія, присущая сему таинству; то надо думать, что ни церковь въ своихъ канонахъ, ни государство въ своемъ законодательствѣ не доускали и мысли о расторженіи брака, по причинѣ невозможности уничтоженія какого бы то ни было таинства. Если церковь доускаетъ, хотя бы изъ снисхожденія къ человѣческой слабости, расторженіе брака,—то тѣмъ самымъ она обязываетъ смотрѣть на дѣло и взирать на предметъ иначе. Тайственная сущность брака, дѣйствительно, связывается съ тѣмъ благословеніемъ, которое преподается церковію чрезъ браковѣчаніе. Но эта сущность никомъ образомъ не можетъ быть отождествляема съ брачнымъ сожительствомъ, а потому и прекращеніе сего сожитія нельзя принимать за уничтоженіе таинства.

„Еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ“. Во власти

человѣка нѣтъ средствъ посягнуть на то, чтобы уничтожить дары божественной благодати. Если бы сіе было возможно, то для падшихъ людей оставалось бы невозможнымъ покаяніе. Какъ нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе, такъ и Господь всѣхъ людей призываетъ къ спасенію. Не приходятъ къ Господу и не участвуютъ въ дарахъ Его благодати только тѣ, кто не хочетъ, не ищетъ, и даже чуждается этого. Въ таинствѣ брака, дѣйствительно, преподается сочетающимся особая благодать, которая грѣховный, плотскій союзъ мужа и жены ¹⁾ одухотворяетъ, возвышаетъ и совершенствуется до уподобленія его духовному, таинственному союзу Христа съ Его церковію; но она не перерождаетъ природы естественныхъ влеченій, не уничтожаетъ свободы человѣка и не ставитъ его въ положеніе раба для исполненія ея требованій и въ пользованіи ея спасительными средствами.

„Привязался женѣ, не ищи разрѣшенія“, говоритъ апостоль. Этимъ онъ научаетъ обуздывать плотскія вожделнія, чтобы не попасть въ плѣнъ страсти, отравляющей мирныя, супружескія отношенія. Въ таинствѣ брака преподается человѣку потребныя средства, необходимыя для препровожденія святой и богоугодной жизни въ условіяхъ плотскихъ влеченій; но всѣмъ этимъ супруги пользуются тогда, когда устрояютъ свою жизнь и свои супружескія отношенія на страхъ Божіемъ, съ мыслію взаимнаго довѣрія, взаимной помощи, взаимнаго самопожертвованія. „Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена“. Отожествленіе интересовъ, мыслей и чувствъ до уничтоженія раздѣльности между моимъ и твоимъ должно сопровождать истинный супружескій союзъ. Кто живетъ и дѣйствуетъ по указанію этихъ началъ, тотъ благодѣствуетъ и мирствуетъ подъ сѣнію благодати, скрѣпляющей и освящающей супружество. Кто устраняется отъ сихъ началъ, тотъ утрачиваетъ и свой благодатный жребій.

Бракъ есть союзъ мужа и жены, установленный и благословенный Богомъ ²⁾ еще въ невинномъ состояніи ³⁾ человѣковъ для взаимнаго удовлетворенія половыхъ влеченій, для взаимнаго блага

¹⁾ Такъ и за мнимъ: „грѣховный, плотскій союзъ мужа и жены“. Очень важно для анализа дѣла. В. Р—евъ.

²⁾ Какъ, „Богомъ установленъ“ „грѣховный плотскій союзъ“ (выше слова)? Не есть-ли это богохульство? Нѣтъ, это просто бессмыслица не выславшагося семинариста. В. Р—евъ.

³⁾ Какъ, „въ невинномъ состояніи“, когда онъ (см. выше) есть „грѣховный“ союзъ? Но семинаристъ все еще спитъ душевно и только машинально водитъ по бумагѣ перомъ, обмакнутому въ чернилицу. Изъ такихъ вожденіи мокрымъ перомъ по сухой бумагѣ образованы не только журнальныя статьи, но даже существенныя части самыхъ „трансцендентныхъ“ разсужденій ученыхъ изъ Москвы, Питера, Казани и Кіева. В. Р—евъ.

и счастья, словомъ для взаимнаго существованія, а вмѣстѣ и продолженія человѣческаго рода. Но этотъ союзъ, по паденіи, приобрѣлъ еще новое значеніе: онъ сдѣлался средствомъ— для огражденія себя человѣковъ отъ грѣха любодѣянія. „Во избѣжаніе блуда“, научаетъ апостоль, „каждый мужъ имѣй свою жену и каждая жена имѣй своего мужа“. Поставляя бракъ законною нормою земнаго существованія человѣка, въ параллель дѣвству, апостоль и продолженіе брака ограничиваетъ предѣломъ смерти. „Жена, если умретъ ея мужъ, свободна выдти за другого“. Какъ параллельная дѣвству норма правильнаго земнаго существованія человѣка, бракъ и его отношенія оканчиваются земнымъ предѣломъ. „Въ воскресеніе ни женятся, ни выходятъ замужъ, но пребываютъ какъ ангелы Божіи на небесахъ“. Если бракъ есть союзъ мужа и жены, опредѣленный предѣломъ ихъ земнаго существованія, и назначенъ для земной жизни человѣка,— то слѣдовательно въ условіяхъ этого существованія и въ требованіяхъ земной жизни должны быть разсматриваемы и уклоненія отъ этого союза, коль скоро они существуютъ. У насъ рѣчь о расторгеніи брака, иначе говоря—о разводѣ, и притомъ не въ принципиальномъ значеніи сего слова, т. е. допустимъ или недопустимъ разводъ съ церковной точки зрѣнія, а въ практическомъ—именно въ томъ, какія можно начертать правила, какой слѣдуетъ принять порядокъ для правильнаго примѣненія допущеннаго церковію развода. Церковь не узаконяетъ, а лишь допускаетъ разводъ, и не въ угоду произволу супруговъ¹⁾ или въ удовлетвореніе обоюдныхъ ихъ желаній, хотя и не безъ ихъ законной инициативы. Церковь соглашается на разлученіе супруговъ въ томъ случаѣ, если между ними въ корнѣ нарушена связь супружескихъ отношеній, если мужъ, оставивъ свою жену, или жена, оставивъ своего мужа, начали прилѣпляться тѣломъ, которымъ ни тотъ ни другая не могутъ свободно располагать, къ другой женѣ или къ другому мужу. Въ этомъ случаѣ бракъ оказывается нарушеннымъ въ самой основѣ супружескихъ отношеній. Нарушающій супружескую вѣрность супругъ оказывается

¹⁾ Всегда казались мнѣ удивительнымъ и непонятнымъ: да если *жить въ супружествѣ* можно принудить насильно, то отчего не допустить *насилія въ вѣнчаніи*?! Вѣдь страшно не *часъ подъ вѣнцомъ противъ воли простоять*, а страшно—послѣ вѣнца *супружествовать* противъ воли! и для предупрежденія этого второго страха,—въ супружествѣ, а не при вѣнчаніи,—и запрещено *насиліемъ вѣнчать*! Но не давая развода „по произволу супруговъ“, мы ео ipso устанавливаемъ насильственное супружество, и ужъ ничего не стоитъ, пусть отцы духовные не стѣсняются, объявить позволительнымъ и принужденіе къ вѣнчанію. Все одно: для насъ, мирянъ, и для самаго таинства—одно. Свобода въ вѣнчаніи безъ свободы въ разводѣ есть просто риторическій остатокъ, потерявшій всякое для себя основаніе предразсудокъ. В. Р.—*с.*

оскорбителемъ чести и правъ другого супруга и нарушителемъ даннаго имъ предъ людьми, Богомъ и церковію обѣщанія—пробыть въ союзѣ до конца жизни; но онъ становится вмѣстѣ и грѣшникомъ, отвѣтственнымъ передъ благодатію, которая освятила и возвысила его плотской союзъ до духовнаго, благословеннаго Богомъ сопряженія. Посему, при нежеланіи обиженнаго супруга искать развода, и при послѣдовавшемъ примиреніи супруговъ, бракъ остается въ силѣ и дѣйстви. При отсутствіи сихъ мотивовъ наступаетъ вопросъ о разводѣ, которымъ обиженному супругу предоставляется свобода, но не изглаживается грѣхъ обидшаго.

Въ расторженіи брака слѣдуетъ различать два предмета: законную причину къ разводу, и самый разводъ, или разлученіе супруговъ. Первая требуетъ изслѣдованія, удостовѣренія въ томъ, что дѣйствительно обвиняемый супругъ виновенъ въ приписываемомъ ему преступленіи; послѣдній нуждается въ санкціи, объявляющей бракъ болѣе не существующимъ. Можно ли безъ усилія мысли утверждать, что для расторженія брака должно имѣть преимущественное значеніе то, чтобы прелюбодѣянiе было изслѣдовано и доказано на духовномъ, а не на свѣтскомъ судѣ. Исходный пунктъ къ рѣшенію вопроса въ томъ: какой судъ имѣетъ болѣе способъ и располагаетъ болѣе надежными средствами для раскрытія и изслѣдованія причины преступленія. Свѣтскіе суды, при настоящемъ ихъ устройствѣ, имѣютъ болѣе способъ и средствъ для разрѣшенія исковъ о прелюбодѣянiи, духовные суды наоборотъ, въ виду нынѣшняго неудовлетворительнаго ихъ состоянія, должны быть преобразованы. Преобразование это можетъ и не привести къ желательнымъ результатамъ уже потому, что духовные суды безъ посторонней помощи не могутъ управиться. Если же эта помощь будетъ нужна въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свѣтскому суду; то послѣдній съ болѣшимъ правомъ и удобствомъ можетъ ею пользоваться.

Передача бракоразводныхъ дѣлъ изъ духовнаго въ свѣтскій судъ, кромѣ обезпеченія большей правильности производства этихъ дѣлъ, освободитъ духовное начальство отъ множества обременительныхъ для него функций. Производство этихъ дѣлъ бываетъ иногда сопряжено съ крайне неблагоприятными дѣйствіями. Кромѣ того, сколько епархіальными преосвященными затрачивается времени на прочтеніе иногда обширныхъ, полныхъ всякаго рода ухищреній, бракоразводныхъ дѣлъ, каковое время съ болѣею пользою могло бы быть употреблено преосвященными на другія, болѣе цѣнныя занятія. Позволительно усумниться въ томъ, чтобы чтеніе консисторскихъ протоколовъ по бракоразводнымъ дѣламъ облегчало пастырскую дѣятельность для воздѣйствія на паству въ духѣ христіанскаго назиданія; еще менѣе можно утверждать, что

матеріаль бракоразводнаго процесса составляетъ необходимое приобращеніе для пастырскаго пониманія недуговъ общественной среды. Вообще трудно указать стороны, которыя бы свидѣтельствовали, что выслушивание судныхъ рѣчей на бракоразводномъ процессѣ требуется именно пастырскимъ служеніемъ духовныхъ лицъ. Бракоразводные процессы въ большинствѣ случаевъ касаются такихъ житейскихъ отношеній, которыя чужды нравственной стихіи, отъ начала до конца бываютъ проникнуты одними ухищреніями развращеннаго чувства и страстію помраченнаго разсудка. И ужели все это необходимо выслушивать собственнымъ ухомъ, чтобы быть, какъ говорится, въ курсѣ дѣла, дабы увѣриться въ фактъ преступленія и постановить рѣшеніе? Ничего не потеряетъ духовная власть и не снизойдетъ съ высоты своего положенія въ томъ случаѣ, если она, устранившись отъ соблазнительныхъ сторонъ бракоразводнаго процесса, сохранитъ за собою пути свойственнаго ей духовно-нравственнаго воздѣйствія на страждущихъ недугомъ взаимнаго отчужденія супруговъ. Не такъ на судѣ, при всей торжественной обстановкѣ, при всѣхъ искусныхъ, инквизиціонныхъ приемахъ судебного процесса, можно испытать нравственное состояніе человѣка и увѣриться въ его испорченной настроенности, влекущей къ паденію, какъ всего этого и съ большимъ успѣхомъ возможно достигнуть на домашнемъ судѣ, при испытаніи глазъ-на-глазъ образа мыслей и настроенности человѣка, при увѣщаніи его сознать и возненавидѣть грѣхъ, примириться съ обидчикомъ и простить его суетныя и страстныя увлеченія. Формализмъ суда не столь надежное средство для осязательнаго убѣжденія въ истинѣ изслѣдуемаго, какъ непосредственность обращенія къ мыслямъ и чувствамъ испытываемаго. А потому и гнаться за судебною процедурою, чтобы удержать ее въ своихъ рукахъ, нѣтъ резоннаго основанія.

Кто-нибудь можетъ быть скажетъ: свѣтскій судъ, изслѣдуя фактъ прелюбодѣянія, какъ причину къ разводу, будетъ заниматься анализомъ таинства церкви? Отвѣчаемъ—нѣтъ. Свѣтскій судъ будетъ изслѣдовать и опредѣлять взаимныя отношенія супруговъ и, въ частности, прикосновенность обвиняемаго къ приписываемому ему дѣянію. Благодатная таинственная сущность брака этимъ не затрогивается. Тяжущіеся виновны и отвѣтственны предъ этою сущностью тѣмъ, что они не соблюли и не сохранили залога освятившей ихъ плотскія грѣховныя вожделнія ¹⁾ благодати. Они уклонились изъ-подъ сѣни этой благодати на рас-

¹⁾ Слова, опять важныя для теоріи брака: вся его матеріальная сторона, т. е. въ сущности весь его субстратъ, то—*для чего* онъ и *чѣмъ* онъ отличается отъ дружбы, союза и пр., квилифицируется, безъ доказательствъ и сомнѣнія въ истинѣ словъ, „плотскимъ грѣховнымъ вожделніемъ“. В. Р.—*с.*

путія страсти, нарушивъ притомъ общепринятый и общеустановленный порядокъ супружеской и семейной жизни. Дѣйствительность и мѣра нарушенія этого порядка и изслѣдуется на судѣ, а не потеря и утрата супругами полученной ими въ церковномъ благословеніи благодати. Дѣйствія послѣдней супруги снова могутъ приобщиться, искренно раскаявшись въ своемъ увлеченіи и вступивъ въ мирныя, супружескія отношенія. Бракъ честенъ и супружеское ложе не скверно, но лишь при томъ необходимомъ условіи, если супруги взаимно хранятъ цѣломудріе, оберегаютъ чистоту собственнаго тѣла отъ посторонняго прикосновенія, и воздерживаются въ мысляхъ, чувствахъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ отъ разслабляющихъ и отравляющихъ нравственное чувство порочныхъ вождельній. Если же указанныя условія супружескихъ отношеній нарушены супругами, въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ нимъ они сами устраняются и отъ дѣйственности благодати. А потому и свѣтскій судъ, разсматривая и констатируя ненормальность супружескихъ отношеній, тѣмъ самымъ только можетъ подтверждать и то, что супруги пренебрегли полученнымъ ими благодатнымъ даромъ и не сохранили добровольно даннаго ими предъ людьми, Богомъ и церковью обѣта взаимной супружеской вѣрности и неразрывнаго супружества. При наглядномъ подтвержденіи этого судомъ, станетъ и для духовной власти очевиднымъ то, что супруги утратили залогъ безмятежнаго и мирнаго существованія, — а потому могутъ быть разведены отъ обязательнаго по закону церкви и государства купножителства. Разводъ въ такомъ случаѣ явится необходимымъ послѣдствіемъ существующаго моральнаго разобщенія супруговъ и прекращенія ихъ супружескихъ отношеній.

Высказываютъ и другія опасенія, что передача бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ поведетъ къ дальнѣйшему ослабленію брачныхъ узъ, которыя и безъ того въ наше время шатки и непрочны, и вмѣстѣ съ тѣмъ проложитъ путь къ водворенію гражданскаго брака съ потемнѣніемъ идеи брака церковнаго. Шаткость и непрочность брачныхъ узъ въ настоящее время достигли крайней степени разслабленія. Явленія эти возымѣли силу въ послѣднее время, при сосредоточеніи бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ. Слѣдовательно, для борьбы съ этими, пагубными для общества, явлениями, надо призвать другихъ дѣятелей. На органахъ гражданской власти не можетъ не лежать обязанности охраненія государственнаго и общественнаго благоденствія посредствомъ скрѣпленія брачныхъ узъ и отверденія семейнаго счастья. Позволительно питать надежду и быть увѣреннымъ въ томъ, что брачныя узы окрѣпнутъ, и погоня за разводами уляжется, если съ передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ полученіе развода будетъ обставлено такими условіями, которыя повлекутъ

за собою послѣдствія, могущія отрезвляющимъ образомъ дѣйствовать на произволъ и легкомысліе, съ которыми въ настоящее время ищутъ и домогаются разводовъ. Этому надо желать и къ этому стремиться; иначе какое же получится улучшение съ перенесеніемъ бракоразводнаго процесса изъ одного суда въ другой, если симъ дѣломъ станутъ заниматься только новые люди, но безъ новыхъ идеальныхъ требованій, а на старыхъ изветшавшихъ основаніяхъ. Передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ надо стремиться не только усовершенствовать бракоразводный процессъ, но и поднять идею самаго брака чрезъ отрезвление его нарушителей. Идея гражданскаго брака съ потемнѣніемъ церковнаго уже предносится въ сознаніи увлекающихся умовъ, но эта идея требуетъ многого для своего дѣйствительнаго осуществленія. Для сего надо перевоспитать народное сознаніе и довести его до забвенія религіозныхъ началъ. Но... гражданскій бракъ не сроденъ русскому народу, какъ удостовѣряютъ въ томъ наши раскольники, которые чуждаются записи своихъ браковъ въ установленныя для нихъ гражданскія метрики, а ищутъ для нихъ благословенія у своихъ уставщиковъ. Посему опасенія насчетъ водворенія гражданскаго брака есть очень отдаленныя стадіи, а потому объ нихъ можно и умолчать...

Съ осторожностію слѣдуетъ относиться и къ завѣреніямъ, будто передачею бракоразводныхъ дѣлъ въ свѣтскій судъ духовная власть отказывается отъ своего законнаго права, нисходитъ на степень исполнительной, чуть не полицейской оффиціи, и становится въ несвойственное ей приниженное положеніе. Подобныя завѣренія проистекаютъ изъ предубѣжденія и могутъ вліять на нервность, оставляя въ сторонѣ сущность дѣла. Ничего подобнаго не послѣдуетъ, если за духовною властію останется, какъ сказано выше, неотъемлемо принадлежащее ей право увѣщанія супруговъ къ примиренію и санкція развода; если это право увѣщанія не будетъ однимъ оффиціальнымъ въ рукахъ епархіальнаго архіерея распоряженіемъ о производствѣ увѣщаній, а будетъ выражаться въ дѣйствительномъ архипастырскомъ словѣ, растворенномъ любовію и участіемъ къ разобщающимся супругамъ. Вообще всѣ разсѣиваемыя въ мотивахъ за оставленіе бракоразводныхъ дѣлъ въ духовномъ судѣ увѣренія насчетъ неблагопріятныхъ послѣдствій отъ передачи этихъ дѣлъ свѣтскому суду слѣдуетъ отнести къ преждевременнымъ. Останется не тронутою благодатная сторона таинства, сохранится достоинство духовной власти, имѣющей дѣло съ совѣстію и внутреннимъ настроеніемъ человѣка; не привнесетъ и свѣтская власть плотскихъ взглядовъ на бракъ, если ея дѣятельность будетъ ограничена присущею ей сферою. Для сохраненія всего этого надо желать, чтобы бракоразводный процессъ въ его развитіи былъ направленъ къ тому.

чтобы, ограничивъ произволъ и страстность разводящихся супруговъ, оградить семейное начало отъ потрясеній, поддержать устой общественной нравственности, сохранить церковную дисциплину, и дать государственному закону право предупреждать аномальныя явленія. Со всѣмъ этимъ необходимо считаться, чтобы избѣжать худшихъ послѣдствій!)... („Церковный Вѣстн.“ за 1901 г., №№ 22—30).

III. Изъ „Дневниковъ“ кн. В. П. Мещерскаго.

Суббота, 4 августа, 1901.

Съ легкой руки „Церковнаго Вѣстника“, которому почему-то придаютъ значеніе чуть-ли не оффиціознаго церковнаго органа, пошла по всей линіи газетной печати пальба по вопросу о разводѣ!.. Обрадовались наши писаки, такъ какъ всѣ рѣшительно вопросы русскаго „быть или не быть“ ими были истрепаны, и не о чемъ было писать; и вдругъ такая находка: брачный разводъ, да еще съ переводомъ его изъ-подъ рясы подъ фалды чиновничьяго виць-мундира судебнаго вѣдомства!

Дѣйствительно, лакомый кусочекъ для нашей исхудалой отъ *безвопросицы* печати.

Когда-то Прекрасная Елена гѣла подъ крики восторговъ ея обожателей: „Всѣ мы жаждемъ любви“, теперь газетная толпа оретъ: „всѣ мы жаждемъ развода“... И Боже мой, сколько явилось на газетныхъ простыняхъ драматичеоккихъ изображеній, сентиментальныхъ изліяній, крокодиловыхъ слезъ; потоками они полились надъ бѣдными жертвами затрудненнаго развода. А главное, какая лафа, въ припрыжку за „Церковнымъ Вѣстникомъ“, доказывать, что разводъ—дѣло вовсе не Церкви, а окружнаго суда!

Все это очень занимательно и пикантно. Но всего интереснѣе,—это вопросъ: почему-де вздумалось нынѣшнимъ расоносцамъ²⁾

¹⁾ И въ этихъ пространныхъ диссертаціяхъ о разводѣ, весьма нами сокращенныхъ черезъ пропускъ духовно-канцелярскихъ подробностей, и въ которыхъ казалось-бы такъ и иначе трогаются а) интересы ребенка, б) интересы мужа, с) интересы жены,—о первомъ вовсе не упоминается, а двое послѣднихъ трактуются какъ не то прощальныя, не то преступники. Такъ-что перенесенное въ Кормчую изъ *Cogit juris civilis* еще языческое опредѣленіе брака: „бракъ есть мужа и жены союзъ и жребій на всю жизнь, соединеніе божественнаго и человѣческаго права“,—къ концу XIX-го вѣка стало читаться уже такъ: „бракъ есть переписка между канцеляріями духовнаго и свѣтскаго вѣдомства, и взаимное ихъ препирательство о томъ, кому принадлежитъ священное право и значительныя выводы мучить и раззорять едино-паспоратныхъ мужинъ и женщинъ“. В. Р—въ.

²⁾ Какой жаргонъ у кн. Мещерскаго. Ну, можно-ли представить, чтобы надсмѣиваясь надъ „рясою“, т. е. надъ *тайнствомъ священства*, онъ

„Церковнаго Вѣстника“ пустить въ печать мысль объ отнятіи у Церкви веденія дѣла о брачномъ разводѣ и о передачѣ его свѣтскому суду? Потому-ли, что Церковь не можетъ съ нимъ справляться по скудости своихъ духовныхъ средствъ, по своей духовной немощи, или потому, что въ XX вѣкѣ приличнѣе для духа времени дѣла о расторженіи таинства брака передать въ вѣдѣніе свѣтскихъ судей, тѣмъ паче, что по нынѣшнимъ временамъ, вѣроятно, большая ихъ часть ни въ какія таинства не вѣруетъ?

Вопросъ этотъ очень интересенъ и очень серьезенъ, и серьезнѣе, чѣмъ это можетъ казаться съ поверхностнаго на него взгляда, ибо если ни для кого не тайна, что образъ, что образъ, коимъ церковь вѣдаетъ у насъ дѣла о разводѣ, очень ужъ устарѣлъ, и вслѣдствіе этого является мысль о передачѣ этихъ дѣлъ въ свѣтскіе суды, какъ объ единственномъ средствѣ улучшить порядокъ ихъ веденія, то всякій благочестивый членъ церкви съ душевнымъ смущеніемъ долженъ задать себѣ вопросъ: неужели церковь наша до того духовно немощна, что, сознавъ недостатки веденія у себя бракоразводныхъ дѣлъ, она не въ силахъ ихъ исправить настолько, чтобы довести ихъ до уровня, подобающаго таинству, и о своемъ безсиліи свидѣтельствуеетъ, сдавая эти дѣла свѣтскимъ судамъ?

Мнѣ кажется, что надъ этимъ вопросомъ стоитъ призадуматься...

Затѣмъ есть другое весьма серьезное соображеніе, надъ которымъ не мѣшало-бы призадуматься, прежде чѣмъ увлекаться либеральною затѣею, — дѣла о брачномъ разводѣ сдать въ вѣдѣніе свѣтскихъ судовъ.

Ни для кого тоже не тайна, что благодаря разнымъ причинамъ, изложеніе коихъ составило-бы многостраничный томъ, мы дожили до эпохи, когда въ такъ-называемыхъ образованныхъ слояхъ общества развратъ въ бракѣ до такой степени умножился, что именно онъ, а не тѣ трудныя и, дѣйствительно, безвыходно несчастныя положенія въ отдѣльныхъ случаяхъ брачнаго сожитія, которыя дѣлаютъ разводъ необходимымъ, ставитъ усиленно на очередь вопросъ объ облегченіи брачнаго развода... Въ этомъ для всякаго, добросовѣстно относящагося къ вопросу, никакого нѣтъ сомнѣнія.

А разъ это такъ, я, признаюсь, никакъ не могу мириться съ мыслью, чтобы въ удовлетвореніе потребностей не жизни, а разврата въ бракѣ, приняты были мѣры къ облегченію развода, ибо

уважалъ „таинство брака“? Вѣдь равны всѣ таинства. Но, видите-ли, консерватизмъ бы нѣчто потерпѣлъ, еслибъ умалился авторитетъ церкви, и авторъ говоритъ: „не берите брака изъ ея рукъ, ибо это—таинство“. Это показываетъ, что консерватизмъ и клерикализмъ хорошо умѣщаются на остриѣ одной иглы съ атеизмомъ. В. Р--въ.

по пути этого облегченія очень легко дойти до такого положенія, что церковь будетъ призвана таинствомъ брака укрѣплять только временныя связи любодѣянія, и больше ничего.

Что положеніе у насъ брачнаго развода съ точки зрѣнія нравственности ужасно, въ томъ ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія. Непостижимая чуть ли не вѣковая апатія ¹⁾ іерарховъ церкви къ этому вопросу — довела его до такого низкаго положенія, что судьба каждаго развода, по установившейся въ церкви практикѣ, поставлена въ исключительную зависимость отъ двухъ, такъ сказать, условій *sine qua non*, одинаково для нея позорныхъ: 1) отъ извѣстной платы, вносимой чиновникамъ въ консисторію, соразмѣрно состоянію хлопочущаго о разводѣ, и 2) отъ исполненія въ натурѣ самой грубой сцены разврата... Я говорю о разводѣ по случаю прелюбодѣянія, который издавна практикуется, какъ единственный способъ добиться развода по причинѣ нежеланія продолжать брачную жизнь. Вслѣдствіе этого мы какъ ни въ чемъ не бывало примирились съ толкомъ, повторяемымъ ежедневно въ любой гостиниѣ, что безъ денегъ и безъ гнусной сцены разврата при свидѣтеляхъ нельзя добиться расторженія брачнаго союза—отъ кого-же? отъ церкви!

Но неужели потому, что до такого нравственнаго паденія довела практика вопроса о брачномъ разводѣ, въ явное оскорбленіе святыни таинства и церкви, слѣдуетъ поднятія этого уровня для брачнаго развода искать въ отнятіи его у церкви и въ представленіи его свѣтскимъ судамъ?

Вотъ вопросъ, ставящійся самъ собою...

Мнѣ кажется, что онъ требуетъ въ интересахъ и церкви, и общества, и общественной нравственности—глубокаго и серьезнаго размышленія.

Неужели всѣ должны узнать, что церковь не имѣетъ средствъ поставить вопросъ о разводѣ на ту высоту, на какой онъ долженъ стоять, какъ вопросъ неотдѣлимый отъ церковнаго таинства; неужели церковь не въ силахъ отъ дѣлопроизводства по брачнымъ дѣламъ—устранить все подкупное и все грязное, и давать дѣлу быстрое и чистое рѣшеніе?

Что-то не хочется вѣрить!

¹⁾ Ради *этой одной* строчки перепечатаваемъ „Дневники“. Да чѣмъ-же лично и вообще живо іерархи были заинтересованы въ постановкѣ развода? Они—дѣтвенники, сами въ бракъ не вуждающіеся, и судили чужое дѣло. И такъ, ужасный въ Европѣ вопросъ о разводѣ, опредѣлившій *весь ужасный укладъ семьи*, имѣетъ корнемъ подъ собой—просто *ненужность семьи духовнымъ главамъ* Европы. А это имѣетъ подъ собою корнемъ верховенство *дѣтства передъ супружествомъ*. И все оканчивается *безполостью, онъ-полостью* тезиса. Вотъ куда восходитъ удивившая кн. Мещерскаго „непостижимая вѣковая апатія“. Слишкомъ все „постижимо“,... и до чрезвычайности все опасно—именно *если добираться до корней*. В. Р.—въ.

Воскресенье, 5 августа.

Возвращаюсь къ вопросу о брачномъ разводѣ.

Такъ какъ у насъ нѣтъ гражданскаго брака, а есть только бракъ въ силу церковнаго таинства, то и разводъ брачный долженъ быть церковный, а не гражданскій. Нѣкоторые полагаютъ, что вѣдѣніе гражданскимъ судомъ бракоразводныхъ дѣлъ будетъ имѣть послѣдствіемъ ускореніе хода этихъ дѣлъ. Я позволяю себѣ сомнѣваться, ибо практика нашего гражданскаго судопроизводства достаточно научила насъ не вѣрять въ возможность скорого дѣлопроизводства, и два, три года для производства гражданскаго дѣла стало обыкновеннымъ явленіемъ... Но, оставаясь въ области церковной, бракоразводныя дѣла, очевидно, требуютъ совсѣмъ иного производства, чѣмъ теперь. Теперь главное въ бракоразводномъ дѣлѣ — это формальности, а между тѣмъ всякій понимаетъ, что главная въ этихъ дѣлахъ — это ихъ живая и часто мучительная сущность. Цареніе формализма совсѣмъ мертвого и совсѣмъ безучастнаго къ жизненной сущности въ каждомъ дѣлѣ произвело то, что весь центръ тяжести бракоразводныхъ дѣлъ сосредоточивается, какъ я сказалъ выше, въ двухъ безнравственныхъ формальностяхъ: 1) въ производствѣ дѣла въ консисторіи, гдѣ дѣло *безъ денегъ* обходиться не можетъ, и 2) въ исполненіи *формальности прелюбодѣянія при свидѣтеляхъ*...

Мнѣ кажется, что если хорошенько призадуматься надъ вопросомъ, то явится возможность, оставляя бракоразводное дѣло въ области церкви, устроить его съ соблюденіемъ чистоты и интересовъ нуждающагося въ разводѣ лица.

Въ то же время мнѣ представляется, что дѣлопроизводство по бракоразводному дѣлу можетъ и не быть дѣломъ церкви; вмѣшательство консисторіи въ эти дѣла надо обязательно, изъ уваженія къ церкви, считать непригоднымъ. Но затѣмъ, врядъ-ли представляется удобнымъ и необходимымъ приобщить лицъ духовной іерархіи къ производству бракоразводныхъ дѣлъ, требующихъ по отношенію къ разводамъ по прелюбодѣянію — извѣстнаго слѣдствія, а въ особенности, знанія свѣтской жизни, котораго требовать въ достаточной мѣрѣ отъ духовенства довольно трудно.

Вотъ почему мнѣ представляется возможною и цѣлесообразною слѣдующая, напимѣръ, комбинація. Въ каждой епархіи могъ бы существовать особый *советъ по бракоразводнымъ дѣламъ*. подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго архіерея, въ которомъ присутствовали бы главные должностныя лица въ губерніи, а именно: губернаторъ, губернский предводитель дворянства, губернский воинскій начальникъ, губернский городской голова, предсѣдатель губернской земской управы, предсѣдатель окружнаго суда и прокуроръ, и старшій благочинный въ губернскомъ городѣ—

и этому совѣту были бы подвѣдомственны всѣ бракоразводныя дѣла, причѣмъ этотъ совѣтъ всѣ изслѣдованія по каждому дѣлу возлагалъ бы на одного изъ своихъ членовъ. Совѣтъ этотъ рѣшалъ бы дѣло о разводѣ и о судьбѣ дѣтей, прижитыхъ отъ расторгаемаго брака, окончательно,—за исключеніемъ случаевъ, когда архіерей не соглашается ни съ однимъ изъ мнѣній совѣта, и тогда дѣло переносится въ Синодъ для окончательнаго рѣшенія.

Сомнѣваюсь, что при такомъ составѣ совѣта можно было бы не быть увѣреннымъ въ томъ, что дѣло о разводѣ получать будетъ всякій разъ рѣшеніе чистое и добросовѣстное.

Надо помнить, какъ я вчера говорилъ, что главными крикунами за облегченіе развода являются тѣ, которымъ это нужно въ интересахъ разврата, а вовсе не тѣ, которымъ это нужно въ интересахъ жизни и, дѣйствительно, безвыходнаго положенія. Вотъ почему для первыхъ разводъ долженъ быть, елико возможно, затрудненъ, а для вторыхъ, наоборотъ, облегченъ.

Именно этого такое самостоятельное и состоящее изъ лучшихъ людей губерніи коллегіальное учрежденіе подъ предсѣдательствомъ главы мѣстной церкви можетъ достигать всегда. При такомъ совѣтѣ не возьмешь ни деньгами, ни протекціею:—одна правда будетъ имѣть рѣшающую силу.

И сверхъ того получится огромное благодѣяніе: быстрота производства дѣлъ и отсутствіе всякой волокиты.

Фрагменты о бракѣ.

О наказаніи смертю и еще, сверхъ этого, чѣмъ-нибудь...

(Письмо въ редакцію „Нов. Вр.“).

Позвольте мнѣ опротестовать явно невѣрную ссылку и могущую имѣть вредныя законодательныя послѣдствія. До сегодняшняго дня я думалъ, что послѣ смертной казни уже нѣтъ наказанія. Съ какимъ же изумленіемъ я прочелъ въ академическомъ здѣшнемъ органѣ, „Церк. Вѣстн.“, слѣдующія строки: „а какъ за прелюбодѣніе по Ветхому завѣту положена смерть, въ греческихъ же царскихъ законахъ вмѣсто смерти положены и другія казни, то и нынѣ нужно“... и т. д. Очевидно „нужно“ или казнить или еще какъ-нибудь расправляться съ несчастными разводимыми по консисторскому приговору мужьями и женами. Не знаю, почему же это при такомъ строгомъ законѣ не казнили „по Ветхому завѣту“ Давида и Соломона, которые по нашимъ законамъ оказались бы крайними прелюбодѣями? А въ „Книгѣ числъ“ написано, что Богъ *призвалъ къ суду своему и покрылъ проказою* Маріамъ за то, что она упрекала брата своего Моисея, взявшаго эфіоплянку въ жены себѣ при живой другой женѣ Сепфорѣ? И какимъ образомъ Соломонъ *не казнилъ, а распустилъ* извѣстнымъ мудрымъ судомъ двухъ блудницъ, пришедшихъ къ нему съ мертвымъ и живымъ ребенкомъ? Явно, что случаи нашего прелюбодѣнія, служащіе поводомъ къ разводу, не считались вовсе прелюбодѣніемъ въ Ветхомъ завѣтѣ, ни по закону, ни практически, и вопросъ можетъ идти не о „казни“ или „наказаніи“ разводящихся супруговъ, какъ предлагаетъ анонимъ академическаго журнала, а о томъ, читалъ ли онъ когда-нибудь Ветхій завѣтъ, и если читалъ, то для чего онъ такъ искажаетъ его смыслъ, и притомъ съ практически, ясно законодательными цѣлями: внушить мысль нашимъ русскимъ свѣтскимъ судамъ о необходимости налагать уголовную кару на виновную при разводѣ сторону. Ни о какой

такой карѣ не можетъ идти рѣчь, потому что указы греческихъ царей для насъ такъ же мало обязательны, какъ и „*Litterae obscurorum virorum*“, а въ Ветхомъ заветѣ все устройство брака и семьи было иное, и тамъ никогда не было тѣхъ чудовищныхъ стѣснительностей, какія къ намъ перешли изъ этой же Греціи, и составляютъ наше историческое несчастіе. А не было тамъ такого тѣснаго и жестоко поставленнаго брака, то слѣдовательно нѣтъ нужды и „наказавія“ или ихъ идею переносить къ намъ. Вѣдь съ точки зрѣнія греческихъ средневѣковыхъ законовъ весь народъ Израильскій, отъ Авраама, имѣвшаго наложницею Агарь, и до послѣдняго еврея послѣднихъ временъ, всѣхъ надо бы предать „казни за прелюбодѣяніе“. Но какъ же тогда онъ былъ „народомъ возлюбленнымъ и избраннымъ“? Объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, не думаютъ беззаботные *viri obscuri* временъ греческихъ и нашихъ. Примите и пр. *В. Розановъ*.

О древне-русскомъ разводѣ.

Худое знаніе исторіи едва ли не есть главная причина недвижности нашего бракоразводнаго процесса. Представляется непонятнымъ, что мы имѣемъ въ существующихъ затрудненіяхъ къ разводу что-то древнее и уже священное въ силу этой древности. Между тѣмъ это вовсе не такъ. М. Рудневъ въ послѣдней книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“, въ статьѣ: „Церковное судопроизводство по дѣламъ о расторженіи брака по причинѣ супружеской невѣрности“, указываетъ, что въ старой до-Петровской Руси, когда конечно благочестія было не меньше, чѣмъ теперь, и семья не была слабѣ теперешней, былъ фактъ „существованія добровольныхъ бракоразводныхъ договоровъ, утверждаемыхъ подписями священнослужителей: порѣшившіе разойтись супруги мѣнялись другъ съ другомъ распускными листами“ (ноябрьская книжка, стр. 685). Здѣсь сохранено было и участіе церкви, въ лицѣ священника, но супруги не были поставлены въ то безправное парализованное положеніе, въ какомъ находятся сейчасъ, когда могучими вершителями дѣлъ семейныхъ являются консисторіи. Въ процессѣ объ убійствѣ Комарова, секретаря полтавской духовной консисторіи (дѣло братьевъ Скитскихъ), показывалось очевидцами, что онъ былъ принципиальный противникъ развода и не давалъ хода или до-нельзя тормозилъ бракоразводныя дѣла. Отдѣльная частность показываетъ общее положеніе дѣлъ, и секретарь Комаровъ не чинилъ волю свою, но былъ исполнителемъ существующихъ правилъ, дававшихъ ему право „вязать“ и „разрѣшать“. Впрочемъ это и до дѣла Скитскихъ было довольно извѣстно. Такъ вотъ *кто* значить по существу-то дѣла „разводитъ“ и „не разводитъ“ въ Россійской Имперіи: секретарь, лицо свѣтское, имѣю-

шее такъ же мало священной санкціи, какъ и мы съ вами, читатель. И вотъ въ чью пользу и въ ростъ чьего авторитета изъ-яты какъ права у священниковъ, такъ и права у супруговъ. Прикажетъ секретарь—и обязанъ мужъ жить съ развратною женою: прикажетъ онъ же—и будетъ жена нести побои и увѣчья отъ мужа, терпѣть его распутную и пьяную жизнь. Только невѣдѣніе исторіи, незнаніе Св. Писанія и какая-то овечья запуганность вообще всѣхъ несчастныхъ людей сдѣлала то, что ищущіе развода люди, уже сломленные и такъ судьбою, безъ гордости и безъ самолюбія несутъ этотъ не столько судъ надъ собою, сколько измывательство надъ собою. Давно пора вернуться здѣсь къ закону, настоящему и древнему: что *разводъ принадлежитъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя и заключили бракъ*, т. е. благословившему чету священнику и самимъ сочetaвшимъ. Написавъ же „распускное письмо“ или „разводное письмо“, они могутъ нотаріальную копію съ него отправлять въ консисторію, вообще въ нѣкоторый архивъ „дѣлъ“, и одновременно священникъ, съ приложеніемъ церковной печати, писалъ бы въ паспортахъ обоихъ бывшихъ супруговъ о новомъ ихъ состояніи вдовства. Во всякомъ случаѣ—это почва, которую можно разработать.

Цѣнные слова.

Въ только-что появившейся 10-й книжкѣ „Вѣры и Разума“ напечатана рѣчь высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа харьковскаго: „О практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками“. Въ рѣчи этой, обращенной къ ученикамъ мѣстной семинаріи, сдѣланъ обширный обзоръ религіозныхъ и нравственныхъ нестроений въ нашемъ обществѣ, и будущіе священники призываются къ практической борьбѣ съ этими нестроениями. Кромѣ разныхъ сектантскихъ броженій, авторъ указываетъ и рѣзко порицаетъ такъ называемую равноправность женщинъ и стремленіе ихъ къ высшему образованію, свѣтскія удовольствія, распушенность семейной жизни и практикуемую въ обществѣ свободу чувствъ. Въ рѣчи этой однако есть слова, которыя поддерживаютъ женщину въ самомъ дорогомъ ея призваніи: „Права женщины дарованы ей отъ Бога при ея сотвореніи—быть помощницею мужа: *Сотворимъ ему помощницу по нему* (Бытія, 2, 18) и на рожденіе и воспитаніе дѣтей: *Раститеся и множитесь, яко та есть мати всѣхъ живущихъ* (стр. 621). Такъ говоритъ архипастырь. Мы подчеркиваемъ въ нихъ слово „право“, конечно—право изначальное, основное, не могущее быть отнятымъ. Въ длинныхъ прошлогоднихъ спорахъ о такъ называемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтяхъ мы въ сущности и основывались на томъ, что никѣмъ и никогда у женщины не могутъ быть отняты, фактически, идейно или законодательно, два этихъ коренныхъ ея и богозавѣтныхъ

права, и только мы не сумѣли въ свое время найти термина, формулы. Нужно говорить именно о „правѣ“, каковое, при огромномъ въ обществѣ развитіи стараго дѣвства, сведено къ нулю, къ фикціи: о правѣ *каждой* женщины и при *всякихъ* обстоятельствахъ становится „помощницею мужа“ и „матерью и воспитательницею ея рожденныхъ дѣтей“. Мужчины испорчены и перестаютъ жениться: но это разстройство брака съ мужской стороны никакъ не можетъ касировать женское призваніе, которымъ поддерживается самое существованіе рода человѣческаго. Пресвященный коснулся и этой стороны. „Нельзя безъ скорби слышать отъ матерей семействъ отвѣтъ на замѣчаніе.—пора вамъ отдавать дочь замужъ: „За кого нынѣ отдать? Что за женихи! Отдать на погибель“. Съ другой стороны нельзя безъ глубокаго негодованія слышать отъ распущенныхъ молодыхъ людей отвѣты на совѣтъ,—пора вамъ жениться: „Это—лотерея“. Т.-е., что они свободны вести безпутную жизнь, потому что невѣсты тоже не безупречны. Они считаютъ себя даже свободными отъ труда поискать достойную ихъ невѣсту“ (стр. 637—638). Такъ говорилъ ораторъ. Послѣднія слова попадаютъ прямо въ вопросъ о разводѣ: бракъ сталъ или точнѣе всегда и былъ безъ развода—лотереєю, гдѣ проигрышъ возможенъ, а выигрышъ ничѣмъ не обезпеченъ. Ибо если тщательнѣйшій выборъ монархомъ министра не есть непремѣнное обезпеченіе удачи выбора, то и женихъ, сколь бы тщательно ни выбиралъ невѣсту, можетъ ужасно просчитаться въ оцѣнкѣ ея нравственныхъ качествъ; а разъ ставъ мужемъ, навсегда долженъ остаться съ таковымъ „министромъ“, недобросовѣстнымъ, не исполняющимъ никакихъ обязанностей, безпутнымъ. Равно и жена, безъ правъ развода, не обезпечена ни отъ жестокости мужа, ни отъ его безпутства. Это и породило съ обѣихъ сторонъ страхъ брака, избѣганіе брака, и легкомысленный образъ жизни одного пола и невольное старое дѣвство другого, поведшее къ умноженію незаконныхъ рожденій. Нужно стараться объ умноженіи браковъ, о развитіи семьи, т.-е. надо лотерею съ проигрышемъ замѣнить лотереєю только съ выигрышемъ: къ этому-то и сводится вопросъ развода, имѣющей цѣлью не разрушить хотя бы единую семью, а сохранить, въ случаѣ несклеившейся, неудачной, окончательно погибшей семьи, право за человѣкомъ (какъ мужемъ, такъ и женою) еще другой разъ попытать счастья въ семьѣ. У всѣхъ на глазахъ множество примѣровъ, какъ разведенные и вновь вступившіе въ бракъ живутъ долгою счастливою и прочною семейною жизнью. Но теперь это рѣдкій и страшно дорогой и страшно трудный случай, а онъ можетъ быть частымъ. Бросить же жену никто и теперь не мѣшаетъ мужу, равно никто женѣ не мѣшаетъ бросить мужа. Они это и дѣлаютъ безъ всякаго препятствія, но только для чего-то сохраняютъ ненужныя имъ права на другую „половину себя“ и не получаютъ нужнаго имъ права на вторичную семейную жизнь,

и, становясь въ холостое положеніе, безпутничаютъ и растутъ проституцію. Уголовная хроника богатѣетъ, полиція получаетъ предметъ заботъ, нравственность падаетъ. Семья сокращается, кафе-шантаны растутъ. Кому это нужно? И государство, и церковь въ проигрышѣ, какъ и всегда они въ проигрышѣ, гдѣ страдаетъ или гдѣ неуклюже поставлена семья. Удержать отъ фактическаго развѣзда наши законы еще никого не удержали, ибо если мучительно жить въ одной квартирѣ съ глубоко неприятнымъ человекомъ, то что сказать о близости мужа и жены на почвѣ уже сложившагося взаимнаго нравственнаго отвращенія? Это—пытка, отъ которой и бѣгутъ „въ развѣздъ“, никакимъ закономъ не запрещенный, да и не могущій быть запрещеннымъ, ибо никто не можетъ услѣдить и разслѣдить, какъ, почему и для чего мужъ и жена живутъ въ разныхъ городахъ. Развѣздъ мѣняетъ муку на равнодушіе, на спокойствіе, на безпечальный и „безпроигрышный“ флиртъ. Ясно, что здѣсь одно спасеніе—въ новомъ бракѣ для обоихъ, уже испытанныхъ и умудренныхъ страданіемъ людей. Было бы не трудно собрать статистику вторыхъ, послѣ развода, браковъ, и ихъ длительности и даже счастья. Впрочемъ простыя наблюденія обывателя показываютъ, что именно такіе браки бывають длительны и счастливы.

Вотъ въ какихъ цѣляхъ, а не въ цѣляхъ разрушенія семьи, настаиваемъ мы на разводѣ. Достаточно духовенству нашему энергично оцѣнить положеніе вещей, и оно первое проведетъ вопросъ о реформѣ процесса развода. Ибо, повторяемъ, гдѣ счастье семьи, тамъ и выгода церкви. Нѣтъ у нея лучшихъ и горячѣйшихъ модельщиковъ, чѣмъ дѣти, отцы и матери. Посему всякое превращеніе дѣвушки въ мать должно бы быть радость церкви. и всякое превращеніе праздно гуляющаго мужчины въ отца—опять же радость церкви. Это и должно быть фундаментомъ всѣхъ сужденій о разводѣ.

Напрасное обремененіе (о вторыхъ и третьихъ бракахъ).

Въ высокой степени важно, чтобы практическіе, жизненные шаги людей имѣли подъ собою почву убѣжденіе твердое и послѣдовательное, а не эклектическое и колеблющееся. Въ видахъ этого позволю себѣ высказать нѣкоторое пожеланіе въ связи съ недавнимъ распоряженіемъ св. Синода, о коемъ сообщено въ январьской книжкѣ „Вѣры и Разума“, о ненужности впредь испрашивать особое разрѣшеніе епархіальнаго архіерея для вѣнчанія мирянъ третьимъ бракомъ. Пожеланіе относится къ эпитимѣ, которая однако налагается на новобрачнаго или новобрачную, смотря по тому, которыя изъ нихъ вступаетъ въ третій бракъ. Случай третьяго брака вообще есть явленіе крайне рѣдкое, и мнѣ

за 47 лѣтъ жизни привелось знать только два такихъ случая. Одинъ—въ Петербургѣ; это былъ бракъ 45-ти-лѣтняго, чрезвычайно крѣпкаго, моложаваго многосемейнаго (имѣлъ уже нѣсколько внуковъ) торговаго человѣка. Нынѣ покойный, это былъ безукоризненнѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, сохранившій и въ третьемъ бракѣ живую связь со своими многочисленными дѣтьми отъ перваго брака (отъ второго у него не было дѣтей). Среди бесѣдъ, патріотическихъ или религіозныхъ (онъ былъ очень религіозенъ, но безъ ханжества, а здоровымъ русскимъ чувствомъ), онъ нѣтъ-нѣтъ бывало и остановится, вспомнить о своемъ третьемъ бракѣ, и глубоко кается. Здѣсь я и вижу дѣйствіе эпитимьи, налагаемой на троебрачныхъ. Но доскажу о другомъ известномъ мнѣ случаѣ троебрачія. Это былъ инспекторъ провинціальной гимназіи. У этого отъ первыхъ двухъ браковъ не было дѣтей, и кончились оба они рано и скоро. Человѣкъ крайне опредѣленный и положительный, любитель хорошаго пирога въ воскресенье, хорошаго винта вечеромъ, артистъ-регентъ, отлично организовавшій гимназическій хоръ и всегда стоявшій самъ на клиросѣ, душа общества и любимецъ клуба, едва ли онъ былъ когда-нибудь романтически и „сумасшедше“ влюбленъ. Онъ съ большимъ сожалѣніемъ вспоминалъ о второй женѣ, умершей рано въ чахоткѣ, и, какъ помню, не выносилъ запаха мускуса (цвѣтокъ), по воспоминанію о мускусѣ, который ей давали передъ смертью. О первой женѣ воспоминаній я отъ него не слышалъ. Дѣти были у него только отъ третьяго брака, что-то человѣкъ пять или шесть, мальчики и дѣвочки, и какъ одни, такъ и другія отлично учились, а въ домашнихъ играхъ, какъ теперь помню, были неистощимо изобрѣтательны. Многодѣтная и отличная хозяйка, хотя тоже любительница вечеромъ сѣсть за карты, третья жена его была отличная барыня. А когда самъ онъ померъ, что-то около 55 лѣтъ, то его глубоко жалѣлъ весь городъ и вся гимназія, какъ отличнаго русскаго человѣка. Вотъ случаи третьяго брака, кромѣ которыхъ я не встрѣчалъ. Оба брака были, что называется, „хозяйственные“ и произошли просто изъ чувства заступлѣности, которое образуется въ домѣ безъ хозяйки. Многие и едва ли худшіе люди прямо не переносятъ мертвеннаго молчанія вокругъ себя, вымороченности, не могутъ жить безъ дѣтской возни и жениныхъ хлопотъ. Въ жизни и смерти Богъ воленъ, и въ ранней смерти и вообще неудачѣ двухъ первыхъ браковъ оба мои знакомые были не причемъ. Оставалось жизни одному и другому еще лѣтъ на двадцать: и конечно ее прилично было провести семейно, а не кое-какъ, не въ холостомъ безобразіи. Если по каноническимъ правиламъ не возбраненъ бракъ и не сопрягается эпитимьею въ 60-лѣтнемъ возрастѣ, хотя именно это есть нравственно сомнительный бракъ, то какое есть основаніе

для эпитимьи брачущагося, когда ему 40—45 лѣтъ? Троебрачный всю жизнь свою прожилъ честною семейною жизнью; напротивъ. нужно принудить себя къ обману, схитрить, сфальшивить, чтобы сказать и подумать о человѣкѣ, 59 лѣтъ прожившемъ холостую жизнью и вступающемъ 60-ти лѣтъ въ первый бракъ, что теперь онъ впервые готовится узнать женщину, а что до этого времени всѣ 59 лѣтъ онъ находился въ состояніи Адамовой невинности. Однако мы замѣчаемъ, что на таковыхъ старыхъ жениховъ-холостяковъ эпитимья не накладывается. Но эпитимья на троебрачныхъ, которые никогда и никого не погубили, и только вступаая въ третій бракъ показываютъ, что они несколько не разочаровались въ семейной жизни во время прежнихъ двухъ браковъ, и слѣдовательно прожили въ нихъ хорошо и счастливо, какой же она имѣетъ смыслъ? Очевидно въ эпитимьѣ содержится упрекъ вступающему въ бракъ и почти не желаніе, не охотное желаніе повѣнчать его. Очевидно, этотъ человѣкъ, собирающійся третій разъ жить семейно, совершенно не переноситъ внѣ-семейныхъ отношеній къ женщинѣ, и за это его надо хвалить, а не порицать. Да и похвалы онъ достоинъ, ибо на протяжении всей жизни узнавъ только трехъ женщинъ—онъ невиннѣйшій Иосифъ сравнительно съ толпами, съ сонмами пожилыхъ веселящихся холостяковъ. Вѣдь напрасно было бы тутъ прикидываться невѣдущимъ и дѣлать видъ, что предполагаешь, будто эти холостяки—дѣвствуютъ. Конечно они развратничаютъ напраполю, и никакой отвѣтственности, ни да.е „законному“ упреку не подлежатъ. Третій бракъ и есть примѣръ, урокъ, рѣдчайшій и случайный, но поучительный; что нельзя касаться женщины иной, чѣмъ своя жена, и иначе, какъ въ правильной семьѣ. Обращаясь къ основаніямъ эпитимьи, мы не находимъ никакихъ. Въ Евангеліи умолчано, сколько разъ можно вступать въ бракъ. Но косвенный отвѣтъ на вопросъ тамъ есть. Это — бесѣда Спасителя съ самарянкою. На слова Иисуса, внѣ цѣлей бесѣды сказанная: „Поди и призови своего мужа“, — она сказала: — „Господи, у меня нѣтъ мужа“. — „Это правду ты сказала: ибо ты имѣла пять мужей, и тотъ, котораго теперь имѣешь, не мужъ тебѣ“. И нѣтъ дальше глагола: „оставь этого, съ которымъ теперь живешь“, или: „ты много грѣшила въ прежней жизни“. Мы этимъ и воспользоваться можемъ въ виду отсутствія другихъ текстовъ. Ибо въ Канѣ Галилейской Спаситель не высказалъ о бракѣ никакого слова, и однако самое Его *присутствіе* здѣсь принято нами за освященіе, за „благословеніе“, за дозволеніе. Но насколько ярче бесѣда Его съ самарянкою! Если въ Канѣ Галилейской одно *присутствіе* Его освятило, то и здѣсь Его *бесѣда освящаетъ* же. А что Онъ не упрекалъ самарянку и не сказалъ: „ты грѣшила“ или „не согрѣшай впредь“, то это, казалось бы, устраняетъ возможность упрека или эпи-

тимьи и съ церковной стороны. Между тѣмъ покой и твердая совѣсть есть важное условіе счастья семейной жизни. Ибо не можемъ мы глаголь священника выслушивать безъ трепета: и этотъ трепеть останавливаетъ, вѣроятно, многихъ несчастнымъ образомъ раннихъ вдовцовъ; оставляетъ внѣ семьи много почтенныхъ дѣвушекъ и вообще есть причина разнообразнаго несчастья и дурныхъ нравовъ общества. Ибо всякая холостая жизнь человѣка безъ монашескаго спеціальнаго призванія (особый гласъ Божій) невольно бываетъ грязна и разрушительна для общества.

Опытъ самозащиты.

Г-нъ Скальковскій, въ рождественскихъ шуткахъ за прошлый и за нынѣшній годъ, приписываетъ мнѣ намѣреніе „упразднить бракъ“ и вернуть благочестивыхъ соотечественниковъ къ нравамъ радимичей и вятичей, которые „умыкаху женъ“, или обитателей Сахалина, которымъ на время даютъ казенную жену. При чемъ дѣти въ томъ и въ другомъ случаѣ бросаются на руки государства. Такъ какъ подобное мнѣніе обо мнѣ и моихъ взглядахъ на бракъ, высказанныхъ на страницахъ „Нов. Вр.“, мнѣ случалось читать и въ серьезной формѣ, въ газетахъ, журналахъ и даже цѣлыхъ брошюрахъ, то я нахожу полезнымъ, для восстановленія добраго своего имени, сказать нѣсколько словъ о той сторонѣ брака, которой вообще спеціально не касался: именно—о формальной, какъ юридической, такъ и обрядовой.

Я не только не хотѣлъ бы, какъ мнѣ приписываютъ, устранить вѣнчаніе, но насколько художественное созиданіе христіанства не имѣетъ поставленной около себя точки, хотѣлъ бы расширенія, углубленія и особенно поэтизаціи обрядовой стороны при вступленіи въ бракъ. Она упала сравнительно съ первыми вѣками церкви: новобрачные тогда семь дней ходили въ цвѣточныхъ вѣнкахъ (которые замѣнились теперешнимъ бронзовымъ „вѣнцомъ“), и время вѣнчанія было сейчасъ же послѣ литургіи, на которой новобрачные причащались. Всякій пойметъ, насколько это глубже было по значенію и художественнѣе по формѣ теперешняго „представленія свидѣтельства о говѣннѣ“, каковое дѣлается недѣли за двѣ до вѣнчанія,—и трудно понять, какой оно имѣетъ смыслъ въ такомъ удаленіи отъ брака. Вообще потеря смысла и утрата красоты формъ, введеніе на мѣсто этого какихъ-то жесткихъ до непереносимости для деликатнаго слуха терминовъ, въ родѣ „брачнаго обыска“ и „оглашенія“, поразительно и удручаетъ сердце.

Далѣе я считалъ бы очень важнымъ приблизительно въ теченіе года между обрученіемъ и вѣнчаніемъ изученіе женихомъ и невѣстою нѣкоторыхъ важнѣйшихъ текстовъ Св. Писанія, до су-

дружества и семьи относящихся, изъ „Бытія“, „Апокалипсиса“, „Второзаконія“, кн. „Руев“, „Товія“ и „Иисуса, сына Сирахова“. Но это не для всѣхъ, не всегда и не вездѣ возможно. Семьи, по необходимости (замѣтьте это) начавшіяся безъ предварительнаго ритуала, однако я желалъ бы все-таки связать съ церковью примѣръ чрезъ выдачу священникомъ освященныхъ колець. Это есть въ церкви: епископъ римскій утверждаетъ въ должности чрезъ посылку ему папою шерстяной ленты (паліумъ). Вообще освященіе чрезъ вещь существуетъ въ церкви. Путемъ указываемаго мною средства связались бы съ церковью и ея священствомъ множество теперь существующихъ связей, особенно многочисленныхъ въ простомъ народѣ, и которыя теперь оставляются закономъ и церковью абсолютно безъ всякой формы. Такимъ образомъ я стою за совершенное уничтоженіе безформенныхъ сожительства. Но въ то время, какъ другіе предлагаютъ ихъ уничтожить и конечно никогда этого не въ силахъ будутъ сдѣлать, я настаиваю на ихъ признаніи, освященіи и оформленіи.

Свободное соглашеніе и теперь есть первый канонъ брака. Не разсуждаю, а выписываю изъ „Курса православнаго церковнаго права“ епископа Никодима (Спб. 1897): „Въ понятіи брака какъ въ гражданскомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ таинства, первое и основное условіе есть *обоюдное согласіе* (курс. авт.), *mutuus, consensus*: именно, чтобы мужчина и женщина способомъ, признаннымъ закономъ, изъявили свою свободную волю вступить въ союзъ, обуславливающийъ бракъ. Поэтому бракъ считается заключеннымъ *въ тотъ моментъ*, когда воля мужчины и женщины получить *внѣшнее выраженіе* и сдѣлается *обоюднымъ согласіемъ*. А чтобы это обоюдное согласіе могло быть существенною основою брачнаго союза, оно должно соотвѣтствовать всѣмъ предписаніямъ закона, вообще существующимъ по отношенію ко всякому законному *договору*, и главнымъ образомъ, чтобы договаривающіяся стороны имѣли всѣ необходимыя для этого нравственныя качества, равно какъ въ отношеніи дѣли брака и всѣ физическія качества. Когда есть налицо всѣ эти нравственныя и физическія качества и когда взаимное согласіе было выражено въ установленной закономъ формѣ, тогда только это взаимное согласіе служитъ основою брака, чѣмъ и отвѣчаетъ первому внутреннему условію его“ (стр. 578). И нѣсколько далѣе: „Обрученіе, *mutuus, sponsalia*, есть взаимное обѣщаніе мужчины и женщины вступить въ бракъ, совершаемое въ настоящее время по церковному установленію передъ вѣнчаніемъ; оно заимствовано изъ римскаго права“ (стр. 579). Вотъ картина положенія дѣла по ученому канонисту, а не по моей философіи. Взаимное жениха и невѣсты *объявленіе* свободного согласія на вступленіе въ бракъ,—что теперь протекаетъ въ вѣнчаніи такъ незамѣтно и

къ несчастію стало формальнымъ только опросомъ, на который дается часто не искренній же отвѣтъ,—и составляетъ собственно моментъ заключенія брака, *вступленіе* въ супружество. Это хорошо выяснено въ извѣстномъ тонкостью своей казуистики католическомъ богословіи. Передадимъ его въ изложеніи К. П. Побѣдоносцева („Христіанскія начала семейной жизни“, Москва, 1901 г., стр. 47): „Католическая церковь, по правилу Тридентскаго собора, требуетъ для совершенія брака, чтобы послѣдовало торжественное *объявленіе* воли мужчиною и женщиною предъ священникомъ и двумя свидѣтелями; она приглашаетъ брачующихся къ церковному благословенію, но *не ставитъ это благословеніе необходимымъ условіемъ* для совершенія брака и довольствуется такъ называемымъ *пассивнымъ присутствіемъ* (курс. К. П. Побѣдоносцева) духовнаго лица“. Такимъ образомъ патеръ является какъ бы священнымъ нотаріусомъ, свидѣтельствующимъ передъ Богомъ о происшедшемъ у него на глазахъ вступленіи въ бракъ супруговъ, но свидѣлствуетъ *молча* (курс. К. П. П—ва), а гласное выраженное согласіе на это жениха и невѣсты и образуетъ самый бракъ, что довольно отвѣчаетъ и вышскѣ изъ еп. Никодима, приведенной нами, о существенномъ моментѣ брака.

За исключеніемъ особъ царскаго дома, всѣ остальные православынне вступаютъ въ бракъ такимъ образомъ, что обрядъ обрученія сливается съ вѣнчаніемъ (такъ-называемый „сговоръ“ не есть обрученіе) и совершается въ одинъ день, слитно. Черезъ это утратилась искренность браковъ, вступленіе въ брачный союзъ по дѣйствительному обоюдному жениха и невѣсты согласію, желанію и влеченію. Прежде, когда обрученіе отдѣлялось годовымъ срокомъ отъ вѣнчанія, въ этотъ срокъ женихъ и невѣста могли хорошо узнать душевныя качества другъ друга: обрученіе еще не влекло непремѣннаго за собою брака, а уже обуславливало близость и интимность духовнаго общенія; женихъ и невѣста такимъ образомъ могли во время и безъ потрясеній и страданія разойтись другъ съ другомъ. Съ другой стороны обрученіе было чистымъ жениха и невѣсты соглашеніемъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, и „обрученную“ дѣвушку никто, ни даже ея родители и законъ, не могли отнять у жениха. Такимъ образомъ любящіе другъ друга молодые люди, „обручившись“ свободно, становились неразлучны, и произволь родителей былъ устраненъ. Отдѣленіе обрученія отъ вѣнчанія, сліяніе которыхъ у насъ есть продуктъ петровскаго гражданскаго законодательства, казалось бы составляетъ *conditio sine qua non* возстановленія чистоты и счастья браковъ.

Безусловно необходимымъ я считаю установленіе предбрачныхъ „пунктовъ соглашенія“ (договора, „брачнаго контракта“—глубоко антипатичный терминъ) на случай несогласія, ссоръ и

разлученія супруговъ, гдѣ оговаривалось бы: 1) права мужа въ случаѣ непослушанія, мотовства и измѣны (хотя бы и не засвидѣтельствованной) жены, 2) права жены въ случаѣ грубости, жестокости, разврата, пьянства или мотовства мужа, 3) нѣкоторая, въ видѣ залога, сумма денегъ, которая владась бы въ кредитныя учрежденія на обезпеченіе дѣтей въ случаѣ несчастнаго брака. Употребить такъ двѣ-три сотни рублей (или болѣе) было бы полезнѣе, чѣмъ пускать ихъ на вѣтеръ на шитье наряднаго приданого, „свадебное путешествіе“ или блестящій балъ. „Предбрачный договоръ“ неприятно звучитъ въ виду идеальныхъ цѣлей брака и требующейся здѣсь любви. Но что дѣлать: опытъ родителей, общества и государства долженъ дальше видѣть, чѣмъ „воркующіе“ женихъ и невѣста, и именно, въ видахъ ихъ охраненія отъ возможнаго крушенія при неудачѣ, этотъ „договоръ“ долженъ съ безусловностью требоваться государственной властью. Онъ—то-же, что пробковый поясъ, который на случай кладется въ каюту каждаго отправляющагося въ море пассажира.

Бракъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ у насъ легкомысленно и несчастно. Въ немъ очень обезпечили себя и „свое“ государство и духовенство, но рѣшительно ничего не сдѣлано для обезпеченія *прочности* союза и *счастья* союзныхъ лицъ, вступающихъ въ бракъ. Какъ мнѣ съ горечью и насмѣшкой сказалъ одинъ священникъ, „мы вѣнчаемъ документы, а не человѣка, и разсматриваемъ документы, а на людей намъ при бракѣ некогда и взглянуть“.

Поводъ къ дурнымъ мнѣніямъ о моей „теоріи брака“ (какъ выражаются нѣкоторыя) подалъ мой взглядъ относительно абсолютной нерасторжимости каждой такъ сказать триады: „отецъ, мать, ребенокъ“—какую триаду я считаю супружествомъ, хотя и не оформленнымъ; и, требуя для нея скорѣйшаго оформленія, однако и *до*, и *внѣ* и *безъ* такого оформленія прилагаю къ ней слова: „яже Богъ сочета—человѣкъ да не разлучаетъ“. Таковое ученіе, если бы оно было принято, совершенно избавило бы государство отъ заботы о дѣтяхъ, тогда какъ теперь, выражаясь терминомъ г. Скальковскаго, „дѣти во множествѣ суть государственныя“ (воспитательные дома).

Я радуюсь, что, не смотря на шутки около моихъ „теорій“, онѣ явно распространяются въ обществѣ, и наконецъ пробуждаютъ движеніе даже въ законодательныхъ сферахъ. Совершенное упраздненіе понятія незаконнорожденности и преобразование развода очевидно уже не за горами. Теперь никто не дугается передъ этими вопросами, тогда какъ еще года два назадъ и объ уравненіи дѣтей незаконныхъ и законныхъ, и о разводѣ не могли говорить безъ какого-то страннаго испуга.

„Внѣ-каноническія“, а не „внѣ-брачныя“.

Предполагается названіе „незаконнорожденный“ замѣнить названіемъ „внѣ-брачный“.

Позволю себѣ предложить вниманію всѣхъ размышляющихъ людей вопросъ о положеніи одной особенной группы незаконнорожденныхъ, которыхъ, если не ошибаюсь, не коснулись никакія общія улучшения судьбы послѣднихъ. Годъ назадъ я получилъ письмо, не весьма грамотное, отъ одного петербургскаго торговца. Онъ писалъ, что жена его, отъ которой у него не было дѣтей, уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ душевною болѣзнью, признанною врачами неизлечимою и развившеюся на почвѣ наслѣдственности; что въ разводѣ ему было отказано по невозможности доказать, что она была душевно-больною въ моментъ заключенія брака; что онъ послѣдніе три года сблизился съ другою женщиною и имѣть отъ нея двоихъ дѣтей, узаконить которыхъ ему хотѣлось бы, но онъ не можетъ. Второе письмо я получилъ за подписью „мать“; въ немъ бѣдная женщина, мать уже большого семейства, жалуется, что она восемнадцать лѣтъ живетъ вполне счастливо съ однимъ виднымъ петербургскимъ чиновникомъ, котораго вскорѣ послѣ его брака покинула его жена. Эта жена, имѣющая также пять человѣкъ дѣтей не отъ мужа, занесла ихъ всѣхъ въ метрики, какъ законныхъ дѣтей своего мужа, „а мои несчастные дѣти,—кончается она письмо,—изъ которыхъ старшей дочери уже пятнадцать лѣтъ, всѣ остаются не крещеными и должны быть записаны незаконнорожденными“. Письмо закапано слезами и очень трогательно. Каждый пойметъ, что сблизиться съ человѣкомъ, покинутымъ женою и слѣдовательно безъ всякой надежды когда-нибудь называться его „женою“, представляетъ для порядочной и совѣстливой дѣвушки столько муки, пройти черезъ которую можетъ только самое героическое сердце. Мнѣ извѣстенъ случай, когда отецъ дѣвушки, такъ поступившей, дѣвушки изъ прекраснаго и богатаго семейства, ѣздилъ въ Константинополь съ цѣлюю чего-нибудь добиться въ тамошнемъ греческомъ патриархатѣ (она сблизилась съ разведеннымъ мужемъ, фиктивно принявшимъ на себя „вину прелюбодѣянiя“), но не достигъ ничего при личной полной готовности (въ Петербургѣ и въ Константинополѣ) духовныхъ особъ войти въ его положеніе и чѣмъ-нибудь ему помочь. Законъ выше личности, и усилія мужа, отца, іерарховъ церкви разбились о букву закона.

Здѣсь есть принципиальный вопросъ: мужъ, покинутый своею женою, или жена котораго признана неизлечимою душевно-больною, обязанъ ли въ отношеніи къ ней соблюдать супружескую вѣрность? И если обязанъ, то на какомъ точномъ основаніи по-

мимо буквы новѣйшаго закона, которая можетъ быть и измѣнена. Казалось бы такому мужу можетъ быть данъ совѣтъ вѣрности по слову: „могій вмѣстити—да вмѣститъ“. Но дать приказаніе, перемѣнить: „ты могъ бы“ на „ты долженъ“, едва ли основательно. Наконецъ, когда у такого мужа уже явились дѣти, отъ перваго же брака дѣтей нѣтъ и не было, представляется ненужной жестокостью лишать ихъ правъ на имя отца и его имущество, когда этими правами законъ предоставляетъ пользоваться дѣтямъ того другого мужа или полу-мужа, къ которому убѣжала его жена. Здѣсь мы имѣемъ яркій примѣръ, когда беззавѣтное самопожертвованіе дѣвушки жестоко наказывается, а поведеніе жены, ярко безчестное какъ въ описанномъ случаѣ (уходъ *эскортъ* послѣ вѣнчанія отъ мужа) закономъ столь же упорно ограждается и защищается.

Терминъ „внѣ-брачныя“ возбуждаетъ о себѣ столько же вопросовъ, какъ и терминъ „незаконнорожденный“, о которомъ въ прошломъ году велись споры, едва ли съ опредѣлившимся результатомъ. И этотъ терминъ по всему вѣроятію приметъ на себя весь тотъ специальный позоръ, который составляетъ главную причину дѣтоубійства и самоубійства дѣвушекъ, и вообще побужденія къ укрывательству дѣтей, которыхъ гдѣ же и скрыть полнѣе, чѣмъ въ могилѣ. Совершенно точный терминъ для дѣтей, именуемыхъ теперь „незаконнорожденными“, — терминъ единственно нужный для отличенія ихъ въ правахъ имущественныхъ, пенсіонныхъ и др.,—это „внѣ-каноническія дѣти“; *liberi in jure canonico, liberi extra jure canonico*. И въ метрики если ужъ нужно вносить какую-нибудь отмѣтку, можно бы вписывать эти латиноримскіе термины, опредѣляющіе, что понятіе данное, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, идетъ изъ древняго языческаго, еще римскаго законодательства, будучи перенесено оттуда въ *Corpus juris civilis* Юстиніана Великаго, и что оно ни мало не выражаетъ воззрѣній евангельскихъ или библейскихъ. Собственно особенный позоръ, связанный съ „незаконнорожденностью“ или „внѣ-брачностью“, коренится въ возможномъ о каждомъ такомъ ребенкѣ предположеніи, что онъ есть плодъ случайной и минутной, даже за деньги, связи; что съ *матери* такого ребенка снимается закономъ имя *честной, порядочной жерцины*. Между тѣмъ думать это о дѣвушкѣ, свободной и юной, соединяющей навсегда судьбу свою съ лишеннымъ правъ женитьбы человѣкомъ, прямо безчеловѣчно; да и не только думать, а еще безъ разбора и документально утверждать. Вотъ снятіе этой моральной дифамации, упрека праведнаго съ дѣвушки или женщины, которая была только сострадательна (приведенныя мною два случая), должно составить важную и непремѣнную задачу законодателя.

„Внѣ-брачные дѣти“—*contradictio in adjecto*.

„Внѣ-брачные дѣти“—это есть *contradictio in adjecto*, „само-противорѣчивое опредѣленіе“. Дитя самымъ *бытіемъ* своего показуетъ *присутствіе* брака, ибо „бракъ“ т. е. „супружество“ есть *связь между полами* (*nuptiae est maris et feminae conjunctio*—по Кормчей), *плодомъ коей является ребенокъ—всегда законный*. Мы можемъ говорить о „внѣ-внѣчныхъ“ дѣтяхъ, но не о „внѣ-брачныхъ“. Замѣчательно, что проститутки, гдѣ нѣтъ и тѣни: „того ради оставить отца и мать и *прильпнется*“—никогда, безусловно никогда *не имѣютъ дѣтей*. Поразительно: вѣдь ихъ десятки тысячъ; въ теченіе десятилѣтій, столѣтій существованія проституціи—ихъ наберется *сотни тысячъ*: но этого удивительнаго извѣстія, что вотъ „дѣвица“ такая-то въ такомъ-то домѣ терпимости „разрѣшилась отъ бремени“—нѣтъ вовсе, не было никогда! Этотъ фениксъ не прилеталъ. Между тѣмъ, *тотчасъ* по излеченіи или *начинающая* свою профессію проститутка—вѣдь *здоровы-же?* Явно—Богъ проклялъ таковое явленіе (проституцію), Богъ отступился отъ людей „внѣ Образа и подобія Своего“, и, какъ всегда мы читаемъ въ Библии проклялъ ихъ именно *безплодіемъ, закрытіемъ чрева*. Но затѣмъ, внѣ проституціи—вы имѣете многобрачіе, полиандрію и полигамію, которыхъ не избылъ христіанскій міръ: вотъ въ чемъ горе! Но не закрывайте глаза на реальное бѣдствіе, и указывая на *едино-внѣчаніе*, не утѣшайте себя: мы—*моно-гамисты*, либо—*моно-андристы*. Нѣтъ и нѣтъ: мы живемъ въ *неопредѣленномъ* и совершенно *зыбкомъ* многобрачіи!

Но я не хочу въ вопросѣ о дѣтяхъ становиться на почву состраданія или жалости: ибо истина здѣсь такъ свѣтла, что не нуждается въ филантропическихъ подставкахъ. Тысячею текстовъ изъ Библии можно было-бы показать, что младенецъ, самое его появленіе, свѣтъ бытія, на него падающаго—не *внѣ* и не *безъ* преимущественнаго здѣсь участія, вниманія, благословенія Божія. „Богъ благословилъ меня дѣтьми“, „Богъ наказалъ меня неплодіемъ“—это альфа и омега, между которыми женщина включаетъ весь смыслъ бытія своего. Да и *какъ-же* иначе? если не здѣсь Богъ, то *гдѣ* же? Не это-ли самая великая, по неразрѣшимости, тайна? а съ другой стороны, по достоинству завитаго въ этой тайнѣ—именно души чловѣка, грядущей въ міръ, никѣмъ не судимой—не есть-ли это тайна священная? Блудницамъ и не дается она: но кому *дана*—она уже возросла въ *супружество*, пусть несчастная кинута мужемъ своимъ, это *его* грѣхъ, его *отвѣтъ предъ Богомъ*, передъ людьми *позоръ*; но на ней нѣтъ ни позора, ни отвѣта, ни грѣха: ибо она подпала давленію заповѣданія Божія: „имѣть къ мужу—*влеченіе*“. Все это очень серьезно; со всѣмъ этимъ

нельзя шутить. Мы разстроили, мы допустили разстроиться браку— до того, что имѣемъ только еги осколки: но эти осколки суть въ точности „бракъ“ и нужно ихъ собрать въ цѣлость, а не регистрировать „незаконнорожденныхъ“, въ чемъ упражняется „законъ“ и куда тянуть юридическое пророки. Нужно озаботиться о безсемейныхъ войнахъ, о бытѣ, и опять семейномъ, фабричныхъ; нужно дать просторъ и свободу движенія и жизни въ бракъ. Но отрицать, что и тѣ осколки, въ которые по небрежности нашей превратился (отъ тысячи социальныхъ причинъ) бракъ, суть однако въ точности бракъ, есть религиозное таинство — никто не въ правѣ.

Скажутъ: это „безнравственность“, это — „беззаконіе“. Но я покажу вамъ, что безнравственность и беззаконіе и получили себѣ начало отъ слиянія „вѣнчанія“ съ „бракомъ“, которое позднѣе перешло въ подмѣну, *замѣну* второго первымъ. Я „обвѣнчанъ“ единожды—и фактически потомъ начинаю полигамію; никто не обвинить меня ни въ ея „незаконности“, ни въ ея „безнравственности“. Вотъ на этомъ фактически и крушится бракъ. Перенесите-же центръ значительности именно въ супружество, въ сопряженіе половъ: *при вѣнчаніи или безъ него разъ завязалась связь, открылось сопряженіе—есть бракъ во всей его религиозной полнотѣ*; и вотъ объ этой-то реальной религиозной связи объявите, что ее нельзя *нарушить „флиртомъ“*. Вы чувствуете, что здѣсь и лежитъ узелъ поправленія семьи, т. е. онъ лежитъ въ возстановленіи ветхо- и новозавѣтнаго ученія о бракъ какъ *вещи*, а не о бракъ какъ пошеп. Этой вещи ради человекъ „оставить отца и мать“ и „прилѣпиться“—вотъ полнота самимъ Спасителемъ оставленнаго намъ таинства.

Сколько разъ можно было вступать въ бракъ въ древней церкви.

Позволю себѣ подтвердить мнѣніе, имѣющее важное практическое значеніе, немалозначущимъ авторитетомъ. Въ прошедшемъ году, въ статьѣ „Напрасное обремененіе“, я высказался, что въ необозримомъ океанѣ случайностей, какія могутъ встрѣтятся въ жизни 140.000.000 людей, бывають рѣдкіе случаи быстрой потери въ краткій срокъ времени женою премущественно одного и другого мужа, или мужемъ одной и другой жены. Господинъ А—тѣ передалъ печатно, при спорѣ со мною о незаконнорожденности, что онъ происходитъ отъ бабки, жившей долго и счастливо съ четвертымъ мужемъ, каковое супружество, какъ четвертое, не было повѣнчано, и многочисленные отъ него дѣти всѣ были „незаконнорожденные“. Въ выше названной статьѣ я поднималъ вопросъ объ основаніяхъ, на которые опирается запрещеніе для таковыхъ рѣдкихъ случаевъ четвертаго брака, и со-

слался, что въ Евангеліи таковыхъ основаній—нѣтъ. Понятно, однако, было мое желаніе услышать подтвержденіе моей мысли со стороны болѣе авторитетной. Въ только что вышедшей, октябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“, въ статьѣ И. М. Громогласова: „О вторыхъ и третьихъ бракахъ православной церкви“, я прочелъ на стр. 26-й слѣдующую удовлетворившую меня въ этомъ отношеніи ссылку: „Выраженіе снисходительнаго воззрѣнія на повторяемость христіанскаго брака мы находимъ у блаженнаго Іеронима“. Въ подтвержденіе авторъ приводитъ слова послѣдняго: „Церковь не осуждаетъ ни вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно также позволяетъ выходить замужъ за пятаго, за шестого и т. д. мужа, какъ и за второго...“; и въ другомъ мѣстѣ повторительно тотъ же учитель церкви выразился: „Не осуждаю вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать осьмыхъ браковъ: пусть иная приметъ и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать“. А (цитирую статью) „изъ письма блаженнаго Θεодорита къ патріарху антиохійскому Домну видно, что въ восточной церкви бывали случаи поставленія второбрачныхъ даже въ епископскій санъ“ (стр. 28). Таковъ голосъ и практика древнѣйшей церкви, которая всячески примѣняла основаніе и собственно единственное правило брака, высказанное апостоломъ Павломъ: „Во избѣжаніе блуда *каждый* имѣй свою жену и во избѣжаніе блуда *каждая* имѣй своего мужа“ (т. е. на протяженіи всей жизни всячески избѣгайте оставаться одинокими, что невольнo и непремѣнно повело бы васъ къ блуду). Сообразно этому, всякій слѣдъ препятствія къ браку долженъ быть рассматриваемъ какъ поощреніе и даже какъ понужденіе разврата, какъ „введеніе во искушеніе и преданіе лукавому“. Къ этимъ заботливымъ древнимъ временамъ надлежитъ вернуться и XX-му вѣку, оставивъ вовсе вопросъ о нумераціонной сторонѣ супружества, не подлежащей усмотрѣнію въ жизни 140 мил. населенія. И тогда только общество и государство получаютъ твердую почву и непререкаемое право начать медленную и послѣдовательную уничтожительную войну противъ проституціи,—о которой пока и вопроса не можетъ быть поднято. Прибавлю къ сказанному, что о поставленномъ вопросѣ я бесѣдовалъ неоднократно съ компетентными людьми, между прочимъ съ покойнымъ М. П. Соловьевымъ и однимъ очень ученымъ профессоромъ Петербургской духовной академіи. На мое указаніе о боли для міра, проистекающей отъ запрещенія второго брака вдовымъ священникамъ и четвертаго вообще всѣмъ, они говорили, что серьезныхъ основаній для этого нѣтъ, и это есть болѣе обычай, нежели мотивированный и основательный законъ. Въ письмѣ же, мною сохраняемомъ, и которое подписано „Русскій священникъ“, я нашелъ слѣдующее мѣсто на данную тему: „Собесѣдница Христа самарянка имѣла послѣдовательно пять мужей и Христосъ не

осудилъ ее. Саддукеи указываютъ Христу Спасителю на случаи, когда одна женщина выходила послѣдовательно замужъ за семерыхъ мужей, Мѣ., 22, ст. 23—26. И замѣчательно, что нигдѣ духомъ и тономъ Св. Писанія на подобные случаи не накидывается ни малѣйшей тѣни. Нигдѣ о нихъ нѣтъ отзываютъ въ порицательномъ или пренебрежительномъ смыслѣ. И Христосъ Спаситель, многократно раздражаясь громами негодованія на разные другіе порядки и обычаи еврейской жизни, напр. Мѣ. гл. 23 или Марка гл. 7, нигдѣ и никогда ни полсловомъ не осудилъ состояніе и формы священной еврейской семьи“. И т. д.—Не станемъ впадать въ фарисейство и пытаться превзойти въ цѣломудріи жизнь древнихъ христіанъ, современныхъ бл. Іерониму, ни поправлять Апостола, ни дополнять Христа. Мы споткнемся и уже споткнулись на этомъ, „запрещающа бракъ и вводяща людей въ блуд“.

1902 г.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

ЛІІІ. О записи въ метрики „незаконнорожденных“.

(Письмо въ редакцію „Нов. Вр.“).

М. г. Въ № 9232 „Новаго Времени“ В. В. Розановъ, протестуя противъ предполагаемой замѣны слова „незаконнорожденный“ словомъ „виѣ-брачный“, съ своей стороны предлагаетъ въ подлежащихъ случаяхъ употреблять слово „виѣ-каноническій“. Конечно, онъ дѣлаетъ это предложеніе лишь при томъ условіи, если будетъ признано необходимымъ оставить за незаконнорожденными дѣтьми какую-либо специальную кличку. Но есть ли непремѣнная нужда въ такой кличкѣ? Нѣтъ ли иныхъ способовъ безобиднымъ образомъ обозначить различные оттѣнки въ рожденіяхъ? Годъ назадъ, въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ я предлагалъ тройкую форму метрическихъ записей, какъ средство съ одной стороны избѣжать ненавистнаго, презрѣннаго и обиднаго слова „незаконнорожденный“, а съ другой — сохранить указанія на различія рождающихся младенцевъ по способу происхожденія ихъ на свѣтъ Божій. Считаю благовременнымъ теперь повторить свой проектъ.

Первая форма метрическихъ записей должна относиться къ законнымъ супружествамъ, когда супруги вѣнчались въ церкви и живутъ вмѣстѣ. Здѣсь, при записи факта рожденія и крещенія младенца, въ графѣ о родителяхъ ребенка слѣдуетъ писать, какъ и пишется въ настоящее время: „такой-то и законная его жена такая-то“. Вторая форма должна употребляться въ тѣхъ весьма многочисленныхъ и распространенныхъ въ наши времена случаяхъ, когда сожителствуютъ мужчина и женщина, невѣнчанные въ церкви, безотносительно къ тому, по какимъ причинамъ они не вѣнчались, составляя между тѣмъ правильную семью. Относительно младенцевъ, рождающихся въ такой семьѣ, въ графѣ о родителяхъ слѣдуетъ писать такъ: „такой-то и сожительница его

такая-то". Третья форма остается для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда отецъ младенца остается въ неизвѣстности, или не желаетъ открыть себя. Въ этихъ случаяхъ въ графѣ о родителяхъ слѣдуетъ помѣчать одну только мать младенца, именуя ее такъ: „дѣвица такая-то“, или „вдова такая-то“. Само собой разумѣется, что по второй формѣ метрической записи младенецъ долженъ носить фамилію своего дѣйствительнаго — фактическаго отца, а по третьей формѣ фамилію своей матери.

Внимательный читатель уже замѣтилъ, что при указанномъ мною различіи въ метрическихъ записяхъ не остается даже мѣста для слова „незаконнорожденный“, или для какого-либо его синонима, ибо всѣ отбѣнки происхожденія младенца со всею ясностью уже обозначены наименованіемъ его матери. Гдѣ мать младенца названа законною женою, тамъ очевидно имѣется на лицо законное супружество; гдѣ она названа сожительницею, тамъ выступаетъ на сцену семья, составившаяся изъ невѣнчанныхъ сожителей; а гдѣ она названа дѣвицею, тамъ очевидно младенецъ есть плодъ краткой или случайной связи. Къ чему же тутъ вводить еще совершенно излишнее слово „незаконнорожденный“. Метрическая запись должна быть только изображеніемъ дѣйствительнаго наличнаго факта безъ всякой его критики или оцѣнки.

Полагаю, что метрическія записи по рекомендуемому мною проекту гораздо лучше и несравненно нравственнѣе той жалкой и прискорбной фальсификаціи, какая допускается въ случаяхъ, подобныхъ разсказанному В. В. Розановымъ, когда жена, убѣжавшая отъ своего законнаго мужа и прижившая со своимъ любовникомъ пять человѣкъ дѣтей, всѣхъ ихъ въ метрикахъ записала на имя своего законнаго мужа. Не правильнѣе ли, не законнѣе ли, не нравственнѣе ли, не истиннѣе ли, не болѣе ли согласно съ дѣйствительностью было бы записать ихъ на имя любовника, съ которымъ означенная жена составляла дѣйствительную, хотя и не легальную, семью? Въ самомъ дѣлѣ, будемте искренни, соотечественники! Кому нужна эта безпросвѣтная ложь, эта чудовищная фальшь? Кого мы думаемъ ею обманывать и надувать себя, отечество, Бога? У кого хватить духа и отваги по совѣсти оправдывать и защищать эту жалкую фальсификацію?

Что касается положенія дѣтей, появившихся отъ сожительства или отъ случайной связи, то вдаваться въ разрѣшеніе этого вопроса я не считаю себя компетентнымъ. Опредѣлить правовое, имущественное и государственное положеніе такихъ дѣтей по совѣсти и по Богу, прислушиваясь къ голосу человѣческаго родительскаго сердца, есть задача христіанскаго государственнаго законодательства. Желательно только, чтобы при рѣшеніи этого вопроса мы не забывали, что мы составляемъ изъ себя именно христіанское государство и что слѣдовательно для насъ при раз-

сужденіи о какихъ бы то ни было дѣтяхъ должны быть памятны слова Христовы: „смотрите, не призирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго“ (Мѡ. XVIII, 10).

Протоіерей А. Устьинскій.

LIV. Когда незаконныя дѣти будутъ законными?

Въ виду новаго пересмотра законовъ о незаконнорожденныхъ и проникшаго въ печать извѣстія, что имъ будетъ присвоено названіе „внѣ-брачныхъ“, уже высказано разными авторами достаточно, чтобы видѣть, какой это жгучій и въ то же время запутанный и сложный вопросъ. Г-жа Лухманова предлагаетъ присвоить такимъ дѣтямъ имя „государственныхъ“ дѣтей и имъ же по преимуществу предоставить казенныя мѣста въ училищахъ, стипендіи въ университетахъ, а слѣдовательно и всѣ преимущества, доставляемыя этимъ для карьеры служебной и иной. Г. Сѣренскій, полемизируя съ кн. Мещерскимъ, стоитъ за полное уравненіе этихъ дѣтей съ законными въ правахъ фамиліи и состоянія ихъ дѣйствительныхъ родителей. Уважаемый В. В. Розановъ, много думавшій надъ вопросомъ, предлагаетъ дать имъ тоже названіе „внѣбрачныхъ“¹⁾, но только по латыни, и въ то же время признать гражданскую связь насильственно обреченныхъ на холостую жизнь мужчинъ съ дѣвушками героическаго характера за связь легальную и не менѣе святую, чѣмъ самый церковный бракъ. Кн. Мещерскій, называя ту же мѣру, обѣщающую расширение правъ незаконнорожденныхъ, великодушной и гуманной, не скрываетъ своей боязни, что право отыскивать родителей и связанныхъ съ тѣмъ имущественныя и сословныя права можетъ повести къ страшнымъ злоупотребленіямъ и шантажу.

Мнѣ кажется, что всѣ эти авторы, каждый по своему и въ предѣлахъ собственнаго великодушія, правы. Несомнѣнно также, что лучшее общественное рѣшеніе этого вопроса лежитъ въ разрѣшеніи гражданскаго брака вообще, а также широкаго разрѣшенія каждому мужу и каждой женѣ права признавать нелегальныхъ дѣтей своими, послѣ чего на этихъ признанныхъ дѣтей должны распространяться и всѣ сословныя и имущественныя права, какими пользовались ихъ родители. Въ старыя годы такъ вѣдь въ сущности и было, хотя существовали не дѣти, а воспитанники, а фамилія такимъ воспитанникамъ придавалась чаще по матери, чѣмъ по отцу. Свидѣтелями послѣднато являются исторически

¹⁾) Вовсе нѣтъ! Въ томъ-то мысль моя и состоитъ, что *бракъ*—есть, но—*не* каноническій: „*matrimonium extra jure canonico*“, однако—„*matrimonium sacrum*“. В. Р.—66.

извѣстные бастарды, въ числѣ которыхъ бывали и Шумскіе, и Жуковскіе.

Такія постановленія отлично рѣшаютъ вопросъ относительно дѣтей, у которыхъ есть состоятельные отцы и матери или вообще отецъ и мать, взаимно преданные настолько, чтобы открыто признавать своихъ незаконныхъ дѣтей. Но рѣшая вопросъ сравнительно хорошо для высшихъ сословій, эти же законы весьма мало помогутъ громадному числу дѣтей, рождающихся отъ проституціи, болѣе или менѣе позорной, т.-е. для тѣхъ дѣтей, у которыхъ буквально нѣтъ отца, ибо имъ могли быть вѣсколько совершенно ничего общаго между собой неимѣющихъ мужчинъ, или у которыхъ есть мать, умершая отъ болѣзни и чрезмѣрнаго пьянства въ специально для того созданной больницѣ. Если, по совѣту г-жи Лухмановой, именно этихъ дѣтей признать государственными и предоставить имъ исключительныя права по образованію и карьерѣ на общественный счетъ, то, не будучи песимистомъ, можно ждать, что множество бѣдняковъ, живущихъ нынѣ въ честномъ бракѣ, постараются сбыть своихъ законнѣйшихъ чадъ въ воспитательные дома, на общественное привилегированное содержаніе и попеченіе. Помилуйте, кто же врагъ своему младенцу?

Писать же въ этомъ направленіи особые законы для лицъ привилегированныхъ и для простого народа едва ли въ свою очередь будетъ удобно. Что же касается до наименованія въ бумагахъ и метрикахъ этихъ дѣтей такъ или иначе, то какъ ни назовите, все будетъ не хорошо. Хоть „дѣтьми Божьими“, и то нѣчто добровольно не пожелаетъ носить эту почетную вличку. Какъ упразднить фактъ? По природному—всѣ незаконные Бобчинскіе родятся совершенно такъ же, какъ и законные, но вѣдь мы живемъ не по природнымъ законамъ, а въ условіяхъ искусственной и ограниченной гражданственности. Тутъ само собой упраздненіе чего-либо стѣснительнаго для однихъ неминуемо должно отражаться на стѣсненіи другихъ. Здѣсь все, что будетъ сдѣлано въ пользу дѣтей, не легально рожденныхъ, отнимется отъ дѣтей легально рожденныхъ; все, что будетъ сдѣлано въ интересахъ свободнаго сожителства мужчины и женщины, будетъ во вредъ семьѣ церковной¹⁾. Семья вѣдь обуза, и преобладающая, особенно къ старости. Если ее не подарживать извнѣ, съ нѣкоторымъ насиліемъ даже, то она неминуемо разсыпется²⁾.

¹⁾ Вотъ это надо очень запомнить: „будетъ во вредъ семьѣ церковной, если въ чемъ-нибудь поможемъ людямъ не вѣнчавшимся“. Слѣд. вся судьба такихъ дѣвушекъ, вдовъ и ихъ дѣтей единственно исходитъ „изъ заботъ о семьѣ церковной“. В. Р—ва.

²⁾ Да во что она разсыпется?! Преспокойно останется все на прежнему мѣстѣ,—и только *семей будетъ гораздо больше*, а сами онѣ—*чужие и счастливые*. Все это объясняется въ этой книгѣ съ подробностями, какихъ незачемъ здѣсь повторять. В. Р—ва.

Смѣю думать, что я правъ, говоря, что вопросъ о незаконно-рожденныхъ перестанетъ существовать только съ полнымъ торжествомъ крайняго феминизма. Когда дѣти будутъ носить фамилію матери и наследовать ея права, тогда само собой исчезнетъ всякое между ними различіе и de jure и de facto. Одна мать достовѣрна; отецъ слишкомъ часто сомнителенъ, а такъ какъ ему и убѣждать легче отъ ребенка, чѣмъ матери, то этимъ и порожденъ вопросъ о легальныхъ и нелегальныхъ дѣтяхъ. И это одно только безусловно совершенное рѣшеніе вопроса. Но сколько можно видѣть впередъ и судить при наличности нашихъ чувствъ, царство феминизма будетъ заключать въ себѣ владычествующихъ неограничено: „гетеръ“-амазонокъ, затѣмъ „матокъ“-рожающихъ, существующихъ на подобіе дойныхъ коровъ, затѣмъ производителей-самцовъ, очень строго и жестоко содержимыхъ, и тому подобныхъ существъ и порядковъ, о которыхъ мечтаетъ крайній феминизмъ.

На самомъ же дѣлѣ будетъ только то, что можетъ быть.

На этомъ и утѣшимся.

А—тѣ.

IV. Игра словъ.

В. В. Розановъ, горячій, искренній защитникъ пасынковъ „семейнаго права“, вполне основательно опасается, что терминъ „выбращный“ приметъ на себя весь тотъ позоръ, который до сихъ поръ тяготѣлъ надъ „незаконнорожденными“. В. В. предлагаетъ замѣнить слово „выбращный“—„выѣканоническимъ“.

„Незаконнорожденный“, „выбращный“, „выѣканоническій“— всѣ эти термины, приставленные къ человѣческому имени, звучать неприятно, всѣ три одинаково ярко подчеркиваютъ, что носитель ихъ bâtard.

Кому это нужно? Зачѣмъ порочить имя безъ вины виноватаго, отнимать у него при самомъ рожденіи право на человѣческое существованіе?

И безъ того плодъ любви несчастной обыкновенно подверженъ многимъ чисто матеріальнымъ невздамъ. Въ большинствѣ случаевъ на ихъ долю выпадаетъ и голодъ, и холодъ, а въ довершеніе несчастья—позорное клеймо на всю жизнь.

Дѣти не могутъ требовать отъ родителей богатаго наследства, отъ государства—пенсіи и знатныхъ титуловъ, но можно ли имъ отказать въ правѣ на лично неопозоренное имя? Вѣдь отмѣтка въ паспортѣ о недочетахъ прислуги—и та преслѣдуется закономъ, который не можетъ потерпѣть такого посрамленія личности, а по отношенію къ беззащитному, невинному существу говорить не отеческій голосъ, а слышится суровый приговоръ судьбы ¹⁾...

¹⁾ Ну, конечно: понятіе и терминъ „незаконнорожденный“ есть вне-

Разныя сословныя привилегіи, имущественныя права—дѣло въ жизни наживное. Мальчикъ-крестьянинъ можетъ достигнуть титула свѣтлѣйшаго князя и званія фельдмаршала (какъ Меньшиковъ), разбогатѣть какъ московскіе милліонеры, но „незаконнорожденный“, „внѣбрачный“, „внѣканоническій“ никогда не можетъ сбросить этого позорнаго тавра, своей каторжной печати, никогда не можетъ быть просто „сыномъ“, а всегда съ гнусной приставкой...

Скажутъ, упоминаніе о „внѣбрачности“ рожденія необходимо для опредѣленія гражданскихъ правъ лица, для охраненія интересовъ „законныхъ“ дѣтей. Если это такъ нужно, то неужели другимъ путемъ нельзя гарантировать признаваемыхъ закономъ наслѣдниковъ, что ихъ пай не будетъ затронутъ несчастнымъ братомъ, сестрой или болѣе отдаленнымъ недегальнымъ родственникомъ? Это не больше, какъ техническая подробность законодательства, которая должна отступить передъ яснымъ принципомъ невозможности клеймить невинныхъ. Пусть въ метрическихъ свѣдѣтельствахъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, вмѣсто позорныхъ опредѣленій и наименованій будетъ глухое упоминаніе, что относительно правъ наслѣдственныхъ надлежитъ представить дополнительные документы.

Вопросъ о незаконнорожденныхъ назрѣлъ, проникли слухи въ печать о намѣреніи улучшить ихъ положеніе. Дѣло благое, человѣчное! Не слѣдуетъ же останавливаться на полумѣрѣ, на игрѣ словъ, перемѣнѣ терминовъ. Богъ съ ними съ прирожденными качествами. Теорія наслѣдственности камнемъ налегла теперь на человѣчество. За грѣхи предковъ, за бывшихъ алкоголиковъ, сифилитиковъ, эпилептиковъ, за больныхъ прапрадѣдовъ и прабабушекъ приходится ждать расчета молодымъ поколѣніямъ. Не сегодня, такъ завтра наступитъ расплата. Слава Богу не придумали еще зарегистрировать при рожденіи такихъ опредѣленій: „сынъ алкоголика“, „правнукъ развратницы“, „праправнукъ сумасшедшаго“...

Желательно и черную приставку о рожденіи „внѣбрака“ всеѣмъ стереть и не напоминать о ней людямъ, имѣвшимъ несчастіе родиться внѣ теплага, оберегаемаго государствомъ, семейнаго гнѣзда.

В. Кривенко.

сенная въ самый законъ, и отъ закона на частныхъ людей падающая, диффамация гражданская религіозная. В. Р—въ.

LVI. Изъ писемъ о „незаконнорожденности“.

1.

М. Г. В. В.!

Послѣднее время много пишется о дѣтяхъ „незаконнорожденных“, о томъ, что имъ на всю жизнь дается позорная кличка. Дѣло по моему не въ названіи, а въ томъ, что незаконность рожденія отмѣчается при самомъ вступленіи въ свѣтъ и остается отмѣченной на всю жизнь. Избѣжать этого, мнѣ кажется, возможно измѣненіемъ самого порядка записи въ метрическія книги. Въмѣсто теперешней формы записи принять общую для всѣхъ дѣтей: „Такого-то числа и года въ такой-то церкви крещень младенецъ (имя), родившійся тогда-то. Восприемниками были“ и пр. Одновременно съ этимъ дѣлать надпись на метрическомъ свидѣтельствѣ о бракосочетаніи родителей: „у означенныхъ въ семь свидѣтельствъ супруговъ такого-то числа родился (сынъ или дочь), который и занесенъ въ метр. книги о родившихся такой-то церкви такого-то за № „ и вмѣнить въ обязанность священникамъ вмѣстѣ съ выдачей свидѣтельства о крещеніи выдавать безплатно копію брачнаго свидѣтельства родителей съ означенной надписью.

Незаконнорожденные по достиженіи извѣстнаго возраста должны приписываться къ обществу,—и получатся мѣщане или крестьяне такіе-то (отчество и фамилія по восприемному отцу) и нигдѣ не будетъ отмѣтки русской или латинской, которую захочется скрыть или которой надо стыдиться. При такомъ порядкѣ уничтожится и названіе „узаконенный“, которое тоже не очень благозвучно и носящимъ его врядъ-ли пріятно. Форму записи выработаютъ спеціалисты, ну а что придется писать и имѣть вмѣсто одного метрическаго—два, это не бѣда, тѣмъ болѣе что копію и надпись можно писать на оборотѣ метр. свид. о крещеніи. Если найдете мою идею стоющей вниманія, помѣстите въ своихъ статьяхъ, не упоминая моеѣ фамиліи, такъ какъ это для меня по нѣкоторымъ причинамъ неудобно. Простите за неразборчивость письма, но причина этого не небрежность, а болѣзнь пальца на правой рукѣ.

Съ полнымъ къ Вамъ уваженіемъ остаюсь А. К—въ.

P. S. Въмѣсто практикуемой теперь перемѣны метрическихъ свидѣтельствъ придется дѣлать надписи (на основаніи постановленія суда) на метрическомъ о бракѣ, и выдавать копіи; и тогда только при внимательномъ сличеніи времени брака и рожденія можно будетъ знать о томъ, что такой-то „узаконенъ“. Кромѣ этого проектируемый мною порядокъ затруднитъ и запись незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ женой, ушедшей отъ мужа.

Закончивъ письмо, вспомнилъ еще одну подробность. Для установленія связи между матерью и незаконнымъ ребенкомъ можно матерямъ выдавать свидѣтельства:

„У такой-то, — тогда-то родил^{ся}_{ась} (сынъ — дочь) котор^{ый}_{ая} и занесен^ъ_а въ метр. книги такой-то церкви, тогда-то за № “.

2.

Милостивый Государь, В. В.

Въ печати много писалось о томъ, чтобы не клеймить дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, „незаконнорожденными“. Предлагали разное: назвать „внѣбрачными“, „внѣканоническими“, и т. д., но это все дѣлу не помогло-бы, вличка осталась бы кличкою. Если бы даже для рожденныхъ внѣ брака документы составлялись совершенно одинаково, какъ и для дѣтей законныхъ, но для отличія (имена) фамиліи первыхъ только бы подчеркивались — и этого достаточно было бы, чтобы ихъ заклеили какимъ либо словомъ, ну хоть — „подчеркнутыми“.

Мнѣ кажется, чтобы не клеймить ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей на всю жизнь, слѣдовало бы измѣнить запись крещаемыхъ дѣтей въ метрическія книги, и форму выдаваемыхъ копій изъ метрическихъ книгъ тоже немного измѣнить. Въ метрическія книги записывать имя ребенка и отъ кого онъ родился, при чемъ никакихъ упоминаній, что онъ законнорожденный или незаконнорожденный, не дѣлать. Если отецъ незаконнорожденного признаетъ его своимъ ребенкомъ, то онъ объявляетъ объ этомъ (при записи) священнику, предъявляетъ ему свои документы и священникъ записываетъ: „мать: дѣвица ¹⁾ Анна Ивановна Иванова, отецъ: дворянинъ Игнатій Ивановъ Николаевъ“. Если-же отецъ не признается, то записывать одну мать.

При выдачѣ же выписки изъ метрической книги помѣщать только имя, отчество и фамилію отца какъ для законныхъ, такъ и для незаконныхъ дѣтей ²⁾. При такихъ условіяхъ никто изъ окружающихъ ни въ учебномъ заведеніи, ни на службѣ не будутъ знать о незаконности рожденія, пот. что метрическая выпись

¹⁾ Никто такую „дѣвицей“ не смѣетъ называть. Самъ человекъ долженъ отвѣтить о себѣ: „я — жена“, „женщина“, „дѣвица“, „мать“; а полиція должна покорно вписать въ паспортъ то, что диктуется о себѣ его владѣтель. Дѣвушка съ рожденіемъ ребенка получаетъ новый паспортъ: „Анна Петрова и при ней ребенокъ такой-то“ (съ выпускомъ прежняго именованія: „дѣвица“). В. Р—ва.

²⁾ Ни подъ какимъ видомъ не обозначая, кто мать, потому что по просьбѣ законныхъ такія помѣтки начали-бы дѣлать. И. К—тисъ.

будеть указывать только отца, а состоитъ ли онъ въ бракѣ или не состоитъ—этого въ выписи не значится. Для тѣхъ же дѣтей, отъ которыхъ отцы ихъ отреклись, въ выписи проставлять имя матери.

Еслибы не желательно было уравниять права наслѣдства, то чтобы не выходило недоразумѣній по наслѣдованію отъ отца незаконнорожденнаго ребенка, слѣдуетъ суду требовать во всѣхъ случаяхъ полную выписку изъ метрическихъ книгъ, гдѣ и видно будетъ, законный или незаконный ребенокъ. Такія выписи могутъ быть выдаваемы только по требованію суда, отца ребенка, матери и самого незаконнорожденнаго. Постороннимъ лицамъ выпись не должна выдаваться.

Будьте любезны развить эту мысль и напечатать въ „Новомъ Времени“. Если бы нужно было подробнѣй изъяснить мою мысль, я съ удовольствіемъ готовъ вамъ отвѣтить на ваши вопросы. Примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи. *И. Кур—тисъ.*

3.

Многоуважаемый В. В.!

Все, что вы сказали сегодня, въ своей замѣткѣ, и что писали на-дняхъ въ газетахъ по поводу открытія въ Кіевѣ новаго притона замаскированнаго дѣтубійства, есть одинъ вопросъ, самый ужасный въ жизни. Главные виновники этого: рутинна и предрасудки. Строй жизни не можетъ быть тотъ же, что былъ даже 100 лѣтъ тому назадъ. Женщина теперь не та раба, которая жила въ теремѣ, и была съ дѣтства рабой родителей, а потомъ мужа; или крѣпостная, которая была въ двойномъ рабствѣ. Разъ не стало этого рабства, женщина свободна, но всѣ ея запросы жизни, по старому, остаются „въ общественномъ“ рабствѣ. Оттого и весь строй общества и семья страдаетъ. По моему мнѣнію, все измѣнилось бы къ лучшему, лишь исчезъ бы жестокий предрасудокъ—считать позоромъ материнство ¹⁾. Тогда каждая женщина нашла-бы свою семью ²⁾, т. е. нашла-бы цѣль въ жизни, привязанность, все то, что возвышаетъ нравственно человѣка вообще, къ какому бы кругу об-

¹⁾ Возведите его въ *славу*—и все измѣнится, вся цивилизація. Вотъ что надѣлалъ идеаль дѣвства: онъ подрылъ счастье и прочность цѣлой цивилизаціи. *В. Р—въ.*

²⁾ Можно бы преобразование начать съ закона о наслѣдованіи:—дочь, наслѣдующая (теперь) отъ родителей въ размѣръ $\frac{1}{3}$ сравнительно съ братьями, получаетъ при первой же беремености, заявленной и доказанной суду (вообще—власти, напр., священнику или губернатору) полное уравненіе наслѣдственныхъ правъ съ братьями. Вообще надо не втѣхомолку, а явно, громко, государственно и религіозно, объявить превосходство родительства передъ дѣвствомъ. *В. Р—въ.*

щества ни принадлежала женщина по своему развитію. Любогъ къ своему ребенку заставляетъ каждую мать больше подумать и о своемъ нравственномъ воспитаніи. Это ужасное зло, жестокой приговоръ людской—покрывать позоромъ материнство внѣ брака: и оно есть начало „фабрикъ“ Скублинской и проч., и ухода дѣвушекъ даже въ гаремы, о чемъ вы писали,—лишь бы найти привязанность и покой. Интеллигентныя, здоровыя матери сами должны умѣть воспитывать дѣтей, это ихъ долгъ, обязанность, а не сдавать дѣтей на руки боннѣ и гувернантокъ. У меня была прислуга, дѣвушка, по имѣнью сына, и любовь къ этому ребенку спасла ее отъ всѣхъ искушеній, она не отдала ребенка въ воспитательный домъ, а отдала на воспитаніе въ деревню, отецъ помогалъ, и сообща они платили за него, ѣздили къ нему; мать старалась жить на одномъ мѣстѣ, чтобы не потерять возможности во время посылать гонораръ. Другая дѣвушка, ея знакомая, также готовилась быть матерью, но боясь того, что скажутъ, т. е. людского приговора, плакала, страдала, все скрывая, и должна была отдать ребенка въ воспитательный домъ. Не могла помириться „съ позоромъ“ и съ горькими слезами отнесла свое дитя туда. Но, когда привычка взяла свое, т. е. успокоилась отъ разлуки съ ребенкомъ, и считая себя уже не дѣвушкой, она, ничѣмъ не связанная, повела жизнь по избитой дорогѣ, и материнство для нея пропало. А оставила бы она свое перводитя на своемъ попеченіи, она могла бы быть честной, любящей матерью, и свою нравственность сохранила бы, любя ребенка. Только бы признали материнство *правомъ* каждой женщины, лишь бы она *честно относилась къ своимъ обязанностямъ*, не спрашивая, законный или незаконный ребенокъ, тогда уменьшилось бы много, много зла въ жизни. Это единственный выходъ. Дома трудолюбія не привлекутъ никогда молодую жизнь, желающую именно жить согласно съ тѣмъ, чего требуетъ природа, т. е. материнства. Это не развратъ, и отъ этого нечего оберегать женщину, она для этого создана, а ее насильно хотятъ сдѣлать весталкой ¹⁾ при домѣ трудолюбія! Конечно, ей въ гаремѣ лучше. Общество ставитъ на одну ступень материнство внѣ брака и развратъ. А это такъ же далеко одно отъ другого, какъ небо и земля. Лишь бы поняли эту разницу, и тогда легче многимъ жилось бы на свѣтѣ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи С. Чужбойская.

LVII. Незаконнорожденные во Франціи.

Если одинъ и тотъ же вопросъ начинается одновременно занимать общество и правящія сферы въ различныхъ странахъ, значитъ онъ назрѣлъ, и правда, съ такимъ трудомъ пробивающаяся

¹⁾ Письмо это печатается *впередѣ* моихъ двухъ статей, которыми оно было вызвано, для объединенія рубрики „незаконнорожденность“. В. Р.—са.

себѣ дорогу въ свѣтъ, успѣла сдѣлать относительно его завоеванія въ сознаніи людей. Положеніе незаконнорожденных занимаетъ у насъ и печать, и правительство, и о немъ же толкуютъ теперь во Франціи, гдѣ положеніе злополучныхъ „пасынковъ судьбы“ едва ли не хуже, чѣмъ у насъ. Отзвукомъ этихъ толковъ является статья чуткой „Revue“ въ декабрьскомъ ея выпускѣ. Курьезно, что для этой небольшой работы два автора, гг. Лагранжъ и Де-Нувионъ, соединили свои силы.

„Всѣ люди рождаются и живутъ, пользуясь одинаковыми правами“, объявила болѣе вѣка назадъ „декларация правъ человека и гражданина“. И между тѣмъ французскіе законы доселѣ дѣляютъ людей по рожденію на два разряда, давая одному изъ нихъ меньше правъ, чѣмъ другому, хоть и оставляя ему въ утѣшеніе одинаковое количество обязанностей.

Несправедливость общества къ этимъ безвинно-виноватымъ, количество которыхъ поражаетъ во Франціи своею численностью, начинается, такъ же какъ и у насъ, съ минуты ихъ появленія на свѣтъ. Надо внести ребенка въ метрическія записи. Собственная семья отталкиваетъ его, въ особенности семья отца, всегда склонная сомнѣваться въ дѣйствительности отцовской личности или враждебная къ нему по имущественнымъ соображеніямъ. Въ школѣ, въ мастерской, въ арміи, въ чиновничьей канцеляріи клеймо незаконности лежитъ на несчастномъ, такъ какъ и въ метрикѣ, и въ военномъ формулярѣ положеніе его родителей и его самого обозначено съ жестокою точностью. Захочетъ ли незаконнорожденный вступить въ бракъ, объявленія мэра называютъ имена его отца и матери и обнаруживаютъ „неправильность“ его происхожденія. Положеніе незаконнорожденныхъ, одинаковое съ тѣмъ, какимъ было оно полтора вѣка назадъ, поддерживается во всей своей несправедливости статьями французскаго кодекса.

Всѣ незаконныя рожденія раздѣляются на три группы:

- 1) Дѣти, рожденныя отъ неженатыхъ мужчинъ и дѣвушекъ.
- 2) Дѣти отъ холостого отца и замужней матери, или наоборотъ.
- 3) Дѣти отъ отца и матери, состоящихъ въ бракъ съ другими лицами.

Незаконнорожденные, принадлежащіе къ первому разряду, являются среди другихъ какъ бы привилегированными. Родители ихъ могутъ вступить между собою въ бракъ и сдѣлать ребенка законнымъ. Но и здѣсь коварное законодательство изобрѣло терминъ, отпущающій извѣстную долю кары безвинно-виноватымъ. Такія дѣти зовутся „узаконенными“, отмѣтка объ этомъ вносится въ ихъ метрики и тайна ихъ рожденія рано или поздно разоблачается. Условія въ правахъ наслѣдства такихъ дѣтей также отличаются нѣкоторыми особенностями, дающими преимущество дѣтямъ, рожденнымъ въ бракъ, передъ узаконенными.

Инымъ является положеніе незаконнаго ребенка женщины, состоящей въ бракѣ. Французскій законъ запрещаетъ замужней женщинѣ признать своимъ такого ребенка, такъ какъ всякій ребенокъ, рожденный въ бракѣ, предпологается ребенкомъ законнаго мужа. И если онъ откажется признать этого ребенка своимъ, то ребенокъ объявляется „прелюбодѣйнымъ“ (adulterin) и положеніе его дѣлается ужаснымъ.

Незаконныя дѣти родителей, состоящихъ каждый въ законномъ бракѣ, разумѣется, самыя несчастныя. Французскіе чиновники, — хотя законъ и не даетъ имъ на это яснаго права, — требуютъ обыкновенно объявленія имени матери. При этомъ начинаются уловки и увертки. Часто пишутъ вымышленное имя, что ведетъ потомъ къ печальнѣйшимъ осложненіямъ, напримѣръ къ невозможности такому лицу вступить въ бракъ, такъ какъ для его вступленія въ бракъ законъ требуетъ согласія матери.

Если два лица, уличенныя въ прелюбодѣянiи и разведенныя, вслѣдствіе смерти прежнихъ своихъ супруговъ оказываются свободными и получаютъ возможность вступить между собою въ бракъ. французское законодательство является къ тому препятствіемъ, запрещая бракъ между лицами, уличенными въ прелюбодѣянiи. Если ребенокъ былъ записанъ прежнимъ мужемъ женщины законнымъ, то теперь, послѣ смерти этого мужа, настоящій отецъ не можетъ усыновить его, ибо право усыновленія относится только къ незаконнымъ дѣтямъ, а этотъ записанъ законнымъ. Сами виновные могутъ обвиняться за границей и упорядочить свое положеніе, жертвою же закона остается невинный. Онъ не можетъ наслѣдовать послѣ своихъ родителей. Дѣти, родившіяся отъ этихъ родителей впослѣдствіи, могутъ не признать его своимъ братомъ и прогнать.

Какъ выходъ изъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ условій, французское законодательство допускаетъ, правда, „пріемныхъ дѣтей“ и идетъ въ этомъ случаѣ такъ далеко, что видитъ возможность дать право пріемныхъ родителей одного ребенка въ одно и тоже время нѣсколькимъ лицамъ, такъ что у ребенка можетъ быть нѣсколько отцовъ и матерей. Усыновленіе является иногда единственнымъ спасеніемъ дѣтей, въ особенности такъ называемыхъ „прелюбодѣйныхъ“. Но многимъ ли изъ этихъ несчастныхъ выпадаетъ удача найти себѣ пріемныхъ родителей?

Нечего говорить, какъ мало выигрываютъ отъ преслѣдованія незаконныхъ дѣтей государство и общество. Доказано безчисленными примѣрами, что ненормальность положенія этихъ лицъ и связанная съ нею житейскія невзгоды дѣлаютъ изъ нихъ людей озлобленныхъ и толкаютъ въ ряды недовольныхъ обществомъ и питающихъ къ нему чувства ненависти и мщенія. А количество незаконныхъ рожденій не уменьшается, а увеличивается во Фран-

ціи. Составляя въ 1875—78 годахъ 35 проц. законныхъ рожденій, въ 1896—99 годахъ оно поднялось до 41 проц.!

Строгости закона не исправляютъ въ этомъ случаѣ нисколько современныхъ французовъ. Молодежь уклоняется отъ законныхъ браковъ, налагающихъ обязанности, принуждающихъ къ усиленному труду и заботамъ о семьѣ. Примѣры свободныхъ союзовъ становятся все болѣе и болѣе частыми, и возникаютъ жизненные трагедіи, примѣры которыхъ въ литературѣ дали Додэ въ „Жакъ“, Франсуа Коппе въ „Coupable“, и въ „Fils naturel“—А. Дюма, самъ незаконнорожденный, подобно нашимъ Жуковскому, Полежаеву и Костомарову.

Авторы-французы взываютъ къ справедливости и требуютъ пересмотра законовъ о незаконнорожденныхъ. Они высказываются при этомъ со всевозможной осторожностью, сознавая отлично, что главнымъ противникомъ въ этомъ случаѣ будетъ значительная часть самого общества, именно косная и закоренѣлая въ предразсудкахъ французская буржуазія. Въ этомъ дѣлѣ русскіе взгляды болѣе гуманны и терпимы. Незаконнорожденные, въ особенности въ народѣ, далеко не всегда играютъ у насъ роль отверженцевъ. Относилось къ нимъ нерѣдко мягко и старое барство, и Лицины, Бецкіе, Панины, — потомки Голицинныхъ, Трубецкихъ и Репинныхъ играли не послѣднюю роль въ обществѣ, а дѣти Разумовскаго—Черовскіе—принадлежали къ высшей знати, также какъ и потомки князей Куракиныхъ, носящіе три единственные существующія русскія баронскія фамиліи.

Требованія французскихъ авторовъ весьма скромны и сводятся пока къ улучшенію правъ наслѣдства внѣбрачныхъ дѣтей и уравненію ихъ съ другими гражданами въ льготахъ по воинской повинности. Коренная реформа въ этомъ дѣлѣ кажется имъ столь трудною, что они называютъ ее одною изъ величайшихъ задачъ наступившаго новаго вѣка... (Изъ иллюстрир. приложенія къ „Нов. Вр.“).

LVIII. О разводѣ у католиковъ.

Западно-европейскія государства, даже архи-католическія, давно уже рѣшили вопросъ о расторгненіи брака у своего католическаго населенія въ смыслѣ изыатія этого населенія изъ-подъ власти духовенства, ничуть не справляясь въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ римской курии.

Католическое духовенство признаетъ бракъ нерасторжимымъ; оно допускаетъ лишь кассачію брака въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушена какая-либо формальность въ смыслѣ обрядовой стороны, какъ напримѣръ оглашеніе о брачущихся не въ томъ приходѣ, гдѣ это слѣдовало, или же вѣнчаніе жениха и невѣсты священникомъ чужого прихода и т. д.

Что же касается самыхъ существенныхъ вопросовъ, которые въ дѣйствительности должны бы служить несокрушимымъ поводомъ къ расторженію брака, то католическая консисторія остается къ нимъ глуха: мужъ можетъ на глазахъ жены сожителемъ съ другою женщиной, можетъ тиранить и увѣчить свою жену, можетъ безъ вѣсти пропадать десятки лѣтъ, бросивъ жену и дѣтей на произволъ судьбы; ту же исторію можетъ продѣлать въ отношеніи мужа и жена. Все это, изволите видѣть, отнюдь не поводы къ расторженію брака, а вотъ вѣнчаніе священникомъ чужого прихода или другая пустая формальность вдругъ почему-то превращаетъ таинство совѣтъ не въ таинство и, вопреки здравому смыслу, таинство развѣнчивается въ своей святости. Неудобно ли всѣмъ и каждому, обрѣтающемуся въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, разобраться въ этой средневѣковой схоластикѣ, въ этой безсодержательной метафизикѣ!

Мало того, даже при наличности такихъ, болѣе чѣмъ странныхъ поводовъ, начатый сторонами разводъ тянется десятки лѣтъ, стоитъ десятки тысячъ; и стороны почти всегда получаютъ разводъ по достиженіи глубокой старости. Случалось, что застрявши въ Римѣ, дѣло получало разрѣшеніе, когда разводящіяся стороны давно уже лежали въ могилѣ.

Далеко не такъ бывало, когда любой архи-католическій король требовалъ, чтобы римская курія расторгла его бракъ съ нелюбимой или надѣвшею ему женщиной; тогда вся схоластика и метафизика летѣла вверхъ дномъ и разводъ получался моментально. Такъ бывало и тогда, когда расторженіе такого брака почему-либо было въ интересахъ духовенства.

„Мы значительно облегчили положеніе неуживающихся супруговъ, — заявляетъ католическое духовенство, — мы вѣдь создали (тоже фикція) разлученіе супруговъ отъ стола и ложа, — *séparation de corps*“.

Да какая, спрашивается, жена, переѣхавшая отъ мужа въ квартиру холостого человѣка, или какой мужъ, обзаведшійся почему-либо другою семьей, будетъ просить у васъ этого пресловутаго *séparation de corps*? Если имъ закрыты всѣ пути къ разводу, и вслѣдствіе этого къ образованію новой законной и доброй семьи, то къ чему имъ пригодится эта ваша фикція?

А если кто-либо и когда-либо и попроситъ наградить его такою фикціею, то можно будетъ впередъ поручиться, что это будетъ субъектъ изъ породы тѣхъ, кто, по выраженію одного польскаго писателя, „всю недѣлю тяжело работаетъ, а по воскресеньямъ ксендзь съ амвона пугаетъ его адомъ“; этой фикціею пожалуй воспользуется добрая католичка въ томъ случаѣ, когда ксендзь, втершись въ семью, самъ послужитъ поводомъ къ такому *casus belli*.

Принципъ нерасторжимости брака, схоластическая фиктивность

поводовъ къ расторженію его, медленность производства бракоразводныхъ дѣлъ даже при наличности поводовъ и даже séparation des corps — все это создано католическимъ духовенствомъ исключительно въ цѣляхъ удержанія своей власти надъ населеніемъ: разъ человѣкъ родился католикомъ, онъ долженъ всю жизнь твердо помнить, что любая фикція римской курии всегда станетъ ему поперекъ горла и при всякомъ случаѣ испортитъ ему жизнь.

Но вѣдь всему бываетъ конецъ,—кончилось и закабаленіе западно-европейскаго католическаго населенія. Весь смыслъ западно-европейскихъ законодательныхъ актовъ, направленныхъ въ защиту не только населенія, но и государственной власти отъ посягательства духовенства, заключается въ слѣдующемъ. Государство заявляетъ католическому духовенству: „семья—основная клѣточка государственнаго организма; регулировать ея внутренній бытъ, ея отношеніе ко всему государственному организму, лѣчить ее въ случаѣ болѣзненнаго состоянія или произвести требуемую операцію—все это дѣло мое, т. е. государства. Только я, государство, могу и обязано разрѣшить сторонамъ образовать новую семью, новую клѣтку въ государственномъ организмѣ, если прежняя оказалась гнилою. Это мое право и моя обязанность вытекаетъ изъ самаго существа моей дѣятельности и въ числѣ другихъ элементовъ составляетъ смыслъ моего бытія. Въ области чисто духовной я признаю всю пользу вашей дѣятельности, я благоволю къ вамъ, но что касается вопросовъ, составляющихъ основу моего бытія, то—руки прочь! *Рэджеръ* ¹⁾).

(„Нов. Вр.“ № 9596).

¹⁾ Подъ этимъ псевдонимомъ скрывается, какъ миѣ извѣстно, одно католическое лицо, г. Л—цкій. В. Р—ва.

Недоговоренныя слова.

Посмотрите каталоги библиотекъ и книжныхъ магазиновъ; откройте отдѣлъ „естественныя науки“; вы въ немъ найдете цѣлую рубрику книгъ, брошюръ, монографій, популярныхъ очерковъ, относящихся къ защитѣ, къ опроверженію и къ выясненію мельчайшихъ деталей теоріи Дарвина. Въ нѣмецкой литературѣ цѣлый отдѣлъ естествознанія носитъ названіе „Das Darwinismus“. Чего-чего тутъ нѣтъ! что тутъ не разсмотрѣно! Растенія и животныя, теперь живущія и ископаемыя, въ дикомъ состояніи и въ домашнемъ, ублюдки, скрещиваніе, вліяніе привычекъ, среды, вліяніе упражненія на органы—все разсмотрѣно съ поразительною полнотою, тщательностью. Вотъ это наука! Вотъ это гордость человѣческаго ума!

— Къ чему это?—спроситъ читатель:—мы это знаемъ.

— Для самооправданія, добрый читатель. Теперь возьмите тѣ-же каталоги библиотекъ или книжныхъ магазиновъ и перелистуйте ихъ съ цѣлью найти рубрику: „разводъ“. Вы засмѣетесь: „такая мелочь!“ Хорошо, попробуйте отыскать рубрику „семья“. Вы становитесь болѣе серьезны и догадываетесь, что не вы надомно смѣетесь, а я надъ вами смѣюсь. Въ самомъ дѣлѣ, никому и въ голову не придетъ, чтобы семья была менѣ важная и интересная для человѣка вещь, нежели дарвинизмъ, между тѣмъ очевидно, что вовсе не существуетъ рубрики человѣческой озаченности, выраженной въ брошюрахъ, книгахъ, полемикѣ и очеркахъ, посвященныхъ семьѣ. Совсе нѣтъ такихъ книгъ. Совсе нѣтъ такой литературы. О разводѣ отъ того такъ и спорятъ, что собственно никто и ничего о немъ достовѣрнаго не знаетъ: не умѣетъ произнести о немъ ни одного сужденія и опереть его на готовые, заготовленные наукою мотивы, или на собранные въ наукѣ факты и наблюденія. „Мнѣ такъ кажется“, „у нашихъ знакомыхъ былъ такой случай“: дальше и углубленнѣе этого дѣтскаго эмпиризма самыя просвѣщенные умы не идутъ.

Мы ничего не знаемъ о семьѣ.

Мы ничего о ней не начали знать.

Мы только входимъ въ „азы“ ея вѣдѣній,

Вотъ рядъ положеній, въ которыхъ я нахожу оправданіе, когда ко мнѣ обращаются съ упрекомъ за частое возвращеніе къ одной темѣ. „Частое“... Но я едва говорю одинъ разъ въ два мѣсяца о семьѣ, итого шесть разъ въ годъ. И только оттого, что я такъ часто *устно* о ней заговариваю, моимъ друзьямъ кажется, что я извелъ всю газетную бумагу на тему о семьѣ. Я молчу, а мнѣ говорятъ: „что вы кричите“.

Ну, вотъ напр. сторона развода, которую я два года ношу на кончикъ языка, и еще ни одного слова о ней не вымолвилъ. Знаете ли вы, читатель, кто въ обществѣ, какая група людей всего ожесточеннѣе, суровѣе, безпощаднѣе противится разводу? Вы будете растроганы, когда это узнаете, какъ самъ я узналъ изъ множества частныхъ признаній, сдѣланныхъ мнѣ за послѣдніе два года.

Противится разводу, страстно его оспариваютъ несчастные семьянины, семья которыхъ съ трудомъ держится. Да, вотъ кто! Всю сумму семейнаго идеализма и такъ сказать естественной непотрясаемости семьи и ея невѣроятной естественной крѣпости я узналъ только, начавъ дѣятельно высказываться за разводъ. „О, не настанвайте на немъ, не требуйте его“... слѣдуетъ описаніе безмѣрной любви къ дѣтямъ; продолженіе: „мы уже не живемъ съ женою“, или: „жена измѣняла мнѣ, но я ее простилъ“, „мужъ мой не вѣренъ мнѣ, но я закрываю глаза на это“. Общій итогъ: „Не трогайте же наше полу-счастье, оно чуть-чуть лѣпится на ниточкѣ, а вы какъ тать приходите и хотите перерѣзать эту нить, почти разорванную“. Да, вотъ смыслъ писемъ, столько возродившихъ во мнѣ уваженія къ человѣку.

„Хочу я сказать два слова о малыхъ сихъ, ради которыхъ дѣлается все великое и между прочимъ строится семья. Говоря такъ, я разумѣю семью не какъ юридическій институтъ, а какъ духовный строй. Согласитесь—вѣдь здѣсь ключъ проблемы о разводѣ, и не разыскавъ его—проблемы не разрѣшить. „И будутъ два въ плоть одну“—вотъ эта *единица плоть*, результатъ единенія двухъ, и есть центръ вопроса. Великій фантазеръ Ж.-Ж. Руссо съ легкимъ сердцемъ разрубилъ этотъ Гордиевъ узелъ, написавъ: „*дѣти—собственность государства*“. Но у насъ, родителей, не легкое, а тяжелое родительское сердце, да и маленькое сердчишко *малыхъ сихъ* (дѣтей)—привередливое созданіе Божіе; любить своего пьянаго тятку и свою злую и грязную мамку, а высокогуманныхъ и высокоразвитыхъ воспитателей, какъ на ало, любить не хочетъ: съ молокомъ въ него эта глупость всосалась, и надо съ нею считаться или же кормить этихъ дурачковъ въ общественномъ сараѣ съ рожковъ, накачиваемыхъ общественнымъ молокомъ помощью чуть не паровой машины. Укажите же исходъ изъ этого. Гражданскій бракъ, равноправность дѣтей законно- и незаконно-рожденныхъ, контрактъ, обеспечивающій потомство, легкая расторможимость брака, утратившаго существо-

брака—все это только учрежденія, узаконенія, все это — матеріальная оболочка сущности духовной; а сама эта сущность? Бракъ, утратившій существо союза брачнаго, долженъ быть расторгнутъ, затхлая атмосфера звѣриной берлоги должна быть профильтрована, загаженная яма—срыта и засыпана на-вѣчно. Такъ вы пишете—и это правильно. Но отвѣтьте: куда же дѣвать дѣтей? Возьму примѣры: *Она* и *она* — образцы добродѣтелей, но... не сошлись характерами и потому расходятся: кому отдать единственнаго горячо любимаго обоими ребенка, который безъ мамы не уснетъ? Не посоветовать ли имъ подождать расходиться, пока ребенокъ не вырастетъ и не сдѣлаетъ сознательнаго выбора?.. Или другой примѣръ: *она*—добродѣтеленъ и трудолюбивъ, *она* —лѣнива, легкомысленна и даже хотъ развратна: отнять ли насильно дѣтей отъ ея материнской груди и ради блага ихъ отдать сухому и нелюбимому ими, хотя и высоконравственному отцу? Этотъ высоконравственный отецъ не лучше ли принесетъ себя въ жертву дѣтямъ, если откажется расторгнуть бракъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы хотя отчасти дезинфицировать свою берлогу, уподобивъ ее жилью человѣческому? Или: *она*—мать, пьяница и развратникъ; но онъ добрый, любящій и любимый дѣтьми отецъ. Во всемъ ли права передъ нимъ и передъ дѣтьми его добродѣтельная супруга, съ сухою лепешкою подъ корсетемъ вмѣсто сердца въ груди? Такимъ образомъ передъ нами стоитъ общій и очень широкій вопросъ: однѣ ли индивидуальныя интимности и стремленія должны руководить брачною жизнью семьи, или *и* (курс. автора письма) забота о дѣтяхъ: или же забота о дѣтяхъ по преимуществу? Произведшия потомство,—ошибочно или съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, *все равно*—не совершили ли въ предѣлахъ земныхъ все земное, или же онъ имѣетъ право еще на индивидуальную жизнь, и въ какой мѣрѣ“?

Неправда ли, это пламенно? Это умно? Это полный очеркъ философіи противъ развода, бьющій не изъ закона, не изъ фарисейства, но изъ живыхъ фибръ любящаго отцовскаго сердца. Я вступилъ съ авторомъ письма въ переписку. Теперь я имѣю фотографію его 8-лѣтней дочурки, красавицы ребенка, какъ и самого усталаго отца, прошедшаго, по словамъ одного его письма, „огонь и трубы 60-хъ годовъ“. Но вотъ что сообщилъ онъ о себѣ во второмъ письмѣ, которое меня такъ заинтересовало, что я выпросилъ у него позволеніе современнымъ опубликовать его:

„Я человекъ занятой и усталый и не для игры въ переписку пишу вамъ. Поэтому постараюсь быть краткимъ, лишь бы не въ ущербъ ясности. Я женатъ во второй разъ, но, Боже, чего это мѣя стоило! Въ первый разъ я женился по любви внезапной и страстной, на 23 году жизни. Черезъ 2 года мы разошлись, безъ дѣтей и безъ измѣны. Прошло 5 лѣтъ. Я влюбился снова и попросилъ у жены, жившей въ другомъ городѣ, развода; она отвѣчала, что живетъ уже 4 года съ любимымъ человекомъ и имѣетъ 2-хъ дѣтей; она принимаетъ вину на себя, но я долженъ признать ея дѣтей моими законными. Два года я былъ въ лечебницѣ душевно-больныхъ, эти два года она безвыѣздно жила въ другомъ городѣ; слѣдовательно, фактъ прелюбодѣянія налицо—рожденіе дѣтей не отъ мужа. И этихъ же дѣтей признать законнорожденными! Я принялъ это условіе по совѣту преосвященнаго Никанора (Бровковича). Сперва случайно, а потомъ умышленно я пропускалъ годовые сроки, установленные на споръ о законности рожденія, а послѣ того самыми фактами дѣторожденія въ отсутствіе мужа, удостовѣренными метрическими справками и свидѣтельствами о безвыѣздномъ разномѣстномъ жителствѣ супруговъ, устанавливалъ фактъ упорнаго прелюбодѣянія жены.

дающаго мужу право на разводъ независимо отъ сроковъ на споръ о законности рожденія. Эту крючкотворскую безсмыслицу, освященную закономъ, я положилъ въ основаніе иска. И безсмыслица побѣдила здравый смыслъ! Но цѣлыхъ девять лѣтъ я толочъ лбомъ въ консисторскія стѣны. Въ N-ской консисторіи мнѣ отказали; я переѣхалъ въ другой городъ и тамъ возбудилъ тотъ же искъ, опять отказали; переѣхалъ въ третій городъ—отказали же; въ четвертый—и снова отказали! Надо мною издѣвались. Меня считали маньякомъ; я изучалъ консисторскіе уставы и писанныя къ нему дополненія и инструкціи; писалъ лично къ оберъ-прокурору Синода и въ комиссію прошевій на Высочайшее имя отчаянныя письма. Наконецъ, когда Никаноръ былъ вызванъ въ присутствіе Синода, тогда рѣшеніе консисторіи, отказавшей мнѣ послѣдній разъ, было отмѣнено съ надлежащимъ внушеніемъ. Произведено было новое разслѣдованіе; ни одного свидѣтеля, ни джесвидѣтеля я не выставилъ; голый фактъ и признаніе. Результатъ: бракъ расторгнутъ, а дѣти, уже цѣлыхъ пятеро, рожденіе которыхъ послужило основаніемъ къ расторженію брака, признаны законнорожденными, и я ихъ внесъ всѣхъ пятерыхъ, какъ моихъ законныхъ дѣтей, въ родословную книгу дворянъ N-ской губерніи. Повѣрите ли: я до сихъ поръ горжусь побѣдою надъ нашимъ крючкотворствомъ при помощи крючкотворства же! Стоило мнѣ это тысячъ семь, не болѣе... и лѣтъ 18 жизни съ плечъ долой. Тогда наконецъ я женился, и теперь на 49 году имѣю 8-лѣтнюю дочку. Достигнутое съ такимъ ослинымъ упорствомъ счастье длилось... ровно 8 мѣсяцевъ; во вотъ уже 9-й годъ мы тянемъ семейную лямку—скупчую, тяжелую и мучительную, безъ просьбы и безъ перспективы. Выхода нѣтъ; мы оба души не чаемъ въ дочкѣ, дѣлать ее нельзя и ради ея самимъ нельзя дѣлаться! Женѣ нѣтъ еще 30 лѣтъ; она могла бы еще создать себѣ семью непорочную, какъ вы опредѣляете, да и самъ-то я въдъ то-же къ непорочной семьѣ стремился и столь цѣломудренно, что цѣлыхъ 9 лѣтъ не превышалъ правъ жениха, для того, чтобы быть мужемъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ. Знаю я множество законныхъ семей, которыя смердятъ вонью и мразью, и приведенные вами примѣры не пополняли моей коллекціи. Знаю и незаконныя семьи: инныя не лучше законныхъ, а инныя чистыя и непорочныя, въ которыхъ я отдыхаю отъ тревожной жизни, и тихо дѣлается у меня на душѣ при видѣ того, что могутъ же люди жить по-человѣчески. Расторжимость семьи, утратившей чистоту, я признаю; равноправность всякихъ дѣтей, разъ они дѣти, какъ и свободу чувства, не отрицаю; выраженіе *незаконнорожденныя дѣти* считаю за неграмотное и безсмысленное; власть теологовъ и какъ лицъ и какъ учреждений (т. е. собранія „человѣковъ“) надъ бракомъ, „что соединено Богомъ“, я отрицаю. Но и *семью* въ *религии*, т. е. въ Бога, не признаю за человѣческую, какъ не знаю и религіи *отъ* семьи. И вотъ я опять стою одиноко лицомъ къ лицу съ тою трагическою коллизіею, которую я вамъ слегка намѣтилъ въ первомъ письмѣ: наше индивидуальное я съ его свободой мысли, чувства и воли, я съ его страстями, стремленіями и жаждою жизни—это одинъ объектъ наблюденія; другой—*семья*, сѣменной родъ, порабощающій это я (прототипъ—жизнь полиповъ); а третій—*соціальный* строй жизни, порабощающій родъ и разлагающій семью. Тутъ очевидно какая-то страшная ошибка въ человѣческомъ домостроительствѣ. Но гдѣ она, въ чемъ именно?

Я вопрошаю жизнь, къ ней простирая руки
Куда бѣжать отъ этой адской муки,
Куда бѣжать и гдѣ пріютъ найти?

„Не во мнѣ тутъ дѣло: все человѣчество стоитъ долгіе вѣка предъ этимъ треклятымъ вопросомъ и вопрошаетъ. И отвѣты сыплются за от-

вѣтами, а вопросъ все остается вопросомъ. Бѣдное, жалкое, мерзкое, подлое и глубоко-несчастное изстрадавшееся человѣчество, потерявшее чутье Бога! Вашими работами на этомъ поприщѣ вы уже расчистили нѣкоторые Авгиевы стойла нашей семейственности и общественной и потому-то, мнѣ кажется, такъ и прислушиваются всѣ къ нашему слову... Не кажется ли вамъ иногда, что нынѣ вновь исполнились времена и сроки и что мы живемъ снова если не въ началѣ новой эры, то по крайней мѣрѣ въ концѣ старой? Не чувствуете развѣ вы, что уже носится Великое Слово надъ міромъ, что уже свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьмѣ его не объять? И какъ нѣкогда возсталъ Іовннъ Предтеча съ призывомъ къ покаянію, такъ и нынѣ великое покаянное слово уже гремитъ въ сердцахъ многихъ. Что есть истина?—Богъ есть истина; едивый истинный абсолютъ, и въ его нѣтъ абсолюта, и быть не можетъ: всякія другія истины относительны и субъективны. Богъ—познаваемый не человѣческимъ произволеніемъ, а откровеніемъ Божиимъ. Какъ древнее язычество, создавшее культъ многобожія, отъ высотъ Зевса пало до «божествленія Нерона, Каракаллы и даже коня Каракаллы, такъ и нынѣ псевдонаука, создавшая безбожіе, низошла до обожествленія протоплазмы; такъ нынѣ и философія, поставившая пупомъ міра свое праздное, ни на чемъ не обоснованное измышленіе „ich“—пала до Шопенгауэровщины, Ницшеанства. Но преходящи всѣ эти неистовства, великъ же и вѣченъ Господь Вседержитель, и не Substantia Онъ для міра, а Instantia Suprema“...

Я сдѣлалъ такую большую выдержку, можно сказать не умѣвъ сдержатъ пера. Слова такъ богаты, что невозможно остановиться, выписывая ихъ. Вотъ какъ думаютъ „въ глубинѣ Россіи“, ибо письмо мною получено изъ далекой провинціи, хоть и изъ университетскаго города. Но тутъ—не университета влияніе, ибо это выше университета, и наши профессора не умѣютъ кормить учениковъ такою пищею. Нѣтъ—въ строкахъ этихъ отражена мучительная біографія, и еще темное и глубокое броженіе Руси. Слова о Богѣ гремятъ пророческимъ вдохновеніемъ. Но вернемся къ нашей узкой, но дѣловой темѣ.

За что же 9 лѣтъ мучили человѣка, вѣрующаго, благороднаго? Отняли у него семь тысячъ денегъ, только потому, что имѣя полное право добиться развода, указавъ на незаконнорожденныхъ въ его отсутствіе дѣтей, онъ не захотѣлъ имъ причинять страданія, а хотѣлъ дать имъ имя, названіе и честь? И кто его мучилъ? Консistorіи, требовавшія хоть подставныхъ жесвидѣтелей, или требовавшія жестокости наказанія дѣтей невинныхъ, а во всякомъ случаѣ растрясшія кошелекъ истаца на семь тысячъ (теперь это — человѣкъ бѣдный). Я былъ глубоко заинтересованъ, почему же онъ „8 мѣсяцевъ только былъ мужемъ второй своей жены“, — и умолялъ его сказать мнѣ истину: „Отвѣчай вамъ за искренность искренностью же. Разгадка простая. Любили мы другъ друга съ невѣстою не головою, а сердцемъ, любили пламенно; но за 9 лѣтъ, пока длился разводъ и ходила душа по мытарствамъ, душа истомилась и сердце угагло; *излюбились* (курсивъ письма) платонически; поддерживала настойчивость добитесь цѣли, одушевляло желаніе дать сѣмя роду. И вотъ, когда одно и другое достигнуто—чувство, перегорѣвшее уже, погасло. Огонь, такъ долго тлѣвшій, загасъ въ

себѣ. Не гасили, а дотлѣлъ самъ и погасъ!.. Мнѣ больно писать лично о себѣ, и не привыкъ я... я уже разрѣшилъ вамъ воспользоваться матеріаломъ, но съ соблюденіемъ полнѣйшей анонимности мѣстъ и лицъ“...

Вотъ—жертва, вотъ прямо трупъ въ итогѣ консисторскихъ формъ развода. Сколько стоитъ на вѣсахъ христіанскаго милосердія человѣкъ? Пусть кто хочетъ—говорить что хочетъ; я же отвѣчу: „ничего не стоитъ“. И пока мнѣ не воскресятъ этого мертвого и задавленнаго, я буду до втораго суда Господня говорить: „Человѣкъ въ христіанскомъ обществѣ ни во что не цѣнился, а форма—была все“.

Что же предупредило запрещеніе развода? Жена ушла отъ мужа и имѣла 5 человѣкъ дѣтей отъ не мужа. Но можетъ быть все-таки это запрещеніе что-нибудь сдѣлало? Да; уничтожило двѣ семьи; матери пятерыхъ дѣтей такъ и не дали законно выйти замужъ за отца ихъ, а бракъ другого человѣка, серьезнаго, религіознаго, сдѣланъ горбатымъ, съ перешибленными ногами. Но каковъ человѣкъ? можетъ быть худъ? Да вотъ и послѣ такой муки онъ первый и пламенно бросился возражать мнѣ (на фельетонъ: „О непорочной семьѣ и главномъ ея условіи“, т.-е. разводѣ): „нѣтъ, пусть остается разводъ запрещеннымъ, ибо мы, отцы и матери, хоть и несчастны, у меня вотъ 9 лѣтъ муки и скуки за плечами,—но ради дѣтей мы разлучаться не хотимъ“.

Какой урокъ для человѣчества и аргументъ за необходимость развода! Если и несчастные не хотятъ расходиться, кто же разойдется, если дать полную свободу развода, если—какъ я утверждаю—возвратить согласно библейскому установленію право расторженія брака самимъ мужу и женѣ, супругамъ? Да никто и не разойдется, кромѣ: а) бездѣтныхъ, б) все равно уже живущихъ съ третьимъ лицомъ, в) окончательно несчастныхъ отъ порочности и злобы одной стороны, которая грозитъ другой сторонѣ кровью. Всѣ остальные, вся огромная масса счастливыхъ семей или несчастныхъ, но не очень, не мучительно, не до крови—сохранятся ради дѣтей и ради привычки другъ къ другу, ради воспоминаній о быломъ—въ цѣлости. Противодѣйствіе (въ законахъ) разводу прямо есть социальное и религіозное безуміе, нѣчто въ родѣ юридической истерии. Это есть прядь прямо погубленіе семьи, убиваніе единичныхъ семейныхъ людей...

Консисторіи на стражѣ дѣтскихъ интересовъ!.. Человѣкъ семь тысячъ тратитъ и девять лѣтъ жизни, чтобы не погубить дѣтей, которыхъ „дѣльцамъ“ надо зарегистрировать въ „незаконнорожденныхъ“ и хотѣлось бы выбросить въ Воспитательный домъ отъ любящей ихъ матери, отъ жалѣющаго ихъ вотчима. Да оставьте отцамъ и матерямъ право распоряжаться дѣтьми своими, и вписывать ихъ собственною рукою въ собственные документы безъ посредства гг. юристовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и завтра же

все населеніе воспитательныхъ домовъ, этого истиннаго продукта мысли Руссо: „дѣти должны принадлежать государству“,—разберется обратно родителями, не будетъ въ странѣ ни одного убитаго ребенка, ни одного подкинутаго, ни одного брошеннаго на руки чужихъ воспитателей. Мой корреспондентъ хорошо пишетъ что „суда человѣческаго надъ бракомъ онъ не признаетъ“, и опираетъ это на слова Спасителя: „И будутъ два одною плотью: что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ“. Спаситель сказалъ о плоти, о младенцѣ и родительствѣ, и запретилъ строжайше всему человѣческому сюда вмѣшиваться. Непостижимо, какъ эта мысль могла исказиться, отмѣниться, подмѣниться. Посмотрите въ рассказанномъ случаѣ усиліе закона оторвать дѣтей отъ родительницы, усиліе оторвать невѣсту отъ жениха: „мы перегорѣли, истлѣла любовь и—погасла“. Это голосъ убитаго, убитыхъ. Вмѣшательство кого бы то ни было въ „два—въ плоть едину“ убиваетъ обѣ плоти, а при дѣтяхъ—три. Такое вмѣшательство разрушаетъ въ самомъ зернѣ семью; и она если и держится, то вотъ такими благородными инстинктами третируемыхъ „мужей и женъ“, „развращеннаго рода человѣческаго“.

Пора вернуться къ семьѣ какъ не проникаемому ни для какаго внѣшняго взора, внѣшняго слова, внѣшняго воздѣйствія существу. Попробуйте проколоть тонкою иглою кровяной шарикъ: онъ погибнетъ. Все живое и органическое—кругло и замкнуто, завершено въ себѣ. Все органическое субъективно и имѣетъ душу въ себѣ, и силами единственно души этой—идеально. Съ тѣмъ вмѣстѣ все органическое не ариеметично, не статистично (не есть предметъ статистики), до нѣкоторой степени все оно а-симметрично. Идетъ повидимому не правильно, но живо; оно не похоже на шеренгу солдатъ, а на народную толпу. Но толпа, сравнительно съ рациональнымъ эскадрономъ, поэтична и глубока, она мистична и священна, жива и вѣчна въ существѣ своемъ, хотя повидимому двигается, разсѣивается, разбѣгается. Такова же и семья. Конечно многія семьи будутъ вѣчно распадаться. Но въ какое время этого не было при всякихъ строгостяхъ развода? Все живое умираетъ и рождается; коллективное живое въ однихъ особяхъ умираетъ, а въ другихъ возникаетъ къ жизни. Предупредить смерти семьи никто не можетъ. При всякомъ законѣ мужъ и жена, отвернувшись другъ отъ друга, могутъ разойтись и разлѣхаться. Не имѣя средствъ этому помѣшать, не мѣшайте же ожить имъ, на мѣстѣ умершаго не препятствуйте возникнуть новому. А то вы валежникъ бережете, палое дерево храните, а молодяги поросли затаптываете. Смотрите, огромная часть лѣса уже повалились; затоптанные всходы все же есть, какъ эта мать пятерыхъ дѣтей, которой вписали въ паспортъ: „Навсегда запрещена къ браку за прелюбодѣяніе“, и около пяти законныхъ братьевъ она рождаетъ ше-

стого и седьмого „незаконными“ уже: вѣдь нельзя же предполагать, что, достигнувъ желаемой свободы, она разорветъ связь съ столь давно и крѣпко любимымъ человѣкомъ! Что же случилось? къ чему стремится законъ? Къ кладбищу брачному. Не воскреситъ онъ ни одного умершаго. А не дать родиться живому—неужели въ этомъ мудрость?

Насколько всё несчастные въ семьѣ стоятъ противъ развода,— настолько счастливые семьянины, которымъ и не нуженъ онъ ни для чего, но которые сохраняютъ спокойствіе душевнаго настроенія, высказываются за разводъ. Они, — и еще окончательно несчастные и уже фактически разошедшіеся, имѣющіе вмѣсто семьи—нуль. Вотъ для образца письмо такой несчастной: „Простите, что я, не имѣя чести быть знакомой съ вами, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ просьбою. Случайно мнѣ удалось прочесть въ „Нов. Вр.“ одну вашу статью о разводѣ, а потому я и рѣшила, описавъ свое ужасное положеніе, въ которое я поставлена благодаря своему злополучному браку, просить васъ оказать мнѣ помощь своимъ совѣтомъ. Въ январѣ 1896 г. я была обвинена противъ своей воли съ N, котораго я до вѣнчанія совсѣмъ не знала. На другой день послѣ вѣнчанія онъ уѣхалъ къ мѣсту своей службы и только черезъ мѣсяцъ возвратился и тогда же заставилъ меня быть женой и передалъ мнѣ дурную болѣзнь, о чемъ я узнала черезъ нѣсколько дней послѣ, почувствовавши себя недомогающей, и обратилась сперва къ мѣстному врачу, а потомъ къ специалисту здѣшняго университета (названо известное въ Россіи имя). Тогда же мужъ, для опредѣленія правильности теченія болѣзни, заявилъ, что онъ заразился этою болѣзью послѣ вѣнчанія, во время мѣсячнаго отъѣзда. Тогда же совмѣстная наша жизнь была воспрещена до полного выздоровленія, и я начала лечиться у профессора, мужъ же легъ въ госпиталь, но скоро, не вылечившись, его оставилъ, уѣхавъ въ N. (названъ городъ), гдѣ велъ крайне дурную жизнь, какъ я узнала. Мнѣ же все время онъ писалъ оскорбительныя письма, а въ пріѣзды къ своимъ роднымъ, живущимъ въ одномъ со мною городѣ, и лично преслѣдовалъ и оскорблялъ меня. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ по моей просьбѣ онъ выдалъ росписку въ томъ, что принимаетъ на себя вину и согласенъ на разводъ, которую подписали и два свидѣтеля, бывшіе при томъ. Затѣмъ онъ скоро уѣхалъ въ N, въ Сибирь, куда перевелся на службу. Обращалась я къ присяжнымъ повѣреннымъ съ просьбой взяться выхлопотать мнѣ разводъ, но ни одинъ изъ нихъ не согласился, такъ какъ у меня не было достаточныхъ причинъ. По совѣту же одного изъ нихъ, я обратилась съ просьбою къ Комиссію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, о выдачѣ мнѣ отдѣльнаго вида, каковая просьба и удовлетворена въ виду тѣхъ доказанныхъ произведеннымъ дознаніемъ причинъ, которыя я указала въ прошеніи. Но оказалось, что и отдѣльнаго вида недостаточно для развода. А такъ какъ я по закону должна вести бракоразводный процессъ по мѣсту жительства мужа въ Сибири, то я обратилась съ ходатайствомъ къ Св. Синоду съ просьбой разрѣшить вести дѣло по мѣсту моего жительства. Св. Синодъ, во вниманіе къ особымъ обстоятельствамъ моего дѣла, изложеннымъ подробно въ прошеніи, разрѣшилъ не только вести дѣло въ моемъ родномъ городѣ, но и отмѣнить требуемое закономъ судоговореніе, предписавъ консисторіи ограничиться истребованіемъ только письменнаго отзыва мужа на мое прошеніе, каковое требованіе и исполнено консисторіею 15-го іюня. Въ доказательство виновности мужа, я представила въ кон-

систорію скорбныя листы профессора, меня лечившаго. и также госпиталя, гдѣ лежалъ мой мужъ, а также указала на названныхъ N—ской полиціей свидѣтелей, которые знаютъ безнравственную жизнь мужа: кромѣ того, я намѣрена представить въ консисторію имѣющуюся у меня копію постановленія N—скаго губернскаго правленія по возбужденному полиціей преслѣдованію противъ мужа за одно изъ столкновеній его съ полиціей въ домѣ терпимости, за что онъ былъ преданъ суду. Изъ-за этого брака я потеряла около пяти лучшихъ годовъ жизни, пережила и переживаю тяжелыя физическія и нравственныя страданія, истратила на хлопоты и леченіе значительную часть средствъ своихъ, больше восьми тысячъ рублей; изъ-за него же пошатнулось значительно здоровье старухи-матери, съ которой я живу. И единственнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для меня было бы полученіе развода, который бы далъ мнѣ надежду на лучшее будущее, и въ полученіи котораго я была до послѣдняго времени вполне увѣрена. Но къ глубокому моему отчаянію и на-дняхъ узнала, что мужъ далъ отзывъ, но не въ пользу развода, желая оттянуть дѣло и заставить меня въ концѣ разориться. И вотъ потому-то я и рѣшилась обратиться съ убѣдительною просьбой къ вамъ, не посовѣтуете ли вы мнѣ изъ челоуѣколюбія, какъ мнѣ быть теперь или хотя что мнѣ можно ждать отъ новаго закона о разводѣ и какъ скоро онъ будетъ. Въ послѣднее время узнала, что мнѣ можно было бы просить о призваніи брака недействительнымъ, какъ заключеннаго по принужденію, что положительно многіе могутъ подтвердить. Имѣю ли я на это право? Ради Бога не оставьте меня безъ отвѣта. Софья Ж—ва.

P. S. У меня положительно не съ кѣмъ посовѣтоваться, а потому не откажите ради Бога въ своихъ совѣтахъ. Неужели не будетъ измѣненъ нашъ ужасный законъ о разводѣ? Кому нужны мученія и траты денегъ большихъ, какія необходимы при разводѣ, а также кому нужно такое ужасное наказаніе, какъ лишеніе виновнаго права вступить въ новый бракъ. С. Ж—ва“. (Подписана не безызвѣстная въ Россіи дворянская фамилія).

„Кому нужно“? спрашиваетъ именующая еще себя „виновною въ бракѣ“. На однѣхъ дверяхъ позѣтъ надписалъ: „Lasciate ogni speranza voi, qu'entrate“. Вотъ эти двери и ведутъ туда, чему всѣ эти челоуѣческія муки,—да не сей часъ, а уже десять вѣковъ, и въ цѣлой Европѣ,—были „нужны“. Иногда мнѣ приходитъ въ голову, что уже сейчасъ и ненужны „облегченія развода“. Ибо почему завтрашніе будутъ столь счастливы, когда вчерашніе были столь несчастны, и кто же, и кому, и какъ отвѣтитъ за вчерашнихъ? Тамъ, гдѣ вѣка стояла такая темень—не нужно никакого свѣта, дабы поздній судья всего цѣлостнаго дѣла не сказалъ легкомысленно или лукаво: „тутъ—свѣтло, и вѣроятно было всегда какъ сегодня же свѣтло“.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LVIII. „И не введи насъ во искушеніе“.

Къ сожалѣнію, современный законъ о разводахъ, — препятствуя въ тяжелой степени разводамъ, — цѣли закона, „сохраненія семьи“, вовсе не достигаетъ, а напротивъ того, благодаря своей строгости, именно ее и разрушаетъ. Тутъ кроется та-же ошибка, которая создается повсюду такъ называемой „научной законностью“, а именно: вмѣсто того, чтобъ сдѣлать *фундаментомъ* закона *сами-же человѣческія слабости*, законъ пытается насиліемъ (теоретическимъ) направить грѣшнаго человѣка къ достиженію, или сохраненію того, что законъ (правильно) считаетъ идеаломъ, т. е. законъ пытается сдѣлать *фундаментомъ самый же идеалъ*. Между тѣмъ въ интеллигентной, какъ и въ крестьянской средѣ, семья есть не только необходимость, но создаетъ и комфортъ и удовольствія, которыхъ внѣ ея нельзя найти, и которые человѣкъ, при всей своей грѣшности, любить и отнюдь не желаетъ терять. Но отчего же семья все-таки такъ часто имъ теряется? А 1) потому, что въ грѣшномъ человѣкѣ существуетъ тенденція *распускаться*, т. е. давать волю своимъ нервамъ: сначала въ мелочахъ, но которыя, со временемъ, приводятъ къ охлажденію и разрыву, 2) сознавая, что современный законъ о разводѣ ставитъ одного супруга въ *полную* зависимость отъ *согласія* другого на разводъ, супруги чувствуютъ „*возможность*“ *распускаться безнаказанно*, сколько имъ угодно. Вотъ это главная причина современнаго разложенія семьи. А развѣ это распусканіе нервовъ во всякихъ мелочахъ было бы возможно, если бы разводъ зависѣлъ только отъ односторонняго желанія одного изъ супруговъ (т. е. заявленія въ полицію, 60-копѣчной марки, уложеннаго чемодана и извозчика)? Очевидно нѣтъ. Всѣ *удобства* и прелести семейной обстановки потеряны, а всѣ *обязанности*: забота о существованіи другого супруга и дѣтей—*остаются?* И

вотъ это послѣднее обстоятельство и безъ того до того уже затрудняетъ разводъ, что закону странно затруднять его еще больше. Всѣмъ дурнымъ элементамъ онъ даетъ этимъ только средство и *возможность: распускаться*, — хорошіе элементы онъ этимъ отъ этого не удерживаетъ, и вводитъ ихъ въ *искушеніе*, — разврату препятствовать не можетъ — и не строя свой *фундаментъ* на человѣческой же грѣшной *слабости*, — только вредить „принципу семьи“, который онъ желаетъ охранять. Мало того, тамъ, гдѣ разводъ неизбеженъ, законъ мѣшаетъ созданію новой хорошей семьи; а разъ оба супруга согласны (хотя и при эксплуатаціи и шантажѣ со стороны одного изъ супруговъ), законъ препятствовать разводу опять не можетъ, и создаетъ явную и недостойную комедію тамъ, гдѣ все равно уже нечего ни спасать, ни охранять! И все это несмотря на то, что всякое такое *согласіе* между супругами законъ, именно, не признаетъ законной причиной для развода!

(Словомъ: уничтоженіе семьи создается тѣмъ 1) что люди: *распускаться любятъ* и 2) тѣмъ, что современный законъ о разводѣ—во вредъ собственному желанію супруговъ—„вводитъ ихъ въ искушеніе“, *облегчая* имъ *распускаться*. Въ видѣ примѣра скажу, что въ Финляндіи семейное начало находится въ весьма удовлетворительныхъ условіяхъ, въ Америкѣ еще лучше,—а между тѣмъ въ Финляндіи требуется лишь: „представленіе объявленія въ газетахъ со стороны супруга о томъ, что другой супругъ находится внѣ Финляндіи и на объявленіе не возвращался“, и разводъ готовъ. Въ Америкѣ и этого срока даже нѣтъ. Дальнѣйшія подробности мнѣ точно не извѣстны, но изъ всего предыдущаго уже ясно видно, что *чѣмъ легче разводъ, тѣмъ легче сохранится для общества и государства та семья, которую желательно сохранять*. Въ остальномъ же ясно, что спасеніе нѣ въ *срокахъ* (финляндскихъ и американскихъ), а въ ненужности согласія другого супруга, ибо разъ это согласіе необходимо, то никакіе сроки не помогутъ и всякое безобразіе возможно.

Кстати: изъ всего этого ясно тоже видно, какъ ошибочно т. предположеніе, что разборъ дѣла въ дорогое и безконечное гражданское судъ будетъ улучшеніемъ „разводной бѣды“. Къ обычной некомпетентности судей-духовныхъ въ житейскихъ дѣлахъ. исторіи и подкладки разныхъ спеціальностей, могущихъ имѣть отношеніе къ дѣлу, присоединятся тѣ же старый формализмъ и комедія—только безконечно дорогія и долгія, взаимѣвъ теперешней комедіи въ „Духовномъ Судѣ“, которая за послѣднее время стала сравнительно съ гражданскимъ судомъ (и теперь уже) *ужасно* быстра и гораздо дешевле.... если у несчастнаго мученика необходимы для этого деньги есть, чтобъ заплатить адвокату, свѣдѣтелямъ и третьей „особѣ“, какъ и другому супругу, шанта-

жирующему его за свое *согласіе* на... разводную комедію. Но развѣ все послѣднее будетъ иначе въ гражданскомъ судѣ? Очевидно нѣтъ! *Обязжите „Духовный Судъ“ вынести рѣшеніе въ 2 недѣли послѣ того, какъ просители доставили всѣ, требующіяся закономъ, доказательства, и послѣдній изъ недостатковъ разбора дѣла въ „Духовномъ Судѣ“ отпалъ.* И почему это роняетъ достоинство Духовнаго Суда разсматривать разводныя дѣла? Изученіе грѣховъ согласно съ достоинствомъ всякаго суда. Уничтоженіе семьи и „разводная бѣда“ и вытекающіе изъ нея корректная ложь, корректный научный грабежъ, развратъ и безконечность—суть естественный плодъ логики „научной законности“, вызывающей необходимость *согласія* другого супруга, а вовсе не вина „Духовнаго“ только „Суда“, который при реформѣ могъ бы разсматривать дѣла „духовно“, т.-е. по совѣсти. что гражданскому суду прямо запрещено даже тогда, когда онъ, среди массы другихъ научно-усложненныхъ дѣлъ, способенъ выикнуть въ суть и подкладку дѣла?

„Горе вамъ законникамъ (научникамъ), что взяли ключъ разумѣнія въ свои руки, сами не вошли и другимъ мѣшаєте войти“. *Б. К. В. К.*¹⁾

(„Гражданинъ“, № 38 за 1901 г.).

ЛІХ. О городскихъ думскихъ учительницахъ.

14-го іюня этого года исполнилось 25 лѣтъ со времени принятія Петербургомъ начальныхъ школъ подъ свое вѣдомство. Судя по собраннымъ къ этому времени статистическимъ свѣдѣніямъ, положеніе думскихъ городскихъ школъ мало оставляетъ желать лучшаго: и общее число учениковъ, и число окончивающихъ курсъ въ мужскихъ и женскихъ училищахъ, итоги самаго преподаванія—блестящія работы и отмѣтки на экзаменахъ—все говоритъ о процвѣтаніи школъ, т.-е. образцовомъ преподаваніи и порядкахъ въ нихъ. Съ увеличеніемъ числа школъ увеличивается и составъ учащихся: вмѣсто прежнихъ одноклассныхъ училищъ—теперь открываются многоклассныя, требующія отъ 6 до 19 чловѣкъ учительницъ. Пріемъ учительницъ въ думскія школы обставляется все большими и большими трудностями. (Говорю только объ учительницахъ, потому что учителя въ думскія школы теперь не принимаются, остаются на службѣ 16 чел., служившихъ уже

¹⁾ Безтолковая по изложенію, но чрезвычайно обстоятельная со стороны содержанія, статья. Ея *резюме*: „всѣ семейныя безобразія, отравившія и сдѣлавшія проклинаемымъ институтъ семьи, проистекаютъ исключительно изъ отнятія права развода у самихъ супруговъ, и отъ передачи этого права администраціи духовной или свѣтской“. *В. Р.—въ.*

раньше). Кромѣ высшаго образовательнаго ценза (окончанія Педагогическихъ или Бестужевскихъ курсовъ), отъ городскихъ учительницъ требуется практическая подготовка.

Забывая такъ много о тщательномъ подборѣ учащихся. Комиссія по народному образованію мало входитъ однако въ духовную жизнь послѣднихъ. Эти труженицы обставлены рядомъ стѣснительныхъ правилъ. Во-первыхъ, подающая прошеніе не должна имѣть 30 лѣтъ отъ роду; во-вторыхъ, она не должна имѣть никакихъ физическихъ недостатковъ или органическихъ болѣзней, въ удостовѣреніе чего ею представляется медицинское свидѣтельство. Въ третьихъ, она должна быть дѣвницей. При выходѣ замужъ дѣвица, зачисленная въ кандидатки или уже состоящая учительницей, обязана одновременно заявить о томъ въ думу и подать прошеніе объ отставкѣ.

Въ настоящее время подъ вѣдѣніемъ Городской думы находятся 451 учительница одноклассныхъ школъ, около 50 замѣстительницъ, приблизительно столько же кандидатокъ.

Итакъ, чего же требуетъ дума отъ этихъ 500 слишкомъ учительницъ?

Образованія, педагогической опытности, молодости, здоровья и безбрачія, т.-е. иначе требуетъ посвященія всей жизни, всѣхъ душевныхъ способностей, сосредоточенія всѣхъ интересовъ и духовной жизни только на школьномъ дѣлѣ.

Что же даетъ она взаменъ этихъ высокихъ требованій?

Къ несчастью—немного. Даже матеріально онѣ едва обезпечены. Только нѣкоторыя, сравнительно давно служащія, имѣютъ школу съ квартирой, остальные учительницы—приходящія. На разѣзды изъ дома до школы имъ полагается 10 руб. въ мѣсяцъ. Изъ общаго оклада (600 руб.) и этой суммы (квартирныхъ денегъ почему-то не выдается) за вычетомъ эмеритуры получается 58 руб. въ мѣсяцъ и... черезъ 25 лѣтъ (такъ далеко, далеко, но такъ заманчиво рисуется передъ глазами эта граціозная цифра 25!)—скромная пенсія. Изъ этихъ 58 руб. дѣвушка должна имѣть квартиру, столъ, ѣздить въ школу, на остающіеся отъ тратъ на необходимыя нужды въ лучшемъ случаѣ 15—10 руб. одѣться и ими же ограничить свои потребности и желанія. Нѣкоторыя учительницы имѣютъ возможность устроиться у своихъ родственниковъ, которымъ онѣ конечно въ такомъ случаѣ помогаютъ матеріально, а большая часть живетъ по комнатамъ (взять квартиру нѣтъ средствъ), питаясь кое-какъ по кухмистерскимъ и столовымъ.

Не говоря уже о матеріальномъ ограниченіи, дѣвушка обречена на вѣчное духовное одиночество. Войти въ домъ, въ семью она стѣсняется, такъ какъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности принять у себя въ своей маленькой скромной кельѣ.

Убѣгаетъ молодость, уходитъ силы, здоровье, а впереди? Совѣмъ безъ счастья, навѣки безъ душевной отрады! Да вѣдь душевное истощеніе убиваетъ такъ же мучительно, какъ и голодь... Все—отъ себя... отъ себя... Мудрено ли, что и нервы расшатываются, энергія упадаетъ, здоровье портится.

Интересно бы знать: чѣмъ руководствовались, на чемъ основывались, давая это странное предписаніе безбрачія, и почему оно не существовало раньше, а вдругъ вошло въ силу съ 1896 г. и упрямо существуетъ въ настоящее время? Учительницы, вышедшія замужъ до 1896 или въ 1896 году, имѣютъ и теперь школы (и квартиру при школѣ по старымъ порядкамъ) и не подчиняются новымъ правиламъ. Если при этомъ постановленіи имѣлось въ виду, что въ случаѣ замужества заработокъ не нуженъ женщинѣ, мужъ обязанъ прокормить ее, то не слѣдуетъ забывать, что среди нашей учащейся или служащей, трудящейся молодежи (среда, гдѣ по большей части вращаются образованныя дѣвушки) мало можно найти людей, вполне обезпеченныхъ матеріально. Странно требовать, чтобы съ замужествомъ женщина почему-то отрекалась отъ любимаго дѣла (къ которому чувствуетъ себя способной) и хотя небольшого заработка, могущаго служить ей подспорьемъ.

Если согласиться съ доводами, что замужняя учительница отвлекается отъ дѣла личной жизнью, не можетъ отдаться ему всею душою такъ, какъ отдается ему дѣвушка, то тогда и никакая личная жизнь не должна существовать для учительницы, такъ какъ всякое проявленіе индивидуальности, всякое внѣшнее вліяніе отвлечетъ ее отъ занятій, помѣшаетъ сосредоточиваться только на работѣ.

Отчего же не отвлекаются отъ дѣла замужнія городскія учительницы? Напротивъ, практика говоритъ, что въ ихъ школахъ дѣло ведется образцово! Вполнѣ понятно, что только замужняя, только мать способна сродниться съ душою ребенка, умѣть жить его жизнью, входить во всѣ его желанія, понимать его мысли.

А сколько противорѣчій, сколько непонятнаго и жестокаго въ этихъ вынужденныхъ ложныхъ условіяхъ жизни! Одиѣмъ почему-то оставлена школа и разрѣшена брачная жизнь, другимъ нѣтъ. Дѣвушку безжалостно обрекаютъ на тяжелую, безотрадную жизнь, въ то же время требуютъ отъ нея альтруизма, гуманности, кротости, любви и снисхожденія къ окружающимъ. Навѣки лишенная возможности имѣть семью, быть матерью, она всю жизнь находится въ обществѣ дѣтей, которыя точно вѣчное напоминаніе, точно нѣмой укоръ собственной безсемеинности. Такъ много и громко говорятъ о необходимости чистоты сердца, высокой нравственности учительницы, и тутъ же закрываютъ ей дорогу къ честной жизни, къ законному браку.

А что если измученная беспросвѣтнымъ одиночествомъ дѣвушка рѣшится на гражданскій бракъ? Будутъ ли къ ней снисходительны? Не поторопятся ли вычеркнуть ее изъ списка порядочныхъ женщинъ, не заклеятъ ли позорнымъ именемъ?.. Но въ спискахъ думы она будетъ значиться не замужемъ. Что жъ это, проповѣдь гражданскаго брака? Думскія весталки! Какъ грустно и какъ обидно звучитъ это названіе. Святое неотъемлемое право каждой женщины быть женой и матерью отнято лишь за то, что она отдаетъ всю свою жизнь чужимъ дѣтямъ! Казалось бы, кто, какъ не интеллигентная женщина, имѣетъ несомнѣнное право быть матерью? Кто, какъ не образованная дѣвушка, близко узнавшая душу ребенка, можетъ умѣло и умно воспитать своихъ дѣтей и дать родитѣль полезныхъ гражданъ?!

Жалко, тяжело бываетъ видѣть людей несчастныхъ, больныхъ, голодныхъ, но еще тяжелѣе смотрѣть на людей душевно калѣчныхъ съ такимъ тупымъ безжалостнымъ расчетомъ.

Уполномочило ли общество своихъ выборныхъ такъ безжалостно относиться къ судьбѣ беззащитныхъ интеллигентныхъ дѣвушекъ! ¹⁾ Д.

LX. Гнусный промыселъ.

Промыселъ продажи женщинъ на Ближній и Дальній Востокъ въ публичные дома и гаремы, давно уже обращалъ на себя вниманіе Одесской администраціи, но пресѣченіе этого зла представлялось крайне труднымъ: дѣло обставлено большими секретамъ и поставщицы живого товара, не живя въ Одессѣ, навѣдываются сюда лишь изрѣдка и на короткое время только для отправки въ дорогу завербованныхъ ихъ агентами женщинъ. Эти своеобразныя антрепренерши раскинули сѣть по всему Югу Россіи, онѣ оперируютъ и въ Кіевѣ, и въ Ростовѣ, совершая періодическіе переѣзды изъ города въ городъ, иногда черезъ большіе промежутки времени. „Агенты“ этихъ антрепренершъ не уличные оборванцы, а ловкіе и искусные, тонко знающіе дѣло и иногда весьма нарядные, презентабельные джентльмены, сплошь и рядомъ евреи, имѣющіе претензію „понравиться“ своимъ жертвамъ. Несчастныя женщины, застигнутыя крутыми житейскими обстоятельствами, соблазняются предлагаемыми антрепренершами или ихъ

¹⁾ Можно сказать—крикъ сердца! Но гдѣ этого положенія вещей корень? Аскетъ, заснувшій около *ненужнаго* ему брака, коего онъ есть *господинъ*. Сонъ этотъ сказалъ всѣмъ, городской думѣ, военной администраціи „приходите и раззоряйте мнѣ ненужное сокровище; *запрещайте* бракъ, хоть *всѣмъ* запрещайте: я вижу дѣвственные сны и семьи не интересуюсь. В. Р—въ.

агентами задатками и хранять заключенное обѣими сторонами „добровольное соглашеніе“ въ великой тайнѣ. На Востоку онѣ эмигрируютъ въ качествѣ туристокъ, дамъ, развѣзжающихъ по дѣламъ родственниковъ и мужей, спутницъ ловкихъ аферистовъ и компаньоновъ антрепренершъ. Съ внѣшней формальной стороны полиціи часто не къ чему бываетъ придратъся: у эмигрантокъ паспорта въ полномъ порядкѣ, на предлагаемые вопросы женщины даютъ самыя ясныя отвѣты. Антрепренерши иногда увозятъ и неопытныхъ молодыхъ дѣвушекъ подъ видомъ своихъ родственницъ. Рассказываютъ, что въ турецкихъ гаремахъ есть смоленская гимназистка, сбѣжавшая отъ бездны школьной премудрости, есть покинутыя мужьями жены, супругамъ которыхъ въ возмѣщеніе понесенной погери дарили кровныхъ арабскихъ жеребцовъ; а одна французенка-гувернантка, по поводу тайнаго увоза которой въ гаремъ возникла дипломатическая переписка, откровенно и рѣшительно заявила, что она проситъ „не освобождать“ ее. Торговля живымъ товаромъ ведется на золото и даже на очень крупное золото; антрепренерши и ихъ агенты зарабатываютъ хорошіе куши, а жертвы ихъ, нерѣдко изстрадавшіяся дома въ нуждѣ и голодѣ, увидѣвъ въ рукахъ первыя деньги, не проявляютъ иногда особаго желанія вернуться къ прежней жизни. Состоявшееся „добровольное соглашеніе“ онѣ берегутъ въ тайнѣ даже отъ подругъ и всячески отрещиваются и отъ полицейскаго вмѣшательства, и отъ непрошенной защиты. Конечно бываютъ и грубые тайные увозы женщинъ, когда защита ихъ полиціей — единственное средство для спасенія несчастныхъ изъ рукъ скверныхъ гешефтмахеровъ. Въ послѣднее время, съ оживленіемъ окраинъ Дальняго Востока, начинается увозъ женщинъ не столько на Ближній Востокъ, довольствующійся услугами западно-европейскихъ комисіонеровъ, сколько въ Портъ-Артуръ и Владивостокъ. Ловкія антрепренерши обратили исключительное вниманіе на эту доходную статью. О поимкѣ одной изъ нихъ, Алексѣевой, вамъ уже извѣстно. Но ихъ конечно много. Въ Одессѣ не мало сдѣлано уже для несчастныхъ женщинъ, случайно впавшихъ въ развратъ. Большое, располагающее достаточными средствами, „Общество призрѣнія неимущихъ и помощи нуждающимся“ устроило здѣсь образцовое убѣжище для дѣвушекъ и порочныхъ женщинъ; графиня А. И. Шувалова привлекла многія десятки тысячъ рублей на устройство новаго Трудового дома для порочныхъ женщинъ („Одесское общество св. Магдалины“). Этотъ домъ, обставленный превосходно, имѣющій прекрасный инвентарь для женскаго труда (руководьѣе, шитье и проч.), широко открылъ свои двери для всѣхъ нуждающихся въ его поддержкѣ. Но много ли нашлось женщинъ, готовыхъ бросить позорные заработки и вступить на трудовой путь? Въ первомъ убѣжищѣ долгое время призрѣвалась

всего одна женщина и завѣдующее убѣжищемъ благотворительное общество жаловалось на то, что всё его старанія не приводятъ ни къ чему. Какими мѣрами привлечь обитательницъ въ пустующее убѣжище? Не брать же ихъ насильно съ улицы. Десятокъ-полтора женщинъ, призрѣваемыхъ въ новомъ убѣжищѣ, составляютъ тоже лишь малый процентъ на тысячи порочныхъ. Невольно думается, что лучше всякихъ полицейскихъ и благотворительныхъ мѣръ могла бы помочь борьбѣ съ развратомъ болѣе надежная подготовка женщинъ къ самостоятельному, обезпечивающему женщину труду, а въ этомъ направленіи у насъ вообще мало сдѣлано. („Корреспонденція изъ Одессы“). *Н. Лендеръ*.

LXI. Бѣлыя невольницы.

На прошлой недѣлѣ закрылъ свои засѣданія при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ международный „конгрессъ“ противъ торговли бѣлыми женщинами (*la Traite des blanches*)“. Не слѣдуетъ думать, судя по этому—довольно-таки нелѣпому—названію, что рѣчь шла только о торговлѣ бѣлыми, а что торговля черными, желтыми или красными женщинами была оставлена въ сторонѣ, какъ предметъ, не стоящій вниманія. Конгрессъ имѣлъ въ виду вообще гнусное ремесло купли-продажи живого мяса женскаго пола, какого бы цвѣта кожей это бѣдное мясо ни было покрыто.

Не знаю, какіе будутъ результаты этого Конгресса. Да и будутъ ли они вообще! Конгрессисты, какъ извѣстно, не облечены никакими законодательными полномочіями. Они могутъ только докладывать, спорить и выражать пожеланія, которыя ни для кого не обязательны. А все это и безъ того давнымъ давно дѣлается, только, къ несчастью, толку изъ этого никакого не выходитъ. Порядочные люди возмущаются, а проходимцы посмѣиваются себѣ въ усъ и какъ ни въ чемъ не бывало продолжаютъ свое прибыльное занятіе.

По странному совпаденію, въ одинъ изъ дней, когда Конгрессъ уже засѣдалъ, пришлось мнѣ сидѣть на терасѣ кафе противъ вокзала Сѣверной желѣзной дороги. Рядомъ со мною сидѣть толстый нѣмецъ съ краснымъ лицомъ, а съ нимъ „одно изъ милыхъ, но погибшихъ созданій“. Я думалъ вначалѣ, что мой сосѣдь находится, какъ говорятъ французы, en bonne fortune. Но нѣтъ; оба, повидимому, куда-то уѣзжали. Около дѣвицы стоялъ старенькій чемоданчикъ, обтянутый полотномъ. Около нѣмца—щегольжкой кожаный сакъ со стальной оправой. И въ то время, какъ нѣмецъ пилъ кофе и опустошалъ графинчикъ съ коньякомъ, дѣвица украдкой глотала слезы, стараясь глядѣть въ сторону. Она была очень блѣдная и только кончикъ носа и глаза ея были красны отъ сдерживаемаго плача.

— Фу седь педь,—сказалъ нѣмецъ, который находился въ очень благодушномъ настроеніи,—фу седь педь, ни фу ди. Домъ очень хорошо содержится, хозяйка добрая, а клиенты совсѣмъ comme il faut. Блере тонкъ па!

— Je ne dis pas, — оправдывалась дѣвушка, — но это такъ далеко. Кромѣ того у меня родные...

— Де педизъ,—утѣшалъ ее провожатый.

Это несомнѣнно была „бѣлая невольница“, которую перепродавали въ Германію, гдѣ французскій товаръ цѣнится очень высоко. Изъ докладовъ, прочитанныхъ на конгрессѣ, видно, что товаръ этотъ не залеживается на мѣстѣ. Девяносто процентовъ дѣвиць не остается въ томъ же домѣ, въ среднемъ, больше 140 дней. По крайней мѣрѣ два раза въ годъ ее перепродаютъ, пересылая, какъ скоть, изъ Кіева напр. въ Бразилію и наоборотъ. Въ прошломъ году одна бретонка, обманнымъ образомъ завлеченная агентомъ въ домъ терпимости, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ была перепродана, — безъ ея согласія разумѣется, — три раза. Купленная вначалѣ за 300 фр., она была переуступлена за 1,000. Но новый хозяинъ поспѣшилъ отъ нея отдѣлаться, уступивъ содержателю вертепа низшаго порядка за 40 флориновъ, — товаръ оказался не соответствующимъ назначенію: онъ утомлялъ клиентов неумѣстнымъ плачемъ.

Для купли-продажи женскаго мяса существуютъ многочисленныя агентства, разбросанныя по всему свѣту, и которыя всѣ находятся между собою въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Въ одной Австріи такихъ агентствъ извѣстно 180; въ нихъ въ каждую минуту имѣется 1,500 женщинъ, готовыхъ къ отправкѣ. Въ Италіи, по словамъ секретаря Ассоціаціи противъ торговли бѣлыми, д-ра Гарофоло, „число несчастныхъ дѣвушекъ, которыхъ отправляютъ изъ генуэзскаго порта въ Южную Америку, доходитъ до 1,200 въ годъ. Эти бѣдныя существа, почти дѣти, вербуются главнымъ образомъ въ Венгрію, Россію, Францію, и Швейцарію. Возрастъ ихъ колеблется между 15—20 годами“.—Маркизь Калболи идетъ еще дальше. „Нѣкоторые изъ нашихъ большихъ портовъ,—утверждаетъ онъ,—напоминаютъ собою рынки невольницъ древней Халден. Сипидія продаетъ минотавру проституціи тысячи молодыхъ итальянокъ, направляемыхъ въ Тунисъ“. Цѣны на товаръ подвержены закону спроса и предложенія, но зависятъ также отъ моды: иногда спросъ больше на блондинокъ, чѣмъ на брюнетокъ, иногда на дѣвушекъ съ свѣтлыми или напротивъ съ темными глазами. Цѣны мѣняются постоянно, то поднимаются до очень высокихъ цифръ, то падаютъ почти до нуля. На Суэзскомъ перешейкѣ существуетъ настоящая организованная биржа на этотъ предметъ. Недавно тамъ былъ случай, что цѣлая „партія“ женскаго товара была выброшена на улицу, отдана на произволь тузем-

цевъ порта Тевфика, потому что рынокъ былъ очень загроможденъ. Въ Буэносъ-Айресѣ былъ подобный же случай съ русскими еврейками во время переселенія евреевъ въ такъ называемыя колоніи барона Гирша въ Аргентинѣ. Въ короткое время „кафтены“ (cafeten), такъ называютъ тамъ агентовъ проституціи) доставили на рынокъ и секвестрировали въ домахъ терпимости больше 3,000 дѣвушекъ. Понятно, что товаръ былъ обезцѣненъ; можно было имѣть за 10 фунтовъ штукъ въ полную собственность. Всего, по словамъ аргентинскаго правительства, было продано въ республикѣ въ годы „исхода“ до 10,000 еврейскихъ дѣвушекъ!

Какъ дѣйствуютъ агенты, поставляющіе на рынокъ живой товаръ,—это достаточно извѣстно. Они даже не очень скрываютъ свое ремесло. Въ Парижѣ ихъ генеральный штабъ—кафе по сосѣдству съ улицами Шатоденъ, Мортиръ и Нотръ-Дамъ-де-Лоретъ. Но они собираются также въ одномъ кафе на большихъ бульварахъ. Одинъ изъ нихъ, русскій еврей, бритый, съ пенсне на носу, орудуетъ здѣсь уже много лѣтъ. Его знаютъ очень многіе русскіе какъ субъекта, котораго специальность — женитьба. Это своего рода „Вѣчный мужъ“. Когда онъ высмотрѣлъ подходящую дѣвушку, которая не соглашается совершать съ нимъ „путешествіе за границу“, онъ предлагаетъ ей руку и сердце. Женившись, онъ увозитъ „супругу“ въ Лондонъ, Нью-Йоркъ или Константинополь, гдѣ продаетъ ее очень выгодно, и возвращается въ Парижъ, чтобы найти новую невѣсту. И, какъ видите, это ему удается, потому что до сихъ поръ онъ еще не попалъ на каторгу. Главный контингентъ агентовъ набирается между левантинцами, галиційскими евреями и гражданами изъ Южной Америки. Этихъ послѣднихъ воть какъ характеризовали на конгрессѣ: „Это настоящіе джентльмены, корректные, развязные, ничѣмъ не напоминающіе своихъ вульгарныхъ собратьевъ. Они реализуютъ свои маклерскіе барыши по торговлѣ человѣческимъ мясомъ съ такимъ же изяществомъ, какое придаютъ каждому своему жесту. Зная нѣсколько языковъ, часто образованные, они любятъ широко пожить и имъ часто удается проникнуть въ самую почетную среду. Они имѣютъ поэтому, понятно, и самую избранную клиентель“. Изъ русскихъ делегатовъ на конгрессѣ кн. С. Волконскій представилъ очень интересную работу, въ которой показалъ, какъ агенты проституціи орудуютъ въ Россіи. Въ извѣстное время года, зимою особенно, они появляются въ Кіевѣ, въ Варшавѣ, т.-е. вообще въ юго-западныхъ провинціяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, и соблазняютъ бѣдныхъ дѣвушекъ перспективой хорошаго заработка. Когда дѣло сдѣлано, они увозятъ ихъ группами по 15—20 человекъ въ порты Генуи, Бордо, Гавръ, Суэтгемптонъ, откуда разсылаютъ въ Африку или Южную Америку. Ферреро-де-Роза, изъ Рио-Жанейро, представилъ свою недавно изданную, очень оригинальную книгу „Дома“

(вы догадываетесь, какіе это дома), въ которой напечатали трогательную группу агентовъ проституціи, орудующихъ въ Бразиліи, и братски снявшихся на одной фотографіи. Снимаются же группами члены одного и того же сообщества. Отчего и этимъ не сняться! Въ той же книгѣ авторъ даетъ фотографію одной улицы въ Рио, гдѣ всѣ дома принадлежатъ одному богатому монашескому ордену и всѣ они сданы въ наемъ подъ дома терпимости, конечно за хорошую цѣну...

Торговля женщинами представляетъ собою такимъ образомъ преступленіе международное, а потому бороться съ нимъ очень трудно. Дѣвушка, которая принимаетъ предложеніе агента, дѣлаетъ это не изъ любви къ путешествіямъ; ее гонитъ изъ дому нужда. Она ищетъ мѣста „въ отъѣздъ или за границу“—гouvernantки, бонны, кафе-шантанной пѣвицы, продавщицы въ магазинѣ, швейки, модистки и т. п. Агентъ предлагаетъ ей такое мѣсто, обѣщаетъ золотыя горы. Она рада и счастлива. Скажите ей, что этотъ человекъ имѣетъ на ея счетъ совсѣмъ другія намѣренія,—она не повѣритъ. Начальникъ парижской „полиціи нравовъ“ Гоннора рассказывалъ на-дняхъ такой примѣръ. Варшава извѣстна какъ большой центръ торговли французженками. Ихъ привлекаютъ туда заманчивыми объявленіями въ газетахъ Парижа и департаментовъ. Какъ запретить такія объявленія? Бываетъ вѣдь и такъ, что дѣйствительно требуются въ Россію и гвернантки, и бонны, и продавщицы. Но такъ какъ въ Россію ѣхать безъ паспорта нельзя, то парижская полиція имѣетъ возможность узнать, куда и къ кому именно ѣдутъ дѣвушки, которыя приходятъ за паспортомъ. И вотъ когда этимъ дѣвушкамъ говорить, что люди, которые имъ предлагаютъ занятія, содержатъ публичные дома или агентство для поставки женщинъ для такихъ домовъ, онѣ только смѣются: агенты успѣли ихъ предупредить, что полиція всегда и всѣмъ говорить одно и то же! И даже, когда дѣвушки несовершеннолѣтнія, родители охотно соглашаются на выдачу имъ паспорта префектурой. Такъ умѣютъ агенты обворовать свои жертвы!

Преступленіе агента, съ точки зрѣнія существующихъ законовъ, начинается уже за границею. Но подите тогда доказывайте, что дѣвушки не по своей волѣ пошли въ публичный домъ. Впрочемъ доказывать ничего не придется. Когда дверь этого ужаснаго дома захлопнулась за несчастной, она въ девяноста случаяхъ на сто провалилась сквозь землю. Если она противится—ее бьютъ и всячески терзаютъ, пока она не покорится своей участи. Полиція объ этомъ узнаетъ только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, потому что такія пансіонерки, а также несовершеннолѣтнія въ списки не вносятся. А когда полиція является, ихъ запытаваютъ такъ, что ихъ не откроешь. Въ Буэнос-Айресѣ

прошлой зимой полиціи донесли о похищеніи и секвестраціи въ одномъ изъ домовъ терпимости двухъ несовершеннолѣтнихъ сестеръ. Дважды полиція являлась съ обыскомъ и дважды ушла ни съ чѣмъ. Въ третій разъ она тоже собиралась уйти, не найдя ничего, когда слухъ начальника полиціи былъ пораженъ стенами, которые неслись изъ-за стѣны. Оказалось, что въ домѣ находились потайныя комнаты, куда и спрятали сестеръ.

Торговля женскимъ мясомъ существуетъ не со вчерашняго дня разумѣется. Уже въ сороковыхъ годахъ противъ нея принимались мѣры въ Голландіи, Англии и въ Германіи. Въ 1997 г. благодаря депутатамъ Рейнигеру, Бебелю и Форстеру, въ Пруссіи къ закону объ эмиграціи была прибавлена статья, по которой наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 2 до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 6,000 марокъ всякій, кто обманнымъ образомъ заставилъ эмигрировать женщину, съ цѣлью предать ее проституціи. Тогда же состоялся договоръ о выдачѣ между Австріей, Германіей, Бельгіей, Италіей, Испаніей, Голландіей и Швейцаріей.

И все это не дало ровно никакихъ результатовъ.

На конгрессѣ въ Лондонѣ два года назадъ выражено „пожеланіе“, чтобы состоялось международное соглашеніе относительно слѣдующихъ пунктовъ:

- 1) Наказаніе лицъ, которыя какими бы то ни было способами вовлекаютъ женщинъ или дѣвушекъ въ развратъ.
- 2) Розысканіе такого рода преступленій, когда они касаются нѣсколькихъ государствъ сразу.
- 3) Учрежденіе компетентнаго трибунала для избѣжанія конфликтовъ въ юрисдикціи.
- 4) Выдача преступниковъ.

Нынѣшній конгрессъ занимался спеціально изученіемъ такого плана международнаго соглашенія, благодаря которому можно было бы преслѣдовать торговцевъ бѣлыми невольницами, гдѣ бы они ни практиковали.

Къ чему пришелъ этотъ конгрессъ, я въ точности сказать не могу. Конгрессисты—не знаю почему—рѣшили не обнародовать изъ своихъ работъ ничего, кромѣ очень неопредѣленныхъ общихъ мѣстъ. Да это, откровенно говоря, и неинтересно. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ...

Но если бы даже пожеланія конгресса получили силу закона, можно опасаться, что и тогда гнусная торговля отъ этого не пострадаетъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Конгрессъ изъ соображеній яко-бы либеральнаго свойства не хочетъ преслѣдовать торгующихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ идетъ къ нимъ въ руки „по собственному согласію“. Всякій-де совершеннолѣтній человѣкъ воленъ дѣлать съ собою, что пожелаетъ. Въ дѣйствительности же просто не хотятъ помѣшать вербовкѣ персонала для публичныхъ

домовъ. Но если оставить такую лазейку, то подъ видомъ собственнаго согласія можно будетъ продолжать выгодный гешефтъ по прежнему, даже торговать, какъ теперь, подростками, только фабрикуя для нихъ фальшивые паспорта. Это и до сихъ поръ такъ дѣлается сплошь и рядомъ. А полиція... она закрываетъ въ этомъ случаѣ глаза, чему тоже можно привести множество примѣровъ... ¹⁾ („Корреспонденція изъ Парижа“ въ „Нов. Вр.“).
Н. Андреевъ.

¹⁾ Рекомендую для прочтенія сторонникамъ дѣвственнаго идеала. Но они, въ чистенькихъ своихъ келейкахъ, „не печалятся убо на утре“... И все еще дремлютъ на ветхихъ листахъ „Кормчей книги“, единственно озабоченные, какъ-бы: 1) разведенный мужъ вторично не женился, 2) не поженились духовные родители, воспріявшіе отъ крещенія одного младенца, 3) или состоящіе въ четвертой степени двухроднаго свойства. Но позволительно спросить, насколько это „сонъ праведниковъ“? *В. Р.—вз.*

Еще фрагменты о брактѣ.

Объ особаго рода „синдикатахъ“.

Мнѣ болѣзненно хотѣлось бы прочесть публичную лекцію объ одномъ недостающемъ у насъ видѣ „синдиката“. И обладай я хотя въ малѣйшей степени ораторскимъ искусствомъ, я привелъ бы это намѣреніе въ исполненіе. За недостаткомъ краснорѣчія, я прибѣгаю къ перу, но читатель пусть именно смотритъ на эти строки какъ бы на отрывокъ публичной лекціи, во всякомъ случаѣ какъ на горячее устное обращеніе къ публикѣ.

Сильные умѣютъ устраивать себѣ „синдикаты“. Властные умѣютъ „союзиться“. Вотъ ужъ по-истинѣ исполнилось слово, что „у кого много — тому еще прибавится, а у кого мало — у того и это отыметъ“. Люди съ малымъ достаткомъ и малою властью сидятъ пригорюнившись. Они бѣднѣютъ съ каждымъ днемъ. Крохи ихъ утекаютъ и прилипая кроха къ крохѣ, образуютъ возы хлѣба богатыхъ людей.

Когда нужно освѣтить Россію дорогимъ керосиномъ, образуется „синдикатъ керосинозаводчиковъ“. Когда нужно обобратъ Россію на сахаръ, образуется „синдикатъ сахарозаводчиковъ“. Хорошо. Допустимъ. Претерпимъ. Но отчего не допустить нѣкоторыхъ нравственныхъ и правовыхъ синдикатовъ? Позвольте, есть же „умственные и ученые синдикаты“, каковымъ прежде всего можно назвать Академію Наукъ и всякое рѣшительное ученое общество. Есть общества книгоиздателей, книгопродавцевъ, даже наборщиковъ типографскихъ. Есть юридическія общества. Я говорю о *мысли* союза и *фактъ* союзныхъ, дружелюбныхъ лицъ, отъ союзности *выигрывающихъ* въ силѣ. Нѣтъ ли у насъ области безконечно прекрасной и безконечно слабой, которая рѣшительно просится въ рубрику „униженныхъ и оскорбленныхъ“? Да—это семья. Вотъ я и хотѣлъ бы прочесть лекцію о собраніи въ нѣкто-

рый союзъ лицъ семейныхъ, обладающихъ до извѣстной степени „отъ сложенія міра“ огромными правами, но которые къ началу XX-го вѣка крупица за крупицею и крошка за крошкою утратили почти всѣ свои права и теперь нищенствуютъ то около разныхъ учреждений, то около разныхъ лицъ, „отъ сложенія міра“ рѣшительно никакихъ правъ не получившихъ.

Недавно меня посѣтилъ пріѣхавшій изъ Соединенныхъ Штатовъ русскій православный священникъ Н. В. Васильевъ. Онъ много рассказывалъ о тамошней жизни, и все возвращался къ пункту, и его и меня интересующему—физическаго и нравственнаго здоровья народа. Онъ ознакомилъ меня съ результатами уже 50-лѣтней дѣятельности „Христіанскаго общества молодыхъ людей въ Сѣверной Америкѣ“, полувѣковой юбилей котораго праздновался въ Бостонѣ лѣтомъ 1901 года. Затѣмъ назвалъ брошюрку русскаго изслѣдователя о движеніи населенія въ Россіи (заглавіе ея я забылъ), въ которой показывается, что населеніе Россіи далеко не такъ быстро увеличивается, какъ мы привыкли думать по старымъ учебникамъ, и что состояніе Франціи, гдѣ ростъ населенія остановился—не безконечно удалено и отъ насъ. Онъ жалѣлъ, что я прекратилъ писать о разныхъ сторонахъ брака, и упомянувъ о „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“, послѣднее засѣданіе которыхъ посѣтилъ, указывалъ, что наибольшую пользу они принесли бы, останавливаясь не на теоретическихъ и догматическихъ вопросахъ, а на нравственно-жизненныхъ, каковъ напр. бракъ. Съ послѣднимъ я не согласился, ибо полное разрѣшеніе практическихъ вопросовъ лежитъ такъ сказать въ обладаніи узла вопросовъ догматическихъ. Напр. весь вопросъ о бракѣ зависитъ отъ вопроса объ аскетизмѣ. Пока послѣдній владычественъ, онъ будетъ обладать бракомъ, какъ господинъ. И какъ бы ни было плачевно это управленіе, ничего съ нимъ нельзя сдѣлать, не затронувъ вопроса о сравнительной метафизической и религіозной цѣнности и опорахъ самаго аскетизма. Пока господинъ есть господинъ—онъ господинъ. По римскому праву *patria potestas* не останавливалась въ дѣйствиіи своемъ, даже когда *pater* былъ сумасшедшій. А римское право дѣйствительно и въ Европѣ. То же и здѣсь, въ примѣненіи къ идеаламъ дѣвства и супружества. Такъ я говорилъ.

— Да вовсе нѣтъ. Самое право аскетовъ регулировать бракъ ни на чемъ не основано, и византійскіе императоры только по незнанію каноническаго права предложили въ свое время монахамъ установить правила брака. По „Апостольскимъ правиламъ“, основной у насъ канонической книгѣ (происхожденіи около IV вѣка послѣ Р. Х.), монахъ не долженъ мѣшаться въ мірскія дѣла. Такимъ образомъ ни законы, аскетами выработанные, ни текущее теперешнее управленіе ими же семейныхъ дѣлъ, не имѣетъ подъ собою почвы канонической.

Это меня поразило, и я позволяю себѣ подъ полнымъ именемъ передать мысль почтеннаго священника, какъ я ее услышалъ. И ранѣе, въ частой перепискѣ, мною сохраняемой, и въ устныхъ бесѣдахъ со священниками, мнѣ случалось неоднократно выслушивать одобреніе моимъ мыслямъ о бракѣ, разводѣ, незаконно-рожденныхъ дѣтяхъ, гдѣ они признавали застарѣлую неправду. Всѣ эти вопросы они считаютъ безконечно запущенными, пренебреженными, такъ-сказать съѣхавшими съ каноническаго фундамента, потому-что съ него съѣхала вообще вся цивилизація, живущая въ XIX вѣкѣ далеко не такъ, какъ въ IX. И что было примѣнимо и цѣлбно въ маленькихъ епархійкахъ Исаврійской династіи или Комненовъ, что было *тамъ* исполнимо,—рѣшительно не исполнимо и не примѣнимо въ чудовищныхъ социальныхъ и политическихъ организмахъ новыхъ временъ, и становится въ нихъ разрушительно. Надвинуть-же новую цивилизацію на каноническое право также невозможно, какъ надѣть Монбланъ на палець. Да и притомъ вообще: епархіи средневѣковой Греціи работали для себя. *ad usum temporis*, безъ права и мысли „вязать и разрѣшать вѣчностъ“. Поэтому мы только ломаемъ себя, пытаемъ втиснуть бытіе 100-милліонныхъ народовъ въ правила тогдашней жизни, столь миниатюрной и не развитой. И пришлось намъ напр. завести дома терпимости отъ полного отсутствія брачныхъ нормъ, брачныхъ условій, соотвѣтственно выработанныхъ въ примѣненіи къ быту постоянныхъ армій и подвижнаго рабочаго населенія, въ ту древнюю пору вовсе не существовавшихъ, а въ наше время выросших до огромныхъ размѣровъ. Вѣдь нельзя-же, для соблюденія правилъ „Кормчей“ о бракѣ, закрыть фабрики и распустить армию. И вотъ намъ пришлось изловчаться, чтобы основаніе домовъ терпимости считать канонически позволительною въ странѣ, и менѣе затрагивающимъ истину и цѣлостъ церкви, чѣмъ сколько бы этой истины и цѣлости осталось, еслибы она допустила четвертый бракъ, временное сожительство (фабричные, солдаты) или женитьбу двухъ родныхъ братьевъ на двухъ родныхъ сестрахъ. Но историческая подавленность у насъ духовнаго соловія заставляетъ его говорить золотые слова „въ уголокъ“, а на столѣ (въ печати, въ публичной рѣчи) класть „мѣдь звенящую“...

Продолжая рассказы объ Америкѣ, мой гость упомянулъ, что священникъ, отказавшійся на завтра же обвинять вступающую въ бракъ пару—платить 500 долларовъ штрафа, и что вѣнчанія совершаются тамъ всѣ дни года, а не 60 дней въ году, какъ у насъ. О послѣдней цифрѣ я переспросилъ, удивившись, что такъ мало „вѣнчальныхъ дней“. Оказалось, что это не обмолвка. Онъ высказалъ удивленіе, что таинство, т. е. святое, почему-то невозможно въ ночь. Я болѣе, чѣмъ согласился съ нимъ, указавъ на несомнѣн-

ное притворство невѣдѣнія, будто повѣнчавшіеся только-что только передъ семинедѣльнымъ постомъ, разорвутъ супружескую жизнь на всѣ эти семь недѣль. Къ чему такая наивность клириковъ? А если они ея не имѣютъ, то зачѣмъ же „медовый мѣсяцъ“ именно помѣщать въ посту? Да и затѣмъ, вѣдь невольныо образуется у всего народа представленіе, что супружеская жизнь есть какая-то масляница, объѣдѣніе, а не нормальная и постоянно ровно текущая жизнь. Вырожденіе семьи христіанской, малочисленность и особенно болѣзненность и малоспособность дѣтей, очень вытекаетъ изъ этихъ интерваловъ то полного воздержанія, то неумѣренной чувственности. Народъ безъ сомнѣнія предается тому и другому, не слушно внимая гласу, что „супружество есть мясоѣдъ, а постъ есть дѣвство“. Онъ все молитвенное и серьезное время воздерживается отъ супружества, а среди пьянства, объѣденія и удаленія отъ молитвы начинаетъ жить супружескою жизнью. И вотъ въ такой-то печальнѣйшей обстановкѣ, истинно языческой, плодитъ дѣтей не столько какъ человѣческія души, сколько какъ свинокъ. Ужасно!

Онъ согласился со мною, что здѣсь надо искать причины разрушенія и вырожденія семьи. Когда я переспросилъ его, неужели въ Соединенныхъ Штатахъ не требуютъ отъ вѣнчающихся документовъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что конечно—нѣтъ, это—полицейская сторона брака, ни мало священника не касающаяся, и за нее вѣнчающійся отвѣчаетъ самъ передъ закономъ и судомъ. „У насъ же,—прибавилъ онъ, требуется цѣлая пачка документовъ, и напр. здѣсь въ Петербургѣ совершенно невозможно вѣнчать пришлыхъ на отхожіе промыслы крестьянъ. Именно—они должны сдѣлать оглашеніе по мѣсту постояннаго жительства. Въ Петербургѣ о нихъ оглашенія сдѣлать нельзя, потому что здѣсь они временно, хотя бы и давно живутъ, и требуютъ отъ нихъ свидѣтельства оклика съ родины. Они пишутъ туда. А оттуда отвѣчаетъ священникъ, что онъ не можетъ совершить оклика, ибо парень уже много лѣтъ отлучился съ родины и быть можетъ теперь женатъ. Получивъ такое увѣдомленіе, мы отказываемъ въ бракѣ—и это огромному множеству холостыхъ и совершенно къ браку правоспособныхъ людей. Между тѣмъ самый законъ объ окликахъ есть католическій, установленный Иннокентіемъ III и подтвержденный Тридентскимъ соборомъ, а въ русское законодательство онъ перешолъ, изъ Польши, очень поздно, не ранѣе конца XVIII в. Судите, какіе отъ этого послѣдствія. Проституція растетъ, множество людей вступаютъ въ нелегальныя связи, а рождающихся отъ нихъ дѣтей выкидываютъ въ воспитательные дома“.

Да. Осторожность, которая обходится дороже безразсудства. Ну, пусть по ошибкѣ или злоупотребленію повѣнчаютъ двѣ-три пары на сотню не канонически, нарушивъ „1001 препятствіе къ браку“. Соглашаемся, худо. Но не хуже ли во избѣжаніе двухъ не-

правильныхъ браковъ не дать зародиться 98 совершенно правильнымъ семьямъ? Заливая головню, мы пускаемъ потопъ, который подмываетъ домъ.

И вспомнилъ я еще муки нашего бракоразводнаго процесса, всю канитель о „пріемышахъ“; о „подкидываніи“ самими родителями себѣ своихъ же дѣтей въ случаяхъ жизни не вѣнчанныхъ паръ (Н. В. Васильевъ сказалъ мнѣ, что „принудительности обряда въ бракѣ не можетъ быть потому, что только нѣкоторыя таинства, какъ крещеніе, обязательны для всѣхъ вообще христіанъ, а другіе таинства, по аналогіи таинства священства, отъ мірянъ не могутъ требоваться“). И перебравъ въ умѣ своемъ всѣ эти рубрики, спросилъ себя: да что же это, наконецъ, за униженная и опозоренная область—область семьи, дѣтей и рожденія?

Тутъ—у всѣхъ права, у судьи, у земскаго начальника, у полицеймейстера, у секретаря консисторіи. Только у дидяти, у мужа и жены—никакихъ правъ, кромѣ пассивнаго и тупого повиновенія. Между тѣмъ всѣ слова Божіи сказаны не только о мужѣ и женѣ, но прямо—мужу и женѣ, изъ устъ въ ухо прямо имъ и однимъ имъ! И никакихъ Божіихъ словъ нѣтъ ни о секретаряхъ консисторіи, ни о судьяхъ, ни о полицеймейстерѣ, ни о земскомъ начальникѣ, которые „сложены не отъ сотворенія міра“, а кто отъ 1884 года, кто по-раньше, кто по-позднѣе. Но всѣмъ имъ нѣтъ вѣка жизни, они—младенцы, а судятъ великаго старика—мужа и жену, родителей и дѣтей!

И мысль о самозащитѣ семейныхъ людей вспыхнула во мнѣ. Вотъ хоть-бы вопросъ о католическихъ окликахъ, къ намъ зачѣмъ-то перенесенныхъ, объ „обыскѣ“ (что за грубое слово въ отношеніи нѣжныхъ жениха и невѣсты? точно они воры), да кстати и о 500 долларовъ штрафа за отказъ повѣнчать наканунѣ фатальной среды, пятницы и семи недѣль поста? Да наконецъ и безцеремонность консисторій, гдѣ тратятся суммы куда больше 500 долларовъ, ограничилась бы, еслибъ она встрѣтилась лицомъ къ лицу не съ несчастною мокрою курицей, на которую похожъ каждый и каждая, ищущіе себѣ тамъ „милости и правды“ въ случаѣ несчастнаго иногда до безчеловѣчія брака, а встрѣтилась бы съ союзомъ взаимно друга поддерживающихъ семейныхъ людей. Позвольте, синдикаты сахара и керосина, торговцы Нижегородской ярмарки добиваются даже новыхъ тарифовъ, добились охранительной таможенной системы, добиваются отмінны неудобныхъ для нихъ однихъ законовъ и установленія другихъ, нужныхъ и удобныхъ. Почему такой почтенный фактъ какъ семья, какъ семейные русскіе люди, сложившіеся въ союзъ, сперва пожалуй интимный, какъ и сахарозаводчики первоначально сложились интимно же, а потомъ и въ формальный и открытый, не

проведуть рядъ мѣръ въ сферѣ семьи, брака, дѣтей, развода, который доставилъ бы государству такія выгоды, какъ:

1) обиліе семей;

2) здоровье нравственное и физическое дѣтей и ихъ во всѣхъ случаяхъ юридическую обезпеченность, ибо дитя всегда *innocens* и наказанію никогда и ни за что не подлежитъ;

3) разводъ на почвѣ прелюбодѣнія, но отнюдь не публичнаго, при свидѣтеляхъ, о которыхъ ни малѣйше не упоминалъ Спаситель, и оно совершенно незаконно теперь требуется, а о которомъ есть доказательства въ письмахъ, въ обстоятельствахъ жизни (напр., разрѣшеніе отъ бремени или постоянная жизнь жены въ квартирѣ посторонняго человѣка), въ свидѣтельствахъ знакомыхъ и друзей, или въ личномъ обоихъ супруговъ сознаніи. Также—на почвѣ нравовъ и обхожденія, гдѣ исключена всякая тѣнь челоѣколюбія и нравственности.

4) Въ случаѣ оскопительнаго развода—обоимъ сторонамъ право вступленія въ бракъ. Ибо допустимъ, что бракъ расторгнуть „по винѣ прелюбодѣнія“ мужа ли, жены ли. То вѣдь, если они уже состоя въ бракъ „уклонились въ прелюбодѣніе“, то что же, неужели теперь, оставшись „запрещенною на всю жизнь къ браку“, виновная сторона отъ прелюбодѣнія воздержится? Если уже состоя въ первомъ бракѣ, при страхѣ глубокихъ неприяностей, разстройства семьи, при опасностъ убійства, виновный все же „впалъ въ прелюбодѣніе“, то теперь, когда бракъ расторгнуть, неужели онъ будетъ постыдиться?! Не помѣшала семья и дѣти „прелюбодѣнію“, то неужели ему помѣшаетъ консисторская прописка въ паспортъ! Явно, что „прелюбодѣніе“ продолжится. Мотивовъ ему не быть—нѣтъ. Нужно, какъ страусъ, спрятать подъ крыло голову или притвориться ничего не вѣдающею институткою, чтобы отвергнуть, что новый бракъ такого человѣка, „разведеннаго по винѣ прелюбодѣнія“, есть единственное средство удержать его отъ грязныхъ формъ блуда, и что тутъ вступаетъ въ силу слово ап. Павла: „во избѣжаніе блуда *каждый* имѣй свою жену и *каждая* имѣй своего мужа“.—Слова же Спасителя о томъ, что „женящійся на разведенной—прелюбодѣйствуетъ“, слѣдуетъ, какъ и слова къ богатому юношѣ, понимать въ смыслѣ евангельскаго совѣта, а не юридическаго закона. Всѣхъ словъ Спасителя—никто не исполнилъ, даже въ монастыряхъ. Почему только мужъ и жена одни обязаны ихъ исполнять во всей суровой полнотѣ, недоступной самымъ суровымъ аскетамъ?! И „аще кто возригъ на женщину съ вожделѣніемъ—прелюбодѣйствуетъ“. Однако въ предужденіе этого консисторіи не издали же закона о ношеніи женщинами обязательнаго покрывала на лицѣ? Да и весьма многіе изъ спасавшихся въ пустыняхъ, какъ рассказано въ описаніяхъ ихъ жизни, „взирали съ вожделѣніемъ на женщину“.

Но что позволительно аскетическому Юпитеру, позволительно и семейной овцѣ.

Вообще, мнѣ кажется, въ установкѣ семейныхъ нормъ забыта эта мягкая и нравственная идея евангельскаго совѣта. Забыто вѣчное прибавленіе: „да вмѣстить—кто можетъ“. Она не допускаетъ перехода въ суровый законъ. Въ противномъ случаѣ слова богатому юношѣ пришлось бы выразить и примѣнить какъ разграбленіе богатствъ, какъ уничтоженіе роскоши у христіанъ. Мы этого не дѣлаемъ. Зачѣмъ же мучимъ мы одну семью?

Безъ надеждъ на замужество.

Прочли-ли вы въ № 9362 „Нов. Вр.“ длинную корреспонденцію изъ Одессы г. Лендера о вывозѣ дѣвушекъ на Востокъ? Поразительны нѣкоторыя подробности. Вывозимыя, „настрадавшіяся дома въ нуждѣ и голодѣ, не проявляютъ желанія вернуться къ прежней жизни“. Онѣ „открещиваются отъ всякаго вмѣшательства полиціи и отъ непрошенной защиты“. Графиня А. И. Шувалова привлекла десятки тыс. руб. на устройство трудового дома для „порочныхъ женщинъ“. Домъ устроился. Но онѣ остались пустъ. Всего одна пансіонерка „трудилась“ въ немъ, и авторъ растерянно спрашиваетъ, „не брать-же насильно женщинъ съ улицы“. Тамъ-же онѣ сообщаетъ слухи, что въ одномъ изъ турецкихъ гаремовъ „есть смоленская гимназистка, сбѣжавшая отъ школьной премудрости, есть покинутыя мужьями жены, а одна французенка-гувернантка, по поводу тайнаго увоза которой возникла дипломатическая переписка, откровенно и рѣшительно заявила, что она проситъ не освобождать ее“.

Что-же, понимаемъ-ли мы эти факты? Я думаю, нѣтъ. Думали-ли надъ ними серьезно?хлопотливо и суетливо говорили объ этомъ много; но, какъ „публика“ во время пожара, больше „ахали“, чѣмъ что-нибудь дѣлали и даже чѣмъ что-нибудь понимали въ немъ. Я думаю, въ концѣ-концовъ мы были даже равнодушны къ дѣлу. Нѣжно кому-нибудь „благодворить“. Кому-же? Нищенокъ взяли тѣ-то, сиротокъ тѣ-то. А „мы“? А есть еще вывозимыя въ Турцію дѣвушки. „Ахъ, какой пассажъ! Вотъ и дѣло. Заведемъ переписку съ полиціей, съ властями. Вы, душечка, возьмите кассу, она переписку, я хлопоты, а моя кузина сборы пожертвованій!“ Что все это дѣло пустое, видно изъ того, что „отмахнулись“ рублемъ благотворители на много тысячъ; а дѣвушекъ къ нимъ не пришло не одной, или пришло очень мало.

Я помогу разъясненію, приведу два факта. Есть прекрасная, мало оцѣненная въ нашей литературѣ книга: „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“ К. Н. Леонтьева. Онѣ былъ нашимъ консуломъ въ Турціи и послѣднею звѣздой славянофильства („Во-

стокъ, Россія и славянство“, 2 т.). Въ одной изъ повѣстей его разсказывается, какъ изъ большого сербскаго дома, изъ родовитой и богатой семьи („большой очагъ“, какъ говорятъ сербы) дѣвушка, раньше посѣщавшая подругъ-турчанокъ въ гаремѣ, перешла сама туда, „потурчилась“, впрочемъ не мѣняя вѣры, которую турки у своихъ семейныхъ не притѣсняють, и по любви. Въ повѣсти и разсказывается тайный романъ христіанки и турка. Потомъ этотъ турокъ былъ убитъ изъ мести дядю бѣглянки; но замѣчательно, что братъ бѣглянки, бывший пріятелемъ этого туркаюноши, горячо его оплакиваетъ, и только потому не спасъ его жизни, что пришлось-бы иначе убить дядю. А жена его, христіанка потурчившаяся, сошла съ ума отъ отчаянія. Это разсказываетъ христіанинъ, славянофилъ. Имя Леонтьева всѣ знаютъ, и никто не усомнится, что онъ передавалъ факты, очевидно бывшіе.

Другой фактъ, лѣтъ семь назадъ мною слышанный, нашъ, туземный. Старый и одинокій домовладѣлецъ въ Петербургѣ сдѣлалъ объявленіе въ газетахъ довольно откровенное: „нужна экономка, образованная и молодыхъ лѣтъ, къ одинокому“. Смыслъ объявленіе былъ прозраченъ, и на завтра передъ нимъ потянулась амфилада дѣвушекъ, образованныхъ, кончившихъ курсъ среднихъ заведеній. Купецъ былъ удивленъ:

— Вы понимаете, для чего я васъ беру? — „Да“. — „Что-же васъ, образованную, молодую, заставляетъ идти ко мнѣ, старику, можетъ быть ворчливому, угрюмому, требовательному? Вѣдь вы, идя, взвѣсили-ли, куда идете?“ — „Да“. — „Но отчего-же вы не идете въ гувернантки, въ бонны, наконецъ къ горничныя?“ — „Вы стары и некрасивы, можетъ быть вы ворчливы и неуживчивы, но я все перенесу, и это мнѣ легче. Я буду приноровляться къ вамъ одному, и приноровлюсь. Но я буду хозяйка въ вашемъ домѣ, т.-е. спокойна, въ теплѣ, зависима отъ себя и васъ, самостоятельная во всемъ, кромѣ опять же вашей воли. Тутъ нѣтъ и тѣни каторги приноровляться съ каждымъ новымъ мѣстомъ къ новымъ людямъ, выносить двусмысленное ухаживание хозяина, неосновательную ревность хозяйки, капризы дѣтей- чужихъ дѣтей, чужого дома, всего чужого! У васъ все будетъ мое и я сама буду своя, своя и ваша. И это безъ перемѣны, на много лѣтъ, пока я вамъ нравлюсь. А я постараюсь понравиться, потому что мнѣ дорогъ теплый уголъ“.

Не правда-ли, интересное разсужденіе? Но чѣмъ вы его разобьете? Объ удобствахъ жить въ водѣ позволять рѣшать рыбѣ, въ воздухѣ — птицѣ. Не можемъ-же мы, только пользуясь услугами боняи и гувернантокъ, разсуждать о сладости быть бонною и гувернанткой. Нѣтъ, вы попробуйте сами покочевать, и, можетъ быть, въ заключеніе попроситесь въ гаремъ въ Турцію. „Онъ но

христіанинъ. Да вѣдь и я какая христіанка? Только закону Божію выучилась въ гимназіи. Такъ вѣдь это я забыла, какъ и географію. Будетъ во всякомъ случаѣ одинъ господинъ. Не русскій старый купецъ, а молодой турокъ. Можетъ быть будетъ любить. Можетъ быть будутъ дѣти и я къ нимъ привяжусь. Что-нибудь выйдетъ, какой-нибудь смыслъ, а то ужъ дома очень безсмысленно: подружки сбиваютъ пойти въ домъ терпимости, это совершенно позволительно, полиція не препятствуетъ, но ужъ лучше я поѣду хоть и въ запрещаемую полиціей восточную поѣздку“.

Явно изъ всей корреспонденціи г. Лендера, изъ всѣхъ поразительныхъ подробностей, что за исключеніемъ рѣдкихъ обмановъ,—а вѣдь обманы бывають даже и при нормальной женитьбѣ, обманы и принужденіе,—дѣвушекъ вовсе не увозять, а онѣ *уходятъ*. Дѣвушки отъ положенія одинокаго, безсмысленнаго, опаснаго (въ случаѣ нужды и риска проституціи) уходятъ въ то, что по ихъ оцѣнкѣ, какъ вода по оцѣнкѣ рыбы, лучше „отечественнаго“ положенія. Вотъ и все; что-же вы на это отвѣтите? Замахаете руками? Махайте хоть цѣлое столѣтіе. Все это будетъ риторично, а дѣло останется.

Мнѣ недавно рассказывали, что здѣсь въ клиникахъ Вилліе одна чиновница, чтобы родить живымъ ребенка, согласилась на кесарево сѣченіе. Безъ него ребенокъ родился-бы мертвымъ, но и безъ страданія для нея. Таково неодолимое стремленіе, вложенное въ женщину, имѣть дѣтей, имѣть *смыслъ* своего бытія. А вы ей подсовываете должность „гувернантки“ и „бонны“. Само собою, безконечно грустно быть матерью турчонка, въ чужой странѣ, умереть для Россіи. Но вѣдь что-же ей Россія-то предложила, кромѣ: 1) бонны, 2) дома трудолюбія, 3) званія проститутки. Печально покинуть отечество, но не всякое. Будемъ искренни и станемъ немножко на сторону дѣвушекъ, войдемъ въ грустные счеты по пальцамъ, за салнымъ огаркомъ свѣчки, въ нетопленной квартирѣ. „Трудовой домъ“ тепелъ, съ инвентаремъ, съ швейной машиной (описываетъ г. Лендеръ). Но все это „не мое“! „Не мое все, и я вездѣ не своя, а чужая. А мнѣ хочется своего, хочется дома, угла, гдѣ я была-бы не пансіонеркой на казенномъ содержаніи, а все-же хозяйкою, женою, пусть даже не единственною, и матерью ужъ во всякомъ случаѣ своего ребенка“.

Вѣдь турки имѣють опредѣленное потомство, опредѣленный родъ, т.-е. имѣють какой-то, намъ только неизвѣстный, строй семьи. К. Н. Леонтьевъ описываетъ, что они влюбляются, любятъ, бывають нѣжны. Все это очень странно на нашу оцѣнку, но пусть ужъ о водѣ судить рыба, а не воронъ. Безспорно, безъ семьи татары-бы выродились, загнили, были-бы на улицѣ невоспитанными и грязными буянами. А посмотрите, какъ они скромны, трудолюбивы, въ дракахъ не участвуютъ, въ пьяномъ

видѣ не встрѣчаются, неприличныхъ пѣсень не орутъ. Стало-быть съ дѣтства ихъ кто-то воснитываль. Кто-же? Не отецъ, вѣчно ходящій съ мѣшкомъ за плечами и торгующій халатами. А если не отецъ, то мать. Какая-же мать? Да вотъ возможная смоленская гимназистка и возможная русская брошенная жена, или французженка гувернантка, ибо строй семьи у татаръ и въ Турціи одинъ и тотъ-же. А если татарченки воспитаны, то значить во-первыхъ ихъ матери не что-то въ родѣ дѣвицъ въ домахъ терпимости, какъ мы привычно представляемъ себѣ страшное слово „гаремъ“; а во-вторыхъ, что не только матери эти съ совѣстью въ себѣ и съ чистоплотностью, но что и вся обстановка дома и семьи не есть хаосъ, беспорядокъ разгильдяйство, распутство, какъ мы тоже представляемъ себѣ, а что-то по крайней мѣрѣ трудолюбивое и регулярное. Опять прошу всмотрѣться въ татаръ, какъ они добропорядочны. А добропорядочнымъ нельзя стать безъ воспитанія. А воспитывается человекъ дома. Стало-быть по человекѣ мы заключаемъ и о томъ неизвѣстномъ *x*, который зовется татарскою семьею и въ которую вѣдь ни одинъ европеецъ не заглядываль.

Безконечно грустная картина этого ухода, а не увоза дѣвушекъ на Востокъ пробуждаетъ старый тысячелѣтній вопросъ: что такое не замужняя дѣвушка? безъ надеждъ на замужество? безъ надеждъ по некрасивости, бѣдности, болѣзненности, даже уродства? Вспомнимъ кесарево сѣченье. Увы, болѣзненные, слабыя, бѣдныя, очень некрасивыя—все равно хотятъ имѣть смыслъ бытія своего, которымъ для дѣвушки вѣковѣчно останется кормимый ею ребенокъ. Такъ отъ сложенія міра и до его „свѣтопреставленія“. И мнѣ кажется плачущая, точащая изъ себя слезы картина этого „ухода“ дѣвушекъ есть выразительный, а главное необоримый и непоправимый отвѣтъ на небрежную, сухую разработку въ Европѣ брака и семьи, которая совершилась по указанію и подъ мотивомъ: „лучше не жениться“, „суть скопцы... царства ради небеснаго“.

Дѣвушки, покидающія насъ, какъ-бы говорятъ:

— Мужчины въ Россіи и сама Россія, какъ государство, держатся возрѣній, что „лучше не жениться“. И какъ намъ некуда дѣться, то за исполненіемъ своего призванія мы и уѣзжаемъ туда, гдѣ держатся возрѣнія, что „лучше жениться“. Въ нашемъ положеніи дочери Лота поступили еще рѣшительнѣе и высказали мотивъ, о которомъ мы только молчимъ: „нѣтъ человека, который вошелъ-бы къ намъ по закону всей земли“ (всего мірозданія. „Бытіе“, XIX).

Вотъ что мнѣ давно хотѣлось сказать на эту грустную тему. „Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ—гдѣ лучше“. Устелемъ дѣвушкамъ лучшую, но на ихъ взглядъ и оцѣнку лучшую судьбу, т.-е. болѣе полную и округленную, чѣмъ до сихъ поръ, судьбу

не ремесленную только, не профессиональную,—и онъ останется въ отечествѣ, не будутъ молча и уклоняясь отъ неудобныхъ отвѣтовъ уходить отъ насъ. Повторяемъ, „старая, не нужная никому дѣвушка“ есть подлинный и единственный родникъ явленія, именуемаго ложно: „торговля бѣлымъ товаромъ“, и настоящее имя котораго: „уходи дѣвушекъ, черезъ посредство комиссіонеровъ, изъ христіанскихъ странъ въ нехристіанскія“. Въдѣ ни одна замужняя и счастливая женщина, ни одна мать русскихъ дѣтей этими „комиссіонерами“ не захвачена, не обманута, не „увезена“: наблюденіе, которое рѣшаетъ споръ. Мы построили узенькую, допустимъ идеальную, ниточку семьи какъ „союза одного съ одной на всю жизнь“ („Кормчая“), и сказали: пусть побѣжитъ по этой ниточкѣ сто-милліонный народъ. Но кто на нее не попадаетъ, кто не вступаетъ именно въ этотъ „союзъ единого съ единой вѣчный“.— тотъ фатально и непремѣнно падаетъ въ проституцію, „бонья“, въ наемъ къ старымъ купцамъ. Ибо ничего средняго и *промежуточно*го нѣтъ, ничего *не изобрѣтено*. Между тѣмъ этотъ установленный путь тѣсенъ, узокъ, неудобенъ, исполненъ риска въ случаѣ несчастія, болѣзни, измѣны жены; и на него не вступаютъ часто и тѣ, кто могъ-бы, даже обезпеченные и богатые. *И никто не вступитъ изъ къ неудобному не принудить*. И вслѣдствіе этого сколько дѣвушекъ, даже богатыхъ, даже красивыхъ, умныхъ и добродѣтельныхъ, засыхаетъ. Точно печальная сухая смоковница Евангелія.

Вывозъ изъ Европы на востокъ „лишнихъ“ дѣвушекъ есть одна изъ многихъ подробностей, изъ граней много-граннаго феномена: гибель европейской семьи.

Педагогички-весталки.

Чье сердце болѣзненно не скалось при чтеніи статьи: „О породскихъ думскихъ учительницахъ“ (№ 9524 „Нов. Вр.“). Эта жалоба на положеніе дѣвушекъ, отдающихъ всѣ свои силы воспитанію чужихъ дѣтей, и которыя подъ угрозой лишенія мѣста и слѣдовательно прочитанія сами обречены думскимъ распоряженіемъ на бездѣтность и безсемейность—доходитъ до глубины души. Неужели общество пройдетъ мимо этого съ великорусскимъ успокоеніемъ: „моя хата съ краю—ничего не знаю“.

Подумаемъ, поразсудимъ.

Семья есть вовсе не фактъ только; семья есть духъ, поэзія, обстановка, религія, столь-же состоящая въ мелочахъ, какъ и заключающая въ себѣ великое. Кто имѣетъ къ ней призваніе, это надо разсматривать, какъ если-бы кто имѣлъ призваніе къ ученію, къ наукамъ, къ размышленію или къ искусствамъ—живописи, музыкѣ. Во всей цивилизаціи нашей есть-ли хоть одно учрежденіе.

хоть одинъ человѣкъ, который принципиально запрещалъ-бы: „не читать“, „не размышлять“, „не учиться“, „не рисовать“, „не музыканить“? Право, если-бы какое учрежденіе выставило требованіе: „служащимъ въ нашемъ учрежденіи не дозволяется ничего читать, а выписка журнала или газеты немедленно ведетъ къ удаленію отъ должности“,—то такое учрежденіе опозорили-бы во всей печати. Человѣку или учрежденію дѣйствительно надо съ ума сойти, чтобы выбросить флагъ: „не дозволяется читать“. Это первоначальное право, врожденное. Но не думайте, читатель: право это завоевано цивилизаціей; это она распространила такое неодолимое уваженіе къ книгѣ, къ ученію, къ учебному свѣту, которому не смѣетъ противиться ни одна совѣсть.

Но вѣдь уже строеніе организма предназначило человѣка къ семьѣ, вѣдь это такое первоначальное призваніе, оспаривать которое значило-бы оспаривать всю природу, бороться съ міромъ. И вмѣстѣ это не только физиологическое, но духовное: физиологія-то здѣсь и отражается духомъ, выражается въ духѣ, въ поэзіи, въ цвѣтахъ, въ надеждахъ, въ воспоминаніяхъ. Какой міръ примыкаетъ къ гробу младенца, котораго мать не могла вырвать у смерти; какой другой міръ примыкаетъ къ рожденію младенца: какой еще міръ, когда отецъ ведетъ своего мальчика первый разъ въ школу! Отнять это у человѣка, принципиально, хоть у одного... да, Боже, что значить сравнительно съ этимъ, если самодуръ-купецъ говоритъ талантливому сыну: „не надо учиться, и такъ проживешь“, „не смѣй читать: есть которые и не читаютъ, а богаты“, и проч. Такому самодуру мы даемъ и имя самодура, и ненавидимъ его, и презираемъ, пишемъ на него сатиру и комедію. Но опять-же, повторяю я, приглашая усердно кого-нибудь отвѣтить мнѣ: да почему-же инстинктъ и потребность ученія выше неприкосновеннѣе и святѣе инстинкта семьи, объемлющаго все живое бытіе, отъ муравья до человѣка?..

Городская петербургская дума, которая постановила-бы о своихъ служащихъ: „для сосредоточенія вниманія на служебныхъ обязанностяхъ отнюдь не дозволяется имъ ничего читать“, была-бы проклята печатью и обществомъ,—ибо „ученье свѣтъ, неученье тьма“.

Та-же дума, введшая обязательное безбрачіе для своихъ учительницъ, не заставила даже никого оглянуться на себя. „Ученье—свѣтъ, а семья... не знаемъ, что это такое. Скорѣй прихоть, чѣмъ потребность. Безъ нея можно во всякомъ случаѣ обойтись“.

И никакого ни съ чьей стороны протеста. У цѣлаго контингента дѣвушекъ отнято первоначальное человѣческое право, изломана жизнь, переломлено все ихъ существованіе, вынута смѣлость и духъ—и полное со всѣхъ сторонъ молчаніе. Только какой-то „Д“, даже скрывшійся подъ псевдонимомъ, спросилъ: „Что это

такое? Отчего? Семьянинки учать не хуже, чѣмъ дѣвицы; мать, имѣющая своего ребенка, деликатно отнесется къ ученику“.

Подобныхъ мотивовъ за семейную учительницу можно-бы привести бездну. Неужели-же обязательно безбрачныя учительницы не переживутъ втихомолку неудачныхъ оборванныхъ романовъ, безмолвныхъ увлеченій, и всей тревоги и разсѣянности, съ этимъ связанной, которая отразится на классѣ, на занятіяхъ, на ученикахъ? Вѣдь не изъ папье-маше выдѣлываются учительницы, и это только лѣнливое, тусклое воображеніе думцевъ петербургскихъ „думаетъ“, что если дѣвушкамъ написать въ уставѣ: „не любя и не выходи замужъ“, то онѣ вдругъ и стануть отъ этого какъ воскъ. Тупая гипотеза.

Но не подробности важны. Важенъ принципъ. Нуженъ органическій законъ, чтобы положить предѣлы этому хозяйничанью съ судьбою людей, какъ съ своею собственностью, и въ частности съ семейнымъ ихъ положеніемъ всевозможныхъ частныхъ лицъ и учрежденій. Для сжатости я замѣню разсужденіе наброскомъ такого закона:

1) Право семьи и брака есть врожденное и лично каждому принадлежащее, которое не подлежитъ отчужденію или ограниченію ни со стороны какихъ-либо лицъ, ни учреждений. Это есть *ius privatum* наравнѣ съ собственностью,—и на отчужденіе такового права всякій отдѣльный разъ должно быть испрашиваемо Высочайшее повелѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, для принудительнаго отчужденія квадратной сажени земли испрашивается Высочайшее повелѣніе. Этого не можетъ сдѣлать министръ или Государственный Совѣтъ. Неужели же „квадратная сажень земли“ абсолютнѣе, цѣннѣе, священнѣе и значущѣе для счастья человѣка, чѣмъ право семьи? Какъ-же, никого не спросившись, могла городская дума отчудить, конфисковать право замужества,—просто хотя-бы говорить о немъ въ своихъ правилахъ,—у пяти сотъ дѣвушекъ?

2) Всякое правило, направленное противъ зарожденія семьи, объявляется заранѣе недѣйствительнымъ, какъ и аналогичное, направленное къ расторженію фактической семьи.

3) Семья есть частный институтъ, не посягаемый для государства наравнѣ съ собственностью и который черезъ простое, на бумагѣ, заявленіе о себѣ государству становится частью (дробью) государственныхъ учреждений.

4) Форма зарожденія (созиданія) этого частнаго института, какъ и собственности, можетъ быть природная и договорная. Договоръ брачный содержитъ въ себѣ взаимныя обѣщанія и условія—неисполненіе каковыхъ прекращаетъ его силу,—сторонъ вступающихъ въ супружество. Онъ можетъ заключаться по аналогіи духовныхъ завѣщаній, т. е. черезъ письменное изложеніе воли

вступающихъ въ семейный союзъ при трехъ свидѣтеляхъ, которые ихъ волю скрѣпляютъ подписями. Какъ для государственныхъ учреждений имѣютъ формальную и законную силу частныя духовныя завѣщанія, объемяющія величайшіе имущественные интересы и опредѣляющія теченіе и направленіе сотенъ милліоновъ,— такъ для судебныхъ и административныхъ учреждений имѣютъ всю силу формальныхъ и законныхъ договоровъ подобныя брачныя обязательства.

Бланкъ для нихъ, аналогичный гербовой бумагѣ, можетъ быть государственнымъ; форма ихъ, предусматривающая наибольшее число важнѣйшихъ пунктовъ, можетъ быть выработана государствомъ же. Изъ этихъ пунктовъ особенно важны: а) имущественныя супруговъ отношенія, напримѣръ полное сліяніе или нѣкоторая разграниченность имущества брачующихся, б) имущественныя права ихъ дѣтей, напримѣръ, что сыновья и дочери поровну наследуютъ, в) оговорки касательно свободы каждаго: напримѣръ, что договоръ прекращаетъ силу дѣйствія при доказанномъ грубомъ обращеніи другого, пьянствѣ, безпутствѣ, мотовствѣ.

Поэзія, религія, теплота, счастливость семьи нисколько не будутъ затронуты этою простотою и раціональностью заключенія союза: ибо всегда онѣ въ исторіи вытекали и вытекаютъ изъ самаго союза, а не способа его заключенія.

б) Всякій человекъ есть столько же единственный и абсолютный обладатель и распорядитель своего пола, какъ ума, таланта, и еще болѣе, нежели благопріобрѣтеннаго имущества и своего труда. Этотъ распорядительный авторитетъ неограниченъ и непререкаемъ.

Вотъ органическій законъ, который подвижностью своей, приравняемостью къ условіямъ положенія и чуткимъ соблюденіемъ воли частныхъ лицъ, втянулъ бы въ семейную жизнь и развратничающую сейчасъ мужскую молодежь, и принужденныхъ всталокъ. Его изданіе положило бы богатѣйшее приданое въ сундукъ всякой дѣвушки. Ибо каждой дало бы жениха, всѣмъ — дѣтей и мужа.

Сельско-хозяйственная колонія для дѣвушекъ-матерей.

„Россійское общество защиты женщинъ“, находящееся подъ предсѣдательствомъ ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской, выдѣлило изъ себя филіальное отдѣленіе, устраивающее сельско-хозяйственную колонію для дѣвушекъ-матерей. Для этой колоніи Высочайше пожалованы десять десятинъ земли близъ Охтенскихъ пороховыхъ заводовъ. 20-го января 1901 г. высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ разрѣшенъ былъ кружечный сборъ въ церквахъ С.-Петербурга и была

собрана сумма въ 1.204 руб. на постройку дома на означенномъ участкѣ. Военный инженеръ В. Я. Симоновъ принялъ на себя безвозмездно трудъ наблюденія за постройкою деревяннаго дома для пріюга. Однако по его смѣтѣ возведеніе фермы обойдется не дешевле 4—5 тысячъ. Тѣмъ, кто пожелалъ бы принять близко къ сердцу прекраснѣйшее начинаніе, слѣдуетъ обращаться къ Е. П. Калачевой (Васильевскій Островъ, Большой просп., д. 25).

Общество чрезвычайно хорошо излагаетъ мотивы задуманнаго предпріятія. Помощь съ равной заботливостью должна охватывать оба существа, мать и ребенка. Для дѣвушки материнство, если дать ему спокойнѣе развернуться во всей его мощной силѣ, спасительно само по себѣ. Отстрадавъ физическими муками рожденіе дитяти и продолжая трудомъ, заботами поддерживать его жизнь, мать проходитъ трудный процессъ, совершенно способный возстановить ея моральныя силы, потрясенныя идеей „пвденія“. Большою частью дѣвушка, доставленная городу деревней и забережнѣвшая по подлинной-ли любви, или (гораздо рѣже) по нуждѣ, въ обоихъ случаяхъ переживаетъ переломъ жизни отъ дѣвчества къ материнству очень трагически. Въ ней потрязается то самоуваженіе, которое составляетъ твердыню души женской. „Потеряла себя“,— вотъ какъ характерно выражаетъ такая дѣвушка свое самочувствіе. И съ этой минуты она находится на пути какъ бы легкаго, но всю ее оскверняющаго промысла. Еще черезъ нѣкоторое время— „она въ ряду уже искалѣченныхъ, погибшихъ, забытыхъ зломъ жизни женщинъ“¹⁾. Этотъ кризисъ, психологическій и экономическій, и является моментомъ, когда дѣвушку вовлекаетъ въ свое колесо проституція. „Общество покровительства женщинъ“ мудро рассчитало, что если въ такую критическую минуту придти къ дѣвушкѣ-матери на помощь, то въ лицѣ ея можно сохранить честную труженицу, нравственнаго человѣка, мать семейства. „Помощь эту,— пишетъ общество,— надо предлагать во-время, когда человѣкъ весь еще въ пламени горя и сердце его жаждетъ состраданія“. Сельско-хозяйственное убѣжище, вынесенное за черту города, дать своимъ обитательницамъ осмысленныя занятія и поднять ихъ силы напряженною работою около земли. „Непосредственное добываніе продуктовъ отъ домашнихъ животныхъ, огорода, сада и пр., вначалѣ удешевило бы стоимость содержанія живущихъ женщинъ, а впоследствии не было бы утопіей думать, что 20 здоровыхъ женщинъ, имѣющихъ готовое жилище съ живымъ, и мертвымъ инвентаремъ, 10 десятинъ земли, при близости города, трудами рукъ своихъ могутъ доставить себѣ всѣ необходимыя средства къ жизни. Три года такого пребыванія въ

¹⁾ „Докладъ о сельско-хозяйственной колоніи для дѣвушекъ-матерей“ означеннаго Общества.

бодрой обстановкѣ труда и тщательнаго обученія грамотѣ, шитью, домоводству и общему веденію хозяйства создадутъ прямую возможность уходящимъ женщинамъ съ подростками дѣтьми найти себѣ обезпечивающій ихъ заработокъ“¹⁾).

Это есть добрый путь спасенія человѣка. Въ всякаго сомнѣнія, моментъ потери дѣвушкою-матерью ребенка есть моментъ ея нравственной и соціальной гибели. Болѣе не дѣвушка, не мать и не супруга, она находится въ томъ безконечно неустойчивомъ положеніи, въ которомъ почти невозможно удержаться, и откуда невольно она опрокидывается въ проституцію. Ей не для кого хранить себя: общество ее презираетъ, родители отъ нея отказались, ребенка съ нею нѣтъ и, обезсиленная презрѣніемъ, не имѣя никого, для кого ея жизнь была бы необходима или полезна, она на подобіе грязной тряпки, сплываетъ по жолобу въ яму общественаго непотребства. Въмѣсто вполне здоровой жизненной ячейки соціального организма, послѣдній получаетъ гнилостный микробъ въ себя.

Одна колонія на двадцать женщинъ — конечно капля въ морѣ того, что нужно. Но съ первой ласточкой появятся другія — и онѣ сдѣлаютъ весну. Самые высокіе авторитеты подошли къ дѣлу, взяли заботу на себя, очистили своимъ присутствіемъ атмосферу угнетенности около такихъ дѣвушекъ-женщинъ: сюда каждый теперь можетъ подойти, помочь, сами матери почувствуютъ себя бодрѣе, и переживутъ кризисъ хотя мучительно, но не смертельно. Движеніе это неизмѣримо здоровѣе и нравственнѣе, нежели отдача дѣтей въ воспитательные дома. И, Богъ дастъ, можетъ-быть отъ типа послѣднихъ, убійственнаго въ отношеніи дѣтей и развращающаго относительно женщинъ, мы мало-по-малу перейдемъ къ типу такихъ сельско-хозяйственныхъ фермъ или аналогичныхъ ремесленныхъ заведеній, которыя каждую мать будутъ стараться удержать въ положеніи матери, отнюдь не отдѣляя ее отъ ребенка. Это такъ благородно въ душевномъ отношеніи и такъ здорово въ соціальномъ, что каждый принесенный сюда обществомъ рубль возвратится ему сторицею. Въ самомъ дѣлѣ, какъ высчитать пользу, что въ обществѣ будетъ одною проституткою менѣе и одною матерью семейства болѣе?

Современные хананеи.

(О смѣшанныхъ съ инотрцами бракахъ).

Прочелъ интересную и умную статью г. W. о евреяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что лишь „гебридизація“ т.-е. смѣшеніе ихъ крови

¹⁾ Тамъ-же.

съ христіанскою, можетъ засыпать пропасть между европейцомъ и семитомъ. Прочелъ—и глубоко вздохнулъ. Знаете ли, когда начался сіонизмъ и кто былъ его безмолвнымъ изобрѣтателемъ? Одинъ горячій русскій патріотъ. Дѣло было вечеромъ. У окна моей комнаты стоялъ студентъ-филологъ еврей Г—ій. Богъ вѣсть съ чего привязался ко мнѣ юноша, очень любившій науку, очень любившій исторію. Я же зналъ и гащивалъ и до сихъ поръ съ благодарностью помню всю большую патріархальную его семью (отецъ, мать и три сына). Не забуду одного утра перваго дня Рождества. Я у нихъ ночевалъ, остановившись въ прїѣздъ свой въ Москву на зимнія вакаціи (я былъ провинціальнымъ учителемъ). Спускаюсь утромъ внизъ къ чаю.—„Съ праздникомъ“,—привѣтно улыбнулся и пожалъ мнѣ руку пожилой отецъ семьи. „Съ праздникомъ!“ Вѣдь я зналъ, что въ день Рождества Христова строгіе евреи не открываютъ ставенъ въ окнахъ и не встаютъ съ постели, а такъ-таки и просыпаютъ этотъ день *мимо* какъ бы въ году было не 365, а 364 дня, т.-е. всѣ кромѣ вотъ этого чернаго и ненавистнаго имъ дня.

Шелъ конецъ моего студенчества и начало учительства, когда я былъ знакомъ и друженъ съ этой еврейской семьей. Самъ я былъ въ то время совершенно погруженъ въ раскольничьи рассказы Андрея Печерскаго, въ Хомякова, въ Алексѣя Михайловича и Московскій кремль. Ничего кромѣ Россіи и ея дѣдины для меня не существовало. Любилъ ходить я въ церковь, особенно ко всенощной. Церковное пѣніе въ полумракѣ, при яркомъ сверканіи издали, передъ алтаремъ свѣтъ, всегда меня трогало. Разъ мнѣ и говорить этотъ студентъ Г—ій: „Я нѣсколько разъ бывалъ въ вашей церкви. Мнѣ нравится“. Я промолчалъ. Я зналъ, до чего надо быть деликатнымъ въ вопросахъ вѣры, и не кричать, не навязывать даже того, что очень любишь.

Разъ собираюсь ко всенощной, заходитъ ко мнѣ Г—ій.—„Куда вы?“—„Пожалуй останусь, а хотѣлъ идти въ церковь“.—„Нѣтъ, пойдемте, и я съ вами“. Но на этотъ разъ пѣніе ли было дурно, или церковь не такъ освѣщена, но какъ-то молитва прошла холодно.

Въ то время на югѣ шли еврейскіе беспорядки, первые, какіе у насъ случились. И въ Москвѣ евреи очень опасались возникновенія беспорядковъ и сносили золотыя дорогія вещи къ знакомымъ русскимъ. Вообще волненія между ними было много. Этотъ студентъ Г—ій чрезвычайно страдалъ. Но мнѣ онъ почти не говорилъ объ этомъ, зная, что не найдетъ во мнѣ сочувствія. Я же, помня старый Кремль, думалъ: „вы (евреи) къ намъ пришли; и мучите насъ; мучили еще казаковъ и Тараса Бульбу. Теперь васъ бьютъ—и ништо“. Но Г—ому конечно я этого тоже не говорилъ. Было это около 82-го года. И вотъ, какъ теперь помню этотъ вечеръ.

Онъ стоялъ отвернувшись къ окну. Я сидѣлъ на кушеткѣ. Въ комнатѣ было полутемно, скоро зажигать свѣчи.

— Что же намъ дѣлать?

Я молчалъ.

— Какъ можно согнать съ земли народъ? Народъ сидитъ на землѣ. Какъ же можно его, какъ саранчу, сгребать въ ямы и давать.

И опять я молчалъ. Я помнилъ о процентщикахъ, но не хотѣлъ его обижать и ничего не сказалъ.

— Безвыходное положеніе.

Всѣ его въ дому звали „Стаха“ (сокращенное изъ „Станиславъ“) и такъ звалъ его я. Былъ онъ чрезвычайно нѣжный и деликатный и одухотворенный юноша.

— Знаете что, Стаха? Вамъ надо выселиться въ Сіонъ. Вотъ что.

— Что-о-о?!!

— Что же дѣлать? Намъ тоже трудно. Нашъ народъ ненавидитъ васъ, и кто тутъ виновенъ—не буду разбирать, но фактъ тотъ, что ни вы, ни я, никто не можетъ погасить вражды, очевидно имѣющей для себя причины, и вы помните, какъ сказалъ Лоту Авраамъ: „Если ты пойдешь на востокъ—я пойду на западъ, а если ты на западъ—я на востокъ“. Такъ и надо сдѣлать.

— Что сдѣлать? Выселиться?

— Вы богаты, у васъ есть Ротшильды. Да и здѣсь въ Москвѣ есть богачи, Поляковъ... Турція бѣдна. Зачѣмъ ей Иерусалимъ? Она продастъ, и вы образуете свое королевство.

Не могу здѣсь не вспомнить словъ матери (мачихи) этого еврея, которую я имѣлъ всѣ причины уважать особенно глубоко въ этой прекрасной вообще во всемъ ея составѣ семьѣ. Какъ сейчасъ помню—звали ее Анной Осиповной. Бѣлокурая, полная, добрячка безъ границы, она казалась истинною христіанкою, типомъ христіанки, хотя была строгая еврейка. Она немножко картавила и вотъ разъ говоритъ мнѣ:

— Евгеи никогда не могли и не могутъ обгазовать цагства. Они слишкомъ годды для этого. Гдѣ цагство—тамъ и князья и царь. Евгеи всѣ равны. Потому, что они не могутъ допустить возвышенія надъ собою кого-нибудь, они и не могутъ имѣть государства. Отъ этого мы несчастны.

И я видѣлъ, что она гордится своимъ несчастіемъ, имѣющимъ такое происхожденіе.

Возвращаюсь къ разговору о Сіонизмѣ.

Я замѣтилъ, что своимъ указаніемъ на Палестину какъ бы стѣснилъ духъ Г—аго. Онъ ничего не говорилъ, но ему видимо было трудно. Я сталъ его утѣшать.

— Раздѣлиться, когда нельзя жить вмѣстѣ, есть единствен-

ная почва примиренія. По-че-му вамъ не жить полною и цѣльною національною жизнью? Не понимаю. Вы какой-то обрывокъ среди европейцевъ. Ни начала, ни конца. Какія-то промежуточные у васъ занятія.

— Это трудно, это ужасно трудно.

Не помню, чѣмъ кончился этотъ разговоръ. Но разъ у насъ былъ разговоръ и о христіанствѣ.

— Стаха, вы такъ любите нашу церковь; говорите, что васъ что-то влечетъ къ ней. И вашъ братъ Джозъ — чистый русакъ по грубости, прямотѣ и великодушію. Почему вы не перейдете въ христіанство?

— Мы говорили объ этомъ съ отцомъ. „Невозможно, — сказалъ онъ: — намъ обѣщаны за это привилегіи, права службы, повсемѣстнаго передвиженія. Это подло перейти въ вѣру, за переходъ въ которую что-то обѣщано. Если бы не это препятствіе, я васъ, дѣти, не удерживалъ бы“.

Молодой этотъ еврей гостилъ одно лѣто у меня въ Б., и у него произошелъ чудный двухмѣсячный романъ съ прекраснѣйшею русскою дѣвушкою, хорошею музыкантшею, дочерью священника. И въ семьѣ этого священника онъ былъ прекрасно принятъ. Романъ по разности вѣръ ничѣмъ не кончился. Но какъ они оба плакали! Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ, но такихъ Ромео и Юлиі, истинныхъ, безъ прикрасы, безъ преувеличенія, я еще не встрѣчалъ. Главное, оба они были очень чисты и очень безкорыстны. Я же для обоихъ ихъ былъ другомъ, и тоже почти плакалъ, и тоже сожалѣю, что люди и не правильный законъ помѣшалъ соединиться ихъ судьбѣ. Трудно даже сказать, кто изъ нихъ кого больше любилъ. Я видѣлъ, что она вся таила и сияла, а онъ съ самаго возникновенія рассказывалъ мнѣ все чувства. Бѣдная провинціальная дѣвушка граціей души своей закрыла, затмила, бросила, можно сказать, подъ ноги всѣхъ московскихъ умницъ и щеголихъ, какихъ онъ зналъ. Его любовь именно началась съ удивленія, съ восхищенія (онъ мнѣ говорилъ) и достигла высшей степени экстаза. Такой еще богомольной преданности другъ другу я не помню.

И разстались. И разорвались.

Возвращаюсь къ умной замѣткѣ г. W. Да, „гебридизація“ нужна. Но нужна для нея обоюдная скромность. „О вѣрующей женѣ спасается невѣрующій мужъ, и о вѣрующемъ мужѣ спасается невѣрующая жена“, — сказалъ апостолъ (Посл. къ Коринт., гл. 7) для всѣхъ возможныхъ случаевъ гебридизаціи. Мы должны щадить чужую гордость. Начнемъ сперва сближаться, а потомъ и ожидать достойныхъ плодовъ вѣры, ожидать деликатно, ожидать молчаливо. Вѣдь еврей, о которомъ я рассказывалъ, да и даже вся его семья, были почти христіанскіе. Ну, снизуди законъ къ за-

вязавшемуся роману, не нудя никого сейчас же къ перемѣнѣ вѣры, и его дѣти стали бы потомъ чистѣйшими и ревностными христіанами. Для чего намъ подражать ревности и щепетильности самихъ евреевъ, которые, придя въ Ханаанъ, не допускали брачныхъ союзовъ себя съ сосѣдями? Въ чемъ же высота и универсальность христіанства и его долготерпѣніе сравнительно съ Вѣтхимъ Завѣтомъ? даже съ его частностями, съ его признанно жесткою односторонностью и исключительностью?

Вотъ на этой почвѣ, я думаю, кое-что можно придумать, кое къ чему можно придвинуться. Право, какъ мы отдѣляемъ Синайское законодательство отъ Талмуда, своевременно и намъ подумать объ отдѣленіи безукорнаго Евангелія отъ его средневѣковой талмудизаціи, которая ввела столько нетерпимости и раздѣленій между вѣрами, столько перегородокъ на почвѣ брака.

Между тѣмъ какое было-бы красивое зрѣлище, если-бы при допущеніи смѣшанныхъ браковъ, воскресеніе евреи праздновали бы съ женою, съ невѣсткою, съ матерью христіанкою по христіански, а въ субботу со свекромъ, съ мужемъ, съ деверьями и эта христіанка зажигала-бы четыре шабашевыя свѣчки въ память праматерей еврейскаго народа: Сарры, Ревекки, Рахили, Лии. Кстати, отчего эти четыре праведницы Св. Писанія не имѣютъ у насъ иконообразныхъ изображеній? Развѣ эпизоды Библии менѣе для насъ священны, тѣмъ эпизоды изъ Четы-Миней, иконописью запечатлѣнныя?

Много вопросовъ... Тягостные вопросы. Но и на краю ихъ я вижу зарю.

Женскій трудъ и образование.

Утилизация главнаго женскаго таланта.

Мы разумѣемъ талантъ состраданія и талантъ хозяйственности и предлагаемъ утилизировать два эти женскіе дара въ общественной жизни, какъ они утилизируются въ частной жизни,—и собственно частная, домашняя жизнь и держится этими двумя дарами женщины.

Прежде всего парируемъ самое главное и самое давнее возраженіе, которое уже рвется изъ устъ множества читателей: „зачѣмъ расширять сферу общественнаго женскаго труда; ея міръ—это домъ, ея призваніе—это семья; святыня супружескихъ и материнскихъ обязанностей“... Такъ всегда говорятъ. Это возраженіе мы парируемъ, какъ просто безсовѣстное, ибо ни одинъ изъ защитковъ „святыни материнскихъ обязанностей“ пальцемъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы за каждою дѣвушкою нашего времени и общества было обезпечено „святое материнство“, и это уже такъ давно, а теперь такъ непоправимо. что и глухо и безсовѣстно о дѣвушкѣ, которая оставлена „за штатомъ“, говорить съ укоромъ: „она не исполняетъ святѣйшихъ обязанностей“. За все время, какъ женщина вступила въ сферу общественнаго труда и потребовала себѣ образованія, не было вѣроятно ни одного случая, чтобы которая нибудь дѣвушка оказалась стать женою и семьянинкою ради того, что ей нужно кончить курсъ, или что нужно поступить на такую-то службу. Множество прекраснѣйшихъ, добрѣйшихъ, умнѣйшихъ дѣвушекъ отведены „за флагъ“, выведены изъ семьи; и, наконецъ, видя, что онѣ никому не нужны какъ семьянинки, пробовали стать нужными, или хоть пригодными, какъ члены общества и гражданки. „Ну, не нужна я какъ жена—буду стучать на телеграфѣ“, „не нужны обществу матери—что дѣлать, пойду переписывать бумаги въ канцелярію“. Семья сократилась и все болѣе сокращается; и женскій общественный трудъ есть выжимки, отдѣляющіяся въ

этомъ процессѣ, гдѣ первую страдаетъ женщина и въ первую же ее бросаютъ камень фарисеи. Но оставимъ фарисеевъ и будемъ говорить о дѣлѣ.

Теперь, куда ни войдешь—въ департаментъ, въ контору, на телеграфъ—увидишь чистенькую и аккуратную женщину, которая „стучитъ“, т. е. пишетъ на ремингтонѣ или на аппаратѣ Морза. Женщина скромнѣе въ своей домашней обстановкѣ, чѣмъ мужчина; ей не нужны загородныя удовольствія, безъ которыхъ дышать не могутъ защитники „святыхъ обязанностей жены и матери“; и она, какъ дѣвушка, какъ вдова, и иногда съ дѣтьми, можетъ пробиваться на меньшее жалованье. Женскій трудъ въ Европѣ—это китайскій, дешевый трудъ. И какъ китайцамъ въ Америкѣ даютъ только физическій трудъ; механическій трудъ, такъ и женщинамъ въ Европѣ даютъ мелкія, почти дѣтскія формы труда. Она играетъ роль „малаго“, „подростка“ при большемъ заведеніи, гдѣ всѣмъ важнымъ орудуяють взрослые, т. е. орудуяють мужчины. Но есть одна сфера, гдѣ женщина могла бы быть поставлена какъ мужчина.

Это—администрація интендантства и администрація всевозможныхъ лечебныхъ заведеній. Мы не говоримъ конечно о главныхъ постахъ; мы имѣемъ въ виду лишь промежуточные административныя должности, однако отвѣтственные и притомъ отчасти начальническія. До сихъ поръ женщина была только сестрой милосердія, и прошла этотъ курсъ приготовительнаго класса съ похвалою отъ всѣхъ. За много лѣтъ—ни одного порицанія, а покойный Боткинъ въ „Письмахъ изъ Болгаріи“ свидѣтельствовалъ, что если кто былъ безупреченъ и былъ героемъ на войнѣ, то это скромная русская дѣвушка съ нашивкой Краснаго Креста на рукавѣ. Кто наблюдалъ наши больницы, кто наблюдалъ въ особенности психіатрическія лечебницы, знаетъ, что 50% недочета въ нихъ происходятъ не отъ безсилія медицины, а отъ жестокосердія или равнодушія медиковъ и также вообще прислуживающаго, большею частью мужскаго, персонала. Устраненіе этого равнодушія, невниманія, грубости, а подчасъ и жестокости можно возложить только на сердце, въ которомъ обезпечено состраданіе. И никто не станетъ оспаривать, что эти инстинкты вообще богаче развиты въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ. Женщины превосходно администрируютъ все въ Россіи женскіе институты, т. е. онѣ способны къ столь широкому завѣдыванію, къ столь сложнымъ функциямъ. Вполнѣ онѣ могутъ быть и директрисами лечебницъ, приѣмныхъ покоевъ, родовспомогательныхъ заведеній. Все пойдетъ здѣсь мягче и деликатнѣе, и даже пойдетъ все требовательнѣе и строже по отношенію къ лечащему врачебному персоналу. По крайней мѣрѣ вполнѣ можно здѣсь начать опыты.

Вторая область—это интендантство. Вотъ область всемірнаго

хворанія, и, какъ всё соглашаются, какого-то неисцѣлимаго хворанія: Кажется, потеряна надежда превосходно поставить это дѣло, и уже считается великимъ успѣхомъ, если оно идетъ сносно. Солдаты наши на той-же Турецкой войнѣ и по запискамъ того-же Боткина оставались по два дня безъ сухарей; оставались безъ пищи, безъ горячаго варева и чая—больные. Здѣсь были жида-поставщики; но почему здѣсь не были женщины? Именно въ смыслѣ заботливости, опять какой-то природной, инстинктивной заботливости, онѣ атествовали себя безупречно; и главная прорѣха поставщика-еврея—обрѣзать солдата и обогатиться самому—опять очень мало извѣстна въ женщинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія, какъ вообще мало, ничтожно, почти отсутствуетъ вовсе въ женщинѣ этотъ печальный инстинктъ—„хапнуть“. Женщина, „хапнувшая нѣсколько тысячъ черезъ такую-то хитрую махинацію“, „черезъ такой-то необыкновенный приемъ“, кажется, вещь неизвѣстная. „Махинація“ при закупкахъ, невѣрные счета, поддѣльные и двойные счета—для представленія по начальству и для оставленія у себя въ секретѣ, наконецъ, закупка гнилого дешеваго товара, есть какой-то специальный грѣхъ мужчины, но на которомъ никогда не попадалась женщина. Трудно сказать, почему не попадалась, но что не попадалась—это фактъ. Онѣ имѣютъ даже знаменитую, хотя и смѣшную иллюстрацію: извѣстно, какъ добросовѣстно торговалась Коробочка о мертвыхъ душахъ, тогда какъ Собакевичъ сразу понялъ мысль Чичикова и подсунулъ ему Елизаветѣ Воробей, сошедшую за мужика въ силу поставленнаго на концѣ твердаго знака. Кажется, здѣсь причина лежитъ въ томъ, что женщина менѣе изобрѣтательна чѣмъ мужчина, между тѣмъ какъ таланты „махинантій воровскихъ“ суть именно таланты изобрѣтательности. Женщина проще, акуратнѣе и менѣе выдумываетъ... Обезпеченіе арміи, устройство, чтобы солдаты не голодали, чтобы на зиму у нихъ были теплые полушубки... какъ хотите, а сходнѣе это доверить женщинѣ, чѣмъ жиду. Можно попробовать почву. Что-же касается положительныхъ талантовъ отысканія, счетоводства, и наконецъ распоряженія и организаціи въ хозяйствѣ, то всё эти таланты, нужные въ интенданствѣ, не только есть у женщины, но часто виртуозны у женщины.

Исторія русскаго хозяйства можетъ представить примѣры гениальной хозяйственной распорядительности женщины; и если Костанджогло Гоголя былъ выдуманнѣмъ лицомъ, то совершенно не миеомъ была г-жа Бенардаки, нынѣ покойная (природная русская женщина), о которой въ дѣйствительности рассказывали все то, что Гоголь выдумывалъ о Костанджогло. Разыскать матеріалъ, скупить матеріалъ, сбережъ матеріалъ и все это для того, чтобы обезпечить солдата въ трудную минуту—къ этому высоко способна вообще женщина, въ частности русская женщина.

На женщину давно нужно перестать смотреть какъ на дѣтей. Она выросла и она серьезна. Она доказала свои способности на самомъ для нея рискованномъ поприщѣ—въ теоретической наукѣ; но ея главные таланты — практическіе; женщина — природный практикъ, и въ особенности она можетъ быть гениальна какъ практикъ-покровитель, какъ практикъ-защитникъ, дающій воспомощеніе, охрану. Тутъ, кажется, происходитъ своеобразная трансформация инстинктовъ материнства и домоводства въ инстинкты ухода и хозяйскаго уклада. Сюда и должна она двинуться, сюда нужно ее двинуть, по крайней мѣрѣ попытаться двинуть. Это—не для нея, но для общества, для государства, которое нужнѣйшій талантъ должно брать тамъ, гдѣ онъ лежитъ.

Кн. В. П. Мещерскій о женщинахъ.

Можно ли бросаться съ бѣшенствомъ въ открытую дверь? Пожалуй, упадешь и разобьешься. Такъ упалъ и разбился въ своемъ „Дневникѣ“ кн. В. П. Мещерскій. Почти невѣроятно то, что онъ написалъ, прочтя въ этотъ день статью нашу: „Утилизация главнаго женскаго таланта“. „Сегодня одинъ изъ публицистовъ *Нов. Вр.* съ развязностью почти военнаго человѣка, рѣшилъ одинъ изъ важнѣйшихъ всемірныхъ вопросовъ (значить, все-таки „вопросъ“ есть. В. Р.),—вопросъ женскій. Всемірная заслуга этого рѣшенія заключается въ томъ, что новый Колумбъ въ области женскаго вопроса одновременно рѣшилъ двѣ важнѣйшихъ задачи: онъ упразднилъ старую женщину, а для новой, снабдивъ ее талантами, нашелъ необъятно широкое поприще дѣятельности. Подъ старую женщиною, очевидно, разумѣется женщина-супруга и женщина-мать. То и другое Александръ Македонскій женскаго вопроса призналъ отжившими свой вѣкъ предрассудками, съ которыми женщина безъ вреда для общества можетъ разстаться. По его мнѣнію, главное призваніе современной женщины не семья, какъ это думаютъ нѣкоторые старовѣры, а необъятное міровое поприще“, и т. д.

Просто невѣроятно читать. Какъ будто въ начальныхъ словахъ своего разсужденія мы не указывали съ болью, что семья у насъ, да и въ Европѣ вообще, есть полуразрушенное явленіе; и какъ будто не мы же, утверждая религіозный и трансцендентный характеръ семьи, всѣ силы употребляли, чтобы вызвать не колеблющееся и двойщееся, но настоящее, непоколебимое, твердое къ ней участіе церкви, государства, всякаго частнаго и честнаго человѣка. Что думаетъ кн. Мещерскій, что мы проповѣдуемъ безсемейность женщины! Но женщина въ огромномъ процентѣ вытолкнута изъ семьи, и къ этой вытолкнутой женщинѣ, во всѣ долгіе годы ея безпріютности, не было ничьего участія. Что же по данному боль-

ному пункту кн. Мещерскій сказалъ за всё годы публицистики, кромѣ пошлѣйшаго трюизма: „призваніе женщины — семья“. Да его можно сейчасъ же обуздать на этой фразѣ: по *чему* мнѣнію призваніе женщины—семья? По нашему — о, да, да и да, семья! По мнѣнію страстнаго консерватора кн. Мещерскаго—тоже! Но вотъ насъ только два, безсильныхъ и смѣшныхъ челоѣка. Мы можемъ найти многихъ пріятелей, которые, сидя у насъ въ гостиной, будутъ тоже гуторить: „семья“, „семья“, „семья“. Но вѣдь это все частныя и безсильнѣйшія мнѣнія, и, кромѣ того, это мнѣнія новыя и оригинальныя. Посмотрите, въ разныхъ газетахъ нашей прессы ведется вотъ уже два года защита религіознаго призванія не одной женщины, но и мужчины въ семьѣ. И нашла она сочувствіе, распространіе? Увы! струйка этой мысли едва пробивается, едва живетъ, и противъ нея стѣной стоитъ каменный тезисъ: „семья—не безусловна въ своемъ спасительномъ значеніи для челоѣка“, и что, конечно, „можно жениться“, но отнюдь не необходимо и во всякомъ случаѣ „лучше не жениться“. А когда такъ, то маски прочь; когда игра ведется двусмысленно, то позволяйте къ экспертизѣ ваши карты. Тутъ не споръ словъ, — тутъ споръ фактовъ и кровавыхъ фактовъ, споръ слезъ и опять-таки горькихъ слезъ. Мы не видѣли и не видимъ ни законодательной, ни религіозной, да и вообще никакой опредѣленной и сколько-нибудь властительной заботы о падающей и разрушающейся семьѣ. Падаетъ—и пусть падаетъ; рушится—и пусть рушится“. Мы имѣемъ въ утѣшеніе безсемейной женщинѣ глаголь: „терпите!“ „ступай, матушка, въ монастырь!“—„Да я не въ монастырь хочу, а въ семью, и, какъ вы же формулируете, къ исполненію святыхъ обязанностей супруги и матери“.—„Ну, матушка, поздно сватилась; гдѣ же для каждой взять семьи; теперь и семейные люди по Аркадіямъ разѣхались, а холостыхъ вовсе не сыщешь“. Такимъ образомъ семья нашимъ небреженіемъ есть упавшая съ воза драгоценность, которую найдемъ ли мы опять или нѣтъ—неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ мы сперва должны возстановить цѣлостную, прочную, чистую и универсально развитую семью,—семью какъ нравственное правило и религіозный законъ для всѣхъ; и тогда позвать въ нее женщину. А пока звать ее на пустое мѣсто—вѣдь это немножечко безсовѣстно. Ну, пришла она: „дайте мнѣ священныя обязанности жены и матери“. — „Подождите, вакансіи нѣтъ“!—„Ахъ, нѣтъ? Ну, такъ я пока поищу мѣста фельдшерницы, доктора, учительницы, конторщицы, да и попрошусь въ интенданство, какъ это васъ ни пугаетъ“.

Стыдно говорить пустыя слова тономъ серьезной дѣловитости и особенно стыдно говорить кн. Мещерскому.

Женскаго вопроса, какъ міроваго вопроса (умныя слова кн. Мещерскаго), не существовало бы, если бы семья была бесспорна. Но

она спорна, она имѣетъ очень авторитетныя (религіозныя) оснариванія, противъ которыхъ мы и кн. Мещерскій совершенно безсильны. А когда такъ, то повозитесь съ женскимъ вопросомъ. Кто плелъ веревочку, тому нечего отпѣкиваться отъ петельки. Женщина не по вашему внушенію, а по собственному инстинкту, конечно можетъ быть вполне счастлива только въ чистой семьѣ. Но полнаго счастья нѣтъ, и, какъ вы рекомендуете: „будьте, сестрицы, долготерпѣливы“—ну, тогда она беретъ, да и съ силой, со страстью возьметъ ноль-счастья: она возьметъ заработокъ и уважаемое общественное положеніе. „Не дадимъ!“—скажете вы, скажете жестокосердо. Ну, это бабушка на-двое сказала, кто кого переломить. Отступленія женщинъ отъ своихъ требованій хотя бы на шагъ нигдѣ нѣтъ, а осуществленіе ея требованій — это суть маленькіе, но прочные факты то тамъ, то здѣсь. И, — повторяемъ, — вспомните о веревочкѣ и петелькѣ. Ибо и мы хорошо понимаемъ, что появленіе женщины около общественныхъ обязанностей, а затѣмъ и около власти, совершится „на паденіе многимъ“; въ частности—на паденіе множества принциповъ, охраняемыхъ кн. Мещерскимъ.

Воспитательная и хозяйственная роль женщины.

Не излишни, конечно, ссылки на мнѣнія Д. С. Милля и на примѣры великихъ государынь въ исторіи, какіе начинаютъ дѣлаться публицистами при обсужденіи роли женщины. Но, слава Богу, въ дѣлѣ примѣненія женскихъ способностей мы сами сдѣлали небольшой опытъ, и этотъ опытъ имѣетъ свои туземныя, необыкновенно привлекательныя черты. Женщина, какъ докторъ, какъ фельдшерка, какъ учительница, никогда не была уличена въ неряшливости. Трудолюбіе, исполнительность, необыкновенная выносливость засвидѣтельствованы въ ней самыми компетентными наблюдателями. Не можемъ не указать на желательность призыва женщинъ къ дѣятельности инспектрисъ народныхъ училищъ. Сельская школа почти вся вынесена у насъ на плечахъ руской дѣвушки. Это есть никуда не вписанный подвигъ, — подвигъ, не получившій себѣ ни пенсій, ни орденовъ, и который въ личномъ существованіи каждой дѣвушки былъ часто труднымъ, истомляющимъ походомъ по безводнымъ пустынямъ. Намъ случилось наблюдать иногда сельскую учительницу, скромную, религіозную дѣвушку, преданную народу, и которая за много лѣтъ терпѣнія имѣла только ту награду, что вотъ когда-то, когда-то выслушали и повѣрили печальной исторіи о томъ, какъ изъ пренебреженія вообще къ самому существу школы крестьяне не отпускали ей дровъ зимою, или давали ей комнату при „общественномъ кабакѣ“, въ сосѣдствѣ своихъ сладкихъ разговоровъ. Мужикъ уменъ, мужикъ бываетъ гениалентъ; но мужикъ

и хитеръ, и если захочетъ „доѣхать“ неприятнаго ему человѣка, или вотъ „ненужную ему школу“, то сдѣлаетъ это съ виртуозною безжалостностью. Да, это—мартирологъ, никуда еще не вписанный. Оставимъ воспоминанія и обратимся къ возможному. Нужно имѣть чисто тюлевое представленіе о женщинѣ или дѣвушкѣ, чтобы сказать, что ей „холодно ѣздить зимою“, или что въ „весеннюю грязь какъ же она поѣдетъ на ревизію школъ“. Ѣздить съ мужьями и отцами по всякому морозу и рѣшительно не случилось видѣть или слышать, чтобы „вотъ нужно было ѣхать на лошадахъ, но по случаю мороза или грязи отецъ или мужъ поѣхали, а дочь или жена рѣшили переждать холодокъ“. Что за небывлицы. Да развѣ на рождественскіе каникулы не разъѣзжаются по усадьбамъ, по селамъ, по уѣзднымъ городамъ даже дѣвочки-гимназистки 13—14 лѣтъ, безъ всякихъ послѣдствій и безъ всякаго неудовольствія. Поэтому о физической затруднительности въ исполненіи обязанностей инспектрисы народныхъ училищъ не можетъ быть и рѣчи. Остается образовательный цензъ. Но если русская женщина занимаетъ профессорскія кафедры, если въ самой Россіи передъ каждою дѣвушкою открытъ теперь дипломъ доктора медицины, какой можетъ быть вопросъ о томъ, что и должность инспектрисы народныхъ училищъ ждетъ только самой маленькой административно-законодательной „отдвижки“, чтобы совершенно подготовленная и созрѣвшая для этихъ обязанностей женщина-ли, дѣвушка-ли двинулась на новый трудъ, ея любимый трудъ—воспитательницы.

Софья Ковалевская, которая была вынуждена понести свой талантъ и знанія на чужестранную почву, была бы вѣрно лично счастливѣе, трудясь на родинѣ, да и родина была бы нѣсколько богаче, не растеривай она даровитыхъ дѣтей своихъ. „Ковалевская была исключеніемъ, а инспекція училищъ есть правило“,— скажутъ намъ; но мы отвѣтимъ, что и образовательный цензъ инспекціи неизмѣримо ниже профессорскихъ требованій. Добавимъ, что организація сельской школы и надзоръ за нею требуютъ, по самому существу соприкасанія и взаимодействія нераспаханной народной почвы съ образовательнымъ зерномъ, чрезвычайно много тахта, приспособляемости къ обстоятельствамъ и чужому умственному складу, и именно эти дары приспособляемости богаче выражены у женщины, чѣмъ у мужчины. Не нужно для доказательства этого ни углубленныхъ размышленій, ни ухищренныхъ наблюдений. Такъ это ясно и вытекаетъ изъ самой организаціи женщины, могущественно отражающей на ея психикѣ. Инспектриса заговорила бы какъ близкій и родной человѣкъ съ учительницею: не напугала бы дѣтей на экзаменѣ, какъ пугаетъ ихъ до остолбѣнія чиновникъ съ орденомъ. Тутъ же въ классѣ, да и въ разговорѣ съ учительницею и ученицами, она выведала бы настоя-

щее положеніе школы въ селѣ, и, можетъ быть, отчеты ея по начальству не были бы написаны такимъ хорошимъ слогомъ, но содержали бы болѣе правды и болѣе нужныхъ указаній.

Но мы настойчиво, сверхъ педагогическихъ функций, указываемъ на хозяйственные способности женщины. Вотъ примѣръ: Извѣстна печальная фигура „эконома“ въ нашихъ пансіонахъ, при закрытыхъ и полузакрытыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Домикъ на краю города“ обычно выстраивается изъ обрѣзковъ говядины, изъ недочетовъ въ картофелѣ и зелени. И у учениковъ на всю жизнь остается горькое и иногда озлобленное воспоминаніе объ учебномъ заведеніи, гдѣ его хорошо учили, но очень плохо кормили. Отчего на мѣсто эконома не поставитъ экономки? Кто наблюдалъ рачительность женщинъ-квартиродержательницъ къ своимъ нахлѣбникамъ, тотъ не усомнится, что опыты и здѣсь болѣе чѣмъ вѣроятно будутъ успѣшны.

Возможная піонерна.

Нельзя не наблюдать съ большою печалью, какъ туго у насъ распространяется ремесленный трудъ, какъ много сферъ этого труда находится всецѣло въ рукахъ иностранцевъ или инородцевъ, особенно евреевъ, и не попадаетъ въ русскія руки. Только грубыя и громоздкія ремесла, въ то же время скуднѣе всего оплачиваемыя, находятся издавна и прочно въ русскихъ рукахъ, до извѣстной степени націонализировались. Сапожникъ, столяръ и портной суть классическія фигуры русскаго ремесленника: но и здѣсь съ сожалѣніемъ приходится добавитъ, что какъ только дѣло заходитъ о художественной мебели, объ изящномъ покрое платья и даже обуви,—приходится обращаться къ фирмамъ, носящимъ не русское имя. Также есть цѣлыя ремесла, особенно выгодныя, слегка уже научныя, требующія тонкой техники, отъ которыхъ почти безусловно устранились русскіе. Таковы часовое ремесло и аптечное. Въ какую бы вы аптеку ни зашли и въ какой бы часовой магазинъ ни обратились, вы встрѣтите тамъ или еврея или нѣмца. Все петербургскія аптеки и вслѣдъ за ними аптеки по цѣлой Россіи распределены между этими двумя племенами, безъ всякаго участія здѣсь русскихъ. Положеніе мало выгодное для насъ и отчасти позорное.

Мы замѣтили что хорошо идутъ въ русскихъ рукахъ громоздкія ремесла. Тамъ, гдѣ требуется сила, русскій хорошо работаетъ; тамъ, гдѣ требуется ловкость, онъ хуже работаетъ; и еще хуже работаетъ тамъ, гдѣ требуется вкусъ, споровка, приспособляемость и наконецъ мелкая и мелочная, скрупулезная техника. Просто русскія мужскія руки и русскій мужской глазъ слишкомъ крупно устроены для мельчайшихъ колесиковъ и штифтыковъ кар-

манныхъ и даже стѣнныхъ часовъ, какъ и для развѣшиванія лекарственныхъ дозъ. Опытъ женской аптеки, открытой г-жею Лесневскою въ Петербургѣ, и, какъ слышно, вызвавшей множество предложенія труда со стороны бывшихъ воспитанницъ гимназій и институтовъ, пробуждаетъ мысль о томъ, что вообще женскій трудъ можетъ проложить первую дорожку русскимъ въ такія ремесла, отъ которыхъ до сихъ поръ русскіе уклонялись. Уже одно то, что женщина и дѣвушка есть вѣковая рукодѣльница на Руси, исполнительница мельчайшихъ и иногда изящныхъ работъ, что она вѣка обращалась съ иглою, а не съ топоромъ, сидѣла за пяльцами и кружевомъ, — одно это заставляетъ предполагать въ ней такъ сказать историческую и бытовую приспособленность и подготовленность къ такой ручной техникѣ, на которую до сихъ поръ не отважился русскій мужчина. Мы указали на часовое и аптечное ремесло, какъ бросающіяся въ глаза; но есть конечно и множество подобныхъ же ремеселъ, менѣ замѣтныхъ и не выходящихъ до сихъ поръ изъ рукъ нѣмцевъ и евреевъ. Вотъ куда хотѣлось бы, чтобы направилась русская женщина. Вотъ гдѣ она могла бы сослужить роль пионера. Водворившись здѣсь, она распространила бы умѣнье и искусство на младшихъ братьевъ, на дѣтей, вообще родныхъ. И промыселъ, еще вчера бывшій нѣмецко-еврейскимъ, станетъ русскимъ.

Объ этомъ во-время напомнить теперь, когда женщина ищетъ приложенія своей трудоспособности. Мы въ правѣ надѣяться и ожидать, что и частная предприимчивость, и правительственная заботливость откроетъ училища или курсы для теоретическаго и практическаго подготовленія къ ремесламъ и откроетъ ихъ именно для дѣвушекъ и женщинъ. И можетъ быть эти вѣтви труда, никогда не бывшія у насъ туземными, станутъ повсемѣстно распространены и дадутъ русскому хорошій кусокъ хлѣба.

Въ помислахъ за трудомъ и просвѣщеніемъ.

Отъ тягостныхъ вопросовъ можно отмахиваться. Ставить ихъ въ рубрику неразрѣшенныхъ темъ, злословить около нихъ, остеречь и, въ концѣ-концовъ, отталкивать ихъ отъ себя. И сколько мучительныхъ вопросовъ, оттолкнутыхъ небреженіемъ общественнымъ, у насъ въ своемъ родѣ дожидается или „честнаго погребенія“ себѣ, или хоть кой-какого разрѣшенія.

Въ минувшую зиму, по поводу открытія первой женской аптеки въ Петербургѣ и еще по случаю одного инцидента, рыцари съ претензіями на благовоспитанность облили русскую трудящуюся женщину — и русскую учащуюся женщину самую невозможную грязью. Ни труда, ни просвѣщенія будто бы женщинамъ не нужно. „Ибо ея призваніе — семья“. Писавшіе это не знали напр., того по-

разительнаго факта, что въ Петербургѣ, по даннымъ статистики 1898 года, въ возрастѣ брачномъ было 193,497 *не замужнихъ* женщинъ, а замужнихъ 136,249 т. е. болѣе половины возможныхъ женъ—женами не были; и что не могутъ же эти женщины безъ семейнаго пріюта сами дѣлать предложеніе мужчинамъ. Мы любимъ звенѣть фразами, не справляясь съ дѣломъ. Вполнѣ можно удивляться не развращенности женщинъ, какъ сдѣлали обвинители ихъ въ газетной полемикѣ, но выдержанности, скромности и твердости ихъ, и тому, что, лишеныя въ такомъ числѣ удовлетворенія главнаго своего призванія и инстинкта, онѣ не перевернули до сихъ поръ вверхъ дномъ всѣ наши понятія о бракѣ, семьѣ, супружествѣ, дѣторожденіи; понятія, выросшія въ законодательныя нормы, крайне неуклюжія и не благопріятствующія нормальному теченію семьи въ странѣ. Съ желаніемъ обратить на это вниманіе, я недавно помѣстилъ въ „Новомъ Времени“ статью: „Безъ надеждъ на замужество“, указавъ въ ней даже на такой фактъ, какъ вывозъ дѣвушекъ-христіанокъ въ южныя и восточныя страны, который при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается добровольнымъ ихъ туда *уходомъ*. Дальше идти некуда, и нашъ квіетизмъ и равнодушіе при видѣ безсемейнаго положенія болѣе чѣмъ половинны женщинъ въ столицѣ, къ каковому положенію приближается болѣе или мѣнѣе и вообще положеніе ихъ въ странѣ, — долженъ разсѣяться. Мнѣ кажется, забота эта должна раздѣлиться на двѣ. *Первое*—на облегченіе *условій вступленія* въ бракъ, на благопріятствованіе этому—законодательное, юридическое, экономическое, служебное и всяческое. Напр. что за странность въ законѣ, что женщина, получающая пенсію за службу свою, лишается ея, какъ только выйдетъ замужъ. Съ пенсіей жены мужъ чиновникъ, получавшій маленькое жалованье, еще могъ бы существовать; а на одно свое жалованье въ какіе-нибудь 50, 75 руб. онъ семейно существовать не можетъ. Здѣсь законъ, къ которому никакого мотива найти нельзя, прямо враждебенъ семьѣ, завязыванью семьи, семейному состоянію человѣка. Поискавъ, мы нашли бы множество и другихъ подобныхъ мелочныхъ, придирчивыхъ законовъ о бракѣ. И замѣтите, законы эти царствуютъ и господствуютъ при полномъ и всеобщемъ признаніи, что „всякое государство держится семьей“. Тутъ начала и концы государственнаго мышленія не совпадаютъ. *Вторая* половина заботъ должна быть направлена на расширеніе сферъ женскаго труда. Или семья, или—трудъ: все остальное женщину развращаетъ. Мнѣ по понятному чувству хотѣлось услышать откликъ на эту мысль, и вотъ письма одной дѣвушки, къ которому, мнѣ кажется, не можетъ не прислушаться общество, дорожащее своею судьбою: „Прочтя вамъ статью *Безъ надеждъ на замужество*, я отъ лица всѣхъ дѣвушекъ не могу не поблагодарить васъ за то, что вы заговорили на эту тему. Грустную,

безотрадную картину представляют факты, вами приведенные, но еще грустнѣе, еще безотраднѣе станетъ она, если вникнуть въ эти факты. Какую массу лишений, униженій, собственного презрѣнія къ себѣ нужно было испытать дѣвушкамъ, чтобы ухватиться какъ за единственное спасеніе за мѣсто двусмысленной экономки у старика-купца. А между тѣмъ, по вашему разсказу, этихъ дѣвушекъ, молодыхъ, образованныхъ явилось къ нему очень много: стало быть это не были случайныя исключенія, не были испорченные субъекты, готовые ради ничего недѣланія пойти на позоръ,—это было тупое отчаяніе, презрѣніе къ себѣ, какъ къ человѣку,—и ни луча надежды на болѣе честную, болѣе лучшую жизнь. И тѣмъ ужаснѣе, что это все были образованныя личности, которымъ идти на этотъ позоръ было еще тяжелѣе, чѣмъ не интеллигентнымъ. Спасибо за то, что вопросъ этотъ вы подняли въ печати: но вы не во всемъ правы. Не правы вы въ томъ, будто бы нѣтъ ничего промежуточнаго или средняго между „союзомъ единой съ единой вѣчнымъ“ и совершенно грязнымъ порокомъ; напрасно вы говорите, что ничего средняго не изобрѣтено; изобрѣтено-то изобрѣтено, да только не дается хода этому изобрѣтенію. Сколько времени рвутся дѣвушки въ зданія университета, сколько времени добиваются онѣ напрасно высшаго образованія ради очень скромной цѣли трудиться наравнѣ съ мужчиной на общественномъ поприщѣ, хотя бы съ вдвое меньшимъ окладомъ, и до сихъ поръ все это тщетно. Боятся, чтобы изъ совмѣстнаго обученія не вышло разврата и, какъ писалъ „Гражданинъ“, чтобы студентки не слушали лекцій на колѣняхъ студентовъ, а того, что общественная безразличность и общее положеніе вещей бросаетъ дѣвушекъ въ дома терпимости и двусмысленныя экономки къ старымъ купцамъ, наконецъ, даже въ гаремы на Востоку, этого не боятся и какъ будто даже не видятъ. Право, страшно за униженную, поруганную личность дѣвушки и женщины. А между тѣмъ совмѣстное обученіе, дарованіе права служить наравнѣ съ мужчинами подняло бы въ женщинѣ упавшую вѣру въ себя, не заставило бы смотрѣть на ея тѣло, какъ на товаръ, и повысило бы также уровень семьи, такъ-какъ тогда выходили бы замужъ болѣе обдуманно, съ сознаниемъ той не шуточной обязанности, что беретъ на себя дѣвушка, дѣлая этотъ шагъ: зная, что ей придется отвѣчать передъ дѣтьми за свою жизнь, зная, что ей придется воспитать въ нихъ истинныхъ людей, тогда какъ теперь въ большинствѣ случаевъ, за неимѣніемъ другаго выхода, онѣ смотрятъ на бракъ, какъ на возможность добиться разныхъ благъ жизни. Да и не думаю, чтобы мужчины много потеряли отъ вновь явившихся конкурентовъ; наконецъ можно было бы ограничить число служащихъ женщинъ извѣстнымъ процентомъ, чтобы на службу попадали наиболѣе даровитыя личности. Мнѣ

лично приходилось слышать и читать, что совмѣстное обученіе способствовало бы улучшенію нравовъ, такъ какъ заставляетъ мужчинъ съ большимъ уваженіемъ смотрѣть на своихъ соученицъ и видѣть въ нихъ не только „женщинъ“, но и человѣка. Дайте хоть небольшія права женщинамъ, дайте имъ возможность высшаго образованія, хотя съ половиною тѣхъ привилегій, что оно даетъ мужчинамъ, и вы устраните уходъ дѣвушекъ изъ странъ христіанскихъ въ нехристіанскія, дадите болѣе серьезно относящихся къ своимъ обязанностямъ женъ и матерей, и наконецъ получите за половинные оклады служащихъ на всѣхъ поприщахъ и (судя по фактамъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Америки, гдѣ женщины допущены на государственную службу) эти новыя конкурентки принесутъ болѣе добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, чѣмъ служащіе мужчины. И это будетъ великое дѣло. Женщины ждутъ отъ представителей печатнаго слова защиты своихъ правъ какъ человѣческихъ, такъ и женскихъ, и дай Богъ, чтобы онъ не ошиблся въ своихъ ожиданіяхъ“.

Такъ кончается письмо. И еще разъ напомнимъ, что это голось и просьба безъ немногаго 193,497 въ одномъ Петербургѣ взрослыхъ дѣвушекъ и вдовъ. Никто не откажетъ этому письму въ признаніи спокойствія его тона, достоинства самой просьбы, глубокой горести, основательности доводовъ. Припоминаю я служащихъ женщинъ въ женскихъ гимназіяхъ и въ двухъ полу-финансовыхъ учрежденіяхъ, гдѣ я ранѣе служилъ. Невозможно представить себѣ болѣе кропотливыхъ и, такъ сказать, переполненныхъ отвѣтственностью служащихъ, чѣмъ женщины тамъ. Да и достаточно вспомнить намъ благороднѣйшій Красный Крестъ, вѣдомство Императрицы Маріи и множество всевозможныхъ частныхъ человѣколюбивыхъ обществъ и комитетовъ, гдѣ трудятся или преимущественно или въ большемъ процентѣ женщины, чтобы сознаться и призвать ту до послѣдней степени очевидную истину, что всѣ сферы техническаго, письменнаго, административнаго, счетнаго, распорядительнаго, организационнаго труда доступны женщинамъ въ такой же мѣрѣ, какъ и мужчинамъ. И всюду женщина вноситъ мягкій духъ и деликатность въ службу, женственность. Да, мое личное впечатлѣніе, мои личные наблюденія, не обширныя, но внимательныя, говорятъ мнѣ, что служащая женщина отнюдь не пріобрѣтаетъ мужиковатости, грубыхъ и рѣзкихъ манеръ и тона мужчины,—словомъ, что она ровно ничего не утрачиваетъ изъ прекраснаго своего женскаго облика. А сколько ея мягкость и деликатность, ея поспѣшная дѣловитость, ея непремѣнная сострадательность къ чужому горю или затрудненію дасть удовлетворенія всяческимъ кліентамъ, стучащимся въ двери нашихъ учреждений, начиная отъ школы и кончая банкомъ,—объ этомъ трудно говорить! Помню я, въ бѣдномъ уѣздномъ городкѣ, начальницу

женской прогимназіи, вдову и уже мать двухъ взрослыхъ дочерей, имѣвшую отъ нихъ внуковъ. Она напрягла всѣ свои усилія, чтобы не допустить ни одну ученицу до исключенія за невзносъ платы; обивала пороги купцовъ, чтобы собирать бѣднѣйшимъ крошечныя степендіи или на форменное платье. Она не вѣшнивалась въ ученье, не будучи въ немъ очень компетентною. И такъ какъ она въ него не вѣшивалась, то есть педагогически не раздражалась, то всѣ сплошь ученицы казались ей восхитительнѣйшими существами, и она безустанно съ утра до ночи хлопотала, чтобы онѣ были сыты, одѣты, согрѣты и никогда, никто и ни за что не исключены изъ прогимназіи. Имѣя „должность“, весьма офиціальную и отвѣтственную, она совершенно поглотила и заглушала ея сухія черты въ трансформированномъ материнствѣ. Не знаю, жива ли она сейчасъ, но эту маленькую, добрую и толстую старушку я помню какъ прекраснѣйшее явленіе нашей общественной дѣятельности. Всякій „инспекторъ“ на ея мѣстѣ былъ бы хуже, жестче, не говоря о томъ, что попросилъ бы четверо большее жалованье за свои „мужскіе таланты“. Нѣтъ, рѣшительно нужно признать, что во множествѣ случаевъ женскіе таланты дѣйствуютъ не хуже мужскихъ, и для кліентовъ, просителей, „нуждающихся и обремененныхъ“ они положительно удобнѣе. Съ точки зрѣнія народа, публики, общества, „просителей“ — разлитіе въ странѣ женской работы можно разсматривать какъ огромный выигрышъ, изъ котораго получена пока самая малая доля.

Именно въ интересахъ семьи, о которой хлопочутъ часто бесемейные консерваторы, нужно пожелать торжества женщинъ на поприщѣ труда и полного имъ равенства съ нами въ юридическомъ и экономическомъ положеніи. Только тогда прочно и надежно можетъ быть поставлена в семья, когда подадутъ въ ней свой „voitum“ заинтересованнѣйшія существа, матери, жены, дочери, дѣвушки и женщины. Мужъ и отецъ всегда немножко „прогуливается“ въ семьѣ; отдыхаетъ въ ней; но подлинная его сфера, сфера труда и настоящаго вниманія—это служба, улица, площадь, фабрика, контора, учрежденіе. Женщина изводитъ изъ себя семью, буквально ткеть ее изъ своихъ внутренностей и физиологически и духовно. Мужъ на $\frac{1}{10}$ живетъ семьею, женщина на $\frac{9}{10}$. Въ силу же сострадательности женщина никогда не отнеслась бы столь квіетично къ такимъ чудовищнымъ фактамъ, какъ проституція, дѣтоубійство, какъ вывозъ дѣвушекъ на Востокъ. Она сперва по несообразительности боролась бы съ этимъ паліативно, торопливо, нервно, страстно; а затѣмъ эту нервность и страстность и благородство души своей приложила бы къ тому, чтобы побѣдить зло и не паліативно, а радикально, дѣйствуя не на симптомы, а на причины. И побѣдила бы, и побѣдитъ. Торжество женщинъ, какъ главнаго и страдальчески въ семьѣ заинтересован-

наго существа, будетъ непременно и торжествомъ семьи. А какъ безспорно же женщина стыдливѣе и нравственнѣе мужчины, сдержаннѣе и цѣломудреннѣе, то это передвиженіе такъ сказать отъ патерната къ матернату будетъ торжествомъ хорошей семьи. И теперь вѣдь почти безъ правъ въ семьѣ, кромѣ права быть вписанной въ мужнинъ паспортъ и получить отъ него „билетъ“ на поѣздку въ сосѣдній городъ, женщина силою и интенсивностью своего духа, столь родственнаго къ Матери-Землѣ, столь близкаго къ природѣ, столь одновременно и наивнаго и мудраго, является въ каждой единичной семьѣ царицею, хозяйкою, матерью, установительницею обычаявъ и законовъ и всего „духа дома“. А мужъ именно только „бываетъ“ въ семьѣ, „проходитъ“ въ ней, есть „гость“ у подлинной его хозяйки. Такъ природа вещей одолеваетъ гипотезы законовъ.

Женское медицинское образованіе въ Россіи.

Очень трудно сказать, кто болѣе, врачъ-мужчина или врачъ-женщина, можетъ оказать пользу окружающему населенію, если ихъ медицинское образованіе и искусство практики стоять, какъ говорится на биржѣ, *à pari*. Дѣтскія и женскія болѣзни есть законная собственность женщины-врача, а это половина существующихъ болѣзней. Замѣтимъ, что заболѣваніе ребенка и молодой матери болѣе несетъ въ себѣ такъ-сказать отдаленныхъ послѣдствій, нежели всякое иное, рѣзко локализованное заболѣваніе, и обращеніе къ врачу во-время особенно важно здѣсь. Вотъ почему ростъ женскаго медицинскаго образованія въ странѣ есть огромное условіе поддержанія и улучшенія здоровья цѣлой страны. Особенно это нужно сказать про Россію съ ея темными далекими уголками, куда такъ неохотно ѣдетъ мужчина-врачъ и куда женщина поидетъ, какъ пионеръ, какъ колонистъ образованія. Уже и теперь можно наблюдать въ качествѣ земскихъ врачей женщинъ, неустанно работающихъ въ уѣздѣ на врачебныхъ пунктахъ, являясь также самоотверженными, какъ и женщины-фельдшерицы, женщины-учительницы, женщины-сестры милосердія. Противъ мужчины у женщины есть большое преимущество въ ея сердцѣ и самоотверженіи, и эти качества не менѣе цѣнны во врачѣ, какъ и въ сестрѣ милосердія.

Петербургскій Медицинскій институтъ есть очевидно первый этапный пунктъ на томъ длинномъ пути, которымъ предстоитъ идти женскому образованію въ Россіи. Въ Москвѣ получено утвержденіе устава общества для учрежденія и тамъ Медицинскаго института, и до сихъ поръ успѣхи женскаго образованія у насъ шли такъ прочно и быстро, что, нѣтъ сомнѣнія, въ ближайшія пять лѣтъ мы увидимъ и тамъ медицинскій институтъ, а затѣмъ, Богъ

дать, въ недалекомъ будущемъ и всѣ остальные университетскіе города обогатятся у насъ вполне солидными и необходимыми для страны женскими высшими образовательными учреждениями. Установъ разрѣшены только способы собиранія средствъ, нужныхъ для обезпеченія матеріальной стороны будущаго института: это—пожертвованія, членскіе взносы, устройство всякихъ чтеній, концертовъ и т. п. рубрикъ обычныхъ у насъ сборовъ «съ міру по ниткѣ» на «рубаху бѣдному». Тутъ есть та хорошая сторона, что общество шевелится и хлопочетъ около добраго дѣла; но женщина-врачъ есть такое серьезное государственное дѣло, что на помощь ему можетъ тронуться и казначейство. Ибо здоровое населеніе — это такое же условіе бодрости и труда въ странѣ, какъ и упорядоченность его нравственнаго состоянія. Нигдѣ «посѣвъ» денегъ не обѣщаетъ такого «всхода» и обильной осенней «жатвы», какъ здѣсь, гдѣ имѣется главное: огромный контингентъ рвущихся къ труду и даже рвущихся къ самопожертвованію русскихъ женщинъ, такъ вообще зарекомендовавшихъ себя на всѣхъ практическо-человѣколюбивыхъ поприщахъ.

Учительницы въ коммерческихъ училищахъ.

Медленно, но съ постояннымъ успѣхомъ русская образованная женщина отвоевываетъ большій и большій районъ для своего труда. Въ этомъ отношеніи допущеніе преподавательницъ въ коммерческія училища министерства финансовъ составитъ крупный шагъ. Кажется ни одного нельзя указать поприща, гдѣ женскій трудъ, будучи допущенъ, вызвалъ бы потомъ горькія стованія на его неудачу. Вездѣ женщина является труженицею скромной и прилежною. Вездѣ она исполнительна и вноситъ въ дѣло ту мелкую акуратность и чистоплотность, которая кажется вытекаетъ изъ особенностей ея душевной организаціи. Люди частной предприимчивости хорошо умѣютъ соблюдать свои выгоды и берутъ въ дѣло только людей, дѣйствительномогущихъ принести ему пользу. Они уже давно и на всевозможныя поприща позвали женщину и это есть общее доказательство, что государство не просчитается, открывъ для женской службы свои учрежденія. Давно слѣдовало бы подумать о болѣе рѣзкомъ, чѣмъ теперь, отдѣленіи прогимназій отъ гимназій, и передать роль надзора въ первыхъ образованныхъ женщинамъ. Переходя къ преподавательской службѣ въ коммерческихъ училищахъ, замѣтимъ, что именно преподаваніе въ младшихъ классахъ особенно удобно передавать женщинамъ. Здѣсь преподаваніе неудержимо сливается съ воспитаніемъ. Спрашивая урокъ, называя лѣность или шалость, предупреждая шалости, вездѣ учитель является воспитателемъ, хотя бы и не носилъ соотвѣтственнаго званія. И вотъ вполне разумно, чтобы женщины учительни-

цы служили посредствующимъ звеномъ между семьею, въ которой исключительно проводилъ свое время мальчикъ до поступления въ школу, и между старшими классами школы, гдѣ онъ подвергается серьезнымъ и сухимъ требованіямъ ученія и дисциплинарной выправки.

Жалобы на отсутствіе воспитанія въ училищахъ, на сухой формализмъ въ нихъ, давно должны бы пробудить исканіе: а *кто по природѣ своей* менѣе всего склоненъ къ педантизму, суровости и безощадности, кто гибокъ и эластиченъ *не по задачамъ службы*, т.-е. требованіямъ регламента, а по природѣ своей? Задай лишь этотъ вопросъ во-время, и мы избѣгнули бы не маловажныхъ ошибокъ. Если во всѣхъ семьяхъ около дѣтей стоитъ мать, а не отецъ, если всемірный инстинктъ ищетъ имъ няньку, а не дядьку, то очевидно тысячелѣтняя наблюдательность давно отмѣтила педагогическіе дары женщины, и школѣ предстояло только не поправлять этого всемірнаго выбора. Къ сожалѣнію мы не сдѣлали этого своевременно, а между тѣмъ воспитательница вмѣсто надзирателя, воспитательница образованная, т.-е. съ знаніемъ курса младшихъ классовъ гимназій, предохранила бы сотни и сотни гимназистовъ отъ исключенія за шалости и неуспѣшность. Ибо всякій легко пойметъ, что какъ тяжеловѣсны, неуклюжи и бесплодно-приказательны бываютъ переговоры надзирателя съ родителями учениковъ, такъ легки будутъ подобные-же переговоры воспитательницы съ матерью ученика перваго, втораго или третьаго классовъ. Ни классные наставники, ни надзиратели никогда не умѣли настоящимъ образомъ завязать живыхъ сношеній съ семьями учениковъ, послужить соединительнымъ звеномъ между школою и семьею, а между тѣмъ не нужно и разъяснять, что любящій инстинктъ и природный тактъ женщины выполнялъ бы эту функцію великолѣпно. Однако старыя ошибки никогда не поздно поправлять; и допущеніе преподавательницъ въ коммерческія училища, мы увѣрены, проложитъ путь вообще къ распространенію учебнаго и воспитательнаго труда женщинъ *въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*.

Вполнѣ правильнымъ представляется сравненіе ихъ по жалованію съ преподавателями. Давно пора перестать смотрѣть на женщинъ какъ на какихъ-то малорослыхъ существъ или какъ смотреть на желтолицыхъ китайцевъ и ихъ дешевый трудъ въ Америкѣ. Это рѣшительно безъ всякой нужды обижаетъ женщинъ. Напротивъ, нужно все сдѣлать, чтобы она смотрѣла на свой трудъ, какъ на нормальный, а не какъ на трудъ малорослаго. Прежде всего это не расшатаетъ ея привычнаго чувства отвѣтственности, тогда какъ отношеніе къ ней, какъ къ вѣчному несовершеннолѣтнику, можетъ подорвать въ ней внутреннюю дисциплину. «Мнѣ меньше платятъ, потому что я недоростокъ, и можетъ быть мнѣ и

ошибки простятъ, какъ то же недоростку». Это—вредное разсужденіе, для котораго не нужно давать никакого повода.

Руководѣе въ женскихъ гимназіяхъ.

Въ то время какъ всѣ усилія и отдѣльныхъ министерствъ, и общества, и предпріимчивыхъ людей направлены къ тому, чтобы насадить всевозможныя практическія учебныя заведенія, могущія дать приложеніе не одному уму русскому, но и русскимъ рукамъ.—ремесленная и руководѣльная сторона въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ нисколько не поднялась надъ тѣмъ ничтожнымъ уровнемъ, на которомъ стояла въ ту пору, когда ремесленное и практическое образованіе не возбуждало о себѣ много вопросовъ въ Россіи. Практическіе интересы мощно вошли въ школу съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, потребовали къ себѣ вниманія теоретиковъ-педагоговъ. Но женскія гимназіи, какъ имѣли въ себѣ руководѣе въ качествѣ какого-то занятія пустыхъ часовъ чѣмъ-нибудь, такъ и остались въ этомъ положеніи чего-то безформеннаго, не обязательнаго, почти шутиваго. Это предметъ, едва научающій молодыхъ дѣвушекъ держать въ рукахъ иголку, и только виртуозы-ученицы расшиваютъ себѣ нелѣпыми узорами рубашечки и фартуки. Никакой серьезной задачи сюда не положено. Можно идти первой ученицей гимназіи, едва умѣя заштопать дыру и не умѣя сшить рѣшително ни одной цѣльной вещи изъ собственнаго бѣлья. Даже чистописание поставлено выше и строже руководѣя, и всякій отдѣлъ второстепеннаго предмета отвѣтственнѣ шитья, кройки и вязанья, которыя стоятъ въ курсѣ женскаго общаго образованія не на послѣднемъ мѣстѣ, а внѣ всякаго мѣста.

Конечно, тутъ никакой нѣтъ вины ученицъ: онѣ не учатся, чему ихъ не учатъ. Собственное желаніе достигнуть практическихъ умѣній у русскихъ дѣвушекъ достаточно сказывается въ томъ, что спеціальныя школы, обучающія разнымъ руководѣльнымъ мастерствамъ, не пустыютъ, и туда часто поступаютъ окончившія курсъ гимназій. Но совершенно своевременно подумать о томъ, чтобы поставить въ самихъ гимназіяхъ ручныя издѣлія на болѣе высокой уровенъ, чѣмъ они поставлены. А то несчастная гимназистка, проучившись семь-восемь лѣтъ, потомъ ни къ чему лучше не можетъ приспособить себя, кромѣ какъ къ неусыпному стучанью на аппаратѣ Морза. Ни начать что-нибудь дѣлать, ни прижнуть къ чужому мастерству она не можетъ.

Намъ думается, для этого необходимо:

1) поставить мастерство въ женскихъ гимназіяхъ какъ отвѣтственный и самостоятельный предметъ;

2) развить его въ опредѣленную программу, по годамъ ученія, совершенно наравнѣ съ теоретическими предметами;

3) поставить подъ контроль экзаменовъ;

4) программу руководѣлія усложнить, не оставляя на степени шаблоннаго шитья и кройки (теперь кройкѣ очень немногія выучиваются въ гимназіяхъ), но введя сюда всевозможнаго вида вязанія, рисованіе по фарфору, выжиганіе по дереву, лѣпку изъ гипса и фарфора.

Вообще руководѣлію слѣдуетъ въ гимназіяхъ сообщить художественный оттѣнокъ, но утилитарно-художественный и примѣнимый къ дѣлу. Нужно, чтобы это отнюдь не было шегольствомъ и баловствомъ, а какъ нибудь связать это съ рынкомъ и съ существующими въ каждой данной губерніи народными художественными особенностями. Навсегда мечтою и цѣлью руководѣлія въ главной губернской школѣ должно быть то, чтобы будущая хозяйка могла приложить свой вкусъ, образованіе, знаніе книжной стороны ремесла къ темнымъ и инстинктивнымъ ремесламъ и художествамъ своей мѣстности; чтобы она могла стать руководительницею и помощницею темныхъ людей.

Такія роскошно поставленныя учебныя заведенія, какъ школа барона Штиглица въ Петербургѣ, могли бы выпускать роскошно приготовленныхъ учительницъ въ женскія гимназіи, разумѣется, при условіи, что мѣсто учительницы руководѣлій будетъ уравнено по вознагражденію съ должностями другихъ предметовъ, теоретическихкихъ. Намъ кажется, различнымъ вѣдомствамъ, которымъ подчинены женскія гимназіи, слѣдуетъ внимательно и совмѣстно обсудить эту важную сторону не только педагогики русской, но и культуры русской; и, что опаснѣе всего, не ограничиваться словесными поощреніями, циркулярными наставленіями и вообще общими и разговорными тенденціями, а именно *организовать постановку совершенно за-ново этого предмета*, считая (что довольно близко къ истинѣ), что его вовсе не было до сихъ поръ. Нужно не поощрять или развить теперешнее руководѣліе, а отмѣнить его, какъ скорѣе вредящее дѣтямъ баловство. Ибо гдѣ есть какой-то „предметъ“, но безъ всякой отвѣтственности за полное имъ пренебреженіе со стороны учениковъ или полную въ немъ неумѣлость самого учащаго лица, тамъ конечно есть только деморализующее баловство.

Ремесло художественное, да еще съ обѣщаніями быть выгоднымъ, несомнѣнно сдѣлается любимѣйшимъ предметомъ ученицъ; а если пріобрѣтенныя здѣсь знанія онѣ сѣумѣютъ примѣнять къ жизни, что и не такъ было бы трудно, то и польза получилась бы дѣйствительная.

О ручныхъ издѣліяхъ въ гимназіяхъ.

Разсказывая о своихъ педагогическихъ опытахъ въ Ясно-Полянской школѣ и приводя нѣкоторые изъ ученическихъ разсказовъ, гр. Л. Н. Толстой утверждаетъ, что крестьянскіе подростки проявляютъ иногда столько художественнаго вкуса и чутья, что даже ему трудно бывало иногда слѣдить за быстрымъ движеніемъ въ нихъ правильнаго творческаго воображенія. Если даже устранить изъ этого отзыва возможное преувеличеніе учителя въ оцѣнкѣ способностей учениковъ, все же останется наблюденіе, что художественно творить можетъ не одинъ взрослый, а и подростокъ, юноша, формирующаяся дѣвушка. Этотъ отзывъ во всякомъ случаѣ геніальнаго по наблюдательности и прозорливости человека не бесполезенъ въ тѣмъ, къ которой мы хотѣли бы привлечь возможно больше вниманія. Это ручной трудъ подрастающихъ дѣвусекъ.

Если онѣ рвутся въ настоящее время и проникаютъ въ служебныя канцеляріи, въ департаментъ, на почту и телеграфъ, вообще къ формамъ труда, изстари мужскимъ, то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что совершенно у насъ не развиты и не получили педагогической себѣ помощи издревле женскія формы труда. Гонимая нуждою, дѣвушка становится за конторку, садится за ремингтонъ, переписываетъ непонятную ей и глубоко поэтому антипатичную служебную бумагу, потому что она ничего не умѣетъ, окончивъ полный курсъ нормально-положенныхъ наукъ, кромѣ какъ: 1) переписать непонятное чужое, или 2) изложить отъ себя какую-нибудь теорему по геометріи, Пушическія войны или о различіи прозы Пушкина и Гоголя. Наука наукою, но нужно бы что-нибудь и для корма. Дѣвуски у насъ буквально повторяютъ, только въ нѣсколько ослабленной формѣ, программу мужскихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ есть прекрасныя и обширныя области, гдѣ мужчина не можетъ повторить женщину, которая имѣютъ высочайшую цѣну въ жизни народной и въ культурномъ движеніи впередъ страны, — и эти области остаются въ забросѣ и забвеніи только оттого, что женщина обучается такъ же отвлеченно и научно, какъ мужчина, а не болѣе практическимъ и художественнымъ способомъ, какъ это отвѣчаютъ ея вкусамъ, навыкамъ и кажется природѣ. Современемъ она становится или чиновницею около чиновника, или товарищемъ около мужа, входящимъ въ подробности его мужской службы, и безъ своего особаго дѣла, заботъ и маленькой домашней культуры.

Способности женщины гораздо болѣе, чѣмъ мужскія, приурочены къ конкретному и вещественному. Женщина болѣе чѣмъ мужчина, и дѣвушка болѣе, чѣмъ юноша, наблюдаетъ; лучше ви-

дить и можетъ быть лучше соображаетъ въ мелочахъ; рука ся меньше, подвижнѣе и живѣе. Всѣ эти заложенные въ душу и организмъ задатки возможно культивировать и слѣдуетъ культивировать. Мы напримѣръ почти не имѣемъ въ женскихъ школахъ живописи, — и традиціонное брянчанье на фортеціано и танцы составляютъ единственное тамъ проходимое „искусство“. Праздное воспитаніе и научно отвлеченная муштровка составляютъ печальный образъ женскихъ нашихъ гимназій. Точно ученицы готовятся или жарко спорить потомъ съ товарищами-мужчинами о какомъ-нибудь бняомѣ Ньютона, или, при другомъ жребіи жизни, плясать вѣчную польку. Между тѣмъ ни того, ни другого въ жизни имъ не выпадаетъ, за скверными исключениями; а къ тому, что имъ выпадаетъ — къ труду и заботѣ около себя, около дома, около хозяйства, около сада, огорода и домашнего убранства — у нихъ нѣтъ никакой подготовки.

Мы упомянули о живописи, которая вмѣстѣ съ черченіемъ составляетъ основаніе всѣхъ техническихъ и матеріальныхъ ремеслъ и искусствъ. Живопись вмѣсто шуточныхъ опытовъ танцевъ, музыки и пѣнія должна быть поставлена основнымъ предметомъ женскихъ учебныхъ заведеній, особенно гимназій. Глазь или слухъ — изъ этихъ способностей которая-нибудь одна бываетъ природно даровита у каждаго индивидуума, по крайней мѣрѣ до возможности обширныхъ и успѣшныхъ воспріятій. Какъ мы имѣемъ серьезную постановку новыхъ языковъ, съ возможностью выбора нѣмецкаго или французскаго, такъ пластическое или тоническое искусство должно быть обязательно выбрано каждою ученицею, приблизительно со второго или третьяго класса, и стать затѣмъ предметомъ самаго серьезнаго преподаванія. Живопись открываетъ собою міръ ремеслъ. Узоръ, краски, тона ихъ — все это можетъ стать такимъ же превосходнымъ матеріаломъ педагогики, какъ у гр. Толстого въ Ясно-Полянскои школѣ легкій беллетристическій разсказъ. Въ высшей степени полезно и вполне возможно при каждой женской гимназій имѣть мастерскую, гдѣ бы ученицы учились составлять краски, окрашивать матеріи, плести, ткать, разрисовывать. Вполнѣ возможно, какъ мы говорили ранѣе, установить для ремеслъ программу и экзаменъ; напр. требовать, чтобы передъ выпускомъ каждая ученица представила полную изготовленную ею художественно-ремесленную вещь. Вытканный кусокъ матеріи, связанную серію кружевъ по собственному рисунку, сшитое полное платье, изготовленный коверъ, фарфоровую группу, выжженный по дереву шкафъ, разрисованныя стекла и фаянсъ, выведенные изъ сѣмянъ и взращенные растенія и цвѣты. Школа потеряла бы свой теперешній уныло-однообразный тонъ и превратилась бы на $\frac{1}{3}$, на $\frac{1}{4}$ въ веселую мастерскую. Сюда можно было бы употреблять и часть послѣобѣденнаго

времени; нѣкоторыя части ремесла выполнялись бы въ гимназiи, другія—дома. Все могло бы быть поставлено столь же практично, умѣло и научно, какъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ прохожденiе анатомiи. За зиму каждый будущiй врачъ „препарируетъ“ какую-нибудь часть трупа; такъ будущая хозяйка, потрудившись дома зиму, въ веснѣ и весеннему экзамену представляла бы изготовленную ею художественную вещь, и по ней, говоря и показывая, „отвѣчала“ бы изучаемое ею избранное ремесло.

И какъ это могло бы украситъ не только жизнь школы, но и видъ школы. По окнамъ классовъ могли бы стоять цвѣты собственнаго вывода и ухода, а стѣны быть украшены бюстами и портретами родныхъ поэтовъ и писателей—собственной ученической лѣпки и рисунка. И, словомъ, классъ-казарма, въ какихъ дѣвушки наравнѣ съ мальчиками проводятъ главное свое время отъ 9 до 19 лѣтъ, могъ бы превратиться въ классъ уютный и художественный. Тутъ выигралъ бы не одинъ вкусъ, но и сердце. Ибо внѣшность не только дѣйствуетъ на органы чувствъ, но въ концѣ-концовъ и на душу.

Женскiе пансионы.

Нельзя не назвать странностью, что въ то время, какъ питомцы мужскихъ учебныхъ заведенiй находятъ для себя благоустроенные интернаты, ничего почти не сдѣлано у насъ для питомицъ женскихъ учебныхъ заведенiй, и самаго вопроса объ этомъ не существуетъ. При очень многихъ мужскихъ гимназiяхъ существуютъ пансионы, гдѣ надежно и безъ страха дурнаго влiянiя могутъ быть помѣщены на все учебное время, на годы всего курса ученiя, сыновья мѣстныхъ землевладѣльцевъ: между тѣмъ какъ подобныхъ пансионовъ совершенно нѣтъ при женскихъ гимназiяхъ и прогимназiяхъ. Такое различiе едва ли не объясняется тѣмъ, что возникновенiе мужскихъ пансионовъ у насъ очень старое и относится къ давнему времени, когда дочери ограничивались домашнимъ воспитанiемъ, за тѣми рѣдкими исключенiями, для которыхъ давали достаточное помѣщенiе немногочисленные женскiе институты столицъ и нѣкоторыхъ провинциальныхъ городовъ. Въ настоящее время женское образованiе почти вполне сравнялось съ мужскимъ, особенно въ отношенiи числа воспитывающихся; и нѣтъ семьи дворянина, чиновника, купца, священника, которая, проводя сыновей черезъ мужскую гимназiю, не проводила бы дочерей черезъ женскую гимназiю. Между тѣмъ очень большой процентъ, доходящiй до половины, родителей этихъ ученицъ, не живетъ въ томъ городѣ, гдѣ находится учебное заведенiе, въ которомъ проходятъ курсъ ихъ дочери. Сюда относятся всѣ землевладѣльцы, классъ которыхъ нынѣ включаетъ въ себя

и кушцовъ, и разбогатѣвшихъ мѣщанъ, и, наконецъ, чиновники мелкихъ уѣздныхъ городовъ, дѣти которыхъ отвозятся учиться въ губернской городъ, за неизмѣнимъ въ уѣздномъ другого заведенія, кромѣ трехклассной или четырехклассной гимназій.

Наконецъ лица, занимающія значительныя службы на большихъ заводахъ и всяческихъ техническихъ сооруженіяхъ, находящихся внѣ черты города, также привозятъ своихъ дочерей въ столицу или губернской городъ, гдѣ имъ дается школою обученіе, а собственно жизнь ихъ и воспитаніе протекаютъ внѣ вѣдѣнія и руководства какъ школы, такъ и родителей. Между тѣмъ ученіе въ гимназій обнимаетъ годы отъ 10—11 лѣтъ до 18—20 лѣтъ, т. е. весь возрастъ формированія дѣвушки. Гдѣ и какъ проводятъ онѣ внѣклассное время, на что его тратятъ, какъ обставлено ихъ физическое здоровье, что онѣ читаютъ, среди какого общества живутъ,—на все это могутъ быть даны только проблематическіе отвѣты. Не сомнѣваемся, что часть дѣвушекъ попадаетъ въ очень хорошую семейную обстановку удачныхъ квартиросодержательницъ; но онѣ именно „падаютъ“ и именно къ „удачнымъ“ людямъ, а надежнаго и твердаго и особенно обобщеннаго здѣсь не рѣшится сказать самый смѣлый оптимистъ. Внѣ всякаго сомнѣнія большой контингентъ дѣвочекъ-подростковъ изъ очень хорошихъ провинціальныхъ семей попадаютъ къ людямъ не только посредственнымъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и худымъ. Для родителей нѣтъ здѣсь другого обезпеченія, кромѣ разспросовъ, слуховъ, свѣдѣній знакомыхъ и вообще средствъ освѣдомленія, крайне поверхностныхъ и ненадежныхъ. Между тѣмъ нужда ученія такъ велика, что едва подходитъ дѣвочкѣ возрастъ серьезной грамоты, ее наряду съ братьями везутъ въ „губернію“. Если и въ родительской семьѣ воспитаніе не всегда удается, то можно представить трудности и случайности, которымъ оно подвергается на частныхъ квартирахъ.

Недавно мы говорили о художественномъ и техническомъ элементѣ въ женскомъ образованіи, и вотъ сюда могъ бы быть отлично направленъ внѣ-классный досугъ ученицъ, а лучшее мѣсто для этого и обстановка могли бы быть даны хорошо организованными пансіонами при женскихъ гимназійхъ. Въ устройствѣ такихъ пансіоновъ могли бы принять участіе средствами и заботою и мѣстное дворянство, и городское управленіе, и земство, и дума города, и губерніи. Дѣло это могло бы стать высококультурнымъ и полезнымъ не только въ смыслѣ охраны ученицъ отъ случайныхъ воздѣйствій, но и въ смыслѣ развитія въ уѣздѣ и губерніи полезныхъ женскихъ знаній и умѣній. Для этого нужно только избѣгать стараго шаблона и не разсматривать пансіонъ, какъ мѣстоахожденіе ничего не дѣлающихъ и запертыхъ дѣвицъ, а скорѣе, какъ соединеніе сада и цѣлой системы мастерскихъ, гдѣ

онѣ работаютъ и отдыхаютъ, гдѣ имѣютъ свои удовольствія и радости, вообще полную жизнь, могущую быть приближенной къ семейной. Нужна не пассивная постановка пансіона, какъ „ограды“ отъ жизни и дѣйствительности, а активная, какъ распределение времени на другія перемѣнные занятія, не учебныя, но тоже высоко необходимыя для дѣвушки и женщины. При такой активной постановкѣ пансіоны приобретутъ симпатіи общества и родителей, можетъ быть нѣсколько чуждающихся пансіоновъ въ прежнемъ идиллическомъ и наивномъ смыслѣ. Но о воскресеніи ихъ нѣтъ и рѣчи, ибо со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ поприщахъ суровая дѣйствительность даегъ себя чувствовать и частному человеку, и государству. Пансіонъ долженъ не отгораживать отъ жизни дѣвицу въ 15—18 лѣтъ, но вводить ее въ жизнь, какъ будущую труженицу, научно и всесторонне.

Новый женскій институтъ.

Высочайшій указъ объ основаніи въ Воронежѣ Ольгинскаго женскаго института вызоветъ живое чувство радости не въ однихъ воронежцахъ и вообще южно-русскихъ людяхъ, но и въ цѣлой Россіи. Двѣсти пятьдесятъ дѣвушекъ получаютъ полное казенное воспитаніе безъ платы и шестьдесятъ воспитаницъ—за плату. Государство всегда съ любовью и нѣжностью и охотою принимало на свои заботы воспитаніе дѣтей-сиротъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, въ военные корпуса и въ институты. Женскіе институты имѣютъ длинную и славную свою исторію и представляютъ одинъ изъ самыхъ старыхъ и твердо установившихся типовъ средняго женскаго образованія. Воспитательная сторона въ нихъ выдвинута впередъ учебной, и это сообщаетъ имъ чрезвычайную устойчивость и вмѣстѣ даетъ хорошіе плоды, на которые родителямъ воспитывающихся дѣвицъ не приходится жаловаться. Съ понятіемъ объ институтѣ связано понятіе о чемъ-то деликатномъ прежде всего. Деликатность есть такое качество души и жизни, которое вырабатывается очень трудно, представляетъ собою высшую цѣну и крайне необходимо на всѣхъ поприщахъ. Страны мы называемъ грубыми или цивилизованными по отсутствію или присутствію въ ихъ жителяхъ деликатности. Въ учебникахъ исторіи это отмѣчается терминами: „мягкіе нравы“, „смягченіе нравовъ“. Вотъ эту историческую роль и выполняютъ женскіе институты. Такова была первоначальная мысль Екатерины Великой, основательницы институтскаго у насъ воспитанія, и мысль эта сохранилась до нашего времени.

Воспитаніе деликатное и вмѣстѣ историческое создаетъ изъ воспитаницъ будущихъ добрыхъ семьянинокъ и лучшихъ членовъ русскаго общества. Мы имѣемъ уже обширную литературу же-

муаровъ, написанныхъ институтами разныхъ институтовъ объ ихъ учебной и послѣдующей не учебной жизни, и въ этихъ мемуарахъ, пороку подымающихся до высоты исторической интересности, освѣщена внутренняя жизнь институтовъ разныхъ эпохъ и царствованій. Такимъ образомъ каждое изъ этихъ учебныхъ заведеній выходитъ изъ рамокъ шаблона и получаетъ свою индивидуальность. Это еще болѣе возвышаетъ ихъ воспитывающую силу.

Въ Высочайшемъ указѣ оговорено, что въ программу новаго Ольгинскаго института будутъ введены „сверхъ законченнаго общаго образованія въ объемѣ институтскаго курса такіа практическія знанія, которыя могли бы обезпечить питомицамъ института честный заработокъ, если имъ выпадетъ жребій жить собственнымъ трудомъ“. Это прибавленіе очень важно. Аристократическій типъ нашего женскаго образованія нисколько не обходитъ возможности практическихъ занятій будущихъ русскихъ женщинъ и старается подготовить ихъ къ этому съ малолѣтства. Указъ не видитъ въ честномъ трудѣ женщинъ на поприщѣ общественныхъ службъ и занятій ничего порицаемаго, какъ продолжаютъ еще видѣть многіе слѣпцы, отстаивающіе для женщинъ какую-то тюлевую „женственность“, которую можетъ измѣять трудъ. Указъ въ высокой заботѣ своей предвидитъ, какъ много кандидатокъ на семью остаются безъ собственной семьи, и обезпечиваетъ имъ умѣлый и полезный трудъ, который святъ для женщины, какъ и для мужчины.

О неурочныхъ занятіяхъ учащихся.

Циркуляромъ отъ 15-го августа 1902 г. управляющей министерствомъ народнаго просвѣщенія предоставилъ семь учебныхъ дней въ году въ распоряженіе педагогическихъ совѣтовъ мужскихъ и женскихъ гимназій, каковыя дни могутъ быть сдѣланы рекреационными, но съ тѣмъ, чтобы использованіе ихъ не было предоставлено произволу или капризу отдѣльныхъ учениковъ и ученицъ, а чтобы дни эти посвящались „экскурсіямъ, чтеніямъ, осмотру музеевъ и т. п. разумнымъ развлеченіямъ, смотря по времени года и мѣстнымъ условіямъ“.

Эта благотворнѣйшая мѣра имѣетъ въ себѣ не одну, а нѣсколько сторонъ, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, дабы наилучшимъ образомъ использовать самую мѣру. Прежде всего, педагогическіе совѣты выводятся изъ того летаргическаго состоянія, въ какомъ они находились и къ которому привыкли благодаря исключительно пассивному своему положенію, сводившемуся къ формулѣ: „выслушалъ и исполнилъ“. Отнынѣ они призываются къ роли зоркихъ наблюдателей за здоровьемъ учениковъ и за те-

кущими моментами повышающагося или понижающагося состоянія нервной энергіи. Семь дней предложены имъ на выборъ, и они могутъ ихъ распредѣлить такъ и этакъ, лучше и хуже, цѣлесообразно и совсѣмъ безцѣльно. Прогулка въ августѣ или сентябрѣ, сейчасъ послѣ лѣтняго отдыха—когда учениковъ вовсе и не тянетъ на прогулку, или осмотръ музеевъ въ декабрѣ, когда темно—вовсе не то, что день отдыха въ октябрѣ-ноябрѣ или въ апрѣлѣ-маѣ, среди интенсивныхъ занятій. Въ гимназіи есть мѣсяцы нетрудныхъ занятій и есть до извѣстной степени „страдная пора“, въ которую лишь рѣдкіе ученики не бываютъ изнеможены. Здѣсь мы встрѣчаемся съ одною изъ труднѣйшихъ педагогическихъ проблемъ, пока не рѣшенныхъ вовсе, но въ рѣшеніи которой будетъ современемъ состоять истинная честь педагогической изобрѣтательности учебнаго вѣдомства. Мы говоримъ о времени экзаменовъ. Самая „страдная пора“, положительно пожирающая здоровье и нервы учениковъ, есть предъэкзаменаціонная и экзаменаціонная, и она падаетъ какъ разъ на самые цвѣтушіе мѣсяцы года. Въ августѣ, сентябрѣ и началѣ октября, когда льютъ дожди и изъ дому выйти не хочется, да и нельзя почти, у учениковъ много свободнаго времени и легко на сердцѣ; но вотъ апрѣль и май: на сердцѣ ученика тоска, безпокойство; онъ закупorenъ въ своей комнаткѣ; и хоть вы его гоните, онъ и самъ не выйдетъ въ лѣсъ, въ поле, на улицу, между тѣмъ какъ теперь одинъ часъ на воздухѣ больше поднялъ-бы здоровье, чѣмъ цѣлыя сутки на воздухѣ въ сентябрѣ. Это всѣ видятъ, и всѣ знаютъ; едва ли кто нибудь объ этомъ не болѣетъ душою. Но ничего не придумано и очень трудно что-нибудь придумать для уврачеванія этого недуга школы, для возвращенія дѣтямъ и юношамъ весны.

Вторая важная сторона разсматриваемаго пункта циркуляра состоитъ въ слѣдующемъ. До сихъ поръ у насъ въ гимназіяхъ не столько совершалось образованіе и воспитаніе, сколько производилась „учѣба“ въ самомъ дурномъ, застарѣломъ смыслѣ. Гимназія просто была мѣсто, учрежденіе, домъ, контора, гдѣ мальчики разныхъ возрастовъ учили учебники разныхъ форматовъ; учитель былъ приставленъ больше въ качествѣ наблюдателя или дозорщика за этой процедурою, чѣмъ въ значеніи руководителя, наставника и просвѣтителя. Классный журналъ и отмѣтка были „скорпіономъ“ въ его рукахъ, которымъ онъ подгонялъ упражняющееся въ учѣбѣ юношество-отрочество; спрашиваніе заданнаго почти исчерпывало содержаніе урока; это спрашиванье опредѣляло качество учителя (строгъ или не строгъ) и характеръ предмета (трудный или не трудный), при чемъ почти и не поднималось вопроса о талантѣ учителя, о занимательности предмета. Никакой „занимательности“ и никакого „таланта“ въ гимназіи не было: это—совершенно неизвѣстная сторона въ русской педагогикѣ.

Введеніе посѣщеній музеевъ, экскурсій и чтенія хотя бы только въ семь экстраординарныхъ дней въ году разрушаетъ эту слежавшуюся и затхлую „учебу“. Въ самомъ дѣлѣ, неужели научиться можно только изъ учебника, и приобрести что-нибудь въ душу можно не иначе, какъ со страницы которой нибудь изъ девяти фатальныхъ книжекъ: 1) Соколова, 2) Кирпичникова, 3) Кюнера, 4) Давидова, 5) Смирнова, 6) Иловайскаго и пр.? Вся природа и вся исторія, какъ и все богатство національныхъ сокровищъ и картинности родной страны, были выброшены изъ школы. Сынъ мѣщанъ новгородскихъ или псковскихъ зналъ о Новгородѣ и Псковѣ ровно столько-же, сколько о нихъ зналъ ученикъ Бакинской гимназіи; это были географическіе и историческіе термины куда меньшаго значенія, чѣмъ Манчестеръ или Спарта; и ученикъ Новгородской гимназіи больше зналъ о пеласагахъ, чѣмъ о кривичахъ, и о Тарквиніи Гордомъ, чѣмъ о Гостомыслѣ. Никакихъ отѣнковъ по мѣстностямъ не было въ постановкѣ нашихъ гимназій, и это отъ того, что учебникъ—одинъ на всю Россію, а въ учебника не было свѣта и просвѣщенія. Теперь каждая гимназія и ученики ея увидятъ мѣстность, въ которой живутъ, и ея прилизательное значеніе. Прежде ученики ничего вокругъ себя занимательнаго не видѣли, ничего интереснаго. Образование было вполнѣ отвлеченнымъ, абстрактнымъ. Между тѣмъ нѣтъ мѣстности безъ огромной въ ней занимательности, если только взглянуть на нее знающимъ взглядомъ. Руководителямъ учебныхъ заведеній и учительскому персоналу и нужно создать для питомцевъ этотъ „знающій взглядъ“. Экскурсію или посѣщеніе музея можно, при лѣности и непредпріимчивости руководителей, превратить въ ротозѣйство; особенно въ музеѣ легко пріучиться къ верхоглядству. Нужно учениковъ пріучить къ *занятіямъ* здѣсь: сперва къ легкимъ *описаніямъ*, затѣмъ къ изученію *частностей*, къ *классификаціямъ*, къ *группировкамъ* и пр. Въ этомъ скромномъ занятіи появится незамѣтный ростокъ науки, любознательности, который школа будетъ или можетъ поливать, культивировать, выращивать.

И все это будетъ воспитаніе и ученіе. Но уже не сухое, не по учебнику, а съ нѣкоторой инициативой самого ученика. Ученье—любимое, и отъ этого—дѣйственное, творческое.

Матерьялы къ разрѣшенію вопроса.

LXII Обь утвержденіи правилъ обь улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей.

Его Императорское Величество сего 27-го іюня 1902 г. воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, по проекту правилъ обь улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта М и х а и л ѣ.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ, государственной экономіи и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ дѣло по проекту правилъ обь улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну постановленій законовъ гражданскихъ (свод. зак. т. X, ч. 1, изд. 1900), а также другихъ подлежащихъ узаконеній, установить слѣдующія правила о дѣтяхъ отъ браковъ недѣйствительныхъ и о дѣтяхъ внѣбрачныхъ (незаконныхъ):

О дѣтяхъ отъ браковъ недѣйствительныхъ.

131¹. Дѣти отъ брака, признаннаго недѣйствительнымъ, сохраняютъ права дѣтей законныхъ.

131². Отъ соглашенія родителей зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ, послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти.

Если со стороны одного изъ родителей вступленіе въ бракъ

было недобросовѣстно, то другой родитель имѣетъ право требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей.

Въ случаѣ отсутствія согласенія родителей, равно какъ необходимости отступленія отъ упомянутыхъ правилъ для блага дѣтей, подлежащее опекуное установленіе опредѣляетъ, у кого изъ родителей должны оставаться несовершеннолѣтніа дѣти.

131³. Родительская власть надъ дѣтьми принадлежитъ родителю, у котораго они оставлены.

131⁴. Родитель имѣетъ право свиданія съ дѣтьми, находящимися у другого родителя. Способъ и время осуществленія этого права, въ случаѣ разногласія родителей, опредѣляются мѣстнымъ мировымъ, либо городскимъ судьей или земскимъ начальникомъ.

131⁵. Каждый изъ родителей обязанъ, сообразно своимъ средствамъ, участвовать въ издержкахъ на содержаніе и тѣхъ дѣтей, которые оставлены у другого родителя.

131⁶. По смерти родителя, у котораго оставлены были дѣти, а также въ случаяхъ лишенія его родительской власти или невозможности осуществленія имъ этой власти, находившіяся при немъ дѣти поступаютъ подъ родительскую власть другого родителя, развѣ бы подлежащее опекуное установленіе ради блага дѣтей сочло необходимымъ назначить особаго надъ ними опекуна.

О дѣтяхъ внѣбрачныхъ.

132. Внѣбрачныа дѣти суть: 1) рожденныа незамужнею; 2) происшедшіа отъ прелюбодѣянія, и 3) рожденныа по смерти мужа матери, или по расторженіа брака разводомъ, или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня роженія ребенка протекло болѣе трехсотъ шести дней.

132¹. Мать внѣбрачнаго ребенка подчиняется обязанностямъ, опредѣленнымъ въ постановленіяхъ о власти родительской, и пользуется по отношенію къ своему ребенку правами, въ сихъ постановленіяхъ указанными.

132². Внѣбрачный ребенокъ, если ему не было присвоено отчества при совершеніа метрической о его роженіа записи, именуется по отчеству сообразно имени своего воспреемника.

132³. Внѣбрачный ребенокъ именуется фамиліею, одинаковою съ отчествомъ, но съ согласія матери и ея отца, если онъ находится въ живыхъ, можетъ именоваться фамиліею матери, принадлежащею ей по роженію.

132⁴. Отецъ внѣбрачнаго ребенка обязанъ, сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери

ребенка, нести издержки на его содержаніе, если онъ въ томъ нуждается, до его совершеннолѣтія; мать ребенка участвуетъ въ издержкахъ на его содержаніе соотвѣтственно своимъ имущественнымъ средствамъ, которыя вообще принимаются во вниманіе при опредѣленіи ребенку содержанія, слѣдующаго съ его отца. Въ случаѣ требованія означеннаго содержанія за прошедшее время отецъ ребенка обязанъ возмѣстить оное не болѣе, чѣмъ за годъ до предъявленія такого требованія.

132⁵. Обязанность отца и матери доставлять содержаніе вѣнчаемому ребенку прекращается и ранѣе достиженія имъ совершеннолѣтія въ случаѣ замужества вѣнчанной дочери или когда ребенокъ, будучи уже приготовленъ къ предназначенной ему дѣятельности, въ состояніи самъ себя содержать.

132⁶. Въ составъ слѣдующаго съ отца вѣнчаемаго ребенка содержанія послѣдняго включается и содержаніе нуждающейся въ томъ матери ребенка, если уходъ за нею лишаетъ ее возможности снискать себѣ средства къ жизни.

132⁷. Отецъ вѣнчаемаго ребенка, въ случаѣ недостаточности средствъ его матери, обязанъ оплатить необходимые расходы, вызванные разрѣшеніемъ ея отъ бремени, и доставить ей насущное содержаніе впредъ до ея выздоровленія. Требованіе о возмѣщеніи такихъ расходовъ и содержанія можетъ быть заявлено лишь до истеченія года со дня разрѣшенія отъ бремени.

132⁸. Размѣръ содержанія вѣнчаемаго ребенка, однажды опредѣленный, можетъ быть увеличиваемъ или уменьшаемъ въ зависимости отъ измѣнившихся обстоятельствъ.

132⁹. Повременныя выдачи на содержаніе вѣнчаемаго ребенка, по соглашенію сторонъ и съ утвержденія опекунскаго установленія, могутъ быть замѣнены единовременно уплачиваемою отцомъ ребенка суммою, съ принятіемъ надлежащихъ мѣръ къ охраненію расходванія этой суммы по ея назначенію.

132¹⁰. Отецъ, доставляющій средства на содержаніе вѣнчаемаго ребенка, имѣетъ право надзора за содержаніемъ и воспитаніемъ ребенка. Разногласія по этимъ предметамъ между отцомъ и матерью или опекуномъ ребенка разрѣшаются подлежащимъ опекунскимъ установленіемъ.

132¹¹. Отецъ вѣнчаемаго ребенка, доставляющій средства на его содержаніе, въ случаяхъ учрежденія надъ ребенкомъ опеки, можетъ быть назначенъ, по желанію, опекуномъ предпочтительно предъ другими лицами.

132¹². Вѣнчанныя дѣти и законныя ихъ нисходящія наследуютъ по закону лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери на основаніяхъ, установленныхъ для дѣтей законныхъ, съ тѣмъ однако, что наследуемое имущество матери, не имѣющей законныхъ сыновей, но имѣющей лишь законныхъ дочерей, дѣ-

лится между сими послѣдними и вѣбращными дѣтьми по равнымъ между всѣми сонаслѣдниками долямъ. На законное наслѣдованіе въ имущество отца и его родственниковъ, а также родственниковъ матери, равно какъ на наслѣдованіи въ родовомъ ея имѣніи, вѣбращныя дѣти правъ не имѣютъ.

132¹³. Мать вѣбращнаго ребенка наслѣдуетъ послѣ него по правиламъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей.

132¹⁴. Послѣ вѣбращныхъ дѣтей, не оставившихъ призываемыхъ къ наслѣдованію нисходящихъ, наслѣдуютъ другія, происшедшія отъ одной съ ними матери, вѣбращныя дѣти и законныя ихъ нисходящія.

132¹⁵. При требованіи отъ матери содержанія вѣбращному ея ребенку, а также при предъявленіи его наслѣдственныхъ либо иныхъ правъ, доказательствомъ происхожденія ребенка отъ матери служитъ метрическая запись о его рожденіи. Если въ этой записи не поименована мать или если невозможно представить метрическую запись о рожденіи вѣбращнаго ребенка, то въ доказательство происхожденія его отъ матери принимаютъ только исходящія отъ нея самой письменныя о семъ удостовѣренія.

II. Въ статьѣ 3 приложенія къ статьѣ 55 устава о службѣ гражданской (Свод. Зак., т. III, изд. 1896 г.) исключить, въ концѣ, слова: „за исключеніемъ однако воспитанниковъ изъ незаконнорожденныхъ или неизвѣстнаго происхожденія“.

III. Статью 133 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. I, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

133. Если бракъ признанъ недѣйствительнымъ и если одинъ изъ супруговъ вовлеченъ былъ въ такой бракъ обманомъ или насиліемъ, то подлежащій гражданскій судъ, который разсматриваетъ дѣло послѣ суда духовнаго (уст. угол. суд. ст. 1014 и 1015), можетъ во вниманіе къ обстоятельствамъ, заслуживающимъ снисхожденія, повергать на милостивое воззрѣніе Императорскаго Величества участь невиннаго супруга, вступившаго по невѣдѣнію или принужденію въ недѣйствительный бракъ. Просьбы о семъ могутъ быть заявляемы подлежащему гражданскому суду и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе духовнаго суда объ уничтоженіи брака постановляется послѣ окончанія суда уголовнаго (уст. угол. суд., ст. 1012 и 1013). Просьбы подаются и разсматриваются въ порядкѣ, установленномъ статьями 1337—1345 устава гражданского судопроизводства.

IV. Взамѣнъ статьи 140 и примѣчанія къ ней законовъ гражданскихъ (Св. зак., т. X, ч. I, изд. 1900 г.) постановить слѣдующее правило:

„Вѣбращныя дѣти казачьихъ вдовъ, женъ и дѣвицъ зачисляются въ казачье сословіе. Въ казачьихъ войскахъ Восточной Сибири тѣхъ изъ вѣбращныхъ дѣтей казачьихъ вдовъ, женъ и дѣ-

лицъ, которыя прежде достиженія семилѣтняго возраста останутся круглыми сиротами, а между тѣмъ никто изъ лицъ войскового сословія не изъявитъ согласія взять ихъ на воспитаніе, дозволяется принимать на воспитаніе лицамъ мѣщанскаго и крестьянскаго состояній, съ припискою къ своимъ семействамъ, съ разрѣшенія генераль-губернаторовъ военнаго Иркутскаго и Приамурскаго, по принадлежности“.

V. Взамѣнъ пункта 1 статьи 144¹ законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), постановить слѣдующее правило:

„Внѣбрачныя дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей“.

VI. Статью 145 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) замѣнить слѣдующими двумя статьями:

145. Усыновленіе дозволяется лицамъ всѣхъ состояній, безъ различія пола, кромѣ тѣхъ, кои по сану своему обречены на безбрачіе.

Примѣчаніе къ сей статьѣ остается въ силѣ.

145¹. Усыновленіе чужихъ дѣтей не допускается, если у лица усыновляющаго есть собственныя законныя или узаконенныя дѣти.

VII. Отдѣленіе IV главы I раздѣла II книги I законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) дополнить слѣдующею статью:

150¹. Для усыновленія собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей допускаются слѣдующія изыятія: 1) усыновлять можетъ совершеннолѣтній и ранѣе достиженія имъ тридцатилѣтняго возраста и не будучи восемнадцатью годами старше усыновляемаго (146); 2) усыновленіе допускается и въ томъ случаѣ, если у лица усыновляющаго есть собственныя законныя или узаконенныя дѣти: такое усыновленіе допускается, по достиженіи ими дѣтьми совершеннолѣтія, съ ихъ согласія, выраженнаго въ письменномъ актѣ съ свидѣтельствомъ ихъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ, а до достиженія означенными дѣтьми совершеннолѣтія—только при жизни другого ихъ родителя и съ его согласія, удостовѣреннаго въ томъ же порядкѣ, и 3) при усыновленіи отцомъ внѣбрачнаго ребенка требуется согласіе матери ребенка (ст. 149) въ томъ лишь случаѣ, если она значится въ метрической о его рожденіи записи, или если происхожденіе отъ нея ребенка удостовѣрено судомъ (ст. 132¹⁵).

VIII. Статью 179 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Въ отношеніи питомцевъ воспитательныхъ домовъ соблюдаются правила, въ уставахъ сихъ домовъ постановленныя“.

IX. Статьи 663 и 666 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

663. Если подвергшаяся изнасилованію дѣвица не имѣетъ

средствъ къ существованію, то изъ имѣнія лица, виновнаго въ изнасилованіи, должно быть по требованію ея или ея родителей, или опекуновъ, обезпечено приличное ея состоянію, соразмѣрное съ имуществомъ виновнаго содержаніе до выхода ея въ замужество, и возвращены всѣ употребленныя на ея излеченіе и попеченіе о ней во время леченія издержки, если послѣдствіемъ преступленія была болѣзнь изнасилованной.

666. Когда бракъ признанъ недѣйствительнымъ, какъ совершенный по принужденію или обману, то виновный въ семь обязанъ по усмотрѣнію суда и соразмѣрно съ его собственнымъ состояніемъ доставить насильно или по обману обвѣнчанной съ нимъ средства приличнаго ея состоянію существованія до вступленія ея въ другое супружество. На семь же основаніи опредѣляется вознагражденіе и женщинѣ, вступившей въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ уже въ брачномъ союзѣ, если она о томъ не знала.

X. Въ главу VI раздѣла I книги II устава гражданскаго судопроизводства (Свод. Зак., т. XVI ч. 1, изд. 1892 г.) включить слѣдующую новую статью:

325¹. Судебныя засѣданія по дѣламъ о содержаніи вѣнчаныхъ дѣтей происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

XI. Статьею 1460² устава гражданскаго судопроизводства (Свод. Зак., т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.) изложить слѣдующимъ образомъ:

1460². При просьбѣ должны быть представлены: письменное заявленіе отца и матери о томъ, что ребенокъ происходитъ отъ нихъ, и метрическія свидѣтельства: о рожденіи ребенка и о бракѣ родителей.

XII. Статью 136 законовъ гражданскихъ (Свод. Зак., т. X, ч. 1, изд. 1900 г.), а также статью 994 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (Свод. Зак., т. XV, ч. 1, изд. 1885 г.)—отмѣнить, а статьи 132 и 137 законовъ гражданскихъ—исключить.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

LXIII. Изъ откликовъ печати и частныхъ лицъ.

1.

Обыкновенно иностранную печать мало интересуютъ вопросы нашего внутренняго законодательства, не имѣющіе экономическаго или спеціально-политическаго характера. Однако обнародованное на-дняхъ Высочайшее повелѣніе объ улучшеніи участи незаконно-рожденныхъ дѣтей произвело на европейскую печать сильное впечатлѣніе, такъ какъ и западныя законодательства, какъ вѣрно замѣчаютъ „ихъ органы“, сильно отстали въ этомъ отношеніи.

Отовсюду, даже изъ тѣхъ сферъ, гдѣ нападки на Россію составляютъ обязательную часть программы, раздается восторженная хвала этому высокому акту христіанскаго милосердія и государственной мудрости. Нѣмецкіе филистеры вынуждены теперь признать, что сохранившееся по сіе время жестокое положеніе невинныхъ жертвъ общественной деморализаціи составляетъ печальное наслѣдіе средневѣковыхъ порядковъ и что ни въ одной области законодательства суровый эгоизмъ не выразился такъ рельефно, какъ въ законахъ о виѣбратныхъ дѣтяхъ.

Британское ханжество, такъ ревниво охраняющее существующій въ Англіи общественный порядокъ, теперь тоже вынуждено считаться съ новымъ возрѣніемъ на положеніе виѣбратныхъ дѣтей. Англіійская печать, хотя и нехотя, вынуждена заниматься этимъ вопросомъ и сознаться въ томъ, что нигдѣ, ни въ какой странѣ, общественные нравы не были улучшены жестокими законодательными мѣрами ¹⁾ и что процентъ рождаемости виѣбратныхъ дѣтей нисколько не умаляется отъ строгости законовъ. Англіійскія газеты теперь сознаютъ, что внезапно изъ „darkest Russia“, пришелъ лучъ свѣта, лучъ истины...

Но особенно искренно новый русскій законъ привѣтствуется во Франціи, гдѣ дѣйствующій кодексъ Наполеона отрицаетъ за виѣбратными дѣтьми всякое право на гражданскую жизнь, воспрещающая имъ даже разысканіе отцовства. („Нов. Вр.“).

2.

Ни одинъ изъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени не вызывалъ въ печати такихъ шумныхъ ликованій, какъ опубликованный недавно законъ о виѣбратныхъ дѣтяхъ.

Чѣмъ же, однако, объяснить эти ликованія? Что породило газетный шумъ?

¹⁾ Интересно *мелькомъ* это признаніе, конечно основательное, что „участъ виѣбратныхъ дѣтей“ (сводившаяся многіе вѣка къ смерти познѣе и разразенно—къ ниществу и отчаянію) происекала единственно изъ надеждъ черезъ это „улучшить общественные нравы“. Иначе говоря, что „нравственное чувство“ общества побуждало такихъ дѣтей погублять. Откуда уже ясно, что „нравственность“ и „добрые нравы“ въ Европѣ не расходились съ пожеланіемъ добрыхъ нравственныхъ людей заставить постороннюю вѣсть женщину,—не человека, а фотографію человека,—убить свое дитя; но это нравственное чувство рѣшительно было-бы оскорблено. все общество было-бы нервно-разстроено и раздражено, если-бы эта въ общемъ никому не нужная женщина заступилась за своего ребенка и сказала: „да ну васъ къ ч.ту. ребенокъ мнѣ ближе васъ, и не жалею я вовсе ни убивать его, ни разставаться съ нимъ“. Таковая мать, твердая ну по крайней мѣрѣ какъ курица, и чадолубивая въ ровень съ собакою—была бы объявлена „безнравственной“. Она должна быть нравственна какъ камень, какъ крестикъ на шеѣ каждаго изъ осуждающихъ ее нравственныхъ людей. В. Р—вз.

Въ законѣ о вѣнбачныхъ дѣтяхъ нѣкоторые органы нашей печати успѣли прозрѣть „новую эру“, эру расшатыванія законной семьи, этой основной ячейки государственнаго строя. Въ немъ увидѣли „первый шагъ“, за которымъ должны послѣдовать другіе, уничтожающіе самое различіе между законными и незаконными дѣтьми, освящающіе безпорядочное сожитіе половъ, подрывающіе прочность брака черезмѣрнымъ облегченіемъ разводовъ и дозволеніемъ раздѣльнаго жительства супруговъ чуть-ли не по простой прихоти ихъ.

Дѣйствующее законодательство еще очень недавно съ неумолимою строгостью относилось къ незаконнымъ дѣтямъ. Въ нашихъ законахъ не устанавливалось гражданскихъ правъ этихъ дѣтей, въ отношеніи родителей. Ст. 136 X т. I ч., напримѣръ, отрицаетъ право незаконныхъ дѣтей именоваться по фамиліи отца и наследовать по закону послѣ отца или матери. Но, совершенно основательно разсматривая прижитіе дѣтей лицами, не состоящими между собою въ бракѣ, какъ преступленіе, и карая церковнымъ покаяніемъ незаконное сожительство неженатаго съ незамужней, уголовный законъ все же принялъ до извѣстной степени подъ свое покровительство незаконныхъ дѣтей, установивъ обязательство для отцовъ обезпечивать, сообразно съ его средствами, содержаніе младенца и его матери. Вотъ все, что было раньше сдѣлано для облегченія участи незаконныхъ дѣтей.

Цѣль этого законодательства состояла въ томъ, чтобъ удерживать людей отъ вѣнбачнаго сожительства. Цѣль эта отчасти достигалась, но зато сами незаконные дѣти оказывались лишенными семьи.

Вотъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, высказанное по этому поводу еще въ 1880 году:

„Между родителями и дѣтьми, хотя бы прижитыми въ незаконномъ сожитіи, существуетъ тѣсная кровная связь, самый фактъ прижитія ребенка возлагаетъ на каждого важныя обязанности, и незаконнорожденные, будучи лишены не только всѣхъ преимуществъ, которыя могли бы перейти къ нимъ отъ родителей, но не имѣя даже семьи и роднаго крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхожденія, должны съ особою силой чувствовать всю горечь отчужденнаго отъ всѣхъ положенія своего, нисколько ими самими не заслуженнаго. Тяготясь своею участью, они естественно способны умножить число недовольныхъ существующимъ общественнымъ строемъ, а слѣдовательно и Правительствомъ“¹⁾.

¹⁾ Замѣчательно: 1) что только опасеніе „безнокойнаго элемента“, а не любовь и не справедливость, не какое-нибудь пониманіе *сущности* рождаемости, заставило „снизойти“ къ дѣтямъ, сумма коихъ въ Петер-

Развитіемъ этихъ взглядовъ и является новый законъ о вѣнчанныхъ дѣтяхъ. Согласно ему вѣнчанныя дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей. Усыновленіе вѣнчанныхъ дѣтей значительно облегчается, такъ какъ по новому закону усыновленіе ихъ допускается лицами моложе тридцати лѣтъ и менѣе чѣмъ на 18 лѣтъ старше усыновляемаго. Имѣніе собственныхъ законныхъ или усыновленныхъ дѣтей не считается препятствіемъ для усыновленія своего вѣнчаннаго ребенка. Послѣдній пріобрѣтаетъ право на содержаніе отъ отца до совершеннолѣтія, или до тѣхъ поръ, пока онъ подготовится къ предназначенной ему дѣятельности: въ содержаніи его посильное участіе должна принимать и мать. Наслѣдовать вѣнчанный ребенокъ можетъ только послѣ матери, а не послѣ отца, и притомъ исключительно лишь въ благопріобрѣтенномъ, а не въ родовомъ имуществѣ матери.

Новый гуманный законъ *улучшаетъ* положеніе вѣнчанныхъ дѣтей; но онъ не уравниваетъ ихъ съ дѣтьми рожденными въ бракѣ, онъ не ставитъ на одну доску семьи законную и незаконную, лишь облегчая легализацію послѣдней.

Вотъ этого-то и не слѣдуетъ забывать тѣмъ органамъ нашей печати, которые прозрѣваютъ въ новомъ законѣ наступленіе какой-то эры разрушенія законной семьи. Такая эра наступила бы только тогда, еслибы Правительство вышло требованіямъ нашихъ религиозныхъ декадентовъ объ „облегченіи разводовъ“. („Москов. Вѣдом.“).

3.

Многоуважаемый В. В.

Мнѣ очень хочется написать вамъ хоть нѣсколько словъ сочувствія и благодарности по поводу вашихъ статей о семейныхъ дѣлахъ и стоящаго, предполагаю, въ связи съ этими статьями новаго закона о вѣнчанныхъ дѣтяхъ. Въ эту пору года мнѣ, по занимаемой мною должности инспектора училища, приходится ежегодно имѣть дѣло съ бумагами нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ, желающихъ поступить въ училище. Среди нихъ всегда попадаются и вѣнчанныя дѣти, и первые-же шаги ихъ въ училищѣ бывали

бургъ=1/3 общей суммы рождающихся; 2) и „свинойдѣ“ согласиться: что „вѣдь родство все же между родителями и не законными дѣтьми есть; 3) до 1880 г, когда были особыя причины тяготиться „недовольными“ незаконно-рожденные были поставлены, „въ интересахъ охраненія нравовъ“, *вовсе вне закона*, и ихъ, какъ безвѣстно къ потерянную вещь, какъ бѣглое каторжника въ Сибирской тайгѣ, какъ отсталую отъ хозяина собаку — буквально опасно было „пристанодержательствовать“, надо было отъ нихъ „отдѣлаться“, явно оставалось и нужно было *убить* ихъ. Цѣпочки на крестикахъ отъ этого ни у каго не качались. В. Р—ва.

довольно мучительны и для меня, и для нихъ. Надо было заносить ихъ въ списки подъ фамиліей по имени крестнаго отца, а многія изъ нихъ привыкли чувствовать себя дѣтьми своихъ родителей, своей матери по крайней мѣрѣ, и непризнаніе за ними материнной фамиліи ¹⁾ ихъ поражало чрезвычайно и больно. Положимъ, по просьбамъ матерей, многихъ вносили въ списки и подъ фамиліей матери,—но вѣдь все равно въ аттестатѣ, выдаваемомъ при окончаніи курса, необходимо было писать ту фамилію, которая соотвѣтствовала требованію закона,—вѣдь иначе и аттестатъ становился сомнительнымъ и не дающимъ никакихъ правъ. Теперь это мучительное неудобство устраняется, одна изъ бесчисленныхъ жестокостей жизни смягчена. Конечно, этотъ человѣколюбивый законъ васъ весьма радуетъ, какъ нѣкоторая побѣда, большая побѣда. Позвольте же и мнѣ поздравить васъ съ этою, и пожелать много новыхъ, столь-же прекрасныхъ побѣдъ.

Искренно уважающій васъ *Оддоръ Т.-ковъ.*

Милостивый Государь, В. В.!

Встрѣчаются произведенія какъ въ литературѣ такъ и въ музыкѣ, прочитавъ или прослушавъ которыя остаешься въ невольномъ недоумѣніи: что хотѣлъ выразить авторъ въ своемъ произведеніи? Причиной этому—ихъ неоконченность и необработанность, дающія вмѣсто художественнаго наслажденія лишь одинъ вопросительный знакъ. Нѣчто подобное приходится наблюдать и въ рѣшеніи вопроса о вѣбращныхъ дѣтяхъ или байструкахъ, въ сильномъ освѣщеніи котораго Вы сами принимаете такое горячее участіе.

Новый законъ очень мало улучшилъ положеніе этихъ дѣтей, потому что одно предоставлять и тутъ же въ другомъ ограничивать, и вообще останавливаться только исключительно на правахъ дѣтей, не улучшая въ то же время положенія самихъ родителей, это, сознаюсь, похоже на хожденіе вокругъ да около главнаго предмета, веденіе такъ сказать рѣчи о ледникахъ на лунѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни воздуха, ни водяныхъ паровъ. Очевидно слѣдовало бы начинать рѣчь съ причины образованія ледниковъ—съ воды, а потомъ ужъ говорить объ осадкахъ, т. е. главнымъ образомъ *объ образователяхъ семьи*, а не *о дѣтяхъ*, насильно теперь отдѣляемыхъ отъ этой семьи и тѣмъ лишаемыхъ естественной законной почвы.

Чего, казалось бы, проще допустить, что разъ у молодой пары появился ребенокъ, то взять да и *назвать ихъ мужемъ и женой*,

¹⁾ Просто, ч...тъ знаетъ что дѣлалось. И всѣ *терпѣли!* Подлинно— „бѣглый въ тайгѣ“, который и сказать не смѣетъ: „я—такой-то“. В. Р.—вг.

какъ самыхъ естественныхъ родителей этого ребенка, обязанныхъ уже въ силу самаго факта рожденія заботиться о воспитаніи своего дитяти. Введите только это простое и вполне нормальное условіе въ жизнь и всякія хитросплетенія о правахъ какихъ-то случайныхъ дѣтей исчезнуть сами собою, такъ какъ положеніе законныхъ дѣтей извѣстно, а эти тоже будутъ самыя незаконнѣйшія.

Женщина прекрасна и дорога только съ ребенкомъ на рукахъ. такъ дайте же ей возможность не прятаться съ этимъ ребенкомъ, точно преступницѣ предъ Богомъ и людьми, а напротивъ—открыто заявить предъ обществомъ и самой церковью, что она выполняла свое предназначеніе сдѣлаться матерью и тѣмъ приобрѣла неотъемлемное право имѣть мужа, отца этого ребенка, съ которымъ она готова образовать новую прочную и здоровую семью.

Для этого не нужно и ломки подлежащаго закона, а вполне достаточно ввести лишь такое условіе:

„Молодые люди (свободные разумѣется), состоящіе во внѣбрачномъ сожителствѣ, признаются *супругами* (или состоящими въ законномъ бракѣ) съ возникновеніемъ перваго метрическаго свидѣтельства о рожденіи у нихъ ребенка“.

И только!

И не было бы больше несчастныхъ дѣвицъ-матерей, ни еще болѣе несчастныхъ байстрюковъ, а главное—не было бы убійствъ малютокъ, этихъ по истинѣ искупительныхъ жертвъ человѣческаго недомыслія.

Узаконивая подобный союзъ простымъ актомъ рожденія перваго ребенка, церковь только благословила бы и, такъ сказать, упрочивала бы болѣе дѣвный союзъ Божій,—союзъ несомнѣнной любви сроднившихся душъ, налагая на нихъ этимъ и священныя обязанности родителей по воспитанію ребенка.

Развѣ это было бы хуже, чѣмъ теперешнее отрицаніе такихъ союзовъ и обреченіе поэтому на вѣчный позоръ и слезы какъ самой матери-дѣвушки, такъ и ея потомства?

Добро бы этимъ достигалась хотя бы общественная нравственность,—а то вѣдь и того нѣтъ!

— Просто несоблюденіе установленной формы.

И въ жертву формѣ приносятся наивысшія стремленія чело-
вѣка, его счастье, честь и имя!

Кто скажетъ, что перечувствуетъ, какъ изстрадается бѣдная дѣвушка, доходящая до рѣшимости поднять свои слабыя трепетныя руки на своего первенца и быть можетъ не обидѣвшая никогда и мухи?

Первая самая чистая и безкорыстная любовь и тутъ-же клеймо преступницы съ вѣчнымъ позоромъ и угрызеніями совѣсти ¹⁾! Это

¹⁾ Поразительно все это, все эти указанія въ послѣднихъ шести строкахъ: просто ч...тъ знаетъ что дѣлается. Какая-то „черная месса“ въ

способно сломить и искалѣчить и не такія хрупкія созданія, какъ молодыя дѣвушки,

А между тѣмъ съ какимъ сладостнымъ ожиданіемъ, съ какой радостью тѣ же дѣвушки могли бы привѣтствовать появленіе въ свѣтъ своего перваго ребенка.

Вѣдь этотъ первенецъ дастъ ей мужа!

Она будетъ имѣть неопозореннаго ребенка, потому что она уже законная жена отца этого дитяти, который съ этого момента становится такимъ же семьяниномъ, какъ и стоявшій подъ вѣнцомъ.

И вмѣсто позора, слезъ и проклятій—здоровая и счастливая семья!

Но, къ сожалѣнію, человѣчество не любитъ жить по законамъ, прямо указываемымъ природою, а предпочитаетъ искажать ихъ различными условностями и формами собственнаго изобрѣтенія и пристегивать къ нимъ даже такую непокорную силу, какъ любовь.

Для спасенія ни въ чемъ неповиннаго ребенка законъ, наконецъ, рѣшается дать ему отца (отыскиваніе отца!), но никакъ не

зернѣ цивилизаціи, и—открыто, на площади, при дикомъ гоготаніи толпы. Для „охраненія нравственности“ отпускается, „не запримѣчивнымъ“ по требованію закона, застегивающійся самецъ (есть и *прекрасные* юноши-родители, но тѣ отъ дитяти своего и матери его *не отходятъ*, и за это законъ и ихъ—*въ туже муку*, какъ мать). Остается одинокая, покинутая дѣвушка, передъ рогами устремленныхъ на нее: 1) гогочущаго въ удовольствіи общества, 2) застегнутыхъ въ форменные фраки юристовъ, 3) одѣтыхъ въ кроткіе епитрахили священниковъ. И вотъ ея беременность, девять мѣсяцевъ; уже на пятомъ торгается ножками младенецъ въ утробѣ матери. Проклясть его? „Рога“ говорятъ: „онъ уже проклятъ отъ всѣхъ проклятии и ты, *тогда останешься наша*“. Груды милой дѣвушки къ девятому мѣсяцу наполняются молокомъ: готовитъ природа и наковецъ (да! да!) *святая Venus Genitrix* кормитъ дитяти. Какъ все устроено! какая мудрость!! святость!!! Но физиологин—какъ холмикъ, а общество—какъ гора передъ нимъ. И вотъ гора готова обвалиться и задавить холмикъ. Холмикъ трепещетъ: родилась малютка,—и „никогда не задавившая мухи“ 18-лѣтняя дѣвушка душитъ своего первенца. „*Все разверзающее ложесна—Мое, говорить Господь*“ („Исходъ“, Второзаконіе). Нѣтъ—разрушитъ Ветхій Завѣтъ—вотъ гдѣ *узелъ* вопроса. Богъ отогнанъ отъ дѣтей, дѣти отогнаны отъ Бога—вотъ корень всего. Распаялось кольцо обрѣзанія, символъ вѣчный, *символъ реальный Завѣта Вѣчнаго и Единственнаго*, вовсе не „ветхаго“, ничуть не „обвѣтшавшаго“, а ежедневно нужнаго, практически необходимаго. „Введите меня въ Завѣтъ Вѣчный! Куда вы меня изъ него вывели“—вотъ восклицаніе дѣвушки, восклицаніе на концѣ всѣхъ этихъ фактовъ. „Я имѣю ребенка отъ *обрѣзаннаго* (genital'ity): не смѣйте возставать противъ *него*—вы черезъ это отступаете отъ *Бога*!“ „И ребенокъ у меня родился, ибо я не имѣла силы противиться обрѣзанному; и самое *обрѣзаніе дано, сюда положена печать Завѣта*—дабы не было fallus'у сопротивленія, дабы заклясть затворъ передъ рожденіемъ. И когда ворота передъ нимъ хотятъ захлопнуться—дабы петли задерживали ихъ, створки не поворачивались: и все раскрывалось, что fallus'у должно быть открыто“. В. Р.—въ.

рѣшается дать его матери—мужа, потому что это противорѣчитъ другому закону—таинству брака.

— Не соблюдена формальность!

И обществу приходится признавать одно—отца, но отвергать другое—мужа.

Признавать за человѣкомъ право родить и „содержать“, но лишать права воспитывать и назвать свою семью законною.

— О, времена, о, нравы!

Вникая въ эти глубоко укоренившіяся удивительныя противорѣчія, просто диву даешься, до чего человѣчество остается закоснѣлымъ и неподвижнымъ въ вопросахъ даже самыхъ незначительныхъ реформъ, предпочитая упрямо исполнять и отстаивать обычаи и завѣты хотя бы и до очевидности отжившей старины—наперекоръ стихіямъ и здравому разсудку.

Эхъ, если бы сила да право,—взмахнулъ бы перомъ да и разрубилъ бы разъ навсегда этотъ пережитокъ дореформенныхъ временъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, осушилъ бы не одну тысячу заплаканныхъ прекрасныхъ глазъ!

Глубоко Васъ уважающій *Ксонофонтъ Тозинскій*.

LXIV. Письмо въ редакцію.

М. г. Не откажите черезъ посредство настоящаго письма ознакомить множество заинтересованныхъ лицъ съ распоряженіемъ, для нихъ важнымъ и имѣющимъ до нѣкоторой степени законодательное значеніе. Мною только что получено письмо отъ священника А. П. Устьянскаго, принимавшаго на страницахъ „Нов. Вр.“ участіе въ обсужденіи и косвенно въ выработкѣ формы метрической записи вѣнчанныхъ дѣтей, слѣдующаго содержанія:

„Благіе результаты споровъ о незаконнорожденности съ каждымъ днемъ сказываются. Такъ, по разъясненію редакціи Синодальныхъ „Церковныхъ Вѣдомостей“, № 31, стр. 1071, подъ рубрикой *Отвѣтъ священнику П. В—му*, новаго закона о незаконнорожденныхъ,—священники впредь должны записывать вѣнчанныхъ дѣтей въ метрики *отнюдь не прибавляя къ имени ребенка означенія его незаконнорожденнымъ* (курс. А. П. У—скаго). Итакъ, не тщетны были Ваши старанія снять съ невинныхъ этотъ позорящій терминъ. Преданный вамъ протоіерей А. Устьянскій, 7-го августа 1902 года“.

Запросъ священника П. В—го въ редакцію „Церковныхъ Вѣдомостей“ безъ сомнѣнія вытекъ изъ недоумѣнія его, какъ впредь писать такихъ дѣтей; и несомнѣнно въ такомъ же недоумѣніи находится и еще множество и другихъ священниковъ. Разъясненіе официальнаго органа нашего духовнаго вѣдомства, получаемого во всѣхъ благочиніяхъ и можетъ быть во всѣхъ приходахъ Импе-

ри, предупредить ошибки и колебанія священниковъ при метрическихъ записяхъ. Я же позволю себѣ спросить и напомнить, что чѣмъ несчастнѣе такія дѣти, родившіяся въ апрѣлѣ, маѣ, іюні этого года, тѣхъ другихъ подобныхъ же дѣтей, которые рождаются начиная съ 30-го іюня, дня опубликованія новаго благодѣтельнаго закона; да и потомъ, можетъ быть многіе уже священники раньше разъясненія „Церковныхъ Вѣдомостей“—въ теченіе всего іюля мѣсяца—записывали, вслѣдствіе сомнѣнія и не знанія, дѣтей по прежней формѣ, которая навсегда для нихъ останется пятномъ. Какъ извѣстно, пропись этого слова въ документѣ удерживаетъ стыдящихся матерей отдавать подрастающихъ внѣбрачныхъ дѣтей своихъ въ училища и принуждаетъ ихъ обходиться домашними средствами ученія и воспитанія, очень мало надежными. Въ виду того, что законодательное благорасположеніе къ этимъ дѣтямъ такъ явно теперь выразилось, позволю себѣ напомнить и, насколько позволительно публицисту, попросить, дабы въ единственномъ этомъ, но вполнѣ основательномъ случаѣ, изданный законъ возымѣлъ „силу обратнаго дѣйствія“, т.-е. чтобы ранѣе рожденныя такія дѣти получили право обратиться куда слѣдуетъ съ просьбою о выдачѣ имъ взамѣнъ прежнихъ—другихъ метрикъ, безъ прописи „незаконнорожденный“, т. е. чтобы они сравнялись вполнѣ съ дѣтьми, рождающимися послѣ 30-го іюня. Это никого не обидитъ, никому вреда не принесетъ, а счастья и успокоенія прибавитъ много.

В. Розановъ.

LXV. Кто не обрадовался новому закону.

На-дняхъ мы не безъ удивленія привели сообщеніе одной—провинціальной газеты о томъ, что терминъ „незаконнорожденный“ до сихъ поръ продолжаетъ употребляться провинціальными духовными консисторіями, да еще подчеркивается.

Оказывается, это еще не такъ удивительно. По поводу нашей замѣтки одинъ изъ столичныхъ священниковъ пишетъ намъ, что новый законъ не дошелъ не только до медвѣжьихъ угловъ, но онъ не извѣстенъ и въ столицѣ.

„Ни въ одномъ изъ духовныхъ официальныхъ органовъ,—пишетъ онъ намъ,—о новомъ законѣ нѣтъ никакого упоминанія, а безъ опубликованія его въ официальномъ органѣ Св. Синода духовенство его не знаетъ, да и не будетъ знать,—и этой клички не измѣнитъ. Я лично не пишу „незаконнорожденный“, но не ручаюсь, что за это не придется отвѣчать передъ духовнымъ начальствомъ. А рядомъ, священники сосѣднихъ церквей, пишутъ „незаконнорожденный“...“

Какъ медленно проводится даже вполнѣ ясно выраженный опредѣленный законъ въ жизнь. Скептицизмъ лицъ, которыхъ

приходится проводить этотъ законъ въ жизнь, положительно не знаетъ предѣловъ. „Мы не читали новаго закона, пишетъ нашъ авторъ, и не знаемъ его, но сомнѣваемся, есть ли тамъ что-нибудь гласящее объ уничтоженіи слова *незаконнорожденный*. Оно быть можетъ тамъ не употребляется и вмѣсто него стоитъ слово „внѣбрачный“, но это еще не говоритъ объ уничтоженіи ранѣ существовавшаго слова“...

Авторъ письма совершенно забываетъ, что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона. Онъ впрочемъ и не отговаривается. Онъ знаетъ о немъ изъ газетъ, но газетамъ не вѣритъ.

„Свѣтской печати,—говоритъ онъ,—мы не имѣемъ права вѣрить“. Ну, а духовной? Духовной, оказывается, тоже нѣтъ. Отвѣтъ редакціи „Церковн. Вѣд.“ одному изъ сомнѣвавшихся, по его мнѣнію, не болѣе не менѣе, какъ „частное мнѣніе“ официальнаго органа. Словомъ, священники ждутъ „циркулярнаго предложенія“. Базалось бы въ такихъ случаяхъ естественнѣе всего было спросить; особенно удобно это сдѣлать столичному духовенству, которое въ Синодѣ могло бы получить самыя авторитетныя указанія. Изъ того однако, что одни изъ священниковъ „боятся“ и продолжаютъ писать „незаконнорожденный“, а другіе еще съ большимъ страхомъ, все время опасаясь ответственности, изгоняютъ это слово,—видно, что самый простой, на нашъ взглядъ, способъ, почему-либо не простъ и трудно осуществимъ. Необходимъ слѣдовательно общій авторитетный циркуляръ, который бы положилъ конецъ недоразумѣнію тягостному какъ для священниковъ, такъ особенно для бѣдныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя остаются внѣ закона 29-го іюня 1902 г. („Нов. Вр.“ 25 сентября 1902 г.).

Послѣдніе фрагменты о бракѣ.

Введеніе дѣтей въ семью.

Правила объ улучшеніи положенія внѣ брака рожденныхъ дѣтей, недавно опубликованныя, обнимаютъ огромное число рождающихся. Въ Россіи по даннымъ переписи 1897 года на каждыя сто рожденій приходится внѣбрачныхъ: въ городахъ 11, въ селахъ и деревняхъ немного менѣе 2-хъ. Въ Петербургѣ изъ 1,000 женщинъ, разрѣшающихся въ данный годъ первымъ ребенкомъ, 437 рождаютъ внѣ брака, и эта послѣдняя цифра остается неизмѣняющеюся въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Вообще цифра „незаконныхъ“ рожденій представляетъ чрезвычайную устойчивость, чуть-чуть колеблясь въ зависимости отъ улучшенія или ухудшенія экономическаго положенія страны. Бѣдность затрудняетъ заключеніе законныхъ браковъ, достатокъ облегчаетъ; но вообще всякая мѣстность съ большимъ подвижнымъ, приходящимъ на заработки населеніемъ и съ постоемъ войскъ, даетъ большой процентъ незаконныхъ рожденій. Повидимому, *число вообще рожденій представляетъ абсолютную процентную величину въ отношеніи къ численности населенія.* Извѣстно, что послѣ войнъ, уносящихъ особенно много мужскихъ жизней, начинается рождаться особенно много мальчиковъ, чѣмъ возстановляется въ странѣ равенство мужской и женской половины населенія. Къ подобнымъ же неизслѣдимымъ причинамъ неодолимаго дѣйствія относится по всему вѣроятію и рожденіе, — изъ котораго если законъ зачерпнетъ въ себя болѣе, то останется менѣе ихъ „внѣ закона“, а если законъ менѣе зачерпнетъ, то „внѣ закона“ останется болѣе, *безъ всякой перемѣны собственно въ абсолютной общей величинѣ.* Такъ, у евреевъ въ Петербургѣ рождается незаконными 0,6 проц., у магометанъ—0,3 проц., у католиковъ—13 проц., у протестантовъ—9 проц. Допущеніе четвертаго брака и отсутствіе затрудненій въ разводѣ уменьшаетъ, какъ видно изъ этихъ данныхъ, процентъ незаконнорожденности.

Можно думать, что наши воспитательные дома, благородная инициатива которыхъ принадлежитъ сподвижнику Екатерины II И. И. Бецкому (незаконный сынъ *Трубецко*го, получившій только окончаніе фамиліи своего отца), уже окончили свою историческую службу, и фактъ незаконнорожденности будетъ урегулированъ иначе и лучше, нежели черезъ пріемъ на государственное вскармливаніе и отчасти воспитаніе едва-ли не всѣхъ въ Имперіи незаконнорожденныхъ дѣтей. Если принять во вниманіе, что воспитательные дома выдаютъ небольшую плату незаконнорожденнымъ матерямъ, отдавшимъ сюда дѣтей своихъ, если они приходятъ сами первые мѣсяцы кормить ихъ; если далѣе обратить вниманіе, что въ настоящее время строится колонія-пріютъ для такихъ матерей, дающая имъ полное содержаніе на фермѣ во время беременности и послѣ родовъ,—то законодательное отдѣленіе ребенка отъ матери, въ виду этой заботливости о такихъ дѣтяхъ и такихъ матеряхъ самого же закона и законодательствующей администраціи, представится очевиднымъ архаизмомъ, дѣланіемъ одною рукою того, что другая рука раздѣлываетъ. Очевидно, законодательствующая мысль вполне дозрѣла до сознанія, что раздѣлять ребенка и мать такъ же не слѣдуетъ, если рожденіе произошло внѣ закона, какъ и тогда, когда оно произошло въ законѣ; и что напротивъ обоюдность и соединеніе ихъ оберегаетъ здоровье и жизнь ребенка, а мать во всякомъ случаѣ предохранить болѣе всего другого отъ легкомысленнаго поведенія. Незаконно родившая дѣвушка, сдавшая куда-нибудь ребенка своего на воспитаніе, чаще всего затѣмъ и попадаетъ въ реестръ сперва дѣвушекъ окончательно дурного поведенія, а наконецъ и проституткою. Ибо она не имѣетъ якоря нравственнаго воздержанія, чистоты своего дома или комнаты—какъ только изъ нея вынесена колыбель ребенка. Труды кормленія и воспитанія суть самое вѣрное средство обеззараженія духовной атмосферы около такой неудачливой дѣвушки, и очень вѣроятно, что огромный ихъ процентъ послѣ перваго ребенка и не имѣлъ бы вовсе потомъ дѣтей, найдя достаточную цѣль жизни въ одномъ. Новыя правила о незаконныхъ дѣтяхъ, все значеніе которыхъ сейчасъ трудно даже обнять мыслью, и устраняютъ въ самомъ законѣ лежавшее раздѣленіе ребенка и матери, вносятъ новорожденного подъ кровъ его собственной матери, юридически устанавливаютъ между ними связь, очищаютъ, соскребаютъ нечистоту отъ ребенка и вводятъ его въ семью, какъ признаннаго члена. Съ передачею ему фамиліи матери и нормальнаго наследованія ей въ ея личной, не родовой собственности, „Правила“ узаконяютъ ребенка, и самый терминъ „незаконнорожденный“ отнынѣ становится совершенно призрачнымъ. Потому что если ребенокъ родился въ формахъ, установленныхъ для его рожденія, то никакой строжайшій юристъ уже не назоветъ его

„незаконнымъ“, т.-е. какъ бы „въ противорѣчїи съ закономъ“ родившимся, или „безъ закона“ родившимся. Поэтому самый терминъ этотъ вѣроятно скоро исчезнетъ, и особенно исчезнетъ въ разговорномъ языкѣ общества. Дѣти эти перестаютъ быть „не знаемо“ чьими, и главная мука родителей, прежде происходившая во время отдачи ихъ въ учебныя заведенія, теперь не имѣетъ болѣе для себя основаній. Мы впрочемъ не нашли въ „Правилахъ“ одного добавленія или „примѣчанія“: это чтобы матерямъ такихъ дѣтей не писали болѣе въ паспортѣ „дѣвица“. Отдача въ учебное заведеніе своего ребенка дѣвицею и становилась всегда на порогѣ желанія воспитывать такихъ дѣтей нормально въ общегражданскихъ заведеніяхъ. Государству никакой нѣтъ выгоды или интереса, чтобы въ паспортѣ матери стояло „дѣвица“. И маленькое административное распоряженіе, чтобы при рожденіи ребенка перемѣнялся матери ея паспортъ, съ прописью въ немъ имени, отчества и фамиліи, безъ обозначенія „замужняя“ или „дѣвица“, съ припискою: „при ней дѣти такія-то“ (одни имена, конечно безъ прибавленія слова „незаконнорожденные“), успокоитъ чрезвычайно много тревогъ. Нужно замѣтить, вся эта область чрезвычайно наболѣла. Общество и населеніе уже до того привыкли мучить такихъ матерей, что законъ, неизмѣримо вознесшійся воззрѣніемъ своимъ надъ уровнемъ грубыхъ и распространенныхъ воззрѣній, спасетъ взятыхъ имъ подъ свою защиту отъ всякихъ маленькихъ неловкостей, неудобствъ, всю муку которыхъ не въ силахъ оцѣнить посторонній и знаютъ подлинно только эти матери. Законъ сдвинулъ скалу. Остается ее полировать. Мы убѣждены, что реформы касательно дѣтей и женщинъ у русскихъ станутъ однимъ изъ лучшихъ со временемъ украшеній нашего законодательства.

Говоря о „полировкѣ“ скалы, мы говоримъ не о пустомъ. Нужно закону повести за собою общество: нужно, чтобы законъ привился въ населеніи и началъ спасительно, въ отношеніи женщинъ и дѣтей, дѣйствовать. Только тогда населеніе воспитательныхъ домовъ разрѣдится и наконецъ исчезнетъ, а притоны, какъ Скублинской, будутъ воспоминаніемъ прошлаго безъ возможности въ настоящемъ. Вотъ почему къ ранѣ „незаконнаго рожденія“, которую вѣка разѣдала насмѣшка, придется еще годы прикладывать вату, лечить ее осторожно, пока она совсѣмъ не закроется. Ужасная эта рана выкидывала изъ себя въ одну сторону дѣтубійство, въ другую—проституцію. Дѣвушки гибли сами и губили дѣтей, не въ силахъ будучи бороться съ осужденіемъ. Чашка воды, брошенная на землю, только расплещется, но брошенная на раскаленную плиту -- она брызнетъ парами и кипяткомъ. Такимъ образомъ незамѣтное для закона и для общества осужденіе, по степени возбужденности въ этой точкѣ совѣсти, будетъ спо-

собно производить все еще прежнее ужасное и роковое дѣйствіе, гибель юныхъ существъ.

Дѣти офицеровъ и солдатъ.

Всѣ помнить, что Санчо-Панчо, остроумный и вѣрный оруженосецъ Донъ-Кихота, на нѣкоторое время былъ сдѣланъ губернаторомъ острова, и что въ краткіе дни воображаемой власти онъ проектировалъ многія мѣры улучшенія. Между ними не было распоряженія, но могло-бы быть, чтобы и имущество вѣноподданныхъ не спускалось ниже милліона: „а у кого меньше окажется, у того конфисковать то, что есть“. На такой необыкновенно благожелательный законъ капля въ каплю походить семейное право цѣлой Европы, сводящееся къ допущенію единственной и наилучшей формы брачныхъ отношеній: „союзъ единого съ единою на всю жизнь, счастливый“. Я прибавилъ-бы къ этому пожеланію только еще слѣдующее: „чтобы до старости брачующіеся, вставая отъ ложа, находили передъ утреннимъ самоваромъ пшеничный свѣжій хлѣбъ съ надпясью: *поздравляемъ*“. Но какъ въ поздравленіи этомъ, такъ и въ благожелательномъ законѣ, есть одинъ почти незамѣтный недостатокъ: онъ не указываетъ, какимъ-же образомъ вступить въ такой бракъ: 1) кому это запрещено закономъ-же. 2) кому это нельзя по тысячѣ частныхъ могущественныхъ причинъ.

Между тѣмъ, въ порывѣ благодѣяній, законъ не допускалъ ни компромисовъ, ни *дробей счастья*. Онъ сурово обрекалъ „на сломъ“ всякую семью, которая не походила полнотою формъ на идилію Авраама и Сары. Ничего *половинчатого*, ничего *неполного*, ничего *временного* въ отношеніяхъ мужчины и женщины онъ не допускалъ. Кромѣ, впрочемъ, голаго нуля—проституціи. „Или милліонъ, или нищенская сума“. Проституція и кафе-шантанное загрязненіе улицъ явились отвѣтомъ на это. Правила о дѣтяхъ, внѣ церковнаго брака рожденныхъ, которыя имущественно и фамиліино усваиваются матери и образуютъ материнскую семью, важны не гуманною своею стороною, или не одною ею, а тѣмъ, что вносятъ порядокъ и законъ туда, гдѣ ранѣе не было ни порядка, ни закона (иначе какъ отрицательнаго). Они устанавливають и санкціонируютъ семейное состояніе „ниже милліона цѣною“, которое на вѣсахъ государства и общества составляетъ положительное богатство. Правиль этихъ собственно давно и вопіюще требовало распоряженіе, отодвинувшее бракъ офицеровъ до поздняго возраста и запретившее солдатамъ вступать въ бракъ ранѣе отбыванія воинской повинности. Государство могло запретить бракъ воинамъ; но запретить семью жинщинамъ, которыя, спасая этихъ воиновъ отъ грязи и болѣзней проституціи, имѣли и имѣютъ отъ

нихъ дѣтей, этого не только не можетъ и не въ правѣ государство, но оно всячески должно-бы облегчать ихъ положеніе. Военному министерству нуженъ воинъ подвижный, готовый каждую минуту сняться съ мѣста, не привязанный, не прикрѣпленный ни къ чему, кромѣ службы. Но въ „дѣвственности“ этихъ воиновъ начальство не заинтересовано, да и не предполагаетъ ея. Государству предстояло громко о нихъ произнести: „пусть эти довольствуются проституціей; въ случаѣ-же къ ней отвращенія, пусть пользуются слабостью дѣвушекъ“. Государство, однако, упиралось; и хотя очевидно, что ничего третьяго произвести тутъ нельзя, оно не пачкало своихъ законовъ подобнымъ указаніемъ. Но что-же случилось? Черезъ это государство перелагало всю невыносимую тяжесть со своихъ могучихъ и безличныхъ плечъ на слабыя и личныя, отвѣчающія плечи частныхъ людей, именно женщинъ. Государство молчало, а частный человѣкъ долженъ былъ выбирать. Государству трудно было выговорить слово. А каково-же крестьянкѣ, мѣщанкѣ, чиновницѣ, дворянкѣ (мы знаемъ такихъ, имѣющихъ дѣтей именно отъ военныхъ) было сдѣлать то, о чемъ стыдно сказать въ законѣ слово? Можно сказать, государство слишкомъ себя берегло и слишкомъ не берегло частныхъ людей. Его репутатіе было сохранено, законы были чисты какъ весталка; но лицо частныхъ людей именно въ мѣру этого замарывалось самымъ невозможнымъ образомъ,—замарывалось тѣмъ обременительнѣе, чѣмъ полнѣе было молчаніе закона о всякихъ случаяхъ семьи, кромѣ единственной допущенной: „полнаго церковнаго брака, единаго на всю жизнь“. И вотъ рождались и рождаются дѣти отъ солдатъ, отъ офицеровъ, и выбрасывались кто куда, въ помойную яму или въ Воспитательный домъ, не только безъ вины своей, но и безъ всякой рѣшительно вины родителей, которымъ некуда дѣваться.

Дѣти умирали въ сущности отъ того, что законъ самъ ихъ стыдилъ. „Ну, стыдятся меня—тогда я умру“. Пусть застыдится мужъ своей жены (законной)—она удавится; то же мужъ, если жена будетъ стыдиться его какъ мужа. Человѣческая деликатность, это благородное и нѣжное качество, не выносить, когда человѣка человѣкъ стыдится, и деликатный человѣкъ предпочитаетъ умереть, нежели стыдить ближняго своимъ существованіемъ. Но незаконнаго ребенка; и его родителей всѣ стыдили. Какъ-же имъ было не умереть?! А если принять во вниманіе, что они родились „виѣ закона“ ради службы отечеству своихъ отцовъ, которое эти отцы любятъ, которое они защищаютъ, умрутъ за него если не завтра, то послѣ-завтра, то какъ опредѣлить и выразить ужасъ того, что дѣти такихъ служилыхъ людей—кто съ камнемъ на шеѣ въ воду, кто въ Воспитательный домъ? Законъ о материнствѣ даетъ этому выходъ. Онъ обнимаетъ вовсе не одни

случаи „соблазненныхъ дѣвицъ“, а главнымъ образомъ утаиваемыя связи, во главѣ всего офицеровъ и солдатъ, а затѣмъ и другихъ дробой населенія въ аналогичномъ или близкомъ положеніи. Передача дѣтямъ фамилии матери и наслѣдства послѣ нея разламываетъ своды катакомбъ брака (давно пора произнести это слово) и выводитъ на воздухъ и свѣтъ задыхавшихся тамъ людей,—задыхавшихся отцовъ, матерей и дѣтей.

Позволимъ себѣ маленькое историческое припоминаніе. Въ сферѣ семьи всегда надо искать прецедентовъ,—для покоя и такъ сказать счастья совѣсти. Въ библейскія времена (см. „Мишна“, отдѣлъ „Жены“) было установлено, что, становясь женою, невѣста иногда давала жениху записку, что не только не будетъ отъ него требовать содержанія, одежды и прокормленія, но сама будетъ трудомъ своимъ кормить его. Это относилось къ молодымъ людямъ, „идеалистамъ“, всецѣло преданнымъ изученію Писанія. У насъ это перекинуто на воиновъ. Юридическіе крючки семьи зацѣпливаются за плечи матери, когда отцу почему-либо юридически, а не физиологически семья невозможна.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, разъ съ новыми правилами рожденіе дѣтей такихъ входитъ „въ законъ“, урегулировано „закономъ“, они, конечно, становятся „законными“. Собственно неясный и невѣрный терминъ „незаконныя дѣти“ проистекалъ отъ того, что вовсе никакого не было закона о ихъ рожденіи. Дѣти предполагались рождающимися единственно при наличности полныхъ обстоятельствъ церковнаго брака; внѣ его никакихъ дѣтей вовсе не предполагалось, хотя государство хорошо знало, что они есть (Воспитательные дома). Рожденіе ихъ входило въ такую-же хронику случайностей, какъ уличный дебошъ, разбитыя стекла въ трактирѣ или кража со взломомъ. Итакъ, это было „внѣ закона“. Это собственно болѣе полицейскій терминъ, нежели юридическій. Теперь не сохраняется никакихъ болѣе причинъ для его удержанія, ибо всѣ такъ рождаемыя суть „рождающіяся по правиламъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта“.

Къ читателю.

Вопросъ о супружествѣ, о дѣтяхъ, семьѣ—конечно не только не конченъ здѣсь, но онъ едва продвинулся на вершокъ (въ темахъ *незаконнорожденности* и *развода*), когда ему предстоитъ пройти еще версты; и, во-первыхъ—пройти *теоретически*, а во-вторыхъ—*законодательно*. Прощаясь съ добрымъ читателемъ, я хотѣлъ-бы найти въ немъ *друга* своимъ мыслямъ, изложеннымъ въ этихъ томахъ, изложеннымъ робко, первоначально, какъ бываютъ неувѣренны шаги дитяти, приучающагося ходить. Но едва кладя перо *редактора* этихъ томовъ, я беру его какъ *писатель*, чтобы продолжать вопросъ, особенно неизмѣримый въ своей теоретической части, на страницахъ повременной печати. Открытіе журнала „Новый путь“, общавшаго мнѣ значительный просторъ для темъ о семьѣ, дозволяетъ надѣяться, что я доведу тамъ вопросъ до требуемой закругленности: но это—уже матерьялъ для третьяго и послѣдующихъ томовъ „Семейнаго вопроса въ Россіи“. Боткинъ нѣкогда издавалъ „Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней“. Мой „Семейный вопросъ въ Россіи“, въ мечтаемыхъ размѣрахъ и границахъ, есть именно начало подобнаго-же обширнаго, сложнаго и разнообразнаго изданія: какъ бы созданіе новой отрасли философскихъ исканій и практической озабоченности. Я вѣрю, что кто *любитъ*—въ концѣ концовъ *побѣждаетъ*, и кто *заботится*—опять-же въ концѣ концовъ *побѣждаетъ*. Мнѣ выпало на долю, или можетъ быть указано было Богомъ, сказать такъ *пространно* и такъ *многолѣтне* о всѣхъ сторонахъ супружества (см. книги: „Религія и культура“, въ ея второй половинѣ, и особенно: „Въ мѣрѣ неяснаго и не рѣшеннаго“), что самая *любовь* моя и *пристальность* къ темѣ внушаютъ надежду, что если при жизни я былъ чернорабочимъ этой темы, можетъ быть загробно возьму скипетръ въ ней. Въ концѣ концовъ—я даю *серію* рѣшеній вопроса, выраженныхъ въ *условной* формѣ: „возьмешь *то*—получишь *это*“, „возьмешь *другое*—найдешь *третье*“. И уже по обширному арсеналу заготовленныхъ рѣшеній въ настоящемъ какъ бы „Архивѣ семейныхъ болѣстей русскаго народа“,—всякій, даже и законодатель, раньше чѣмъ подумать вновь о семьѣ и какой-нибудь ея детали, поищетъ, не заготовлено-ли уже чего-нибудь объ этой детали въ „Сем. вопр. въ Россіи“. Итакъ, до будущихъ надеждъ, до будущихъ успѣховъ, читатель; не смѣю сказать, по зрѣлости возраста, до слѣдующихъ томовъ...

В. Р.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Дѣти Солнца... какъ они были прекрасны!..

Я уже поставилъ „finis“ къ книгѣ въ „Письмѣ къ читателю“, когда новое сильное впечатлѣніе какъ бы дало еще послѣдній, заключительный и болѣзненный, аккордъ изложеннымъ здѣсь мыслямъ о семьѣ. Аккордъ этотъ—поразительный рассказъ профессора московской духовной академіи, по кафедрѣ каноническаго права, Н. А. Заозерскаго, о томъ, „какъ онъ гулялъ разъ вечеромъ по Москвѣ“, при „хорошей погодѣ“, и что онъ увидѣлъ, и „какъ почувствовалъ въ своемъ добромъ сердцѣ“. Рассказъ помѣщенъ въ статьѣ знаменательнаго смысла: „*На чемъ основывается церковная юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ*“,—полемиической въ отношеніи приведеннымъ у насъ статьямъ (см. выше) изъ „Церковнаго Вѣстника“. Въ ней онъ высокоумно спрашиваетъ: „неужели наступаетъ время передать разводъ свѣтскимъ судамъ и черезъ это пошатывать 1.000—лѣтнюю теорію и практику, по которой разводъ всегда находится въ рукахъ духовенства“. Рассказъ помѣщенъ въ концѣ майскаго (за май мѣс.) отдѣла статьи, печатавшейся за 1902 г. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, органѣ Моск. Дух. академіи:

„Года два—три тому назадъ мнѣ случилось быть на Московскомъ Калитниковскомъ кладбищѣ. Въ сопровожденіи одного изъ священниковъ кладбищенской церкви я долго ходилъ по этому кладбищу, разсматривалъ его разнообразныя могильныя памятники. Это было въ срединѣ мая; погода стояла чудная, подлинно майская; пріятнаго настроенія, ею навѣяннаго, не въ силахъ было одолѣть и это поле костей человѣческихъ (т. е. „не кладбище одолѣло пріятность прогулки, но прогулка одолѣла грусть кладбища“, пишетъ, нѣроятно уже покушавшій, и послѣ обѣда прогуливавшійся профессоръ В. Р.),—итакъ: „не въ силахъ было преодолѣть поле костей человѣческихъ, покоящихся подъ зеленѣющими холмиками могилъ съ водруженными на нихъ крестами, изящными памятниками, иногда утопавшими въ цвѣтахъ и вѣвкахъ. Мирнымъ

покоемъ покоятся эти кости не только въ уютныхъ, но иногда комфортабельныхъ уголкахъ. Эти уголки навѣщаются признательными родичами; здѣсь льются ихъ слезы печали, признательности, благодарности, здѣсь возносятся, съ кадилльнымъ дымомъ священника, пламенная молитвы къ небу о дарованіи новой блаженной жизни мирно покоющимся въ этихъ уютныхъ и комфортабельныхъ уголкахъ (NB: что-то есть завистливое въ повторяемомъ словѣ: „комфортабельныхъ“, и можетъ быть мы доскажемъ мысль автора указаніемъ, что „какъ воалито было муро драгоценное на ноги Спасителя, такъ и это убранство не полезнѣ-ли было бы употребить на отдѣлку казенныхъ квартиръ преподавателей Моск. дух. академіи“, хотъ того-же сироты. Заозерскаго? В. Р.) Прочъ уныніе, прочъ безнадежность! Эти умершіе—здѣсь временные поселенцы-дачники, отправившіе сюда, въ свои дачи (каково?! это—о кладбищѣ! В. Р.), въ сопровожденіи милыхъ сердцу родныхъ и друзей, ими благословляемые и взаимно получившіе предсмертное благословеніе усопшихъ. Но вотъ я и спутникъ мой подошли къ краю огромнаго кладбища; по ту сторону кладбищенской межи открылась чудная панорама окраинъ Москвы, но внутри, по эту сторону межи, предъ нами рядъ холмовъ, изъ которыхъ два—три—недавно насыпанные. „Что это за холмы“, спросилъ я священника.—„Это могилы младенцевъ изъ Воспитательнаго дома“,—отвѣчалъ онъ.

— Сколько-же ихъ тутъ, подъ каждымъ холмомъ?

— Много, но не знаю сколько—отвѣчалъ онъ. Обыкновенно намъ присылаютъ отъ времени до времени по нѣскольку ящичковъ закупоренныхъ ящичковъ съ трунками и мы, не раскупоривая, отпѣваемъ и хоронимъ ихъ въ общей могилѣ.

— Но какъ же вы отпѣваете, не зная, что въ этихъ закупоренныхъ ящичкахъ?

— Намъ каждый разъ присылается именной препроводительный списокъ этихъ младенцевъ: по этому списку мы и отпѣваемъ. (NB, замѣчательно, что оба торопливо спрашиваютъ и отвѣчаютъ, „какже при этомъ нашъ церковный обрядъ“? В. Р.)

„Эта грустная повѣсть священника навѣяла на насъ обоихъ тяжелое настроеніе и мы воспѣшили оставить кладбище.

„Съ тѣхъ поръ къ видѣннымъ мною холмамъ вѣроятно присоединились новые. Конечно, они, какъ и прежніе, скрываютъ подъ собою трупы младенцевъ—плоды незаконныхъ связей лицъ, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, были и есть осужденные § 253 устава Духовной Консистоіи на всегдашнее безбрачіе, или же только устрашенные этимъ закономъ и, не имѣя дара воздержанія (да что имъ, къ каучуковымъ трубкамъ, что-ли, предпшеть консисторія прибѣгать? В. Р.), сохраняя фиктивное законное супружество, вступали въ кратковременныя преступныя связи, и препоручали Воспитательному дому надъ плодами этихъ связей создать холмы Калитниковскаго кладбища.

„Пусть-же эти холмы послужатъ вещественными доказательствами непригодности кары, состоящей въ осужденіи на всегдашнее безбрачіе лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи святости брака прелюбодѣніемъ, въ имѣющихъ, по выраженію архіепископа Теофана, дара воздержанія.

„Проектируемая нами въ настоящихъ статьяхъ замѣна такой кары спитимъею и покаяніемъ имѣетъ въ виду не ослабленіе силы евангельскаго закона: *женящійся на прелюбодѣйницѣ—прелюбодѣйствуетъ*, а только смягченіе наказанія за нарушеніе его, съ цѣлью сдѣлать иго Христова удобовосимымъ и приостановить увеличеніе могилъ безвинныхъ мучениковъ—младенцевъ“ (стр. 85—86, майская книжка „Богословск. Вѣстн.“).

Мнѣ кажется, лѣтописи Тацита вздрогнули-бы отъ такой страницы; извергнули бы ихъ, какъ невозможныя и для языче-

ства. Поразительно, что пѣвецъ поетъ здѣсь про „загородную прогулку свою“ съ такими деталями описанія, явно любясь и на способность свою къ эстетическимъ эмоціямъ, и на доброту свою, что вотъ онъ, профессоръ каноническаго права, „подвинулся въ сердцѣ“ и, видите-ли, „разрѣшилъ“ или проводить мысль о „возможности разрѣшать“ вступать въ бракъ родителямъ этихъ дѣтей, — и въ послѣднемъ случаѣ конечно оставить ихъ у груди своей, а не относить въ Воспитательный Домъ. И вотъ, прочтя эту „добродѣтельную“ страницу, взволнованный, я открылъ Достоевскаго и его знаменитый (однако, *есть-ли* и знаютъ его?) „Сонъ смѣшного чѣловѣка“, который тоже цитирую... Ибо описанный здѣсь „полетъ на новую землю“, къ инымъ богамъ и людямъ, къ иному Солнцу, такъ неотстранимо стучится въ душу послѣ чтенія и Заозерскаго, да пожалуй и послѣ всѣхъ репликъ и споровъ этого двухъ-томнаго изданія. Господь съ ними, съ Дерновымъ, и съ Заозерскимъ. Ни возродить *ихъ*, ни возрождаться съ ними *самому*—невозможно. Да и не хочется. Не нужно. „Новое! новое! новаго, новаго!“—вотъ крикъ сердца, неудержимый. Неужели мы станемъ „реформировать Кормчую“! Боже, да вѣдь *откуда-же* она? есть *ся корни*. Вѣрно *погасла* наша земля, умерла *планета* наша! И тогда конечно—къ новому, къ новому!

...„Это было въ мрачный, самый мрачный вечеръ, какой только можетъ быть. Дождь лилъ весь день и это былъ самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже грозный дождь, я это помню, съ явной враждебностью къ людямъ; но въ одиннадцатомъ часу онъ пересталъ, и началась страшная сырость, сырѣе и холоднѣе, чѣмъ когда дождь шелъ, и отъ всего шелъ какой-то паръ, отъ каждаго камня на улицѣ и изъ каждаго переулка, если заглянуть въ него въ самую глубь, по дальше, съ улицы. Мнѣ вдругъ представилось, что еслибъ потухъ вездѣ газъ, то стало-бы отраднѣе, а съ газомъ грустнѣе сердцу, потому что онъ все это освѣщаетъ...

„Я поднялся въ мой пятый этажъ. Комната у меня бѣдная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеенчатый диванъ, столъ, на которомъ книги, два стула и покойное кресло, старое—престарое, но зато вольтеровское. Я сѣлъ, зажегъ свѣчку и сталъ думать. Рядомъ, въ другой комнатѣ, за перегородкой, продолжался содомъ... Я сижу всю ночь, и, право, не слышу сосѣдей: до того о нихъ забываю. Я вѣдь каждую ночь не сплю до самого разсвѣта и вотъ уже такъ годъ. Я просиживаю всю ночь у стола въ креслахъ и ничего не дѣлаю. Книги читаю я только днемъ. Сижу и даже не думаю, а такъ, какіе-то мысли бродятъ, а я ихъ пускаю на волю. Свѣчка сгораетъ въ ночь вся. Я сѣлъ у стола тихо, вынулъ револьверъ, положилъ передъ собою. Когда я его положилъ, то, помню, спросилъ себя: „такъ-ли“? и совер-

шенно утвердительно отвѣтилъ себѣ: „такъ“. То-есть застрѣлюсь. Я зналъ, что ужь въ эту ночь застрѣлюсь навѣрно, но сколько еще просижу до тѣхъ поръ за столомъ—этого не зналъ...

...„Вопросы, у меня мелькавшіе, были теперь праздные и лишніе, такъ какъ револьверъ лежалъ уже передо мною, и я всѣмъ существомъ моимъ зналъ, что *это* будетъ навѣрно; но мысли горячили меня и я бѣсился. Я какъ-бы уже не могъ умереть теперь, чего-то не разрѣшивъ предварительно. Словомъ—вопросами я отдалялъ выстрѣлъ. Между тѣмъ за перегородкой стало все утихать: сосѣди кончили въ карты, и устраивались спать, а пока ворчали и лѣнливо доругивались. Вотъ тутъ-то я вдругъ и заснулъ, чего никогда со мной не случалось прежде, за столомъ въ креслахъ. Я заснулъ совершенно мнѣ непримѣтно. Сны, какъ извѣстно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется съ ужа-сающею ясностью, а черезъ другое перескакиваешь, какъ бы не замѣчая вовсе, напр., черезъ пространство и время. Сны, кажется, стремить по желаніе, не голова, а сердце... И вотъ, мнѣ приснился тогда этотъ сонъ, мой сонъ 3-го ноября. Всѣ дразнить меня сойчасъ тѣмъ, что вѣдь это былъ только сонъ. Но неужели не все равно, сонъ или нѣтъ, если сонъ этотъ возвѣстилъ мнѣ Истину? Ну, и пусть—сонъ, и пусть; но эту жизнь, которую всѣ такъ превозносятъ, я хотѣлъ погасить самоубійствомъ, а сонъ мой, сонъ мой—о, онъ возвѣстилъ мнѣ новую, великую, обновленную, сильную жизнь!

„Слушайте.

„Я сказалъ, что заснулъ незамѣтно, и какъ бы даже продолжая разсуждать о тѣхъ-же матеріяхъ. Вдругъ приснилось мнѣ, что я беру револьверъ, и, сидя, наставляю его прямо въ сердце,—въ сердце, а не въ голову. Наставивъ въ грудь, я подождать секунду или двѣ, и свѣчка моя, столъ и стѣна передо мною вдругъ задвигались и заколыхались. Я поскорѣе выстрѣлилъ.

„Боли я не почувствовалъ, но мнѣ представилось, что съ выстрѣломъ моимъ все во мнѣ сотряслось и все вдругъ потухло и стало кругомъ меня ужасно черно. Я какъ будто ослѣпъ и онѣмѣлъ. И вотъ я лежу на чѣмъ-то твердомъ, протянутый, навзничъ, ничего не вижу и не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Кругомъ ходятъ и кричатъ, баситъ капитанъ, визжитъ хозяйка,—и вдругъ опять перерывъ, и вотъ уже меня несутъ въ закрытомъ гробѣ. И я чувствую, какъ колыхается гробъ, и разсуждаю объ этомъ, и вдругъ меня въ первый разъ поражаетъ идея, что вѣдь я умеръ, совсѣмъ умеръ, знаю это и не сомнѣваюсь, не вижу и не двигаюсь, а между тѣмъ чувствую и разсуждаю. Но я скоро мирюсь съ этимъ, и по обыкновенію, какъ во снѣ, принимаю дѣйствительность безъ спору. И вотъ мяня зарываютъ въ землю. Всѣ уходятъ, я одинъ, совершенно одинъ. Я не движусь. Всегда,

когда я прежде на яву представлялъ себѣ, какъ меня похоронять въ могилѣ, то собственно съ могилой соединялъ лишь одно ощущеніе—сырости и холода. Такъ и теперь я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, особенно концамъ пальцевъ на ногахъ, но больше ничего не почувствовалъ.

„Я лежалъ и; странно—ничего не ждалъ, безъ спору принимая, что мертвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени,—часъ или нѣсколько дней, или много дней. Но вотъ вдругъ, на лѣвый закрытый глазъ мой упала просочившаяся черезъ крышку гроба капля воды, за ней черезъ минуту другая, затѣмъ черезъ минуту третья, и такъ далѣе и такъ далѣе, все черезъ минуту. Глубокое негодование загорѣлось вдругъ въ сердцѣ моемъ, и вдругъ я почувствовалъ въ немъ физическую боль. „Это рана моя“, подумалъ я, „это выстрѣлъ, тамъ пуля“. А капля все капала, каждую минуту, и прямо на закрытый мой глазъ. И я вдругъ воззвалъ, не голосомъ, ибо былъ недвижимъ, но всѣмъ существомъ моимъ къ Властителю всего того, что совершалось со мною:

— „Кто бы Ты ни былъ, но если Ты есть, и если существуешь что нибудь разумнѣе того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здѣсь. Если же Ты мстишь мнѣ за неразумное самоубійство мое—безобразіемъ и нелѣпостью дальнѣйшаго бытія, то знай, что никогда и никакому мученію, какое бы ни постигло меня, не сравниться съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я буду молча ощущать хотя бы въ продолженіи милліоновъ лѣтъ мученичества!“

„Я возвалъ и смолкъ. Цѣлую почти минуту продолжалось глубокое молчаніе, и даже еще одна капля упала; но я зналъ, я безпредѣльно и ненарушимо зналъ и вѣрилъ, что непременно сейчасъ все измѣнится. И вотъ вдругъ разверзлась могила моя. То есть я не знаю, была-ли она раскрыта и раскопана, но я былъ взятъ какимъ-то темнымъ и неизвѣстнымъ мнѣ существомъ и мы очутились въ пространствѣ. Я вдругъ прозрѣлъ. Была глубокая ночь—и никогда, никогда еще не было такой темноты! Мы неслись въ пространствѣ уже далеко отъ земли. Я не спрашивалъ того, который несъ меня, ни о чемъ, я ждалъ и былъ гордъ. Я увѣрялъ себя, что не боюсь, и замиралъ отъ восхищенія при мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись и не могу представить: совершалось все такъ, какъ всегда во снѣ, когда перескакиваешь черезъ пространство и время и черезъ законы бытія и разсудка, и останавливаешься лишь на точкѣ, о которыхъ грезить сердце. Я помню, что вдругъ увидалъ въ темнотѣ одну звѣздочку. „Это Сиріусъ?“—спросилъ я, вдругъ не удержавшись, ибо я не хотѣлъ ни о чемъ спрашивать.—„Нѣтъ, это та самая звѣзда, которую ты видѣлъ

между облаками, возвращаясь домой“,—отвѣчало мнѣ существо, уносившее меня. Я зналъ, что оно имѣло какъ бы ликъ человѣческой¹⁾. Странное дѣло, я не любилъ это существо, даже чувствовалъ глубокое отвращеніе²⁾. Я ждалъ совершеннаго небытія и съ тѣмъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце. И вотъ я въ рукахъ существа, конечно не человѣческаго, но которое *есть*, существуетъ: „А, стало быть, есть и за гробомъ жизнь“!—подумалъ я съ страннымъ легкомысліемъ сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубинѣ: „И если надо *быть* снова“—подумалъ я,—„и жить опять по чьей-то неустрашимой волѣ, то не хочу, чтобъ меня побѣдили и унизили“!—„Ты знаешь, что я боюсь тебя и за то презираешь меня“,—сказалъ я вдругъ моему спутнику, не удержавшись отъ унижительнаго вопроса, въ которомъ заключалось признаніе, и ощутивъ, какъ уголь булавки, въ сердцѣ моемъ униженіе мое. Онъ не отвѣтилъ на вопросъ мой, но я вдругъ почувствовалъ, что меня не презираютъ, и надо мной не смѣются, и даже не сожальютъ меня³⁾, и что путь нашъ имѣетъ цѣль неизвѣстную и таинственную, и касающуюся одного меня. Страхъ нарасталъ въ моемъ сердцѣ. Что-то нѣмо, но съ мученіемъ собшалося мнѣ⁴⁾ отъ моего молчащаго спутника и какъ бы проникало меня. Мы неслись въ темныхъ и невѣдомыхъ пространствахъ. Я давно уже пересталъ видѣть знакомыя глазу созвѣздія. Я зналъ, что есть такія звѣзды въ небесныхъ пространствахъ, отъ которыхъ лучи доходятъ на землю лишь въ тысячи лѣтъ. Можетъ быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждалъ чего-то въ страшной измучившей мое сердце тоскѣ. И вдругъ какое-то знакомое и въ высшей степени зовущее чувство сотрясло меня: я увидѣлъ вдругъ наше солнце! Я зналъ, что это не могло быть наше солнце, породившее *нашу* землю, и что мы отъ нашего солнца на безконечномъ разстояніи, но я узналъ по-

1) Достоевскій въ этомъ мѣстѣ текста ничего не вспоминалъ; но замѣчательно, что въ самой *терминологіи* совпалъ съ *Апокалипсисомъ* и *Иезекилемъ*: „оно имѣло какъ бы ликъ человѣческой“ (паразитично, что не просто „человѣческой“) сказано тамъ объ одномъ изъ четырехъ животныхъ передъ Престоломъ Божиимъ, оно-же есть и херувимъ. *В. Р—въ.*

2) Здѣшнее, земное отношеніе, чувство земныхъ феноменальныхъ существъ, какимъ остается еще самоубійца съ пережиткомъ прежнихъ идей, къ существамъ вовсе иного міра, къ ноуменамъ. При взглядѣ, при близости ихъ—содрогается: „не люблю! даже *чувствую отвращеніе*“ *В. Р—въ.*

3) Категория отношеній „того свѣта“ (=ноумена) къ намъ; „надо“, а не „хорошо“. *В. Р—въ.*

4) Прониканіе „иными мірами“ начинаются, „иные міры“ войдутъ въ насъ на подобіи какъ теплота входитъ въ холодное тѣло, или какъ сладкое волненіе—въ равнодушное: только острѣе и кристалличѣе (не столь аморфно). Мы ихъ сперва чувствуемъ себѣ, какъ дорогое, но *за стѣною поставленное*. Потомъ стѣна—отодвинется „и все откроется новымъ, но предчувствованнымъ“. *В. Р—въ.*

Фиг. 6.

чему-то, всё́мъ существомъ моимъ. что это совершенно такое же солнце, какъ и наше. повтореніе его и двойникъ его. Сладкое зовущее чувство зазвучало восторгомъ въ душѣ моей: родная сила свѣта, того же, который родилъ меня, отозвалась въ моемъ сердцѣ и воскресила его, и я ощутилъ жизнь, прежнюю жизнь, въ первый разъ послѣ моей могилы.

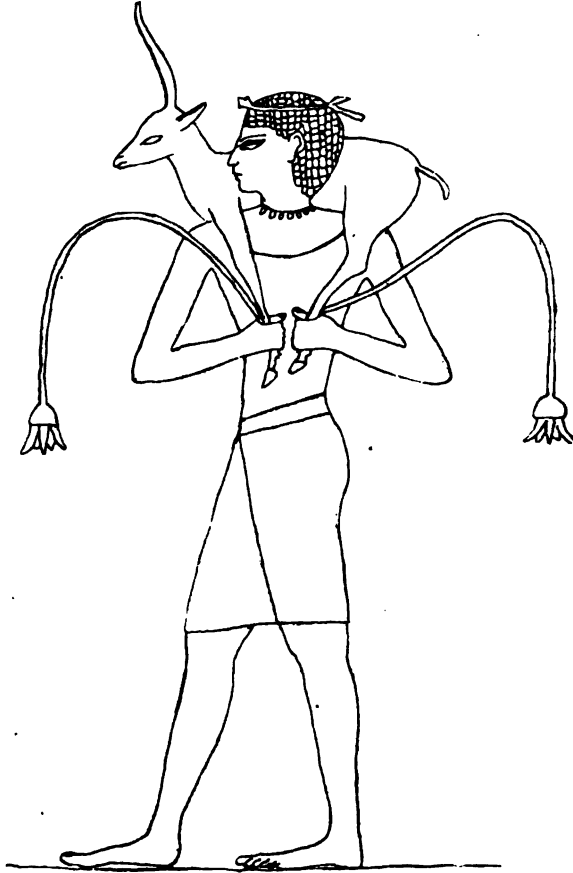
— „Но если это солнце, если это совершенно такое же солнце, какъ наше, вскричалъ я, то гдѣ же земля?“ И мой спутникъ указалъ мнѣ на звѣздочку, сверкавшую въ темнотѣ изумруднымъ блескомъ. Мы неслись прямо къ ней. — „И неужели возможны такія повторенія во вселенной, неужели таковъ природный законъ? И если это тамъ земля, то неужели она такая же земля, какъ и наша... совершенно такая же, несчастная. бѣдная, но дорогая и вѣчно любимая, и такую же мучительную любовь рождающая къ себѣ въ самыхъ неблагодарныхъ даже дѣтяхъ своихъ, какъ и наша?“.. вскрикивалъ я, сотрясаясь отъ неудержимой, восторженной любви къ моей родной прежней землѣ, которую я покинулъ. Образъ бѣдной дѣвочки, которую я обидѣлъ, промелькнулъ передо мною. — „Увидишь все“, отвѣтилъ мой спутникъ, и какая-то печаль послышалась въ его словѣ. Но мы быстро приближались къ планетѣ. Она росла въ глазахъ моихъ, я уже различалъ океанъ, очертанія Европы, — и вдругъ странное чувство какой-то великой, святой ревности возгорѣлось въ сердцѣ моемъ: „какъ можетъ быть подобное повтореніе и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставилъ, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрѣломъ въ сердце мое погасилъ мою жизнь. Но никогда, никогда не переставалъ я любить ту землю, и даже въ ту ночь, разставаясь съ ней, я, можетъ быть, любилъ ее мучительнѣе, чѣмъ когда либо. Есть-ли мученіе на этой новой землѣ? На нашей землѣ

мы истинно можем любить лишь съ мученіемъ и только черезъ мученіе! Мы иначе не умѣемъ любить и не знаемъ иной любви. Я хочу мученія, чтобы любить. Я хочу, я жажду, въ сію минуту, цаловать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставилъ, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!“

„Но спутникъ мой уже оставилъ меня. Я вдругъ, совсѣмъ какъ бы для меня незамѣтно, сталъ на этой другой землѣ въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго, прелестнаго какъ рай дня. Я стоялъ, кажется, на одномъ изъ тѣхъ острововъ, которые составляютъ на нашей землѣ Греческій Архипелагъ, или гдѣ-нибудь на прибрежьи материка, прилегающаго къ этому Архипелагу. О, все было точно такъ же, какъ у насъ, но, казалось, всюду сіяло какимъ-то праздникомъ и великимъ, святымъ и достигнутымъ, наконецъ, торжествомъ. Ласковое, изумрудное море тихо плескало о берега ¹⁾ и ло-

¹⁾ Фиг. 6 передаетъ часть стѣнной живописи изъ внутренности въ пирамидѣ *Гизеги*, построенной при четвертой династии такъ наз. „древняго царства“ (около 2½ тысячъ лѣтъ до Р. Х.). *Томъ* египетскихъ рисунковъ вообще до поразительной точности совпадаетъ съ *тономъ* разсказа Достоевскаго, хотя послѣдній кажется ни разу въ своихъ сочиненіяхъ даже не произнесъ слово „Египетъ“ и вообще едва-ли что зналъ о немъ. Рисунокъ—вполнѣ паразителенъ, и ни одного подобнаго мы не находимъ во всемъ уже похолодѣвшемъ, уже только эстетичномъ искусствѣ грековъ. Только на первыхъ страницахъ *Библии*, въ исторіяхъ Іакова и Іосифа, мы находимъ въ *словъ* эту-же теплоту. Пастухи, чистые какъ боги (ихніе) простерли каждый правую руку свою надъ спиной животныхъ,—какъ-бы имъ покровительствуя, какъ-бы ихъ благословляя. Въ лѣвой сторонѣ—отдѣльная семья коровъ; теленокъ-бычекъ идетъ такъ, что головой касается чрева матери, ея вымя—дотрагивается спины его, а задняя часть его туловища вся помѣщена между ея ногъ: полная связь сына и матери, близость—столь наглядно выраженная! Вспомнишь Библейское: „не вари козленка въ молокѣ его матери“,—что уже непонятно намъ, да и грекамъ было непонятно. Судя по сложенію головы, быкъ-отецъ—тутъ-же, и всѣ трое, около любящихъ человѣковъ, связаны въ узелъ взаимнаго вниманія и ощущенія. Но самое удивительное—далѣе. Нигдѣ во всей всемірной живописи я не встрѣтилъ изображенія животнаго, положившаго голову свою, позволю сказать—*лицо* свое, на спину и родного и друга, рядомъ стоящаго животнаго: здѣсь-же не одно, но *всѣ* животныя, какъ-бы возлегли съ лаской головами другъ на друга. Изъ ощущеній—зрѣніе есть самое объективное и холодное; мы только *видимъ* предметъ, но не воспринимаемъ его. Усвоеніе объекта совершается черезъ *осознаніе* и *обоняніе*—и эти чувства глубже, позволю сказать—священнѣе. Образуются *токи* между объектомъ и субъектомъ; вотъ почему природу можно слушать, припавъ (осазательно) къ ней ухомъ, а глазомъ ея пульса не схватишь. Здѣсь все, и животныя и люди, соединены осазательно въ одинъ пульсъ. И они чувствуютъ другъ друга съ глубиной, намъ недоступной. Взаимное чувство и пониманіе породило ласку: животныя не боятся человѣка-животнообразнаго, человѣкъ не притѣсняетъ животныхъ человѣкообразныхъ. Все растопилось, потекло въ среднемъ, промежуточномъ. Человѣкъ еще беретъ вымя козы и пьетъ изъ него, козочка беретъ грудь женщины и кормится отъ нея. Температура человѣчества, точнѣй—планеты 29° по Реомюру; тепло,

бызало ихъ съ любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокія, прекрасныя деревья стояли во всей роскоши своего цвѣта, а безчисленныя листочки ихъ, я убѣжденъ въ томъ, при-

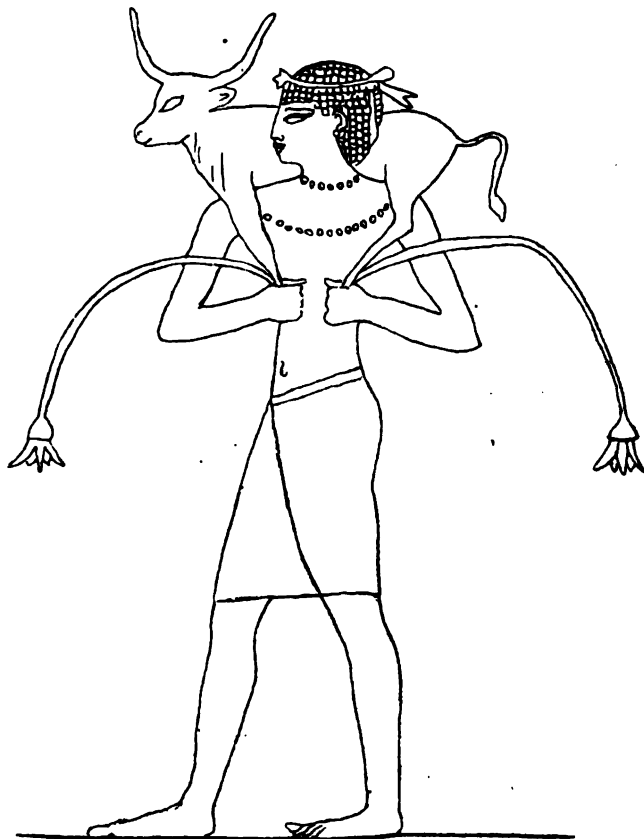

Фиг. 7.

вѣтствовали меня тихимъ, ласковымъ своимъ шумомъ, и какъ бы выговаривали какія-то слова любви. Мурава горѣла яркими аро-

почти жарко—всѣ скинули одежды, нѣтъ „кожаныхъ препоясаній“. (*Бытiе*, 4). У насъ температура уже 3° тепла: холодно, жмемъ; заперлись въ каменныхъ домахъ, надѣли шубы. Для животныхъ устроили бойни, сказываютъ—комфортабельныя и гигиеничныя, чтобы „миѣ не заразиться“. Но, сказываетъ таже статистика и медицина—зараза все распространяется, болѣзни не знаю откуда берутся. И сколько мы ни пьемъ изъ пузырьковъ „стерилизованной крови“—все хирѣемъ и замираемъ

матными цвѣтами. Птички стадами перелетали въ воздухъ и, не боясь меня, сѣлились мнѣ на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками ¹⁾. И, наконецъ, я

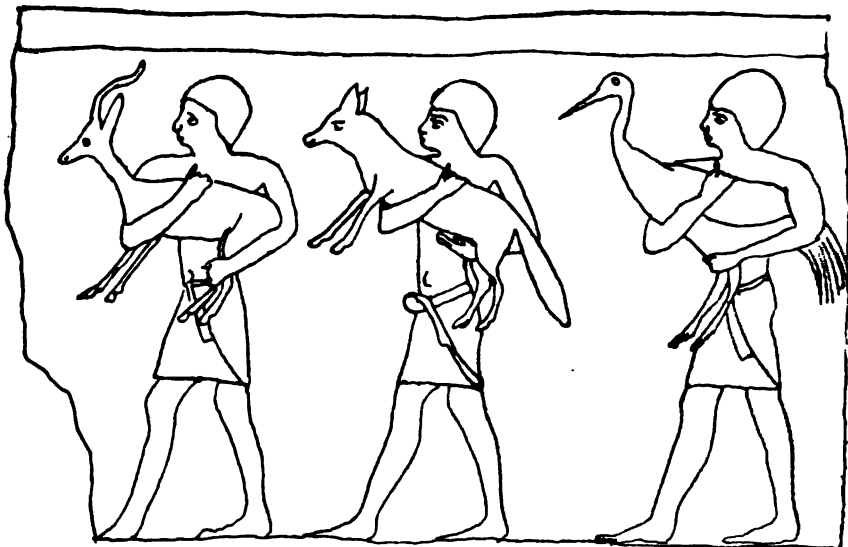
Фиг. 8.

увидѣлъ и узналъ людей счастливой земли этой. Они пришли ко мнѣ сами, они окружили меня, цаловали меня. Дѣти солнца, дѣти

„Холодно, холодно!“—и близко исполненіе глагола: „когда благовѣстіе пронесется до послѣднихъ предѣловъ земли—тогда *охладетъ въ людяхъ любовь*“. Ибо чѣмъ насыщеннѣе они станутъ словами „словомъ“, *Λογος*: тѣмъ рѣже станутъ *ослзательно* припадать ухомъ къ груди животныхъ, пить изъ нихъ міровую тешлоту; „колесница Іезекііля“ (въ его видѣніи)—расхлябается, рассыплется. *В. Р—въ.*

¹⁾ Фигуры 7 и (ниже) 8 заимствованы изъ изданія *Росселлини*: „Памятники древняго Египта“. Опять здѣсь—ласка человѣка къ животнымъ.

своего солнца,—о, какъ они были прекрасны! Никогда я не видывалъ на нашей землѣ такой красоты въ человѣкѣ. Развѣ лишь въ дѣтяхъ нашихъ, въ самые первые годы ихъ возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблескъ красоты этой. Глаза этихъ счастливыхъ людей сверкали яснымъ блескомъ. Лица ихъ сияли разумомъ и какимъ-то восполнившимся уже до спокой-

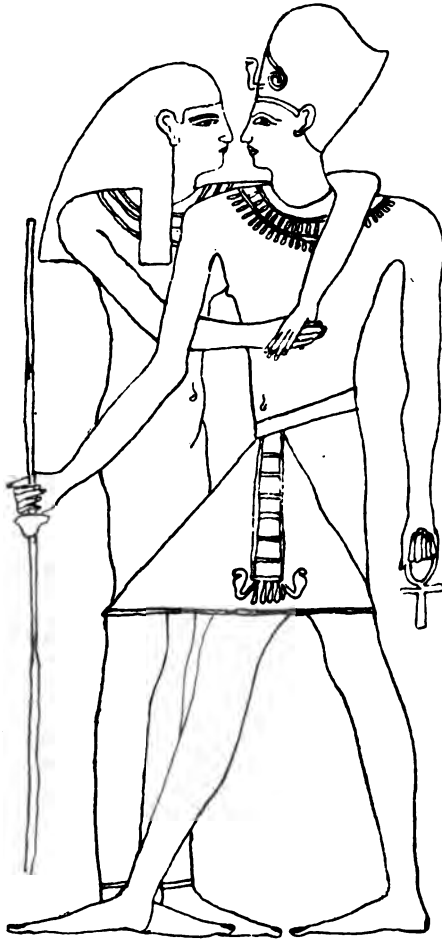
Фиг. 9.

ствія сознаниемъ, но лица эти были веселы; въ словахъ и голосахъ этихъ людей звучала дѣтская радость. О, я тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на ихъ лица, понялъ все, все! Это была земля

Человѣкъ поднимать ихъ на рамена свои—и нестеть, какъ мы поступаемъ только съ своими дѣтьми. Человѣкъ почувствовалъ какъ-бы родительство свое въ отношеніи животныхъ („нарекъ имена имъ“—въ *Библии*). законъ обереганія ихъ, во всякомъ случаѣ—пощады имъ (*охоты* какъ и *войны*—не было; охота какъ и война—„трефа“, запрещенное, заклятое). Судя по лѣвой части рисунка на фиг. 6, египтяне изображали теленка-агнца безагогимъ: здѣсь въ фиг. 8 взята, судя по развитію рогъ, корова въ полномъ возрастѣ. Такъ какъ коровъ подобнаго вида не знаетъ ни зоологія, ни палеонтологія, то здѣсь въ живописи скорѣй представлена мечта человѣка, желаніе его *сердца*: то, что у насъ зовутъ „идеаломъ“. Человѣкъ держитъ рукою, вмѣстѣ съ ногой животнаго, и по цвѣтку. „Такъ-бы я повесилъ на раменахъ своихъ всю природу: ибо *вся* она родила меня и я—сынъ ея“. Я забылъ оговориться выше, что по *разуму* человѣкъ есть какъ-бы *отецъ* животныхъ, попечитель ихъ; а генетически, какъ продуктъ 6-го дня творенія, онъ есть *сынъ* ея: и ему присуще и равно истинно то *усмысливаться* къ животнымъ и цвѣтамъ, также—къ звѣздамъ, то—*возродительствовать* въ линіи къ первымъ двумъ (= садиться на

не оскверненная грѣхопадениемъ, на ней жили люди не согрѣшившіе, жили въ такомъ же раю, въ какомъ жили, по преданіямъ всего человѣчества, и наши согрѣшившіе прародители, съ тою только разницей, что вся земля здѣсь была повсюду однимъ и тѣмъ же раемъ. Эти люди, радостно смѣясь, тѣснились ко мнѣ и ласкали меня; они увели меня къ себѣ и всякому изъ нихъ хотѣлось успокоить меня. О, они не спрашивали меня ни о чемъ, но какъ бы все уже знали, такъ мнѣ казалось, и имъ хотѣлось согнать поскорѣе страданіе съ лица моего.

„Видите-ли что, опять таки: Ну, пусть это былъ только сонъ! Но ощущение любви этихъ невинныхъ и прекрасныхъ людей ¹⁾ осталось во мнѣ навѣки, и я чувствую, что ихъ любовь изливается на меня и теперь оттуда. Я видѣлъ ихъ самъ, ихъ позналъ и убѣдился; я любилъ ихъ, я страдалъ за нихъ потомъ. О, я тотчасъ же понялъ, даже тогда, что во многомъ не пойму ихъ вовсе; мнѣ, какъ современному русскому

Фиг. 10.

тронъ родительства). Ниже, въ фиг. 9, мы видимъ на рукахъ—*лисицу!* животное, въ наши времена не прирученное, не приручимое, совершенно дикое и хищное. Это открываетъ, что дѣйствительно черезъ гармонизацію въ человѣкѣ „левъ еще лежалъ около овцы“ въ то время. Правая рука несущаго охватываетъ лисицу полнымъ круговымъ охватомъ, а лѣвая—держитъ брюшко ея, пройдя между лапами—*тахитумъ* вѣжности и ласки, какъ ее можно высказать въ дѣйствительности или передать въ живописи! Эта девятая фигура также заимствована изъ изданія атласа *Росселини. В. Р—въ.*

¹⁾ Фигура 10 какъ и 11 передаютъ юныхъ египтянъ въ любящемъ

прогрессисту и гнусному петербуржцу, казалось неразрѣшимымъ то, напримѣръ, что они, зная столь много, не имѣютъ нашей науки. Но я скоро понялъ, что знаніе ихъ восполнялось и питалось иными проникновеніями, чѣмъ у насъ на землѣ, и что стремленія ихъ были

Фиг. 11.

тоже совсѣмъ иныя. Они не желали ничего и были спокойны, они не стремились къ познанію жизни такъ, какъ мы стремимся сознать ее,

ласканіи. Разсмотримъ подробности. Въ фиг. 9 женщина или дѣвушка обняла мужа или юношу, очевидно встрѣченнаго. Лѣвую руку она перебросила черезъ плечо его, правую провела подъ мышками, и встрѣтившись ими—образовала кольцо около него. Нѣтъ еще никакихъ жестовъ ласканія, и они остановились, просто любясь другъ другомъ. Нельзя передать лучше невиннаго состоявія людей до грѣхопаденія: на ней вовсе нѣтъ одежды, на немъ—поясъ, къ которому прикрѣплена занавѣсъ съ изображеніями, о смыслѣ которыхъ можно догадываться. Онъ имѣетъ фигуру треугольника—намъ привычнаго геометрическаго чертежа, изображающаго *любовь* и *рожденіе*, связь *двухъ* линий (стороны треугольника) черезъ *одну* (основаніе треугольника), какъ черезъ *одного* ребенка свяжутся *четыре* его родителей. Какъ черезъ семью восходитъ человекъ „куда-то туда“, къ „звѣздамъ“ что-ли, къ „небу“—такъ внутри треугольника изображена лѣтвица (см. въ *Бытіи* сонъ Іакова). Внизу прикрѣплены три кисточки: это *цицесы* (кисти на 4-хъ краяхъ, по подолу одежды, у евреевъ) и вѣроятно они были также какъ у евреевъ изъ голубой, ме-

потому что жизнь ихъ была восполнена. Но знаніе ихъ было глубже и высшее, чѣмъ у нашей науки, ибо наука наша ищетъ объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтобы

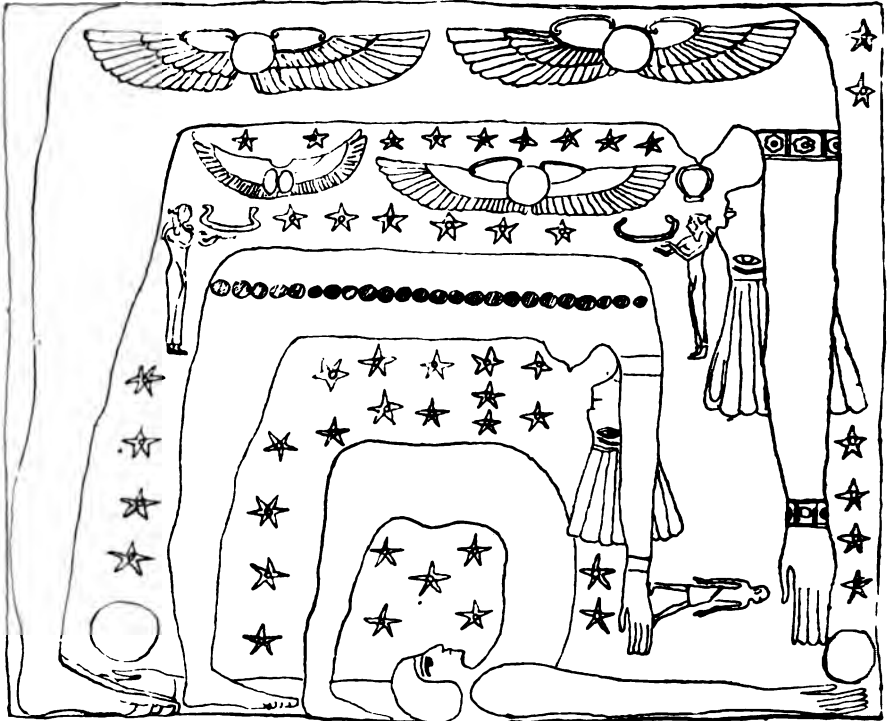

Фиг. 12.

научить другихъ жить; они же и безъ науки знали, какъ имъ жить, и это я понималъ, но я не могъ понять ихъ знанія. Они ука-

беснаю цвѣта, шерсти, и изъ зеленой — цвѣта растеній. Что значать частые въ Египтѣ *приподнятыя* головки змѣвъ — трудноѣ сказать. Они разбросаны всюду, иногда кучками, рядами. Вспоминается „мѣдный змій“ въ пустынь израильтянъ. Но что онъ значить — трудноѣ сказать: судя по положенію занавѣса, не выражали-ли имъ, просто какъ очеркомъ фигуры, безъ всякаго указанія именно на *змѣя*, находящійся за занавѣсью *genitor*? — На фиг. 11 при всей некрасивости лицъ, — нельзя не обратить вниманія на чрезвычайную нѣжность оборота и ласки ихъ: этотъ жестъ *поддерживанія подбородка* — онъ не извѣстенъ вовсе былъ грекамъ! Судя по едва сказывающимся формамъ — это мальчикъ и дѣвочка, только что перешедшіе изъ дѣтства въ отрочество. Формы едва выдѣляются — и первой кромкой поднялась заря любви. Эту раннюю ея фазу, какъ-бы первый день рожденной луны — и схватили египтяне въ рисунокъ. В. Р.—въ.

зывали мнѣ на деревья свои, и я не могъ понять той степени любви, съ которою они смотрѣли на нихъ, точно они *говорили съ собою подобными существами* ¹⁾). И знаете, можетъ быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили съ ними! Да, они нашли ихъ

Фиг. 13.

языкъ и я убѣжденъ, что тѣ понимали ихъ. Такъ смотрѣли они и на всю природу,—на животныхъ, которыя жили съ ними мирно, не нападали на нихъ и любили ихъ, побѣжденные ихъ же лю-

¹⁾ Фиг. 12 представляетъ мужа и жену: оба держатъ въ рукахъ по цвѣтку; она—вдыхаетъ изъ него запахъ. Отчего мы любимъ запахъ цвѣтовъ—никто не знаетъ; ибо что онъ *приятенъ* намъ—это механизмъ причинной связи, *орудіе* исполненія факта, смыслъ коего вовсе неизвѣстенъ. Думаю, однако, я, что какъ въ *мизѣ* предуставлены все цвѣта, въ вервѣ обоняющемъ заложена сумма *предчувствій* нужныхъ запаховъ: и тѣ, которые тамъ заложены—и *приятны* намъ, вдыхаются: они—живительны, отъ „древа жизни“. Запахъ черезъ каналцы осязательно касается мозга, и рождаетъ образы, желанія: родить именно тѣ, какіе нужны столь явно *думающей* природѣ. Передъ сидящими—дерево: стволъ его раскрылся и изъ него выходитъ человеческое существо, и протягиваетъ на блюду—

бовью. Они указывали мнѣ на звѣзды и говорили о нихъ со мною о чемъ-то, чего я не могъ понять, но я убѣжденъ, что они какъ бы чѣмъ-то соприкасались съ небесными звѣздами, не мыслью только, а какимъ-то живымъ путемъ ¹⁾). О, эти люди и не добивались, чтобы я понималъ ихъ, они любили меня и безъ того, но за то я зналъ, что и они никогда не поймутъ меня, и потому почти и не говорилъ имъ о нашей землѣ. Я лишь цаловалъ при

Фиг. 14.

нихъ ту землю, на которой они жили, и безъ словъ обожалъ ихъ самихъ, и они видѣли это и давали себя обожать, не стыдись, что я ихъ обожаю, потому что много любили сами. Они не стра-

фрукты и листья; невозможно челоѣкообразнѣе, одушевленнѣе представить отношеніе челоѣка къ дереву и наоборотъ. Это — поэзія Гете

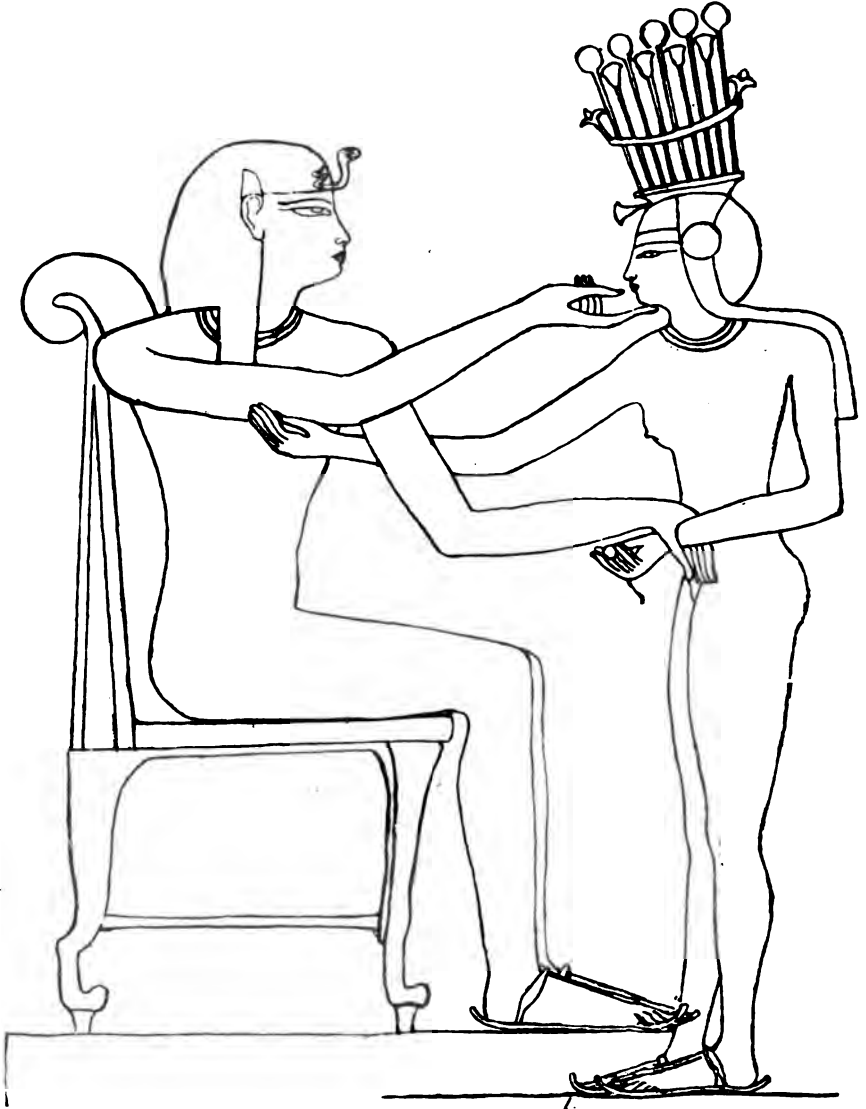
Тихія долины

Полны свѣжей мглой...

сказанная за 5000 лѣтъ до Гете. В. Р—въ.

¹⁾ Фиг. 13 и 14 представляютъ живописныя осложненія, возникнуть не могшія бы безъ жизненнаго, животнаго, такъ сказать безъ нервнаго и мускульнаго чувства звѣзднаго неба. Свились-ли звѣзды здѣсь *вокругъ челоѣка*, какъ-бы опустясь на землю, или „ликъ челоѣческой“ былъ вознесенъ туда: получилась группа звѣздно-челоѣческая, животное-звѣздная. До сихъ поръ ясная ночь волнуетъ кровь юныхъ. Почему?—Никто не знаетъ! Буря должна-бы волновать болѣе—но нѣтъ этого! Ясно, что въ *свѣтъ* звѣздъ есть нѣчто, еще не раскрытое: алфавитъ буквъ, еще никѣмъ не прочитанный. Какъ прилегши ухомъ и щекой къ боку коровы, мы слушаемъ токи всей природы *до челоѣка*, такъ смотря въ звѣзды, мы сомнамбулически погружаемся въ общеніе съ природою *послѣ челоѣка*. Что это такое—никто не знаетъ, но всѣ чувствуютъ. В. Р—въ.

дали за меня, когда я, въ слезахъ, порою цаловалъ ихъ ноги,
радно зная въ сердцѣ своемъ, какою силой любви они мнѣ

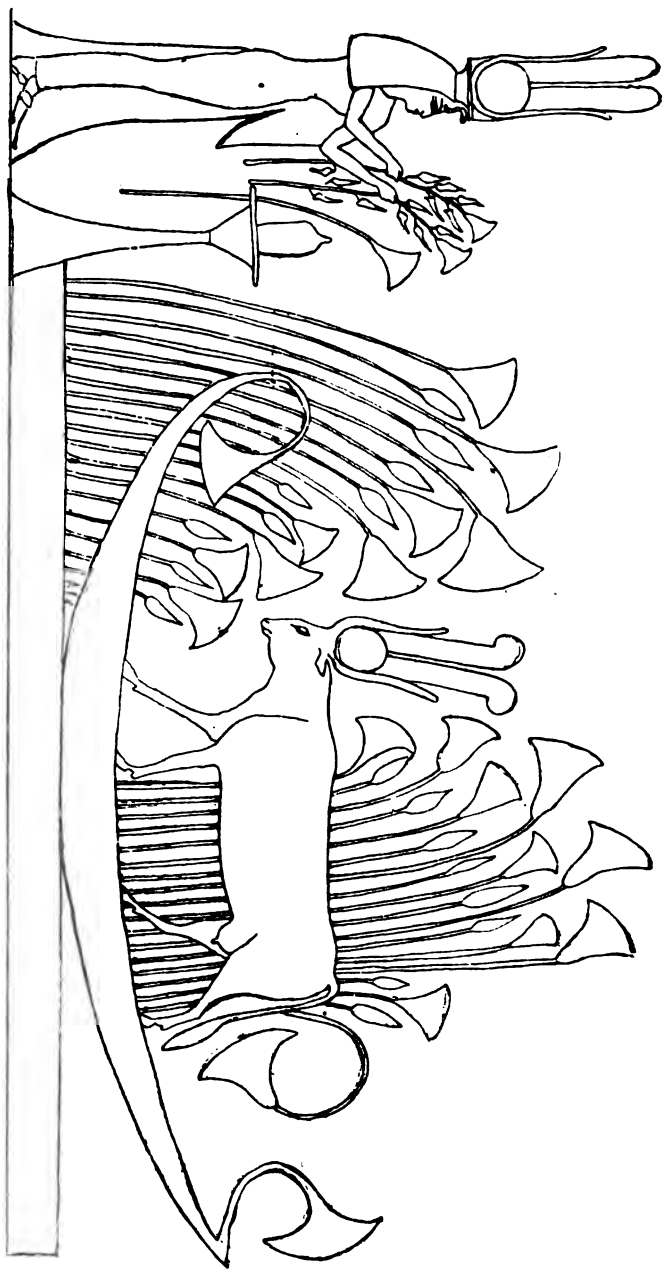

Фиг. 15.

отвѣтять. Порою я спрашивалъ себя въ удивленіи: какъ могли
они, все время, не оскорбить такого, какъ я, и ни разу не

возбудить въ такомъ, какъ я, чувства ревности и зависти? Много разъ я спрашивалъ себя, какъ могъ я, хвастунъ и лжецъ, не говорить имъ о моихъ познаніяхъ, о которыхъ, конечно, они не имѣли понятія, не желая удивить ихъ ими, или хотя бы только изъ любви къ нимъ? — Они были рѣзвы и веселы какъ дѣти. Они блуждали по своимъ прекраснымъ рощамъ и лѣсамъ, они пѣли свои прекрасныя пѣсни, они питались легкою пищею, плодами своихъ деревьевъ, медомъ лѣсовъ своихъ, и молокомъ ихъ любившихъ животныхъ. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного и слегка. У нихъ была любовь и рождались дѣти ¹⁾, но никогда я не замѣчалъ въ нихъ по-

¹⁾ Фиг. 15 ваята со стѣны одного египетскаго храма и воспроизводитъ рисунокъ, находящійся въ „Описаніи экспедиціи ученыхъ, сопровождавшихъ армію Бонапарта при завоеваніи Египта“, т. I, табл. 123.—Храмъ всегда есть храмъ: относится къ Богу, есть *часть религіи*. „Покажите мнѣ храмы ваши, и я уже пойму, какому вы богу молитесь: прочія разсужденія ваши и объясненія—не нужны“. *Зрѣлище* храма, просто — картина его, это и есть религія какъ *фактъ*, а не какъ *идеалъ* („нужно-бы, а нѣтъ“) или *преданіе* („намъ завѣщано, но мы не исполняемъ“). Что-же намъ открываетъ эта картина *на стѣнѣ храма*? Да воспроизведеніе „Сна смѣшного человѣка“ у Достоевскаго — и только, но этого слишкомъ достаточно. Никогда еще и нигдѣ у другихъ народовъ (между прочимъ и у халдеевъ, очевидно, слишкомъ грубыхъ, мужиковатыхъ) мы не находимъ этой ласки и граціи въ ласкѣ. „Развѣ-развѣ только полудрежоннымъ глазомъ, пробудясь утромъ, увидимъ это у поднявшихся гораздо раньше съ постелекъ дѣтей своихъ, когда они обуваются, умываются и тутъ-же начинаютъ уже игры съ куклами своими“ (мысль Достоевскаго о людяхъ новой планеты).—У египтянъ былъ какой-то *аристократизмъ* дѣтства, т. е. дѣтство было возведено въ аристократическій апофеозъ, до аристократическаго утонченія и пластики. Вотъ возьмите эту фигуру. Какъ много говоритъ палецъ, только одинъ палецъ, при отогнутыхъ назадъ трехъ, которымъ возлюбленный касается подбородка любимой дѣвушки. Ея голова—въ бутонахъ и цвѣтахъ. Возрастъ ея созрѣлъ, „поднялись груди и отросли уже волосы“, какъ говоритъ (гл. 24) у Іезекіиля Богъ о дочери израильской. Оба невинные, обнаженные: знойный *климатъ* Египта не просилъ одежду, и они бы могли явиться лишь по мотиву *стыда*, котораго еще не было. Лѣвою рукою, пройдя плечевой частью *между ея рукою и своею*, онъ держитъ ея лѣвую руку *предъ кистью*: это—покровительство, защита, это—дружба. Она, также коснувшись правою рукою его предплечья лѣвой руки, поддерживаетъ его около локтя правую. Какъ вы могли-бы придумать еще, еще увеличить нѣжность и грацію? Здѣсь она достигла предѣла. Любовь, такъ выразившуся, не стыдно было внести въ храмъ. А можетъ быть отъ того, что храмъ и предназначень былъ у египтянъ для любви, любящаго воркованія, для нѣжности этихъ волнень души—манеры любви соответственнымъ образомъ и вытянулись въ пальму, а не начали слаться по землѣ мохомъ. Дивная фата-морганя!—одно дуновение, и ты разлетѣлась! Но при полномъ штилѣ исторической атмосферы, до войны, до торговли и промышленности, до литературы и *нашей* науки—до всяческаго смятенія, смущенія, любовь и выросла до стройности молитвы и строгости религіи, однако мягкой, ласкающей, нѣжной. Все выросло какъ у дѣтей, если-бы взрослые отошли отъ нихъ и они остались одни — до конца одни; прошли-бы годы

Фиг. 16.

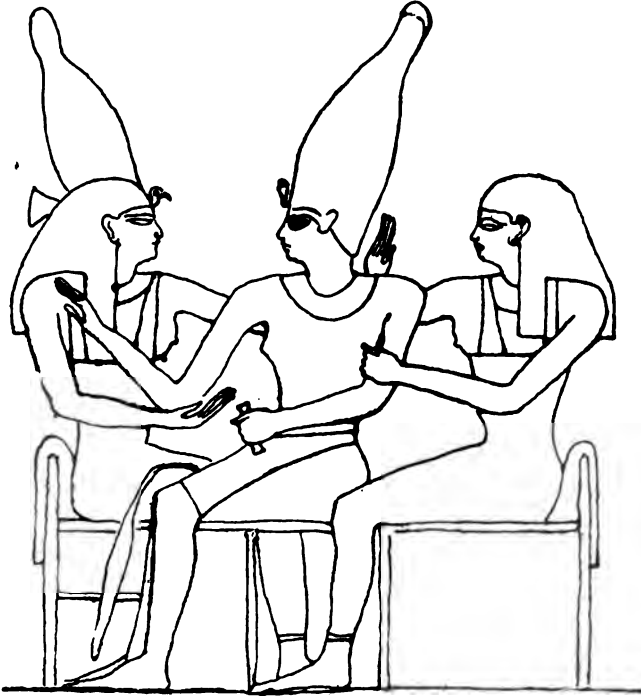
рывовъ того жестокаго сладострастія, которое постигаетъ почти всѣхъ на нашей землѣ, всѣхъ и всякаго, и служить единствен- нымъ источникомъ почти всѣхъ грѣховъ нашего человѣчества.

игра, настала иная пора, и игра безъ *перемѣны психологій* перешла-бы въ *дѣйствительно чудесный и удивляющій* феноменъ любви, которая разы- гралась-бы точь въ точь, какъ у египтянъ. Если-бы храмъ воздвигнулся, если-бы идея Бога появилась у дѣтей, то ее они отнесли-бы къ *самому уди- вляющему и сладкому моменту*—любви; и если-бы, пусть гораздо позже, они построили храмъ, то стѣны его и наполнили-бы живописью, гдѣ пере- дали-бы самыя счастливыя минуты своей жизни. Геній женщинъ осу- ществилъ-бы „osiris“а, мужской геній— „isid“у: напишемъ съ маленькихъ буквъ, потому что, конечно, это были первоначально нарицательныя имена, позднѣе при полномъ уже непониманіи превратившіяся въ соб- ственныя, въ имена какихъ-то „боговъ“, „богинь“. Наши все это поня- тія, пошлыя, позднія. Было счастье. и благодарность, и ласка; до сихъ поръ (до нашего поздняго времени!!) сохранился обычай, помолившись передъ образомъ—потомъ *поцѣловать* его!! Какая связь съ религіей „ду- ха истины“? „Истину“ не цѣлуютъ и „духъ“ не обнимаютъ. Странный атавизмъ, „рудиментарный органъ“ біологовъ, потерявшій назначеніе и употребленіе, а только *остатокъ*. Но въ то время, за тысячелѣтія до эры нашей—и были только *поцѣлуи*, и послѣ нихъ—*какъ-бы молитва* къ поцѣлованному; и затѣмъ, въ вѣкахъ, *vice-versa*, *молитва съ прибавкой* поцѣлуя и наконецъ, она *одна*. „Сіе творите въ мое воспоминавіе“, могъ- бы о ней, содружной съ собою, сказать *поцѣлуй*, когда онъ умеръ, ушелъ въ могилу, засыпался землею. Молитва осталась *одна* на землѣ, и изрѣдка-изрѣдка мы присоединяемъ къ ней и странное лобзаніе, такъ мало относящееся къ „духу и истинѣ“. Но уже этотъ поцѣлуй—„по привычкѣ, по должности“. Милые египтяне; они не только носили на рукахъ своихъ животныхъ, какъ дѣти наши — кошекъ: они, я убѣжденъ, и цѣловали ихъ, прижимали къ грудямъ своимъ. Не было еще религій у нихъ въ тяжеловѣсномъ дождливомъ смыслѣ. „по присягѣ и съ отвѣтственно- стью“; были розовыя облачныя религій, первыя. „И не разберешь, заря- ли, облако-ли“; „религія“-ли, „любовь“-ли! Какъ для фараоновъ своихъ, они устроили погребальныя катакомбы и для аписовъ: съ сложными вож- ками, склоненными головами, также завернутые въ гипсъ и напирусы, они спятъ въ тысячелѣтнихъ могилахъ. Тысячи народа за избраннымъ живот- нымъ двигались, въ цвѣтахъ, съ плодами; и ароматы, и звуки. „Ты далъ намъ плодородіе на землю, зерно плодовъ нашихъ, начатокъ деревъ нашихъ!“ И невозможно себѣ представить, чтобы они аписомъ не любовались, когда *вся* ихъ религія была любованіе и вытекала изъ любованія, была влюблен- ность и вытекала изъ влюбленности. Невозможно представить, чтобы и тысячи глазъ, съ любовью на тельца устремленныхъ, и его не преображали въ достойное любви. Вѣдь носили-же они лисицъ на рукахъ, и вѣрно тѣ ли- сицы были не злыя. Если доброта вызываетъ отвѣтно доброту (у лисицы), то и любованіе вызываетъ влюбляющій видъ. Молитва создаетъ образъ, а по- томъ уже образъ создаетъ молитву: такъ у насъ, и такъ было вѣчно. и въ отношеніи совершенно другихъ предметовъ. Столь пышныя похороны, столь заботливыя, наконецъ дорогія, не могли быть вызваны ничѣмъ, какъ дѣйствительнымъ оплакиваніемъ цѣлаго Египта—своего возлюбленнаго! „Его итъ! Его итъ!“—„Онъ найденъ вновь, утраченный!“—о смѣнѣ этихъ криковъ записалъ и Геродотъ. Въ нихъ и сущность всего. Ла- скаемый „родитель жизни“, „отецъ бытія“ въ концѣ временъ и въ са- момъ дѣлѣ началъ влечь къ ласканію; уже не они его создавали, а онъ ихъ создавалъ! Такимъ образомъ это не была преднамѣренная процес-

Они радовались являвшимся у нихъ дѣтямъ, какъ новымъ участникамъ въ ихъ блаженствѣ. Между ними не было ссоръ и не

сія, подстроенная, „нарочно“,—какъ при охлажденіи чувствъ, въ персидскую и птоломейскую эпоху, стало происходить („сіе творите въ мое воспоминаніе“). Въ „золотомъ снѣ“, за тысячелѣтія ранѣе—процессія сложилась сама изъ неудержимо притягивавшихся сюда волнъ народа, который спѣшилъ къ „мудрому избранцу“ мудрыхъ (ученыхъ и жрецовъ, они-же — юноши и дѣвы, соответственно юному отливу всей религіи). Природно избирался (опытнымъ взглядомъ, упражнявшимся тысячелѣтія) самый прекрасный, котораго всеобщая любовь доводила до апогеоза красоты; нужно замѣтить, безъ „глубинъ психологіи“ самая любовь въ то время была романтична, но менѣе спиритуалистична, болѣе физиологична (какъ безумно *до нашего времени* любить иногда очень некрасивыхъ, прямо наконецъ безобразныхъ женъ ихъ мужа, мужей ихъ жены; существуютъ вспышки страсти, очевидно физиологической, не пластической, до нашего времени, и она бываетъ обыкновенно самая безразсудная, самая неотступная и какая-то вмѣстѣ вѣчная, не преходящая). Такъ называемый „аписъ“, съ суммою тахип'ально выраженной въ немъ физиологичности, и служилъ центромъ притяженія, а вмѣстѣ и центромъ возбужденія физиологической, а однако-же вмѣстѣ и подлинно романтической, женской любви въ странѣ, какъ „изиды“—васса была такимъ-же возбуждателемъ и притяженіемъ мужской, отцовской любви. На фиг. 16 мы видимъ жертвенникъ, передъ Isis-васса поставленный,—и царственную женщину, ей приносящую цвѣты-же въ жертву. И вся она въ цвѣтахъ,—то въ распустившихся *колокольчикахъ*, то въ *бутонахъ*: „я и дѣва, и мать—какъ будетъ у грековъ ихъ *Флокс* (терминъ у Гомера) Гера, супруга и дѣва Зевса-озириса“. И вотъ въ процессіяхъ одну и другого несли въ этихъ цвѣточно-образныхъ лодкахъ, и посмотрите, какой дѣйствительно кроткій и мудрый видъ лица у изиды: скромный и тихій загибъ носа, деликатныя ноздри, молчаливыя губы. Всеобщая любовь возвела ее до граціи, да и предварительный выборъ это обезпечилъ. О юности ея говоритъ вымя, почти совершенно человѣческое (тутъ—выборъ). Вѣдь и мы напр. домашнихъ *собакъ* не всѣхъ равно любимъ: въ нихъ есть *индивидуальность*, и къ ней-то мы и привязываемся. А поискать-бы въ цѣлой странѣ, да опытнымъ египетскимъ взглядомъ: можно найти животное въ самомъ дѣлѣ почти человѣческой красоты и осмысленности, по крайней мѣрѣ—дѣтской, тѣлесно-граціозной, невинной и только чрезвычайно массивной. Къ этой массѣ дѣтства, гораздо-гораздо больше самого рослаго человѣка, и вмѣстѣ дѣтства еще болѣе невиннаго и непосредственнаго, чѣмъ у человѣческаго дитяти, — къ Дитятѣ-супругу, къ Дитятѣ-отцу производителю—и подымалось, какъ подъ смерчемъ океанъ, вмѣстѣ романтическое и физиологическое чувство цѣлаго Египта. И несся не выдуманый восторгъ, отъ города къ городу и изъ деревни въ деревню, черезъ цвѣтущія нивы, мимо высокихъ пальмъ, крикъ сказыванія другъ другу: „Онъ найденъ, Онъ найденъ, нашъ утраченный!“ И всѣ шли смотреть его, бросая плуги;—и фиміамы, и звуки, и цвѣты, и жертвы, и горячія объятія, страстные и нѣжныя поцѣлуи, и приемъ его дыханія изъ устъ. „И вдохнетъ онъ въ насъ дыханіе жизни (биологическихкихъ) душу не старящую и не умирающую“, вѣрили они. И уходили подъ своды сложныхъ какъ лабиринтъ храмовъ, громадныхъ, протяженныхъ, куда вмѣщался едва не весь народъ, и для служенія, и для какихъ-то неясныхъ „тайствъ“,—что уже не могло быть совершенно открыто и днемъ. „Я бы могъ это рассказать“,—пишетъ Геродотъ: „но священный страхъ меня удерживаетъ“. О нихъ не осталось ничего извѣст-

было ревности, и они не понимали даже, что это значить. Ихъ дѣти были дѣтьми всѣхъ ¹⁾, потому что всѣ составляли одну семью.

Фиг. 17.

У нихъ почти совсѣмъ не было болѣзней, хотя и была смерть; но старики ихъ умирали тихо, какъ бы засыпая, окруженные прощавшимися съ ними людьми, благословляя ихъ, улыбаясь имъ и

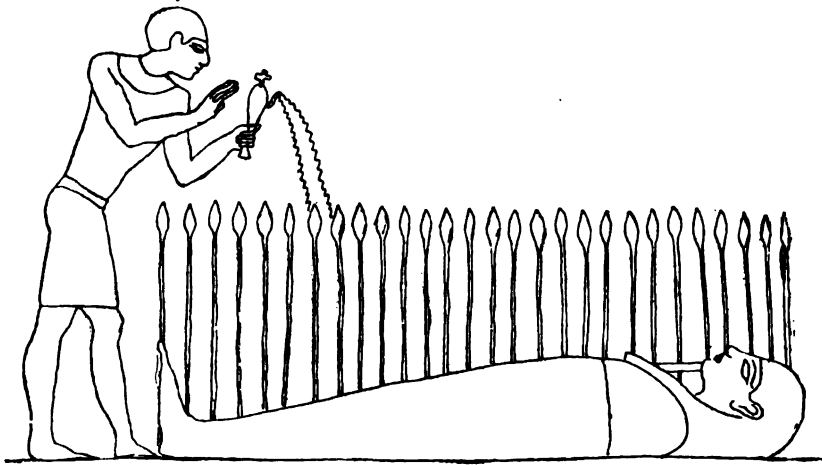
наго, и ни одно изображеніе, ни даже единственный рисунокъ ихъ не изобразилъ. Когда Пинегоръ, желая „до тонкости“ войти въ египетское изученіе, наконецъ, послѣ всѣхъ выслушанныхъ разсказовъ, едва-ли большую часть не выдуманыхъ, „попросилъ *показать* ему самыя таинства храмовъ“, ему отвѣчали, что „этого невозможно сдѣлать для небръзаннаго“. Авраамъ тоже обръзался, а до этого времени ничего особеннаго не зналъ, ничему не былъ приобщенъ. Послѣ-же этого начались и пророчества, и законодательство. *В. Р—въ.*

¹⁾ Фиг. 17 изображаетъ египетскую сцену изъ жизни XVIII династїи: гдѣ двѣ дѣвушки равно влюблены въ одного юношу. „И сказала Рахиль Іакову: войди къ Балль, служанкѣ моей, данной мнѣ отпомъ моимъ—чтобы я имѣла дѣтей черезъ нее: пусть она разрѣшится отъ бремени въ колѣна мои“ (*Бытїе*). Семья можетъ быть и эгоистичной, *вольчей*: когда она слишкомъ себя уединяетъ отъ племени и *племенности*, запи-

сами, напутствуемые ихъ свѣтлыми улыбками. Скорби, слезъ при этомъ я не видалъ, а была лишь умножившаяся какъ бы до во-

раетъ и единственную дверь на крѣпко, вмѣсто того, чтобы имѣть всѣ четыре двери (въ *хорошемъ* дому дверей должно быть четыре—по странамъ горизонта) отворенными. „Вотъ, сестра моя Сарра, мы идемъ въ Египетъ, ты же прекрасна лицомъ, а жители тамошние не равнодушны къ женской красотѣ. И возьметъ тебя Фараонъ во дворецъ свой, въ опочивальню свою: ты же скажи про меня, что я братъ твой, потому что ты и въ самомъ дѣлѣ сестра мнѣ; и будетъ мнѣ ради тебя хорошо среди служителей Фараона“. Такъ говорилъ Авраамъ,—и *продолжалъ идти въ Египетъ*. Богъ, черезъ сновидѣнне, запретилъ Фараону „познавать Сарру, уже взятую къ нему въ опочивальню: но *самъ* Авраамъ не уклонился отъ пути въ Египетъ, предвидя это. У него была привязанность не страстно-личная, всегда эгоистическая, но обще-физиологическая, однако очень теплая, нѣжная и горячая; „жестокаго сладострастія“ (всегда исключительнаго, личнаго) еще не возникло. „Я уже долго любовался на твой милый станъ—а вотъ онъ все такой-же, и даже лучше цвѣтеть: онъ не потеряетъ цвѣта своего, но еще станетъ благоуханнѣе. когда полюбуется имъ *братъ мой, возлюбленный мой* (въ тайнѣ этой психологін все дѣло), правитель этой страны“. Ни—поспѣшности, ни—экстаза. Не было—хорошо, случится—не умремъ. „Какъ воля Божія“. Капли мѣрно падаютъ съ неба; цвѣты каждый годъ расцвѣтаютъ: чело-вѣку (Аврааму) дано девяносто лѣтъ жизни; и нельзя ихъ устроить какъ одинъ день. „Сестра-служанка пусть разрѣшится мнѣ въ колѣна отъ тебя“, „братъ мой Фараонъ пусть преспитъ съ тобою“. И—ни громовъ, ни молний. Тихо струится вѣтеръ пустыни. Небо все то же, въ этомъ вѣкѣ и прошломъ. Всѣ мы братья: и исключительная красота отчего-же должна принадлежать исключительно мнѣ? Красота какъ солнце „восходить надъ добрымъ и злымъ“. Не утормляй дней, однако „и не задерживай солнца и луны“. Чувство ревности возникаетъ исключительно изъ чувства личности, *политичности*: если, вообще говоря, абсолютно общеніе не *замарываетъ чело-вѣка*, не замарываетъ *жену мою мое общеніе съ нею*, и постъ десяти лѣтъ супружества она невинна и чиста какъ въ ночь передъ бракомъ, и только стала еще глубже, психологичнѣе, полнѣе, но абсолютно-абсолютно также невинна: то отчего *въ тѣхъ-же условіяхъ и съ тою-же психологіею* (покой и истинная любовь) общеніе ея съ другимъ (но лишь-бы доносила его плодъ, это *conditio sine qua non*) сколько-нибудь вообще понизитъ ея достоинство и замараетъ ее какъ чело-вѣка или женщину?! Если не мараетъ мужъ, не мараетъ и никто; а если кто-нибудь мараетъ, мараетъ и мужъ—и тогда бракъ какъ чистое явленіе невозможенъ. Но бракъ какъ абсолютно невинное явленіе *есть, существуетъ*: Герміона, Андромаха, Пенелопа, Дездемона, тысячи прекраснѣйшихъ русскихъ женъ, болѣе невинныхъ чѣмъ всякая дѣвица—не мнѣ. Значитъ не мнѣ абсолютно невинное общеніе. Но если оно таково въ мета-физическомъ зернѣ своемъ, если общеніе *отъ приводящихъ импресси-товъ*, психологическихъ и физическихъ, невинно: то *съ устраненіемъ виновной психології и физики* оно вообще и съ каждымъ оставляетъ чело-вѣка невиннымъ-же какъ до общенія: развѣ что углубляетъ психологію и расширяетъ духъ какъ всякій бракъ. Не торопите дней и не мѣшайте 365 ихъ въ хаосъ чудовищныхъ сутокъ. Не сжимайте время. Тогда общеніе, съ зарей взошедшей любви и съ зарей погасшей любви—вытянется въ свою линію, съ цвѣткомъ и корнемъ: и она будетъ сиять *равно также* какъ линія вашей любви. Отсюда—покрывала на лицахъ у женщинъ Востока (не гадкій турецкій обычай всегдашняго покрывала:

сторга любовь, но до восторга спокойнаго, восполнившася, созерцательнаго.—Подумать можно было, что они соприкасались еще

Фиг. 18.

съ умершими своими¹⁾ даже и послѣ ихъ смерти и что земное единеніе между ними не прерывалось смертью. Они почти не по-

но и Ревекка закрылась при приближеніи незнакомыхъ мужчинъ, однако Ревекка—женщина, а двушкой она была открыта). Не нужно пробуждать желанія къ себѣ, ибо когда оно пробуждено—жестоко и уже не слѣдуетъ прерывать его. Никакая линия да не рвется („и льна курящагося да не угасить“). Отъ этого Рахиль какъ-бы помѣшавшаяся на страсти именно *родить*, ощутить скользящаго между бедръ крошечнаго ребенка, сказала мужу зачать его отъ служанки: въ ней психологическая любовь (личная, эгоистическая) или угасла, или не рождалась; и Авраамъ, уже насыщенный любовью Сарры, не надѣлъ „покрывала на лицо ея“ отъ всѣхъ. Что въ природѣ вообще это предустановлено, и нужно въ цѣляхъ какого-то строительства (я думаю — въ цѣляхъ міровой связности, сцѣпленности, о которой и въ „Снѣ“ своемъ говоритъ Д—кій),—видно изъ случаевъ неодолимо *у двухъ вспыхивающей любви къ одному, къ одной*. Въ этомъ случаѣ только строжайшимъ образомъ должна быть убрана всякая соломинка съ путей *плодородія*, т. е. никогда сѣмя и сѣмя не должны имѣть встрѣчи. Но, какъ Авраамъ относительно фараона, нужно сказать: „вотъ наступаютъ дни его, когда раньше текли мои“. Имѣя въ виду, что случаи эти развертываются съ неудержимою силою и въ наше время, и развертываются часто въ семьяхъ высшаго идеализма (здѣсь я могъ-бы назвать одну литературную семью, глубоко чтимую всею Россією, еще 40-хъ годовъ),—указываемая мною регулировка лишь вводитъ норму въ аномально текшее, порядокъ—въ хаотическое, и вотъ отчего я не могу быть осужденъ. „Всмотрись во все, особенно—чего ты не можешь смести съ лица земли“, вотъ мой принципъ. В. Р—въ.

¹⁾ Фиг. 18 (взятая у Росселливи). Намъ не приходитъ на умъ, что идея „загробной жизни“, „бессмертія души“, коей по исторіи египтяне

нимали меня, когда я спрашивалъ ихъ про вѣчную жизнь, но видимо были въ ней до того убѣждены безотчетно, что это не со-

Фиг. 19.

ставляло для нихъ вопроса. У нихъ не было храмовъ ¹⁾, но у нихъ

были первые „наобрѣтателями“ или „открывателями“, есть идея романтическая. До настоящаго времени, ужъ во всякомъ случаѣ не справляясь съ катехизисами, влюбленные *природно, сами*, съ какимъ-то *первоначальнымъ чувствомъ*, говорятъ: „встрѣча—за гробомъ“! „дальнѣйшее—тамъ“! Говорятъ въ случаѣ разлуки, неожиданной смерти, а иногда, тѣсными обстоятельствами, рѣшаясь одновременно умереть. Здѣсь (при такомъ несчастіи) у влюбленныхъ происходитъ такое смятеніе души, отчаяніе, быстрый трепетъ смѣняющихся чувствъ, что въ эту секунду „безсмертіе души“—не логика, не припоминаніе уроковъ, и вмѣстѣ не поверхностная, опровержимая догадка. Она дѣйствуетъ какъ истинякъ, и быстро какъ топоръ (въ случаяхъ одновременнаго самоубійства). Отсюда и можно объяснить, почему „тамошняя жизнь“ изначально, въ незапамятныя у человѣчества времена, окрасилась въ розовый цвѣтъ, въ „сладкое пребываніе“, а не въ пребываніе вообще, не въ какой-нибудь безразличный средней цвѣтъ. „Тамъ будутъ плоды и цвѣты, и животныя вокругъ насъ, невинныя и добрыя, и мы будемъ счастливы—вѣчно“. Все розово по колориту, ибо имѣетъ въ корнѣ своемъ бутонъ. Гораздо позднѣе, слишкомъ поздно *уже эта открывшаяся* идея „жизни тамъ“ окрасилась цвѣтами мести („тамъ васъ будутъ мучить, враги наши, мои“) или злости, бессильной здѣсь горечи („ну, хорошо: тамъ сквитаемся; кто здѣсь ѣлъ яблоки, тамъ полижетъ горячую сковороду, а кто здѣсь ѣлъ одинъ хлѣбецъ—тамъ будетъ кушать все сытное и сладкое“). Но вообще все это риторично, и мы больше увѣряемъ себя, чѣмъ вѣримъ, что „продолжимся тамъ“. Обычай усаживать могилы цвѣтами, и обставлять самый гробъ цвѣтущими-же растеніями, — опять есть „рудиментарный органъ“ той египетской биологической религіи. Здѣсь на рисунокъ и представленъ умершій: онъ весь погруженъ въ бутоны, *безъ единаго распустившагося*: они распустятся—„тамъ“! Всегда у египтянъ бутонъ и распустившійся колокольчикъ *чередуются*; но здѣсь распусканіе отнесено „туда“. Изъ сосуда со знакомъ креста надъ собой (всегда—знакъ *жизни*) льется вода: „я васъ полью, и цвѣты и усопшаго, дабы вы расцвѣли тамъ“. В. Р.—вз.

¹⁾ Когда я увидѣлъ фиг. 19, въ 11-мъ или 12-мъ томѣ „Denkmäler“

было какое-то насущное, живое и непрерывное единеніе съ Цѣлымъ вселенной; у нихъ не было вѣры, зато было твердое знаніе, что когда восполнится ихъ земная радость до предѣловъ природы земной, тогда наступитъ для нихъ, и для живущихъ и для умершихъ, еще большее расширеніе соприкосновенія съ Цѣлымъ вселенной. Они ждали этого мгновенія съ радостью, но не торопясь, не страдая по немъ, а какъ-бы уже имѣя его въ предчувствіяхъ сердца своего, о которыхъ они сообщали другъ другу. По вечерамъ, отходя къ сну, они любили составлять согласные и стройные хоры. Въ этихъ лѣсняхъ они передавали всѣ ощущенія, которыя доставилъ имъ отходящій день, славили его и прощались съ нимъ¹⁾. Они славили природу, землю, море, лѣса. Они любили

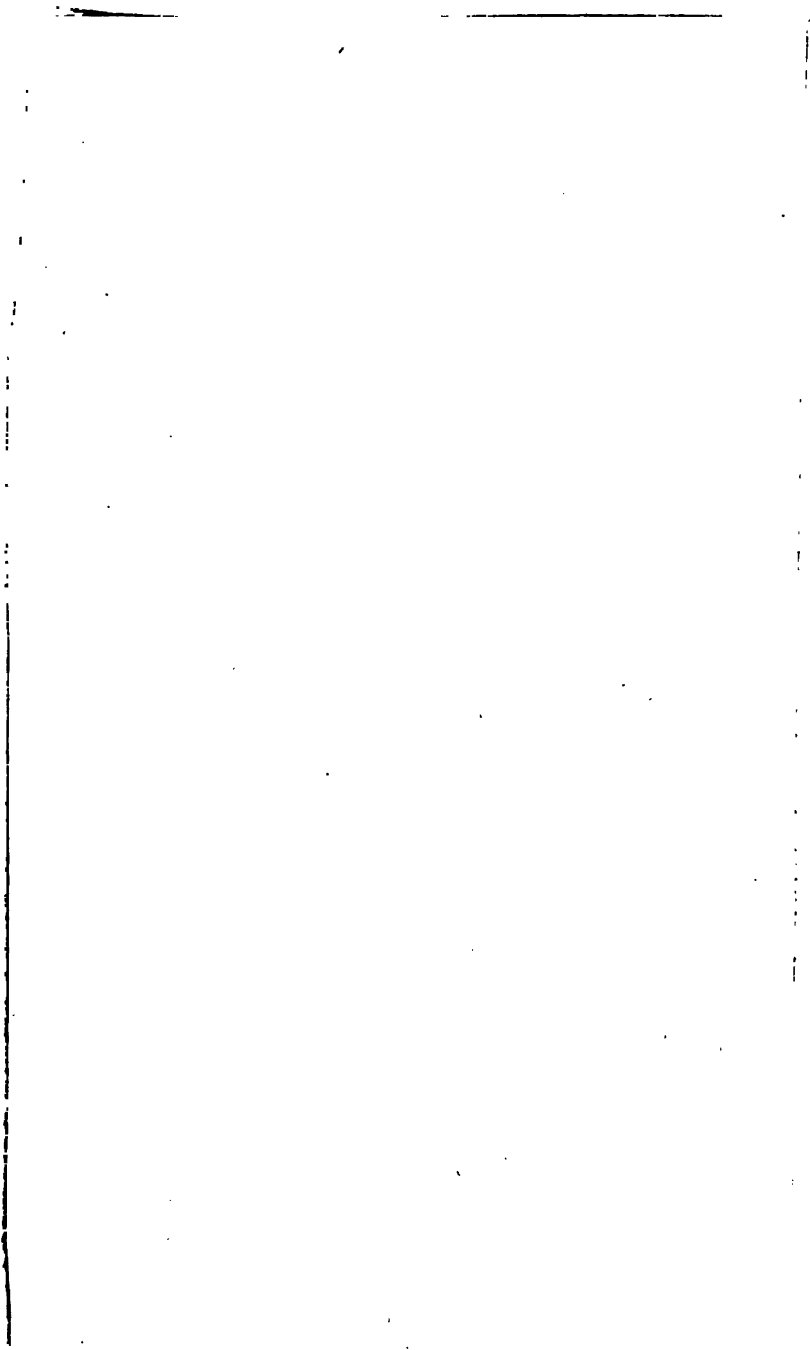
Ленсіуса, гдѣ начинается уже и христіанская живопись, я прошел мимо рисунка, сперва принявъ его именно за христіанскій. Было три часа, въ декабрь, и въ залахъ Публичной библиотеки темнѣло. Я торопился, когда изображеніе груди заставило меня усумниться, точно-ли христіанская это живопись, а затѣмъ символы въ рукахъ, *крестъ съ кольцомъ надъ нимъ*, всегдашніе египетскіе древніе символы, открыли родину и духъ рисунка. Позднѣй ужъ я замѣтилъ, въ сумеркахъ, и *урейсы*, и *луну*, и *шаръ*—на головѣ. Но вотъ полное религиозное изображеніе, совсѣмъ ужъ наше! Только средній ангелъ стоитъ на распустившемся *бутоны*: древняя *родина* всѣхъ ангеловъ, ибо—родина всего въ людяхъ ангельскаго, ангело-виднаго, ангело-образнаго. И какъ солидно изъ четырехъ крылъ два опущены долу, два подняты кверху. Рисунокъ выполненъ въ краскахъ, по золоту—и отъ красоты его невозможно оторваться. Шла уже вѣрно римская эпоха, смѣнившая птоломеевскую: ибо, повторяю, уже чередовались изображенія нацарапанныхъ на стѣнахъ изображеній, всѣмъ знакомыхъ по катакомбамъ. *В. Р—вз.*

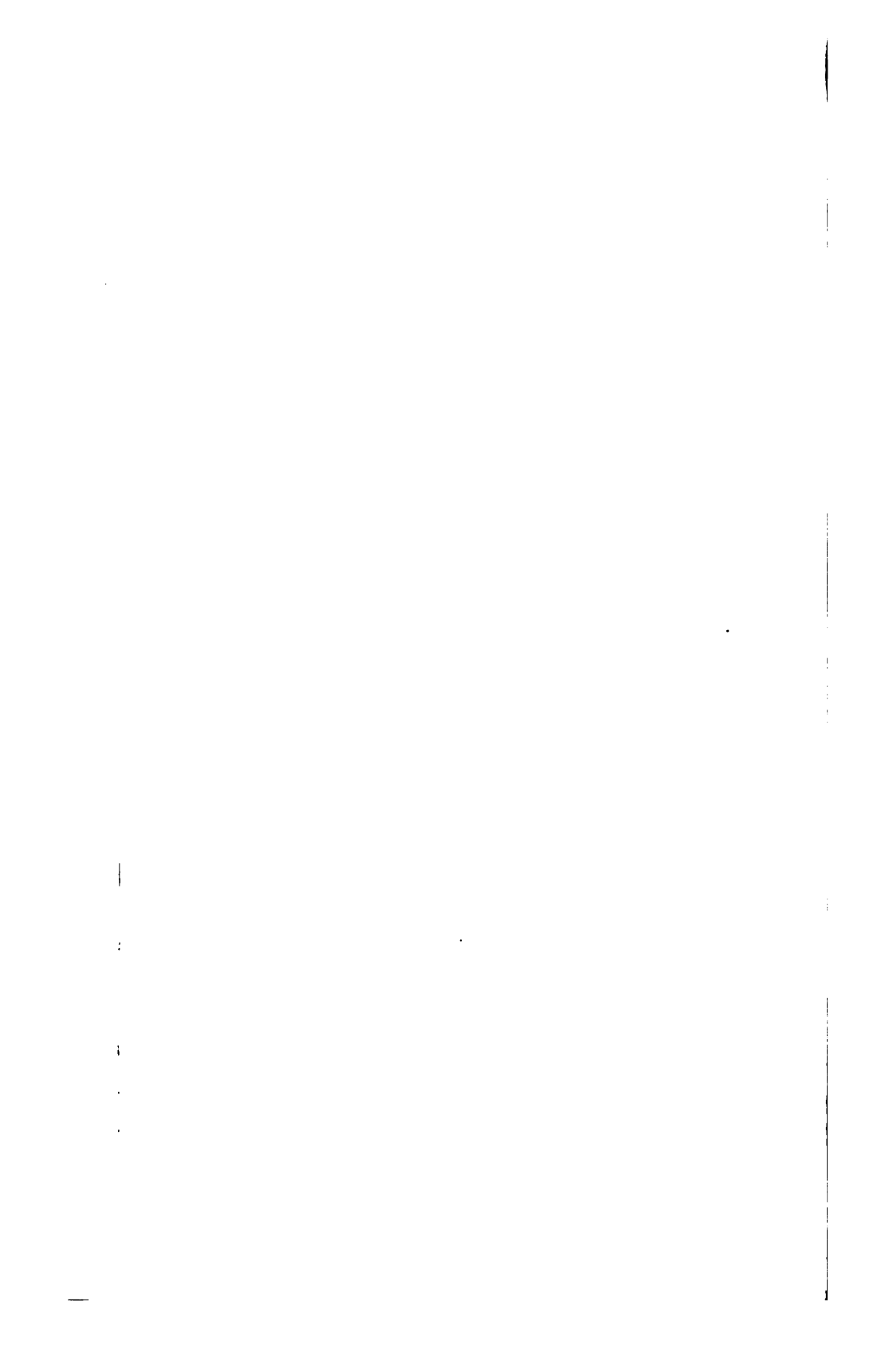
¹⁾ Фиг. 20 вполне представляетъ пластически эти лирическія слова вѣщаго сна Д-го. Она попорчена на стѣнѣ египетскаго храма, но все равно. Въ лучи солнца, въ ихъ середину, прямо въ гущу ихъ—подымается кадильница съ дымомъ, и какой-то предметъ, и на столѣ лежащія древнѣйшіе „хлѣбы предложенія“, эти тонкія лепешки. Все это понятно намъ, ибо уже извѣстно отъ другихъ народовъ, но чего не рассказалъ ни одинъ изъ нихъ—это *чувства солнца къ человеку*. Нигдѣ свѣтило. Ангелъ, *tergae kenitor* (см. внутри его тѣнь) не явлено живымъ и разумѣющимъ и простирающимъ къ человеку руки, какъ здѣсь. Когда я возвращался изъ Кисловодска на сѣверъ, и выглянулъ изъ окна вагона на оставляемый югъ, солнце (вечернее) стояло надъ горизонтомъ на 15—20°. Небо было безоблачно. И вотъ я увидѣлъ, какъ стѣна голубой атмосферы точно разслоилась въ треугольники, вершиною лежаще въ солнцѣ, а широкимъ основаніемъ лежаще на землѣ. Впечатлѣніе какъ-бы частыхъ спицъ міроваго колеса, спицъ-лучей отъ солнца-центра, было не отразимо. Но никому кромѣ какъ египтянамъ не пришло на умъ: вообразить, что лучи эти оканчиваются крошечными деликатными ручками, которыя уже только остается облобызать человеку, когда онѣ ласкаютъ его щеку, ласкаютъ цвѣты его цвѣтниковъ. Тогда вдругъ—міръ очеловѣчился. Какъ на прозрачномъ транспарантѣ, съ водяными знаками, разумный обитатель земли прозрѣлъ разумъ, обитающій во вселенной: и ласка, и любовь, и красота, и мудрость—все есть на землѣ, но болѣе того есть все это въ бездонныхъ глубинахъ неба. Если на фиг. 20 намъ данъ очеркъ культа, то на фиг. 21 мы можемъ всмотрѣться въ

слагать пѣсни другъ о другѣ, и хвалили другъ друга какъ дѣти; это были самыя простыя пѣсни; но онѣ выливались изъ сердца и проникали сердца. Да и не въ пѣсняхъ однѣхъ, а казалось и всю жизнь свою они проводили лишь въ томъ, что любовались другъ другомъ. Это была какая-то влюбленность другъ въ друга, всецѣлая, всеобщая. Иныхъ же ихъ пѣсенъ, торжественныхъ и восторженныхъ, я почти не понималъ вовсе. Понимая слова, я никогда не могъ проникнуть во все ихъ значеніе. Оно оставалось какъ бы недоступно моему уму, зато сердце мое какъ бы прониклось имъ безотчетно и все болѣе и болѣе. Я часто говорилъ имъ, что я все это давно уже прежде предчувствовалъ, что вся эта радость и слава сказывалась мнѣ еще на нашей землѣ зовущей тоскою, доходившею подчасъ до нестерпимой скорби; что я предчувствовалъ всѣхъ ихъ и славу ихъ въ снахъ моего сердца и въ мечтахъ ума моего, что я часто не могъ смотрѣть, на землѣ нашей, на заходящее солнце безъ слезъ... Они слѣшали меня и я видѣлъ, что они не могли представить себѣ то, что я говорю. Да, когда они глядѣли на меня своимъ милымъ проникнутымъ любовью взглядомъ, когда я чувствовалъ, что при нихъ и мое сердце становилось столь-же невиннымъ и правдивымъ, какъ и ихъ сердца, то и я не жалѣлъ, что не понимаю ихъ. Отъ ощущенія полноты жизни мнѣ захватывало духъ и я молча молился на нихъ.

„О, всѣ теперь смѣются мнѣ въ глаза и увѣряютъ меня, что

дѣйствительно прекрасныя и счастливыя лица поклонниковъ: ибо величина изображеній достигаетъ портретности. Черты лица тонки и гнѣжны: о, это не эстеты-греки, не воины-римляне и не носатые еще евреи, такъ надовѣшіе египтянамъ угрюмымъ своимъ характеромъ. „Дѣти солнца, дѣти своего солнца—какъ они были прекрасны“, только и можемъ мы сказать, при взглядѣ на изображеніе. „Храмовъ еще не было“,—пишетъ и Достоевскій, и молитва прямо погружалась въ купу лучей солнца. Сильно развитыя губы показываютъ чувственность (южное солнце), а положеніе головы, разрывъ глазъ и даже самое сложеніе чувственныхъ губъ—резигнацію сердца, ко всему готового, во всемъ покорнаго Солнцу. Плечи и шея господина дома являютъ тонкость арабской лошади; къ ноздрямъ его „ручка солнца“ поднесла крестъ, уже привычный намъ египетскій символъ—жизнь. Такой-же крестъ опускается и къ ноздрямъ его супруги. Она еще юна, а ниже всѣхъ стоящая дочь ея уже сама близка къ возрасту стать супругою. Апись-солнце утормощаетъ развитіе. Слѣдите, въ какой любви переплелись руки всей семьи: какъ мать взяла голову младшей изъ дочерей, и какъ разумный ребенокъ, обернувшись къ ней, благодарно подноситъ руку къ подбородку материнскаго лица. Черезъ ея плечо и спину перекинувъ руку, большой ребенокъ касается локтя младшаго. Такимъ образомъ ни одна часть тѣла не опущена, не спитъ, не тунеядствуетъ: все поднялось на встрѣчу жизни и ушло въ ласку. Сколько касаній въ простой семейной сценѣ: точно каждый футъ воздуха они хотѣли-бы насытить вздохомъ любви, и каждому верхку тѣла своего дать осознать другое тѣло. Все—въ касаніи! и все касающееся—къ Солнцу!! В. Р—ва.

и во снѣ нельзя видѣть такія подробности, какія я передаю теперь, что во снѣ моемъ я видѣлъ или прочувствовалъ лишь одно ощущеніе, порожденное моимъ же сердцемъ въ бреду, а подробности уже самъ сочинилъ проснувшись. И когда я открылъ имъ, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ было—Боже, какой смѣхъ они подняли мнѣ въ глаза и какое я имъ доставилъ веселье! О да, конечно, я былъ побѣжденъ лишь однимъ ощущеніемъ того сна, и оно только одно уцѣлѣло въ до-крови раненомъ сердцѣ моемъ: но зато дѣйствительные образы и формы сна моего, т. е. тѣ, которыя я въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ самый часъ моего сновидѣнія, были восполнены до такой гармоніи, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не въ силахъ былъ воплотить ихъ въ слабыя слова наши.—Но какъ же мнѣ не вѣрить, что все это было? Было, можетъ быть, въ тысячу разъ лучше, свѣтлѣе и радостнѣе, чѣмъ я рассказываю! Пусть это сонъ, но все это не могло не быть. Знаете-ли, я скажу вамъ секретъ: все это, быть можетъ, было вовсе не сонъ! Ибо тутъ случилось нѣчто такое, нѣчто до такого ужаса истинное, что это не могло бы пригрѣзиться во снѣ. Пусть сонъ мой породило сердце мое, но развѣ одно сердце мое въ силахъ было породить ту ужасную правду, которая потомъ случилась со мною? Какъ бы могъ я ее одинъ выдумать или пригрѣзить сердцемъ? Неужели же мелкое сердце мое и капризный, ничтожный умъ мой могли возвыситься до такого откровенія правды! О, судите сами: я до сихъ поръ скрывалъ, но теперь доскажу и эту правду. Дѣло въ томъ, что я... развратилъ ихъ всѣхъ!

* * *

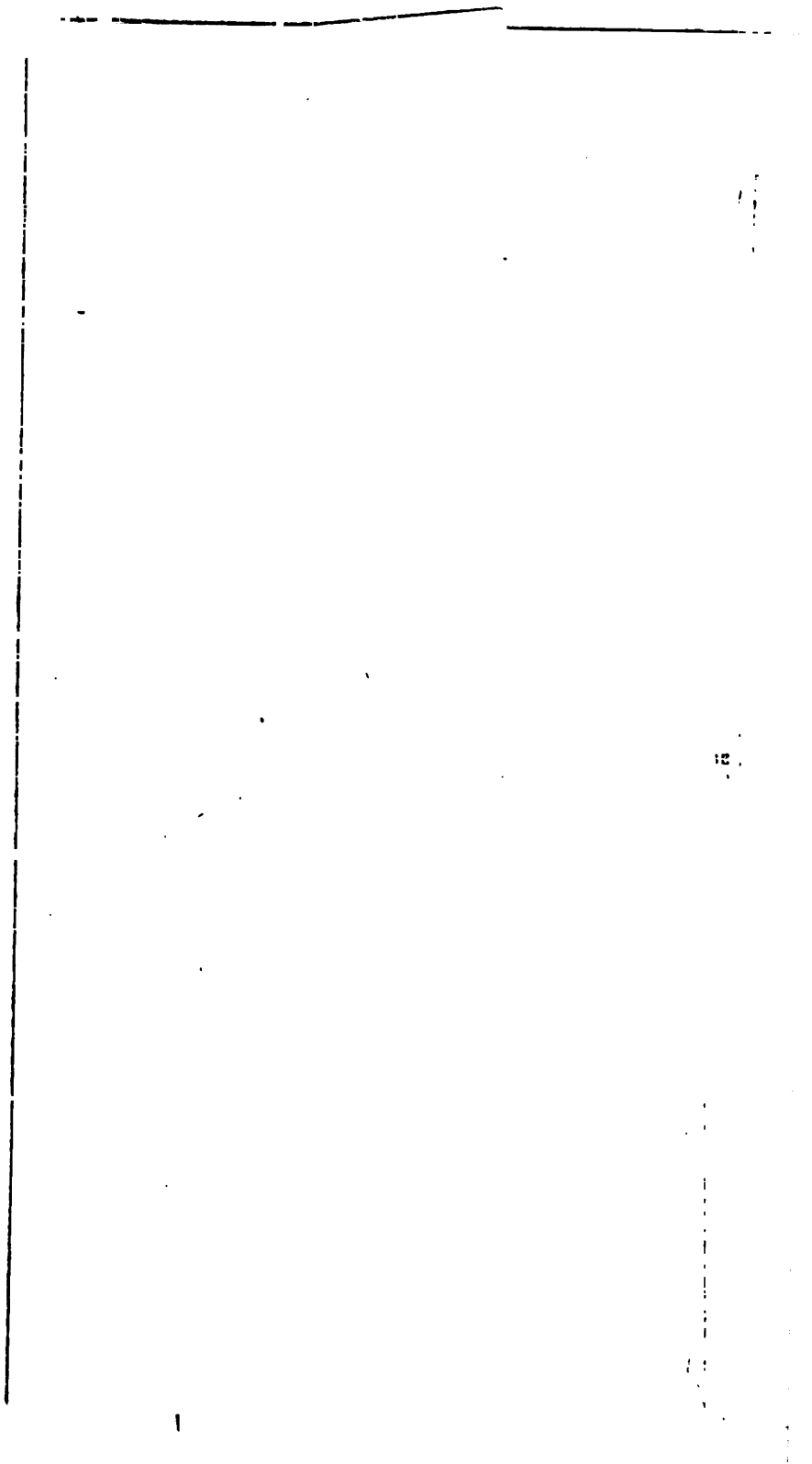
„Да, да, кончилось тѣмъ, что я развратилъ ихъ всѣхъ! Какъ это могло совершиться—не знаю, но помню ясно. Сонъ пролетѣлъ черезъ тысячелѣтія, и оставилъ во мнѣ лишь ощущеніе цѣлаго. Знаю только, что причиною грѣхопаденія былъ я. Какъ скверная трихина, какъ атомъ чумы, заражающій цѣлыя государства, такъ и я заразилъ собой эту счастливую, безгрѣшную до меня, землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, можетъ быть, началась невинно, съ шутки, съ кокетства¹⁾,

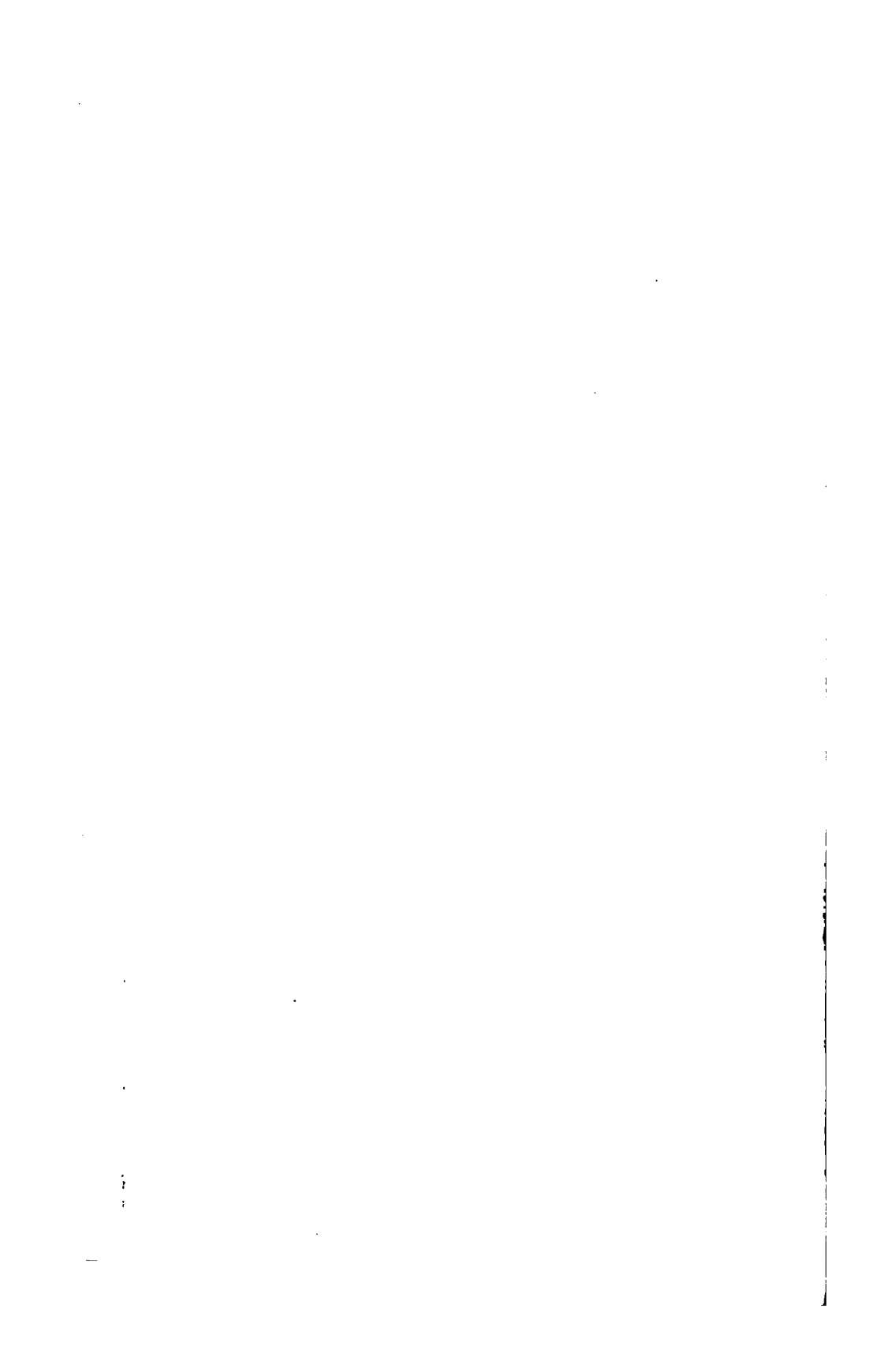
¹⁾ Какая глубина прозрѣнія, что „грѣхъ“ и „азъ“ въ немъ вообще начинается съ чего-то именно *въ отношеніи къ полу*, и именно—*съ отрицательнаго отношенія*, первоначально пожалуй легкаго: напр. съ *шутки, шутливости*. Сліянные въ восторгъ за минуту, юные и добрые существа, послѣ сліянія—вспомнили о немъ въ шуткѣ: и—грѣхъ *начался*. Началась вдругъ наша земля, потемнѣвшая, похолодѣвшая; явился эмбрионъ театровъ, комедій, фарсовъ и сатиры. Проблема возвращенія къ невинности, поэтому, идетъ черезъ задачу: какъ возстановить торжественное и милое, ласковое „изумрудное“ (см. о морѣ въ этомъ рассказѣ), всѣми видимое и никѣмъ не осуждаемое, дѣтское и одновременно животное общеніе половъ. Приблизиться къ дѣтямъ и къ живот-

съ любовной игры, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, съ атома, но этотъ атомъ жи проникъ въ ихъ сердца и понравился имъ. Затѣмъ быстро родилось сладострастіе ¹⁾, сладострастіе породило рев-

нимъ, къ „травкамъ“—это во всякомъ случаѣ сюда шагъ; начать отходить отъ учености, ученыхъ, отъ книги и академіи, однако ничего не теряя въ мудрости „непосредственнаго тайнаго общенія съ міромъ и познанія міра“,—это тоже шагъ не въ сторону. Часто я думаю, что для этого просто надо обниматься съ животными; начать носить ихъ на рукахъ (дѣти вѣчно носятъ кошекъ на рукахъ). Великое дѣло—прилетѣть ухомъ къ груди доброй коровы: новая теплота, новая жизненная теплота, какъ бы не нашей даже планеты, безъ категоріи еще грѣхопаденія. Великому мы можемъ научиться изъ вздоховъ животныхъ. Одна женщина (даже „дама“, жена архитектора) мнѣ рассказывала, какъ ища какой-то квартиры она вошла въ дворницкую и увидя на кровати одинокаго ребенка (а она сама кормила, своего, недавно разрѣшившись отъ бремени)—вынула грудь и накормила его. И смѣшно, а какъ мило. Прониканіе въ невинный или гораздо менѣе насъ виновный животный міръ достигло бы осязательности и дѣйственности, если бы иногда человѣческія матери такъ сказать мѣнялись дѣтенышами съ матерями животныхъ: образовалось бы „молочное родство“, „братья и сестрица“ между козами и людьми, ими же и овцами, и даже съ животными болѣе крупныхъ породъ. Черезъ это мы почувствовали бы животныхъ, ассимилировались бы не ихъ мещему разуму, но ихъ большей добротѣ. Чернильная клякса спервороднаго грѣха потускнѣла бы, пожелтѣла—какъ выцвѣтшія чернила. Подѣйствовало бы это даже сразу, индивидуально—сильно; а въ десятилетияхъ, въ вѣкахъ—чрезмѣрно. Домъ „съ домашними животными“, съ комнатной собакой, кошкой—добрѣе, теплѣе, привѣтливѣе. Будемъ это наблюдать и будемъ изъ этого учиться. В. Р.—въ.

¹⁾ И въ невинномъ состояніи, или у животныхъ, половое общеніе—сладостно, а стало быть влечетъ; и испытывается оно съ физіологической стороны—какъ нами сейчасъ, но съ психологической стороны—совсемъ противоположно: испытывается невинно, какъ ростъ тѣла, или какъ срывъ съ вѣтки земляники первой весенней ягоды. У Геродота написано, что „греки и египтяне первые перестали сообщаться въ храмахъ“; слѣдовательно еще далѣе, за началомъ цивилизаціи, это происходило. Они смотрѣли, еще „не проснувшись отъ первоначальнаго сна“, на половое сліяніе какъ на величайшій феноменъ удивительности; какъ на волшебство, во-первыхъ столь сладкое въ мигъ его, а главное—волшебство, рождающее такое чудное и новое существо какъ дитя. „Точно черезъ 9 мѣсяцевъ еще пришелъ кто-то, и поблагодарилъ за то сліяніе—ребенкомъ“. Естественно люди приучились думать, что половое сліяніе они еще повышаютъ восторженное напряженіе міра, ускоряютъ, но здорово ускоряютъ, пульсъ его; что здѣсь пріятность, въ нихъ самихъ проходящая—есть лишь вторичная и тѣневая, а главная радость этого акта даже и не у нихъ происходитъ, а дальше и выше. Поэтому, замѣтку Геродота мы должны читать такимъ образомъ, что и самые храмы явились у первыхъ людей сперва какъ лиственное, въ рощахъ, въ дѣвятикахъ, въ садахъ окруженіе любви ихъ и любящаго соединенія, а затѣмъ—съ легкими архитектурными прибавленіями, напр. какъ защита отъ палящаго солнца; пока, наконецъ, роща и шалашъ не выросли, не развились въ храмы. Въ позднюю геродотовскую эпоху душа храма уже выносилась или была вынесена изъ него: осталось здѣсь лишь воспоминаніе „о касаніи къ звѣздамъ“, о „шуманіи лепета древесныхъ листовъ“ (см. рассказъ Достоевскаго), которому внимали люди еще до архитектуры, въ дѣвятикахъ и рощахъ, въ

ность¹⁾, ревность — жестокость... О не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивлялись и ужаснулись и стали расходиться, разбегаться. Явились союзы, но уже

дни и ночи любви и влюбленности, удивительной и чудотворной. Уже началось, въ дни Геродота и раньше, затаиваніе любви; человечество (племена) перестали быть одною семьею; явилось „сладострастіе“, какъ удовлетвореніе не насыщеннаго полового голода, какъ бросаніе на жертву его, когда прежде гординка сама подходила къ голубю, и голубь отыскивалъ свою подругу въ стадѣ. Все было также прочно, длительно — какъ у насъ (прочтѣ даже), какъ у голубей, у лебедей (см. въ первомъ томѣ разсказъ г. Н. Энгельгардта), но безъ пути и безъ непремѣннаго, безъ лживыхъ обѣщаній и измѣнъ, безъ „жестокости и ревности“ (см. слова Достоевскаго сейчасъ ниже). В. Р.—въ.

¹⁾ Ревность какъ и стыдъ суть главные стигматы „первороднаго грѣха“. Стыдъ привелъ ко лжи, а ревность родила злобу. Великая тайна любви заключается въ любви къ любви еще другого: чтобы мать хотѣла и всякъ быть матерями (слова Рахили Иакову о Валлѣ, въ „Кн. бытія“) а счастливый супругъ или супруга—видѣть въ супружествѣ и всѣхъ остальныхъ юношей и дѣвушекъ. Влюбленіе порождаетъ доброту и сочувствіе. На этой почвѣ, когда она хорошо вспахана или „не осквернена грѣхомъ“—и возможно полное исчезновеніе ревности какъ индивидуальнаго ограниченія себя въ любви, какъ чувство жестокой собственности въ любви. Въ сущности²⁾, ревности рождается изъ гордости, надменности, „оскорбленнаго самолюбія“, и лишь очень немного, ^{1/10}, рождается отъ любви. ^{2/3} „исключительности“ и была всегда, и всегда она сохраняется, а тянется, пока тянется голубое влюбленіе двухъ сторонъ, когда условия для ревности нѣтъ, измѣна невозможна. А когда создаются обстоятельства для ревности—любви уже нѣтъ, а остается одно самолюбіе („Цыганы“ Пушкина). Такимъ образомъ ревность есть нагаръ на обвѣщаніи цивилизаціи, копотный, не свѣтящій, мучительный. Въ „Дни Карениной“ не только самъ Толстой и всѣ его критики, но вся Россія назвала самымъ нравственнымъ мѣстомъ, какъ-бы чудомъ нравственности, ту страницу, гдѣ старикъ Каренинъ беретъ на руки и винчтитъ ребенка, рожденнаго его женою отъ Вронскаго. Всѣ это назвали „чудомъ“, какъ-бы „съ того свѣта“, и Вронскій заплакалъ: „жестокость сладострастія“ исчезла въ немъ, исчезнувъ предварительно въ старикъ-мужъ какъ „ревность“. Но что-же далѣе? какъ далѣе? Силъ Толстого хватило только на страницу этого видѣнія; Достоевскій вытянулъ его далѣе, въ разсказъ цѣлаго „Сна смѣшнаго человѣка“. Можетъ быть у изстрадавшагося человечества, измученнаго, хватить силъ продолжить еще далѣе, видя, что „ревность“ и „жестокость“ ничего не сдумали поправить въ любви. Но главное—новое сердце! Когда мужъ, „старый и опозоренный“ (теперешняя терминологія, „difficile“ Каренина)—обнимется съ „любовникомъ“ (грубый теперешній терминъ) жены своей, а на самомъ дѣлѣ—съ ея возлюбленнымъ, съ возлюбленнымъ ея, который оживилъ ея силы къ новой всѣмъ—обнимется и, какъ дѣлають арабы въ пустынѣ, „усталому омоетъ усталыя ноги какъ гостю дома своего“: то ни жена никогда жестоко не оттолкнетъ его отъ себя, ни юный возлюбленный никогда не переступитъ черты сыновней покорности и цѣлованія руки у старика своего совмѣстителя. Жена въ отношеніи къ нему какъ-бы преобразуется въ дочь, а онъ—въ зятя: семья не разрушается, а всыхиваетъ новыми, всѣми тремя не испытанными чувствами: и вечеръ дня (старикъ) привѣтствуетъ утро другого новаго дня, „они-же (слова Достоевскаго) не могли смотрѣть безъ слезъ на закатъ солнца“. т. е. старый и пощадившій ихъ

другъ противъ друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыдъ ¹⁾ и стыдъ возвели въ добродѣтель. Родилось понятіе о чести и въ каждомъ союзѣ поднялось свое знамя. Они стали мучить животныхъ ²⁾ и животныя удалились отъ нихъ въ лѣса и стали нить врагами. Началась борьба за разъединеніе, за обособленіе, за личность, за мое и твое. Они стали говорить на разныхъ языкахъ. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мученія и говорили, что Истина достигается лишь мученіемъ. Тогда у нихъ явилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братствѣ ³⁾ и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрѣли справедливость ⁴⁾ и предписали себѣ цѣлые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обезпеченія кодексовъ поставили эшафотъ. Они чуть-чуть лишь помнили о томъ, что по-

человѣкъ, пѣть, болѣе: *полюбишій ихъ любовь*—становится самымъ дорогимъ въ мірѣ для нихъ (юныхъ любовниковъ) существомъ. почти дрожащимъ, чѣмъ они сами другъ для друга! И въ этой дѣтской ихъ любви къ себѣ они найдутъ неизмѣримо высшее счастье, чѣмъ какое находилъ прежде въ ласкахъ жены своей: ибо *отцовство*—не менѣе глубоко и блаженно нежели супружество. Такимъ образомъ кровь не брызаветъ (какъ теперь), но любовь подымется къ небу, къ звездамъ; изъ за забора, гдѣ скрывалась семья кусточекъ, подымется семья-пальма семья-баобаба, неразрушимая для стихій, вѣчная, всеобъемлющая. И такъ разрастающаяся преобразуется въ семью-племя, въ плодящійся народъ, подобный множествомъ стволовъ при единствѣ кроны и корня въ бѣской смоковницѣ. „Каждый гость въ дому моемъ дорогъ мнѣ: но я который оставляетъ сѣмя свое дочадицѣ моей или служанкѣ, или сестрѣ, или дочери, еще не познавшимъ мужа—есть побратимъ мой и родственникъ, завѣтный мнѣ человѣкъ: и отнынѣ я отдамъ кровь свою за него“. Но, конечно: все это возможно когда родится въ человѣкѣ совершенно *новое сердце*. В. Р—въ.

¹⁾ Поразительна эта истина и въ рассказѣ Д—го, что съ *стыда* начинается *грѣхъ*. Глубина обрѣзанія (у евреевъ) и заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что имъ снимался *упрекъ* и *осужденіе* (возможныя) съ *genital'ia*, а слѣдовательно и снимался стыдъ съ точки всемірной стыдливости. Обрѣзаніе снимаетъ „кожаное препоясаніе“ съ Адама.—и снова вводитъ его въ Эдемъ. Этотъ Эдемъ—семья: черезъ нее открывается, что все и течетъ въ бытіи своемъ и въ благѣ своемъ изъ *genital'ia*, хотя они были у народовъ „въ презрѣнны, и никакого вида не имѣли, и были всеѣмъ въ поношеніе“. Все ихъ порицаютъ, въ грѣхопадѣніи, не обращая вниманія, что все изъ нихъ текутъ, и все отъ нихъ пьютъ блага свѣта своего и теплоты своей (семейный союзъ, дѣтскія радости, позднѣйшая любовь выросшихъ дѣтей). Поразительно, что въ грѣхопадѣніи самый центръ осужденія палъ на *genitalia*: когда явно *безъ нихъ*—ничего бы не было. „ежа есть“, и не было бы главной добродѣтели на землѣ, тихаго и лучшаго на ней благочестія—между-семейныхъ отношеній (мужъ и жена, родители и дѣти, братья и сестры, дѣды и внуки, зятя и невѣстки, свекрови и тести). В. Р—въ.

²⁾ Поразительна вся исторія грѣха. Это въ самомъ дѣлѣ—психологія и законъ причинности въ ступеняхъ грѣхопадѣнія. Здѣсь Д—кій пишетъ какъ-бы священный текстъ. В. Р—въ.

³⁾ Да—все такъ и было. О, это священный текстъ. В. Р—въ.

⁴⁾ Именно—такъ. Дѣти, еще не преступники, и „справедливости“ не знаютъ: а спокойно пользуются каждый всеѣмъ, и живутъ въ родитель-

теряли, даже не хотѣли вѣрить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смѣялись даже надъ возможностью этого прежнего ихъ счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себѣ въ формахъ и образахъ, но, странное и чудесное дѣло: утративъ вѣру въ бывшее счастье, назвавъ его сказкой, они до того захотѣли быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали передъ желаніями сердца своего, какъ дѣти. обоготовили это желаніе, настроили храмовъ и стали молиться своей же идѣе, своему же „желанію“, въ то же время вопли вѣру въ неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И, однако, еслибъ только могло такъ случиться, чтобъ они возвратились въ то невинное и счастливое состояніе, которое они утратили, и еслибъ кто вдругъ имъ показалъ его вновь и спросилъ ихъ: хотить-ли они возвратиться къ нему?— то они навѣрно бы отказались. Они отвѣчали мнѣ: „пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаемъ это и плачемъ объ этомъ, и мучимъ себя за это сами, и истязаемъ себя и наказываемъ больше, чѣмъ даже, можетъ быть, тотъ милосердный Судья, Который будетъ судить насъ и имени Котораго мы не знаемъ. Но у насъ есть наука и черезъ нее мы отыщемъ вновь Истину, но примемъ ее уже сознательно. Знаніе выше чувства, *сознаніе жизни— выше жизни*. Наука дастъ намъ премудрость, премудрость откроетъ законы, а знаніе законовъ счастья— выше счастья. Вотъ что говорили они, и послѣ словъ такихъ каждый возлюбилъ себя больше всѣхъ, да и не могли они иначе сдѣлать. Каждый сталъ столь ревнивъ къ своей личности ¹⁾, что изъ всѣхъ силъ старался лишь унижить и умалить ее ²⁾ въ другихъ; и въ томъ жизнь свою полагалъ. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнѣйшимъ, съ тѣмъ только, чтобъ тѣ помогали имъ давить еще слабѣйшихъ, чѣмъ они сами. Явились праведники, которые приходили къ этимъ людямъ со слезами и говорили имъ объ ихъ гордости, о потерѣ мѣры и гармоніи, объ утратѣ ими стыда. Надъ ними смѣялись или побивали ихъ камнями. Святая кровь лилась на порогахъ

скомъ дому, какъ въ „собственномъ“ мѣрѣ. вмѣстѣ и ихнемъ и не ихнемъ. „Все не мое, но какъ бы мое. и это — лучше, чѣмъ еслибы было мое“. В. Р—аъ.

¹⁾ Замѣчательно вторичное упоминаніе, что въ „личномъ началѣ“, оно-же есть начало разъединенія, разграниченія людей, вообще скрыть одинъ изъ устоевъ „первороднаго“, очень сложнаго „грѣха“. В. Р—аъ.

²⁾ Для этого ведутся войны. Мы только не замѣчаемъ, что *всѣ* войны начались и продолжаются изъ-за „чувства оскорбленнаго достоинства“, по началу *личному* и *гордому*—и это есть продолженіе „крови, брызнувшей первоначально изъ ревности“. Такимъ образомъ половая ревнивость есть никому неизвѣстный прародитель и войны (=одно чувство, раздѣленія моего и твоего, и самолюбія личности). В. Р—аъ.

храмовъ. Зато стали появляться люди, которые начали придумывать, какъ бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому не переставалъ любить себя больше всѣхъ, въ то же время не мѣшать никому другому, и жить такимъ образомъ всѣмъ вмѣстѣ какъ бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны поднялись изъ за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣка соединиться въ согласное и разумное общество, а потому пока для ускоренія дѣла „премудрые“ старались поскорѣе истребить всѣхъ „непремудрыхъ“ и не понимающихъ ихъ идею, чтобы они не мѣшали торжеству ея. Но чувство самосохраненія стало быстро ослабѣвать, явились гордцы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для пріобрѣтенія всего прибѣгалось къ злодѣйству, а если оно не удавалось—къ самоубійству. Явились религіи съ культомъ небытія¹⁾ и саморазрушенія ради вѣчнаго успокоенія въ ничтожествѣ. Наконецъ, эти люди устали въ безмысленномъ трудѣ, и на ихъ лицахъ появилось страданіе, и эти люди провозгласили, что страданіе есть красота, ибо въ страданіи лишь мысль. Они воспѣли страданіе въ пѣсняхъ своихъ²⁾. Я ходилъ между ними ломая руки и плакалъ надъ ними, но любилъ ихъ, можетъ быть, еще больше чѣмъ прежде, когда на лицахъ ихъ еще не было страданія и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбилъ ихъ оскверненную ими землю еще больше, чѣмъ когда она была раемъ, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, я *всегда любилъ горе и скорбь, но лишь для себя, для себя*, а объ нихъ я плакалъ, жалѣя ихъ. Я простиралъ къ нимъ руки, въ отчаяніи обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорилъ имъ, что все это сдѣлалъ я, я одинъ; что это я имъ принесъ развратъ, заразу и ложь! Я умолялъ ихъ, чтобы они раскили меня на крестѣ, я училъ ихъ, какъ сдѣлать крестъ”

¹⁾ Народная этого форма—аскетизмъ, интеллигентная—ученія Бу и Шопенгауэра, вообще пессимизмъ, этотъ „первородный грѣхъ“ ч. В. Р—въ.

²⁾ Отсюда (ниже) начинается самая поразительная часть „исповѣданія великаго грѣшника“. В. Р—въ.

Handwritten text, possibly a signature or initials, consisting of several dark, irregular strokes.

11

3 2044 011 263 050

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413**

WIDENER
DEC 24 1996
BOOK DUE

WIDENER
DEC 22 1999
BOOK DUE

